

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

ДИАЛОГИ И КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

XXI Международные Лихачевские научные чтения
25–26 мая 2023 года

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина
«Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева»
№ 587 от 23 мая 2001 года

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

К 300-летию Российской академии наук

ДИАЛОГИ И КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

XXI Международные Лихачевские научные чтения
25–26 мая 2023 года

*Данные Чтения (первоначальное
наименование — «Дни науки
в СПбГУП») — двадцать девятые по счету
и двадцать первые — в статусе
Международных Лихачевских научных чтений*

*Чтения проводятся в соответствии с Указом
Президента РФ В. В. ПУТИНА
«Об увековечении памяти
Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА»
№ 587 от 23 мая 2001 г.*

Санкт-Петербург
2024

Научный редактор материалов пленарного заседания, панельной дискуссии и 1-й секции

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции

Научные редакторы материалов секций:

2-я секция — **Е. А. Ильинская**, заместитель заведующего кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП по учебной работе, доктор культурологии, профессор; **О. Ю. Юхнина**, заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат искусствоведения, доцент;

3-я секция — **Н. В. Маслова**, заместитель заведующего кафедрой экономики и управления СПбГУП по научной работе, кандидат экономических наук, доцент;

4-я секция — **Г. М. Бирженюк**, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный профессор СПбГУП; **Д. В. Лобок**, доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат исторических наук;

5-я секция — **М. В. Созинова**, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент; **А. А. Мельникова**, профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии;

6-я секция — **Л. А. Пасешникова**, первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук, Почетный профессор СПбГУП;

З. Н. Каландаришвили, заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Д44 **Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г.** — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2024. — 548 с., ил. — ISBN 978-5-7621-1266-6. — Текст : непосредственный.

В сборнике опубликованы материалы XXI Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 25–26 мая 2023 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина № 587 от 23 мая 2001 года «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». В XXI Чтениях приняли участие представители 11 стран мира.

Среди 164 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены Российской академии наук: А. А. Акаев, Ал. А. Громько, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, Ж. Т. Тощенко, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев и др.; руководители академических институтов и исследовательских центров, преподаватели вузов, известные государственные и общественные деятели, представители СМИ: член Госсовета РФ, председатель ФНИПР М. В. Шамаков, первый зам. председателя Комитета Совета Федерации РФ по международным делам А. И. Денисов, первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по культуре Е. Г. Драпеко, зам. руководителя фракции «Единая Россия» в Госдуме РФ А. К. Исаев, ректор Дипломатической академии МИД РФ А. В. Яковенко, директор Департамента информации и печати МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ М. В. Захарова, судья Конституционного Суда РФ (2000–2020) Н. С. Бондарь, директор Высшей школы перевода МГУ, академик Н. К. Гарбовский, первый зам. гендиректора информагентства России «ТАСС» М. С. Гусман, председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга А. С. Максимов и др.

В числе иностранных авторов сборника — зам. министра информации Беларуси И. И. Бузовский, президент Международного института мира GIPRI (Швейцария) Г. Галис, международный эксперт (Филиппины) Х. М. Де Вега, почетный сотрудник Австралийского национального университета Э. Кевин, президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия» Г. Меттан, Чрезвычайный и Полномочный Посол Ирана в РФ (2013–2019) М. Санаи; профессора: С. Атлагич (Сербия), Ч. Годдард (Великобритания), Г. Кёхлер (Австрия), О. Роккло (Франция), Я. Стоксет (Норвегия) и др.

Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент России Владимир Путин: этот научный форум «отличают насыщенная повестка, заинтересованное участие известных ученых и политиков, общественных деятелей, представителей культуры и искусства. Это позволяет вести продуктивный диалог по важнейшим проблемам современности, предметно обсуждать пути их решения, учитывать весь спектр мнений».

ББК 72

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить начиная с 2001 года две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

**Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН**

Москва, Кремль

23 мая 2001 года, № 587

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые друзья!

Поздравляю вас с открытием юбилейных XX Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов ваших встреч уже стало доброй традицией. Отмечу, что Лихачевские чтения отличаются насыщенной повесткой, заинтересованное участие известных ученых и политиков, общественных деятелей, представителей культуры и искусства. Это позволяет вести продуктивный диалог по важнейшим проблемам современности, предметно обсуждать пути их решения, учитывать весь спектр мнений. И потому Лихачевские чтения привлекают неизменное внимание экспертов, самой широкой аудитории.

Рассчитываю, что нынешний форум, посвященный международным вопросам, послужит развитию плодотворных гуманитарных связей, укреплению взаимопонимания между странами и народами. И конечно, станет еще одним вкладом в сбережение и дальнейшее изучение богатейшего творческого, духовного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, чьи гуманистические идеи сегодня особенно актуальны и востребованы.

Желаю вам результативного общения и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

9 июня 2022 года

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XIX Международных Лихачевских научных чтений.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев уделял большое внимание Санкт-Петербургскому Гуманитарному университету профсоюзов, был почетным доктором прославленного вуза. И потому символично, что ваши встречи проходят именно здесь, в СПбГУП, и по праву считаются значимым событием в жизни Северной столицы и всей страны.

Отмечу, что в работе форума традиционно принимают участие известные ученые и политики, деятели культуры и искусства, представители СМИ. Их содержательные доклады и подчас острые дискуссии неизменно вызывают широкий общественный резонанс, служат делу развития идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, которые и сегодня не утратили своей актуальности.

Уверен, что Лихачевские чтения и впредь будут выполнять высокую миссию, нацеленную на укрепление гуманитарного сотрудничества, упрочение дружбы и взаимопонимания между людьми.

Желаю вам успехов, интересного и полезного общения.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

23 мая 2019 года

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XVII Международных Лихачевских научных чтений.

Ваши встречи давно уже стали значимым, ожидаемым событием в общественной жизни Санкт-Петербурга и всей страны. Отрадно, что все эти годы организаторы и участники Чтений сохраняют сложившиеся традиции, уделяют самое серьезное внимание важным, стержневым проблемам развития цивилизации и диалога культур. Следуют заветам великого гуманиста и просветителя Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Уверен, что и нынешний форум пройдет в творческом, созидательном ключе, запомнится интересными, продуктивными дискуссиями, неформальной и по-настоящему дружеской атмосферой.

Желаю вам успехов.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

18 мая 2017 года

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия Международных Лихачевских научных чтений, которые на протяжении многих лет проходят в нашей Северной столице.

Ваш авторитетный форум, собирающий элиту российской и мировой интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры, стал по-настоящему большим событием и замечательной традицией в общественной, духовной жизни страны. Важно, что в повестке встреч – всегда наиболее актуальные гуманитарные, цивилизационные проблемы, имеющие исключительное значение для настоящего и будущего России.

Сегодня вам предстоит обсудить такую фундаментальную тему, как «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», обменяться опытом, подвести итоги совместных проектов. Уверен, предложения и рекомендации, выработанные в ходе Чтений, послужат бережному сохранению отечественного культурного наследия, делу развития гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам плодотворных, взаимополезных дискуссий, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

16 мая 2016 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием XII Лихачевских чтений.

Ваш форум – это значимое событие в общественной жизни России и целого ряда зарубежных стран. Он традиционно собирает представителей научной и творческой интеллигенции, авторитетных экспертов.

В эпоху глобализации вопросы расширения диалога культур, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве приобретают особое значение, убедительно свидетельствуют, что гуманистические идеи академика Д. С. Лихачева, выдающегося российского просветителя и общественного деятеля, актуальны и в наши дни.

Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей встречи, будут востребованы на практике.

Желаю вам новых успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

17 мая 2012 года

Уважаемые друзья!

Приветствую участников, организаторов и гостей XI Международных Лихачевских чтений!

Ваш форум, по традиции собирающий в Санкт-Петербурге цвет российской интеллигенции, видных ученых и общественных деятелей из других стран, – неординарное, заметное событие в международной научной и культурной жизни. Важно, что тематика Чтений неизменно отражает актуальные и наиболее острые гуманитарные проблемы, главные из которых – развитие диалога культур и цивилизаций в современном мире, укрепление духовно-нравственных основ общества. И, конечно, в числе ваших приоритетных задач – сохранение бесценного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, которое с годами не утратило своей значимости и актуальности.

Желаю вам плодотворных и конструктивных дискуссий, интересных и полезных встреч.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

5 мая 2011 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге на юбилейных X Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

Уверен, что и сегодняшняя встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним важным шагом в развитии межконфессионального и межнационального общения, послужит сближению наро-

дов. И, конечно, вновь соберет целую плеяду известных людей – ученых, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции – всех, кому близки взгляды и идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

11 мая 2010 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознавать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

22 мая 2008 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева – неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

25 мая 2006 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума – это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

20 мая 2004 года

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

21 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XXI МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Организаторам, участникам и гостям XXI Международных Лихачевских научных чтений

Дорогие друзья!

Приветствую вас на XXI Лихачевских чтениях. Этот авторитетный научный форум играет значимую роль в развитии гуманитарных связей, упрочении доверия и взаимопонимания между народами. Он ежегодно собирает известных ученых, общественных деятелей, экспертов.

Сегодня на повестку вынесены вопросы, связанные с повышением эффективности экономики, совершенствованием отечественной системы образования, укреплением традиционных ценностей. Все это актуальные задачи, от решения которых во многом зависит будущее нашей страны.

Важно, чтобы все конструктивные предложения были реализованы в интересах людей.

Желаю плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Государственной Думы Федерального собрания
Российской Федерации

В. В. ВОЛОДИН

Москва, 25 мая 2023 года

Организаторам, участникам и гостям XXI Международных Лихачевских научных чтений!

Уважаемые организаторы, участники и гости XXI Лихачевских чтений!

Приветствую вас на открытии ежегодного международного научного форума.

Лихачевские научные чтения всегда отличает насыщенная и актуальная повестка. Участниками дискуссий становятся известные ученые и политики, деятели культуры и искусств.

В этом году участники Чтений обсудят вопросы многополярного мироустройства, противостояние традиционных ценностей «новой этике» коллективного Запада, место России в условиях динамично меняющегося мира.

С 2001 года Чтения превратились в один из крупнейших международных форумов ученых-гуманитариев, результаты которого предлагают всему миру пути решения актуальных проблем современности.

Желаю вам плодотворного обсуждения намеченных вопросов, дальнейшего развития Чтений как действенной формы пропаганды идей Дмитрия Сергеевича Лихачева и приобщения к ним широких кругов отечественной и мировой общественности.

Первый заместитель Руководителя Администрации
Президента Российской Федерации

С. В. КИРИЕНКО

Москва, 24 мая 2023 года

Организаторам, участникам и гостям XXI Международных Лихачевских научных чтений

Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей XXI Международных Лихачевских научных чтений.

За долгие годы форум утвердился в качестве важной дискуссионной площадки, ежегодно собирающей в Северной столице видных деятелей научных, экспертных, общественных, политических кругов из разных стран. Залог успеха – насыщенная повестка дня, посвященная обсуждению актуальных вопросов культурно-цивилизационного развития. В нынешней турбулентной ситуации такой всесторонний деполитизированный обмен мнениями приобретает особое значение.

Отрадно, что по традиции в Чтениях активно участвуют представители аккредитованного в России дипломатического корпуса. Со своей стороны мы готовы и далее оказывать этому всемерное содействие.

Убежден, что нынешняя встреча послужит продвижению международных гуманитарных связей, укреплению взаимопонимания между странами и народами. И, конечно, внесет полезный вклад в сбережение и популяризацию богатейшего интеллектуального наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам интересных дискуссий и всего самого доброго!

Министр иностранных дел Российской Федерации

С. В. ЛАВРОВ

Москва, 25 мая 2023 года

Организаторам, участникам и гостям XXI Международных Лихачевских научных чтений

Дорогие друзья!

От имени Министерства культуры Российской Федерации позвольте сердечно приветствовать вас на XXI Международных Лихачевских научных чтениях!

Мероприятие – яркое свидетельство актуальности идей Дмитрия Сергеевича Лихачева и в наши дни. Одновременно это и проявление стремления развивать его идеи, использовать их в современных исторических условиях. Каждые Чтения включают в себя широкую и насыщенную программу, в рамках которой проводятся продуктивные встречи и дискуссии, затрагиваются аспекты культурной повестки.

Участие в форуме принимают выдающиеся эксперты. Но ценно еще и то, что в контекст Чтений вовлечено большое количество школьников из больших и малых городов и сел нашей страны.

Трудно переоценить научное и нравственное значение Д. С. Лихачева для России. Имя академика неразрывно связано с историей и культурой Санкт-Петербурга.

Желаю всем плодотворной работы, интересных встреч и дальнейших успехов!

Министр культуры Российской Федерации

О. Б. ЛЮБИМОВА

Москва, 24 мая 2023 года

Участникам XXI Международных Лихачевских научных чтений

Глубокоуважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени Российской академии наук и от себя лично сердечно приветствую всех участников XXI Международных Лихачевских научных чтений.

У данного научного форума, традиционно собирающего в Санкт-Петербурге цвет российской интеллигенции, видных ученых и общественных деятелей, заслуженно высокий статус. Он проводится по Указу Президента России В. В. Путина от 23 мая 2001 года № 587 «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева».

Тематика нынешних чтений «Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире» весьма точно отражает актуальную на сегодня повестку дня. На нынешнем переломном этапе мирового развития очевидна потребность в обновленной модели международных отношений, и особенно важной становится задача поддержания оптимального баланса между самобытностью культур и цивилизаций и их открытостью к диалогу и взаимобогащению. Примечательно, что именно эти принципы взаимодействия культур развивал и отстаивал в своем научном творчестве и общественной деятельности наш великий современник, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев.

В XXI Международных Лихачевских чтениях участвуют ученые, работающие в самых различных областях и направлениях, что служит воплощением многогранности интересов Д. С. Лихачева, всегда ратовавшего за интеграцию научных знаний.

Нет сомнений в том, что идеи и предложения, высказанные в ходе Чтений, послужат популяризации гуманистических ценностей, развитию диалога культур и укреплению взаимопонимания между народами.

Желаю всем участникам XXI Международных Лихачевских научных чтений созидательной работы и интересного, творческого общения.

Президент Российской академии наук, академик

Г. Я. КРАСНИКОВ

Москва, 25 мая 2023 года

Участникам и гостям XXI Международных Лихачевских научных чтений!

Уважаемые друзья!

От имени многомиллионного российского профсоюзного движения, объединяющего наиболее сознательных и беспокоящихся о будущем нашей страны трудящихся, сердечно приветствуем всех участников XXI Международных Лихачевских научных чтений!

Современный мир стоит на пороге глобальных изменений, которые порождены разрушением сложившейся после Второй мировой войны конструкции международных отношений. Мы нисколько не сомневаемся, что Россия

не только выдержит выпавшие на ее долю испытания, но и сможет занять достойное место в меняющемся глобальном мире.

Наш с вами уникальный научный форум призван находить ответы на вопросы формирования эффективной стратегии развития России в глобальном мире, защиты ее культурных ценностей.

ФНПР гордится тем, что наш профсоюзный вуз, организуя Чтения, достойно выполняет поручение Президента РФ Владимира Путина по увековечению памяти академика Д. С. Лихачева.

Искренне желаем участникам XXI Международных Лихачевских научных чтений плодотворной и конструктивной работы и новых творческих успехов!

Член Государственного Совета РФ,
председатель Федерации независимых профсоюзов России

М. В. ШМАКОВ

Москва, 22 мая 2023 года

Участникам, организаторам и гостям XXI Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас на XXI Международных Лихачевских научных чтениях!

Более двух десятилетий масштабный форум традиционно объединяет в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов представителей науки, власти и общественности, становится площадкой для обсуждения наиболее важных гуманитарных вопросов современности.

Это значимое в культурной жизни нашего города и страны мероприятие ежегодно собирает свыше полутора тысяч участников из разных государств. Его программа включает вопросы, имеющие ключевое значение для настоящего и будущего нашей Родины.

В соответствии с темой Чтений 2023 года – «Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире» – особую ценность и звучание приобретают слова выдающегося ученого и просветителя Дмитрия Сергеевича Лихачева о судьбе и роли России в мировом социокультурном пространстве.

Уверен, очередные Лихачевские чтения послужат укреплению международного сотрудничества, реализации новых просветительских проектов.

Желаю всем успешной и плодотворной работы и всего наилучшего!

Губернатор Санкт-Петербурга

А. Д. БЕГЛОВ

Санкт-Петербург, 25 мая 2023 года

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина № 587 от 23 мая 2001 г. «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева»).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России.

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Диалог культур в условиях глобализации», «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации», «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего», «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости», «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка», «Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, И. О. Абрамова, А. А. Акаев, Г. А. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, С. Ю. Глазьев, М. К. Горшков, Р. С. Гринберг, Ан. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, А. С. Запесоцкий, Т. И. Заславская, М. П. Кирпичников, М. И. Клеандров, Г. Б. Клейнер, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, В. А. Мартынов, В. В. Миронов, Н. Н. Моисеев, В. В. Намумкин, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, Б. Г. Юдин, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Н. К. Гарбовский, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, Ю. П. Зинченко, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, О. Е. Лебедев, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: П. Бюльбюль оглы, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гагилов, Ал. А. Громыко, М. С. Гусман, А. И. Денисов, Е. Г. Драпеко, К. Ф. Затулин, М. В. Захарова, А. К. Исаев, С. Л. Катанандов, К. И. Косачев, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, В. И. Матвиенко, А. А. Панкин, В. Н. Плигин, Г. М. Резник, К. О. Ромодановский, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев и др.; деятели культуры и искусства: М. К. Аникушин, Н. В. Буров, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшекласников России (с 2014 г. — Международный форум старшекласников), на который собираются победители ежегодного конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России осуществляется Дипломатическая программа Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

В 2001, 2004, 2006, 2009–2012, 2016, 2017, 2019, 2022 годах организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации В. В. Путин и Д. А. Медведев, в 2008, 2010–2019 годах — Председатели Правительства РФ.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются соответствующие сборники. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира.

Материалы Чтений представлены и на научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	4
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XXI МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	8
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка)	11
Пленарное заседание	
ДИАЛОГИ И КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	
ДОКЛАДЫ:	
А. А. АКАЕВ , Президент Киргизской Республики (1990–2005), академик Академии наук Киргизской Республики, иностранный член РАН, ведущий научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор ПЕРЕХОД К НОВОМУ МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРОУСТРОЙСТВУ — ТОЧКА БИФУРКАЦИИ ПРОЙДЕНА	26
С. АПЛАГИЧ , профессор факультета политических наук Белградского университета (Сербия), доктор политических наук ЧТО НАМ НУЖНО ОТ РОССИИ? Сербский взгляд на роль России на Балканах в начале XXI века	31
Д. О. БАБИЧ , журналист, обозреватель агентства «РИА Новости» (Москва), член Союза журналистов России МЕЖДУНАРОДНАЯ ЮСТИЦИЯ ПРОТИВ РОССИИ: ИСТОРИЯ, НАСТОЯЩЕЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ	34
Н. С. БОНДАРЬ , судья Конституционного Суда РФ (2000–2020), заведующий Центром судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ КОНФЛИКТ КУЛЬТУР СОВРЕМЕННЫХ СУДЕБНО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ?	35
И. И. БУЗОВСКИЙ , заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ БЫТИЯ	39
Г. ГАЛИС , президент Международного научно-исследовательского института мира в Женеве (GIPRI, Швейцария) К БОЛЬШОЙ СВОБОДНОЙ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ	45
Н. К. ГАРБОВСКИЙ , директор Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова, академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО, доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	49
Ч. ГОДДАРД , профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), магистр наук (строительное право), бакалавр архитектуры (Великобритания) ДИАЛОГИ И КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	53
Ал. А. ГРОМЫКО , директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН ЦИКЛИЧНОСТЬ ИСТОРИИ И НОВЫЙ «ЗАКАТ ЕВРОПЫ»	56
А. А. ГУСЕЙНОВ , директор Института философии РАН (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП ФИЛОСОФИЯ И ИДЕОЛОГИЯ (К столетию «философского парохода»)	58
Х. М. Д. ДЕ ВЕГА , профессор кафедры философии и гуманитарных наук Института искусств, образования и наук Национального университета Филиппин (Манила), кандидат наук, магистр философии К ВОПРОСУ О ГЛОБАЛЬНОМ БАЛАНСЕ СИЛ, РОССИЯ ПРОТИВ НАТО И ОБ ОПАСНОСТЯХ И НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ОДНОПОЛЯРНОСТИ: В ЗАЩИТУ МНОГОПОЛЯРНОСТИ	61

А. А. ДМИТРИЕВА , профессор кафедры искусствovedения СПбГУП, доктор искусствovedения ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ КАК ХРАНИТЕЛЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН	67
Е. Г. ДРАПЕКО , первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ	69
А. К. ИСАЕВ , заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной Думе Федерального собрания РФ (Москва), депутат Госдумы РФ, заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, кандидат политических наук, профессор СПбГУП СИТУАЦИЯ В МИРЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ	71
О. Г. КАРПОВИЧ , проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России (Москва), доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор РОЛЬ РОССИИ В ОТСТАИВАНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ	75
Э. КЕВИН , почетный профессор Австралийского национального университета (Канберра), дипломат (1968–1998), независимый эксперт, лауреат литературных премий УКРАИНА: ВОЙНА, КОТОРУЮ РОССИЯ НЕИЗБЕЖНО ВЫИГРАЕТ	80
И. Ф. КЕФЕЛИ , ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЭХО КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЫ	85
Г. КЁХЛЕР , президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), Почетный профессор Университета Инсбрука, доктор философии ФОРМИРУЮЩИЙСЯ МНОГОПОЛЯРНЫЙ БАЛАНС СИЛ ПРОТИВ ВЫСОКОМЕРИЯ РАСПАДАЮЩЕЙСЯ ИМПЕРИИ	88
А. В. КОСТИНА , проректор по научной, воспитательной и международной деятельности Московского гуманитарного университета, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	92
Е. И. МАКАРОВ , заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП ПРОФСОЮЗНЫЙ ФОРУМ БРИКС — ДЕСЯТЬ ЛЕТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОВОГО ТИПА	96
Г. МЕТТАН , президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ» (Женева), исполнительный директор Швейцарского клуба прессы ПАНДЕМОКРАТИЗМ И КРАХ ЗАПАДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	99
Д. В. МОСЯКОВ , заведующий Центром изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор РАЗМЫВАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ	103
Г. В. НАУМОВА , писатель, культуролог, президент ассоциации Miracles (Париж, Франция), кандидат филологических наук ОБ УНИВЕРСАЛИЗМЕ И РЕЛЯТИВИЗМЕ ЦЕННОСТЕЙ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА МИРА К МНОГОПОЛЯРНОСТИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И РОССИИ	107
О. РОКПЛО , профессор Университета Сорбонна (Париж, Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук МЫСЛЬ Д. С. ЛИХАЧЕВА И КУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС ФРАНЦУЗСКОЙ ЭЛИТЫ XXI ВЕКА. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ НОМО EURAMERICANUS	112
М. САНАИ , старший советник Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран, Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ (2013–2019), кандидат политических наук ГРЯДУЩИЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: НЕОБХОДИМОСТЬ КУЛЬТУРНОГО МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМА	123
Я. СТОКСЕТ , преподаватель Старшей школы г. Конгсберг (Норвегия) НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК С ХРИСТИАНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ	127
С. А. СУХОРУКОВ , и. о. заведующего кафедрой искусствovedения СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В АРХИТЕКТУРЕ ВОСТОКА (На примере Китая)	129

Ж. Т. ТОШЕНКО , главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, председатель Международного редсовета журнала РАН «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор	
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР: СМЫСЛ И СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ	131
А. В. УСПЕНСКАЯ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный профессор СПбГУП	
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	135
Т. Я. ХАБРИЕВА , заместитель президента РАН, член Президиума РАН, академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный юрист Республики Татарстан, Почетный доктор СПбГУП	
ГЛОБАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ НА ОСНОВЕ РАВНОПРАВИА КУЛЬТУР	140
А. Д. ХЛУТКОВ , директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор;	
Н. М. МЕЖЕВИЧ , главный научный сотрудник, руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор	
ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА РОССИЙСКОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА: В КРУГУ БАРЬЕРНЫХ И КОНТАКТНЫХ ФУНКЦИЙ ГРАНИЦЫ	144
В. А. ЧЕРЕШНЕВ , заместитель президента РАН, член Президиума РАН, академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП	
ЗАДАЧИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ В НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ РОССИИ	147
А. В. ШЕРШУКОВ , заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (Москва), главный редактор центральной профсоюзной газеты «Солидарность»	
РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НА RENDEZ-VOUS С ИСТОРИЕЙ	150
М. В. ШМАКОВ , член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП	
ПРОБЛЕМЫ РОСТА БЛАГОСОСТОЯНИЯ ГРАЖДАН РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПОТряСЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	152
А. Г. ШУМИЛИН , академик-секретарь Отделения физики, математики и информатики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор	
О ВОЗРАСТАЮЩЕЙ РОЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ И ГОСУДАРСТВА	156
А. В. ЯКОВЕНКО , ректор Дипломатической академии МИД России (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании (2011–2019), доктор юридических наук, профессор	
НОВЫЕ УГРОЗЫ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ. ЗА ГОРИЗОНТОМ БУДУЩЕГО	160
ДИСКУССИЯ	164
Выступающие:	
И. И. БУЗОВСКИЙ , заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук	
Н. К. ГАРБОВСКИЙ , директор Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова, академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО, доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ	
Ал. А. ГРОМЫКО , директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН	
А. А. ГУСЕЙНОВ , директор Института философии РАН (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП	
М. С. ГУСМАН , первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС» (Москва), доктор политических наук, профессор, Заслуженный журналист РФ, Заслуженный работник культуры РФ	
Е. Г. ДРАПЕКО , первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР	
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции	
М. В. ЗАХАРОВА , директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук	
А. С. МАКСИМОВ , председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, кандидат технических наук	

- В. К. МАМОНТОВ**, председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда» (Москва), генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»
- О. РОКПЛО**, профессор Университета Сорбонна (Париж, Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук
- М. САНАИ**, старший советник Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран, Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ (2013–2019), кандидат политических наук
- А. Д. ХЛУТКОВ**, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербурге), доктор экономических наук, профессор
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ**, заместитель президента РАН, член Президиума РАН, академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- М. В. ШМАКОВ**, член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП

Панельная дискуссия

КАКУЮ МНОГОПОЛЯРНСТЬ МЫ ПРЕДВИДИМ 175

Выступающие:

- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ**, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции (модератор)
- Д. О. БАБИЧ**, журналист, обозреватель агентства «РИА Новости» (Москва), член Союза журналистов России
- И. И. БУЗОВСКИЙ**, заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук
- Ал. А. ГРОМЫКО**, директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
- А. И. ДЕНИСОВ**, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам (Москва), первый заместитель министра иностранных дел РФ (2006–2013), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР (2013–2022)
- М. В. ЗАХАРОВА**, директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук
- Г. МЕТТАН**, президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ» (Женева), исполнительный директор Швейцарского клуба прессы
- Г. В. НАУМОВА**, писатель, культуролог, президент ассоциации Miracles (Париж, Франция), кандидат филологических наук
- О. РОКПЛО**, профессор Университета Сорбонна (Париж, Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук
- М. САНАИ**, старший советник Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран, Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ (2013–2019), кандидат политических наук
- М. В. ШМАКОВ**, член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП

Секция 1

ПЕРЕХОД ОТ ОДНОПОЛЯРНОСТИ К РЕАЛЬНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

ДИСКУССИЯ 186

Выступающие:

- Д. О. БАБИЧ**, журналист, обозреватель агентства «РИА Новости» (Москва), член Союза журналистов России
- И. И. БУЗОВСКИЙ**, заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук
- Ал. А. ГРОМЫКО**, директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ**, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- М. В. ЗАХАРОВА**, директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук
- Р. В. КОСТЮК**, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук
- И. В. ЛАШУК**, заведующая кафедрой экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности Белорусского государственного экономического университета (Минск), кандидат социологических наук, доцент
- В. К. МАМОНТОВ**, председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда» (Москва), генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»
- Г. МЕТТАН**, президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ» (Женева), исполнительный директор Швейцарского клуба прессы

- Д. В. МОСЯКОВ**, заведующий Центром изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор
- С. Г. МУСИЕНКО**, директор Аналитического центра «ЕсооМ» (Минск), член правления Союза писателей Беларуси
- Г. В. НАУМОВА**, писатель, культуролог, президент ассоциации Miracles (Париж, Франция), кандидат филологических наук
- В. Н. ПУНЧЕНКО**, заместитель директора Белорусского института стратегических исследований (Минск)
- Е. В. РАДЕВИЧ**, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук
- О. РОКПЛО**, профессор Университета Сорбонна (Париж, Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук
- Я. СТОКСЕТ**, преподаватель Старшей школы г. Конгсберг (Норвегия)
- А. Д. ХЛУТКОВ**, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ**, заместитель президента РАН, член Президиума РАН, академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- В. А. ШАМАХОВ**, научный руководитель, советник ректора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, генерал-полковник таможенной службы
- А. Г. ШУМИЛИН**, академик-секретарь Отделения физики, математики и информатики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор

Секция 2

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ИЛИ «НОВАЯ ЭТИКА» ЗАПАДА? (ИДЕОЛОГИИ, ЦЕННОСТИ, НОРМЫ И ПРАВСТВЕННОСТЬ В СУДЬБЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА)

ДОКЛАДЫ:

- Е. М. ГАШКОВА**, старший преподаватель кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент
«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК МЕХАНИЗМ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ204
- В. Ю. ДУНАЕВ**, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алма-Ата), доктор философских наук, профессор;
В. Д. КУРГАНСКАЯ, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алма-Ата), доктор философских наук, профессор
КУЛЬТУРНО-ЭРОЗИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФРЕЙМИРОВАНИЯ ЭТОСА «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»206
- Т. И. ЕРОХИНА**, первый проректор Ярославского государственного театрального института им. Ф. Шилигина, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор, Почетный работник сферы образования РФ
«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» В КОНТЕКСТЕ «НОВОЙ ЭТИКИ»209
- Е. А. ИЛЬИНСКАЯ**, профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии
КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ЗАБВЕНИЯ212
- С. С. КОМИССАРЕНКО**, профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор культурологии, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
ЦЕННОСТНАЯ СИММЕТРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО БЛАГА213
- Л. К. КРУГЛОВА**, профессор кафедры философии, психологии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург), доктор философских наук
ПАТРИОТИЗМ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: ВЗАИМОИСКЛЮЧЕНИЕ ИЛИ ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЕ?215
- И. В. МАЛЫГИНА**, заведующая кафедрой мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор
IDENTITY CAPITAL И СТРАТЕГИИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ217
- К. Н. МАРКИНА**, заместитель заведующего кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП по учебной работе, кандидат культурологии, доцент
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ КОГОРТ В СОВРЕМЕННЫХ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ220

А. П. МАРКОВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор СПбГУП	
«НОВАЯ ЭТИКА» КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КУЛЬТУРНОЙ РЕГРЕССИИ	222
А. А. МЕЛЬНИКОВА , профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии, Почетный работник высшего профессионального образования РФ	
НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «НОВОЙ ЭТИКИ»: ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ	224
А. Н. МОСЕЙКО , ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат философских наук, доцент	
ТРАДИЦИОННЫЕ АФРИКАНСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЭТИКА В ДИАЛОГЕ И КОНФРОНТАЦИИ С ЦЕННОСТЯМИ И «НОВОЙ ЭТИКОЙ» ЗАПАДА (В контексте прошлого и будущего Субсахарской Африки)	227
С. Г. МУСИЕНКО , директор Аналитического центра «ЕсооМ» (Минск), член правления Союза писателей Беларуси	
«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» В МИРЕ БЕЗ ДИАЛОГА ПРИ СМЕНЕ ПОЛЯРНОСТИ	229
С. Б. НИКОНОВА , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук	
«НОВАЯ ЭТИКА» И ЛОГИКА РАЗВИТИЯ ОСНОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРОЕКТА МОДЕРНА	234
С. С. ПРОНИН , и. о. заведующего кафедрой режиссуры и актерского искусства СПбГУП, профессор, Заслуженный деятель искусств Республики Карелия	
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР РОССИИ И «НОВАЯ ЭТИКА» ЗАПАДА	236
Е. С. ПРОТАНСКАЯ , профессор кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ФУТУРШОК ЦИФРОВИЗАЦИИ В СВЕТЕ ПЕРЕОЦЕНКИ ЦЕННОСТЕЙ	239
Г. В. СКОТНИКОВА , профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, ведущий научный сотрудник Российского института истории искусств, доктор культурологии	
«СКАЖИ, ЧТО ДЛЯ ТЕБЯ ЗНАЧИТ ВИЗАНТИЯ?..», ИЛИ ПУТЬ К ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ САМОСТОЯНЬЮ РОССИИ.	241
С. Н. СОКОЛОВА , декан факультета искусств СПбГУП, кандидат культурологии, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ И ТРАНСЛЯТОР НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ.	243
В. Д. ТАКАЗОВ , профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ	
О ПРИНЦИПЕ РАВНОПРАВИА ЯЗЫКОВ ПУТЕМ СОХРАНЕНИЯ ИХ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ. ДИАЛЕКТИКА ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО	245
Е. В. ХАРИТОНОВА , старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент	
ТРАДИЦИОННЫЕ АФРИКАНСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЭТИКА В ЗЕРКАЛЕ ДЕЛОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ, ИЛИ ПОЧЕМУ В АФРИКЕ НЕ ПРИЖИВАЕТСЯ ЗАПАДНАЯ МОДЕЛЬ КАПИТАЛИЗМА	246
А. Н. ЧУМАКОВ , профессор кафедры геополитики факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук	
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СУДЬБЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА	249
Я. Г. ШЕМЯКИН , главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (Москва), доктор исторических наук	
ТИП РАЦИОНАЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ: О ДУХОВНЫХ ФАКТОРАХ СОВРЕМЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	251
О. Д. ШЕМЯКИНА , научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук	
ПРЕОДОЛЕНИЕ ЛОГИКИ КАТАСТРОФ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ УДЕРЖИВАНИЯ ВЛАСТИ НА БОЛЬШИХ ТЕРРИТОРИЯХ, ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ ИГРЫ ОБМЕНА, ПРОНИЦАЕМОСТЬ ГРАНИЦ «СВОЕГО-ЧУЖОГО» В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	253
О. Ю. ЮХНИНА , заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат искусствоведения, доцент	
ГРАНИ «НОВОЙ ЭТИКИ»: «КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	255

ДИСКУССИЯ.....258

Выступающие: Г. Галис, Е. М. Гашкова, А. А. Гусейнов, Е. Г. Драпеко, В. Ю. Дунаев, Т. И. Ерохина, А. С. Запесоцкий, Е. А. Ильинская, Л. К. Круглова, И. В. Малыгина, А. П. Марков, С. Б. Никонова, С. С. Пронин, Е. В. Харитоновна, А. Н. Чумаков, Я. Г. Шемякин

Секция 3**ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН****ДОКЛАДЫ:**

- А. М. АЛЕКСАНКОВ**, директор Центра развития инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук, доцент
СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА МЫШЛЕНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ275
- Н. В. БУРОВА**, профессор кафедры статистики и эконометрики, директор Центра российско-французского сотрудничества в области образования и науки Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук
ИНФЛЯЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН277
- Г. А. ГОНЧАРОВ**, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ КАК ФАКТОР СТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ279
- Н. В. ДОРОХОВА**, профессор кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук
РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА И РЫНОК ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН282
- А. И. КОТОВ**, специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук
ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ЭПОХУ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ284
- Л. А. МИЭРИНЬ**, профессор специализированной кафедры ПАО «Газпром» Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук
ЧЕЛОВЕК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРОЦЕССЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ286
- Н. Н. НИКУЛИН**, профессор кафедры экономики и менеджмента Академии труда и социальных отношений (Москва), доктор экономических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ И «СЫРЬЕВАЯ КОЛЕЯ» РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН288
- В. В. ПАВЛОВА**, ведущий научный сотрудник Научной школы «Теория и технологии менеджмента», доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), кандидат экономических наук
ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ — ГЛАВНЫЙ ТРЕНД РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН290
- Н. Н. ПОКРОВСКАЯ**, профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор социологических наук
ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОТОКИ И ПУТИ В ЦИФРАХ И СМЫСЛАХ292
- А. Ю. ПРИХАЧ**, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН293
- Е. С. САДОВАЯ**, заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (Москва), кандидат экономических наук, доцент
УСЛОВИЯ СТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН295
- В. П. СЕМЕНОВ**, профессор кафедры менеджмента и систем качества Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор экономических наук
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ МЕНЕДЖМЕНТА БЕРЕЖЛИВЫХ ИННОВАЦИЙ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН297

О. А. СТРАХОВА , президент Института делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор;	
В. Ю. ЛЯПУНОВА , руководитель направления «Тренинг-менеджмент» Института делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения (Санкт-Петербург)	
КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ	299
А. А. ФЕДЧЕНКО , профессор Департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), доктор экономических наук	
НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗЬ С РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТЬЮ	301
Г. Ф. ФЕЙГИН , профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Почетный профессор СПбГУП	
ГЛОБАЛЬНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ	303
М. М. ХАЙКИН , заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор;	
А. А. ЛАПИНСКАС , профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук	
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ НОВОГО МИРОПОРЯДКА	305
Е. Г. ХОЛЬНОВА , заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП (2011–2023), доктор экономических наук, профессор	
НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН	308
Н. Н. ЦВЕТКОВА , ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), кандидат экономических наук	
РАЗВИТИЕ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ И ЭКОНОМИКА РОССИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН	310
Т. В. ЧУБАРОВА , заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН (Москва), главный научный сотрудник, доктор экономических наук, профессор	
РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ	313
Н. Ю. ШВЕДОВА , доцент кафедры финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук	
О РОЛИ КАЧЕСТВЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ПРИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН	315
ДИСКУССИЯ	318
Выступающие: А. М. Алексанков, Г. А. Гончаров, Н. В. Дорохова, А. С. Запесоцкий, А. И. Котов, Н. Н. Никулин, В. В. Павлова, А. Ю. Прихач, Е. С. Садовая, А. А. Федченко, Г. Ф. Фейгин, М. М. Хайкин, Е. Г. Хольнова, Н. Н. Цветкова, Т. В. Чубарова	
Секция 4	
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: НОВЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ	
ДОКЛАДЫ:	
Н. Г. БАГДАСАРЬЯН , профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, кафедры информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ РОССИИ: К МЕТОДОЛОГИИ ПРОГНОЗА	334
Г. М. БИРЖЕНЮК , заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный профессор СПбГУП	
КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ЗАМЕНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ. НОВАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ РОССИИ	336
А. В. ВОРОНЦОВ , президент Института истории и социальных наук, заведующий кафедрой социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ	
РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	339
А. П. ГАВРИЛЮК , профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, кандидат искусствоведения	
ПРОЦЕСС АКТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	341

Ю. Д. ГРАНИН , ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Москва), доктор философских наук, профессор РОССИЯ КАК «САМОБЫТНОЕ ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ». КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗАПАДУ	343
Е. С. ДАШКОВА , заведующая кафедрой экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук, доцент ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН	346
М. И. КОЗЬЯКОВА , профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (института) им. М. С. Щепкина (Москва), доктор философских наук QUO VADIS: ОТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР К ПРОТИВОСТОЯНИЮ РОССИИ И ЗАПАДА	347
О. И. КОСТИКОВА , заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова по научной работе, кандидат филологических наук, доцент ЦЕННОСТНЫЕ КОНСТАНТЫ ПЕРЕВОДА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	350
Р. В. КОСТЮК , профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук СОЦИАЛЬНОЕ ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	354
Л. В. МАТВЕЕВА , профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук РОССИЯ, КИТАЙ И США В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ СТРАНЫ	356
В. Н. ПУНЧЕНКО , заместитель директора Белорусского института стратегических исследований (Минск) О ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ (По итогам Года исторической памяти)	358
А. П. САДОХИН , главный редактор журнала «Культура и цивилизация» (Москва), доктор культурологии, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	363
В. А. САФОНОВ , начальник Управления по обеспечению судебных заседаний Конституционного Суда РФ, доцент кафедры трудового и социального права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, действительный государственный советник юстиции 3-го класса ПРАВО НА ЗАБАСТОВКУ: РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ	365
В. Е. ТРИОДИН , ведущий профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник культуры РФ, Почетный профессор СПбГУП ПРОШЛОЕ КАК ПРОЕКТ БУДУЩЕГО	367
ДИСКУССИЯ	370
Выступающие: Н. Г. Багдасарьян, А. П. Гаврилюк, Ю. Д. Гранин, Е. С. Дашкова, А. С. Запесоцкий, М. И. Козьякова, Д. В. Лобок, Л. В. Матвеева, А. П. Садохин, Ж. Т. Тошенко, А. В. Шершуков	

Секция 5

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА НОВОМ РУБЕЖЕ ЭПОХ (ДИАЛЕКТИКА ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО). ЧТО НУЖНО РОССИИ

ДОКЛАДЫ:

Е. А. АЛЕКСАНДРОВА , заведующая кафедрой методологии образования Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, доктор педагогических наук, профессор НОВЫЕ ФОРМАТЫ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С РОДИТЕЛЯМИ ШКОЛЬНИКОВ И ДОШКОЛЬНИКОВ	386
Е. В. АНДРИЕНКО , заведующая кафедрой педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ	389

А. А. АХАЯН , профессор кафедры педагогики школы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, Почетный работник сферы образования РФ	
ВЗГЛЯД НА ТО, КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ СЕГОДНЯ НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМИ	391
Э. В. БАРБАШИНА , заведующая кафедрой философии Новосибирского государственного медицинского университета, профессор отдела аспирантуры Института философии и права Сибирского отделения РАН, доктор философских наук	
НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА	392
Э. Н. БЕРНИКОВА , заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП (2019–2023), кандидат культурологии, доцент	
СПЕЦИФИКА ИМИДЖЕОБРАЗУЮЩИХ КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ. ОПЫТ РОССИИ И ЕВРОПЫ	394
К. Э. БРОНЗИТ , профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, художественный руководитель студии анимационного кино «Мельница», Заслуженный деятель искусств РФ, двукратный номинант на премию «Оскар»;	
И. И. ЮГАЙ , профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, доктор искусствоведения	
МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННУЮ ЭПОХУ	396
М. Н. ВЕТЧИНОВА , профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук	
НОВЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ ЭПОХИ ЦИФРОВИЗАЦИИ	398
Е. В. ВОЛКОВА , заведующая кафедрой английского языка СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент	
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЯ–ЗАПАД: ЧТО СТОИТ ЗА АМЕРИКАНСКИМИ УНИВЕРСИТЕТСКИМИ БРЕНДАМИ И НУЖНО ЛИ РОССИЙСКИМ ВУЗАМ БРАТЬ С НИХ ПРИМЕР	400
А. С. ГОРШКОВ , советник при ректорате, профессор кафедры управления и экономики образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, доктор педагогических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ	
ФОРМИРОВАНИЕ СУВЕРЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ	402
Л. А. ДАРИНСКАЯ , профессор кафедры психологии образования и педагогики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор педагогических наук	
РИТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ДИАЛОГ ТРАДИЦИЙ И СОВРЕМЕННОСТИ	404
М. А. ЗАХАРИШЕВА , профессор кафедры педагогики и психологии Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко, доктор педагогических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики	
«СО СЛОВОМ НАДО ОБРАЩАТЬСЯ ЧЕСТНО»	406
Н. С. ЗЕЛИКИНА , доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат исторических наук	
МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ОБРАЗОВАНИИ ЭПОХИ МАССМЕДИА	408
В. А. КОНЕВ , профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ	
ОБРАЗОВАНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА	410
Е. Б. КОСТЮК , доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат педагогических наук	
«НОВАЯ ЭТИКА» ЗАПАДА В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ	413
И. В. ЛАШУК , заведующая кафедрой экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности Белорусского государственного экономического университета (Минск), кандидат социологических наук, доцент	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ, КУЛЬТУРНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В БЕЛАРУСИ	415
Л. М. МОСОЛОВА , профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, Заслуженный работник высшей школы РФ	
ЕВРАЗИЙСКАЯ ТЕМА РОССИИ И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	420
С. А. ОСКОЛКОВ , заведующий кафедрой звукорежиссуры СПбГУП, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель искусств РФ, член Союза композиторов РФ, Межрегионального союза концертных деятелей, Почетный профессор СПбГУП	
ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ	423
С. Д. ПОЛЯКОВ , профессор кафедры психологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, доктор педагогических наук	
О СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ И ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА	425

Г. А. ПРАЗДНИКОВ , заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств (Санкт-Петербург), кандидат философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Почетный профессор СПбГУП	
ВЕРНУТЬ ОБРАЗОВАНИЮ ЧЕЛОВЕКООБРАЗУЮЩИЙ СМЫСЛ	428
В. С. САЙГАНОВА , декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук, доцент	
ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ	430
Т. Б. СИДНЕВА , проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ	
НОВЫЕ РУБЕЖИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	433
М. В. СОЗИНОВА , и. о. заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент	
ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР ЦЕННОСТЕЙ	435
И. В. СОКОЛОВА , заведующая кафедрой физического воспитания СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ЧАСТЬ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ РОССИЙСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ	437
Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО , главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), доктор социологических наук	
ВЫСШАЯ ШКОЛА В ОТВЕТ НА АКТУАЛЬНЫЙ ЗАПРОС НА ИНЖЕНЕРНЫЕ КАДРЫ	438
К. И. ШАРАФАДИНА , профессор кафедры журналистики и кафедры английского языка СПбГУП, доктор филологических наук;	
М. Е. БЕЛОМЕСТНОВА , доцент кафедры туризма и гостиничного дела Российского университета спорта «ГЦОЛИФК» (Москва), кандидат педагогических наук	
ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕ И РОССИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ЗОНЫ	441
ДИСКУССИЯ	444
Выступающие: Е. А. Александрова, Е. В. Андриенко, А. А. Ахаян, М. Н. Ветчинова, Н. К. Гарбовский, А. С. Горшков, Л. А. Даринская, А. С. Запесоцкий, М. А. Захаришева, О. И. Костикова, Е. Б. Костюк, А. А. Мельникова, Л. М. Мосолова, С. Д. Поляков, Г. А. Праздников, В. С. Сайганова, Г. А. Чередниченко, К. И. Шарафадина	
Секция 6	
ПРАВО, ЦЕННОСТИ И НРАВСТВЕННОСТЬ	
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	
ДОКЛАДЫ:	
Г. М. АЗНАГУЛОВА , руководитель Аппарата директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), и. о. заведующего Отделом теории права и междисциплинарных правовых исследований законодательства, профессор кафедры государственного управления, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин, доктор юридических наук	
МИР ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ И СОЗНАНИЕ МИРА	460
П. А. АСТАФИЧЕВ , профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук	
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	462
А. А. АУБАКИРОВА , директор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук, доцент	
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	465
Д. И. БАЛИБАЛОВА , профессор кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат экономических наук	
ГЕНОЦИД СОВЕТСКОГО НАРОДА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	466

Е. А. БРЫЛЕВА , начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук, доцент НОВЫЕ ИЛИ «ХОРОШО ЗАБЫТЫЕ СТАРЫЕ» ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	469
О. В. ВЕРБОВАЯ , профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук ОТРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В НОРМАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	471
О. Н. ГРОМОВА , заведующая кафедрой отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СИСТЕМНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	473
А. А. ДОРСКАЯ , заместитель директора Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия по научной работе (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ	474
С. А. ДРОБЫШЕВСКИЙ , заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета (Новосибирск), доктор юридических наук, профессор О ЦЕННОСТЯХ, ИНТЕРЕСАХ И ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА В ГОСУДАРСТВЕННО-ОРГАНИЗОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ	476
Г. П. ЕРМОЛОВИЧ , профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА	478
З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ , заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор ЦЕННОСТНО-НРАВСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	480
В. А. КОВАЛЕВ , доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук ПОСТМОДЕРНИЗМ И «ЖИВАЯ КОНСТИТУЦИЯ»: ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ЛОГИКИ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА	482
В. И. КРУСС , заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ КОНСТИТУЦИОННОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ЦЕННОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАУКИ ПРАВА	484
А. В. КУЗЬМИН , заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент СУВЕРЕНИЗАЦИЯ ПРАВА КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА	486
Л. А. ЛАЗУТИН , заведующий кафедрой международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	488
Г. М. ЛАНОВАЯ , профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ОБЩИХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	491
А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ , профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса «ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ» ОЛИГАРХИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	493
А. И. ОВЧИННИКОВ , заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор юридических наук, профессор ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА КАТЕГОРИИ «ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК»	496
С. М. ОГАНЕСЯН , профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий (Гатчина), доктор юридических наук ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА НА СОВРЕМЕННУЮ РОССИЙСКУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ	498

П. А. ОЛЬ , профессор кафедры теории государства и права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор юридических наук	
ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВ ПРАВА	500
В. П. ОЧЕРЕДЬКО , профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ	
РОССИЙСКОЕ ПРАВОСУДИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	502
Н. Д. ПЕТРОВА , преподаватель кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук	
ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ ОТРАСЛИ НА САМОИДЕНТИФИКАЦИЮ НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В СТРАНАХ-УЧАСТНИЦАХ ЕАЭС	504
В. Г. ПЕТУХОВ , профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, судья Уставного суда Санкт-Петербурга (2005–2011), Заслуженный юрист РФ, генерал-лейтенант милиции в запасе	
К ВОПРОСУ О ПРАВЕ, ЦЕННОСТЯХ И НРАВСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	505
Е. В. РАДЕВИЧ , старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУРЫ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	507
Р. А. РОМАШОВ , профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ	
ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	509
К. Е. СИГАЛОВ , профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук	
ЛОЖЬ КАК ФЕНОМЕН ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	511
Р. И. СИТДИКОВА , профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук	
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ТВОРЕЦ ИЛИ ПОМОЩНИК?	513
А. В. СКОРОБОГАТОВ , профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, доктор исторических наук	
МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ	515
Р. Ф. СТЕПАНЕНКО , профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук	
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЕ ЭПОХИ	517
Е. Н. ТОНКОВ , доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук	
ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	518
В. В. ТРОФИМОВ , начальник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук	
О ПРАВЕ КОНФЛИКТОВ И ПРАВЕ СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ОТРАЖЕНИИ СЛОЖНЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	520
В. Л. ЭНТИН , директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университета) МВД России (Москва), кандидат юридических наук	
ОБЕСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА: УГРОЗА ИЛИ ПЕРСПЕКТИВА?	522
ДИСКУССИЯ	525
Выступающие: А. А. Аубакирова, О. В. Вербовая, Г. П. Ермолович, А. С. Запесоцкий, Э. Н. Каландаришвили, В. А. Ковалев, В. И. Крусс, Г. М. Лановая, С. М. Оганесян, П. А. Оль, В. П. Очеретько, Л. А. Пасешникова, Р. А. Ромашов, Р. И. Ситдикова, Р. Ф. Степаненко, В. В. Трофимов, В. Л. Энтин	

**ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
(Международный форум старшеклассников)541**

Выступающие: Н. В. Буров, Л. А. Пасешникова, Е. Л. Колпакова;
старшеклассники — победители и призеры конкурса творческих работ: Р. Беляев, Д. Вдовина,
В. Габдулхакова, М. Громова, Д. Дегтярева, М. Иванов, Н. Лачек, П. Лебедев, Б. Лялин, А. Ступина

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 547

Пленарное заседание ДИАЛОГИ И КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

25 мая 2023 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Пленарное заседание ведут:

- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- О. РОКПЛО** профессор Университета Сорбонна (Париж, Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук
- М. САНАИ** старший советник Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран, Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ (2013–2019), кандидат политических наук
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ** заместитель президента РАН, член Президиума РАН, академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- М. В. ШМАКОВ** член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

А. А. Акаев¹

ПЕРЕХОД К НОВОМУ МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРОУСТРОЙСТВУ — ТОЧКА БИФУРКАЦИИ ПРОЙДЕНА

В послевоенные десятилетия на базе договоренностей трех великих держав антигитлеровской коалиции (СССР, США и Великобритания), достигнутых в Ялте

¹ Президент Киргизской Республики (1990–2005), президент Академии наук Киргизской ССР (1988–1990). Ведущий научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, иностранный член РАН, академик Академии наук Киргизской Республики, доктор технических наук, профессор. Научный руководитель Центра фундаментальных исследований Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Автор более 300 научных работ, изобретений и учебных изданий по прикладной математике, математической экономике, оптическим компьютерам и информационным технологиям. Политические, экономические и философские взгляды изложены в работах «Трудная дорога к демократии: памятное десятилетие», «Переходная экономика глазами физика», «Новая стратегия В. В. Путина по достижению высоких устойчивых темпов роста российской экономики», «Моделирование и прогнозирование мировой динамики» (в соавт.), «Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики» (в соавт.), «Думая о будущем с оптимизмом: размышления о внешней политике и мироустройстве» и др. Почетный член Международной инженерной академии, действительный член Нью-Йоркской академии наук. Награжден орденом «Знак Почета», медалью Пушкина, лауреат золотых медалей Н. Кондратьева, С. Кузнецова, В. Леонтьева, золотой медали и ордена В. Вернадского.

в феврале 1945 года, удалось обеспечить сравнительно устойчивое геополитическое развитие и избежать перерастания ряда локальных конфликтов (Корея, Вьетнам, Карибский кризис, Афганистан) в новую мировую войну, столкновение цивилизаций. Прекращение холодной войны способствовало усилению этой тенденции.

Однако допущенные М. С. Горбачевым и Э. А. Шеварднадзе односторонние уступки Западу и НАТО, роспуск Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора, а затем распад СССР подорвали основы Ялтинского мира и породили у США и НАТО иллюзию возможности становления однополярного мироустройства при превращении России во второразрядную региональную державу. Проводимый Б. Н. Ельциным и А. В. Козыревым внешнеполитический курс на следование в фарватере политики США и пренебрежение национальными интересами привел к резкому ослаблению внешней политики России, ее позиций в геополитическом мироустройстве.

Только с приходом Е. М. Примакова к руководству МИД, а затем и правительством России этот глубоко ошибочный курс начал исправляться. При В. В. Путине и С. В. Лаврове внешнеполитический курс был

подчинен задачам возрождения России как мощной мировой державы, проведению независимой внешней политики, отвечающей национальным интересам России и возрождению евразийской цивилизации. Но эта независимая политика России вступила в острое противоречие со стремлением США и их союзников по НАТО к сохранению своей гегемонии и формированию однополярного мироустройства при игнорировании ООН. Особенно остро эти противоречия проявились в середине 2010-х годов в результате украинского кризиса, воссоединения Крыма с Россией и применения Западом санкций к России. Нарушены основы геополитической устойчивости, возрождается призрак холодной войны, американские милитаристские круги вступили в новый виток гонки вооружений и совершили ряд военных авантюр (в Ираке, Ливии, Афганистане и Сирии).

Вместе с тем с конца XX века мир вступил в эпоху исторического разлома, длительного и глубокого глобального кризиса, обусловленного сменой сверхдолгосрочных цивилизационных циклов — закатом двухсотлетней индустриальной цивилизации и становлением гуманистически ноосферной интегральной мировой цивилизации, переходом от пятисотлетнего четвертого поколения локальных цивилизаций при доминировании Запада к пятому поколению — при лидерстве Востока. Одним из проявлений глобального кризиса является резкое обострение геополитических противоречий между восходящими цивилизациями и ведущими державами во главе с Китаем и Россией, закладывающими основы интегральной цивилизации и многополярного мироустройства, и нисходящими цивилизациями и мировыми державами во главе с США и Евросоюзом, стремящимися сохранить обреченную на уход с исторической арены индустриальную цивилизацию и установить однополярное мироустройство при гегемонии Запада.

В этих условиях возникла безотлагательная необходимость в формировании нового мироустройства, учитывающего изменившееся соотношение сил, сдвиг центра цивилизационной активности на Восток в результате укрепления позиций Китая и Индии, формирования БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Меры по становлению нового миропорядка определены в стратегических документах БРИКС и ШОС. Россия также выступила с инициативой интеграции «интеграций» и партнерства в рамках Большой Евразии в целях укрепления основ многополярного мироустройства¹. Далее в докладе обсуждается реальный ход этого процесса в настоящее время.

«Недолгий век» США во главе однополярного мира

Распад СССР и мировой системы социализма в конце 1980-х годов привел к ослаблению держав, противостоящих американскому диктату в послевоенные десятилетия, и породил у правящих кругов США

иллюзию об установлении однополярного мира и их исключительном праве на определение нового мирового порядка. Это нашло наиболее полное отражение в книге Збигнева Бжежинского «Великая шахматная доска» (М.: Международные отношения, 1998). США никогда не были способны на выстраивание равноправного партнерства ни с одной страной, они мечтали о безраздельном доминировании в мире как единственная сверхдержава, при полном пренебрежении интересами других стран, будь то противники или союзники. Они повсюду требовали беспрекословного идеологического подчинения. За неподчинение угрожали санкциями и войнами. США стали подчеркнуто пренебрегать международным правом, приняв порядок, основанный на правилах, ими же сочиненных исключительно в своих интересах. Для США вмешательство во внутренние дела других государств стало правилом без исключений. Закономерно, что такое поведение США вызвало внутреннее отторжение у большинства стран мира.

Стремление США к мировому господству сопровождалось формированием нового подчиненного мира путем повсеместного и агрессивного использования инструментов ведения гибридной войны — информационно-идеологической, прокси-войн и «цветных революций». Внешняя политика Вашингтона приняла характер неокOLONиальной экспансии и отражает стремление к созданию в ключевых регионах мира зон так называемого управляемого хаоса, разумеется, со стороны США. К ним относятся Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия и, наконец, Украина — везде, где возникает малейшее сопротивление интересам США. Америка и НАТО, не имея возможности преодолеть самостоятельную политику и право вето России и Китая в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций, стали осуществлять агрессивные действия в обход ООН. Это проявилось в жестокой бомбардировке Югославии, масштабной войне в Ираке, разрушении государственности в Ливии, разжигании гражданской войны в Сирии. Все это подорвало геополитическое равновесие в мире и возможность решения дипломатическим путем крупных международных проблем на основании учета интересов разных стран. Стала реальной вероятность перерастания локального конфликта с участием великих держав в глобальное столкновение.

Таким образом, на протяжении четверти века, после отказа США и их союзников от принципов Ялтинского мира, на планете усиливается политическая напряженность, нарастают геополитические конфликты и угрозы столкновения не только отдельных государств, но и целых цивилизаций. Особенно очевидной эта тенденция стала на фоне развязанной американцами и их европейскими союзниками прокси-войны против России на Украине и непрекращающихся провокаций США вокруг Тайваня, направленных против КНР. В результате агрессивной политики США, направленной на доминирование в однополярном мироустройстве, развернулся новый невиданный ранее виток гонки вооружений. Волны терроризма и локальных военных конфликтов, вызванные агрессивными действиями

¹ См. также: Акаев А. А. О перспективах становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 30–35.

США, разрушают сложившуюся в мире систему военно-политической стабильности, что усугубляется односторонним выходом США из важнейших международных соглашений по ограничению гонки вооружений и предупреждению возможных вооруженных конфликтов. Все это потребовало перехода к новой модели глобального многополярного мироустройства, адекватного условиям и соотношению сил в XXI веке и позволяющего ослабить угрозы реанимации холодной войны и возникновения третьей мировой войны — самоубийственного столкновения цивилизаций.

Российская инициатива по формированию многополярного мироустройства получила решающую поддержку

Первым из мировых лидеров необходимость перехода к многополярному мироустройству провозгласил Президент РФ В. В. Путин в своей знаменитой Мюнхенской речи 2007 года. Главным в выступлении В. В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности стал тезис: «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна». Следует отметить, что именно с этого момента (Мюнхен, 2007 г.) началось подлинное возрождение России как великой державы. Установка на переход к многополярному мироустройству была подтверждена В. В. Путиным и в его выступлении на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 году. Эта позиция нашла весомую поддержку со стороны Председателя КНР Си Цзиньпина и была четко сформулирована в совместных заявлениях РФ и КНР от 25 июня 2016 года и 5 июня 2019 года. Таким образом, Си Цзиньпин и В. В. Путин осудили возглавляемый США однополярный геополитический порядок и получили поддержку своего видения справедливого многополярного мира среди большинства развивающихся стран.

Исторический визит Председателя КНР Си Цзиньпина 20–22 марта 2023 года в Россию, его первый официальный зарубежный визит после триумфального избрания на этот высокий пост в третий раз, еще больше укрепил стратегическое взаимное доверие и взаимовыгодное равноправное сотрудничество между Пекином и Москвой. Си Цзиньпин сразу после приземления в аэропорту Москвы заявил, что готов вместе с Россией стоять на страже «миропорядка, основанного на международном праве», тогда как США и его союзники ратуют за «порядок, основанный на правилах». Причем последние каждый раз ими переписываются в соответствии с возникающей ситуацией и исключительной выгодой для них самих. 21 марта 2023 года между Россией и Китаем было подписано Совместное заявление об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия государств, вступающих в новую эпоху. Ряд видных экспертов справедливо назвали этот документ манифестом нового мирового порядка. Си Цзиньпин также заявил, то «китайско-российские связи вышли далеко за рамки двусторонних отношений и имеют важное значение для современного миропорядка и судьбы человечества». Важно подчеркнуть, что партнерство России

и Китая нацелено не на третьи страны, а на формирование справедливого мироустройства.

Нынешний визит Си Цзиньпина в Москву стал символом укрепления мира и дружбы, добрососедства и сотрудничества между Китаем и Россией. Встречи и переговоры В. В. Путина и Си Цзиньпина дали старт ускоренному мироустройству. Концепция многополярности и построения полицентричного мирового порядка — лейтмотив политики России, Китая, Индии и Бразилии, а также ряда других крупных стран, несмотря на жесткое противодействие со стороны США и их союзников. В мире уже сегодня наблюдается естественный процесс зарождающегося многополярного мира, что особенно видно на примере БРИКС. Россия и Китай играют роль гарантов его необратимости. Страны БРИКС стремятся проводить самостоятельную международную политику, независимую от США, строить равноправные и справедливые отношения со всеми странами без вмешательства в их внутренние дела. БРИКС становится все более притягательной организацией. Если принять все желающие страны, то БРИКС уже в этом 2023 году может превратиться в объединение из 15–20 стран. Заявки на присоединение к организации уже подали Алжир, Аргентина, Египет, Иран, Индонезия, Саудовская Аравия и Турция. Отдельные страны поступают так, сопротивляясь диктату США и освобождаясь от американской опеки. Это означает, что процесс перехода к многополярному миру уже стал реальностью.

Гибридные войны США против России и Китая

США в последнее время агрессивно настроены по отношению ко всему остальному миру в связи с начавшимся процессом неизбежной утраты статуса единоличного глобального лидера. Не удивительно, что США в первую очередь ополчились против России и Китая, которые осмелились бросить вызов авантюристскому доминированию США в мире. Особенно раздражает США всемерное укрепление дружбы и сотрудничества России и Китая, выразившееся во время мартовского визита Си Цзиньпина в Москву. Поэтому американцы и их европейские союзники оказывают беспрецедентное давление на Россию и Китай. Прежде всего США, нарушив данное ранее обещание, добились расширения НАТО на Восток вплоть до самых границ России. Затем за счет поддержки националистических сил на Украине им удалось осуществить в 2014 году государственный переворот, что привело к гражданской войне и превращению Украины в плацдарм для агрессии США и НАТО против России.

Широко известные Минские соглашения по урегулированию ситуации на Украине, по признанию самих европейских лидеров, были приняты Западом только лишь для того, чтобы выиграть достаточно времени для перевооружения украинской армии современным натовским вооружением, что им и удалось сделать в полной мере. Таким образом, прокси-война на Украине, навязанная России коллективным Западом, нацелена на ослабление России, чтобы «выбить» ее из числа великих держав. Более того, США и их сателлиты от-

крыто заявляют о необходимости уничтожения России посредством войны на Украине.

Параллельно США объявили КНР холодную войну, начав с торговой и технологической войн. США не хотят уступать КНР свое лидерство в мировой экономике, включая роль доллара как основной резервной валюты и валюты для взаимных расчетов в международной торговле. Как всегда, США всего этого добиваются путем наложения санкций и ограничений в торговле с КНР. Соединенные Штаты Америки прилагают невероятные усилия для того, чтобы сдерживать технологическое развитие Китая, который сегодня уже стал мировым лидером в ряде ключевых технологий будущего. Поэтому США в последнее время объявили «чиповую» войну против Китая и России, наложив запрет на экспорт наиболее востребованных во многих критических технологиях наночипов. США также заключили соглашение с Нидерландами и Японией об ограничении экспорта уникального оборудования для производства таких наночипов. США активно принуждают Евросоюз к сворачиванию торговли с Китаем и противостоянию в геополитике против весьма выгодных для ЕС интересов. Наконец, США системно проводят политику сдерживания Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, пользуясь сетью союзников, которых хотят любой ценой втянуть в конфронтацию с Китаем с целью ослабить его влияние в этом регионе. Очевидно, что США потребуются значительная помощь со стороны Австралии, Великобритании и Японии, входящих в антикитайский союз AUKUS, в случае прямого конфликта с КНР. Вполне естественно, что американская политика сдерживания и ограничения Китая во всех областях вызвала курс Китая на конфронтацию с США. Американские лидеры упорно и целеустремленно вели дело к противостоянию с Китаем и добились своего.

В связи с этим всестороннее укрепление отношений России и Китая чрезвычайно важно для обеих стран. Политическая поддержка Китая в украинской прокси-войне России с коллективным Западом крайне важна для российского руководства, поскольку это позитивный сигнал для многих развивающихся стран. В то же время чем больше Россия истощит запасы натовского вооружения на Украине, тем легче будет Китаю противостоять провокациям США и их сателлитов на Тайване и в Индо-Тихоокеанском регионе. В случае войны с США из-за Тайваня Китай будет иметь надежное тыловое обеспечение из России энергетическими и продовольственными ресурсами. А такое развитие событий может случиться, поскольку США активно готовят индо-тихоокеанский театр к вооруженному конфликту в ближайшем будущем. Поэтому не случайно недавнее заявление министра иностранных дел КНР Цинь Гана о том, что «чем более нестабилен наш мир, тем выше потребность в устойчивом развитии российско-китайских отношений». Очевидно, что он имеет в виду эффективность совместного противодействия Китая и России дестабилизирующим действиям коллективного Запада. Поэтому чрезвычайно важно, что В. В. Путин и Си Цзиньпин договорились укреплять российско-китайское сотрудничество и в рамках многосторонних структур, включая ШОС, БРИКС, «Большую

шую двадцатку», и наращивать конструктивную силу в формировании многополярного мира и совершенствовании системы глобального управления.

Китай и Россия совместно формируют новый мировой порядок

Итак, трансформация геополитической структуры мира из неустойчивого однополярного в устойчивое многополярное мироустройство происходит в условиях высокой нестабильности и многочисленных рисков. Но, как выражаются математики, точка бифуркации уже пройдена — ею стало начало проведения упреждающей российской специальной военной операции в украинской прокси-войне, навязанной России США и НАТО. Теперь перед Россией и Китаем стоит не менее важная задача — придать ускорение этому процессу и сделать его устойчивым и необратимым. У Запада уже нет возможности остановить эту тенденцию, так как большая часть стран развивающегося мира — на стороне России и Китая, но прежде всего на стороне собственного суверенитета, с которым США никогда не считались. Все больше стран сегодня уже осмеливаются оказывать сопротивление диктату США, пытаются выйти из-под американской опеки. В этом отношении показательным является примирение Китая двух давних враждующих соперников на Ближнем Востоке — Ирана и Саудовской Аравии, что уже привело к режиму тишины в Йемене, а также снижению конфликтности в Ливане и Ираке. Россия, в свою очередь, предпринимает успешные усилия по нормализации отношений между Сирией и Турцией, а также Сирией и Саудовской Аравией. Все это привело к разрядке напряженности в регионе Персидского залива. Времена 1990-х годов, когда США утвердились в статусе гегемона на Ближнем Востоке, сталкивая народы региона в кровавой войне, безвозвратно уходят в прошлое.

Китай и Россия последовательно создают «архитектуру коллективной безопасности» для региона Персидского залива и на всем Ближнем Востоке. Ситуация в регионе стремительно меняется в лучшую сторону. Уже отчетливо наблюдается переход от конфронтации к налаживанию добрососедских отношений, к сотрудничеству в разных сферах и, самое главное, к учету взаимных интересов. Независимое поведение Саудовской Аравии в сфере политики сокращения нефтедобычи в апреле 2023 года, приведшее к существенному повышению цен на нефть, свидетельствует о том, что мир уже не однополярный — он трансформируется в многополярный. Вместе с тем в благодарность России за бескорыстную помощь большинство арабских стран делали акцент на учете российских интересов в российско-украинском конфликте, отказавшись выполнять агрессивное требование Запада о введении санкций против России. Более того, несмотря на настоятельные призывы США, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Ирак и Алжир выступили за твердое и последовательное соблюдение заключенного ранее соглашения ОПЕК+ с Россией по стабилизации цен на нефть. Они также не поддержали решение Запада о введении потолка цен на российские

энергоресурсы. Арабские страны стали действовать более самостоятельно, выстраивая альтернативные союзы с новыми мировыми лидерами — Индией, Китаем и Россией. Таким образом, Ближний Восток и регион Персидского залива становятся кузницей нового самостоятельного регионального миропорядка и одним из полюсов многополярного мира.

БРИКС и ШОС как центры кристаллизации нового многополярного мира

БРИКС и ШОС с самого начала рассматривались организаторами как центры кристаллизации нового глобального и регионального многополярного мироустройства. Это подлинно новые организации нового времени и нового мира. Каждый член организации независимо от собственного политического веса и военной мощи получает право на самовыражение и отстаивание своей позиции. Отношения государств внутри организации исключительно демократические и равноправные. Практика ежегодной передачи эстафеты председательства является в этом деле весьма эффективным инструментом. Шанхайская организация сотрудничества была создана в 2001 году шестью государствами — Китаем, Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном. К настоящему времени ШОС превратилась в крупнейшую региональную организацию, к участию в которой в той или иной мере тянутся многие страны Большой Евразии. Ключевым для ШОС является, с одной стороны, обеспечение безопасности и стабильности, а с другой — социально-экономическое и гуманитарное развитие. Экономическая составляющая ШОС была усилена в 2013 году китайским мегапроектом «Один пояс — один путь», направленным на возрождение Великого шелкового пути на основе современной высокоскоростной торговой-транспортной инфраструктуры и цифровой связи¹.

Рассмотрим подробнее БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка), который является основой для формирования многополярного мироустройства. Особенность кластера стран БРИКС состоит в том, что он образован из стран, принадлежащих к пяти разным цивилизациям, занимающих разное геополитическое положение в мире, но вместе с тем объединенных наличием чрезвычайно важных общих характеристик: все они являются крупными, динамично развивающимися государствами с большой численностью населения, взаимодействуют с США и другими развитыми странами как самостоятельные субъекты мировой экономики и политики. Пристальное внимание к странам БРИКС объясняется резким повышением их политической роли и экономического веса в современном мире. К тому же они оказывают огромное цивилизационно-культурное влияние на соседние страны и регионы. Постепенно страны БРИКС из неформального международного форума превращаются в объединение стран, которые сообща начинают действовать, чтобы укрепить свои позиции в современном мире, а самое главное, чтобы оказывать позитивное воз-

действие на расширяющиеся процессы глобализации и формирование нового многополярного мира. В связи с этим следует отметить, что инициатива 2006 года Президента РФ В. В. Путина о создании политического клуба стран БРИК стала одним из наиболее важных геополитических событий начала XXI века. БРИКС+ теперь имеет все шансы стать локомотивом мирового развития во второй четверти XXI века².

Роли БРИКС и G7 в мировом развитии

БРИКС все больше становится геополитической альтернативой группы развитых стран G7 во главе с США. Обладая неоспоримым преимуществом перед G7 в численности населения и трудовых ресурсов, природно-ресурсном потенциале, БРИКС стал мировым лидером по темпам экономического роста, инвестициям в основной производственный капитал, а также в производстве многих видов высокотехнологичной продукции. Знаменательно, что в 2022 году ВВП стран БРИКС по *паритету покупательной способности* превысил ВВП стран G7. Доля ВВП стран БРИКС достигла 31,5 % мирового ВВП, а стран G7 — опустилась до 30,7 %. При этом прогнозируется, что в текущем десятилетии будет происходить дальнейшее расширение этого тренда. Что касается лидеров, то сегодня на КНР приходится уже 18,9 % мировой экономики, на США — меньше 15,4 %, а на Индию — 7,5 %. Важно, что экономический потенциал стран БРИКС в последние годы растет в значительной мере за счет увеличения товарооборота и взаимных инвестиций между членами организации. БРИКС создал свой Банк развития. Позитивным шагом для повышения эффективности экономического сотрудничества стран БРИКС станет введение единой расчетной валюты, идея которой давно вынашивается. Тем более что уже активно растет доля национальных валют в расчетах между странами БРИКС. В частности, Китай и Индия в последние годы получили приоритетный доступ к дешевым энергоносителям России исключительно в национальных валютах. Таким образом, страны БРИКС формируют многополярный мир как в геополитическом, так и в экономико-финансовом измерении.

Также растет роль БРИКС как глобального консолидирующего центра, противостоящего попыткам США и G7 с помощью силы и агрессии сохранить глобальное доминирование Запада и исключительно его системы цивилизационных ценностей. Задача БРИКС состоит в конструировании основных несущих опор нового справедливого мирового порядка. Главное — это создание такого миропорядка, в котором страны будут взаимодействовать на равноправной основе и при котором не должно быть никаких санкций. Чрезвычайно важно, что странами БРИКС закладываются основы интегрального экономического и социокультурного строя, основанного на диалоге и партнерстве государств и цивилизаций, идущего на смену отживающему ныне капиталистическому строю. Это

² См. также: Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики / В. А. Садовничий, А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков ; Научный совет по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология науки и образования». М., 2014.

¹ См.: Акаев А. А. ШОС — Великий шелковый путь современности // Геополитика и безопасность. 2016. № 3–4 (35–36). С. 37–48.

станет примером для новых членов БРИКС. Уже в текущем году на саммите БРИКС в ЮАР (август 2023 г.) планируется решить вопрос о вступлении в организацию еще семи государств: Алжира, Аргентины, Египта, Индонезии, Ирана, Саудовской Аравии и Турции. Как видим, БРИКС вскоре пополнится представителями шестой — мусульманской — цивилизации. Для Запада все это станет сущим кошмаром, поскольку отныне именно БРИКС+ будет иметь больший вес в G20, где решаются основные проблемы мировой экономики и устойчивого развития.

Что еще требуется, чтобы процесс перехода к многополярному миру стал необратимым

Для того чтобы процесс перехода к многополярному мироустройству стал устойчивым и необратимым, необходимы, по моему убеждению, три условия.

Во-первых, требуется убедительная победа России в прокси-войне на Украине против агрессии со стороны коллективного Запада во главе с США и НАТО. Сейчас много говорят о летнем наступлении украинской армии, оснащенной сотнями современных немецких танков Leopard-2 и британских Challenger-3, а также другими видами натовского образцового наступательного оружия. Восемьдесят лет назад в районе Курской дуги советские легкие, но маневренные танки Т-34 разгромили тысячную армаду хваленых тяжелых немецких танков «Тигр» и «Пантера». Надеемся, что и этим летом такая же участь постигнет танки «Леопард» и другие натовские танки, ведь российские танки Т-90М «Прорыв» признаны экспертами многих стран лучшими в своем роде. Да и российские танкисты в рамках танкового биатлона показывали недостижимое для других мастерство.

Во-вторых, крайне важно, чтобы Китай и Индия мирным путем разрешили пограничные споры на юге

Тибета. Здесь вмешательство США также осложняет возможность компромиссного решения давнего спора между двумя странами, являющимися ключевыми членами как в БРИКС, так и в ШОС. Но у Китая и Индии сегодня сильные, мудрые и ответственные лидеры — председатель КНР Си Цзиньпин и премьер-министр Нарендра Моди, которые способны найти взаимоприемлемое решение в интересах как своих стран, так и благополучия всего человечества. Учитывая, что основу БРИКС составляют три великие державы — Индия, Китай и Россия, а у России как с Индией, так и с Китаем налажено стратегическое партнерство, установление таких же доверительных отношений между Китаем и Индией еще больше повысит авторитет и притягательность БРИКС и укрепит его прочностью как центра кристаллизации будущего устойчивого многополярного мира.

В-третьих, также важно, чтобы Евросоюз занял самостоятельную, независимую от США позицию как один из мощных полюсов формирующегося без их участия нового миропорядка. Ряд европейских лидеров прекрасно понимают, что следование вслепую в фарватере политики США ведет ЕС к экономическому и политическому краху. В частности, президент Франции Эммануэль Макрон после официального визита в КНР весьма осторожно заявил, что у Европы есть все шансы стать «третьей суперсилой» — наряду с США и Китаем, если только «она не окажется втянутой в конфликты, которые не являются приоритетными для нее, что помешает ей развивать свою стратегическую автономию». Под неприоритетным для Европы конфликтом Э. Макрон имел в виду противостояние Китая и США вокруг Тайваня. Однако сегодня маловероятно, что подобным образом прозреют и другие ключевые лидеры Евросоюза. Пока же Европа послушно следует за агрессией США. Но времена меняются.

С. Аглагич¹

ЧТО НАМ НУЖНО ОТ РОССИИ? Сербский взгляд на роль России на Балканах в начале XXI века²

Символическое противостояние России и Запада является важным элементом сербской коллективной идентичности. Его значение возросло после распада

¹ Профессор факультета политических наук Белградского университета (Сербия), профессор кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор политических наук. Автор более 40 научных публикаций на сербском, русском и английском языках, в т. ч.: «К вопросу об имидже России за рубежом — на примере Сербии», «История „Русского ореха“», «Публичная дипломатия России на Западных Балканах: между большими возможностями и незначительными результатами», «Профессионализация политической коммуникации — триумф формы над содержанием?» и др. Основатель и директор Центра русских исследований, участник Международного дискуссионного клуба «Валдай».

² Работа выполнена при поддержке Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербия (грант № 451-03-68/2022-14 от 17 января 2022 г.).

Югославии, когда Сербия вернулась к геополитическому положению, аналогичному тому, которое она занимала в XIX веке³, когда в значительной степени опиралась на имперскую Россию. В настоящем докладе внимание концентрируется на Сербии как на стране, чья политика оказывает наибольшее влияние на мировосприятие сербов, проживающих в других Балканских странах, образовавшихся после распада Югославии, в первую очередь Республике Сербской (в составе Боснии и Герцеговины) и Черногории.

О важности России в политической жизни Сербии свидетельствуют данные опроса общественного мнения, согласно которым большинство граждан Сербии считают Российскую Федерацию дружественной стра-

³ *Kovuh M.* Предговор — Василь Поповић и његова књига Европа и српско питање // Поповић В. Европа и српско питање у периоду ослобођења 1804–1918. Београд : Catena Mundi, 2020. С. 9.

ной¹. Часть сербов выразили свое отношение, организовав массовые акции в поддержку проводимой Россией на Украине специальной военной операции, показав при этом несогласие с решением официального Белграда проголосовать против интересов РФ на сессиях Генассамблеи ООН². Правительство Сербии — единственное в Европе, которое не вводило никаких санкций в отношении России. Причин для этого несколько: Россия защищает территориальную целостность Сербии в Совете Безопасности ООН, где вместе с КНР настаивает на соблюдении Резолюции № 1244 ООН по Косово; в дополнение к этому РФ не позволила Совету Безопасности ООН проголосовать за резолюцию (предложенную Великобританией), которая заклеила бы сербов как виновников предполагаемого геноцида против мусульманского населения в Сребренице во время гражданской войны в 1990-е годы; наконец, Сербия придерживается позиции, что в 1990-х годах она стала жертвой санкций и что такого рода давление не способствует решению проблем на международном уровне³. Первые две причины находятся в рамках традиционного представления большинства сербов о России как о своей защитнице.

Это восприятие играет важную роль в формировании сербской коллективной идентичности. Вернемся к вопросу о поддержке частью нашего общества специальной военной операции Российской Федерации на Украине. В основе этой поддержки лежит убеждение, что Запад, который сначала разрушил социалистическую Югославию, а затем осуществил агрессию против Сербии в 1999 году, отняв у нее Косово, использовал Украину в качестве инструмента. К тому же считается, что судьба жителей Донбасса, если бы Россия не защитила их таким образом, была бы такой же, как судьба сербов из Хорватии, которых в 1990-е годы с помощью Запада свели к уровню статистической погрешности в общей численности населения страны. Учитывая это, значительная часть сербов рассматривает реакцию России на действия Запада на Украине как

¹ По данным опросов общественного мнения середины прошлого года, 82 % граждан Сербии выступают против введения санкций против России. Что касается членства Сербии в Евросоюзе, то 20 % однозначно выступают как сторонники этой идеи, 35 % — как решительные противники, а мнение остальных граждан колеблется между «да» и «нет». В принципе, 41,8 % граждан поддержали бы вступление Сербии в ЕС, а 48,3 % были бы против. Сербия (68,7 %) считает НАТО главным виновником военного конфликта на Украине (см.: Istraživanje NSPM: Preko 82 odsto građana protiv uvođenja sankcija Rusiji. URL: <https://www.vreme.com/vesti/istraživanje-nspm-preko-82-odsto-gradjana-protiv-uvodjenja-sankcija-rusiji/> (дата обращения: 28.05.2023)).

² В 2022 году Сербия проголосовала за предложение по резолюции, которая «осуждает российское вторжение на Украину и призывает Москву немедленно вывести свои войска с Украины», а также за отстранение России от Совета ООН по правам человека. По поводу сербского голосования Посол России в Сербии заявил, что Россия «понимает Серию» и что «это голосование является результатом сильнейшего давления со стороны США и ЕС» (см.: Боцан-Харченко: Разумијемо Србију, њено гласање у УН резултат је најјачег притиска САД и ЕУ. URL: <https://www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=466176/> (дата обращения: 08.04.2023)).

³ Помимо спорадических призывов прозападных политиков Сербии (как оппозиционных, так и находящихся у власти) ввести санкции против России, правительство неоднократно предупреждало, что будет сопротивляться давлению Запада, пока это возможно.

компенсацию за унижения, которые сербы как нация испытали в 1990-е годы.

С момента возвращения России на международную политическую арену в качестве мировой державы в начале этого века сербы ожидают от России, что она внесет коррективы в изменившиеся международные отношения, благодаря которым сербы на Балканах получают компенсацию за утрату прежнего положения и их чувство собственного достоинства будет восстановлено. Использование Украины Западом в качестве инструмента и решительный ответ России сначала в 2014-м, а затем в 2022 году рассматривались как начало перемен, которых сербы ждали почти 30 лет. Эти ожидания сербов в значительной степени основаны на русско-сербских политических связях, сложившихся еще в XIX веке, в период так называемой сербской революции, положившей конец турецкому рабству, которое длилось более пяти веков. Ключевой момент представления сербов о России как о своей защитнице связан с отношением России к Сербии во время Первой мировой войны. Покровительство Николая II в отношении Сербии в один из самых трагических эпизодов ее истории⁴ укрепило положительный образ России среди сербов и превратило русского императора в одного из самых уважаемых политических деятелей в сербской истории⁵. Продолжая эту традицию, руководство Российской Федерации с 2000 года, ссылаясь в первую очередь на упомянутую Резолюцию ООН № 1244 и не позволяя принять резолюцию, предложенную Великобританией в 2015 году, укрепляет среди сербов устойчивый положительный образ России. Таким образом, бывшие активные политические деятели Российской Федерации, такие как Евгений Примаков-старший и бывший представитель России в ООН Виталий Чуркин, заняли достойное место в нашей истории благодаря своим личным усилиям по защите позиций сербского народа.

Поддержка сербов со стороны России в XIX веке, безусловно, объясняется культурными, прежде всего религиозными связями двух народов. В сербской борьбе за свободу в период пятивековой турецкой оккупации религиозная идентификация сербов была очень важна, так что они опирались не только на православную Россию, но и на другие христианские державы XIX века — Австрию и даже Францию. То есть сербская борьба за свободу в XIX веке предполагала восстановление сербской государственности, что означало возвращение в «христианский культурный круг». Поэтому приветствовалась помощь любо-

⁴ Жертвы Сербии в Первой мировой войне были огромны. По данным мирной конференции, состоявшейся в Версале в 1919 году, Королевство Сербия потеряло в войне 1 млн 250 тыс. человек — 28 % численности населения до войны (см.: (Ne)realan broj poginulih u Prvom svetskom ratu. URL: <https://www.politika.rs/sr/clanak/416224/Ne-realan-broj-poginulih-u-Prvom-svetskom-ratu> (дата обращения: 28.03.2023)).

⁵ В описании роли Николая II в памяти сербского народа можно отметить следующую его фразу: «Вы меня не упрекнете, господи, что прежде всего я русский и что мне ближе всего интересы России, но уверяю вас, что сразу после этого я серб и что мне ближе всего интересы сербского народа...» (см.: Цар Николај II Романов и Срби. URL: <https://asasocijacija.com/prilog/rusi-i-srbija-car-nikolaj-2-romanov-i-srbi> (дата обращения: 05.03.2023)).

го могущественного союзника с христианской культурой¹.

Сравнивая нынешнее геополитическое положение Сербии с положением в XIX веке с точки зрения ее ожиданий от России, можно отметить несколько аспектов. Первый связан с ее современным геополитическим положением в узком смысле этого слова. Сербия географически отделена от России поясом стран, который создан Западом и тянется от Балтийского моря до Черного. Запад уже пытался реализовать этот замысел в начале XX века, когда стремился сформировать первое объединенное государство южных славян, а затем поддерживал руководство коммунистической Югославии². С прекращением действия Организации Варшавского договора и распадом Югославии цель геополитической изоляции сербов на Балканах была достигнута. Негодование сербов по поводу статуса «политического заповедника», в котором Запад держит сербов с 1990-х годов, подкрепляется тем, что для того, чтобы разрушить политическое пространство, в котором были объединены все сербы, национальные общины — хорваты и словенцы, освобожденные Сербией от австро-венгерского ига, использовались в качестве инструмента, так же как и албанская община в южной сербской провинции Косово.

Другой значимый аспект современных российско-сербских отношений — проблема идентичности. Уже сегодня часть политической элиты и значительная часть населения Сербии столкнулись с проблемой идентификации с интернациональной культурной средой, с тем, что пространство для маневра сузилось по сравнению с прошлыми периодами. А именно: в XIX веке сербы пытались выйти из неприемлемой для них исламской культурной среды и вернуться в лоно европейской цивилизации, включая две культурно-географические сферы — романо-германскую (западную) и славяно-русскую (восточную). Сегодня, когда европейская идея сводится только к романо-германскому миру, а ее восточная славяно-православная составляющая выдавливается, Сербия на пути к так называемой европейской интеграции сталкивается с препятствиями, которые могут оказаться для нее фатальными. Присоединение только к западной части европейского мира означает отмену трех веков союзнических отношений с Россией (без помощи которой Сербия могла бы даже не выжить в политическом смысле) и к тому же ставит нас в положение ненамного лучше того, в котором мы находились во время турецкой оккупации. В отличие от славян римско-католической веры, сербы не имеют

прочной религиозной связи с европейской идеей в западном толковании, и у них, в отличие от греков, нет даже возможности обратиться к достоинству колыбели европейской цивилизации. Иными словами, сербам угрожает опасность потерять свою историческую идентичность³.

Таким образом, современное геополитическое положение Сербии и сербов и их отношение к Российской Федерации свидетельствуют о том, что, хотя мы не жили в едином политическом сообществе, как в XIX веке, сербы по-прежнему образуют неустранимый политический фактор в Юго-Восточной Европе. Политические сообщества сербов на Балканах — Сербия как государство и Республика Сербская как территориальное образование в составе Боснии и Герцеговины — представляют собой функциональные политические образования. Сербия обладает сильным интеграционным потенциалом среди сербов на Балканах. В отличие от колеблющейся политической элиты и в отсутствие принципиального консенсуса по вопросу отношений с Западом и Россией, граждане Сербии проявляют политическую благосклонность к Российской Федерации, несмотря на свою геополитическую изоляцию от нее. Политическая социализация, обусловленная историческими обстоятельствами, несмотря на взлеты и падения в отношениях между Россией и сербами, несомненно, дала результат, свидетельствующий в пользу того, что для России Сербия и сербы на Балканах могли быть зоной геостратегического, политического и экономического интереса в будущем — при условии, конечно, что такой интерес имеется и с российской стороны. Именно этот вопрос имеет особое значение для исследователей российско-сербских отношений и других политологов: окажутся ли Сербия и сербы в фокусе российской геополитики в ее евразийскую эпоху, провозглашенную новой концепцией внешней политики Российской Федерации, согласно которой ее внимание будет направлено прежде всего на так называемый глобальный юг⁴? Если ответ на этот вопрос утвердительный, то реализация российских интересов в Сербии и вообще на Балканах в первую очередь предполагает возрождение пророссийской культурной и политической элиты, которую Россия потеряла в этом регионе после падения коммунизма и распада СССР и Югославии. «Хождение в народ» (а не опора исключительно на позиции политической элиты) и вложения в новое пророссийское «интеллектуальное ядро» — вот краеугольный камень этой идеи.

¹ Поповић В. Европа и српско питање у периоду ослобођења 1804–1918. Београд : Catena Mundi, 2020. С. 28–29.

² См., например: Нарочицкаја Н. Россия и русские в мировой истории. М. : Междунар. отношения, 2003.

³ Копривица Ч. Српски пут. Београд : Catena mundi, 2018. С. 383–384.

⁴ См.: Карпович О. Концепция долгосрочного лидерства. URL: <https://iz.ru/1493218/oleg-karpovich/kontceptciia-dolgosrochnogo-liderstva> (дата обращения: 04.04.2023).

Д. О. Бабич¹**МЕЖДУНАРОДНАЯ ЮСТИЦИЯ ПРОТИВ РОССИИ:
ИСТОРИЯ, НАСТОЯЩЕЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Обнародование Международным уголовным судом (МУС) в Гааге так называемого ордера на арест президента России Путина и Уполномоченной по правам ребенка Марии Львовой-Беловой для людей, наблюдавших за действиями западной юстиции в отношении России, не стало неожиданностью. Задолго до начала специальной военной операции на Украине разговоры о «привлечении к ответственности» России шли и в Евросоюзе, и в США, и в их странах-союзниках.

Впервые тема юридической ответственности президента Путина за якобы вызванные его действиями страдания гражданского населения была поднята еще во время второго ввода российских войск на территорию Чеченской Республики в 1999 году и последовавшего за этим периода террористической активности со стороны долго сохранявших свои базы в Чечне, Ингушетии и Дагестане исламистов.

Так, например, немецкий журнал *Der Spiegel* еще в 2004 году дал такой заголовок к статье об ответственности за гибель детей при захвате школы в Беслане антироссийскими террористами: «Захват заложников-детей в бесланской школе потряс весь мир. Но Путин все еще не хочет отказать территории Чечни»².

Логика этого заголовка и напечатанной под ним статьи журналиста Уве Клуссмана понятна: в гибели детей обвиняются не террористы, захватившие школу и мучившие детей под лозунгом «Свободу Чечне», а освободившие детей сотрудники российских правоохранительных органов и лично президент Путин, не выполнивший главное требование прикрывавшихся детьми террористов. То, что в случае выполнения этого требования на территории Чечни возникло бы террористическое государство, способное на десятки таких терактов, как в Беслане, западную прессу не волновало. И не только журналиста «Шпигеля», но и авторов 99 % статей о чеченской войне и о последующих конфликтах, в которых участвовала Россия.

Тема личной ответственности российских руководителей стала лейтмотивом западной прессы в течение всех последовавших двадцати лет, и очень жаль, что Россия много лет пыталась что-то объяснить таким журналистам, как Уве Клуссман или корреспондентка испанской газеты *El País* в Москве Пилар Бонне, работавшие в Москве британец Эдвард Лукас и американка Аппельбаум, впоследствии оказавшиеся

русофобами на грани психической нормальности. Таких людей на Западе или в любой стране «глобального Юга» объявили бы невъездными после первой же публикации на тему «Ваш президент и Гаага». И только Россия — возможно, из-за своих исторических связей с Европой и соответствующих иллюзий — много лет пыталась сотрудничать с такими авторами и что-то им объяснять.

Западные СМИ вновь подняли тему личной ответственности российского руководства после того, как Россия в сентябре 2015 года пришла на помощь сирийским войскам по официальной просьбе сирийского правительства ради спасения мирного населения Сирии от убийств и пыток, активно применявшихся воевавшими против сирийских властей исламистами.

Именно тогда вновь была поднята тема якобы личной ответственности Путина за гибель людей, ставших жертвами бомбардировок позиций антиасадовских боевиков в Алеппо, пригородах Дамаска и в других местах на территории Сирии. Активно поднимают эту тему западные СМИ и сегодня, хотя с 2014 года на первый план выходят попытки «привлечь» Россию за якобы нарушение прав украинских граждан. И это притом, что массовое нарушение прав украинцев началось с незаконного и зверски жестокого «майданного» бунта, когда в течение пяти месяцев незаконной осады Верховной Рады и президентской резиденции в Киеве погибли 38 сотрудников правоохранительных органов, а сотни были искалечены. (Западные СМИ никогда не ставили вопрос об ответственности «майдановцев» за эти смерти и телесные повреждения.)

Впервые попытка уже серьезного обращения в МУС со стороны украинских властей (при поддержке стоявших за ними правительств США, ФРГ, Франции и др.) была предпринята 4 февраля 2015 года. Обвинение — «аннексия» Крыма и Севастополя и «оккупация» Донбасса с созданием там якобы террористических организаций ДНР и ЛНР.

России надо было уже тогда немедленно прекратить любые связи с МУС, тем более что преследование этой организацией бывшего суданского президента Омара аль-Башира показало односторонность и предвзятость вердиктов МУС: из вердикта в отношении суданского руководителя следовало, будто это он один виновен в творившемся много лет в Судане сепаратистском насилии. В этих условиях глупо было надеяться на добрую волю МУС и продолжать верить в «европейскую юстицию и ее высокие стандарты», так же как прежде мы верили в «независимую и объективную европейскую прессу». Но Россия долгое время не отзывала свою подпись под Римским статутom МУС 1998 года. Хорошо еще, что этот документ не успел ратифицировать российский парламент. 17 марта 2023 года был выдан «ордер на арест» Путина и Львовой-Беловой со смехотворными обвинениями: многодетную мать Львову-Белову обвини-

¹ Журналист, обозреватель агентства «РИА Новости». Сфера интересов — международная информационная политика, новейшая история России. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Театрализация зла в романах Набокова», «Вселенная писателя не должна ничего исключать: о романах Альбера Камю», «Набоков и „новая критика“ в США», «Теория рецептивной эстетики», «Успех в журналистике — из чего он складывается и какие ловушки есть на этом пути» и др. Член Союза журналистов России.

² *Klufmann U.* Russisches Beben // *Spiegel Panorama*. 2004, 14 Dez. URL: <https://www.spiegel.de/jahreschronik/a-331448.html> (дата обращения: 13.05.2023).

ли в «депортации украинских детей», в лишении их «украинской идентичности» и отрыве от родителей. При этом под депортацией понимается спасение от бомбежек и идущих рядом военных действий с отстрелами, а под лишением идентичности — прекра-

щение русофобской пропаганды, которой дети на Украине подвергались с младших классов школы.

Но почему глаза России на МУС открылись так поздно? Почему мы не смогли научиться на опыте хотя бы того же Судана? Вопросы без ответов.

Н. С. Бондарь¹

КОНФЛИКТ КУЛЬТУР СОВРЕМЕННЫХ СУДЕБНО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ?

Современные вызовы праву и угрозы миропорядку должны оцениваться не в узком, формально-юридическом аспекте, а как системные культурологические процессы, конфликт правовых культур современной цивилизации, проявляющийся в том числе на уровне противостояния основных судебно-правовых систем современности романо-германского (континентального) и общего (англосаксонского) права.

1. Сегодня очевидным является, что общегуманистической настрой на партнерство, взаимодействие судебно-правовых систем, иллюзорно обнадеживавший многих до недавнего времени, сменился столкновением цивилизаций, гибридной войной против России по всем направлениям, включая судебно-правовую сферу, непримиримым конфликтом юрисдикций, противостоянием правовых культур. Впрочем, это имеет не только сегодняшние политико-идеологические предпосылки, но и глубокие философско-правовые, мировоззренческие корни, связанные с особенностями в подходах соответствующих правовых систем к фундаментальным конституционным ценностям современности. Одним из водоразделов, развилкой для них является вопрос о том, что должно лежать в основе функционирования судебной власти и поиска судебно-правовых решений современными национальными и наднациональными юрисдикциями: экономический прагматизм или социальная справедливость?

Для нас ответ на этот вопрос очевиден: стремление к справедливости заложено как в самой сущности права — равной, справедливой для всех меры свободы, так

и в самой природе человеческой личности, что имеет свои глубокие исторические корни. Не будет преувеличением отметить, что в аспекте справедливости (в соотношении данной категории с проблемами правосудия, судебной юриспруденцией) философами Древней Греции и юристами не менее древнего *Jus Romanum* были выработаны многие подходы и идеи, которые и сегодня не только не утратили своей актуальности, но и заслуживают пристального внимания, необходимости учета в нынешних условиях, хотелось бы надеяться, начавшегося своего рода ренессанса судебной юриспруденции. Не случайно понятия «справедливость», «юстиция», «правосудие», «закон» имеют однокоренное древнеримское происхождение — *justitia, jus*.

Между тем нынешнее понимание данной категории в правовой науке столь противоречиво, что текущее состояние «можно охарактеризовать как *научный хаос в понимании справедливости и ее соотношения с правом*»², а тем более — в соотношении справедливости с правосудием³.

2. В обобщенном плане, в том числе с ориентацией на прагматичные интересы судебного поиска справедливости, возможно представить данную категорию, по крайней мере, в следующих аспектах.

Во-первых, нравственно-этические, духовно-религиозные начала справедливости, которые в хронологическом плане имеют, пожалуй, наиболее глубокие исторические предпосылки требований справедливости и заслуживают особого внимания. Все современные мировые религии (в их классическом, а не политизированном современными условиями жизни проявлении) содержат единые в своей основе подходы к пониманию добра, уважения, сострадания, правды, справедливости и т. п. Божественная справедливость является в этом плане абсолютной, потому что именно Бог (и только он) может воздать человеку с учетом всего совершенного им (плохого и хорошего, греховного и праведного). Такое воздаяние тоже происходит на своеобразных весах Божественного правосудия, где все хорошее и плохое взвешивается предельно точно, и каждому воздается по справедливости, то есть пропорционально заслугам. Во всем этом, кстати, прояв-

¹ Судья Конституционного Суда РФ (2000–2020). Заведующий Центром судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заведующий кафедрой конституционализма Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ. Автор более 300 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Власть и свобода на весах конституционного правосудия», «Судебный конституционализм: доктрина и практика», «Экономический конституционализм России: очерки теории и практики», «Местное самоуправление и конституционное правосудие», «Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия», «Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии», «Правосудие: ориентация на Конституцию» (в соавт.) и др. Член редколлегии десяти научных журналов: «Конституционное и муниципальное право», «Журнал конституционного правосудия», *Lex russica* и др. Награжден орденом Почета, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, Почетной грамотой и благодарностью Президента РФ и др. Победитель национальной премии по литературе в области права за монографию «Судебный конституционализм: доктрина и практика» (2018).

² См.: *Vaijan V. A.* Теория справедливости: Право и экономика. М.: Юстицинформ, 2017. С. 28.

³ Некоторые имеющиеся на этот счет работы, в том числе появившиеся в последнее время (см., например: *Клеандров М. И.* Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2023), можно рассматривать лишь как первые подходы к исследованию данной проблематики.

ляются в том числе библейские представления о божественном происхождении суда, судебной деятельности как ориентированной на поиск и утверждение справедливости в человеческом обществе.

Во-вторых, сам факт того, что справедливость, если даже согласиться, что ее высшее проявление имеет божественное происхождение, реализуется на земле, в человеческом общежитии, подтверждает безусловные социальные начала требований справедливости, их наполнение глубокими социокультурными, национальными, конкретно-историческими особенностями. В этом плане справедливость — глубоко социальная категория, приобретающая в современном обществе, особенно в правосудии, мировоззренческие, социокультурные, политико-идеологические координаты, имея в виду необходимость анализировать, толковать законодательство, оценивать решения органов публичной власти, давать квалификацию поведению человека, социальных групп сквозь призму социальной справедливости, на основе критериев признаваемых в обществе и государстве ценностных ориентиров, принципов социальной, экономической политики, при активном использовании властно-правовых механизмов.

Поэтому еще один *обязательный уровень реализации справедливости* (речь идет в том числе о сфере судебной юриспруденции) — *государственно-правовой, формально-юридической*. В силу своей особой значимости, включая прямой выход соответствующих требований (справедливости и равенства) на *уровень конституционных по своей природе отношений между собственностью, властью и свободой*, формально-юридическое содержание требований справедливости имеет в современных условиях прежде всего конституционный уровень своего признания и закрепления, предполагающий регулирование соответствующих отношений (попадающих при возникновении споров и конфликтов в том числе в сферу отправления правосудия) на основе единства социальных, политико-мировоззренческих и духовно-нравственных начал справедливости. В Конституции РФ (с поправками 2020 г.) это получает реализацию не просто в отдельных положениях, но на уровне основополагающих начал, связанных с утверждением не только свободы совести и свободы вероисповедания (ст. 28), но и духовного суверенитета светского государства (преамбула, ч. 1 ст. 3 в нормативном единстве со ст. 13, 14), с одной стороны, и признанием переданной нам предками веры в Бога (ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ) — с другой. Но такой подход, содержащийся, в частности, в ст. 67 Конституции РФ, не должен рассматриваться как клерикализация конституционного права; это в большей степени предполагает возможность конституционализации нравственно-этических, духовно-религиозных начал, философско-правовое обоснование признанных Конституцией сакральных нравственных идеалов духовной (религиозной) культуры общества.

В этом плане, пожалуй, есть основания утверждать, что без библейско-философских идей невозможно обосновать естественно-правовую и государственно-юридическую правосубъектность личности, как и произвести этико-правовое измерение правосудия как особой

формы государственно-властной деятельности по защите и восстановлению нарушаемых в современном обществе требований юридической справедливости без учета нравственно-этических начал. Особую актуальность эта тематика (включая судебно-правовую) приобрела в современных условиях, когда утрата доверия к власти, отчуждение человека происходят не только в отношении государства, но прежде всего на уровне нравственно-этических начал правовой жизни. Вернуть человека в правовую среду, которая не сводится лишь к формально-юридическому регулированию, — важная проблема теории и практики современной юриспруденции.

Одновременно во всем этом наблюдается проявление единства биологического и социального, божественного и земного не только в происхождении человека, но и в статусных характеристиках, взаимоотношениях человека и гражданина с обществом и государством. В таком «триединстве» (личность—общество—государство) покоятся глубинные, сакральные духовно-нравственные, социокультурные, а не только юридические начала равенства и справедливости. В таком понимании *нормативный императив категории справедливости* не ограничивается формально-юридическим содержанием статусных характеристик личности. Это значительно более содержательная, многоаспектная категория; наряду, например, с нормативными требованиями справедливой и равной для всех правоспособности, дееспособности, равноправия, равенства всех перед законом и тому подобного она одновременно усиливается *равной для всех нормативной справедливостью* социальных, экономических, социокультурных, нравственно-этических начал, присутствующих в основах конституционного строя, компетенционных и функциональных характеристиках всех ветвей власти и их публичных органов¹.

3. На этой основе становится возможным юридическое оформление *конституционной справедливости* как универсальной категории, которая имеет межотраслевое значение для всей правовой системы, всех форм правоприменения. Не претендуя на исчерпывающие характеристики данной категории, в обобщенном плане возможно выделить, по крайней мере, следующие нормативно-правовые начала (свойства) конституционной справедливости: *во-первых*, аксиологические характеристики конституционного устройства общества и государства, их функционирования в правовом измерении требований социальной справедливости; *во-вторых*, универсальные требования юридическое равенства, включающие возможность справедливого неравенства в правовом регулировании (дифференциация) и правоприменении (индивидуализация); *в-третьих*, имущественную эквивалентность как выражение частноправовой (своего рода рыночно-экономической) справедливости; *в-четвертых*, распределительную справедливость как основу социально ориентированной политики по обеспечению условий достойной для всех жизни; *в-пятых*, условно говоря, «балансировочную» справедливость как критерий

¹ Судья КС Николай Бондарь: Конституция 1993 года — живой документ нашей эпохи // Конституционный Суд РФ : [сайт]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Press-srv/Smi/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=6294> (дата обращения: 23.05.2023).

обеспечения конституционно обоснованной (справедливой) соразмерности ограничений, баланса ценностей; *в-шестых*, равную для всех судебную защиту как юридическую гарантию справедливого правопорядка в обществе и государстве; *в-седьмых*, неотвратимость равной, но только для «равных субъектов» (!) юридической ответственности как нравственно-правовая основа конституционной справедливости в деликтных отношениях; *в-восьмых*, особый демократический правовой режим правового регулирования и правоприменения, основанный на требованиях справедливости, равном для всех уважении достоинства личности.

Важно при этом учитывать, что гармонизация формально-юридических и нравственно-этических требований в праве, правоприменении, равно как и во всех формах и направлениях государственно-властной деятельности, особенно в судебной (которая изначально по своим сущностным характеристикам ориентирована на защиту и утверждение требований справедливости), возможна исключительно на основе последовательного соблюдения национальных традиций, уважения к фундаментальным ценностным началам, относящимся к личности, обществу, государству.

В России, где сама этимология понятия «справедливость» имеет особые, глубокие нравственно-этические корни (от слова «правда»), система господствующих правовых начал всегда позволяла оценивать поступки граждан, действия органов публичной власти, в том числе с позиций греховности, добра и зла, правды и лжи, справедливости и несправедливости, честности и долга, то есть на основе обязательного учета этических, нравственных понятий и стандартов¹. Это, естественно, в полной мере характерно и для современного периода, несмотря на то, что в международном правопорядке во многих других странах происходит разрушение самих основ нормального этико-правового жизнеустройства, а России и в этой сфере навязываются чуждые ей ценности и правила поведения, фактически объявлена гибридная война.

В этих условиях тем важнее понимание исторических предпосылок и национальных традиций, связанных в том числе с современными вызовами судебной юриспруденции, что особенно остро проявляется *на развилке развития основных судебно-правовых систем современности — общего (англосаксонского) и романо-германского (континентального) права*, — важным показателем чего является их отношение к вечной идее, ценностям социальной и юридической справедливости.

4. Высокий удельный вес социокультурного, мировоззренческого наполнения фундаментальных идеалов конституционализма подтверждает тот очевидный факт, что при наличии общих представлений о конституционных идеалах имеют место серьезные различия как в их доктринальном, философско-правовом понимании, так и в практических подходах к реализации в англосаксонской и романо-германской (континентальной) правовых системах.

¹ Бондарь Н. С. Конституция России в условиях глобальных перемен правовой жизни: от политических иллюзий к юридическому реализму // Журнал российского права. 2018. № 12. С. 18–32.

Не касаясь исторического правогенеза, включая историю выбора Россией континентально-европейского пути правового развития², важно учитывать в данном случае воспринятый от римского права высокий уровень доктринальности, системно-методологической проработанности, структурированности, концентрации в ней нравственно-этических начал. Это не случайно: нравственно-этические начала, определившие континентальное право, были в их исходном, генетическом плане «переведены», трансформированы с языка греческой философии в координаты точных юридических формулировок римского права; в дальнейшем эти процессы получили мощное философско-мировоззренческое, методологическое обоснование посредством активного влияния на континентальное право (особенно конституционное) классической немецкой философии.

В этом плане естественным выглядит то обстоятельство, что историческими особенностями формирования правовых систем во многом предопределяются их глубинные мировоззренческие особенности, имея в виду в том числе ценностные характеристики, получающие юридическое оформление в виде фундаментальных конституционных начал соответствующих правовых систем. Вместе с тем при наличии глубоких национальных, исторических, философско-мировоззренческих различий между современными правовыми системами важно учитывать и то обстоятельство, что они не могут не иметь неких общих ориентиров функционирования. В конечном счете эти ориентиры и идеалы связаны с взаимоотношениями власти и свободы, государства и личности, а своего рода общим знаменателем и одновременно ценностным ориентиром реализации таких взаимоотношений, по крайней мере на уровне судебно-правовых систем, является универсальная *категория общего блага*. В основе понимания общего блага лежат подходы, связанные с поиском баланса ценности власти и свободы, публичных и частных интересов, подразумевая, что в конституционно-правовом плане категория общего блага, с одной стороны, воплощает аксиологические ориентиры поиска фундаментальных начал современного конституционализма, а с другой стороны, именно в этой категории проявляются принципиальные философско-мировоззренческие различия в подходах континентально-европейской и англосаксонской правовых систем к фундаментальным началам конституционализма³.

5. В обозначенном аспекте допустимо говорить о двух основных подходах, которые по-разному определяют ценностные ориентиры взаимоотношений власти и свободы, в том числе при поиске баланса публичных и частных интересов и ориентации на этой основе

² На этот счет существуют, как известно, различные мнения и оценки. См., например: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988; Раймон Л. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. 2-е изд. М., 2009; Синюков В. Н. Российская правовая система. 2-е изд. М.: Норма, 2012; Марченко М. Н. Правовые системы современного мира. 2-е изд. М., 2009.

³ См.: Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.

к достижению общего блага. Это утилитаризм (экономическая полезность) и социальная справедливость¹.

Для англосаксонской правовой системы характерен в этом плане последовательный утилитаризм. Генетически он связан с экономическими факторами, ориентацией на материальные выгоды, деловой, финансово-экономический успех, а в основе его доктринально-юридического обоснования лежат постулаты экономической школы права, включая идеи «конституционной экономики», получившие, кстати, недостаточно критическое восприятие в нашей правовой науке². Безусловным критерием поиска баланса интересов и одновременно ценностным ориентиром достижения общего блага выступает в этом случае экономическая полезность принимаемых решений, в том числе на законодательном уровне. Поэтому и в нормоконтрольном, практико-прикладном аспекте предлагается исходить из того, что соотносимое с конституционными требованиями право должно искать не то, что справедливо, а то, каким образом могут быть удовлетворены прежде всего экономические интересы в конкретном правоотношении.

Очевидно, что культивируемый в том числе на конституционно-правовом уровне экономический прагматизм во многом предопределяет западную модель общества потребления. Критерием юрисдикционного поиска баланса интересов выступает в этом случае степень (уровень) удовлетворения потребностей участников отношений; очевидно, однако, что поиск баланса интересов, основанный на экономической полезности, материальной целесообразности, неизбежно связан (по крайней мере в конечном счете) с уровнем удовлетворенности, (не)достаточности благ. Для оценки этой ситуации вполне уместна формула, своего рода крылатые слова: «*Мало много иметь; нужно еще, чтоб хватало*». В этом плане в основе правовых, в том числе судебных, подходов в поиске баланса интересов должны лежать показатели, связанные не с координатами потребительской формулы «много–мало», а с понятием «достаточно». Своего рода *мерой достаточности, баланса публичных и частных интересов является категория справедливости*, которая выступает в этом случае одновременно конституционным критерием оценки общего блага, равно как и поиска баланса власти и свободы.

Исторически эти подходы связаны с особенностями романо-германской правовой системы, нормативное и доктринальное обоснование которой происходило на основе рецепции римского права. Не будет преувеличением сказать, что «юридическое обоснование справедливости (как категории *aequitas*) явилось одним из главных исторических достижений античной и средневековой юриспруденции; не случайно специалистами давно отмечалось, что «ни одно из самых блестящих

положений римского права не обеспечивало за ним в такой мере право на бессмертие, как его отношение к *aequitas*... Представляя собой с субъективной стороны лишь известную добродетель, *aequitas* в то же время определяло содержание норм. Право признавалось естественным, когда в нем видели нечто всеобщее, неизменно правильное и справедливое...»³

Нормативно-доктринальное обоснование категории социальной справедливости как критерия гармонизации отношений власти и свободы, достижения на этой основе общего блага, предполагающего пользу (включая экономическую) для всех и каждого, имеет повышенную актуальность для судебной деятельности, в том числе конституционно-нормоконтрольного и интерпретационного обеспечения верховенства Конституции. Ведь Конституция сама по себе выступает концентрированным выражением метаюридических начал справедливости; общее же благо необходимо рассматривать в этом случае за пределами арифметического суммирования (тем более деления) благ для отдельных граждан, организаций, иных субъектов права⁴.

6. В этом находит свое отражение тот факт, что своего рода *философско-правовой основой ориентации правосудия на общее благо как критерий гармонизации отношений между властью и свободой является концепция приоритета целого над частью*. Ее истоки — в аристотелевской «Метафизике» с постулатом о том, что «целое не важнее, а больше, чем сумма частей». В последующем эта, казалось бы, внутренне противоречивая формула получила обоснование в рамках философской школы холизма, которая сегодня, как представляется, переживает ренессанс: на смену механицизму, редукционализму приходит холизм, то есть философия целого, единого. Национально-специфический подход России к организации и осуществлению публичной власти, ее взаимоотношениям с личностью и обществом должен, вероятно, осмысливаться во многом с позиций холистического правосознания, стремления к государственной целостности, единству общества на основе социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1 Конституции РФ), что, однако, проявляется не только посредством централизации, универсализации, но и оптимальной дифференциации в тех сферах, где это оправданно и необходимо⁵.

Содержание и пределы такой централизации, универсализации и дифференциации неминуемо предполагают необходимость поиска баланса публичных и частных интересов, власти и свободы на различных уровнях их проявления, что ярко проявилось в том числе в свете поправок 2020 года: теперь наш Основной закон ориентирован на понимание справедливости как юридической меры свободы и равенства и одновременно социально значимого фактора конституционно

¹ См. подробнее: Дедов Д. И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. М., 2003; Момотов В. В. Принцип справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правовых порядков // Российское правосудие. 2017. № 12. С. 16–24 (ч. 1); 2018. № 1. С. 35–48 (ч. 2).

² См. об этом подробнее: Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма, 2017. С. 14–24.

³ См.: Kunn T. История источников римского права. СПб., 1908. С. 8.

⁴ См.: Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы...

⁵ См.: Пути развития философии права в России: круглый стол Междисциплинарного центра философии права Института философии РАН / А. А. Гусейнов, В. С. Степин, А. В. Смирнов [и др.] // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 23–25.

оправданной дифференциации, адресной социальной поддержки граждан в нормативном единстве с конституционными требованиями взаимного доверия государства и общества, защиты достоинства граждан (ст. 75.1, 75.6, 75.7 Конституции РФ).

В этих новых конституционных положениях получили реализацию в том числе правовые позиции Конституционного Суда (КС) РФ, предполагающие, что конституционный принцип справедливости носит комплексный, по сути, всеобъемлющий характер, включает начала как дистрибутивной (распределительной), так и ретрибутивной (уравнительной) справедливости, предполагающей пропорциональность, соразмерность. В этом плане практика КС РФ демонстрирует ориентацию на выявление в соотношении с требованиями справедливости не только негативных (антидискриминационных), но и позитивных аспектов равенства, что получило обоснование в требованиях: а) равенства стартовых позиций (постановления КС РФ от 15 мая 2006 г. № 5-П, от 5 июля 2017 г. № 18-П); б) справед-

ливого равенства возможностей, имея в виду равенство прав и свобод (постановления КС РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П; от 13 мая 2014 г. № 14-П); в) справедливого неравенства результатов на основе, в частности, преодоления несправедливого равенства (постановления КС РФ от 11 июля 2017 г. № 20-П; от 13 декабря 2016 г. № 28-П), преодоления несправедливого неравенства (Постановление КС РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П) и т. п. В обобщающе-статистическом плане уместно отметить, что практически в 2/3 постановлений КС РФ использовал категорию справедливости в качестве критерия конституционности проверяемых нормативных правовых актов¹.

Предложенными подходами, естественно, не исчерпываются представления о противоречиях и тенденциях развития, гносеологии современной судебной юриспруденции, оцениваемой, в частности, на развилке важнейших, конституционно значимых ценностей современных правовых систем, к которым относятся ценности социальной и юридической справедливости.

И. И. Бузовский²

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ БЫТИЯ

Глубинные изменения в общении между людьми и информационная революция привели к радикальным трансформациям в мировой картине жизнеустройства. Виртуальные информационные сети человеческих коммуникаций, не ограниченные традиционными рамками, обеспечивают глобальный доступ к контенту и преодоление пространственных ограничений. Констатируется факт, что реальностью становится достижение идеала всеобъемлющего процесса интеграции и что тот, кто не готов вступить в такое интеграционное сотрудничество, окажется в «хвосте» реальной действительности и будет забыт в архивах мировой истории.

Современное общество сталкивается с постоянными проблемами и угрозами, вызванными, наряду с техногенными, экологическими, демографическими и другими катастрофами, а также разрушением духовных и социальных традиций, основанных на духовно-нравственных принципах. Тенденцией последнего времени являются угрозы, связанные с социально-культурной трансформацией общества, что может привести к упразднению его органично-целостных основ и за-

мене их механической системой функционирования. К такого рода угрозам необходимо отнести кибернетизацию и роботизацию, подмену ценностей и норм социально-культурного взаимодействия сетевой коммуникацией Интернета, а также замену природного естественного интеллекта человека искусственным интеллектом машины. Эти угрозы обострили проблемы как биоэтики, так и этики-морали. При этом они стали глобальными проблемами, а не локальными, как было бы в национально ориентированном обществе. Для стран постсоветского пространства эти вызовы и угрозы стали дополнительной проблемой после проведения тотальной коллективизации, агрессивного насаждения атеизма, искоренения религиозных традиций. Непосредственно постсоветское пространство также столкнулось с вынужденной экономической глобализацией, необходимостью отстаивания национальных интересов в условиях массивного давления либеральных паттернов, ценностных платформ, ментально неприемлемых населением шестой части суши земного шара.

Объективно следует отметить, что глобализация может приносить ощутимые преференции для одних стран и становиться несчастьем для других. Раскрыть смысл глобализации по ее проявлениям — процесс довольно сложный. За анонимностью глобализации присутствует четкая, достаточно понятная заинтересованность определенных сил. При этом сегодня практически во всех странах абсолютное большинство людей не имеют возможности влиять на ход событий. Поведение населения и отдельных индивидуумов программируется и влечет за собой невообразимые последствия.

Анализ влияния глобализации на конкретные области общественного и личного бытия показывает,

¹ См.: Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы...

² Заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук. Занимал руководящие должности в Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь. Был вторым, затем первым секретарем Центрального комитета Белорусского республиканского союза молодежи. Работал в главном идеологическом управлении Администрации Президента Республики Беларусь. Был заместителем главы Администрации Президента. Возглавлял администрацию Центрального района Минска. Был заместителем председателя Постоянной комиссии по образованию, науке, культуре и социальному развитию Совета Республики Национального собрания. Член Национальной комиссии по правам ребенка. Награжден орденом Почета.

что преимущества этого процесса неравномерно достаются другим странам. Государства западного мира быстро обретают преимущества от глобализации, ускоренно внедряют новые технологии посредством получения выгоды от либерализованных торговых правил. В то же время страны, отнесенные к категории третьего мира, находятся в положении изгоев.

Развитие новых средств массовой коммуникации вызвало рост рынка глобальной культуры, а унификация стандартов производства, управления и организации работы подавляет местные культурные основы и традиции. Как результат — даже базовые представления о том, что является допустимым и должно быть принято в нашем обществе, принимают уродливые формы.

Но являются ли сами по себе глобализация, глобальный мир угрозой цивилизационному развитию? Силы, использующие глобальные общественные процессы, могут совершенно по-разному оцениваться с точки зрения направленности их воздействия и соответствия целеполаганию оценивающих их сил. Так, если бы в современных процессах общественного развития доминировали наши идеологии, стратегии и смыслы, то при оценке результатов общественных процессов у нас не было бы сомнений в целесообразности и позитивности происходящего. Конфликт цивилизаций, многополярность общественного развития автоматически обуславливают конкуренцию, неудовлетворенность доминированием той или иной отличной от других идеологии. Процесс глобализации в данном случае принимает вторичное значение, так как является всего лишь инструментом влияния, распространения, достижения целей. Если будут доминировать наши идея, идеология, смыслы, то и глобальность их распространения станет, с нашей точки зрения, позитивным явлением. Доминирование на данном этапе общественного развития идеологии, противостоящей нашей, подразумевает в первую очередь поражение нашей идеологии, ее неспособность победить и стать актуальной для массового общественного сознания, утрату ею аргументаций, отвечающих глобальной современности.

Однако есть обстоятельство, позволяющее интерпретировать ситуацию с иного ракурса — с точки зрения первоочередности не сути, а техники продвижения идеологий и смыслов. Кто эффективнее использует технические средства продвижения, тот и доминирует посредством своей идеологии и ценностей. В данном случае необходимо также признать проигрыш в создании механизмов и их освоении.

Возможно, цивилизационный путь развития, вступающий исторически в конфликт с разрушительными силами и идеологиями, столкнулся с ситуацией, когда одна из сторон многополярного мира, имеющая амбиции на преобладание в общественном сознании, но неспособная завоевать умы, выбрала на определенном этапе эффективный инструментальный, стратегически сменив подходы к противоборству. Отойдя от глубинных изысканий и борений философского порядка за умы, они обратились не к смыслам, а к механизмам продвижения, способным в силу различных причин

обеспечить доминирование. Это было успешно воплощено посредством реализации таких направлений, как политические и коммуникационные технологии, PR, а также более масштабных механизмов глобализации в целом.

Произошло преломление борьбы духовного и материального, к которому в данной ситуации следует отнести аксиологические приоритеты в отношении экономики, обеспечивающей не эфемерные для масс заоблачные перспективы, а реально ощутимые итоги, результаты принимаемых управленческих решений, которые можно попробовать, взвесить, посчитать и использовать в повседневной жизни для повышения своего материального благополучия. В то время как идеология, духовные, культурные задачи, которые хотя и являют веками транслируемую истинность, но вызывают сомнения по причине абстрактности при реальности, громкости, настойчивости, яркости и вкусоности альтернативы.

Как результат — интегрированное в общественное сознание силами, консолидированными в однополярном векторе, ценностное превалирование материальных категорий при одновременном удовлетворении потребности индивидуума в социальном признании, стремлении к успешности. Успешность личности как трудолюбивой, милосердной, высоконравственной, духовно богатой утратила в общественном мнении былое значение и замещена результатами, возможно, полученными посредством тех же качеств, но без констатации их актуальности, то есть исчезла данная причинно-следственная связь. Шикарная машина, большой дом, отдых на дорогих курортах и тому подобное как мера и ключевые реперные точки по мере роста этой «успешности». Результаты такого рода более понятны, осязаемы, возможность их демонстрации, а также независимость от высоких канонов приобретают статус оценочной шкалы, становятся регулятором личностного статуса в социуме. Успешность, выраженная в конкретных физических величинах, суммах, удобна и понятна, и не важно при этом, что кто-то ранее транслировал, что успешность — это иное. Те, кто продолжает исповедовать данные каноны, в современном общественном сознании являются в лучшем случае менее успешными, а при более категоричной оценке — маргиналами.

Можно констатировать, что наше видение многополярности, выраженное в традиционалистских идеях, национально ориентированных стратегиях развития и представленное соответствующей идеологией, по причине стремления к продвижению базовых концептов традиционно основывается на необходимости концептуального, теоретического развития, на уровне осознания миропонимания новой эпохи.

Между тем архаичные формы пропаганды, использование технологий, которые разработаны противниками, стандарты, навязанные якобы успешными системами по причине того, что они являют видимую удовлетворенность общества, на протяжении долгого времени заведомо ставили идеологии национально ориентированных сообществ в проигрышные условия. Здесь уместна аналогия с русской народной сказкой о Журав-

ле и Лисице, где демонстрируются итог приоритетного права выбора условий, правил игры и его результат.

То же самое происходит и с либерализацией экономики, всеми рейтингами открытости экономики и общества. Все постсоветские годы мы старались завоевывать высокие места в рейтингах, примеряя на себя навязываемые нам модели, не учитывая местных реалий и опыта, нашего традиционного уклада. В результате на всем евразийском пространстве мы сформировали экономическую среду, в огромной степени зависимую от внешних факторов и внешних акторов, которые, как показывает практика, в критический момент в угоду своим интересам готовы уничтожить наши страны экономически и политически.

Выскажу крамольную мысль: а ведь может случиться так, что нам, чтобы сохраниться как странам и народам, придется отказаться от основ глобальной экономики, интернет-коммуникаций и ряда прочих благ цивилизации. Многие спросят: а разве можно сегодня выжить без такого «бухучета», без современной экономики? Отвечу: можно, если хотим выжить и сохранить идентичность. Перевод приоритетов борьбы за идеологию из сущностной в материальную, техническую сторону, к экономическим приоритетам, стандартам вроде бы и предполагает единые правила, но с заведомо предрешенным результатом. Шизофрения, разделение личности, когда традиционалистские ценностные подходы транслируют определенный стратегический курс, а экономические и технологические стандарты, выбранные как современный тренд успешных моделей, предлагают свой механизм реализации задач общественного развития, приводят к необратимости застоя и разложению общественной системы. В этом случае общество стремится прильнуть к новым источникам знаний, которые не обсуждаются и по умолчанию принимаются, так как демонстрируется результат альтернативных стратегий. При этом неважно, что он может быть получен при перекатке ресурсов противоборствующих сил от побежденных к победителям.

Мысль о том, что успешность и результативность получены за наш счет, неприемлема, так как осознание понятия «наш» также утрачивает прежнее значение. Есть новое глобальное, общее, приводящее к распределению не по геополитическим параметрам, требующее перерисовки политических карт мира в карты сфер влияния, на которых в случае раскрытия реальных механизмов управления будут обозначены экономические, глобальные структуры, банковские, корпоративные, получившие в глобальном мире наряду с глобальным экономическим, геополитическим и аксиологическое доминирование.

Технологии организации работы, получившие практическое подтверждение в ходе исторических событий, до сегодняшнего дня традиционалистскими силами воспринимаются как сопутствующие, не требующие смены парадигм, существующих правовых, организационно-управленческих норм. Сегодня необходима отладка механизмов системы государственного управления, структур, являющихся системой государственного аппарата, организаций, сопричастных с бюд-

жетным финансированием. Уникальными до сегодняшнего дня являются и лексический аппарат, и терминология на инородном языке доминирующих стратегий, которые для организации работы неприменимы. Такие понятия, как «таргетинг», «электронный кошелек», «seo-продвижение» и прочие, являются повседневными для современности и интегрирования в общественное сознание необходимых глобальных и локальных установок, но недопустимыми для казенных, традиционных стандартов, обеспечивающих необходимое бюджетное финансирование проектов, программ государственных структур. Исходя из практики современного государственного бюрократического механизма, можно констатировать, что формирование проектно-сметной документации по реализации проектов любого уровня с использованием данных терминов невозможно, так как они до сегодняшнего дня не имеют четких формулировок для последующей тарификации, подсчета, отчетности. Соответственно, это выводится за рамки возможного использования без оговорок и уловок, которые принимаются правилами организаций, профилируются и широко привлекаются для продвижения идеологии. В таких рамках сложно монетизировать идею проекта, концепцию и т. д. Слова «за идею нужно платить» остаются уделом в лучшем случае творческой среды. Примером их использования при реализации своих стратегий и шествующих победным маршем в современности являются идеи, эффективно применяющие глобальные процессы.

Зачастую с нашей стороны налицо увод от реальных целей и забалтывание процесса, в том числе и того, цель которого — организация общественного жизнеустройства, путь цивилизационного развития, жизненные идеалы, смыслы и ценности. В свою очередь, сторонники глобалистского пути развития или же идеологии, первенствующие сегодня в обществе, используют принцип, выраженный во фразе, приписываемой Никколо Макиавелли, которую он высказывал в своем труде «Государь»: «Цель оправдывает средства».

Так, возведенная в ранг абсолюта борьба с коррупцией является второстепенной. Якобы в организации общественных эволюционных процессов есть более негативные явления и препятствия. Среди них — бюрократизм, одним из крайних проявлений которого является в последующем коррупция. Именно в такой последовательности (и никак иначе) воспринимает система глобализма теоретические и практические каноны при достижении собственного целеполагания. Подмена понятий в виде замещения целей общепризнанными, воспринимаемыми как актуальные, гиперболизация проблемы (борьба с коррупцией) позволяют направить весь общественный ресурс в иное направление. Ложная стандартизация, осуществляющая подмену понятий и целеполагания, делает необходимыми следование традициям, определение приоритетности недопущения коррупционной составляющей в противовес целям, ради которых организован весь процесс и система в целом. Как итог, формула организации жизнедеятельности — живем ради процесса, а не ради результата достижения цели.

Перевод усилий конкурирующих общественных формаций, их элит на механику процесса, в материальную, экономическую плоскость, где уже созданы условия, правила игры (которые придуманы противником), позволяет либеральным стратегиям констатировать актуальность, цивилизованность глобалистского пути развития.

Решение вопросов посредством напряжения в цепи всего общественного механизма для достижения механического, материального, экономического результата с соответствующими показателями при практически полном игнорировании либо придании статуса obsługi аксиологическому аппарату общественного развития, нивелирование первоочередности целеполагания, жизненных смыслов — такой путь будет отвечать всем чаяниям обществу в сиюминутных оценках организации процесса жизнедеятельности в краткосрочном периоде, но с постоянным нагнетанием ситуации и ростом социальной тревожности.

Одним из многочисленных примеров может служить система принятия управленческого решения в вопросе, связанном с минимизацией показателей смертности на дорогах. Так, для разрешения негативной ситуации сегодня в систему государственного управления направляются огромные ресурсы на благоустройство, контрольные функции, создание информационных платформ, цифровизацию правительства. Но если поставить вопрос по-другому: «Будет ли сегодня всерьез воспринято предложение о перенаправлении львиной доли этих ресурсов из плоскости материального решения проблемы в плоскость смыслов, ценностей?» Направление аналогичных ресурсов на концептуализацию ее нравственной составляющей, морализацию проблематики, создание системы общественного порицания, неприятия определенного поведения, которое по результатам анализа вопроса является первопричиной проблемы (несоблюдение правил технического осмотра, перегруз и так далее — погоня за экономической выгодой), в синтезе могло быть дано большее и, главное, долгосрочный эффект.

Функцию создания устойчивых общественных смыслов ранее выполняла религия, затем попытку замещения совершили политические, общественные структуры через культурологические составляющие, духовно-нравственные, моральные устои. Сегодня это разрушенная инфраструктура, которая в хаотичном порядке с теоретической подложкой культуры постмодерна создает общество уникальных индивидуумов, свободных в конечном счете не только от традиций, ценностей, но и от самой морали, заложенных в генетическом коде нынешнего и предыдущих поколений.

Указанную проблему, касающуюся замещения отживших аксиологических предпочтений и поиска нового ценностного аппарата, отчетливо выразил философ, психолог Людвиг Дюга, сформулировав вопрос: «Как найти религию, великую концепцию, которая гораздо лучше, чем предыдущие, смогла сохранить общество и противостоять звериным инстинктам человека?»¹

¹ Dugas L. La dissolution de la foi // Revue philosophique. 1898. Т. 46, № 9. Р. 249.

Эмиль Комб выразил данную проблему также вопросом: «Прежде чем отдать насмарку религиозные идеи, вы должны поставить перед собой вопрос: чем мы заменим их?»² Необходимо отметить, что понятие «религия» понималось как консолидирующее для таких понятий, как «мораль», «идеология», «мировоззрение», «культура».

Являясь неотъемлемой частью механизма формирования общественных смыслов, культура во все времена выполняла определенную миссию, но всегда строилась на принципах классической преемственности и целях достижения совершенства. Чем больше человек встроен в классическую культурную парадигму, чем активнее он приобщается к культурному наследию, тем выше степень его социализации. Таким образом, культура в классическом понимании способствовала формированию социальных связей, общению и взаимодействию людей, а также поддерживала традиционные общественные ценности.

Современность констатирует совершенно иные реалии. Общепринята концепция о том, что в глобальных процессах традиционалистская система ценностей, основывающаяся на традиционной культуре, сталкивается с культурой и системой ценностей, опирающейся на либеральные, демократические ориентиры эпохи постмодерна. Но ошибочно интерпретировать борьбу двух систем как борьбу эпох, предусматривающую преемственность старого мира и современного. При данной интерпретации культурологическая составляющая общественного развития в соответствии с исторически сложившимися цивилизационными механизмами преемственности трансформировала бы определенные ценности сообразно мировым тенденциям. В реальности развивается ситуация с принципиальным отторжением преемственных тенденций, культивированием жесткого противостояния систем традиционализма и либеральных ценностей, которые не ассоциируются с временными рамками общественного развития.

Современная массовая культура насыщена образами и идеалами индивидуализма, когда приоритет отдается личным целям и интересам, а не коллективным. Эта тенденция отражает глобальный процесс изменения социальных структур и социальной организации, который и приводит к атомизации общества, остановке его цивилизованного развития.

Свидетельством актуальности культурологической составляющей в личном и общественном развитии могут являться результаты исследований белорусских ученых, демонстрирующие показатели, при которых чем выше социокультурная активность личности, тем в большей степени выражена ее идентификация с определенной группой. Иными словами, чем социокультурно активнее респондент, тем чаще он чувствует общность с разными группами людей³.

Представители сверхдержав, претендующие на долгосрочную однополярность, в борьбе за свой аксиологический уклад с помощью средств массовой коммуникации, культурных центров, неправительствен-

² Цит. по: Зеваз А. История Третьей республики (1870–1926). М.; Л.: ОГИЗ, 1930. С. 268.

³ Лащук И. В. Социокультурная трансформация современного белорусского общества. Минск: РИВШ, 2022.

ных организаций, зарубежных экспертов транслируют свои ценности, образцы поведения, добиваясь экономической и социально-культурной экспансии. Финансируя культуру, науку и образование, на международном уровне можно достичь стратегических задач, которые традиционалистские стратегии продолжают решать старыми способами с опорой на веру в их вековую апробированность.

Фонд Рокфеллера утверждает, что «ключом к достижению целей устойчивого развития является мобилизация большей доли более чем 200 трлн долларов США в ежегодных потоках инвестиций частного капитала на цели развития и благотворительность»¹.

Тесное взаимодействие подобных элементов глобальных либеральных трендов наблюдается в рамках нашего Союзного государства, в том числе между неправительственными организациями и зарубежными экспертами. Например, Цели в области устойчивого развития (ЦУР), разработанные в 2015 году Генеральной Ассамблеей ООН и реализуемые через неправительственные структуры, в Республике Беларусь в период жесткой санкционной изоляции по-прежнему стремятся вести свою масштабную программно-проектную деятельность. Так, с учетом того, что финансирование по причине санкций в нашей стране напрямую невозможно, оно осуществляется через структуры Российской Федерации. Следует отметить и тот факт, что руководителем ЦУР в Беларуси является Иоанна Казана-Вишневецки, которая приступила к обязанностям Постоянного координатора ООН и в рамках компетенции ЦУР в Беларуси в 2018 году. Ее карьера строилась в ООН в Польше (Варшава), Литве и на Украине, а перед приездом в Беларусь — в США (Нью-Йорк).

С апреля 2019 года в должности Постоянного представителя Программы развития ООН (ПРООН) в Беларуси сегодня пребывает Александра Соловьева, гражданка Российской Федерации, магистр государственного Колорадского университета в Денвере (США).

С ноября 2012 года офисом финансовой корпорации IFC в Беларуси руководит магистр бизнес-администрирования (МВА) Университета Миссисипи (США) Ольга Щербина. Она отвечает за разработку и реализацию стратегии IFC в стране, поддержание диалога с правительством, развитие инвестиционной программы и курирование проектов консультативной помощи IFC, реализуемых в Беларуси.

Не будет открытием то, что человек, структуры, впитавшие ценности стран, продвигающие однополярность, основанную на либеральной культуре, не смогут существовать и тем более способствовать созиданию в условиях устремленности государственной традиционалистской идеологии к социальной справедливости, высоким духовно-нравственным ценностям. Более того, подобные личности и структуры будут выступать деструктивной основой для общественного развития.

В последнее время в России и Беларуси был принят целый ряд важнейших нормативно-правовых ак-

тов, призванных закрепить приоритет традиционных ценностей в развитии нашего общества. Это и изменения в конституциях наших стран, и знаковый Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», и целый ряд концептуальных документов в сфере национальной безопасности, патриотического воспитания населения и молодежной политики — в Беларуси. Однако получили ли эти документы должную реализацию по всем предполагаемым направлениям и сферам в образовании, воспитании, формировании общественного мнения посредством медийной составляющей? Вопрос риторический.

При рассмотрении исключительно технического аспекта нельзя не отметить несоответствие вроде бы высоких достигнутых показателей в сфере информационно-коммуникационных технологий реальному результату с точки зрения информационно-идеологической безопасности общества. Так, по различным рейтингам Беларусь входит в ТОП стран (16-е место) по доступу к ИКТ². И Беларусь, и Россия по различным параметрам (общий охват населения, широкополосный доступ, стоимость и качество интернет-услуг и т. д.) опережали большинство даже европейских государств, не говоря уже про другие части света.

Еще в 2020 году услугами глобальной компьютерной сети в Беларуси пользовалось более 85 % населения в возрасте от 6 до 72 лет³. Если посмотреть с точки зрения количественного показателя, выполнения мировых стандартов в области уровня жизни и тому подобного, то это, безусловно, большое достижение. Но только в 2020 году, когда в Беларуси была предпринята попытка мятежа и государственного переворота, абсолютное большинство деструктива, угрозы общественно-политической стабильности страны было обеспечено посредством возможностей сети Интернет. Фактически мы в целях оздоровления государственного организма, придания ему дополнительных импульсов развития, получения полезных питательных элементов легли под капельницу и подключили системы жизнеобеспечения, контролируемые сторонними силами, которые в итоге вместо живительных сил запустили смертоносные для организма яды, манипулируя общественным сознанием через подключенные нашими же руками системы.

Наиболее успешным примером страны, которая демонстрирует возможность формирования реальной многополярности в условиях современных вызовов и добивается впечатляющих экономических результатов, при этом сохраняя идентичность, многократно упрочив свои позиции на международной арене, является Китайская Народная Республика.

² Справочная информация о показателях Республики Беларусь в Глобальном индексе инноваций 2021 года // Национальный научно-технический портал Республики Беларусь. URL: <http://www.scienceportal.org.by/upload/2022/Fab/GII%202021.pdf> (дата обращения: 21.04.2023).

³ Анализ рынка услуг передачи данных в 2020 году // Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://www.oac.gov.by/news/internet/service-market-analysis> (дата обращения: 20.04.2023).

¹ Horton S. Financing the Sustainable Development Goals // Achieving the Sustainable Development Goals. Abingdon, Oxon ; N. Y., NY : Routledge, 2019. (Series: Routledge studies in sustainable development: Routledge). P. 206–225.

Такая устойчивость Китая к внешним факторам и давлению обусловлена в том числе системой ценностей, которой эта страна придерживается не на словах, а на деле во всех сферах жизнедеятельности: политике, экономике, социальной сфере, вопросах государственного и общественного строительства. Ценности эти, не просто постулируемые, а системно реализуемые, берут свое начало в конфуцианстве и преемственно проходят через все этапы истории Поднебесной, прочно закрепившись в культуре, языке и подсознании каждого ее жителя.

Таких ценностей провозглашено двенадцать, и называются они «Сердцевинные социалистические ценности воззрения». Впервые они были представлены в ноябре 2012 года в отчетном докладе ЦК на XVIII съезде Коммунистической партии Китая. Ценности включают три группы: ценности государства (богатство и сила, демократия, цивилизация, гармония), ценности общества (свобода, равенство, справедливость, правовое правление) и ценности человека (патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбность).

При отсутствии нарочито идеологических концептов бросается в глаза непривычная для западной культуры иерархия ценностей. Она построена сверху вниз — от государства к обществу и далее к человеку, что в корне не соответствует постоянно декларируемой западной модели, полной и абсолютной свободы и верховенства индивидуума, что, впрочем, является фарисейством и служит совершенно другим целям.

Если рассматривать чисто технический аспект, то и здесь КНР стала одним из признанных лидеров. Так, уже в 2020 году по доле в мировом высокотехнологичном экспорте Китай стал безусловным лидером (25,8 %), на втором месте — США (7,1 %). КНР быстрее других стран развивает мобильную связь стандарта 5G (на сегодняшний день построено более 2,6 млн базовых станций), что является залогом перспективного развития инновационных отраслей экономики¹.

При огромном количестве интернет-пользователей (более 1 млрд чел.) КНР фактически удалось выстроить собственную национальную интернет-эко-среду, включающую такие гиганты, как «китайский Google» — поисковик Baidu (79,5 % поискового рынка Китая), а также социальную сеть-мессенджер WeChat (1,2 млрд активных пользователей ежемесячно)². Успех китайского приложения TikTok, число пользователей которого по всему миру перевалило за 1 млрд, растет в геометрической прогрессии, а главное — обеспечивает невиданную доселе вовлеченность молодежной и детской аудитории³.

Кроме того, в Китае выстроена и эффективно действует одна из самых совершенных систем по ограничению интернет-контента — в 1998 году запущен «Золотой щит», за рубежом известный как «Великий китайский файрвол» (Great Firewall of China). Рабо-

тавшая на полную мощность в 2003 году система базируется на анализе трафика, проходящего через три контрольных международных шлюза — пекинский, шанхайский и гуанчжоуский. Система не только не разрешает доступ к черному списку сайтов, блокируя их по IP- или URL-адресам, но и при помощи фильтрации пакетов данных блокирует сайты по ключевым словам. Соответствующие запросы через крупнейшие поисковые системы, в том числе иностранные Google, Yahoo, также не дают желаемого результата. Благодаря искажению DNS по запросам URL, содержащим ключевые слова (ими могут быть доменные имена), сайты могут просто не находиться. Файрвол блокирует жителям Поднебесной доступ к таким ресурсам, как Twitter, Wikipedia, YouTube и Facebook⁴. Фильтруются также поисковые запросы, в которых власти усматривают угрозу национальной безопасности страны⁵.

В рамках ежегодно проводимых кампаний по борьбе с нежелательным контентом разово закрываются десятки и даже сотни тысяч интернет-ресурсов. В последнее время государство с помощью как правовых, так и административных, а также косвенных бизнес-механизмов серьезно ужесточило контроль в таких сферах деятельности, как интернет-торговля и негосударственное онлайн-образование, активно вводится в действие система социальных рейтингов⁶.

Идеология национально ориентированного развития, самостоятельности, информационного, культурного суверенитета, противостоящая доктрине растворения в глобальном рынке, заключается как в актуальной сегодня способности создания современных независимых механизмов продвижения собственных смыслов, так и в задействовании созидательных возможностей социального бытия национальной культуры, ее ценностной сферы. Артикуляция ценностей — важнейший фактор определения целеполагания в общественном жизнеустройстве. Но пример КНР свидетельствует о важности осмысления постулируемого аксиологического ряда, необходимости консолидации всех институтов государства ради достижения их общего понимания. Что означают патриотизм, справедливость? И почему ментально ближе для китайского народа при раскрытии и определении в ценностной линейке понятия «труд» такая ценность, как «богатство», в российской системе ценностей — «созидательный труд», а для белорусского менталитета данная ценностная категория, вероятно, будет выражена более точно в ценности «трудолюбие». Целеполагание, основанное на глубинных социокультурных традициях, как ключевой фактор общественного развития с недопущением затягивания в процессы, характеризующиеся как требование времени «здесь и сейчас», определяет современный вектор развития социума.

⁴ Компания-владелец Meta признана экстремистской организацией и запрещена на территории России с марта 2022 года.

⁵ Цензура (контроль) в Интернете. Опыт Китая // TAdviser : [портал]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цензура_\(контроль\)_в_интернете._Опыт_Китая_\(дата_обращения:_21.04.2023\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цензура_(контроль)_в_интернете._Опыт_Китая_(дата_обращения:_21.04.2023)).

⁶ Социальный рейтинг: за что жители Китая получают «бонусы», а за что подвергаются наказаниям // ПостНаука : [образовательная платформа]. URL: <https://postnauka.ru/faq/156636> (дата обращения: 12.04.2023).

¹ Как из аграрной страны превратиться в технологического лидера // Тинькофф журнал. URL: <https://journal.tinkoff.ru/chinese-miracle/> (дата обращения: 12.04.2023).

² Пойду на Baidu: чем главный китайский поисковик отличается от Google // РБК Pro. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/62985e489a794785e717ddc9> (дата обращения: 21.05.2023).

³ Статистика TikTok в 2023 году // Инклиент : [сайт]. URL: <https://inclient.ru/tiktok-stats/> (дата обращения: 21.04.2023).

Мы живем в исторический период, когда человечество вряд ли может привести примеры этапов своего развития, в ходе которых переосмысление культурологических, аксиологических аспектов было бы на-

столько актуально, с возможностью перед вызовами глобальных процессов раскрыть их глубинную суть и роль в духовном возрождении человека, осознании смысла его бытия.

Г. Галис¹

К БОЛЬШОЙ СВОБОДНОЙ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Что касается Америки, то Европа всегда должна держать ухо востро и не давать повода для ответных действий. С каждым днем Америка становится сильнее. Она приобретет колоссальное могущество, и непременно наступит время, когда, благодаря новым изобретениям контакты с Европой станут еще проще, она захочет сказать свое слово в наших делах и приложить к ним свою руку. Поэтому, руководствуясь политическим благоразумием, правительства Старого Света обязаны тщательно следить за тем, чтобы не возникло никаких предлогов для такого вмешательства. В тот день, когда Америка придет в Европу, мир и безопасность будут из нее изгнаны надолго².

Ш. Талейран

Мое высказывание — это мнение критически настроенного западноевропейского исследователя проблем мира, точнее, швейцарского исследователя, который является гражданином Франции. В этом я опираюсь на свои четыре качества.

Исследователь проблем мира (1) постулирует абсолютный правовой и моральный примат переговоров над применением силы. Критический мыслитель (2) стремится выйти за рамки видимого, искать скрытое за фасадом, что сложно делать в международной политике, насыщенной культурными и национальными предрассудками. Швейцария (3) была подходящим местом для наблюдателя благодаря своему нейтралитету. К сожалению, ее лидеры внезапно отказались от малейшей видимости нейтралитета в пользу присоединения к американской позиции разжигателя войны, принятой «вассалами» (термин заимствован у Збигнева Бжезинского) из Европейского союза. Гражданин Франции (4) наблюдает за выбором своих правящих элит и лиц, формирующих общественное мнение в стране и за рубежом.

Базируясь на этих четырех составляющих, я хотел бы поделиться с вами информацией, мнениями, тревогами и некоторыми надеждами. Я выступаю за дру-

жественную и независимую континентальную Европу, связанную с Россией.

Цепь событий, ведущих к войне

Как известно, падение Берлинской стены 9 ноября 1989 года ознаменовало вступление в XXI век. Распад СССР и европейского коммунистического блока, положившие конец холодной войне, открыли путь к мирному сосуществованию. К сожалению, западные ястребы и совы³ выбрали стратегию превосходства, а не мира на основе равноправия. Подзаголовок книги Бжезинского «Великая шахматная доска», посвященной Евразии, абсолютно однозначен: «Американское превосходство и его геостратегические императивы»⁴. Эта стратегия соблюдалась строго и неукоснительно. ЕС и НАТО совместно осуществили экспансию на восток. Когда в 2014 году обострился кризис на Украине, Бжезинский⁵ изменил свое мнение, находя плохой идеей вступление Украины в НАТО. До этого война против Ирака в 1991 году, против Югославии в 1999-м (после саботажа переговоров в Рамбуйе⁶ Киссинджер расценил навязанные Югославии условия как провокацию⁷, первая война НАТО) — в том же году, что и первое рас-

¹ Президент Международного научно-исследовательского института мира в Женеве (GIPRI). Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг «Народы — нации: эссе о национальной среде народов Европы», «Размышления о республике, войне и мире по стопам Жан-Жака Руссо» (в соавт.) и др.; статей «Берлин — Женева», «Наше варварское время», «Устарело ли понятие „национальные интересы“ в условиях нового мирового порядка?» и др.

² Du côté de l'Amérique, l'Europe doit toujours avoir les yeux ouverts et ne fournir aucun prétexte de représailles. L'Amérique s'accroît chaque jour. Elle deviendra un pouvoir colossal et un moment doit arriver où, placée vis-à-vis de l'Europe en communication plus facile par les moyens de découvertes nouvelles, elle désirera dire son mot dans nos affaires et y mettre la main. La prudence politique impose donc aux gouvernements de l'ancien continent le soin de veiller scrupuleusement à ce qu'aucun prétexte ne s'offre pour une telle intervention. Le jour où l'Amérique posera son pied en Europe, la paix et la sécurité en seront bannies pour longtemps. (См.: *Talleyrand Ch. Mémoires, lettres inédites et papiers secrets*. P.: Albert Savine, 1891).

³ Бенджамин Баркер подчеркивает разницу между хитрыми совами и жестокими ястребами, но и те и другие являются хищниками. Буш был типичным ястребом, Обама — скорее, сова.

⁴ Мое эссе о Бжезинском и Киссинджере. URL: https://www.herodote.net/Ombres_et_lumieres_sur_deux_penseurs_et_strategies-synthese-3178-216.php (дата обращения: 12.04.2023).

⁵ Збигнев Бжезинский скончался в 2017 году.

⁶ См.: Interim Agreement for Peace on Self-government in Kosovo. URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/IMG/pdf/rambouillet-kosovo-1999.pdf> (дата обращения: 12.04.2023).

⁷ «Текст переговоров в Рамбуйе, в котором содержался призыв к Сербии пропустить войска НАТО на территорию Югославии, был провокацией, предложением для начала бомбардировок. Документ, созданный в Рамбуйе, — это не то, что мог бы принять какой-нибудь ангельски настроенный серб. Это был ужасный дипломатический документ, который никогда нельзя было являть миру в такой форме» (The Daily Telegraph. 1999. 28 June. Историк Кристофер Кларк поддерживает эту точку зрения, утверждая, что

ширение НАТО, совместная декларация о сотрудничестве между ООН и Секретариатом НАТО от 23 сентября 2008 года¹, война в Ливии в 2011 году, превратившаяся из R2P («ответственность за защиту»); Россия и Китай в последний раз не наложили вето) в смену режима с убийством нескольких лидеров государства, включая Каддафи, и примерно 30 тыс. жертв, были основными шагами к жесткой конфронтации. Президент Путин отреагировал на все это речью на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году и действиями в Сирии в 2014-м.

15 декабря 2021 года российские власти предприняли последнюю дипломатическую попытку по отношению к США и НАТО, встретившись с послом США². Некоторые опытные западные наблюдатели, в том числе немец Клаус фон Донаньи, занимавший пост заместителя в министерстве экономики, а затем федерального министра образования и науки³, считают, что США совершили ошибку, не вступив в переговоры.

Сбитая с толку разобщенная Европа и ее граждане с промытыми мозгами, превращенные в собак Павлова

Падение Берлинской стены также означало смену лидерства в Европе. На первое место вместо Франции вышла Германия — благодаря преобладающей численности населения, экономической мощи, центральному географическому положению и особым отношениям с Центральной Европой. Таким образом, США, к большому разочарованию миссис Тэтчер, разыграли немецкую карту, а не британскую⁴. Первого июля 1991 года была распущена Организация Варшавского договора, а в Маастрихтском договоре 1992 года новый Европейский союз упомянул НАТО, не задумываясь о последствиях, просто чтобы угодить американскому дирижеру. Лишь небольшая часть европейских граждан осознавала, что этот проект является не европейским, а евроамериканским. Даже мирная Чехословакия была распущена, а Чешской Республикой стало бывшее Королевство Богемия.

Первый разрыв случился тогда же, в 1991 году, когда президенту Франции Миттеррану не удалось создать Европейскую конфедерацию в Праге, то есть по соседству с Россией⁵. В число безусловных союзников США предлагалось включить США, Канаду и даже Японию.

условия австро-венгерского ультиматума Сербии в 1914 г. кажутся мягкими по сравнению с требованиями НАТО).

¹ См.: Joint Declaration on UN/NATO Secretariat Cooperation. URL: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2010/12/pdfs_un_nato_jointdeclaration_lisbon2010.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

² См.: Press release on Russian draft documents on legal security guarantees from the United States and NATO. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/ (дата обращения: 12.04.2023); Agreement on measures to ensure the security of The Russian Federation and member States of the North Atlantic Treaty Organization. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/ (дата обращения: 12.04.2023); Treaty between The United States of America and the Russian Federation on security guarantees. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/ (дата обращения: 12.04.2023).

³ См.: Klaus von Dohnanyi über Putin und Biden. URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=1667510723591043>.

⁴ Thatcher M. *The Downing Street Years*. N. Y.: HarperCollins, 2012.

⁵ См.: Musitelli J. François Mitterrand, Architect of the Great Europe: The European Confederation Project (1990–1991). URL: https://www.cairn-int.info/article-E_RIS_082_0018--francois-mitterrand-architect-of-the.htm (дата обращения: 12.04.2023);

Атлантическая Европа выиграла у континентальной Европы первый раунд.

В 2003 году, во время Второй войны в Персидском заливе, произошел второй разрыв — между осью Франция–Германия–Россия, сопротивлявшейся американскому лидерству, с одной стороны, и «Новой Европой» (Доналд Рамсфелд), в которую вошли восточноевропейские государства, возвращенные на старых конфликтах с Россией, — с другой. Саммит 2003 года, проложивший путь к войне, с участием Буша, Блэра, Баррозу и Аснара, был организован на Азорских островах премьер-министром Португалии Мануэлем Баррозу, который должен был стать президентом Европейской комиссии, победив кандидата от Франции и Германии Ги Верхофстадта. Будучи главным защитником интересов США, Великобритания выступила против Верхофстадта, Франция и Германия смирились, и Баррозу продвигал евро-американское видение в течение десяти лет, задолго до того, как начал работать в банке Goldman Sachs. По-видимому, новые западноевропейские элиты игнорируют прошлое, интересы своего народа, основополагающие принципы международного права и глобальные вызовы. Президент Саркози вел себя как откровенно проамериканский деятель, когда руководил реинтеграцией Франции в НАТО: «Франция также знает, кто ее союзники и друзья: наши друзья и союзники — это, прежде всего, западная семья⁶. Условия независимости заключаются в том, чтобы в первую очередь знать, где находится твоя семья⁷. В то время Франсуа Олланд, лидер оппозиции, выступил с речью в духе де Голля в Национальном собрании, критикуя членство в НАТО. После своего избрания президент Олланд одобрил и даже подкрепил решение Саркози налоговыми льготами. Серьезные лидеры, такие как Черчилль и де Голль, знают, что «у нас нет постоянных друзей, нет постоянных врагов, только долгосрочные интересы», они никогда не перепутали бы союзников и семью.

Конфронтация на Украине, по сути, является испытательным полигоном для новых западных концепций — «война среди людей»⁸, «политическая война»⁹

Dumas R. Un projet mort-né: la Confédération européenne // Politique étrangère. 2001. № 3.

⁶ Слово «семья» звучит здесь неуместно. Тем не менее прошлое семьи самого Саркози вполне это объясняет, как пишет Эрик Бранка в своей книге «Я американец». Фрэнк Джордж Визнер — центральная фигура. Он женился на теще Никола Саркози, Кристин де Ганей, первой жене его отца, Пала Саркози. Ф. Дж. Визнер — сын Фрэнка Гардинера Визнера (1909–1965), одного из офицеров, стоявших у истоков ЦРУ и сыгравших важную роль в его операциях в 1950-е годы. Фрэнк Джордж нес дипломатическую службу в наиболее значимых посольствах или в крупных миссиях. Есть сведения, что он сотрудничал с ЦРУ. Позже стал бизнесменом. Каждое лето юный Никола проводил отпуск в семье Визнер со сводными братом и сестрой.

⁷ См.: Codiriger plutôt que subir. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2009/03/12/codiriger-plutot-que-subir_1167067_3232.html (дата обращения: 12.04.2023).

⁸ См.: Interview with General Sir Rupert Smith. URL: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/irrc_864_interview_rupert_smith.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

⁹ Термин «политическая война» описывает синхронизированное использование для достижения государственных целей любого аспекта государственной силы, за исключением обычной открытой войны; к этим аспектам относятся разведывательные ресурсы, создание альянсов, финансовые инструменты, дипломатические отношения, технологии и информационное доминирование (см.: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11127>).

(преследование российских артистов и спортсменов, замораживание банковских счетов, если их владельцы имеют русские фамилии), «когнитивная война»¹. Китайские специалисты во вопросам стратегии Цяо Лян и Ван Сянсуэй назвали это «неограниченной войной»². Поступая таким образом, члены Европейского союза попирают «ценности», которые сами же громко и отчетливо провозглашают, прежде всего свободу выражения мнения. Запрет российских СМИ нарушает ст. 19 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и их свободное выражение; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и *искать, получать и распространять массовой информации и независимо от государственных границ*». Кроме того, западные СМИ отбирают мнения аналитиков, ориентированных на НАТО, с чем постоянно сталкиваются многие из нас, кого больше не приглашают на радио и телевидение. Социальные сети также подвергаются цензуре.

Необходимость общих законов, правил и принципов

Большинство уже не очень образованных, дезинформированных западноевропейских граждан ничего не знают, и им это безразлично. Из-за «когнитивной войны» они никогда раньше не слышали о Бжезинском и до сих пор ничего не знают о Джордже Фридмане, который четко разъясняет главную стратегическую цель США на века: не допускать никакой конкуренции, которая может возникнуть в Европе, и тем самым никакого союза между Германией и Россией³. *Разделяй и властвуй (divide et impera)* — важное политическое заявление. Фридман и Бжезинский опираются на теорию Хэлфорда Маккиндера: если Германия и Россия станут союзниками, «в поле зрения окажется мировая империя»⁴.

¹ «В когнитивной войне полем битвы становится человеческий ум. Цель — изменить не только мысли людей, но и образ мышления и действия» (см.: Countering cognitive warfare: awareness and resilience. URL: <https://www.nato.int/docu/review/awar/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (дата обращения: 12.04.2023)).

² Американский издатель объясняет это как «Генеральный план Китая по уничтожению Америки», в то время как два бывших полковника основывают свой анализ на первой войне в Ираке или азиатском финансовом кризисе 1997 года.

³ Чикагский совет по глобальным вопросам, 4 февраля 2015 года: «Основным интересом Соединенных Штатов, для которых мы воевали на протяжении веков, в Первую мировую войну, Вторую мировую войну, холодную войну, были отношения между Германией и Россией, потому что, будучи объединены, эти страны представляют единственную силу, которая могла бы угрожать нам. Десять дней назад генерал Ходжес, командующий Вооруженными силами США в Европе, посетил Украину и объявил, что теперь американские инструкторы придут официально, а не неформально. Он раздал медали украинским бойцам, что противоречит армейскому уставу, не позволяющему награждать иностранцев, но он сделал это, показав тем самым, что это его армия. Затем он отправился сообщить странам Балтии, что американцы собираются разместить на их территории бронетехнику, артиллерию и другое оборудование, так же как в Польше, Румынии и Болгарии» (см.: G. Friedman "...c'est cynique, immoral, mais ça marche". Extraits du discours. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=emCEUEYom4A> (дата обращения: 12.04.2023); <https://newcoldwar.org/stratfor-chiefs-most-blatant-coup-in-history-interview-from-dec-2014> (дата обращения: 12.04.2023)).

⁴ См.: Halford Mackinder: The Pivot and the Heartland by Brian Blouet. URL: <https://mackinderforum.org/halford-mackinder-the-pivot-and-the-heartland> (дата обращения: 12.04.2023).

Спровоцированный США государственный переворот на Украине в 2014 году стал шедевром на евразийской шахматной доске. Слово «Украина» означает именно «спорная полоса» (территории Уэльса), граница. Она могла бы остаться дружественным мостом между Востоком и Западом, а не кровавым перевалом. В соответствии с американской повесткой дня Баррозу вынудил украинское правительство сделать выбор между Западом и Востоком⁵.

Представители исследовательских и академических кругов, особенно те, что помоложе, обязаны соблюдать самоцензуру. Запад не доверяет своим собственным ценностям и принципам. Бывший посол Жан де Глиниасты пишет: «Грубо говоря, за словом „ценности“ часто скрывается экспансия идеологических, промышленных, финансовых, коммерческих и военных интересов, которые далеко не всегда совпадают с нашими, и, прежде всего, размывание наших собственных национальных критериев оценки. В лучшем случае это часть „мягкой силы“, в худшем — дополнение к „жесткой силе“⁶. Вместо аргументов — лозунги, вместо разума — искусственные эмоции...⁷ Мы должны хорошо думать, прежде чем предавать анафеме... Упомянутые ценности могут заставить нас забыть о том, что первая миссия дипломатии — обеспечить безопасность страны, которой она служит... Приняв активное участие в уничтожении светских режимов, которые „удерживали“ свое население, мы понимаем... что продвижение наших ценностей не защитило нас. Ибо, если мы какое-то время сопротивлялись в Ираке, то, наоборот, становились движущей силой военных интервенций, так напугавших некоторых наших западных партнеров, которые поразмыслили и изменились... Это правда, что мы все еще были изобретателями и „хранителями“ права на гуманитарную интервенцию, которое переродилось в „обязанность защищать“, последние очаги которой были потушены вместе с режимом Джамахирии и позорной смертью Муаммара Каддафи под ударами международной коалиции, направившей с самого начала все свои усилия на защиту мятежных жителей Бенгази, которым лидер их страны пообещал устроить кровавую баню. После этих очевидных военных успехов и их последствий (усиление дестабилизации Сахеля, приток мигрантов, терроризм...) обязанность защищать уже не так очевидна, как это было до ливийского кризиса... Политика баланса ценностей на Ближнем Востоке тяжелая. Во имя западных ценностей пять светских режимов были стерты с географической карты менее чем за пятнадцать лет <...> Результатом нашей политики на Ближнем Востоке стало в конечном счете ослабление секуляризма, который мы

⁵ Душан Сиджанский категорически не согласен с Баррозу по России и Украине (<https://www.rts.ch/play/tv/pardonnez-moi/video/jose-manuel-barroso--dusan-sidjanski?um=urn:rts:video:6270785>).

⁶ Pour dire les choses franchement, le mot “valeurs4” cache souvent l’expansionnisme idéologique industriel, financier, commercial et militaire d’intérêts qui ne sont pas toujours les nôtres, et surtout la dissolution de nos propres critères d’appréciation nationaux. Il fait partie, dans le meilleur des cas, de la “puissance douce” et, dans le pire, de l’accompagnement de la “puissance dure” (*Gliniasty J. de. La diplomatie au péril des “valeurs”. L’inventaire, 2017. P. 59.*)

⁷ Redeker R. Télévision: le commerce narcotique des émotions de synthèse. URL: https://frontpopulaire.fr/articles/television-le-commerce-narcotique-des-emotions-de-synthese_ma20064 (дата обращения: 12.04.2023).

недавно сделали одним из столпов французской системы ценностной. Мы, несомненно, будем первыми, кто пострадает от этого».

Лидеры США странным образом защищаются от обвинений в односторонности, ссылаясь на «основу» многосторонности. Незадолго до нападения на Ирак в 2003 году миссия США при ООН в Женеве (на которую работал Эдвард Сноуден) опубликовала документ Стивена Г. Радемейкера, помощника госсекретаря по контролю над вооружениями, пропагандирующий «эффективную многосторонность»:

«От имени моего правительства я, однако, отвергаю любое предположение о том, что Соединенные Штаты не привержены многосторонним средствам достижения политических целей. Напротив, при правильном понимании наша политика носит глубоко многосторонний характер. Если нынешняя политика США заметно отличается от политики США в прошлом, то это результат нашего признания того, что в эпоху после окончания холодной войны многосторонность важна как никогда и что без руководства — без опоры — многосторонность предсказуемо обречена на провал. В ряде недавних случаев, там, где было сочтено необходимым, мы решили обеспечить лидерство — основу, необходимую для успеха многостороннего подхода. Наше стремление к тому, чтобы многосторонность была эффективной, возможно, не всегда делает нас популярными, но при этом вряд ли нас можно назвать приверженцами односторонности»¹. Это та же идея, что и дилемма Бжезинского «глобальное доминирование глобального лидерства».

Лидеры США и их последователи в ЕС должны изменить свою систему отсчета в контексте «лидерства», «превосходства», «многосторонности, имеющей основу», «государств-изгоев», «основанного на правилах (международного) порядка», либерального международного порядка, ценностей свободного рыночного² (выборочно) капитализма, (выборочно) прав человека, права на вмешательство, безопасности человека за счет НАТО под руководством США³, двойных стандартов в отношении существующих практик. Пришло время построить единый мир, основанный на совместимых или общих принципах, которые должны быть достигнуты с помощью переговоров и уважения, а не за счет силы или угрозы.

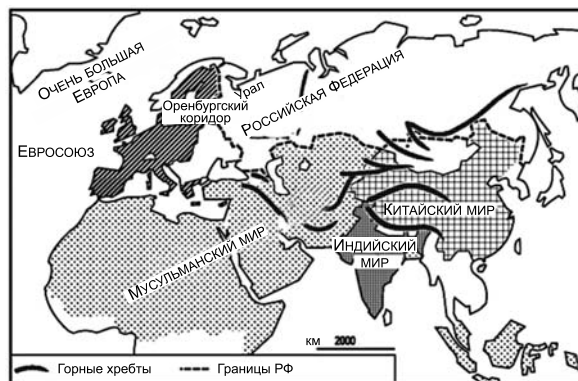
Подталкивая ЕС и даже нейтральные страны, такие как Швейцария, к принятию односторонних принудительных мер⁴ против России, называемых санкциями, а затем получая «ответные санкции», США достигли своей цели, а именно: ослабили европейскую экономику и валюту, разделили Европу и Россию. Они укрепят НАТО за счет новых членов — Финляндии и Швеции. Российский ответный шаг заключается в укреплении

партнерства между Россией и Китаем, объединений БРИКС и ШОС.

Как истинный патриот и европеец, провидец Шарль де Голль продвигал идею другой Европы:

«Таким образом, мы создадим между европейцами, от Атлантики до Урала, отношения, связующие звенья, атмосферу, которая в первую очередь устраним их враждебность к проблемам Германии, включая проблему Берлина, а затем приведет Федеративную Республику и вашу Восточную Республику к сближению и объединению, и, наконец, сохранит объединенную Германию в рамках мирной и прогрессивной Европы, где она сможет добиться новых успехов»⁵.

Большая Европа

Источник: Hérodote. 2005. № 3 (118)⁶.

Могут ли европейские борцы за мир, академические круги, граждане сыграть свою роль в этой игре?

Во всяком случае они должны. Процесс «снизу вверх» должен пересекаться с движением чиновников и дипломатов «сверху вниз». Франко-германское примирение могло бы послужить образцом. Не хватает Шарля де Голля и Аденауэра. Будем надеяться, что они появятся.

Мы, граждане и ученые, продолжаем работать, понимать, объяснять. Поэтому я благодарен нашим коллегам в Санкт-Петербурге за организацию XXI Международных Лихачевских научных чтений «Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире». Все мы должны защищать наши народы, объединяться против любой империи, строить по-настоящему демократическую Европу. И это должно быть строительство на прочном фундаменте.

Внук Шарля де Голля⁷, Пьер де Голль⁸, активно выступает за дружественные отношения с Россией.

⁵ Nous créerons ainsi entre Européens, depuis l'Atlantique jusqu'à l'Oural, des rapports, des liens, une atmosphère, qui d'abord ôteront leur virulence aux problèmes allemands, y compris celui de Berlin, ensuite conduiront la République fédérale et votre République de l'Est à se rapprocher et à se conjuguer, enfin tiendront l'ensemble germanique encadré dans une Europe de paix et de progrès où il pourra faire une carrière nouvelle (см.: *Gaulle Ch. de. Mémoires d'espoir I*. Editions rencontre. Plon, 1970. P. 243–244).

⁶ *Lacoste Y.* Dans l'avenir, une très grande Europe de l'Atlantique au Pacifique? URL: <https://www.cairn.info/revue-herodote-2005-3-page-202.htm> (дата обращения: 12.04.2023).

⁷ *D'Encausse H. C.* Le Général de Gaulle et la Russie. Fayard, 2017.

⁸ Entretien avec Pierre De Gaulle. Peut-on séparer la France de la Russie? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uGrHroCCFB0> (дата обращения: 12.04.2023).

¹ См.: *Rademaker S. G.* The Commitment of the United States to Effective Multilateralism. URL: <https://2001-2009.state.gov/t/iss/rls/rm/17744.htm>.

² *Kissinger H.* Perils of Globalism. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1998/10/05/perils-of-globalism/0625afe6-c467-4c9a-be07-76bea075649a> (дата обращения: 12.04.2023).

³ *Chinkin C., Kaldor M.* International Law and New Wars. Cambridge Univ. Press, 2017.

⁴ *Zayas A. de.* Unilateral coercive measures are illegal and counter-productive. URL: <https://www.schweizer-standpunkt.ch/news-detaillansicht-en-recht/unilateral-coercive-measures-are-illegal-and-counter-productive.html> (дата обращения: 12.04.2023).

Открытие пленарного заседания в Театрально-концертном зале им. А. П. Петрова СПбГУП

Директор Департамента информации и печати МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ **М. В. Захарова**

Член Государственного Совета РФ, председатель ФНПР **М. В. Шмаков**

Первый зам. гендиректора информагентства России «ТАСС» **М. С. Гусман**

Член-корреспондент РАН **Ал. А. Громыко**, первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по культуре **Е. Г. Драпеко**

Презентация новых изданий Университета в Научной библиотеке им. Д. А. Гранина СПбГУП

Ректор СПбГУП **А. С. Запесоцкий**, первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по культуре **Е. Г. Драпеко**

Ректор СПбГУП **А. С. Запесоцкий**, Заслуженный деятель искусств РФ, Почетный профессор СПбГУП **Д. Н. Катышева**

Обозреватель агентства «РИА Новости» **Д. О. Бабич**, судья Конституционного Суда РФ (2000–2020) **Н. С. Бондарь**, член-корреспондент РАН **Ал. А. Громыко**, член-корреспондент РАН **Ж. Т. Тощенко**, академик РАН **В. А. Черешнев**, председатель ФНПР **М. В. Шмаков**

Зам. министра информации Беларуси
И. И. Бузовский

Директор Института Европы РАН,
член-корреспондент РАН **Ал. А. Громыко**

Первый зам. председателя Комитета
Совета Федерации РФ по международ-
ным делам **А. И. Денисов**

Преподаватель Университета
г. Конгсберг **Я. Стоксет** (Норвегия)

Политолог, журналист **Г. Меттан**
(Швейцария)

Профессор Университета Сорбонна
О. Рокпю (Франция)

Председатель Комитета по науке
и высшей школе Правительства
Санкт-Петербурга **А. С. Максимов**

Журналист, обозреватель агентства
«РИА Новости» **Д. О. Бабич**

Директор Северо-Западного института
управления РАНХиГС при Президенте РФ
А. Д. Хлутков

Зам. председателя ФНП
А. В. Шершуков

Зам. председателя ФНП
Е. И. Макаров

Председатель Ленинградской Федерации профсоюзов (2005–2023) **В. Г. Дербин**

Председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда» **В. К. Мамонтов**, научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ **В. А. Шамахов**

Судья Конституционного Суда РФ (2000–2020), профессор **Н. С. Бондарь**

Чрезвычайный и Полномочный Посол Ирана в РФ (2013–2019) **М. Санаи**

Писатель, президент ассоциации Miracles **Г. В. Наумова** (Франция)

Директор Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН **Д. В. Мосяков**

Академик РАН **В. А. Черешнев**

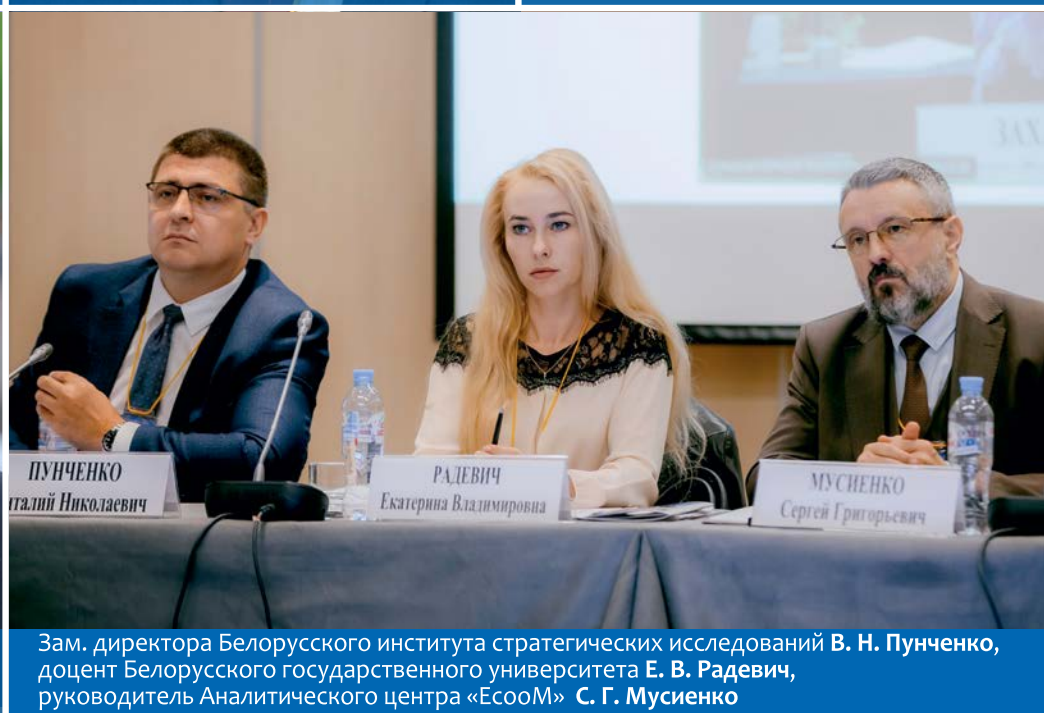
Член-корреспондент РАН **Ж. Т. Тощенко**

Директор Института философии РАН,
академик **А. А. Гусейнов**

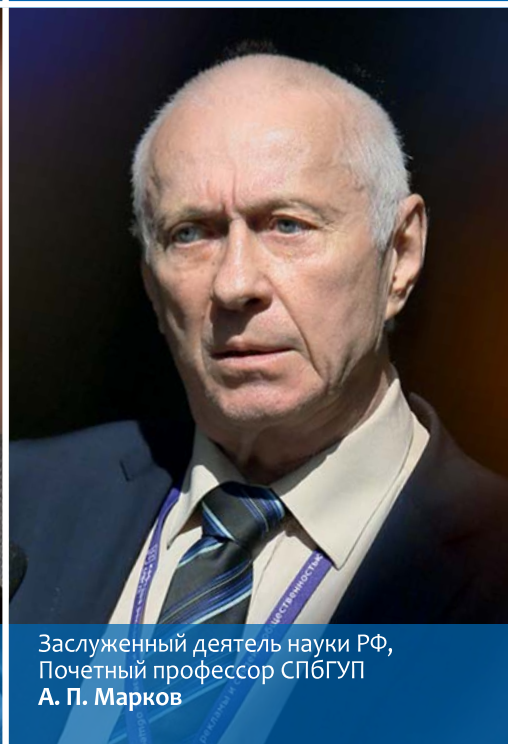
Академик-секретарь Отделения
физики, математики и информатики
НАН Беларуси **А. Г. Шумилин**

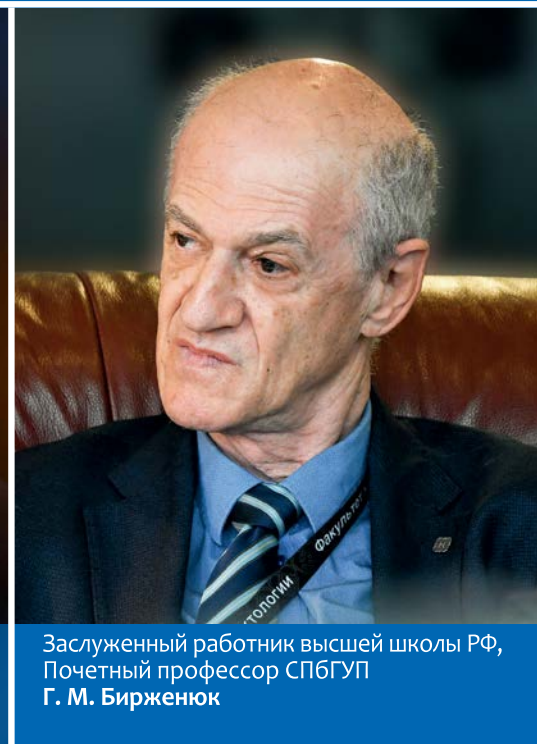
Зам. директора Белорусского института стратегических исследований **В. Н. Пунченко**,
доцент Белорусского государственного университета **Е. В. Радевич**,
руководитель Аналитического центра «ЕсооМ» **С. Г. Мусиенко**

Заслуженный работник культуры РФ,
Почетный профессор СПбГУП
В. Е. Триодин

Заслуженный деятель науки РФ,
Почетный профессор СПбГУП
А. П. Марков

Заслуженный работник высшей школы РФ,
Почетный профессор СПбГУП
Г. М. Бирженюк

Панельная дискуссия «Какую многополярность мы предвидим» (Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП)

Председатель ФНПР **М. В. Шмаков**, член-корреспондент РАН **Ал. А. Громыко**, профессор Университета Сорбонна **О. Роклю** (Франция), президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ» **Г. Меттан**, ректор СПбГУП **А. С. Запесоцкий**

Заседание секции «Переход от однополярности к реальной многополярности: проблемы новой геополитики»
(конференц-зал «Стасов/Ушаков»)

Чрезвычайный и Полномочный Посол Ирана в РФ (2013–2019)
М. Санаи, академик РАН В. А. Черешнев

Зам. министра информации Беларуси И. И. Бузовский,
директор Департамента информации и печати МИД России
М. В. Захарова

Член-корреспондент РАН Ал. А. Громыко

Журналист, обозреватель агентства «РИА Новости»
Д. О. Бабич

Зав. кафедрой социальной психологии СПбГУП **М. В. Созинова**, профессор СПбГУП **А. А. Мельникова**, декан факультета философии и социальных наук БГУ **В. С. Сайганова**, ректор СПбГУП **А. С. Запесоцкий**, директор Высшей школы перевода МГУ **Н. К. Гарбовский**, профессор кафедры истории и теории культуры РГПУ **Л. М. Мосолова**

Профессор кафедры экономики и менеджмента Академии труда и социальных отношений **Н. Н. Никулин**

Профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС **А. Ю. Прихач**

Студенты СПбГУП

Профессор факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова **А. Н. Чумаков**

Заседание секции «Россия в глобальном мире: новый этап истории» (Лекционный зал №2 СПбГУП)

Зав. кафедрой теории права Тверского госуниверситета
В. И. Крусс

Ведущий научный сотрудник Института философии РАН
Ю. Д. Гранин

Сотрудники кафедры теории права и правоохранительной
деятельности СПбГУП: профессора **З. Н. Каландаришвили**
(зав. кафедрой) и **Р. А. Ромашов**

Студенты СПбГУП

Прогулка на теплоходе: **В. Н. Пунченко** и **И. В. Лашук** (Беларусь), **Д. О. Бабич**, **А. Г. Шумилин** (Беларусь), **Г. В. Наумова** (Франция), **А. С. Запесоцкий**, **В. С. Сайганова** (Беларусь), **О. Рокplo** (Франция), **Е. В. Радевич** (Беларусь)

Руководители Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова: **О. И. Костикова** (зам. директора), **Н. К. Гарбовский** (директор)

Писатель, президент ассоциации Miracles **Г. В. Наумова** и профессор Университета Сорбонна **О. Рокplo** (Франция)

Сотрудники Белорусского государственного университета: **Е. В. Радевич** (доцент), **В. С. Сайганова** (декан)

В. Н. Пунченко (Белорусский институт стратегических исследований), **И. В. Лашук** (Белорусский государственный экономический университет)

Академик-секретарь Отделения физики, математики и информатики НАН Беларуси **А. Г. Шумилин**, первый проректор СПбГУП **Л. А. Пасешникова**, зам. директора Белорусского института стратегических исследований **В. Н. Пунченко**, журналист **Д. О. Бабич**

Политолог, журналист **Г. Меттан** (Швейцария)

Директор Института философии РАН, академик **А. А. Гусейнов**, член-корреспондент РАН **Ж. Т. Тощенко**

Концерт для почетных гостей XXI Международных Лихачевских научных чтений.
На сцене: Симфонический оркестр IP Orchestra под руководством **И. Пономаренко** (Гранд Отель Европа)

Абитуриентка СПбГУП 2030 года **Елизавета Запесоцкая**,
ректор СПбГУП **А. С. Запесоцкий**

Лауреат международных и российских конкурсов
А. Лаптева

Писатель-сатирик, Заслуженный деятель искусств РФ
С. Т. Альтов

Губернатор Санкт-Петербурга (1996–2003) **В. А. Яковлев**

Прием в Гранд Отеле Европа

Студенты кафедры хореографического искусства СПбГУП

Н. К. Гарбовский¹

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Стремительные изменения социального и технологического контекстов жизни людей требуют глубокого осмысления не только политических, экономических, правовых, но и лингвокультурных процессов, протекающих в нашем обществе, в частности в сфере межкультурной коммуникации. Изменения социального и технологического контекстов последних десятилетий привели к формированию определенной языковой культуры. Под языковой культурой я понимаю широкий спектр лингвистических явлений — от языковой политики государства до соответствия речевого поведения индивидов выработанным в обществе представлениям о культуре речи. В систему языковой культуры включаются и такие явления, как языковое планирование, мультилингвизм и плюрилингвизм в общественной жизни и образовании, сохранение языковой идентичности нации, лингвистический ландшафт, динамика и формы языковых и культурных контактов и, наконец, культура перевода и лингводидактика. Каждая из приведенных составляющих системы языковой культуры заслуживает особого рассмотрения. Я же остановлюсь на двух последних элементах системы языковой культуры, имеющих непосредственное отношение как к межкультурному диалогу, так и к межкультурным конфликтам, в основе которых лежит непонимание другого.

Среди множества факторов, приводящих к изменениям и деформации системы языковой культуры в современном мире, следует назвать два главных, а именно: цифровизацию языковой культуры и глобализацию, предполагающую не только интернационализацию экономических и финансовых систем, но и вовлечение в межкультурный диалог различных слоев общества. При пристальном рассмотрении можно увидеть, что оба фактора находятся во взаимосвязи.

Известно, что глобализация оказывает на культуру каждого народа как положительное, так и отрицательное воздействие: с одной стороны, это путь к познанию культурного многообразия, более глубокому пониманию «иного» и «чужого», формированию культурной

толерантности, но, с другой стороны, это угроза национальной и культурной самобытности, путь к культурному опрошению и бездуховности.

К культурному опрошению и бездуховности может привести и бесконтрольная цифровизация процессов межкультурной коммуникации. Уже сегодня мы являемся свидетелями того, как эксперты в области искусственного интеллекта забили тревогу и призвали приостановить обучение систем, чтобы иметь возможность разработать и ввести в действие алгоритмы безопасности. Опасения в том, что искусственный интеллект может принести столько же вреда, сколько и пользы, небезосновательны. Ведь любой искусственный интеллект отражает представления и ценностные ориентиры тех, кто его разрабатывал и обучал. Сложно представить себе, чему они могут научить нейросеть. Известен пример, когда в 2015 году в результате обучения на неверных данных чат-бот, созданный Microsoft, стал ругаться матом.

Пример *ChatGPT* уже настораживает тем, что в будущем появится искусственный интеллект, намного превосходящий возможности сегодняшних нейросетей, который будет обладать огромным влиянием на сознание людей. Не исключена возможность того, что в определенный момент боты свяжутся и выйдут из-под контроля человека. Иначе говоря, многомиллиардное человечество будет общаться с одним искусственным интеллектом.

Тем самым будет сформирована **новая форма межкультурного диалога**: не диалога между культурами разных этносов, разными языковыми культурами, а диалога между усредненной универсальной культурой ИИ и культурами отдельных этносов, заключенными в свои культурные коды. И такой межкультурный диалог может стать финальной стадией культурного многообразия в рамках человеческой цивилизации, за которой может последовать стадия когнитивной глобализации и разрушения всех культурных кодов.

Эти футуристические размышления построены главным образом на предостерегающих прогнозах экспертов в области искусственного интеллекта. Но уже сегодня в сфере межкультурной коммуникации, особенно межъязыковой коммуникации, обеспеченной переводом, а также в сфере освоения иностранных языков и иных культур самыми молодыми членами нашего общества можно увидеть некоторые настораживающие явления, деформирующие систему языковой культуры.

Современный период знаменуется переходом человечества к новой фазе развития — цифровой эпохе. В нашей стране цифровое развитие получило мощный импульс в 2017 году, в частности, благодаря Указу Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Сегодня, по образному выражению академика РАН В. А. Садовниченко, «„цифра“ правит бал, вытесняя аналоговую информацию на

¹ Директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова, академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО, доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Теория перевода», «Сопоставительная стилистика профессиональной речи», «Когнитивная модель перевода», «История перевода: практика, технологии, теории» (в соавт.), «Русско-французский словарь военных терминов» (в соавт.); многочисленных переводов научной и художественной литературы. Координатор от МГУ программы подготовки переводчиков для лингвистических служб ООН, руководитель рабочей группы по дидактике перевода в Постоянном международном совете университетских институтов подготовки переводчиков, член Ученого совета Французского университетского колледжа, член Ассоциации исследователей в области теории и практики перевода (Франция), Почетный профессор Фракийского университета им. Демокрита (Греция), приглашенный профессор Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (Китай). Главный редактор журнала «Теория перевода». Лауреат Ломоносовской премии за педагогическую деятельность.

обочину современного развития информационного общества».

Цифровизация включает не только работу человека с информацией, поступающей на цифровых носителях, но и делегирование некоторых производственных и иных общественно значимых функций искусственному интеллекту, то есть более высокий уровень технологий в разных видах деятельности.

Значимость цифровизации для жизни общества столь велика, что позволила говорить о четвертой промышленной революции, которая, по мнению Клауса Шваба, «предусматривает как минимум преобразование человечества» и меняет не только то, что и как мы делаем, но и то, кем будем.

Эпоха цифровизации характеризуется новыми вызовами, заставляющими задуматься о будущем самых разных сфер жизни человеческого общества, целого ряда различных видов профессиональной деятельности.

Не обходят они стороной и сферу межкультурной коммуникации, затрагивая не только формы и средства коммуникации в новых условиях, но и формирование плюрилингвизма как основы межкультурного диалога, подготовку специальных кадров, призванных обеспечивать межъязыковую коммуникацию, прежде всего переводческую деятельность.

В наши дни переводчика готовят не только к лингвистическому переходу от языка к языку, но также все в большей степени к межкультурной коммуникации. В связи с этим в первую очередь следует рассмотреть четыре группы вызовов, затрагивающих следующие области языковой культуры:

- 1) технологическую;
- 2) социально-экономическую;
- 3) этическую;
- 4) лингводидактическую.

Цифровой перевод — это вид технологии перевода, представляющий собой систему сетевого взаимодействия переводчика и цифровых информационно-коммуникационных средств, способствующих возрастанию эффективности переводческой деятельности и качества переводческой продукции. Представление о цифровом переводе имеет исторический характер и с течением времени будет меняться, дополняясь новыми смыслами по мере того, как будет эволюционировать характер взаимоотношений человека-переводчика и искусственного интеллекта.

Понятие «цифровой перевод» предполагает системное взаимодействие переводчика-человека, использующего преимущества информационных технологий, и искусственного интеллекта, способного не только выполнять с той или иной степенью успешности функции переводчика-человека, полностью или частично заменяя его в некоторых ситуациях межъязыкового общения, но и постоянно самообучаться для повышения уровня своего «машинного переводческого мастерства».

Развитие цифровых технологий призвано прежде всего оптимизировать работу переводчиков, и впадать в пессимизм по поводу будущего профессии и ее востребованности по меньшей мере неконструктив-

но. Действительно, «технологическая безработица», связанная с полной заменой человека машиной, пока угрожает переводчикам лишь в слабой степени. Конечно, сложные алгоритмы и разработки в области робототехники и искусственного интеллекта, основанные на больших данных, позволяют сегодня автоматизировать многие нестандартные задачи. Но нельзя автоматизировать действия, включающие сложные задачи восприятия и осознания, творческого и социального интеллекта, решение которых происходит во время и устного, и письменного перевода.

Взаимная выгода отношений между человеком и машиной в этой системе очевидна. С одной стороны, умная машина, мгновенно оперирующая большими данными, позволяет переводчику быстро просмотреть наибольшее число вариантов вызвавшего затруднения конкретного случая и сделать свой выбор, обоснованный индивидуальной логикой. С другой стороны, каждый новый вариант перевода конкретного случая, предложенный переводчиком и попавший в облако больших данных в глобальной информационной системе, обогащает систему и позволяет самообучающейся машине использовать его в дальнейшем для новых переводческих решений.

Антагонизм между машиной и человеком вызван, с одной стороны, все нарастающим беспокойством о будущем человеческой профессии переводчика, которого в ситуациях межкультурного общения предлагается заменить искусственный интеллект, что экономически более выгодно, а с другой стороны, критикой в адрес программ автоматического перевода, предлагающих варианты, неспособные конкурировать в различных ситуациях межъязыкового общения с вариантами переводчика-человека.

Социально-экономическое будущее профессии переводчика сегодня заставляет задуматься над целым рядом вопросов: сколько в условиях победившего цифрового пространства понадобится переводчиков? Для каких сфер деятельности? С какими компетенциями и когнитивными способностями? С какими языковыми комбинациями? Каков будет характер взаимодействия переводчика с искусственным интеллектом? Останется ли профессия переводчика в том виде, в каком мы привыкли ее представлять себе сегодня?

Прогностические ответы на эти футурологические вопросы необходимы прежде всего для определения содержания образования переводчиков именно сегодня, когда новое поколение студентов, избравших для себя этот вид профессиональной деятельности, только пришло в университет. Им предстоит предъявить свои навыки и умения на рынке труда через пять-шесть лет, когда искусственный интеллект достигнет такого уровня способностей, который предсказать сегодня сложно¹.

Разумеется, для потребителей более выгоден не человеческий, а автоматический перевод, объемы и скорость которого увеличиваются при минимальных затратах. Поэтому вопрос о том, может ли искусствен-

¹ См.: *Гарбовский Н. К.* «Цифровой перевод»: современные реалии и прогнозы // *Русский язык и культура в зеркале перевода* : материалы Междунар. конф. М. : Изд-во МГУ, 2019. С. 65–72.

ный интеллект вытеснить человека из этой сферы деятельности, не совсем точен.

Скорее следует рассматривать его не изолированно, а во взаимосвязи с этической составляющей проблемы, точнее с определением ценности продукта: захочет ли человеческое общество поручить исполнение данной социальной функции ИИ, и если да, то в каких сферах коммуникации, языковых комбинациях, видах перевода, коммуникативных ситуациях? Можно ли допустить к конфиденциальной информации искусственный интеллект, встроенный в глобальную информационную сеть, составляющую основу его преимущества перед человеком? Что произойдет, если по злому умыслу или в результате технической или природной катастрофы на какое-то время сеть перестанет функционировать в полной мере, а когнитивные способности человека, необходимые для перевода, уже будут утрачены? Будет ли способен ИИ принимать не только логичные, но и нелогичные решения, лежащие в основе искусства?

В данном случае основным препятствием для автоматизации является сложность или невозможность классификации творческих ценностей таким образом, чтобы их можно было кодировать в программе. Кроме того, человеческие ценности меняются со временем и различаются в зависимости от культуры. Искусство и творчество по определению подразумевают не только инновации, но и ценности, которые сильно варьируются, из чего следует, что многие аргументы, контраргументы и споры о творчестве связаны с разногласиями по поводу самой ценности. Даже если мы могли бы выявить, классифицировать и кодировать наши творческие ценности, чтобы компьютер затем работал и осуществлял контроль по этим алгоритмам самостоятельно, то все равно остались бы разногласия, касающиеся того, насколько творчески ЭВМ подошла к решению проблемы, насколько была искусна. Задача становится еще более сложной, когда речь идет об оценке перевода.

Однако, хотя и существуют алгоритмы и роботы, которые могут воспроизводить определенные аспекты взаимодействия людей в обществе, искусственному интеллекту все еще сложно распознать естественные человеческие эмоции в режиме реального времени, а еще сложнее — среагировать на них адекватно.

Таким образом, можно предположить, что под воздействием новейших цифровых технологий профессия переводчика не исчезнет, но будет видоизменяться. Ее основу составит именно способность функционирования в составе бинама «человек–ИИ», в котором первый должен будет занять место «ведущего» по отношению ко второму — «ведомому». В отличие от обычного перевода, когда функцию переводчика нередко сравнивали с функцией актера-исполнителя, в бинеме с ИИ переводчик в большей степени ассоциируется с режиссером и дирижером оркестра.

Ситуация, сложившаяся в мире в 2020 году в связи с пандемией, сделала более рельефными некоторые проблемы взаимодействия человека и новейших цифровых технологий.

Во-первых, вынужденная самоизоляция и переход к дистанционным формам общения наглядно продемонстрировали большое отставание методологии от технологий, эффективность использования которых оказалась довольно низкой. Многие технологические решения также показали недостаточные разработанность, надежность и устойчивость передачи информации.

Во-вторых, человеческое общество оказалось психологически более устойчивым к новым формам дистанционного общения: чем шире и чаще использовались цифровые технологии в коммуникации, тем активнее проявлялось желание выйти из этого состояния и вернуться к традиционным формам¹.

Таким образом, жизнеспособность человеческого перевода как способа обеспечения межкультурного диалога оказывается обусловленной социальной психологией человеческого рода.

Сложившаяся в современной России система подготовки профессиональных переводчиков заимствовала в своих основных чертах советскую систему профессионального образования в данной сфере, унаследовав ее лучшие традиции.

Советская система подготовки переводчиков давала весьма положительные результаты: профессиональные компетенции советских переводчиков получали высокую оценку зарубежных коллег и работодателей.

В начале XX века была популярной поговорка: «Генералы всегда готовятся к прошлой войне». Если продолжать готовить сегодня переводчиков по тем моделям и представлениям о переводческой деятельности, которые сложились десятилетия тому назад и долгое время оставались актуальными и достаточно эффективными, то есть опасность уподобиться таким генералам, и формируемое сегодня новое поколение переводчиков может оказаться неготовым к грядущим изменениям общественной жизни.

Для подготовки переводчиков к обеспечению успешной межкультурной коммуникации в условиях цифровизации большинства видов человеческой деятельности необходимо тщательно и всесторонне рассмотреть вопрос об изменениях в содержании образования переводчиков, предполагающих не только эффективный диалог человеческого интеллекта (переводчик) и искусственного интеллекта (программы автоматического перевода), но и особенности когнитивных процессов, происходящих в сознании переводчика под воздействием наблюдаемых уже сегодня новых условий восприятия, обработки и передачи информации.

Известно, что всякий акт перевода начинается с процесса восприятия исходного текста на языке оригинала. Исходное сообщение в письменной форме предполагает чтение как определенную когнитивную функцию, реализуемую переводчиком. По мнению некоторых исследователей, цифровое чтение утрачивает линейный характер, отчего снижается и уровень понимания.

¹ См.: Гарбовский Н. К., Костикова О. И. Мифы о переводе: от Вавилона до «цифры» // Русский язык и культура в зеркале перевода : материалы Междунар. конф. М. : Изд-во МГУ, 2020. С. 65–80.

Формирование личности переводчика для цифровой эпохи требует особого внимания к восстановлению у молодого человека когнитивных способностей внимательного чтения текста, поступающего для восприятия на новых носителях.

Цифровизация межкультурной коммуникации происходит на фоне глобализации. Глобализация как социальный, экономический, культурный и политический феномен была бы невозможна без общего обозначенного средства коммуникации, способного обеспечить взаимопонимание между всеми актантами глобальной мировой системы. Функции *lingua franca* были возложены на английский язык в его наиболее упрощенном варианте. Международный статус английского как основного, фактически единственного языка международного общения не мог не сказаться на языковой политике Российской Федерации: в системе общего образования он стал практически единственным иностранным языком, предлагаемым к изучению, — многоязычие фактически ушло из образовательного пространства¹.

Но именно комбинации с английским языком сегодня наиболее подвержены автоматизации как в бытовой, так и в специальной сфере. Гаджетов — карманных переводчиков оказалось достаточно для «языкового выживания» в мире чужой культуры.

Затухание многоязычия в последние десятилетия сопровождалось внедрением в процесс обучения иностранным языкам коммуникативного метода, позволявшего освоившим программы обеспечить себе возможности коммуникативного выживания в иноязычном мире по определенным уровням лингвистических компетенций и глобально ориентированных учебников иностранных языков.

В связи с этим отчетливо выделяются два вызова лингвистическому образованию в системе общего образования: 1) выбор иностранного языка для изучения; 2) изменение методики обучения иностранным языкам в системе общего образования.

В первом случае выбор оказывается на стороне многоязычия: иноязычные лингвистические компетенции, ограниченные только английским языком, утрачивают монополию как инструмент обеспечения коммуникации. Но и сегодня, и в ближайшем будущем программы автоматической обработки иноязычных речевых сообщений будут совершенствоваться в первую очередь в комбинации с английским языком, таким образом, его изучение как средства межкультурной комму-

никации утрачивает свою привлекательность для учащихся. Отсутствие мотивации влечет за собой утрату эффективности всего процесса обучения. Но предполагает ли это отказ от изучения иностранного языка как обязательного предмета программы общего образования? Отнюдь нет. Просто на первый план выступает уже не коммуникативная, а когнитивная функция языка как вектора культурной информации. В этом случае многоязычие в системе обучения иностранным языкам играет первостепенную роль. Изучение учащимися (из разных, но постоянно взаимодействующих групп) различных иностранных языков и знакомство с различными культурами могут привести к взаимному культурному обогащению, пониманию многомерности и разнообразия глобального мира, воспитанию толерантности к «иному».

«Когнитивный поворот» в изучении иностранных языков в системе общего образования предполагает и существенный пересмотр методических основ их преподавания. Коммуникативный подход к обучению иностранным языкам (в большинстве случаев английскому), призванный обеспечивать выживаемость в иноязычном окружении в ситуациях разной коммуникативной сложности и построенный на закреплении речевых клише за типовыми ситуациями, должен постепенно уступить место методике вдумчивого изучения языка как вектора национальной культуры. Такая методика была создана в советском обществе, закрытом от внешнего мира. Она позволила советским переводчикам, дипломатам, журналистам и многим другим специалистам поражать мир совершенным владением иностранным языком, богатым словарем, правильностью речи и глубокими знаниями чужой культуры. Коммуникативный подход к обучению языкам отвечал новым для своего времени требованиям: за короткий срок развить навык элементарного владения иностранным языком для выживания в иноязычной среде. Но уже сегодня эту задачу успешно решает искусственный интеллект.

«Когнитивный поворот» в изучении иностранных языков не ведет «вперед к прошлому» и никоим образом не предполагает игнорирование современных образовательных технологий. Напротив, когнитивный, познавательный подход опирается на достижения современной лингводидактики и способен стимулировать создание инновационных эффективных методик, активизирующих мотивацию обучаемых к овладению иностранными языками².

¹ См.: *Гарбовский Н. К.* Четвертая промышленная революция, образование и культура // Педагогика. 2021. Т. 85, № 11. С. 83–92.

² См.: *Гарбовский Н. К.* Четвертая промышленная революция...

Ч. Голлард¹

ДИАЛОГИ И КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Введение

«Диалог» и «конфликты» культур жизненно важны для нас в мире расширяющихся русофобских предрассудков и санкций с усиливающейся поляризацией мышления и мнений между различными культурами.

Диалог — это двустороннее общение для достижения определенной цели между разными людьми. С точки зрения психологии он требует применения целого ряда моделей поведения². Это гораздо больше, чем просто разговоры³.

Конфликты культур — это обширная тема, охватывающая все возможные горячие точки соприкосновения разных народов, которые в определенной степени можно смятчить «межкультурным образованием» в сочетании с непредвзятостью⁴.

¹ Профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), магистр наук (строительное право), бакалавр архитектуры (Великобритания). Автор ряда научных работ, в т. ч.: «Российское образование на новом рубеже эпох (диалектика прошлого и будущего). Что нужно России?», «Freedom of Expression — where are the Boundaries?», «Культура применения права в Великобритании», «Эксперты и экспертные свидетельства в международном арбитраже: использование, задачи и обязанности, основания для назначения», «Англичанин в Москве и МГЮА», «Английский язык и право — возможности в университете» и др. Член Королевского института британских архитекторов, Совета по регистрации архитекторов, Ассоциации менеджеров проектов, Ассоциации специалистов по проектному надзору, Королевского института арбитров, Королевского общества искусств, юрист в области строительства, международный арбитр. Главный редактор журнала «Kutafin University Law Review». Руководитель международных строительных проектов (стадион ФК «Шахтер» в Донецке, Большой ледовый дворец в Сочи, генеральный план реализации зимних Олимпийских игр 2014 в Сочи). Награжден медалью ордена «Родительская слава».

² См., например: R. Scollon, S. Scollon. *Intercultural Communication. A discourse approach*. Cambridge (MA) : Blackwell, 1995 ; Carbaugh D., Gibson T., Milburn T. *A view of communication and culture: Scenes in an ethnic cultural center and a private college // Emerging Theories of Human Communication / ed. B. Kovacic. Albany (NY) : The State Univ. of New York Press, 1997. P. 1–24 ; “Dialogue” in cross-cultural perspective: Japanese, Korean, and Russian discourses / D. Carbaugh, E. V. Nuciforo, M. Saito [etc.] // Journal of International and Intercultural Communication. 2011. № 4 (2). P. 87–108.*

³ Возможно, именно это попыталась сделать тогдашний министр иностранных дел Великобритании Лиз Трасс на встрече с нашим министром иностранных дел Сергеем Викторовичем Лавровым в Москве 9 февраля 2023 года. Позже господин Лавров охарактеризовал эту встречу в Министерстве иностранных дел как «разговор с глухим человеком... который находится здесь, но не слышит» (см.: Sergey Lavrov dismisses Liz Truss meeting as ‘like talking to a deaf person’. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/boris-johnson-and-liz-truss-urge-russia-to-back-down-over-ukraine-d27ns5w8b> (дата обращения: 01.06.2023)). Четкая и образная фраза человека, которому не привыкать к межкультурному диалогу, поскольку он свободно владеет как минимум пятью языками и более 50 лет проработал на дипломатической службе.

⁴ Изречение «Ум подобен парашюту; лучше всего он работает, когда открыт» хорошо известно. Источники в Интернете приписывают авторство западному рок-музыканту Фрэнку Запапе, но более глубокое исследование выявляет почти одновременное появление этого высказывания в британских, американских и австралийских газетах в октябре 1927 года, когда «западные» парашюты впервые вошли в широкое употребление. Однако на самом деле эти красивые слова были сказаны гораздо раньше, в 1911 году, Глебом Евгеньевичем Котельниковым, русским изобретателем рюкзака и спусковых парашютов. На Западе его имя

У разных людей, отличающихся друг от друга, должна быть возможность жить вместе, умение (как минимум) терпеть свои различия, безусловно, уважение к ним и, при необходимости, умение вести диалог для нахождения компромиссов или взаимоприемлемых позиций. Культурный обмен жизненно важен для возможности вести такие содержательные диалоги. Эта тема также наводит на размышления о роли дипломатии и дипломатов в меняющемся мире.

Представление культуры внешнему миру

Как англичанину⁵, мне интересны российско-британские культурные отношения. На недавней встрече с послом Великобритании в России стало известно, что британское правительство «неотступно предано делу» помощи российским школьникам и студентам в овладении английским языком и знакомстве с британской культурой. Важным звеном распространения английского языка и культуры за рубежом является Британский совет⁶. Однако из-за несоответствий в юридической документации Совета в настоящее время в России он практически не работает⁷, а его функции переданы Культурно-образовательному центру при посольстве в Москве. Чтобы узнать больше, я встретился с представителем по культуре британского посольства, бывшим заместителем главы миссии.

Центр при посольстве в рамках своей «неотступной преданности делу» поддерживает только один ре-

мало кому известно. Его могила находится на Новодевичьем кладбище в Москве, и она тоже красива.

⁵ Я один из примерно 200 человек, которые (вопреки рекомендациям правительства Великобритании) остаются в России. Мы можем и не являться послами в смысле официальных представителей государства, но, несомненно, являемся представителями нашей культуры — несем в себе то, что, по словам Руперта Брука, Англия родила и вырастила. Известный британский писатель, автор шпионских детективов Джон Ле Карре в своей книге «Русский дом» приводит мнение главного героя Барли: «*Что касается его верности своей стране, то Барли рассматривал этот вопрос с точки зрения того, какой Англии он предпочитал служить... Он знал Англию намного лучше, и она была внутри него самого*». Мне вспоминается дискуссия в Лондоне в 1990-х годах с одним русским, который посетил Великобританию в советское время. Он рассказал, что после въезда в страну первым делом проводилась встреча с представителем Посольства СССР, который напоминал им, что фактически они являются послами своей страны и должны проявлять только свои лучшие качества. Таким образом, тема диалогов и конфликтов культур начинается, как и должно быть, с того, что мы сами являемся лучшими примерами наших собственных культур.

⁶ Британский совет (www.britishcouncil.org), основанный около 89 лет назад, финансируется Министерством иностранных дел Великобритании и работает в более чем 100 странах. Его миссия — продвижение британской культуры, языка и образования. Согласно аудиторским данным, его бюджет составляет почти 1 млрд фунтов стерлингов (последние доступные официальные данные — за 2020–2021 гг.). Не обошлось и без скандалов, например связанных с поездками членов парламента за счет налогоплательщиков, отказом китайским диссидентам в участии в Лондонской книжной ярмарке, но в остальном Британский совет рассматривается как «мягкая сила» британской внешней политики.

⁷ Ранее Совет действовал в четырех городах России — Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Южно-Сахалинске, обслуживавшем в основном иностранных работников нефтяной и газовой отраслей.

курс для российских студентов — канал в социальной сети «ВКонтакте». Здесь ежедневно публикуются посты на такие темы, как, например, слова для именования частей тела животного или онлайн-тесты для проверки вашего уровня владения английским языком. Веб-сайт Совета отслеживает посетителей из России и перенаправляет вас на страницу, которая затем отправляет вас обратно в Центр при посольстве. Однако на их глобальном веб-сайте «журнал», который на самом деле является блогом, предоставляет гораздо больше информации, например регулярно публикует статьи на темы, которые считаются важными¹ для продвижения британской культуры и языка.

Обращаясь к российскому аналогу Британского совета, отметим, что у нас есть Фонд «Русский мир»² с 79 центрами³ в 40 странах «...созданный с целью популяризации русского языка и культуры как важнейшей части мировой цивилизации, поддержки программ изучения русского языка за рубежом, развития межкультурного диалога и укрепления взаимопонимания между культурами и народами».

Веб-сайт на русском и английском языках является богатым источником информации о культурных событиях, известных людях, новостей на темы искусства и технологий. Там также ведется настоящий журнал, выходящий как в печатной, так и в цифровой версии⁴; каждый номер — объемом до 100 страниц; слоган — «Журнал о России и русской цивилизации». Он не связан с текущей политикой, а посвящен широкому спектру аспектов культуры, языка и истории.

Подробное сравнение результатов деятельности Британского совета и Фонда «Русский мир» выходит за рамки данного доклада, но, на мой взгляд, «Русский мир» легко получает оценку 5+, а Британский совет — 2–, а то и меньше⁵. Я изложил свою точку зрения британскому министру культуры, предложив, чтобы Великобритания действительно обратила внимание на материалы Фонда «Русский мир» и продублировала их, предоставив копии для свободного доступа. Идея была «принята к рассмотрению».

Обмен информацией между культурами

У коренного американского племени черноногих нет ни эквивалента слова «диалог», ни слов для обо-

¹ Например, 24 марта 2023 года была опубликована статья «Пять фильмов за Свободу, квин-кино и цензура: в чем проблема создания квин-фильмов в странах с репрессивными режимами». Мой единственный комментарий здесь: «их нравы...».

² См.: <https://ruskiymir.ru> (дата обращения: 01.06.2023). Фонд был создан Указом Президента в 2007 году как спонсируемая правительством организация, целью которой является поддержка русского языка и культуры во всем мире, сотрудничество с Русской православной церковью в продвижении ценностей, бросающих вызов западной культурной традиции.

³ В настоящее время, по-видимому, в Великобритании их уже нет. Хотя осталось много данных о культурном сотрудничестве с различными регионами Великобритании, о школах и мероприятиях, которые были организованы Посольством России в Великобритании.

⁴ См.: <https://m.rusmir.media/numbers> (дата обращения: 01.06.2023).

⁵ Британским читателям вряд ли знакома типичная система школьных оценок за работу, поскольку они больше привыкли к классификации А–Е или 10-балльной системе. По моему личному мнению, по британским меркам журнал Фонда «Русский мир» однозначно получает оценку «А+», или 10/10. Результаты Британского совета едва достигают отметки «Е» или 1/10.

значения обсуждения, дебатов или просто вербального взаимодействия. У них есть слово *sitsipssat*, которое значит «разговаривать», но оно означает скорее самовыражение, чем взаимодействие с другими. Однако имеется лексема для обозначения человека, который постоянно болтает и недостаточно взаимодействует с другими, — *i'poyiipsti*.

В китайском языке есть ряд слов, отражающих английское понятие «диалог». Слово *duihua* является наиболее уместным при использовании на государственном уровне и вообще в официальных контактах. Оно состоит из двух иероглифов. Второй означает «высказывание», то есть что-то произнесенное, а вот первый имеет разные смыслы в зависимости от контекста, например «отвечать» или «лицом к лицу». Однако с культурной точки зрения это слово описывает беседу, обмен мыслями и мнениями между двумя или более людьми. Примеры его употребления на государственном уровне в китайских СМИ⁶ показывают культурное ожидание того, что общение между разными народами — это не просто двунаправленный поток коммуникации, но и отражение престижа людей, принимающих в нем участие, поскольку они являются представителями страны, а также серьезности обсуждаемых вопросов. В культурном плане китайский дипломат будет ожидать от другой стороны готовности оставаться непредвзятой, использовать конструктивный подход и работать над решением проблем — улучшением или корректировкой отношений.

Наши развивающиеся связи с Китаем позволяют плодотворно исследовать эту тему, полезную для любого перекрестного диалога. Другие слова со значением «диалог» — *jiaoliu* и *goutong* — содержат значения «поток» и «обмен». Однако в более глубоком смысле *gou* означает «канавы» или «канал». В *goutong* скрыта вера в то, что диалог приведет к разблокированию этой канавы или канала вместе с *zhencheng* и *shizai* («правдой» и «искренностью», без прикрас и преувеличений), то есть говорением от души. А иначе никакой содержательный диалог невозможен. Поэтому неудивительно, что между Россией и Китаем налажен более успешный диалог и сотрудничество, чем у России с Соединенным Королевством, судя по выступлению министра иностранных дел Великобритании в феврале 2022 года.

Поведенческие модели

при обмене информацией между культурами

Роль дипломата весьма интересна. Рассматривая некоторые модели поведения при обмене информацией между культурами, мы можем лучше оценить, как (хорошие) дипломаты работают при выстраивании диалогов, и найти темы, которые подойдут и для использования в нашей обычной жизни.

Под «диалогом» обычно понимают вербальное взаимодействие между двумя или более сторонами в диапазоне от сотрудничества до острой конкуренции. Су-

⁶ Недавние примеры включают диалоги между Китаем и другими странами по вопросам, касающимся Тайваня и региона Кашмир, — вопросам, которые характеризуются очень разными позициями государств-участников.

ществует фон такого взаимодействия — зависимость друг от друга, и разблокирование канала приносит пользу всем участникам.

В атмосфере сотрудничества диапазон общения может варьироваться от официального до абсолютно неформального, с открытостью к информации, сообщаемой другой стороной. Что касается предмета диалога, то с ним тоже можно обращаться по-разному: излагать свою точку зрения, описывать и анализировать проблемы, стараться достичь общего понимания, устранения недоразумений и согласования будущих совместных действий.

Последствия диалога могут быть как позитивными, так и негативными. Какая-либо из сторон может быть неискренней, например, соглашаясь со всем или проявляя безразличие, и в результате полезных результатов не достигается. Преследование корыстных интересов также может препятствовать успеху диалога, а иногда даже приводит к итогам, противоположным ожидаемым. Поэтому желательно помнить о ранее заявленной идее быть лучшими версиями самих себя и нашей культуры¹. Мы можем выражать собственные взгляды и в то же время должны оставаться открытыми и восприимчивыми к взглядам других.

Чем лучше вы понимаете философские и культурные традиции партнера, сидящего напротив, тем больше шансов у обеих сторон разблокировать канал. Знания в таких областях, как история, география², язык, литература, музыка, кино, в которых переплетаются «нити гобелена» цивилизации, повышают шансы на успех.

Когда звучат призывы к «диалогу», то создаются ожидания, которые в разных культурах могут быть различными. Например, в финском языке есть разница между *vuoropuhelu* и *keskustelu*: первое слово означает простой разговор, второе — дискуссию надлежащего качества.

¹ Сравнивать культуры всегда интересно, если вы сами культурны и проявляете любопытство по отношению к культурам других людей. В английском языке для описания чего-то, что вы будете ждать долгое время, используют выражение «пока коровы не вернутся домой». В России, для обозначения идеи «неизвестно когда», ее эквивалентом являются «когда рак на горе свистнет» или «после дождика в четверг». Когда на одной деловой встрече прозвучали эти выражения, они привлекли внимание обеих сторон, став источником шуток, а позже, во время ужина, и добродушных тостов за наших соответствующих животных. Лингвист поймет, что они также включают в себя понятия «обманутые надежды» и «пустые обещания». Как и идея, которая «принята к рассмотрению» (см. выше).

² Например, знание, что Ростов и Воронеж являются территориями суверенной России — то, о чем Лиз Трасс не знала, когда господин Лавров спросил, признает ли она суверенитет России над этими регионами, как на следующий день сообщил «Коммерсантъ». Это произошло всего лишь примерно через неделю после того, как она объявила, что Британия делает поставки «своим прибалтийским союзникам по Черному морю». Большинство людей знают, что Балтийское и Черное моря — это два отдельных водоема, расположенных примерно в 700 или 800 км друг от друга. Действительно, как заявила официальный представитель МИД России М. В. Захарова, «если кого-то и нужно спасать от чего-либо, так это мир от глупости и невежества британских политиков». Невозможно не согласиться с ней. В марте 2020 года, на встрече с гражданами Великобритании, я сказал госпоже послу Великобритании, что наши межкультурные диалоги стали бы значительно эффективнее, если бы посольство, которое находится здесь, лучше информировало бы этих политиков.

Исламское право и культура в обществах, не рассматривающих себя как общества с господствующей исламской идеологией

Эта область конфликта между культурами является традиционной, особенно после 11 сентября и так называемой войны с терроризмом, ориентированной на американцев, что часто проявляется в демонизации ислама и его последователей. Нам, живущим в России, это кажется странным, поскольку у нас много миллионов граждан, исповедующих ислам, и соседи-мусульмане, с которыми мы мирно сосуществуем. Разумеется, это разнообразие признано в нашей Конституции.

На эту широкую и глубокую тему написано множество увлекательных текстов. В одном из недавних материалов рассматриваются юридические вопросы³. Автор описывает законы шариата как универсальную систему социального регулирования благодаря охвату его предписаниями самых разнообразных — и практически всех — аспектов внешнего поведения. В исламской юриспруденции (фикхе) предлагается понимание и практическое применение шариата, который она расширяет и развивает путем толкования. Таким образом, шариат, который признается неизменным и непогрешимым, опирается в своем применении на фикх как результат толкования Корана и Сунны исламскими юристами. Предполагается, что без понимания законов шариата и фикха, а также основанной на них культуры, диалоги, направленные на взаимную выгоду и разрешение проблем с этими культурами, будут, мягко говоря, неудачными. Такие знания могут быть полезны в области государственного инвестиционного арбитража и финансовой практики.

ЮНЕСКО

Однажды Кофи Аннан⁴ сказал: «*Организация Объединенных Наций создавалась с верой в то, что диалог восторжествует над разногласиями, что разнообразие является универсальным преимуществом и что народы мира гораздо больше объединены общей судьбой, чем разделены своей самобытностью*».

Конфликты большей частью являются результатом нетерпимости, порожденной невежеством. В разнообразном мире существуют прекрасные возможности для обмена информацией и изучения различий. Это может стать мощным фактором для достижения мирного сосуществования разных народов.

Такое обучение должно включать в себя обмен разными идеями и обычаями для более глубокого понимания и верной оценки различных точек зрения и практик. На тему межкультурного диалога⁵ ЮНЕСКО есть что сказать и разъяснить, например всеобъемлющую идею о том, что он способствует социальной сплоченности и помогает создавать среду, благоприятную для устойчивого развития. Мир с большим числом связей не означает, что мы обязательно должны жить вместе,

³ Сюкияйнен Л. Исламское право и диалог культур в современном мире. М.: ВШЭ, 2021.

⁴ Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (1997–2006).

⁵ См.: Intercultural Dialogue. URL: <https://en.unesco.org/themes/intercultural-dialogue> (дата обращения: 01.06.2023).

скорее, от нас все чаще требуется находить способы жить вместе, несмотря на все различия.

К барьерам на пути развития эффективной межкультурной коммуникации можно отнести склонность людей пропускать свои мысли и переживания через призму собственной культуры — своего рода форма культурных предрассудков. Западный человек часто сталкивается с этим явлением в виде освещения нашей жизни здесь западными СМИ. Не следует забывать, что европейское пространство после Второй мировой войны было фактически «деевропеизировано» в результате плана Маршалла, связанного с Дюнкерским пактом 1947 года, резолюцией Ванденберга 1948 года, Брюссельским договором, модифицированным Брюссельским договором и, наконец, Североатлантическим договором (НАТО) 1949 года с последующим присоединением 19¹ государств и постепенным расширением границ НАТО на восток, в направлении России.

В сфере образования

В моей области деятельности актуальна разработка правовых позиций истцов и ответчиков в состязании в форме игрового судебного процесса (Moot Court Competitions). Такая форма позволяет реализовывать диалектическое обучение, основанное на изучении

фактов в рамках одного конкретного дела. Обоснованные позиции могут быть представлены обеими сторонами. Состязания основаны на арбитраже, где выигрывает одна сторона. Однако позиции противоборствующих сторон, использованные в переговорах, можно применять для поддержания реального диалога между ними и поиска общих решений, устраивающих обе стороны. Это часть обучения проведению переговоров, на которые мы стараемся вдохновлять студентов МГЮА.

Выводы

Наша жизнь здесь коренным образом отличается от жизни на Западе — другая история и культура. Европоцентристский взгляд «один размер подходит всем» здесь не приветствуется. Фонд «Русский мир» показывает многие аспекты нашей культуры, которые отличаются от других. Русская *душа* больше настроена на плодотворный диалог и непредвзятое изучение альтернативных вариантов. Тем, кто хочет вести бизнес с Россией или, по крайней мере, мирно сосуществовать, было бы полезно приехать сюда с открытым сердцем, познакомиться с историей и культурой и с удовольствием приобщиться к местному образу жизни. Но будьте осторожны: может получиться так, что вы не захотите уезжать.

Ал. А. Громыко²

ЦИКЛИЧНОСТЬ ИСТОРИИ И НОВЫЙ «ЗАКАТ ЕВРОПЫ»

Взрывной по скорости, масштабу и разрушительной силе обвал отношений между Россией, с одной стороны, и Украиной и Западом — с другой, их стремительный переход от ужесточающегося соперничества к широкомасштабной горячей фазе противостояния не был широко предсказан. Внешнеполитическое реноме России, вобравшее во многом советский опыт, выстраивалось с начала 1990-х годов на принципах тщательного соблюдения международного права,

борьбы против его ревизии и обхода института Совета Безопасности ООН как высшего международного арбитра по вопросам войны и мира. В глазах большей части мирового сообщества в кризисных ситуациях, связанных с региональными конфликтами в Югославии и Ираке, Ливии и Сирии, Йемене и даже Грузии, Россия не только выступала убедительно с юридических позиций, но и имела моральное превосходство по сравнению с теми, кто делал ставку на «жесткую силу» в обход ООН³. Однако ставка геополитических противников России на слом системы сдержек и противовесов, доставшейся современности в наследство от эпохи холодной войны, за последние десятилетия привела к ситуации, когда Москва от действий «от обороны» дипломатического и политического характера была вынуждена перейти к упреждающим шагам, в том числе военно-техническим.

Несмотря на произошедший обвал, не является само собой разумеющимся, что именно 2022 год стал рубежным в переходе от одной модели международных отношений к другой, как не являются очевидными будущие результаты такого перехода. Наблюдаем ли мы рождение нового мира, предвестниками которого выступают и украинский кризис, и резко усиливающееся китайско-американское соперничество, или эти феномены встроены в логику событий, которые разворачиваются уже длительное время? Право на суще-

¹ По-видимому, скоро их будет 20.

² Директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Политический реформизм в Великобритании. 1970–1990-е годы», «Модернизация партийной системы Великобритании», «Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки», «Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы» (в соавт.), «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны. Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко» (авт. и сост.), «Европа XXI века. Новые вызовы и риски» (ред. и соавт.), «О насущном. Европа и современный мир» и др. Шеф-редактор журнала «Современная Европа», главный редактор журнала «Общественные науки и современность». Президент Ассоциации европейских исследований России. Председатель Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко. Входит в бюро Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН. Член Научного совета при министре иностранных дел России, Российского совета по международным делам. Заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Почетный доктор Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского, Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), Воронежского государственного университета. Лауреат премии Фонда содействия отечественной науке (2004, 2006).

³ См.: Громыко А. А. Куда идет мир? Летопись грандиозной трансформации // Современная Европа. 2023. № 2 (116). С. 181.

ствование имеет и точка зрения, согласно которой при всем драматизме текущие процессы в современном миропорядке ведут не к его радикальной трансформации и полному краху, а к появлению нового варианта перераспределения удельного веса различных центров влияния. В очередной раз это перераспределение происходит с помощью трансграничного применения силы во всех ее проявлениях. В этом случае мы сталкиваемся не столько с принципиально новым в летописи международных отношений, сколько с постановкой извечных вопросов об источниках войн и конфликтов: полярным восприятием понятия «безопасность», последствиями технических новшеств в военном деле, разными трактовками международного права, оспариванием принадлежности территорий и т. д.¹

После распада СССР разными геополитическими центрами силы предпринималась не одна попытка нащупать обновленный каркас мироустройства: выйти на формирование «общеевропейского дома», системы равной и неделимой безопасности; вместо биполярного мира создать американский однополярный; вытеснить США (а вместе с ними и примат «жесткой силы») с позиции ведущего центра силы в пользу Евросоюза и соответственно «мягкой силы»; установить дуумвират «Чаймерика» как своего рода отголосок постнаполеоновского «концерта держав». Все эти поиски развивались в рамках магистрального направления мирового переустройства — от блокового противостояния двух сверхдержав эпохи холодной войны к полицентризму международных отношений. Нынешняя фаза острого противостояния — это борьба за то, как распределится власть в сфере международных отношений на десятилетия вперед.

В то же время трудно не согласиться с тем, что события 2020-х годов являются наиболее драматичной частью постсоветского трансформационного периода. Но их встраивание в контекст постсоветской истории позволяет, во-первых, оценить их во всей полноте причинно-следственных связей, во-вторых, не попасть в ловушку «уникальности» тех или иных явлений. В русле таких рассуждений напрашивается категория цикличности истории, которую, конечно, нельзя сводить к шаблонности. Циклов перераспределения силы в международных отношениях в истории было множество, но то, как они протекали и каковы были их результаты, всегда уникально. Современный цикл перераспределения — очередной в своем ряду, но что будет «на выходе», мы не знаем. Шаблоны холодной войны или биполярности, характерные для второй половины XX века, к этому этапу истории вряд ли применимы.

Чтобы между всплесками насилия обеспечить максимально длительную паузу мирного сотрудничества или мирного сосуществования, каждая эпоха нуждается в своей доктрине безопасности. Несмотря на давние предостережения основателей и участников Пагуошского движения, как и немалого числа их современных последователей (например, Группы лидеров по вопросам евроатлантической безопасности², Инициативы по

снижению ядерной угрозы³), не исключено, что в результате дальнейшего развития технологий доктрина ядерного сдерживания перестанет работать в прежнем виде. Украинский кризис и современные разновидности прокси-войн вновь остро ставят этот вопрос⁴. Обновленную доктрину безопасности для Европы еще предстоит выработать.

Однозначный ответ на вопрос, находимся мы на сломе эпох или проходим очередной этап поиска Россией своего места в мире, будет дан нескоро. Наиболее острые периоды конфликтов, горячие фазы противостояния всегда в истории были не лучшим временем прогнозировать будущее. К чему приведут текущие события — к новому Вестфалю, Вене, Ялте или чему-то более прозаичному — пока неочевидно. Как будет скорректирована или изменится траектория развития враждующих государств? Какие из них ждет восхождение, какие — ослабление, а какие — стагнация? Как этим воспользуются страны «глобального Юга»? Вопросов больше, чем ответов.

Важным подспорьем для современной международной аналитики является принцип исторического оптимизма, с точки зрения которого необходимо изучать прошлое для противостояния «катастрофическому алармизму». Хорошо известно, что в истории европейской цивилизации были как периоды самоуничтожения, так и периоды здравого смысла и сотрудничества. Дважды Европа становилась эпицентром мировых войн, несмотря на все наследие эпохи гуманизма и Просвещения. Сегодня в очередной раз Европа находится в центре разрушительных процессов. Почти развалена система контроля над вооружениями, не действуют выработанные совместными усилиями в прошлом меры доверия и безопасности. В то же время Европа не раз в истории демонстрировала способность к взаимному примирению, формированию эффективных механизмов сотрудничества, адаптации к масштабным региональным и глобальным вызовам. Российский фактор в проявлении такой способности всегда играл одну из ключевых ролей.

Неспособность Европы в постсоветский период выработать иммунитет против новых крайне опасных внутренних противоречий, против склонности полагаться на внешнюю, а не на собственную стратегическую мысль вновь показывает бесперспективность курса на возрождение европоцентризма. Обоснованно выглядит мнение о том, что снижение роли Европы в мировой политике прослеживается с момента окончания Первой мировой войны⁵. «Закат Европы» в трактовке О. Шпенглера ходом событий не раз опровергался, но европоцентричная ось мировой политики действительно является достоянием далекого прошлого.

Leaders of the Five Nuclear-Weapon States Affirming: «A Nuclear War Cannot be Won and Must Never be Fought» // European Leadership Network. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/group-statement/euro-atlantic-security-leadership-group-easlg-supports-joint-statement-of-the-leaders-of-the-five-nuclear-weapon-states-affirming-a-war-cannot-be-won-and-must-never-be-fought/> (дата обращения: 15.05.2023).

³ Nuclear // NTI : [сайт]. URL <https://www.nti.org/area/nuclear/> (дата обращения: 15.05.2023).

⁴ Громыко А. А. Указ. соч. С. 183.

⁵ Барановский В. Г. Международный ландшафт: эпоха перемен. Избранная аналитика. М. : Весь мир, 2021. С. 309.

¹ Громыко А. А. Указ. соч. С. 181–182.

² Advancing Global Nuclear «Fail-Safe» // European Leadership Network. URL: https://www.europeanleadershipnetwork.org/wp-content/uploads/2023/02/EASLG-Statement_GNFS_FINAL.pdf (дата обращения: 15.05.2023) ; Supports Joint Statement of the

А. А. Гусейнов¹

ФИЛОСОФИЯ И ИДЕОЛОГИЯ (К столетию «философского парохода»)

Прошлый, 2022 год стал столетием события, получившего символическое обозначение «философский пароход», — административной высылки за границу группы отечественных ученых и деятелей культуры, целенаправленно отобранных по критерию их враждебности к советской власти и ее идеологии (на официальном языке именовавшихся активными контрреволюционерами и представителями буржуазной интеллигенции)². Высылка осуществлялась пароходами, в том числе двумя из Петрограда, специально снаряженными для этой цели, а среди высланных были известные философы (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин, И. А. Ильин, Ф. А. Степун, И. И. Лапшин) — отсюда и возникшее задним числом и ставшее нарицательным обозначение (первоначально возникло как название большой статьи С. С. Хоружего в двух номерах «Литературной газеты» от 1990 г.³, посвященной этому событию). Высылка была оформлена как пожизненное изгнание из страны (высылаемые подписывали добровольное согласие на невозвращение, а в случае возвращения им грозил расстрел). Но, как говорится, никогда не говори «никогда»: через 65 лет, в 1987 году, произошло возвращение «философского парохода», и оно стало уже дважды символическим: не было никаких пароходов, как не было уже и тех, кто мог бы вернуться. «Философский пароход» стал важной категорией современной отечественной культуры, и именно в этом качестве его столетний юбилей отмечался общественностью страны. Сама растянутость на многие десятилетия свидетельствует о том, что речь идет о едином (одном) большом событии, которое имеет исторический масштаб и свою глубокую, закономерно обусловленную социальную природу.

Существует некая симметрия между началом и концом этого события.

Решение отправить в эмиграцию (выслать из страны) группу известных философов было, несомненно, политическим актом — одним из демонстративных действий высшей власти, предпринятых Главным политическим управлением под общим и оперативным руководством Политбюро ВКП(б) для того, чтобы

идеологически закрепить монополию своей партийной марксистской философии, возвести ее в ранг государственной идеологии.

Возвращение изгнанных некогда мыслителей (снятие государственной цензуры, издание и изучение наследия ученых) началось с решения Политбюро ЦК КПСС от 12 мая 1988 года «Об издании серии „Из истории отечественной философской мысли“». В приложенной записке А. Н. Яковлева, в частности, было сказано: «По разным причинам предан забвению целый массив философских произведений, который составил бы честь культуре любой европейской страны... Долгий период „замалчивания“ привел к негативным результатам»⁴. В список философов, чьи произведения были рекомендованы к изданию, были включены и пассажиры «философского парохода». Подготовить к публикации их труды было поручено журналу «Вопросы философии», а выпустить — партийному издательству «Правда». Именно легализация и даже акцентированное стимулирование запрещенного творчества некогда изгнанных философов придает этому постановлению несомненно политический характер и позволяет считать официальную датой возвращения «философского парохода».

Насколько мне известно, данное постановление, открывшее путь возвращению на родину пассажиров «философского парохода» и их трудов, исследовано не так подробно и конкретно, как подготовка и осуществление их высылки. Мы знаем, почему это изгнание произошло, кто персонально были его вдохновителями и организаторами, как оно протекало и т. п. Может быть, для последующих поколений такое исследование и будет необходимо для того, чтобы понять его действительное значение, но для нас — людей, находившихся в эти годы в философской среде, в этом не было нужды, ибо реальный смысл постановления не составлял никакой тайны. За ним стояло глухое недовольство умов, тяготившихся узкими рамками партийной идеологии и желавших вырваться на свободный простор самостоятельного мышления. Его общественный резонанс можно уподобить эффекту напора воды, прорывающей стоящие на ее пути шлюзы.

Возвращение «философского парохода» было не таким открытым и демонстративным, как акт изгнания, и официально объяснялось стремлением лучше осветить «обоснованность и оправданность политики и идеологии большевиков»⁵. Тем не менее, как показали последующие события, оно было понято гуманитарной общественностью как фактическое признание того, что «философский пароход» был ошибкой и что

¹ Директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Этика и культура», «Философия — мысль и поступок», «Античная этика», «Золотое правило нравственности», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней», «Культурология Дмитрия Лихачева» (в соавт.) и др. Главный редактор журналов «Этическая мысль», «Social Sciences», член редколлегии журналов «Вестник РАН», «Философский журнал», «Вопросы философии», «Философские науки». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

² См. подробнее: *Главацкий М. Е.* «Философский пароход»: год 1922-й. Историкографические этюды. Екатеринбург : УрГУ, 2002. 224 с.

³ *Хоружий С. С.* Философский пароход. Как это было? // Литературная газета. 1990. 9 мая, 6 июня.

⁴ Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991. Неизданное, малоизвестное, забытое. 1988 год. [Док. № 29–56]. Документ № 36. Постановление Политбюро ЦК КПСС и записка А. Н. Яковлева об издании серии «Из истории отечественной философской мысли». URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023684> (дата обращения: 31.05.2023).

⁵ Там же.

на нем вместе с мыслителями государство изгоняло философию как свободное занятие для человека. Быстро начавшееся заполнение белых пятен отечественной философии кардинально изменило ее социальный статус.

1. «Философский пароход», воспринятый как единое историческое событие и целостное общественное явление, можно рассматривать как реально осуществленный научный эксперимент, раскрывающий характер соотношения философии и идеологии, точнее, как ответ на вопрос о том, в какой мере философия может быть возведена в ранг государственной идеологии.

Что касается общественного смысла высылки из страны определенной группы философов, почему и как это произошло, то здесь все ясно¹. Философы изгонялись как люди, вольная или невольная вина которых состояла в том, что они не разделяли марксистских взглядов и не поддерживали новую власть. И изгонялись они самой этой властью². Реальным результатом «философского парохода» стала реорганизация характера деятельности в области философии, которая проходила по двум взаимосвязанным направлениям: а) исключение из официально санкционированного публичного пространства страны всех философских направлений, кроме марксистско-ленинского; б) систематические, осуществляемые с разным успехом, но всегда противоречивые практические мероприятия по возведению этого единственного, считавшегося истинным направления в ранг государственной идеологии³ (к слову сказать, среди этих мероприятий одним из важнейших считалось составление цельного и популярного свода, своего рода катехизиса, правильного понимания правильной философии). Постановление Политбюро от 12 мая 1988 года повернуло движение в обратном направлении: оно стало началом отхода от монополии марксизма, а в итоге и от государственной идеологии вообще. Оно фактически сняло запрет с тех имен и произведений, на которые он был наложен в 1922 году.

Первым, самым очевидным и важным следствием стал вновь обретенный Россией философской плюрализм публичной жизни. Это означало, что результат эксперимента оказался отрицательным. Но, кажется, это тот самый случай, когда отрицательный результат обретает особую ценность.

¹ «Таким образом, при некотором разбросе мнений, исследователи истории высылки единодушны в том, что экспатриация инакомыслящей интеллигенции в 1922 году явилась логичным шагом в развитии внутренней политики страны. Ее главной причиной можно назвать попытку власти установить жесткий идеологический контроль, удалив из страны интеллектуальную элиту — тех людей, которые могли мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, а зачастую и критиковать существующий режим» (*Главацкий М. Е.* Указ. соч. С. 24).

² Вот отрывок из допроса Бердяева: «Вопрос. Скажите, г-н Бердяев, ваши взгляды на структуру советской власти и на систему пролетарского государства. Ответ. По убеждениям своим я не могу стоять на классовой точке зрения и одинаково считаю узкой, ограниченной и своекорыстной и идеологию дворянства, и идеологию крестьянства, и идеологию пролетариата, и идеологию буржуазии» (*Главацкий М. Е.* Указ. соч. С. 166–167).

³ Подробнее об этом см.: *Гусейнов А. А.* Философия и общество. К 100-летию Института философии РАН // *Вестник РАН.* 2021. Т. 91, № 8. С. 779–793.

2. Еще на исходе советской власти в процессе ослабления идеологического прессы в стране складывались философские учения, выпадавшие из официального канона и тем не менее ставшие точками общественного интеллектуального притяжения. Достаточно назвать имена выдающихся мыслителей А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина, методолога Г. П. Щедровицкого. С «реабилитацией» русской философии Серебряного века вокруг имен и учений многих из ее выдающихся представителей — В. В. Розанова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, Л. Шестова и других — быстро и спонтанно сложились объединения.

Отдельно надо сказать о возвращении уже советских философов, изгнанных в 1970-е годы, и в первую очередь об уникальном русском мыслителе Александре Александровиче Зиновьеве, чей 100-летний юбилей мы отметили в прошлом году на государственном уровне как общенациональное событие. За последние годы отечественную гуманитарную среду пополнили новые общественно значимые философские идеи и имена, претендующие на собственные философские концепции: В. В. Библихин, В. А. Подорога, В. С. Степин, С. С. Хоружий и др. Словом, современный философский ландшафт является разноцветным, многоцветным.

Плюрализм как идейная разнонаправленность систем и учений — нормальное состояние философии, которая является продуктом свободной мысли, он (по крайней мере, его возможность) является условием здоровой атмосферы умственной жизни. Не существует философии вообще, она всегда является авторским продуктом. Говоря о философии, мы всегда уточняем, чья она — философия Декарта, Канта, Чернышевского, Маркса и т. д. Отсюда плюрализм как ее норма.

Но тот же плюрализм составляет для философии проблему. Философия — это не только имена и школы, она есть также самосознание общества, выражение духа времени, эпохи. Философию как самое чистое порождение ума создают отдельные личности, живые индивидуумы, но своим содержанием она охватывает бытие людей и мира в самом общем виде, в их первых принципах. Это значит, что философия выражает цивилизационную перспективу народа, его способность ориентировать себя в семье других народов. Так, русская философия всегда была озабочена вопросом об идеальном образе России, ее месте в истории. В этом аспекте, в стремлении выразить дух эпохи, времени, дух своего общества, своего народа каждая философия стремится стать их общим знаменателем, формой общественно-го сознания, скрепляющей сознательную деятельность людей. Каждое общество и каждый народ вырабатывают свою философию по мере того, как они поднимаются до уровня собственного видения исторического развития. Состояние философии в обществе, как мудро заметил Декарт, является признаком его цивилизованности.

Национальная идея философии плохо согласуется с плюрализмом философских учений. Вопрос не решается созданием общественных условий для того, чтобы каждое философское учение могло свободно развиваться в пределах своей школы и своих после-

дователей. Требуется такое решение, в рамках которого плюрализм философских учений был бы необходимой формой философского самосознания общества или, по крайней мере, не становился бы препятствием для этого. Плюрализм философских учений (интересов, школ) может существовать в разных формах. Он возможен как простое разнообразие философских учений, когда они просто соседствуют, находятся рядом, но может и остаться поверхностным явлением или даже стать причиной потери умственной самостоятельности. Плюрализм философских учений может быть также их многообразием внутри единого: это происходит тогда, когда они представляют разные ответы на одни и те же общие вопросы, которые волнуют все общество, всех его мыслящих представителей. В этом случае философские учения оказываются внутренне связанными между собой теми темами и проблемами, которые интересны для всего общества, а не только сторонников того или иного учения. Эти общие темы и проблемы задаются не философией, а историей народа, ее переломными вехами, крупными общественными событиями, такими как реформы, войны, смена элит, — событиями, которые сплывают большие массы людей в определенные группы (партии), обостряют размышления о будущем. Они формулируются политиками, духовными авторитетами, людьми, уполномоченными говорить от имени государства, направлять действия людей в определенное русло. Философия является современницей этих волнующих людей и общество проблем, они находят в ней свое выражение и отражение, переводятся на ее «птичий» язык, получают разнообразное концептуальное воплощение и создают новое идейное поле. Тем самым плюрализм философских учений становится единым полемическим пространством, неким подобием общенационального круглого стола.

3. Чему учит опыт «философского парохода»?

Первый вывод касается общего и различного между философией и идеологией.

Философия и идеология объективно имеют между собой нечто общее: та и другая являются формами сознания, отвечающими на вопрос об основополагающих принципах сознательной человеческой деятельности.

Между философией и идеологией существуют также различия, которые в своем значении существенных характеристик каждой из них обнаруживаются именно при их осмыслении в качестве различий. Они сводятся к двум важным пунктам.

А) Субъектом философии является каждый живой разумный индивид, поскольку он старается жить разумно; субъектом идеологии являются большие группы (классы) людей, так как они стремятся разумно устроить свою общую (совместную) жизнь.

Б) Философия в обществе как профессиональное занятие всегда существует во множественном числе. Философы, поскольку они сами являются живыми разумными индивидами, предлагают свое индивидуальное понимание того вопроса, которым они занимаются, аргументируя и публично предьявляя его в качестве самого лучшего и адекватного; следовательно, в этом отношении они схожи с такими мастерами сво-

его дела, как, например, ювелиры и поэты. Идеология, напротив, всегда предполагает единственное число, поскольку она призвана обеспечивать единство действий большого количества людей. Ее не может быть много, как не может быть, например, много императоров в империи, полководцев в армии, руководителей в учреждении.

Второй вывод: этот опыт выявляет соблазны, свойственные философии и идеологии.

По причине объективно обусловленных совпадений и различий между философией и идеологией как двумя формами общественного сознания они не могут не тянуться друг к другу. Более того — не просто тянуться, а посягать при этом на суверенитет другого, на его подмену. Каждая философия в ее содержательной определенности претендует на то, чтобы считать себя единственно истинной. Даже тогда, когда она сознает себя в качестве одной из скептических (антидогматических) версий, сам этот скептицизм она предьявляет в качестве универсального учения. В этом смысле она стремится стать идеологией для всех людей. Утопический опыт Платона, реализованный им в «Государстве» и «Законах», можно считать вечным соблазном философии. Идеология в ее современном светском виде, какой она, собственно, и приобрела вместе со своим наименованием после Великой французской революции, представляет собой иррационально-рациональную конструкцию, в которой движущее иррациональное ядро запрятано глубоко под рациональной оболочкой. И в той мере, в какой наряду с риторическими, эстетическими и прочими моментами идеология использует арсенал рационального познания, а именно — формулирует ценностные принципы коллективного сознания и придает своему содержанию строгий формально-логический вид, она неизбежно апеллирует к философии. Стремление стать философией составляет соблазн идеологии.

Третий вывод: следование этим соблазнам оказывается разрушительным и для философии, и для идеологии. Советское общество — от начала его героического становления до катастрофического разрушения — можно считать колоссальным экспериментом, осуществленным на основе и в соответствии с философией Маркса и Энгельса, сторонницей которой была победившая в русской революции 1917 года Коммунистическая партия. КПСС считала эту философию единственно научной, вбирающей в себя все ценное, что накопило человечество в области философии. Задача состояла в том, чтобы построить самое передовое общество, общие цели и контуры которого обоснованы в учении марксизма-ленинизма. Для этого надо было возвести это учение в государственную идеологию, чтобы она стала программой, собирающей общество воедино и направляющей его к общим целям. Так марксизм-ленинизм, основой которого является философия диалектического материализма, был превращен в идеологический канон и общую веру всего общества, подкрепленную необходимыми для этого политическими, просветительскими, институциональными и прочими изменениями. В частности, необходимо было очистить (путем запрета, изгнания) обществен-

ное пространство от всех других философских теорий как от ненужного мусора. Началом этого процесса очищения и стал «философский пароход». Это было именно слияние философии и идеологии, превращение первой в обязательную, контролируруемую государством силу и насыщение второй светским рациональным содержанием. Негативный исход данного экспери-

мента оказался разрушительным и для отечественной философии, и для идеологической составляющей жизни страны. Бесспорным доказательством этого служит возвращение к философскому плюрализму и отказ от государственной идеологии. Какие издержки, потери и искривления сопровождали и то и другое — это уже другой вопрос.

Х. М. Д. Де Вега¹

К ВОПРОСУ О ГЛОБАЛЬНОМ БАЛАНСЕ СИЛ, РОССИЯ ПРОТИВ НАТО И ОБ ОПАСНОСТЯХ И НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ОДНОПОЛЯРНОСТИ: В ЗАЩИТУ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

«Если мы, будучи лишь маленькой точкой на карте мира, сможем выполнить свой долг и отдать ради этой борьбы то небольшое, что у нас есть, — пожертвовать жизнью; если когда-то нам придется испустить последний вздох на какой-либо земле, уже нашей, окропленной нашей кровью, — да будет известно, что мы соизмерили наши возможности и действия. И пусть мы считаем себя лишь частицей одной великой армии пролетариата, мы гордимся тем, что извлекли главный урок из Кубинской революции, который следует из позиции ее лидера в этой части мира: „Какое значение имеют опасности, жертвы человека или нации, когда на кону стоит судьба человечества“.

Каждый наш поступок — это боевой клич против империализма и *боевой гимн единства народа в борьбе против великого врага человечества — Соединенных Штатов Америки*. Где бы ни застала нас смерть — мы встречаем ее лицом к лицу, в надежде, что наш боевой клич достигнет чуткого уха, и другая рука подхватит наше оружие, и другие бойцы готовы будут исполнить надгробные песни — пулеметными очередями и новыми возгласами войны и победы».

Это написал Че Гевара в своем «Послании народам мира», отправленном на Трехконтинентальную конференцию², проходившую в Гаване в 1966 году.

Ровно десять лет назад я написал слова, которые считаю важными:

«Впечатляет то, что человек, которого чаще всего изображали „плохим парнем“, оказался хорошим, бесспорно остановившим возможное развязывание Третьей мировой войны.

¹ Профессор кафедры философии и гуманитарных наук Института искусств, образования и наук Национального университета Филиппин (Манила), кандидат наук, магистр философии. Сфера научных интересов — международные отношения, законодательство и правоприменение, демократия и права человека. Автор многочисленных публикаций, в т. ч. статей: «The Philippines and Russia: on Independent Foreign Policy», «The World Must Come Together to Stand with Palestinian People», «Historical Distortionism is the Destruction of the Nation's Foundation», «China's Conquest of the South China Sea is the End of the International Rules-Based Order», «In Solidarity to the Brave People of Sibuyan Island»; книг «Dissident» (2013), «Insurrecto» (2017) и др. Автор YouTube-канала «Jose Mario De Vega».

² См.: Че Гевара. Интернет-архив. 16 апреля 1967 г. URL: <https://www.marxists.org/archive/guevara/1967/04/16.htm> (дата обращения: 16.05.2023).

Как объяснить ироничность поступка бывшего директора ФСБ, который перед лицом мирового международного сообщества успешно отказал так называемому лауреату Нобелевской премии в нанесении военного удара по Сирии? Российский президент не только пристыдил и разгромил американского коллегу в общественном мнении, показав нецелесообразность и неуместность бомбардировок Сирии. Он отчетливо дал понять то, что миру уже давно известно, что Америка не является той, за кого себя выдает, и этот факт неоспорим»³.

Это был период, когда США и их клеветы снова готовились нанести удар по Сирии и, подобно тому, как они поступили с Ливией, провести смену режима в этой части мира, преследуя свои гегемонистские и геополитические цели.

Мне кажется, что Россия и ее союзники извлекли урок из своей предыдущей ошибки, когда они отказались от военного вмешательства в Ливии. Поэтому в Сирии русские не просто поиграли мускулами, а твердо заявили, что они вернули свои прежние позиции в мире и намерены на них остаться.

Я утверждаю, что это именно то, что нужно миру. Сильная, решительная и активная Россия, которая будет обеспечивать силовое равновесие в глобальном масштабе. Возможно, критики скажут, что это новая форма холодной войны, но как бы парадоксально это ни звучало, никто в здравом уме не может отрицать, что русские играют важную роль в поддержании мира и баланса сил на мировой арене. Например, если русские пальцем о палец не ударят в решении проблемы Сирии, то что будет с Дамаском? Что будет с миллионами сирийских беженцев? Куда им податься? Где их примут? Какие «добропорядочные» и «цивилизованные» страны окажут им содействие?

Мы можем только предполагать, что произойдет с Сирией, но у нас есть множество исторических свидетельств неприглядных поступков Запада по отношению к тем странам и народам, которые они разорили. Посмотрите хотя бы на Ливию до и после того, как она была разрушена силами НАТО⁴.

³ См.: Putin and Obama: A comparison of the dove and the hawk // GMA News. 2013. Oct 5. URL: <https://www.gmanetwork.com/news/opinion/content/329563/putin-and-obama-a-comparison-of-the-dove-and-the-hawk/story/> (дата обращения: 16.05.2023).

⁴ См.: <https://www.pinterest.ph/pin/375980268869252716> (дата обращения: 16.05.2023).

Из новостных сообщений TeleSUR:

«Спустя девять лет после военной интервенции под руководством Организации Североатлантического договора (НАТО) с целью свержения полковника Муамара аль-Каддафи Ливия по-прежнему тонет в водовороте насилия с участием вооруженных групп, сектантов, этнических группировок и внешнего вмешательства, которые обратили страну в хаос.

20 октября 2011 года в ходе вооруженных протестов, поддержанных правительствами США и Европейского союза, которые ввергли страну в гражданскую войну, ливийский лидер был захвачен и жестоко убит повстанцами.

Одна из самых процветающих стран Африканского континента благодаря обширным нефтяным месторождениям, Ливия после падения Каддафи оказалась разделена между многочисленными вооруженными группировками, борющимися за влияние и контроль над страной и ее богатствами.

Каддафи правил на протяжении 42 лет и привел Ливию к значительному прогрессу в социальной, политической и экономической сферах, что вызывало одобрение и восхищение во многих африканских и арабских странах того времени. Несмотря на противоречивость его правления, Каддафи стал важным участником антиимпериалистической борьбы благодаря своей деятельности, направленной в основном против США и политики, проводимой Вашингтоном на Ближнем Востоке»¹.

Угрозы и несостоятельность однополярности

Будет крайне недальновидно и опасно для всего человечества, если мы допустим, что контроль и управление глобальным мироустройством будет находиться только в руках Запада и НАТО. Мир уже видел их упадок и моральную несостоятельность во второй половине XX века. Было бы глупо позволить им определять для нас глобальные правила и предполагаемый международный порядок, основанный на соображениях, которые на самом деле отвечают их целям имперской гегемонии, базирующейся на однополярности всех областей жизни — от глобальной политики и экономики до культуры, спорта, развлечений и т. д.

Гегемония, империализм США и укрепление однополярности

После окончания Второй мировой войны мир разделился на три мощных блока: США, Советский Союз и государства, известные как участники Движения неприсоединения, которые получили независимость во второй половине XX века. Хотя эти страны были неприсоединившимися, чаще всего они вставали на сторону России в большей части социально-экономических вопросов.

В 1989–1991 годах произошли события, которые привели к падению Берлинской стены и, как следствие, к распаду Советского Союза. Можно сказать, что именно в этот период США, будучи единственной

сверхдержавой, положили начало этапу однополярности мировой политики. Из-за этого в американских политических кругах сложилось мессианское представление о том, что они имеют право и дальше контролировать и «лепить» мир по своему усмотрению. Они распространяли свое господство не только экономическими мерами, но и посредством силы, демонстрируя свою военную мощь в Югославии, Афганистане, Ираке, Йемене, Ливии и др.

Американцы думали, что будут вечно править миром, что их интервенционизм и империализм будет принят во всех странах. Такое опасное и недальновидное мышление полностью противоречит принципам диалектики истории.

С новым тысячелетием в мире появились новые сильные и при этом независимые игроки. Мы видели подъем Индии, Китая и возрождение России.

В настоящее время единственной новостью, которую мы можем услышать от США и их союзников, является предполагаемая опасность России и Китая и сомнительный нейтралитет Индии.

Начало конца однополярности

Мы можем проследить ход этого процесса и сделать вывод, что его отправной точкой является глобальный финансовый кризис 2007–2008 годов. Затем избран Дональд Трамп президентом США в 2016 году ускорило движение против однополярности. Следующим этапом стал позорный уход США из Ирака и Афганистана, сравнимый с их столь же унижительным поражением во Вьетнамской войне в 1975 году.

Все это бесспорные факты, свидетельствующие об умирании империи Американского мира, однако решающими стали два переломных исторических события, имеющих отношение к России, которые я хотел бы выделить в аспекте данной проблемы.

Во-первых, после того как американцам удалось осуществить проплаченный ими переворот, в результате которого в 2014 году был свергнут законно избранный президент Украины, они никак не смогли повлиять на Россию, когда она перешла в контратаку, присоединив Крым.

Во-вторых (и это, на мой взгляд, гораздо важнее), в 2015 году американцы начали участвовать в сирийских событиях, в то время как русские отправили в Сирию своих военных, чтобы остановить армию США в их стремлении к смене режима.

Эти два события показали всему миру, что статус США как сильнейшей державы идет к закату, а Россия не только обновилась, но и, возможно, уже достигла уровня СССР, правопреемницей которого она является. Хотя я во многом приписываю эти успехи всему российскому народу, все же нельзя отрицать роль личности в истории. Бесспорно, президент Владимир Путин не только сыграл ключевую и решающую роль, но и продемонстрировал свое очевидное лидерство.

Российская Федерация в настоящее время

Чтобы понять сегодняшнюю Россию, надо обратиться к ее новейшей истории. В 1990-х годах, после распада Советского Союза и социалистического ла-

¹ См.: Libya Before and After Muammar Gaddafi. 2020. Jan. 15. URL: <https://www.telesurenglish.net/analysis/Libya-Before-and-After-Muammar-Gaddafi-20200115-0011.html> (дата обращения: 16.05.2023).

геря, Россия пережила немалые проблемы, столкнувшись с масштабным политическим и экономическим кризисом. Это не лучшим образом отразилось на психологическом состоянии как ее лидеров, так и всего российского народа. В результате этих неудач, потрясений и явных поражений россияне почувствовали, что потеряли огромное количество сил и их влияние в мире ослабло. Репутация страны пошатнулась, и казалось, что статус супердержавы утрачен навсегда. К тому же Россия не смогла достойно отреагировать, когда НАТО подвергло бомбардировке Югославию, хотя это не было разрешено или санкционировано Советом Безопасности ООН. Негодование россиян усугубилось тем, что их мнение относительно данного вопроса не было учтено. Россияне никогда не забудут и не простят этот неуважительный поступок США и их союзников по НАТО.

Россияне чувствовали себя уязвленными, ведь те территории, которые подвергались бомбежкам, Кремль считает своим тылом и частью своей сферы влияния. Тем не менее, поскольку русские в то время были не в том положении, чтобы жаловаться или протестовать, они неохотно проглотили это неуважение.

Действительно, будучи провидцами и прирожденными бойцами, русские не стали торопить события, а вместо этого неустанно работали над восстановлением и укреплением экономики, государственных институтов и наведением порядка, добиваясь стабильности в своей политической системе. Всего через два десятилетия они достигли экономической мощи и восстановили свой статус игрока мирового масштаба и, более того, сверхдержавы.

Расширение НАТО на Восток и предательство Запада

Важно уделить особое внимание истории болезненной проблемы расширения НАТО, потому что эта проблема прямо связана с военной конфронтацией, разгоревшейся сейчас в Европе.

Загвоздка, как обычно, в том, что имеются две противоположные версии¹. Россия все время утверждала, что взаимопонимание и согласие с Западом уже достигнуты, хотя и не закреплены в письменной форме; но спустя годы Запад заявил, что по этому вопросу нет ни понимания, ни согласия. Как и в случае с бывшей Югославией, манипуляции и предательство со стороны США и их союзников, не выполнивших соглашения, русские не забудут и не простят.

Надо признать, что русские согласились на прекращение действия Организации Варшавского договора и даже дали согласие на воссоединение разделенной Германии, но США и их союзники по НАТО должны были пообещать, что больше не будут продолжать экспансию на Восток, потому что Россия считает это своей сферой влияния.

¹ О двух противоположных версиях см.: <https://www.youtube.com/watch?v=nVt-WXTLIZM>; Did NATO promise Russia never to expand to the east? // DW News. 2022. Mar. 19. См. также: Bognot H. M., De Vega J. M. D., Pepa R. F. Pravda: Ang Digmaang Proxy sa Ukraina: Rusya Laban sa NATO / patnugot R. A. Macawili. Paranaque, Philippine: The Radical Press, 2022. Отдельно предисловие профессора Рамона Г. Гильермо из Центра международных исследований Университета Филиппин (с. iii-vi).

Профессор Стивен Ф. Коэн² в своей книге «Советские судьбы и утраченные альтернативы: от сталинизма к новой холодной войне», прочитанной 19 мая 2010 года в Совете Карнеги по этике в международных делах, говорил о том, что, во-первых, расширение НАТО представляет собой нарушение данного России президентом Бушем-старшим обещания, что в обмен на объединение Германии НАТО не будет расширяться на Восток. Это не подлежит никакому сомнению. Говорят, что соглашение об этом не было заключено. Но договор есть договор. Получается, что когда Соединенные Штаты дают обещание не в письменной форме, то они могут нарушить свое слово, обмануть. Путин и Медведев имеют в виду именно это, когда публично говорят Мадлен Олбрайт и ее коллегам: «Россия чувствует себя обманутой и преданной». Поэтому Россия больше не доверяет НАТО: вы нарушаете свое слово — как мы можем вам доверять?

Во-вторых, НАТО для России представляет собой военное окружение. Если взглянуть из Кремля, то вы заметите их везде, на всех границах России.

В-третьих (хотя США об этом не говорят), расширение НАТО свидетельствует о лицемерии и двойных стандартах. Россия видит ситуацию именно так, и трудно найти возражения против такой точки зрения.

В-четвертых, расширение НАТО — это увеличение сферы влияния США. Куда идет НАТО, туда направляются и американские вооруженные силы, и военная техника, потому что для войск НАТО приходится покупать американское оружие. Куда идет НАТО, туда перемещаются и солдаты, которые берут с собой своих женщин, свои привычки и все прочее. Это явное, неоспоримое, бесспорное расширение сферы влияния Америки. Таким образом, с середины 1990-х годов произошла колоссальная экспансия США прямо к границам России, в то время как американские правительства, включая администрацию Обамы, говорили: «У вас не может быть сферы влияния, потому что это устаревшее мышление».

Русские, может, и жестоки, но не глупы. Они поняли, что означали слова американцев: «Теперь у нас может быть самая большая сфера влияния, которую когда-либо видел мир, а вы ничего не получите даже у своих границ. Фактически мы забираем то, что раньше было вашей традиционной сферой влияния, вместе с энергетическими ресурсами и всем остальным. Теперь это наше» (давно знакомая идея «победитель получает все»). *Это вызывает огромное негодование в России. Отношения никогда не станут стабильными, основанными на сотрудничестве, пока мы не разберемся с этой проблемой.*

Означает ли это, что Россия имеет право на свою сферу влияния? Джек Мэтлок считает, что да, имеет, но это зависит от того, что мы подразумеваем под «сферой влияния». Они не могут оккупировать страны. У нас была Доктрина Монро. Но суть в том, что до тех пор, пока это не будет улажено, отношения никогда по-настоящему не восстановятся после окончания холодной войны.

² Стивен Фрэнк Коэн (1938–2020) — почетный профессор Нью-Йоркского и Принстонского университетов.

Проблема в том, что в Америке запрещено говорить о том, у кого есть сфера влияния и кто имеет на нее право. Я думаю, что решения есть, но вы даже не сможете добиться того, чтобы этот вопрос был задан. Если вы не можете включить вопрос в повестку дня, вы, очевидно, никогда не найдете на него ответ¹.

Нет никаких сомнений: то, как США, Запад и НАТО поступили с Россией, является не только нарушением доверия и контрактных обязательств, но и непростительным предательством самого худшего толка. Запад не только пренебрег своими обещаниями и обязательствами. Самое непростительное — то, что, словно специально раздражая Россию, президент США Билл Клинтон в 1996 году открыто призвал те страны, которые были членами уже распущенной Организации Варшавского договора, вступить в НАТО. Затем, три года спустя, к ним присоединились Польша, Венгрия и Чехия. Можно ли расценивать это иначе, кроме как пощечину России?

В то время как вокруг членства в НАТО вспыхнул настоящий ажиотаж, внутри НАТО также царили напряженность, разногласия и ожесточенные дебаты на фоне постоянных предупреждений и последовательных протестов со стороны России. Затем состоялся следующий раунд приема в блок новых участников, когда семь стран из Центральной и Восточной Европы (Болгария, Эстония, Латвия, Литва, Румыния, Словакия и Словения) заявили о своем намерении вступить в НАТО. Примечательно, что эти страны исторически рассматривались Россией как часть ее сферы влияния. Они были официально приглашены на Пражский саммит НАТО в 2002 году, а их полноправное членство в блоке было официально оформлено в 2004 году в Стамбуле.

Однако НАТО, похоже, было по-прежнему недовольно. Оно стремилось привлечь еще больше стран и поэтому продолжило вербовку. Затем, 1 апреля 2009 года, то есть прямо перед саммитом НАТО 2009 года в Страсбурге и Келе, в альянс вступили Албания и Хорватия. За ними последовали Черногория, которая присоединилась 5 июня 2017 года, и Северная Македония — 27 марта 2020 года. Согласно отчету², последним на сегодня членом НАТО стала Финляндия 4 апреля 2023 года. Далее в докладе было сказано, что «северная страна является 31-м членом оборонного альянса». Опять же, давайте отметим, что Финляндия исторически была частью Российской империи и одной из российских провинций с полуавтономным статусом. Следует задать прямой вопрос: является ли решение финского правительства выгодным для финского народа?

Надо также отметить, что теперь, когда Финляндия уже вступила в НАТО, другой скандинавской страной, которая к этому стремится, является Швеция. Понимают ли они всю опасность возможных последствий?

¹ Полное видео лекции см.: <https://www.carnegiecouncil.org/studio/multimedia/20100519-soviet-fates-and-lost-alternatives-from-stalinism-to-the-new-cold-war> (дата обращения: 16.05.2023).

² Bayer L. Finland is now officially a NATO member // Politico. 2023. Apr. 4. URL: <https://www.politico.eu/article/finland-officially-nato-alliance-member-jens-stoltenberg-pekka-haavisto-antony-blinken/> (дата обращения: 16.05.2023).

Для полноты картины приведу аргументы международного комментатора Яна Оберга³.

Шведы и финны станут менее защищенными. Почему? Потому что вместо проницаемых границ и дипломатии будет более жесткая конфронтация и поляризация. В случае серьезного кризиса они с подавляющей вероятностью будут оккупированы США/НАТО и начнут получать от них указания.

В той степени, в какой в определенный момент этим двум странам будет предложено разместить у себя американские базы — как сейчас Норвегия и Дания, — они не смогут сказать: «Нет!» В ситуации военного конфликта эти базы станут первоочередными целями России.

С точки зрения России их членство в НАТО чрезвычайно усиливает напряженность и ведет к конфронтации. На долю России приходится 8 % (66 млрд долл.) военных расходов 30 членов НАТО. Теперь на всей территории НАТО будет проведено масштабное перевооружение. Германия планирует значительно увеличить свои расходы. Украина получит около 50 млрд долларов. Добавьте к этому перевооруженные Швецию и Финляндию, и вы увидите, что относительный размер военных расходов России стремительно сократится вдвое — до 4 %, но ее по-прежнему будут называть угрозой.

В Европе практически не останется механизмов укрепления доверия и разрешения конфликтов. Никакое обсуждение новой общеевропейской системы мира и безопасности будет невозможно. В любом случае Россия будет чувствовать еще большую изоляцию и угрозу, как это обычно происходит с более слабой стороной конфликта. Мы живем в очень опасные времена, и вступление в НАТО этих двух стран не снижает напряженность и нестабильность, а только увеличивает их.

Если Финляндия и Швеция так сильно хотят быть «защищенными» Соединенными Штатами и/или НАТО, то совершенно необязательно присоединяться к военному блоку, потому что, если возникнет серьезный кризис, США/НАТО при любых обстоятельствах придут «защищать» или, скорее, использовать их территории для того, чтобы быть ближе к странам Балтии. Вот в чем суть соглашений о поддержке принимающей страны.

Единственной причиной для присоединения был бы п. 5, но в нем содержится требование, чтобы Финляндия и Швеция в будущем участвовали в войнах, которые не имеют отношения к их обороне, и, возможно, даже в нарушающих международное право, таких как войны в Югославии, Ираке и Ливии. Станут ли молодые финны и шведы жертвами будущих войн с участием НАТО? Готовы ли они к этому?

Преобразование военной инфраструктуры для полноправного членства в НАТО обойдется им очень дорого, но они заплатят любую цену, какой бы она ни оказалась. Кроме того, у них останется гораздо меньше возможностей для принятия суверенных решений де-факто (здесь де-юре почти не имеет значения). До того,

³ Независимый аналитик, художественный фотограф, обозреватель, комментатор.

как они присоединились, на них уже было наложено большое количество ограничений.

Как члены НАТО, Финляндия и Швеция не могут не разделять ответственность за ядерное оружие — политику сдерживания и возможное его применение НАТО. Также очевидно, что корабли НАТО могут доставить ядерное оружие в порты Финляндии и Швеции, но они даже не станут задавать вопросы, так как знают, что высокомерным ответом США будет: «Мы не подтверждаем и не отрицаем такого рода вещи».

Это противоречит всем принципам жизни шведского народа и решению Швеции не заниматься созданием ядерного оружия, принятому около 70 лет назад.

Дни, когда Швеция и Финляндия смогут искать альтернативы, сочтены. Альтернативы — это договор ООН об отмене ядерного оружия, цели ООН по всеобщему и полному разоружению и другие политические концепции, такие как безопасность человека, общая безопасность и т. д. Они не смогут выступать в качестве посредников — как, скажем, Австрия и Швейцария. Ни один из членов НАТО не может сделать что-то на практике для этих благородных целей — разве что выразить поддержку на словах. НАТО — не та организация, которая поощряет альтернативы. Вместо этого она стремится к монополии, региональному и глобальному доминированию.

Финляндия и Швеция говорят «да» милитаристскому мышлению, модели «мира», когда все держат наготове оружие с высокой дальностью и огромным разрушительным потенциалом и при этом ощущают постоянную угрозу, потому что НАТО — самая милитаристская организация в истории человечества. *Лидер НАТО, Соединенные Штаты Америки, находился в состоянии войны 225 из 243 лет, начиная с 1776 года. Все идеи о ненасилии, положение (ст. 1) Устава ООН об установлении мира преимущественно мирными средствами будут похоронены.*

Политическое внимание, как и финансирование, будет направлено на военные нужды вместо решения насущных проблем человечества. Но, как мы уже знаем, это будет объясняться вторжением Путина в Украину. Существует ли что-то, что нельзя оправдать, сославшись на это?

Известно, что Арктика в ближайшем будущем станет регионом, который будет представлять собой главную проблему безопасности и сохранения мира, но это практически не обсуждалось в контексте членства в НАТО Швеции и Финляндии. Однако не надо быть экспертом, чтобы понять: *доступ США/НАТО к этим странам является его очевидным преимуществом в будущем противостоянии с Россией и Китаем.*

Будучи членами НАТО, Швеция и Финляндия не только поддерживают, но и укрепляют десятилетиями существовавшую ненависть к русскому народу, ко всему российскому, включая русско-европейскую культуру. Это означает согласие с тем, что Запад бездумно подвергает остракизму все российское, отменяя Россию во всех аспектах¹.

¹ См.: *Oberg J. Ukraine: Foolish for Finland & Sweden to Join NATO // Scheerpost. 2022. May 16. URL: <https://scheerpost.com/2022/05/16/ukraine-foolish-for-finland-sweden-to-join-nato> (дата обращения: 16.05.2023).*

Необходимо еще раз подчеркнуть, что при всех этих маневрах и зловещих шагах НАТО Россия неоднократно в решительном тоне выражала недовольство и озлобленность в отношении своей безопасности.

Как сообщалось, пресс-секретарь Президента РФ Дмитрий Песков «заявил журналистам, что вступление Финляндии в НАТО вынуждает Москву предпринять контрмеры для обеспечения своей безопасности. В понедельник Россия пообещала укрепить военный потенциал в своих западных и северо-западных регионах в ответ на расширение НАТО»².

Россия сыта по горло лицемерием и глухотой Запада: российско-грузинская война 2008 года

В 2008 году (поскольку, по мнению России, НАТО не слушает ее и все еще думает, что нынешняя Россия — это та же страна, что была в 1990-е гг., и ее угрозы — это просто слова) НАТО испытало шок, когда между Россией и Грузией началась война. Глупцы в Брюсселе не верят, что Россия может показать свою силу. Эта «война» длилась всего пять дней, и победившая Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии.

Следует отметить, что этот конфликт произошел в 2008 году, когда США испытывали на себе последствия мирового финансового кризиса. Я считаю, что этот смелый поступок русских не только послужил предупреждением Западу, но и предотвратил дальнейшее расширение НАТО до самых границ их страны.

Украинский переворот 2014 года и присоединение Крыма к России

Мы все знаем, кто именно вдохновлял и финансировал украинский переворот 2014 года³. Ответный ход России — это, мягко говоря, мастерский удар. Целью присоединения Крыма было не просто расширение территории России, а в большей степени защита безопасности страны.

Критики и глупцы могут спорить на разные темы и обсуждать любые сценарии, но правда заключается в том, что виновник всего этого — не кто иной, как Соединенные Штаты Америки и нацистские силы в Киеве во главе с их комиком.

Повторю главное: русские неоднократно и последовательно выражали свои опасения, озлобленность и требовали от НАТО прекратить вмешательство во внутренние дела Украины. Другими словами, ни шагу больше. Потому что для русских Украина — это грань.

По их мнению, включение бывших социалистических стран и постсоветских государств в НАТО является главным, если не основным фактором напряженных отношений между Россией и Западом. Затем постоянные провокации Запада с использованием Украины и ее готовность стать инструментом или пешкой

² См.: *Kennedy M., Martinez A. Finland joins NATO over Russia's objection // NPR. 2023. Apr. 4. URL: <https://www.npr.org/2023/04/04/1167881009/finland-is-about-to-join-nato-prompted-by-russias-invasion-of-ukraine> (дата обращения: 16.05.2023).*

³ См.: *Putin berates US and EU envoys, top official says US aid fueling Ukraine war's 'hot phase' // Reuters. 2023. Apr. 6. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/putin-berates-us-eu-ambassadors-kremlin-ceremony-2023-04-05> (дата обращения: 16.05.2023).*

в этой игре не оставили России другого выхода, кроме как начать 24 февраля прошлого года специальную военную операцию для защиты своего суверенитета, интересов и безопасности.

За несколько дней до начала специальной военной операции президент Путин официально признал независимость ДНР и ЛНР, которые вели борьбу с Киевом на протяжении последних восьми лет и в итоге обратились с просьбой об официальном признании и защите со стороны Российской Федерации.

Невежество, глупость и фанатичное преклонение Зеленского перед США, Великобританией, Западом и НАТО

Не то чтобы я умалял навыки и способности украинского президента из-за того забавного факта, что он бывший комик, но я не могу понять его логику и способ мышления. Неужели ему не приходит в голову мысль, что их сосед в метафорическом смысле горилла или даже медведь? Разумно ли раздражать этого гиганта и портить с ним отношения?¹

Если он все же реалист и обладает глубоким пониманием истории, знанием и чувством геополитики и даже основных правил международных отношений, то и логика, и прагматизм подскажут ему, что правильнее всего быть вежливым и дипломатичным в отношениях с Россией. К сожалению, в силу своей наивности и необъяснимой глупости он поступил вопреки здравому смыслу и рассудку: позволил активно использовать себя и свою бедную страну, чтобы НАТО стало инструментом в руках США с целью ожесточить и ослабить Россию.

Я полностью согласен с глубоким и проницательным анализом госпожи Палки Шарма Упадхьяй из Wion International News². По мнению этой гениальной женщины, Зеленский совершил три фатальные ошибки:

- 1) переоценил поддержку Запада;
- 2) неверно оценил важность Украины для Запада;
- 3) неправильно понял намерения Путина.

Во-первых, он отчетливо показал, что не имеет представления об истории мирового империализма. Мне кажется, он настолько глуп, что поверил в сладкие речи НАТО и всецело доверился США, и это лишило его разума. Неужели он искренне верит в то, что, когда наступит тяжелая пора, США и их союзники будут сражаться за них? Вспомним унизительный опыт, пережитый бывшей Чехословакией, а затем Польшей во время Второй мировой войны. Пришел ли Запад им на помощь, когда Гитлер вторгся в их пределы?

Во-вторых, он ошибочно полагал, что Украина очень важна и ценна для Запада, однако он не смог предугадать, что важность его страны заключается лишь в том, чтобы США и НАТО использовали их землю как место для боев и убийств. Печальная правда заключается в том, что значение Украины и украинцев сводится не более чем к использованию в качестве объекта боевых действий.

¹ См.: https://www.youtube.com/watch?v=rMzZ_IVHv_A&t=220s (дата обращения: 16.05.2023).

² См.: <https://www.youtube.com/watch?v=O1-uRaAbjUM> (дата обращения: 16.05.2023).

США проводят свою политику, цель которой — продолжать войну до истребления последнего украинца³.

В-третьих, он, безусловно, проявил непростительное безрассудство. До фактического начала военной операции в феврале прошлого года российские военные месяцами проводили учения и мобилизацию на границе. Неужели этому глупцу даже не приходила в голову мысль, что Россия не напрасно ввела туда своих военных и что русские собираются что-то предпринять?

Интересно, знал ли он о войне 2008 года? Неужели он понятия не имел о присоединении Крыма Россией в 2014 году? И разве он не слышал постоянных предупреждений России Западу по поводу провокаций с использованием Украины?

Госпожа Палки Шарма полностью права и абсолютно попала в точку. Этот чудак не только новичок, но и, очевидно, вообще ничего не понимает. Позволив использовать себя, его страна и народ заплатили слишком высокую цену. В результате военных действий большая часть страны лежит в руинах, а миллионы граждан стали беженцами. И ради чего все это? Ради этого никчемного членства в ЕС и НАТО?

Вопрос: стоит ли оно того?

Помимо Зеленского, ответственность за разрушение Украины несут США, Великобритания, ЕС и НАТО

В книге «Pravda: Ang Digmaang Proxy sa Ukraina: Rusya Laban sa NATO» («Pravda: прокси-война на Украине: Россия против НАТО») я изложил возможные решения и выдвинул свои предложения⁴.

1. У западного мира нет иных решений, кроме как признать присутствие и необходимое существование России и ее первостепенную роль как хранителя глобального баланса сил в многополярном мировом порядке.

Сторонник умирающего однополярного мира должен уважать *сферу влияния* русских и их союзников. Если у американцев есть так называемая глобальная Доктрина Монро, согласно которой США никогда не допустят присутствия иностранных войск и военных баз, а тем более ядерных ракет на своем «заднем дворе», каковым они считают все западное полушарие (как будто они владеют всей Латинской Америкой), то почему они не могут уважать требование России не размещать иностранные войска, военные базы и ядерные ракеты у своих границ?

³ См.: Bandow D. Washington Will Fight Russia to the Last Ukrainian // The Cato Institute. 2022. Apr. 14. URL: <https://www.cato.org/commentary/washington-will-fight-russia-last-ukrainian> ; Polychroniou C. J. Chomsky: A Stronger NATO Is the Last Thing We Need as Russia-Ukraine War Turns 1 // Truthout. 2023. Febr. 23. URL: <https://truthout.org/articles/chomsky-a-stronger-nato-is-the-last-thing-we-need-as-russia-ukraine-war-turns-1> (дата обращения: 16.05.2023).

⁴ Написанная в 2022 году филиппинскими учеными книга объясняет прокси-войну на Украине под руководством и по инициативе США и НАТО против России с точки зрения, противоположной преобладающему мнению и доминирующему нарративу западных СМИ, которые говорят, что во всем виновата Россия. Это первая книга такого рода. Она защищает Россию от клеветы, дезинформации, искажений, черной пропаганды и т. д.

Конкретный и прямой вопрос к американцам: если можно размещать американские ракеты у границ России, то можно ли русским размещать военные базы и ядерные ракеты, скажем, на Кубе, в Мексике или, возможно, в Венесуэле?

Или они хотят повторения кубинского ракетного кризиса 1962 года, который они активно провоцируют на Украине?

2. НАТО должно немедленно прекратить свое распространение на Восток. Именно это в первую очередь вызывает раздражение России. Почему они не могут разобраться в своих собственных делах и перестать мешать России? Повторяю, последние действия НАТО — принятие Финляндии и рассмотрение заявки Швеции — это далеко не мирные действия, и они еще больше разозлят Россию. Никто не сможет обвинить Россию, если она усилит оборону на финской границе, чтобы защитить свою территориальную целостность, безопасность и суверенитет.

3. Настало время, когда народы всего мира должны призвать к роспуску НАТО. Мы задали вопрос и настаиваем на нем: какова цель этого военного альянса? Разве это не факт, как они говорят, что коммунизм уже давным-давно мертв?

Россия больше не является коммунистическим государством. Следовательно, этот так называемый альянс становится бесполезным в силу исторического хода событий.

Возможно, для того чтобы этот так называемый альянс имел определенную степень последовательности и «актуальности», правильнее всего было бы изменить его название на «Антироссийский альянс», «Нация ненавистников Путина» или, возможно, «Анти-Россия»?

Я полностью согласен с заявлением, опубликованным коалицией «Stop the War»: «„Stop the War“ высту-

пает против любой войны за Украину и считает, что кризис должен быть урегулирован на основе признания права украинского народа на самоопределение и решения проблемы обеспечения безопасности России»¹.

4. Украина должна быть нейтральным государством (возможно, как Швейцария или Индия), чтобы служить буферной зоной между Россией и так называемыми демократическими странами, стремящимися ее ослабить.

5. Демилитаризация Украины и денацификация ее фашистских элементов необходима.

6. Украина должна признать законные требования населения Донбасса и статус Крыма.

7. Требуется продолжение мирных переговоров, пересмотр протоколов и выполнение Минских соглашений.

Цена мира на Украине

Эти предложения были написаны год назад, и я по-прежнему настаиваю на их целесообразности. Однако я хотел бы подчеркнуть: если Украина хочет мира, то нам нужно не просто Минское соглашение, а политическое урегулирование на основе переговоров. Речь идет о мирном договоре между Россией и Украиной, в котором последняя должна признать, что из-за своей недалекновидности она больше не может рассчитывать на то, что вернет территории, утраченные после начала конфликта. Это очень высокая цена, но Украине придется ее заплатить.

Что нужно для мира во всем мире?

США в частности и НАТО в целом: они должны убраться от границ России и перестать вмешиваться в жизнь других стран.

Они должны признать, что их имперское представление об однополярном мире нежизнеспособно и что будущее человечества — многополярность.

А. А. Дмитриева²

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ КАК ХРАНИТЕЛЬ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Историческая живопись имеет в русской культуре значение нравственно-духовного ориентира. Она не только описывает конкретные события, но и выступает знаком национальной самоидентичности рус-

¹ См.: List of Signatories: Stop the War Statement on the Crisis Over Ukraine // Stop the War Coalition : [website]. 2022. Febr. 18. URL: <https://www.stopwar.org.uk/article/list-of-signatories-stop-the-war-statement-on-the-crisis-over-ukraine> (дата обращения: 16.05.2023).

² Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, доцент. Автор более 85 научных публикаций, в т. ч.: «Натюрморты Хенка Хелмантела: традиции искусства XVII века в современной голландской живописи», «Студия военных художников имени М. Б. Грекова и значение ее деятельности в патриотическом воспитании военнослужащих», «Групповые портреты стрелковых гильдий в творчестве Франса Халса», «Северная война в русском и европейском изобразительном искусстве XVIII–XIX веков», «Исторические сюжеты в живописи Адама Франса ван дер Мейлена», «Синтез пейзажа и батального жанра в живописи Себастьяна Вранкса», «Школа Франса Халса в голландской живописи первой половины XVII века: тематическая специфика, основные мастера» (в соавт.) и др.

ского народа. С момента создания в 1757 году Санкт-Петербургской Императорской академии художеств многие живописцы черпали вдохновение в страницах истории Отечества, воспевая его подвиги и победы, прославляя как давно прошедшие, так и современные той или иной эпохе свершения. В периоды сложных военных испытаний, выпавших на долю нашей страны, историческая живопись укрепляла боевой дух защитников Родины, сплачивала людей, дарила надежду на скорую победу.

Полотна таких талантливых художников рубежа XVIII–XIX веков, как А. П. Лосенко («Владимир и Рогнеда», 1770), И. А. Акимов («Великий князь Святослав, целующий мать и детей своих по возвращении с Дуная в Киев», 1773), Г. И. Угрюмов («Взятие Казани Иваном Грозным 2 октября 1552 года», около 1800 г.), М. В. Ломоносов (мозаичное панно «Полтавская баталия», 1762–1764), отображали прошлое

России и были призваны напоминать современникам о подвигах предков¹.

Отечественное искусство XIX века также богато именами мастеров, детально воспроизводивших важнейшие факты истории. Таковы работы В. И. Сурикова («Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем», 1895; «Переход Суворова через Альпы», 1899; «Утро стрелецкой казни», 1881), И. Е. Репина («Царевна Софья Алексеевна через год после заключения ее в Новодевичьем монастыре, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги в 1698 году», 1879; «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года», 1885)². Многие живописцы исторического жанра являлись участниками военных походов и достоверно фиксировали в своих произведениях подробности сражений, воссоздавая их уникальную хронику. Примерами выступают картины В. В. Верещагина («Нападают врасплох», 1871; «Перед атакой. Под Плевной», 1881) и батальные марины А. П. Боголюбова («Бой 44-пушечного фрегата „Флора“ с тремя турецкими пароходами у мыса Пичунда 9 ноября 1853 года», 1854; «Афонское сражение 19 июня 1807 года», 1853)³.

В суровые годы Великой Отечественной войны победа ковалась не только на фронтах, но и в художественных мастерских и творческих объединениях. Широкою известность получили созданные в 1942 году полотна К. Ф. Юона «Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года», П. Д. Корина «Александр Невский», А. А. Дейнеки «Оборона Севастополя». Выдающийся вклад в отечественную историческую живопись внесли мастера Ленинграда (В. В. Пакулин, А. И. Русаков, В. Н. Кучумов, В. М. Конашевич, А. П. Остроумова-Лебедева), произведения которых выступают художественной летописью блокады⁴.

Не подлежит сомнению, что нарастание в первой четверти XXI века глобальных противоречий и социальных трансформаций особенно актуализирует проблему сохранения исторической памяти. Культура (и искусство, в частности) должны участвовать в воспитании патриотизма и гражданственности молодежи. Начало XXI века для отечественной культуры стало рубежным моментом, ознаменовавшим переосмысление художественного наследия и наметившим векторы его дальнейшего развития. В настоящее время не только изживает себя уклад жизни прошлого поколения, но и меняется духовная составляющая культуры. Многополярная картина творческих поисков современных художников создает для неискушенного зрителя опасность заблудиться на пути к подчас непростой интерпретации смыслов произведений постмодернизма.

В этом процессе историческая живопись выполняет функции хранителя художественных традиций и памяти поколений, транслятора духовно-нравственных

ценностей, неподвластных времени. Дмитрий Сергеевич Лихачев называл историческую память четвертым измерением нашей жизни: «Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры, „накоплений“ культуры, память — одна из основ поэзии — эстетического понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память — наше богатство»⁵. Многочисленные примеры современной исторической живописи подтверждают эти слова.

Московский художник М. А. Полетаев (род. в 1959 г.) посвятил свое творчество событиям разных периодов отечественной истории. В масштабном по размеру полотне «Не в силе Бог, а в правде. Святой Благоверный князь Александр Невский» (2021), созданном к 800-летию великого русского полководца, мастер запечатлел исход Ледового побоища 1242 года. Действие происходит на льду Чудского озера. Разделение композиции на две части можно считать аллегорическим. Левая сторона демонстрирует стройные ряды русских дружин во главе с князем, в то время как правая изображает разрозненные части рыцарского войска Тевтонского ордена, которому нанесен сокрушительный удар⁶.

Подвиг русских женщин в военных испытаниях стал основным сюжетным акцентом в произведениях П. В. Минеевой (род. в 1982 г.), искусство которой звучит во славу сестер милосердия, зенитчиц, тружениц тыла, матерей, сестер и дочерей нашей Родины. Ее героини выносят бойцов с поля боя («Курская дуга. Сестра милосердия», 2013), защищают небо Ленинграда от вражеской авиации («Защитницы неба», 2015), разгружают тяжелые снаряды и строят противотанковые укрепления («Разгрузка снарядов», 2020), ждут ушедших на фронт сыновей в замерзшем голодном городе («Блокада», 2015)⁷.

Пристальным вниманием к историческим деталям отличаются сюжеты А. М. Ананьева (род. в 1956 г.). Среди монументальных работ А. М. Ананьева — исторические диорамы в Волгограде, Екатеринбурге, Уральске, Хабаровске, Москве, а также роспись храма Христа Спасителя. В истории Великой Отечественной войны мастера привлекают победные события 1944–1945 годов, которые легли в основу его сюжетов «Дальний Восток. Август 1945 года» (2013), «Освобождение Севастополя 9 мая 1944 года» (2014) и ряда других. Эти картины характеризуются большими размерами и эпической передачей каждого запечатленного события⁸.

В творчестве художника Н. Н. Короткова (род. в 1956 г.) можно увидеть не только многофигурные тематические картины, но и исторические портреты.

⁵ Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. СПб.: Logos, 2006. С. 211.

⁶ Летопись ратной славы. Студия военных художников имени М. Б. Грекова / сост.: Д. А. Белюкин, Т. П. Скоробогатова. М.: Белый город, 2005. С. 68–69.

⁷ Там же. С. 177.

⁸ См.: Дмитриева А. А. Студия военных художников имени М. Б. Грекова и значение ее деятельности в патриотическом воспитании военнослужащих // Актуальные проблемы военно-политической работы в Вооруженных силах РФ: сб. материалов науч.-метод. конф. Петергоф, 2021. С. 62–67.

¹ Карев А. А. К вопросу об истоках исторической картины в России // Вестник Московского университета. Сер. 8. 2019. № 1. С. 146–158.

² Кеменов В. С. Василий Иванович Суриков. Историческая живопись. М.: Искусство, 1987.

³ Лебедев А. К., Солодовников А. В. Василий Васильевич Верещагин. Л.: Художник РСФСР, 1989.

⁴ Дмитриева А. А. Блокадный Ленинград в произведениях советских художников 1941–1945 годов // Специальная техника и технологии транспорта. 2020. № 7 (45). С. 244–252.

Произведения «Портрет Г. К. Жукова» (2008), «Портрет П. А. Столыпина» (2013), «Портрет Е. С. Боткина» (2018) знакомят с образами знаменитых полководцев, политических деятелей русской истории, ученых. Своеобразным символом силы и мощи России выступает герой картины «Ермак Тимофеевич» (2013), внушительная фигура которого возвышается над покоренной им Сибирью¹. Персонаж в кольчуге крепко держит ружье и всматривается в простирающиеся перед ним земли, олицетворяя защитника Русской земли. В этом значении его образ напоминает трех богатырей со знаменитой картины В. М. Васнецова (1898).

Одним из крупнейших деятелей современного отечественного искусства был И. С. Глазунов (1930–2017) — художник и теоретик, педагог, инициатор создания и ректор Российской академии живописи, ваяния и зодчества. Творчество мастера многогранно, его привлекали натюрморты, образы природы, портретный жанр, а также исторические аллегории. К числу наиболее известных шедевров И. С. Глазунова принадлежит грандиозное панно «Вечная Россия» («Сто веков», 1988), которое не утратило своей актуальности в наши дни. Автор посвятил названное произведение

1000-летию Крещения Руси, но изображенные на нем персонажи и эпизоды истории ведут к корням русской цивилизации². На полотне представлена история России как крестный ход, напоминающий нескончаемое народное шествие, берущее начало от Константинопольского храма Св. Софии и стен Московского Кремля. В этом паломническом шествии выделяются образы православных святых, полководцев, политических деятелей, художников, ученых, композиторов — всех, кто создавал, защищал и оберегал Россию, ее историю и культуру.

Современная историческая живопись не ограничивается именами перечисленных мастеров. Подводя итог, отметим, что в настоящее время многие выпускники российских художественных вузов специализируются в области данной темы. Их произведения, основанные на заложенной в XVIII столетии традиции увековечивания в искусстве отечественной истории, служат нравственным ориентиром для всех тех, кому небезразлична судьба нашей страны. Исторические сюжеты в живописи можно по праву считать духовным посланием не только нашим современникам, но и представителям будущих поколений.

Е. Г. Драпеко³

КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ

События последнего года обострили общественный интерес не только к политическим вопросам, касающимся перехода от однополярного к многополярному миру, места России в формирующейся новой системе мироустройства, но и к вопросам культуры. Это касается прежде всего вопроса о ее сущностных чертах сходства и различия с другими культурными мирами. Сравниваются в основном западная и восточная модели культуры и обсуждаются черты сходства и различия российской культуры с каждой из этих культур.

В этом контексте актуализировалось такое понятие, как «культурный код». Понятно, что это некая метафора, которая активно используется в литературе и кинематографе («Код да Винчи», «Код на миллиард долларов», «Код „Омега“»).

Но ценность метафоры состоит в том, что она позволяет кратко и емко высветить то, что незаметно

с первого взгляда, что раскрывает суть и сущность того или иного сложного и многогранного явления. В этом плане категория «культурный код» заслуживает внимания. Код интересен для познания культуры прежде всего потому, что он содержит в сжатом виде ее сущностные черты, интегрирует и репрезентирует множество явлений: уникальные архетипы, ценности, менталитет народа — носителя культуры, духовно-нравственные установки, национальную психологию, национальную идею, особенности семейно-бытового поведения, природно-географические факторы, обуславливающие специфику хозяйственно-экономических отношений, поведенческих стратегий, мироощущения и миропонимания народа — всего, что выполняет человеко- и личностноформирующие функции, определяет культурно-цивилизационную идентичность населения.

Культурный код может выступать инструментом компаративного анализа, позволяющего увидеть в культурах общее и особенное, объяснить некоторые процессы и явления в контексте диалога культур и цивилизаций.

Как представляется, в современной российской культуре проявляются архетипы, которые закладывались в нее произведениями народного эпоса, прежде всего былинами. Они существуют в самых различных культурах: русский эпос хронологически совпадает со временем записей «Беовульфа» в Англии, «Песни о Роланде» во Франции, «Песни о Нибелунгах» в Германии, «Песни о Сиде» в Испании, «Старшей

¹ Дмитриева А. А. Студия военных художников... С. 218.

² Новиков В. С. Илья Глазунов. Русский гений. М.: Эксмо, 2009.

³ Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре, депутат Госдумы РФ III–V, VII, VIII созывов, кандидат социологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Экономика и управление на предприятии туризма» (в соавт.), «Конституционные права и свободы граждан в механизме культурно-правовых отношений» (в соавт.), «Художественное образование в условиях современного общества» и др. Член постоянной комиссии Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ по культуре, информации, туризму и спорту. Лауреат премии Ленинского комсомола. Награждена орденами Дружбы, Почета, медалями «В память 850-летия Москвы», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «К 100-летию Шолохова», Почетной грамотой Государственной Думы РФ.

Эдды» в Исландии, что позволяет сравнить русский и западноевропейский эпос и выявить их отличия¹.

Давайте вспомним основные святых, воспеваемые дохристианским народом в былинах.

Особняком стоит фигура Святогора — загадочная, невразумительная, но и недружественная, не имеющая приложения в жизни, а потому погибающая. Не носит и не хочет его земля, нет смысла в неоправданной и не наполненной смыслом, трудом и жалостью к людям и земле силе. А затем идет Илья Муромец — слабее силой Святогора, но непобедим крестьянский сын, и первый его подвиг — тяжелая крестьянская работа, а затем уже подвиги богатырские; в былинах об исцелении Ильи Муромца говорится и о том, что сначала калики перехожие дали ему слишком много силы.

И калики исправляют ошибку, после третьей чаши пива у Ильи остается половина силы соразмерно жизни и матушке сырой земле. Затем он идет служить «за веру христианскую, / И за землю российскую, / Да и за столичный Киев-град, / За вдов, за сирот, за бедных людей». Побратимы — дружина богатырская! Добрыня Никитич и Алеша Попович и ряд других. Они, как правило, слабее Ильи, моложе его, не крестьянские сыны, но княжеские, боярские, купеческие, поповские, воинские и т. д.

Княжеская дружина хоробрая, но, по словам Миккулы Селяниновича, могут только хлебобести. И, наконец, князь Владимир, лично силой не наделенный, но отмеченный силой власти, и поскольку он в центре былинной родины, то он и является Красным Солнышком. У него много князей и бояр, а богатырям часто ничего нет от князя Владимира, зато в погребках побывали и Илья Муромец, Дунай, Ставр Годинович. Роль богатырей — не роль наемников или вассалов. Богатыри, народные заступники и защитники земли Русской, нередко критически относятся к князьям-боярам, но дружат с голью кабацкой. У богатырей сильно развито чувство достоинства, и оно проявляется не только в столкновениях и перебранке с врагом, но и в соре с князем или боярами. Илья не выслужил у князя «хлеба-соли мягкий, не услышал слова гладкова». Разбойники нередко пытаются вымолить пощаду, предлагая Илье золотой казны, платья цветного и коней добрых. Отказ следует неукоснительно. Русскому богатырю и в голову не приходит при выборе пути ехать дороженькой, где богату быть или женату².

Попробуем сравнить это с выдающимся памятником средневековой эпической поэзии Франции «Песнь о Роланде». Это песнь о крестовых походах, завоеваниях, сражениях христиан с иноверцами. Карл входит в завоеванную Сарагосу, повелевая:

— Пусть синагоги жгут, мечети велят.
Берут они и ломы и кувалды,
Бьют идолов, кумиры сокрушают,
Чтоб колдовства и духу не осталось.

Ревнует Карл о вере христианской,
Велит он воду освятить прелатам
И мавров окрестить в купелях наспех,
А если кто на это не согласен,

Тех вешать, жечь и убивать нещадно.
Насильно крещены сто тысяч мавров...

В русском народном эпосе нет ничего подобного. Он воспевает защиту, освобождение, а не призыв вешать и жечь.

Испанская «Песнь о Сиде», германская «Песнь о Нибелунгах», англосаксонская поэма «Беовульф» воспевают обогащение грабежом или борьбу за драгоценный клад (Сид — «нападайте дерзко, грабьте проворно»; Беовульф — «в обмен на богатства жизнь положил я»; у нибелунгов гибель — следствие завладения кладом). В русском эпосе мотив обогащения отсутствует. Только однажды Василий Буслаев скажет: «Смолода бита, много граблена», — но добавит и о главном, чему посвящена поэма: «Под старость надо душу спасти». Понятие мести как таковое вообще отсутствует в русском фольклоре³.

Отдельно можно упомянуть о красоте и ее восприятии в памятниках древнего народного творчества. В «Слове о гибели Русской земли» природа и творения человеческие — храмы, города, села — названы красотой, и гибель земли Русской — это не столько потеря богатства, сколько затемненность красоты мира. Уже в дохристианском языке мы видим русских людей с созвучными нам и сегодня ценностями.

В принципе былинку можно воспринимать как жанр сказки, где все вымысел. Действительно, в реальности была борьба за власть, были рабы и завоевания, убийства и грабежи. Но эпос — это отобранная в течение веков система национальных ценностей и их иерархия в сознании нации. Поэтому поступки Ильи Муромца созвучны душе русского человека и сегодня, а поступки нибелунгов воспеваются немцами по сей день. Идеал святой Руси задают нам больше тысячи лет языческие наши предки: любовь к природе и Родине, труд, действенная жалость к униженным и обездоленным, желание побратимства — товарищества, чувство справедливости и высочайший уровень чувства личного достоинства, совести и чести. Этот идеал прошел через все русское и советское искусство⁴. Он в лучших образцах современного искусства. Именно он сегодня определяет отношение народа к современным событиям и поднимает на подвиг бойцов специальной военной операции, добровольцев и волонтеров. Укрепляет души и держит, как стержень, Российское государство, несмотря на все попытки нас сломить.

Говоря о культурном коде, нельзя обойти вниманием вопрос об идеологии. Она по определению выражает интересы и мировоззрение различных субъектов социальной практики: классов, партий, общественных движений. «Идеология — это система идей, взглядов, представлений, чувств и верований о целях развития общества и человека, а также о средствах и путях их достижения, воплощенных в ценностных ориентациях, убеждениях, волевых актах, побуждающих людей в своих действиях стремиться к целям, которые они перед собой поставили»⁵.

³ См.: Бенедиктов Н. А. Указ. соч.

⁴ Там же.

⁵ Бабосов Е. Культурный код нации: сущность и особенности // Наука и инновации. 2016. № 3. С. 48.

¹ См.: Бенедиктов Н. А. Русские святые. М.: Алгоритм, 2003.

² См.: Там же.

В последнее десятилетие тема идеологии вызывает общественный интерес и порождает многочисленные дискуссии¹ как между сторонниками и противниками идеологии, так и между сторонниками идеологии, придерживающимися разных взглядов на ее структуру и содержание. Не менее дискуссионен вопрос о том, откуда она берется.

Противники идеологии чаще всего ссылаются на то, что в Конституции РФ содержится ст. 13, где есть пункт: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Но это п. 13.2 указанной статьи, а в п. 13.1 говорится, что «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие».

Иными словами, идеология как таковая Основным законом не отвергается и тем более не запре-

щается. Другое дело, откуда она берется. Часто некоторые политики говорят, что идеологию нужно и можно написать, то есть сочинить. Но, скорее всего, такая «сочиненная идеология» будет иметь значение исключительно для ее авторов, а стать основой жизни огромных масс вряд ли сможет. Как представляется, стать ориентиром жизни и деятельности народа (или его значительной части) может та идеология, которая опирается на культурный код прежде всего в его ценностной, мировоззренческой, целеполагающей части. По сути дела, идеология — это форма и механизм репрезентации национальной идеи в условиях современной жизни народа. В связи с этим изучение культурного кода и его составляющих сегодня приобретает дополнительную актуальность.

А. К. Исаев²

СИТУАЦИЯ В МИРЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ

Сегодня на международной арене фактически идет мировая война между Западом и формирующимся блоком антизападных сил. События на Украине являются лишь частью более глобальной игры. Суть этой игры заключается в том, что западный политический блок развязал войну с целью удержания своего господства. Выйдя из холодной войны победителями, США планировали распространить свое влияние, которое до этого они установили в отношении половины мира, на оставшуюся его часть. И надо сказать, что им многое удалось в этом направлении.

Однако в начале XXI века западные аналитики заметили, что у них есть на этом пути серьезные препятствия — все больше набирающие силу и проводящие независимую политику Россия и Китай.

Эксперты на Западе исходили из того, что их военно-политический блок уже сформирован, жестко

структурирован и руководство в нем однозначно принадлежит США, а также из того, что сегодня Запад находится на пике экономического могущества и постепенно начинает движение вниз. Не дожидаясь, пока силы, противостоящие англо-американской гегемонии, объединятся в единый блок и их экономический потенциал превзойдет потенциал западного мира, США и Великобритания решили напасть на нас первыми. В качестве инструмента они использовали Украину в соответствии с заветами Збигнева Бжезинского, который не раз утверждал, что лучший способ ослабить Россию — оторвать от нее и по возможности противопоставить ей Украину.

Тем не менее сейчас активно формируется стратегический союз России и Китая, охватывающий все сферы общественной жизни. Этот союз не преследует цели установления своего господства, а предлагает многополярный мир. В отличие от западных политиков, постоянно ссылающихся на некие выдуманные ими правила, этот союз предлагает твердо базироваться на международном праве, в первую очередь на Уставе ООН. А значит, все страны, которые не хотят мириться с ролью полуколоний Запада, рано или поздно будут двигаться в сторону этого союза.

Самим фактом своего существования, переходом на расчеты не в долларах, а в национальных валютах этот союз ослабляет американское господство и поэтому не может не вызвать агрессивного отношения со стороны США и их союзников. Фактически против нас развязана новая война, которая протекает в экономической и идеологической сферах, а ее горячая фаза разворачивается сегодня на Украине.

С древних времен считается, что у любой войны есть две основные тактики — сокрушение и измор. Ни одна из сторон не может использовать тактику сокрушения, поскольку современный ядерный потенциал предполагает возможность взаимного уничтожения.

¹ См., например: Идеология и процессы социальной модернизации: сб. ст. / под общ. ред. Т. Б. Любимовой. М.: Academia, 2013.

² Заместитель руководителя фракции Всероссийской политической партии «Единая Россия» в Государственной Думе Федерального собрания РФ VIII созыва, член Комитета Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов, заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, кандидат политических наук, профессор СПбГУП. Главный редактор газеты «Солидарность» (1991–2000), секретарь ФНПР (1995–2001), депутат Государственной Думы РФ III–VIII созывов (1999 — по наст. вр.). Автор ряда публикаций по проблемам общественного, профсоюзного и рабочего движения, в т. ч. книг: «Социальная среда», «Социальная среда в условиях санкций», «Экономическая демократия — современная идеология традиционных профсоюзов России», «История профсоюзов России. Этапы, события, люди» (в соавт.), «Основные изменения в трудовом законодательстве России» и др. Один из авторов действующего Трудового кодекса РФ. Член Генерального совета партии «Единая Россия». Почетный доктор Российской академии адвокатуры и нотариата. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденами Почета, Дружбы, медалью П. А. Столыпина II степени и др. Отмечен Благодарностью Президента РФ, Почетными грамотами Правительства РФ, Государственной Думы РФ, Совета Федерации РФ и пр.

Это значит, что война против нас будет вестись на измор, то есть борьба будет продолжительной. Но для ее ускорения наши враги могут прибегнуть к организации революции в нашем тылу.

В этой ситуации профсоюзное движение России занимает патриотическую позицию, активно борется за победу нашей страны в жестком противостоянии с Западом. Профсоюзы помогают участникам специальной военной операции и членам их семей, собирают гуманитарную помощь для жителей новых территорий, способствуют интеграции новых регионов в российское социальное пространство. Трудно переоценить роль профсоюзов в поддержании социального мира, в оказании помощи работникам оборонных предприятий и других отраслей, которые трудятся на победу.

Но в нынешних условиях перед профсоюзами России стоят еще по меньшей мере три стратегические задачи.

Во-первых, сегодня на Западе все выше поднимается волна недовольства трудящихся экономической политикой, в том числе политикой санкций, которая болезненно бьет не только по нашей экономике, но и по экономике стран, вводящих санкции. Здесь нашим профсоюзам стоит вспомнить традиции международной солидарности, опыт ВЦСПС и стать главным мостиком между гражданским обществом России и протестным движением на Западе. В этом общество и государство должны оказать профсоюзам всемерное содействие.

Во-вторых, для победы наше общество должно стать идеологически мотивированным, выработать четкую, ясную, понятную, разделяемую всеми идеологию, отличающуюся от идеологии господства финансового капитала и неокOLONиализма, которой не на словах, а на практике придерживается Запад. Существенную роль здесь может сыграть профсоюзное движение, у которого есть собственная идеология, основанная на принципах патриотизма, общественной солидарности, уважения к человеку труда, на убеждении в том, что производительный капитал должен преобладать над финансовым капиталом. Если раньше профсоюзное движение ставило задачу распространения своей идеологии среди собственного актива, то сегодня оно должно транслировать эти ценности всему обществу и участвовать в создании новой общей идеологии всего российского народа.

В-третьих, как было сказано выше, наши оппоненты наверняка попытаются использовать свою излюбленную тактику — революции в тылу. С этой целью они постараются воспользоваться любым недовольством граждан и поддерживать псевдосоциальные и псевдоэкономические движения, направленные на расшатывание государственного строя и подрыв единства народа, как это происходило в Польше в 1980-е годы.

В этой ситуации массовые традиционные профсоюзы, стоящие на патриотических позициях и встроенные в систему социального партнерства, должны взять на себя роль главного инструмента законного разрешения социальных конфликтов.

Для этого мы должны дать профсоюзам дополнительные возможности.

Сегодня важнейшим инструментом профсоюзной деятельности является заключение коллективных договоров и соглашений, в рамках которых работники и работодатели договариваются об условиях труда, о его оплате и мерах социальной защиты. Однако многие работодатели не участвуют в объединениях и на этом основании уклоняются от исполнения отраслевых и территориальных соглашений. Сегодня для этого им достаточно направить в соответствующую инстанцию мотивированный отказ. Считаю необходимым внести изменения в трудовое законодательство, сделав соглашение обязательным для всех предприятий отрасли или региона, если оно подписано профсоюзами и работодателями, представляющими большинство трудящихся и большинство предприятий данного региона или отрасли.

По мере развития экономики появляются новые сферы занятости. Например, в последние годы приобрела определенную популярность платформенная занятость. Сегодня на различных цифровых платформах работают миллионы трудящихся — курьеры, таксисты, программисты, представители других профессий. Регулирование в этой сфере остро необходимо, потому что мы уже не раз становились свидетелями забастовок платформенно занятых работников, конфликтов между ними и операторами платформ. Важность регулирования понимают и сами операторы. Они готовы создавать свои объединения и вступать в переговоры с объединениями платформенно занятых.

Поэтому необходимо как можно скорее принять закон, регулирующий все нюансы платформенной занятости. Мы договорились со сторонами социального партнерства о том, что в ближайшее время подготовим такой документ.

Отмечу, что между сторонами социального партнерства сегодня продолжается дискуссия о том, в каком виде отношений является платформенная занятость: профсоюзы относят ее к трудовым отношениям, работодатели — к гражданско-правовым. С моей точки зрения, истина, как это часто бывает, посередине: это новый феномен на рынке труда, который, несомненно, содержит признаки и тех и других отношений. С одной стороны, операторы платформ выступают в значительной мере как работодатели в отношении платформенно занятых: они определяют условия их труда, выдвигают дисциплинарные требования, зачастую предоставляют средства труда — транспортные средства, форму, рюкзаки, сумки и т. д. С другой стороны, платформенная занятость является отношениями трех сторон, что нехарактерно для трудовых отношений. В качестве третьей стороны выступает заказчик. Формально оператор платформы не платит зарплату, а берет с работника посреднический процент за организацию его взаимодействия с клиентами. Поэтому я считаю, что научный спор о том, трудовые это отношения или гражданско-правовые, можно было бы отложить, но нельзя затягивать введение регулирующих платформенную занятость норм, которые позволят разрешать возникающие коллизии цивилизованными методами.

Несомненно, платформенно занятые должны получить право на создание своих объединений, в том числе профсоюзов. Также будет правильным шагом создание совета операторов цифровых платформ, который определял бы общие условия работы. И, конечно, в законодательстве должно быть четко определено, что договоренности между этими двумя сторонами ни в коем случае не должны идти во вред третьей стороне — заказчику, который в переговорах не представлен.

Что касается Закона «О занятости населения в Российской Федерации», то в марте Государственная Дума приняла проект нового закона в первом чтении. Четыре из пяти фракций проголосовали за. Одна фракция — «Справедливая Россия» — воздержалась. При этом никто не высказался против концепции нашего законопроекта. Считаю это очень хорошим результатом для первого чтения.

Напомню, что мы готовили данный законопроект более года при непосредственном участии сторон социального партнерства — правительства, объединений работодателей и профсоюзов. Некоторые их предложения не были учтены в редакции первого чтения. Более того, по отдельным пунктам остались разногласия. Поэтому мы решили подробно обсудить все вопросы при подготовке документа ко второму чтению и зафиксировали это в постановлении Госдумы. Мы договорились о том, что уточним некоторые понятия, которые используются в законопроекте. Также необходимо будет дополнительно проработать порядок признания граждан безработными и основания для снятия их с учета в центрах занятости. Кроме того, мы уделим больше внимания трудоустройству людей с ограниченными возможностями здоровья. По ряду вопросов мы уже пошли навстречу общественным организациям инвалидов, усилив их участие в квотировании рабочих мест и предусмотрев возможность аренды этих рабочих мест в рамках установленной квоты. Но они считают, что мы дали слишком много полномочий субъектам Федерации в вопросах квотирования, и это создает возможности для ущемления прав инвалидов в ряде регионов. Будем еще раз подробно обсуждать эту тему с участием организаций инвалидов. Помимо этого, мы уточним перечень мер, направленных на поддержку работодателей, сохраняющих действующие и создающих новые рабочие места. Сейчас об этом сказано в законопроекте, но работодатели требуют большей конкретики. Также требуется оптимизировать объем информации, который работодатели должны предоставлять службам занятости населения. Наконец, мы должны включить в законопроект нормы относительно частных рекрутинговых агентств: раз они работают на рынке труда, надо разграничить полномочия этих агентств и государственной службы занятости и определить, в каких рамках они могут работать.

Еще одна тема, которую мы планируем обсудить, — к чему привязывать минимальный и максимальный размер пособия по безработице: к минимальному размеру оплаты труда или к прожиточному минимуму. Эта тема стала особенно дискуссионной после того, как Президент РФ в своем Послании Федеральному собранию поставил задачу повышать МРОТ темпа-

ми, опережающими инфляцию. Выполнение данной задачи чрезвычайно важно. Зачастую мы наблюдаем, как общественное внимание сосредоточивается на вопросах увеличения пособий и пенсий, но и то и другое напрямую зависит от заработной платы. Также надо помнить, что чем выше зарплата работников, тем больше возможностей у бюджета для устранения социальных проблем, так как подоходный налог является основным источником финансирования бюджетной сферы. Таким образом, выполнение поставленной президентом задачи позволит не только повысить зарплаты, но и решить целый комплекс других социальных вопросов.

Другие задачи, поставленные президентом в Послании, тоже чрезвычайно значимы в условиях проведения специальной военной операции (СВО).

Во-первых, это создание государственного фонда помощи ветеранам СВО и семьям погибших бойцов. Мы видим, что многие люди, на чью судьбу повлияла СВО, нуждаются в психологической поддержке, медицинской помощи, содействии в решении бытовых проблем. Сегодня по каждому из этих вопросов им приходится обращаться в разные инстанции. Государственный фонд позволит гражданам получать помощь в режиме одного окна. И если сначала он будет работать для участников СВО и семей погибших, то в дальнейшем, по словам президента, его деятельность может быть распространена и на других ветеранов боевых действий.

Во-вторых, Владимир Путин сказал о том, что за последние годы мы приняли немало мер, направленных на поддержку семей с детьми. Но мы понимаем, что, не считая материнского капитала, имеющего универсальный характер, в основном эти меры были ориентированы на помощь малообеспеченным гражданам. Сейчас глава государства предложил механизм расширения налоговых вычетов. Это прямая материальная поддержка семей независимо от уровня их доходов.

Отдельно президент остановился на социальной помощи людям, работающим в оборонно-промышленном комплексе (ОПК). Мы привыкли, что ОПК выступает в роли экономического локомотива для многих отраслей: через оборонные заказы загружаются многие гражданские предприятия, новейшие технологии «оборонки» подхватываются другими производствами. Владимир Путин фактически предложил сделать оборонную промышленность еще и локомотивом создания новых социальных технологий. Речь идет о создании специальных социальных пакетов для работников отрасли и о строительстве для них арендного жилья за счет государственных субсидий. Отмечу, что отсутствие социальной поддержки людей, направляющихся на работу в другой регион, и их необеспеченность арендным жильем на новом месте всегда были серьезными сдерживающими факторами для трудовой миграции внутри страны. Строительство арендного жилья и введение социальных пакетов сначала в оборонной промышленности, а потом и в иных отраслях будут способствовать решению проблем квалифицированных специалистов при переезде из одного региона в другой.

Наконец, в своем Послании президент по сути представил концепцию новой промышленной поли-

тики, которая предполагает не только экономические меры, например промышленную ипотеку, но и социальные изменения, в том числе перестройку системы образования, включающую поэтапный отказ от Болонской системы и восстановление лучших элементов советской высшей школы с учетом опыта последних десятилетий. Уверен, что все эти социальные задачи мы сможем решить быстро и в полном объеме.

Еще одна важная для нас тема — оказание помощи гражданам в трудоустройстве.

Первого сентября 2022 года наша партия и Министерство труда и социальной защиты РФ запустили новый партийный проект «Моя карьера с „Единой Россией“». Сначала он реализовывался в пяти пилотных регионах — в Калужской, Липецкой и Рязанской областях, в Камчатском крае и Удмуртской Республике. В декабре 2022 года на площадке партии «Единая Россия» состоялось совещание под председательством Дмитрия Медведева, на котором было принято решение распространить проект на все регионы нашей страны. В 2023 году проект «Моя карьера с „Единой Россией“» стал общероссийским.

В рамках проекта на базе общественных приемных и штабов общественной поддержки были созданы специальные карьерные центры. В них сотрудники региональных исполкомов партии, прошедшие предварительное обучение, помогают посетителям зарегистрироваться на портале «Работа России» и получить доступ к услугам центров занятости. Также в рамках проекта проводятся сотни массовых мероприятий по оказанию помощи гражданам в поиске работы и профориентации. Только в марте 2023 года в рамках проекта было проведено около 500 мероприятий с участием свыше 31 тыс. человек. Более 1300 граждан были трудоустроены.

Проходят ярмарки вакансий, где работодатели и соискатели могут пообщаться друг с другом напрямую. Для старшеклассников и выпускников школ организуются профессиональные туры и экскурсии на региональные предприятия, где молодежь знакомится с условиями труда на производстве, узнает о востребованных профессиях. Организуются тематические встречи депутатов, руководителей предприятий, бизнесменов, представителей центров занятости со студентами. Молодые люди знакомятся с основами бизнеса, узнают, как составить резюме, успешно пройти собеседование и т. д. Такие мероприятия будут проводиться и впредь.

В последнее время появляются новые формы реализации проекта: выпускаются телевизионные передачи и информационные видеоролики, проводятся вебинары по вопросам трудоустройства и использования ресурсов платформы «Работа в России».

Также для нас очень важно, чтобы оставались действующими наши подпроекты. Например, специаль-

ный подпроект, посвященный трудоустройству женщин, в рамках которого, в частности, ведется работа по восстановлению трудовых навыков и адаптации молодых мам, которые выходят из отпуска по уходу за ребенком.

Другая значимая для нас тема — поддержка участников СВО и членов их семей. В ряде регионов проводятся обучающие семинары для женщин, чьи мужья-предприниматели ушли на фронт и оставили свои бизнесы на их хрупких плечах. В рамках нашего проекта такие женщины получают консультации со стороны представителей бизнеса, экономистов, финансистов, бухгалтеров, психологов. Помимо этого, есть примеры, когда жены мобилизованных граждан смогли пройти переквалификацию или сразу трудоустроиться благодаря нашему проекту. Но мы ориентируем коллег в регионах на то, чтобы они не ждали обращений, а сами шли к родственникам бойцов и узнавали, нужна ли им наша помощь в поиске работы.

Еще одна тема, которой мы уделяем особое внимание, — трудоустройство вынужденных переселенцев, тех, кому пришлось покинуть территорию новых регионов России из-за продолжающихся там боевых действий. В некоторых регионах в пунктах временного размещения переселенцев проводятся профконсультации. Так, в Нижегородской области благодаря нашему проекту на Выксунский металлургический завод были трудоустроены более 100 человек, приехавших из ДНР (в основном бывшие работники «Азовстали»). Всем им предоставляется служебное жилье и социальный пакет.

В рамках проекта одновременно с оказанием помощи гражданам мы продолжаем работу над блоком законов, связанных с регулированием занятости. Мы получили большое количество предложений от коллег, реализующих наш проект в разных регионах, в том числе по такой важной проблеме, как работа служб занятости в удаленных районах. Мы обязательно учтем их при работе над новым законом о занятости населения.

Отмечу также, что в наш проект включилась «Молодая гвардия Единой России». Мы определили пять субъектов Федерации (Омская, Сахалинская и Нижегородская области, Республика Калмыкия, Удмуртская Республика), в которых наша молодежная организация будет помогать студентам старших курсов высших и средних специальных учебных заведений в трудоустройстве, приглашая молодых людей на встречи с работодателями, сотрудничающими с нашим проектом. Если эта форма работы окажется успешной в пяти пилотных регионах, мы будем распространять ее на всю Россию.

Надеюсь, что наши партнеры — Министерство труда и соцзащиты, Роструд и губернаторы — тоже будут оказывать всемерное содействие реализации проекта на постоянной основе.

О. Г. Карпович¹**РОЛЬ РОССИИ В ОТСТАИВАНИИ ТРАДИЦИОННЫХ
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ²**

На сегодняшний день можно констатировать системный кризис между традиционными цивилизационными ценностями и ценностями неолиберального глобализирующегося мира, в основе которого лежит противоречие между двумя типами цивилизационного развития — секулярно-гуманистическим и религиозно-традиционалистским.

Духовно-нравственные ценности являлись одной из основ развития российской государственности на протяжении всей истории нашей страны. Проблематика формирования, отстаивания и продвижения традиционных духовно-нравственных ценностей как на внутриполитическом треке, так и в рамках международных отношений в настоящее время является одним из актуальнейших вопросов политической повестки.

Говоря об идейном наполнении концепта «традиционные ценности», мы можем отметить, что в широком смысле традиционные ценности — это определенный набор принципов и норм, пришедших из глубины веков, формирующих некую «правильную» форму общественного поведения и взаимодействия, где, по мнению Э. Канта, «мораль определяет волю»³. Так, в правоведении считается, что одним из источников права является традиция, которая в данном случае и выступает своего рода регулятором общественных отношений. В более узком смысле традиционные ценности — это набор тех же принципов и норм, но уникальных для каждого государства и определяемых через влияние идеологии, культуры, религии, политического режима и т. д.

В настоящее время под традиционными ценностями, как правило, понимают своего рода матрицу, где сочетаются человеческое достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая па-

мять и преемственность поколений. Именно такое определение мы можем наблюдать в проекте Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁴.

Подобная формулировка, как справедливо отмечает российская исследовательница И. И. Горлова, «в целом отражает сложившийся подход к традиционным ценностям как призванным не допустить разобщенности общества и сохранить единство многонациональной страны»⁵.

Исторически защита традиционных ценностей рассматривалась Россией как инструмент продвижения и защиты своих интересов в международных отношениях, в том числе выражаясь в защите интересов и прав православных христиан во всем мире, где после падения Византии именно Московское царство, а позже Российская империя позиционировала себя главным защитником традиционных ценностей христианства. Идея защиты славянских народов в Европе, православных христиан в духе «братской помощи» находила свое отражение в конкретных исторических событиях.

Рассматривая исторические нарративы традиционных ценностей в России, мы говорим о естественном процессе их формирования в рамках сложившейся культурно-политической общности, объединяющей множество различных народов разного вероисповедания. Семья наряду с самоограничением и патриотизмом была одной из основ уклада жизни общества, как и таинство брака как союза мужчины и женщины, духовная жизнь семьи, выраженная в регулярном посещении религиозных сооружений, соблюдении религиозных обрядов, почитании Бога, заповедей и старших. Следует отметить, что во всех религиозно-культурных традициях семья, деторождение, воспитание молодого поколения были одним из основополагающих концептов, вокруг которых формировались ценности и взаимоотношения членов общества независимо от социальной организации. На протяжении всей российской истории именно духовно-нравственные ценности были прочным фундаментом Российского государства.

Впервые в российском политическом дискурсе именно на государственном уровне категория «традиционные ценности» прозвучала в 2012 году в рамках программной статьи В. В. Путина «Россия: национальный вопрос», в которой были очерчены ценности, яв-

¹ Проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор. Автор более 480 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Global Governance: Past, Present and Future», «Глобальные проблемы и международные отношения» и др.; глав в коллективных монографиях: «Стратегические ядерные вооружения в истории международных отношений XX–XXI веков», «New Technologies in Diplomacy», «Africa: Regional Security Issues», «Digital Diplomacy» и др.; статей: «Климатическая политика Европейского союза: время ответственных решений» (в соавт.), «Отношения США и Европы после вывода американских войск из Афганистана» (в соавт.) и др. Председатель редсовета журнала «Вестник ученых-международников», член редсоветов ряда научных журналов.

² Доклад подготовлен на основе статьи: Карпович О. Г., Смагина Л. А. Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях: российский подход // Международная жизнь. 2023. № 1. С. 54–65.

³ Соловьев Э. Ю. Критика практического разума // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. общ.-науч. фонд. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010.

⁴ Духовно-нравственные ценности России // Стратегия 24. URL: <https://strategy24.ru/rf/projects/osnovy-gosudarstvennoy-politiki-po-sokhraneniyu-i-ukrepleniyu-traditsionnykh-rossiyskikh-dukhovnonravstvennykh-tsennoyey> (дата обращения: 31.08.2022).

⁵ Горлова И. И. Традиционные духовно-нравственные ценности в нормативно-правовых документах Российской Федерации: состояние и пути совершенствования // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-duhovno-nravstvennye-tsennosti-v-normativno-pravovykh-dokumentah-rossiyskoy-federatsii-sostoyaniye-i-puti> (дата обращения: 31.08.2022).

ляющиеся «общими для всех традиционных религий России»¹.

В тексте Послания Федеральному собранию Российской Федерации, озвученного президентом в конце 2013 года, категория «традиционные ценности» приобретает уже более четкие очертания в виде «тысячелетней истории», «духовно-нравственных основ цивилизации каждого народа» и включает ценности «подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной»².

Вот и сегодня Президент России В. В. Путин отмечает необходимость защиты и отстаивания традиционных ценностей во всем мире (а в некоторых странах об этом стали забывать³). Идеологически близкие российским традиционным ценностям консервативные идеи стран христианского (католического) Запада в настоящее время имеют тенденцию к вымарыванию из общественно-политического дискурса, признаваясь маргинальными и несоответствующими «прогрессивной» неолиберальной повестке.

В современном мире так называемый коллективный Запад рассматривает традиционные ценности через секулярно-гуманистический подход к цивилизационному развитию, в рамках которого они придаются забвению наряду с традиционным обществом и государством. При этом с целью ускоренного размывания понятия о половой принадлежности, ценностей семьи и брака реализуются программы продвижения прав ЛГБТ, распространения идей радикального феминизма.

Так, под эгидой администрации президента США Д. Байдена были приняты акты, направленные на защиту и продвижение прав и интересов сексуальных меньшинств по всему миру⁴. В Германии концепция продвижения ЛГБТ-сообщества также становится одним из концептуальных направлений внешней политики. При этом несогласные с таким подходом граждане, ученые, журналисты, артисты, религиозные и общественные деятели и политики подвергаются колоссальному давлению и дискриминации, в некоторых случаях доходящих до так называемой культуры отмены⁵.

С другой стороны выступает Россия, рассматривающая традиционные ценности как один из основополагающих маркеров цивилизационной и национальной идентичности. Современная Россия является одним из немногих современных государств, где нарративы традиционных ценностей находят свое отражение в нор-

мативных правовых актах, в том числе высшего порядка — Конституции.

Если в западном мире мы можем наблюдать процесс вымарывания традиционных ценностей не только из общественного сознания, но и из различных документов, то в России прослеживается обратная тенденция, которая наиболее отчетливо заметна на примере принятых поправок в Конституцию Российской Федерации.

Так, в Основном законе страны были включены дефиниции, закрепляющие институт брака как союза мужчины и женщины, сохранение наследия и идеалов предков, исторически сложившееся государственное единство и веру в Бога. Принятые в рамках соответствующих поправок в Конституцию нормы отражают базовые ценности традиционалистского подхода, основаны на исторически сложившихся морально-нравственных началах и воспроизводят базовые ценности абсолютного большинства российского общества. Можно с уверенностью констатировать, что тематика, связанная с поддержкой традиционной семьи, духовности, материнства, отцовства, все глубже проникает в политический дискурс современной России.

Кроме того, российское правовое поле располагает актами, запрещающими пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних и распространение соответствующей информации, а ряд международных договоров и конвенций, регулирующих правовое положение ЛГБТ-сообщества, Российской Федерацией не подписаны и не ратифицированы.

Традиционные духовно-нравственные ценности отражены и в ряде концептуальных документов стратегического планирования, а именно:

- Концепции внешней политики Российской Федерации (2023);
- Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (2022);
- Стратегии национальной безопасности России (2021);
- Стратегии развития информационного общества (2017);
- Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (2015);
- Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года (2016).

Многообразие документов, в той или иной степени затрагивающих понятие «традиционные ценности», говорит о концептуальном понимании необходимости проведения системной работы, деятельности соответствующих органов власти и институтов гражданского общества, направленной на формирование соответствующей воспитательной, образовательной и в целом культурной политики в стране.

Несмотря на достаточно выраженную тенденцию, о которой мы говорили выше, ряд акторов внутриполитического спектра, в первую очередь так называемые представители несистемной оппозиции, лица, выполняющие функции иностранных агентов, занимают откровенно прозападную позицию, формируемую заокеанскими и западноевропейскими кураторами, и продолжают акцентировать внимание на необхо-

¹ Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Этнодиалоги. 2012. № 1 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-nationalnyy-vopros-4> (дата обращения: 31.08.2022).

² Традиционные ценности — идеологическое оружие современной России // Rambler.ru. URL: https://news.rambler.ru/other/39596481-traditsionnye-tsennosti-ideologicheskoe-oruzhie-sovremennoy-rossii/?utm_source=copysharing&utm_medium=social (дата обращения: 31.08.2022).

³ Послание Президента В. В. Путина Федеральному собранию РФ. 21 апреля 2021 г. // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65418> (дата обращения: 31.08.2022).

⁴ Обама объявил защиту прав сексуальных меньшинств приоритетом внешней политики США // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/220625> (дата обращения: 31.03.2023).

⁵ Васильева М. А. Культура отмены в современном обществе // Вести научных достижений. 2020. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-otmeny-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 01.03.2023).

димости продвижения идей духовной секуляризации, дискредитации традиционных религиозных конфессий, выраженных в продвижении ЛГБТ-ценностей, смены социокультурного стереотипа поведения, гендерного многообразия, идей радикального феминизма, секс-просвета, легализации проституции, популяризации абортов, развитии культа потребления, позиционируя это в виде некоего паттерна прогрессивных европейских ценностей.

При этом отстаивание Россией традиционных ценностей как во внешней политике, так и внутри страны позиционируется такими акторами, как архаичный рудимент, откат к тоталитарному прошлому, или проводятся аналогии с политическими режимами ряда арабских государств¹.

Осознавая, что такие идеи напрямую не находят понимания и поддержки в российском обществе, о чем говорят различные социологические исследования², агенты западного влияния, среди которых присутствуют не только политики, но и отдельные деятели культуры, искусства, общественники, видеоблогеры, используют инструментарий «мягкой силы», продвигая подобную повестку через массовую культуру, сферу образования и псевдонаучные исследования.

Таким образом, происходит латентное идеологическое и психологическое воздействие на умы российской молодежи и общества в целом, заключающееся в насаждении исторически чуждых поведенческих стереотипов отрицания государственного патриотизма, служения Отечеству, продолжения рода, эгоизма, безнравственности и вседозволенности. Такую деятельность, направленную на подмену нравственных ориентиров в российском обществе, в первую очередь в молодежной среде, следует рассматривать как одну из основных угроз государственной и общественной безопасности.

Осознавая данные риски в контексте демографической ситуации в современной России с ее невысоким уровнем рождаемости, на разных площадках и круглых столах от политиков и общественных деятелей звучат требования запретить пропаганду не только гомосексуализма, но и транссексуализма, абортов, движения чайлд-фри и другого поведения, влияющего на сознание подрастающего поколения и в конечном счете на рождаемость.

В связи с этим представляется очевидной выработка механизмов противодействия вымарыванию традиционных духовно-нравственных ценностей в российском обществе, в первую очередь в молодежной среде. Ведь попустительское отношение к данной проблеме неминуемо ведет к ослаблению единства многонационального народа Российской Федерации, а значит, к ослаблению российской государственности.

Беспрецедентное международное давление, которому сейчас подвергается Россия, а также идеологемы специальной военной операции на Украине, основан-

ные на таких ценностях, как служение Отечеству, патриотизм, взаимопомощь, справедливость, актуализировали общественный дискурс вокруг ценностей, относящихся к государственному патриотизму. Стратегия продвижения духовно-нравственных ценностей и ориентиров во внешней политике, которые будут способствовать формированию нового, справедливого мироустройства, разрешению споров и предупреждению конфликтов, нашла свое закрепление в новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года. Это было сделано своевременно.

В современных условиях развития международных политических процессов религиозно-традиционалистский подход, базирующийся на традиционных духовно-нравственных ценностях, который в настоящее время характерен и для России, и для российского общества, способен стать системной детерминантой модернизации и фактором глобального конкурентного преимущества на международной арене.

Отстаивание Россией традиционных ценностей на международной арене стало одним из камней преткновения в международных отношениях между Россией и Западом. Вторая половина XX века характеризуется как время идеологического формирования в Западной Европе тенденций по дискредитации религии, в первую очередь христианства как базиса традиционного государства и традиционной семьи. Именно этот временной промежуток связывают с возникновением теории о перенаселении Земли и необходимостью регулирования количественных показателей народонаселения в мире. Также существенное развитие получают идеи политического глобализма, связанные с ограничением национальных государственных интересов, государственного суверенитета, передачи части государственных функций и полномочий в надгосударственные и негосударственные органы в целях принятия консолидированных решений, опирающихся на некие «общие интересы».

В неолиберальном понимании концепта «мировая политика», сформулированном американским ученым-международником Дж. Розенау, главными действующими лицами наряду с государствами становятся многочисленные негосударственные субъекты, вступающие в отношения друг с другом, носящие совершенно иной характер, чем межгосударственные отношения. При этом взаимодействие акторов формируется вне зависимости от государств и находится за пределами контроля его центральных органов³. Снижение роли институтов государства в политическом управлении, экономической жизни, общественных отношениях является одной из базовых ценностей либерализма.

Известный австрийский философ и экономист Фридрих Август фон Хайек, рассматривая в своих работах функции государства, выдвигал тезисы о необходимости передачи частному сектору целого ряда таких функций⁴.

¹ Проект Минкультуры разбередил «пятую колонну» // Царьград. URL: https://tsargrad.tv/articles/proekt-minkultury-razberedil-pjatuju-kolonnu_486969 (дата обращения: 31.08.2022).

² См., например: Отношение россиян к ЛГБТ // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/15/otnoshenie-rossiyan-k-lgbt-lyudyam/> (дата обращения: 01.09.2022).

³ Розенау Дж. Н. Управление без правительства: порядок и изменения в мировой политике. URL: http://www.worldpolit.ru/dl/wmg_rus.doc (дата обращения: 08.07.2012).

⁴ Hayek F. A. Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy. L.: Routledge, 2012.

Схожие идеи высказывал также австро-американский экономист, философ и историк Л. фон Мизес, который говорил о необходимости снижения роли государственной собственности в пользу частной собственности как основного принципа «организации жизни человека в обществе»¹.

Р. Ч. Корнуэлл, американский либертарианский писатель, разработал концепцию так называемого третьего сектора, которая базировалась на возможности более эффективной реализации ряда государственных функций негосударственными структурами².

В рамках наступления на традиционное государство в западном мире началось наступление и на традиционную семью. В 1952 году была образована Международная федерация планируемого родительства, которая, декларируя вроде бы безобидные цели планирования семьи и подготовки родителей к деторождению, начала активно продвигать различные механизмы ограничения рождаемости.

На уровне государственной политики данные предложения включали сокращение социальных пособий и преференций для многодетных, беременных, молодых матерей, а в обществе продвигались идеи добровольной стерилизации, декриминализации и морального оправдания аборт, а также депатологизации гомосексуализма. Последний аспект представляется наиболее значимым в контексте наступления на традиционные ценности, ведь именно исключение гомосексуализма из списка психических заболеваний и патологий позволило в полной мере развернуть инструментарию его пропаганды как нормы.

Российская исследовательница Н. С. Семенова отмечает: «Безусловно, однополые отношения, как и другие „нетрадиционные связи“, известны испокон веков, но до XX века никто не пытался их уравнивать с традиционными семейными отношениями, представляя их в качестве такой же нормы. Причем в большинстве стран, легализовавших однополые отношения, детей начинают приучать к их „нормальности“ и „естественности“. Родителям, которые пытаются оградить детей от получения подобных знаний, грозит ответственность от административного штрафа до уголовного наказания»³.

Сегодня мы можем наблюдать реализацию подобного подхода в «прогрессивном» западном мире в контексте депатологизации зоофилии и декриминализации педофилии. Это обусловлено тем, что традиционные европейские консерваторы откровенно сдают свои позиции нелибералам, их партийная идеология становится все более далекой от традиционализма. Как отмечает российский исследователь М. А. Бурда, «в ка-

честве примера можно привести отношение консервативных партий к вопросам легализации однополых браков, миграционной политики, глубины евроинтеграции и т. д., которое принципиально не отличается от идей либерального крыла»⁴.

Однако не все европейские политические силы следуют в рамках заданной неолибералами парадигмы ценностей. Проводимая в США и Европейском союзе экспансия на традиционные ценности также не находит безоговорочной поддержки в обществе, что выражается в популяризации ряда политических сил, еще лет десять назад считавшихся маргинальными.

С учетом все еще существующего в западном обществе запроса на традиционные ценности пустующую нишу занимают европейские правые партии, выступающие в настоящее время единственными борцами, отстаивающими традиционные европейские христианские ценности. Кроме того, необходимо учитывать и растущее в геометрической прогрессии мусульманское население Европы, также имеющее прочный традиционалистский базис и в связи с этим весьма критически воспринимающее депопуляционную пропаганду.

Еще более широкие группы общества в странах Восточной Европы (Венгрия, Сербия, Польша, Болгария) поддерживают политиков, готовых выступить против уничтожения своего народа в этом «плавильном котле» современной глобальной Европы. Так, Венгрия, Болгария и Польша отказались ратифицировать Стамбульскую конвенцию, которая «учит гендерному многообразию». В Польше более 80 городских советов подписали Хартию семьи, объявив себя зоной, свободной от ЛГБТ.

Мы можем констатировать, что отход от традиционных духовно-нравственных ценностей монотонно расшатывает, казалось бы, незыблемое ранее европейское единство. В подобной ситуации традиционные ценности, еще остающиеся значимыми для христианских государств Южной и Восточной Европы, Балкан, их поддержка становятся элементом конструктивного и взаимовыгодного взаимодействия России и национально ориентированных политических сил европейских государств, противостоящих секулярно-гуманистическому подходу глобализма, ведущего гибридную войну против современной России.

Это, в свою очередь, требует интенсификации российской дипломатической деятельности, в том числе в рамках реализации имеющихся механизмов «мягкой силы» и народной дипломатии. Очевидно, что подогреваемая на Западе антироссийская истерия затрудняет использование формальных каналов взаимодействия с политическими союзниками в странах Запада, однако это лишь актуализирует значимость неформальных каналов.

Современная Россия, взявшая на себя роль одного из главных защитников традиционных ценностей и традиционной семьи как их важнейшей составляющей, обладает существенным потенциалом координации соответствующей работы среди всех акторов, разделяющих данный подход.

⁴ Бурда М. А. Миграционные процессы в Европе и феномен роста влияния правых политических партий // PolitBook. 2017. № 4. С. 123.

¹ Мизес Л. фон. Либерализм в классической традиции / пер. с англ. С. Г. Каменского, Ю. В. Кочетыговой. М.: Начала-Пресс, 1995.

² Cornuel R. C. Reclaiming the American Dream: The Role of Private Individuals and Voluntary Associations (Philanthropy and Society). N. Y.: Transaction Publishers, 1993.

³ Семенова Н. С. Традиционные ценности vs. «прав ЛГБТ» в рамках реализации права на образование: международно-правовой подход // Вестник РУДН. Сер. «Юридические науки». 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-v-prav-lgbt-v-ramkah-realizatsii-prava-na-obrazovanie-mezhdunarodno-pravovoy-podhod> (дата обращения: 01.09.2022).

Как мы уже говорили, современный глобализм выступает не только против традиционного государства, его политической и экономической независимости, но и против традиционной семьи. Именно семья, деторождение являются основой суверенной демографической политики, выступающей одним из ключевых элементов обеспечения национальной безопасности, а значит, и сохранения государственного суверенитета.

Говоря о формально-юридическом аспекте реализации продвижения концепции духовно-нравственных ценностей в международных отношениях, необходимо предпринять следующие шаги.

Во-первых, провести правовой анализ ратифицированных Российской Федерацией международных документов на предмет их соответствия Конституции РФ и денонсировать отдельные положения или документы в целом, если они направлены на продвижение деструктивной повестки сокращения рождаемости, прерывания беременности и пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

Во-вторых, инициировать выработку международных документов (соглашений, конвенций) о защите семьи и традиционных ценностей, в том числе на уровне Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза и Союзного государства России и Белоруссии, а также БРИКС.

В-третьих, инициировать обсуждение и принятие международных документов, защищающих жизнь и права ребенка с момента зачатия, а также оберегающих его от сексуальных посягательств и ЛГБТ-пропаганды.

В рамках совершенствования национального законодательства:

1) ввести институт аккредитации (лицензирования) деятельности некоммерческих организаций, занимающихся вопросами демографии, миграции, межгендерных отношений, в целях выявления и закрытия организаций, занимающихся деструктивной деятельностью, направленной на противодействие традиционным ценностям;

2) на законодательном уровне дополнительно расширять меры социальной и кредитно-финансовой поддержки многодетных семей, молодых родителей, родителей, имеющих двух детей, в том числе в сфере возможностей получения образования на бюджетной основе, дополнительно защитить правовой статус беременной женщины и молодых матери и отца в Трудовом кодексе, увеличить количество ясельных групп в дошкольных учреждениях;

3) инициировать введение в школьную программу дисциплины «Основа семейной культуры и взаимодействия», базирующейся на традиционных духовно-нравственных ценностях.

В рамках формирования позитивного имиджа традиционной семьи, многодетной семьи и традиционных отношений обеспечить:

— наличие соответствующего информационного контента в СМИ, культуре, искусстве, рекламных роликах традиционной семьи — папы, мамы и нескольких разнополых детей;

— проведение тематических общественно-политических форумов, конференций, основной задачей которых будет являться формирование позитивного имиджа современной России как государства, активно продвигающего и защищающего традиционные духовно-нравственные ценности.

Подобные мероприятия могут стать платформой для эффективного противодействия попыткам коллективного Запада по изолированию России, а также сотрудничества со всеми политическими силами, разделяющими религиозно-традиционалистский подход, в том числе в недружественных странах, ориентированными на борьбу с современным политическим глобализмом.

Результатом работы подобных общественно-политических дискуссионных платформ могут стать разного рода декларации, меморандумы, соглашения, конвенции, любые форматы задекларированного международного сотрудничества, способные оказать влияние на продвижение концепции традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях.

В заключение видится необходимым отметить, что Министерством культуры сформулированы цели и задачи государственной политики России «в сфере традиционных ценностей». Среди них: «обеспечение морального лидерства России в международных отношениях как хранителя традиционных общечеловеческих ценностей» и противодействие «деструктивной идеологии». Делается акцент на том, что «угрозу традиционным ценностям несет деятельность экстремистских и террористических организаций, действия США и их союзников, транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих организаций». Таким образом, традиционные ценности выступают средством оздоровления мировой политики и кризисной экономики. В период серьезного экономического кризиса даже циничные политики ищут спасения в традиционных ценностях, религии и нравственных основах и говорят о традиционных ценностях как о спасательном круге, с помощью которого сможет выплыть лишенная морали глобальная рыночная экономика. Для России эта мысль не нова. Наша страна давно отстаивает необходимость укрепления нравственных начал в международных отношениях, добиваясь отказа от двойных стандартов. Вопрос возможности сочетания традиционных ценностей и современной политики на Западе и Востоке — уже в центре внимания прогрессивной российской дипломатии, а задача сохранения, укрепления и продвижения традиционных духовно-нравственных ценностей приобретает ключевое значение для сохранения цивилизации в целом.

Э. Кевин¹**УКРАИНА: ВОЙНА, КОТОРУЮ РОССИЯ НЕИЗБЕЖНО ВЫИГРАЕТ**

Российская специальная военная операция на Украине — для удобства я буду называть ее украинской войной — началась 24 февраля 2022 года, почти 14 месяцев назад, если вести отсчет от момента, когда я пишу это эссе в Канберре (Австралия). Она делится на две отдельные фазы — до и после сентября 2022 года, когда характер войны обострился и ожесточился.

Для России эта война началась девять лет назад — в феврале 2014 года — с поддержанного США государственного переворота на киевском Майдане и свержения избранного (в 2010 г.) украинского правительства во главе с В. Януковичем. Переворот на Майдане нарушил хрупкий постсоветский политический баланс многокультурного многоязычного украинского государства.

Он привел к власти фанатичных крайних украинских националистов, которых иногда называют украинскими нацистами или менее провокационно — бандеровцами по имени их лидера времен Второй мировой войны Степана Бандеры. Бабушки и дедушки этих людей сотрудничали с немецкими нацистами во время немецкой оккупации Украины, пытаясь уничтожить неукраинские расовые или культурные элементы населения (особенно евреев, но также и поляков и русских).

Ядро бандеровцев — те, кто не бежал в качестве перемещенных лиц в США, Канаду или в мою страну, Австралию, — продолжало существовать и после Второй мировой войны. Они ждали своего часа на Советской Украине до 1991 года и стали политически активны после распада СССР в постсоветской независимой Украине, создавая газеты, университеты (такие как Киево-Могилянская академия), молодежные программы и тому подобное, чтобы распространять свою националистическую идеологию ненависти к России. Численно они наиболее сильны на Западной Украине, а их культурной столицей является город, когда-то известный как Лемберг (на немецком языке, со времен, когда он был крупным многонациональным городом в австро-венгерской Галиции), или Львов (на русском языке), или Львув (на польском языке), или Львив, как он известен сейчас на украинском языке. Этот красивый и богатый город не пострадал от бомбардировок во время Второй мировой войны. Но его жители подверглись жестокому бандеровским чисткам и погромам евреев, русских и поляков в период войны. После этого город и область были заселены украинцами, которые, как правило, были украиноязычными.

И. Сталин благоразумно оставил Украину в покое, надеясь, что время, послевоенное восстановление и процветание значительно расширившейся Советской Украины залечат старые раны. Однако этого

не произошло: старая бандеровская идеология продолжала существовать в подполье, передаваясь из поколения в поколение. США и Канада продолжали поощрять эти элементы в советское и постсоветское время посредством тайного содействия и поддержки украинских диаспор, которые рассматривались как потенциальное оружие в холодной войне против Советского Союза, а затем против Российской Федерации и ее друзей на Украине.

Украина всегда была стратегически уязвимой частью Российской империи. Плодородная и богатая полезными ископаемыми, с процветающими торговыми портами на теплом Черном море, она считалась лакомым кусочком для многих захватчиков. Киев в X–XI веках был главным центром русской православной христианской цивилизации, пока не был разграблен монголами в 1240 году. Король Швеции Карл XII через Украину предпринял неудачное вторжение европейской коалиции в Россию в начале XVIII века, взяв в союзники гетмана-националиста Ивана Мазепу. Решающее сражение, в котором войска царя Петра I разгромили врага, произошло в 1709 году под Полтавой, к юго-западу от Харькова. В 1850-х годах британские, французские и турецкие войска успешно захватили Севастополь, ключевую военно-морскую базу России в теплых водах, после упорной морской и сухопутной осады. На следующие 20 лет Крыму было разрешено вернуться в состав России, но в качестве демилитаризованного порта.

На протяжении XIX века Российская империя осваивала и русифицировала обширные богатые земли Украины. Киев, Харьков, Одесса, Днепропетровск и Севастополь стали русскими городами. Такие города, как Кривой Рог, Запорожье, Луганск, Донецк и Мариуполь, были важными центрами добычи полезных ископаемых, промышленности и торговли вплоть до советского времени.

Имперская Германия признавала ресурсы и стратегический потенциал Украины. В обеих мировых войнах европейские армии под руководством Германии вторгались и оккупировали всю территорию Украины. В Первой мировой войне они поощряли антирусский украинский национализм. После войны коммунистический Советский Союз подавил это движение. Украина стала богатым сельскохозяйственным и промышленным регионом СССР. Многие советские коммунистические лидеры были украинцами.

Во Второй мировой войне Гитлер, потерпев неудачу при захвате Москвы северным наполеоновским путем, провел успешную блицкриг-войну на Украине и продвинулся довольно далеко в глубь России, вплоть до Сталинграда на нижней Волге, где его армия была отброшена назад после тяжелейшей осады. Тем временем Украина страдала от нацистской оккупации, по крайней мере, в течение двух лет. Нацистское вторжение, оккупация и возвращение Красной армии нанесли огромный физический и социальный ущерб Украине.

¹ Почетный профессор Австралийского национального университета (Канберра), дипломат (1968–1998), независимый эксперт. Автор шести книг, в т. ч.: «Возвращение в Москву» («Return to Moscow»), «Отношения между Россией и Австралией: история и современность» и др.; статей «Australia's secret preemptive war against Iraq», «Cambodia and Southeast Asia» и др. Лауреат литературных премий.

Бандеровцы с энтузиазмом содействовали жестоким преступлениям нацистов, проявившимся в форме геноцида против евреев, русских и поляков, рассматривая это как свой исторический шанс построить украинскую монокультурную нацию. Несмотря на тайную поддержку, оказываемую им американским ЦРУ после окончания войны, как движение сопротивления они сошли на нет.

После распада Советского Союза в 1991 году на Украине так и не нашлось достойных национальных лидеров посткоммунистического периода. Ее промышленные активы были незаконно приватизированы олигархами, которые контролировали национальный парламент через подкупленных политиков. Украинские политические лидеры, такие как Кравчук, Кучма, Тимошенко, Ющенко, Янукович, не отличались выдающимися качествами. Однако в Киеве существовала своего рода грубая демократия. В течение 23 лет экономика страны находилась в упадке, а старая советская база тяжелой промышленности стагнировала. Произошла крупномасштабная эмиграция.

К 2010 году существовали две крупные партийные группировки: «Батькивщина», представлявшая в основном украиноязычных избирателей из сельскохозяйственных регионов на западе и северо-западе, и Партия регионов, возглавляемая президентом Януковичем, представлявшая более развитый и в основном русскоязычный горнодобывающий, промышленный и торговый юг и восток страны.

Носители русского языка составляли около половины населения Украины. Восток и юг послужили базой для голосования Партии регионов. На русском языке говорили образованные и культурные люди. Конституция гарантировала равные языковые права всем группам населения. Большинство жителей Украины независимо от своего родного языка немного знали украинский.

Россияне доброжелательно и в ретроспективе навивно считали украинцев своими младшими братьями. Между странами были развиты активный туризм, образовательный и экономический обмен и межнациональные браки. По сути, две республики становились одной страной — по крайней мере, так с радостью думали русские. Здесь уместно провести аналогию с Шотландией в составе Великобритании после 1745 года или Ирландией после Акта об Унии (1801).

Ситуация изменилась к худшему после переворота на Майдане в 2014 году. Задолго до этого американские антисоветские идеологи, такие как польско-американский политолог Збигнев Бжезинский и Мэдлин Олбрайт, видели потенциал для ослабления России через дестабилизацию Украины, опираясь на темную энергию бандеровского движения. Они поощряли этих ненавидящих Россию фанатиков, которые в период до Майдана составляли не более 6 % населения Украины, внедрять свои националистические идеи в украинскую культуру и основные украинские партии и институты. Они спланировали и спровоцировали преступное насилие на Майдане, в результате чего был свергнут избранный президент Янукович, который бежал из страны, едва избежав преследовавших его

бандеровских эскадронов смерти. Затем американцы стали назначать марионеточных националистических лидеров: сначала Яценюка, потом Порошенко, затем Зеленского.

Сразу после переворота на Майдане русский Крым отделился от Украины в результате практически единого народного референдума и присоединился к России в 2014 году. Референдум проходил под защитой неофициальных российских сил с военно-морской базы в Севастополе и так и не был признан Западом. В 1954 году, почти 60 лет назад, советский лидер Н. Хрущев принял глупое решение отдать Крым Украине, думая, что это сблизит две советские республики. Но Крым всегда сопротивлялся украинизации и неизменно оставался русским по культуре и духу. Я знаю это, потому что побывал там в 2018 году. Он никогда не вернется в состав Украины.

После переворота на Майдане в феврале 2014 года украинская рада приняла жесткие законы против русского языка, стремясь сделать Украину исключительно украиноязычной страной. В частности, в Одессе произошло насильственное подавление языковых прав русскоязычного населения: 48 демонстрантов, укрывшихся в здании Дома профсоюза, были сожжены бандеровцами в присутствии полиции — зверское преступление, участники которого так и не были наказаны.

Две ключевые восточные области, Донецкая и Луганская (далее совместно называемые Донбассом), восстали против Киева и обратились к Москве за такой же защитой, которую она дала Крыму. В мае 2014 года президент П. Порошенко отдал гневный приказ о полномасштабном военном нападении на восставший Донбасс, что обусловило страдания населения в течение следующих восьми лет: 14 тыс. погибших, включая многих мирных жителей, что зафиксировано наблюдателями ОБСЕ; 100 тыс. беженцев, покинувших свои дома в результате бомбардировок. Эта масштабная гражданская война была проигнорирована Западом, в то время как в России она вызвала всеобщее сочувствие и гнев.

В течение восьми лет, с 2014 по 2021 год, В. Путин в рамках минского дипломатического процесса пытался защитить права русскоязычного населения в Донбассе, оставив эти области в составе демократической мультикультурной Украины. Запад и Киев цинично делали вид, что серьезно относятся к минским переговорам. Но они никогда не собирались выполнять условия соглашений, а только выигрывали время, чтобы перевооружить Украину против России.

Тем временем США и НАТО обучали и оснащали украинскую армию и помогали бандеровцам взять ее под контроль, сделав из нее фанатичную антироссийскую армию. Когда в США к власти в 2021 году пришел Байден, он принял роковое решение передать Киеву мощное дальнобойное высокоточное артиллерийское оружие. Это означало, что к концу 2021 года у Киева наконец-то появились военные средства для вторжения на земли восставших Донецка и Луганска. Киев значительно укрепил линию фронта после 2015 года к западу от Донецка и разместил там свои лучшие и наиболее фанатичные антироссийские войска.

Путин делал все возможное, чтобы сдержать это неизбежное вторжение. Он разместил более 100 тыс. российских войск вдоль северной границы Украины в качестве сдерживающего фактора. Президент России предпринял последнюю попытку дипломатии, предложив в конце 2021 года нейтралитет Украины и новое общеевропейское соглашение о безопасности, основанное на бессрочном отходе НАТО от российских границ. США, НАТО и Киев с усмешкой отвергли это предложение.

Наконец, когда в качестве подготовки к вторжению украинской армии обстрелы городов Донбасса резко усилились, Путин 21 февраля 2022 года принял отчаянную просьбу республик Донбасса об отделении от Украины и предложил им немедленно заключить с Россией договор о взаимной безопасности, надеясь, что это удержит Киев от дальнейших нападений на Донбасс. Этого не произошло. Российская разведка сообщила о готовящемся массовом вторжении в защищенный Россией Донбасс. Россия была вынуждена предпринять упреждающие действия 24 февраля 2022 года.

Теперь ясно, что США и НАТО поставили Россию в безвыходную ситуацию. Если бы Россия допустила победу Киева на Донбассе после того, как гарантировала его безопасность, это подорвало бы доверие к ней, привело бы к массовому геноциду, а также унизило и, возможно, дестабилизировало бы положение В. Путина внутри страны. Если бы Россия применила силу против Украины для защиты Донбасса, ей пришлось бы нарушить национальный суверенитет Украины, что Запад лицемерно осудил бы как так называемое «неспровоцированное» вторжение в суверенную страну.

Российское правительство выбрало последнее, меньшее зло. 24 февраля Россия начала наступление на Украину по трем фронтам — с севера, востока и юга. Поскольку лучшие украинские силы были сосредоточены к западу от Донецка, Россия первоначально добилась больших территориальных успехов в других местах: была близка к взятию Киева и Харькова, отвоевала часть оккупированного Киевом Донбасса и заняла большую часть Запорожской и Херсонской областей на юге. К 30 марта 2022 года Россия заняла почти пятую часть украинской территории. Через посредничество Израиля и Турции Путин попытался провести мирные переговоры с Киевом, но США и Великобритания наложили вето.

Заявленные Путиным цели войны заключались в защите ныне независимых областей Донбасса и Крыма, а также в денацификации и демилитаризации Украины и обеспечении ее будущего нейтралитета. Первые шесть месяцев войны Россия действовала очень осторожно. Она не уничтожала инфраструктуру и гражданское имущество. Украинцы пользовались этой сдержанностью, открывая огонь из населенных пунктов. Через месяц, в марте 2022 года, Россия отступила из районов к северу от Киева: вернувшиеся украинские войска жестоко отомстили местным мирным жителям, которых они подозревали в сотрудничестве с русскими. Резня в Буче была преднамеренной массовой казнью, в которой обвинили отступающих русских. Никаких доказательств так и не было представлено, а кос-

венные улики указывают на убийства украинцами пророссийских гражданских лиц. Несколько месяцев спустя Украина отвоевала довольно большие территории в Харьковской области на северо-востоке — это ее единственная победа в этой войне.

На юге в сентябре 2022 года Россия вывела войска из Херсона и районов к западу от реки Днепр, чтобы создать более короткую линию обороны к востоку от Днепра. На этот раз они эвакуировали с территории большую часть местного гражданского населения, чтобы избежать новых массовых убийств в стиле Бучи, которые были бы приписаны России.

В сентябре-октябре 2022 года характер войны со стороны России полностью изменился. К этому времени большое количество военнослужащих НАТО были открыто внедрены в качестве бойцов и советников в армию Украины. Война превратилась в полномасштабную прокси-войну НАТО при существенной поддержке спутникового наблюдения США. В настоящее время украинцы используют беспилотную высокоточную дальнбойную артиллерию НАТО для атак далеко за российской линией фронта.

Спецслужбы США и Великобритании теперь помогали спецслужбам Украины проводить диверсионно-террористические операции в удерживаемых Россией частях Украины, в городах и областях России. Беспилотники, а также диверсионные или террористические группы наносили удары по российской территории.

Многочисленные сообщения об украинских пытках и убийствах российских военнопленных; потопление с помощью Запада ударными беспилотниками флагманского крейсера «Москва» ВМФ России в Черном море 14 апреля 2022 года; дерзкое убийство дочери философа Александра Дугина Дарьи под Москвой 20 августа 2022 года; успешная диверсия на российско-германском газопроводе «Северный поток» 26 сентября; террористический акт на Керченском мосту 8 октября 2022 года — все эти события стимулировали настоятельные требования российской общественности к В. Путину перестать церемониться и начать вести войну жестче.

В сентябре 2022 года Путин дал ответ. Новый решительно настроенный командующий фронтом генерал С. Суровикин сократил и стабилизировал фронт. Россия начала непрерывную кампанию высокоточных ракетных ударов по ключевым объектам энергетической инфраструктуры Украины. За последние семь месяцев они сократили энергосистему Украины на впечатляющие 90 %. Разрушены ключевые узлы электро-транспорта. Экономика Украины, по сути, уничтожена. Сейчас Украина выживает за счет западного жизнеобеспечения.

Много событий произошло в России в сентябре 2022 года. Началась частичная мобилизация с целью привлечения 300 тыс. новых солдат, а также полномасштабное военное массовое производство танков, пушек, ракет, боеприпасов и беспилотников. В четырех частично отвоеванных Россией областях — Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской — прошли референдумы, на которых подавляющее большинство проголосовало за присоединение к России. Они были

приняты в состав Российской Федерации в качестве новых полноправных членов.

В центральном театре военных действий начиная с октября 2022 года российское техническое превосходство в бою постепенно переломило баланс сил. Сильно укрепленные украинские цитадели Бахмут и Авдеевка, расположенные к западу от Донецка, превратились в огромные территории смертельных боев. В ходе столкновений, напоминающих сражения Первой мировой войны, украинские войска по приказу Киева упорно держались за каждый клочок земли, что стоило огромных человеческих жертв. Большинство из первых хорошо обученных и мотивированных украинских солдат, подготовленных до февраля 2022 года, были убиты или ранены. Плохо обученных новобранцев отправляют на передовую, где они погибают в огромных количествах.

По оценкам независимого военного комментатора, полковника США в отставке Дугласа Макгрегора, анализу которого я доверяю, с февраля 2022 года Украина потеряла около 200 тыс. солдат убитыми в бою и еще около 300 тыс. ранеными без возможности восстановления. Россия, которая более тщательно сохраняет жизни своих солдат, тоже понесла тяжелые потери, но в гораздо меньших масштабах.

По общему мнению информированных военных наблюдателей как на Западе, так и на Востоке, Киев больше не может надеяться на победу в этой неравной войне. Война истощает оставшиеся в Бахмуте войска Украины, несмотря на жестокий принудительный призыв. У Киева не осталось сил для проведения ответственных наступлений по всему фронту. Никакое количество повторных поставок вооружения со стороны США и НАТО не сможет сейчас изменить исход. Украина проиграла войну. Вопрос только в том, когда Киев и Байден смогут это признать и каков может быть окончательный политический и территориальный результат?

Украина сегодня существует только на деньги и благодаря поддержке Запада. Гражданское общество разваливается. Байден и окружающие его в Вашингтоне поджигатели войны живут в мире фантазий. Они хотят, чтобы Киев продолжал бороться «до последнего украинца» (слова сенатора США Линдси Грэма); они надеются, что война продлится до президентских выборов в США в ноябре 2024 года, то есть еще долгих 18 месяцев. Но вряд ли киевский режим доживет до этого времени в военном или политическом плане.

На Украине растут отчаяние и желание положить конец войне, которая, как знают украинцы, вытягивает из них жизненные силы. Только безжалостное насильственное бандеровское подавление скрепляет Украину. России просто нужно поддерживать постоянное наступательное давление вдоль нынешней линии фронта, продолжать обескровливать украинскую армию и уничтожать поставляемое Западом оружие, и рано или поздно она одержит победу. Украина может начать или не начать весеннее наступление, когда высохнет земля и пройдет распутица.

Все громче звучат голоса Папы Римского, главы Китая и представителей ведущих стран глобального

Юга, таких как Индия, призывающие к немедленно прекращению огня на линии фронта в ее нынешнем виде и последующим переговорам между Киевом и Москвой для достижения реалистичного устойчивого мира. Вашингтон пока отвергает эти призывы, но сколько еще можно извлекать выгоду из страданий Украины в этой проигрышной войне? Очевидно, что Россия может поддерживать эту войну бесконечно долго.

Китай предложил общие принципы мира в соответствии с Уставом ООН, а также свое председательство на прямых мирных переговорах между Киевом и Москвой. Вашингтону и Киеву придется признать, что Украина потеряла как минимум части своей бывшей территории, которые сейчас находятся к востоку от линии фронта. Возможно, ей придется отдать России больше территории в зависимости от того, когда наступит прекращение огня. Конечно, Донбасс и Луганск, которые сильно пострадали за последние девять лет войны, будут умолять Москву вернуть им прежние границы областей, существовавшие до 2014 года.

Если Киев достаточно рано перейдет к прекращению огня и реалистичному миру, он может надеяться на сохранение Херсона, Запорожья и Одессы. Украина окончательно потеряла Крым и все побережье и внутренние районы вблизи Азовского моря.

Киевский режим, возможно, еще слишком ослеплен фанатичной ненавистью к России, чтобы увидеть суровую военную истину и действовать в соответствии с ней. Так что эта трагическая война может продолжаться еще некоторое время. Она действительно приобрела характер гражданской войны. В американской гражданской войне Юг США вел себя не менее храбро и патриотично, чем Север. Но в конечном счете Юг проиграл, потому что Север превосходил его по численности и вооружению. Так будет и в украинской войне. США и НАТО постепенно устают от войны и Зеленского. Недавняя утечка информации из США свидетельствует о том, что американские военные хотят, чтобы США прекратили поддерживать режим Зеленского. Они не будут ждать 18 месяцев до избрания нового президента. Прислушается ли к этому Байден и его приближенные? Проявят ли палаты конгресса, наконец, мужество, чтобы сказать «нет»?

Внутри России война вызвала прояснение позиций гражданского общества, сопровождаемое эмиграцией большого количества либеральной интеллигенции, находящейся под влиянием Запада. По масштабам она сравнима с эмиграцией интеллигенции после Гражданской войны в России: это ошутимая утечка талантов из страны, но Россия выживет. Техническая и деловая интеллигенция в целом не эмигрировала и стала действовать более решительно. Многие представители культурной интеллигенции, такие как В. Гергиев, проявляют решительную патриотическую позицию. Российский моральный дух, социальная сплоченность и военно-промышленный потенциал остаются на высоте, и так будет продолжаться столько, сколько необходимо.

Россия больше не будет доверять Западу, может быть, в течение десятилетий. Новая холодная война бу-

дет очень холодной. Военные контакты по укреплению доверия будут продолжаться в силу разумной необходимости, но большая часть дипломатических, культурных и спортивных связей будет по-прежнему сдерживаться русофобией, внушенной западными политическими элитами и уже укоренившейся в умах людей.

Украинская война оказала глубокое влияние на отношения между Россией и Китаем и внешнюю политику России в целом в отношении Запада и глобального Юга, особенно после сентября 2022 года. Отношения России с Китаем и другими ключевыми странами БРИКС, а также со странами Африки, Ближнего Востока и Азии продолжают развиваться как часть новой многосторонней глобальной экономической системы, основанной на принципах ООН. Это не очень хорошая новость для США, Европы и Австралии, которые все еще цепляются за привычный, но теряющий силу торговый и валютный порядок, основанный на правилах, диктуемых США.

Россия доказала, что способна пережить западные санкции, оказавшиеся безрезультатными благодаря импортозамещению и быстрорастущим торговым и банковским отношениям с Китаем и странами глобального Юга. Индия и государства Ближнего Востока не боятся вторичных санкций США и выступают в качестве суверенных торговых посредников. Экономика стран ЕС страдает от нанесенных самой себе ран в виде высоких цен на энергоносители. Доллар США как бывшая мировая резервная валюта стремительно слабеет, что начинает сказываться на состоянии экономики США.

Я не вижу никакого риска распространения войны на территорию Польши и остальных стран НАТО. Россия не будет распространять украинскую войну на эти государства. Благоразумие говорит Вашингтону и Лондону, что НАТО, используя неядерные средства ведения войны, сейчас не может убедительно противостоять решительному военному давлению России в случае расширения ею войны, если только не будет применена ядерная угроза. К счастью, правительства стран НАТО не готовы к такому акту отчаяния.

В ходе этой войны западные информационные медиа масштабно тиражировали ложные прокиевские нарративы, которые до недавнего времени убеждали широкую западную аудиторию, тем самым задерживая и отсрочивая прекращение огня и окончательное мир-

ное урегулирование на реалистичных условиях. Они на неопределенный срок продлили агонию Украины, продолжающиеся потери численности украинского населения и национального богатства страны.

Сегодня этот этап подходит к завершению. Западная информационная война настолько оторвана от реальности, что даже сильно индоктринированная западная элита начинает сомневаться в ее постулатах. На Украине героическая защита пожилыми женщинами, молодыми матерями, вдовами и инвалидами канонических монастырей и храмов Украинской православной церкви, пассивно сопротивляющихся запугиванию со стороны бандеровских головорезов, показывает настоящее мужество порядочных украинцев, которое начинает возрождаться. Я надеюсь на внутрирежимный переворот в Киеве в стиле фон Штауффенберга — но успешный, который остановил бы гибель еще большего числа украинцев и россиян. Но, поскольку тайная разведка США и Великобритании продолжает сдерживать организованное сопротивление марионеточному режиму Зеленского, народ Украины еще некоторое время будет страдать от нынешней жестокой и насильственной политики.

Негативное воздействие на внешнюю и стратегическую политику Австралии за последние 15 месяцев войны также весьма ощутимо. Отступление Австралии из Азии в «белый» англо-американский лагерь подкрепляется двухпартийной поддержкой нового альянса AUKUS (Australia, United Kingdom, United States). Наши азиатские соседи стремятся к сотрудничеству с Китаем и Россией, формирующимися как новые великие державы Азиатского региона, и с недоумением смотрят на отступление Австралии от Азии. Но мы упорно соглашаемся с тем, что Америка готовит Австралию к роли своего орудия в прокси-войне с Китаем — аналога Украины в Азиатско-Тихоокеанском регионе: послушного и доверчивого союзника, которого можно использовать, злоупотреблять им и при необходимости принести его в жертву в возможной войне США против Китая. Некоторые влиятельные лица в США, похоже, попытаются спровоцировать такую войну в ближайшее время, поскольку баланс экономических и военных сил продолжает сдвигаться от США в пользу Китая.

Сейчас опасное время.

И. Ф. Кефели¹

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЭХО КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЫ

В 2020–2021 годах появилась серия публикаций специалистов НАТО, направленных на обоснование ведения против своих реальных и потенциальных противников в ходе геополитического противостояния когнитивных войн (Cognitive Warfare). Причем речь идет о принципиально новом — шестом — виде (домене) военных операций, в отличие от ведущихся на суше и в водах Мирового океана, в воздухе, космосе и киберпространстве, нацеленных исключительно на духовную сферу человеческой деятельности — его мысли, чувства, мировоззрение, идеологию.

Так, по заверению Ф. дю Клузеля, руководителя инновационного хаба НАТО в Норфолке (США), с начала 1990-х годов знания в области когнитивных наук стали в полной мере использоваться в когнитивных операциях, охватывающих политическую, экономическую и социокультурную сферы. Условия для целенаправленных действий были предоставлены всеохватывающей цифровизацией различных сторон человеческой деятельности, а потому потенциальной мишенью когнитивных операций оказывается любой пользователь современных информационных технологий, которые нацелены на весь человеческий капитал нации. Более того, расширение пространства ведения когнитивных операций снижает актуальность кинетических и ресурсоемких средств ведения войны, поскольку социальная инженерия всегда начинается с глубокого погружения в человеческую среду. Люди, рассуждает далее Клузель, являются легкой мишенью, поскольку они, предоставляя информацию о себе, становятся марионетками (sockpuppet)².

Представитель НАТО недвусмысленно заявляет, что «когнитивная война — это война идеологий, стремящаяся подорвать, веру [доверие], скрепляющую любое общество... Когнитивная война методично эксплуатируется противниками как компонент глобаль-

ной стратегии, направленной на ослабление, вмешательство и дестабилизацию целевых групп населения, институтов и государств, чтобы повлиять на их выбор, подорвать автономию их решений и суверенитет их институтов». Более того, он уверен в том, что «когнитивная война была навязана западным либеральным демократиям, бросая вызов международным субъектам, которые разработали стратегию, позволяющую избежать военной конфронтации, тем самым стирая грань между миром и войной, нацеливаясь на самый слабый элемент: людей». Далее следует четкая рекомендация военно-политическому руководству НАТО: «Неспособность помешать когнитивным усилиям противников НАТО обречет западные либеральные общества на поражение в следующей войне без боя»³.

В том же году вышел труд авторского коллектива натовских сотрудников «Fall 2020. Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought», в котором указаны две цели когнитивной войны — дестабилизация и влияние, направленные не только на целые группы населения, но и на отдельных лидеров в политике, экономике, религии и академических кругах⁴.

В материалах первой научной конференции НАТО по когнитивной войне, прошедшей в Бордо (Франция) 21 июня 2021 года, когнитивная война получила более детальную характеристику. Как считают Б. Клаверии и Ф. дю Клузель, она представляет сферу действий, в которой имеются «все элементы информационной войны, включая оперативные аспекты психологии и неврологии для военных действий, и которая находится на пересечении двух операционных областей, ранее управляемых по отдельности: психологические операции и операции влияния (мягкая сила), с одной стороны, и кибероперации (киберзащита), предназначенные для деградации или уничтожения физических информационных активов, — с другой». Но самое главное (и поучительное для нас) заключается в том, что авторы наставлений по когнитивной войне в полной мере опираются на теоретический базис когнитивной науки и на NBIC-технологии. Так, подготовка будущего с помощью мобильных кибервозможностей основана на NBIC как научном проекте, объединяющем четыре ранее отдельные области: нанотехнологии (технология нанороботов, наносенсоры, наноструктуры, энергетика и т. д.), биотехнологии (биогеометрические технологии, биоинженерия, нейрофармакология и т. д.), информационные (компьютерная наука, микроэлектроника и др.) и когнитивные (когнитивная наука и нейропсихология) технологии⁵.

³ Cluzel F. du. Cognitive Warfare // Innovation Hub. 2020. June–Nov. P. 7, 9, 33, 36. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210113_CW%20Final%20v2%20.pdf (дата обращения: 30.05.2022). P. 7, см. также: p. 9, 33, 36.

⁴ Cognitive Warfare. An Attack on Truth and Thought / A. Bernal [et al.]. Baltimore: Johns Hopkins Univ., 2020. P. 6.

⁵ Claverie B., Cluzel F. du. «Cognitive Warfare»: The advent of the concept of «Cognitics» in the field of warfare // Cognitive Warfare, First NATO scientific meeting on Cognitive Warfare Bordeaux (France), 21 June 2021 / sci. eds. B. Claverie, B. Prevot, N. Buchler,

¹ Ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, эксперт РАН, доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 300 научных публикаций, учебников и учебных пособий, в т. ч.: «Философия геополитики», «Глобальная геополитика» (в соавт.), «Математические начала глобальной геополитики» (в соавт.), «Геополитика Евразийского Союза: от идеи к глобальному проекту», «Диалектика познания глобального мира: между неолиберализмом и „постсоветским марксизмом“», «Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности», «Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век» (отв. ред., соавт.), «Большое евразийское партнерство: проблемы обеспечения глобальной безопасности», «Искусственный интеллект и асфатроника — на пути к теории глобальной безопасности» (в соавт.), «Геополитическая динамика полицентричного мира: моделирование с учетом инновационных, статусных и коалиционных факторов», «Кибербезопасность России в условиях „эпической геополитической напряженности“» (в соавт.), «Трансгуманизм и „цифровой разум“ — новые проблемы информационно-психологической и когнитивной безопасности» и др. Заместитель главного редактора журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика».

² Кстати говоря, Оксфордский словарь английского языка дает следующий перевод: sockpuppet — человек, чьи действия контролируются кем-то другим.

Проблема обеспечения когнитивной безопасности личности, общественного сознания, государства на уровне международных отношений приобрела актуальность в самые последние годы, особенно на фоне санкционной политики коллективного Запада против России и специальной военной операции на Украине. Актуальность обеспечения когнитивной безопасности России продиктована необходимостью системного противодействия когнитивной войне, идеология которой открыто объявляется военно-политическим истеблишментом США и их подручными.

Более того, по заверению советника министра обороны России А. М. Ильницкого, в современных условиях необходима разработка *Стратегии ментальной (когнитивной) безопасности России*, поскольку в настоящее время коллективный Запад усилиями НАТО и ряда международных организаций широким фронтом развернул ментальную войну против России в формате скоординированной совокупности разномасштабных действий и операций, «направленных на „оккупацию“ сознания противника (то есть России. — И. К.) в целях паралича его воли, изменения индивидуально- и массового сознания, уничтожения духовно-нравственных ценностей, традиций и культурно-исторических основ государства, национальной идентичности народа». В ответ, справедливо считает он, необходимо переходить от оборонительной тактики информационного противоборства к наступательной стратегии обеспечения информационно-психологической и ментальной безопасности. При этом в качестве исходной идеологической платформы должна выступать новая редакция Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (от 2 июля 2021 г.), на основании которой необходимо, как справедливо утверждает Ильницкий, «разработать и ввести в действие Стратегию ментальной устойчивости (безопасности) всего социума и отдельного индивида на платформе традиционных духовно-нравственных ценностей»¹.

Иначе говоря, речь идет о формировании идеологии *когнитивной* безопасности, предпосылкой чего может служить предлагаемая стратегия. В данном случае необходимо сделать некоторые уточнения: *warfare* переводится с английского языка как «война, военные (боевые) действия, приемы ведения войны», тогда как *cognitive warfare* = «когнитивная война» (подобно тому, как *biological warfare* = «бактериологическая война», *chemical warfare* = «химическое оружие», *guerilla warfare* = «партизанская война»).

В качестве пояснения сошлюсь на Франсуа дю Клузеля, отставного французского офицера, ныне руководителя Инновационного центра НАТО в Норфолке (Вирджиния, США): «Большинство нынешних конфликтов остаются ниже порога традиционно принятого определения войны, но появились новые формы ведения войны, такие как когнитивная война (*Cognitive Warfare*. — И. К.), в то время как человеческий разум теперь рассматривается как новая область ведения войны... Инструменты информационной войны наря-

F. du Cluzel. Bordeaux : ENSC, the French Armed Forces Joint Staff and the Region Nouvelle Aquitaine, 2022. P. 2–7.

¹ Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 31–32.

ду с добавлением „нейрооружия“ расширяют технологические перспективы будущего, предполагая, что когнитивная область станет одним из полей сражений завтрашнего дня... Действия, предпринимаемые в пяти областях (*five domains*. — И. К.) — воздушной, наземной, морской, космической и кибернетической — все они выполняются для того, чтобы оказать влияние на человеческую сферу. Поэтому НАТО пора признать возросшую важность шестой оперативной области, а именно человеческой области»².

Итак, позиция военно-политического руководства НАТО отныне базируется на признании шести «полей сражений завтрашнего дня». Причем довольно четко руководство формулирует целевую направленность: «...разрабатывается концепция и технологии нового вида войны за мозг, отличающейся от информационной войны. Ее тактика базируется на предполагаемой угрозе Китая и России, чтобы оправдать ведение „битвы за ваш мозг“ в человеческой сфере, чтобы „сделать каждого оружием“... Новый вид боевых действий назвали когнитивной, или ментальной, войной, включающей „взлом личности“ путем использования уязвимостей человеческого мозга для реализации более сложной социальной инженерии. НАТО ранее разделяло войну на пять оперативных областей: воздушную, наземную, морскую, космическую и кибернетическую, а с развитием стратегий когнитивной войны добавился шестой уровень — „человеческая область“, — для того чтобы оказать влияние на гуманитарную сферу и сделать каждого оружием. При этом мозг станет полем битвы XXI века, в которой люди — это область, за которую ведутся сражения. Будущие конфликты произойдут сначала в цифровом виде, а затем физически в непосредственной близости от центров политической и экономической власти»³.

Предтечей разрушительного воздействия на «человеческую область» была разработка технологии ведения психологических операций военного назначения одним из основателей стратегической культуры американского военного психолога Пола Лайнбарджера, опубликовавшего еще в 1947 году обстоятельный труд «Психологическая война», в котором с легкой руки автора заявлялось, что «психологическая война стала признанным видом искусства... Психологическая война, конечно, является оружием, но это оружие, безусловно, самое гуманное». Чем подобная установка не стала одним из столпов стратегической культуры: война — искусство, а уж психологическая война — вершина гуманизма?!

П. Лайнбарджер особо указывал на необходимость привлечения философов для проведения пропагандистских операций «в условиях современной стратегии». Достаточно вспомнить, как этот перл «гуманной войны», «цивилизованного» подхода к конфликту воплотился в меморандуме ЦРУ США для Комитета психологической стратегии (13 марта 1953 г.) под назва-

² Cluzel F. du. Op. cit. P. 4.

³ Балановский В., Подъяконов В. От информационной безопасности к когнитивной — от неблагонадежности к созиданию // Системы безопасности : [сайт]. URL: <https://www.secuteck.ru/articles/ot-informacionnoj-bezopasnosti-k-kognitivnoj-ot-neblagonadezhnosti-k-sozidaniyu> (дата обращения: 03.03.2022).

нием «План психологического использования смерти Сталина» (и это спустя неделю после 5 марта!), в котором недвусмысленно указывалась психологическая оценка ситуации в Советском Союзе: «Давно предполагалось, что одна из наиболее обещающих возможностей достижения реального прогресса в направлении наших национальных целей по отношению к системе Советов могла появиться после смерти Сталина». В связи с этим план психологических операций должен быть составлен в контексте стратегической концепции и представлять, в частности, «советским людям и населению стран-сателлитов ясное и свежее видение американских целей, чтобы более тесно связать их интересы с нашими». А потому «еще более важным является решимость захватить и согласованно поддерживать инициативу путем психологических операций — творчески продуманных и впечатляюще исполненных. До того как мы завоюем сердца или получим влияние на интеллект наших мишеней (во второй части плана психологических операций советские люди стали именоваться мишенями! — *И. К.*), психологическая стратегия Соединенных Штатов должна захватить их воображение... осторожно внедряя в психологию отдельного человека представление об ослаблении эффективности системы»¹.

Все вышесказанное относительно когнитивной войны, когнитивных операций и намерений натовских научных доктринеров коллективного Запада вызывает к необходимости осуществления системы мер по обеспечению когнитивной безопасности как одного из важнейших разделов Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В ее последнем варианте (от 2 июля 2021 г.) впервые указывается на необходимость развития безопасного информационного пространства и защиты российского общества, особенно молодежи, от деструктивного информационно-психологического воздействия в контексте заявлений о необходимости защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей культуры и исторической памяти (ст. 25.4, 52, 86, 88, 93.4, 93.13). В дополнение стоит отметить, что 20 февраля 2023 года губернатор Санкт-Петербурга А. Д. Беглов утвердил Концепцию информационной безопасности исполнительных органов государственной безопасности Санкт-Петербурга. Это, пожалуй, первый опыт принятия документа подобного рода на региональном уровне в Российской Федерации. Проект данного документа был подготовлен рабочей группой из состава Научного совета по информатизации и связи при Правительстве Санкт-Петербурга. В данной концепции указаны основные задачи с целью обеспечения информационно-психологической и когнитивной безопасности, в частности (п. 2.2.5):

— проведение систематических научных исследований в целях создания перспективных информационно-психологических технологий и средств обеспечения информационно-психологической и когнитивной безопасности в ведущих научно-образовательных организациях и ИТ-предприятиях города;

— развитие кадрового потенциала в области обеспечения информационно-психологической и когнитивной безопасности и применения соответствующих информационных технологий;

— расширение подготовки специалистов по направлениям «Психология служебной деятельности» (уровень специалитета) и подготовка специалистов по новому направлению «Информационно-психологическая и когнитивная безопасность» в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга.

В п. 3.1.5 определены единые подходы к построению системы обеспечения информационно-психологической и когнитивной безопасности, которая является частью системы обеспечения как информационной, так и национальной безопасности Российской Федерации и строится на основе разграничения полномочий органов законодательной, исполнительной и судебной власти в данной сфере с учетом предметов ведения органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а к числу участников данной системы относятся средства массовой информации и массовых коммуникаций, организации, осуществляющие образовательную деятельность в данной области, общественные объединения и др.

И последнее. Решение всего комплекса проблем обеспечения когнитивной безопасности должно не ограничиваться апелляцией к сугубо технологическим наработкам, а основываться на фундаменте когнитивной науки, одним из создателей которой был американский психолог Дж. Миллер. В свою очередь, в структуре когнитивной науки основную мировоззренческую и методологическую функцию способна реализовать философия сознания, в эпицентре которой, несмотря на всю многоликость ее авторских интерпретаций, должна заключаться категория идеального, как ее определял Э. В. Ильенков. Главная трудность (потому и главная проблема философии) заключается, как утверждал он, в том, чтобы «разграничить мир коллективно исповедуемых представлений, то есть весь социально организованный мир духовной культуры со всеми устойчивыми и вещественно зафиксированными всеобщими схемами его структуры, его организации — и реальный, материальный мир, каким он существует вне и помимо его выражения в этих социально узаконенных формах „опыта“, в объективных формах „духа“. Вот здесь-то, и только здесь, различение „идеального“ от „реального“ („материального“) и приобретает серьезный научный смысл — и именно потому, что на практике массы людей то и дело путают одно с другим»².

Идеальное, идеальность возникает, рождается, оказывается продуктом общественных и межличностных отношений во всем их бесконечном многообразии. Идеальность имеет чисто социальную природу

¹ План США по использованию смерти Сталина в психологических операциях в различных странах мира. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80R01731R003300400008-8.pdf>. (см. также: План психологического использования смерти Сталина. Ч. 2. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/4812807.html>). См. подробнее: Кефели И. Ф. Когнитивная безопасность России: проблемы и решения (Идеология когнитивной безопасности) // Региональная информатика и информационная безопасность : сб. тр. юбил. XVIII С.-Петерб. междунар. конф. СПб., 2022. Вып. 11. С. 190–194.

² Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1. С. 41 ; *Он же*. Искусство и коммунистический идеал. Избранные статьи по философии и эстетике. М. : Искусство, 1984. С. 51–52.

и происхождение. Это форма вещи, но вне этой вещи и именно в деятельности человека, как форма этой деятельности. Эта идея тесно коррелирует с «психологической триадой» А. Н. Леонтьева, воплотившейся в его классической работе «Деятельность. Сознание. Личность».

Между тем по непонятным причинам проблема идеального (а отсюда — идеи, идеологии) незаметно ушла из философского, общенаучного и политического дискурса. Для категории «идеальное» не нашлось места ни в Большой российской энциклопедии, ни в специализированном Словаре философских терминов (М:

ИНФРА-М, 2007), а в Философском энциклопедическом словаре (2010) мы встречаем такой «шедевр»: «Идеальность — бытие как голая идея или представление, в противоположность реальности — бытию в объективной действительности». Категория «идеальное» — такая же фундаментальная в социально-философском осмыслении окружающего мира и человеческой жизнедеятельности, как и категории «материальное», «пространство», «время», «движение», «развитие». Каждая из них конкретизируется в исследованиях искусственного интеллекта, его места и роли в социуме и в технологиях обеспечения когнитивной безопасности.

Г. Кёхлер²

ФОРМИРУЮЩИЙСЯ МНОГОПОЛЯРНЫЙ БАЛАНС СИЛ ПРОТИВ ВЫСОКОМЕРИЯ РАСПАДАЮЩЕЙСЯ ИМПЕРИИ

Концепция и история мирового порядка

В дискурсах о международных отношениях «мировой порядок» понимается как в *описательном*, так и в *предписывающем* (нормативном) смысле. Смешение этих двух аспектов стало причиной многих актуальных полемик. В рамках данного анализа мы ограничимся первым, а именно рассмотрением фактических *отношений власти*, которые определяют и ограничивают глобальное взаимодействие государств. Порядок в таком контексте — и баланс сил, который он включает, — не является чем-то статичным. Он находится в состоянии постоянного изменения. В зависимости от исторического соотношения сил может существовать один, два или несколько центров власти. Пока что в эмпирическом плане мало что можно сказать о стабильности любой из этих конфигураций — однополярной (гегемонистской), биполярной или многополярной. Все зависит от неопределенного сочетания факторов исторической последовательности.

Хотя многосторонний порядок Меттерниха — Священный союз великих держав после 1815 года — обеспечил рамки относительной стабильности после на-

полеоновских потрясений², в конечном счете он уступил место безудержной борьбе за власть этих же стран, кульминацией которой стала Первая мировая война. Этот конфликт привел к довольно искусственной и хрупкой реорганизации международных отношений на основе приоритетов, установленных державами-победительницами.

И напротив, удивительная долговечность биполярного порядка после 1945 года была основана на *взаимном сдерживании* основных ядерных держав той эпохи, США и СССР, то есть на постоянном осознании ими жестокой истины «взаимно гарантированного уничтожения» (*mutually assured destruction* — MAD)³. Хотя это обстоятельство не прекратило своего влияния с распадом Советского Союза и упразднением Варшавского договора, биполярный порядок в конечном счете уступил место подавляющей экономической мощи и убедительности Соединенных Штатов Америки — нового гегемона.

Между тем стабильность образовавшегося однополярного соотношения сил оказалась довольно хрупкой и иллюзорной, несмотря на пропагандистский лозунг о конце истории⁴. Главным толчком к нестабильности стало растущее неприятие во всех уголках земного шара триумфаторских, фактически *имперских* претензий на власть. Такое развитие событий, описанное некоторыми наблюдателями со ссылкой на так называемый эффект отдачи⁵, представляется гораздо более *всеобъемлющим* и *многомерным*, чем трансформация гло-

¹ Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), Почетный профессор Университета Инсбрука, бывший председатель Института философии, доктор философии. Автор 40 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет Безопасности как исполнитель правосудия?», «Мировой порядок: видение и реальность» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида Непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета. Почетный профессор Университета Памуккале (Турция). Член консультационного совета Академии культурной дипломатии (Берлин, Германия).

² См.: *Sofka J. R.* Metternich's Theory of European Order: A Political Agenda for 'Perpetual Peace' // *The Review of Politics*. 1998. Winter. Vol. 60, № 1. P. 211–228.

³ Обзор см.: *Sokolski H. D.* Getting MAD: Nuclear Mutual Assured Destruction, its Origins and Practice / Strategic Studies Institute (SSI). Carlisle Barracks, PA : U. S. Army War College, 2004.

⁴ *Fukuyama F.* The End of History? // *The National Interest*. 1988. Summer. Vol. 16. P. 3–18; *Idem.* The End of History and the Last Man. L. : Hamish Hamilton, 1992.

⁵ Например: *Blowback J. C.* The Cost and Consequences of American Empire. N. Y. : Metropolitan Books, 2000.

бального соотношения сил по экономическим и (или) военным причинам.

В то время как многополярный порядок после Второй мировой войны был в основном обусловлен военными факторами, отражающими баланс сил между победителями в том конфликте¹, а биполярная система периода холодной войны увековечила этот тип соотношения сил в ходе эскалации гонки вооружений, сопровождаемой идеологическими формулировками, сегодня мир, похоже, находится на пути к новому, более подлинному многополярному соотношению сил. Постепенно развивающаяся многополярность отношений власти является *многомерной* и включает военные, экономические, социальные и культурные факторы. С точки зрения отношений власти многополярность будет устойчивой только в том случае, если она будет многомерной.

Несмотря на многочисленные торжественные провозглашения нового мирового порядка главным бенефициаром краха биполярного порядка², «избыток имперскости»³ после холодной войны сделал этот порядок неустойчивым. Быстрое технологическое и промышленное развитие незападного мира и, как следствие, расширение политических возможностей многочисленных игроков, усиленное и укрепленное глобализацией, стали непреднамеренным следствием, которое не было предусмотрено пропагандистами безграничного мира под эгидой США. Этот процесс представляется неостановимым, не в последнюю очередь благодаря закону *actio–reactio* (лат. «действие–противодействие»). — *Прим. перев.*), который распространяется также на экономические, социальные и культурные отношения.

Высокомерие распадающейся империи

Исторически переход от гегемонистского (однополярного) порядка к многополярному балансу сил редко бывает плавным. Защищая статус-кво, гегемон почти неизбежно склонен отрицать реальность, подавлять и игнорировать динамику отношений власти. Наиболее показательным примером является Стратегия национальной безопасности, провозглашенная президентом США Джорджем Бушем в 2002 году, согласно которой высшим ориентиром для вооруженных сил Соединенных Штатов должно быть построение и поддержание обороны страны «за пределами вызова»⁴. Это означало провозглашение стратегии *бессрочной гегемонии*⁵, при-

чем президент недвусмысленно заявил: «Могущество наших сил должно быть таково, чтобы потенциальные противники оставили всякие попытки наращивания военной мощи в надежде превзойти или сравняться с мощью Соединенных Штатов»⁶. В конечном счете это программа остановки истории. В действительности же это квинтэссенция геостратегического отрицания реальности в ключе ранее упомянутой парадигмы конца истории.

Менее чем за два десятилетия грандиозному (а фактически иллюзорному) представлению о неоспоримой гегемонии пришел конец. Исторически складывалось так, что встреча с реалиями власти и окончательное осознание неостановимости прогресса всегда оказывались травмирующими для доминирующего игрока. В силу оборонительного по своей природе характера имперского правления⁷ гегемон, чувствуя необходимость предупредить потенциальные угрозы в любой момент, особенно на пике власти, будет все чаще прибегать к *актам самоутверждения и самовосхваления*. (Император Адриан, который в зените Римской империи решил, как говорит пословица, «отступит от Вавилона», оказался редким исключением⁸.)

В современном глобальном сценарии самоутверждение часто означает чрезмерное и незаконное использование односторонних экономических санкций, включая их экстерриториальное применение, со стороны защитника (защитников) статус-кво⁹. В резолюции, принятой подавляющим большинством голосов, эта практика была решительно осуждена Советом по правам человека ООН на его последней сессии¹⁰. Кроме того, существует сложная взаимосвязь между этим, по сути, карательным подходом и самовосхвалением гегемонистской державы, которая высокомерно утверждает свои ценности по отношению к антагонистам или конкурентам за власть. Так называемый глобальный закон Магнитского США является тому примером¹¹. Призывы к демократии, соблюдению прав человека и верховенства закона (или, в современной западной терминологии, «порядку, основанному на правилах») были частью в конечном счете тщетных усилий по *делеги-*

⁶ The National Security Strategy of the United States of America.

⁷ Эта характеристика может показаться довольно противоречивой. На первый взгляд, гегемония подразумевает тенденцию к распространению власти и контроля на весь земной шар, что требует *наступательной* стратегии. Однако наступательный подход подразумевает, что страна-гегемон постоянно находится в обороне, чувствуя необходимость сдерживать ответные реакции других игроков и защищать статус-кво. Это и есть «оборонительная бдительность» гегемона.

⁸ Köchler H. MMXXII — War or Peace: Speeches and Thoughts in a Pivotal Year // Studies in International Relations. Vienna : International Progress Organization, 2023. Vol. XXXVIII. P. IX.

⁹ О юридических последствиях см.: Köchler H. Sanctions and International Law // International Organisations Research Journal. 2019. Vol. 14, № 3. P. 27–47 («Economic Sanctions, Global Governance and the Future of World Order»), 32ff («Unilateral sanctions»).

¹⁰ United Nations / General Assembly, Human Rights Council. Fifty-second session. Doc. A/HRC/52/L.18. 27 March 2023. «The negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights».

¹¹ Global Magnitsky Human Rights Accountability Act (GMA) : 114th Congress, Public Law 114–328, signed into law by President Barack Obama on December 23, 2016. См. также: Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA) : 115th Congress, Public Law 115–44, signed into law by President Donald Trump on 2 August 2017.

¹ Состав Совета Безопасности Организации Объединенных Наций с точки зрения постоянного членства отражает такое соотношение сил. Подробнее см.: Köchler G. Security Council Reform: A Requirement of International Democracy // Democracy at the United Nations: UN Reform in the Age of Globalisation / eds. by G. Finizio, E. Gallo. Brussels : P. I. E. Peter Lang, 2013. P. 263–274. (Ser. «Federalism» ; № 1).

² Подробнее см.: Köchler H. Democracy and the New World Order // Studies in International Relations. Vienna : International Progress Organization, 1993. Vol. XIX.

³ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y. : Random House, 1987.

⁴ The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. Washington, DC : The White House, 2002. Chapter IX.

⁵ О геостратегических последствиях см.: Gaddis J. L. A Grand Strategy of Transformation // Foreign Policy. 2002. Nov.–Dec. № 133. P. 50–57.

тимизации всех конкурентов, которые не придерживаются западной интерпретации этих понятий — с целью легитимизации гегемонистских притязаний Запада на власть.

Ложный универсализм, который почти требует, чтобы все одобрили западную интерпретацию, а фактически деконструкцию ценностей, связанных с семьей, социальной и культурной идентичностью и тому подобным¹, является частью колониального наследия западных держав. Он представляет собой новую форму *культурного империализма*, который полностью игнорирует глобальное разнообразие взглядов на мир и социокультурных ценностей — на разных стадиях их выражения — и вместо этого навязывает культурно-цивилизационное единообразие всем странам и народам². Папа Франциск справедливо неоднократно критиковал такой подход, как форма культурного колониализма, с помощью которого «западные страны стремятся навязать свои ценности развивающимся странам в обмен на финансовую помощь»³. Самовосхваление в сочетании с политическим и экономическим шантажом часто было характерно для арьергардных действий империй, находящихся в упадке.

Однако в сегодняшней глобальной реальности эти стратегии и политика могут вызвать ответную реакцию все большего числа народов и стран. Чрезмерное самовосхваление, направленное на сохранение доминирующего положения, на самом деле ускорит крах власти. Настаивать на бессрочном лидерстве — претендовать на статус глобальной парадигмы — всегда было иллюзорной стратегией. События, произошедшие после февраля 2022 года, являются наглядным подтверждением этого закона истории.

Риск глобальной нестабильности в условиях формирующегося многополярного порядка будущего

Если в первые два десятилетия после крушения биполярного баланса сил отставание геостратегических интересов новым гегемоном привело к войне и дестабилизации, особенно на Ближнем Востоке, что имело серьезные последствия для Европы, то последние события в Европе несут в себе риск более широкого геополитического противостояния, которое, по сути, разрастается до глобального масштаба. Холодная война биполярной эпохи возрождается в виде новой «холодной войны» между западным блоком, контролируе-

мым Соединенными Штатами, и Российской Федерацией. Прокси-война на Украине и вокруг нее привела к крайне нестабильной ситуации в мире⁴. В этом сценарии борьба за власть между основными конкурирующими силами современности (США, Россия, Китай) заслоняет собой постепенное возникновение новой многополярной конфигурации мира. Как учит нас история, пробная схватка среди множества действующих лиц, стремящихся сразу переломить исход в свою пользу, всегда грозит стать предвестником затяжной турбулентности. Кроме того, в ситуации крупной геополитической трансформации, а фактически — переоценки баланса сил после довольно бурной гегемонистской интермедии⁵, нельзя упускать из виду риски ядерной конфронтации⁶.

События 2022 года ускорили эволюцию глобального миропорядка в сторону нового многополярного соотношения сил, которое будет заметно отличаться от существовавшего сразу после окончания Второй мировой войны. Хотя это не смена эпох (*Zeitenwende*), диагностированная канцлером Германии, — несмотря на Устав ООН, канцлеровский порядок, основанный на правилах, не существовал или не соблюдался доминирующей западной державой в период до февраля 2022 года — тем не менее это будет «изменение погоды», в смысле не парадигмы, но смещения центра тяжести от западного индустриального мира к странам и регионам, с которыми в течение многих десятилетий Запад обращался довольно высокомерно.

Как и события в Европе, роль Китайской Народной Республики в качестве посредника в до сих пор не разрешенных спорах на Ближнем Востоке (Иран — Саудовская Аравия / прокси-война в Йемене) является знаменем времени. Бессрочное доминирование США в качестве могущественного посредника и мирового арбитра уже не является чем-то неоспоримым.

Элементы устойчивой многополярности

Как объяснялось ранее, для того чтобы новая многополярность была *подлинной*, она должна быть *устойчивой* с точки зрения ее *многомерности* и *всеобъемлющего характера*. Стабильный и подлинный многополярный порядок не может определяться исключительно фактическим военным балансом сил, но должен иметь прочные и надежные экономические основы. В связи с этим многое будет зависеть от формирования и прогресса новых моделей международного экономического сотрудничества как на региональном, так и на глобальном уровне. Примечательно, что по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, группа государств БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) уже имеет больший экономический вес, чем G7⁷.

⁴ Подробнее см.: Köchler H. MMXXII — War or Peace. P. 113–140.

⁵ Здесь имеются в виду неоднократные агрессивные войны, акты интервенции и применение экономического принуждения со стороны мирового гегемона после 1990 года.

⁶ См.: Köchler H. Politics of Peace in the Nuclear Age // Current Concerns. 2022. 11 Oct. № 21. P. 1–3.

⁷ Подробнее см.: Heng Weili. BRICS' GDP, potential currency a challenge to US dollar dominance // China Daily Global. 2023. 14 Apr.

¹ См.: Köchler H. Human Rights and Global Power Politics : Statement delivered at side meeting of the 51st session of the United Nations Council on Human Rights. Geneva (CH) / Changchun (China), 19 September 2022. Vienna : International Progress Organization, 2022 // International Progress Organization : [сайт]. URL: <http://i-p-o.org/Koehler-HUMANRIGHTS-GLOBAL-POWER-POLITICS-UNCHR-Side-Meeting-19Sept2022.pdf>

² О природе культурного империализма см.: Köchler H. Culture and Empire: The Imperial Claim to Cultural Supremacy versus the Dialectics of Cultural Identity. Vienna : International Progress Organization, 2009 // International Progress Organization : [сайт]. URL: http://i-p-o.org/Koehler-Culture_and_Empire-IPO-OP-2009.htm

³ Pope Francis criticises West for trying to export own brand of democracy to Iraq and Libya // Reuters. Faithworld. 2016. 18 May. URL: <https://www.reuters.com/article/instant-article/idUK415642318520160518>.

Это направление должно быть дополнено альтернативными финансовыми механизмами, направленными на создание противовеса доминированию доллара США, который в последние несколько десятилетий почти *системно* использовался в целях проведения силовой политики США, а именно как инструмент для обеспечения односторонних принудительных мер, в частности для их экстерриториального применения. Нет никакой логики в том, чтобы настаивать на использовании валюты конкретной страны в качестве единственного средства международных сделок, особенно учитывая, что глобальное влияние этой страны постепенно ослабевает, а она неистово цепляется за эту неустойчивую привилегию, злоупотребляя ею, чтобы сохранить свою гегемонию. Созданный странами БРИКС Новый банк развития со штаб-квартирой в Шанхае, возглавляемый Дилмой Русеф, бывшим президентом Бразилии, является важным шагом в направлении создания альтернативных финансовых структур. По словам президента Бразилии Лулы, «почему такой институт, как банк БРИКС, не может иметь валюту для финансирования торговых отношений между Бразилией и Китаем, между Бразилией и всеми другими странами БРИКС?»¹.

Другими столпами новой многополярной архитектуры могут стать организации с региональными перспективами, такие как Шанхайская организация сотрудничества (SCO) с ее многомерным фокусом на обороне, международной безопасности и экономике или Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПР) при условии, что последняя организация не станет жертвой стратегии «*divide et impera*» (лат. «Разделяй и властвуй»). — *Прим. перев.*, если внешнее действующее лицо воспользуется напряженностью между прозападными членами соглашения и Китаем, который подал заявку на членство в группе в 2021 году².

Кроме того, прочный многополярный порядок должен будет отказаться от *глобальной культурной гегемонии* — наследия однополярного периода, последовавшего за внезапным прекращением действия биполярного баланса сил. Многомерность нового многополярного порядка должна включать сферы *идеологии* (Weltbild), а также *информации* и *коммуникации*. При таком порядке ни одна страна (и уж точно не бывший гегемон) не должна претендовать на лидерство в определении глобальных стандартов прав человека или верховенства права. Не может быть многополярности на основе культурного или идеологического единообразия. Нельзя смотреть на мир исключительно глазами Запада³, который является лишь одним из нескольких полюсов в формирующемся глобальном соотношении сил.

Ввиду новой многополярной динамики следует также вернуться к концепциям нового международно-

го экономического порядка и нового международного информационно-коммуникационного порядка, от которых поспешно отказались в 1980-х годах под давлением Запада⁴. Информационный бойкот и систематическая цензура западным блоком новостей из России и Ирана (это лишь два наиболее ярких примера) еще раз подчеркнули необходимость подлинной многополярности в области глобальной информации. Самым последним, действительно классическим примером дезинформации и гибридной войны стало освещение или, напротив, отсутствие освещения западными СМИ саботажа газопровода «Северный поток» в Европе.

С точки зрения зарождающегося нового порядка важным является вопрос о практике международного уголовного правосудия, зародившейся во время однополярного промежуточного периода 1990-х годов и представленной рядом произвольных, несбалансированных и дисфункциональных специальных соглашений или органов, которые никоим образом не отражают мнение международного сообщества⁵. Подлинный и стабильный многополярный баланс сил требует уважения *суверенного* равенства всех государств (выраженного в Уставе ООН) на основе *взаимности*. Это исключает любую институциональную структуру международного уголовного правосудия, которая не обладает универсальностью членства и как таковая рискует стать объектом манипуляций со стороны влиятельных субъектов внутри и вне этой структуры⁶. Мирный многополярный порядок не может сосуществовать с политизированной системой фальшивой международной юрисдикции. Несовпадение парадигм — суверенное равенство государств против универсальной и абсолютной власти должностных лиц невыборного органа без какой-либо демократической легитимации — показывает эту несовместимость. Возникающая при этом путаница способствует оппортунистическому использованию уголовного правосудия и является рецептом для постоянного напряжения и конфликта между государствами⁷.

Выводы. Суверенитет и баланс сил

Чтобы новый многополярный порядок был прочным и устойчивым, он должен основываться на *взаимном* признании суверенитета. В содержательном смысле это понятие относится не только к правовой, но и к военной, экономической и культурной сферам. *Формальное* право (голоса) государств в международ-

⁴ Подробнее см.: The New International Economic Order: Philosophical and Socio-cultural Implications : Studies in International Relations / ed. by H. Köchler. Guildford (England) : Guildford Educational Press, 1980. Vol. III ; The New International Information and Communication Order: Basis for Cultural Dialogue and Peaceful Coexistence among Nations : Studies in International Relations / ed. by H. Köchler. Vienna : Braumüller, 1985. Vol. X.

⁵ См.: Köchler H. Law and Politics in the Global Order: The Problems and Pitfalls of Universal Jurisdiction // International Conference on the Emerging Trends in International Criminal Jurisprudence : Souvenir & Conference Papers (New Delhi, 10–11 December 2005). New Delhi : Indian Society of International Law, 2005. P. 28–30.

⁶ Ср.: Köchler H. Global Justice or Global Revenge? International Criminal Justice at the Crossroads. Vienna ; N. Y. : Springer, 2004.

⁷ О системных проблемах международного уголовного правосудия в контексте политики власти см. также: Köchler H. Justice and Realpolitik: The Predicament of the International Criminal Court // Chinese Journal of International Law. 2017. Vol. 16, iss. 1. P. 1–9.

¹ Heng Weili. Op. cit.

² В 2017 году США вышли из предшествующего соглашения ТРП (Транстихоокеанское партнерство).

³ См. статью «Коммуникация — ключ к миру» (Communication — the key word to peace // Cyprus Mail. 1984. 27 Oct. P. 3), комментирующую встречу экспертов, созданных Международной организацией прогресса по вопросам нового международного информационно-коммуникационного порядка.

ных организациях абстрактно и поверхностно, если большинство государств в конечном счете находится во власти влиятельных игроков, способных навязать свой выбор методами, которые фактически равносильны шантажу¹.

Только в условиях подлинного многополярного соотношения сил небольшие и средние державы могут восстановить и сохранить свою способность принимать решения в качестве *равноправных* членов международного сообщества, что предусмотрено Уставом ООН⁴. Только конфигурация, в которой несколько центров силы сдерживают друг друга, обеспечит достаточное пространство для принятия решений не крупными государствами без запугивания или страха. Только это поможет им избежать ловушки *divide et impera*, которую часто расставляет гегемон, стремя-

щийся к господству любой ценой. Отчаянные попытки доминирующего западного игрока извлечь выгоду из такой макиавеллистской тактики даже по отношению к таким крупным державам, как Китай или Индия², являются лишь последним и наиболее очевидным признаком того, что трансформация в направлении многополярной глобальной конфигурации идет полным ходом.

В формирующейся конфигурации ни одна страна не может претендовать на статус парадигмы. Высокомерное миссионерское наставление на культурном и идеологическом превосходстве, используемое как основание для требования повиноваться и легитимации принудительных действий в любой точке земного шара, — это оружие, которое уже затупилось и не сможет предотвратить неизбежное.

А. В. Костина³

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В условиях экзистенциальной войны, которая ведется коллективным Западом против России, многое осмысливается по-новому, в том числе ценностные основания существования человека. Наиболее интенсивно эти процессы осуществляются в странах, задающих парадигму современного геополитического развития, и отражаются в документах стратегического планирования данных стран, где определяются не только их цели и задачи, но и аксиологические основания их реализации. Ценности и метафизические образы мира, стоящие за ними, в современную эпоху приобретают особое значение, и именно ценностные миры сегодня становятся основной целью противника, а их защита — условием победы в концентрированных и информационных войнах.

Приверженность традиционным ценностям присуща таким странам с многовековой историей, как Россия и Китай. Значимость традиционных ценностей для

России отражается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 и 2021 годов⁴, Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 года⁵, где среди базовых ценностей определены защита жизни, прав и свобод человека, семья, труд, справедливость, историческое единство народов России, преемственность истории, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу.

В Китае положения, связанные с национальной безопасностью страны, определяют содержание решений съездов, постановлений пленумов Коммунистической партии и Центральной военной комиссии ЦК КПК, документов Центрального военного совета и Государственного совета КНР, а также открытых для широкой общественности Закона о национальной безопасности и Белой книги «Национальная оборона Китайской Народной Республики»⁶. В документах фиксируется, что «ориентация КНР в вопросах национальной безопасности на традиционные цивилизационные ценности будет приносить... успех как внутри континентального Китая, так и в формате всемирной китайской „ойкумены“»⁷.

¹ Статья 2(1) утверждает суверенное равенство государств как основополагающий принцип Организации Объединенных Наций.

² Одновременное членство Индии в БРИКС и альянсе Quad (Четырехсторонний диалог по безопасности между Австралией, Индией, Японией и США) иллюстрирует эту проблему.

³ Проректор по научной, воспитательной и международной деятельности Московского гуманитарного университета, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор. Автор 376 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Культура как фактор национальной безопасности современной России: Значение и ролевая модель» (в соавт.), «Россия: путь к будущему. Технологии формирования нового общества», «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса» (в соавт.), «Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики», «Национальная культура — этническая культура — массовая культура: „баланс интересов“ в современном обществе», «Теоретические проблемы современной культуры: идеи, концепции, методы исследования» и др. Главный редактор журнала «Ученый совет», член редколлегии журналов «Знание. Понимание. Умение», «Культура и цивилизация», «Контекст и рефлексия: Философия о мире и человеке», Politbook. Награждена Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ.

⁴ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 08.01.2023); Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ Концепция национальной безопасности КНР. URL: https://studref.com/566103/politologiya/kontseptsiya_natsionalnoy_bezopasnosti (дата обращения: 08.01.2023).

⁷ Новая концепция национальной безопасности Китая как выражение системы трансформирующихся культурно-цивилизаци-

Обратим внимание, что в базовых документах, определяющих безопасность и национальный суверенитет России и Китая, сделан акцент именно на традиционность базовых ценностей. Это не только подчеркивает значимость самих государств в мировой истории, но и свидетельствует об актуальности этих ценностей и сегодня. Конечно, ценностные системы, несмотря на их относительную инертность, по крайней мере в рамках одного поколения, все же существенно меняются — как под влиянием объективных факторов, например технологического прогресса, так и при целенаправленном воздействии, осуществляемом через системы образования, СМИ, массовой культуры. Несмотря на интенсивность подобного воздействия на сознание россиян в постсоветский период, которое, безусловно, привело к трансформации их ценностной системы, его базовые матрицы и установления проявили устойчивость, что отражают данные социологических исследований.

Одной из ключевых в рамках отечественной культуры является ценность семьи — она напрямую связана с такими понятиями, как «историческая память» и «преемственность поколений». Среди терминальных ценностей, то есть отражающих желаемые социальные отношения, ценность семьи в 1990 году составила 61 %, в 1994-м — 69,3 %, в 1998-м — 66,8 %, в 2002-м — 72,8 %. В 2010 году «семья в иерархии ценностных представлений россиян занимала первое место по максимальному ранговому значению в пятибалльной шкале (77,7 %) вместе с такими ценностями, как дети (74,9 %) и здоровье (73,4 %)»¹. Согласно данным исследования 2022 года, в структуре ценностных ориентаций современной российской молодежи первое место по значимости занимают именно семейные ценности: «97 % назвали важными здоровье членов семьи и ее безопасность, 96 % — отношения в семье, 95 % — материальное положение семьи»². При этом значимость самой ценности традиции не только не утрачена, но существенно повысилась — так, в 1990 году ценность традиции выделяли 41,5 %, в 2002-м — 45,3 %³, в 2016-м — 58 %⁴.

Ценности, которые определяются США как базовые, рассматриваются ими в качестве универсальных, отражающих «всеобщие ценности». Это отмечается в Стратегии национальной безопасности США 2015 и 2017 годов, в последней из которых акцентирует-

онных ценностей в условиях глобализации // Восток : [портал]. URL: <https://www.portal-vostok.ru/index.php/kitaj/sovremennost/53-povaya-kontseptsiya-natsionalnoj-bezopasnosti-kitaya-kak-vyrazhenie-sistemy-transformiruyushchikhsya-kulturno-tsivilizatsionnykh-tsennostey-v-usloviyakh-globalizatsii> (дата обращения: 08.01.2023).

¹ Цит. по: *Зыбуновская Н. В.* Ценность семьи в массовом сознании россиян (социологический анализ) // Социология власти. 2012. № 1. С. 66–72.

² Российская молодежь рассказала о своих ценностях и приоритетах // Санкт-Петербургские ведомости. URL: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/rossiyskaya-molodezh-rasskazala-o-svoikh-tsennostyakh-i-prioritetakh/ (дата обращения: 08.01.2023).

³ *Лапин Н. И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России. Результаты мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» (1990–2002 гг.) // Мир России. Социология. Этнология. 2003. № 4. С. 120–159.

⁴ Цит. по: *Зыбуновская Н. В.* Указ. соч.

ся, что Россия и Китай вместе «стремятся формировать мир, который противоречит американским ценностям и интересам»⁵. В Стратегии 2022 года цели США в отношении России определены еще более прямолинейно — это ограничение «стратегических секторов экономики России, включая оборону и аэрокосмическую отрасль, и... продолжение противодействия... России»⁶.

Среди «всеобщих ценностей», которые США намерены отстаивать повсеместно, кроме либерализма и демократии, названы права сексуальных меньшинств («лесбиянок, гомосексуалистов, бисексуалов и трансгендеров»)⁷. Защита этих групп в 2011 году Б. Обамой была объявлена приоритетом внешней политики США⁸. Конечно, определение ценностей в рамках США — это сфера компетенции только данной страны. Однако признание прав сексуальных меньшинств в качестве универсальной ценности, безусловно, противоречит реальным императивам незападных стран — России, Индии, Китая, стран Ближнего Востока, Азии, Африки и Латинской Америки.

Вместе с тем в Америке и Европе с определенного периода проводится целенаправленная политика дискредитации традиционных ценностей, в том числе ценности семьи, что привело к ее девальвации и фактическому упразднению. Первым шагом в этом направлении стал доклад Госдепартамента США 1959 года, где была озвучена идея о необходимости регуляции народонаселения. Этот тезис был конкретизирован в меморандуме, где содержались призывы к мерам «регулируемости рождаемости, среди которых числились стерилизация, аборт, сокращение социальной поддержки материнства, а также поощрение роста гомосексуализма»⁹. Для продвижения гомосексуального образа жизни как нормального поведения гомосексуализм после трехлетнего давления на Американскую психиатрическую ассоциацию (АПА) был исключен из списка психиатрических заболеваний. В 2021 году президентом Д. Байденом был подписан указ о защите и продвижении прав ЛГБТ-сообщества по всему миру — в пресс-релизе Белого дома говорится о том, что Америка «демонстрирует лидерство в области прав человека, усиливая защи-

⁵ *Савин Л.* Что нового в новой Стратегии национальной безопасности США // ПравдИнформ : [сайт]. URL: <http://trueinform.ru/modules.php?name=Laid&file=article&sid=20617> (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ «Россия — угроза, Китай — конкурент»: основные тезисы Стратегии нацбезопасности США // Военное обозрение. Аналитика. URL: <https://topwar.ru/203900-rossija-ugroza-kitaj-konkurent-osnovnye-tezisy-strategii-nacionalnoj-bezopasnosti-ssha-v-kontekstevnesnepoliticheskikh-planov-vashingtona.html> (дата обращения: 08.01.2023).

⁷ Стратегия национальной безопасности США 2015 г., раздел 4. Ценности // Российский правовой портал. Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=17992> (дата обращения: 08.01.2023).

⁸ Обама объявил защиту прав сексуальных меньшинств приоритетом внешней политики США // ИнтерФакс. 2011. 7 дек. URL: <https://www.interfax.ru/russia/220625> (дата обращения: 08.01.2023).

⁹ *Юмашева И.* Семейные ценности как ключевой механизм «мягкой силы» России. // Парламентская газета. 2021. 11 июня. URL: <https://www.pnp.ru/columnists/semeynye-tsennosti-kak-kluychevoy-mekhanizm-myagkoy-sily-rossii.html> (дата обращения: 08.01.2023).

ту наиболее уязвимых категорий, в том числе ЛГБТ-сообщества»¹.

Для России пропаганда ЛГБТ является неприемлемой. Именно поэтому Россия не подписала Стамбульскую конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (2011). В конвенции наряду с благими целями содержится понятие «гендерное равенство», которое, однако, не сводится к привычным отношениям двух полов, но распространяется на «социально сконструированные роли, модели поведения, действия и атрибуты, которые данное общество считает подходящими для женщин и мужчин»². По этой же причине Турция, первая ратифицировавшая конвенцию, в 2021 году вышла из нее. Согласно официальному заявлению, «конвенция, первоначально предназначенная для защиты прав женщин, была присвоена группой людей, пытающихся нормализовать гомосексуализм, что несовместимо с социальными и семейными ценностями Турции»³.

В России аналогичная позиция также связана как с традициями и религиозными установлениями, так и с интересами национальной безопасности, где депопуляция является одной из наиболее существенных угроз. Сохранение и укрепление таких традиционных ценностей, как семья и дети, положительно сказывается на духовном здоровье нации, поддержание которого — одна из первоочередных задач России.

Традиционные ценности — это основа незападных цивилизаций. И они принципиально чужды США, что объяснимо — традиции сохраняются только там, где есть их носители. В Америке же ее колонизация унесла, по разным оценкам, до 14 млн человек — представителей коренного населения⁴. Параллельно шло разрушение «традиционного типа хозяйствования, его сакрального обоснования, традиций и верований, языка, традиционной культурной деятельности, а также принудительная ассимиляция»⁵ индейцев. Аналогичный урон был нанесен культуре чернокожих африканцев, перемещенных в Америку из Африки, — их число оценивается примерно в 12 млн человек⁶. Несмотря на то что институт рабства в США был отменен президентом Авраамом Линкольном в 1862 году, официально документ не был ратифицирован примерно четвертью штатов —

¹ Байден подписал указы о «восстановлении роли США в мировом сообществе» // Новости стран Центральной Азии. URL: <https://central-asia.news/kirgiziya/politika-kirgiziya/baiden-podpisal-ukazy-o-vosstanovlenii-rol-i-ssha-v-mirovom-soobshestve> (дата обращения: 08.01.2023).

² Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием от 11 мая 2011 г. URL: <https://doccoe.home.blog/coe210/> (дата обращения: 08.01.2023).

³ В Турции объяснили выход из Стамбульской конвенции по защите прав женщин // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210321/turtsiya-1602231081.html> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ Геноцид коренного населения Америки в США // Namta.ru: [сайт]. URL: <https://namtaru.ru/genotsid/item/254-genotsid-korenno-go-naseleniya-ameriki-v-ssha.html> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Там же.

⁶ Lovejoy P. E. The Impact of the Atlantic Slave Trade on Africa: A Review of the Literature // Journal of African History. 1989. Vol. 30. P. 368.

последним это сделал штат Миссисипи всего 10 лет назад(!), в 2013 году⁷.

Именно поэтому традиционные ценности не входят в аксиологический арсенал США. Что же касается ценностей либерализма и демократии, то они не включены в систему ценностей конфуцианского, индуистского, буддистского, исламского миров. Различаются ценности США и ценности России. И сегодня очевидно, что границы между ценностными системами становятся линиями цивилизационных разломов⁸.

Это определяется тем, что ценности выступают как смыслы и значения, разделяемые большинством членов общества и являющиеся метафизическим фундаментом той или иной культуры. И если для России наибольшей актуальностью обладают традиционные ценности, то для США — проблемы, поднимаемые в рамках так называемой новой этики — доминирующего западного дискурса.

Сама философия «новой этики» развивает основные принципы философии толерантности — как парадигмы, направленной на принятие групповых и индивидуальных различий (от этнических до культурных) как нормальных, не подлежащих давлению. Однако «новая этика» продвигается дальше — она предполагает принятие этих разнообразных проявлений в качестве единственно возможных, а всех иных — пусть и доминирующих — в качестве порицаемых. При этом постулируется, что «новая этика» выступает как противостоящая «тирании большинства» и снимающая эту «тиранию» через собственные предписания и введение в ее рамках различных запретов, «за нарушение которых предполагаются санкции, иногда и очень жесткие»⁹.

Можно усмотреть определенную преемственность принципов новой этики по отношению к принципам мультикультурализма. Это направление, нашедшее отражение и в социокультурных практиках, и в их теоретическом обосновании, по существу, отражает стремление этнических и иных культурных меньшинств как «дискриминируемых» групп к обоснованию своего права на получение определенных привилегий. При этом основной проблемой современной западной демократии становится нахождение верного соотношения между этнокультурной самобытностью и правовыми нормами; между правами меньшинств, которые необходимо поддерживать, и правами большинства, соответствующими принципу равенства всех граждан. С. Бенхабиб, автор известного исследования о мультикультурализме, показывает, что «дискурс меньшинств» постепенно стал доминирующим, превратив таким образом социальные группы, находящиеся в большинстве, в дискриминируемые — не из-за какой-либо их

⁷ В штате Миссисипи отменили рабство // Lenta.RU. URL: <https://lenta.ru/news/2013/02/19/mississippi> (дата обращения: 02.01.2023).

⁸ Национальная военная стратегия США 2015 // Арсенал Отечества. 2015. № 4 (18). URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/619-usa-strategy-2015> (дата обращения: 02.01.2023).

⁹ Сысоев Т. Философ Артемий Магун: «Новая этика» — это не про культурность, а про «новую моральную аллергию», которая пришла к нам из США // Культура: [сайт]. 2021. 26 февр. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/world/331659-filosof-artemiy-magun-novaya-etika-eto-ne-pro-kulturnost-a-pro-novuyu-moralnyuyu-allergiyu-kotoraya-p/> (дата обращения: 04.04.2023).

негативной социальной активности, но только лишь из-за их «доминантного» положения.

Конечно, и философия толерантности, и философия мультикультурализма стали порождением своего времени, отразив борьбу с теми социальными процессами, которые характеризуют развитие американской законодательной сферы и общественной мысли в течение примерно трех десятилетий XX–XXI веков и воплощают реальные и сложные проблемы, порожденные политикой США в период колонизации Америки. Сегодня эти проблемы нашли свое предельное выражение в рамках движения Black Lives Matter. Признавая значимость этого общественного движения¹, направленного против расизма и полицейского насилия против афроамериканцев, вместе с тем отметим, что в некоторых ритуалах, нацеленных на осознание белыми американцами своих привилегий, проявляются черты не демократии и равенства прав, но, напротив, такой же дискриминации, только по отношению к белым².

Те же принципы прослеживаются и в философии «новой этики», где, как отметил режиссер К. Богомолов, «этическая чистота пришла на смену расовой чистоте», где этическое прошлое каждого индивида «исследуется под микроскопом» на предмет наличия «харассмента, абьюза или просто высказывания, не соответствующего новой системе ценностей»³.

Отметим, что подобная критика «новой этики» осуществляется с позиции не традиционных ценностей, а ценностей вполне западных — либерализма и демократии, которые утрачивают свою всеобщность и приспособляются под требования даже не столько определенных социальных групп, сколько политических сил, за ними стоящих.

* * *

Очевидно, что все формы культуры являются исторически опосредованными и их содержание соответствует содержанию той эпохи, в границах которой они развиваются. Это касается и морали, которая выступает объектом исследования этики как практической философии, и самой этики — но в качестве не самосознания морали, а ценностного, «морального» сознания. И мораль, и этика отражают те общественные доминанты, которые порождаются конкретными историческими условиями. И в этом смысле признать за «новой этикой» ее особое значение в качестве дискурса, связанного с фиксацией и отражением ресантиментного сознания и виктимности, можно, только принимая эту парадигму как исторически обусловленного феномена, порожденного социальным развитием американского общества, но никак не в качестве универсальной концепции, которую можно рассматривать как некую альтернативу отечественной аксиологии. Хотя сама идея противостояния идеологии империализма, колониализма, расизма, безусловно, достойна поддержки, но представляется, что это проблемы, скорее, того общества, где подобная идеология имеет распространение.

В настоящее время в ситуации противостояния с коллективным Западом традиционные российские ценности должны стать предметом особой заботы и защиты. Именно против этих смыслов и значений, которые составляют основу российской государственности, ведется война в информационной и гуманитарной сферах. Поэтому сегодня чрезвычайно важно сохранить отечественную культуру во всей полноте ее ценностных значений, которые определяют образ России как страны, способной отстоять и свою историю, и свой образ будущего, и свое суверенное право на его воплощение.

¹ О наличии у афроамериканцев сильнейшей психологической травмы, связанной с рабством, свидетельствуют и многочисленные исследования. Некоторые из афроамериканцев сами говорят об этом так: «Нет никаких сомнений в том, что мы, черные, в этой стране двести лет назад имели меньше [свободы], чем мы имеем сейчас. Но разве мы по-настоящему свободны? Я так не думаю. Свободно ли наше мышление от памяти о порабощении? Нет. „Раб“ все еще воздействует на наше общество... Я думаю, что ментально, не физически, черные здесь все еще „порабощенные“, все еще не имеют своего громкого голоса, который был бы слышен» (Бондаренко Д. М. «Вперед в прошлое»: память о работорговле и взаимоотношения между африкано-американцами и мигрантами из Африки в США // Новое прошлое. The New Past. 2016. № 1. С. 45).

² В этих ритуалах их участники делают «шаг вперед за каждую привилегию (...за белый цвет кожи... за мужской пол... за гетеросексуальность... и т. д.) и шаг назад за каждую отсутствующую привилегию. И только если участники признают свою вину, они могут быть приняты в ряды антирасистов» (Афанасьева Н. Тоталитарна ли «новая этика»? Обсуждают философ и социолог // Афиша Daily : [сайт]. 2021. 19 февр. URL: <https://daily.afisha.ru/infoporn/18867-totalitarna-li-novaya-etika-obsuzhdayut-filosof-i-sociolog/>).

³ Манифест Константина Богомолова «Похищение Европы 2.0» // Новая газета. 2021. 21 февр. URL: <https://introvertum.com/manifest-konstantina-bogomolova-pohishhenie-evropy-2-0-polnyj-tekst/> (дата обращения: 04.04.2023).

Е. И. Макаров¹

ПРОФСОЮЗНЫЙ ФОРУМ БРИКС — ДЕСЯТЬ ЛЕТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОВОГО ТИПА

Обсуждение проблемы перехода от однополярности к многополярности с позиций профессиональных союзов может показаться пустой тратой времени, так как российская профсоюзная система уже более ста лет стоит на прочном, проверенном практикой фундаменте. Можно сказать, она осталась традиционной, закостенела, что и позволяет ей выживать в сложные периоды перемен. Независимо от нескольких революций и других драматических трансформаций нашего общества элементы профсоюзной системы, иерархия и способы взаимодействия ее частей остаются почти неизменными. Организационный фундамент и процедурный порядок многократно повторен и законодательно закреплён в более чем двух сотнях внутренних документов, регламентирующих жизнь профсоюзов, отношения с внешними участниками и со своими членами. Более того, законодательство России прямо требует от профсоюзов соблюдения норм, изложенных в уставах, предписывает обеспечивать строгость процедур голосования и механизмов поддержания внутренней демократии. Безусловно, в профсоюзах есть пространство для дискуссий и возможен выбор вариаций демократии: одни выдвигают идеи большего централизма, другие профсоюзы выстраивают разветвленные и жесткие иерархии, а третьи организации предпочитают более свободный регламент работы. Вместе с тем каркас, основные принципы и формы работы остаются относительно стабильными и общими для всех организаций.

Эти рассуждения актуальны не только для российских профсоюзов, они успешно применяются с разной степенью схожести в Европе, Америке, а также в профсоюзах Японии, Южной Кореи и других стран, лежащих за пределами англосаксонской традиции.

Различные международные организации профсоюзов построены по таким же лекалам. Международная конфедерация профсоюзов (МКП), Европейская конфедерация профсоюзов (ЕКП), Всеобщая конфедерация профсоюзов (ВКП) и другие придерживаются таких же подходов, в основе которых лежат картезианское мировоззрение, рационализм, редукционизм и другие

основополагающие философские идеи, порожденные эпохами Возрождения и Нового времени, одобренные идеалами свободы, равенства, братства.

Не вызывает сомнений, что форматы межгосударственных двух- и многосторонних отношений и организаций, в основном построенных в XX веке, также содержат черты, о которых сказано выше. Генеральная Ассамблея ООН, Совет Безопасности ООН с идеологической, процедурной и формальной сторон реализуют сходные принципы. То же относится к неформальным собраниям лидеров стран в форматах G7 или G20. Да и как может быть иначе, если традиционная дипломатия с набором теоретических постулатов, ценностей, правил и моральных норм формировалась под сильным европейским влиянием и, получив мощный толчок после окончания Первой мировой войны, оставалась в том же интеллектуальном русле весь последующий период.

Создание в 2006 году БРИКС ознаменовало появление новой философии отношений между государствами. Заметная особенность этого объединения в том, что государства-члены в основном не имеют общих границ, расположены на удаленных континентах. По большому счету они имеют больше отличий, чем общих черт. Примечательным является тот факт, что в основу этого объединения легли общие интересы входящих в него стран-участниц и сходные взгляды на мироустройство, во многом продиктованные несовершенством и недовольством сложившейся моделью международных отношений.

Наиболее сложными для понимания и реализации выглядят заложенные в БРИКС организационные формы и процедурные правила, а также механизмы принятия решений, заметно отличающиеся от привычных, о чем будет подробнее сказано ниже. Не углубляясь в историю объединения БРИКС, замечу, что, несмотря на периодические предсказания его конца и кажущуюся невысокую эффективность (в традиционной системе координат оценки подобных проектов) за 17 лет, прошедших со времени его создания, БРИКС привлекает к себе все больше сторонников и потенциальных участников.

Важно объяснить, какое отношение все вышеизложенное имеет к профсоюзному движению. С того момента, когда в 2012 году во время проходившего в Москве очередного мероприятия в рамках Международной организации труда крупнейшими национальными профцентрами стран — членов БРИКС была подписана Декларация о создании Профсоюзного форума БРИКС и установлены принципы его работы, взаимодействие между членами этого Форума приобрело системный и долгосрочный характер.

За эти годы прошло одиннадцать пленарных заседаний Форума, рассмотрен широкий спектр вопросов, интересующих профсоюзы, приняты и осуществляются совместные решения. Участники Профсоюзного

¹ Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (с 2012 г.), вице-президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, национальный профсоюзный координатор БРИКС, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП. Председатель Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области (1991–2000). Заместитель (2000–2004), помощник (2004–2012) полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. Автор ряда публикаций по профсоюзной проблематике, тематике социально-трудовых отношений и конфликтов, в т. ч.: «Трудовые отношения и профессиональные союзы», «Трудовые конфликты. История, теория, методы мониторинга», «Самозанятость в Российской Федерации. Социально-экономические и юридико-правовые аспекты по итогам 2019–2021 годов» (в соавт.), «Самозанятость в России. Преимущества и недостатки, выявленные в ходе эксперимента по введению налога на профессиональный доход в 2018–2020 годах» и др. Действительный государственный советник 2-го класса в отставке. Почетный профессор СПбГУП.

форума БРИКС намерены продолжать взаимодействие в этом формате и считают его полезным и продуктивным.

Вместе с тем за фасадом Профсоюзного форума БРИКС кроются довольно значительные проблемы, возникшие на почве исключительной новизны отношений внутри этого формата и из-за сложности перехода от общепринятой системы принятия решений к новой, построенной на иных началах.

Здесь потребуется небольшое отступление. Мне, как заместителю председателя ФНПР, было поручено заниматься подготовкой пленарного заседания Профсоюзного форума БРИКС в 2014 году, впервые проводившегося в России. Это решение принималось с учетом того, что в 1991–2000 годах мне пришлось выступать в роли координатора международных связей Северо-Западного региона России с европейским зарубежьем. Это был период глубокой, всесторонней трансформации российского профсоюзного движения от модели «приводного ремня» (передача целей и задач от КПСС к трудящимся) к модели независимой федерации отраслевых и территориальных организаций профсоюзов (с собственными процедурами выработки, принятия и реализации решений на основе мнения организаций-членов). Необходимо было найти методы и инструменты для решения задач практически во всех сферах профсоюзной жизни, которые позволяли бы осуществить переход с минимальными потерями. Эти задачи удалось решить, хотя потери оказались больше, чем ожидалось.

Метод переноса готовых решений, который тогда широко применялся для поиска ответов на вопросы организации жизни «по-новому», был основан на представлении, что наше общество «не туда заплыло», что трудящиеся массы оказались оболванены несбыточной мечтой «коммунистического завтра», оказались у пустых полок в магазинах и без средств к существованию, в то время как карликовые соседние и большие далекие государства, двигаясь в русле капиталистической системы, жили намного лучше и сытнее. Не стану критиковать прошлое, скорее всего, в тот период выбор вариантов развития был невелик и под давлением обстоятельств общество и его руководящая (элитная) часть выбрали тот путь, который мы все прошли. Он привел как к отрицательным, так и к положительным результатам.

Перенос доступного зарубежного опыта работы профсоюзов в условиях капитализма (с российской спецификой) на российскую почву был неизбежен, так как социалистическая система хозяйствования была умерщвлена, на смену ей пришел неуправляемый рынок, а до капитализма, как мы его тогда представляли, нужно было пройти еще очень долгий путь. Ясно, что внутреннее содержание перенятого зарубежного профсоюзного опыта, вся его философия соответствовали протестантской трудовой этике, кроме прочего, насыщенной элементами американской модели профдвижения. На Северо-Западе России в то время представлялось, что скандинавская модель социальной системы нам подходит больше остальных, и мы хотели реализовать ее через ускоренное внедрение системы социаль-

ного партнерства и другие механизмы взаимодействия с работодателями. В то же время в силу огромных размеров нашей страны идеи автономности региональных звеньев профсоюзов, воплощенные в США в виде локальных профсоюзов, также выглядели привлекательными.

Изложенный выше подход заимствования в тот период времени себя оправдал, но его энергия к началу 2000-х годов выдохлась. Перед профсоюзным движением России встали новые задачи, которые необходимо было решать здесь и сейчас, а готовых рецептов в зарубежном опыте найти не удалось. Напомню, основные проблемы заключались в массовой невыплате заработной платы и социальных пособий, низкой производительности труда из-за устаревших средств производства, отсутствии квалификации для участия в глобальном рынке труда, необходимости формирования нового трудового законодательства. В этих условиях приходилось больше опираться на собственный опыт и свои «мозги».

Возвращаясь к Профсоюзному форуму БРИКС, можно сразу понять, что метод заимствования и адаптации существующих практик здесь неприменим, так как в основу Форума были положены принципы и механизмы, с которыми профсоюзное движение России не сталкивалось, не было опыта и у стран, с которыми у нас сложились доверительные отношения. Не будет преувеличением сказать, что наработка форм и методов начиналась с нуля.

В чем же состояли отличия, заставившие строить новые отношения с пятью странами — членами БРИКС?

Фундаментальное отличие от других форматов, в которых участвовали профсоюзы ранее, заключалось в том, что в объединении профсоюзов БРИКС среди пяти стран-членов нет младших и старших, новых и старых. Нет доноров и реципиентов, нет тех, кто имеет опыт, может им поделиться, нет и новичков, нуждающихся в наставниках. Все национальные профцентры, входящие в Профсоюзный форум БРИКС (а их 16) равны. Это означает, что все члены организации в равной степени должны поддерживать работу Форума на ротационной основе, вносить материальный и интеллектуальный вклад в его строительство.

Второе, не менее важное отличие — все решения в ходе работы Форума принимаются на основе консенсуса. Это принципиальный момент. Консенсус — особый вид принятия решений, который подразумевает согласие всех без исключения. Подчеркиваю, принятие решения не с помощью голосования, хотя эта процедура может применяться, но всегда и исключительно единогласно, иначе решение не считается принятым. Такая процедура была принята при создании Форума, кстати, она применяется и в ходе выработки решений на саммитах, где участвуют главы государств, а также, насколько мне известно, в других форматах в рамках БРИКС (министерские встречи, различные форумы негосударственных организаций и т. д.), которых насчитывается более сотни.

Сделать разворот от демократических процедур, где у меньшинства всегда есть право быть ус-

лышанным, нет права отменить принятое большинством решение, но есть обязанность исполнять его, к процедурам, когда необходимо общими усилиями не допустить появления меньшинства, — нелегко. По существу нам, российским профсоюзам, в период подготовки к году своего председательства в БРИКС в 2015 году предстояло сконструировать и воспринять совершенно новые процедуры, реализующие мало знакомые нам этические нормы, в которых полностью отсутствует столь привычное всем миссионерство автора идеи. Весь этот привычный багаж необходимо было заместить упорным коллективным трудом по выработке решений, учитывающих мнение каждого участника. Иными словами, необходимо было перейти от демократии, основанной на праве большинства, к полной реализации общих интересов в условиях избегания конфликтов.

Кажущаяся простота замещения одних процедур другими в случае с БРИКС не могла быть реализована ввиду того, что отличия стран, составляющих это международное объединение, поистине велики. Если бы кому-либо в голову могло прийти составить список крупных развивающихся государств, имеющих наибольшие отличия, то с вероятностью 80 % он получил бы БРИКС. Об этом писали многие исследователи и эксперты в начальный период становления объединения. Однако со временем стало очевидно, что, невзирая на различия, необходимо реализовать то, что нас объединяет, — неугасающий общий интерес к созданию модели международных отношений, которая обеспечивала бы ускоренное экономическое и социальное развитие на справедливой основе, всеобщую безопасность в мире, устранение любых форм колониализма и диктатуры. К профсоюзной работе это имеет прямое отношение, поскольку профсоюзы представляют коренные интересы трудящихся стран-участниц.

Отличия действительно огромны. Для профсоюзов наиболее важны особенности в построении трудовых отношений, в повседневных практиках взаимодействия на рабочих местах между работниками и работодателями. Для профсоюзов важно понимать мотивационные аспекты в сфере труда, отношение работников к объединению в профсоюзы, множество других нюансов, являющихся результатом внутреннего развития наших стран.

Каждая страна в БРИКС имеет собственную историю и свое государственное, политическое и социальное устройство, которые необходимо учитывать в работе Профсоюзного форума БРИКС. В противном случае трудно достигнуть консенсуса по содержательным вопросам, либо вырабатываемые решения окажутся лишены конкретности и будут восприниматься как борьба «за все хорошее против всего плохого». Европейская и англосаксонская модели отношений почти всегда строятся на просветительских, миссионерских началах, когда подразумевается переток ресурсов от тех, у кого они есть, к тем, у кого их не хватает. Неважно, о чем идет речь: о знаниях, опыте, оборудовании или финансах. Обычно подразумевается, что этот переток обязывает реципиента в определенный момент «отдать долг». Зачастую такое взаимодействие построено

на разделении по старшинству в воображаемой иерархии, мы все помним о формуле «разделяй и властвуй», не забыта британская миссия «бремени белого человека» и т. п. С тем, как это реализуется на практике, знакомы все без исключения страны БРИКС. Если выразиться в терминах теории игр, то знакомая нам изложенная выше система отношений — почти всегда игра с нулевой суммой, то есть антагонистическая игра. Это в целом укладывается в те философские начала, о которых я говорил выше.

Можно поставить закономерный вопрос: возможно ли построение отношений, которые приведут к ненулевому результату, при которых не будет проигравших сторон и появится дополнительная ценность, то есть у системы появится эмерджентность? Каковы должны быть правила и условия такого взаимодействия?

Этот вопрос сложен для понимания, еще более сложен поиск ответа на него. Но именно в нахождении ответа и состоит главная миссия национальных профцентров стран — участниц БРИКС, мотивирующая их к совместной работе. Достижение общего понимания, консенсуса в отличие от принятия решений в системе иерархий — весьма трудоемкий процесс, подразумевающий большой объем предварительной работы и необходимость включенности всех участников в выработку решений.

Для получения «добавочной ценности» в Профсоюзном форуме БРИКС участники придерживаются нескольких правил.

Первое правило: на всех этапах выработки совместных решений участники обязаны знать и уважать разнообразие исторически сложившихся особенностей социально-трудовой жизни в странах БРИКС, особенно в государстве-председателе, порой глубоко уходящих в историю и культуру народов стран-участниц.

Не превращая этот доклад в культуроведческий экскурс, лишь замечу, что, например, в индийском обществе разделение на касты и, как следствие, на профессиональные группы для большинства населения вытекает из ведического мировоззрения, основанного на религиозно-философских источниках XVI века до н. э. И эта проблематика не может быть предметом непонимания или игнорирования. Мы также обязаны учитывать, что неформальная занятость, свойственная сфере услуг, сельскохозяйственному труду (почти всегда в пределах семьи), составляют хребет индийской экономики: 78 % занятых из более чем 560 млн трудоспособных заняты именно в неформальном секторе, и рецепты вывода этих трудящихся в формальный сектор выглядят совсем иначе, чем в России. В текущем году, когда в БРИКС председательствует ЮАР, нам следует помнить, что апартеид (раздельное существование чернокожих, «цветных» и белых граждан) был преодолен в этой стране лишь в 1994 году, и те виды бизнеса и рабочих мест, где преобладали белые, порой пустуют из-за недостатка коренных африканцев и «цветных», имеющих нужные компетенции. Административные меры, какими бы изощренными они ни были, не в состоянии восполнить физическую нехватку местных квалифицированных кадров. Вопрос экспроприации земель покинувших страну землевладельцев до сих

пор актуален в ЮАР, следовательно, развитие сельского хозяйства по-прежнему сдерживается имущественными отношениями, и это уже оборачивается против экономики, приобретая уродливые формы «апартеида наоборот». Такие особенности есть в каждой стране БРИКС, и что важно, никто из нас не ждет «учителей», которые принесут «свет знания» и объяснят, как нужно жить и решать возникающие проблемы.

Второе правило: обсуждая любую серьезную тему, не следует стремиться навязать свое понимание вопроса и ответ на него другим участникам. Может оказаться, что они просто не поймут природы обсуждаемого явления, не смогут вникнуть в его сущность. В этом случае лучше отложить такой вопрос в сторону, каким бы важным он ни казался. Если нет общего интереса и понимания, то не может быть и консенсуса.

Третье правило: всегда необходимо предусматривать возможность свободного обмена мнениями, данный процесс можно назвать достижением взаимопонимания. Это похоже на редакционную работу, но в ее

основе лежит не столько поиск подходящих слов и терминов, сколько устранение противоречий мировоззренческого уровня, так как восприятие и формулировка одной и той же проблемы в китайском, индийском, бразильском, африканском и российском вариантах всегда будут отличаться.

Завершая доклад, отмечу, что профсоюзы как особый институт реализации коренных интересов работающего населения за 10 лет совместной деятельности в рамках Профсоюзного форума БРИКС внесли свой уникальный вклад в поиск способов перехода от однополярного мира, сдерживающего развивающиеся страны, к новому, более справедливому мироустройству, где потенциал составляющих их народов будет раскрыт в полной мере. Национальные профцентры стран-участниц, объединившиеся в Профсоюзный форум БРИКС, полны решимости развивать этот формат, в том числе за счет вовлечения в него профсоюзных организаций стран, претендующих на членство в этом международном объединении.

Г. Меттан¹

ПАНДЕМОКРАТИЗМ И КРАХ ЗАПАДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

«Россия, стареющая тирания, стремится уничтожить Украину, дерзкую демократию. Победа Украины подтвердит принцип самоуправления, позволит продолжить интеграцию Европы и даст возможность людям доброй воли вернуться с новыми силами к решению других глобальных задач. Победа России, напротив, приведет к расширению политики геноцида в Украине, подчинит европейцев, а с надеждами на становление геополитического Европейского союза можно будет попрощаться. Если Россия продолжит незаконную блокаду Черного моря, это может привести к голоду африканцев и азиатов, которые зависят от украинского зерна, и вызвать длительный международный кризис, который сделает практически невозможной борьбу с общими угрозами, такими как изменение климата. Победа России будет на руку фашистам и другим тиранам, а также нигилистам, которые считают политику не более чем зрелищем, созданным олигархами, чтобы отвлечь простых граждан от разрушения мира. Другими словами, эта война определит, какими принципами будет руководствоваться человечество в XXI веке. Речь идет о политике массовой смерти и о смысле жизни в политике. Речь идет о возможности демократического будущего».

Таковыми словами Тимоти Снайдер, один из самых видных академических представителей западного истеблишмента, описывает то, что поставлено на кар-

ту в украинском конфликте, в выпуске американского журнала *Foreign Affairs* за сентябрь 2022 года. Защита «европейских ценностей» противопоставляется варварству, демократия — диктатуре, героические добродетели — военным преступлениям. Этот нарратив изо дня в день преподносится нам западными лидерами и СМИ начиная с 24 февраля 2022 года, причем в таком тоне, который не допускает разногласий.

Действительно ли мы уверены, что эта точка зрения соответствует реальности и что эта война представляет собой схватку между хорошими и плохими людьми? И что же это за знаменитые ценности, о которых мы так много слышим, но которые избегаем конкретизировать и, самое главное, не стремимся воплощать в собственных поступках? Ибо какова ценность «ценности», которая стала бесполезной, потому что была искажена или обесценена еще более преступными действиями, чем те, в которых обвиняется противник? Это важные вопросы, потому что, с точки зрения остального мира, Европа не смогла поделить свою моделью — сотрудничеством между странами на основе равенства и взаимного уважения — с другими частями мира и теряет свою честь и свой кредит доверия.

Необходима ревизия.

Первое проблемное наблюдение заключается в том, что основополагающая ценность Европы с 1945 года, которая провозглашалась на протяжении 70 лет как основа и фактор успеха Европейского союза, — мир между народами — полностью исчезла из официального и медийного дискурса с апреля прошлого года.

Вообще говоря, ценность «мира во всем мире» была серьезно поколеблена уже в 1990-х годах, во время Югославских войн, когда преждевременное признание Германией независимости Словении и Хорва-

¹ Президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева). Депутат Большого Совета (парламента) кантона Женева. Автор ряда книг по общественно-политической тематике и международным отношениям, в т. ч.: «Запад–Россия: тысячелетняя война», «Взгляд с Запада: русофобия от Карла Великого до последних Олимпийских игр в Рио» и др.

тии спровоцировало конфликт; и в 1999 году, когда руководители Германии и НАТО организовали ложную операцию «Подкова», инсценировали резню в Рачаке, якобы запланированную сербами для уничтожения косоваров, и тем самым оправдали бомбардировку европейского государства в течение 78 дней, результатом которой стали многочисленные жертвы и огромный материальный ущерб. Ценность мира была также подорвана постепенным превращением НАТО во все более агрессивный альянс после распада Советского Союза, о чем свидетельствуют вышеупомянутые военные конфликты в Сербии, Ираке, Ливии, Сирии и Афганистане, большая часть которых сопровождалась нарушениями международного права. Не стоит забывать и о постоянных бомбардировках гражданского населения Газы и депортации жителей островов Чагос британцами для создания военной базы (Диего Гарсия), недавно осужденной Международным судом.

Несмотря на эти отступления, поддержание мира, по крайней мере официально, продолжало оставаться основополагающим принципом и декларируемой «ценностью» Европы и Запада. Так, во имя сохранения мира президент Франции Николя Саркози поспешил в Москву летом 2008 года, чтобы встретиться с Владимиром Путиным после провала войны в Грузии, развязанной Саакашвили.

Также во имя мира Европа во главе с Францией и Германией провела переговоры и выступила гарантом Минских соглашений, которые последовали за свержением украинского правительства и восстанием в восточных областях Украины после беспорядков в феврале 2014 года и присоединения Крыма к России. В конце марта 2022 года даже появилась надежда на возможность установления мира между Украиной и Россией, но освещение в СМИ событий в Буче и визит Бориса Джонсона в начале апреля положили конец любым надеждам на переговоры с западной стороны.

С тех пор «мир» исчез с европейского горизонта. Более того, министры и СМИ под лидерством главы Еврокомиссии постоянно призывают к эскалации конфликта, новым поставкам оружия, новым санкциям, финансовой поддержке и жесткой экономии энергии, называя предателями тех немногих, кто осмеливается требовать деэскалации и дипломатических решений. Столь ощутимый разрыв между провозглашаемыми ценностями и реальным поведением подрывает весь западный дискурс о ценностях.

А как мы должны интерпретировать высказывания европейских лидеров и СМИ, в которых резко осуждается национализм Сербии, России, Венгрии, Турции, Китая (по отношению к Тайваню), шовинизм так называемых «ультраправых» партий во Франции, Италии, Нидерландах, Австрии и других странах, а также сепаратизм каталонцев, Донбасса и Крыма, но в то же время звучит полная поддержка отделения Косово, независимости Тайваня, оккупации Голанских высот и колонизации Западного берега, которые не признаются международным правом, и «праведной борьбы» украинских ультранационалистических батальонов, осужденной ООН в резолюциях против нацизма? Как можно восхвалять национализм одних, предоставляя им оружие,

финансовую поддержку и политическое признание, и одновременно осуждать национализм других, которые, в отличие от первых, не начинали никакой войны? Чего стоит ценность, которая превозносится, будучи запятанной кровью, но принижается, когда реализуется мирным путем, через избирательную урну?

Вторая ценность, защищаемая Западом, — демократия. Как и в случае с ценностью «мира», казалось бы, с этим не поспоришь. Но при ближайшем рассмотрении возникают сомнения. Как можно оправдать безоговорочную поддержку Украины под предлогом демократии, когда в этой стране оказались под запретом все оппозиционные партии, были закрыты неправительственные информационные каналы (в 2021 и 2022 гг.), запрещены языки национальных меньшинств (и даже язык большинства, поскольку на русском говорит две трети населения), уничтожены десятки журналистов, политических оппонентов и даже переговорщиков силами спецслужб? Добавим к этому безудержную коррупцию (122-е место в мировом рейтинге коррупции, недалеко от России), продажу 17 млн гектаров плодородных земель трем американским транснациональным корпорациям, несмотря на сопротивление населения, принудительный призыв мужского населения в армию, казни военнопленных, использование гражданского населения в качестве живого щита (см. доклад Amnesty), набор отъявленных неонацистов в армию и администрацию... И это лишь некоторые факты, признанные авторитетными СМИ. Действительно ли это та модель демократии, которую мы хотим защищать?

Где же наша демократия, когда США поддерживают или планируют государственные перевороты и кровавые смены режимов — от иранского Моссадыка и Гватемалы в 1953 и 1954 годах до Майдана в 2014-м; когда западные делегации спешат в Баку, чтобы задобрить «потомственного президента» Алиева, который продолжает нападать на Армению; в Саудовскую Аравию, чтобы умиловить принца МБС, который расчленил Йемен на куски; в Катар, чтобы улыбнуться эмиру; или в Камерун, чтобы подружиться с президентом Бийя, который находится у власти уже 40 лет, — с единственной целью получить немного газа или нефти? И все это для того, чтобы бойкотировать Владимира Путина, который занимает президентский пост 18 лет и готов по низким ценам поставлять нам менее вредные для окружающей среды газ и нефть?

Вдобавок они находят самые резкие слова, чтобы осудить вмешательство России в дела демократических стран, как это происходило на протяжении всего президентского срока Дональда Трампа и во время выборов во Франции в 2017 году. Но какова их реакция, когда два американских специальных прокурора Роберт Мюллер и Джон Дарем устанавливают обратное? Молчание. И напротив, мы приветствуем наше вмешательство в политическую жизнь третьих стран, как это произошло в Венесуэле в 2019 году, когда была оказана поддержка самопровозглашенному президенту Хуану Гуайдо, во время путча против президента Боливии Эво Моралеса и всех цветных революций, направленных на свержение законных правительств, как это произошло в феврале 2014 года на Украине.

Австралийский журналист и режиссер Джон Пилджер вспоминает, что за 83 года его жизни правительство Соединенных Штатов добилось свержения или пыталось свергнуть 50 правительств других стран, большинство из которых были демократическими; вмешивалось в выборы в 30 странах; вело войну или сбрасывало бомбы на 30 стран, большинство из которых были бедными и незащищенными; противодействовало освободительному движению в 20 странах и покушалось на лидеров 50 государств. Все это сопровождалось кровавой бойней, жертвами и разрушениями, не поддающимися исчислению. Прекрасный пример демократии и уважения к народу!

Наконец, что мы должны думать о демократии в нашей собственной стране, когда мы поддерживаем войну, не посоветовавшись с гражданами, отменяем нейтралитет без обсуждения, занимаемся подстрекательством к войне вопреки мнению народа? Вспомним в этой связи опрос, проведенный в Германии, опубликованный в журнале Stern и полностью проигнорированный западными СМИ, поскольку его результаты противоречили господствующей точке зрения? 77 % немцев выступают за мирные переговоры на Украине (по сравнению с 17 %, которые считают, что ничего не нужно делать); 87 % считают, что необходимо вести переговоры с Путиным (по сравнению с 11 %); 62 % полагают, что тяжелое вооружение не должно поставляться на Украину (по сравнению с 32 %). Другой опрос, проведенный в Австрии, дал примерно такие же результаты. Это популярные мнения, к которым, однако, мы как будто не должны прислушиваться.

Третья категория ценностей, которые мы должны защищать на Украине, — права человека. Западные идеологи утверждают, что, начав спецоперацию на Украине, Россия совершила «преступление агрессии» — худшее из всех преступлений, согласно Нюрнбергскому трибуналу. Возможно. Но русские, по аналогии с обвинениями Запада в адрес уйгуров в Китае, утверждают, что они лишь ответили на «преступление геноцида», совершаемое украинскими силами с 2014 года в Донбассе и повлекшее за собой 14 тыс. смертей, подтвержденных ООН. То же самое касается нарушений гуманитарного права, захвата гражданских лиц в качестве заложников, казни заключенных. По оценкам ООН, сделанным в августе, число жертв среди гражданского населения с февраля составило 5587 убитыми и 7890 ранеными. Это на 6 тыс. убитых и 8 тыс. раненых гражданских лиц больше, чем допустимо, но это несравнимо с количеством жертв широкомасштабной резни, в результате которой сотни тысяч гражданских лиц были убиты войсками НАТО и прозападными армиями в Ираке, Афганистане или Йемене.

Преступления против преступлений, обвинения против обвинений. Мы не продвинемся вперед, если будем видеть не дальше своего носа. Впрочем, если мы честны перед собой, то в любом случае должны признать, что на данный момент знаем недостаточно и что если мы хотим судить предполагаемого агрессора за его преступления, мы должны начать с себя.

Запад, и Европа в частности, любит представлять себя образцом свободы слова по сравнению с Росси-

ей, которая беззащитно попирает эту ценность. Но как тогда объяснить тот факт, что наши сервильные СМИ пренебрегают любыми критериями объективной информации, единодушно принимая сторону Украины и не слушая другую сторону? *Altera pars audiatur* (лат. «пусть другая сторона будет услышана»). — *Прим. перев.*), говорят учебники по журналистике. Почти каждый день на теле- и радиоканалах можно услышать дебаты одних и тех же трех экспертов, настроенных резко против России. Где же пресловутый плюрализм и разнообразие мнений? И почему российские СМИ «РТ» и «Спутник» были изгнаны из ЕС? Разве это не грубое посягательство на свободу слова, даже если оно оправдывается противодействием «российской пропаганде»? С каких пор цензура является демократическим инструментом и выражением свободы слова? И как мы можем оправдать отвратительное обращение с Джулианом Ассанжем, Эдвардом Сноуденом и Челси Мэннинг за то, что они разоблачали неэтичные действия АНБ и преступления американцев в Ираке или находили компромат на Хиллари Клинтон и сына Байдена?

Последнее, о чем я упомяну в этом списке (который можно продолжать и продолжать), — вопиющее нарушение права на частную собственность с конфискацией активов Центрального банка России и частных активов олигархов, а также арест миллиардных афганских и венесуэльских активов американскими и британскими центральными банками.

Четвертая и последняя категория ценностей, преданных Западом, — экология и борьба с изменением климата. Начиная с саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 году, Запад не без труда позиционировал себя как лидера в борьбе за «сохранение планеты» и развитие зеленых технологий, объявив войну выбросам CO₂. В 2019 году его политическая и медийная элита приходила в восторг от Греты Тунберг и молодежных забастовок, одновременно призывая страны Юга, на долю которых приходится лишь небольшая часть выбросов парниковых газов, присоединиться к инициативе в обмен на огромные инвестиции, которые манипулятивный председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен оценила в сотни миллиардов долларов.

Но что мы наблюдаем сегодня? Отказ от всех данных обещаний и предательство стран Юга. Под флагом борьбы за Украину и чтобы «поставить на колени российскую экономику», Европа начала импортировать, за большие деньги и с помощью огромного количества нефтяных танкеров и загрязняющих балкеров, газ и сланцевую нефть, которые ранее были предметом осуждения. Угольные электростанции возобновляют работу в Германии и Польше с благословения министров охраны окружающей среды, которые еще 12 месяцев назад закатали бы скандал. Вскоре придет очередь и атомных электростанций.

По всей Европе зеленые, которые когда-то были в авангарде антиядерной и пацифистской борьбы, стали лидерами самой воинственной и антиэкологической политики, объясняя, что это временно и не поставит под угрозу цели, связанные с климатом! Подобно социалистам, голосовавшим за военные кредиты

в 1914 году, сегодняшние зеленые переоделись в серо-зеленую форму самого яростного милитаризма и объявляют ископаемое топливо «демократическим», даже если оно покупается в Катаре, Саудовской Аравии или Азербайджане. Не закрался ли здесь подвох?

Что касается стран Юга, то они чувствуют себя обманутыми как никогда. На последний евро-африканский саммит по изменению климата, состоявшийся в Роттердаме 5 сентября 2022 года, не явился ни один глава европейского государства, кроме голландского хозяина! Это пощечина, которую африканцы не скоро забудут, ведь на долю их континента приходится всего 3 % суммарных выбросов парниковых газов, а с 2020 года ему обещана помощь в размере 100 млрд долларов в год. Но европейские лидеры были слишком заняты доработкой последних санкций против российского природного газа.

Приведенный выше перечень мелких и крупных нарушений исповедуемых Западом ценностей в контексте войны на Украине свидетельствует не только о лицемерии Запада (в этом нет ничего нового), но и о крахе моральных принципов и образцов поведения, которыми он привык прикрываться, чтобы оправдать свое господство над остальным миром. Под флагом этих ценностей он вел холодную войну против СССР и победил в ней. Великий дипломат и теоретик холодной войны Джордж Кеннан еще в 1951 году писал, что «...самое важное влияние, которое Соединенные Штаты могут оказать на события внутри России, будет оставаться влиянием примера — того, чем они являются, и не только для других, но в первую очередь для себя самих... Любой месседж, который мы пытаемся донести до других, будет эффективным только в том случае, если он соответствует тому, чем мы являемся для самих себя, и если этот месседж достаточно впечатляющий, чтобы вызвать уважение и доверие мира, который, несмотря на материальные трудности, все еще готов признавать и уважать скорее духовные ценности, чем материальное изобилие».

Сегодня мы на Западе должны признать, что не идем по этому пути. Насытившись пропагандой до тошноты, Европа убеждена, что она все еще воплощает нравственный идеал и может продолжать декларировать моральные клише холодной войны — добро против зла, демократия против диктатуры — без необходимости применять их на практике. Каков бы ни был исход этого конфликта, как бы ни была определена ответственность каждой из его сторон, ясно, что Европа

обманывает только саму себя и что эта война, ведущаяся под флагом нравственных ценностей посредством Украины, является лишь прикрытием для стремления к хищничеству и мировой гегемонии, которое так и не было удовлетворено и которое больше не устраивает остальные 6 млрд жителей планеты.

В заключение можно сказать, что Запад практикует то, что я называю *пандемократизмом*, то есть тоталитарное видение, вооруженную демократию, которая используется для распространения имперской гегемонии Запада на весь мир. *Пандемократизм* не имеет ничего общего с демократией, но имеет отношение к ее использованию в качестве инструмента в достижении геополитических целей. Он функционирует по тем же принципам, что и *пангерманизм* 125 лет назад, когда немецкие националисты претендовали на объединение всех немецкоязычных народов Европы и устраивали с этой целью настоящие крестовые походы. Так называемые саммиты демократий и походы «за западные ценности» сегодня имеют одну и ту же цель.

Это распространение концепции демократизма в том виде, в котором она была разработана Ричардом Саквой: «Демократизм не исключает поддержки демократии, но слишком часто продвижение демократии и поддержка местных групп по защите демократии становятся частью более широких программ по смене режима. Когда демократия становится идеологией и инструментом в соревновании великих держав, тогда она становится демократизмом. Инструментализация демократии не только подрывает дипломатию, но и лишает законной силы саму демократию. Демократизм неизбежно порождает двойные стандарты, избирательное применение якобы универсальных принципов в пользу союзников, в то время как противники подвергаются карательным мерам. Он также навязывает ранжирование для государств и служит для объявления незаконными одних и возвышения других»¹.

Пандемократизм делает вид, что благоволит демократии на уровне национальных государств, но, как ни странно, запрещает ее на наднациональном уровне, навязывая диктаторскую модель управления миром под видом демократии. В этом смысле он представляет собой полную противоположность многополярному миру, который предполагает наднациональное демократическое управление планетой как необходимое условие свободы и суверенитета народов и государств.

¹ См.: Саква Р. Опасности демократизма // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 88–102. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2023/2/Polis-2023-2-Sakwa.pdf> (дата обращения: 14.05.2023).

Д. В. Мосяков¹

РАЗМЫВАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Индо-тихоокеанские акватории и густозаселенные прибрежные территории вокруг них формируют определенную политико-географическую целостность, так как объединены пунктирными линиями многочисленных морских торговых маршрутов, по которым перевозится огромное количество грузов. Быстро растущая экономика, разнообразие политических систем, культур и религий, территориальные противоречия вкупе со сложной историей взаимоотношений между странами и народами делают Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) уникальным по своим масштабам и особенностям. Он растянулся на 16 часовых поясов, в которых расположены 36 стран; здесь находятся 24 из 36 существующих в мире мегалополисов и проживает более половины человечества, а площадь региона превышает половину площади поверхности земной суши.

Три крупнейшие экономики мира также находятся здесь. В странах региона действуют семь самых многочисленных армий. Из семи партнеров по соглашениям о взаимной обороне с США пять также являются странами ИТР². При этом ситуация в регионе, несмотря на динамичное экономическое развитие и желание большей части стран сохранить статус-кво, характеризуется растущей неопределенностью, напряженностью и угрозой возникновения локальных войн, которые могут распространиться на весь мир. Причина заключается в том, что сегодня весь этот гигантский регион является полем геополитической борьбы за мировое лидерство между Китаем и США.

Охватить в подробностях весь фронт этого противостояния — задача отдельного исследования, здесь же нам интересно проследить аспекты, связанные в первую очередь с военной, политической и экономической составляющими данного конфликта. Среди них — история возникновения и развития американо-китайского противостояния в Азии (особенно в Юго-Восточной Азии), факторы, повлиявшие на этот процесс, и, наконец, прогнозы относительно будущего ИТР. Все эти вопросы изучались с главной целью — способствовать тому, чтобы в России смогли адекватно оценить это противостояние и его тенденции и, соответственно, выработать такую политику, которая

в наибольшей степени учитывала бы существующие реалии.

В центре нашего исследования — анализ проблем АТР–ИТР через призму американо-китайского конфликта, а также через политику и интересы стран АТР, в первую очередь ЮВА. Понятно, что контроль над огромными пространствами АТР–ИТР, природными ресурсами, торговыми путями и политическими процессами в многонаселенных и быстро развивающихся государствах имеет ключевое значение для глобального американского доминирования, которому брошен вызов со стороны Китая. Поэтому именно здесь, а не где-то в Африке или даже на Ближнем Востоке, конфликт за мировое лидерство выражен в наиболее полной форме. В этой борьбе противники используют разные элементы совокупной мощи, а «гибридная война» выступает как основная форма противоборства. Даже поверхностный анализ показывает, что США ведет именно такую войну, стремясь кардинально изменить в свою пользу торгово-экономические отношения с Китаем, не допустить его политического доминирования в том или ином государстве и в регионе в целом.

Стороны конфликта ведут еще и информационную войну, и борьбу за позитивный имидж в глазах местных элит. В их противостоянии особое место занимает проблема Тайваня и непосредственное военное противостояние в Южно-Китайском море, где взаимные военные демонстрации и походы американских кораблей в любой момент могут перевести конфликт в горячую фазу.

В развивающемся противостоянии Пекин и Вашингтон не скрывают своих целей: китайцы стремятся к тому, чтобы США признали их интересы в Южно-Китайском море и влияние в Юго-Восточной Азии. Кроме того, они требуют не вмешиваться в свою политику относительно Тайваня, отказаться от попыток сдерживания и пропаганды имиджа Китая как монстра, угрожающего независимости более мелких государств. Пекин также намерен не допустить, чтобы американцы построили новую модель безопасности в Азии, основанную на сепаратных соглашениях государств региона с США без участия Китая в этих двусторонних союзах³.

Американцы с этими требованиями, естественно, не согласны и, скорее всего, не согласятся никогда, так как их выполнение означало бы конец американской гегемонии в Азии, да и в мире, и фактически сдачу огромного региона Китаю. Под флагом «политики сдерживания» КНР Вашингтон стремится к единоличному контролю над огромным регионом, хочет вытеснить оттуда Китай и подчинить своим интересам политику других крупных стран — Японии, Австралии, Индии. Цель такой стратегии — максимальная защита

¹ Заведующий Центром изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор. Заведующий кафедрой регионоведения Московского гуманитарного университета. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ», «Многоликая элита Востока» (в соавт.), «Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы» (в соавт.), «Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия», «История Камбоджи. XX век», «Политика Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем» и др. Член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня».

² Браун Р. Индо-Азиатско-Тихоокеанский регион и концепция сражения во многих областях. URL: <https://sgs-mil.org/war-theory/multidomains/265-indo-aziatsko-tihookeanskiy-region-i-konceptsiya-srazheniya-vo-mnogih-oblastyah-domenah.html> (дата обращения: 14.05.2023).

³ Мамонов М. «Возвращение» США в Азию. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-ssha-v-aziyu> (дата обращения: 14.05.2023).

национальных интересов США в этом регионе, которые имеют огромное значение для стабильности американской экономики и позиционирования Америки в современном мире.

Американцы ведут дело так, чтобы максимально ослабить своего главного противника, сформировать вокруг него враждебный блок из приграничных государств, а внутри активизировать действия оппозиции. Они рассчитывают спровоцировать руководство КНР на рискованные шаги в рамках военного противостояния и в конечном счете добиться его поражения, отказа от глобальных притязаний и перехода власти в Китае к политическим силам, согласным на американское глобальное доминирование.

Предпосылки масштабного противостояния двух сильнейших государств мира складывались постепенно, по мере того как росло экономическое и военно-политическое могущество Китая. Американцы долгое время старались не замечать этого и после прекращения глобального противостояния с СССР заметно ослабили военно-политический интерес к Восточной и Юго-Восточной Азии. В американских правящих кругах господствовало мнение, что их преобладание там очень значительно и ситуация вполне стабильная.

Более того, в рамках политики партнерства (так называемой *engage policy*) правящие круги Пекина оставались в международных отношениях в целом под плотной опекой Вашингтона, да и в созданной по инициативе США в 1989 году новой международной экономической организации — Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС) — руководство КНР не возражало ни против присутствия в ней Тайваня, ни против американского лидерства. Доходило до того, что, когда некоторые руководители стран АСЕАН пожаловались в Вашингтоне на усиление китайского давления и конфликты в Южно-Китайском море, им ответили, чтобы они самостоятельно, без обращения к США, решали свои проблемы с Китаем.

Да и в отношении событий вокруг расположенного неподалеку от филиппинского острова Палаван рифа Мисчиф, на котором в 1995 году неожиданно высадились китайские «военные рыбаки», американцы постарались остаться в стороне и не оказали реальной помощи ни Филиппинам, ни АСЕАН в целом, которые выступили против экспансии Китая¹. Даже события 2001 года, когда американский разведывательный самолет в 160 километрах от китайской военно-морской базы на Парасельских островах столкнулся в воздухе с китайским истребителем и был вынужден совершить посадку на острове Хайнань, серьезного влияния на двусторонние отношения это не оказало. По требованию китайцев правительство США сделало заявление об инциденте, причем «формулировки этого документа были намеренно двусмысленными и позволили обеим странам „сохранить лицо“, одновременно разрядив напряженную ситуацию между сильными в военном отношении государствами»².

¹ Королев А. С., Анасова А. М. АСЕАН как зона столкновения интересов США и Китая. URL: <https://asaf-today.ru/s032150750010445-1-1> (дата обращения: 14.05.2023).

² Инцидент на острове Хайнань. URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/Hainan_Island_incident (дата обращения: 14.05.2023).

Однако по мере возрастания могущества КНР и распространения его на весь регион американо-китайские отношения начали заметно меняться. Переломным стал 2010 год, когда произошли события, открывшие новую страницу в отношениях между двумя странами. Пекин официально заявил, что прерывает сотрудничество с Вашингтоном в военной сфере. Одна из крупнейших американских компаний Google сообщила, что стала жертвой кибератаки, организованной в Китае, а известному китайскому диссиденту Лю Сяобо, который в тот момент находился в тюрьме, была присуждена Нобелевская премия мира. Президент США Барак Обама провел встречу с далай-ламой, несмотря на резкие протесты Китая, и объявил, что в КНР политические реформы отстают от экономических³. Этим высказыванием Обама как бы подчеркнул, что свободная и процветающая экономика возможна только в условиях организованной по американским лекалам демократии, а не в рамках авторитарного коммунистического режима.

В связи с этим США объявили себя борцами за гражданские свободы в Китае, выступили в поддержку награждения в 2010 году Нобелевской премией мира осужденного диссидента Лю Сяобо, который любил повторять, что «Китаю требуется по меньшей мере 300 лет колониализма, чтобы стать таким как Гонконг»⁴. В Вашингтоне рассчитывали с помощью этого убежденного западника и противника власти Компартии, которому создали международную репутацию несправедливо осужденного правозащитника и бескорыстного борца с режимом, получить возможность активно влиять на политику китайских властей и даже на стабильность и устойчивость политической системы в КНР. Смысл американской технологии заключался в том, чтобы сформировать в Китае группу лиц, которые боролись бы за демократию и гражданские права и при этом оставались неприкосновенными для местных властей, даже если они постоянно составляли против своей страны «обвинительные акты» по разным поводам.

В Пекине разыгрывание карты с Лю Сяобо вызвало сильное раздражение. В правящих кругах усилилось недоверие к американцам, возникли обоснованные подозрения в том, что они готовят так называемую демократическую трансформацию политической системы Китая, то есть ликвидацию власти Компартии, о чем не раз говорили в Вашингтоне.

Еще одним рычагом воздействия на Китай стало военное давление. В начале 2011 года администрация Обамы объявила, что будет увеличено присутствие американского флота в прилегающих к Китаю морях. В Вашингтоне заявили, что Америка возвращается в Восточную и Юго-Восточную Азию и усиливает свою военно-морскую группировку на Тихом океане. Наиболее полное отражение этот новый подход нашел в статье Госсекретаря США Хиллари Клинтон «Политика США на Тихом океане», опубликованной в октябре 2011 года в журнале *Foreign Affairs*. Позже она из-

³ История американо-китайских отношений. URL: <https://tass.ru/info/4159288> (дата обращения: 14.05.2023).

⁴ Косырев Д. Попытка изменить родину. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3359751> (дата обращения: 14.05.2023).

ложила его в выступлении на саммите форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)¹.

Этот текст вызвал огромный резонанс и в Азии, и во всем мире, так как из него следовало, что отношения между КНР и США приобретают новый характер и что плохо скрываемое противостояние переходит в открытую фазу. Свидетельством этого стало провозглашение американским госсекретарем наступления «тихоокеанского века Америки» и возложение на США обязанности защищать права и свободы в Азии. Впервые приняв участие в восточноазиатских саммитах (ВАС), Барак Обама в ноябре 2011 года заявил, что США теперь «гарант безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе»². Это был уже прямой вызов Китаю, который означал, что США окончательно расстаются с *engage policy*, то есть политики сотрудничества с КНР как с младшим партнером, и переходят к курсу сдерживания Китая (*hedge policy*), воспринимая его уже не столько как «трудного» партнера, сколько как врага. Ужесточение отношения США к КНР стало еще более заметным, когда в мае 2014 года американцы предъявили обвинения в экономическом шпионаже нескольким китайским военным, а в августе заявили, что китайские истребители на опасное расстояние приблизились к американскому самолету-разведчику над Южно-Китайским морем.

Все эти события свидетельствовали о начале американо-китайской гибридной войны, которая, как и указывается в классической теории, развивалась очень неровно, то активизируясь, то затихая под влиянием разного рода переговоров и дискуссий, которые постоянно велись между двумя сторонами с целью ее ограничить и попытаться прекратить на основе существующего статус-кво. Но добиться этого не удалось. Гибридная война тем и характеризуется, что она не прекращается, хотя иногда и принимает вялотекущий характер, что создает обманчивое впечатление позитивных перемен.

Такое негативное в целом для Азии и мира развитие событий, когда противоречия между двумя странами не разрешаются, а лишь усугубляются, можно объяснить тем, что стремление наиболее сильных государств утвердить свое лидерство в мире и в ИТР, упрочить собственную безопасность и процветание носит объективный характер, и оно никуда не исчезнет, а будет определять ход истории. Так уж устроен этот мир, что государство, которое обладает самой значительной совокупной мощностью, с преобладающим политическим влиянием, сильной армией, экономическим могуществом, с устойчивыми финансовой, научной, образовательной, информационной и культурной системами, всегда претендует на роль мирового лидера. Превращаясь в сверхдержаву, такое государство во все времена стремилось диктовать свои правила остальному миру, и таким образом закрепить свое преимущество. Поэто-

му ситуацию вокруг нарастающего американо-китайского конфликта не могут кардинально изменить даже самые благие намерения несменяемых председателей КНР и сменяемых американских президентов.

Важной особенностью современного мира является также борьба сверхдержав за место «царя горы» в азиатской и мировой политике. Обладая глобальными интересами, выстраивая систему взаимосвязей на огромных территориях, в конфликт сверхдержав неизбежно втягиваются и другие страны, в той или иной степени зависимые от них, но влияющие на общий ход их противостояния.

Именно это мы можем наблюдать сейчас, когда правящие элиты большинства стран АТР–ИТР стараются в меру своих возможностей предугадать будущее и оказаться на стороне победителя. В условиях растущей политической напряженности складывается атмосфера недоверия и подозрительности, идет постоянный поиск надежных партнеров для «большой игры» на выживание и господство. В связи с этим меняются конфигурации привычных региональных связей и союзов, возникает угроза единству Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), сплоченность которого подвергается самым серьезным вызовам со стороны противостоящих друг другу сверхдержав. В связи с этим возникает важный вопрос, насколько способно сообщество малых и средних стран, которые под влиянием борьбы сверхдержав вынуждены вступать в процесс трансформации своей внешней, а часто и внутренней политики, корректировать ход этой титанической борьбы. Могут ли они оставаться свободны в выборе союзников, в том, чтобы не примыкать к тому или иному сопернику? И какова вообще их роль в событиях глобального противоборства?

Понятно, что большинство таких стран не хотят выступать в роли статистов. У их правящих элит есть понимание, что если пустить события на самотек, то можно попасть в ситуацию абсолютного хаоса с крайне негативным финалом. Поэтому специфика современной трансформации в АТР–ИТР заключается в том, что все участники этого процесса стремятся на него так или иначе повлиять, тем самым формируя сложную и очень неустойчивую сеть международных связей и зависимостей, диалогов и конфликтов, которые иногда очень сложно разглядеть.

В то же время нельзя не отметить, что в ситуации на грани фола в скрытой и явной борьбе геополитических соперников есть и позитивные моменты для малых и средних государств, которые оказываются на переднем крае этой борьбы. С одной стороны, существует угроза внешнего вмешательства, с другой — к стране и региону привлекается глобальное внимание, означающее предоставление значительных финансовых ресурсов, от которых зависит и экономический рост, и модернизация общественной жизни. Кроме того, соперничество сверхдержав вынуждает их не только вкладывать существенные средства в экономику азиатских государств, но и передавать им технологии, обучать студентов, формировать лояльные себе элиты. Поэтому было бы неправильно рассматривать нарастающую конфликтность и угрозы безопас-

¹ Clinton H. R. America's Pacific Century. URL: <https://foreign-policy.com/2011/10/11/americas-pacific-century> (дата обращения: 14.05.2023).

² Calmes J. Obama and Asian Leaders Confront China's Premier. URL: <https://www.nytimes.com/2011/11/20/world/asia/wen-jiabao-chinese-leader-shows-flexibility-after-meeting-obama.html> (дата обращения: 14.05.2023).

ности государствам АТР–ИТР как однозначно негативное явление, которое вынуждает их тратить значительные средства на оборону и грозит нестабильностью. Есть и обратная сторона этого явления, когда до определенных границ конфликт сверхдержав наполняет этот регион не только борьбой, но и энергией. Соперничество подразумевает еще и новые возможности, конкуренция придает местным элитам очевидный драйв, заставляет искать выходы и не бояться неизбежных перемен.

В странах ЮВА есть много политиков, которые видят плюсы от противостояния США и Китая и пытаются разыгрывать обе карты одновременно. В этом смысле показательны примеры Филиппин, которые то отвергают США, то поворачиваются спиной к Китаю и призывают американцев; Вьетнама, успешно балансирующего между Китаем и США; Малайзии, которая то отказывается, а то берет китайские деньги.

Парадокс заключается в том, что на пространствах Тихого и Индийского океанов действуют как разрушительные и опасные для мира, так и созидательные тенденции, направленные на модернизацию и интеграцию экономик азиатских стран в глобальные мировые рынки. Тот факт, что обострение американо-китайской борьбы многими в АСЕАН не воспринимается однозначно отрицательно, следует постоянно учитывать России в практической политике.

Нельзя не сказать и о том, что процесс трансформации политического пространства, который мы исследуем, в АТР–ИТР осложняется тем, что в настоящее время подорвано доверие большинства стран к международному праву как единственному средству беспристрастного рассмотрения споров и разрешения конфликтов. Так называемый *ruled based order* (основанный на правилах порядок), то есть такой механизм решения конфликтов, в котором ключевые положения все время меняются исходя из интересов США, справедливо рассматривается многими политиками в Азии как незаконная, служащая реализации американских планов псевдоюридическая система, которая лишь усиливает неустойчивость глобальной и региональной архитектуры безопасности.

Еще один принцип, активно внедряемый американцами в современные международные отношения, — *canceled history*, то есть «отмененная история», когда международные конфликты предлагается разрешать только с позиций современных норм права, которые они, собственно, и устанавливают, и игнорировать любые основания для использования исторических данных в поиске справедливого решения. Но такой подход ведет в тупик. Об этом свидетельствует, например, решение Третьей инстанции в Гааге в отношении островов Южно-Китайского моря, когда все предоставленные Китаем исторические сведения о том, что китайские династии и в древности, и в Средние века контролировали эти острова, были проигнорированы судом. Естественно, Китай высказал категорическое отрицание в отношении легитимности этого решения. Пройгнорированы были и представленные Вьетнамом весомые доказательства, что эти острова использовались вьетнамскими властями.

В результате решение суда оказалось настолько спорным, что даже филиппинские власти, несмотря на, казалось бы, позитивный для них результат, воздержались от попыток исполнить это решение. По всей видимости, Родриго Дутерте, в то время президент Филиппин, прекрасно понимал, что цель американцев, которые всячески давили на суд в Гааге, — посорить его страну с Китаем, актуализировать территориальный конфликт и извлечь из него свою выгоду.

Есть и еще один принцип, который также все более активно внедряется в международную жизнь, — «мир через силу», когда вместо достижения компромисса разрешением конфликта объявляется военная победа одной из сторон — той, которая, естественно, действует в интересах США. Сейчас этот принцип обкатывается на примере Украины, но вскоре он вполне может быть использован и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Выдвижение его на первый план вполне объяснимо в условиях, когда иных факторов национальной мощи — экономического, информационного, «мягкой силы» — уже недостаточно для сохранения американского доминирования в АТР. На первый план выходит военный фактор как «последний довод королей».

Для полноты картины следует напомнить, что новые «принципы» мировой политики, которые мы рассмотрели выше, теснейшим образом связаны с феноменом постправды, который сегодня играет ключевую роль в информационных потоках. Основная черта политики постправды — повторение искаженной информации, несмотря на то, что она была опровергнута или была заведомо ложной. Постправда — это «обстоятельства, при которых объективные факты менее значимы в формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям»¹. Архитекторами постправды по большей части выступают западные СМИ, которые создают для азиатских социумов другую реальность, постоянно манипулируя общественными настроениями в интересах США и коллективного Запада.

Еще одной чертой современной глобальной политики является то, что ядерное сдерживание, которое так хорошо проявило себя и в период Карибского кризиса 1962 года, и позже — в 1970–1980-е годы, ныне почти не работает. К власти на Западе пришло не знавшее ужасов войны, можно сказать, непуганое поколение политиков, которые почему-то исключают из своих расчетов вероятность ядерной войны и самым активным образом ведут фактически необъявленную войну против России, рискуя перейти все красные линии. Сами они готовы использовать ядерное оружие: так, теперь уже бывший премьер-министр Великобритании Лиз Трасс в одном из своих выступлений заявила, что она готова нажать кнопку запуска ядерного оружия: «Думаю, что это важная обязанность премьер-министра. Я готова сделать это», — сказала она². Особенность си-

¹ Карась Л. Феномен постправды: почему мы верим в то, во что хотим верить. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/19283-fenomen-postpravdy-pochemu-my-verim-v-to-vo-cto-khotim-verit> (дата обращения: 14.05.2023).

² Миронова А. Кто из западных политиков заявил о готовности применить ядерное оружие против России. URL: <https://fedpress.ru/news/77/policy/3101268> (дата обращения: 14.05.2023).

туации с ядерным сдерживанием еще и в том, что пропагандисты и политики западных государств довольно искусно, с применением информационного воздействия и «мягкой силы» пытаются выстроить ситуацию таким образом, чтобы руководство России или Китая даже помыслить не могло о применении ядерных сил. Это хитроумная политологическая технология — убедить своего противника, что даже в целях собственного спасения тот не должен прибегать к ядерному оружию. Пока есть ощущение, что на Западе многие политики, журналисты и даже ученые всерьез верят, что у них это получится, и предпочитают не замечать российских предупреждений относительно перехода Западом всех «красных линий» в конфликте на Украине, а в Азии — в опасности обострения ситуации вокруг Тайваня и Южно-Китайского моря.

Понятно, что цель внедрения всех этих «новаций» в международные отношения заключается в том, чтобы, во-первых, разрушить мировой порядок, основанный на международном праве, и построить на его месте иной порядок, защищающий западные, прежде всего американские интересы. Во-вторых, навязать американские представления правящим элитам и политическим активистам большин-

ства стран, сделать их универсальными и внушить, что американские подходы — единственно верные, и только на их основе может функционировать международная политика.

Опираясь на свои «правила», которые формируют совершенно новую политическую реальность, американцы и их союзники пытаются перетянуть на свою сторону азиатские государства, которые отказались примкнуть к западным санкциям после начала СВО. Механизм «постправды» США стремятся использовать и в Индии, и во Вьетнаме, и в Индонезии, и в целом на пространствах АТР–ИТР, всячески искажая политику и действия России. И не только России, но и Северной Кореи, Мьянмы, а на Ближнем Востоке — Сирии, то есть всех тех стран, которые выступают против американского диктата и которых в Вашингтоне считают врагами.

Проблема состоит в том, что применение США и коллективным Западом всех этих новаций исключает диалог и, наоборот, усиливают тенденцию к конфликтам и войнам. На их основе сегодня формируется глобальный политический ландшафт — неопределенный, конфликтный, несправедливый и крайне опасный для большинства государств.

Г. В. Наумова¹

ОБ УНИВЕРСАЛИЗМЕ И РЕЛЯТИВИЗМЕ ЦЕННОСТЕЙ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА МИРА К МНОГОПОЛЯРНОСТИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И РОССИИ

Недавно вышла в свет моя книга «Мне нужны простые человеческие ценности»² — своего рода хрестоматия западной интеллектуальной мысли второй половины XX века. В ней рассказывается о встречах и беседах в течение последних 30 лет с выдающимися мыслителями нашего времени во всем мире. Мнения некоторых из них будут представлены в настоящем докладе. Это французские мыслители и философы социолог Э. Морен, лингвист Ю. Кристева, социальный критик Поль Вирильо и лауреат Нобелевской премии, писатель и общественный деятель Эли Визель.

С российской стороны — Д. Гранин, которому посвящена моя книга «Мне нужны простые человеческие

ценности» (это цитата самого Гранина) и Д. С. Лихачев, которому посвящаются наши Чтения. Моя встреча и беседа с ним впервые произошла в доме Д. А. Гранина в ноябре 1996 года, и его слова, записанные мною тогда, звучат сегодня с особой значимостью для определения ценностей русской культуры на новом, решающем историческом этапе.

Вопрос о человеческих ценностях на протяжении всей истории цивилизации стоит в центре международного дискурса, он занимает не только мыслителей, но и политиков, стремящихся решать насущные проблемы и конфликты человечества. Кажется, все просто: ведь все люди должны руководствоваться универсальными законами: не убий, не укради; родители хотят счастья своим детям, а дети, в свою очередь, заботятся о родителях и т. д. Но дальше начинаются разночтения. У каждой культуры есть свои особенности и приоритеты, выработанные веками. Потому существует два научных подхода: универсализм и релятивизм.

Напомню, *культурный релятивизм* — направление в антропологии, признающее все культуры равными, оно отрицает этноцентризм североамериканской системы и использует систему антропологических констант и принцип культурных особенностей, исторических, религиозных и т. д. Ведь история, как и писал Н. М. Карамзин, «в некотором смысле есть священная

¹ Писатель, культуролог, президент ассоциации Miracles (Франция), кандидат филологических наук. Инициатор и организатор международных проектов под эгидой ООН и ЮНЕСКО, направленных на укрепление взаимопонимания и коммуникаций между Россией и странами мира в сфере науки, культуры и искусства, в т. ч.: «На пересечении культур: Франция, Россия, Германия» (2003–2010), «Понимание „прогресса“ в разных культурах» (конференции в Калькутте, Александрии, Ла-Пасе, Найроби); «Интеркультурная визуальная библиотека XX века» (1997–2007) и др. Автор книг, изданных на разных языках, в т. ч.: «Мне нужны простые человеческие ценности», «Книги знаний. Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени» и др.; переводчик работ известных представителей современной западной мысли. Соучредитель благотворительного фонда «Ковчег» (Санкт-Петербург).

² Наумова Г. В. Мне нужны простые человеческие ценности. М.: Прогресс-Традиция, 2022.

книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству».

Универсализм же, напротив, утверждает существование внекультурных и вненациональных общечеловеческих ценностей.

Спор между релятивистами и универсалистами — одна из постоянных проблем международного права, и понятно почему. Проблема доминирования Америки — это проблема универсального распространения по всему миру западных ценностей, которые далеко не являются ценностями всего мира, всех культур.

Основоположник структурализма, самый знаменитый антрополог XX века Клод Леви-Стросс, заставивший мыслящий Запад усомниться в неоспоримом превосходстве западной культуры над другими культурами, в частности архаическими, не жаждал тем не менее соседствовать с ними в непосредственной близости, открыто говоря при нашей встрече о том, что экзотика хороша в своем естественном амбьянсе, а не по соседству, на лестничной клетке твоего дома.

Насаждая во всем мире свои ценности, а именно: *технократию* (власть техники над человеком), *безбожие* (сегодня уже открытый сатанизм), *разрушение традиционных ценностей* (семьи, отношений между мужчиной и женщиной, родителями и детьми), *культ потребления, культ секса и насилия* и т. д. Запад сегодня сам оказался в ловушке своей глобалистской политики, планомерно проводимой в течение XX века и особенно усилившейся в новом тысячелетии. Этнические и религиозные конфликты XX века, спровоцированные политикой Запада, ставшие ответом не-Запада на глобализацию и неолиберализм, сегодня вылились в очевидный для всех всеобъемлющий кризис капитализма, который, по мнению международного экспертного сообщества, практически подходит к своему историческому завершению. В этом смысле известную фразу *Фрэнсиса Фукуямы, ученика Самюэля Хантингтона, о конце истории можно понимать в смысле исторического завершения монополярного многовекового доминирования Запада.*

Процесс этот будет длиться долго. Атмосфера кризиса переходного времени отчетливо ощущается в расщеплении сознания и восприятия. Кризис — это суд, в переводе с греческого это сущностное выявление ошибок и перспектив.

После падения должно быть восхождение, и здесь важно не пропустить момент, нельзя сидеть сложа руки и ждать, надо трудиться душой и разумом, не оставаясь равнодушным ни к чему.

Формально мы вошли в фазу глубинного кризиса капитализма, который открывает, однако, новые неожиданные повороты.

В своей книге «К пропасти?» Эдгар Морен описывает процесс *метаморфозы*, превращения гусеницы в бабочку как метафору рождения нового мира, которое происходит всегда в муках и крови, сопровождаемая целым комплексом *непредвиденных и непредсказуемых явлений.*

Эгоистическая цивилизация себя исчерпала. Что дальше?

Десять дней назад, 12 мая, после долгого перерыва я снова встретилась в Париже с Эдгаром Мореном, последним из могижан французской интеллектуальной критической мысли. Через месяц ему исполнится 102 года! Суть метода Морена — в *комплексном и контекстном мышлении*, необходимости реформы мышления во имя спасения человека и жизни на планете. Для выполнения этой сложной задачи он призывает всех граждан Земли развивать *планетарное мышление*, ответственность за природу и жизнь на земле, предлагая план конкретных действий, изложенный им в книге «К политике цивилизации».

Нас связывала многолетняя дружба и множество проектов, в том числе в России. Мы несколько лет не виделись и, воспользовавшись столь редкой возможностью (Морен давно не жил в Париже и редко бывал здесь), я задала ему несколько наиболее актуальных вопросов.

В нашей беседе Морен был озабочен высочайшим уровнем «беспрецедентной, колоссальной *деградации демократии*» в западном мире. «Но нам всегда остается надежда на непредвиденное. Сейчас *период выживания*», — заключил он.

Затронув тему оценки позиции Запада в отношении Украины и России, Морен признал, что «*западные СМИ замалчивают преступления украинских нацистов* и, напротив, по поводу и без повода бесконечно критикуют Россию».

Совершенно *неприемлема* с точки зрения французского интеллектуального сообщества, подчеркнул Морен, *политика русофобии* и отторжения культурных ценностей русской культуры, литературы, музыки.

Морен, как и его старинный друг Ги де ла Шевалери, в квартире которого на Монмартре происходила наша встреча, в прошлом дипломат, работавший в Бразилии, Южной Африке, подтвердил со своей стороны, что «французы любят Россию и ее культуру», что «*Россия и русская культура ближе Европе и Франции, чем Америка.*»

Морен рассказал также, что он читает и перечитывает «Братьев Карамазовых», со слезами говоря о Достоевском: «Какая глубина, какие чувства!» Немало удивил, заявив, что читает также и высоко ценит Юлиана Семенова.

Морен нелестно, но все же деликатно отозвался о Макроне, назвав его молодым и неопытным президентом, который «попытался что-то сделать, но не получилось».

Говоря о современных западных лидерах, мы вспомнили фразу В. Гомбровича: «Незрелость и инфантильность — вот две черты, которые наиболее точно характеризуют современного человека».

Расстались мы на высокой ноте: «Vive la libtré, amitié, fraternité et l'humanité. Dieu va nous aider!» («Да здравствуют свобода, дружба, братство и человечность! И да поможет нам Господь!») — *Примеч. ред.*

Фактически Морен еще раз подтвердил выжидательную позицию всего мира: «Все ждут и смотрят друг на друга. Сейчас наступил период рефлексии относительно самой сущности и смысла будущего человечества. Нельзя при этом забывать уроки истории.

В период становления неизбежно возникают болезни, такие как нацизм. Сегодня он воспринимается в качестве врожденной болезни европейской культуры, а вовсе не в виде симптомов, связанных с Третьим рейхом. Гитлер, по его собственному признанию, следовал урокам своих британских учителей, не скрывал своего восхищения британским расизмом и колониализмом».

Современный мир находится в кризисе, и Россия — часть этого процесса. Многое зависит от международной ситуации, возможного распада Евросоюза, выборов в Америке и ее конфликта с Китаем. По выражению Джеффри Закса, «США проявляют невротическую реакцию против Китая, у которого 18 % мирового продукта против 15 % у США». Китай, так же как и Россия, не собирается захватывать мир, но Америка учит этому будущую элиту.

Но самое страшное — это сформировавшиеся общества зомби, во главе которых стоят политические лидеры-зомби. Ситуация абсурда, по Кафке, когда дипломатия, мировые договоренности бессильны и бессмысленны.

Ситуация зомби-человека: когда вопрос «Где истина?» тождествен вопросу «Где уборная?» Это метафора Мераба Мамардашвили, который также сказал: «Свобода — это принцип внутреннего достоинства и этики в рамках человеческой цивилизации». Но проблема в том, что сама западная цивилизация и человеческое в ней находятся под смертельной угрозой.

А что с Россией?

Двадцатый век показал, что выигрывают общества со стратегическим мышлением. Если у тебя нет тактики, то рано или поздно ты становишься жертвой чужей стратегии. Поэтому первостепенными задачами являются выработка стратегии и идеологии и объединение усилий всего общества.

Во времена кризиса в России всегда происходит консолидация, объединение, общность. Этот механизм имеет глубокие корни социоисторических особенностей формирования русской культуры. Вспомним дуальные модели функционирования русской культуры по Ю. Лотману. Чем больше давление извне, тем сильнее сплочение общества. В испытаниях появляется новый тип человека. И при этом всегда открытый финал. В период кризиса многое зависит от каждого.

Вернемся к вопросу о культурных ценностях в понимании культуры как механизма передачи традиционных ценностей. Некоторые исследователи пришли к выводу, что в 1990-е годы вымирание в России было обусловлено отсутствием ценностей или отказом от традиционных ценностей.

Людям нужен достойный образ будущего. Нужно сначала нарисовать его, прежде чем строить. Пока все только говорят о необходимости. В действительности у нас нет стратегии, ни экономической, ни идеологической, ни культурной, и предстоит огромная *интердисциплинарная работа* историков, антропологов, экономистов, этнологов, психологов и т. д.

Много вопросов: например, если мы говорим о семье как одной из основ нашей культурной традиции. В чем ее отличие? Ведь основой мафии и глобалистов тоже является семья.

Далее: о какой традиции идет речь, традиции какого времени? Тысячелетняя традиция русского народа и других народов России? Каких народов? Вопросы свободы, равенства и многие другие.

Это уже *идеологическое строительство*. Смыслы и цели должны быть выяснены.

К вопросу о правах человека и достоинстве. В послевоенной Всеобщей декларации прав человека ООН определяет общие права и ценности: права человека, гуманизм... Замечательно. Но эти определения давно не отвечают реальным вызовам времени. Потому что определение прав человека сталкивается с таким важнейшим фактором, как человеческое достоинство. И понятие о человеческом достоинстве в разных культурах, как бы это кому-либо ни показалось странным, разное. Оно определяется историей, религией народа, его традициями и культурой, то есть всем *комплексом антропологических констант, характеризующих отношение к смерти, времени, отношения между мужчиной и женщиной, родителями и детьми, рабочую этику* и т. д. Чтобы было более понятно, о чем идет речь, приведу пример.

Во французском языке нет слова «родина», есть слово «отечество» — *patrie*. Нет слова «совесть», есть слово «сознание». То есть то, что идет рука об руку *со знанием*. И тогда логичным кажется утверждение Декарта: «Я мыслю, следовательно, я существую».

Как можно взывать к совести, если в культуре нет этого понятия как такового? Зато есть слово «флирт», которое пришло к нам из французского. Однажды мне пришлось долго объяснять весьма образованным и сведущим людям, что для русской культуры это чуждое понятие, привнесенное извне. Что есть понятие любви, которое понимается в русской традиции как сочувствие, со-страдание. Поэтому ключ к пониманию нашей культуры скорее «Я чувствую, следовательно, я существую». И *совесть* созвучна с *вестью*. Благой, конечно, от Бога. Потому и живут счастливо те, кто живет по совести, по Божьему закону.

А слово «русский», обозначающее национальность, и вовсе является прилагательным, а не существительным. Оно, так сказать, прилагается к другим национальностям, обозначаемым существительными: татарин, еврей, тувинец, немец, американец, китаец, японец, испанец, француз и т. д. Не случайно Сталин говорил: «Я — русский грузинской национальности».

Об этом писал и Д. С. Лихачев, определяя миссию России тем, «что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России, сложившаяся в условиях многонациональности, служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным».

Нет необходимости говорить о моих чувствах при первой встрече с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, при жизни ставшим моральной инстанцией, человеком, личность и творчество которого являются достоянием русской культуры. Самое яркое, что мне запомнилось при личной встрече с Дмитрием Сергеевичем, — это скромность, естественность, простота, искреннее внимание и интерес к собеседнику. И еще особая чистая речь, совершенно лишённая слов-паразитов.

Его труды особенно актуальны сегодня, они играют важную роль в культурной самоидентификации россиян, осознании сути русского менталитета и духовных ценностей.

Мне была очень близка и понятна его мысль об уникальной восприимчивости русскими опыта других народов, и это отражение национального гения нашло наиболее яркое выражение в феномене Пушкина, охватившего все богатство бытия, включая достижения других культур. Его определение миссии России остается актуальным и в наше время радикальных исторических перемен. Академик Лихачев писал: «Эта культура, являясь воплощением высших форм человеческого духа <...> содержит в себе прообраз модели будущего мирового развития».

После встречи я записала в своем дневнике некоторые его мысли:

«Хорошие люди созданы для хорошего. Мало хороших людей стало».

Упадок культуры, поведения, любви к чтению, замена бездумным смотрением телевизора.

Смысл существования нации, народа — только в культуре. А в чем другом существование государства?

Что важно — это искренность, простота и непосредственность. Не думать, как выглядишь, чтобы произвести впечатление.

Совесть удерживает человека от падения, от всего низменного.

Что делать? — Не отчаиваться. Переход от одной культуры к другой совершается с болью. Старого не вернуть.

Пожелание сохранить достоинство. Не просто сохранить спокойствие, но сохранить достоинство. Не позволять глумиться над другими, не разделять людей на образованных и необразованных, бедных и богатых. Достоинство человека в том, чтобы уважать человека».

«Спасибо, что вы меня понимаете», — сказал Дмитрий Сергеевич на прощание.

Те же слова «с надеждой на понимание» написал мне в своей книге о проблемах роста народонаселения в мире Сергей Капица при встрече в Париже. Такие слова обязывают не только к пониманию, но и к действию. Так же как и заветы Даниила Александровича Гранина, сподвигшего меня на труд в 800 страниц, в котором запечатлены события и образы времени, выдающиеся личности и их идеи, и особенно человеческие черты — это было особенно важно для Даниила Александровича. Так сохраняется память о людях и сам механизм передачи духовных человеческих ценностей.

Мы говорили о достоинстве. В чем *достоинство русского человека*? Мы медленно возвращаемся к своим корням, вспоминаем себя в детстве, вспоминаем сказки и колыбельные бабушек, берем в руки старые учебники, детские книжки и игрушки. Как же они изменились сегодня! Наши дети и внуки растут в мире, который зашел в тупик. И далеко не все осознают это. А нам пора проснуться, всем вместе и каждому в отдельности, и задать себе вопрос: в каком мире мы хотим, чтобы жили наши внуки, вся наша огромная стра-

на? И предложить каждому ответить на вопрос: что для него самое главное, от чего мы ни при каких условиях не можем отказаться? И мы увидим тогда, что если глубоко и серьезно отнестись к вопросу, то такие ценности, как *достоинство, правда, справедливость, вера, память, родина, семья, дети, родители, сострадание, солидарность, уважение, любовь, дружба*, прозвучат в ответах россиян. Эти ценности вписаны в наш генофонд, это наш культурный код. Отказ от своих предков — это отказ от своего рода, от своей истории и своей традиции. Это конец. Будущего нет.

Сегодня особенно важна тема памяти, представленная не только Д. А. Граниным и Д. С. Лихачевым, но и французским философом и лингвистом Юлией Кристевой с ее призывом к «революту» — бунту против того, что происходит вокруг, и необходимости подвергать все анализу и сомнению. Вспомним и лауреата Нобелевской премии мира, писателя и общественного деятеля еврейско-румынского происхождения Эли Визеля, узника Освенцима, рассказавшего в своих книгах об ужасах нацизма. Целью его жизни стал долг сохранения памяти о погибших, предупреждая тем самым мир о новой опасности.

«Противоположность любви, — писал он, — не ненависть, а безразличие. Противоположность красоты — не уродство, а безразличие. И противоположность жизни — не смерть, а безразличие и к жизни, и к смерти».

Я не могу поверить, что за каких-то 20 лет мир изменился до неузнаваемости. Близкий друг Миттерана, богатых и власть имущих людей в мире, основавший с их поддержкой *Универсальную академию культур* в Париже, своими выступлениями и воспоминаниями 16-летнего мальчишки о лагере смерти Визель пробуждал в людях бдительность и обостренную реакцию на малейшие проявления нацистско-фашистской идеологии. Ведь «если слушаешь свидетеля, сам им становишься», говорил писатель.

Но Эли Визеля уже нет в живых, он уже не бьет в набат на самом высоком уровне, сегодня открыто поддерживают нацистов и западные правительства, и Папа Римский. Нет в живых и большинства свидетелей нацистских преступлений, мало осталось и наших ветеранов Великой Отечественной войны. И вспоминается мне тогда, много лет назад, странное высказывание одного американского участника на международном форуме: «Старики скоро уйдут, а с молодежью мы разберемся».

Разбирались по хорошо продуманному и подготовленному плану, помня заветы Бисмарка и Черчилля: «Извне русских победить невозможно, мы все это знаем. Но их можно направить по неверному пути».

И нас в очередной раз направили. Сначала соблазнив прелестями западной сладкой жизни, которая, по сути, есть утопия — хорошо там, где нас нет. Разрушив Союз и солидарность людей, отгнав традиционные ценности, тщетно, но все же не без успеха, пытались привить чужеродные ценности в жизни, искусстве, воспитании, в отношениях людей. Пытались отнять веру и образование. И также весьма преуспели. Ведь недаром писали русские философы о чрезвычай-

ной отзывчивости русской души и ее женственной податливости. Как, например, Георгий Флоровский в своем труде «Пути русского богословия»: «Русская душа подвижная, легкоплавающая, женственная... В странствиях по временам и народам слишком многое привлекает и увлекает ее, удерживая в небытии. Слишком привыкли русские люди томиться на перепутье... *Нужна аскеза, отрезвление и собирание души*».

«Русского человека разрушает удобство, рациональность, роскошь. Ему нужен этот противовес к его потенциальной внутренней силе. Когда нет трудностей, которые он должен преодолеть, несмотря ни на что, то сила эта уходит, трансформируется в бездеятельность, пустые разговоры, тоску и так называемую ностальгию».

Думаю, что русские религиозные философы Шестов и Флоровский абсолютно правы, полагая, что исход для русского человека — в аскезе, собирании души. Русский человек как раз таков, что «голод, холод, тяжелая работа, бессонница пробуждают в нем чудовищную силу».

Именно эта сила духа русского человека и есть та загадка и тайна, которую никак не может разгадать Запад и из века в век, отчаявшись, пытается уничтожить Россию. Нам пора понять это и не набиваться в друзья, мы никогда ими не станем. Но разумно, рационально, на основе уважения и равноправия, а главное — с учетом СВОИХ национальных интересов стремиться строить новый, более справедливый мир.

И еще один вопрос имеет значение — это вопрос скорости. Аналитики в шутку говорят: «Победит тот, кто упадет последним».

А Поль Вирильо (Paul Virilio, 1932–2018), французский философ и социальный критик, специалист по урбанистике и стратегическим вопросам, касающимся новых технологий коммуникаций, считает, что «если время — деньги, то скорость — это власть». С его мышлением мне хотелось бы связать свою веру в будущее Франции и Европы.

Свой философский дискурс на стыке физики, философии, политики, эстетики и урбанизма Вирильо называет дромологией. Этот оригинальный подход основан на теории скорости, разработкой которой Вирильо занимался несколько десятилетий и которая принесла ему мировую известность. Основной идеей является понимание скорости как репрезентации работы социально-политической машины, обладающей разрушительной силой. В своей книге «Война и телевидение» (1999) П. Вирильо проводит удивительные параллели между развитием военной техники и кино.

Вирильо — христианский философ. Своим скептическим взглядом на будущее он снискал себе признание пророка несчастий, гуру негативного. В нашей беседе он рассказал о себе так: «*Я не гуру и не пророк. Я — дитя своего времени, страхи которого я несу в себе и выражаю их в свойственной мне манере. Я пережил Вторую мировую войну в возрасте от 7 до 13 лет в условиях, которые были абсолютно ирреальными, которые сложились под влиянием манипуляций и фальсификаций и разрушали всякую веру в реальность, в непосредственность происходящего.*

Мы жили в Нанте, который заняли немцы, а союзники, которые прилетали издалека, появляясь на небе в боевых самолетах, во имя свободы сбрасывали бомбы на город. Внизу враг в оккупации мучил нас своей пропагандой, а наверху друг спасал нас, сбрасывая бомбы, которые разрушали город и убивали людей. Мальчик, которым я был тогда, не мог поверить своим глазам и все время спрашивал себя, где он может найти опору среди этих феноменов обмана. Этот мальчик с предельной подозрительностью наблюдал за тем, что претендовало быть реальностью — и он сохранил в себе эту установку. Эта манера остается моей до сегодняшнего дня.

Последовавшие после 1945 года исторические события способствовали тому, чтобы мы еще больше утвердились в этой точке зрения. За войной, как известно, последовало течение последующих 40 лет, мы находились в конфронтации с тем мифом, который проявил себя как реальность. Опасность состояла в том, что мы видели не только города Хиросиму или Нагасаки превращенными в кучку пепла, но и всю землю: конец мира мог наступить в любой момент. И снова мы должны были сомневаться в здешней пропаганде, так как она основывалась на логической схеме, согласно которой зло находится на Востоке, а добро — на Западе. Такой тип манихейства давал все основания держаться по отношению к нему в оппозиции и разрабатывать другой образ мышления между этими обеими противоборствующими идеологиями. Именно это я и сделал. Я обратился к христианству. В 1950 году благодаря рабочим священникам я обратился в веру. Так как я происхожу из левой среды, я был поставлен перед альтернативой выбора: марксизм, коммунизм и тоталитаризм либо вера. Я выбрал последнее».

Говоря о главных угрозах XXI века, Вирильо цитирует Эйнштейна, который назвал три бомбы — атомную, информационную и демографическую, которую Вирильо называет генетической бомбой. «Генетическая бомба получила развитие на базе бомбы компьютерной, поскольку только компьютеры позволяют производить расшифровку и манипулировать ДНК. Почему тогда несчастный случай, спровоцированный информационными технологиями, последствия которого оказали бы воздействие на весь земной шар, не может стать причиной войны в известной мере как продолжение политики, только другими средствами? Виртуальные реальности — это тоже инструмент, который может блокировать знания и энергию. В рамках охватившей весь мир коммуникативной системы тот обладает сверхвластью, кто в одно мгновение может прервать виртуальную сеть»¹.

В заключение, несмотря на реалистичные скептические прогнозы Вирильо, хочется больше верить в рационально оптимистическое видение Морена относительно будущего Европы и мира. Как противовес концепциям столкновений и разрушений звучит призыв Э. Морена ко всем обитателям планеты Земля «жить

¹ См.: Барлевен К., Наумова Г. Книга знаний. Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени / сост. К. Барлевен, Г. Наумова; пер. с фр. Г. Наумовой. М.: Прогресс-Традиция, 2010.

поэтически», предложившего сменить политику войны на политику спасения общего дома землян! «Планиета Земля — наше общее отечество. На космическом корабле под названием „Планиета Земля“ человечество

должно быть не пилотом, а штурманом. Землей должна управлять жизнь, человеком должно управлять сознание. Реформа мышления — ключевая антропологическая и историческая проблема».

О. Рокпло¹

МЫСЛЬ Д. С. ЛИХАЧЕВА И КУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС ФРАНЦУЗСКОЙ ЭЛИТЫ XXI ВЕКА. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ НОМО EURAMERICANUS

Нация не должна забывать о причинах, по которым она может ценить себя.

Альбер Камю

Великое наследие литературоведа и мыслителя Д. С. Лихачева до сих пор остается малоизвестным во Франции. Лишь одна докторская диссертация, хотя и очень важная, была посвящена ему: «Д. С. Лихачев. Историческая поэтика русской литературы X–XX веков»². Лихачева, безусловно, читают и комментируют специалисты по древнерусской литературе (П. Гонно, А. Лавров, В. Водов, Ж.-П. Арриньон, М.-К. Шауб), что позволило мне самому открыть его для себя. Но известность Лихачева не вышла за пределы узкого круга русистов.

Между тем актуальность идей Лихачева в современной Франции трудно переоценить. В начале XXI века страна столкнулась с острым культурным кризисом. Лихачев предвидел такого рода кризисы, когда говорил о необходимости того, что он называл экологией культуры. Более того, академик утверждал, что проблема конфликтов и их разрешения напрямую вытекает из проблемы культурного невежества. Ухудшение отношений между Францией (и другими странами Европы) и Россией в 2014 году и его усугубление в 2022-м — это результат процесса, описанного Лихачевым.

Здесь мы рассмотрим в основном проблему французского культурного кризиса в свете работ и концепций Лихачева, а также последствия этого кризиса для франко-российских отношений и в целом для отношений Франции с миром.

Этот кризис связан с появлением нового человека, которого я называю Номо Euramericanus (или, по словам Р. Дебре, «галло-американцем»³), который не яв-

ляется ни французом, ни европейцем, ни североамериканцем, а представляет трансатлантическую эрзац-культуру, потерявшую ориентиры и даже свою территорию. Доклад позволит нам идентифицировать такого Номо Euramericanus и отчасти описать его, не выходя за рамки введения в проблему столь значительного масштаба.

Пример Франции многогранен. С одной стороны, в Европе Франция и ее культура достаточно велики, в отличие, например, от стран Скандинавии, а исторически они являются важным ориентиром для всей Европы и многих других стран мира. С другой стороны, французская культура официально стремится противостоять культурной глобализации⁴, чего нельзя сказать о Нидерландах или государствах Центральной Европы. Французская культура также явно и радикально отличается от культуры Северной Америки, в то время как общие черты США, Скандинавии и Нидерландов (северогерманское происхождение, протестантизм, ранний либерализм) отчасти объясняют мощный процесс культурной интеграции, который сделал английский язык почти доминирующим в этих странах Северной Европы⁵. Наконец, в отличие от Германии, Франции не пришлось пережить травму национального краха, поэтому она может открыто смотреть в глаза миру и истории. Таким образом, Франция, наряду с Италией и Испанией (менее влиятельными странами), является наследницей Римской империи и во многом благодаря этому обладает сильной, гордой и живой культурой.

Более того, Франция (что логично) играет особую роль в международных культурных отношениях. Штаб-квартира ЮНЕСКО находится в Париже, и Франция входит в число тех стран, которые внесли наибольший вклад в сохранение мирового культурного наследия. Это, в частности, связано с политической культурной исключительностью, на которой настаивал писатель и государственный деятель Андре Мальро и которую Франция проводит с 1959 года. Согласно данной концепции художественные произведения, в том числе

com/americanisation-influence-culturelle-regis-debray/ (дата обращения: 16.03.2023).

⁴ См. закон Ж. Тубона от 4 августа 1994 г.; документы по реализации поддержки международной франкофонии.

⁵ Интервью, данное автору голландским профессором В. Мамадух 5 июня 2018 г.

¹ Экс-советник специального посланника Франции в России, политический аналитик и консультант аналитического центра «Конфликты» (Париж) и форума SongYun (Шанхай), доктор исторических и политических наук Университета Сорбонна (Париж). Автор 28 публикаций на темы геополитики, истории, международных отношений и цветных революций, в т. ч.: «Мифическая революция гвоздик в Португалии (1974–1976): Как за два года превратить колонизаторов в колонизированных», «Привкус цветных революций» (в соавт.), «Калининград: прусский эпицентр напряженности в Балтийском регионе?», «Россия и ее дальне-западное зеркало: геополитическая идентичность России через призму Калининградской области» и др. Обладатель нескольких наград Института Гердера (Марбург).

² Lesourd F. D. S. Likhatchev. Poétique historique de la littérature russe du Xe au XXe siècle. Lausanne : L'Age d'Homme, 1988.

³ Debray R. Comment nous sommes devenus «gallo-ricains» // Conflits : Revue de Géopolitique. URL: <https://www.revueconflits.com>

драматургические, кинематографические и телевизионные, не могут продаваться и покупаться, как другие товары, поэтому на них не должны распространяться обычные правила рынка. Со знаменитой речи Мальро в ЮНЕСКО в 1960 году началась первая международная кампания по сохранению культурных шедевров. Подход российского ученого Дмитрия Лихачева и его Декларация прав культуры 2001 года во многом созвучны идеям француза Мальро.

Исследовать культурный кризис во Франции значит изучать его в стране, где он наименее разрушителен, и прогнозировать последствия для остальных стран ЕС, добавляя, что Балканы, кажется, следуют другой логике из-за их радикальных отличий, похожих на отличия самой России.

Рассмотрим проблему *Homo Euramericanus* с исторической, антропологической и геополитической точек зрения.

Кризис культуры французских элит: от 1940 года и мая 1968-го до вокзима и новых видов варварства 2010-х годов

Французская культура, бесспорно, — одна из самых ярких в Европе. Наше богатейшее литературное наследие создавалось в течение нескольких столетий, начиная со Средних веков. В XX веке благодаря техническому прогрессу стартовало бурное развитие и других видов искусства. Так, к началу 1940-х годов Франция переживала золотой век кино, но в это время в стране начался острый нравственный кризис, вызванный военным разгромом и немецкой оккупацией. Следствием стал раскол общества на три антагонистические группы:

— большой центристский (консервативный и социалистический) коллаборационистский блок, который смирился с поражением и перестал верить в обоснованность французской модели развития, в том числе культурного;

— голлистские националисты (правые и левые), не признавшие поражения;

— коммунисты, вдохновленные примером СССР, которые боролись против Рейха во имя рабочего класса Франции.

Этот раскол имеет фундаментальное значение для понимания французской культуры XX века и ее современных тенденций. Освобождение Парижа в 1944 году обеспечило временное превосходство голлистских и коммунистических сил Сопротивления, но в 1946 году у власти фактически вновь оказались центристы, которые во время войны сотрудничали с Рейхом и не верили в успех Парижского восстания. Из-за политики центристов начался культурный кризис, поскольку они были по-прежнему готовы стать сателлитами более сильных держав. Этот кризис сделал возможным массовое англосаксонское культурное вмешательство. С конца 1940-х годов эта политика привела, например, к созданию Высшей школы социальных наук, колыбели «американских левых», с целью уравновесить влияние Национального центра научных исследований, который считался слишком прокоммунистическим. Именно в этот период зародился *Homo*

Euramericanus, этот культурный гибрид без корней, который не является ни европейцем, ни североамериканцем.

Режис Дебре говорит, что современные французы — это галло-американцы. «В каждом из нас есть что-то от Джонни Холлидея», — говорит президент Макрон. А что такое феномен Джонни Холлидея, если не американская мечта? Когда он скончался, миллион французов пришли на Елисейские поля, чтобы принять участие в траурной процессии, и Макрон произнес речь в его честь. Холлидей — франко-бельгийский рок-певец, который на протяжении всей своей карьеры пытался копировать Элвиса Пресли, очень популярный среди мелкой буржуазии и частично среди рабочего класса.

Однако надо подробнее описать появление *Homo Euramericanus*. Английский язык стал языком глобализации и все шире распространяющихся электронных технологий. Это подразумевает определенную аккультурацию всего мира, особенно элит и молодежи, через субкультуру *globish*. Однако для возникновения *Homo Euramericanus* этого недостаточно — необходимо еще стереть культурную и историческую память и отказаться от своего наследия, о чем писал Юрий Лотман¹.

Разумеется, этот процесс во Франции не является всеобъемлющим. Везде есть местные ученые, люди, укорененные в своей культуре и истории. Однако некоторые категории населения страны уже стали настоящими *Homo Euramericanus*. Это политико-экономическая элита, рекламщики и журналисты, некоторые учителя и ученые, но в первую очередь — не очень образованные, нацеленные исключительно на потребление представители мелкой буржуазии. Именно они были «людьми, которые плакали по Холлидею». Против этих четырех социальных групп выступает огромная и очень разнообразная часть французских граждан, которая сопротивляется: ученые, духовенство, деятели культуры, защитники культурного наследия, особенно местного, носители истинно культурного сознания независимо от их социального происхождения, а также очень большая доля рабочего класса — наследники политической культуры коммунистического и голлистского сопротивления.

В то же время следует помнить, что за пределами Европы патриотизм, национализм и память о колониальных угрозах выполняют функцию защиты против *Homo Euramericanus*, а в Турции и Мексике такой защите способствует еще и разрыв в уровне развития по сравнению с США. Хотя отдельные случаи можно наблюдать по всему миру, феномен *Homo Euramericanus* в масштабах всего руководства страны пока можно встретить только в ЕС (хотя не исключено, что это может произойти еще и, например, в Южной Корее, что приведет к образованию *Homo Amerasiaticus*). В одних странах ЕС это явление распространено больше, в других меньше, но на уровне элит оно кажется само собой разумеющимся, в том числе потому, что национализм везде был подавлен еще в 1968 году, а колониальной

¹ Лотман Ю. М. Культура и информация // Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту: Тартуский ун-т, 1970. С. 11.

угрозы, способной напугать и предупредить их, не существовало.

Номо Euramericanus не теряет свой язык во Франции. Французский язык испытывает сильное влияние английского, но не находится под угрозой исчезновения. Однако французская культура подвергается серьезной опасности.

Д. С. Лихачев утверждал, что литература — это исконная основа культуры, моральных и духовных ценностей общества и что она всегда может служить их восстановлению: «литература... это неисчерпаемый источник нравственных сил» и «нравственного самоочищения»¹. Он был прав. Но с появлением телевидения и Интернета новый социокультурный фактор, похоже, изменил ситуацию. Как написал в 2017 году Режис Дебре, «мы перешли от графосферы к видеосфере. А видеосфера — это Америка. Как только вы включаете свой компьютер, ваш язык и мышление формируются под влиянием идеалов, норм и слов, пришедших из-за Атлантики»². На практике это означает, что XXI век заставил конкурировать изображение и письменное слово и что «картинка» и видео, более примитивные и доступные для понимания необразованной аудитории, почти одержали верх над текстом. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что даже серьезные научные работы сопровождаются презентациями в PowerPoint. Текста становится недостаточно, что свидетельствует о регрессе и снижении роли слова.

Влияние США заметно во всем мире, и в значительной степени американизация Франции и других стран — это просто эффект глобализации. Но Номо Euramericanus явно отличается от других «американизированных» людей степенью культурной зависимости. В его случае она полная, и он сознательно стремится стать американцем, отказываясь от родной культуры. Это было невозможно ни в 1950-х, ни в 1960-х годах.

Цветная антикультурная революция, произошедшая во Франции в мае 1968 года, во многом стала следствием влияния взглядов немецко-еврейского философа Герберта Маркузе, представителя Франкфуртской школы, одного из руководителей ЦРУ в ФРГ, который отвечал за политику «денацификации». Именно в этом контексте он постепенно стал основателем политического направления *New Left* (новых левых). Его сторонники считали, что поскольку все вопросы материального существования решены капитализмом, то моральные обязательства и запреты больше не актуальны, поэтому можно перейти к реализации сексуальных инстинктов человека путем их освобождения. Он поддерживал свободное выражение левых идей, псевдо-маоизм (выступив за маоизм в 1968 г.³) и права меньшинств, потому что они представляют «партию терпимости», а также запрет на деятельность правых (националистических) сил, потому что они являются «партией нетерпимости». Маркузе выступал против

любого контроля и цензуры, являющихся, по его мнению, источниками угнетения⁴.

Это то, чем является движение «Май 1968-го», поддерживаемое ситуационистами Ги Дебором и Кон-Бендитом, а также троцкистами и псевдо-маоистами. Это либертарианское движение *Rock* и все то, что оно представляет: антипатриотизм, анти-иерархию, анти-общество и антикультуру; оно осуждает театры Парижа, Лиона, Авиньона, потому что это очаги классической культуры, соперники *Rock* и *New Left*.

В то же время движение не является антикапиталистическим, а его идеология довольно слабая. Главный лозунг, выдвинутый Кон-Бендитом, — «запрещать запрещается». Но по сути это было движение, направленное на разрушение культуры в том виде, в котором она существовала до 1968 года, поскольку она не предусматривала обновления социальных, моральных и культурных ценностей по сценарию «насмешка—деконструкция—разрушение»⁵. Ни один из студенческих лозунгов мая 1968 года не был позитивным. Это была битва против корней и основ порядка, что бы этот порядок собой ни представлял. Как и следовало ожидать, стремление к культурному опустошению открыло двери для американизации общества.

Таким образом, май 1968-го стал тем катаклизмом, который буквально дезориентировал все общество, и в первую очередь саму молодежь. Pensee 68 («Мышление 1968 года») отражает нигилизм, который наглядно проявляется в моральном и художественном кризисе 1970-х годов, когда кино показывает пустоту. Pensee 68 начинается как «юношеское варварство» и постоянное отрочество. Логично, что после мая 1968-го стали разрешены и возможны любые выступления вплоть до беспорядков. О степени блуждания, порожденного этой революцией, можно судить по профилям лидеров. Так, Кон-Бендит жил в мире, который не был ни европейским, ни американским, и метался между высокой буржуазностью, салонами Сартра, наркотиками, педофилией, крайне левым терроризмом Ханса-Йоахима Кляйна и бандитизмом Пьера Гольдмана.

Вся интеллигенция, в основном левых взглядов, и в конечном счете почти вся французская элита, по сути, вышедшая из одной школы — парижского *Sciences Po* (Института политических исследований), приняла Pensee 68, которая продолжает прямо или косвенно доминировать в средствах массовой информации и в сознании правящих элит. Начиная с мая 1968 года все, что напоминало об авторитетах или наследии прошлого, высмеивалось, особенно понятие национальной привязанности под влиянием денацификации Маркузе. Тем временем Pensee 68 получила поддержку влиятельных теоретиков — Ж. Лакана, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёза (группа «французской теории») и педофилов⁶, стремящихся защищать исключительно

⁴ Marcuse H. *Eros & Civilization* (1955, 1966) ; *Idem*. *Tolerance repressive* (1964).

⁵ Zemmour E. *Le Suicide français*. P. : Éditions Albin Michel, 2014.

⁶ Pédophilie et inceste : comment le passé rattrape ceux qui ont défendu l'indéfendable // *Le Parisien*. URL: <https://www.leparisien.fr/culture-loisirs/pedophilie-et-inceste-qui-sont-ces-intellectuels-qui-ont-longtemps-defendu-l-indefendable-05-02-2021-8423257.php> (дата обращения: 16.03.2023).

¹ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 4-е изд. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 65.

² Debray R. *Op. cit.*

³ Giroud F. *L'Express va plus loin avec Herbert Marcuse // L'Express*. 1968. 23 sept. URL: https://www.lexpress.fr/politique/1968-l-express-va-plus-loin-avec-herbert-marcuse_2013310.html (дата обращения: 16.03.2023).

«угнетаемые» меньшинства, как Маркузе. Они делегитимизируют власть большинства и деконструируют все социальные институты: семью, церковь, государство, профсоюзы, школу...

Затем они начали деконструировать все формы идентичности — социальной, культурной, сексуальной, биологической. Эти философы изменили доминирующий образ мышления и публичные ценности французского общества и до сих пор определяют их в общественных дискуссиях.

Наконец, с 1981 года, когда к власти пришли сторонники Ренсее 68, всем СМИ навязывалась упрощенная схема «патриотизм = национализм = фашизм = абсолютное зло», которой, как предполагается, должна противостоять формула «космополитизм = либертарианское левое движение = антифашистское сопротивление = демократия = абсолютное добро».

С тех пор все публичные дебаты систематически вращались вокруг этой ложной поляризации внутренней и внешней политической жизни Франции. Примеры легко найти среди множества публикаций в СМИ. Дебаты по фундаментальным вопросам XXI века, таким образом, постепенно сужаются вплоть до «единственной мысли» (*pensée unique*). Такое резкое обеднение дебатов стало возможно лишь при условии предварительного стирания культурной и исторической памяти.

Бунт буржуазной молодежи в мае 1968-го привел, помимо прочего, к деформации образования. Все, кто учился в школе после 1968 года, столкнулись с общим снижением качества и объема образования. Внешне оно стало более демократичным и доступным, но по сути оно постепенно ухудшалось. По оценкам Режиса Дебре, в 2015 году сын руководителя делал в пять раз больше ошибок во французском языке, чем сын рабочего в 1930-м¹. Главным следствием этого становится утрата многовековой культурной и исторической памяти, остается лишь память о периоде после 1945 года. Мы вернемся к этому во второй части доклада.

Одержав первую победу, Ренсее 68 спровоцировало вторую волну идеологического и культурного вторжения во Францию, начиная с 2010-х годов, с гендерной теорией, с одной стороны, и вокизмом — с другой. Здесь я остановлюсь только на второй теме.

Идеология вокизма², как и многие другие, не является культурным феноменом. Изначально он был призван пробудить и освободить сознание чернокожих американцев от англосаксонского культурного господства. Но он быстро превратился в оружие массового культурного уничтожения: его целью было делегитимизировать, осудить и затем стереть культурную память, которая, как считают вокисты, ограничивает свободу, и заменить ее другой, специально изобретенной для этой цели. Именно так Лихачев определяет разрушение культуры в своей теории культурной экологии.

Североамериканский вокизм импортируется во Францию либерально-либертарианскими организациями, в частности некоторыми сообществами черноко-

жих жителей стран Карибского бассейна. Он все чаще бросает вызов основам французской культуры. Вот один пример, иллюстрирующий чрезвычайную опасность вокизма³. В феврале 2023 года молодой активист-вокист обвинил Жана де Лафонтена в том, что его басни якобы были плагиатом текстов Эзопа. Последний же, как утверждается, был чернокожим африканцем. Предлог смехотворен — достаточно прочитать Эзопа на греческом и Лафонтена на французском. Но вред нанесен: молодежь начинает сомневаться в Лафонтене — одном из столпов европейской литературы и основателей классического французского языка. Вокисты пытаются подорвать авторитет Лафонтена, а затем «отменить» его. Стирая Лафонтена из сознания тысяч молодых людей⁴, вокисты создают ситуацию, когда в ближайшем будущем можно будет стереть всю классическую французскую культуру. Опасность колоссальна, особенно если учесть, что вокисты получают не только деньги за совращение молодых людей, но и прямую власть над ними, так как вокист Пап Ндиайе с 2022 года является министром национального образования в правительстве Макрона.

Лихачев писал о том, что для поддержания культуры жизненно важна роль школ и университетов⁵. Именно здесь кроется сила вокизма с его всепроникающими политическими и социальными шупальцами.

Следует подчеркнуть, что вокизм неслучайно до такой степени разрушителен: он родился в сообществе, которое в свое время подверглось культурному краху. Особенность чернокожего населения стран Северной Америки и Карибского бассейна заключается в том, что они являются потомками рабов, которых вынудили отказаться от своего языка и культуры, смешав их так, что они не могут понять друг друга, и превратили в покорных рабов. Именно это культурное опустошение стало болезнью, распространяемой по всем континентам.

Наконец, решающим в истории культурного кризиса Франции стал 2012 год, когда было принято решение об окончательной отмене преподавания древнегреческого и латыни в средних школах. А ведь это глубочайшая основа французской культуры — фундаментальных трудов в области науки и искусства, литературной классики; на этих языках были написаны священные тексты, философские трактаты, на основе латыни сформировался французский язык... Это, несомненно, самый острый кризис, потому что он выкорчевывает культурные корни. Именно на это указывал Лихачев, когда говорил: «Колоссальный удар русскому языку, а следовательно, и русскому понятийному миру принесло после революции запрещение преподавания Закона Божия и церковнославянского языка. Стали непонятными многие выражения из псалмов, богослужения, Священного Писания (особенно из Ветхого Завета) и т. д. Этот огромный урон русской культуре еще придется изучать и осмысливать»⁶.

³ https://www.tiktok.com/@guerrier_silencieux/video/7204917759312956677 (дата обращения: 16.03.2023).

⁴ Там же.

⁵ Декларация прав культуры, § 16, § 14в, г.

⁶ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 4-е изд. СПб.: СПбГУИ, 2022. С. 28.

¹ Debray R. Civilisation. Comment nous sommes devenus américains. P. : Gallimard, 2017. Chapitre III.

² Valentin P. L'idéologie woke. Vol. 1 : Anatomie du wokisme ; Vol. 2 : Face au wokisme. P. : Fondapol, 2021.

Лихачев отмечал, что когда исчезает или разрушается хотя бы один существенный элемент той или иной культуры, то в конечном счете под угрозой оказывается вся культура¹.

Греки и римляне считали варварами тех, кто не владел их прекрасными языками. Таким образом, французы в 2012 году вступили в эпоху варварства, они становятся жертвами войны против их культуры. Можно ли считать случайностью, что в том же году были легализованы однополые браки? А в 1968 году нападки на театры происходили одновременно с пропагандой разнузданной сексуальности и педофилии. *Нравственность, как отмечает Лихачев, неотделима от культуры.*

Номо Euramericanus: человек у реки Лета и педократ

Дипломатическая, идеологическая и даже военная конфронтация между странами Западной Европы (включая Францию) и Россией, начавшаяся в 2014 году и обострившаяся в 2022-м, напоминает нам о важности лихачевского мышления в области мира. Сегодняшняя евро-российская конфронтация, из которой мы здесь упомянем только франко-российское измерение, действительно является войной постмодернистского мракобесия. Лихачев писал: «А прочный гражданский мир возможен только на основе культуры. Многие наши трагические конфликты в значительной мере происходят от бескультурья, от несдержанности в выражениях, от неумения выслушать оппонента, убедить его»².

Современная Франция с 2022 года в той или иной степени реализует идею запрета русского искусства, литературы, классической музыки в рамках «политических санкций», которые вторгаются даже в культурное поле, по просьбе украинского³ и британского⁴ правительств, утверждающих, что культура — это третий фронт войны, которую они ведут против России, наряду с военно-политическим и экономическим фронтами. Это, конечно, возмутительно, это действительно мракобесная война, преступление против культуры и этническая ненависть (которая также прямо или косвенно затрагивает большинство украинцев, разделяющих эту культуру). И, как прекрасно понимал академик Лихачев, это мракобесие делает мир невозможным, а войну неизбежной. Но этот третий фронт закономерен, поскольку, как признавал ученый, культура — это вопрос духовной безопасности того или иного народа⁵,

¹ Декларация прав культуры, § 14л.

² Лихачев Д. С. Великая культура примирительна по своей сути // Дни науки в Университете. Избранное. СПб. : СПбГУП, 2007. С. 55.

³ Oleksandr Tkachenko: “As Ukraine’s culture minister, I’m asking you to boycott Tchaikovsky until this war is over” // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/dec/07/ukraine-culture-minister-boycott-tchaikovsky-war-russia-kremlin> (дата обращения: 16.03.2023).

⁴ Scott G. Cultural sanctions are third front in Ukrainian war — Dorries // Evening Standard. 2022. March 3. URL: <https://www.standard.co.uk/news/uk/vladimir-putin-russian-international-paralympic-committee-nadine-dorries-culture-secretary-b985751.html> (дата обращения: 16.03.2023); Sanctionner la Russie sans bannir sa culture // La République des livres. 2022. 2 août. URL: <https://larepubliquesdeslivres.com/sanctionner-la-russie-sans-bannir-sa-culture/> (дата обращения: 16.03.2023).

⁵ Декларация прав культуры, § 14.

в тотальной войне враг атакует и культурную безопасность тоже.

Лихачев настаивал на понятии «бескультурье», и с ним можно только согласиться. Геополитические конфликты неизбежны, напряженность возникает часто, но их разрешение всегда возможно при условии сохранения культурной связи с другой стороной. Эта связь включает не только дипломатические усилия, но и знание другого, желание понять его, хотя бы для того, чтобы контролировать или «победить». Разрыв культурного и даже научного сотрудничества между французами и россиянами — неслыханное явление во времена холодной войны — чрезвычайно опасен, поскольку эти два народа представляют собой важнейшие исторические полюса культуры на европейском пространстве.

В этом кроются истоки не самого конфликта, а неспособности его контролировать, что было возможно даже в условиях напряженности в годы холодной войны. Сегодняшние французские лидеры больше не знают Россию — ни ее языка, ни истории, ни культуры. В 1990-х годах русский язык постепенно исчез из школ и сегодня не преподается, что оказывает решающее влияние на уровень знаний о России во французском обществе, в том числе в академической среде. То же можно сказать и о других иностранных языках. Между тем Лихачев утверждал, что образование лежит в основе любых контактов человека с национальной и мировой культурой⁶.

Российская история тоже почти неизвестна во Франции, прежде всего история отношений между нашими странами. Она отсутствует в сознании поколений, родившихся после 1950 года. Этот пробел очень заметен. Вспомним дебаты между Жаком Шираком и Лионелем Жоспеном в 2002 году, когда Жоспен без усилий цитировал Лермонтова⁷. Правда, Жоспен был антисоветчиком, троцкистом и участником протестов в мае 1968-го, но он родился в 1937 году, поэтому получил хорошее классическое образование. Следует упомянуть также Жана-Пьера Шевенмана (1939 г. р.), на стороне которого я сам выступал в 2017–2019 годах. Политик и государственный деятель левого толка, но он был способен наладить контакт с Россией, в том числе в период высокой напряженности после 2014 года, потому что из истории он помнит как об альянсе России и Франции в 1894–1917 годах, так и о войнах — Крымской, наполеоновских, Семилетней. Он знает, что Россия — европейская страна, которая является частью общей европейской (в том числе французской) памяти. В 2014 году он участвовал во франко-российском мероприятии в память о 1914-м.

Но эти лидеры представляют уходящее поколение. У поколения сегодняшних лидеров, независимо от уровня их образования, нет этой исторической памяти, потому что, как писал Ю. Лотман, их память стерта и переписана державами, которые хотят уничтожить и французскую, и русскую культуру, и делают

⁶ Декларация прав культуры, § 14г.

⁷ <https://go.gale.com/ps/i.do?id=GALE%7CA419269524&sid=googleScholar&v=2.1&it=r&linkaccess=abs&issn=03017257&p=AQNE&sw=w&userGroupName=anon%7E6dc369a0> (дата обращения: 16.03.2023).

это очень умело начиная с 1968 года. Николя Саркози (1955 г. р.), Франсуа Олланда (1954 г. р.), Эмманюэля Макрона (1977 г. р.) объединяет то, что на них оказали решающее влияние события 1968 года, которые произошли либо в их школьные годы, либо задолго до них. В отличие от людей, родившихся до 1950 года (которых можно считать последним поколением долгой памяти, поскольку в 1968 г. самым младшим из них было уже 18 лет), лидеры, появившиеся на свет позже, относятся к поколению забвения: они не знают и не помнят в культурном плане мир до 1945 года, который в их представлении является как бы «годом 0»¹. Их речи и обращения никогда не выходят за рамки этой даты. Результат очевиден: начиная с 1947 года СССР — это противник, а Россия — «вечный противник», потому что уже нет памяти о Сталинграде, о битве при Гумбинне в сентябре 1914 года, которая спасла Париж, о Венском конгрессе, о Петре Великом и Екатерине II.

Более того, для этих поколений США являются чуть ли не единственным победителем во Второй мировой войне и единственным освободителем Европы. В 1945 году в ответ на вопрос: «Какая страна внесла наибольший вклад в поражение Германии?» 55 % французов назвали СССР и лишь 15 % — США, а спустя 70 лет воздвигая пропаганды (особенно через кинематограф) и уничтожения исторической памяти — ровно наоборот².

Приведу пример: ни Франсуа Олланд, ни Эмманюэль Макрон в 2014–2018 годах ни в одной из своих речей ни разу не упомянули Франко-русский союз³, хотя празднование столетия со дня окончания Первой мировой войны (1914–1918) во Франции длилось пять лет. Более того, все речи, посвященные этому периоду истории, как правило, содержали отсылку к событиям 1945 года, а День перемирия 11 ноября 1918 года (день подписания Компьенского перемирия, положившего конец военным действиям Первой мировой войны) теперь является Днем памяти павших без каких-либо уточнений. События того периода больше не имеют никакого значения⁴. Р. Дебре дал более точное объ-

яснение: «Чем дальше мертвые, тем ближе далекие (= США)»⁵.

Сегодня незнание нового поколения политических, экономических, медийных и культурных лидеров о до-вольно продолжительном общем французско-русском прошлом имеет катастрофические последствия. Современные лидеры находятся в плену идеологии и представлений холодной войны и своей недавней исторической и культурной зависимости от США и Великобритании. Они не способны представить себе другой мир, что позволило бы им провести сравнение с миром в 1914, 1814 или 1714 году.

Но вернемся к майским событиям 1968 года. В период с 1958 по 1968 год Шарль де Голль пытался восстановить французскую власть в том виде, в котором она существовала до 1914 года. Он мог это сделать, потому что сохранял память о том периоде, ведь культура — это прямой источник силы, как говорил Д. С. Лихачев. После свержения де Голля участники майских событий 1968 года начали стирать память о времени до 1945 года, когда Франция была великой, что не позволило появиться новому де Голлю и начать все сначала с прежними амбициями.

Молодые лидеры не помнят о славном времени, поэтому считают, что Франция должна довольствоваться памятью о событиях 1945 года, которые им известны. Они не могут представить себе ничего другого. В данном случае память о Франко-русском союзе выходит за рамки отношения к России, так как в 1914 году этот военно-политический союз был одной из основ французской мощи. Новые лидеры не знают своего собеседника, «противника», не хотят понять его, что препятствует не только достижению мира, но и продвижению интересов собственных стран, в том числе экономических и коммерческих.

Здесь особенно важной представляется роль ученых, значимость которых в культуре подчеркивал Д. С. Лихачев⁶. К мнению настоящих ученых и французских специалистов по России (Б. Дрвенски, П. Гонно, А. Лавров, Ж. Сапир, А. Гроппо, Ж.-П. Арриньон и др.) руководители стран не прислушиваются, вместо этого они руководствуются мнением лжеэкспертов, даже таких влиятельных, как исследователь творчества Ф. М. Достоевского М. Ельчанинов. В 2015 году в своей книге «Dans la tête de Vladimiroutine» («В голове Владимира Путина») он, выступив немного как шарлатан, написал, что для Европы существует вечная российская угроза: панславизм в XIX веке, коммунизм в XX, путинский неопанславизм (?) в XXI⁷. Его книга, несмотря на необедительность некоторых выводов, была переведена на все языки стран НАТО и спешно переиздана в марте 2022 года. Такие лжеученые работы опасны для культуры и всего человечества. Вспомним в связи с этим формулу Огюста Конта: «Наука там, где есть предвидение; предвидение там, где есть дей-

¹ Единственное заметное исключение — премьер Д. де Вильпен (1953 г. р.), который был у власти в конце срока Ширака. Но де Вильпен — профессиональный дипломат-историк, а значит, особый случай. Не случайно конец мандата Ширака — это также и падение Вильпена, единственного «молодого лидера» с исторической памятью.

² *Narochnickaja N.* Que reste-t-il de notre victoire? P. : Editions des Syrtes, 2008.

³ Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, en hommage aux anciens combattants de la Première Guerre mondiale, à la nécropole nationale de Notre-Dame de Lorette le 11 novembre 2014 // Vie publique. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/192935-declaration-de-m-francois-hollande-president-de-la-republique-en-homm> (дата обращения: 16.03.2023).

⁴ Подобное равнодушие французских лидеров уже наблюдалось во время празднования двухсотлетия наполеоновских времен (1998–2021). В то время как население и мэры организуют очень популярные мероприятия, парижские лидеры забывают или отказываются отмечать даже битву при Аустерлице в 2005 году (когда премьер-историк Вильпен находится в командировке), частично под влиянием черно-карибских идеологов (Клод Рибб). Это вызывает возмущение только двух депутатов, один из которых — корсиканец. См.: *Boudon J.-O.* Les commémorations de Napoléon. URL: <https://www.revueconflits.com/jacques-olivier-boudon-commemorations-napoleon-sartene/> (дата обращения: 16.03.2023).

⁵ *Debray R.* Civilisation. Comment nous sommes devenus américains. P. 80.

⁶ Декларация прав культуры и ее международное значение. *Eltchaninoff V.* Dans la tête de Vladimiroutine. Arles : Actes Sud, 2015. Эта книга, к сожалению, единственная «о России», которую прочитали французские правительственные советники, когда я работал с ними в 2017–2019 годах.

ствие». Если наука несовершенна, то и действия неадекватны.

Поэтому Россия воспринимается молодыми лидерами, не имеющими памяти, как чужая, варварская, новая страна, как будто она никогда не соседствовала с Европой и последние 300 лет с ней не обсуждался ни один важный вопрос. Именно в этом проявляется отсутствие культуры как краеугольного камня в основании мира и войны.

Французские лидеры в 2022 году в своем стремлении «отменить» русскую культуру и русские культурные символы зашли слишком далеко. Возник резонный вопрос: на что они могут надеяться в переговорах с Россией, если не знают эту страну? Не потому ли уже в феврале 2022 года натовские стратеги, которые одновременно ведут культурную и медийную войну против России, писали, что мира с РФ не будет до ее (маловероятного) поражения?

Эта проблема далеко не французско-российская, она также французско-арабская, французско-африканская, французско-вьетнамская, французско-бразильская и даже французско-польская, французско-венгерская и т. д. Особенно это касается тех стран, которые не соперничают с Францией и не испытывают враждебности по отношению к французам.

Таким образом, с 2007 года мы наблюдаем множество французских дипломатических кризисов (иногда острых), не имеющих под собой политической основы, причина которых кроется в культуре. История и культура почти полностью были удалены из поля зрения французских лидеров. Такая некомпетентность невежественных лидеров регулярно осуждается многими дипломатами и военными, которые оценивают тяжелые последствия этого решения¹.

Приведу пример. 26 июля 2007 года Никола Саркози выступил с речью перед африканцами во франкоязычном Университете Дакара, одном из лучших в Африке, в которой он, в частности, заявил: «Трагедия Африки заключается в том, что африканец недостаточно полно вошел в историю... В африканском воображаемом мире нет места приключениям или идее прогресса. В африканской вселенной, где природа контролирует все, человек избегает мук истории, от которых страдает современный человек; африканец остается неизменным среди постоянного порядка, где все, кажется, написано заранее».

Эта речь была составлена блестящим логографом Анри Гэно, но африканцы ее освистали² и она вызва-

¹ Malbrunot G. Le déclassement français. Élysée, Quai d'Orsay, DGSE: les secrets d'une guerre d'influence stratégique. P. : Michel Lafon, 2022 ; *Idem*. Le déclassement de la diplomatie française // *Conflits : Revue de Géopolitique*. URL: <https://www.revueconflits.com/georges-malbrunot-declassement-francais/> (дата обращения: 16.03.2023) ; *Scheer F., Dufourcq B., Hennekinne L.* Le Quai, outil vital d'une diplomatie efficace // *Le Monde*. 2010. 24 août. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2010/08/24/le-quai-outil-vital-d-une-diplomatie-efficace-par-francois-scheer-bertrand-dufourcq-et-loic-hennekinne_1402148_3232.html (дата обращения: 16.03.2023).

² См.: *Mbembe A.* L'Afrique de Nicolas Sarkozy // *Africultures*. 2007. 31 juil. URL: <https://africultures.com/lafrique-de-nicolas-sarkozy-6784/> (дата обращения: 16.03.2023) ; *Idem*. France-Afrique : ces sottises qui divisent // *Africultures*. 2007. 8 août. URL: <http://africultures.com/france-afrique-ces-sottises-qui-divisent-6819/> (дата обращения: 16.03.2023).

ла смех у Жака Ширака (1932 г. р.): «Африканец вошел в историю, более того, он первый, кто вошел!» Как стала возможна такая речь в государстве, которое выступает политическим и культурным ориентиром для половины африканских государств и сохраняет на своей территории лучшую часть культурного наследия этих стран (шедевры искусства, записанные устные тексты, литературу, кино, африканистику и т. д.)? И как стало возможно, что пять лет спустя новый президент Франсуа Олланд (1954 г. р.) повторил по сути те же идеи (проявив такое же глубокое невежество)³? И как стало возможно, что в 2017 году Эмманюэль Макрон (1977 г. р.) обратился даже не к малоизвестной истории, а на этот раз к единственному событию, известным его поколению (речь идет о Н. Манделе)? Все это можно сравнить со словами и действиями Жака Ширака, который умело завершил свой последний президентский срок открытием Музея на набережной Бранли, носящего его имя (или Музея искусств и цивилизаций Африки, Азии, Океании и Америк (неевропейских цивилизаций)). Восстановление французско-африканского музея позволило Шираку навести мосты и создать основу для диалога с Африкой.

Ответ на вопрос, как это стало возможно, связан со стиранием историко-культурной памяти: у Саркози, Олланда, Макрона и французских советников отсутствует память о франко-африканских взаимоотношениях XIX–XX веков, она заменена узкой евроамериканской памятью, которая не знает, что такое Африка и насколько сильна в ней французская, франкоязычная составляющая (см. африканскую ономастику), она одновременно франкофильная и франкофобная, настоящая «дочь Франции» в горе и радости.

Поколение французских лидеров, рожденных после 1950 года, не знает, что нигде в мире общественность так не восприимчива к французскому дискурсу, как во франкоязычной Африке. Современная французская элита уже не знает, что президент Центрально-африканской Республики Бокасса принимал участие в освобождении Франции и что Французская Экваториальная Африка в течение двух лет была единственной территорией «Свободной Франции» (1940–1942) с независимой французской армией (2-я бронетанковая дивизия генерала Ф. Леклерка де Отклока), чье эпичное путешествие по Африке привело к освобождению Франции в августе 1944 года, объединив в одном событии всю франко-африканскую историю. Эта эпопея является центральной, поскольку дает ответ на жизненно важный вопрос о французской памяти: освободила ли Франция сама себя с помощью своей африканской армии или ее освободили англосаксы? И, следовательно, должна ли она жить самостоятельно или в зависимости от «освободителей»?

В своей речи Олланд выразил желание посетить «Дом рабов» (Maison des Esclaves) на сенегальском острове Горе — музей и мемориал жертвам атлантиче-

³ France — Afrique : le texte du discours de Dakar prononcé par François Hollande // *Jeune Afrique*. 2012. 15 oct. URL: <https://www.jeuneafrique.com/173903/politique/france-afrique-le-texte-du-discours-de-dakar-prononc-par-fran-ois-hollande/> (дата обращения: 16.03.2023).

ской работоторговли. Но он не знает, что именно жители этого острова продавали европейцам рабов, захваченных во внутренних районах Африки!

Отсутствие культуры делает французских лидеров бессильными даже перед своими африканскими духовными и культурными братьями. Неудивительно, что после пятнадцати лет культурной и исторической некомпетентности французские лидеры утратили свое влияние в Африке, как в Центральноафриканской Республике, так и в Мали, Буркина-Фасо, возможно, даже в Нигерии. Хотелось бы заметить, что не столько французская власть рушится, сколько французская некомпетентность и культурное невежество заставляют африканцев обращаться к другим партнерам, более умным и культурным. Такая слабость французских лидеров в краткосрочной перспективе может привести к катастрофе, потому что первой франкоговорящей страной в мире теперь стала Демократическая Республика Конго, и только франкоговорящая Африка все еще представляется большой зоной влияния для Франции и франкоговорящей культуры.

Таким образом, Франция становится провинциальной и более изолированной, чем когда-либо на протяжении тысячелетий. Франция больше не понимает Африку, потому что французские лидеры утратили существенную часть классической французской культуры, которая связывала их с африканскими странами. Сегодня в назидание именно Африка сохраняет классическую французскую ономастику 1900-х годов, в то время как Homo Euramericanus использует уже евроамериканские лексемы.

Д. С. Лихачев утверждал, что культура — источник силы: «Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства»¹. Бескультурье, в свою очередь, — источник бессилия.

Нужно сказать несколько слов о людях, которые олицетворяют французскую культуру за рубежом, — дипломатах. Фактически за французским культурным кризисом лидеров последовал кризис французского Министерства иностранных дел (Quai d'Orsay) и дипломатии. С 2007 года, когда участник майских событий 1968 года Бернар Кушнер занял пост министра иностранных дел, дипломаты утратили всякую способность влиять на французскую дипломатию, которая ныне определялась президентом и узким кругом лиц, выбранных им².

Такое отодвигание дипломатов на задний план породило невежественность, отсутствие сдержанности и жесткость дипломатической политики после 2007 года (см. примеры в Ливии и Сирии). В 2022 году эта политика была доведена до логического завершения с упразднением дипкорпуса. Это и есть триумф бескультурья. Таким образом, 2007-й следует считать

годом перелома: поколенческого, культурного и кадрового. Здесь уместно привести слова академика Лихачева, что «культурные различия народов и неспособность к культурному взаимопониманию и взаимообогащающему диалогу культур стали одной из причин межэтнических и международных конфликтов XX столетия»³.

Отсутствие культуры, памяти и знаний — это, по определению ученого Башлара, эпистемологическое препятствие, которое мешает прогрессу и поиску решения проблем.

Поэтому сегодня молодые представители французской политической элиты, теоретически образованные, но фактически невежественные, которые попили воды из реки Леты, вернулись к чистому листу, как подростки, которые открывают новое, ничего не зная.

С 1968 года мы наблюдаем установление неократии (или даже педократии) — режима, когда правят те, кто родился вчера, своего рода вечно молодые подростки, не знающие истории и культуры. Можно ли измерить опасность этой тенденции, которая затрагивает почти все общество?

Здесь можно упомянуть Огюста Конта, который является автором концепции трех состояний: теологического (когда человек воспринимает мир таким, каким он его себе представляет, «детство» человечества), метафизического (когда он рассматривает его таким, каким он должен быть, «отрочество» человечества) и позитивного (когда человек воспринимает его таким, какой он есть, «зрелость» человечества). Незнание правителями научных теорий показывает, что мы, очевидно, пребываем не в «позитивном» состоянии, а регрессировали к неократическому «метафизическому» или даже педократическому «теологическому» состоянию.

Это крайняя форма неспособности понять другого (= аутизм), выслушать его аргументы, какими бы они ни были. Такое состояние недалеко от дикости, являющейся отличительной чертой отсталого и необразованного «детства» человечества. Дипломатия в этом случае становится невозможной, и люди могут оказаться на поле боя только для того, чтобы убить друг друга. Когда культура гибнет, человек тоже вскоре погибает — такой закон Д. С. Лихачев вывел из своей экологии культуры.

«Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его „духовной оседлости“, для его привязанности к родным местам, нравственной самодисциплины и социальности. <...> Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И между ними нет пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой»⁴.

Европа в 2022–2023 годах отчетливо демонстрирует эту трагическую тенденцию: она движется к пропасти из-за отсутствия культуры.

¹ Лихачев Д. С. Великая культура примирительна по своей сути. С. 10.

² Malbrunot G. Le déclassé français ; *Idem*. Le déclassé de la diplomatie française ; Scheer F., Dufourcq B., Hennekinne L. Op. cit.

³ Декларация прав культур, преамбула.

⁴ Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 4-е изд. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 486–487.

**Homo Euramericanus geopoliticus:
ЕС как гегемонистская империя
без культуры и потому разрушительная**

По словам Д. С. Лихачева, «если у людей, населяющих какую-то географическую территорию, нет своего целостного культурного и исторического прошлого, традиционной культурной жизни, своих культурных святынь, то у них (или их правителей) неизбежно возникает искушение оправдать свою государственную целостность всякого рода тоталитарными концепциями, которые тем жестче и бесчеловечнее, чем меньше государственная целостность определяется культурными критериями»¹.

Эта характеристика, пророчески сформулированная Лихачевым, в точности соответствует портрету ЕС, который мы наблюдаем с 2020 года. Настоящая Европа, очевидно, имеет богатую и древнюю культуру (включающую греческую, римскую, христианскую и индоевропейскую). Как писал Фридрих Ницше, «Европа существует только в ряде очень старых книг», в таких сокровищах, как «Илиада», «Одиссея», «Энеида», труды Платона, Евангелия, в общем легендарном наследии, собранном Перро, Лафонтеном, Гриммом, Андерсеном, Рыбниковым, Афанасьевым и т. д.

Несмотря на эфемерные попытки объединить большую часть Европы (Франкская империя, Священная Римская империя германской нации, папская теократия XIII–XIV вв., австро-испанская, а затем австро-венгерско-германо-итальянская монархия Габсбургов, семейный пакт Бурбонов), каждое такое образование имело культурное прошлое, традиционные ориентиры и духовные святыни. Попытки создать единую Европу опирались на национальные традиции, но прежде всего на Римскую империю, истинную основу для двух частей Европы — латинско-католической и греко-православной. Следуя мысли академика Лихачева, можно утверждать, что сила и культурная древность, а значит, и легитимность этих имперских конструкций обеспечивали как уровень насилия, ограниченный уровнем культуры, так и бесполезность насилия как источника власти.

Наполеоновская империя — это панъевропейская конструкция, гораздо более жесткая, чем ее предшественники, по причинам, указанным Д. С. Лихачевым: эта империя не имела стабильного культурного фундамента и не знала, чем она является на самом деле (французской, франко-итальянской, неокаролингской, неоримской империей или идеологической империей, воплощающей идеалы Французской революции и Просвещения).

После периода стабильности при Бисмарке (*Kleindeutsche Lösung*, малогерманский путь объединения Германии) Второй рейх в 1891 году вступил в культурный кризис, который постепенно привел к пангерманизму (*Grossdeutsche Lösung*, великогерманский путь объединения Германии). С 1915 года Второй рейх полностью утратил немецкие культурные ориентиры и стал покоряющей империей, которая поглотила Австро-Венгрию, аннексировала Польшу,

Прибалтику, сделала сателлитами Румынию, Украину, Финляндию и больше не имела границ. Поэтому уровень насилия здесь был выше, чем во Французской империи.

Третий рейх отличался особенно высоким уровнем насилия по той же причине. Начиная с 1941 года он больше не имел культурной основы, это уже была не великая Германия, потому что она двигалась в направлении отдаленного Востока, который хотела аннексировать. В тот момент это была пангерманистская, то есть идеологическая, военная империя, которая не знала, где находится ее культурный центр: это по-прежнему Берлин и Пруссия, или арийская Скандинавия, или мифическая готская украинско-польская империя древнего короля Германариха, или неоязыческая империя? Ни одна культурная традиция не позволяла ей стать стабильной, этим объясняется ее разрушительное и саморазрушительное влияние.

Наконец, последней из панъевропейских конструкций является Европейский союз. После периода становления в рамках межгосударственного сотрудничества (*Европейское экономическое сообщество* в 1957–1993 гг.) он стал новым гегемонистским и экспансионистским союзом, но менее жестким. Однако прежде всего следует сказать, что в основу Европейского союза не положен ни один элемент культуры.

Можно привести следующие доказательства. Символы, которые являются векторами культуры, в случае с ЕС не имеют значения. Флаг Европы с двенадцатью звездами — единственный используемый и признанный символ, который официально не отсылает ни к чему, кроме идеи абстрактного и неопределенного единства (при этом любая религиозная отсылка отвергается). Символ «€» — это всего лишь обозначение евродоллара. Что касается банкнот евро, то на них изображены архитектурные модели, не существующие в действительности. Эти символы, не имеющие отношения к реальности, являются образцовыми.

ЕС никогда не претендовал ни на принадлежность к Римской империи, ни на культурное или историческое ее наследие. Удивительно, что в древности имя Европа принадлежало нимфе (по легенде Зевс явился Европе, игравшей на берегу моря, в виде белого быка и похитил ее) и на протяжении XVII–XIX веков Европа изображалась в виде коронованной нимфы с мечом и глобусом (согласно иконографической традиции, установленной Ч. Рипа), ассоциируясь с престолом, короной, храмом, книгой, художественными и научными инструментами, то есть именно с инструментами культуры.

Идеологи ЕС объясняют: «Устаревшая, слишком герметичная сегодня, слишком христианская, имперская или даже империалистическая, слишком вооруженная и потому воинственная аллегория, кажется, была намеренно оставлена без изображений и обречена на забвение»². Они могли бы добавить, что она также слишком европейская, культурная и правдивая.

¹ Лихачев Д. С. Многомерное и целостное видение культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 4-е изд. СПб.: СПбГУП, 2022. С. 22.

² Gosselet S.-K. Représentation de l'Europe // Encyclopédie d'histoire numérique de l'Europe. URL: <https://ehne.fr/fr/encyclopedie/thematiques/les-arts-en-europe/representation-de-l-europe/representation-de-l-europe> (дата обращения: 16.03.2023).

Такие представления для Европейского союза являются настоящим отрицанием культуры. И чем дальше развивается ЕС, тем меньше у него культурных ориентиров. Именно европеист Франсуа Олланд в 2012 году запретил преподавание в школе древнегреческого и латинского языков. А есть ли что-либо более европейское, чем эти языки, которые объединяли все народы Европы на протяжении 2,5 тыс. лет?

Но это еще не все. Я несколько раз встречался с Филиппом Першоком — чрезвычайно влиятельным в социальном и политическом плане идеологом в Европейском союзе, ныне депутатом Европарламента, который считается главным лидером европоцентричного движения во Франции, прежде всего среди парижской элиты. Моя дискуссия с ним в 2010 году была посвящена символам и культурно-историческим ориентирам ЕС. Першок высказал мысль, что ЕС — это инновационный проект, который самодостаточен и поэтому не имеет культурных и исторических ориентиров. По его словам, у Европейского союза нет прошлого, он существует только в настоящем и будущем. ЕС основан на идеологии (либерализм, права человека, федерализм, идеология мира, то есть не пацифизм, а атлантизм) и международных договорах, которые составляются и применяются юристами, опирающимися на узкопрофессиональный технократический лексикон. Эта идеология, по словам ее главного идеолога, должна регулярно пополняться идеями и политическими устремлениями элит новых присоединяющихся к ЕС стран, поскольку элиты все еще находятся под обаянием (для них футуристическим) проекта, а не его применения: «ЕС ведет себя как закомплексованный подросток, который не знает, что делать со своим меняющимся телом»¹. Однако именно поиск новых идей и стремление получить их от стран, которые могли бы присоединиться к ЕС, обеспечит его рост и поможет осознать свою роль в мире.

Отсюда постоянный и опасный экспансионизм, который позволяет ЕС мериться силами с другими (Россией, Турцией, арабским миром, африканскими странами), чтобы подтвердить свою идеологию через победу: выборную, военную, смешанную (= цветная революция). Как неоднократно отмечалось в европейских СМИ и часто повторялось на Украине, в Грузии, Молдавии и других странах, «демократия победила, поэтому Запад и ЕС победили». В этом заключаются смысл существования и легитимность ЕС. Такой экспансионизм нельзя назвать мирным, и когда побеждает не он (например, в Турции, Беларуси, Сербии, России, на Украине), то на другую страну немедленно навешивается ярлык врага², даже если это не соответствует действительности.

¹ *Perchoc P.* L'utopie est à nos portes // *Voxeurop*. 2010. 28 déc. URL: <https://voxeurop.eu/fr/lutopie-est-a-nos-portes/> (дата обращения: 16.03.2023).

² *Patten C.* Russia's hell-hole enclave. There is a centre of organised crime in the middle of Europe // *The Guardian*. 2001. Apr. 7; *Roqueplo O.* La Russie et son miroir d'Extrême-Occident : l'identité géopolitique de la Russie ultra-périphérique sous le prisme de l'Oblast' de Kaliningrad. Étude géographique et géopolitique. P. : Université Sorbonne, 2018. Chapitre IV.

Более того, образ ЕС-«подростка» подтверждает идею неократии, о которой говорилось ранее, и может помочь понять нездоровое увлечение Номо Euramericanus гендерной теорией и ЛГБТ. Это свидетельствует об общем культурном регрессе французских лидеров к подростковому (и даже детскому) возрасту и инволюции.

Следуя логике Д. С. Лихачева, можно сделать вывод, что Европейский союз потенциально хуже и опаснее Третьего рейха, потому что у него нет даже культурной фантазии.

В 2021 году увидела свет книга историка Ж.-Г. Суту «Europa! Les projets européens de l'Allemagne nazie et de l'Italie fasciste», в которой он описывает скрытую часть истории ЕС³. В частности, автор говорит, что впервые идея Европейского союза была воплощена в период Третьего рейха и что это был не только немецкий проект, в нем активное участие принимали итальянские фашисты, бывшие тогда реальной движущей силой. Причина этого вновь кроется в связи между культурой, легитимностью и насилием, выявленной академиком Лихачевым. Как и Второй рейх, объединенная Италия имела размытые культурные основы, поэтому идеи итальянского фашизма колебались между созданием итальянской нации и новой Римской империи. Именно вторая концепция, как показывает Суту, легла в основу первого варианта Евросоюза 1940-х годов.

Однако первый Европейский союз включал большое число западноевропейских католиков, центристов и социалистов, которые действовали самостоятельно. Именно они навязали всем идею о специфически европейском (антисоветском и антианглосаксонском) образовании, тогда как Третий рейх изначально был намного меньше (нордическим) и одновременно намного больше (всемирным), чем Панъевропейский союз.

Вместе с тем следует отметить преемственность идей (а также людей) политической конструкции 1942 года и ЕС 1992 года, что демонстрирует архетипический пример Франсуа Миттерана (1916 г. р.)⁴. Эта история была забыта и стерта из памяти поколения людей, родившихся после 1950 года, но ее потенциальное развитие, кажется, повторяется на наших глазах.

Сегодня химера ЕС, превратившаяся в гидру с бесчисленными головами, похоже, постепенно превращается в империю с тоталитарными тенденциями. Неизбежная Европейская комиссия во главе этого политического образования, с 2020 года ставшего автономным и независимым от государств — членом ЕС и лишенного какой-либо культурной основы, начала превращаться в диктаторскую и воинственную технократию: сначала с либертицидным управлением, затем с подавля-

³ *Soutou H.-G.* Europa! Les projets européens de l'Allemagne nazie et de l'Italie fasciste. P. : Tallandier, 2021.

⁴ Миттеран был правым французским адвокатом-католиком и высокопоставленным государственным служащим, который верно служил вишистскому режиму во времена франко-нацистского сотрудничества, затем стал антикоммунистическим социалистом, поддержал Май 1968-го, окружил себя участниками и сторонниками Пятого 68, когда стал президентом в 1981 году, и решительно посвятил себя строительству ЕС, подписав Маастрихтский договор в 1992-м. Его, казалось бы, противоречивая карьера вполне последовательна с точки зрения европеизма.

нием массовых демонстраций против такой политики и, наконец, с воинственными выпадами вместе с ультранационалистической и культурно беспозвоночной Украиной против России, все еще опирающейся на свою культуру и глубокую историю.

Эта панъевропейская империя, не имеющая культурной основы и потому неустойчивая, называет НАТО (со штаб-квартирой в Брюсселе) своей системой обороны, хотя англосаксонские столпы данной организации не входят в ЕС. Мы имеем дело с культурно «блуждающей» империей: ни европейской, ни истинно англосаксонской, напоминающей о трех попытках жесткой гегемонии, предшествовавших ей.

В действительности ЕС — это всего лишь геополитическое зеркало Номо Euramericanus, человека без культуры, родины, границ. У него нет географической точки отсчета. Кто в ЕС может считать Брюссель настоящей столицей и центром? Брюссель — это город, разделенный надвое между валлонскими и фламандскими районами. США, город Нью-Йорк и штат Калифорния, не говоря уже о Лондоне, для лидеров ЕС в большей степени являются культурным центром, чем любое другое место в Евросоюзе. Таким образом, ЕС становится Евроамерикой, которая находится под угрозой присоединения к доминирующему культурному полюсу.

В целом Евросоюз — образование, которое избегает культурного измерения. Поэтому он возвращается к форме ультраархаического политического строительства, потенциально близкого к варварству из-за своей антикультурной основы и антиисторических неократических элит. Это не Европа, а анти-Европа, потому что не существует никакой Европы, кроме культуры, истории и памяти. Идеология европеистов — либерально-либертарианская технократия. Они проводят политику европеизации своих членов. Другими словами, они осуждают все, что не соответствует этой идеологии, то есть европейским ценностям. Но кто поверит в то, что идеология, зародившаяся в 1970-х годах, имеет какое-либо отношение к Европе, ее трехтысячелетней истории и культуре?

В действительности каждый настоящий ученый и культурный человек в Европе является истинным европейцем. Именно таких людей сегодня не хватает, их оттесняют и заменяют Номо Euramericanus. Николя Саркози в 2007 году заявил, что «африканец недостаточно полно вошел в историю», но кажется, что элиты Франции и ЕС, то есть Номо Euramericanus, покинули ее навсегда.

Заключение

Д. С. Лихачев считал, что в XXI веке главная угроза культуре исходит от массовой культуры. Он не ошибся, но сегодня мы видим и другую, более глубокую и изначально менее заметную угрозу, которая является следствием пугающей антикультурной революции.

Идеи Лихачева позволяют правильно понимать ставшую фундаментальной проблему Номо Euramericanus. Последний — не просто культурный гибрид, а настоящий новый человек, особенность которого заключается в том, что он утратил память, забыл историю, а значит, и существенную часть своей культуры и не может больше понимать мир, в котором живет. Отсюда его полная зависимость от иностранцев.

Академик Лихачев считал, что культура не может долго существовать, если в ней отсутствует какая-либо часть. Все опасения Лихачева о потере культуры не только оказались верны, но и были реализованы нигилистически настроенным, варварским и теперь уже откровенно воинственным «новым человеком», который с 2007 года находится у власти во Франции. Тот факт, что он смог войти в среду французских лидеров, традиционно приверженных защите высокой культуры, которые руководствовались рекомендациями Мальро, является зловещим знаком для всей европейской культуры, мыслей и действий.

Европа сегодня разделилась по вопросу войны, это произошло в основном потому, что ее западная часть, как это ни парадоксально, больше не является европейской, культурно она уже евроамериканская и ждет своей политической и экономической аннексии англосаксонским миром, что является логическим следствием. Действительно, как справедливо считал Д. С. Лихачев, единственный реальный базис общества — не экономика, а культура.

Литература

Рокplo, О. Привкус «цветных революций»: французский май 1968-го. Дважды розовая / О. Рокplo. — Ч. 1. — URL: <https://www.sb.by/articles/dvazhdy-rozovaya-chast-1-ya.html> ; Ч. 2. — URL: <https://www.sb.by/articles/dvazhdy-rozovaya-chast-2-ya.html> (дата обращения: 09.05.2023). — Текст : электронный.

Ferry, L. La pensée 68 / L. Ferry, A. Renaut. — P. : Gallimard, 1988. — Текст : непосредственный.

Kamouh, C. UE, une impasse politique et sociale / C. Kamouh. — Текст : электронный // La Pensée libre. — 2021, juin. — URL: <http://la-pensee-libre.over-blog.com/2021/06/n-231-ue-une-impasse-politique-et-sociale.html> (дата обращения: 09.05.2023).

Lesourd, F. D. S. Likhatchev, Destin d'une histoire des mentalités en Russie / F. Lesourd. — Текст : непосредственный // Revue russe. — 1998. — № 14. — P. 13–21.

М. Санаи¹

ГРЯДУЩИЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: НЕОБХОДИМОСТЬ КУЛЬТУРНОГО МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМА

В докладе рассматриваются изменения, происходящие сегодня в либеральном миропорядке, особенности власти и влияния, а также цивилизационная парадигма современной эпохи с доминирующей ролью США. Высказывается предположение о возможном изменении нынешнего положения дел. Исследования соотношения сил на мировой арене и противоречий цивилизационной парадигмы дают основания полагать, что мир в скором времени столкнется с напряженностью в международных отношениях, противоречиями и конфликтами. В такой ситуации мирный переход к новому мироустройству маловероятен. В докладе, опирающемся на постулаты школы конструктивизма, предпринимается попытка предложить решение проблемы мирного перехода, в котором одним из важнейших требований является культурный мультилатерализм, то есть уважительное отношение ко всем культурам и отрицание унилатерализма. Культурный мультилатерализм может служить основой для снижения напряженности, возникающей из-за проблемы идентичности, улучшения взаимоотношений и сотрудничества в мире.

Признаки изменения мирового порядка

1. Закат либерального миропорядка

После Второй мировой войны США установили свой порядок в мире и учредили основные институты управления, основываясь на международной либеральной идеологии. Когда завершилась холодная война, началась эра однополярности с доминированием Америки, и либеральный порядок стал общемировым. Но в настоящее время наблюдаются признаки его заката, которые свидетельствуют о начале перехода к новому миропорядку.

Национализм сменяет интернационализм

Одной из основ либерального международного мироустройства является свободная торговля между странами. Она имеет большое значение и для экономики, и в плане западных идеологических установок. Несмотря на преимущества мировой торговли в теории и ее продвижение в рамках либерального миропорядка, в последние два десятилетия в экономике отмечаются явные признаки усиления национализма². Первые шаги в этом направлении были сделаны во время финансового кризиса 2008 года. Страны начали движение

в сторону национализма, самообеспечения и самодостаточности для снижения деструктивного воздействия финансового кризиса на их экономики³. Этот процесс продолжился в последующие годы, и правительства западных стран предприняли серьезные действия в этом направлении.

Специалисты считают, что торговая война Америки против Китая является частью процесса, известного как декаплинг, или разъединение двух стран, что означает снижение их экономической взаимозависимости⁴. Выход Великобритании из Евросоюза явился еще одним примером ослабления единства Запада⁵.

Особенно очевидным стал этот тренд после начала пандемии COVID-19. Из-за повсеместного карантина началась стагнация мировой экономики, увеличилась безработица, а побочным эффектом оказалось сокращение мировой торговли⁶. Международные организации оказались не в состоянии помочь⁷. Организации не могли опираться на международное сообщество при управлении кризисом, связанным с коронавирусом. Все эти факторы привели к усилению национализма в мировой экономике⁸. Из-за нарастания геополитической напряженности в последние годы кажется, что ослабление интернационализма будет продолжаться.

Распад международных организаций и появление параллельных международных структур

В настоящее время организации, отвечающие за мировой порядок, играют меньшую роль в международных отношениях, чем прежде. США ослабили институты, отвечающие за глобальное управление, и вышли из ряда международных структур и соглашений в период президентства Трампа⁹. Одним из основных признаков снижения влияния международных организаций является расширение двусторонних или многосторонних отношений в рамках структур, не связанных с институтами, отвечавшими за мировой порядок в последнее десятилетие.

³ Colantone I., Stanig P. The surge of economic nationalism in Western Europe // Journal of economic perspectives. 2019. Vol. 33, № 4. P. 128–151.

⁴ Johnson K., Gramer R. The great decoupling // Foreign Policy. 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/05/14/china-us-pandemic-economy-tensions-trump-coronavirus-covid-new-cold-war-economics-the-great-decoupling> (дата обращения: 25.05.2023).

⁵ Ihalainen P., Sahala A. Evolving Conceptualisations of Internationalism in the UK Parliament: Collocation Analyses from the League to Brexit // Digital Histories: Emergent Approaches within the New Digital History. Helsinki: Helsinki Univ. Press, 2020. P. 199–219.

⁶ Aktar M. A., Alam M. M., Al-Amin A. Q. Global economic crisis, energy use, CO2 emissions, and policy roadmap amid COVID-19 // Sustainable Production and Consumption. 2021. № 26. P. 770–781.

⁷ Gostin L. O., Moon S., Meier B. M. Reimagining global health governance in the age of COVID-19 // American Public Health Association. 2020. Vol. 110. P. 1615–1619.

⁸ Bieber F. Global nationalism in times of the COVID-19 pandemic // Nationalities Papers. 2022. № 50 (1). P. 13–25.

⁹ Copelovitch M., Pevehouse J. C. International organizations in a new era of populist nationalism // The Review of International Organizations. 2019. № 14. P. 169–186.

¹ Старший советник Министерства иностранных дел Ирана, кандидат политических наук. Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ (2013–2019), директор Группы исследования России Тегеранского университета (2005–2013), депутат Меджлиса Исламского совета (2008–2013). Автор книг «На Великом шелковом пути», «Право и политика в исламе» (учебник), «Ирано-российские отношения» (в соавт.), «Возрожденные ирано-исламской цивилизации», «Отношения Ирана и Центральной Азии», «Беседы о будущем, которого пока нет» (в соавт.), научных статей. Советник ректора Тегеранского университета по России и Евразии. Почетный член Союза писателей России.

² Murray P. Nationalist or Internationalist? Socialists and European Unity // Visions of European Unity. N. Y.: Routledge, 2019. P. 159–182.

2. Упадок Америки и неопределенность баланса мировых сил

Трансформация мироустройства происходит не только из-за разрушения либерального международного порядка, но и из-за упадка Америки как «мирового полицейского» и единственной оставшейся после холодной войны супердержавы. Это может привести к серьезным последствиям в различных сферах будущего миропорядка.

Военная мощь

Результаты вооруженных конфликтов последних двух десятилетий (не считая провала Америки в войнах в Западной Азии и проблем России в конфронтации с Украиной) интерпретируются рядом специалистов как крах мировой военной иерархии, что может иметь следствием новую парадигму распределения военной мощи¹. В то же время распространение новых технологий, особенно электронных, породило оружие нового поколения, которое может привести к изменению стратегического баланса². Все эти факторы делают дальнейшее развитие более неопределенным, что усложняет прогнозирование будущих военных конфликтов.

Экономическая мощь и связанные с ней сферы

Снижение доли США в мировой экономике и повышение роли развивающихся рынков, особенно Китая, может распространяться на валютные отношения, а затем и на другие финансовые сферы и оказывать воздействие на прочие аспекты мирового порядка. Одной из проблем является доминирование доллара в качестве ключевой мировой валюты, основы мировой валютной системы и самой важной денежной единицы в международной финансовой системе. Растущая роль Китая в экономике и международной торговле привела к тому, что юань был включен в корзину валют, составляющих специальное право заимствования³. Появление новых финансовых рынков, таких как Шанхайский нефтяной рынок, и китайские финансовые инновации также могут означать начало конца лидирующей роли американского и западных финансовых рынков в мировой экономике⁴. Хотя реальное прекращение американского экономического превосходства или его валютного и финансового компонентов в ближайшем будущем маловероятно⁵, упадок Америки в валютной и финансовой сферах уже не считается чем-то невозможным, и со все большей уверенностью предсказывается мультиполярность или биполярность будущей мировой экономики.

¹ Kortunov A. Restoration, reformation, or revolution? Blueprints for the world order after the Russia-Ukraine conflict // China International Strategy Review. 2022. № 4 (2). P. 183–208.

² Johnson J. Artificial intelligence & future warfare: implications for international security // Defense & Security Analysis. 2019. № 35 (2). P. 147–169.

³ Chen Y.-L., Xu K. The impact of RMB's SDR inclusion on price discovery in onshore-offshore markets // Journal of Banking & Finance. 2021. № 127. P. 106–124.

⁴ Liu Z. Z., Papa M. Can BRICS De-dollarize the Global Financial System? Cambridge Univ. Press, 2022.

⁵ Winecoff W. K. "The persistent myth of lost hegemony," revisited: structural power as a complex network phenomenon // European Journal of International Relations. 2020. № 26 (1_suppl). P. 209–252.

Технологии

Начало эры искусственного интеллекта внесло радикальные изменения в сферу технологий и нарушило былую иерархию стран в области знаний. Хотя лучшие в мире университеты, исследовательские и научные центры все еще находятся в США, другие страны делают крупные инвестиции в развитие новых технологий. Мастерство России в области компьютерного пиратства, а Китая — в разработке искусственного интеллекта и других технологий серьезно тревожат Запад⁶.

Дивергенция цивилизационной парадигмы

1. Упадок Запада как мирового гегемона

Распад либеральных демократий

На протяжении многих лет либеральные демократии претендовали на то, чтобы считаться самыми прогрессивными политическими системами, которые могли поддерживать общественный порядок, сохраняя при этом личные и гражданские свободы и одновременно обеспечивая условия для мирных перемен. Но в последнее десятилетие западные политические системы столкнулись с многочисленными общественными волнениями и политическими разногласиями, что указывает на развитие широкомаштабного кризиса.

Усиление социальных конфликтов, распространение популизма, политические расколы западных обществ являются показателями проблем, с которыми сталкиваются либеральные демократии, таких как взрыв социальной энергии и политические требования масс. В результате получается нарушение общественного договора⁷.

Нерешенные вопросы политической экономики

Глобализация и расширение международной торговли не привели к росту процветания и экономических возможностей для всех областей западной экономики. Американские рабочие и служащие продолжают жить по стандартам прошлых десятилетий, при этом многие теряют работу по мере того, как рабочие места перемещаются в страны с более низкой заработной платой. При этом глобализация снизила издержки и увеличила прибыли владельцев и менеджеров крупных компаний⁸.

В настоящее время американская мечта о возможностях для представителей среднего класса в Америке, о процветании и успешной богатой жизни постепенно тускнеет и больше не имеет отношения к реальному положению вещей⁹. Недовольство, вызванное экономическим неравенством, и растущее имущественное расслоение привели к усилению споров о либераль-

⁶ Kissinger H. A., Schmidt E., Huttenlocher D. The age of AI and our human future. Hachette UK, 2021.

⁷ Galston W. A. The enduring vulnerability of liberal democracy // Journal of Democracy. 2020. № 31 (3). P. 8–24.

⁸ Wang Z., Sun Z. From globalization to regionalization: The United States, China, and the post-Covid-19 world economic order // Journal of Chinese Political Science. 2021. № 26. P. 69–87.

⁹ Mortimer J. T., Mont'Alvao A., Aronson P. Decline of "the American Dream"? Outlook toward the future across three generations of Midwest families // Social Forces. 2020. № 98 (4). P. 1403–1435.

ной демократии. Популярность социализма, дискуссии о роли государства в экономике — как в научных кругах, так и в среде западных популистских течений — на третьем десятке лет после окончания холодной войны свидетельствуют о стремлении пересмотреть возможности реформирования либеральных демократий и беспокойстве о будущем этой системы¹.

Кризис западной идентичности

В настоящее время Запад как глобальный культурный гегемон переживает напряженный период социальных перемен и споров о противоречивой идентичности. Идеи постмодернизма, которые в 1960-х годах находились на периферии других проблем, связанных с гендерными и социальными вопросами, стали в странах Запада официальным идеологическим дискурсом. Это привело к многочисленным переменам в различных областях — юриспруденции, науке, культуре и политике. Влияние этих идей также очевидно в других культурах². В настоящее время политика идентичности во внутренних делах западных стран превращается во внутренние течения. Женщины, гомосексуалисты и представители различных сообществ, считающих себя угнетенными социальными группами, хотят утвердить свои права путем изменения законодательства и пытаются продвигать желательные для них программы действий, играя все большую роль во внутренней политике³.

Эта динамика находится в противоречии с убеждениями других граждан, например представителей определенных религиозных конфессий, людей с консервативными взглядами и даже тех, кто верит в превосходство белой расы. Ортодоксальные группы считают легализацию и расширение социальных перемен угрозой своим ценностям и стилю жизни⁴. Потрясения и социальные изменения последних лет указывают на то, что реакция более традиционно ориентированных членов общества на усилия представителей либеральных течений, продвигающих социальные перемены, вышла за пределы научных споров и стала причиной социальной напряженности и беспорядков.

В настоящее время мнения по поводу концепции идентичности на Западе разделились, поэтому Запад не может оставаться единственным, кто способствует продвижению парадигмы идентичности в мире⁵. Разрушение западных идеологических установок в отношении идентичности делает обсуждение идентичности в современном мире более разнонаправленным, а не-западные интерпретации или другие идеологические установки получают больше возможностей.

¹ *Musto M.* The Marx Revival: Key Concepts and New Critical Interpretations. Cambridge Univ. Press, 2020.

² *Giltin T.* The rise of “identity politics”: An examination and a critique // Higher education under fire. Routledge, 2020. P. 308–325

³ *Zajda J. I., Majhanovich S. S.* Globalisation, cultural identity, and nation-building: The changing paradigms. Springer, 2021.

⁴ *Gallagher C. A.* White racial formation: Into the twenty-first century // Race and ethnic conflict. Routledge, 2019. P. 24–29.

⁵ *Macdonald S.* Identity complexes in Western Europe: social anthropological perspectives // Inside European Identities. Routledge, 2020. P. 1–26.

2. Увеличение количества неофициальных игроков и конец монополии официальных институтов в цивилизационных дискурсах

Раньше влиятельных институтов в обществе было совсем немного, в основном правительство и церковь, и они обладали необходимым потенциалом и ресурсами для создания идеологических установок. Риторика против официального направления не была слышна, разве что в периоды волнений и мятежей. В наши дни появление новых технологий, таких как искусственный интеллект и социальные сети, сделало возможным производство и продвижение контента каждым гражданином, и возможность мощного промоушена идеологических установок в современном мире уничтожила монополию официальных институтов⁶. Несогласные с мейнстримом и инакомыслящие легко могут создать собственный контент и распространять его в социальных сетях. Поэтому граждане сегодня видят намного больше идей, идущих вразрез с основным дискурсом.

Кроме того, что в современном мире легко можно услышать различные нарративы, влияние социальных сетей делает современную цивилизационную парадигму более размытой и неопределенной. Социальные сети обеспечивают платформу для распространения разных мнений и считаются мощными акторами в сфере создания дискурсов⁷. Из-за их политики, выбранного курса и даже технических особенностей, таких как, например, алгоритмы действий, они могут запретить какой-то контент или сделать сообщение более заметным⁸. Конфликты между странами из-за социальных сетей являются доказательством их значения в современном мире и важной роли в международных отношениях. Развитие повсеместно распространяющихся не-западных сетей типа «Тик-Тока» добавит противоречий в цивилизационной парадигме.

3. Возрождение древних цивилизаций как новых цивилизационных моделей

В настоящее время, когда власть Америки в мире идет на спад, не-западные страны с многовековой историей, особенно из числа развивающихся экономик, будут демонстрировать все меньшее желание придерживаться ценностей либеральной демократии и свободного рынка, если это будет идти вразрез с их культурными традициями. Некоторые не-западные страны благодаря своей мощной идентичности могут продвигать собственную цивилизационную модель⁹. Сегодня из-за слабости западных цивилизационных дискурсов и относительного уменьшения силы и влияния Америки великие не-западные цивилизации имеют все шансы для распространения своей идеологии.

⁶ *Kissinger H. A., Schmidt E., Huttenlocher D.* Op. cit.

⁷ Fake news, social media and marketing: A systematic review // G. Di Domenico, J. Sit, A. Ishizaka, D. Nunan // Journal of Business Research. 2021. № 124. P. 329–341.

⁸ *Kissinger H. A., Schmidt E., Huttenlocher D.* Op. cit.

⁹ *Nathan A. J., Zhang B.* A shared future for mankind: Rhetoric and reality in Chinese foreign policy under Xi Jinping // Journal of Contemporary China. 2022. № 31 (133). P. 57–71.

Современное состояние мира

Учитывая разрушение контуров либерального миропорядка и признаки экономической дивергенции, можно заключить, что сторонники интернационализма все меньше способны представить в позитивном ключе будущее мировое развитие после эпохи однополярного мира с доминированием США¹. Разрушение нынешнего мироустройства и неуверенность относительно баланса сил с точки зрения реализма сделают мир более склонным к распространению хаоса и усилению напряженности между акторами. В такой ситуации поиск пути для мирного перехода к следующему этапу — очень серьезный вопрос, охватывающий различные сферы.

Мы исследуем культурный аспект мирного перехода с конструктивных позиций и предлагаем свое решение. Конструктивизм в международных отношениях, привлекающий внимание научных кругов в конце холодной войны, в отличие от других теорий, которые обычно рассматривают международные отношения как связанные исключительно с материальными сферами, считает такие человеческие факторы, как идентичность и культура, главной причиной перемен в международных отношениях². Эта школа также смогла представить теоретическую базу для объяснения напряженности и волнений после окончания холодной войны, что было подробно изложено Хантингтоном в описании столкновения цивилизаций³.

С точки зрения Хантингтона, после окончания холодной войны идеология была заменена идентичностью, а из-за вакуума сил после краха коммунистического лагеря близость различных идентичностей вместе с ростом взаимосвязей в эпоху глобализации привели к многочисленным конфликтам. Хантингтон считал, что усиление связей между западной цивилизацией, с одной стороны, и исламской и китайской — с другой станет постоянной причиной конфликтов, потому что эти две цивилизации, по его мнению, так сильно отличаются от западной, что не смогут адаптироваться к западным ценностям. Таким образом, он предсказал, что экспансия Запада в однополярном мире и столкновение с этими цивилизациями в конце концов приведут к конфликту и войне⁴.

Если взглянуть с этой точки зрения, то нынешнее состояние мира является противоположным таковому после окончания холодной войны. В соответствии с теорией Хантингтона в тот период США как победитель в битве идеологий продвигали западные ценности и идеологические установки своей цивилизации. В конце концов экспансия западных ценностей и конфронтация с исламской и китайской цивилизациями привели к большему количеству конфликтов. Но в современном мире из-за упадка Запада и разрушения его цивилизационных идеологических установок прекратится экспансия западных ценностей в мире. Дальней-

шие противоречия в цивилизационной парадигме по причине увеличения неформальных акторов и экспансии древних цивилизаций создают условия для усиления напряженности из-за идентичности и культуры. Упадок Америки усилит вооруженные конфликты. Эти факторы приведут к большей нестабильности и волнениям в мире, и переход к новому миропорядку при таких условиях станет более сложным без войны.

Культурный мультилатерализм как мирное решение для перехода к новому мировому порядку

Упадок западной цивилизации и распространение других цивилизационных идеологических установок в мире создали условия для усиления напряженности на почве идентичности и культуры. Учитывая важность данного фактора и дивергенцию цивилизационной парадигмы в современном мире, в ближайшем будущем нельзя ожидать появления новых идеологий, превосходящих прежние, которые смогли бы определять цивилизационную парадигму⁵. Если мы будем придерживаться культурного унитаризма и верить в превосходство одной культуры над остальными, это приведет к эскалации напряженности. Поэтому продолжение культурного унитаризма Запада станет одним из факторов, ведущих к усилению конфликтов в мире. И только при условии культурного мультилатерализма мир сможет найти решение для снижения напряженности из-за идентичности и мирного перехода к новому мироустройству. Культурный мультилатерализм в международных отношениях подчеркивает разницу между ценностями разных стран, но, в отличие от западного унитаризма, который верит в превосходство цивилизации, основанной на материальном прогрессе, считает, что традиции, образ жизни и верования всех народов мира заслуживают уважения⁶, потому что они формировались на протяжении тысячелетий путем проб и ошибок и под влиянием многих факторов. Навязывание определенных цивилизационных ценностей остальному миру уже привело к увеличению конфликтов и больше ни к чему⁷, а культурный мультилатерализм рекомендует изменение ментальности акторов, в результате чего люди смогут жить в более спокойном мире⁸.

В современную эпоху мультилатерализм показал себя как в теоретическом плане, так и в контексте взаимоотношений между странами, в различных ситуациях и как ответ на потребности мирового сообщества. К концу холодной войны мультилатерализм в политических взаимоотношениях не-западных стран, таких как Иран, Россия, Китай, Турция и Индия, не только стал стратегией поддержания национальных интересов в однополярном мире, но и нередко помогал противо-

⁵ Lewis R. D. The cultural imperative: Global trends in the 21st century // Training, Language and Culture. 2019. № 3 (3). P. 8–20.

⁶ Brown C. Cultural diversity and international political theory: from the Requirement to 'Mutual Respect'? // Review of International Studies. 2000. № 26 (2). P. 199–213.

⁷ Benvenisti E. The US and the Use of Force: Double-edged Hegemony and the Management of Global Emergencies // European Journal of International Law. 2004. № 15 (4). P. 677–700. doi.org/10.1093/ejil/15.4.677.

⁸ Mignolo W. D. De-colonial cosmopolitanism and dialogues among civilizations // Routledge handbook of cosmopolitanism studies. Routledge, 2012. P. 103–118.

¹ Mearsheimer J. J. Bound to fail: The rise and fall of the liberal international order // International security. 2019. № 43 (4). P. 7–50.

² Jung H. The evolution of social constructivism in political science: past to present // SAGE Open. 2019. № 9 (1), 2158244019832703.

³ Haynes J. From Huntington to Trump: Thirty years of the clash of civilizations. Rowman & Littlefield, 2019.

⁴ Ibid.

стоять унитаризму Запада¹. Мультилатералистский подход не-западных стран дал различные результаты, одним из которых является появление не-западных международных организаций, таких как БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и государственная инициатива Китая «Пояс и путь»². Один из примеров в области теории — диалог цивилизаций, идея которого зародилась как ответ на концепцию столкновения цивилизаций. На основе этой теории в эпоху роста коммуникаций было выдвинуто предложение по-новому посмотреть на другие цивилизации и идентичности и вместо того, чтобы стараться навязывать свои ценности или пытаться уничтожить другие культуры, стать более толерантными и попытаться учиться у других цивилизаций³. Культурный мультилатерализм был одной из основных повесток в Европейском союзе. Европейские политики считали, что взаимное уважение разных идентичностей и ценностей в Европе является необходимым условием для успешного функционирования валютной и правовой систем Евросоюза⁴.

Вывод

Если рассматривать признаки изменений в мироустройстве и неоднозначность баланса сил, то рас-

пространение беспорядков и вооруженных конфликтов кажется весьма вероятным. К тому же из-за дивергенции цивилизационных парадигм и упадка западных идеологических установок ожидается усиление напряженности на почве идентичностей и культур. Во многом из-за этих факторов мирный переход к будущему миропорядку будет очень сложным процессом. Идентичность и культура оказывают сильное воздействие на международные отношения, а в современном контексте культурный унитаризм может усилить идентификационные и культурные различия и противоречия и тем самым сделать цивилизационные конфликты более brutальными. Культурный мультилатерализм позволяет найти решения для снижения напряженности, а признание и уважение культурных и идентификационных различий является предпосылкой для диалога и сотрудничества между всеми странами, первым шагом на пути мирного перехода из нынешнего состояния к будущему миропорядку. Если культурный мультилатерализм будет принят крупными игроками на мировой арене, то мы сможем надеяться, что последующие фундаментальные изменения в международных отношениях пройдут гладко и мирно.

Я. Стоксет⁵

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК С ХРИСТИАНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

Бытие, 1: 26–28

Без Бога нет человеческих ценностей?

Прежде чем рассматривать понятие «человеческие ценности», необходимо определиться с термином «человек».

Словосочетание «человеческие ценности», часто используемое на Западе, можно рассматривать как нерелигиозное, замаскированное представление понятия «христианские человеческие ценности», как попытку включить людей других религиозных или идеологических убеждений в «общее русло». Ведь все мы люди, несмотря на различия.

¹ Woods N. Multilateralism in the Twenty-First Century // *Global Perspectives*. 2023. № 4 (1) : 68310.

² Winter T. Geocultural power: China's belt and road initiative // *Geopolitics*. 2021. № 26 (5). P. 1376–1399.

³ Mignolo W. D. Op. cit.

⁴ Carta C., Higgott R. Cultural Diplomacy in Europe between the Domestic and the International. URL: <https://brussels-school.be/publications/books/cultural-diplomacy-europe-between-domestic-and-international> (дата обращения: 25.05.2023).

В нашей части света христианские заповеди были общепринятой системой ценностей на протяжении почти тысячи лет. Однако в современном процессе преобразования государства и культуры из христианской формы в светскую «человеческие ценности» считаются более универсальными и пригодными, чем прежние «христианские ценности».

История христианской веры имеет конкретную точку отсчета: сотворение Богом мира, в том числе создание мужчины и женщины. Это, так сказать, отличие старого мирового порядка от нового; Бог как определитель того, что является этически и морально правильным или неправильным; люди как божественные, созданные субъекты, живущие в этих рамках; и, наконец, животные, птицы, насекомые и растения как объ-

⁵ Преподаватель Старшей школы города Конгсберг (Норвегия), переводчик. Участник международных конференций и образовательных программ в рамках российско-норвежского сотрудничества в гуманитарной сфере, автор ряда публикаций по политической философии, проблемам окружающей среды и изменения климата.

екты, вовлеченные в этот процесс. Природа предназначена для того, чтобы человек пользовался ее благами. «Мать-природа» — это поэтический, но отвлеченный термин для большинства религиозных людей.

Проще говоря, христиане считают, что люди произошли от Бога, а атеисты — что от моря. Эта разница во мнениях, вероятно, станет препятствием для достижения согласия в вопросе о том, что такое человеческие ценности.

Без Бога нет понятия человека — есть только существа

Короткая, но убедительная цитата из Бытия 1 закладывает фундамент для легко понимаемой системы ценностей. Эта система начала формироваться на Западе во время правления римского императора Константина I Великого (306–337 гг.), когда он вместо прежней религии ввел христианство¹.

Этот переход стал, вероятно, решающим фактором в истории движения женщин за равноправие и их эмансипации. Если прежде было распространено многоженство, то христианство вводит равенство: у одного мужчины должна быть только одна женщина, и они имеют данную Богом равную ценность, даже если их обязанности и статус различаются. Также было заявлено, что раб обладает ценностью, как любой другой человек, поскольку Бог создал каждого мужчину и каждую женщину по своему образу и подобию.

В атеистическом представлении о мироустройстве каждое существо представляет собой лишь различные стадии развития видов. Это означает, что между животным и человеком не существует принципиальной разницы в ценности, поскольку они оба являются случайными возникшими существами и результатом эволюции.

Аксиомы для системы ценностей согласно христианской вере

1. Люди уникальны и равны — они ниже Бога, но выше животных и растений.

2. Люди разделены на два пола — мужчин и женщин — с конкретными задачами: «плодиться и размножаться».

Эти две аксиомы и другие христианские принципы были основой цивилизации Запада на протяжении веков. Современный Запад борется с этими принципами в поисках нового фундамента и нового мирового порядка. Есть несколько письменных примеров этой попытки узаконить новый мировой порядок:

1) Всеобщая декларация прав человека, состоящая из 30 статей, последняя из которых гласит: «Ничто в настоящей Декларации не может быть истолковано как предоставление какому-либо государству, группе лиц или отдельным лицам права заниматься какой-либо деятельностью или совершать действия, направленные на уничтожение прав и свобод, изложенных в настоящей Декларации»²;

¹ Commitment to Christianity of Constantine I. URL: <https://www.britannica.com/biography/Constantine-I-Roman-emperor/Commitment-to-Christianity> (дата обращения: 17.05.2023).

² Universal Declaration of Human Rights. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 17.05.2023).

2) Повестка дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятая всеми государствами — членами ООН в 2015 году и включающая 17 целей и 169 задач;

3) Манифест Всемирного экономического форума (ВЭФ): «Форум привлекает ведущих политических, деловых, культурных и других лидеров общества для формирования глобальной, региональной и отраслевой повестки дня»³. На каком основании они получили этот мандат?

Эти три примера объединяет то, что они основаны на атеистическом мировоззрении, и поэтому их трудно будет принять как обязательные в рамках христианских, иудейских, мусульманских, индуистских и буддистских верований. Очевидная причина заключается в том, что каждая религия считает свои священные тексты, пророков и традиции выше законов и правил светского государства. Если между ними возникает конфликт, то религиозные законы будут иметь приоритет в глазах верующих, в то время как светское государство придерживается противоположной точки зрения: его законы считаются выше религиозных, то есть подразумевается, что светское государство является гарантией равенства и религиозной свободы разных конфессий. Атеисты считают, что эти две точки зрения могут быть объединены. Однако в американской Декларации независимости говорится: «Мы исходим из той очевидной истины, что все люди созданы равными» — и в этом отношении мы можем повсеместно наблюдать отголоски старого божественного мирового порядка.

Существование универсальных человеческих ценностей — это не всеобщее убеждение

Для людей с религиозными убеждениями нет ничего «универсального» во Всеобщей декларации прав человека ООН, поскольку она не имеет авторитета за пределами самой себя. Единственный универсальный аспект обнаруживается там, где Декларация совпадает с ценностями, содержащимися в самой конкретной религии. Тогда она имеет авторитетное значение не потому, что она есть в Декларации, а потому, что она есть в религии.

Страны Запада не определяют точно, на чем основана их система ценностей, кроме их собственных письменных документов, базирующихся на тщательных обсуждениях и работе, но не подкрепленных какой-либо религией. Очевидно, что история Запада последнего тысячелетия основана на христианстве, но эта вера в значительной степени разрушилась. Законы Запада основаны на атеизме и надежде на то, что остальной христианский, мусульманский, буддистский, еврейский или индуистский мир в конце концов отступит (в сторону атеизма или прагматизма), если религиозные люди будут «просвещаться» учеными и средствами массовой информации. Современные западные СМИ, находящиеся под влиянием взглядов сторонников нового мирового порядка, являются одним из самых сильных средств воздействия на массы.

³ The Davos Manifesto. URL: <https://www.weforum.org/the-davos-manifesto> (дата обращения: 17.05.2023).

Если мы заглянем в будущее, то увидим, что понятие «человек» будет поставлено под сомнение, если (или, скорее, когда) мы столкнемся с морально-этическими проблемами клонированных людей, или когда увидим слияние людей и машин и появление сверхлюдей, или если начнем промышленное производство детей, делая традиционную семейную жизнь излишней. Будут ли эти новые формы людей все еще считаться людьми в юридическом смысле? Будут ли эти человекоподобные роботы подчиняться законам государства? Готовы ли мы вступить на этот путь? Является ли давление с целью принятия трансгендеров лишь разминкой перед принятием сверхлюдей и киборгов? Время покажет.

Запад уменьшается в размерах и теряет свою значимость?

Коллективный Запад, похоже, не принимает во внимание, что он составляет лишь 17 % человечества, и эта доля неуклонно сокращается, и что остальной мир в значительной степени имеет религиозную систему ценностей, которую нелегко заменить новой системой, хотя религии также в конечном счете претерпевают изменения.

Новая этика Запада, похоже, не имеет никаких пределов или моральных границ, кроме того, что «научно возможно». Половая принадлежность, семья, добро и зло, ценность человека, священные ритуалы и священные тексты — это лишь старые исторически сложившиеся взгляды и явления, а новым ориентиром является то, что политически и экономически целесообразно.

С появлением многополярного мира и сокращением населения и экономики атеистический Запад, похоже, ожидает будущее с меньшим значением.

Нациям и культурам с различными вероисповеданиями, вероятно, будет легче понять друг друга, чем светской нации и культуре понять различные религиозные культуры. Причина в том, что разные религии часто имеют общее понимание, что в религиозных верованиях других есть что-то священное. Есть то, что называется добром и злом, и есть авторитет, что выше человечества, — это является обязательными принципами для последователей определенной веры. Возможная стратегия сторонников нового мирового порядка среди атеистов — разделий и властвуй. Разделение, вражда и столкновения между религиозными группами имеют долгую историю. Может быть, глобалисты находят заманчивым поощрять использование этих механизмов в качестве средства укрепления собственных позиций?

Заключение

Из вышесказанного следует, что идея различных суверенных государств, которые создают свои правовые рамки в соответствии со своей религией, культурой и обычаями, вероятно, лучше, чем позволить внешнему органу, такому как ООН или ЕС, смешать все вместе без границ, полов и религий и надеяться на лучшее.

Хаос и разнообразие — это, вероятно, тот мировой порядок, от которого могут выиграть только политики и экономические элиты. Так, может быть, многополярный мир с суверенными государствами, управляемыми в соответствии с их собственными религиозными убеждениями, — это то, что в итоге выйдет из этих бурных времен? Традиционная западная демократия, возможно, подошла к концу своего пути.

С. А. Сухоруков¹

СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В АРХИТЕКТУРЕ ВОСТОКА (На примере Китая)

В настоящее время, когда в мире происходят масштабные изменения, Китай можно считать государством, которое не только не растеряло свои культурные ориентиры в период глобализации, но и укрепило их.

Большинство восточных стран в своей истории столкнулись с противостоянием западного мира. Одной из таких стран стал Китай, который в период упадка не мог ничего противопоставить европейским странам, в первую очередь Великобритании и Франции.

¹ И. о. заведующего кафедрой искусствоведения СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: монографии «Архитектура стран ислама: Традиции и новации»; статей «Градостроительная политика и архитектура современного Стамбула», «Русско-иранские связи в архитектуре в XX — начале XXI века», «Особенности развития современной архитектуры Бейрута», «Современные мечети Анкары. Единство в разнообразии», «Процессы глобализации в архитектуре современной Индии. Принятие или отторжение», «Пакистан: особенности современных мечетей. Наследие или новизна?», «Современные мавзолеи Ирана» и др.

В истории XIX века известны позорные Опиумные войны, итогом которых стало подписание двух договоров (1842 и 1860 гг.), продемонстрировавших всю алчность и равнодушие Великобритании. Свободная торговля опиумом, открытие портов и городов в глубине материка, огромная контрибуция позволили англичанам чувствовать себя хозяевами в чужом государстве — Китае. Отдельно стоит вспомнить захват и откровенный грабеж англичанами и французами летнего императорского дворца Юаньминъюань, находившегося тогда за пределами Пекина. Разграбление было варварским и многократно описано современниками. Пострадали и бесследно исчезли бесценные памятники искусства, которые бережно собирались и хранились веками.

Почти такая же ситуация сложилась незадолго до образования КНР. Тогда Чан Кайши вывез часть национальных реликвий из Запретного города на Тайвань, где они находятся по сей день.

В 1949 году, создав новое государство, Китай ступил на трудный путь развития. После противостояния режиму Чан Кайши, который поддерживался западными странами, предстояло восстановление страны фактически из руин.

Благодаря правильно сформулированным целям уже через несколько лет были созданы различные государственные организации, в том числе Пекинский проектный институт. Они должны были заложить основы независимого развития архитектуры и градостроительства. Не предусматривалось заявление первых лиц государства об активном сотрудничестве с европейскими странами, как это было с Индией после обретения независимости¹. Первые шаги были сложными: требовалось пройти путь восстановления и обеспечить народу Поднебесной хоть какое-нибудь доступное жилье. Уже тогда предпринимались робкие попытки показать богатейшее наследие через призму современности. Так, несколько лет пытались реализовать проект, получивший название «стиль больших крыш», — интересное соединение многоэтажного типового дома с традиционными кровлями в несколько ярусов, украшенными глазурованной черепицей.

Конечно, в истории Китая был период отказа от своего прошлого и фактически уничтожения различного рода памятников. Эта эпоха известна как «культурная революция». Время тяжелое — со своими идеями и попытками их реализации.

Мощный рывок в формировании и отстаивании своих интересов в современной архитектуре начался в 1980-х годах с Гонконга. Де-факто эта земля вернулась Китаю от англичан спустя 150 лет — в 1997 году. Территория очень комфортная для проживания — зеленые холмы и вода, олицетворяющие чистую энергию. Авторами первых значимых построек стали иностранцы, но в их контрактах было предусмотрено условие: учитывать особенности культуры страны. При этом архитекторы вышли на новый уровень — начали взаимодействовать с новыми технологиями. Так, «Банковская корпорация Гонконга и Шанхая» (арх. Н. Фостер) благодаря полированной титановой пластине в нижней части фасада здания взаимодействует с солнцем в традициях древнего искусства работы со светом. «Пластины с помощью сложной электронной системы поворачиваются вслед за солнцем и отбрасывают луч света вверх, сквозь множества зданий»². Другой пример — «Банк Китая», автором которого стал уже китайский архитектор, великий Ио Мин Пей (1917–2019). Он сделал акцент на символических формах, и в результате небоскреб по форме стал напоминать стебель бамбука — растения, символизирующего для китайцев выносливость и силу. В это строительство оказалась вовлечена и нумерология. Закладка здания произошла 8 августа 1988 года, а цифра 8 означает славу

и процветание³. Эта же цифра доминирует и в одной из современных построек Шанхая — в небоскребе «Золотое процветание», где на ее основе выдержаны высота и пропорции: 88 этажей разделены на 16 сегментов, каждый из которых на 1/8 короче предыдущего, центральный каркас восьмиугольный, восемь композитных колонн и т. д.

Новый этап в развитии архитектуры Китая начался после объявления страны хозяйкой Олимпийских игр — 2008. К тому моменту глобализация набрала ход и затронула многие страны, которые испытали на себе и ее отрицательные моменты. Например, в Индии начались проблемы с реализацией большого количества интересных проектов — они остались только на бумаге по причине засилья сетевых корпораций. Крупные компании выигрывали конкурсы и возводили типовую застройку.

Китайские власти сумели на высшем уровне сбалансировать западные идеи и национальные традиции, не давая последним уйти в тень. В первую очередь в Пекин пригласили ведущих зодчих с бесценным опытом строительства как отдельных зданий, так и градостроительного полотна больших размеров. Например, Жак Эрцог и Пьер де Мерон были привлечены к созданию архитектурной визитной карточки — Олимпийского стадиона. Большинство заказчиков в разных странах при сооружении стадионов делают акцент на визуальном эффекте — с комфортной средой, безопасной логистической системой и техническими возможностями. Китай же показал, насколько глубоко можно раскрыть мировоззрение страны, формировавшееся тысячелетиями. В результате стадион «Птичье гнездо» был представлен в образе огромной мембраны, существующей за счет постоянного потока огромного количества зрителей — потока, который не только притягивается, но и выходит наружу, создавая эффект пульсирующей оболочки.

Олимпийский стадион уникален в контексте градостроительного полотна, ведь он продолжает традицию строительства знаковых построек на одной оси, что соответствует традициям старого китайского зодчества.

Хотелось бы особо отметить обязательное условие, которое Китай предъявляет архитекторам-иностранцам, работающим в стране. Когда речь идет об объектах высокой значимости, к зодчим прикомандировывается консультант, который является специалистом в нумерологии, фэншуй и т. п. «Для почтительного отношения к положительной энергии с целью использования ее свойств в законченном сооружении изучались конструктивные способы и методы возведения зданий в соответствии с учением фэншуй»⁴. Все это важные составляющие жизни китайского гражданина и общества. При строительстве Олимпийского стадиона таким консультантом был Аю Вэйвэй (р. 1957) — известный художник, критик, куратор.

Как уже было сказано, Китай помнит свою историю и иногда очень болезненно относится к попыткам вой-

¹ Сухоруков С. А. Процессы глобализации в архитектуре современной Индии. Принятие или отторжение? // Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок : XII Всерос. науч.-практ. конф., 11 февраля 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 118–119.

² Архитектура Китая: два взгляда. М. ; СПб. : Нестор-История, 2013. С. 336.

³ Сухоруков С. А. Традиционные ценности в архитектуре Востока на фоне кризиса глобализации // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 295–297.

⁴ Архитектура Китая: два взгляда. С. 335.

ти в страну глубже, чем это разрешено властями. В этом есть как положительные моменты, так и отрицательные, но это защита своих позиций, в том числе и в вопросах исторической памяти. В Шанхае, мегаполисе и фактически финансовой столице Китая, произошел случай, который европейцы подвергли критике. В 2008 году было закончено строительство Шанхайского всемирного торгового центра. В первоначальном проекте верхняя часть здания должна была представлять собой гигантскую окружность диаметром 53 метра. Это задумывалось, чтобы снизить давление на застройку во время плохой погоды — от тайфунов до гроз. Однако в процессе строительства форма была изменена на трапецию. Дело оказалось в том, что заказчиком торгового центра был японец — известный предприниматель Минору Мори (1934–2012). Круг был воспринят китайцами как символ агрессии Японии, ведь в 1937 году, когда японская армия вторглась в Китай, был использован имперский символ в виде круга — восходящее солнце.

Китай взрастил плеяду архитекторов высочайшего уровня, которые, несмотря на критику страны со стороны европейцев и частично объявленные санкции, продолжают наращивать свою роль в мире. Европа и США понимают уровень профессионализма зодчих, в которых, безусловно, заинтересованы заказчики.

Итог грамотной работы национальных архитекторов — присуждение Притцкерской премии. Ван Шу (р. 1963) оказался первым китайским архитектором, который получил эту очень престижную награду, еще и в весьма молодом возрасте. Тема связи современности и традиций является для Ван Шу ключевой, с началом его творчества национальная архитектура заиграла новыми красками. Недаром Ван Шу называют мастером материала. Архитектор дает ему второе рождение — собирает остатки, например, кирпичей или керамической плитки после сноса старых зданий и использует их в новых постройках. Именно керамическая плитка была представлена как основной материал на знаменитой Венецианской биеннале в 2006 году. Так появился сложный из десятка тысяч плиток «Черепичный сад», который стал прекрасным примером демонстрации традиций страны.

Нельзя не отметить и архитектора Ма Яньсуна (р. 1975) и его архитектурное бюро MAD. Зодчий — горячий патриот своей страны, но популярен и за ее пределами. Его постройки погружают в различные виды китайского искусства, и это один из лучших образцов сохранения своей культуры. Замечательное творение Ма Яньсуна — комплекс «Чаоян Парк Плаза», в котором с потрясающим вкусом и мастерством воплощена связь архитектуры с природой, а природы — с изобразительным искусством. В центре комплекса расположены два небоскреба с выразительным экстерьером, который представляет плавные аккуратные очертания в виде складок. Это горы, обработанные самой природой. Жанр «горы и воды» занимает центральное место в традиционной китайской живописи. На Западе таких примеров нет.

Основы китайской культуры прививают детям с раннего возраста. В детском саду «Юэчэн», возведенном в 2020 году, грамотно совмещены две постройки — старая и новая. Крыша старой части выполнена в виде пологой просторной террасы, на которой дети могут безопасно гулять. Новая часть выполнена с применением передовых технологий — материалов, оборудования, света. При этом строители сохранили старые деревья, соорудив здание вокруг них.

Подобных примеров в китайской архитектуре множество. Эта тенденция не только касается государственных заказов, но и имеет четко выраженную индивидуальную составляющую, апеллирующую к истории страны, к истории отдельно взятого региона.

Гармония в современном архитектурном развитии обязана не только долгой эволюции. Важным моментом стало отстаивание своих национальных интересов и постоянное совершенствование архитектора как специалиста в контексте современного развития. Сегодня зодчество Китая по многим направлениям превосходит западные наработки. Это касается зеленой архитектуры, строительства сложных масштабных сооружений из дерева и др. Если добавить символическую составляющую, то формируется основа, которая способна выдержать множество вызовов, в том числе связанных с современными политическими реалиями.

Ж. Т. Тошенко¹

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР: СМЫСЛ И СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В настоящее время остро поставлен вопрос Российского государства как самостоятельной и влиятельной силы в мировом сообществе и его самостоятельного успешного и гарантированного развития. Как обеспе-

¹ Главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор около 700 научных публикаций, в т. ч.: «Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности» (в соавт.), «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)», «Тезаурус социологии», «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)», «Фантомы российского общества», «От прекарной занятости к прекарнизации жизни» (в соавт.), «А что на самом деле происходит в сфере куль-

чить достижение этих целей? Высказываются самые разные предложения, большая часть которых касается экономического и военного потенциала, методов их укрепления и рационального использования. При этом почти не рассматриваются ресурсы социального и мировоззренческого характера, хотя в них содержатся огромные резервы. Один из таких ресурсов, имеющий большое научное и практическое значение, — «общест-
туры?» (в соавт.), «К классификации профессий: социотехнологическое измерение» и др. Председатель Международного редсовета журнала РАН «Социологические исследования», Заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова и РГГУ. Почетный доктор Института социологии РАН. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского. Награжден медалью «За доблестный труд», Серебряной медалью им. Питирима Сорокина.

ственный договор, иначе говоря — *социальное соглашение* между народом и властью, обеспечивающее прочность и возможность самостоятельного и независимого существования образующего ими государства. Наиболее наглядно его действие проявляется в периоды суровых испытаний, таких как отечественные войны. Так, во время войны с Наполеоном и Великой Отечественной состоялось единение всех сил народа и власти на основе глубинной убежденности большинства людей в необходимости отстоять самость своей страны, сохранить верность тысячелетним ценностям национальной жизни и культуры. Действовал неписанный закон единства государственных и общенародных целей и способов их достижения во имя настоящего и будущего страны. Именно это состояние можно отнести к пониманию такого ноумена (умопостижимого смысла), как общественный договор.

На наш взгляд, общественный договор, его состояние и проблемы являются одним из важнейших показателей устойчивости Российского государства, на который необходимо обратить пристальное внимание.

Напомним историю его появления в научной литературе и общественной практике.

Обычно первые попытки осмысления этого феномена связываются с работами таких ученых, как Т. Гоббс¹, Дж. Локк², П. Гольбах³, Ж.-Ж. Руссо⁴, Ш. Монтескье⁵. Если обобщить их высказывания, то можно привести формулировку Руссо, который развивал идею прямого народного правления, ибо, согласно его трактовке общественного договора, «только общая воля может управлять силами государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо»⁶.

В XIX веке идеи общественного договора в определенной степени развивал А. Токвиль (1805–1859), который, размышляя о судьбах революции, писал: «Основная цель хорошего правительства состоит в том, чтобы добиться благосостояния народа, а вовсе не в том, чтобы установить некий порядок среди нищих людей». Он критиковал американское правительство, а затем и французское за их политику, не учитывавшую интересов всех слоев общества. Основу демократии Токвиль видел в традициях пуритан, стоявших у истоков колоний в Новом Свете. Поэтому главным преимуществом любого общества он считал равенство возможностей для всех жителей страны.

После значительного перерыва в научном исследовании общественного договора интерес к нему возродился в XX веке. Среди вновь сформулированных концепций обратим внимание на идеи Дж. Ролза, который рассматривает деятельность людей как рационально мыслящих индивидов в процессе созидания и функционирования создаваемого ими государства, построенно-

го на принципах максимально благоприятного существования. Он утверждает, что общественные институты, сформированные в результате такого договора, беспрекословно соблюдают принципы справедливости, а включенные в них люди выстраивают свои взаимоотношения на тех условиях, на которые они согласились, будучи равными в их естественном состоянии⁷.

Идеи Ролза оспорил Р. Нозик со своих либеральных позиций. Он настаивал на необходимости «минимального государства» (государство — «ночной сторож») и критиковал теорию «социального государства» за насилие над индивидами⁸.

Оригинальный вклад в разработку проблем общественного договора внесли Дж. Бьюкенен и О. Т. Богомолов. По мнению Дж. Бьюкенена, согласно его теории общественного выбора, все люди, независимо от того, являются ли они частными лицами или общественными деятелями, принимают решения и действуют исходя из рациональных соображений личной выгоды. Если личные интересы противоречат интересам общества, человек обычно отдает приоритет первым⁹. В работах отечественного экономиста академика О. Т. Богомолова показано, что на экономическую политику любой страны оказывают влияние различные неэкономические силы. Поэтому общественный договор — это, по сути, такая конструкция государства, в которой прописаны его действия по отношению к гражданам¹⁰.

Своеобразно идею общественного договора трактует М. Олсон. Он полагает, что теоретически люди могут договариваться между собой и без принуждения, но тогда возникает «проблема безбилетника», когда кто-то готов пользоваться общественным благом, но участвовать в его создании зачастую не желает. Он также выдвинул своеобразную теорию государства: оно создается в основном людьми, имеющими преимущества перед другими в возможности организации насилия¹¹.

Идеи Олсона в определенной мере разделяет российский экономист А. Аузан, который считает, что в большинстве случаев государство возникало из-за необходимости противостоять организованной преступности в виде военных и вооруженных формирований, по большому счету грабивших другие государственные образования (царства, княжества, ханства и т. д.). В этих условиях «складываются два типа социального контракта или общественного договора. Первый — горизонтальный, когда люди нанимают государство как агентство по производству услуг, обороны и правосудия». В результате, как показывает историческая практика, люди могут обходиться без государства в самых «государственных» делах (охрана, организация новых форм хозяйствования, создание военных структур и даже частных тюрем). Второй тип контракта состоит в том, что государство «никто не нанимал», а оно «само распоряжается и создает правила». Это связано

¹ Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2.

² Локк Д. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3.

³ Гольбах П. А. Основы всеобщей морали, или Катехизис природы // Гольбах П. А. Избр. произв. : в 2 т. М. : Соцэкгиз, 1963. Т. 2.

⁴ Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре. Трактаты : пер. с фр. А. Хаютина, В. Алексеева-Попова. М. : ТЕРРА — Книжный клуб : КАНОН-Пресс-Ц, 2000.

⁵ Монтескье Ш. О духе законов // Гражданское общество в России : науч. электрон. б-ка. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhke.pdf (дата обращения: 22.05.2023).

⁶ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч.

⁷ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : НГУ, 1995.

⁸ Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера ; под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2008.

⁹ Нобелевские лауреаты по экономике. М. : Таурус альфа, 1997.

¹⁰ Богомолов О. Т. Неэкономические грани экономики. М. : ИНЭС, 2010.

¹¹ Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М. : Новое изд-во, 2012.

с появлением и расширением круга авторитарных государств, число которых, по подсчетам Всемирного банка, выросло в конце XX — начале XXI века более чем на 50 %. Важно, что они не уступают «демократическим» государствам по эффективности¹. С этими оригинальными высказываниями трудно согласиться, так как они сводят взаимодействие народа и власти только к одной, хотя и важнейшей функции — защите от посягательств на права и свободы личности.

Рассматривая эти теоретические концепции, обратим внимание и на то, что в практике реализации общественного договора значительное место принадлежит тем группам, которые формулируют его принципы и которые в большинстве случаев ассоциируются с интеллигенцией (согласно российской традиции) или интеллектуалами (согласно западной традиции).

Таким образом, можно выделить *основные характеристики общественного договора как социального контракта и социального согласия между народом и государством* с учетом того, что они во многом носят латентный характер и фиксируются в основном при помощи социологических и социально-психологических данных.

Критерии общественного договора

1. Общественный договор скрепляет *цель, которая разделяется большей частью народа и государством*. Чем более величественна и в то же время конкретна эта цель, тем больше людей вдохновляются ею. При этом даже в проблемном обществе цель должна восприниматься как достижимая. Формулирование цели также означает, что ранее провозглашенная цель (если она существовала) утратила свой потенциал, отвергается и не воспринимается как ориентир для жизнеустройства.

Это согласование того, что хотели (хотят) и к чему стремились (стремятся) основные социально-классовые общности и группы, с одной стороны, и того, что предлагала(ет) власть с учетом возможных издержек и просчетов — с другой. При этом на государство возлагается высокая ответственность — сформулировать стратегию развития страны, которая не только будет удовлетворять народ в сложившейся ситуации, но и позволит ему видеть перспективу, и это видение будет скреплять договоренность. То есть оно должно суметь оформить эти взаимные стремления и намерения и в текущей действительности, и на будущее, что станет залогом устойчивости государства. К сожалению, в России часто приходится слышать сетования на то, что большинству народа не совсем понятно, какое государство строится в стране. Соответствие четвертой промышленной революции и шестому экономическому укладу лишь частично признаются в качестве цели.

2. *Цель общественного договора конкретизируется (выражается) в средствах ее достижения*, что находит отражение прежде всего в правах и свободах человека, которые обычно фиксируются в Конституции и других официальных правовых документах. Именно их соблюдение и гарантии их реализации предполагают правовое равноправие двух сторон общественно-

го договора — государства и народа, иначе могут происходить взаимоисключающие процессы — или рост авторитаризма (тоталитаризма), который ведет к деформации свобод и прав человека, или установление охлократических тенденций, которыми, как правило, пользуются деструктивные силы. Поэтому сегодня реальные общественные договоры в большинстве случаев представляют не всегда обоснованную и даже деформированную практику, которая порой не согласуется с идеей социального равенства. Такое состояние приводит к конфликтным ситуациям и даже протестам, отражающим слабость существующего общественного договора. Это проявляется по-разному — от раздражения и недоверия до вооруженного сопротивления (восстания). Напомним, что о праве народа на протест настаивали и Локк, и Руссо. При этом особое значение приобретает моральная оценка существующей власти, которая может или усилить ее легитимность, или привести к ее неприятию.

3. На основе реализации цели появляется критерий: наличие *соглашения (согласия), которое обычно выражается в доверии народа политическим и социальным институтам и олицетворяющим их лицам*. Для уточнения этой связи иногда используется понятие «социальный контракт», означающее, что официальный договор по обеспечению прав и свобод человека как гражданина страны, жителя определенной административной единицы или члена производственной организации существует в реальности. Отметим только, что понятие социального контракта в современной российской действительности приобрело более узкий смысл и означает помощь человеку в преодолении сложной жизненной ситуации и обеспечение устойчивого социального положения. Иногда в художественном творчестве используется словосочетание «социальный клей», образно характеризующее прочность связи между народом и властью.

Таким образом, суть согласия между народом и властью заключается в том, что государство учитывает основные ориентации и потребности людей и на этой основе создает «правила игры», гарантируя и обеспечивая условия для достойной жизни граждан. А те, в свою очередь, соглашаются на правовые требования, связанные с охраной их личности, с защитой их прав и свобод. При этом нередко происходит добровольное подчинение ограничительным законам, если люди видят, что их основные интересы и потребности учитываются или по крайней мере принимаются к сведению и в той или иной мере удовлетворяются. В этой связи интересно соображение Н. Бердяева, который критически относился к Октябрьской революции, но все же понимал, почему народ пошел за большевиками. «Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа. Переворот этот был так велик, что народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, поверил в возможность рационализации без всякого иррационального остатка, поверил в машину вместо Бога»².

¹ Дуган А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М. : МИФ, 2017.

² Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990.

4. Для понимания сущности общественного договора необходимо ответить на вопрос, *соответствуют ли основным (преобладающим, господствующим) устремлениям, ценностным ориентациям и интересам народа* реальная государственная политика. Для этого требуется знать эволюцию и состояние общественного сознания во всех его гражданских, социальных, национальных и культурных проявлениях и на этой основе обеспечивать строительство и регулирование государственной и социальной жизни. В настоящее время, как показывает политика официальных органов власти, в том числе на федеральном уровне, эта потребность в определенной (но не всегда полной) степени восполняется посредством изучения общественного мнения как о злободневных, так и о перспективных и проблемных вопросах развития страны, регионов, экономических, социальных, политических и культурных организаций.

Особо отметим, что в этом процессе огромное значение приобретает *степень доверия политическому строю и руководству государства*. На первых порах доверие может концентрироваться на целях, выраженных в лозунгах и призывах, но затем обязательно проверяется реальностью. Это наглядно проявилось, например, во всеобщей поддержке идей перестройки, объявленной Горбачевым в 1985 году, а затем в их отвержении из-за невыполнения ранее провозглашенных обещаний.

5. Общественный договор — это дорога с двусторонним движением, что означает *обратную связь между властью и народом*, проверку ее эффективности и действенности. Это неперемutable требование для согласования целей политической власти и ценностных ориентаций народа. Напомним, что у Гоббса такой целью была безопасность, у Локка — свобода, у Руссо — безопасность и демократия, у Монтескье — социальное равенство, у Ролза — справедливость. Иначе говоря, общественный договор призван обеспечить постоянный и мобильный социальный контакт на основе достижения основной цели, а также предложить средства и методы для ее осуществления, чтобы достичь взаимопонимания и, соответственно, поддержки.

При этом очень важно, до какой степени обеспечивается *реальное участие народа* в принятии решений на всех уровнях социальной организации общества (в первую очередь в виде гражданской активности, работе в общественных организациях и движениях). Пока это участие нередко сводится к голосованию во время избирательных кампаний и значительно в меньшей степени — к участию в различных политических и социальных акциях. Если же эти требования не соблюдаются, то страна сталкивается с усилением социальной напряженности. Так было, например, во время принятия закона о пенсионной реформе, вызвавшего недовольство значительных групп населения, что про-

явилось во всплеске различных форм протеста — от демонстраций до забастовок.

6. Общественный договор предполагает *консенсус и баланс интересов не только между всем народом и властью, но и между составляющими этот народ стратами, социальными общностями и группами*. Иначе говоря, необходимо учитывать все многообразие интересов граждан. Такое согласие должно быть не только на политическом, экономическом и социальном уровнях, но и, что особенно важно, на моральном уровне как наиболее фундаментальном, обеспечивающем подлинную природу общественного договора. Моральное единство возникает на основе доверительных отношений, которые делают невозможными противостояние, соперничество, предубежденность и строятся на основе ценностных ориентаций главных социальных сил, согласование которых в многом зависит от ответственности государственной власти. Правда, это не означает, что ценностные ориентации остаются неизменными: поиск согласия во всем обществе и между основными субъектами действия — это постоянное требование для сохранения и поддержания общественного договора.

При трактовке сущности и содержания общественного договора нужно всегда учитывать, что он не может оставаться неизменным в течение длительного времени. Общественный договор постоянно нуждается в уточнении, перенастройке в соответствии с изменяющимися условиями жизни. Об этом свидетельствует опыт всех стран, в том числе и нашей. В разные периоды опорные точки общественного договора менялись, уточнялись или замещались другими. К тому же содержание общественного договора значительно варьируется в зависимости от государства, отдельной страны, а также того или иного этапа в их развитии. В России к показателям общественного договора можно отнести такие критерии (показатели), как доверие к политической власти, оценка уровня благосостояния, уверенность в социальной защите и личной безопасности, участие в принятии решений — от государственных законов до распоряжений в рамках тех организационных структур, где человек работает и проживает.

Все большее значение приобретают требования социальной справедливости, суверенитета личности, а также уверенность людей в своем будущем и будущем своих детей.

Таким образом, в настоящее время концепция «общественный договор» является важнейшим теоретическим и прикладным конструктом для анализа и объяснения эволюционного или революционного развития государства и (или) общества, преобразования окружающей среды, методов и форм государственного и политического управления, идеологического воздействия на общественное сознание.

А. В. Успенская¹СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА
В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Художественная литература, как и любое другое искусство, является наилучшим фиксатором глубинных процессов в культуре. Поэтому изучение художественной литературы может быть полезно для понимания духа той или иной культурной эпохи. Это утверждение особенно справедливо для текущей эпохи, современности, поскольку теоретическая рефлексия вынуждена запаздывать по отношению к происходящим процессам, видение же художника фиксирует их непосредственно. Способность к фиксации не связана напрямую с качеством литературной продукции, а огрехи могут стать средством обнаружения особенностей и проблем культурного сознания. Состояние современной отечественной литературы многими авторами уже давно оценивается как кризисное. Но даже если картина современного литературного процесса представляется в общем безрадостной, она способна сказать нам нечто важное о современной социокультурной ситуации, ибо отражает в художественной форме ее проблемы.

В советское время суровым противником автора была цензура, идеологическое давление не давало высказаться начистоту, кто-то выбирал путь самиздата и тамиздата. Впрочем, цензура воспитывала в писателе строгость к тексту, умение пользоваться тайным языком, добиваться художественной силы, многозначности слова. Особенно много о цензуре в литературной среде заговорили в 1960-е годы, однако именно в эту эпоху советская литература переживала бурный расцвет, подлинный Ренессанс. Никакие цензурные запреты не мешали пробиваться к читателю стихам Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной Александра Кушнера, Виктора Сосноры. Издавались Василий Шукшин, Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Борис Васильев, Григорий Бакланов, Федор Абрамов, Андрей Битов, Фазиль Искандер, Валерий Попов, драматурги Александр Вампилов и Александр Володин. Это были высокоталантливые и очень смелые книги, писатели не обходили молчанием самые сложные проблемы, которыми изобилует жизнь в России XX века.

С началом перестройки писатель получил практически полную свободу. Казалось бы, должны были появиться новые талантливые произведения, не совпада-

вшие с культурной и политической стратегией советской власти, долго лежавшие под спудом... Читатель пришел в восторг от прозы Сергея Довлатова, прочитал «Верного Руслана» Георгия Владимова, многотомное собрание сочинений Александра Солженицына, «Пушкинский дом» Андрея Битова, еще ряд книг. Дальше обозначилась пустота. Долгое время она была замаскирована целым валом ремесленной, развлекательной литературы — триллеров, фантастики, детективов, при этом вовсе не всегда низкопробных.

Но о том, что серьезная, «большая» литература больна, переживает тяжелый кризис, писали еще в начале 1990-х годов. Замечательный критик Ирина Роднянская в статье «Гипсовый ветер» (Новый мир. 1993. № 12) говорила о какой-то роковой «болезни нашего культурного сознания». Впрочем, ее природу она тогда затруднилась определить.

С тех пор прошло 30 лет. Ежегодно присуждаются престижные премии «Национальный бестселлер» и «Большая книга», с 1992 по 2017 год вручалась премия «Русский Букер». При этом ни одно из художественных произведений, отмеченных престижными премиями (награда победителям — от 1 до 3 млн рублей), так и не стало настоящим событием русской культуры. А ведь премиями отмечено больше 100 книг, предположительно это и есть современная классика.

Эта литература разнообразна в жанровом отношении. Есть исторические эпопеи, в которых предпринимаются попытки обобщить историю русского XX века и даже всю многовековую российскую историю. К ним примыкает обширный круг исторического фэнтези, повествования из области альтернативной истории. Есть реалистические повести и романы, продолжающие традицию русского критического реализма, в том числе тему «маленького человека» с его неказистой, убогой жизнью; романы-воспоминания о детстве и юности, где, как правило, речь идет о советской эпохе, и автор, перебирая забытые реалии, выступает в роли экскурсовода. Возрождается, казалось бы, давно отвергнутый и прочно забытый жанр производственного романа. Все большее место занимает среди книглауреатов документалистика — беллетризованные семейные мемуары.

Не претендуя на всеобъемлющий разбор современной литературы, мы рассмотрим лишь несколько репрезентативных произведений разных жанров, удостоенных престижных премий. Оценив их содержательные и стилистические характеристики, можно увидеть, что эти книги способны представить нам отчетливый срез современной отечественной культуры.

Пожалуй, наибольший интерес критиков вызывает трудноопределимый жанр вроде исторической эпопеи, сдобренной элементами фэнтези и философскими декларациями героев и автора. Объект исследования непременно масштабный — от русского XX века

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч. монографий: «Антологическая поэзия А. А. Фета», «Античность и русская литература. Мотивы. Образы. Идеи» и др.; учебника «Конфликтология духовной сферы» (в соавт.); статей: «Мережковский и Набоков», «Аполлон — победитель Пифона: идеи Винкельмана в поэзии и публицистике А. А. Фета», «Инобытие для героя: об одном из источников эпизода романа М. А. Булгакова „Мастер и Маргарита“», «Проза Бориса Васильева», «Эсхатологические сценарии русской цивилизации в современной антиутопии» и др. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России», Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, Почетным знаком Российского профсоюза работников культуры. Почетный профессор СПбГУП.

до судеб России и мира в целом. Один из ранних примеров — широко разрекламированный «Укус ангела» Павла Крусанова (1999) — эпопея с магическим уклоном. Действие происходит в «альтернативной» России. Автор озбочен вечными вопросами: «От Бога ли власть? Дает ли она право наделенному ею быть выше морали, закона и совести?» Герои не вызывают симпатии, а действие развивается немотивированным образом: воспитанная в цыганском таборе девочка Надя поднимает народное восстание, и перед ней катится гигантское огненное колесо, разделяющее Россию пополам. Впрочем, вскоре страна как-то срывается. Отвратительный главный герой Иван Некинтаев по прозвищу Чума, родившийся от мертвого отца и сожительствующий с родной сестрой, захватывает власть в стране. Россия растет, расширяется, вот уже взят Константинополь, происходит обмен ядерными ударами с Америкой. Иван жаждет победить любой ценой и готов выпустить из подземного мира страшных псов Гекаты, питающихся человеческими душами, причем неясно, можно ли будет загнать их обратно. Критика подняла невероятный шум: восхищались новаторством и ужасались имперским идеям Крусанова, хотя в действительности в его повествовании нет ни того, ни другого. Герои то манерничают, то суконным языком произносят длинные монологи о Боге, истории, нравственности, умудряясь не сказать ничего. Это не альтернативная история, не фантастика, не антиутопия — ведь и у этих видов литературы есть определенные законы. Идет постоянная литературная игра — то элитарно-маньеристская, с обращением к Достоевскому, Набокову («Ада»), Умберто Эко, Милораду Павичу, то подделка под популярный жанр фэнтези — и тогда появляются колдуны-«моги», тайные ордена, алхимические браки.

История России — в центре романа Петра Алешковского «Крепость», лауреата премии «Русский Букер» за 2016 год. Книга насыщена знакомыми штампами: и беспомощная интеллигенция, и жалкий народ, и проклятый Сталин, и воцарившийся в стране культ чистогана, и трагедия маленького человека, и мысли о спасении души, и «ниспровержение идолов» (восхваление Баркляя в противовес Кутузову) — в общем, весь набор идей среднеобразованного рефлексирующего интеллигента. Бескорыстный и наивный археолог Мальцов бьется за сохранение старинной крепости и ее бесценных фресок. Лжеархеолог, ловкач, выполняющий для строителей экспертизу земли за откаты, уводит у героя жену, а директор музея увольняет его. Но в ночных видениях Мальцову предстоит вернуться в далекое прошлое своего рода и стать монгольским воином — потомком чингизида Толюя, отдавшего жизнь ради спасения брата Угедея. Вот и весь сюжет романа — около 600 страниц.

Один из самых известных и титулованных писателей современной России — Евгений Водолазкин, автор романов «Соловьев и Ларионов», «Авиатор», «Лавр», «Оправдание острова» и др. За «Лавр» получил премию «Большая книга» за 2013 год. Сам назвал свой роман «неисторическим». По версии газеты The Guardian, роман «Лавр» вошел в Топ-10 лучших книг

мировой литературы о Боге¹. Главный герой, врачеватель Арсений, оставляет без помощи свою тайную возлюбленную Устину, и та умирает родами. Пытаясь искупить грех, на протяжении жизни он успевает побывать странствующим травником, юридивым, паломником, съездить в Иерусалим, наконец затворяется в монастыре и принимает имя Лавр. Герой одним прикосновением исцеляет слепых и поднимает на ноги немощных, взглядом изгоняет бесов. В романе все непрерывно ждут конца света, назначенного на 1492 год, и неоднократно «обращаются в монастырь за уточнениями». «Нам это важно, простите за прямоту, и в отношении планирования работы, и в смысле спасения души», — именно такой текст выдает один из героев.

Заканчивается «Лавр» разговором русского кузнеца с немецким купцом: ничего вы в нашей русской земле не понимаете, да и сами мы в ней ничего не понимаем. И, конечно, автор ничего не берется объяснять. Ему важно констатировать чудо, именно оно и есть оправдание существования «нашей русской земли». И ернический язык героев, когда на протяжении одного монолога персонаж говорит то (по выражению критика С. Друговойко-Должанской, которая романом восхищается) на «чистейшем древнерусском, то на средне-советском, то на раннепостинтеллигентском», и герой, чьи сверхспособности определяются прежде всего его «русскостью» — свойством, которое при всей своей неопределимости одинаково востребовано и массами, и элитой, — все это обеспечило признание роману.

Но столь прямо транслируемое русофильство и восхищение православием на деле оборачивается фарсом. Вот, например, речь идет об исторической памяти. Герои говорят о Елеазаре, резчике по дереву, о котором все забыли. А что может о нем вспомнить памятный рассказчик? Что он часто пукал. И вот мальчик лежит на могильной плите: «Елеазар, пукни, — тихо просит мальчик, — хотя бы раз. Пусть это будет твоим сигналом оттуда». Елеазар обиженно молчит. Не слыхом осведомленный читатель просто поморщится, более просвещенному померещится кошунство. Водолазкин специалист по древнерусской литературе, ему должны быть известны и жития святых. В этой сценке в трагестивированном, низменном виде он использует Житие Акакия Синайского. Там есть эпизод, когда кроткий, вечно послушный Акакий, претерпевший много обид от старца-наставника, умер. Епископ же, узнав об этом, пришел на его могилу и воскликнул: «Брат Акакий! Слышишь ли ты меня?» Мертвые обычно молчат, но несущий обет послушания и за могилой Акакий кротко отвечает: «Слышу!» Сказать по совести, даже бездуховный Собакевич у Гоголя с гораздо большим уважением вспоминает о своих мертвых душах, чем высокодуховные герои Водолазкина.

Другой роман Водолазкина, «Оправдание острова» — еще одно житие, притча, псевдоисторический роман. Рассказывается о 350 годах Империи — несуществующего острова. Опять видим смесь средневековых и современных реалий, от языка «Повести

¹ См.: Лавр (роман) // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Лавр_\(роман\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лавр_(роман)) (дата обращения: 14.05.2023).

временных лет» до новояза современных журналистов. В истории острова, окруженного водой, достаточно очевидно отражена история последних трехсот с лишним лет России с ее войнами и революциями. Идея воссоздать историю большого мира на маленьком пространстве не нова. Щедрая на похвалы критика сравнивает роман с «Историей одного города» Салтыкова-Щедрина, с «Островом пингвинов» Анатоля Франса, с Макондо из романа Маркеса «Сто лет одиночества», с «Возможностью острова» Уэльбека. И всякий будет прав: современная постмодернистская литература стоит на плечах гигантов. Исторические времена и события перемешаны как колода карт. Жизнь острова — это череда жестоких и глупых правителей, а народ лишь безликая масса, не способная стать субъектом истории.

Еще один писатель, заслуживший горячие похвалы критики, — не так давно ушедший из жизни Владимир Шаров. В его последних романах — «Будьте как дети», «Возвращение в Египет», «Царство Агамемнона» — делается попытка проследить истоки русской революции, ее сущность. Критика числит в учителях Шарова от Льва Толстого до Андрея Платонова. Человек безусловно талантливый, знаток истории, Шаров защитил диссертацию о Смутном времени. Но как выглядит у него история?

Мадам де Сталь рождает Сталина, рукопись прячется в бутылку и после смерти зашивается автору в живот, Ленин ведет беспризорных детей через море «аки по суху» в крестовый поход на Иерусалим, сталинские репрессии придуманы для спасения душ через умерщвление плоти, а Россию можно спасти, лишь написав за Гоголя сожженный том «Мертвых душ».

Вся эта фантазмагория не может заслонить главную мысль Шарова: прошлое уродливо и безотраднo, и дело не только в жестоких правителях, но и в народе. Москва — новый Иерусалим, Русь — новый Израиль, русские — избранный народ. Но в чем его избранность? Они ищут «настоящую веру», в Иегову или Маркса — неважно. Они ждут прихода хоть Христа, хоть Антихриста, они наивны, как дети. Они верят, что живут на Святой земле и высокий смысл их существования заключается в борьбе с супостатами. Скажут им, что кругом царство Антихриста, что царство Божие на небе, — будут сжигать себя; скажут, что царство это на земле, — будут воевать насмерть. То есть русский народ варвар, носитель стихийного, роевого, дорационального, мифологического сознания. Таков ответ на вопрос, занимающий автора: почему в России строили рай, а построили ад, почему не в Землю обетованную вошли, а вернулись в Египет?

Один из самых популярных (тут сошлись мнения критиков и читателей) писателей-историков последних двух десятилетий — Алексей Иванов. Его роман «Сердце Пармы» — история покорения пермской земли и ее исконных обитателей, воинственных вогулов (манси) московскими царями. Но здесь кроется частая ошибка писателей-историков: тщательно прослежены реальные события, они одобрены неплохо воссозданной местной мифологией, есть и мистический элемент, но нет глубоких, запоминающихся характеров, как нет

и настоящего конфликта, который бы эти характеры выявил. В результате сюжет «провисает», повествование тянется бесконечно, превращаясь в череду необязательных эпизодов. Все эти достоинства и недостатки унаследовал и одноименный фильм Антона Мегердичева, вышедший на экраны в 2022 году.

Значительно более удачный роман — «Золото бунта» о жизни на уральской реке Чусовой в эпоху после Пугачевского восстания. Здесь писатель показал глубокое знание местной географии, этнографии, воссоздал забытую местную мифологию, красочно описал смертельно опасный труд сплавщиков. Это и исторический роман, и детектив, и мистический триллер. Автор сам десятки раз сплавлялся по бурной реке, знает все ее пороги и страшные скалы — «бойцы». Есть и неплохой детективный сюжет: юный герой Осташка Переход хочет восстановить честное имя своего погибшего (или исчезнувшего вместе с золотом Пугачева) отца. Но герой, которому вроде бы свойственна храбрость, справедливость, чувство чести, ведет себя на протяжении романа все более иррационально. Готовый отдать ему свои симпатии, читатель ошарашен: Осташка идет к своей цели, не замечая других людей, губя их без счета, он готов на насилие и убийство, не испытывая при этом никакого душевного трепета. В конце романа он разбивает свою барку о скалы и губит доверившихся ему товарищей с совсем уж непонятными целями. Тут автор нарушает всякое правдоподобие. Что это — неумелость писателя? Или он, почувствовав, что овладел новым и сильным жизненным материалом, побоялся показать еще и положительного русского героя-деятеля, труженика, смелого искателя правды и в угоду либеральным вкусам критики придал ему, наряду с правдоискательством, звероподобные черты носителя хаоса, темных хтонических желаний?

Еще один жанр — мемуары, мимикрирующие под реалистический роман. Людмила Улицкая, видимо, устав от вымышленных героев, воспользовалась собственным семейным архивом и создала повествование в письмах «Лестница Якова», где охватывается история всего XX века, но представленная в чисто семейном ключе. Здесь есть все: война, ссылка, лагерь, любовь, развод, отъезд в Америку, наркотики. По пестроту сюжета роман напоминает индийский кинематограф. Но в этом романе царит скороговорка, нет правды характеров, внятной логики развития действия, психология героев не раскрыта, хотя эпистолярный жанр позволял это сделать.

Все больше места в современной литературе занимают биографии деятелей литературы («Катаев. Погоня за вечной весной» С. Шаргунова, «Борис Пастернак» Д. Быкова, «Аксенов» А. Кабакова и Е. Попова, «Венедикт Ерофеев: посторонний» О. Лекманова, М. Свердлова и И. Симановского). Получают премии и романы об исторических личностях, претендующие на документальность. Лев Данилкин пишет роман о Ленине со странноватым названием «Пантократор солнечных пылинок». Первую премию «Большой книги» в 2015–2016 годах вручили Леониду Юзефовичу за роман «Зимняя дорога» о командире Сибирской добровольческой дружины Пепеляеве. При этом исто-

рия рисуется как столкновение двух сильных волевых личностей — белого и красного командиров. Но какие идеи их воодушевляли, почему победили красные? Под пером Юзефовича история приобретает какой-то окказиональный характер. Тот факт, что документалистика награждается как художественная литература, конечно, свидетельствует об оскудении последней.

Неоднократно осмеянная в постперестроечной критике тема «маленького человека» также вернулась в литературу, но в весьма причудливом виде. Можно привести в пример роман Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» (Нацбест, 2018). Больницы, транспорт, детский сад, жизнь маленького серого человечка в большом провинциальном городе в середине 1990-х годов и раньше, в 1970-х, вполне узнаваемы. Восторженные критики сравнивают роман с магическим реализмом Маркеса, с постмодернизмом Венедикта Ерофеева, даже с Булгаковым. Но, по сути, здесь всего лишь торжествует приземленный бытовизм — автор возвращается к чернухе 1990-х. Мистический налет придает роману некоторое своеобразие: герои похожи то на Аида, то на Харона, то на Эринию, но это плохо объясняет характеры и поступки персонажей, находящихся то ли в гриппозном, то ли в шизофреническом полубреду, да и сами они — маленькие, жестокие, обрисованные плоско и невыносимо скучно.

Разумеется, в последние три десятилетия издавались хорошие книги, ряд писателей остались верны принципам великой русской литературы с ее глубиной и многозначностью, умением показать диалектику души, способностью выстроить увлекательный сюжет. Таковы, например, книги Павла Санаева, Александра Покровского (по его сценарию был создан фильм «72 метра»), Захара Прилепина, Германа Садулаева. Продолжает издавать романы беспощадно изруганный критикой и не утративший читательской любви Виктор Пелевин. Один из самых сильных романов последнего десятилетия — «S.N.U.F.F.», где есть и гротескная антиутопия с захватывающим авантюрно-любовным сюжетом, и злая и остроумная сатира на современную Россию и в еще большей степени — на Запад.

Но все эти романы — более чем десятилетней давности.

В целом литературный пейзаж последнего тридцатилетия являет достаточно безотрадную картину.

Литература как будто совершила круг и вернулась в начало 1990-х годов. В прозе, ориентирующейся на реализм, снова вошло в моду унылое бытописание, мрачный пессимизм; советское прошлое окрашено в безнадежные тона — так современные писатели понимают критический характер литературы. Как будто не было в истории страны ни великого порыва к свету, правде и справедливости, ни массовой самоотверженности. Радостный, полнокровный оптимизм 1950–1960-х годов практически исчез. Все это «вышло из моды», не котируется ни в российских либеральных кругах, ни на Западе, откуда современные писатели ждут неких предпочтений. В этом видится забвение великих принципов русской классической литературы — писать объективно, без гнева и пристрастия, обладать духовной свободой и широтой взгляда, наконец стре-

миться к углубленному психологизму, не терять ощущения, что нет «маленьких и больших» людей, что «каждый человек есть тайна» и дело писателя — разгадать ее (как об этом писал Достоевский).

Во всех вышеперечисленных и множестве других современных серьезных романов царит метафизическая скука, нет юмора, самоиронии. Победа над реализмом не стала праздником литературного многоцветья — она просто развязала руки писателю. Литература смело берет на себя функции теологии, философии, политологии, а ведь еще недавно критика высмеивала дидактичность русской классики. Погружаясь в историю, литература последних лет хочет изображать ее только как фантазмагорию, нагромождение бреда. На страницах десятков романов — безумные властители и жалкий роевидный народ. Большинство авторов, возможно, искренне считают себя патриотами, но мы видим иное — снобизм, презрение к народу как к носителю истории. Чтобы осмыслить историю страны, нужно ощущение личной ответственности, чувство вины, жалость и сострадание — но ничего этого нет. Жизнерадостно мифологизируя и мистифицируя историю, писатели обращают ее в материал для своего безликого мудрствования.

В стилистическом плане для современных писателей как будто не существует опыта двух веков великой русской литературы. Они разучились владеть живой разговорной речью, не могут выстроить естественный, правдоподобный диалог. Часто писатель просто не способен *показать* поступок или явление. Вместо этого — длинное, путаное, сухое *изложение* без всякого осмысления.

Стиль повествования переусложнен, писатели полюбили громоздкие предложения, скрытые цитаты, поток сознания — современная литература довольно умело имитирует черты модернизма и постмодернизма, но то, что в начале XX века под пером Фолкнера, Пруста и Джойса выглядело смелым новаторством, спустя век производит впечатление вторичности, литературного штампа. При отсутствии большого таланта текст становится откровенно скучным, неудобочитаемым. Вместо людей — картонные муляжи, по желанию автора озвучивающие его мысли. Не вдохновляют и сами мысли: возникает впечатление, что писатели отравлены продуктами распада различных учений — от марксизма до буддизма.

Идейной насыщенности тоже не наблюдается. Легковесность, беглость взгляда на историю; автору, будь он по убеждениям либерал, сторонник западных ценностей или почвенник, любящий имперский размах, все ясно, он выстраивает громоздкие концепции, достоверные в меру его образованности, — и уже не сомневается, не мучается. Ни у бегло обрисованных героев, ни у автора нет стремления прорваться к правде, как это было с героями Достоевского, Толстого, Платонова, Булгакова, Шолохова. Нравственные мучения, мужественный поиск социальной, политической, нравственной истины — вообще явление редкое для современной литературы. Скорее, герой погружается в свое унылое подсознание, вспоминает детские страхи, унижения и комплексы, любовные неудачи... Как правило,

ответственность перекладывается на окружающих, человек мал и ничтожен — и ни у автора, ни у героя нет ни нравственного, ни интеллектуального потенциала, чтобы решать глобальные проблемы.

Грустно, что такие произведения прославляются и навязываются читателю. Это становится возможным из-за безвкусицы и беспринципности критики, готовой восхвалять низкопробные опусы. У критики отсутствует культурный глазомер, талантливое и бездарное анализируется с одинаковым энтузиазмом.

Между тем падение современной литературы началось довольно давно — с уходом культурного поколения, помнившего дооктябрьское время. Уже в середине 1970-х, после «Пушкинского дома» Битова, «Сандро из Чегема» Искандера, тетралогии «Пряслины» Абрамова литературный пейзаж начал являть запустение. Для такого упадка имеются и идеологические причины, путаница, царящая в умах. Общество раздроблено как никогда раньше. Для конца 1950-х — начала 1960-х годов было характерно довольно единодушное осуждение культа личности и — шире — тоталитаризма. Но и власть воспитывала народ. Трудно переоценить смелость известного доклада Хрущева, публикацию в «Новом мире» повести «Один день Ивана Денисовича». В 1970-х — начале 1980-х общество, кроме самых замшелых ретроградов, жило дружным недовольством — геронтократия, бюрократический гнет, омертвление идеологических догм, желание перемен, свежего воздуха, массовая жажда деятельности, стремление к самоорганизации, подавляемое дряхлеющей властью. В первые годы перестройки еще удавалось сохранять единство — достаточно вспомнить бурный интерес к литературным журналам и другой периодике. Идеи готовящихся великих реформ захватили многих.

Но прошло 30 лет — и общество глубоко расколото, воцарился отнюдь не идеологический вакуум, а идеологический хаос. Официально не слишком поощряемый либерализм захватил прочные позиции и в экономике, и в средствах массовой информации. И литературные премии, да и возможность печататься нередко предоставляют друг другу деятели одной и той же достаточно узкой либеральной тусовки. При этом ведущими идеями либералов стали не сахаровские «мир, прогресс, права человека», а экономическая свобода, точнее, всевластие крупных корпораций, индивидуализм, культ денег, пренебрежение к обычному человеку, труженику, не сумевшему сколотить состояние (чего стоит хотя бы презрительная кличка «ватник»), презрение к «устаревшим» нормам нравственности, поощрение всяческого девиантного поведения, наконец национальный нигилизм, принимающий подчас разнузданные формы. Переосмысление значения и сути Второй мировой войны, роли в ней России, вопросы о том, не стоило ли сдать Ленинград и вообще прекратить сопротивление, как это сделало большинство стран Европы, признание России варварской, тиранической страной, не способной воспринять общечеловеческие ценности, — все это исходит не только от наших зарубежных соседей (что неудивительно), но и от отечественных «мыслителей». Голоса трезвых сторонников умеренного либерализма все тише, им все

труднее пробиться в печать — и в результате сам термин «либерализм» все чаще воспринимается как синоним откровенной русофобии. Хотелось бы спросить наших либералов, какую цену они готовы заплатить за «полное освобождение» общества от тоталитаризма и следов коммунизма. Еще одна революция и гражданская война? Иностранное вмешательство? Вряд ли либерал способен публично и честно ответить на этот вопрос российской аудитории.

Либеральному сознанию противостоит консервативное, но здесь путаница еще больше. Сторонники социализма и коммунизма также доходят до немислимых крайностей. Тоска по советской действительности перед лицом набирающего мощь капитализма, разрушение привычных нравственных ценностей, потрясение при виде мгновенного разрушения нерушимой, как казалось, державы — эти идеи действительно находят отклик в сердцах многих. Но отрицание страшных событий коллективизации, террора 1930–1940-х годов, военных ошибок и провалов, нелепости многих хрущевско-брежневских решений, восхваление идеального социалистического государства, «заботившегося о людях и вселявшего уверенность в завтрашнем дне» — все это представляет собой немалую опасность. Пройдет не так уж много времени — и начнет стираться историческая память. Уже достигли тридцатилетнего возраста те, кто не представляет себе реалий ни сталинского, ни «развитого» социализма. Путаницы добавляет и то, что коммунисты не хотят отречься от марксизма. Действительно ли они разделяют идеи пролетарского интернационализма и мировой революции, отрицают частную собственность, готовы на страшное революционное насилие, чтобы вернуть страну в лоно коммунизма? Нет ответа. С консерваторами-коммунистами в последние годы все больше сближаются государственники-монархисты, носители почвеннических и даже откровенно националистических взглядов. Уже приходится слышать, что вера в Бога не противоречит коммунистическим взглядам, что большевики ценой коммунизации спасли Российскую империю, что в западном коммунистическом учении российский народ нашел те же основы веры и нравственности, что содержались в православии. Таким образом, с одной стороны, консерватизм становится странно эклектичным, с другой — сближаются радикальные элементы коммунизма и национализма. В этой ситуации как не вспомнить Пушкина, с горечью восклицавшего, что в России единственным европейцем является правительство. Действительно, официальная идеология пытается дистанцироваться от наиболее опасных крайностей, занять умеренную позицию.

Литература не может развиваться в вакууме, и столь сложная идеологическая ситуация не может на нее не влиять. Отсюда и разногласия, и идеологический хаос (часто в рамках одного и того же произведения), нечеткость политических ориентиров, а зачастую и полный отказ от них. Но литература в России всегда была идеоцентрична.

С начала XX века она *трижды* испытывала сокрушительное разочарование в «больших проектах». Разрушение Российской империи и массовая устремлен-

ность в «светлое царство социализма». Крах социализма и безоглядное стремление в европейский дом, куда нас так приветливо звали, к «ценностям свободного рынка и демократии». Наконец, тяжелое отрезвление многих перед жестоким лицом доморощенного капитализма и предательства Запада, объявившего Россию страной варварской, неевропейской, проигравшей холодную войну и, в сущности, подлежащей уничтожению. Неудивительно, что растерянность, утрата высокой идеи деструктивно подействовали и на большую литературу.

В философии культура трактуется как система надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения людей)². Право в этой логике рассуждений предстает в качестве одной из таких программ, а его эволюция может рассматриваться в общем контексте культурного и даже цивилизационного развития.

Две альтернативные стратегии глобализации, обозначаемые как поли- и моноцентричный сценарии, включают правовые аспекты. В первом варианте

¹ Директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, академик РАН, заместитель президента РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, профессор кафедры конституционного права МГИМО (Университета) МИД России, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ. Автор более 400 научных публикаций на русском, английском, французском, немецком, фарси и других языках, в т. ч. монографий: «Конституционная реформа в современном мире», «Венецианская комиссия как субъект интерпретации права», «Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика», «Национально-культурная автономия в Российской Федерации», «Современные проблемы самоопределения этносов», «Миграционное право: сравнительно-правовое исследование», «Теория современной конституции» (в соавт.), «АСЕАН — движущая сила региональной интеграции в Азии» (в соавт.) и др. Главный редактор «Журнала российского права», «Журнала зарубежного законодательства и сравнительного правоведения», член редсоветов журналов «Государство и право» и «Конституционное и муниципальное право». Действительный член Международной академии сравнительного права. Член Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции; Комиссий при Президенте РФ по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров, по государственным наградам; Комиссии Правительства РФ по законопроектной деятельности; Правительственной комиссии по проведению административной реформы и др. Заместитель председателя Международного союза юристов, член президиума Ассоциации юристов России. Награждена орденами Почета, Дружбы, Александра Невского, «За заслуги перед Отечеством» IV, III и II степени, знаком отличия «За благодеяние». Почетный доктор СПбГУ, Почетный профессор Института права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана, Почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан, Почетный профессор Института права Китайской академии общественных наук, Почетный член Академии наук Республики Татарстан, Почетный доктор СПбГУ, Почетный профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, Почетный профессор МПЮО им. О. Е. Кутафина.

² См.: *Степин В. С.* Идея права как социокультурный феномен // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : докл. членов РАН. М., 2019. С. 93.

Но Россия уже переживала подобное. События колоссального масштаба осознаются не сразу. На реформаторскую деятельность Петра I русская литература откликнулась только в середине XVIII века творчеством Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова. События Отечественной войны 1812 года только через полвека нашли великий отклик в «Войне и мире» Толстого. Вероятно, события конца XX — начала XXI века со всеми их светлыми надеждами и трагическими разочарованиями еще ждут своего адекватного художественного воплощения.

Т. Я. Хабриева¹

ГЛОБАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ НА ОСНОВЕ РАВНОПРАВИА КУЛЬТУР

усиление системной связи стран предполагает сохранение их государственного суверенитета и выработку соглашений относительно тех или иных корректив международного права³. Второй вариант нацелен на распространение на все регионы планеты сложившихся правовых норм лидера глобализации, в качестве которого руководство США уже публично объявило свою страну⁴.

В настоящее время наметился переход от монокультурной модели мирового устройства. В связи с этим в юридической доктрине и практике поставлен вопрос о новом концепте соразмерности универсального и национального в праве⁵, который следует искать в системе координат всечеловеческого цивилизационного проекта⁶. Во многих государствах, в том числе в России, идет поиск нового смыслового наполнения этого концепта, что подтверждается конституционными реформами и практикой национальных судов. Так, Конституционный Суд РФ в 2015 году (в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П) указал, что «взаимодействие европейского и конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежательного равновесия». Суд также определил параметры формирования концепции национальной конституционной идентичности, к базовым элементам которой он отнес внутригосударственные нормы о фундаментальных

³ См.: *Право и национальные традиции : материалы круглого стола / А. А. Гусейнов, В. С. Степин, А. В. Смирнов, Г. А. Гаджиев, Н. С. Бондарь, Э. Ю. Соловьев, В. М. Межуев, П. Д. Баренбойм, В. В. Лапаева, С. Л. Чижков // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 5–41.*

⁴ См.: *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 403–414.

⁵ См. подробнее: *Хабриева Т. Я.* Новый концепт соразмерности в конституционном праве : докл. на Междунар. конф. Конституционного Суда РФ «Конституционная идентичность и универсальные ценности: искусство соразмерности», состоявшейся в рамках IX Петерб. междунар. юрид. форума (Санкт-Петербург, 14 мая 2019 г.) // Федеральная палата адвокатов РФ : [сайт]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/konstitutsionnaya-identichnost-i-universalnye-tsennosti/> (дата обращения: 23.05.2023).

⁶ См. подробнее: *Смирнов А. В.* Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М., 2019.

правах, а также гарантирующие эти права положения об основах конституционного строя¹. Новая редакция ст. 79 Конституции РФ теперь устанавливает, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

В глобальном правовом развитии произошел разворот именно в этом направлении. На смену иерархическому соотношению универсального и национального в праве пришло сочетание всечеловеческого, общечеловеческого и локального (полицентричный подход, основанный на принципиальном равноправии различных культур и цивилизаций). Предпосылками для этого послужило усиливающееся несоответствие между утверждением об общечеловеческом характере цивилизационной модели, выработанной одной, локальной (европейско-американской) культурой, и очевидным разнообразием векторов эволюции других локальных культур (российской, арабо-мусульманской, индийской, китайской и т. д.), сформировавших собственные цивилизационные проекты².

Вследствие этого обозначился вектор глобальной правовой эволюции в логике всечеловеческого цивилизационного проекта. Государства реализуют новые стратегии развития на основе поиска собственной социокультурной, национальной и конституционной идентичности³, равноправия культур. Появляются оригинальные концепты соразмерности универсальных

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней“, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации“, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

² См. подробнее: *Смирнов А. В.* Указ. соч.

³ Понятие «конституционная идентичность» появилось в российском конституционном праве несколько лет назад. Оно было упомянуто (наряду с терминами «конституционные ценности» и «конституционно защищаемые ценности») в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений...» Это понятие исторически связано с обострившейся конкуренцией национальных, наднациональных и транснациональных право порядков и все чаще используется органами правосудия других стран (главным образом Франции, Германии и Италии) в рамках правовой защиты своих национальных конституционных ценностей в условиях интеграции. «Национальные идентичности государств-членов», которые «следует уважать», упоминаются в ст. 4 Договора о Европейском союзе (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.). Важность феномена национальной конституционной идентичности и развитой конституционной культуры для того или иного социума состоит в том, что по мере «взросления» общество формирует устойчивую и непротиворечивую систему фундаментальных правовых принципов, основанных на признанных этим обществом ценностях. Это позволяет ему в дальнейшем комплексно развиваться и осуществлять самонастройку, логически и нравственно выверять совершенствование национальной правовой системы, и прежде всего ее основы — конституции.

и национальных ценностей. Об этом, например, свидетельствует обширная практика обновления национальных конституций⁴.

Культурно-историческая специфика становится характерной для современных конституций. Если десятки новых конституций эпохи 1990-х годов были написаны очень схожим языком, отражавшим представления об окончательной победе либеральной идеологии, то конституционные реформы XXI века демонстрируют уникальный всплеск национальной самобытности. Возможно, этому способствовали неудачные итоги новой волны глобализации, кризис политики мультикультурализма, очередной цикл дезинтеграции, региональные потрясения наподобие «арабской весны».

Некоторые страны на постсоветском пространстве внесли поправки в свои конституции, меняющие шкалу или приоритетность национальных ценностей (Армения, Кыргызстан, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан). Например, в Конституции Республики Армения (в редакции 2015 г.) сделан акцент на фундаментальных принципах армянской государственности, признании исключительной миссии Армянской апостольской святой церкви «как национальной церкви в духовной жизни армянского народа, в деле развития его национальной культуры и сохранения национальной самобытности» (при этом гарантируется свобода деятельности всех религиозных организаций, действующих в установленном законом порядке). В Конституции Кыргызстана (в редакции 2016 г.) указано на «твердую волю развивать и укреплять кыргызскую государственность, оберегать государственный суверенитет и единство народа, развивать его язык и культуру». В Конституции Казахстана (в редакции 2017 г.) по-новому перечислены «вечные» конституционные ценности, не подлежащие изменению последующими конституциями. Это независимость государства, унитарность и территориальная целостность, форма правления, а также основополагающие принципы деятельности республики.

Подобная модернизация конституционных текстов наблюдается и в странах дальнего зарубежья. Так, в Конституции Египта 2014 года содержится преамбула с указанием на «дары египтян человечеству», веки уникальной египетской истории, а перечисление целей и ценностей египетского общества занимает несколько страниц.

Закрепление высших ценностей присутствует во многих конституциях развитых стран. В них находят отражение приоритеты нравственно-духовного развития каждого конкретного общества, возводимые на уровень государственной политики.

В Конституции Италии в качестве ценностей обозначены природа, историческое и художественное наследие нации, социальная солидарность, свобода, мир

⁴ См. подробнее: *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в современном мире. М., 2016; *Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е.* «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М., 2018; *Khabrieva T.* La réforme constitutionnelle dans le monde contemporain. P. : Société de législation compare, 2019.

и справедливость, взаимопомощь, особенно помощь общества старикам, инвалидам и нетрудоспособным, частная благотворительность, общественная польза, добрые нравы, верность Республике, дисциплина и честность государственных служащих. В Конституции Испании прямо перечислены ценности, считающиеся высшими среди прочих: свобода, справедливость, равенство и политический плюрализм. Наряду с ними в тексте Конституции зафиксированы демократический строй, правовое государство, культура, традиции, язык, мир и сотрудничество с другими народами. В Конституции Болгарии высшими ценностями объявлены свобода, мир, гуманизм, равенство, справедливость, терпимость, в Конституции Греции — уважение и охрана человеческой личности, упрочение мира и справедливости, развитие дружеских отношений между народами и государствами, социальная и национальная солидарность граждан.

Практически во всех новых конституциях мусульманских стран, помимо ссылок на волю Аллаха и принадлежность к «великой Арабской нации», имеются указания на собственные традиции.

Современные конституционные реформы важны и интересны тем, что затрагивают не только собственное право и правовую систему страны. В мире широко утверждаются ценностное правопонимание, более глубоко представление о национальной и конституционной идентичности, новые концепции многоуровневого мирового правопорядка. С учетом конституционных ценностей строятся отношения человека и государства¹.

Стратегические ориентиры новой парадигмы глобального правового развития восприняты и Россией. В результате конституционной реформы 2020 года был расширен ценностный каталог Основного закона. Более рельефное отражение в нем получили исторические истоки, духовные традиции и собственные идеалы российского общества. Вместе с тем изменились конфигурация дихотомии национальной правовой системы, соотношения ее открытости и защищенности от внешнего воздействия посредством встраивания в Конституцию и конституционное законодательство новой, но уже апробированной благодаря деятельности Конституционного Суда РФ формулы соразмерности универсальных и национальных правовых ценностей, принципов и норм.

В обновленной Конституции 1993 года получил новое звучание ряд общественно значимых институтов и ориентиров, которые значительно расширили и углубили ценностное содержание Основного закона. Среди них следует выделить:

— *социокультурные и духовные ценности* — основа национальной (государственной) идентичности и самоидентификации российского народа — многонациональный союз равноправных народов, объединенных тысячелетней историей; преемственность в развитии Российского государства; исторически сложившееся государственное единство; государственный (русский) язык как язык государствообра-

зующего народа; равноправие всех народов России; общероссийская культурная идентичность, культура как уникальное общее наследие при сохранении культурной самобытности народов, этнокультурного и языкового многообразия; сохранение памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога²; историческая правда и ее защита; патриотизм; гражданственность; почитание памяти о защитниках Отечества; значение подвига народа при защите Отечества; традиционные для России семейные ценности — брак как союз мужчины и женщины; обеспечение приоритета достойного семейного воспитания; уважение к родителям и старшим и забота о них; солидарность поколений;

— *ценности общественного (в том числе социально-экономического) развития* — устойчивый экономический рост; передовое научно-технологическое развитие; социально ориентированная государственная политика; ценностное отношение к труду и уважение человека труда; социальное партнерство; общественное и индивидуальное здоровье и формирование культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью; экологические ценностные ориентации — сохранение природного и биологического разнообразия страны, обеспечение экологической безопасности, экологическое воспитание. Регламентация этих положений направлена в том числе на установление оптимального баланса индивидуальной свободы и общественных, публичных интересов;

— *социально-политические ценности* — гражданский мир и согласие в стране; экономическая, политическая и социальная солидарность; развитие гражданского общества и поддержка его институтов, включая некоммерческие организации; международный мир и безопасность, мирное сосуществование государств и народов. Перечисленные ценности на уровень конституционного регулирования в Российской Федерации ранее не возводились, за исключением ряда положений внешнеполитического раздела Конституции РСФСР 1978 года (где имеется ссылка на Конституцию СССР);

— *государственно-правовые ценности* — принцип правопреимства (правопродолжательства) в отношении Союза ССР, закрепляющий российскую конституционную идентичность во внутрисоюзном и международном пространстве; принцип единства публич-

² Как отметил Конституционный Суд РФ, эти поправки касаются вопросов общероссийской государственной идентичности; они носят неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер. Упоминание о вере в Бога не означает отказа от светского характера государства и не ставит граждан в неравное положение в зависимости от такой веры; оно призвано лишь подчеркнуть исторически значимую социально-культурную роль религиозной составляющей в развитии русской государственности (см.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 56).

¹ См.: Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 81.

ной власти. Поскольку система разделения властей, предполагающая «сдержки и противовесы», является одним из признаков правового государства и представляет собой ценность политического, государственно-правового характера, то можно констатировать и определенные изменения в этой системе.

Усилены акценты на таких ранее закреплённых в Основном законе ценностях, как суверенитет и территориальная целостность Российской Федерации, предпринимательство и частная инициатива, добро и справедливость. Систематическое толкование норм Конституции позволяет выделить в качестве ценностей сильное независимое государство, соответствующее российской ментальной традиции.

Таким образом, в новом конституционном цикле ценностный каталог Основного закона пополнился морально-нравственными ориентирами, общезначимыми политико-правовыми идеалами, ставшими реальными конституционными характеристиками российского общества и государства. Они исторически присущи российскому народу и составляют основу его социокультурного кода. Совершенствуются и механизмы публичной власти. Россия выработала свою национальную модель Конституции, соответствующую отечественному менталитету и новым требованиям государственной безопасности страны. Она лучше, чем ранее, отражает государственно-гражданскую идентичность России, ее социокультурные основы, политико-правовые идеалы. Эта ценностная модель учитывает накопленный исторический опыт, проверенные эволюцией практики и приоритеты, осознанные не только властью, но и широкими слоями общества¹.

Ценности, образующие социокультурное ядро российской ментальности, получили институционализацию не только в обновленной Конституции, но и в официальных стратегических документах. Например, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года² обозначены такие ценности, как правда и справедливость, самобытные традиции населяющих Россию народов и некоторые другие. Согласно п. 11 «современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру». В результате стратегическая политика России получает еще одну опору на уровне Конституции.

В 2020 году в числе ценностей общественного (в том числе социально-экономического) развития,

¹ См.: Хабриева Т. Я. Право и новые стратегии цивилизационного развития // Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. М., 2020. С. 71.

² Стратегия утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477).

ставших важнейшим ориентиром и приоритетом государственной политики (на федеральном и региональном уровнях), конституционное закрепление получили научно-технологический прогресс, а также наука и научный потенциал России как его источники и самостоятельные ценности. В результате существенно был расширен конституционно-правовой базис российской науки.

Конституцией РФ по сути установлена функция государства, состоящая в обеспечении научно-технологического развития (посредством отнесения к предметам ведения Российской Федерации) и управлении им. В Основном законе предусмотрены необходимые для этого инструменты:

— в ст. 71 — основы федеральной политики (в предметы ведения Федерации данный вопрос включен впервые); государственное регулирование, государственные (федеральные) программы научно-технологического развития Российской Федерации (это означает неизменность государственного финансирования);

— ст. 114 — полномочия Правительства РФ в области поддержки, сохранения и развития научного потенциала России (это также является новеллой);

— п. «м» ст. 71 — самостоятельное направление государственной деятельности — «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных».

Конституционную основу науки составляют не только четыре статьи Конституции РФ, включая ст. 44, но и иные конституционные новеллы, которые вследствие их полифункциональности формируют «поле возможностей» и прочный конституционно-правовой фундамент развития отечественной науки. В их числе:

— нормы, направленные на совершенствование механизма обеспечения верховенства Конституции РФ на всей территории государства, а также изменения, призванные обеспечить отражение в Основном законе и законодательстве страны обновленного концепта соразмерности универсального и национального (ст. 79, 125 Конституции РФ). Эти нормы позволяют сохранять необходимую для достижения национальных целей развития России (в соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г.) автономию отечественной науки и образования;

— положения, расширяющие социальные гарантии граждан, значимость которых существенно усилилась, когда заметно возросла роль человеческого капитала, ученых и исследователей. Соответственно меры их социальной поддержки становятся важным фактором развития отечественной науки, которая, в свою очередь, превращается в определяющий фактор экономического роста. Ситуация с разработкой вакцин от коронавируса — яркое тому подтверждение.

Можно констатировать, что обновленная Конституция, во-первых, создает мировоззренческую парадигму — в некотором смысле идеологию социально-экономического развития России (на основе знаний и высоких технологий), включая критерии для определения пределов допустимого использования технологических

инноваций. В них нашли отражение стимулы научно-технологического развития (в единстве науки как источника и технологий как результата научного поиска) и гарантии защиты от его нежелательных эффектов, причем для всех основных субъектов конституционных отношений — личности, общества, государства.

Во-вторых, при этом формализуются конституционные ориентиры для достижения стратегических целей России.

В-третьих, формируется конституционная модель сферы общественной жизни, именуемой философами техносферой, или, более широко, антропотехносферой, включая ее ценностные основания, институциональную и функциональную основы, объекты и субъекты правового взаимодействия, правовые инструменты реализации государственных приоритетов, а также конституционные гарантии безопасности личности, общества и государства.

Подобного комплексного подхода к реалиям нового технологического уклада нет ни в одной конституции мира. Это закладывает прочный фундамент для развития собственной, в том числе правовой, культуры, тем более что ч. 4 ст. 68 Конституции РФ впервые в результате поправки, внесенной в 2020 году, признает культуру в Российской Федерации уникальным наследием ее многонационального народа, которое поддерживается и охраняется государством. Тем самым государство признает культуру важнейшим фактором гармонизации общественных отношений, условием сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России. Подтверждение Конституцией РФ значения культуры призвано обеспе-

чить более высокий уровень развития самого общества, его способность к гражданскому единству, определению и достижению общих целей национального развития.

В поиске новых стратегий правового развития как на мировом, так и на национальном уровне центральное место в большинстве государств занимает мировоззренческая проблематика, связанная с культурной идентичностью. Для России она чрезвычайно актуальна. Ценностные маркеры, наконец, расставлены в Основном законе, и продолжается настройка правовой системы Российской Федерации в соответствии с конституционализированными духовными, морально-нравственными и политико-правовыми ориентирами.

Отечественная правовая доктрина, впитавшая в себя ценности и дореволюционной, и советской юриспруденции, способна не только обеспечить идейную поддержку соответствующей стратегии государственно-правового развития, но и поддерживать иммунитет общественного сознания к концепциям и идеологиям, провоцирующим кардинальные изменения ценностной основы государственно-правовой организации российского общества.

Это отнюдь не означает, что отечественная юридическая наука не должна воспринимать меняющиеся правовые условия. Здесь важно разграничить незбылемые ценности, помогающие сберечь все самое важное в рамках социокультурного генотипа, и ценности эволюционного характера, которые предлагаются человечеству меняющейся средой. Эти ценности, приносимые новыми вызовами, также постепенно будут встраиваться в общественное правосознание.

А. Д. Хлутков¹,
Н. М. Межевич²

ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА РОССИЙСКОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА: В КРУГУ БАРЬЕРНЫХ И КОНТАКТНЫХ ФУНКЦИЙ ГРАНИЦЫ

Начало XXI века изменило сложившуюся картину экономического развития мира и его ведущих стран. Реальностью стали новые планетарные процессы интеграции в единое целое рынков, финансов, экономики, объединяемые в настоящее время в понятие «глобализация». Причинами стремительного развития экономической глобализации прежде всего являются основные потребности современной экономики и общества:

¹ Директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, профессор. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Политика обеспечения экономической безопасности России в условиях глобализации», «Национальная финансовая политика в обеспечении экономической безопасности государства», «Развитие городов: теоретические и методические аспекты» (в соавт.), «Глобальный индекс экстремизма» (в соавт.) и др.; учебных пособий: «Основы экономической безопасности бизнеса» (в соавт.), «Основы бескризисного государственного управления в эпоху глобализации» (в соавт.) и др. Награжден орденом Почета, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени.

резко уплотнившийся рынок, усиление конкуренции, ограниченность основных ресурсов³.

² Главный научный сотрудник, руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН, президент Ассоциации прибалтийских исследований, эксперт Международного института мониторинга развития демократии Межпарламентской ассамблеи СНГ, доктор экономических наук, профессор. Автор более 580 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Стратегическое управление межрегиональным взаимодействием в России», «Государства Прибалтики 2.0. Четверть века „вторых республик“», «Идентичность и границы: актуальные вопросы теории и реальности восточной части Балтийского региона», «Новые императивы развития российской экономики в условиях взаимных торговых и финансовых ограничений» (в соавт.), «Некоторые аспекты эволюции пространственного устройства Российского государства» (в соавт.), «Международный контекст российской политики хозяйственного освоения Арктики» (в соавт.) и др. Член редакционного совета журналов «Управленческое консультирование», «Балтийский регион». Член Русского географического общества.

³ См.: Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Ткачев С. А. Границы и приграничное сотрудничество в России как результат глобализационных вызовов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. 2017. № 4. С. 68–76.

Анализ современных тенденций мирового развития предполагает, что XXI век, вероятно, станет эпохой противостояния двух тенденций: стремления национального государства сохранять свой суверенитет и попыток игнорирования границ национального государства в результате расширения и углубления процесса глобализации и деструкции ялтинской системы¹. «Многонациональные корпорации и международные банки мира зависят от свободного потока товаров и капитала, лоббируя продвижение принципов экономической глобализации и либеральной рыночной идеологии за пределами государств их происхождения. Это обуславливает и системную политику распространения западной системы ценностей, их навязывание иным государствам, стремящимся сохранить собственную этническую и культурную идентичность, историческую память, автономию и независимость в проведении экономического и политического курса»². Иными словами, глобализация «взламывала» границы как в экономике, так и в политике. При этом до определенного момента глобализационные процессы приносили вполне очевидный экономический эффект, и с негативными проявлениями этих процессов вынужденно мирились и в России, и на Северо-Западе России.

Л. Фоссет справедливо отметила, что «регионализация мировой экономики отчасти является результатом противодействия государств разрушительным последствиям глобализации»³. Первые два десятилетия нового века показали, что «в ответ на рост социальных издержек и проблем макроэкономического управления все большее число стран будет стремиться оградить свои рынки, компании и в целом хозяйственные комплексы от неблагоприятного внешнего воздействия»⁴.

Экономическое значение государственных границ следует оценивать с различных точек зрения. С позиции общемировых (глобальных) процессов границы препятствуют развитию интеграционных экономических процессов, создают территориальные социально-экономические различия и одновременно возможность трансграничного и приграничного сотрудничества. Для выявления объективных хозяйственных тенденций экономические границы имеют большее значение. С точки зрения национальных интересов страны их роль также противоречива. Интеграционный характер экономики в прошлом вступает в противоречие с особенностями хозяйства современной конкретной страны, чему способствуют границы. Фактор приграничности имеет особое значение в теневой экономике⁵.

¹ Максимцев И. А., Межевич Н. М. Уроки эволюции глобальной экономики и перспективы евразийской интеграции // Изв. С.-Петербург. экон. ун-та. 2023. № 1. С. 7–11.

² Арапова Е. Я., Юрова Н. В. Политическая экономия и международные отношения сегодня // Международная аналитика. 2023. Т. 14, № 1. С. 10.

³ Fawcett L. Regionalism in historical perspective // *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order* / ed. by L. Fawcett, A. Hurrell. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1995. P. 26.

⁴ Европа в кризисном мире / под ред. Ал. А. Громыко М.: ИЕ РАН, 2022. С. 350.

⁵ См.: Жабров А. А., Межевич Н. М., Леонтьева А. Н. Развитие приграничного сотрудничества — цель и совокупность задач стратегического развития Северо-Запада Российской Федерации // Псковский регионологический журнал. 2011. № 12. С. 3–9.

Советский Союз как единое целое и Ленинград с Ленинградской областью как его часть с точки зрения внешних связей большую часть времени находились в геоэкономической изоляции разной степени. Граница, причем с капиталистической Финляндией, была рядом, но недоступна. И это в условиях, когда для Ленинградской области и Ленинграда существовала единственная внешняя граница — с Финляндией, отношения с которой были сугубо дружественными. Торговля с этой страной осуществлялась через переводную рубль. Советские туристы в Финляндию ездили редко, но финские туристы, как мы прекрасно помним, с 1970-х годов достаточно хорошо освоили дорогу в Ленинград.

Ленинград и Ленинградская область, конечно же, имели особый статус в СССР, более того, даже некоторые полномочия во внешнеэкономической сфере. Существовало объединение Ленфинторг, осуществлявшее бартерные сделки, позволявшие решать некоторые проблемы обеспечения огромного города товарами первой необходимости в обмен на сырьевые поставки. Граница была «на замке», и говорить о серьезном влиянии внешнеэкономических связей с Финляндией на модель социально-экономического развития Ленинграда и Ленинградской области было бы некорректно. В советское время за граница воспринималась как нечто чуждое и враждебное. Граница соответственно выполняла барьерную, а не контактную функцию. Цивилизационный барьер разделял Россию и остальной мир, причем символом барьера была именно граница. Контакты и связи с миром осуществлялись на самом высоком уровне, приграничных и трансграничных связей практически не существовало. «Финский дух» (или финские товары) в Ленинградской области были столь же видны, как и в Магаданской области.

Распад Советского Союза привел к принципиальному пересмотру точек зрения на обеспечение национальной безопасности государства. Новое экономическое, политическое и географическое положение России как государства-правопреемника нуждается в определенном осмыслении. Следует отметить, что целый ряд экономических, военных, политических задач, стоявших перед СССР, оказался как бы унаследованным Россией. При этом государство и его соответствующие институты были вынуждены взять на себя обеспечение интересов страны даже в том случае, если экономические, политические и географические возможности для этого существенно сократились⁶.

Не касаясь вопросов распада Советского Союза, ограничимся определением, которое дал заместитель директора Института Европы РАН, член-корреспондент РАН В. П. Федоров: «...новая власть наносила себе поражения одно за другим, отдавая в чужие руки отечественную географию и историю»⁷. Разумеется, этот процесс был нелинейным, и помимо отрицательных последствий на региональном уровне проявились и положительные.

⁶ Межевич Н. М., Шамахов В. А. Современность и традиция в российской геополитике (статья первая) // Управленческое консультирование. 2020. № 1 (133). С. 10–19.

⁷ Федоров В. П. Актуальные уроки: против односторонних уступок // Аналитическая записка. 2017. № 7 (80). С. 2.

С 1992 года внешние и внешнеэкономические связи с Финляндией непрерывно росли. Помимо государства акторами этих связей становился крупный, средний и мелкий бизнес, сотни тысяч жителей региона получали финские визы. Взаимовлияние Юго-Восточной Финляндии и Северо-Запада России не нужно было доказывать — оно было очевидно даже на местности, в ландшафте.

Разумеется, в соответствии с законами диалектики, помимо абсолютно очевидных положительных моментов, были и отрицательные, к примеру хорошо известные представителям правоохранительных органов. Тем не менее и в России, и в Финляндии выражали удовлетворение развивающимися внешними связями. Примерно так же развивалась ситуация в других регионах России, являющихся пограничными, однако для Ленинградской области эти процессы были модельными, поскольку «окно в Европу» было прорублено еще Петром I, а затем закреплено в мировой культуре Александром Пушкиным. В начале 1990-х годов модель внешнеэкономической открытости вернулась и начала позитивно влиять на региональную экономику.

На определенном этапе казалось, что такая ситуация сложилась навсегда. Граждане России покупали собственность в Финляндии, постоянно росло число совместных предприятий, межэтнических браков (семей из граждан России и Финляндии). Укажем и на то, что Европейский союз поддерживал программы приграничного сотрудничества: вначале в рамках программы ТАСИС, а затем в рамках программ «Интеррег», «Россия — Юго-Восточная Финляндия», «Приграничное сотрудничество» и др.

Конечно же, российские края, области, республики имеют различный потенциал европейского сотрудничества. Интеграционные возможности нашего региона привели Ленинградскую область к членству в Ассамблее европейских регионов (АЕР), расказа о внешних связях Санкт-Петербурга в первые два десятилетия постсоветской эпохи мог бы быть очень долгим. К концу первого десятилетия XXI века возникла довольно интересная ситуация, когда жители Санкт-Петербурга могли в приграничной зоне Финляндии расплатиться рублями. Причем эта ситуация устраивала абсолютно всех. Затем все закончилось. Строго говоря, так и должно было произойти, внешняя и внешнеэкономическая открытость — это циклический процесс, после того как проэкспортная открытость достигает максимума, начинаются возвратные тенденции.

Предваряя последующий анализ, отметим, что трансграничные контакты могут быть не только благом. Профессор И. И. Сигов отмечал: «Становится все более обширной торговля приграничных российских регионов с соседними государствами в ущерб развитию внутрироссийских хозяйственных связей. Возникает экономическая основа для сепаратизма этих регионов и включения их в другие экономические системы, а не в единый народно-хозяйственный комплекс России»¹. Укажем на то, что это важнейшее наблюдение сделано в самом начале XXI века, в тот

¹ Сигов И. И. Региональная собственность. СПб., 2001. С. 14.

момент, когда это понимали буквально несколько ведущих ученых.

Приграничные регионы занимают двойственное положение в экономическом пространстве государства, будучи одновременно и центром связей, и периферией своего государства. «Периферия как зависимая территория, которая контролирует в лучшем случае только свои ресурсы и испытывает влияние случайностей даже на дальних рынках; она изолирована от всех других регионов, кроме центрального, и в меньшей степени содействует коммуникационному потоку внутри территории; обладает незначительным культурным потенциалом, который фрагментарен и ограничен и не преобладает на политически определенной территории. Во всех этих сферах периферия зависит от одного или более центров...»²

Интеграция в мировое хозяйство, лавинообразно развертывающаяся в 1990-е годы, привела к переоценке накопленного регионального богатства. Для международного разделения труда наибольший интерес представляли извлечение, переработка, транспортировка природных ресурсов. Прогноз, что «сердцевинная Россия рискует оказаться забытой. Возникнут споры по поводу инфраструктуры („У меня есть нефтепровод, у тебя — нефть“») полностью оправдался³. Борьба за влияние на сырьевой комплекс СССР стала подлинным содержанием передела собственности начала 90-х. Следует при этом помнить, что сбыт сырьевых ресурсов в силу особенностей взаимоотношений экономического комплекса СССР с внешним миром не предполагает значимого влияния на мировое ценообразование.

Суверенизация российских регионов означала их подлинную колонизацию: полная зависимость от одноканального экспорта сырья без влияния на сырьевой рынок свидетельствует о том, что вы являетесь именно колонией⁴. Такая ситуация могла бы считаться вынужденной нормой в 1993 году, но в 2023-м позиционируется только как тупиковый путь развития.

Согласованная позиция наших оппонентов предполагает и адекватную реакцию на национальном и региональном уровнях. Внешние связи регионов, не без оснований рассматривавшиеся как конкурентные преимущества, в настоящее время становятся обременением для ряда ключевых регионов.

Подведем итоги. В начале 2023 года лидеры стран ЕС еще раз заявили о том, что не будут менять политику в отношении России. Подобная «целеустремленность» приводила к глобальным катастрофам и в XIX, и в XX веке. Желание организовать кризис у российских границ привело к необычному экономическому результату: «Международные инвесторы — люди консервативные... поэтому если у русских что-то с тре-

² Rokkan S., Urwin D. W. Introduction: Centres and Peripheries in Western Europe // The Politics of territorial Identity. Studies in European Regionalism / ed. by S. Rokkan, D. W. Urwin. L. ; Beverly Hills ; New Delhi : SAGE publications, 1982. P. 5.

³ Проблема регионализации России и факторы внешнего влияния // Школа целостного анализа. 1999. Вып. 5. URL: <http://kurg.rtcomm.ru/publ.shtml> (дата обращения: 24.02.2023).

⁴ Копылов А. Путин начинает демонтаж колониальной системы // GlobalRus : [сайт]. URL: <http://globalrus.ru/opinions/138508/> (дата обращения: 02.01.2005).

ском валится, то и из соседних стран тоже для верности лучше вывести все, что возможно»¹.

Очередной доклад МВФ о состоянии мировой финансовой системы мира (Global financial stability report, April 2023), призванный дать оптимистическую трактовку ситуации, сообщает о проблемах: «Перспективы развития вновь представляются неопределенными на фоне потрясений в финансовом секторе, высокой инфляции... и трех лет пандемии COVID». Разумеется, авторы доклада упоминают и Украину, и проблемы в Восточной Азии. Главное, однако, не указано. Завершается (или завершился?) цикл, связанный с глобализацией, внешнеэкономической открытостью, наступит этап регионализации. Вопрос в том, как будут позиционироваться Санкт-Петербург и Ленинградская область в новых условиях, как будет выглядеть «поворот на Восток»? Как, утрачивая одни конкурентные проекты, приобретать другие, используя новую геоэкономическую ситуацию? Адекватные ответы на эти вопросы — задача не только национального, но и регионального уровня.

С нашей точки зрения, можно предположить следующие сценарии адаптации Санкт-Петербурга и Ленинградской области к новым экономическим и политическим условиям.

Пессимистический сценарий. В силу географического положения и специфики региональной экономики Санкт-Петербург и Ленинградская область более восприимчивы к внешнему воздействию и изначально

но имеющимся внутренним системным проблемам. Этот сценарий предполагает нарастание кризисных явлений, связанных с региональными, государственными и мировыми объективно имеющимися проблемами. Негативные эффекты этого сценария являются труднопреодолимыми по характеру. По времени действия эти вызовы, скорее всего, могут быть позиционированы как долгосрочные. Преодоление этих вызовов, в том числе внешней изоляции, в конечном счете невозможно. Скорее всего, будет реализован сложный сценарий принудительной адаптации.

Наиболее вероятный сценарий может быть назван реалистичным. Оптимистического, беспроblemного сценария в стиле «пождем — и проблема сама собой решится» не будет, в текущих условиях этот вариант просто невозможен. Реалистичный сценарий предполагает, что характер внешних вызовов для Санкт-Петербурга и Ленинградской области не изменится, но в рамках мобилизационного усилия регионального уровня, а также при поддержке федерального центра негативные факторы развития могут быть купированы. К примеру, при сокращении «балтийского» плеча развития успешно будет развиваться «арктический» вектор.

История и география Санкт-Петербурга свидетельствуют о том, что текущие сложности далеко не первые в нашей региональной практике. Однако каждый раз они преодолевались. Ветер с Востока победит ветер с Запада.

В. А. Черешнев²

ЗАДАЧИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ В НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ РОССИИ³

Наука представляет собой неотъемлемую составную часть культуры современного общества и выполняет три важнейшие функции: познавательную-исследовательскую, культурно-мировоззренческую и производственно-социальную, поскольку наука включена в процесс социального развития и управления обществом.

¹ Саморуков М. Как российская девальвация накрыла Восточную Европу // Delfi : [сайт]. URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/versions/maksim-samorukov-kak-rossijskaya-devalvaciya-nakryla-vostochnuyu-evropu.d?id=45382824#ixzz3PNSgeVg7> (дата обращения: 25.12.2022).

² Академик РАН, заместитель президента РАН, член Президиума РАН, вице-президент РАН (1991–2001), научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор. Основатель, директор Института иммунологии и физиологии УрО РАН (2003–2018). Председатель УрО РАН (1999–2008), депутат Государственной Думы РФ V и VI созывов, председатель Комитета по науке и наукоёмким технологиям (2007–2016). Автор более 900 научных публикаций, в т. ч. 73 книг и монографий: «Иммунофизиология», «Альфа-фетопротеин», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека. Метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Физиолого-гигиеническая концепция спелео- и солелечения», «Влияние наркомании на социально-экономическое развитие общества», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации», «Введение в задачи моделирования и управления динамикой ВИЧ-инфекции» и др.; 4 руководства по изучению комбинированных радиационных поражений и по клинической иммунологии; 15 учебников, 12 учебных пособий, 5 методических рекомендаций, 7 лекций для вузов; 2 атласов; 44 патентов и 2 открытий. Президент Российского научного общества иммунологов. Главный редактор

ательскую, культурно-мировоззренческую и производственно-социальную, поскольку наука включена в процесс социального развития и управления обществом.

В целом наука является культурным явлением, отличающим человека от других биологических форм жизни и показывающим своеобразие ее исторического развития.

Об этом уместно напомнить в канун трехсотлетия Российской академии наук, которая отметит свой юбилей 8 февраля 2024 года.

Надо сказать, что академическая форма — и это следует из почти 300 прошедших лет — показала свою действенность, доказала, что такая форма организации научных исследований вполне правомерна. Хорошим «Российского иммунологического журнала» (Russian Journal of Immunology), «Вестника Уральской медицинской академической науки». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени, Александра Невского, золотой медалью РАН им. академика В. Д. Тимакова. Лауреат премий Правительства РФ в области науки и техники (дважды) и в области образования. Почетный доктор СПбГУП.

³ Доклад подготовлен на основе авторских статей «История реформирования Российской академии наук» (Поле зрения. 2015. Июль-авг. № 4), «Реформирование Академии наук в прошлом и настоящем» (Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84, № 10) и брошюры «История реформирования Российской академии наук» (2-е изд. СПб. : СПбГУП, 2015).

примером является Академия наук Китая, которой недавно исполнилось 73 года, как и Китайской Народной Республике, это полная копия Академии наук СССР. Но там имеет место соответствующее финансирование: если у нас на науку тратится 1,1 %, то в Китае — 2,4 % по отношению к ВВП страны. Это существенная разница. То есть там, где все работает системно и науке уделяется достаточно внимания, академическая форма эффективна и вполне себя оправдывает.

За 299 лет Российская академия менялась вместе со страной и претерпела более 20 реформ, причем в обоих широко известных значениях этого термина. Под реформой прежде всего понимается не затрагивающее функциональных основ усовершенствование в какой-либо сфере жизни или инициируемое законодательным путем преобразование. Второе значение понятия — перелом устоявшихся процессов, традиций и т. д. Именно в последнем смысле говорят о реформах, характеризуя такие исторические события, как отмена крепостного права, столыпинская аграрная реформа, реформа русской орфографии 1918 года. Сюда же можно отнести и реформу Российской академии наук 2013 года. Как правило, такие реформы служат для разрешения сложных конфликтных ситуаций.

Все прошедшие реформы Академии наук, менявшие динамику ее развития, были зафиксированы в соответствующих регламентах, положениях, уставах. Из почти 30 таких документов 8 отражают наиболее существенные вехи в истории развития РАН.

Итак, в 1724 году Петр I основал Санкт-Петербургскую академию наук и художеств, которая после выделения из нее в 1757 году Императорской академии художеств стала называться Императорской Санкт-Петербургской академией наук. В мае 1917 года она была переименована в Российскую академию наук, в 1925-м — в Академию наук СССР, а в 1991-м, когда свершились все наши перестроечные преобразования, вновь стала Российской академией наук.

Благодаря Академии наук в стране было создано уникальное в своем роде научное сообщество. Академическая наука стала вершиной творческой деятельности в России. Весь мир увидел, что это наука высшей пробы — в отношении и фундаментальности, и достоверности. Здесь с особой силой проявилась роль личности: если появляется талантливый ученый, возникает и научное направление, в противном случае говорить о серьезных исследованиях не приходится.

Отметим некоторые причины проводимых в разное время академических реформ. В начальный период своей истории Академия наук была интернациональной по составу. В XVIII веке в члены академии было избрано 84 иностранца и 28 российских ученых. Внутри академии всегда шла борьба за укрепление национальных позиций. Особенно активную деятельность в этом направлении проводил М. В. Ломоносов, нередко использовавший сильные выражения в спорах с иностранцами. В январе 1744 года ему даже пришлось принести извинения перед конференцией, но до конца своих дней он называл заведующего академической канцелярией Иоганна Шумахера своим первым врагом. Усилия М. В. Ломоносова и других рос-

сийских ученых возымели действие, и по Регламенту 1803 года в адъюнкты могли избираться только русские ученые, а Устав 1836 года, сохранив это требование, отчасти распространил его и на выборы в академики: «При равных достоинствах ученый русский предпочитается иноземцу».

На протяжении всей истории Академии приходилось решать возникающие проблемы с университетами. В частности, недовольство университетской профессуры вызывало то обстоятельство, что для вступления в Академию наук не нужно было иметь ни ученой степени, ни свидетельства о высшем или даже среднем образовании. Отсутствие диплома о высшем образовании и ученой степени не помешало математику М. В. Остроградскому, ученому с европейским именем, избраться в академию в 1828 году. В проектах уставов 1857, 1864 и 1865 годов присутствовал параграф, разрешающий академику без ученой степени занимать кафедру ординарного профессора. Это положение вызвало сильное противодействие со стороны профессорского сообщества, поэтому в проектах 1890-х годов вопрос даже не поднимался.

С 1830 года академия утратила педагогические функции. Устав 1836 года узаконил положение об Академии наук как исключительно научном учреждении, обязанном выполнять три главные задачи: вести научно-исследовательскую работу, распространять знания и применять результаты своих исследований на практике.

Все названные реформы способствовали укреплению роли Академии наук как мощнейшего канала социальной мобильности, силы, преодолевающей преграды сословных, должностных, финансовых и прочих привилегий. Это стало возможным только потому, что с первых дней своего существования академия являлась государственным учреждением и только благодаря государству она развивалась. Устав Императорской Санкт-Петербургской академии наук, утвержденный 8 января 1836 года Николаем I, оказался самым долговечным нормативным документом за всю 299-летнюю историю академии. С незначительными изменениями, внесенными после Февральской революции 1917 года, он продолжал действовать вплоть до 1927 года и не утратил силу даже в то время, когда Академия наук перестала быть Императорской Санкт-Петербургской.

Академическая форма организации науки в России подтвердила свою жизнеспособность и значимость заложенных в ее основу принципов деятельности. «Василеостровский Ватикан» — так с уважением, почтением и благоговением называли Императорскую Санкт-Петербургскую академию наук, располагавшуюся более двух столетий на Васильевском острове. В этом наименовании, во-первых, отражен непререкаемый авторитет академии в вопросах науки, во-вторых, отмечена определенная замкнутость и некоторая отрешенность высокоинтеллектуального сообщества страны.

Как известно, академическое сообщество в целом не приняло Октябрьскую революцию, и новая власть настороженно отнеслась к академии, хотя в 1917 году ученым впервые разрешили самим выбирать прези-

дента. В соответствии с распоряжением Ленина «не озорничать вокруг академии», данным Луначарскому, власть первые послереволюционные годы не докучала ученым, и в течение 10 лет после революции академия жила по Уставу 1836 года с новым президентом академиком А. П. Карпинским и старым непререкаемым секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом, избранным на должность в 1904 году и проработавшим в этом качестве до 1929-го. В своей речи на ежегодном Общем собрании Академии наук в декабре 1917 года С. Ф. Ольденбург напомнил о том, что без науки немислимы просвещение и культура, а без последних — достойное человеческое существование.

Анализируя отношения государства и Академии наук в послереволюционные годы, можно сделать вывод, что они были весьма напряженными и все проводимые в области науки реформы могли закончиться для академиков очень печально. Но вышло иначе.

Через год после революции, в 1918-м, в противовес Российской академии наук создается Социалистическая общественная академия, а спустя семь лет, в 1925-м, — Российская академия наук трансформируется в Академию наук СССР и параллельно Социалистическую общественную академию переименовывают в Коммунистическую общественную академию, которую объявляют главным научным учреждением страны. Еще через год организуется Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНТСО). Общественные академии и ассоциации ничего, кроме лозунгов, дать не могли, а к 1928 году назрела необходимость в индустриализации страны, начались первые пятилетки.

В 1932 году состоялись первые выездные заседания Академии наук СССР на Урале и в Сибири. В Свердловске и Новосибирске были организованы ее филиалы. В 1934-м Президиум АН СССР переехал из Ленинграда в Москву. Государство изменило свое отношение к науке, стало поддерживать работу ученых. С 1931 по 1939 год финансирование академии увеличилось в 25 раз, что свидетельствовало о возрастающем признании властью ее заслуг. Это дало импульс интенсивному развитию отечественной науки, от которой страна получила реальную отдачу.

К Великой Отечественной войне академия была подготовлена. Выдающийся вклад Академии наук СССР в победу во многом предопределил преобразования в структуре и организации ее деятельности, которые состоялись на рубеже 1930–1940-х годов. Значительное укрепление материально-технической базы, принятие первого в истории академии плана научно-технических исследований, который по меркам сегодняшнего дня можно назвать инновационным, активное участие ученых в решении научно-технических проблем, проблем перехода на новые высокопроизводительные технологии непосредственно в заводских цехах почти всех крупных металлургических, машиностроительных и химических предприятий — все это стало залогом будущих военных побед.

О войне пишут много и разное. Есть мнение, что Вторая мировая война была «схваткой двух сцепив-

шихся между собой диктаторов», а в научно-техническом отношении «войной моторов». Но сегодня весь цивилизованный мир признает: это была борьба интеллектов, и наша наука ее выиграла. Задумаемся, какой верой в победу надо было обладать, чтобы 6 октября 1943 года, в самый разгар войны, создать Академию педагогических наук РСФСР, а 30 июня 1944 года — Академию медицинских наук СССР!

Огромна роль академии в развитии страны и в послевоенный период: борьба за генетику, теоретическую физику, бурное развитие атомного и космического проектов, которые вывели нашу страну на передовые рубежи, превратили ее в научную сверхдержаву. Удивительно, что именно в этот период, в конце 1950-х — начале 1960-х годов, над академией вновь нависла угроза, когда руководитель страны Н. С. Хрущев инициировал очередную реформу, в результате которой 50 академических институтов были переданы в ведение отраслевых министерств «поближе к жизни». Это вызвало негативную реакцию Президента АН СССР А. Н. Несмеянова. Не согласившись с позицией Н. С. Хрущева, он был вынужден уйти в отставку. Сменивший его на посту президента М. В. Келдыш спустя три года тоже попал в немилость, когда заручившийся поддержкой властной элиты со стороны Т. Д. Лысенко член-корреспондент Н. Н. Нуждин не был избран в академики. Это вызвало крайне резкую реакцию Хрущева, и в июле 1964 года на Пленуме ЦК КПСС он с трибуны заявил: «Товарищи, для политического руководства, я считаю, у нас достаточно нашей партии и Центрального комитета, а если Академия наук будет вмешиваться, мы разгоним к чертовой матери Академию наук». Это обещание могло быть осуществлено, если бы спустя три месяца на октябрьском пленуме Хрущева не освободили от должности. Примечательно, что одной из причин его снятия значилось «неумение наладить отношения с Академией наук».

Новый этап в жизни академии наступил в начале 1990-х годов после распада СССР, вызвавшего тяжелейший экономический и политический кризис. Была развязана грязная кампания по дискредитации Академии наук, звучали призывы к ее ликвидации как последнего «оплота коммунизма». Но академия снова выстояла. Большое значение имел Указ Президента РФ от 21 ноября 1991 года № 228 «Об организации Российской академии наук».

О сложности и трагичности этого момента говорил на последнем общем собрании АН СССР 10 октября 1991 года президент академии Гурий Иванович Марчук. Вот несколько цитат из его доклада, поразившего присутствовавших глубиной мысли и пронизательностью выводов: «В чем же драма и даже трагизм момента? Сегодня прекращает свое существование Академия наук Союза Советских Социалистических Республик. Та самая Академия наук, которая в бурях века спасла и сохранила сердце и душу российской науки... К сожалению, концепции спасения отечественной науки, ее выживания и возрождения нет ни у политиков, ни у научной общественности...»; «Научная истина не может быть найдена путем голосования, и в этом смысле ее поиск, если хотите, недемократичен. Процесс научно-

го познания — это почти всегда противостояние меньшинства, а то и одиночек большинству... Третий раз за советский период Академия наук подвергается разрушительным ударам под флагом радикальной демократизации...»

В 2013 году в соответствии с принятым Федеральным законом РФ № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» объединены три государственных академии: Российская академия наук, Российская академия медицинских наук и Российская академия сельскохозяйственных наук. Имущественные права, подведомственные организации новой РАН, в том числе все институты, переданы Федеральному агентству научных организаций.

В 2018 году было образовано Министерство науки и высшего образования Российской Федерации в результате разделения Министерства образования и науки РФ на два ведомства, и новому министерству были переданы полномочия Федерального агентства науч-

ных организаций. Оно же сегодня распоряжается бюджетными средствами, выделяемыми на научные исследования, проводимые бывшими академическими институтами.

В свете последних событий, когда против нашей страны введены санкции, запрещающие импорт в Россию наукоемких технологий, как никогда актуальна задача импортозамещения с опорой на собственные силы и средства — это без развития науки сделать невозможно.

Безусловно, руководство страны, научное, образовательное, интеллектуальное сообщество в нынешних геополитических условиях, когда от прогресса науки зависят национальная безопасность, благосостояние, физическое и умственное здоровье россиян, должны сделать все для расширения прежних и новых границ человеческого познания, вновь приравнять науку к важнейшим стратегическим целям развития нашей страны, а Российской академии наук создать условия и вернуть статус главного, высшего, первенствующего научного учреждения государства.

А. В. Шершук¹

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НА RENDEZ-VOUS С ИСТОРИЕЙ

Развивающийся во всех возможных ипостасях цивилизационный кризис уже поставил и будет ставить перед Россией (как государством) и россиянами (как обществом, так и частными лицами) множество вопросов из совершенно разных областей жизни — в диапазоне от устройства государства и его законов до отношений с родными, придерживающимися иных политэкономических взглядов. При этом ответы на эти вопросы в связи с ускоренным темпом времени будут требоваться немедленно. Вполне естественно, что на первом этапе реакция людей на эти вопросы напоминала последствия DDoS-атаки, когда в компьютерную систему намеренно направляется огромное число запросов, она не может ответить на все запросы и «зависает». Точно так же с помощью техники «разрыв шаблона» в ступор вводится человек при общении с очередными мошенниками, желающими «позолотить ручку», — хоть у вокзала, хоть в Интернете. Поэтому главное сейчас — держать не ноги, а голову в холоде, сохраняя способность к здравому размышлению о дне сегодняшнем и будущем.

Отмечу наиболее, на мой взгляд, существенные вопросы, стоящие перед страной и ее гражданами. И среди них тема СВО и отношений с Украиной не главная. Все конфликты рано или поздно заканчиваются. Вопрос в том, как и насколько закроется (и закроет-

ся ли?) «окно в Европу», прорубленное 300 лет назад Петром I? Произойдет ли переориентация России из Европы на Восток не только в части цепочек поставок или параллельного импорта, импорта технологий, но и культурологическая? На рубеже XX–XXI веков в фантастических романах Хольм ван Зайчика, писателя, придуманного петербургскими китаеведами Вячеславом Рыбаковым и Игорем Алимовым, был выведен образ единого государства Ордуса (Орда–Русь), которое якобы возникло после соглашения Александра Невского и хана Сартака и живет сегодня по смешанному русско-китайским законам и укладам. Думаю, они не предполагали сегодняшнего экономического и политического восточного разворота России. Однако насколько далеко зайдет этот разворот? Вполне допускаю, что в мирное время нашему среднему классу как отдыхалось в Турции и Египте, так и будет отдыхаться (несмотря на нарастающее развитие внутреннего туризма, его стоимость пока, увы, неконкурентна). Но готова ли наша «элита» сменить Лазурный берег на Шанхай, а ее дети — Гарвард на Пекинский университет?

Вопрос о политике страны и ее законах. Не секрет, что поле для конкурентной политики сейчас в существенной степени сократилось. То есть проект управления, основанный на европейской идее представительной и конкурентной — «война друг с другом» — власти, если и не закрыт, то «подморожен». Точно так же как в «подморозке» коренятся принимаемые сейчас законы, связанные с формами управления государством и противодействующие противникам таких форм. Понятно, что страна, находящаяся в конфликте с таким градусом, вряд ли может позволить себе внутренние раздразни. Напомню лишь историю писателя Хармса.

¹ Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, главный редактор центральной профсоюзной газеты «Солидарность». Председатель Всероссийской политической партии «Союз Труда» (2012–2020). Автор книг: «Россия: профсоюзы и рабочие организации» (1991, 1993), «КРО и Александр Лебедь» (1996), «Профсоюзная идеология» (2012, 8 переизданий), «Краткая история профсоюзов России» (2020), «Профсоюзная идеология 2.0» (2022).

В период перестройки было принято упоминать о жестокости карательных органов, арестовавших Хармса. Но вообще-то арест был вызван его откровенными высказываниями в стиле «скорее бы пришли немцы». Любое государство, ведущее боевые действия и претендующее на самосохранение, не может позволить антигосударственной пропаганде взять верх. Отсюда вопрос: где пределы противостояния этой пропаганде? Грубо говоря, это ссылка, «административка» или 25 лет? С правом переписки или без? Вопрос отнюдь не риторический. Из истории Великой французской революции мы помним, как вначале все вместе искали и казнили сторонников свергнутого Людовика жирондисты, монтаньяры, эбертисты... А потом начали искать сторонников Жиронды и т. д.

Вопрос об экономике и социальной справедливости. Сегодняшняя экономическая политика власти представляет странное сочетание: внесение большого числа элементов государственного регулирования и планирования, притом что регулирование заработной платы по-прежнему отдано на откуп «почти свободному рынку». Не мое наблюдение, но я повторю его: если раньше торможение роста зарплат обосновывалось опасностью инфляции, то сейчас такого обоснования, по сути, нет. Сегодня десятки тысяч участников СВО и их семьи получают от государства специально назначенные выплаты. Эти выплаты никак не повлияли на рост инфляции, более того, она снижалась по мере выплат. Точно так же не были сметены товары с полок в магазинах, не возник товарный голод. Вопрос: возможно, качественный рост заработной платы, осуществленный работодателями (государственными и частными), также не повлиял бы на инфляцию? Старый аргумент о том, что она носит немонетарный характер...

Другой аспект этого же вопроса. Последние годы рост доходов населения в значительной степени осуществлялся за счет государственных пособий и льгот. Недавно в одном источнике я прочитал, что-де сейчас больше 30 % населения (вдвое больше, чем в СССР) зависит от социальных пособий. Конечно, можно выдавать такую систему за справедливую и правильную, но... Тогда оставим упреки в адрес США с тамошними шутками про пособия, которые проще получить, сославшись на расовую, половую принадлежность, число детей, инвалидность, гендерную идентичность и т. д. Люди должны получать достойную оплату за труд, которая будет справедливо соотноситься с доходами других работников и руководителей. Это банальность, которая тем не менее не реализована в России. Рядом стоит банальность про прогрессивную шкалу налогообложения, от которой долго отбояривались ссылками на возможное бегство капиталов. Сейчас капиталу бежать некуда. Думаю, что решение о переходе на прогрессивную шкалу также стоит на пороге.

Вопрос об образовании и культурной ориентации. Когда в середине XIX века профессор географии из

Лейпцига Оскар Пешель написал: «Народное образование играет решающую роль в войне. Когда пруссаки побили австрийцев, это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем», дело было не только в победе в конкретном сражении или войне. Дело в том, чьи установки будут более эффективно внедрены в сознание людей. (Кстати, то, что фразу профессора долгое время приписывали канцлеру Германии Отто Бисмарку, тоже интересный и, возможно, неслучайный факт. Может быть, педагоги таким образом, пожертвовав авторством, повышали свой статус в обществе? Это шутка¹.)

А если серьезно, нам нужно смотреть на те ценности, которые внедряются сейчас в умы и сердца молодых людей. И вопрос здесь звучит так: главное для нас — привлекательный образ солидарных ценностей или система запрета? Не спорю, в странах Запада система запретов внедрена через политику отмены, игнорирования — экономического и политического — авторов и тем, признанных неполиткорректными. Но и там на первом месте стоит вопрос позитивного образа будущего. А такой ответ у нас есть?

Лично я отдельные ограничения приветствую. Идея убрать из школ «Архипелаг ГУЛАГ» — вполне правильная. На этом фоне появились разные мнения, включая «не станет ли изъятым „Архипелаг...“ тем запретным плодом для юношества, каким он был в советское время». (Кстати, никто не предлагал сажать за чтение этой книги, как это было в советское время. Я понимаю, что услышу довод «пока не предлагал», но тем не менее. Откровенно говоря, лично для меня вопросов нет. «Архипелаг ГУЛАГ» — книга, построенная на передержках и сознательных фактических ошибках, неоднократно отредактированная автором, но тем не менее не лишившаяся своих изначальных пороков. Это создание талантливого человека, изначально делавшееся как инструмент идеологической борьбы. И давать его школьникам можно как экспонат этой борьбы, но никак не источник истины².)

Но вопрос: где мы сможем остановиться в череде запретов? Если у Александра Пушкина цензором вызвался выступать Николай I, то для сегодняшних авторов статусный уровень цензоров резко снижен, количественно и тематически расширен...

Поставленный в заголовок слегка расширенный вариант названия статьи Николая Чернышевского провокативен только на первый взгляд. Чернышевский писал статью в 1858 году, в период либерального подъема, когда до формального освобождения крестьян оставалось три года. Но тогда уровень проблем, стоящих перед страной, был понятен, а результат попытки разрешения этих проблем — неочевиден. Точно так же неочевидны сейчас перспективы нашего выхода из текущего цивилизационного кризиса. Но я уверен, что, задавая и проговаривая вслух критические для будущего страны вопросы, мы усиливаем, а не ослабляем ее.

¹ Шершук А. В. Гвардия вместо ГУЛАГа // Солидарность. 2023. 25 янв. URL: <https://www.solidarnost.org/Blog/Shershukov/gvardiya-vmesto-gulaga.html> (дата обращения: 10.05.2023).

² Там же.

М. В. Шмаков¹

ПРОБЛЕМЫ РОСТА БЛАГОСОСТОЯНИЯ ГРАЖДАН РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПОТЯСЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Последние три года человечество переживает потрясения, которые не могут не отразиться на состоянии мировой экономики.

Главным событием 2020–2021 годов, без сомнения, стала пандемия коронавируса. К началу 2022 года ее последствия все еще отчетливо ощущались в ряде стран, в том числе в России. Восстановление цепочек поставок после пандемии происходило сдержанными темпами и завершилось лишь к концу 2022 года.

В 2022 году в мировой экономике одновременно происходило несколько масштабных процессов: глобальная разбалансировка сырьевых рынков, адаптация к структурным последствиям пандемии, формирование мощного потенциала инфляции издержек в более развитых странах при ускорении инфляции в менее развитых, а также рост неопределенности в оценке перспектив будущего развития.

Ограничения, связанные с пандемией коронавируса, в 2020–2021 годах создали множество предпосылок для отложенной инфляции: значительные программы поддержки спроса (преимущественно в развитых странах), нарушение цепочек поставок и удорожание логистики, изменение предпочтений на рынке труда и даже наблюдаемая в некоторых странах «добровольная безработица», когда люди уходили с работы на самоизоляцию с целью получения соответствующих пособий от государств. На рынке труда структурные изменения проявились в существенном увеличении доли работающих дистанционно и в смешанном режиме, активном внедрении так называемых гибких форм занятости и бурном росте IT-сферы. Каждое из этих явлений оказало большое влияние на динамику вакансий и заработной платы.

В 2022 году накопленный развитыми странами ввиду массовых программ количественного смягчения по-

тенциал отложенной инфляции стал проявляться в полной мере и привел к новой волне структурных изменений мировой экономики.

Дополнительное ускорение инфляции в мировой экономике, прежде всего в рамках энергетических и продовольственных рынков, вызвали ситуация вокруг Украины и связанная с ней санкционная политика, направленная против России.

В итоге 2022 год ознаменовался рекордными темпами инфляции, особенно заметными в развитых странах.

Большинство стран мира отреагировали на ускорение роста цен повышением ключевых ставок. Повышение ставок в развитых странах запустило ослабление валют развивающихся стран и отток капитала из них; обострилась проблема долговой устойчивости и суверенных кредитных рисков. Международные эксперты отмечали, что замедление роста, повышенная инфляция и растущая долговая уязвимость подрывают усилия международного сообщества по искоренению бедности.

Экономический шок вновь оказал серьезное влияние на рынок труда. Например, в странах ЕС в 2022 году рост минимальной заработной платы был значительно ниже, чем рост цен. При этом отмечался и парадоксальный феномен, когда на фоне ухудшения общей ситуации с доходами работники становились более требовательными к рабочему месту, что выразилось в сравнительно большой «текучке» кадров в более оплачиваемых и привлекательных сферах.

Если раньше развитие прежде всего опиралось на более дешевые ресурсы, то сейчас ситуация изменилась кардинальным образом: основным драйвером роста за период пандемии стали автоматизация и цифровизация. При этом существуют обоснованные сомнения, что инерционный прирост производительности труда, происходящий ввиду скачка цифровизации, сможет преодолеть негативные последствия глобального роста издержек.

В результате описанных событий темп роста мировой экономики в 2022 году был существенно ниже ожидаемого. Например, ООН в докладе «Мировое экономическое положение и перспективы на 2023 год» прогнозирует существенное замедление мировой экономики — с 3 % в 2022 году до 1,9 % в 2023-м, что является одним из самых низких показателей роста за последние десятилетия. При этом эксперты ООН отмечают, что наибольшее замедление роста характерно для развитых стран. Эксперты ООН полагают, что глобальный рост несколько повысится (до 2,7 %) в 2024 году, но только при условии начала ожидаемого ослабления сдерживающих макроэкономических факторов². По прогнозам, инфляционное давление будет посте-

¹ Член Государственного Совета РФ, председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП. Автор публикаций по вопросам социально-трудовых отношений, социальной политики, теории и практики рабочего и профсоюзного движения, в т. ч. книг: «Профсоюзы России на пороге XXI века», «Без борьбы нет победы!», «За достойный труд», «Профсоюзные вести сквозь призму юмора» (в соавт.), «Бороться и побеждать», «Наша борьба», «Антология профсоюзной мысли» (в соавт.); учебных пособий для профсоюзных работников и активистов «Конфликты в трудовых коллективах» (в соавт.), «ФНПР в меняющемся обществе», «ФНПР в вопросах и ответах»; главы «Федерация независимых профсоюзов России» в книге «15 лет ВКП: взгляд в будущее» и др. Координатор Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Председатель Совета попечителей, Почетный профессор Академии труда и социальных отношений. Член Правления Волевого экономического общества России, член Международного союза экономистов, Национального гражданского комитета по взаимодействию с правоохранительными, законодательными и судебными органами и др. Почетный президент Всеобщей конфедерации профсоюзов. Награжден орденами Дружбы, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» II, III, IV степени, медалью «В память 850-летия Москвы», Почетной грамотой Правительства РФ и др. Почетный профессор СПбГУП.

² ООН прогнозирует замедление экономики Европы и США // Дзен : [сайт]. URL: https://dzen.ru/a/Y_CtRabg9iMmv6Bj (дата обращения: 23.05.2023).

ленно сокращаться на фоне снижения совокупного спроса в мировой экономике. Однако краткосрочные экономические перспективы остаются весьма неопределенными ввиду сохранения многочисленных экономических, финансовых, геополитических и экологических рисков¹.

Несмотря на наиболее масштабные в истории санкции, введенные против России, экономика нашей страны сократилась меньше, чем первоначально ожидалось, — примерно на 3,5 % против первоначально прогнозируемых 10–15 %. Оперативные действия по стабилизации финансовой сферы позволили предотвратить крах банковской сферы, последующее ослабление регулирования в данной сфере — создать возможности для восстановления роста. Резкое повышение экспортных цен на энергоресурсы в связи с анонсированным эмбарго российских энергоносителей Европейским союзом и частичная переориентация внешней торговли привели к сохранению российского внешнеторгового баланса в течение всего 2022 года. Кроме того, значительную роль в стабилизации экономических условий в России сыграла реализация плана по стабилизации экономики в условиях санкций, в том числе меры по импортозамещению и восстановлению нарушенных цепочек поставок с участием новых поставщиков, организация так называемого параллельного импорта.

Однако, несмотря на множество антикризисных и антисанкционных мер, в России сохраняется хроническая низкая стоимость труда. Профсоюзы неоднократно указывали Правительству России на этот факт. Тем не менее ни в одном стратегическом или программном документе Российской Федерации, федеральном проекте не установлены целевые показатели по повышению уровня оплаты труда.

Приведем несколько примеров.

В рамках национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» предусмотрено «обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции», а не устойчивый рост заработной платы.

В Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года, утвержденной Правительством РФ в 2020 году, указано, что заработная плата работников, занятых в промышленности, близка к средней по экономике, но значительно отличается в зависимости от отрасли и места расположения производства. Поставлена задача по обеспечению устойчивого роста реальных доходов граждан и снижению в два раза уровня бедности за счет роста производительности труда и занятости в промышленности, то есть за счет более интенсивного труда.

На протяжении длительного времени правительство не устанавливает задачи и четкие показатели в области заработной платы, ограничиваясь повышением минимального размера оплаты труда и возлагая надеж-

ды на то, что рынок труда сам отрегулирует стоимость рабочей силы.

Так, в 2008 году Правительством России была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Концепция предусматривала «высокие стандарты благосостояния человека» и обеспечение доходов и качества жизни россиян к 2020 году на уровне развитых экономик.

При этом использован «обобщающий показатель уровня жизни» — валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения по паритету покупательной способности. Он, согласно концепции, должен был увеличиться с 13,9 тыс. долларов США в 2007 году (42 % от среднего уровня в странах ОЭСР) до более чем 30 тыс. долларов США в 2020-м (70 %).

Не уровень доходов населения, а ВВП в расчете на одного человека должен был свидетельствовать об уровне жизни.

Впрочем, этот целевой показатель концепции остался недостижимым. Так, по данным Всемирного банка, ВВП на душу населения в 2019 году снизился в России до 11,5 тыс. долларов США, или 29 % от среднего по ОЭСР.

Уже на первом этапе (до 2012 г.) концепция предусматривала выход минимальной заработной платы на уровень прожиточного минимума.

На втором этапе (до 2020 г.) планировалось установление минимального размера оплаты труда на уровне восстановительного потребительского бюджета, превышающего прожиточный минимум трудоспособного населения в 2–2,2 раза.

Основными факторами борьбы с бедностью и улучшения благосостояния населения в концепции были названы высокие темпы экономического роста, прежде всего создание эффективных рабочих мест и рост заработной платы.

По данным Международной организации труда (МОТ), средняя месячная заработная плата в России по паритету покупательной способности в 2019 году составила менее 1700 долларов США. Это почти вдвое ниже среднего значения по странам ОЭСР и в три раза ниже максимальной величины (в Бельгии).

За 12 лет, пока шла реализация концепции, модель государственного управления в России претерпела множество изменений. Например, активно внедрялись цифровые технологии и стремительно развивались государственные услуги в цифровом формате. Появился проектный подход к формированию документов стратегического развития, но не были предприняты усилия по установлению взаимосвязи между ними. В действующих документах стратегического развития так и не был учтен наиболее важный фактор — человек труда. Тот, без кого невозможно обеспечить «увеличение занятости и производительности труда». Рост благосостояния российских граждан в целом рассматривается как опосредованный результат инвестиций в экономику, модернизации производства, улучшения институциональных условий и прочих факторов.

За последние 10 лет реальная заработная плата выросла всего на 22 %, при этом наиболее значительное

¹ ООН ожидает замедления роста мировой экономики до 1,9 % в 2023 году // Интерфакс : [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/business/883321> (дата обращения: 23.05.2023).

увеличение реальной заработной платы происходило тогда, когда вопросам оплаты труда уделялось внимание главой государства. То есть при прямом регулировании данной сферы, например, в рамках майских указов или при повышении МРОТ.

По мнению российских профсоюзов, именно отсутствие системного подхода в области оплаты труда является основной причиной неудовлетворительной реализации стратегий социально-экономического развития.

Низкая стоимость труда приводит к долгосрочным негативным последствиям, которые не только затрагивают уровень и качество жизни населения, но и ставят под угрозу достижение целей восстановления экономического роста. Например, низкая заработная плата и, как следствие, ограничение потребления качественных продуктов питания, доступа к медицинским услугам приводят к неполному восстановлению рабочей силы. Для поддержки рождаемости необходимо повышение качества жизни работников и их семей.

Заработная плата является основным источником дохода для большинства граждан во всем мире и в нашей стране. В России насчитывается более 67 млн наемных работников — это более 93 % занятых.

Именно через активную государственную политику в области оплаты труда можно обеспечить реальное существенное сокращение бедности.

Основным инструментом регулирования социально-экономических процессов являются системы оплаты труда. Правительство имеет все необходимые полномочия для их установления как в бюджетной, так и во внебюджетной сфере¹.

Целостная и единая система оплаты труда, которая охватывала все отрасли экономики, была разработана и внедрена в СССР.

Единая система оплаты труда обеспечивала экономическую взаимосвязь между производством, трудовыми ресурсами и потреблением.

В соответствии с принятыми планами осуществлялось распределение природных и трудовых ресурсов. Рассчитывалось количество рабочих мест и потребность в работниках определенных профессий и уровня квалификации. На уровне предприятий разработка систем оплаты и стимулирования труда осуществлялась на основе научной организации труда².

Размеры заработной платы обеспечивали достаточный для воспроизводства рабочей силы уровень потребления. Несмотря на единство принципов, система оплаты труда была гибкой и позволяла решать задачи экономического развития: стимулировать к повышению производительности труда; расширять профессиональную мобильность рабочей силы; закреплять рабочие кадры.

Единая тарифная система состояла из квалификационных справочников, классификаторов, единой тарифной сетки, тарифных разрядов, тарифных коэффициентов, тарифных ставок заработной платы, диффе-

ренцированных в зависимости от квалификации работников и сложности работ. Большинство ее элементов сохраняются в системе управления персоналом и сегодня.

Работа по профессии или должности дифференцировалась по тарифным разрядам: чем сложнее работа и выше уровень необходимой квалификации работника, тем выше разряд.

Работнику устанавливался оклад или ставка заработной платы в соответствии с присвоенной ему квалификацией и тарифным разрядом по профессии или должности.

Размер оклада или ставки заработной платы был фиксированным и определялся на основании тарифной сетки, которая в СССР была единой по всем республикам, краям, областям и автономным округам.

Порядок определения тарифной ставки или оклада работника был максимально прозрачным и понятным.

Единая тарифная сетка обеспечивала соблюдение базовых принципов в области заработной платы, таких как равная оплата труда равной ценности.

С 1990-х до 2008 года эта система была постепенно демонтирована под предлогом перехода к рыночной экономике. Однако более совершенная система оплаты труда предложена не была. Результатом отсутствия однозначной государственной политики в области оплаты труда стало то, что самый низкий уровень заработной платы в экономике демонстрирует государственный сектор, в том числе бюджетный. Это привело к дефициту кадров в стратегических отраслях, оборонно-промышленном комплексе, науке и образовании, здравоохранении и социальной защите, культуре и спорте.

ФНПР считает необходимым установить единые принципы систем оплаты труда как в государственном, так и в частном секторе экономики, которые обеспечивали бы конкурентную заработную плату и приток квалифицированных кадров; предлагает закрепить основные принципы систем оплаты труда:

- размер вознаграждения за труд не может быть ниже МРОТ, который должен обеспечивать достойный уровень жизни и хотя бы простое воспроизводство рабочей силы;

- размер заработной платы должен зависеть от квалификации работника и сложности труда;

- тарифная ставка и оклад должны устанавливаться по принципу равной оплаты труда равной ценности;

- труд в условиях, отклоняющихся от нормальных (климатические условия, условия труда), должен оплачиваться в размере, позволяющем восстановить здоровье работника сверх тарифной ставки или оклада;

- стимулирующие и поощрительные выплаты не должны использоваться в качестве средства для повышения заработной платы до МРОТ или целевых показателей.

Подобные единые принципы могут быть установлены в рамках Концепции совершенствования систем оплаты труда, утвержденной нормативным правовым актом Правительства России.

На ожидаемый скепсис по отношению к идее установления единых подходов к оплате труда в контексте

¹ См.: *Середкина И.* Лекарство от бедности // Солидарность. 2023. 19 апр. URL: <https://www.solidarnost.org/articles/lekarstvo-ot-bednosti.html> (дата обращения: 23.05.2023).

² *Косаковская Е.* Тарифы, стандарты и квалификации // Солидарность. 2016. 6 окт. URL: <https://www.solidarnost.org/articles/lekarstvo-ot-bednosti.html> (дата обращения: 23.05.2023).

противоречия принципам рыночной экономики стоит отметить, что:

— государство может и должно регулировать то, что полностью финансирует за счет собственных средств;

— государственное регулирование заработной платы будет стимулировать конкуренцию, развитие человеческого потенциала и частного сектора.

Повышение уровня заработной платы низкооплачиваемых работников зависит от величины минимального размера оплаты труда.

Из-за сложной ситуации в прошлом, 2022, году МРОТ был повышен дважды — в сумме почти на 20 %. С начала текущего года МРОТ проиндексирован на 6,3 %, а с 1 января 2024 года минимальный размер оплаты труда вырастет на 18,5 % и составит 19 242 рубля.

Несмотря на позитивные изменения в политике установления МРОТ, он до сих пор существенно недооценен, а методика его определения ничем не обоснована.

В 2021 году МРОТ стал устанавливаться в соотношении с медианной заработной платой. При этом выбранное соотношение — 42 % — значительно ниже соотношения МРОТ и медианной заработной платы в большинстве развитых и развивающихся странах. ФНПР предлагала постепенно увеличивать данное соотношение, что в итоге и произошло, но только по указанию Президента России. Ключевым недостатком данной методики установления МРОТ было отсутствие защитной нормы, обеспечивающей неснижение его покупательной способности.

В результате правительство России было вынуждено приостановить до 2025 года установление МРОТ в соотношении с медианной заработной платой. В настоящее время МРОТ составляет 46 % от медианной заработной платы по данным Пенсионного фонда.

Профсоюзы убеждены, что МРОТ должен быть повышен до величины минимального потребительского бюджета, удовлетворяющего основные материальные и духовные потребности трудящегося.

ФНПР обновила методику расчета величины минимального потребительского бюджета (МПБ). За основу был взят МПБ, разработанный профсоюзами с участием научного сообщества в 2011 году. В потребительской корзине объемы потребления продуктов питания были приведены в соответствие с рекомендациями Минздрава, оптимизированы расходы на туризм, а также изменены количество и сроки износа ряда товаров.

Величина профсоюзного МПБ за II квартал 2022 года составила около 48,5 тыс. рублей. Это нормальный уровень минимальной зарплаты, к которому нужно стремиться не только в целях снижения бедности, но и для обеспечения экономического роста.

Долгие годы занижение МРОТ оправдывалось отсутствием в бюджете средств на повышение заработной платы работникам бюджетной сферы. Однако такая ситуация приводит только к росту бюджетных расходов. Работники, получающие крайне низкую заработную плату, создают нагрузку на бюджетную систему, получая социальные пособия и компенсации расходов на коммунальные услуги.

Посредством уровня оплаты труда в государственных и муниципальных организациях государство в качестве работодателя рыночными методами влияет на стоимость труда в экономике.

Современные системы оплаты труда работников бюджетной сферы решают только одну задачу: при очередном повышении МРОТ остаться в пределах прежнего объема бюджетных ассигнований. На тех же принципах решается задача повышения уровня заработной платы отдельных категорий работников бюджетной сферы, перечисленных в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

Неоправданно высокая межрегиональная дифференциация в уровне оплаты труда работников бюджетной сферы за равной по интенсивности и качеству труд консервирует диспропорции в развитии регионов России.

Для определения целевых индикаторов повышения средней заработной платы отдельных категорий работников бюджетной сферы сегодня применяется методика расчета «среднего дохода от трудовой деятельности». Этот подход привел к существенному отставанию темпов роста заработной платы бюджетников от внебюджетного сектора, и этот разрыв только увеличивается.

Несовершенство систем оплаты труда в бюджетной сфере создает условия для необоснованного неравенства оплаты труда при одинаковой нагрузке, чем демотивирует работников, повышает риски коррупции и неэффективного использования бюджетных средств.

Не на все категории работников бюджетной сферы распространяется действие указов президента о повышении заработной платы. В ФНПР все чаще поступают обращения об отсутствии финансовых средств для выплаты заработной платы работникам даже в величине МРОТ в учреждениях системы Росгидрометцентра.

Для решения данных проблем и требуется системное государственное регулирование заработной платы.

В 2020 году правительство совместно с профсоюзами приступило к разработке требований к системам оплаты труда работников бюджетной сферы. Профсоюзу работников здравоохранения удалось договориться с профильным министерством об установлении минимальных окладов не ниже МРОТ. Были произведены расчеты по всем параметрам системы оплаты труда медицинских работников. Апробация новых систем была запланирована на 2022 год.

Однако правительство отложило работу по приведению в порядок систем оплаты труда работников здравоохранения до 2025 года.

Еще более неопределенная ситуация с разработкой требований к системам оплаты труда работников образования и культуры.

В данных отраслях до сих пор не принято решение о проведении пилотного проекта по новым системам оплаты труда.

И хотя Минпросвещения совместно с отраслевым профсоюзом разрабатывало единые подходы к систе-

мам оплаты труда педагогических работников, дальше виртуальных расчетов эта работа не продвинулась¹.

В завершение следует еще раз перечислить необходимые, по мнению российских профсоюзов, шаги государства для создания системного подхода в области оплаты труда:

— принятие в качестве основополагающих единых принципов оплаты труда для формирования единой системы оплаты труда;

— установление единой системы оплаты труда, основанной на предложенных принципах, в бюджетной

сфере и стимулирование создания такой системы во внебюджетной сфере;

— пересмотр методики установления МРОТ с целью планомерного повышения величины МРОТ до минимального потребительского бюджета.

Выполнение данных действий позволит сформировать государственную политику, обеспечивающую решение фундаментальной проблемы, препятствующей росту российской экономики, — проблемы повышения благосостояния населения.

А. Г. Шумилин²

О ВОЗРАСТАЮЩЕЙ РОЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ И ГОСУДАРСТВА

Мир находится в поиске новой социально-экономической формации. Неoliberalная экономика показала свою невысокую эффективность в условиях пандемии прежде всего при нарушении цепочек поставок товаров и глобального разделения и специализации труда. Сегодня наличие у страны природных ресурсов не гарантирует ей высокого уровня благосостояния и динамичных темпов развития. Ярким примером служат страны Африканского континента, имеющие достаточные природные богатства, но при этом низкий уровень благосостояния. В то время как такие страны, как Япония, Южная Корея, Израиль, не обладая большими природными запасами, имеют мощные экономики и высокие темпы развития.

Санкционные войны показали, что отключение от международных платежных систем и ограничение доступа к мировым финансам, конечно, наносит вред стране, но он несопоставим с вредом от ограничения доступа к технологиям. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что сегодня миром правят технологии и интеллект, способный их генерировать. И такая тен-

денция будет только усиливаться. Сегодня в мире нет проблем с налаживанием производства товаров, гораздо сложнее придумать новый товар или услугу, который будет востребован на рынке. Уникальная технология имеет очень высокую стоимость, но она сразу на порядок дешевле, как только ее могут скопировать. Технологии развиваются настолько стремительно, что человечество уже не всегда в состоянии осмыслить возможные последствия от их широкого применения.

Как одно из направлений новой социально-экономической формации в настоящее время в мире идет формирование новой экономики, основанной на знаниях (Knowledge economy), а в последнее время в экономической теории появились и такие понятия, как *generalist* — созидатель (М. Рубинштейн, А. Фирстенберг) и *homo creativus* — человек творческий (Д. Фостер). В оборот входит термин «визионеры», то есть люди, которые могут не только «видеть новые потребности, проектировать будущее», но и реализовать новые потребности для широкого круга потребителей, которые принимают их, изменяя качество жизни». Как показали результаты исследования, проведенного Всемирным банком (World Bank), «растет спрос на передаваемые навыки высшего порядка, такие как логика, критическое мышление, комплексное решение проблем и умение рассуждать»³.

В результате в мире уже формируется теория построения «креативной экономики», которая невозможна без интеллектуализации всех процессов, как технологических, так и социальных. А без них невозможно опережающее технологическое и инновационное развитие любой экономики и государства.

Интеллектуальный капитал становится важнейшим ресурсом развития социально-экономических систем, увеличивается доля нематериальных активов в стоимости организации (предприятия). Интеллект становится основополагающим ресурсом в развитии высокотехнологичных производств, обеспечивает рост мировой торговли высокотехнологичными товарами⁴, а также

¹ См.: О текущем моменте и задачах профсоюзов : доклад председателя ФНПР М. В. Шмакова на Генеральном совете ФНПР 16 ноября 2022 года. URL: <https://fnpr.ru/upload/iblock/0dd/fgx4jqfntdoy1ac56c1ffbuo21p7gw/Doklad-Predsedatelya-FNPR-SHmakova-M.V.-Generalnomu-Sovetu-FNPR-16.11.22.pdf> (дата обращения: 23.05.2023).

² Академик-секретарь Отделения физики, математики и информатики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор. Главный советник аппарата Совета министров Республики Беларусь (2008–2010), заведующий кафедрой государственного строительства Академии управления при Президенте РБ (2010–2012), директор Белорусского инновационного фонда (2012–2013), председатель Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь (2013–2021). Председатель Межгосударственного совета СНГ по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах (2015–2021). Член Президиума НАН Беларуси. Член наблюдательного совета Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Формирование государственной системы инновационного развития национальной экономики», «Национальная инновационная система Республики Беларусь», «Состояние и перспективы технологического развития для экономики Республики Беларусь», «Инновации — основной стратегический ресурс развития экономики» и др. Награжден орденом Дружбы, медалью «За вклад в создание Евразийского экономического союза» II степени и др.

³ Word development report 2019. The changing nature of work. Washington, D.C. : World Bank, 2019.

⁴ Нехорошева Л. Н. Формирование системы управления интеллектуальной собственностью как стратегическим ресурсом

непосредственно самой интеллектуальной продукцией в виде патентов, товарных знаков, ноу-хау и других объектов промышленной собственности, включая объекты авторского права: программы, базы данных, а в последнее время и массивы информации.

Питер Друкер, формулируя теорию об инновационной экономике и предпринимательском обществе, уже в прошлом веке указывал, что этот прогресс приводит к тому, что самым главным ресурсом становятся новые знания и новая информация. Исходя из этого, формирующееся общество он называл информационным.

Лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов указывал на необходимость активного увеличения числа высокотехнологичных интеллектуальных рабочих мест, которые обеспечивают выпуск наукоемкой продукции, но самое главное — создают условия для высокопроизводительного и творческого труда, что повышает качество жизни, дает человеку возможность самореализации¹.

Интеллектуальное лидерство становится основой соперничества на мировой арене. Понятие интеллектуализации является производным от слова «интеллект», которое в переводе с латинского языка означает «постижение, разум». Интеллект присущ человеку и проявляется в его деятельности, поэтому его можно считать производственным фактором, который включает знания, умения, навыки и опыт человека².

Научно-технологическое развитие и интеллектуальный труд создают условия для формирования технологических платформ, ориентированных на активизацию инновационных процессов, которые становятся важнейшим инструментом, обеспечивающим конкурентоспособность выпускаемой продукции, а также предприятия (организации).

Таким образом, процессы интеллектуализации труда позволяют решать важные социальные вопросы, повышают качество жизни, дают возможность самореализации и творчества, саморазвития посредством участия в научных исследованиях и инновационных процессах, создании и использовании интеллектуальных продуктов³.

В XXI веке отмечается повсеместная цифровизация, поэтому стоит учитывать, что главными элементами, на которых базируется эффективная цифровая экономика, являются информация и знания. Основными признаками такой экономики выступают непрерывное развитие, изменение, повышение гибкости, адаптивность, обмен информацией и реализация операций в режиме реального времени, самообучающееся цифровое «умное» общество⁴. Мировая практика сви-

экономического развития и обеспечения национальной безопасности: перспективные направления, обучение специалистов новым компетенциям // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Минск, 2021. Ч. 2. С. 26–41.

¹ Нехорошева Л. Н. Указ. соч.

² Стома Н. В. Интеллектуализация производства как драйвер цифровой трансформации экономики Республики Беларусь // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Минск, 2021. Ч. 2. С. 172–178.

³ Нехорошева Л. Н. Указ. соч.

⁴ Стома Н. В. Указ. соч.

детельствует, что именно интеллектуальная экономика становится мощным импульсом технологического развития, повышения наукоемкости и конкурентоспособности продукции, способствует развитию инновационной деятельности. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о необходимости создания социально-экономической модели развития государства, в которой человек станет главным фактором экономического роста.

Статистика показывает, что доля нематериальных активов в стоимости компаний — мировых лидеров возрастает быстрыми темпами: с 17 % в 1975 году до 81 % к 2010-му; а уже в 2018 году впервые в мировой экономике стоимость нематериальных активов превысила 50 трлн долларов (по данным Brand Finance), то есть идет стремительный процесс формирования интеллектуальной экономики, развития рынка интеллектуальной собственности, который оказывает все большее влияние на технологические и социально-экономические процессы⁵. Следует отметить, что нематериальные активы, не имеющие физической формы, чрезвычайно ценны: по данным международного агентства Global Intangible Finance Tracker, в период с 1996 по 2022 год стоимость нематериальных активов в мире выросла с 6 до 57 трлн долларов, что составило 55 % от мирового ВВП. При этом пик стоимости пришелся на 2021 год — 76 трлн долларов, а прибыль за использование достигла почти 400 млрд долларов. Для сравнения: объем материальных активов в 1996 году составлял 26,1 % ВВП мира, а в 2021-м — 66,6 %. То есть стоимость нематериальных активов в мире вплотную приблизилась к стоимости материальных активов, а в перспективе и превзойдет их. Отсюда можно сделать вывод, что материальные ресурсы все меньше влияют на развитие экономики мира, а интеллект, наоборот, выходит на первое место.

Переход к новой интеллектуальной экономике подразумевает рост в первую очередь интеллектуальной составляющей страны. В современной экономической науке есть такое понятие, как «интеллектуальный капитал». Он представляет собой потенциальные (которые могут принести результат в будущем) и уже капитализируемые (которые уже материализовались в денежной или другой форме) знания и возможности, выраженные в результатах интеллектуальной деятельности⁶.

Научно-технические достижения в виде новых знаний, разработки, технологий представляют собой основной потенциал инновационной модели общественного развития, выпуска конкурентоспособной продукции, ее продвижения на традиционные и новые рынки сбыта, обеспечения качественного роста национальной экономики.

Использование ведущих научных достижений в производстве товаров и предоставлении услуг является важным условием развития предприятий и их сильной конкурентной позиции. Рост конкурентоспособности продукции в значительной степени зависит от использования соответствующих интеллектуальных

⁵ Нехорошева Л. Н. Указ. соч.

⁶ Коржак А. В. Анализ интеллектуального капитала Республики Беларусь // Вестник Витебского гос. технол. ун-та. 2022. № 1 (42). С. 170–180.

ресурсов. С этих позиций интеллектуальная собственность (ИС) представляется одним из важнейших ресурсов наряду с финансовыми, кадровыми и материальными. Другими словами, она становится одной из составляющих научного потенциала страны.

Наиболее значимым индикатором научно-технического и инновационного развития страны является наукоёмкость ВВП (доля затрат на НИОКР по отношению к ВВП). Исследования показывают, что при значении данного показателя ниже 0,4 % наука может выполнять только социально-культурную функцию, а более существенное влияние НИОКР на социально-экономическое развитие страны наблюдается при наукоёмкости ВВП, превышающей 1 %.

Отметим для сравнения, что в ведущих странах ЕС расходы на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) составляют 2–3 % ВВП, в США — 2,7 %, Китае — 2,19 %, а в таких странах, как Корея и Израиль, достигают 4,5–5 % ВВП. При этом в динамике 2010–2018 годов у большинства стран наблюдается ежегодный прирост этого показателя на 0,1–0,2 % (например, Норвегия, Польша, Германия, Греция), а в некоторых странах (Канада, Австралия, Ирландия) — наоборот, снижение на 0,05–0,12 %. В Республике Беларусь, как и в Испании, Латвии, Франции, этот показатель то снижается, то повышается в пределах 0,01–0,08 %¹. Динамика прироста ВВП и затрат на НИОКР в Республике Беларусь в 2011–2020 годах отражена на рис. 1.

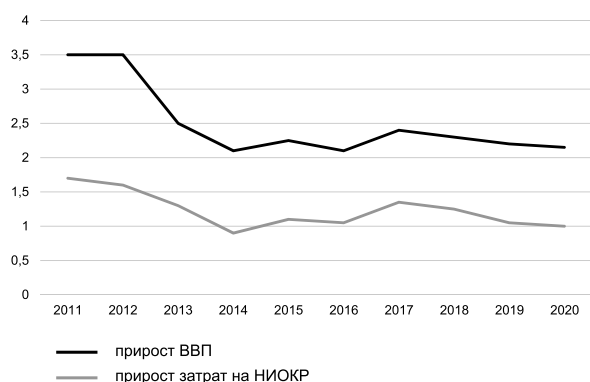

Рис. 1. Динамика прироста ВВП и затрат на НИОКР в Республике Беларусь в 2011–2020 годах

Как видно из рисунка, прослеживается четкая корреляция: чем больше прирост вложений в науку, тем больше прирост ВВП страны. То есть экономические законы нельзя обмануть, хочешь иметь результат — вкладывай ресурсы.

Мировой потенциал ИС, как и мировая торговля его объектами, концентрируется в весьма ограниченном круге развитых стран. Так, на долю ОЭСР приходится более 90 % мировой торговли результатами интеллектуальной деятельности, а на более чем 150 остальных стран — около 10 %, причем более чем сто из них практически не участвуют в международном обмене лицензиями и соответственно не пользуются наиболее ценными творческими достижениями для повышения

¹ Коржак А. В. Указ. соч.

своего благосостояния и решения социально-экономических задач².

В экономически развитых странах инновационная продукция составляет около 33–35 % годового производства организаций за счет иного отношения к юридическому оформлению своих прав и существенно более высокого уровня управления активами предприятий, построенного на принципах тщательного учета, оценки, охраны и внедрения объектов ИС в производство или иную деятельность. Так, например, стоимость основного капитала таких компаний, как Microsoft, IBM, составляет в среднем около 14 % их рыночной стоимости, следовательно, оставшиеся 86 % определяются как стоимость знаний, накопленных компаниями, в том числе стоимость интеллектуальной собственности. Что касается наукоёмких производств, то в их балансе нематериальные активы, ИС формирует 50–70 % всех активов. В исследовательских институтах и конструкторских бюро стоимость объектов ИС в три раза превышает стоимость других активов.

Согласно новому отчету ведущей консалтинговой компании по оценке брендов Brand Finance на начало 2023 года стоимость бренда Amazon составляла 299,3 млрд долларов, Apple находится на второй позиции и стоит 297,5 млрд долларов, третье место в рейтинге занимает Google с оценкой в 281,4 млрд долларов, четвертое — Microsoft с 191,6 млрд долларов. А стоимость бренда Tesla за год выросла на 44 % и достигла 66,2 млрд долларов. По данным Brand Finance, Apple Inc. в 2022 году стала мировым лидером по объему нематериальных активов, их стоимость составляет 2,297 трлн долларов, а стоимость нематериальных активов Microsoft Corp. оценивается в 1,586 трлн долларов³.

Данная информация с уверенностью позволяет сделать вывод, что в названных компаниях стоимость нематериальных активов уже давно на порядок превышает стоимость материальных и основная цена данных компаний — это стоимость разработок, технологий, бизнес-моделей, патентов и ноу-хау, то есть интеллектуальной составляющей.

Одним из индикаторов эффективности использования нематериальных активов является экспорт услуг в области платы за использование прав на объекты интеллектуальной собственности.

Крупнейшим в мире экспортером интеллектуальной собственности являются США, где выручка за использование объектов интеллектуальной собственности в 2021 году, как видно из рис. 2, достигла 124,614 млрд долларов, Швейцария — 30,709 млрд долларов, в то время как Российская Федерация — 1,435 млрд долларов, то есть в 20 раз меньше, чем Швейцария.

² Оморов Р. О., Оморов Н. Р. Интеллектуальная собственность в области науки и техники и перспективы развития инновационной деятельности в Кыргызской Республике в условиях «экономики знаний» // Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики. 2013. № 4. С. 39–46.

³ Пандемия брендиговала не всех // Коммерсантъ. 2022. 26 янв. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5182157?ysclid=lhaddwke1mh119297611> (дата обращения: 30.04.2023).

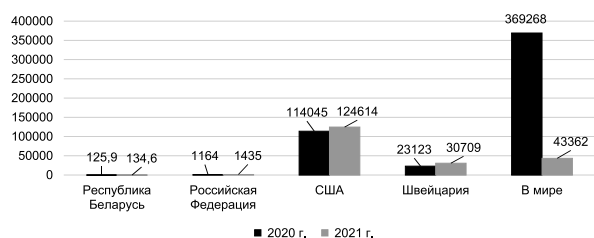

Рис. 2. Показатель выплаты за пользование интеллектуальной собственностью (млн долл.)

Если привести эти данные к размеру экономик, то картина несколько меняется. Как видно из рис. 3, на первое место выходит Швейцария, а Беларусь и Россия, увы, даже не дотягивают до среднемирового показателя.

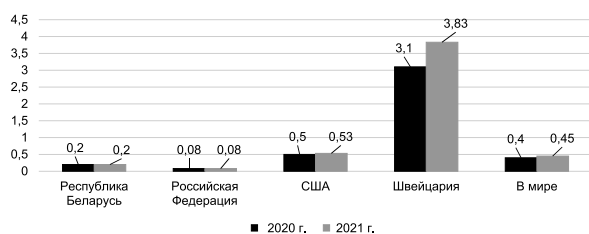

Рис. 3. Процент выплат за пользование интеллектуальной собственностью к ВВП

В Республике Беларусь с 2012 года объем экспорта в области платы за пользование ИС ежегодно, как видно из табл. 1, показывает прирост в среднем на 30 % (по данным Белстата) и в 2021 году превысил 134 млн долларов. У нас есть чем торговать, наши разработки востребованы на международном рынке интеллектуальной собственности, хотя до уровня США нам еще расти и расти.

Таблица 1

Показатели экспорта в сфере услуг за пользование интеллектуальной собственностью в Республике Беларусь за 2017–2021 годы (млн долл.)

2017	2018	2019	2020	2021
32,3	65,7	100,4	125,0	134,6

Как видно из табл. 2, на порядок лучше обстоят дела со сферой компьютерных услуг, в которой изначально не предполагается наличие значительных материальных активов, а весь продукт — фактически результат интеллектуальной деятельности. Здесь экспорт превысил в 2021 году 3 млрд долларов, для сравнения: экспорт продовольствия в этом же году в Республики Беларусь был на уровне 7 млрд долларов.

Таблица 2

Показатели экспорта в сфере компьютерных услуг в Республике Беларусь за 2017–2021 годы (млн долл.)

2017	2018	2019	2020	2021
1 203,1	1 585,6	2 118,8	2 524,6	3 019,9

Учитывая большой экономический эффект от ИС, государство принимает различные меры по сохранению, поддержке и приумножению интеллектуального потенциала, в том числе создавая эффективную инфраструктуру и механизмы.

Республика Беларусь является страной, выбравшей интеллектуальный путь развития как стратегический ориентир в своих нормативно-правовых документах. Так, в Стратегии «Наука и технологии: 2018–2040» определены ключевые черты будущей интеллектуальной экономики, основные направления государственной политики в науке и инновационной деятельности, инструменты стимулирования научно-технологического развития национальной экономики на период до 2040 года, а также ожидаемые результаты от реализации стратегии¹, которые позволят стране выйти на мировой уровень конкурентоспособности по ряду направлений на основе развития информационных технологий, интеллектуализации и цифровой индустриализации².

И здесь роль интеллекта и интеллектуальной собственности особенно велика, новый мир и новая экономика строятся на интеллектуальных разработках и технологиях. И если раньше, как говорил Н. Ротшильд: «Кто владеет информацией, тот владеет миром», и соответственно мы строили информационное общество, то сегодня эта фраза звучала бы так: «Кто владеет технологиями, тот владеет миром». А значит, переход к интеллектуальной экономике — вполне реальная основа построения новой социально-экономической формации.

¹ Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» / НАН Беларуси. URL: https://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

² Годовой отчет Национального центра интеллектуальной собственности за 2022 г. Минск : Нац. центр интеллектуальной собственности, 2023. 75 с.

А. В. Яковенко¹

НОВЫЕ УГРОЗЫ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ. ЗА ГОРИЗОНТОМ БУДУЩЕГО

Для международной обстановки на современном этапе характерна высокая степень поляризации и турбулентности. Она стала следствием попыток США реставрировать однополярный миропорядок через противостояние одновременно России и Китаю. Несмотря на видимое отсутствие у Вашингтона долгосрочной стратегии по ведению такой «войны на два фронта», американское руководство продолжает повышать ставки, прежде всего в части поддержки Украины, которую превратили в среду для антироссийской политики. Состоявшийся в конце марта 2023 года «Саммит за демократию» продемонстрировал нацеленность США на возрождение блокового мышления и идеологической конфронтации. Именно это предопределяет курс Вашингтона на нанесение «стратегического поражения» России через ее внутреннюю дестабилизацию и дезинтеграцию и подготовку к военному столкновению с КНР.

Вопреки этому настрою Вашингтона в геополитической картине мира происходят серьезные изменения: страны коллективного Запада перестают играть роль драйвера глобального экономического роста. Становление полицентричного миропорядка, воплощающее культурно-цивилизационное многообразие мира, болезненно воспринимается Западом, привыкшим считать себя центром человеческой цивилизации, начиная как минимум с колониальной эпохи, и извлекающим пользу из своей гегемонии. Сейчас очевидно, что многие страны глобального Юга не готовы мириться со своим неоколониальным ограблением и хотят действовать на международной арене в своих, а не западных интересах.

Соответственно мы имеем ситуацию, когда Запад во главе с США любой ценой старается удержать свое мировое господство, причем в этом вопросе преобладают не только экономические и политические, но и мировоззренческие факторы. Эта ситуация в сочетании с развивающимся быстрыми темпами технологическим прогрессом создает для человечества новые глобальные угрозы. Они насаиваются и обостряют

уже существующие международные проблемы, которые международное сообщество пока не в состоянии решить на имеющихся многосторонних площадках, включая ООН, где Запад определяет наименьший общий знаменатель. Нетрадиционные или новые угрозы безопасности приобретают системный характер. В привычный обиход входят санкции, эмбарго, беженцы. Они обостряют социально-экономические и политические проблемы, в частности нестабильность в мировой энергетике, нехватку водных и природных ресурсов, мировую продовольственную безопасность и тому подобное, угрожая основам жизнедеятельности государств и народов.

В международных отношениях *повышается роль фактора силы*. Проведение Россией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников. По-прежнему остаются актуальными для Запада планы продвижения к границам Российской Федерации военной инфраструктуры НАТО. Коллективный Запад «балансирует на грани» между гибридными действиями и открытым вооруженным конфликтом с Россией. Заметно возросло возникновение угрозы ядерной войны.

Одной из наиболее опасных угроз современности представляется *неконтролируемая гонка вооружений*. Практически все договоры в сфере контроля над стратегическими вооружениями, связывавшими Россию и США, перестали работать. Сталкиваясь с политикой сдерживания со стороны США, серьезно наращивает ядерный потенциал Китай. Во всех регионах мира происходит модернизация обычных видов вооружений и армий, зачастую — с опорой на искусственный интеллект. Пороговые страны стремятся противостоять США и их союзникам с помощью ядерного оружия. Готовность стран — членов альянса НАТО *отправлять оружие на Украину* выливается в получение взамен от США новых видов оружия, а также производство новых видов вооружений, которые призваны повысить военную угрозу для всех других стран, включая Россию.

Стремление США *расширить до глобальной зону ответственности военного блока НАТО, а также создать новые военные альянсы* в регионах глобального Юга с целью сдерживания Китая и России (AUKUS) дестабилизирует международную ситуацию, способствуя ее хаотизации. Обострение противоречий на глобальном уровне чревато *возникновением новых и обострением старых вооруженных конфликтов*, которые могут привести к крайне тяжелым последствиям: на Ближнем Востоке, в Африке, Северо-Восточной Азии и т. д. В свою очередь, *возрастают риски международного терроризма*.

Одна из главных тенденций мировой политики в последнее время — *явная деградация международных институтов и международного права*. Западные страны перешли здесь к откровенной практике блоки-

¹ Ректор Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук, профессор. С 1976 года работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД России и за рубежом. Замминистра иностранных дел России (2005–2011), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании (2011–2019). Автор ряда книг по международному космическому праву, а также более 200 публикаций по международным отношениям и вопросам внешней политики, науки, образования, культуры, в т. ч.: «2023 год: новая глобальная финансовая архитектура на горизонте?», «Мир вступил в фазу поиска нового баланса развития», «Реалии нового миропорядка», «25 тенденций современных международных отношений и мирового развития» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ, коллегии МИД России. Действительный член Академии наук Республики Татарстан, член Совета РАН по космосу, действительный член Международного института космического права (IISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж). Почетный профессор Эдинбургского университета (Великобритания). Награжден орденами Александра Невского, Почета, Дружбы, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, грамотами Президента РФ и Правительства РФ.

рования компромиссных решений, учитывающих жизненные интересы государств, не относящихся к западной группе. Данный тренд проявляется на самых разных площадках (ОБСЕ, МАГАТЭ, ВТО, спортивные организации и т. д.). Результатом становится понижение управляемости международных отношений и повышение их конфликтности.

Одновременно в мире обостряется противоборство вокруг *процессов ломки устаревшей глобальной экономической модели во главе с США и попыток перехода на новую экономическую модель*, основанную на принципах равноправия мировых центров экономического и политического развития. Деформируется система международных финансово-валютных отношений, которая была сформирована в послевоенный период и обслуживала западную глобализацию в течение последних 40 лет. Санкционное давление на Россию со стороны США, ЕС и других стран Запада вызвало эффект экономического бумеранга и способствовало их самоизоляции от незападных стран, составляющих большинство международного сообщества. Введение расчетов в национальной валюте между Россией и дружественными ей странами, снижение влияния доллара и евро на мировую экономику также способствуют процессу распада износившихся глобальных торгово-экономической и валютно-финансовой систем, ставших тормозом мирового развития.

Возрастают *риски стагнации в мировой экономике*, что может привести к широкому экономическому спаду (прогноз Всемирного банка). Обычные методы коррекции, используемые для решения одной проблемы, будут усугублять другие экономические проблемы. Мировая экономика вступает в эпоху низких инвестиций, медленного роста и слабого сотрудничества, что грозит подорвать ее устойчивость и увеличивает систематические риски.

Наблюдается всплеск *неконтролируемой конкуренции и соперничества государств вокруг структурной перестройки экономики*, прежде всего ее перехода на новую технологическую основу. Разработка новых технологий становится площадкой для борьбы санкций и «экспорта» странового влияния. Новая гонка вооружений может сопровождаться гонкой за ресурсами, что будет усугублять напряженность. Новым явлением в такой холодной войне также станет активное противоборство в цифровой среде: с мерами по обеспечению в этой сфере национального суверенитета, шпионажем и кибератаками. На этом фоне обострились и угрозы, связанные с обеспечением безопасности данных, цифровых систем и коммуникаций.

Невозможность планетарного решения проблемы глобального потепления превращает ее в «множитель угроз», усугубляющий проблемы миграции, бедности или конфликтов. Всемирный банк прогнозирует, что к 2050 году 143 млн человек (или около 2,8 % населения) в странах Африки к югу от Сахары, Южной Азии и Латинской Америки вынуждены будут изменить место своего проживания под воздействием неблагоприятных климатических условий.

Растут угрозы, связанные с преступлениями в информационной среде. При этом наиболее распростра-

ненный вид — киберпреступления — становится тесно взаимосвязанным с политическими вопросами. По данным экспертов, к 2025 году потери мировой экономики от мошенничества в информационной среде составят 11 трлн долларов. В связи с этим кибератаки преступников в отношении некоторых сегментов экономики отдельных стран становятся оружием. В 2023 году общее число кибератак на российские организации увеличится минимум на 50 %. При этом хакеры с целью получения крупных сумм выкупа переходят на атаки на деятельность компаний, провоцируя остановку важнейших технологических процессов и аварии.

В ближайшие годы США и их союзники будут способствовать *дальнейшему расколу мира по ценностному фактору*. Либеральная модель общественного устройства продвигается как своего рода идеологическое мерило, на основании которой коллективный Запад готов к сотрудничеству с той или иной страной. Она же будет служить своего рода идеологическим водоразделом, отделяющим западный мир с примкнувшими сателлитами от мирового большинства.

На фоне кризисных явлений в мире коллективный Запад активизирует политику, направленную на то, чтобы помешать *укреплению субъектности региональных игроков в Азии, Африке и Латинской Америке*. В итоге ситуация в этих регионах все чаще осложняется конфликтами, отличается высокой степенью волатильности, зависимости от внутривнутриполитических изменений и даже таких непредсказуемых факторов, как природные катастрофы или провокационные действия политиков, что способствует нарастанию угроз, вызовов и рисков, затрагивающих интересы России.

Сохраняется присутствие американских вооруженных сил во многих регионах мира, военных баз ряда западных стран. Возобновлено продвижение Соединенными Штатами и НАТО проектов региональных систем обороны под эгидой альянса. Крайне острым для регионов остается и вопрос о ядерном оружии. Обсуждение проблематики нераспространения активизируется не без учета роста военно-силовой составляющей в современных международных отношениях.

В политико-дипломатической сфере на фоне украинского кризиса США активизировали дипломатическую работу по изоляции России в странах мирового большинства, втягиванию региональных акторов в санкционное давление на Россию и Китай. В экономической сфере Запад угрожает странам применением вторичных санкций, что способно негативно повлиять на их торгово-экономические отношения с Россией. Возникли новые вызовы и препятствия, связанные с ростом транспортных издержек, проведением финансовых транзакций.

В обстановке неуклонного нарастания глобальных угроз, порождаемых политикой коллективного Запада, *ключевое значение для российской внешней политики* приобретает то обстоятельство, что страны мирового большинства в целом не настроены на встраивание в американоцентричную схему управления мировой политикой, предпочитая занимать нейтральную позицию по навязываемой им повестке и развивать диалог

с Москвой и Пекином, отталкиваясь от суверенного понимания национальных и региональных интересов и проблем.

В связи с этим нельзя не отметить, что текущая ситуация подразумевает *перспективу появления у России ряда возможностей по упрочению своих позиций на международной арене.*

Во-первых, в условиях, когда США де-факто отказались от конструктивного продолжения работы над глобальными проектами, такими как противодействие изменению климата, укрепление режима контроля над вооружениями (в том числе в космосе и киберпространстве), поддержание продовольственной безопасности, урегулирование локальных конфликтов, Россия получает шанс на этом фоне реализовать свою исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил, тесно работая с глобальным Югом в области решения ключевых для него задач. Причем в действующей Концепции внешней политики Россия впервые определена как «самобытное государство, цивилизация, евразийская и евротихоокеанская держава», что служит важным шагом в деле культурно-цивилизационного самоопределения в порядке исторической преемственности и восстановления связи времен, разрыва с традицией европоцентризма и утверждения подлинно многовекторной внешней политики.

Во-вторых, ситуация вокруг СВО может способствовать долгосрочной консолидации российского общества, позволив форсировать переориентацию политики и экономики страны на Восток, с укреплением ценностного фундамента Российского государства, что позитивно скажется и на его международном позиционировании, включая ускоренное развитие сотрудничества с государствами-партнерами по БРИКС и ШОС.

В случае стабилизации (хотя бы относительной) международной обстановки и подтверждения базовых принципов международных отношений, базирующихся на полицентричности, справедливости, взаимном уважении и неделимости безопасности, развития, будут открыты новые возможности, которые обеспечат устойчивое развитие человечества.

При этом существенные вызовы международной и национальной безопасности России, связанные с гибридной войной коллективного Запада, преодолеть нелегко, это потребует времени и концентрации усилий. Линия Запада на уничтожение российской государственности через эскалацию украинского кризиса подчеркивает существенную деградацию западного внешнеполитического мышления. В условиях, когда США и их союзники переживают, с одной стороны, множественные внутренние кризисы, а с другой — испытывают растущее беспокойство в связи с неизбежностью утраты доминирующих позиций во многих сферах, увеличивается риск принятия коллективным Западом непродуманных, авантюрных решений, способных подвести мир к третьей мировой войне.

В этой ситуации от России требуется высокий уровень выдержки и стратегического видения, что позволит избежать эмоциональной реакции на западные провокации и воспользоваться происходящими процес-

сами для отстаивания национальных интересов стран мирового большинства.

Стратегическая цель России в этих условиях состоит в укреплении ее статуса в качестве политически суверенного и экономически независимого государства. Это предполагает в первую очередь комплексное обеспечение интересов безопасности страны, включая наличие адекватных вооруженных сил, имеющих глобальный диапазон применения и сохраняющих способность нанесения неприемлемого ущерба любому потенциальному противнику. Другим ключевым элементом становится наличие адекватной социально-экономической структуры в стране, основанной на производстве прорывных технологий и преодолении экспортно-ресурсной направленности экономики.

Отвечом на западные санкции становится поворот России и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на Восток — к странам Азии. Главным приоритетом в условиях санкционной войны является развитие российского и связанного с ним евразийского рынка. В складывающихся условиях стоит задача углубления региональной интеграции и создания с ее помощью обновленной архитектуры международных экономических отношений, в связи с чем инициатива России по формированию Большого евразийского партнерства (БЕП), основанного на взаимовыгодном и взаимоуважительном сотрудничестве, что неоднократно подчеркивал Президент России В. В. Путин, приобретает особое значение.

БЕП призвано стать гарантом стабильности и процветания на всем континенте Евразии при учете многообразия моделей развития, культур и традиций всех народов. Идею БЕП поддерживают главы государств и правительств стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и другие организации. В современных международных отношениях ресурсы региональных организаций создают серьезные возможности для развития политического и экономического взаимодействия даже в условиях санкций и торговых ограничений со стороны части мирового сообщества¹. Концепт Большого евразийского партнерства начинает обретать правовые, экономические и социальные формы.

Ядром формирования Большого евразийского партнерства могут стать страны ЕАЭС, внутренний рынок которых охватывает экономическое пространство России, Белоруссии, Армении, Казахстана и Киргизии и объединяет 184 млн человек. По экспертным оценкам, ЕАЭС занимает второе место в мире после ЕС по глубине экономической интеграции. Конечной целью данной стратегии является формирование ЕАЭС как одного из значимых центров развития современного мира.

Особое значение в рамках реализации концепции БЕП приобретает Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), крупнейшая в мире региональная организация, являющаяся важнейшим институ-

¹ См.: Кулинцев Ю. В. Перспективы реализации российской инициативы Большой Евразии в новых условиях // Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США : сб. ст. М., 2022. С. 139–153.

том международного сотрудничества на евразийском пространстве. ШОС объединила огромное географическое пространство и больше половины населения нашей планеты. Залог международно-правовой привлекательности ШОС — ее внеблоковый статус, открытость, ненаправленность против третьих стран или международных организаций, равноправие и уважение суверенитета всех участников, отказ от вмешательства во внутренние дела, недопущение политического противостояния и конфронтационного соперничества¹.

Страны ШОС также высказались за избавление от долларовой зависимости в торговых отношениях и приняли «дорожную карту» по постепенному увеличению доли национальных валют во взаимных расчетах². На фоне антироссийских санкций стала активно меняться структура глобального энергетического рынка. Взаимовыгодное сотрудничество ШОС в сфере энергетики имеет большой потенциал и широкие перспективы, потому что в ШОС есть поставщики и потребители энергии, страны-экспортеры и страны-импортеры энергоносителей. Главными задачами этой организации становятся формирование транспортной

взаимосвязанности между ее членами, а также энергетическая, продовольственная и экологическая безопасность, инновации, цифровая трансформация и зеленая экономика. Гарантией устойчивости ШОС является всеохватывающее стратегическое партнерство двух крупных и влиятельных мировых держав — России и Китая, а также участие в ней Индии, Пакистана и Ирана.

Таким образом, на пространстве Евразии формируется новый мировой центр, готовый проводить независимую внешнюю политику и реализовывать свои экономические интересы. Вместе с тем нельзя не учитывать то обстоятельство, что достижение данной цели будет сталкиваться со значительными трудностями геополитического и геоэкономического характера как на глобальном, так и на региональном уровне. Коллективный Запад в лице США и ЕС крайне негативно воспринимает любые интеграционные проекты на евразийском пространстве без своего участия. Тем не менее интеграционные процессы на евразийском пространстве набирают динамику, поскольку отвечают общей тенденции регионализации, формирования макрорегионов в глобальной экономике³.

¹ Заявление главы Узбекистана в преддверии саммита ШОС в Самарканде // УзИнформ : [информ. портал]. URL: <http://www.uzinform.com/ru/news/20220912/51532.html> (дата обращения: 25.05.2023).

² «Конец диктата доллара». О чем договорились на саммите ШОС // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20220916/shos-1817406175.html> (дата обращения: 25.05.2023).

³ См.: Лукьянович Н. В. Перспективы евразийской экономической интеграции в контексте роста глобальных вызовов и угроз // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 78–96.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- И. И. БУЗОВСКИЙ — заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук
- Н. К. ГАРБОВСКИЙ — директор Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова, академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО, доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Ал. А. ГРОМЫКО — директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
- А. А. ГУСЕЙНОВ — директор Института философии РАН (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- М. С. ГУСМАН — первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС» (Москва), доктор политических наук, профессор, Заслуженный журналист РФ, Заслуженный работник культуры РФ
- Е. Г. ДРАПЕКО — первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ — ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- М. В. ЗАХАРОВА — директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук
- А. С. МАКСИМОВ — председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, кандидат технических наук
- В. К. МАМОНТОВ — председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда» (Москва), генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»
- О. РОКПЛО — профессор Университета Сорбонна (Париж, Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук
- М. САНАИ — старший советник Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран, Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ (2013–2019), кандидат политических наук
- А. Д. ХЛУТКОВ — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ — заместитель Президента РАН, член Президиума РАН, академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- М. В. ШМАКОВ — член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, мы начинаем Пленарное заседание XXI Международных Лихачевских научных чтений. Прошу пройти в президиум Оливье Рокпло, профессора Университета Сорбонна (Франция), доктора исторических наук, доктора политических наук. Господин Рокпло представил на Чтения очень интересный доклад невероятного философского масштаба. Следующий член президиума — Мехди Санаи, давний друг нашего Университе-

та. Мы познакомились с ним в те годы, когда он был нашим коллегой по академической деятельности, а узнали его и как выдающегося дипломата, на протяжении ряда лет проработавшего послом Ирана в Российской Федерации и очень много сделавшего для укрепления наших связей с иранскими университетами. Господин Санаи — автор целого ряда научных работ, которые мы включили в научный оборот нашего Университета. Прошу также занять свое место в президиу-

ме Валерия Александровича Черешнева — Почетного доктора нашего Университета, заместителя Президента Российской академии наук, научного руководителя Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, доктора медицинских наук, профессора. Почетный доктор СПбГУП — персонифицированный символ идеалов нашего Университета; именно так мы представляем студентам этих замечательных людей. Наконец, Михаил Викторович Шмаков — член Государственного Совета РФ, председатель Федерации независимых профсоюзов России. Замечу, что ФНПР — крупнейшая общественная организация нашей страны, объединяет 20 млн членов профсоюзов. Михаил Викторович также вице-президент Международной конфедерации профсоюзов, вице-президент Всеевропейского совета профсоюзов, председатель Совета попечителей и Почетный профессор нашего Университета.

По сложившейся традиции я хотел бы сказать несколько слов от имени Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений, учитывая, что сегодня в этом зале присутствует много новых участников, в том числе студентов. Начало нашему форуму было положено Университетом по предложению академика Дмитрия Сергеевича Лихачева в 1993 году. 19 мая того же года он был избран первым Почетным доктором СПбГУП. А примерно за полгода до этого началась наша совместная работа с Дмитрием Сергеевичем, в ходе которой он внес много предложений, и мы с удовольствием внедрили их в нашу работу. Это была его идея — проводить в Университете Дни науки, и 24 мая 1993 года, в День славянской письменности и культуры, состоялась первая конференция. Напомню, что создателями старославянской азбуки были Кирилл и Мефодий, выдающиеся просветители, святые православной и католической церкви. Мы сочли, что будет правильно именно в этот день заложить фундамент новой традиции проведения Дней науки. А годом ранее состоялось освящение нашего Университета Русской православной церковью. Поэтому с той же даты, 24 мая, мы ведем отсчет новейшей истории нашего вуза уже в качестве университета. Созданное в 1926 году российскими профсоюзами из рабочих кружков Петербурга, это учебное заведение долгие годы называлось Высшей профсоюзной школой культуры.

После этого мы продолжали совместную работу с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Одним из важнейших результатов нашей общей работы стала «Декларация прав культуры», которую я с полным основанием могу назвать документом всемирно-исторического значения. После того как Дмитрий Сергеевич ушел из жизни, мы с Даниилом Александровичем Граниным обратились к Владимиру Владимировичу Путину с просьбой издать указ об увековечении памяти академика Лихачева. Указ был подготовлен и издан за три дня, что свидетельствует о высокой оценке и особом отношении к личности и значению наследия Лихачева со стороны президента России. Поэтому в 2001 году, когда вышел этот указ, Дни науки получили новый статус — Международных Лихачевских научных чтений. С тех пор к организации и проведению Чтений

подключились Российская академия наук, Российская академия образования, более 10 лет назад поддержку Чтениям стало оказывать Министерство иностранных дел Российской Федерации. Общими усилиями мы вывели Лихачевские чтения на сегодняшний уровень. В настоящее время это крупнейший форум ученых-гуманитариев мирового масштаба.

После начала специальной военной операции на Украине возможности для международных научных контактов, к сожалению, снизились. В странах Запада на ученых оказывается невероятное давление, предъявляются требования прекратить любое сотрудничество с Россией. Конечно, на личном уровне наше общение продолжается, но зарубежные коллеги не могут это свободно декларировать, а посещение России стало для них затруднительно. Сегодня в нашей работе участвуют ученые примерно из десяти стран. Многие не смогли приехать из-за проблем с логистикой, среди них — профессор из Вены, общественный деятель Ганс Кёхлер, коллеги из Сербии и еще ряда стран. Однако они представили свои доклады, которые размещены на сайте «Площадь Д. С. Лихачева» среди опубликованных там на данный момент 150 докладов ученых России и зарубежья.

Несмотря ни на что, в нашей работе сегодня участвуют выдающиеся мыслители, которым интересна проблематика диалога культур. Увы, в наше время диалог культур уже нередко заглушается звуками выстрелов. Ведь когда ученым не дают работать, в дело вступают пушки. Но это время пройдет, а как будут развиваться события на последующих этапах, мы попытаемся обсудить на наших дискуссиях и, возможно, сформулировать какие-то прогнозы. Панельная дискуссия будет посвящена перспективам структуры многополярности, которая нас ожидает со всей очевидностью. А сейчас я от имени Оргкомитета поздравляю всех присутствующих, благодарю за участие в Лихачевских научных чтениях и желаю интересной и плодотворной работы.

Наш форум открывает выступление Михаила Викторовича Шмакова.

М. В. ШМАКОВ: — Добрый день, уважаемые коллеги. Поздравляю вас с открытием XXI Лихачевских чтений в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. Чтения посвящены актуальным проблемам — диалогам и конфликтам культур, и то, что сегодня коснулось лично нас, в частности сложности с логистикой, о которых говорил Александр Сергеевич, из-за которых многие приглашенные ученые не смогли приехать для участия в нашей работе, свидетельствует о том, что в настоящее время мы переживаем этап конфликтов. Специальная военная операция, которую проводит Российская Федерация, обнажает суть этого этапа, в отличие от более спокойных периодов, когда проблемы скрываются за различными эвфемизмами. Конфликты стали главной частью всех взаимодействий, на платформе которых стоит каждая страна, каждый человек, каждая научная школа, но благодаря толерантности и уважению собеседника это не всегда так обостряется, как сейчас.

Отношение к этой новой ситуации сформулировано в новой концепции, принятой нашей страной, в которой заявлено, что Россия — это страна-цивилизация, которая не подстраивается ни под какие другие цивилизации, хотя заинтересована в развитии сотрудничества с ними. Именно так Россия будет отстаивать свои цивилизационные ценности. К сожалению, в последнее время поддерживать какие-либо обще-европейские ценности уже не представляется возможным, потому что мы разошлись, с моей точки зрения, в главной позиции — в том, что касается человека, семьи, будущего семьи, страны, человечества. И если будущее рисуется так, как это представлено в сегодняшней философии и практике западной цивилизации, то нам с Западом не по пути. Говорят, что наша цивилизация более консервативна, но я бы выбрал другое слово: она более традиционна. Но это наша цивилизация и наша ценность — то, ради чего, собственно, и создан человек. Не будем спорить о том, кто его создал, как развивалось человечество, и о других философских вопросах. Как бы то ни было, эти ценности направлены прежде всего на развитие рода человеческого, на его духовное развитие. Материальное благополучие важно, но все же мы не ставим его на первое место.

Сегодня в рамках Чтений нам предстоит интересный, сложный, откровенный и острый диалог. Без этого внутреннего и цивилизационного очищения от чуждых нам наслоений, наверное, нам будет сложно двигаться вперед. Помимо прочего, это обнажает и те наросты, которые образовались в истории, политике, экономике нашей страны. Но, поскольку наши чтения — международные, думаю, что нам не стоит концентрироваться только на внутрисоссийских проблемах. Мы о них знаем и понимаем, как их решать. Это не всегда удастся, но главное на этом пути — не опускать руки и продолжать заниматься тем, что мы считаем нужным и значимым. Нам еще предстоит много важных дел внутри страны, но при этом по-прежнему необходимо развитие диалога между всеми культурами, выработка аргументов для защиты ценностей своей цивилизации. Все предыдущие Лихачевские чтения были так или иначе посвящены этим проблемам, и нынешние не станут исключением, хотя они проводятся в новых реалиях международной политики. Еще раз поздравляю всех участников с открытием XXI Лихачевских чтений и желаю интересных творческих дискуссий.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Часто приходится слышать, что наука — неотъемлемая часть культуры, и это действительно так. В феврале мы будем отмечать 300-летие Российской академии наук. 300 лет — это очень солидный возраст. Напомню, что в момент создания нашей академии в Европе уже работали три научные академии — в Англии, Франции и Германии. Российская академия наук стала четвертой, а Американская национальная академия появилась значительно позже — только в 1863 году. Конечно же, Михаил Васи-

льевич Ломоносов был прав, когда написал: «Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градов, полков, крепость успеха в несчастьи, в счастьях — украшение, везде верный и безотлучный спутник». Ломоносов был достойным продолжателем дела Петра Великого, основавшего нашу академию 8 февраля 1724 года здесь, в Петербурге. И сейчас принято решение создать Санкт-Петербургское отделение РАН и вернуть ему то здание на Университетской набережной, которое когда-то было специально построено для академии архитектором Джакомо Кваренги.

Американцы очень гордятся тем, что в прошлом году президентом Национальной академии наук США во второй раз была избрана женщина — действительно выдающийся ученый, геофизик Марша Макнатт. Но Российскую академию наук уже в XVIII веке возглавляла Екатерина Романовна Дашкова, потом членом-корреспондентом академии была Софья Ковалевская, математик, а академиком — Прасковья Уварова, историк и археолог. То есть в России еще в XVIII–XIX веках понимали, что вклад женщин в науку может быть огромным. Неслучайно Николай Иванович Пирогов в своем письме о роли женщины в жизни общества утверждал, что деятельность женщин нельзя ограничивать ведением домашнего хозяйства, так как у них есть мощный потенциал, позволяющий выполнять другие, еще более важные социальные функции. И именно науки должны стать важной стезей для российских женщин.

Престиж академии был очень высоким, и заслуженно. Этому немало способствовала деятельность академиков. Так, Николай Иванович Пирогов во время Крымской войны провел около 10 тыс. операций. У него был такой авторитет, что однажды солдаты принесли ему тело убитого товарища и отдельно его голову, оторванную ядром: «Пришейте, вы все умеете». Понятно, что это было невозможно, но этот эпизод свидетельствует о том, какой огромной была вера в этого чудесного доктора, великого хирурга, члена Академии, четырежды лауреата Демидовской премии. С другой стороны, по этому случаю можно судить об удручающем уровне образованности народа.

В 1897 году в Москве состоялся Международный медицинский конгресс, и туда приехал Рудольф Вирхов — авторитетнейший деятель немецкой медицины, у которого учились знаменитые российские медики И. М. Сеченов, С. П. Боткин, И. П. Павлов, В. В. Пашутин и др. Вирхов ознакомился с состоянием российской медицины и в последний день конгресса, обращаясь к иностранным гостям, сказал: «Учитесь у русских». А Александр II, вззошедший на престол после Николая I, обратился к врачам и педагогам с призывом улучшить в России медицину и образование, доведя их до той степени совершенства, каковой они достигли во Франции и Германии, и пообещал оказывать им всяческое содействие, в том числе финансовое. Боткин и Сеченов, проходившие подготовку в Германии, вернулись в Россию. В 1861 году в своем выступлении в правительстве Боткин отмечал, что русский на-

род необычайно энергичен и активен, а Сеченов, читая студентам Военно-медицинской академии лекцию о профессии врача, призывал их работать с полной отдачей и всегда помнить о том, что они получают образование на деньги, отнятые у русского обездоленного мужика, и поэтому в неоплатном долгу перед ним. Студенты, принадлежавшие большей частью к разночинному сословию, понимали это и были готовы работать во благо России.

Вирхов оказался во многом прав. В 1904 году член-корреспондент Академии наук Иван Петрович Павлов стал первым нобелевским лауреатом в России, а через три года был избран академиком.

А Николай Иванович Пирогов был удостоен звания Почетного гражданина города Москвы. Когда его спросили, почему он, настолько знаменитый и уважаемый, так и остался лейб-медиком, он ответил, что чины для него не важны. Он очень любит Россию, и главное, ради чего он работает, — это честь Родины.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, сейчас перед вами выступит Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел России Мария Владимировна Захарова.

М. В. ЗАХАРОВА: — Тема сегодняшней дискуссии — «Диалоги и конфликты культур» — предполагает разные мнения. Это не означает, что их может быть только два, но так или иначе у нас обозначаются два полюса. С одной стороны, диалог культур со знаком «плюс» — то, что является для всех нас целью и надеждой, что культуры могут вести конструктивный диалог. С другой стороны, конфликты культур, которые, безусловно, имеют знак «минус». Это тоже диалог, но он ведется уже в негативном ключе.

На самом деле, на мой взгляд, проблема заключается в другом. Не в противопоставлении диалога конфликту — в конце концов, и то и другое можно считать естественным развитием событий. Сегодня мы видим столкновение совершенно другого уровня — культуры и антикультуры, или бескультурья, представляющего собой мощную разрушительную силу.

Культуры развивались веками. Человечество уже пережило множество цивилизаций, их становление и упадок, которые принимали совершенно разные формы. При этом одни цивилизации исчезали безвозвратно, на обломках других выросли новые. Эти процессы происходили в гармонии с естественным развитием общества и технологий, ведь в каждую эпоху возникает что-то новаторское. Но в наше время вместо реального развития мы видим банальные, простейшие пиар-кампании.

Вот, например, глобальный феномен — колониализм. Сопутствующие проблемы — работорговля, расизм, на базе которых возникает борьба между цивилизациями и культурами соответствующих эпох. Это глубинная многовековая история со своими трагедиями, взлетами и падениями. К чему сегодня свелось осмысление этого процесса, который, очевидно, имеет тенденцию к возрождению? К кампании под названием

#BLM — три буквы плюс решетка (хештег). Сакральное хождение по кругу, написание постов, объединение в Сети по принципу даже то ли поддержки, то ли неприятия — никто не может понять. Просто четыре символа.

Еще одна тема — роль женщин. Вспоминаем религиозные трактовки, пытаемся обосновать политологические концепции, изучаем движение феминизма, подходим к проблеме со стороны традиций — семьи и материнства, с точки зрения права и т. д. Эта глобальная попытка осмысления на протяжении веков тоже является залогом конфликтов между культурами. Но в итоге все опять свелось к хештегу #MeToo. Банализация до крайности.

И конечно, самый наглядный пример — осмысление жизненных процессов. Этому вопросу посвящена вообще вся история человечества, центральным тезисом которой является логос и все, что с этим связано, философия, наука, теология, социология... К чему пришло концептуальное осмысление мира для сотен миллионов людей? К тому, что авантюристы, которые научились пользоваться современными коммуникационными средствами, рассказывают сотням миллионов, в чем смысл жизни, не представляя никаких оснований в поддержку своих концепций. Я разговаривала об этом с общественными деятелями, учеными, журналистами. Мне понравилось одно высказывание: на пути осмысления философии жизни, ее целей и задач на протяжении тысячелетий всегда находились люди, к мнению которых можно было прислушиваться, — духовные лидеры, вдохновляющие людей. Сегодня взамен предлагаются средства массовой коммуникации, которые неизбежно станут проводником не культуры, а антикультуры. Это не значит, что выбор уже предreshен. Я уверена, что еще возможна гармонизация процессов. Но, по-моему, очень важно смотреть на то, что происходит сегодня, именно под таким углом: культура против антикультуры.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется выдающемуся российскому журналисту, первому заместителю генерального директора ТАСС Михаилу Соломоновичу Гусману, который создал потрясающий цикл из 400 интервью с лидерами разных стран мира.

М. С. ГУСМАН: — Прежде всего хочу поблагодарить Вас, Александр Сергеевич, и Ваших коллег за приглашение принять участие в Международных Лихачевских научных чтениях. Чтения стали особым институтом в нашем Отечестве, уважаемым, интересным, привлекающим с каждым годом все больше внимания. За это вам, Александр Сергеевич, низкий поклон: в настоящее время такие собрания интеллектуалов, занимающихся осмыслением современного мира, крайне важны.

Когда мне сегодня вручили книгу «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка», вышедшую по итогам прошлогодних Чтений, я подумал о том, как точно названо это издание трудов, в котором представлены размышления выдающихся ученых и профессионалов. Действительно, сегодня в мире мы

наблюдаем глобальный конфликт, а лучшие умы человечества пытаются осмыслить контуры нового мирового порядка.

Подобные труды (может быть, уступающие по качеству и глубине научного осмысления) сегодня издаются по всему миру. Проводятся многочисленные встречи, на которых предпринимаются попытки осмыслить направление, в котором движется мир. Этим вопросом озабочены крупнейшие международные институты, прежде всего Организация Объединенных Наций, о реформе которой сейчас говорят все более открыто, включая Генерального секретаря ООН А. Гутерриша.

Возвращаясь к теме интервью с лидерами стран мира, скажу, что из девяти генеральных секретарей ООН я имел честь брать интервью у шести последних, включая нынешнего. Все они, начиная с Х. Переса де Куэльяра (занимал пост Генерального секретаря ООН с 1982 по 1991 г.), говорили о том, что ООН нуждается в реформировании. Но, к сожалению, воз и ныне там. Полагаю, что в рамках нового мирового порядка без реформы Организации Объединенных Наций, современного осмысления этой крупнейшей международной организации и выработки новых подходов не обойтись.

В 1960-х годах было создано Движение неприсоединения — международная организация, объединяющая 120 государств по принципу неучастия в военных блоках. Оно не имеет такой институциональной структуры, как ООН. Тем не менее у его истоков стояли великие политики: Гамаль Абдель Насер, Иосип Броз Тито, Кваме Нкрума, Сиримаво Бандаранайке и др. Движение неприсоединения было чрезвычайно важной политической организацией, которая объединяла страны третьего мира, но потом его актуальность снизилась. Сегодня, в новых условиях, особенно во время пандемии, значимость этого движения вновь возросла. Все больше внимания уделяется его деятельности, инициативам, идеям, предложениям.

Завершается председательство Азербайджана в Движении неприсоединения, которое затем перейдет к Уганде. Я разговаривал с президентом Уганды Мусевени о перспективах этой организации. Он от имени всего Африканского континента сказал, в частности, что Уганда возлагает огромные надежды на возможности Африки в создании более справедливого мирового порядка, и призвал обратить внимание на страны, которые в нем нуждаются.

В августе 2023 года в Южной Африке состоится саммит БРИКС. Сегодня эта организация объединяет такие страны, как Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР. Еще 16 стран хотят вступить в БРИКС в поиске создания новых форматов, применения новых подходов к созданию миропорядка. Сейчас в Москве проходит саммит Евразийского экономического союза, который тоже привлекает внимание всего мира, хотя союз создавался на базе нескольких стран СНГ. То, что сегодня обсуждается в Москве, будет услышано во всем мире. Список значимых международных структур с участием России можно продолжить, в частности можно назвать еще Шанхайскую организацию сотрудничества и т. д.

Мы живем в сложное и тревожное время, когда мир сотрясают тектонические изменения. И мы должны стать не простыми наблюдателями, а внести свой вклад в то, чтобы мир стал более справедливым, открытым, честным, чтобы в нем не происходило трагических событий, а развитие шло в сторону благополучия и счастья. Это то, чего мы хотим.

Такие встречи, как Лихачевские чтения, — пусть небольшой, но очень важный кирпичик в фундамент здания, которое мы должны построить вместе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется замечательной актрисе, сыгравшей в кинофильме «А зори здесь тихие...», блистательному профессору нашего Университета Елене Григорьевне Драпекко.

Е. Г. ДРАПЕКО: — Тема «Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире», которую поднимают нынешние Лихачевские чтения, сегодня важна как никогда. Возникает вопрос, почему до сих пор в Российской Федерации не принят закон о культуре. Мы вносили на обсуждение и снимали четыре версии этого закона. В настоящее время действует старый закон, который был принят в 1992 году и старше российской Конституции.

Закон есть общественный договор, которого в России пока нет. Мы ведем диалог о том, что в Российской Федерации существуют традиционные ценности, и о том, как русская культура соотносится с другими великими культурами мира. В принципе, закон должен отражать эти аспекты. В России приняты важные государственные документы — Основы государственной культурной политики и Стратегия реализации этой политики, но пока не разработан вопрос, что является традиционным для российской культуры. Этот вопрос, скорее, следует задать философам: аксиология — раздел философии, который должен разъяснить, что понимать под этими терминами. Сегодня отмечается попытка разрушения традиционных ценностей, которые мы должны защищать.

Современный мир опутан нефте- и газопроводами, окутан финансовой, долларовой Бреттон-Вудской системой. Все начинает рушиться, а мы наблюдаем, где проходят разломы. И к моему изумлению, эти разломы проходят именно по системе ценностей, скорее даже по их иерархии, так как ценности, наверное, у всех народов одинаковые.

В 2005 году я прочитала замечательную книгу профессора Нижегородского университета Н. А. Бенедиктова «Русские святыни. Очерки русской аксиологии». Автор сделал анализ западноевропейской и российской систем ценностей и пришел к выводу, что русские стали непокорным народом, непонятым европейцам, еще в дохристианскую эпоху. Тогда произошло формирование нашей идентичности.

Бенедиктов проанализировал русские былины и эпос, а также западноевропейские «Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», «Песнь о Нибелунгах». Сравнивая системы ценностей, он показал, что мы другие. Мы не можем представить Илью Муромца, который идет воевать за мешок золота. В русских

былинах отсутствует тема обогащения. А в «Песни о моем Сиде» главный герой перед смертью просит показать ему мешок, за который отдал жизнь. Нибелунги умерли, когда нашли клад. Русский богатырь выходил на битву за обиженных, сирых, вдов и за землю Русскую. В Конституции РФ сегодня записано, что высшей ценностью является человеческая жизнь. В нашей системе ценностей, культурном коде есть понятия, которые дороже человеческой жизни, — это такие святыни, как Родина и честь. Умереть за правду для русского богатыря — честь, а для восточного человека — глупость.

Поэтому изучение самих себя сегодня чрезвычайно важно. Необходимо понять, почему мы такие, что нас разделяет и объединяет с другими культурными нациями. Восемьсот лет назад Александр Невский сделал правильный выбор между Западом и Востоком, выбрав систему ценностей. В частности, он сказал: «Татаро-монголы берут деньги, но при этом оставляют нам право на собственную веру и устройство. А латиняне, которые идут на нашу землю, прежде всего хотят изменить нашу веру». И выбирая между деньгами и верой, великий Александр Невский выбрал веру, то есть сохранение идентичности.

Думаю, что отечественным ученым, философам, культурологам было бы полезно проанализировать систему ценностей в разных культурах, чтобы понять, почему русские притягивает Иран, что нас роднит с Индией больше, чем с Германией, и пр.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Хочу пригласить к микрофону выдающегося российского ученого, Почетного доктора СПбГУП Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова. Почетный доктор — это персонифицированный символ, который мы предлагаем молодежи в качестве образца. О чем судьба этого человека может рассказать молодежи? Абдусалам Абдулкеримович родился в маленьком дагестанском ауле, где не было электричества. Его отец был выдающимся дагестанским мыслителем и просветителем. После окончания философского факультета МГУ А. А. Гусейнов поступил на работу в Российскую академию наук, впоследствии став известнейшим на весь мир ученым, руководителем Института философии РАН. Какой вывод можно сделать из его биографии? Живите, как Абдусалам Абдулкеримович, и сами вершите свою судьбу, даже если на вашем пути встречается много трудностей.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — В этом году Лихачевские чтения носят название «Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире». Рассмотрение этой темы свидетельствует, что мир не просто меняется, а меняется катастрофически. Речь идет не просто о конфликтах, а о противостоянии, не о диалоге, а о борьбе. Чтения фокусируются на том, что представляет собой современная эпоха.

Одно из отражений эпохи в общественном сознании — усилившийся интерес к идеологии, убеждение, что нужна общая идеология и следует изменить Конституцию, по которой запрещено учреждать государственную идеологию, и т. д.

Это большая и сложная тема, но я хотел бы рассмотреть ее в определенном фокусе. Каково отношение философии к идеологии и что общество может ожидать от философии в смысле идеологии? Я не буду останавливаться на общих соображениях, а возьму в качестве основы реальный эксперимент, который осуществила наша страна, и обозначу его смысл. Я имею в виду «философский пароход», который стал категорией нашей культуры. В 1922 году решением Главного политуправления при участии и поддержке политбюро, высших органов и государственных деятелей группу ученых и деятелей культуры выслали за границу.

Этот эксперимент длился 65 лет. В чем состоял его смысл? Высылались представители всех направлений, кроме сторонников марксистско-ленинской философии, которая была возведена в ранг государственной идеологии, единственной закрепленной в Конституции, и т. д. В 1988 году политбюро приняло решение, которое означало отход от монополии марксизма и сняло запрет на этих философов и их произведения. Ходом истории было доказано, что этот эксперимент имел негативный результат, и было решено отказаться от монополии марксистской философии, а позже и вообще от нее.

Когда какую-либо идеологию возводят в ранг единственно правильной, ничего хорошего из этого не получится ни для идеологии, ни для философии, и то и другое окажется разрушенным. Это, пожалуй, главный урок «философского парохода».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется популярной личности в мире науки и высшего образования Санкт-Петербурга, председателю Комитета по науке и высшей школе Правительства города Андрею Станиславовичу Максимову.

А. С. МАКСИМОВ: — Уважаемый Александр Сергеевич, хочу выразить слова благодарности Вам и всему коллективу за то, что уже в 21-й раз мы имеем счастливую возможность наблюдать прекрасную организацию форума, а самое главное — слушать выступления уважаемых мэтров, которые попытаются раскрыть суть серьезных проблем.

Сегодня мы собрались обсуждать конфликты на репутате культур. В основе обсуждения лежат исторические знания. Зная историю не только нашего государства, но и мировую, мы сможем сделать правильные выводы.

В XIX веке Антон Павлович Чехов написал: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения; что же национально, то уже не наука». Считаю, что есть повод поразмышлять над этим высказыванием.

Валерий Александрович задал канву обсуждения: 300-летие Академии наук значимо в целом для России и в частности для Санкт-Петербурга — колыбели науки и профессионального образования. Именно здесь 8 февраля 1724 года указом Петра Великого были учреждены Академия наук, Университет и Академическая гимназия. Сначала Валерий Александрович констатировал факт зарождения Академии наук

в мире, потом в России. Исторический факт — Академия наук и профессиональное образование в России зародились раньше, чем были основаны Соединенные Штаты Америки.

Уважаемый депутат Драпеко поставила серьезные философские вопросы, касающиеся русской культуры. В ней заложены основы, на которых зиждется наша страна.

В заключение я хотел бы привести слова четвертого премьер-министра Израиля Голды Меир: «Если вы хотите построить ту страну, куда будут возвращаться ее сыновья и дочери, если вы хотите построить страну, откуда уезжать будут только в сезон отпусков, если вы хотите построить страну, у которой не будет чувства страха за будущее, то сделайте всего лишь два шага: 1) приравняйте коррупцию к измене Родине, а коррупционеров — к предателям вплоть до седьмого колена; 2) сделайте три профессии самыми высокооплачиваемыми и уважаемыми — это военные, учителя и врачи. <...> И самое главное — работайте, работайте и работайте, потому как никто, кроме вас, не защитит вас, никто не накормит вас, кроме вас самих. И ваша страна нужна только вам и больше никому». В этих словах содержится девиз для продолжения дискуссии.

Прочитую стихотворение Федора Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну замечательного белорусского социолога Игоря Ивановича Бузовского. Именно на таких патриотах держится любая страна: наш гость на протяжении многих лет укрепляет Беларусь на разных должностях.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Для меня большая честь представлять на Лихачевских чтениях научное сообщество Республики Беларусь и присоединиться к обсуждению сложившейся реальности, которая влияет на наши судьбы, потому что смута в понятиях приводит к смуте в народе.

На прошлых Лихачевских чтениях, рассуждая о ценностях, мы говорили в том числе об их роли в общественном развитии, экономике, геополитике. В итоге мы увидели воплощение этих мыслей в конкретных нормативных документах Российской Федерации, в частности в Указе Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Это важный документ, однако последующих шагов, которые были сделаны после его принятия в рамках реализации, я фактически не видел. Создание новых документов стимулирует развитие нормативной базы и общества в целом, в частности Российской Федерации и Республики Беларусь, поскольку мы движемся в единой канве, но главное — законы и указы должны реализовываться. Возможно, причина сложившейся ситуации — не в плохом механизме, а в заблуждениях относительно того, как все это можно реализовывать.

Можно рассуждать о негативных последствиях процессов, которые мы сегодня наблюдаем, но следует констатировать: на протяжении длительного времени мы боролись со смыслами, идеями и концептами, но в конечном счете проиграли. Проиграли не в смыслах и стратегиях, которые избрали. Причина кроется в том, что был выбран не тот инструментарий. Пока мы сражались со смыслами, победил инструментарий, который сегодня превалирует в продвижении идей и смыслов, чуждых нашим.

Глобальность идей не означает, что они плохие. Подобные идеи победили не смыслами, не констатацией, не убеждениями, не философией, не социологией, не гуманитарным и культурологическим пластами, а инструментарием. Мы на протяжении долгого времени игнорируем такие понятия, как «социальные сети», «Интернет», и все то, что проникает не через сознание и душу, а через капельницу, которую мы сами себе поставили, — инструментарий, позволяющий нами управлять.

До тех пор пока мы не поймем, что необходимо консолидированно работать в первую очередь над инструментарием, а также идеями и смыслами, которые следует продвигать, мы не получим результата, к которому стремимся. Находясь на капиллярной подпитке чуждых для нас смыслов, мы не сумеем донести до нашего общества мысли и стратегии, которые сегодня являются важными.

На сегодняшний день одна из ключевых идей должна заключаться в определении структур, которые могут координировать этот процесс. Александр Сергеевич, возможно, сегодня в ходе дискуссии следует определить площадки, где смогут дать оценку принимаемым в сфере политики и экономики решениям, которые определяют развитие общества. Возможно, такой площадкой могут стать Лихачевские чтения, где единомышленники на протяжении уже 21 форума обсуждают злободневные проблемы. Искренне надеюсь, что наш форум будет прирастать не только идеями и мыслями, но и конкретными результатами.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Игорь Иванович, мы обдумаем Ваше предложение. Слово предоставляется выдающемуся французскому философу, профессору Университета Сорбонна Оливье Рокпю.

О. РОКПЮ: — Дорогие друзья, коллеги, я сегодня буду говорить очень коротко. Прежде всего хочу напомнить слова великого Дмитрия Сергеевича о том, что инфраструктура общества — не экономика, а культура. Когда культура в опасности, все общество в опасности. Следовательно, надо ценить культуру: не только свою, но и своих соседей, всех остальных народов. К сожалению, уже несколько десятилетий в Западной Европе формируется новый вид человека, который я называю Homo Euramericanus. Это человек без памяти, без культуры, без истории. Как правило, это представитель политической и экономической элиты Западной Европы. Он очень опасен. В первую очередь для собственного народа. Сейчас Homo Euramericanus начал путь на Восток и уже показался на ваших грани-

цах. Номо Euramericanus везде в Евросоюзе, он продукт нескольких лет американизации, а также разложения культуры. Этот человек забыл, кто он есть. Он не уважает прошлое, следовательно, у него нет будущего. Но самое главное — он также не позволяет другим иметь будущее. То, что он объявился на Украине, не случайно. Этот евроамериканец воюет против всех ценностей вашего общества, нашего общества, европейского общества. Евроамериканец — это человек Евросоюза, противник Европы. Евросоюз — это тень Европы, а не сама она. Следовательно, надо противостоять таким людям, как Номо Euramericanus, не только с помощью оружия, хотя это важно, но также культурно, социально. И я думаю, что у вас в России есть люди, готовые к такому противостоянию. К сожалению, у нас их очень мало, и это объясняет, почему так немногочисленны в Западной Европе те, кто пытается создать мир, который всем нам нужен.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну господина Мехди Санаи, старшего советника Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран.

М. САНАИ: — Я выступал с докладом «Следующий мировой порядок: необходимость культурного мультилатерализма». То, что старый мировой порядок ослабел, уже однозначно и, я думаю, понятно для всех. А вот каким будет новый мировой порядок и возникнет ли он в ближайшее время — это большой вопрос. То, что ослабел механизм, который был основан на либерализме, — это уже факт. За время, прошедшее после пандемии COVID-19, еще значительнее, чем раньше, ослабел процесс глобализации, теперь в разных странах уделяют больше внимания национализму и делают ставку на локальные ресурсы. Это уже стало политической, глобализм больше не приоритет, выстоять в трудные времена — вот что стало приоритетом. То, что международные организации ослабели и не выполняют своих функций, тоже уже понятно. Никто не может отрицать, что Запад теряет гегемонию не только в экономике, но и в военной сфере и частично в технологиях. И важно, что это происходит в парадигме цивилизации. По поводу того, каким будет новый мировой порядок, есть разные мнения. Варианты ответа — новый однополярный мир, восстановленный старый однополярный мир, новый двухполярный мир, мультиполярный мир... Мой ответ на этот вопрос — в скором времени мы не увидим никакого нового миропорядка, в ближайшие годы сохранится нынешняя ситуация. Может быть, к сожалению, она ухудшится и будет много проблем. Чтобы предотвратить их и противостоять им, уже сейчас необходимо выходить из контекста реализма и либерализма и подходить к ситуации в контексте культуры и цивилизационного мультилатерализма. Другого выхода просто нет. Мы или будем наблюдать рост числа конфликтов в мире, или уже должны признать и принять, что без культурного мультилатерализма невозможно управлять миром. Я думаю, что для нас и для народов Евразии в глобальной сфере мультикультурный цивилизационный мультилатерализм должен

стать приоритетом, а в вопросах политики и экономики мы должны больше внимания уделять региональному сотрудничеству и региональным структурам и платформам. Это та тенденция, которая сейчас очевидна: создаются самые разные региональные платформы, особенно на Ближнем Востоке, в Южной Азии. Такие платформы очень важны, и я думаю, что большое значение имеют и международный транспортный коридор «Север–Юг», о создании которого недавно договорились президент России В. В. Путин и президент Ирана Э. Раиси, и ЕвразЭС, БРИКС, Шанхайская организация. Повышение эффективности этих платформ должно стать нашим региональным приоритетом, а мировым может быть культурный и цивилизационный мультилатерализм.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю к диалогу выдающегося российского ученого, директора Высшей школы перевода Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессора Николая Константиновича Гарбовского.

Н. К. ГАРБОВСКИЙ: — Большое спасибо за приглашение принять участие в Лихачевских чтениях. Для меня это большая честь. Я хотел бы сказать, что тема, которую мы сегодня обсуждаем, — межкультурный диалог, межкультурный конфликт — это, в общем-то, красивые метафоры, за которыми стоит некая реальность. А реальность эта — межкультурная и, прежде всего, межъязыковая коммуникация. Это то, что позволяет осуществлять диалог, и то, что иногда приводит нас к межкультурным конфликтам. Я хочу сказать именно о языке как, наверное, о самой большой ценности человека. Что мы видим сегодня? Что язык может быть инструментом подавления, если какой-то части общества запретить на нем говорить, и неким инструментом ассимиляции к другой культуре, когда можно откеститься от собственного языка, потому что он, к примеру, построен на кириллице, и уйти к латинице и в конечном счете заявить, что молдавского языка не существует, а вся Молдавия говорит на румынском. Это факты межкультурных конфликтов, построенных на языке.

Мария Владимировна сегодня озвучила очень интересную мысль: межкультурный диалог, межкультурный конфликт — это лишь одна сторона медали, а вторая — антикультура. Теперь давайте посмотрим, на каком языке построена эта антикультура: на языке глобализации, на языке глобального мира. Каково же будущее языковой картины мира? Нам необходимо задуматься об этом, чтобы понять, как сегодня и, конечно же, завтра осуществлять так называемое языковое обучение наших школьников и студентов. Мы знаем, что сейчас в наших школах, да и в вузах тоже, практически отказались от изучения иностранных языков, за исключением английского. Такая языковая политика ведется на протяжении последних, наверное, 40 лет. Хотя в первые послевоенные годы в Советском Союзе дети в равной степени изучали разные иностранные языки. И сегодня возникает вопрос: в том обществе, о котором мы сейчас размышляем, относительно кото-

рого пытаемся строить какие-то прогнозы, как будут выстроены взаимоотношения между языками и культурами? Сохранит ли английский свой статус языка глобального мира? Мы же прекрасно знаем из истории, что в XVIII–XIX веках было господство французского языка, которое затем сошло на нет. Мы знаем, что в научном мире всюду, и в Европе прежде всего, господствовал латинский язык, который тоже в определенный период утратил свою значимость. И можно предвидеть, что, наверное, и та лингва франка, функцию которой сейчас выполняет английский язык, тоже может претерпеть существенные изменения в связи с тем, что именно сегодня мы сталкиваемся с явлением так называемой антикультуры, — а это очень важное, мне кажется, противостояние. И можно ли мыслить на этом языке, если мы считаем его языком антикультуры? Это вопросы о культуре и прежде всего, конечно, об образовании.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется председателю совета директоров газеты «Комсомольская правда», известному журналисту Владимиру Константиновичу Мамонтову.

В. К. МАМОНТОВ: — Прежде всего я хотел бы поблагодарить за приглашение принять участие в столь интересно развивающейся дискуссии. Мир меняется очень быстро и тревожно, и нам нужны такие дискуссии, чтобы понять, как жить дальше, что все происходящее значит для России и какие практические шаги нам предпринимать, понимая, что мы прожили значительную часть жизни в поиске диалога. Хочу вам напомнить, что еще совсем недавно мы не просто пытались наладить диалог как возможность поговорить с кем-то там в Европе и т. д. Мы предлагали: давайте построим от Лиссабона до Владивостока некое единое экономическое и, можно сказать, цивилизационное пространство. Разве мы этого не предлагали? Разве мы не желали этого всем сердцем, помимо того, что мы хотели продавать, как говорил один мой коллега, «нефтюшечку» и газ? Конечно, мы думали в известном смысле подхватить у стареющей Европы некие идейные и культурные знамена. А почему нет? Константин Богомолов, очень интересный и своеобразный человек, на спектаклях которого не всегда сохраняешь душевное спокойствие, сейчас пишет статьи — обратите на них внимание, они как раз об этом: да, мы, может быть, больше европейцы по своим предложениям и взглядам в будущее, чем они сами, обитатели старушки Европы. Может быть, мы ее подхватим, как бык когда-то ее же молоденькую, да и вытащим на свежие цивилизационные ветра? Нет, не хочет Европа вступать в диалог.

Я за свою жизнь принял участие во множестве диалогов разных культур, хорошо говорили, друг другу что-то рассказывали. А потом пришла пора жесткого спроса друг с друга, и вот во что все это превратилось. Ну о каком диалоге сейчас идет речь? Мария Владимировна сказала — между культурой и антикультурой. Абсолютно правильно: между лицемерием и честностью. Когда разговор пошел по гамбургскому счету, вы-

яснилось, что никакого диалога нет. А ведь началось-то это на самом деле не вчера. Мюнхенская речь В. В. Путина чему была посвящена? «Давайте по-честному поговорим о политике по правде. Зачем вы тащите к нашим границам новые ракеты?» — «Там Иран, гигантская опасность от него исходит. Поэтому мы подтащим свои ракеты ближе к вашим границам». Наш президент сказал по этому поводу в том же Мюнхене: «Ребята, где тут логика? Мы не можем на это не реагировать. Поймите, мы будем по правде жить, реалистически оценивая угрозы, а не ваши разговоры».

Вспомним знаменитые Минские соглашения. Как радовались белорусские коллеги и мы вместе с ними, что Минск выполнил какую-то свою миротворческую миссию. Александр Григорьевич Лукашенко принял в этом участие, гордился, неоднократно выступал по этому поводу. И что же Минские соглашения? Те же люди, которые поставили под ними свои подписи, по прошествии времени говорят нам совершенно спокойно, глядя в глаза: «Вообще-то мы их специально подписали для того, чтобы дать возможность Украине собраться с силами». Да не Украине, я бы сказал, а тем силам на Украине, которые там сейчас заправляют.

Если мы будем разговаривать, то серьезно, честно. Пока, честно говоря, я не совсем понимаю, какая у нас многополярность возникнет. Сейчас рвут свой кусок «атлантисты» — назовем их так, а мы хотим выжать из них эту многополярность. Я читаю такие прекраснотушные тексты об очагах сопротивления: и эти так жить не хотят, и те — все, горит уже красный. В общем, я за очаги сопротивления.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю выступить члена-корреспондента РАН, профессора Алексея Анатольевича Громыко.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Я благодарю за то, что в очередной раз пригласили меня на Лихачевские чтения, и очень рад вновь оказаться в такой великолепной компании. Я хотел бы пунктирно наметить то, о чем более подробно буду говорить на следующей сессии, и задаться вопросами: в каком мире мы живем и каким этот мир будет в последующие годы? Каким вообще будет мир XXI века? Кто-то из присутствующих, в зависимости от возраста, будет жить в этом мире еще 10–20 лет, а кто-то, возможно, застанет этот век целиком. И мне кажется, что сейчас мы живем в моменте, когда новое можно уже предвидеть, предсказать, спрогнозировать. Многого мы еще не знаем, но какие-то тенденции, тренды уже прорисовываются. Причем прояснились они не в 2022 или 2023 году. Мир уже около 30 лет — сначала подспудно, а затем все более очевидно — шел к тем событиям, которые мы наблюдаем в последние несколько лет. Безусловно, мир становится все более полицентричным, но сказать это — значит сказать очень мало, потому что сразу возникают вопросы: что за полицентризм, какова его модель и внутренняя структура, где в ней будет наша страна? Ясно, что полицентризм — это рамки, в которых сейчас идет борьба за право диктовать правила и стандарты в политике, экономи-

ке, социальной сфере, системе ценностей. Ясно, что происходит деглобализация. Это не значит, что глобальный мир развалится, об этом речи нет, но новая биполярность — имеются в виду Китай и Соединенные Штаты — обсуждается уже в течение нескольких лет. Многие категории берутся из истории холодной войны, их пытаются примерить на наше время, среди них и новая биполярность. Это действительно важная тема. Но я бы с осторожностью об этом говорил. Может быть, эту новую биполярность правильно было бы назвать квазибиполярностью или мягкой биполярностью, потому что, несмотря на сохраняющуюся мощную позицию США и продолжающееся наращивание мощи Китаем, мир вряд ли вновь будет расколот на два лагеря. Да и стратегическая расстыковка между США и Китаем, о которой так много говорили при Трампе (а при Байдене эта политика в чем-то стала даже более яростной), если и происходит, то точечно. В отличие от США и СССР, США и Китай настолько взаимосвязаны и взаимозависимы, что эта новая биполярность в перспективе будет совсем не похожа на то, что была в прошлом. О европоцентризме, в общем-то, стали забывать не в XXI веке, а еще после 1945 года, когда Западная Европа ушла в тень двух гигантов-сверхдержав — СССР и США. Евросоюз несколько раз — и в 1990-е, и в начале XXI века — пытался заявить о себе как о возможном новом мировом центре силы. Вспомните, например, 2003 год, когда США и ряд других стран вторглись в Ирак. В чем-то он преуспел, потому что единый рынок ЕС на сегодняшний день входит в тройку самых крупных экономических субъектов на планете, но внутри Евросоюза уже очень много противоречий и становится только больше. Политическая субъектность ЕС сейчас ниже, чем даже в начале XXI века. Западноцентричный мир с ядром в США пытается ухватиться или зацепиться за те конкурентные преимущества, которых у него все меньше, но они пока еще есть. Тем не менее, я не вижу, как XXI век может дать западноцентризму шанс на возрождение.

Однако при том, что сейчас идет очень большая перестройка или пересборка и предпринимаются попытки создания различного рода политической геометрии, определяющей, кто с кем в следующие 20–30 лет будет бороться за лидерство, в любом мире — будь то XXI, XX или XV век, да хоть даже во времена Древней Греции или Римской империи — существуют тирания истории и тирания географии. Те государства, которые уже существовали в XX и XXI веках, на протяжении всего XXI века будут находиться там, где они есть, если не распадутся. Соответственно, им нужно будет озаботиться тем, как соблюсти самое главное правило своей национальной безопасности: сделать так, чтобы это государство выжило, не было захвачено и не погрузилось в хаос. Для того чтобы такая цель была достигнута, эти страны и центры силы должны будут не только жестко соперничать друг с другом, но и находить какой-то *modus vivendi*.

Главный документ международного права — Устав ООН — начинается со слов: «Мы, народы объединенных наций, преемственные решимости избавить гра-

душие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе...» Я надеюсь, что в XXI веке здравый смысл восторжествует и третий раз в истории Европа не станет источником мировой войны.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я хотел бы предоставить слово доктору экономических наук Андрею Драгомирову Хлуткову.

А. Д. ХЛУТКОВ: — Лихачевские чтения всегда были важным событием в культурной и научной жизни Санкт-Петербурга и всей России, и чем сложнее оказывались вызовы, стоящие перед нашей страной, тем актуальнее становилась повестка нашего мероприятия, ставшего традиционным благодаря Санкт-Петербургскому Гуманитарному университету профсоюзов и его ректору, уважаемому Александру Сергеевичу Запесоцкому.

2023 год показал нам, что характер дискуссии о многополярности меняет свой характер. Доказывать сегодня, что мир многополярен, столь же бессмысленно, как утверждать, что Земля — это геоид. Представление об однополярном мире в 2023 году так же абсурдно, как представление о плоской Земле, покоящейся на трех слонах и гигантской черепахе.

Проблема не в доказательстве того, что мир многополярен, а в понимании того, что делать России в многополярном мире и каково в нем наше позиционирование. За пределами узкого круга профессионалов не удостоилось должного внимания уникальное событие — появление новой Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой впервые был констатирован тот факт, что мы не только государство, но еще и цивилизация. Михаил Викторович Шмаков в своем выступлении кратко коснулся этого вопроса, который мне кажется принципиальным в сегодняшней дискуссии.

Так вот, четвертый пункт этого документа гласит: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации».

Еще автор концепции этнокультурного раздела цивилизаций С. Хантингтон признавал существование славяно-православной цивилизации и России как ее центрального звена. Однако теоретическая конструкция блистательного американского ученого — это еще не государственная установка, а вот то, что было принято 31 марта этого года, это, конечно, уже конкретный документ. Этот новый подход стоит оценить и прокомментировать.

Вот три его главных программных тезиса. Первое: цивилизационный подход к России оправдан, правомерен, необходим и основан на том, что Россия не национальное государство, а именно цивилизация. Если кри-

терии исключительности для национального государства плохо применимы, то для цивилизации они естественны. Цивилизация отличается от страны своей сложностью и самодостаточностью. Национальное государство может примыкать к другому государству или блоку государств, это, в общем-то, естественно. Любая цивилизация, как правило, самодостаточна в экономическом, политическом и идеологическом плане.

Второе. Были ли мы цивилизацией в СССР? В Российской империи? Являемся ли мы цивилизацией сейчас? На все эти вопросы мы отвечаем утвердительно. Мы являемся цивилизацией потому, что церковь под Смоленском, дацан в Калмыкии, синагога, татарская мечеть и Александро-Невская лавра в Санкт-Петербурге — это изначально *наше* — *свое*, не внесенное.

И третье. Американский специалист по Китаю Люциан Пай писал: «Китай — это цивилизация, которая должна была долгое время изображать из себя национальное государство, чтобы адаптироваться к европейским нормам из-за своей политической и экономической слабости в конце XIX века». В 1991 году мы в этом смысле тоже пошли китайским путем, но благодаря агрессивности Запада теперь маски сброшены и сегодня все знают всё. Мы знаем, что мир многополюсен, а Россия — цивилизация. Запад знает, что нам известно, что он наш реальный противник.

Почему так произошло? Да потому, что наша цивилизация, как и китайская, и латиноамериканская, обладая уникальностью, не претендует при этом на исключительность. В этом ее принципиальное отличие от евроатлантической. И в этом же залог нашей победы и причина неизбежных проблем у наших оппонентов.

В завершение своего выступления я бы хотел особо подчеркнуть, что культура, наука и образование — это важнейший канал, оставляющий возможность для диалога практически в любой ситуации, в каком угодно конфликте. Это надо знать и обязательно использовать.

Желаю участникам Лихачевских чтений новых успехов, интересных дискуссий и конструктивных диалогов!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Андрей Драгомирович. Я только замечу с сожалением: употребляя термин «цивилизация», российская дискуссия встала на ненаучный путь, что, увы, в ближайшее время станет очевидно, поскольку в культурологии эта тема очень хорошо проработана. Термин «цивилизация», на его беду, пришел к нам через четыре западноевропейских языка из более древних языков и несет в себе совершенно разные смыслы, иногда диаметрально противоположные. Но, конечно, сама по себе дискуссия наверняка будет очень интересной.

Панельная дискуссия КАКУЮ МНОГОПОЛЯРНСТЬ МЫ ПРЕДВИДИМ

25 мая 2023 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции (<i>модератор</i>)
Д. О. БАБИЧ	журналист, обозреватель агентства «РИА Новости» (Москва), член Союза журналистов России
И. И. БУЗОВСКИЙ	заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
А. И. ДЕНИСОВ	первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам (Москва), первый заместитель министра иностранных дел РФ (2006–2013), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР (2013–2022)
М. В. ЗАХАРОВА	директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук
Г. МЕТТАН	президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ» (Женева), исполнительный директор Швейцарского клуба прессы
Г. В. НАУМОВА	писатель, культуролог, президент ассоциации Miracles (Париж, Франция), кандидат филологических наук
О. РОКПЛО	профессор Университета Сорбонна (Париж, Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук
М. САНАИ	старший советник Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран, Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ (2013–2019), кандидат политических наук
М. В. ШМАКОВ	член Государственного Совета РФ (Москва), председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, приближается традиционная часть программы Лихачевских научных чтений — уже много лет мы проводим здесь панельные дискуссии. Сейчас, я уверен, состоится очень интересная беседа людей, которые согласились подискутировать на тему, обозначенную достаточно конкретно: «Какую многополярность мы предвидим». Наше мероприятие транслируют в сети Интернет информационный портал Российской академии наук и медиагруппа «Россия сегодня», так что мы с вами в большом эфире, наша аудитория — от 8 до 15 тыс. человек.

Я хочу представить наших коллег, которые выступят сегодня на этой сцене. Дмитрий Олегович Бабич, журналист, обозреватель агентства «РИА Новости», член союза журналистов России. Дмитрий Олегович находится на самом острие информационных потоков, которые бушуют вокруг России. Чтобы вы понимали широ-

ту информационного поля, на котором происходит анализ публикаций в различных СМИ: Дмитрий Олегович свободно говорит на пяти языках и знает, что пишут средства массовой информации арабского мира, Латинской Америки, Китая — это все предмет его интереса. Дмитрий Олегович периодически выступает перед студентами нашего Университета, всякий раз демонстрируя высочайший уровень информированности.

Мехди Санаи, старший советник Министерства иностранных дел Ирана. Эта страна — особая древняя цивилизация, которая занимает огромное место в мировой культуре и истории и, конечно, имеет свое видение того, как себя нужно вести в этой жизни, и знает, что получается, если ведешь себя правильно или неправильно.

Игорь Иванович Бузовский, заместитель министра информации Республики Беларусь, один из ярких государственных деятелей дружественной нам страны.

Андрей Иванович Денисов, выдающийся китаевед, дипломат и друг Гуманитарного университета профсоюзов, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам. С 2006 по 2013 год Андрей Иванович был первым заместителем министра иностранных дел Российской Федерации, а с 2013 по 2022-й — Чрезвычайным и Полномочным послом Российской Федерации в КНР. Андрей Иванович обладает совершенно уникальными знаниями о мировой политике.

Мария Владимировна Захарова, директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел России.

Михаил Викторович Шмаков, председатель Федерации независимых профсоюзов России, занимающий также высокие посты в двух крупнейших международных профсоюзных объединениях, член Государственного Совета нашей страны.

Алексей Анатольевич Громыко, член-корреспондент Российской академии наук, директор Института Европы РАН.

Выдающийся французский философ и культуролог Оливье Рокпло.

Ну и, наконец, Ги Меттан — швейцарский политический деятель, культуролог, занимающий очень серьезные позиции в мире журналистики в Швейцарии и в совете, который курирует торговые отношения между Россией и Швейцарией.

Задача участников сегодняшней дискуссии — высказаться о том, что будет. Что было и что есть, мы теперь, после первой части наших Чтений, уже знаем, а вот что будет дальше? Все говорят о многополярности. В современном мировом пространстве первым этот вопрос поднял В. В. Путин в 2007 году на Мюнхенской конференции по безопасности. В своем выступлении он тогда сказал, что однополярный мир не сможет существовать долго, ему на смену придет многополярный мир. Запад не поверил, слова нашего президента восприняли скептически, хотя речь его заметили. Теперь ее вспоминают, потому что сейчас все разговоры о многополярности превратились в дискуссии о том, что реально происходит и куда все это может привести.

Пожалуй, только Запад не согласен сегодня с тем, что мир движется в сторону многополярности. Всем остальным понятно, что это именно так. Есть несколько моделей дальнейшего развития событий, которые лежат на поверхности. Одна из них — Запад победит, снова всех построит, будет интриговать. Мы знаем, что за всеми реальными столкновениями или конфликтами, которые сегодня организует Запад, стоит, в первую очередь, сильнейшая в западном мире британская разведка. Так вот, Британия, опираясь на экономическую мощь Соединенных Штатов, всех поставит на место, вместе они выдернут из БРИКС Бразилию, уберут оттуда Индию, БРИКС развалится, и снова все вернется на круги своя. А Россию они тем или иным образом уничтожат. Вот это американская модель дальнейшего развития событий.

Есть другой вариант, о котором говорят политологи. Будет создано много региональных центров силы:

Китай, вокруг которого станут группироваться другие страны; Запад, который и так уже объединяет более 40 государств; Россия с определенной группой ориентирующихся на нее стран. Сейчас, правда, они не слишком на нас ориентируются, но это переходный период, за которым последует все-таки резкое усиление влияния России. Одним словом, крупными центрами силы станут Запад, Китай и Россия, возможно, кто-то еще, тут много разных прогнозов.

Мне доводилось слышать еще одну версию — ее лет 12–15 назад озвучил у нас на Лихачевских чтениях профессор И. Н. Панарин. Запад вообще не станет никаким центром силы, потому что Соединенные Штаты развалятся и на их месте появится около семи других стран. Пресловутый американский плавильный котел, в котором все нации превращаются в единое целое и отливаются в однородную форму, прекратит работать. С территории Соединенных Штатов исчезнет единый язык. Все, что их удерживало вместе, потеряет значение, и в итоге с Соединенными Штатами произойдет нечто похожее на распад Советского Союза. Версия профессора Панарина в свое время казалась весьма экстравагантной. Но ведь и перед распадом Советского Союза никому и в голову не приходило, что такое может быть.

Я беседовал со своими друзьями — ректорами в Соединенных Штатах, и один из них сказал мне: «Алекс, ты знаешь, мы уже ввели преподавание на китайском языке». И это не в Сан-Франциско, где огромная китайская диаспора, а в штате Флорида, чрезвычайно далеко от Китая, где очень долго преподавали на английском языке, на испанском, и вдруг стали преподавать на китайском. К чему в принципе могут привести подобные вещи, как не к развалу страны? Появляются разные национальные общности. Вместо объединения нации происходит размежевание. И происходящее с языком — один из первых признаков этого.

Впрочем, я вполне допускаю, что люди, собравшиеся сейчас на сцене, могут обрисовать нам совсем другие перспективы. Поэтому давайте я спрошу: могут ли наши гости, уважаемые коллеги, назвать еще какие-то обсуждаемые модели, кроме тех, что я перечислил? Первый вопрос к господину Ги Меттану: появится ли многополярный мир, и если да, то из каких полюсов он будет состоять?

Г. МЕТТАН: — Я уверен, что мир в любом случае будет многополярным. В нем может быть по меньшей мере пять или шесть полюсов: Соединенные Штаты как ослабевающая однополярная сила, Китай, Россия, Индия, Африка и как минимум Бразилия с Латинской Америкой.

Я считаю, что многополярность — это не только вопрос ВВП, географического положения или военной мощи. Все это, конечно, очень важно, но главное — желание и воля создать отдельный полюс многополярного мира. Без воли, без стремления полюс не сформируется.

Чтобы построить многополярный мир, необходимы независимые суверенные полюсы, обладающие способностью представлять потенциальную цивили-

зацию и культуру. Я не считаю Европу одним из полюсов, потому что она отказалась от своего суверенитета и стала вассалом Соединенных Штатов. В то же время мусульманские страны, бесспорно, имеют огромный потенциал для создания сильного полюса, потому что у них есть суверенитет, но главное — желание и воля сохранять свою суверенность и способность предложить миру свой вклад в культурное и цивилизационное наследие. При этом мусульманский мир сам по себе многополярен. Есть Иран, который может претендовать на роль полюса многополярного мира, но также есть Турция, Саудовская Аравия, Пакистан, Индонезия... Это отдельный многополярный мир внутри глобального многополярного мира.

За последний год Россия разрушила однополярность с доминированием Соединенных Штатов и сейчас идет по пути создания многополярности. Эта способность — проявленная воля — помогла другим потенциальным полюсам многополярного мира набраться смелости и заявить о себе на мировой арене, и это стало большим шагом, результаты которого мы видим год спустя.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Пожалуйста, господин Оливье Рокplo, Ваше мнение.

О. РОКПЛО: — Я думаю, то, что происходит в настоящее время в Европе, особенно важно. Ситуация там день ото дня все сложнее. Мне кажется, что США с Англией пытаются просто поглотить Евросоюз, чтобы создать западную сверхдержаву. Кроме этой возможности, которую я называю Еврамерикой, я вижу перспективу для России, которая надолго станет великой державой, создав очень интересные и долгосрочные отношения с Ираном, Индией, Китаем и т. д. Китай, конечно, уже сейчас гигант. Сам по себе он может влиять на весь мир. Затем надо очень внимательно смотреть на то, что происходит в Турции. Она, конечно, тоже может стать великой державой. Одним из полюсов может стать и Иран. И Латинская Америка пока еще не проявила себя в полную силу в международных отношениях. Относительно Африки пока не могу сказать, что с ней будет. Еще есть великая страна Япония. Станет ли она частью великой Еврамерики или независимой державой? Об этом тоже пока рано судить.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Алексей Анатольевич Громыко, прошу Вас.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Я думаю, что рассуждать о центрах силы в XXI веке надо имея в виду, что эти центры, которые претендуют на роль лидеров, должны быть масштабными, с большими ресурсами, профессиональной дипломатией, спецслужбами, военной мощью и, конечно, сильной экономикой. Поэтому вначале я бы выделил те центры силы, которые могут быть сами по себе, потому что возникнут и центры силы, играющие на маневрировании. Я думаю, что в ближайшие годы и на несколько десятилетий вперед в первую пятерку войдут Китай, Россия, Соединенные Штаты и Индия. Уверен, что лег через пять-семь мы будем

говорить об Индии так же часто, как сейчас о Китае. И я думаю, что появятся новые центры силы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Там есть потенциально сильные точки роста: Индонезия, Вьетнам. У Африки, несомненно, большое будущее. Мы видим, что сейчас в Африке происходит почти то же самое, что происходило в последней трети XIX века: борьба за умы и кошельки людей.

Но есть и центры силы, скажем так, второго ряда. Они еще могут выйти вперед либо остаться в тени ведущих центров силы XXI века. В континентальной Западной Европе есть страны с великой историей, которым генетическая память не даст забыть, что в свое время они были могучими империями. В Штатах же не смогут вернуться на позиции философии западноцентризма, основанного на признании европейских союзников равными Америке. Несмотря на все, что происходит, я по-прежнему считаю, что подспудно продолжается стратегическая расстыковка между США и их союзниками в Европе. Штаты пытаются переложить на Европу все большее бремя тех или иных функций. И для США — это прописано во всех доктринальных документах этой страны — системным противником на десятилетие вперед является не какая-либо из западноевропейских стран, а государство в Восточной Азии — Китай. И США сейчас системно проводят такую политику, чтобы воспроизвести по отношению к Китаю трафареты холодной войны, которые, как они считают, привели к их победе над СССР. Впрочем, по моему мнению, очень мало шансов на то, что это у них получится во второй раз. Так что повторю: будущие центры силы — это Россия, Китай, США, Индия и потенциально — Европа, Турция, Мексика, Бразилия и Индонезия. И если вы посмотрите, какие места занимают страны, которые я перечислил, в мировой таблице о рангах, то по таким показателям, как доля в мировом ВВП по текущему курсу, доля ВВП по паритету покупательной способности, доля ВВП на душу населения по текущему курсу и так далее, все они будут в числе первых 10–15. А если сравнить текущее положение дел и то, что было 20 лет назад, то страны, которые не относятся к традиционному Западу и традиционному Незападу, идут вверх чем дальше, тем быстрее. У тех же, кто привык в XX веке считать себя впереди всех, — либо стагнирующее развитие, либо рецессия. И это мы с вами будем наблюдать в текущем году. Буквально сегодня я прочитал, что данные первого квартала 2023 года по Германии показали снижение промышленного производства в стране, то есть по всем законам экономической метрики эта страна технически уже находится в рецессии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я бы сделал одну ремарку на полях выступления господина Громыко. Я не являюсь экономистом, но по мере того, как я наблюдаю за ситуацией с подсчетом экономической мощи стран, их валового продукта и тому подобного, у меня складывается впечатление, что весь мир стал жертвой грандиозной мистификации, в ходе которой не очень богатые страны выдают себя за очень богатые, не очень преуспевающие — за очень преуспевающие. Мне до-

велось несколько лет работать над книгами в соавторстве с академиком О. Т. Богомоловым, одним из самых крупных и ярких специалистов по мировой экономике, и он мне как-то рассказал, что президент Франции Н. Саркози пригласил двух нобелевских лауреатов, чтобы те помогли ему разобраться, как надо считать ВВП. Его совершенно не устраивала методика, по которой считали валовый продукт Франции. И я с тех пор прочитал очень много статей, в которых утверждается некорректность этой методики. Есть, правда, и другие мнения. Например, академик А. Д. Некипелов, наш Почетный доктор, утверждает, что все в порядке, у нас очень хорошие методики.

Но давайте попробуем разобраться в том, как считается валовый продукт. Скажем, где-нибудь в Астрахани выращен арбуз, который потом через вереницу перекупщиков попадает в Петербург и продается на рынке или в магазине. Какая часть стоимости этого арбуза относится к ВВП? Первая исходная себестоимость? Через какое количество накруток мы ее считаем — через три? через пять? А давайте посмотрим, что происходит с сексуальными услугами в Таиланде. Если их учесть при подсчете ВВП, Таиланд может резко вырасти в мировую державу с мощнейшей экономикой. А услуги, которые оказывают друг другу индустриально развитые страны Запада? Они же составляют огромную часть экономики. Более того, похоже, что эти страны ничем другим не занимаются, кроме того, что крадут у другой части мира деньги, на которые после оказывают себе услуги. Это же по сути воровская экономика! Мы все видели таблицы по госдолгу, в которых одни страны Запада. То есть по своему валовому продукту они впереди планеты всей, но одновременно они же лидеры и по государственному долгу. Номер один — это Соединенные Штаты, и дальше еще 25–30 стран. Такое впечатление, что это действительно огромная глобальная афера. Запад уверяет нас, что у него есть какая-то монополия на эффективное производство. А мы уже давно видим, что в Китае производство намного эффективнее. Запад утверждает, что у России 1,8 % мировой экономики, но при этом там что-то очень похожее на крах, а у нас в целом ситуация достаточно стабильная. Я сомневаюсь, что у нас 1,8 % мировой экономики. Я все же думаю, несколько побольше.

Словом, страны ранжировать можно, но у меня все больше сомнений. Когда помотришь на карту — понятно, кто крупнее, а вот когда речь идет об экономике, стабильности, устойчивости, здесь ситуация совсем другая.

Михаил Викторович Шмаков, прошу Вас.

М. В. ШМАКОВ: — Для начала я откликнусь на Вашу ремарку, Александр Сергеевич. Хочу сказать, что для разных методов и целей анализа нужно брать разные факторы. Во-первых, с моей точки зрения, многополярность, конечно же, будет, развитие не остановится на однополярном мире. Во-вторых, если не погружаться в глубины прошлого, а взять только XX век и начало XXI, то у нас ведь и тогда мир был многополярным. Существовали различные суверенные госу-

дарства со своими интересами, заключавшие между собой альянсы. Сейчас общепризнано, что после Второй мировой войны мир стал двухполярным. Но, собственно говоря, двухполярность — это уже не однополярность, а многополярность, ведь что значит «много»? Сколько это — два или десять? Вопрос относительный. Ну и, в-третьих, использовать при рассмотрении нашего вопроса такие критерии, как экономика со всеми ее показателями, территория, численность населения, вооруженные силы и тому подобное, — безусловно, правильно. Но я считаю, что необходимо учитывать и такой фактор, как философия развития.

Философия развития — разная. В принципе, грубо можно выделить два ее основных вида. Есть трудовая философия развития, которую проповедуют государство, цивилизация, конгломерат стран, из чего и вытекает то, о чем вы сказали: при подсчете ВВП по определенным методикам услуги накручиваются, но на самом деле учитываются, и вообще производится конкретный физический, натуральный продукт в разных направлениях. А есть философия потребления. Та самая, которая доминировала в однополярном мире под названием «глобализация» и преподносилась как самая главная философия, наиболее привлекательная для граждан всех стран. Но если присмотреться к философии потребления, то выяснится, что это модернизированный колониализм. Чтобы те, кто входят в условный «золотой миллиард», могли наслаждаться жизнью в государстве, где действует философия потребления, все остальные должны на них работать. Когда-то для этого захватывались рабы, сегодня это делается более мягкими способами, но экономический и жизненный смысл остается тот же самый. Философия развития государств будет сильно влиять на их притягательность, поэтому сегодня предсказывать, какие страны или регионы станут новыми центрами силы, новыми зернами многополярности, — все равно что гадать на кофейной гуще. Я в общем согласен с Алексеем Анатольевичем, назвавшем страны, которые с наибольшей вероятностью могут развиваться в центры силы. Но еще раз хочу подчеркнуть: если мы не будем учитывать философию развития, то можем ошибиться с прогнозом.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Михаил Викторович. Вы затронули еще одну очень интересную проблему, которая имеет отношение к ценообразованию. Богата не та страна, которая больше производит, а та, которая более уверенно регулирует цены. Если Запад устанавливал цены, которые ему выгодны, оказывалось, что его вклад в мировую экономику намного больше вклада стран сырьевых, которые добывают нефть, древесину, еще какие-то материалы. А стоило странам, которые производят нефть, собраться и сказать: а давайте-ка мы разгоним цены, как вдруг оказалось, что в России в условиях санкций бюджет наполняется значительно быстрее, чем прежде. Вроде бы ничего другого не производили, даже меньше стали добывать нефти и газа, а экономика вдруг сделалась более успешной. Я все же сомневаюсь в том, что мы обладаем реальными способами измерить экономическую мощь страны, и думаю, что в мире существу-

ют огромные политические, подкрепляемые военными возможностями для того, чтобы Запад занимался спекуляцией на той части мировой продукции, которую он выдает, а всех остальных условно делал нищими, хотя они и производят, может быть, более существенные вещи.

Слово предоставляется Марии Владимировне Захаровой.

М. В. ЗАХАРОВА: — Я бы хотела отреагировать на пару реплик в сегодняшних выступлениях. Вы, Александр Сергеевич, завершая пленарную сессию, сказали, что науке еще только предстоит разобраться с термином «страна-цивилизация», поскольку он неоднозначен, хотя уже закрепился в нашем общественном дискурсе. Так ведь мы живем в эпоху, когда многие слова употребляются без привязки к их изначальной сути. Не кажется ли Вам, что тот факт, что мы наконец признались самим себе, что являемся страной-цивилизацией, является ответом на многолетнее неправомерное использование коллективным Западом термина «демократия» в собственных интересах без какой-либо привязки к сути этого слова? Ведь они приватизировали слово «демократия», извратив его суть, как приватизировали понятия «свобода», «права человека», что-то домонтировали, что-то придумали, объединили с историческими смыслами и выдали в качестве своей уникальной концепции, сами себя провозгласили исключительными и стали пытаться доминировать. Это во-первых.

Во-вторых, значение устоявшихся понятий действительно меняется. Я приведу только один пример, с которым нужно работать, — слово «народ». Мы настолько привыкли его использовать, что даже не задумываемся о том, что оно значит. Да, особого смысла в этом не было, все же понимали: есть страна, есть народ, все четко укладывалось в географические границы и некие исторические метаморфозы. Но что сейчас? Разве можно сказать, что народ определяется географией? Конечно, нет. А чем тогда? Ответить трудно. И, кстати говоря, все это имеет очень тесное отношение как раз к вопросам формирования центров многополярности. Это очень важная тема даже не для обсуждения — для изучения, потому что речь идет о совершенно новой политологической единице, которая сейчас должна вводиться в пространство.

Я приведу один пример. Понятие «терроризм» до сих пор не имеет единой международно-правовой квалификации, хотя, казалось бы, сейчас даже дети на улице скажут, что это такое (и, к слову сказать, во всех странах мира, потому что в этом смысле благополучия давно уже нет нигде). А международно-правовой дефиниции все еще не существует. Как ни пытались выработать общее понимание, сколько ни сближали позиции, а определения понятия по-прежнему нет. Почему? По целому ряду причин. Поэтому тут целый пласт, которым предстоит заняться.

И в-третьих. Александр Сергеевич, в Ваших выступлениях несколько раз прозвучало слово «мистификация». Я обращаю Ваше внимание на статью министра иностранных дел России С. В. Лаврова, опубликован-

ную 18 июля 2022 года в газете «Известия». Она так и называется — «Об инсценировках как методе политики Запада». Там, правда, в большей степени геополитический смысл, но есть и финансовый, и экономический.

И следующий момент — ВВП, как его считать. Извините, а как подсчитать и вообще определить инфляцию? Мы же привыкли на бытовом уровне видеть эти показатели — «цифры инфляции». А что это такое, как она создается, почему возникает? Как представитель внешнеполитического ведомства, который озвучивает много материалов и работает со справками по разным странам, могу сказать, что в этих справках аббревиатура «ВВП» встречается на каждой странице, потому что это один из базовых показателей, как и товарооборот. Те, кто занимается политическими и внешнеполитическими вопросами, привыкли к этому. Но как насчет того, что связано с цифровыми валютами, с криптовалютой в блокчейне? Вы представляете, какие там объемы? Да многие страны никогда за десятилетия не достигали таких финансовых показателей, а это межгосударственные потоки, и их даже не назывешь особо криминальными, потому что у них пока нет правового основания для существования.

Мы живем в мире, в котором ранее существовавшие определения (то, что определяет нас в мире и мир вокруг нас, чтобы можно было друг с другом коммуницировать, причем речь идет не только о диалогах, но и о понимании, выстраивании отношений) необходимо инвентаризировать, «перезалить» смыслы, потому что глобально они уже не отражают того, что должны передавать. Практически каждое понятие имеет новый смысл, нежели тот, что вкладывался в него ранее. Приведу в качестве примера несколько раз прозвучавший в ходе дискуссии термин «биполярность», в котором, как мне кажется, отражается игра смыслов. Для современного молодого человека это слово имеет совершенно иной смысл, нежели мы вкладывали в него при обсуждении, и ассоциируется с биполярным расстройством личности.

Кроме того, хотела бы поднять вопрос о том, как определяется объем товарооборота между Россией и другими странами. Это происходит на основе цифр, которые приводятся в качестве официальных данных (информация из банков, налоговой инспекции, финмониторинга и пр.). Но широкая аудитория лучше знает объем товарооборота в сфере, которая не регулируется государством, и при этом ее мнение все больше претендует на статусность и определяющее значение.

Сегодня в ходе дискуссии в основном давалась оценка перспективам многополярности и анализировались новые мировые центры в их географической привязке. Считаю этот подход неправильным по нескольким причинам.

Первая причина — центры как таковые определяются не только географией. Например, такой центр, как Организация исламского сотрудничества, формируется не только по географическому признаку. Другой пример — Североатлантический альянс. Раньше в него входили страны Североатлантического региона, а сегодня — в том числе государства Восточной

и Западной Европы, включая страны бывшей Организации Варшавского договора. НАТО расширяется не только на Восток, теперь ставится задача — нивелировать смысловую нагрузку взаимодействия с Азиатско-Тихоокеанским регионом, предложив вместо него Индо-Тихоокеанское партнерство, и пр. То есть НАТО претендует на то, чтобы стать центром притяжения не только по географическому признаку.

Но в этом плане есть и конструктивные примеры. БРИКС тоже является центром, но не географическим, а геополитическим. Поэтому совсем необязательно привязывать подобные центры к географии. Это прежде всего смысловые центры (политические, финансовые и т. д.). То есть возникновение и развитие новых центров — это 3D-история, воплощающаяся не столько на плоскости, сколько в пространстве. Здесь уместно сказать несколько слов об искусственном интеллекте: он не будет заниматься подсчетом количества машин, его интересуют более сложные вопросы, в том числе построение новых геополитических центров.

Вторая причина, объясняющая, почему не следует учитывать географический принцип при оценке многополярности. Речь идет о критериях, но нужно рассматривать их не как заявление МИДа, а в качестве отправной точки для дискуссии. Базовый критерий многополярности — способность осуществлять суверенную внутреннюю и внешнюю политику, то есть независимость, возможность проявить себя в качестве истинного суверенитета, а не мнимого, достигнутого в ходе инсценировки. Если нарождающийся центр будет зависимым, его поглотят другие центры, которые будут оказывать на него влияние. Примеров — более чем достаточно.

Третья причина — это ресурсность. Этот вопрос не нужно схематизировать: если есть природные ресурсы — значит, центр, если нет — не центр. Это неокolonиальный подход. Ресурсность гарантирует социально-экономическую устойчивость, высокий уровень самодостаточности национального хозяйства и гуманитарной сферы.

Четвертая причина — наличие значимого в планетарном масштабе культурного потенциала. Речь идет не столько о развитой экспозиционно-выставочной деятельности, большом количестве музеев, спортзалов и тому подобном, сколько о возможностях реализации общества и человека. Эта причина напрямую связана с суверенитетом. Значима не навязываемая привнесенная культурологическая модель, а та, которая вызревала и традиционно присутствует на этой территории, где люди имеют возможность ее реализовывать.

Важна и способность проецировать вовне свою философию развития и видение международной политики, то, что сегодня называют созданием смыслов — возможностью продвигать в креативном созидательном ключе смыслы и идеи. Но сила этой созидательности не должна трансформироваться в навязывание культуры, что произошло с Западом, который сначала продемонстрировал блестящий пример цивилизационного развития, но потом начал навязывать свои ценности всем остальным. Речь идет о способности что-либо предложить миру, не навязывая. Любое навязывание,

как показала история, заканчивается самоуничтожением.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Мария Владимировна, спасибо за блестящее выступление. Обращаю внимание присутствующих на то, что Мария Владимировна усилила наши сомнения в том, как проводятся расчеты, и назвала критерии, определяющие центры силы. Предложив при разговоре о многополярности не ограничиваться географией с границами стран, отметила, что многополярность может выстраиваться по другим принципам. Над этим я и предлагаю подумать. Андрей Иванович Денисов, Вам слово.

А. И. ДЕНИСОВ: — Хотел бы отреагировать на то, что было сказано коллегами. Как бывший старший экономист, работавший в Торговом представительстве СССР в Китае, я хочу выступить в защиту статистики, в том числе показателей валового внутреннего продукта. Статистика — это серьезная часть экономической науки, включающая многочисленные методики, поправочные коэффициенты, коэффициенты эластичности и пр. Но я согласен с Марией Владимировной в том, что надо оценивать не цифры, а то, что вокруг.

Теперь о качестве прогнозов и вообще о прогнозе как проявлении научного подхода в предвидении будущего. В то время, когда Олег Тимофеевич Богомолов возглавлял Институт международных экономических и политических исследований РАН, я учился в аспирантуре (40–45 лет назад). Именно тогда в руководящих кругах возникла идея составить долгосрочный прогноз развития Советского Союза (на 25–30 лет), которую озвучили с высоких трибун. В узком экспертном сообществе Олег Тимофеевич сказал, что все разговоры вокруг долгосрочных прогнозов — безответственная болтовня ответственных товарищей. Поэтому относиться к прогнозированию надо осторожно, тем более сейчас, в эпоху зашкаливающей турбулентности. Иногда прогнозы основаны на объективных показателях, а иногда так легла карта.

Изобретение парового двигателя и создание паровозов, строительство железных дорог и двигателей внутреннего сгорания перевернули мир и вызвали цивилизационный шок, который длился многие десятилетия. Мария Владимировна сказала об искусственном интеллекте, сюда же можно отнести цифровизацию, информационно-коммуникационные технологии, пандемию, климат, космос и пр. Так, в химической науке сейчас совершаются тектонические перевороты. Мы не знаем, что будет, а это затрундяет взгляд вперед.

Тридцать лет назад закончилась холодная война и началась эпоха монополярности, которая длилась 30 лет. Первой против нее восстала наша страна. Это произошло в 2007 году — с выступления президента В. В. Путина на Мюнхенской конференции. Владимир Владимирович, рассуждая о гегемонии, задал с трибуны сидящему в первом ряду сенатору Джону Маккейну, американскому ястребу, вопрос: «Ну кому это понравится?» Это никому не нравится, в том числе global majority, которое возникло сейчас на основе разрушающейся монополярности.

Второй вопрос Владимир Владимирович задал семь лет спустя (2015) с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН. Перечислив все кризисы (Ирак, Ливия, Сирия, Югославия), в которые ввергла человечество западная группа стран во главе с США, он задал вопрос: «Вы хоть понимаете теперь, что натворили?»

Я перевел этот вопрос на английский язык и задавал его в разговоре с партнерами, пока это было возможно, работая за рубежом. И никто не смог на него ответить. Все это напоминает ситуацию, когда президента Байдена в Японии на саммите «Большой семерки» спросили о Хиросиме: «Будете вы приносить извинения или нет?» Он ответил: «Нет, извинения приносить не будем».

И еще несколько слов о переходе от монополярности к многополярности. Многополярность сегодня — не более чем тренд, причем едва обозначившийся. Путь от монополярности к многополярности займет у человечества, если не будет ядерной войны, несколько десятилетий, а может быть, и весь век. Потому что это сложный и многомерный процесс: возможны и откаты назад, и факторы, которые мы не можем предвидеть из сегодняшнего дня. В настоящее время мы имеем дело с тотальной разбалансировкой мировой международной системы и слабостью институтов глобального управления. Одни европейские международные структуры вырождаются (даже ООН в какой-то мере затронута кризисным процессом), другие — появляются и набирают силу. Это касается Организации исламского сотрудничества, Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС, которые находятся на подъеме, но им еще довольно долго идти до вершины.

В классификации британского историка Тойнби, посвященной развитию человеческой цивилизации, выделяется стадия создания предпосылок для взлета, за которой следует стадия плато. До плато мы еще не дошли и находимся в начале стадии создания предпосылок для взлета.

Эксперт МИДа Александр Дмитриченко высказал мысль, что на пути к многополярности мы, к сожалению, будем вынуждены пройти через эпоху бесполярности, когда многие потенциальные центры интеграции либо уже не смогут воплощать свои усилия, либо, наоборот, еще не наберут силу. Готовы ли уже упомянутые Китай и Индия к тому, чтобы взять на себя эту роль?

Я предложил бы вместо бесполярности использовать термин «недополярность» — более точная характеристика того, что происходит. На Западе есть государство *middle powers*, среднего уровня. То, что мы видим вокруг, — это борьба за выживание в условиях представительной буржуазной демократии, которая тоже выродилась. Те, кто сейчас приходит к власти на Западе, пытаются эту власть каким-либо образом удержать, отказываясь от своих предвыборных обещаний — это стало общим правилом — и нагнетая напряженность ради того, чтобы в условиях возросших рисков отказаться от демократического управления. Так, например, происходит в Польше, где рассматривается закон о возможности нарушения права частной собственности, священного для западной демократии.

Так легче управлять, когда под предлогом недопущения рисков можно отказаться от того, что действительно имеет отношение к демократии.

А как быть живущим здесь? После февраля 2022 года происходит осознание того, что главное для нас — это самодостаточность и самоопределение. Отчасти об этом сказала Мария Владимировна, упомянув термин «государство-цивилизация». Еще на излете советских времен и в постсоветский период мы куда-то стремились, хотели встроиться в общеевропейский дом от Атлантики до Урала, от Ванкувера до Владивостока. Но столкнулись с тем, что этого не хотят другие. Европа сплывается без нас, помимо нас, а сейчас еще и против нас. Что делать в такой ситуации? Выстраивать вокруг себя свое пространство. Я согласен с тем, что Россия — потенциально один из полюсов многополярного мира и, может быть, наиболее здравый с точки зрения осознания своего места в окружающей действительности. Но это осознание, к сожалению, дается нам дорогой ценой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Андрей Иванович, у меня к Вам еще один вопрос. Мы все знаем про успехи Китая, но я бы хотел услышать Ваше мнение — чего по большому счету хочет Китай в сегодняшнем мире?

А. И. ДЕНИСОВ: — Тот, кто жил в Китае или работал с китайскими коллегами, — как персонаж из популярной песни: вы можете выписаться из отеля «Калифорния», но никогда не сможете его покинуть. Так и Китай — вы навсегда останетесь связаны с этой страной.

Китайская модернизация последних десятилетий — это уникальный опыт в истории человечества. Причем это осознанная, просчитанная модернизация. Без ошибок, конечно, не обходится, но китайцы эти ошибки изучают, исправляют и стараются не повторять. Страна вышла на достойный уровень потребления: средний класс насчитывает уже примерно 400 млн человек. В Китае говорят об обществе среднего достатка, то есть уже не отдельные люди, а весь народ, в общем-то, достиг уровня нормального цивилизованного существования, практически избавившись от бедности. За последние 25–30 лет проблема бедности была решена для 700 млн человек, в том числе для 100 млн — за время руководства страной председателя Си Цзиньпина. Стратегическое развитие страны распланировано до 2049 года, когда будет отмечаться столетие образования Китайской Народной Республики.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Андрей Иванович. Слово предоставляется Игорю Ивановичу Бузовскому.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Я согласен практически со всеми высказываниями, которые были озвучены ранее, — мы на одной волне ментальности, но в то же время проживаем эту часть жизни в процессе, что должно настораживать. Задав вопрос, быть или не быть многополярности/однополярности, мы в очередной раз говорим о процессе, а я хотел бы задать

вопрос о цели. Пока мы не поймем цель развития цивилизации и не определим направление движения, до тех пор мы будем спорить о механизмах этого процесса. Мы будем искать союзников и средства для реализации тех моментов, на которые реагируем ситуативно.

Сегодня один из таких критериев, начиная от психологии личности и заканчивая социологией более глобального общества, — успешность, параметры которой должна формировать культура, как и то, куда мы движемся.

У психологов есть понятие признания личности, которое требует эмоционального, личностного реагирования. Каковы сегодня критерии успешности? Это не милосердие и доброта, а возможность иметь хорошую машину, квартиру и т. д. Это не постулируемые вещи, но подразумеваемые, они являются мерилем того, что человека признали и оценили: ему заплатили, за счет чего он смог приобрести ту или иную материальную ценность. Это является неотъемлемой частью современного процесса, в котором имеет место и экономика.

Мы сдали позиции в духовно-нравственной сфере, теперь они не являются для нас определяющими. Человек может быть высокодуховным, высокоморальным, но это будет лишь приложением к тому, что он успешен по другим причинам. Для молодежи такие люди являются частью нашей культуры. Следует задать вопросы, кто сегодня влияет на молодежь и каким образом осуществляется влияние (в том числе за счет экономики).

Я разделяю мнение Марии Владимировны, что влияние можно оказывать с помощью средств массовой информации, пиара и используя соответствующий инструментарий. Сегодня у нас фактически отсутствует инструментарий, несмотря на то, что он является одним из факторов, определяющих многополярность либо однополярность. Отсутствие данного инструментария подразумевает наличие однополярного мира, который и в дальнейшем будет транслировать ценности, культурологические основы и приоритеты, существующие сегодня в глобальном формате.

Хотел бы подчеркнуть, что сегодня выступаю за нашу монополярность и настаиваю на том, что глобализм должен быть на нашей стороне. Но мы проиграли. Необходимо понять почему.

Сегодня число пользователей Интернета в Республике Беларусь от 7 до 85 лет составляет 85 % населения. Все они подвержены влиянию не нашей культуры, потому что мы не превалируем. Как только мы определим стратегии и целеполагание, то поймем, что средства сегодня должны вкладываться в развитие, а не только в производство товаров. Экономисты считают, что 75 % стоимости товара — это пиар. Сегодня этот момент является определяющим для продвижения. Китайцы могут произвести все — от скрепки до космического корабля. Но основная задача — продвижение мыслей, идей, культуры.

Сегодня не существует разделения на страны, чья культура будет доминировать. Нужна ли на данный момент политическая карта мира? Если мы поразмышляем над тем, кто сегодня влияет на геополитические процессы, которые происходят в разных странах, то это будет далеко не радужная картинка. Влияние осуществ-

ляют глобальные корпорации, банковский сектор, либеральные силы и пр.

Мне понравилась мысль одного из выступавших, что геополитические разрывы, которые сегодня происходят и которые нам следует осмыслить, лежат не в экономической плоскости. Как только мы это поймем, у нас появятся будущее, стратегия, и тогда возникнет однополярный мир, который приведет общество к развитию и созиданию.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Мехди Санаи, Вам слово.

М. САНАИ: — Отвечая на вопрос, как будет выглядеть мир и каким будет миропорядок, хочу сказать, что старое мироустройство не отвечает современным потребностям и не соответствует реальности. Структуры старого миропорядка работают недостаточно эффективно. Но скоро ли возникнет новый миропорядок и возможно ли вообще новое мироустройство — это вопрос. Пока это только желание.

Сегодня наблюдаются попытки восстановления монополярного мира, хотя следует сказать, что он никогда не был создан. В 1990–2000-х годах предпринимались попытки его создания. Многие новые центры хотели бы создать новое мироустройство, основанное на многополярности. Оно в определенной степени уже существует, но официально не признается.

Выделяются три составляющие старого мироустройства: человек, страна и мир. Мир и страны существенно изменились, так же как и человек, хотя из трех элементов он меньше всего подвергся влиянию.

В завершение следует сказать, что старое мироустройство постепенно будет ослабевать, но продолжит существовать, хотя и будет менее эффективным. В ближайшем будущем новое мироустройство не появится, хотя правила игры изменились. Старое мироустройство было основано на системе государств-наций, и сейчас государства-нации — единственный игрок международных отношений. Однако игроки из новых центров намного сильнее государств-наций, поэтому появились новые правила игры и игроки. Одному Богу известно, каким будет новое мироустройство.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дмитрий Олегович Бабич, Ваша очередь.

Д. О. БАБИЧ: — Я бы хотел развить идеи, высказанные Марией Владимировной и Андреем Ивановичем.

Мария Владимировна сказала, что Запад приватизировал слова «демократия» и «права человека», я бы еще добавил слово «Европа». Сейчас, когда говорят «Европа», имеют в виду те страны, которые входят в ЕС. А Россия и Беларусь разве не Европа? Китайские туристы приезжают во Владивосток и Хабаровск, чтобы посмотреть Европу.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — В одной из своих работ академик Лихачев отметил, что вся Россия — это Европа от западных границ до Владивостока.

Д. О. БАБИЧ: — Если мы вернемся к истокам слова «Европа», то оно определяется просто: Европа — это христианский мир. Блаженный Августин был связан с Европой верой — христианством, хотя никогда не бывал в Европе, так как жил в Северной Африке.

Если говорить о цивилизациях, то следует вернуться на сто лет назад, в 1923 год, в колониальную эпоху. Независимая Османская империя в тот момент распалась, Китай пребывал в состоянии гражданской войны, поэтому их нельзя рассматривать в качестве независимых цивилизаций. Культурологи выяснили, что существовали три неевропейские, то есть независимые от Европы, цивилизации: российская, японская и эфиопская. В частности, император Эфиопии Хайле Селасие, которого нынешние растафарианцы считают одним из воплощений бога Джа, возглавил независимую цивилизацию, которую итальянцы попытались уничтожить в 1935–1936 годах, но у них не получилось.

Идеи Макса Вебера, по-моему, — это классический пример того, как может ошибаться человек с европоцентристским мышлением. В тот период, когда он писал свои работы (1905–1920), ведущими в экономическом плане были протестантские Англия и Германия, и Вебер создал целую теорию о том, что протестантизм способствует экономическим успехам. После Первой мировой войны вперед вырываются католические Франция и Италия. Как это объяснить? Хорошо, будем считать, что западное христианство создает хорошие условия. Но тут начинает расти Япония, затем Южная Корея, следом Китай. А потом ученые догадались обратиться к истории и увидели, что самый долгий период процветания среди европейских стран продемонстрировала Византия, точнее, Восточная Римская империя — православная цивилизация. Вот же как удивительно!

Многополярность была всегда, просто центры силы все время менялись. В настоящее время, как верно заметила Мария Владимировна, можно уже не принимать в расчет географическое положение. Потому что, например, с помощью современных финансовых инструментов, скажем свопов, даже торговля нефтью стала возможна между любыми странами.

А какие страны чаще всего выбирают в качестве экономических партнеров? Около пяти лет назад в разных странах был проведен опрос Гэллага на эту тему. Оказалось, что большое количество стран в Африке и Латинской Америке все еще хотят торговать с США и Евросоюзом, Индия — прежде всего с Евросоюзом и Великобританией. Но в той же Африке есть страны, которые отдают предпочтение Китаю, а не Франции и Англии, а в Латинской Америке стран, ориентированных на Китай, больше, чем стран, выбирающих США. Страны Центральной Азии (бывшие союзные республики СССР) хотят торговать и с Россией, и с Китаем. В итоге вырисовывается следующая картина. Складываются два экономических блока — российско-китайский и западный. Во второй, скорее всего, войдет Индия, а вот Пакистан уже больше ориентирован на Китай. Но будет и третий блок — могучие страны ASEAN, которые сотрудничают с Китаем, но опасаются стать слишком зависимыми от него. Так же как

Польша знает Россию, но в российской орбите быть не хочет.

Все это начинает напоминать то, что произошло в XX веке, а именно — конкуренцию между социализмом и капитализмом, в результате которой выстроились две известные мировые системы, а как бы между ними остались так называемые неприсоединившиеся страны. Вот и теперь: российско-китайский контур, западный и третий контур стран ASEAN. Во всяком случае это то, что просматривается сегодня. Через десяток лет соотношение может сложиться совсем по-другому.

Думаю, что на Лихачевских чтениях уместно признаться в том, что в свое время под влиянием Дмитрия Сергеевича мое мировоззрение изменилось. Академик Лихачев считал, что марксизм — пессимистическое учение, потому что в нем утверждается, что все предопределено и детерминировано экономикой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Более того, он считал, что марксизм предполагает историческую обусловленность тех или иных процессов, где от человека мало что зависит. Выступая на одном мероприятии у нас в Университете, он действительно назвал марксизм пессимистическим учением. На самом деле нет доказательств, что в социальной сфере существуют объективные законы, действующие с фатальной неизбежностью. Будущее, которое нас ожидает, будет таким, каким мы его сделаем сами.

Д. О. БАБИЧ: — В свое время я был весьма впечатлен этой его мыслью. Но недавно решил перечитать работы Маркса и Энгельса. И с удивлением обнаружил, что они в свое время сделали прогноз на очень далекое будущее, предсказав те проблемы, с которыми мы столкнулись сейчас. Одна из таких проблем — вытеснение человека из рабочих процессов за счет все более совершенной техники. На наших глазах исчезают многие профессии, в том числе такая высокоинтеллектуальная, как профессия переводчика. К сожалению, идеи этих великих философов были восприняты в первую очередь Россией и Китаем — аграрными странами, которым тогда было очень далеко до замены человека машинами. Но что меня поразило больше всего, так это проблема отчуждения, о которой писали классики. Видели бы они, как выглядит эта проблема сегодня, когда все больше людей работают дистанционно.

В общем, трудно сказать, как будет выглядеть грядущая многополярность, но можно с уверенностью утверждать, что в каком-то виде она сформируется — со стопроцентной вероятностью.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Напомню, что на Лихачевских чтениях тема кризиса Запада впервые была затронута примерно 20 лет назад. В частности, этот вопрос рассматривал один из самых выдающихся российских философов, академик Степин (к сожалению, уже ушедший из жизни). Он анализировал причины и суть кризиса и говорил, что Запад либо сможет преодолеть этот кризис, либо утратит свою былую роль в мире. Все эти годы я тоже проводил исследования и опубликовал целый ряд научных работ на эту тему.

Сегодня причины кризиса западной цивилизации, в общем, понятны. Соединенные Штаты Америки — самая высокоразвитая страна Запада — первыми «уперлись в стену», столкнувшись с исчерпанностью потенциала развития капитализма. Например, известно, что один из важнейших драйверов развития — рынок. Конкуренция, вынуждающая повышать качество продукции, снижать ее стоимость и совершенствовать технологии, была описана еще Карлом Марксом, но классического капитализма уже давно нет. А что вместо него? Архаичная модель государственных монополий, которые работают без всякой конкуренции, тем самым ограничивая возможности капитализма.

Другой драйвер развития — демократия. Канадский ученый Петр Дуткевич пишет, что на Западе демократия и рынок столкнулись в непримиримых противоречиях. Вообще-то демократия призвана предотвращать злоупотребления и ограничивать безудержное стремление бизнеса к прибыли, от которого страдают и общество, и окружающая среда. Но в итоге рынок в значительной степени подчинил себе демократию, а моральные категории отбрасываются бизнесом как бесполезные в деле зарабатывания прибыли. Выборные механизмы контролируются финансово-промышленными группами, и демократия оказывается по сути приватизирована ими.

Еще один мощный драйвер капитализма, который очень долго влиял на его успешное развитие, — свобода слова. Но сегодня это уже в прошлом. Потому что средства массовой информации тоже все скуплены толстосумами.

В России, правда, с самого начала существования капитализма было не лучше: все СМИ оказались в руках владельцев финансово-промышленных групп. Вот простой пример. Студенты часто задают вопрос: «Мы учимся в Университете профсоюзов, но при этом ничего о профсоюзах не знаем. Это реальная организация?» Я не раз рассказывал Михаилу Викторовичу. Но как это возможно? Двадцать миллионов человек являются членами профсоюзов, участвуют в их деятельности, платят взносы и, в свою очередь, получают помощь, когда она требуется. Но в общественном сознании профсоюзы отсутствуют! Почему? Потому что практически все СМИ прибраны к рукам крупным капиталом, а у профсоюзов есть одна газета «Солидарность». Члены профсоюзов читают эту газету, а остальное население страны получает информацию из источников, которыми владеют олигархи. Свобода слова исчезает, она приватизирована.

Наконец, еще один важный фактор — кризис элит, которые вырождаются, потому что воспроизводятся не по принципу продуктивности, а по каким-то ущербным алгоритмам. Вы только посмотрите, кто в США выдвигается на президентских выборах. Одни и те же лица, знакомые избирателям уже не первое десятилетие. Ни новых персон, ни свежих идей. А в Западной Европе вообще придумали потрясающий механизм. Если какая-то партия себя дискредитирует, как, например, в Италии, ее заменяет другая партия, которая создает наспех. У нас в стране в 1990-е годы такие фейко-

вые партии клепали десятками. Фейковая партия провозглашает популистские лозунги, за несколько месяцев взлетает на первые места в рейтингах и заменяет прежнюю партию. Потом выясняется, что по ключевым вопросам она своих позиций не заявляла, да и нормальная предвыборная программа у нее, оказывается, не было. Государственных деятелей фактически нет, остались политики, но и с ними тоже проблема. Олаф Шольц, Анналена Бербок не производят впечатления сильных лидеров, а итальянка Джорджа Мелона вообще темная лошадка.

Оливье Рокпло к нашим Читаниям написал блестящий доклад, в котором дал уничижительную, но точную характеристику современной западной элите. В связи с этим хочу задать ему вопрос. Господин Рокпло, как Вы полагаете, какой вариант из тех, что рассматривал академик Степин, реализуется с большей вероятностью? Сумеет ли Запад преодолеть постигший его кризис или все же он будет отодвинут на второй план другими, более пассионарными участниками мирового сообщества? Станет ли Запад одним из центров дальнейшего развития человечества?

О. РОКПЛО: — Думаю, что это зависит прежде всего от европейских политических элит, но, к сожалению, в Евросоюзе уже почти 50 лет продолжается даже не кризис, а разложение. А политические элиты ЕС не отличаются дальновидностью. Мне довелось с ними работать, и впечатление очень неприятное. Старшее поколение еще сохраняет какую-то мудрость, но новые лидеры не знают ни своего народа, ни окружающего мира и не находят нужным сохранять историческую память. Поэтому, на мой взгляд, они ведут Евросоюз к краху. Будет ли это означать конец западноевропейской цивилизации или все же произойдет ее возрождение — неизвестно. Но я могу сказать несколько слов о том, что случится во Франции. В последние годы мы наблюдаем интересную инициативу — движение желтых жилетов. Это по-настоящему народные выступления, у них нет лидеров. Они начались в 2012 году и регулярно повторяются до сих пор. Правительство принимало жесткие меры для их разгона, но я считаю, что «желтые жилеты» дают повод для надежды, потому что в этом движении участвуют разные люди, в том числе идейные наследники коммунистической культуры в том виде, в каком она существовала до 1990-х годов, а также приверженцы философии голлизма.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сейчас перед нами выступит Галина Валерьевна Наумова — историк, культуролог, общественный деятель. Основной метод исследований госпожи Наумовой — общение с крупнейшими современными мыслителями: философами, культурологами, социологами. Ей даже довелось взять интервью у такой легенды нашего времени, как Клод Леви-Стросс.

Г. В. НАУМОВА: — Действительно, в последние 30 лет мне удалось посетить разные страны и встретиться со многими выдающимися мыслителями. Сре-

ди них были нобелевские лауреаты по литературе — Надин Гордимер из ЮАР и Воле Шойинка из Нигерии; известные философы Режи́с Дебре и Клод Леви-Стросс, и конечно, Сэмюэль Хантингтон, с которым мы провели много интересных бесед.

Что происходит с Европой сегодня? Две страны, в недавнем прошлом локомотивы развития — Германия и Франция — действительно находятся в плачевном состоянии. Напряженная интеллектуальная жизнь остается в прошлом (особенно это заметно в Париже), хотя Эдгар Морен в свои 102 года продолжает анализировать текущий дискурс, пишет и о России, и об Украине. Но это единичный пример, последний из могикан. Режи́с Дебре, чьи исследования еще недавно регулярно печатали на свои страницах *Libération* и *Le Monde*, давно ничего не публикует. Правда, продолжают выходить тексты глобалистов, таких как Бернар-Анри Леви,

но это не имеет отношения к французской национальной культуре.

И все же я вслед за Мореном, призывающим к реформированию мышления, продолжаю надеяться. Главное, что нам сегодня требуется, — сменить политику войны на политику мира, иначе человечество просто не выживет, исчезнет с лица земли. Необходимо искать ответы на многочисленные вызовы, с которыми мы столкнулись, — проблемы биосферы, климатическая угроза, кризис идентичности человека. Самая большая опасность — дегуманизация, последствия которой могут быть очень тяжелыми.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Благодарю всех участников за дискуссию, которая у нас сегодня состоялась. Будем двигаться дальше в осмыслении того, что происходит в мире.

Секция 1

ПЕРЕХОД ОТ ОДНОПОЛЯРНОСТИ К РЕАЛЬНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

26 мая 2023 г. Конференц-зал «Стасов/Ушаков» (гостиница Radisson Royal)

Руководители секции:

И. И. БУЗОВСКИЙ	заместитель министра информации Республики Беларусь (Минск), кандидат социологических наук
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
Е. Г. ДРАПЕКО	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР
А. Д. ХЛУТКОВ	директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Д. О. БАБИЧ	журналист, обозреватель агентства «РИА Новости» (Москва), член Союза журналистов России
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
М. В. ЗАХАРОВА	директор Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, кандидат исторических наук
Р. В. КОСТЮК	профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук
И. В. ЛАШУК	заведующая кафедрой экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности Белорусского государственного экономического университета (Минск), кандидат социологических наук, доцент
В. К. МАМОНТОВ	председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда» (Москва), генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»
Г. МЕТТАН	президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ» (Женева), исполнительный директор Швейцарского клуба прессы
Д. В. МОСЯКОВ	заведующий Центром изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор
С. Г. МУСИЕНКО	директор Аналитического центра «ЕсооМ» (Минск), член Правления Союза писателей Беларуси
Г. В. НАУМОВА	писатель, культуролог, президент ассоциации Miracles (Париж, Франция), кандидат филологических наук
В. Н. ПУНЧЕНКО	заместитель директора Белорусского института стратегических исследований (Минск)
Е. В. РАДЕВИЧ	старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук
О. РОКПЛО	профессор Университета Сорбонна (Париж, Франция), доктор исторических наук, доктор политических наук

Я. СТОКСЕТ	преподаватель Старшей школы г. Конгсберг (Норвегия)
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	заместитель президента РАН, член Президиума РАН, академик РАН, научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. А. ШАМАХОВ	научный руководитель, советник ректора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, генерал-полковник таможенной службы
А. Г. ШУМИЛИН	академик-секретарь Отделения физики, математики и информатики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, дорогие друзья! Нашу сегодняшнюю дискуссию ведет Игорь Иванович Бузовский, заместитель министра информации Республики Беларусь. Я не сомневаюсь, что он блистательно выполнит эту функцию. Хочу обратить ваше внимание, что ведутся прямая трансляция и аудиозапись дискуссии. Убедительно прошу вас высказываться предельно емко, энергично и кратко, чтобы дискуссия не превратилась в набор монологов. Это очень важно, поскольку Лихачевские чтения, посвященные диалогу культур, изначально задумывались нами с академиком Д. С. Лихачевым как диалоги ученых, людей науки, культуры, образования, искусства, выдающихся мыслителей — в общем, цвета гуманитарной мысли не только России, но и всей планеты. Нам с вами повезло, что наша основная деятельность — это то, чем мы на самом деле интересуемся, что доставляет нам большую радость в жизни. Искренне желаю вам удовольствия от общения и успехов в нашей общей работе!

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Тематика нашей секции достаточно отработана на предыдущих встречах — пленарном заседании и панельной дискуссии, но мы постараемся, чтобы сегодня каждый донес свои мысли не только до участников этого обсуждения, но и до тех, кто нас слушает и смотрит, потому что уже приходят отклики на идеи, которые озвучивались в ходе первых заседаний. Слово предоставляется Марии Владимировне Захаровой, директору Департамента информации и печати МИД России.

М. В. ЗАХАРОВА: — Важно понимать, что нынешняя очевидно нестабильная ситуация в плане международных отношений — следствие разрушительных действий Запада, совершенных в угаре, в опьянении от того, что они считают успехами в холодной войне. Идеологию, проводимую правящими на Западе режимами, можно трактовать как ультралиберализм или либеральную диктатуру — мне ближе второе. Если говорить о сути действий бывшего полюса в биполярной системе и их теоретического осмысления, то коллективный Запад просто пошел вразнос, пытаясь определить границы допустимого, а на деле, возможно, просто сломать все, что его хоть как-то сдерживает. Нужно отметить, что очень многое ему сошло

с рук. Первым пробным шаром стала Республика Гаити — тогда еще решение об интервенции войск США, если помните, принималось с одобрения Совета Безопасности ООН. Далее последовали Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия — везде были свои нюансы, но суть оставалась одной и той же. Ряд геополитических катастроф — длинный и печальный послужной список Вашингтона и НАТО. Значит ли это, что в будущей многополярности этот полюс и дальше будет нести разрушения? Нет, не значит. И это нужно понимать. Я очень хорошо осознаю, что и для наших западников, и для самого Запада это осознание наступит не сразу и будет очень болезненным. Но раба из себя выдавливать все-таки придется.

Любая система стремится к равновесию. Известный американский экономист Джеффри Сакс, чья позиция по украинскому кризису расходится с доминирующей на Западе, написал, что нынешняя глобальная ситуация, катализатором которой, в частности, стала Украина, основана на двух американских провокациях. Первая — расширение НАТО и объявление о включении в его состав Украины и Грузии в 2008 году, вторая — установление собственного, даже не прозападного, а просто собственного режима на территории Украины, который в конечном счете и поджег бикфордов шнур.

Возьмем Украину в качестве наиболее яркого примера подобной политинженерии. Противостоит естественно было пытаться в ускоренном постановочном режиме сделать элементом западной цивилизации то, что на протяжении веков было частью России. Мы прекрасно знаем, как развиваются цивилизации, как они исчезают или дают почву для возникновения новых цивилизаций. Но все это должно происходить естественным путем, а не как слом привычного порядка с высокотребовательным требованием отчета о ходе реализации плана. Мы видели, какие уродливые формы это принимало. Я приведу лишь два примера: заявления Порошенко об украинском рыцарстве и те ужасы, которые творили неонацисты из запрещенных у нас организаций «Азов» и Легион «Свобода России». Но заигравшийся Вашингтон пошел еще дальше — он захотел сделать из Украины не просто фланг Запада, а настоящую Антироссию.

История, в том числе новейшая, знает достаточно примеров подобного — и с разделенными народами,

и с разделенными на части государствами, и с правительствами в изгнании, которые так любит Запад. Скажем, что такое проект «Гуайдо» в Венесуэле или проект «Тихановская» в Беларуси? То же самое создание антигосударства, антистраны, антисоциума. В случае с Украиной проект был более масштабным, но суть его осталась той же. Где сейчас Гуайдо? Неизвестно. Он был изгнан, и даже не своими спонсорами в лице Вашингтона, для которых это норма — изгонять, исключать, избавляться от тех проектов, которые не сыграли (да и от тех, что сыграли, тоже). От Гуайдо отказались даже его сторонники в самой Венесуэле. А во что превратилась Тихановская? В точно такого же коммивояжера, преданного анафеме и собственным народом, и теми, кто изначально делал на нее ставку. Понятно, что и у каждого такого подобного проекта, как и у любого сектанства, которое развивается в противовес традиционным религиям, до определенного момента всегда будет своя паства.

Но вернемся к Украине. Все это привело к серьезной трагедии, которую мы сегодня наблюдаем. Можно с уверенностью утверждать, что на любое внешнее раздражение система реагирует либо крушением, если она неустойчива, либо — в случае стабильного порядка — реакцией. Тот стресс-тест, который сейчас проходит мир, собран отчасти из наследия биполярного мироустройства XX века, отчасти из попыток США навязать миру свою гегемонию в конце XX — первой четверти XXI века, отчасти — из нарождающегося многополярного мироустройства. И он наглядно демонстрирует следующее: равновесие не может быть достигнуто, если одни центры силы стремятся получить преимущество за счет других. Это очень важно как характеристика многополярности. Мы вчера говорили о том, какими характеристиками могут обладать центры многополярности. А это пример антихарактеристики, то есть то, что не должно быть свойственно нарождающейся многополярной системе, то, чему она противостоит. И здесь мы приходим к главному — механизмам будущего мироустройства.

Уже сейчас очевидно, что взаимоуважительное общение разных полюсов — это и есть основа стабильной, процветающей системы межгосударственных отношений. Современный мир и глобален, и многополярен. Попытки изолировать Россию, окружить ее кордоном, превратить в изгоя, как видите, не сработали ни в том объеме, который предполагался, ни даже просто как механика. Государства, в которых проживает около 85 % населения Земли, не воспринимают коллективный Запад как некий идеал демократии, свободы, благополучия. Они все отчетливее видят его несовершенство, подчас просто откровенное уродство.

И мы на этом фоне продолжаем реализовывать независимый, самостоятельный, многовекторный внешнеполитический курс, наращивать активность на самых разных географических направлениях. Углубляется российско-китайское стратегическое партнерство, которое служит важным уравновешивающим фактором в мировых делах. Сегодня отношения между Москвой и Пекином, по оценкам и руководителей двух стран, и экспертов, наилучшие за всю историю. Причем, как

вы понимаете, это не конечная точка, это наивысший показатель в сравнении с прошлым, а будущее открыто. Постепенно развиваются отношения особо привилегированного стратегического партнерства с Индией, укрепляются связи с Бразилией и Ираном, ОАЭ, Турцией, Саудовской Аравией, ЮАР, многими другими странами. Крупнейшему расширению российско-африканских связей призвано способствовать проведение второго саммита «Россия–Африка» в июле 2023 года в Санкт-Петербурге. Кстати, не могу не отметить, что в ответ на любые инсинуации о конъюнктурности нашего апеллирования на данном этапе к Африканскому континенту можно просто напомнить, что это уже второй саммит — первый прошел в 2019 году. Проведение второго, на который придут главы африканских государств, требует очень серьезной и длительной подготовки, так что вы понимаете, что замысел возник отнюдь не сегодня. Это моменты, на которые нужно обращать внимание.

Фокус мировой экономики, а за ней и политики продолжает смещаться из Евро-Атлантики в Евро-Азию. Кто или что этому способствует? В первую очередь, сама Евро-Атлантика. Все, что она натворила за последние десятилетия и до этого, стало причиной разворотов, переворотов или смещения фокуса внимания. Целями ее политики неокOLONиализма 1970–1980-х годов были размещение производств в Азии, использование местных ресурсов за грошовую оплату, без учета западных стандартов прав человека. Эти страны считали, что все так и останется, забывая при этом, что сами же одновременно запустили процесс глобализации — по сути, просвещения определенных частей света, развития других уголков планеты. Но это же абсурд! Фантастическая история! Нужно еще понимать, насколько те регионы, в которые они перемещали свои производства, восприимчивы к опыту и как они исторически этот опыт развивали уже на собственных рельсах. А потом эти два процесса просто полностью сомкнулись, и появился новый мощнейший экономический центр. И кто в этом виноват? Об этом в США много говорят республиканцы. Консервативная часть общества, выступающая за продвижение и поддержку реального производства, понимает, что они сами, собственными руками все это создали.

Тот же Евросоюз больше не может претендовать на политическое, экономическое, ценностное лидерство на евразийском пространстве. Не может и не будет, потому что делегировал его, и уже не частично, как мы говорили пять-шесть лет назад, а полностью. За последний год процесс отказа от собственного суверенитета у Европейского союза завершился. С выходом Британии Евросоюз подвергся публичному унижению, фиксирующему его абсолютно несамостоятельную роль. То, как проходил Брексит, как шли переговоры, как это событие презентовалось мировому сообществу — все это было началом завершения процесса отказа Европейского союза от какого-либо суверенитета. Вторым фактором этого стала открытая расстановка на ключевые посты в Евросоюзе чиновников и представителей бюрократии, которые не то что были ориентированы на какие-то либеральные установки — они вскармли-

вались и приводились к власти руками Вашингтона. То есть, по сути, Вашингтон сделал с Евросоюзом то же самое, что и с Украиной, разве что с меньшим цивилизационным разломом, но в принципе точно так же пройдясь гусеницами своего танка по тонким европейским настройкам, полностью их разрушив.

У государств-континентов появилась реальная свобода выбора моделей развития, международных партнеров и возможностей участия в разных интеграционных начинаниях. Одним из наиболее динамично развивающихся региональных объединений является, конечно, Евразийский экономический союз, где Россия председательствует в этом году. Об эффективности и востребованности ЕАЭС свидетельствуют его разветвленные экономические связи. Неотъемлемым фактором региональной стабильности остается сотрудничество в рамках ОДКБ, продвигается взаимодействие по линии СНГ. В СНГ этот год объявлен Годом русского языка как языка межнационального общения. Ярким примером многополярной дипломатии, взаимовыгодного, равноправного, многостороннего партнерства в Евразии, да и в мире в целом служит деятельность таких межгосударственных объединений, как ШОС, БРИКС, в работе которых Россия принимает самое деятельное участие. В них нет ни ведущих, ни ведомых, решения принимаются на основе консенсуса с учетом мнения всех стран, даже тех, кто присоединились недавно. Сам процесс принятия новых членов обусловлен не жесткими требованиями «или-или», на уровне шантажа, как это делается в других структурах блокового характера. Длительный переговорный процесс о вступлении в наши интеграционные объединения учитывает детали, нюансы, традиции и происходит путем гармонизации, сопряжения интересов, а не в ультимативной форме, в какой, например, сейчас из Брюсселя разговаривают с Сербией. Эта страна, может быть, и сама неплохо существовала бы, если бы ее не поставили в такие условия, в которых ей волей-неволей приходится двигаться в сторону евроинтеграции. И мы теперь прекрасно понимаем, что это не движение, а унижение, доведенное до крайней степени, причем не кулуарное, не закулисное, а непременно демонстративное. Надо отдать Сербии должное, она проходит эти испытания достойно.

В заключение я хотела бы сказать, что эффективный, сложившийся консенсус — залог успешной многополярности. В тех, кто на различных международных площадках вечно пытается размыть принцип консенсуса, мы видим наиболее оголтелых противников многополярности. Но это, опять же, либо происки американской гегемонии, либо выпады утративших всякую самостоятельность сателлитов США. Однако сама диалектика исторического процесса диктует логику дальнейшего развития событий. Все больше государств будут понимать неизбежность становления подлинно демократического международного миропорядка, и голос России в данном вопросе будет звучать все громче в полной солидарности с голосами представителей глобального большинства. Вам, полагаю, известно о состоявшейся 29 апреля 2023 года глобальной онлайн-конференции, посвященной многополярности.

Она была организована по инициативе исследователей-политологов из Бразилии, Индии, Китая и России. Мероприятие было беспрецедентным по формату и географическому охвату. Марафон длился 17 часов, в нем приняли участие свыше 120 выступающих из более чем 60 стран. Абсолютное большинство участников встречи сошлись во мнении о безальтернативности многополярного мироустройства. Это мероприятие — лишь одно из свидетельств становления нового справедливого миропорядка. Это будет очень непросто, но начало уже положено.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Мария Владимировна, хотелось бы понять исходя из ваших мыслей: так кто же виноват и что делать в связи с тем, что на ключевые посты в Европе США поставили тех, кого хотели? Не одна Российская Федерация этим возмущается. Для того чтобы обеспечить переход от однополярного мира к реальной многополярности, надо понять, почему и как это стало возможным. Это экономика, разведка, что это?

М. В. ЗАХАРОВА: — Мы уже вчера говорили о том, что видим все больше примеров настоящей глобальной мистификации. Проблема в том, что при понимании всей этой постановочности, ложности посылов целого ряда государств, которые мы называем коллективным Западом, нельзя утрачивать такое понятие, как доверие, потому что без него мы все уйдем в глубочайшее пике. Это те Сцилла и Харибда, между которыми нужно пройти: нельзя поддаваться на эти ложные послы, но нельзя и полностью отказываться от доверия как элемента международных отношений. Мы видим замечательные примеры того, как именно доверие друг к другу разных игроков со всеми атрибутами собственной политики и собственными интересами становится залогом успешной реализации проектов и самых смелых планов. Сейчас много вспоминают о распаде Советского Союза и о том, что этому событию непосредственно предшествовало, ведь именно в этом периоде кроются корни наших сегодняшних проблем. Многие говорят, что нужно было быть умнее, хитрее, правильнее и т. д. Не хочу даже это обсуждать. Выскажу свое личное мнение: шанс на построение нового мира после окончания холодной войны, безусловно, был. И, оглядываясь назад, мы видим, как Запад этим шансом воспользовался.

Нужно записать огромными буквами в учебнике по политологии, что одним из ярчайших примеров не просто ложной сути, но глобальной нечистоплотности Запада является его политика в 1980–1990-х годах. Тогда была уникальная возможность построить новый справедливый мир, в том числе глобализироваться, но в хорошем, правильном ключе, по направлению к глобальной деконфронтации. Но этот шанс был уничтожен Западом. Под видом процессов, связанных с интеграцией, сотрудничеством и тому подобным, шло очередное планирование разделения мира на сектора: одни должны поставлять сырье, вторые — предоставлять территории, третьи — трудовые ресурсы, и т. д. Этот исторический период, на мой взгляд, дол-

жен остаться в научном анализе наиболее ярким примером сути политики коллективного Запада. И ведь я сейчас не привела никаких оценочных суждений, ни со знаком «плюс», ни со знаком «минус», только факты. Вспомните: были и разрядка, и разоружение, и открытие границ, и либерализация внутреннего законодательства у нас и в других странах, и полное открытие рынков — все для того, чтобы выстраивать сотрудничество, ориентированное на будущее именно в глобальном плане и в мирном русле. И это все было растоптано. Расширение НАТО, государственные перевороты на Украине, Ливия, Сирия — всё это локальные примеры. Глобальный же пример в том, как коллективный Запад ответил на окончание холодной войны, посчитав, что должен записать себе в актив победу, и не увидев главное — стремление стран выстроить новый мировой порядок.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Слово предоставляется Андрею Драгомировичу Хлуткову, директору Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства государственной службы при Президенте РФ.

А. Д. ХЛУТКОВ: — Я вчера говорил, что спорить о многополярности уже бессмысленно, это очевидный факт. Предметом дискуссии могут являться лишь какие-то соображения по поводу центров силы, хотя и здесь, как мне кажется, все ясно. Разве что более точные координаты могут определить мировую локацию этих центров силы. Но сейчас, я считаю, очень важно поставить вопрос в контексте Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой 31 марта сего года. Это очень серьезный и своевременный документ, отвечающий на многие вопросы, стоящие сегодня перед нами.

При анализе многополярности мира важно четко структурировать и понимать нашу собственную диспозицию. Россия часто противостояла агрессии, выступала миротворцем, участвовала в разрешении международных конфликтов. Но мы всегда действовали в рамках какого-то блока, не в одиночку, а вместе с союзниками. То же самое происходит и сейчас. Мария Владимировна упомянула Сербию. Мы очень активно сотрудничаем с этой страной. У меня трехлетний опыт плотной работы с Сербией со стороны Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга. И мы, конечно, понимаем, насколько ей сейчас непросто. Я хочу обратить ваше внимание на беспрецедентный, как мне кажется, случай, иллюстрирующий отношение гражданского общества. В прошлом году мы были на площадке Белградского университета. Это по сути объединение всех сербских вузов, там обучаются свыше 100 тыс. студентов и идет подготовка специалистов практически по всем направлениям — от медицины до высшей математики и ядерной физики. Так вот, профессора Белградского университета говорят: «Мы внимательно наблюдаем за действиями правительства Сербии. Если у нас возникает ощущение, что оно уходит куда-то влево или вправо от российско-сербской повестки, мы сразу пишем докладные

записки президенту, выравнивая курс в отношении стратегического партнерства с Россией». Я считаю, это ценнейшее достижение — когда во внешней политике участвуют просвещенные люди, которые, конечно, во многом выражают интересы простых сербов, включая тех, кто обучается в университете, и тех, кто раньше там работал. Мне кажется, это высшая степень народной демократии, причем в самом цивилизованном виде, когда через науку, через обсуждение, через публичность важными данными и маршрутными картами снабжается в том числе и политическое руководство страны.

Я не могу не сказать о необходимости определения такого пула союзников, который нужен при любой многополярности, потому что полюс тем сильнее, чем он многочисленнее и разностороннее. И, конечно, это со всех точек зрения можно отнести только к конкурентным преимуществам этого полюса. Существовавшая Организация Варшавского договора — самый яркий пример консолидации наших союзников. Я думаю, мы наверняка работаем над проектом нового Варшавского договора, по всем признакам это видно, и, мне кажется, это абсолютно правильный вектор. С кем-то на разных этапах мы решительно размежевались, как сказал Владимир Ильич, но именно для того, чтобы в дальнейшем непременно объединиться. И это нужно постоянно держать в уме: чтобы не просто констатировать чье-то пребывание на определенном полюсе, но и бороться за то, чтобы с других полюсов люди переходили на наш и объединялись вокруг Российской Федерации. Важно подчеркнуть, что любая серьезная работа, в том числе под знаменами цивилизации, требует укрепления самой цивилизации. И в основе этого, конечно, лежит образовательный процесс.

Я нахожусь под впечатлением вчерашнего заседания Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, которое проходило в жесткой дискуссии по поводу того, как трансформировать Болонскую систему. Мы фактически от нее отказались в пользу возвращения к проверенной советской конструкции. Оснований ей не доверять у нас нет: если сейчас попросить поднять руки тех, кто учился четыре года на бакалавриате, здесь таких не найдется — все оканчивали специалитет. Я просто хочу напомнить исторический факт: в самом начале 1950-х годов в СССР приехала с визитом очень серьезная делегация конгрессменов из США. Они изучали феномен нашей Победы: как советский народ смог одержать победу во Второй мировой войне и, понеся огромные людские потери, в кратчайшие сроки восстановить практически полностью разрушенное хозяйство Европейской части страны. Итоговый закрытый доклад Конгресса США содержал заключение о том, что если не удастся трансформировать советскую систему высшего образования, то русские никогда не победить, ни в какой войне — ни в холодной, ни в горячей.

Сейчас очень важно, чтобы мы рассматривали систему образования как стратегическое направление нашей безопасности и нашей силы. Поэтому, когда сегодня говорят о том, что нужно вернуться к «базовому» образованию, но оставить четыре года обучения,

это, конечно же, абсолютно неправильно. Мы должны учитывать собственные интересы и, разумеется, ориентироваться на потребителя. А потребителем сегодня является промышленность, которая перестраивается, ориентируясь на принцип технологического суверенитета. И многое из того, что происходит, в том числе на международной арене, подсказывает нам, что в первую очередь мы должны рассчитывать только на собственные силы. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Момент очень важный, и вопросы национальной и стратегической безопасности не только России, но и всего нашего блока зависят от того, насколько качественно мы подготовим поколение квалифицированных специалистов, умеющих среди прочего принимать правильные управленческие решения. От этого зависит едва ли не все. Поэтому вопросы управления также должны быть внесены в актуальную повестку в рамках корректировки наших походов к совершенствованию системы высшего образования.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Андрей Драгомирович, мне очень близка Ваша мысль, я периодически думаю о том, что, говоря о переходе от однополярности к многополярности, мы зачастую склоняемся к технократии, экономике, процессам реального сектора экономики. Но, на мой взгляд, все-таки должен учитываться некий паритет в гуманитарной и социальной сферах, и образование — одна из ключевых тем. Я не случайно задавал Марии Владимировне вопросы «кто виноват?» и «что делать?». Продвижение идей, которое осуществлялось не только и не столько через экономику, по-видимому, и позволило США встроиться в ключевые управленческие механизмы ЕС и других мировых коммуникантов за счет целеполагания, которое было определено в первую очередь не через технократические и экономические, а через ценностные приоритеты. Поэтому на сегодняшний день в Республике Беларусь в качестве национальной стратегии заявлены цели устойчивого развития.

Буквально позавчера в Беларуси сложила свои полномочия Иоанна Казана-Вишневецкий, с 2018 года выполнявшая обязанности Постоянного координатора ООН в рамках компетенции цели устойчивого развития в Беларуси. Ее карьера в ООН строилась в Польше, на Украине и в Литве, а перед приездом в Беларусь — в Нью-Йорке. С апреля 2019 года и по сей день должность Постоянного представителя Программы развития ООН в Беларуси занимает Александра Соловьева, гражданка Российской Федерации, магистр госуправления Университета Колорадо в Денвере. Офисом Международной финансовой корпорации (IFC) в Беларуси с ноября 2012 года руководит Ольга Щербина, магистр бизнес-администрирования (МВА) Университета Миссисипи. Она отвечает за разработку и реализацию стратегии IFC в стране, поддержание диалога с правительством, развитие инвестиционной программы и курирование проектов консультативной помощи IFC, реализуемых в Беларуси. Это ключевые вещи, которые не замыкаются на экономику и являются стратегически и жизненно важными для государства. Это цели, стратегии развития

контактов на совершенно ином уровне, формирование лояльности, паритетов развития мысли во взаимоотношениях не только между странами. Почему же это происходит? Есть ли у этого экономическое обоснование: вложения в социальные проекты, в образовательную систему? И не являются ли все эти специалисты неким троянским конем? Вот о чем мне хотелось бы порассуждать.

М. В. ЗАХАРОВА: — Если посмотреть, сколько подобных американских специалистов разъезжают по всему миру и подключаются к региональным программам, да помножить все это на бесконечную озабоченность делами во всем мире, высказываемую с трибун Госдепа Вашингтона, хочется сказать: вы бы заехали в Филадельфию, просто погуляли бы там, прошлись по улицам. Уверена: она бы не предстала перед вами такой, какой показана в известном клипе на соответствующую песню. Это же ад на земле! И это не последствия стихийного бедствия, не зона поражения после глобальной катастрофы, куда невозможно проникнуть без ущерба для здоровья, не льдина с полярниками, которую невозможно пришвартовать, не затонувшее судно. Это просто город на территории Соединенных Штатов Америки, который давным-давно превратился в настоящую клоаку, в стихийное бедствие, поразившее тысячи людей. Нельзя ли всю эту мощь американской экспертной мысли направить на то, чтобы вытащить из беды хотя бы Филадельфию? И таких городов в США огромное количество! Города-призраки, в которых люди потеряли всякое человеческое достоинство — они уже даже не понимают, что такое человек по своей сути. Потому что на законодательном уровне разрешены и легализованы все виды экспериментов. Я прошу прощения, но в Нью-Йорке магазины, продающие наркотики, абсолютно легально рекламируются, и расположены они примерно через каждые 50–100 метров. Вдумайтесь только! Вот можно же силу экспертной мысли США направить на преодоление конкретных проблем в самих Штатах? Я абсолютно серьезно сейчас говорю: как только администрация какого-нибудь президента США на примере хотя бы одного своего города покажет миру, что она способна решить проблему, — забрезжит надежда. Все поймут, что им это по силам. А как можно заниматься проблемами от Мьянмы до Судана — причем мы видим результаты их деятельности: люди уже стонут! — если конкретный город погрузился в пучину на территории самих США? Это к вопросу относительно экспертов из Миссисипи.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Слово предоставляется академику РАН, Почетному доктору СПбГУП Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — К вопросу о клоаках, о которых говорила Мария Владимировна. Я вспоминаю, как в первый раз побывал в Австрии в 1990-е годы. Подходим мы к дворцу Шёнбрунн в центре Вены — и что мы видим у входа? Лежат хиппи, человек пятнадцать-двадцать. Рядом — скорая помощь, санитары в стерильных

условиях вводят им наркотики. Я спрашиваю: «Как же так? Это же статья!» Мне отвечают: «Нет-нет, это большие люди, мы их всех знаем. Если мы не введем им наркотик — они все разнесут». «Да как же так? — возмущаюсь я. — Неужели полиции нет?» И мне отвечают: «Мы не можем всех сдавать в полицию. Это массовое явление, нужно перевоспитывать».

М. В. ЗАХАРОВА: — Заместительная терапия.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Совершенно верно. А в Амстердаме вообще обслуживают всех подряд. Вагончики стоят, чтобы не дай бог одним шприцем двое-трое не пользовались, потому что ВИЧ на Западе в 80 % случаев передается через инъекции, а не половым путем. Поэтому внимательно следят, чтобы из одного шприца два раза не кололи. Ничего себе обслуживание — верх демократии! Мы возмущаемся: «Клоака! Ужас!» — а они отвечают: «Мы же думаем обо всех».

Теперь подумайте: а как Соединенные Штаты стали гегемоном во всем мире? Это же целая система! Я читаю лекции по иммунологии, так вот, в начале прошлого века никаких американцев в этой сфере не было и в помине. Кто получал Нобелевские премии? Европа. Понемногу — Австрия, Франция, Россия и много — Германия. Почти через год — немцы, немцы, немцы во всех сферах. А что потом? Когда к власти пришли нацисты, Америка забрала всех ученых к себе. Карл Ландштейнер не мог получить Нобелевскую премию в Австрии и сразу через год получил в Америке — за открытие группы крови, хотя до него это уже сделал Пауль Эрлих. В Европе дискуссия — спорят, рассуждают, а в США продвигают моментально. Нобелевская премия была вручена 970 раз, из них больше 400 ушли в Соединенные Штаты. У нас в стране 20 с чем-то нобелевских лауреатов, а у них — 400. Чувствуете разницу? У них сейчас в Массачусетском технологическом институте работают десять нобелевских лауреатов, в Гарварде — восемь, в Стэнфорде — шесть.

В том же Стэнфорде беговые дорожки с тартановым покрытием тянутся по всей территории университета. И вдоль одной из таких дорожек под колпаком стоят скульптуры Родена — 110 фигур. Причем не копии, а оригиналы. В 1930 году Рокфеллер купил у Родена всю коллекцию, первые шесть вариантов, и подарил Стэнфордскому университету. Сначала они стояли в одном здании, потом в подвале библиотеки, затем в музее, а в дальнейшем было решено, что лучше разместить их поблизости от беговой дорожки, и их выставили на улице: «Врата ада», «Бронзовый век», «Мыслитель». И никаких тебе экскурсоводов, только бронзовые фигуры, и на табличках написано: «Роден». Мрамор под колпаком, бронза тоже защищена. Люди бегают — и просвещаются. Приезжаю я в Париж на конференцию в Институте Пастера, иду в Музей Родена: «Сколько у вас скульптур?» — «78». — «Как 78? Их же 110». — «Ну, знаете, у нас нет полной коллекции — миллиардеры все раскупили». В Музее Родена — 78 скульптур, а у бегунов в Стэнфорде — 110. Я к чему это говорю? Соединенные Штаты не просто так вдруг стали силой — они сто лет шли к этой моно-

полярности. Наука, культура, образование — использовалось абсолютно все.

В. В. Путин и С. В. Лавров считают, что необходимо детально разобраться в том, что представляет собой многополярный мир. По этому поводу высказывают свои мнения дипломаты, историки и пр. В данном контексте возникает понятие «неформальные империи», вокруг которых будут формироваться главные полюсы мира. Первая империя — Соединенные Штаты Америки, вторая — Китай и третья (под вопросом) — Россия. Под вопросом, потому что империи взаимодействуют между собой, например США и Китай. А с Россией многие страны порвали отношения, и сейчас с США нас связывает только контроль над вооружениями. Как справедливо высказался Посол РФ в США А. И. Антонов, в отношениях с Америкой мы дошли до последней черты. Какую роль будет играть Россия в многополярном мире, если с нашей страной сознательно разрывают отношения и изолируют нас? Эти важные вопросы нужно детально проанализировать.

В ходе сегодняшней дискуссии обсуждались в том числе итоги реформ. В результате реформы государственных академий наук в 2013–2014 годах были объединены три академии (Российская академия наук, Российская академия медицинских наук и Российская академия сельскохозяйственных наук), недвижимость и имущество передали в ведение Федерального агентства научных организаций (ФАНО), а потом Министерства науки и высшего образования, сформировали корпуса экспертов РАН для научного обеспечения работы органов власти и экспертизы важных государственных проектов и пр. Но нам не рассказали, к чему эта система управления должна привести.

Можно выделить две главные функции научно-методической экспертизы: экспертиза и выстраивание перспективы (анализ со стороны ученых). Но чтобы осуществлять научно-методическое руководство, надо вести постоянный мониторинг. Однако даже если проект получит отрицательную рецензию, по российским законам ничего не произойдет — финансирование не прекратится, и он продолжит работу.

Существуют две системы управления (будь то государство, наука и пр.). Первая — централизация, вертикаль власти, как в армии. Но как этот принцип можно внедрить в сферу науки? Вторая — демократическая. В науке пока все не обсудим и не достигнем консенсуса, не будет дано согласия на выполнение, для чего мы и приглашаем экспертов.

По своей природе наука предполагает постоянное противостояние меньшинства большинству. Необходимо всегда что-то доказывать, обосновывать, а большинство говорит: «Не может быть». И государство все это должно учитывать. Мы следуем неформальному лозунгу: «Да здравствует все то, благодаря чему мы несмотря ни на что!»

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Мария Владимировна, прошу Вас.

М. В. ЗАХАРОВА: — В обсуждении был затронут вопрос о европейских центрах здравоохранения, кото-

рые постепенно исчезают в связи с тем, что происходит постоянная «перекачка» специалистов. Хотела бы озвучить два момента в контексте этого тезиса.

Первый. Германия, которая до сих пор позиционировалась в качестве лидера в сфере здравоохранения, в период пандемии не сумела предоставить продукт в качестве ответа на распространение вируса. Это послужило индикатором. Как такое вообще стало возможным? В Германии сосредоточены крупнейшие производители лекарств, действует строгая дисциплина, роль этой страны в регулировании фармрынка велика, но она не смогла выдать результат.

Второй. Председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен закупила американскую вакцину *Pfizer* на десятки миллиардов евро, чтобы обеспечить ею весь Евросоюз. Сейчас ведется расследование по этому поводу. Если у Европейского союза есть такие средства на закупку вакцины, то они должны были быть направлены на исследования и стимулирование собственного производства на базе Германии, Франции, Италии. Но идет постепенное разрушение отрасли, что свидетельствует о следующем этапе — разрушении европейской идентичности: мы наблюдаем не только перекупку препаратов и лицензирование по своему образцу, а также перекупку врачей, но и внедрение людей, которые изнутри разрушают еэсовскую идентичность.

То же самое происходит и в спорте. В ЕС на этом принципе был построен собственный спорт. Что сейчас происходит с российскими и белорусскими спортсменами и спортом? Пока европейцы могли перекупать наших спортсменов, они давали нам возможность развивать свой спорт и участвовать в соревнованиях, потому что им это было выгодно. Мы на своей инфраструктуре готовили спортсменов, а они в момент взлета их перекупали. Но все изменилось в тот момент, когда сами спортсмены захотели остаться в своих странах. Как только спортсмены по целому ряду причин (финансовые, материальные, идеологические и пр.) решили выступать за свою страну, начали оставаться внутри страны и работать на спортивные достижения, по российскому спорту был нанесен удар.

Следующий этап — это создание преференций, затем разрушение тех, кто раньше обеспечивал эти преференции. В медицине и спорте таких примеров очень много.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — В России было разработано несколько вакцин против COVID-19: Центром им. Н. Ф. Гамалеи (А. Л. Гинзбург, Д. Ю. Лагунов), Научным центром исследований и разработки иммунобиологических препаратов им. М. П. Чумакова и Новосибирским научным центром «Вектор». Известны фамилии разработчиков отечественных вакцин против COVID-19, в отличие от Европейского союза, потому что Германия и Франция не участвовали в создании вакцин. На территории этих стран работают огромные фармакологические концерны, но фармфирмы не заинтересованы в проведении исследований отдельными лицами, что прописано в уставах и связано с распределением прибыли.

Если сравнить две академии наук — Российскую и Китайскую, то можно сделать следующий вывод. При создании Китайской академии наук 1 ноября 1949 года (одновременно с образованием Китайской Народной Республики) за образец была взята Академия наук СССР (отделения, выборы и пр.), но китайцы отказались от двухступенчатой системы: у них есть только академики и нет членов-корреспондентов, но количество членов такое же, как в РАН, — 800 человек. В 1977 году Китайская академия наук из своего состава выделила Отделение философии и общественных наук в самостоятельную государственную академию — Китайскую академию общественных наук. Кроме двух крупных академий, в Китае действуют и небольшие академии: медицинская, искусств и пр.

Академия общественных наук и Китайская академия наук процветают, так как в Китае академическая наука находится на высоком уровне. Они работают по российской системе, но есть нюанс. Последние 30 лет Россия тратила на науку примерно 1 % ВВП (сейчас — 1,07 %, в 2012-м, когда были выпущены майские указы президента, было дано указание повысить этот показатель до 1,78 % к 2017-му). В Китае расходы на науку в 1949 году составляли 0,5 % ВВП, а последние 12 лет — 2,4 %, в США — 2,9 %.

Говоря об идеологии, которая затрагивалась в ходе обсуждения, хочу сказать, что идеологию надо возвращать. Необходимо воспитывать патриотов своей страны. Приведу пример: если Китай попросит вернуться в страну своих ученых, которые работают по всему миру, придут 99 %, а у нас — 10 человек.

А. Д. ХЛУТКОВ: — Комментируя яркие примеры из области медицины и спорта, следует сказать, что не только спорт и медицина, но и вся финансовая система находится в руках тех же людей. Попытки скорректировать это, развить национальную финансовую систему, перейти в международную торговле на национальные или региональные валюты встречаются противодействием. Едва ли не главная причина недовольства наших оппонентов связана с тем, что мы замахнулись на Бреттон-Вудскую систему и предложили использовать национальные финансовые системы, региональные валюты, основываясь на принципе справедливости, пропорциональности и выгоды национальных участников мирового экономического процесса. Не только в медицине и спорте, но практически в каждой отрасли мы можем найти подкрепление нашим словам.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Слово предоставляет академику Национальной академии наук Беларуси Александру Геннадьевичу Шумилину.

А. Г. ШУМИЛИН: — Хотел бы ввести в дискуссию о многополярном мире ряд экономических категорий, попытаться поставить диагноз и определить способ лечения. Все это необходимо для того, чтобы понимать происходящие сегодня глубинные процессы.

Цикличность экономики никто не отменял. Приблизительно каждые сто лет происходит смена социально-экономической формации, замедляется разви-

тие экономики и государства, и человечество придумывает что-то новое. В Соединенных Штатах Америки очередная смена произошла на рубеже XX–XXI веков, когда либеральная экономика, которая была выстроена по всему миру и основывалась на деньгах, продемонстрировала отсутствие необходимых темпов развития, то есть началось замедление развития. На это наложились пандемия коронавируса. Либеральная глобальная экономика показала несостоятельность развития в условиях ковидных ограничений, что внешне выразилось в уязвимости построения мировой системы.

За последние сто лет 55 % ресурсов экономики перешло из материального в так называемый интеллектуальный сегмент. Сегодня 55 % мировых ресурсов — это интеллектуальный капитал, а не станки, машины, природные ресурсы и энергетика. Можно с уверенностью сказать, что миром правят технологии, которые все в большей степени определяют развитие цивилизации.

В условиях кризиса первое, что сделали страны Запада, — отключили Россию от международных платежных систем. Это в определенной степени ограничило наши экономики, но Беларусь и Россия быстро справились с возникшей проблемой. Кроме того, наши страны начали ограничивать в технологиях. И это ударило по нам сильнее. Например, перестали поставлять системы ABS фирмы Bosch для автомобилей, хотя технологически их несложно сделать, но это потребует времени. Также у нас нет чипов для производства микроэлектроники, и, как в любом сложном технологическом процессе, быстро наладить их производство не получится.

В это время появляется цифровая экономика — это чистый интеллект. То есть в принципе меняется подход к экономическим процессам. Чтобы написать программу, не нужно больших вложений и ресурсов. Все высокотехнологичные компании, такие как Google, Microsoft, Tesla, растут. Известным нефтяным компаниям больше ста лет, а кто про компанию Tesla знал десять лет назад и мог представить, что сегодня ее стоимость составит больше 44 млрд долларов?

Основная проблема многополярного мира — появление искусственного интеллекта. Илон Маск предложил приостановить его развитие. Но искусственный интеллект уже создан, и он лучше, чем человеческий. В отличие от нашего интеллекта, он быстро учится. Сегодня компьютерная программа хорошо рисует, пишет тексты, и иногда даже сложно отличить, какой текст написала машина, а какой — человек. В виртуальной реальности уже покупают картины, созданные компьютером, дома и участки.

Мы живем в постоянно меняющемся мире. Сегодня человечество не может осознать, к чему приведет развитие искусственного интеллекта и технологий. Создание паровоза, автоматизация производства, появление электричества — все это обусловило повышение производительности труда. Никто сегодня не сможет предсказать, как технологии повлияют на мир в целом.

В советском кинофильме «Приключения Электроника» был показан робот. Когда же на самом деле робот (фактически искусственный интеллект) был спроекти-

рован, представители недружественных стран задали вопрос: как его можно остановить и ограничить? Если есть кнопка, искусственный интеллект можно остановить. Электроник, то есть искусственный интеллект, в один прекрасный момент решил, что хочет стать человеком, выйти из-под контроля создателя и жить как обычный человек. Уже тогда высказывалась идея, что искусственный интеллект может захотеть стать человеком. Но Электроник в конце фильма добровольно вернулся к своему создателю. А если бы он не вернулся и стал жить среди людей?

Мы говорим о многополярном мире, понимая его традиционно, — это правительство, государство, люди. А через десять лет может появиться технологическое определение. Готовы ли мы к осознанию и обсуждению того, что будет? Готовы ли мы конкурировать с искусственным интеллектом, абсолютно новой реальностью, которая уже стоит на пороге? Может быть, в перспективе ученым надо осознать, куда двигаться дальше и как можно повлиять на эти процессы, иначе они уже влияют на все человечество. Многополярный мир может выглядеть совсем не так, как в традиционных моделях.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Высказываются разные мнения относительно того, каким образом произойдет закат Европы: либо это придется делать вручную, либо это произойдет само собой. Ответ на этот вопрос знает директор Института Европы РАН Алексей Анатольевич Громыко.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Эту дискуссию начал еще О. Шпенглер, и она будет продолжаться и в XXI веке. На пленарном заседании и панельной дискуссии мы говорили о Европе, в том числе о полицентричности, какой она может быть, как распределятся новые центры силы, об их комбинации и политической геометрии. Но мне кажется, что с точки зрения европейских исследований и взгляда на состояние мира надо сказать несколько слов о проблематике контроля над вооружениями. Эта важная тема пока не затрагивалась.

Мы часто используем выражение «стратегическая стабильность», имея в виду систему сдержек и противовесов, которые были выработаны в 1960–1980-е годы в отношениях между СССР и Соединенными Штатами Америки. Правда, сам термин «стратегическая стабильность» появился только в конце 1980-х. Я помню по выступлениям и общению с Андреем Андреевичем Громыко, что в то время высшее политическое руководство страны говорило об установлении военно-политического паритета по существу. Стратегическая стабильность сейчас пребывает в жалком состоянии, считается, что в рамках стратегической стабильности между СССР, потом Россией, и США было заключено десять соглашений, из которых сейчас фактически действует только Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III). Россия приостановила свое участие в договоре СНВ-III после двадцати лет его выполнения, когда США, пренебрегая стратегической стабильностью, в 2002 году вышли

из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО).

Надо сказать, что это приостановка действия договора СНВ-III, а не выход из него. Договор был заключен в Праге в 2010 году, и его действие заканчивается в 2026-м. Договор приостановлен, но стороны продолжают соблюдать Соглашение между Москвой и Вашингтоном об уведомлениях о пусках межконтинентальных баллистических ракет 1988 года.

Сейчас специалисты фантазируют на тему о том, что будет, если в 2026 году не будет предложена новая форма соглашения, которая может прийти на смену СНВ-III. Вспоминают о судьбе договора СНВ-II, который не был ратифицирован Конгрессом США в 1979 году, но до 1984 года стороны придерживались заложенных в нем принципов.

Важным фактором сегодня является Китай, который продолжает активно и быстро наращивать свою ядерную триаду. По прогнозам американских специалистов, к 2030 году Китай может создать порядка тысячи ядерных боеголовок, а к 2035-му — полторы тысячи, то есть фактически он может сравняться по этому показателю с Россией и США. Начиная со времен президентства Д. Трампа Вашингтон делает все для того, чтобы вовлечь Китай в переговоры о стратегической стабильности.

В 2023 году Россия (в лице президента страны) поставила ребром вопрос о том, что Франция и Великобритания также должны присоединиться к этим переговорам, так как де-факто, а в чем-то и де-юре их ядерные арсеналы являются частью совокупной военной мощи НАТО. Для обсуждения этого вопроса есть и другие переговорные «ниточки», так как эти страны — члены официального ядерного клуба и постоянные члены Совбеза ООН.

Сегодня европейской системы безопасности фактически не существует. То, что от нее осталось, находится в руинах. Одна из коренных причин этого — экспансия НАТО, о которой за последние 30 лет было много сказано. Россия, Госдума и Совет Федерации на днях денонсировали участие России в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), перенеся в юридическую плоскость то, что де-факто происходило с ДОВСЕ уже 20 лет, если вспоминать историю этого вопроса, начиная со Стамбульского саммита 1999 года (меры доверия и безопасности в Европе под зонтиком ОБСЕ, венские документы и пр.).

Но надо сказать, что между Россией и ведущими военными командными структурами Запада, США и НАТО коммуникация все-таки сохраняется, когда это необходимо, на связи могут находиться министры обороны и начальники главных штабов. Мы несколько раз наблюдали это в 2022–2023 годах. Также соблюдаются договоренности (соглашения, которые были заключены между СССР и США в 1972 и 1989 гг.) во избежание инцидентов в открытом море, воздушном пространстве и ведения опасной военной деятельности.

Если говорить об основополагающем акте России — НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности, то стороны пока не заявляют о том,

что он мертв, но де-факто это так. Восточный фланг НАТО превращается в бастион. Там увеличиваются инфраструктура и контингент войск с батальонного уровня до бригадного, порядка 40 тыс. военных НАТО находятся в странах, относящихся к восточному флангу.

Интересно, что произойдет на Вильнюсском саммите НАТО в июле текущего года? Есть основания полагать, что НАТО может перейти от концепции гибкого реагирования к концепции запрета доступа или воспрепятствования нападения противника, проще говоря, дальше будет наращиваться число военных, складов и соответственно увеличиваться инфраструктура в странах, которые граничат с Россией или находятся в непосредственной близости от нее. Напомню, что Финляндия уже стала членом НАТО, а Швеция в 2023-м также может присоединиться к этой организации.

Для Европы очень важен вопрос безопасности, так же как для нас и других стран, в частности, как будет развиваться ситуация после выхода США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. В США уже не только разработана, но и передана на опытные стрельбы и испытание корабельная многофункциональная боевая информационно-управляющая подвижная ракетная система *Thurion*, которая способна стрелять крылатыми ракетами «Томагавк» и зенитными гиперзвуковыми ракетами SM-6.

В принципе, ничего даже в теории не может гарантировать, что через два-три года на территории Европы не появятся новые наземные ударные системы средней и меньшей дальности. Это имеет прямое отношение не только к европейскому театру военных действий, но и к ядерной доктрине. Если это произойдет, то подлетное время до Москвы, Санкт-Петербурга и других центров принятия решений (в политической и военной сферах) составит 2–3 минуты, а не 8–10, как сейчас. И тогда, как считают специалисты, не будет другого выхода, как принять решение о переходе от концепции ответно-встречного удара к концепции упреждения. Ситуация будет намного более рискованной и неопределенной, чем сегодня.

В 1968 году, когда был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия и началась его ратификация, в мире таким оружием владели пять стран (Китай, Франция, Россия, Великобритания и США), на сегодняшний день к договору присоединились уже девять стран (в том числе Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея). На Западе говорят о высокой вероятности того, что к этим странам рано или поздно может присоединиться Иран. В последнее время мы слышали заявления от высоких должностных лиц Саудовской Аравии, Южной Кореи и Японии, что в случае изменения ситуации эти страны могут задуматься над производством собственных ядерных систем.

Несколько слов о том, что в Европе сейчас все вращается вокруг украинского кризиса. Он не столько самодостаточен, сколько обнажил противоречия в международных отношениях, которые появились к 2022 году, кстати, как и пандемия в 2020-м. Весной 2020 года много писалось о том, что наконец у мира есть шанс совместно противостоять общей угрозе, забыть о противоречиях, зарыть топор войны и пр. Но

пандемия COVID-19 привела к прямо противоположному результату.

Украинский кризис развивался по расходящимся траекториям: чем больше Россия отстаивала Минск-2, тем более активно другая сторона разрабатывала планы по взвинчиванию противостояния. Сейчас на Украине де-факто ведется прокси-война Запада против нашей страны. Это огромный вызов. Ситуация, как сегодня не раз было сказано, очень напряженная, но тем не менее с этим фактом нам придется иметь дело в ближайшие годы — с максимизацией задач по достижению целей, которые были поставлены в феврале 2022 года.

Поднявшись на глобальный уровень, можно сказать о том, что в ближайшие годы будет идти борьба за умы и кошельки, за сердца глобального Юга. Центры силы — на Западе и Востоке, и ясно, что в одиночку никто не сможет стать лидером и закрепиться на этих позициях. Необходимо собирать вокруг себя коалиции желающих, пусть и неформальные, но делать это сообща с теми, кто разделяет наши взгляды, тактические или стратегические.

Не нужно считать, что внешние факторы предоставят максимум возможностей для развития. Общество и экономика страны, которая претендует на лидерство, должны быть стрессоустойчивыми. Необходимо, чтобы у такой страны была способность регулировать конфликты в сфере своего влияния. Например, недавно в Кремле был сделан большой шаг вперед в урегулировании отношений между Ереваном и Баку.

Последнее, что кажется важным в стратегическом планировании, — нужно исходить в прогнозах из менее удобных сценариев, а не из лучших. Если мы будем считать, что ситуация будет развиваться по менее благоприятному сценарию, и соответственно готовиться к тому, что будет потрачено намного больше резервов и потенциала, чем при более благоприятном сценарии, то это станет залогом нашего успеха и победы.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Алексей Анатольевич, Вы сказали о том, что в ближайшее время Восток, возможно, будет определять будущее. Хотелось бы развить эту тематику. Слово предоставляется преподавателю из Норвегии Яну Стоксету.

Я. СТОКСЕТ: — Я выскажу несколько мыслей, но начну со слов, которые мне кажутся более красивыми и важными, чем высказывания Генрика Ибсена, Достоевского, Толстого. Я думаю, вы поймете, откуда эти слова. Это основа нашей культуры, и очень важно помнить об этом при обсуждении многополярного мира, к которому мы, возможно, идем. Вот эти слова: «И сотворил Бог человека по образу Своему. По образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле».

В мире, на пороге которого мы стоим, эти слова могут быть расценены как ненавистнические, так как в них содержится указание на различия, к примеру

выделяются два пола: есть мужчина и есть женщина. В новом мире это используется как оружие, главным образом против России, Ирана, Венгрии, поскольку лидеры этих стран говорят, что существуют два пола. И когда мы представляем многополярный мир, я вижу его также разделенным на два полюса.

Есть люди, исповедующие разные религии — христианство, иудаизм, индуизм, ислам. Они скажут, что есть два пола, мужчина и женщина. И это основа их картины мира. В Норвегии и вообще на Западе это главная точка для нападков на эти страны. Это подетски, но это действительно так.

Возьмем в качестве примера Венгрию. Уровень жизни растет, люди довольны, но в норвежских и западных газетах ее жителей считают гомофобами. Как сказала Мария Владимировна, упомянув про Филладельфию, не имеет значения, высокий уровень жизни в вашей стране или низкий, если вы гомофобы. А в будущем на этом пути у нас появляются трансгендеры. А что такое трансгендерность? В моем сознании или моем темном воображении, это просто репетиция трансгуманизма. Речь идет об искусственном интеллекте и совмещении, слиянии человека и машины. Это возможно. Ученые достигли в этой области значительного, с позволения сказать, прогресса. Так что, возможно, трансгендерность нужна для того, чтобы подготовить нас к будущему, в котором могут появиться транслюди.

Думаю, в многополярном мире будет разделение между верующими, для которых религия определяет, кто такие мужчина и женщина, и теми, кто выходит за пределы этой платформы и для кого возможным становится вообще все что угодно. Если мы созданы Богом, то на нас лежит определенная ответственность. Если же мы произошли из природы, тогда это вопрос выживания сильнейшего. В этом случае дозволено всё. У вас нет никаких моральных обязательств, если нет отправной точки, в которой Господь определяет ваше существование.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Слово предоставляется председателю совета директоров газеты «Комсомольская правда» Владимиру Константиновичу Мамонтову.

В. К. МАМОНТОВ: — На Лихачевских чтениях проводятся очень интересные дискуссии, представляющие собой калейдоскоп мнений. Потом появляется тот, кто выстраивает стеклышки в разнообразные цветные узоры. Это чрезвычайно ценно.

Мне не вполне понятен термин «многополярность». Из школьного курса физики мне известно, что полюсов всего два, например в радиолampe катод и анод. Все остальное — различные регулировки. История о том, что мы жили в двухполярном мире, а теперь настанет однополярный, немислима. Этого не может быть, если исходить из курса школьной физики, не говоря уже о высочайших науках.

Мне нравится восстанавливать старую аппаратуру, среди которой я выделяю советскую радиолу «Симфония» (проигрыватель и радиоприемник) — одну из лучших ламповых радиол. Над ее созданием работали

талантливые ученые, которые параллельно запустили Гагарина в космос и создали ядерный реактор.

Если мы переживем современный этап и будет создан многополярный мир, я скажу: «Остановись, мгновение! Ты прекрасно». Но сегодня из этого ничего не получится, пока неизвестно, сколько просуществует взвешенная послевоенная ситуация. В сущности, современная ситуация напоминает ту, что сложилась после 1945 года, когда все уже устали от войны: посчитали потери (кроме американцев, которые подсчитывали прибыль) и сказали: «Пусть будет многополярный мир хотя бы какое-то время». Но такая ситуация продлилась недолго. Мы видели, как это может работать и какими трудами достигается.

Однако у меня есть ощущение, что «Симфония» со старыми радиолампами просуществует недолго. Придут люди, владеющие технологиями и придерживающиеся иных взглядов на то, как мир должен развиваться, и скажут: «Убирайте лампы».

В ходе дискуссии уже упоминали о том, что сегодня идет борьба за сердца, умы и кошельки. Но постоянно возникают противоречия. И если настанет чудесное время — многополярный мир, еще и без войны, — было бы прекрасно! Получилась бы симфония, напоминающая о старых временах, которые, оказывается, возможны, но мы о них позабыли.

Мне нравятся истории об искусственном интеллекте. Считаю, что все это связано с совершенствованием человека, его бессмертием, продлением жизни. Если раньше у одного Джона Сильвера была деревянная нога, то теперь спортсмены используют высокотехнологичные протезы. Киборги, которых воплотил на экране А. Шварценеггер, — это путь к бессмертию. Компьютерные технологии — путь к тому, чтобы человеческий мозг стал более совершенным.

Бог сказал: идите и владейте (птицами, рыбами и пр.). Но мы сжигаем себя в топке эволюции, производя на свет трансгуманизм и пр. Когда все это соединится, возникнет новое чудовище. История об искусственном интеллекте — из этой же серии. Его вчера еще невозможно было представить.

Считаю все происходящее на Лихачевских чтениях полезным и важным. Создается калейдоскоп мнений. Когда смотришь на то, как он устроен, видишь, что из разных стеклышек складывается прекрасный узор. В то, что этот узор постепенно составляется, мы вносим свой небольшой вклад.

Я. СТОКСЕТ: — Очень интересный момент, касающийся того, о чем Вы говорили. Если появятся киборги или транслюди, будут ли они отвечать за свои действия? К примеру, если один человек убьет другого, его ждет суд. Если же киборг или некто с искусственным интеллектом убьет кого-то, будет ли он нести юридическую ответственность за содеянное? Чем станет человек?

В. К. МАМОНТОВ: — Дам короткий и правдивый ответ в стиле «Комсомольской правды»: не знаю, не уверен. Это вопрос нашей ответственности. Но по большому счету все ответственны за то, что произой-

дет завтра. Допустим, мой интеллект будет перенесен на новый, более долговечный носитель. Ответствен ли я за это? Наверное, да. Но могу ли я что-то реально сделать? Не знаю, не уверен.

М. В. ЗАХАРОВА: — То, о чем Вы сказали, служит индикатором проблемы. Вы предлагаете заглянуть в будущее и ответить на вопрос, будет ли искусственный интеллект или нечто, основанное на искусственном интеллекте, ответственно за убийство человека. Сегодня в том случае, когда один человек убил другого, преступник должен понести ответственность. Но проблема в том, что это не совсем так. Мы исчерпали все возможности, чтобы идти по этому пути. Какую ответственность человек несет? Моральную? Общество готово его оправдать, предоставив ему медикаменты и психологов, лишь бы он не нервничал, и сказать, что он не виноват в том, что произошло, потому что к этому его вынудили обстоятельства. Юридическую ответственность? Это вопрос денег (речь идет не о коррупции или нелегитимном их использовании) и качества защиты (адвокаты, привлечение средств массовой информации, которые могут сделать из него героя, и пр.).

Какую ответственность понес норвежский террорист А. Брейвик, который с особой жестокостью убил колоссальное количество молодых людей и подвел под это политическую и этическую базу? Для многих он стал героем. И в итоге получил комфортнейшие условия пребывания в пенитенциарном заведении (это нельзя назвать тюрьмой), больше напоминающем детскую комнату в магазине «Икеа», а также внимание средств массовой информации, которые удовлетворили его болезненные амбиции, и бесконечные оправдания его действий со стороны политологов, экспертов, психологов и т. д. Он стал знаковой фигурой. К сожалению, за такие поступки человечество обязано нести ответственность, но не несет, а система прогресса обслуживает это безответственное поведение.

Чтобы спастись, нам нужно думать не о том, понесет искусственный интеллект ответственность в будущем или нет, а о том, как нынешний естественный интеллект человека позволит ему нести ответственность. Потому что только в ответственности за самого себя и заключается спасение человека.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — На Лихачевских чтениях присутствует представитель Швейцарии Ги Меттан. Пожалуйста, Вам слово.

Г. МЕТТАН: — Я хотел бы осветить исторические перспективы развития многополярного мира. Считаю, что создание многополярного мира еще никогда не было так близко к успеху. Этому есть три причины.

Первая причина — за сто лет многое изменилось. Например, сейчас уже нет холодной войны и двухполярного мира. В период холодной войны не было возможностей для создания многополярного мира, и основная задача всех стран заключалась в сохранении баланса между США и СССР.

Вторая причина тоже связана с холодной войной. Сейчас уже нет ста государств, которые претендова-

ли бы на роль центра. Достаточно пяти-шести сильных держав, чтобы образовать полюса. Кроме того, страны не разделены, они сотрудничают в рамках ШОС и других организаций, то есть отсутствует разделение и имеется желание сотрудничать.

Третья причина — существование однополярного мира: США и их вассалов. Но этот единственный полюс претерпел значительное сокращение. Ситуация изменилась по сравнению, например, с обстановкой после Второй мировой войны, когда в 1945 году США обеспечивали 40 % экономического мирового развития, в то время как сегодня эта доля составляет лишь 18–20 %. Произошло двукратное сокращение влияния, что свидетельствует о предпосылках перехода к многополярному миру.

Но для того, чтобы многополярность стала успешной, необходимо решить три проблемы. Первая: в настоящее время Запад все еще доминирует в мире и контролирует весь нарратив, используя различные фейковые ценности, такие как демократия, права человека, экология. Такой нарратив следует подвергнуть сомнению и пересмотреть, чтобы преуспеть. Вторая проблема: Запад все еще доминирует в финансовой сфере. Долларизация экономики значительно усилила доминирование и контроль Запада, и необходимо действовать в этом направлении, чтобы контролировать долг и преодолеть доминирование. Третья проблема: многополярность подразумевает несколько центров, то есть это не единый мир. В настоящее время Запад будет стремиться применять принцип «разделяй и властвуй», поэтому необходимо не допустить политики разделения, стимулирования Западом развития конфликтов между различными странами, например Индии против Китая. Запад будет пытаться это сделать, но такие попытки нужно пресекать.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — В развитие этой мысли хотел бы предоставить слово профессору Университета Сорбонна Оливье Рокпю.

О. РОКПЮ: — Я хочу прежде всего поговорить об истории. Мне кажется, что момент, в котором мы сегодня находимся, похож на период, существовавший до одного очень важного события, о котором мы почти забыли. Это была, наверное, самая первая мировая война. Я имею в виду Семилетнюю войну. В ней участвовали Англия, Франция, Пруссия, Австрия, Испания и Португалия, а также Россия. Военные действия шли как в Европе, так и за океаном: в Северной Америке, странах Карибского бассейна, Индии, на Филиппинах. Эту войну считают колониальной, так как в ней столкнулись колониальные интересы Великобритании и Франции.

Многополярность прежде всего означает конец колониализма, который зародился в 1763 году с победой Англии над Францией в Семилетней войне. Тот колониализм, который нам известен, порожден англичанами.

Почему я об этом говорю сегодня? Если совпадают тренды философии, культуры, политики, экономики, можно догадаться, что произойдет. В Западной Европе

и США мы наблюдаем конец рационализма, демократии, либерализма. Во Франции начинают открыто говорить о том, что принципы либерализма (разделение между законодательной, исполнительной и судебной властями) уже не важны и парламент не играет никакой роли, так как президент его игнорирует.

Было бы интересно сравнить мир начала XVIII века и начала XXI столетия, чтобы понять, какие возможности развития остались. Современная Европа похожа на ту, что существовала в начале XVIII века, то есть до колониальной эры. Современный Китай похож на великий Китай начала династии Цинь. Испаноговорящий мир важен сегодня, как и раньше. Турция и Иран стремятся вновь обрести статус, который принадлежал им ранее.

В завершение добавлю, что колониализм как главный инструмент глобализации почти исчез, но еще не полностью, и сейчас он сам себя разрушает. Сегодня мы наблюдаем явление самоколонизации, потому что колониализм не исчез из умов жителей Европы и Северной Америки.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Слово Дмитрию Бабичу — обозревателю агентства «РИА Новости», члену Союза журналистов России.

Д. О. БАБИЧ: — Думаю, все обратили внимание, что в марте этого года был выдан так называемый ордер на арест Президента Российской Федерации Владимира Путина. Но поскольку Россия не присоединилась к римскому статуту Международного уголовного суда в Гааге, его решения для нас ничтожны. И все же предлагаю вспомнить сходные случаи, когда международным судом предпринимались попытки судить лидеров государств и к чему это приводило. Изначально предполагалось, что главная цель таких решений — моральное осуждение со стороны народа той страны, которую данный руководитель возглавляет. Поэтому, когда появилось это неправовое, с моей точки зрения, решение относительно Владимира Путина, в газете *Berliner Zeitung* была опубликована обзорная статья на тему, удалось ли хотя бы однажды добиться того, чтобы население осудило своего лидера.

Самые интересные данные в этом плане связаны с Нюрнбергским трибуналом. Когда судили нацистских преступников, население Германии было настроено решительно против них. Надо признать, что США тогда постарались убедить немцев на тех территориях, которые они контролировали, что они, американцы, не имеют ничего против народа Германии, а осуждают только нацистских бонз, которые развязали страшную войну. Были проведены социологические исследования, в ходе которых выяснилось, что непосредственно во время Нюрнбергского процесса большая часть немецкого народа требовала жестких наказаний. Но затем, в 1960-х годах, когда Ханна Арендт и другие немецкие философы и историки, уехавшие в США, стали утверждать, что виноваты были не только Гитлер и его приспешники, но и общество, которое это допустило, настроения немцев стали меняться. Стали говорить, что суд в Нюрнберге был несправедливым. Так бывает

после любой войны: кто победил, тот потом и судит побежденных. Думаю, мы все здесь считаем, что осудить нацистских преступников, конечно, было необходимо, и возложение вины на общество в какой-то мере обосновано. Тем не менее колебания общественного мнения представляют определенный интерес.

Любопытно, что этот феномен повторился, как заметили авторы статьи в *Berliner Zeitung*, после войны в Югославии. Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) был создан в 1993 году, и Россия в Совете Безопасности ООН поддержала его создание, потому что мы рассчитывали, что это будет честный суд. Представитель России в СБ ООН Юрий Воронцов, выступая после голосования, сказал, что впервые не победитель судит побежденного, а все международное сообщество в лице трибунала вынесет свой вердикт тем, кто попирает не только нормы международного права, но и просто человеческие представления о гуманности. Как сказала Мария Владимировна, нам очень хотелось верить тогда, в конце 1980-х — начале 1990-х, что человечество пришло к согласию и мы сейчас вместе построим прекрасную справедливую жизнь. Но, увы, мы знаем результаты МТБЮ: 92 осужденных — сербы, 33 — хорваты, 8 — косовские албанцы, 7 — боснийские мусульмане. То есть сербы составили абсолютное большинство осужденных. Но самое ужасное заключается в том (и это заметили в *Berliner Zeitung*), что сербский народ не принял решение трибунала. Когда бывших членов сербского военного руководства освобождали, их встречали с цветами. То есть трибунал фактически оказался нелегитимен. Понимаете, фиаско заключается даже не в том, что не всех виновных удалось привлечь к суду, а в том, что среди осужденных оказалось сербов больше, чем представителей других этнических групп. То есть очевидно, что в это время система начинает буксовать.

И уже полностью она провалилась в Африке, когда не удалось даже задержать суданского президента Омара Аль-Башира, хотя к тому времени он был уже свергнут. Сейчас вроде бы ничто не мешает его выдать, но африканцы не спешат это делать.

Решение относительно нашего президента принято явно по политическим мотивам и призвано прежде всего ограничить его возможности для зарубежных визитов. Однако оно бьет мимо цели, потому что не поддерживается общественным мнением в России и во многих других странах, особенно глобального Юга. Почему, кстати, Африканский союз содействовал привлечению к ответственности Омара Аль-Башира? Не потому, что он принял его сторону в гражданской войне в Судане. Просто африканцы знают, что ситуация очень сложная, она не укладывается в голливудский шаблон «хороший парень против плохого». В суданском кейсе практически невозможно определить, кто прав, а кто виноват, но американцы и европейцы делают вид, что им все понятно.

Получается, что человечество стараниями прежде всего Запада утратило способность определять какие-то действительно общие для всех ценности. Поэтому можно сказать, что международная юстиция находит-

ся в состоянии кризиса и необходима ее срочная реформа. Думаю, что эта реформа должна предусматривать увеличение в международном правосудии веса незападных стран, чтобы не допустить повторения такого кейса, как с Омаром Аль-Баширом. Прежде чем судить африканца, спросите африканцев, что они об этом думают. Перед тем как судить участника войны в Югославии, спросите граждан стран, входивших в федерацию. Я убежден, что это тот принцип, который нам стоит защищать.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Надеюсь, что опыт и традиции, которые мы нарабатываем, станут основой для будущего реформирования международного права. Это позволит в будущем принимать верные решения в сложнейших ситуациях в условиях многополярности мира, так чтобы они служили делу прогресса и созидания.

Слово предоставляется Виталию Николаевичу Пунченко.

В. Н. ПУНЧЕНКО: — Мы рассуждаем о многополярности, подразумевая при этом, что полюсы могут представлять крупные государства, отвечающие определенным критериям: сильная армия, дипломатия, ВВП и прочие ресурсы. Однако давайте взглянем с точки зрения малых и средних государств, не располагающих такими ресурсами, причем не только с позиции правительств, но и глазами их народов. Можно ли представить себе более компромиссный образ будущего многополярного, постконфликтного мира? Скорее всего, это будет такой мир, в котором каждое государство можно рассматривать как отдельный полюс, поскольку оно будет самостоятельно определять свое место в геополитике, не опасаясь потерять субъектность и раствориться из-за гравитации больших полюсов. Это непростой путь. Именно сейчас его проходят Беларусь и Россия. Возможно, история белорусско-российской интеграции в конечном счете явит миру новый формат многополярности — союз двух по-своему сильных полюсов, по сути два ядра одного полюса. Я считаю, что многоядерные полюсы вполне возможны. И если наш опыт окажется удачным, то, безусловно, он будет распространяться.

Мы видим большое внимание к процессам интеграции со стороны и других стран — участниц ЕАЭС, ШОС, других объединений. Поэтому наиболее эффективный путь к многополярности — создавать территорию успеха. Это не просто, ведь речь идет не только об экономике, но и о ценностях, о восприятии друг друга. Далеко не все вопросы решаются и даже обсуждаются — зачастую мы замалчиваем темы, которые считаем потенциально конфликтными. Однако расхождения в идеологемах — это не уязвимость, а преимущество, которое надо использовать по максимуму. Поэтому необходимо интенсивнее проводить исследования, реализовывать аналитические медийные проекты, развивать взаимоуважительный экспертный диалог. Это уже реализуется, но впереди еще долгий и сложный путь.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Приглашаю к микрофону профессора Владимира Александровича Шамахова.

В. А. ШАМАХОВ: — Я по первому образованию технар, поэтому имею несколько приземленные взгляды. Я считаю, что любой показатель должен быть измеримым. Вообще критерии многополярности никто пока официально не сформулировал. На мой взгляд, это сделать необходимо, потому что, употребляя данный термин, разные люди, возможно, имеют в виду не вполне одно и то же. Вероятно, все же в качестве плюсов мы будем рассматривать государства и соответственно их экономику, военный потенциал, технологическое развитие (хотя последнее вряд ли будет определяющим). Но на первом месте продолжают оставаться традиционные ценности, религия и культура. В связи с этим хочу еще раз поблагодарить Александра Сергеевича Запесоцкого и его коллег за то, что они по-прежнему занимаются темой диалога культур — ведь это главное, что есть в современном мире, да и в будущем ситуация не изменится.

Похоже, что наши оппоненты, проигрывая нам в традиционных ценностях, решили сделать ставку на электронные технологии вроде трансгуманизма. Однако эта разрушительная тенденция угрожает разрушением не только культуре, но и привычному миру вообще. Самое страшное, что она нацелена прежде всего на детей. Мы много говорим о будущем как о мире, в котором будет жить нынешняя молодежь, но мировоззрение человека складывается гораздо раньше, поэтому надо налаживать соответствующее воспитание в младших классах и даже в детских садах. Мы говорим о решении проблем высшего образования, забывая о средней школе, а ведь там тоже требуются реформы. В советский период воспитательная работа в школе была на высоком уровне.

И, конечно, нам не обойтись без идеологии. Тут выбор простой: нет своей идеологии — будет чужая. Поэтому идеология, опирающаяся на традиционные ценности, сегодня очень нужна, а идеологическую работу надо вести начиная с дошкольного возраста. Мы должны все вместе бороться за умы следующих поколений, а значит, и за будущее страны.

М. В. ЗАХАРОВА: — Что касается трансгендеров, трансгуманизма и многих других технологий, то хочу привести пример, иллюстрирующий пользу таких «достижений». В конце 1950-х годов в Канаде родились близнецы — два мальчика. У обоих была небольшая медицинская проблема, которая требовала оперативного вмешательства. Одного прооперировали должным образом, и он стал здоровым, а с другим допустили врачебную ошибку, которая поставила крест на его репродуктивной функции. И тогда к решению вопроса подключился американский врач, который занимался проблемами детской и гендерной психологии. Он предложил сменить ребенку пол. Объяснил родителям: младенцы не понимают, мальчики они или девочки, а мы сейчас подкорректируем ребенку анатомию, и вы будете воспитывать его как девочку, потом еще добавим гормоны.

Чем закончилась эта история? К 15 годам у ребенка было несколько попыток суицида. Родители приняли решение рассказать о том, что произошло вскоре после его рождения, и ребенок, дождавшись совершеннолетия, поспешил к хирургу — возвращать свой природный пол. После операции все, казалось бы, наладилось, он даже женился. Но созданный за все годы дисбаланс оказался таким травмирующим, что в 38 лет он все-таки покончил с собой. То же самое сделал и его брат, потому что он почему-то считал себя виновным в трагедии. Чудовищная история.

Но что произошло с тем американским врачом? А ничего! Он не признал свою ошибку, и общество его не осудило. Он прожил долгую жизнь, писал статьи, давал интервью.

Так вот, самое ужасное заключается в том, что подобные практики сейчас стали новой нормальностью. Мы допускаем ошибку, когда говорим, что это такая мода и скоро она пройдет. Не пройдет, если мы не будем самым решительным образом бороться с этими уродливыми явлениями.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Да, это правда. А теперь предлагаю узнать мнение социологов. Сергей Григорьевич Мусиенко, прошу Вас.

С. Г. МУСИЕНКО: — Вчера Валерий Александрович Черешнев на пленарном заседании высказал важную для меня мысль, что наука — это неотъемлемая часть культуры. Это пересекается с идеей Сергея Георгиевича Кара-Мурзы, еще 20 лет назад написавшего книгу «Идеология и мать ее наука». Сегодня к идеологии надо подходить с научной точки зрения. В связи с этим трудно переоценить роль Лихачевских чтений, уже не одно десятилетие транслирующих это понимание. Сегодня мы видим ожесточенную борьбу на идеологическом фронте, когда сносятся памятники, запрещаются символы и отменяются целые культуры.

В свое время я в кандидатской диссертации попытался доказать, что элита государства — это те люди, кто отвечает (и осознает эту ответственность) за прошлое, настоящее и будущее своей страны. В Стратегии национальной безопасности России от 2021 года есть слова о защите традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. За два года эта Стратегия во многом утратила актуальность. Однако в Беларуси Концепция безопасности была разработана 25 лет назад! Поэтому я предлагаю использовать возможности, которые предоставляют нам Лихачевские чтения, выдвинуть некоторые предложения относительно будущей концепции безопасности Союзного государства, которую рано или поздно придется совместно принимать. Мы работали над таким документом в Беларуси, но с началом СВО приостановили эту деятельность, потому что стало понятно, что потом в него придется вносить много изменений. Я считаю, что в новой концепции должен появиться раздел «культурная безопасность», а в качестве основы для него надо взять «Декларацию прав культуры», созданную академиком Лихачевым в сотрудничестве с СПбГУП.

В ответ на опасения академика Шумилина могу сказать, что только культура может предотвратить те негативные последствия, которыми чревато развитие искусственного интеллекта.

У меня такое ощущение, что на Западе сейчас реализуются идеи УНОВИСа (Утвердителей нового искусства) — объединения, созданного в 1920 году Малевичем. Во всяком случае именно в этом стиле сейчас работают дизайнеры брендовых автомобилей, одежды и т. д. Это ведет к их самоуничтожению, поэтому наша задача — не допустить подобных явлений уже в нашей действительности.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — И еще один социолог из Республики Беларусь — Ирина Валерьевна Лашук.

И. В. ЛАШУК: — Я уже много лет занимаюсь социологией культуры — направлением, которое сегодня часто называют культуросоциологией, и на протяжении многих лет говорю о том, что культура определяет очень многое в самых разных областях жизни. Но, поскольку в экономическом вузе тема культуры не входит в число основных, я выполнила социологическое исследование, в котором получила количественные данные, показывающие (в процентах!) вклад социокультурной составляющей в экономическое, социально-политическое и культурное развитие общества. В развитие этой темы я стала изучать такой феномен, как социокультурная консолидация общества. Я согласна с идеей измеримых показателей, но как такую консолидацию выразить в числах? В связи с этим возьму на себя смелость и прокламирую свои работы, в которых я предлагаю полезные, на мой взгляд, инструменты. Если мы объединим усилия для того, чтобы вести мониторинг этой самой важной сферы — социокультурной, это будет огромная победа. И давайте помнить о том, что эта сфера формируется долго, в течение многих лет, но потом ее практически невозможно разрушить.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Галина Валерьевна Наумова, писатель, переводчик, антрополог. Вам слово.

Г. В. НАУМОВА: — Наверное, самым правильным для моей специализации можно считать термин *cultural anthropologist*. Как и Владимир Александрович, я думаю, что нам не хватает точного определения многополярности. Всемирно известный политолог XX века Эмюэль Хантингтон предложил свой вариант (возможно, самый верный), предполагающий идентификацию по культурному принципу. Что это за принцип? Это целый комплекс критериев, объединенных по модели магнита, о чем говорила Мария Владимировна. Такие «магниты» притягивают общие структуры коллективного мышления и действия. Наглядный пример — Запад. Хантингтон не говорит о культурном разнообразии Запада, а рассматривает Запад как целостное явление. Славянско-православные страны — это одна цивилизация, индуистские — другая. Особняком стоит китайская цивилизация, причем Хантингтон определяет ее по признаку конфуцианства, и это правильно, потому что религия играет основополагающую роль для

идентификации. И, безусловно, страны ислама тоже представляют отдельную цивилизацию.

Культурная идентификация включает весь комплекс антропологических признаков, которые определяют отношения между мужчиной и женщиной, отношение человека к смерти, ко времени, к природе и т. д. Последний фактор играет огромную роль в конфуцианстве и других архаических культурах, для которых в природе заключается смысл существования, это их символ. Сегодня обострилась проблема выживания человечества, с которой связаны такие феномены, как трансгуманизм и искусственный интеллект. Когда я во второй половине 1990-х годов встретила в Массачусетсе с Марвином Минским, во время беседы он вдруг надолго задумался, а потом произнес: «Душу будем убирать, душа мешает». По-моему, это ответ на все вопросы: нет души — нет Бога, а значит, ни духовности, ни морали тоже нет.

Для того чтобы человечество выжило, нам всем надо объединиться и выработать какие-то общие решения, а для этого требуется мышление планетарного масштаба. Но при этом нам, россиянам, надо осознать, что мы никогда не будем близки Западу, поэтому не должны ему доверять. Каждый раз, когда на какой-нибудь конференции заходит речь о русской душе, коллеги из западных стран сильно возбуждаются. Их раздражает именно русская душа — наша самая большая ценность, которую мы должны сохранить, несмотря на все исторические перипетии.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — С удовольствием и вниманием выслушаем кандидата философских наук Екатерину Владимировну Радевич.

Е. В. РАДЕВИЧ: — Мы, философы, знаем, что культура — очень многоплановый феномен, который можно рассматривать с разных точек зрения, применяя при этом и информационный, и деятельностный, и семиотический и другие подходы. Философия изучает любую проблему в динамике, но в том, что касается культуры, я, как философ, настаиваю на аксиологическом подходе. Культура — это прежде всего система ценностей, которая в любом обществе составляет ядро культурной традиции. И это то, что позволит, возможно, избежать дивергенции, свидетелями которой мы сегодня являемся. Именно культура, понимаемая с точки зрения аксиологического подхода.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Профессор Дмитрий Валентинович Мосяков, пожалуйста, Вам слово.

Д. В. МОСЯКОВ: — В ходе наших дискуссий было высказано много интересных идей. Во-первых, замечательную мысль высказала Мария Владимировна — о борьбе между культурой и антикультурой. Какая из них одержит победу? Общество с высокоразвитой культурой состоит из людей, которые привыкли считаться с другими, для них существует масса ограничений. Бескультурье же означает отсутствие красных линий, когда человек не считает нужным обуздывать свои самые темные инстинкты. Что можно им противо-

поставить? История знает немало примеров, когда варварские племена оказывались сильнее высокоразвитых цивилизаций и разрушали их. Поэтому данная проблема не только философская — она требует поиска практических решений.

Во-вторых, мы живем в новой системе международных отношений. Международное право фактически не действует, а любая коллизия разрешается по правилам, которые регулярно меняются согласно интересам тех, кто устанавливает эти правила. В настоящее время, например, то и дело возникают конфликты по поводу решений, принятых Западом. Исторический контекст не имеет значения, а разрешение конфликтов предполагается на основе сложившейся ситуации. Наглядный пример — спор между Филиппинами и Китаем по поводу некоторых островов и акваторий в Южно-Китайском море. Были вынесены судебные решения в пользу Филиппин, но Филиппины не могут этим воспользоваться, потому что Китай более крупная и мощная страна с сильной армией.

В-третьих, культура компромисса, похоже, осталась в прошлом. Миротлюбивые сообщества, желающие разрешить конфликт, стараются как можно скорее найти компромисс и заключить мир. Сегодня мы видим другую логику: давайте воевать до тех пор, пока кто-то из нас не победит, и тогда мы будем готовы вести переговоры об условиях мирного соглашения.

Наконец, в-четвертых, все окутывается таким феноменом, как постправда. По-моему, постправда — один из самых мощных инструментов информационной войны и давления на оппонента. Что это такое? Постправда получается тогда, когда в правдивую информацию добавляются некоторые нюансы, выгодные тем, кто ее транслирует. Особенно страшно, что эти источники обладают монопольным правом на информацию, у них самые большие аудитории, их версия всегда считается основной, а другие могут только публиковать опровержения.

Все эти новые реалии представляют некую целостность, в которой мы уже живем. Надо осознать это в полной мере и думать над стратегиями, которые помогут в этой сложной ситуации.

Мария Владимировна высказала еще одну интересную мысль — о глобальных мистификациях. Действительно, мы наблюдаем одновременное существование всех описанных мною принципов, и в результате складывается определенная картина. И тут я хочу напомнить историю Древней Греции, в которой была многополярность (Афины, Спарта, Фивы), затем последовал период беспоплярности, распада, а после этого пришли македонцы.

В дальнейшем события могут развиваться по-разному, но мы должны найти решения. Как нам жить в отсутствие универсального международного права, чем отвечать на постправду и т. д.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Мария Владимировна Захарова, Ваша реплика.

М. В. ЗАХАРОВА: — В чем заключается главная цель культуры? В количестве театров, музеев, стадио-

нов? Конечно же, нет. Культура — это один из способов сохранения человека в своей природе, в человеческой сути, в той ее части, которая отличает нас от всех остальных животных, даже таких умных, как дельфины.

В 2004 году я впервые приехала в Вашингтон. А в семье моих родителей было правило: в любом городе надо в первую очередь посетить его главный музей — художественный, исторический, краеведческий — в общем, самый репрезентативный. И я отправилась в Национальную галерею искусств. Напомню, что галерея существует во многом благодаря переданным в дар частным коллекциям и пожертвованиям. Дохожу до зала средневекового западноевропейского искусства, иду мимо скульптурной композиции в центре, и вдруг меня останавливает зритель — афроамериканец примерно 55 лет: «Мадам, стойте!» Моя первая реакция: «Боже мой, какие правила я нарушила?» А он говорит: «Я здесь работаю, и то, что вы видите, — это, конечно, великие шедевры. Но на этот пьедестал я бы поставил сейчас ваши туфли».

Это смешно только на первый взгляд. Оказалось, что все посетители приходят в галерею в кроссовках, и не только в галерею — они надевают спортивную обувь и в театры, и в гости, и вообще везде. А на мне были элегантные туфли. То есть смысл культуры не только в том, чтобы собрать великие произведения искусства для всеобщего обозрения. Человек должен сохранять понимание, что театр и музей — это пространство, отличное от повседневного быта. Вы соприкасаетесь с прекрасным, и если вы имеете соответствующий внешний вид, то это свидетельствует о вашей личной культуре.

Я считаю, надо возвращаться к более глубоким и вечным смыслам. Предшествующие поколения создали для нас очень много, и наша задача — не только пользоваться этим наследием, но и развивать и улучшать его.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Руслану Васильевичу Костюку.

Р. В. КОСТЮК: — Когда мы говорим о многополярности и проблемах новой геополитики, то часто пользуемся штампами «коллективный Запад», «золотой миллиард» и т. п. Красивые формулировки, но мы должны понимать, что на самом деле между странами Запада нет внутреннего единства. Активизировавшееся социально-классовое протестное движение свидетельствует о том, как много противоречий в западноевропейских обществах. Много вопросов вызывает функционирование европейской социальной модели, по крайней мере об этом уже давно говорят руководители левых партий и современного профсоюзного движения. Безработица, рост цен и тарифов на коммунальные услуги, снижение покупательной способности граждан вкупе с проводимой политикой приватизации, повышением пенсионного возраста и другими действиями властей — все это является продолжением политики нелиберализма. Эта политика сталкивается с критикой слева и справа, поэтому все отчетливее

становится тенденция к радикализации общественно-политической жизни. В 2022–2023 годах протестное движение в западноевропейских странах — Германии, Франции, Великобритании, на юге континента — стало более активным.

В связи с этим отмечу один важный момент. Во времена холодной войны борьба за социально-трудовые права в капиталистических странах была важной темой всех съездов КПСС, это движение рассматривалось как союзник СССР. И это были не просто слова, это была реальная ситуация. Сегодня у нас таких союзников нет. В странах Европы позиция ведущих левых партий и профсоюзного движения — как отраслевых профсоюзов, так и общеевропейских — негативная относительно действий России. Тем не менее эти движения наносят удары по социально-политической ситуации в западноевропейских странах. Последние события во Франции это показали — как и то, что представитель французского либерализма Макрон действует совсем не либеральными методами. В итоге его критикуют радикально настроенные

представители и левого, и правого фланга. Примеры такого рода можно увидеть не только во Франции. Поэтому, я считаю, мы должны анализировать эти явления в контексте изменения современных международных отношений.

И. И. БУЗОВСКИЙ: — Мне вспомнился старый советский фильм «Время выбрало нас». Картина была о Великой Отечественной войне, но сегодня мне хотелось бы повторить: время выбрало нас. Нас с вами. Для того, чтобы в очередной раз подвергнуть испытаниям. Конечно, это не те ужасы, через которые пришлось пройти нашим дедам, но то, что мы сегодня переживаем, — тоже тяжелейшее испытание. Я знаю, что победит свет. Уверенность вселяет и то, что лидеры наших государств Владимир Владимирович Путин и Александр Григорьевич Лукашенко — не функционеры, а люди, искренне переживающие за настоящее и будущее.

Благодарю вас за участие в сегодняшней полезной и интересной дискуссии.

Секция 2

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ИЛИ «НОВАЯ ЭТИКА» ЗАПАДА? (ИДЕОЛОГИИ, ЦЕННОСТИ, НОРМЫ И ПРАВСТВЕННОСТЬ В СУДЬБЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА)

26 мая 2023 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП

Руководители секции:

- А. А. ГУСЕЙНОВ директор Института философии РАН (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Е. Г. ДРАПЕКО первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР
- А. В. КОСТИНА проректор по научной, воспитательной и международной деятельности Московского гуманитарного университета, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор

ДОКЛАДЫ

Е. М. Гашкова¹

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК МЕХАНИЗМ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

«Культура отмены» (cancel culture) — термин, который сейчас постоянно применяется для обозначения игнорирования и изгнания из социальной реальности чего-либо или кого-либо. Если в Античности подвергнуть остракизму, то есть изгнать провинившегося гражданина на 10 лет из полиса, или вынести вердикт «Забыть Герострата!» можно было только после процедуры голосования, то в современности достаточно «вбросить» в медиа какое-либо оценочное суждение в адрес отдельной личности, группы лиц, даже целой страны, а также бренда, символа, произведения искусства и тому подобного, чтобы «отменить» их существование в определенно ограниченном публичном пространстве².

Почему же данная манипуляция стала столь частой, простой, обычной? Одна из причин — цифровизация и компьютерные технологии, позволяющие не только сверхбыстро аккумулировать, обрабатывать и рас-

пространять огромные массивы информации, но также уничтожать их, ликвидировать, стирать из памяти или текста при помощи лишь одной клавиши Delete. Указанные возможности порождают, с одной стороны, доступность и легкость получения информации, с другой — ее потенциальную недолговечность, а отсюда и сложность верификации. Так, переходя по ссылкам, мы часто попадаем на исчезнувшие страницы, фейковые сайты, заходим в тупик поиска. Можно возразить, что «Интернет помнит все» и хранит информацию и в «облаке», и на серверах, но спутник-ретранслятор нам не принадлежит, поэтому «завидуем молча» Илону Маску.

Нормы и границы ответственности для медиа или политиков за «превышение полномочий» в оценках определенных событий истории и культуры, а также фактов из биографий отдельных персонажей (Ф. Ассанж, Х. Ванштейн, Д. Трамп и др.) не актуализируются либо вступают в действие значительно позже, когда репутации нанесен непоправимый ущерб (Д. Стросс-Кан).

Наиболее остро мы ощутили механизм действия культуры отмены после начала СВО на Украине, когда мировая тенденция «отмены России» приняла абсурдный характер. Первенство в провозглашении лозунга «Сейчас происходит отмена России» (Russia is now being cancelled) принадлежит Монике Кроули, политическому комментатору, лоббисту и бывшей помощнице министра финансов США по связям с общественностью. Она произнесла эту фразу в марте прошлого

¹ Старший преподаватель кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент. Автор 97 научных публикаций, в т. ч.: учебника «Основы теории коммуникации» (в соавт.); статей «Экзистенциально-онтологические основания антропологии цельности», «Антропология цельности как проблема», «Цивилизационная идентичность и культура», «Условия формирования личности в контексте киберантропологии», «Models of self-identification in digital communication environments», «University educational environment in the information exchange agents evaluations» и др. Член Российского философского общества.

² СоциоДиггер. 2022. Март-апр. Т. 3, вып. 3–4 (17) : Российский синдром отмены.

года, когда давала интервью Fox News, где до 2017 года работала специальным корреспондентом.

Хотя давление, оказываемое на нашу страну, беспрецедентно, следует признать, что применение санкций культуры отмены в глобальном масштабе против отдельной страны мы наблюдали и ранее. В процессе распада Югославии на отдельные государства-республики (1991–1996) вспыхнули многочисленные конфликты разного свойства, всевозможные санкции и резолюции вели СФРЮ к развалу, но лишь к Сербии, уже самостоятельному государству, было применено воздействие культуры отмены. Сербии подвергли санкциям, изоляции и блокаде, сербские культурные организации исключили из важнейших мировых культурных процессов; практически полностью прекратился библиотечный обмен; власти другим государствам запретили некоторым иностранным артистам выступать и гастролировать в Сербии; несколько школ закрылись, поскольку из-за нехватки горючего невозможно стало перевозить учеников; уже с 1992 года всем югославским спортсменам было запрещено участвовать в международных соревнованиях, включая Олимпийские игры; сборная по футболу не была допущена на чемпионаты Европы, а позднее и мира.

На проходившем в июне прошлого года в Белграде Международном образовательно-культурном форуме под эгидой Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы и фонда «Русский мир» внимание всех участников привлекло выступление Евгения Водолазкина, известного современного русского писателя, который весьма афористично высказался: «Нет никакой культуры отмены, есть только отмена культуры». Писателем был сделан вывод, что современное юридическое право все больше вступает в очевидное противоречие с нравственностью и идеалами гуманизма.

Мы знаем, что в Белграде есть культурный центр «Русский дом», которому уже 90 лет, и построен он был на средства русских эмигрантов, которых в Сербии тогда насчитывалось около 40 тыс. Центр продолжает сотрудничать с Россией, организовывать различные мероприятия, выставки, концерты, встречи, и, невзирая на политическое давление, играть в «культуру отмены» никто не собирается.

Не всегда попытка «отменить» то или иное историческое событие очевидна, зачастую искажение исторической памяти осуществляется исподволь, постепенно. Так, например, колоссальная трагедия нашего города — Ленинградская блокада — современными немецкими историками однозначно оценивается как преступление вермахта и его союзных армий. Однако в немецких учебниках истории начало блокады Ленинграда, взятие города «в кольцо» не подвергается никакой нравственной оценке, а называется «блистательной победой». Кроме того, наиболее пострадавшими от Второй мировой войны городами считаются Сталинград, Хиросима, Нагасаки и Дрезден, а Ленинград в этот список не входит. Видимо, число погибших в блокаду (по разным данным, от 650 тыс. до 1 млн человек) менее значимо, чем количество погибших в Дрездене (по разным данным, от 60–100 до 250 тыс.).

Получается, что разрушенные материальные ценности важнее, чем человеческие жизни.

Историки, блокадники, юристы Санкт-Петербурга инициировали судебный процесс, а 8 сентября 2022 года прокуратура Санкт-Петербурга подала в городской суд заявление о признании блокады Ленинграда военным преступлением и преступлением против человечности, геноцидом советского народа. 20 октября того же года Санкт-Петербургский городской суд признал заявленные требования. В ходе процесса выступили четыре свидетеля — жители блокадного Ленинграда и 12 специалистов из различных областей науки, образования и музейных организаций. Данный процесс подтверждает, что наступили времена, когда даже очевидные факты, исторически однозначные, имеющие в своей основе абсолютную нравственную ценность, нуждаются в юридической защите с помощью судебных процедур. «Распалась связь времен», когда в 2014 году, в день 70-летия снятия блокады, 27 января на телеканале «Дождь» (с 2023 г. вещание из Нидерландов) в развлекательном, ерническом ключе проводили опрос: стоило или не стоило сдать Ленинград фашистам, чтобы спасти тысячу жизней? Позже, после скандала, разразившегося в СМИ, этот опрос удалили; именно тогда мем от К. Собчак: «Аморальных вопросов не бывает», и суждение: «Сдались бы немцам, сейчас бы пили баварское» — распространились по Интернету.

Постмодернистская ирония и игра обесценивают всё и вся, возвышенные чувства опошляются, сакральное и святое низвергается в примитивно-обывательские суждения, а устойчивые исторические оценки и факты просто отменяются. Тем более великим становится подвиг жителей Ленинграда, которые в голоде и холоде, среди коммунальной разрухи и смертей, в темноте и под обстрелами поддерживали уровень цивилизованности города. Из дневниковых записей блокадников очевидно, что культурные потребности, даже самые неприятельские, вырывали людей из рутины животного существования и отодвигали порог одичания¹. Театр музкомедии до декабря 1941 года давал свои спектакли, а когда здание разбомбили, труппу перевели в Театр им. А. С. Пушкина, и в марте 1942-го двери театра вновь открылись. Уже в апреле 1942 года удалось воссоздать Большой симфонический оркестр, который 9 августа исполнил под управлением Карла Элиасберга Седьмую симфонию Д. Д. Шостаковича, работала Публичная библиотека, осенью 1942 года 21 кинотеатр показывал кинохронику и фильмы.

Государство имеющимся в арсенале правовыми средствами пытается защитить свою историю, духовные ценности и культуру. После скандальных опросов в СМИ, троллинга ветеранов, вбрасывания словечка «победобесие» и прочих, как, безусловно, и после киевского Майдана, и пожара в Доме профсоюзов в Одессе 2 мая 2014 года, был принят ряд законов, позволяющих хоть как-то реагировать и действовать в правовом поле, защищая столь метафизические феномены. Уже 5 мая 2014 года в Уголовный кодекс РФ была внесена

¹ См.: Яров С. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Мол. гвардия, 2013.

ст. 3541 «Реабилитация нацизма» (№ 128-ФЗ)¹, где помимо штрафов предусматривается и лишение свободы на срок от одного до пяти лет.

Понимание того, что обществу необходимо предложить непротиворечивую систему идеологием, в конце 2022 года сподвигло наше правительство на формулирование Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей². Позволю себе привести длинную цитату, воспроизводящую первый пункт их общих положений: «Настоящие Основы являются документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определяющим систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета „Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти“ в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей...»³. Наконец-то духовно-нравственные ценности, культура и историческая память соединились с национальной безопасностью и даже стали приоритетом!

Но как же быть с уже воспитанными «квалифицированными потребителями»? Такая задача также ставилась ранее, в том числе и перед системой образова-

ния. Наблюдаем, что культура отмены затронула и их, потребителей. Совсем недавно появился итог (в виде презентации) большого социологического исследования «Культура отмены», проведенного MAGRAM MR (Независимое исследовательское агентство полного цикла) и PBN (Коммуникационное агентство с международным опытом)⁴, где подробно и красочно на схемах показано, как уход брендов с российского рынка отразился на потребителе. Детально рассказывается об эмоциональной связи с брендом, о доверии к нему, о его социальной миссии и заявленной политической позиции. Из итогов исследования порадовало, что эмоциональная связь с брендом сформирована не до конца, потому потребители способны отказаться от бренда без психологической травмы, но их доверие к нему будет подорвано. Также респонденты отмечают открывшиеся перспективы для российских брендов. Грустно, что современный человек, как и 50 лет назад (книга «Общество потребления» Ж. Бодрийера⁵ была написана в 1970 г.), больше привязан к брендам, симулякрам вещей, чем к реальности.

А в реальности вновь востребованы высокие нравственные идеалы, непреходящие ценности истории, языка и культуры, которые нельзя отменить никакой «культурой отмены».

**В. Ю. Дунаев⁶,
В. Д. Курганская⁷**

КУЛЬТУРНО-ЭРОЗИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФРЕЙМИРОВАНИЯ ЭТОСА «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»⁸

В любое социально-историческое целое включены схематизмы его осмысленности, представленности, интерпретируемости. Еще М. Фуко писал: «Основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обмена, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться»⁹. Для обозначения такого рода фильтрующих, ориентирующих и направляющих схем моделирования смысловой картины социального мира исследователями

используются различные концептуально-терминологические конструкции. Одной из них является понятие фрейма (от *англ.* frame — рамка, каркас, оправа, обрамление, выборка; *framework* — основа, платформа, структура, система, схема, концепция, программа, среда, механизм).

«Казахская модель межэтнической интеграции» (в соавт.), «Социальная политика: модели и стратегии» (в соавт.) и др. Награжден медалью «20 лет независимости Республики Казахстан», нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан».

⁷ Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Автор 290 научных публикаций, в т. ч.: «Феномен идентичности в социальном конструировании виртуальной реальности» (в соавт.), «Ключевые понятия новой модели социальной политики Республики Казахстан» (в соавт.), «Концептуальное моделирование менеджмента казахстанской идентичности: социологически-политологический анализ» (в соавт.), «Цифровизация как моделирующая система социальной стратификации» (в соавт.), «Концептуальная модель социально-политического менеджмента общекзахстанской идентичности» (в соавт.), «Identity Politics in Managing the System Risks of Nation-Building: On the Example of the Republic of Kazakhstan» (в соавт.) и др. Награждена медалью «20 лет независимости Республики Казахстан», нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан».

⁸ Исследование проведено в рамках финансирования КН МОН РК — грант BR20280977 «Современные концептуальные подходы к содержанию справедливости и ее реализации в казахстанском обществе в условиях глобальных трансформаций».

⁹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: пер. с фр. СПб.: А-сэд, 1994. С. 33.

¹ Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38395> (дата обращения: 26.05.2023).

² Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 26.05.2023).

³ Там же.

⁴ Каждый третий россиянин потерял доверие к брендам // *Cossa.ru* [сайт]. 2022. 17 нояб. URL: <https://www.cossa.ru/news/315665/> (дата обращения: 26.05.2023).

⁵ См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. Е. А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006.

⁶ Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Автор 220 научных публикаций, в т. ч.: «Цифровизация как моделирующая система социальной стратификации» (в соавт.), «Мировоззренческие основания и общенаучные парадигмы социально-политического риск-менеджмента» (в соавт.), «Identity Politics in Managing the System Risks of Nation-Building: On the Example of the Republic of Kazakhstan» (в соавт.),

Основа концепции фреймов, анализа процессов их формирования, разработки и применения технологий дискурсивного фреймирования была заложена в работах Грегори Бейтсона, Ирвинга Гофмана, Марвина Минского. Даже мимолетный взгляд на происходящее, отмечает И. Гофман, интенционально определяется вопросом: «Что здесь происходит?» Применительно к обыденным, многократно повторяющимся событиям, ситуациям, фактам повседневного опыта ответ на этот вопрос содержится в актуализации фоновых, до-рефлексивных схем интерпретации, которые проецируются на восприятие события. Таким образом, реалии опыта повседневности открыты для понимания вследствие присущей данному социокультурному миру базовой системы фреймов, наполняющей их смыслом для включенного в этот опыт субъекта. Словом «фрейм» И. Гофман обозначает все, что описывается такими определениями ситуации, которые созданы, во-первых, в соответствии с принципами социальной организации событий и, во-вторых, в зависимости от вовлеченности субъекта в них¹.

И. Гофман представляет понятие континуума фреймов, или лестницы фреймов, как комплекс устойчивых форм повседневных социальных взаимодействий, совокупность стереотипов, ритуалов и общепринятых правил поведения в рутинных ситуациях, не требующих рефлексивного мониторинга. Движение по континууму фреймов как лингвокогнитивной структуре (Ч. Филлмор²) схематизации опыта выступает как модель словообразования, принцип, позволяющий вычленять базисные оппозиции, которыми конституируются смысловые элементы жизненного мира. «Имена, „нарезающие“ ломтики смысла, — вроде слов „мы — они“, „черное — белое“, „богатый — бедный“, „свободный — тоталитарный“, „мужской — женский“, — служат для того, чтобы расфасовывать мир в аккуратную небольшую тару, и предлагают набор вариантов действий, которые следует предпринимать»³. При этом человек, как правило, бессознательно воспроизводит внутреннюю структуру фреймов, присутствующих в любом восприятии и обеспечивающих фоновое предпонимание того, «что здесь происходит». Лингвокогнитивное фреймирование является основной операцией актуализации идеологических кодов смысловой категоризации социального мира.

Д. Яноу и М. ван Хульст под фреймированием понимают способ действия, при котором участники происходящего создают значения событий или ситуаций и одновременно регулируют сообразно присвоенным значениям свое ситуативное поведение⁴. Одну и ту же ситуацию ввиду многослойности ее возможных смыслов можно рассматривать в контексте разных фреймов, при этом актуализируя те или иные регистры своей мо-

рально-этической оценки. Можно вспомнить известную притчу: три человека, совершавшие одинаковую работу, по-разному ответили на вопрос о том, что они делают: «Я ношу кирпичи», «Я зарабатываю деньги для своей семьи», «Я строю храм». Нельзя сказать, что какой-то из этих ответов верный, а остальные неправильные. Суть в том, что восприятие собственной деятельности эти трое сформировали на разных ступенях лестницы фреймов, или на разных ценностно-смысловых уровнях их континуума. Процесс фреймирования, включающий настройки, трансферы и «переключения» (И. Гофман) фреймов, является основным механизмом процесса производства—распределения—обмена—потребления социальных определений реальности. В целом понятие фрейма используется в современной науке для обозначения когнитивно-лингвистических тезаурусов интерпретации смысла стереотипных ситуаций, культурно обусловленных, социабельных и вместе с тем неосознаваемых, фоновых структур (смысловых матриц, порождающих модели, габитусов) повседневного опыта восприятия реальности.

Первичные системы фреймов как общезначимых в данной культуре структур восприятия повседневности имеют, в отличие от кантовских трансцендентальных схем, контекстуально-ситуативную, конвенциональную природу⁵. Вместе с тем фреймы наделяются статусом первопорядковой реальности. Этот принцип предельно ясно и категорично проводится в концепции когнитивно-лингвистического конструктивизма Роджерса Брубейкера: «Раса, этничность и национальность существуют только в наших восприятиях, интерпретациях, представлениях, классификациях, категоризациях и идентификациях — и только через них»⁶.

Технологии фреймирования в наибольшей степени отвечают задачам демонтажа традиционных ценностно-смысловых структур ментальности. Как указывалось выше, одной из основных технологий дискурсивного фреймирования являются операции переключения фреймов. И. Гофман различает две первичные системы фреймов — природные и социальные. Природные фреймы определяют восприятие реальности, не зависящей от волевой, целенаправленной деятельности человека. Но восприятие и оценка природных феноменов могут проводиться в модальности социальных фреймов. Например, половые различия являются природно-биологическими феноменами. Однако в процесс дискурсивного фреймирования этой сферы происходит переключение первичных систем фреймов — вводится новое понятие социального пола, гендера. В операциях лингвокогнитивного фреймирования гендер определяется как социальное конструирование пола, независимое от биологического пола и половых различий. Аналогично тому как изначальное значение слова gender — грамматический род — не имеет отношения к природным свойствам и функциям, скажем, стула (муж.) и табуретки (жен.). Тем самым под флагом критики биологического детерминизма запускается цепь смыслового переформатирования традиционных

¹ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. С. 71.

² Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988. С. 65–68.

³ Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 91.

⁴ Яноу Д., Ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 1–2. С. 93.

⁵ Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1998. С. 16.

⁶ Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2012. С. 152.

морально-этических норм взаимоотношения полов, маскулинности и феминности, института брака и семьи, процессов воспитания и социализации детей и т. п.

«Новая нормальность» является продуктом применения технологий фреймирования в социальном конструировании реальности. В условиях утраты «великими рассказами» функций легитимации нормативно-ценностной сферы жизни социума философия, религия, наука, искусство лишаются статуса привилегированных инстанций порождения социальных и экзистенциальных смыслов. Этическая рефлексия, моральное сознание, нравственное чувство становятся целевыми объектами дискурсивного фреймирования как эффективного инструмента манипулирования общественными отношениями¹.

Одной из наиболее эффективных технологий дискурсивного фреймирования ценностно-смыслового поля общественного сознания является «окно Овертона». Технология «окна Овертона» («окна дискурса», «окна политических возможностей») позволяет кардинально трансформировать моральную оценку общественным мнением тех или иных фактов, событий, явлений, процессов, идей посредством изменения рамок (фреймов) допустимого с точки зрения норм общественной морали.

Принципом действия «окна Овертона» является пошаговое преобразование социально табуированного и морально недопустимого в цивилизованном обществе в культурную норму и «новую нормальность». Для ранжирования идей по критерию допустимости их обсуждения и реализации в актуальной политике Джошуа Тревино в 2006 году предложил использовать шестиступенчатую лестницу фреймов: 1) немислимые; 2) радикальные; 3) приемлемые; 4) разумные; 5) популярные; 6) реализуемые в актуальной политике². Джо Картер в статьях «Как разрушить культуру в пять простых шагов»³ и «Как нормализовать педофилию в пять простых шагов»⁴ описал технологию прохождения этих ступеней. В серии интернет-публикаций разных авторов приводятся сценарии применения лингвокогнитивных технологий «окна Овертона», в процессе реализации которых общество сначала обсуждает нечто неприемлемое, затем начинает считать это уместным и, наконец, смиряется с прежде немислимым как с установленной нормой⁵.

Дискурсивное фреймирование как технология культурно-эрозионной политики наиболее эффективно в обществах, в которых под социально-либертарианским лозунгом толерантности устанавливается запрет на табуирование разрушительных социальных девиан-

ций и противодействие им⁶. Можно сказать, что легитимация такого рода запретов является как условием, так и механизмом реализации технологий, направленных на демонтаж традиционных морально-этических норм, принципов, ценностей. Е. Горжалцан, опубликовавший пошаговый сценарий перевода посредством применения технологии «окна Овертона» канибализма из невообразимого и абсолютно неприемлемого в цивилизованном мире поведения в ранг действующей нормы, отмечает, что такая технология может быть более эффективным оружием для уничтожения человеческих сообществ, чем термоядерный заряд⁷.

Ряд авторов выражает несогласие с подобного рода оценками этой технологии. По мнению российского блогера М. Сивакова, утверждения о социально деструктивном характере фреймирования морально-этического поля социума посредством технологии «окна Овертона» относятся к разряду конспирологических теорий заговора. По его мнению, суть принципа Овертона заключается в том, что все идеи должны быть отфильтрованы общественным мнением, и те из них, которые общество примет, будут озвучиваться политиками, а те, что будут отвергнуты, не получают дальнейшего продвижения⁸. На самом же деле, считает М. Сиваков, идеология формирования «новой этики» направлена на повышение прав и свобод личности.

По поводу рассуждений о расширении диапазона прав и свобод личности в процессе фреймирования этого «новой нормальности» следует отметить, что моральное основание прав человека в этом процессе — борьба против любых форм дискриминации. Однако технологии «окна Овертона» сводят эту борьбу к этической легитимации таких форм поведения, которые прежде являлись девиантными, и тут «шарнирами» пресловутого «окна Овертона» становятся права разного рода меньшинств — референциальное поле естественных, неотчуждаемых прав человека. Отстаивание прав человека становится борьбой не за равноправие, а за эксклюзивные права, которые не *восполняют* структуру правового поля, а *замещают* универсальность человеческих прав. «Окно Овертона» поразительно стремительно и целеустремленно и безапелляционно открывается для индивидуальных и социальных патологий — «непристойной изнанки» (С. Жижек) процесса, в ходе которого абстрактные системы юридически-правовых отношений колонизируют «жизненный мир». При этом то же «окно» мгновенно и наглухо захлопывается для всех форм протеста против разрушения социальных норм и традиционных ценностей. Симуляция идеологами «новой этики» своей перманентной озабоченности правами и социальной инклюзивностью маргинальных меньшинств не должна вводить в заблуждение. За глянцевым фасадом этико-правовых фреймов «новой нормальности» прячутся токсичные побочные продукты поразительной деградации правовых скреп социального мира и нравственных устоев.

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 130.

² Why the Right-Wing Gets It — and Why Dems Don't // Daily Kos : [сайт]. 2006. 10 May. URL: <http://www.dailykos.com/story/2006/05/10/208784/-Why-the-Right-Wing-Gets-It-and-Why-Dems-Don-t-UPDATED> (дата обращения: 23.05.2023).

³ Carter J. How to Destroy a Culture in 5 Easy Steps // First Things : [сайт]. 2011. 29 Jun. URL: <https://www.firstthings.com/web-exclusives/2011/06/how-to-destroy-a-culture-in-easy-steps> (дата обращения: 23.05.2023).

⁴ Carter J. How to Normalize Pedophilia in 5 Easy Steps // First Things : [сайт]. 2011. 17 Aug. URL: <https://www.firstthings.com/blogs/firstthoughts/2011/08/how-to-normalize-pedophilia-in-easy-steps> (дата обращения: 23.05.2023).

⁵ Горжалцан Е. Технология уничтожения // LiveJournal : [сайт]. 2014. 14 янв. URL: <http://zuhel.livejournal.com/465630.html> (дата обращения: 23.05.2023).

⁶ Верецагин О. А., Белова Н. Е. Фрейм-аналитика: опыт эпистемологического исследования // Учен. зап. Орловского гос. ун-та. 2015. № 6 (69). С. 305.

⁷ Горжалцан Е. Указ. соч.

⁸ Сиваков М. Форточка Киселева // YVision.kz : [сайт]. 2014. 11 сент. URL: <http://yvision.kz/post/426356> (дата обращения: 23.05.2023).

Т. И. Ерохина¹**«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» В КОНТЕКСТЕ «НОВОЙ ЭТИКИ»**

В современной языковой картине мира существует ряд дефиниций, обращение к которым стало приметой времени и своего рода трендом: харрасмент, абьюз, канселинг, дайверсити, газлайтинг, сталкеринг, буллинг и др. СМИ, интернет-пространство, экранная культура периодически «взрываются» новыми скандалами и дискуссиями, перманентно поддерживая интерес не только массовой аудитории, но и научного сообщества к указанным понятиям и явлениям. Содержательное наполнение терминов, правовые и этические аспекты их трактовки, разнообразные практики (судебные, художественные, повседневные), раскрывающие различные аспекты этих понятий, становятся предметом анализа и выражением позиций экспертов и заинтересованной публики.

В этом ряду особое место занимает феномен «культуры отмены» («культуры запрета», канселинга), который (как, впрочем, и все указанные выше понятия) рассматривается в контексте «новой этики». Пространство Интернета, являясь социально-коммуникативной средой, а также средством формирования общественного мнения, репрезентирует нам множество проектов и дискуссионных площадок, центром внимания которых стала «культура отмены»: «Афиша Daily», Lenta.Ru, «ВКонтакте», Пикабу и другие ресурсы предлагают свои версии осмысления «культуры отмены». Ежемесячное издание «СоциоДиггер», на страницах которого обсуждаются наиболее значимые, с точки зрения редакторов, темы, в 2022 году выпустило специальный номер «Российский синдром отмены», на страницах которого эксперты анализируют исторический, социальный, политический дискурс культуры отмены².

Осмысление культуры отмены происходит на разных уровнях: генезиса и терминологического аппарата, смыслового наполнения и способов репрезентации, историко-культурных и социокультурных контекстов, ментальных установок и политических дебатов.

¹ Первый проректор Ярославского государственного театрального института им. Ф. Шишигина, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, Заслуженный работник ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Автор более 250 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Личность и текст в культуре русского символизма», «Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры» (в соавт.), «СССР в достижениях и катастрофах. Размышления по случаю 100-летия» (в соавт.), «Советское бытие: от укоренения до преодоления» (в соавт.), «Коды массовой культуры» (в соавт.), «Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ» (в соавт.), «Культурфилософское обоснование трансформации российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального» (в соавт.), «Массовая культура: российский дискурс» (в соавт.) и др. Член Союза театральных деятелей РФ. Член Президиума Российского культурологического общества, член ФУМО по культурологии, член Российского профессорского собрания, член коллегии Департамента культуры Ярославской области. Отмечена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

² См.: СоциоДиггер. 2022. Март-апр. Т. 3, вып. 3–4 (17) : Российский синдром отмены.

Принимая во внимание, что в научном знании культура отмены неоднократно становилась предметом специального изучения, выделим наиболее характерные, на наш взгляд, тенденции осмысления феномена «канселинг» в современной культуре, которые свидетельствуют об онтологически значимых сдвигах в отечественной культуре.

Прежде всего, культура отмены связана с пониманием «новой этики». Не обращаясь специально к анализу ее положений (поскольку «новая этика» в нашем исследовании представлена как контекст функционирования культуры отмены и была ранее рассмотрена автором³), отметим, что достаточно жесткая корреляция канселинга с «новой этикой» имеет принципиальное значение в осмыслении этого феномена. Значимость эта обусловлена тем, что возникает не только устойчивая ассоциативная связь, способствующая появлению определенного тождества понятий (культура отмены как достояние «новой этики», средство внедрения «новой этики» в общественное сознание и социокультурную практику⁴), но и своего рода новый культурный код, в рамках которого культура отмены не существует вне «новой этики», а та, в свою очередь, не может быть внедрена при неприятии культуры отмены.

В этой связи важно подчеркнуть, что культура запрета рассматривается в системе ценностей «новой этики» и, как следствие, наделяется свойственными ей чертами: она должна стать механизмом консолидации общества, требующим от личности соблюдения определенных законов (прежде всего этических), нарушение которых ведет к коллективному порицанию; базируется на понимании жертвы и насилия (как правило, канселингу подвергаются личности, которые были обвинены в насилии физическом, психическом, расовом, и теперь социум применяет своего рода насилие по отношению к ним, вычеркивая их из своего сообщества); требует ориентации на мнение меньшинств (например, сексуальных). Таким образом, в продолжение теории «новой этики» культура отмены базируется на попытке выделить нравственные ориентиры, которые должны лечь в основу понимания личности и общества, поскольку «старая этика доказала свою несостоятельность в решении актуальной проблемы нравственности современного человека»⁵.

При этом важнейшим основанием рассмотрения культуры отмены в контексте «новой этики» становится амбивалентность истолкования базовых понятий, которые раскрывают сущность и механизмы канселинга. Так, заявленные в «новой этике» толерантность и дайверсити (в качестве принятия разности и непохо-

³ См.: Ерохина Т. И. «Новая» и/или старая этика: метаморфозы антиутопии // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 246–248.

⁴ См.: Кротовская Н. Г., Кулагина-Ярцева В. С. «Новая этика», истоки и современность // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. С. 241–259.

⁵ См.: Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. URL: https://mir-knig.com/read_378665-20 (дата обращения: 26.05.2023).

жести людей) оборачиваются жесткой агрессией и навязыванием определенной точки зрения. Подчеркнутая индивидуальность и значимость каждой личности оборачиваются коллективным преследованием этой самой личности в случае ее нежелания разделить новые ценности. Ретроспективный характер «новой этики», ориентированной на исправление ошибок прошлого (например, рабовладельческое прошлое Америки), разделяет и культура отмены, для которой нет понятия «срок давности».

Возникает еще одна тенденция осмысления культуры отмены, связанная с ее ретроспективным характером: культура отмены соотносится с культурной памятью, точнее — с попыткой ее переформатирования. Рассматривая пространство культуры как пространство памяти (Ю. М. Лотман), мы обнаруживаем, что канселинг (как и «новая этика») коррелирует с феноменом креативной памяти, которая «сохраняет прошедшее как пребывающее»¹. Еще более значимыми в понимании механизмов действия культуры отмены становятся феномены постпамяти и контрпамяти, поскольку они позволяют определить векторы трансформации канселинга. «Постпамять» является основанием ретроспективного характера культуры запрета, поскольку связана с пониманием культурной травмы: «Постпамять описывает, какое отношение имеют последующие поколения к личным, коллективным и культурным травмам, которым подверглось поколение предыдущее; к тому, что они „помнят“ только благодаря историям, образам, поведению людей, среди которых они выросли»².

Таким образом, современное поколение молодых людей, не испытывавших на себе насилия, тягот прошлого, невзгод, вызванных порицаемыми обществом явлениями (расизмом, рабством и др.), требует тем не менее сатисфакции на основании сформированной постпамяти. При этом механизм культуры запрета становится не сохранение памяти о культурной травме (чего следовало бы ожидать), а забвение, «стирание из памяти», которое доходит до абсурдных форм (например, «отмены» Аристотеля как философа, оправдывающего рабство³). Показательным примером действия механизма отмены памяти становится повсеместно распространяющаяся практика сноса памятников личностям, чья биография не соответствует «новой этике», переименование улиц и городов. Опасность канселинга в аспекте культурной памяти заключается в том, что он может привести к формированию контрпамяти — противопоставленной коллективной памяти, предлагающей альтернативную версию исторических событий, отрицающей общепринятые представления о прошлом⁴, что мы наблюдаем в случае с попыткой трансформации памяти о Второй мировой войне.

¹ См.: Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении [Текст] // Избр. ст. : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. 1. С. 201.

² См.: Хирш М. Что такое постпамять / пер. К. Харланова. URL: urokiistorii.ru/node/5327 (дата обращения: 26.05.2023).

³ См.: Чугуров С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 92.

⁴ См.: Хаттон П. Х. История как искусство памяти. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/hatt/index.php (дата обращения: 26.05.2023).

Еще одна тенденция осмысления канселинга связана с существенными изменениями, которые произошли в современной культуре. Исследователи отмечают, что феномен культуры отмены в его современном виде не отделен от цифровых коммуникаций. При этом цифровые коммуникации, интернет-пространство становятся не только механизмами распространения культуры отмены, но и во многом — ее основанием. Обусловлено это тем, что общественное мнение, необходимое для канселинга, формируется и передается посредством цифровых технологий. При этом мы снова отмечаем дуалистичный характер содержания культуры отмены в контексте новых форм коммуникации. Культура отмены позиционирует себя как наиболее яркое выражение свободы слова, для которой не имеют значения ни статус, ни материальное благосостояние, ни возраст, ни заслуги человека, подвергнутого остракизму. Создается иллюзия идеального общества, в котором свобода слова не имеет границ, в том числе благодаря сложившемуся феномену информационной культуры, способствовавшей формированию «общества публикаторов» («...если XX век был массовым обществом потребителей, то сейчас, особенно с появлением соцсетей, все стали публикаторами, авторами. И если прежде автор годами, десятилетиями добивался права на высказывание, то сейчас право на высказывание — это ваш поход в ближайший магазин связи и покупка смартфона»⁵).

Вместе с тем возникает ситуация, при которой свобода слова оборачивается тоталитарным требованием цензуры, поскольку произнесенное в случае его несоответствия с положениями новой этики приводит к феномену запрета личности-публикатора (автора). Не случайно еще в 2020 году 150 писателей подписались под открытым «Письмом о справедливости и открытых дебатах», в котором была обозначена позиция несогласия с культурой отмены, ограничивающей свободный обмен информацией, дебаты и споры. М. Эпштейн назвал данную ситуацию появлением «полицейской мысли», отрицающей свободу мысли и слова, как если бы та была преступлением.

Кроме того, культура отмены таит в себе еще одну проблему: она фактически отменяет презумпцию невиновности, переводя ее в «презумпцию виновности», поскольку в коммуникативном пространстве каждого человека, сформированном на протяжении его жизни, с большой долей вероятности можно обнаружить высказывание, которое может быть истолковано в контексте «новой этики» как неприемлемое и недопустимое в современном обществе. Британский профессор Эдвард Скидельский сказал по этому поводу, что в наше время каждый, имевший неосторожность сколько-нибудь полемически высказаться по таким вопросам, как трансгендерность, раса, инвалидность, политическая ситуация на Ближнем Востоке, рискует не только остаться без работы, но и подвергнуться угрозам и оскорблениям, если не предстать перед судом. Более того, современная культура отмены демонстрировала случаи, когда выдвинутые обвинения не были доказаны в процессе судебного разбирательства, но обвиняемый уже подвергался «отмене». Таким образом, кан-

⁵ Кротовская Н. Г., Кулагина-Ярцева В. С. Указ. соч. С. 248.

селинг может быть рассмотрен как вариант произвола и замены свободы слова новым тоталитаризмом (как и «новая этика»).

Следующая тенденция, заслуживающая нашего внимания, связана с обращением к генезису феномена «культуры отмены». Показательно, что практически все исследователи, обратившиеся к осмыслению канселинга, отмечают, что в той или иной форме культура отмены уже существовала в истории общества. Как правило, генезис ее связывают с остракизмом¹ (известным со времен Античности), обращаются к психологическим основам канселинга как форме бойкота² и т. д. Парадоксальным при этом является стремление авторов, с одной стороны, обозначить «древние» исторические корни культуры отмены, наличие которых придает определенную основательность (прецедентность, традиционность) данному явлению, а с другой — подчеркнуть, что канселинг — феномен XX века. Содержание современного понимания культуры отмены складывалось в 1990-е годы и приобрело популярность в 2010-е благодаря конкретным событиям: началу кампании #MeToo и активности движения Black Lives Matter³. Возникает двойственная установка в понимании генезиса феномена культуры отмены: оправдание наличия самого явления, присущего истории человечества в целом, и вместе с тем наполнение его иным содержанием, связанным с «новой этикой» и социокультурной ситуацией XX века. Более того, современные авторы предлагают осмысление культуры отмены, акцентируя внимание, прежде всего, на ситуации сегодняшнего дня: попытке отмены русской культуры как наказания, которое должна понести Россия вследствие конфликта с Украиной.

Именно этот контекст становится одним из самых дискуссионных в осмыслении культуры отмены. Попытка проанализировать канселинг объективно, не выделяя негативных (как и позитивных) коннотаций, предпринятая исследователями в 2010–2020-х годах, в ситуации сегодняшнего дня приобретает новую трактовку: «культура отмены» превратилась в «отмену культуры»⁴, что подчеркивает субъективность, неправомерность и тупиковый характер данного явления. Оставляя в стороне дискуссии о символическом и «реалистическом» содержании «отмены русской культуры» в современной социокультурной ситуации, отметим, что спецификой канселинга в отечественной культуре становится формирование движения контрканселинга, которое подкреплено следующими факторами.

¹ См.: *McDermott J.* Those People We Tried to Cancel? They're All Hanging Out Together // NYTIMES [сайт]. 2019. Nov. 2. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/02/style/what-is-cancel-culture> (дата обращения: 26.05.2023).

² См.: *Петрановская Л.* Отмена реальности // Социодиггер. 2022. Март-апрель. Т. 3, вып. 3–4 (17) : Российский синдром отмены. URL: https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2022/04/sociodigger_17_cancel-culture_042022.pdf (дата обращения: 26.05.2023).

³ См.: *Кузнецов Г., Ступко М.* Культура отмены: история и современность // Там же.

⁴ См.: *Путин В. В.* Обращение к работникам сферы культуры // Российская газета. 2022. 28 марта. URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html> (дата обращения: 26.05.2023).

Прежде всего, неприятие культуры отмены, по мнению лингвистов и психологов, наиболее ярко выражено в том, что в русском языке комплекс понятий, так или иначе связанных с культурой отмены, обозначен иностранными словами: русский язык, прибегая к иноязычным заимствованиям — буллинг, харассмент, абьюзер, толерантность и многие другие, — тем самым словно обозначает эти явления как «иностраные»⁵, в разговоре о «новой этике» чаще всего используются англицизмы. Например, сталкеринг, газлайтинг и др. Отсутствие адаптированных терминов усложняет понимание стоящих за ними процессов⁶.

Еще более значимо то, что культура отмены не относится с отечественным социокультурным кодом, для которого характерно стремление к построению тернарной модели культуры (что не соответствует бинарной модели канселинга, частично рассмотренной выше). Более того, ставя под сомнение новизну понятия «новая этика», отметим, что положения культуры отмены (несмотря на ее исторические аналоги, в том числе и в русской культуре) вступают в конфликт с многими традиционными российскими ценностями, необходимость сохранения которых была сформулирована в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁷ (документе, который, в свою очередь, тоже стал ярким примером контрканселинга в отечественной культуре).

Наиболее репрезентативно трансформация восприятия канселинга продемонстрирована в статье «Культура отмены: причины трудностей развития в России», авторы которой выделяют семь факторов, свидетельствующих, что канселинг не органичен для России, а также объясняют причины, которые делают бесперспективным внедрение культуры отмены (в том виде, в котором она позиционируется в контексте «новой этики») в отечественную практику⁸.

Отмечая динамику и трансформацию векторов осмысления феномена канселинга в отечественном гуманитарном знании, подчеркнем, что культура отмены — явление, развитие которого продолжается (что обнаруживается, в частности, в появлении новых форм канселинга — экономического, политического, спортивного). Вместе с тем культура отмены, являясь частью «новой этики» и аккумулируя в себе многие ее характеристики, не получила широкого распространения в отечественной культуре, более того, вызвала к жизни контрканселинг, который представлен как в социокультурных, художественных, повседневных практиках, так и на уровне государственной политики.

⁵ См.: *Кротовская Н. Г., Кулагина-Ярцева В. С.* Указ. соч. С. 252.

⁶ См.: *Омельченко Е.* Новая этика: о чем сегодня так спорят? // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/ilir/news/443019538.html> (дата обращения: 26.05.2023).

⁷ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=0&rangeSize=1>.

⁸ Культура отмены: причины трудностей развития в России / А. В. Никитин, О. М. Орлинская, П. В. Седаев [и др.] // Власть. 2022. № 3. С. 65–69.

Е. А. Ильинская¹

КУЛЬТУРА ОТМЕРЫ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ЗАБВЕНИЯ

Обращение к понятию культуры отмены сегодня особенно актуально из-за сложившихся социально-культурных и геополитических условий функционирования современного российского общества. Год назад Президент России В. В. Путин в своем обращении к работникам культуры сказал: «Сегодня пытаются отменить целую тысячелетнюю страну, наш народ — говорю о прогрессирующей дискриминации всего, что связано с Россией, об этой тенденции, которая разворачивается в ряде западных государств, при полном попустительстве, а иногда и при поощрении правящих элит. Пресловутая „культура отмены“ превратилась в „отмену культуры“»². В этой связи необходимо рассмотреть феномен культуры отмены как элемент специфической контркультуры, направленный на ликвидацию отдельной культуры при помощи разрушения механизмов ее функционирования.

Понятие «культура отмены», или «культура исключения» (от *англ.* cancel culture, call-out culture) возникло в Европе и США в XX веке и особенно актуализировалось под воздействием социальных сетей. Смысл данного понятия заключается в процессе осуждения и исключения отдельного человека или группы людей из социального пространства, как виртуального, так и реального. Подвергнув определенную личность или группу (обычно это знаменитость или бренд) публичному осуждению и травле в СМИ за высказанное отличное от «правильного» мнение или определенные действия, трактуемые как оскорбительные для кого-то, жертве объявляют так называемый культурный бойкот, который заключается в удалении информации об этом человеке или полном его забвении. В целом культура отмены является формой остракизма, принятой еще в Древних Афинах, когда по результатам голосования при помощи глиняных черепков (остраконов) выявляли особо опасных для общества персон и выдворяли их на 10 лет в изгнание. Но в современном варианте прослеживается более жесткий подход к персональной изоляции при помощи информационных технологий с покушением в первую очередь на свободу слова, на право выражения своего мнения в публичном пространстве. В отличие от остракизма, бойкотированию может подвергнуться не личность в целом, а ее отдель-

ное действие или высказывание, когда внимание общественности направляется на определенную неудобную ситуацию (пример — обвинение Джоан Роулинг в трансфобии), а личность маргинализируется. Причем субъектом обвинения может быть любой человек, написавший в социальной сети пост, впоследствии ставший вирусным. В 2022 году мы столкнулись с попыткой отменить не отдельного человека или его действие, а целую русскую культуру на Западе, что само по себе абсурдно, так как наследие великих русских писателей, композиторов, художников является значительной частью мировой культуры.

Сегодня культура отмены является действенной формой манипулирования общественным мнением и воспринимается в качестве инструмента социальной справедливости³. В результате мы сталкиваемся с опасностью высказывания противоположного суждения, что приводит к унификации общественного мнения, причем допустимые нормы морали определяются теми, кто сам себя назначил на роль эксперта.

Механизмы культуры отмены теснейшим образом связаны с транслирующей функцией культуры, нацеленной на распространение специфических культурных ценностей и норм. В темпоральном плане любая культура существует в прошлом, настоящем и передает культурные установки новым поколениям для бытия в будущем. Связь времен для любой культуры имеет основополагающее значение, и попытки прервать ее нарушают нормальное функционирование культуры. Игнорирование и искоренение не только настоящей культуры, но и элементов ее прошлого приводят к обособлению и устранению самой культуры. Коммеморативные практики являются базисом формирования исторической и культурной памяти. Привнесение в настоящее значимых элементов прошлого играет для общества колоссальную роль, формирует у подрастающего поколения социальную память, гордость за своих предков и культуру. Демонтаж советских мемориальных комплексов в Восточной Европе является ярчайшим примером борьбы со значимым для российских людей прошлым и иллюстрирует действие культуры отмены.

Как говорилось выше, концепция культуры отмены не является современным изобретением и имеет глубокие исторические корни. В качестве историко-культурных предпосылок культуры отмены можно назвать ритуал *Damnatio memoriae* (с латыни — «Проклятие памяти»), применяющийся посмертно к деятелям государственной власти и даже членам их семей и заключающийся в уничтожении любых материальных свидетельств существования этих людей. Истреблялись любые упоминания в летописях, артефакты, пе-

¹ Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Оптимизация социально-трудовых отношений как фактор профилактики профессионального выгорания» (в соавт.), «Рынок труда в Германии» (в соавт.), «Управление социально-трудовыми отношениями за рубежом: история и современность» (в соавт.), «Исторический опыт преодоления социально-трудовых конфликтов в России» (в соавт.) и др.; статей: «Формирование толерантности студенческой молодежи средствами социально-культурной деятельности», «Темпоральные аспекты конфликтности социально-трудовых отношений», «Человек сознательный и переживающий: учет субъективного фактора в конфликтологии» (в соавт.), «Изменения на рекламном рынке в условиях пандемии» (в соавт.) и др.

² См.: Российская газета. 2022. 28 марта. URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html> (дата обращения : 03.05.2023).

³ См.: *Силхович В. А.* Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением // Новые вызовы и перспективы развития современного социума : материалы I Междунар. науч.-методол. междисциплинарного семинара. Минск, 10 ноября 2022 г. Минск, 2022. С. 212–219.

реплавлялись монеты, с фресок удалялись лица, статуи разбивались, что приводило ко всеобщему общественному забвению. Такие контрмемориальные практики осуществлялись на протяжении всей истории человеческой цивилизации. Попытки Римской империи искоренить зарождающееся христианство, а позднее стремление господствующего христианства уничтожить римское язычество являются примерами борьбы с контркультурой.

Идеи искоренения культуры или ее влияния из сознания прослеживаются в наследии Р. Декарта (теория злого гения), Ф. Ницше (концепция сверхчеловека, свободного от христианской морали и навязанных общественных норм), Э. Гуссерля (феноменологический принцип эпохэ). Данные идеи являются предпосылками для возможного исключения любого субъективного мнения, которое может повлиять на уже сформированную картину мира человека, что лежит в основе культуры отмены.

Концепция физического устранения чужой культуры и ее носителей из-за сложностей с реализацией трансформировалась в символическое удаление нежеланных ценностей и норм из социокультурного про-

странства. В качестве примера можно привести акты сожжения элементов культурного наследия: во Флоренции — так называемый костер тщеславия Дж. Савонаролы, когда на площади в знак отречения от богатства и сопряженных с ним излишеств были преданы огню предметы роскоши, светские книги, картины; публичные сжигания Талмуда католической церковью в Средние века в Европе, книг антинемецких авторов в нацистской Германии, библиотеки в Джафне (яркий пример уничтожения культурного наследия на этнической почве в XX в.), а также русскоязычных книг в современной Украине.

Даже поверхностный анализ историко-философских предпосылок феномена культуры отмены дает нам право утверждать, что это явление не новое, а действия, направленные на исключение нежелательных элементов чужой культуры, неудобных высказываний общественных деятелей или предание забвению тех или иных людей или целых культур, всегда были на вооружении господствующих элит. Сегодня механизм культуры отмены успешно действует в качестве особого оружия в современных информационных войнах, и его вполне можно назвать идеологическим.

С. С. Комиссаренко¹

ЦЕННОСТНАЯ СИММЕТРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО БЛАГА

В человеческой природе столкновение индивидуальных устремлений к обретению благ с общественными требованиями является неизбежным. Общество изначально предписывает определенную подчиненность индивидуальных благ общественным. Выразителем и гарантом обеспечения интересов общественного блага выступает государство, чье предназначение заключается в удовлетворении насущных потребностей своих граждан. Однако во все времена, начиная с Античности и заканчивая днем сегодняшним, люди ставили индивидуальные блага выше, чем общественные. При этом человек всегда стремится к обретению индивидуальных благ за счет социальных, ибо его сущностная природа нацелена прежде всего на удовлетворение собственных нужд, а не на интересы общества. Сложность изменения ориентации с индивидуального на общественное благо заключается в том, что она не может произойти декларативно, ибо человек хочет удовлетворять свои насущные запросы как гражданин, но при этом сохранять индивидуальные права на свои личные блага. Проблема компромисса между государ-

ственными интересами и индивидуальными требованиями остается в открытом дискурсе уже на протяжении многих веков. Эта проблема постоянно актуализируется, поскольку основывается на принципах общедоступности благ всем гражданам, независимо от их вклада прежде всего в социальные блага.

Проблема соотношения индивидуальных и общественных благ может быть рассмотрена с различных научно-теоретических позиций — например, политических. Так, в советское время сама постановка вопроса приоритета благ не могла существовать по определению, ибо идеология марксизма-ленинизма провозглашала приоритет общественного над индивидуальным. С позиции демократического развития общества, в котором рыночные отношения обуславливают соотношение социального и индивидуального, последние будут доминировать.

С социологической точки зрения блага могут рассматриваться, во-первых, в зависимости от социальной структуры общества и превосходства в нем одних страт над другими, во-вторых, в связи с разрешением «вездесущего» (Р. Дарендорф) конфликта между социальным и индивидуальным. Конфликтологический аспект не только коррелирует с социологическим, но и является самостоятельной проблемой, поскольку неравномерность распределения благ может быть основой конфликтного противостояния и выступать предметом разногласий как в самом обществе, так и внутри человека. В этой связи Э. Фромм предлагает разрешение противоречий между социальным и индивидуальным через «позитивную свободу», основанную на значении «под-

¹ Профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор культурологии, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Формирование личности: концепции, институты, технологии», «Пушкин в культурном мире русского дворянства»; учебных пособий: «Субкультуры России: социально-исторические аспекты», «Основы социально-культурного менеджмента», «Теория и история социально-культурной деятельности»; статей: «Семья как предмет культурологического осмысления», «Коммуникативно-речевая агрессия: источник и триггер педагогического конфликта», «Социокультурное значение традиций в эпоху глобальных перемен» и др.

готовки индивидуума к выполнению тех функций, которые возложены на него обществом, чтобы его личные цели и устремления не конфликтовали с обязанностями, обусловленными его социальным статусом»¹.

Также общественные и индивидуальные блага можно исследовать с позиции культурологии, где их базис будет основываться на аксиологических положениях. Сущность благ отражает прежде всего ценности как «идеальные объекты» (М. С. Каган), к которым стремится человек. В ценностях конкретно и вполне осязаемо воплощаются желания и потребности людей. В данном случае ценностная ориентация способна не просто зафиксировать аксиологические значения тех или иных благ, но и обосновать их своеобразную симметрию распределения, минимизируя, таким образом, противостояние между ними.

В контексте российской парадигмы ценностного поля доминанта общественного блага может быть исследована согласно славянофильским идеям в русской философской мысли. Приоритет общественного блага исторически связывают в России с такими ценностными объектами, как соборность, коллективизм, общинность, то есть совместность действий, направленных на содружество, взаимопонимание, общность в организации жизни. Эти ценности не просто провозглашались, но и обосновывались такими философами, как А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, И. В. Киреевский и др. Для них общественное благо было превыше индивидуального, ибо оно отражает коллективистскую сущность национально-культурной традиции России.

Индивидуальное благо связывают с «новой этикой» западного человека, сущность которой заключается в ориентации личности на обеспечение персональных благ путем расчета на собственные силы и предприимчивость. Данная парадигма во многом опирается на идеи М. Вебера, изложенные в протестантской трудовой этике, которая во многом способствовала становлению капитализма. В 1905 году М. Вебер издал свое произведение «Протестантская этика и дух капитализма», в котором обосновывал идею Реформации, связанную с именами Мартина Лютера и Жана Кальвина, провозгласивших «требование протестантизма»: «Догмат, который единственным средством стать угодным Богу считает не пренебрежение мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а исключительное выполнение мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его местом в жизни, тем самым эти обязанности становятся для каждого человека его призванием»². Опираясь на взгляды великих реформаторов, М. Вебер исследует протестантскую этику как религиозно-этическую систему, в которой такие ценности, как умеренная религиозность, трудолюбие, расчетливость, бережливость, честность, профессиональное призвание, становятся основой жизнедеятельности западного человека.

Таким образом, возникает и перманентно существует в философско-культурологическом измерении положение о противоречии между традиционной цен-

ностно-коллективистской парадигмой общественного блага, воплощенной в представлениях русской мысли, и благом индивидуальным, закрепленным в «новой этике» Запада, в которой личностные устремления преобладают.

Данное противоречие может как снижаться, так и углубляться. Все зависит от социально-политического вектора, своеобразно воздействующего на ментально-мировоззренческий уровень людей. В быденном сознании это закреплялось, например, в идеологии советского времени, где принцип «прежде думай о Родине, а потом о себе» был главным. В период демократических преобразований России народная мудрость «Каждый сам кузнец своего счастья» являлась распространённой. Сегодня бытует выражение «Моя хата с краю, ничего не знаю». Это свидетельствует не только о приоритете индивидуального блага над общественным, но и о сознательном игнорировании общественных проблем.

В связи с этим следует заметить, что проблема соотношения общественного и индивидуального блага не нова. В культурно-историческом ракурсе она волновала умы многих мыслителей прошлого. Так, Платон провозглашал в своем «Государстве» приоритет общественного блага, поскольку всякое государство должно стремиться к «общности удовольствия или скорби», а «обособленность нарушает связь между гражданами, когда одних крайне удручает, а других приводит в восторг состояние государства и его населения»³.

Аристотель отвергал мысль Платона о ведущей роли в государстве общественного блага и всячески доказывал важность индивидуального. Однако следует заметить, что Аристотель также рассматривал общественное благо в неразрывной связи с организацией государственного устройства. Высшим благом для него представляется «счастливая жизнь» в государстве. Основу ее составляет ценность «созерцательной жизни», предназначенной для размышлений и философствования. Кроме того, Аристотель отмечает, что государство должно заботиться об условиях, чтобы граждане могли «наслаждаться миром и пользоваться досугом, совершать все необходимое и полезное, а еще более того — прекрасное»⁴. В этой трактовке видится стремление не разделять, а соединять в неразрывности общественное благо и индивидуальное.

Поэтому, опираясь на мысль Аристотеля, можно исследовать их взаимообусловленность через «ценностную симметрию». В этом случае общественное и индивидуальное блага предопределяются наличием двух составляющих, соразмерно расположенных и образующих единство бытия человека. Без общественного блага не может реализоваться индивидуальное, и только их взаимообусловленность придает завершенность картине мира каждого отдельного человека. С одной стороны, ценностная ось разделяет равномерные пространства двух благ, а с другой — создает неразрывность модели обеспечения жизнедеятельности людей.

¹ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя : пер. с англ. М. : Попурри, 1995. С. 351.

² См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма : избранные произведения : пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. С. 97.

³ См.: Платон. Диалоги : пер. с древнегреч. М. : АСТ, 2001. С. 196.

⁴ См.: Аристотель. Политика : пер. с древнегреч. М. : АСТ, 2006. С. 263.

Сегодня тема благ находит свое место и в социально-гуманитарном знании. Так, исследуя общественное и индивидуальное благо, ученый В. В. Дедушев считает, что в широком и «современном» понимании этих терминов «общественное благо есть способ обеспечения функциональности, целостности и развития государственной структуры», а индивидуальные блага трактуются «как наличие прав (частной собственности, защищенности ее законом, образования), свобод (слова, вероисповедания, социальной мобильности)»¹.

Содержательная наполняемость общественного блага напрямую связана с ценностями, которые формируются государством для удовлетворения самых необходимых нужд человека. В первую очередь это определяется заботой государства о здоровье, охране жизни, правопорядке, культуре, воспитании и образовании граждан. Сущность современного общественного блага отражает такие ценности, как безопасность, материальная обеспеченность, благополучие, социальная справедливость, сохранение здоровья, доступность культурных объектов, возможность получения образования и т. д. Заданность ценностей обусловлена их социальной значимостью, направленностью на благосостояние людей и обеспечение их достойной жизни.

При этом следует заметить, что, когда граждане ставят общественное благо выше индивидуального, у них формируются патерналистское сознание и потребительские модели поведения. Это проявляется в том, что они ждут от государства удовлетворения своих нужд, но сами вырабатывают иждивенческие отношения, предъявляя к государству претензии в виде сформированных требований. Граждане начинают привыкать к тому, что им самим не надо беспокоиться о собственном благополучии и прилагать усилия для обеспечения своей жизни. Так зарождаются инфантилизм, конформизм и исчезает способность к проявлению инициативы, креативности и конкурентоспособности. Девальвируются такие ценности, как активная жизненная позиция, самодеятельность, самоактуализация, самосовершенствование, общественное признание, успех, стремление к достижениям и др.

Таким образом, общественное благо может полноценно существовать только при условии равенства с индивидуальным. Эти два вида благ, пронизывая пространство общества, дополняют и обуславливают друг друга. Ценностная ось не разделяет их на две изолированные сферы, а соединяет в единое смысловое и практическое выражение.

Л. К. Круглова²

ПАТРИОТИЗМ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: ВЗАИМОИСКЛЮЧЕНИЕ ИЛИ ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЕ?

В настоящее время концепты «патриотизм» и «общечеловеческие ценности» рассматриваются как взаимоисключающие, несовместимые как гений и злодейство. При этом в одних случаях «гением» оказывается патриотизм, а «злодейством» — общечеловеческие ценности, а в других — строго наоборот. То обстоятельство, что оба концепта активно используются в современной информационной войне, диктует необходимость разобраться с их содержанием и смыслом.

Отправной точкой при рассмотрении понятия «патриотизм» является определение понятий «этнос» и «этническая культура». В этом плане можно констатировать, что во всех определениях этноса как формы

человеческой общности ее неотъемлемым признаком считается природная и, более того, биологическая основа, общая биогенетика.

На основе определенных природных условий, единого исторического пути развития этноса складывается этническая культура. Чувство общности с этносом является одной из самых сильных эмоций человека, что связано с обстоятельствами его культурного происхождения, ведь он еще до рождения слышит и впитывает в себя звуки родной речи и родные напевы, с раннего детства наблюдает присущую окружающим манеру говорить и действовать. В итоге этническая культура живет не только в сознании, но и в подсознании каждого, и попытки вырвать ее отсюда лишают нас основы нашей жизнедеятельности.

Таким образом, ощущение этнической принадлежности имеет природную основу, патриотизм же является гражданским чувством: по сути, это любовь гражданина к своей стране и преданность ей.

Однако культурный смысл эмоциональных и интеллектуальных свойств человека обусловлен мерой их воплощения в его деятельности. Соответственно, патриотом можно назвать того, кто не только любит свою родину, но и способствует ее процветанию своей деятельностью.

При таком понимании патриотизма возникает вопрос: как соотносятся любовь к культуре своего этноса и патриотизм как деятельная любовь к своей стране, многоэтнической и многонациональной?

¹ См.: Дедушев В. В. Общественное и индивидуальное благо в социальных концепциях Платона и Аристотеля // Актуальные проблемы духовности : сб. науч. тр. Кривой Рог : Криворожский нац. ун-т, 2012. Вып. 13. С. 148–160.

² Профессор кафедры философии, психологии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова, доктор философских наук. Автор более 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Человек–Природа–Общество–Культура: социокультурная антропоэкология», «Человек и культура», «Избранное. Антропологический принцип в культурологии: теория и практика», «Жизнь культуры и культура жизни: история и современность» (в соавт.) и др.; учебников и учебных пособий: «Теория культуры», «Основы культурологии», «История культуры», «История и философия науки» и др. Награждена медалями «Ветеран труда», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «300 лет Российскому флоту». Лауреат премии Санкт-Петербургского философского общества «Вторая навигация» в номинации «За философскую инвестицию в культурную жизнь Петербурга» (2015).

Ответ на этот вопрос состоит в указании на тот бесспорный факт, что негативное отношение к «другой» культуре является признаком непонимания собственной культуры и значения чувства кровной связи с ней.

Таким образом, патриотизм не только не требует отказа от своей этнической культуры, но, напротив, начинается с нее. Кроме того, надо отметить, что на основе общего исторического опыта, общей исторической памяти в многоэтнической стране складывается и общенациональная культура, которая в еще большей степени, чем этническая, удовлетворяет базовую для человека потребность «быть вместе».

Методологической базой решения вопроса о соотношении этнических культур и общенациональной культуры в многоэтнической стране является принцип разнообразия в единстве как условие гармоничного развития и категорий «общее», «особенное» и «единичное».

Следующий вопрос, который возникает в связи с выявлением сущности феномена патриотизма, заключается в том, не является ли он фактором, разъединяющим народы разных стран. Отвечая на этот вопрос, можно применить логику, использованную при выяснении отношений между привязанностью к своей этнической культуре и патриотизмом. А именно: только человек, понимающий значение и глубину своих патриотических чувств, сможет понять того, кто испытывает такие же чувства по отношению к другой стране, родной для него.

И наконец, последний вопрос — не является ли патриотизм фактором, исключающим возможность и необходимость общечеловеческой культуры и соответственно общечеловеческих ценностей. Отвечая на него, надо опять-таки вспомнить о принципе разнообразия в единстве как главном условии плодотворного развития.

Необходимость и возможность общечеловеческой культуры и, следовательно, общечеловеческих ценностей можно обосновать двумя обстоятельствами. Это, во-первых, родовые качества человека, что предполагает наличие общих для всех людей потребностей, а во-вторых, единая для всего человечества среда обитания, планета Земля.

Надо отметить, что в научно-философском и публицистическом дискурсах широко распространено толкование общечеловеческой культуры как одинаковой для всех. Это характерно, например, для многих евразийцев¹. Между тем общечеловеческая культура — не нечто одинаковое для всех, а нечто общее для всех культур, не исключающее их разнообразия. Эта ситуация опять-таки хорошо проясняется с помощью категорий «общее», «особенное» и «единичное».

Соотношение между ценностями российской культуры и общечеловеческими ценностями охарактеризовано в утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 года Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В этом документе

представлен широкий спектр духовно-нравственных ценностей россиян. Это жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, ответственность за его судьбу, созидательный труд, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, приоритет духовного над материальным, милосердие, гуманизм, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, а также историческая память и преемственность поколений, единство народов России»².

По своему содержанию все традиционные российские духовно-нравственные ценности являются одновременно и общечеловеческими. Именно это обстоятельство отчетливо выявлено в названном документе, где в качестве цели государственной политики определено формирование на международной арене образа Российского государства как защитника и хранителя традиционных для всего человечества духовно-нравственных ценностей.

Нельзя не отметить, что осознание авангардной роли России в борьбе за традиционные общечеловеческие ценности укрепляет патриотические настроения. Это наглядно показывает, что патриотизм и общечеловеческие ценности — не взаимоисключающие, а взаимодополняющие понятия. Уяснение этой истины тем более важно, что под флагом борьбы за общечеловеческие ценности выступает и современный неоколониализм, представители которого открыто и откровенно называют Россию одним из своих главных врагов. Это типичная «операция под чужим флагом», когда под прикрытием одних знаков, символов и смыслов действуют прямо противоположные. В данном случае под прикрытием привлекательного для огромного числа людей понятия «общечеловеческие ценности», дополненного не менее привлекательным концептом-символом «права человека», действуют мощные транснациональные неоколониалистские силы, нацеленные на сохранение мировой гегемонии, не имеющей ничего общего ни с общечеловеческими ценностями, ни с правами человека.

Серьезная опасность заключается в том, что в пылу информационной войны некоторые российские публицисты, искренне стремясь к укреплению позиций патриотических сил, доходят до отрицания общечеловеческих ценностей и прав человека как лозунгов и символов противоборствующей стороны. В результате вместо желаемого укрепления позиций патриотических сил происходит их ослабление.

Вопрос о соотношении ценностей — традиционных российских и общечеловеческих — имеет не только общекультурное, но и цивилизационное измерение, поскольку он актуализирует проблему диалога и конфликта цивилизаций и возможности и необходимости глобальной, то есть единой, цивилизации.

В ходе информационной войны те же патриотически настроенные пропагандисты, которые отрицают возможность и необходимость общечеловеческой куль-

¹ См.: *Круглова Л. К.* Культурфилософская концепция евразийства в контексте современности // *Избранное. Антропологический принцип в культурологии: теория и практика.* М. : СПб., 2018. С. 355–371.

² Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // КонсультантПлюс : [справ.-правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906 (дата обращения: 07.05.2023).

туры, говорят также и о крахе глобализации как процесса формирования глобальной цивилизации.

Между тем надо учитывать, что до последнего времени процесс глобализации осуществляется одновременно по нескольким сценариям, что живо напоминает театр абсурда. В одном из них главными действующими лицами являются транснациональные корпорации, готовые превратить весь мир в конвейер по производству прибыли. Другой сценарий делает упор на гегемонизм политического толка. Третий — глобализация с человеческим лицом — фокусируется на решении глобальных проблем, из которых наиболее важными являются преодоление экологического кризиса, устранение военных угроз и, главное, создание условий для гармонического развития человека. В настоящее время первые два сценария демонстрируют свою ущербность, но это свидетельствует не о крахе глобализации как таковой, а о необходимости глобализации с человеческим лицом, что требует выработать новый цивилизационный принцип, единый для политики, экономики и культуры, то есть всех компонентов цивилизации как социокультурной общности. Смысловым ядром этого принципа может и должен стать гуманизм, который в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей назван в числе традиционных российских ценностей.

Цивилизационное измерение вопроса о соотношении гуманистических ценностей как ценностей национального и одновременно глобального характера отчетливо выявляется в «китайском методе» — концепции «сообщества единой судьбы человечества». По мысли авторов, она воплощает в себе насущные практики глобального управления и раскрывает методологические установки марксизма и ориентированные на человека

ценностные устремления¹. При этом специально подчеркивается, что данная концепция инновационно развивает и творчески преобразует лучшие концепции традиционной китайской философии².

Как известно, проблема гуманизма всегда занимала видное место в отечественной общественной мысли. В русле этой тенденции автор доклада начиная с 1990-х годов предлагает для обсуждения идею универсального гуманизма как нового цивилизационного принципа³.

Учитывая, что все известные нам формы гуманизма были исторически ограничены, можно назвать новый цивилизационный принцип «гуманизмом для всех». Сущность его заключается в ориентации культуры на гармоническое развитие человека, политики — на демократию, экономики — на многообразие форм собственности, социальной сферы — на формирование гражданского общества, то есть многообразии форм общественных объединений и союзов.

Надо отметить, что все эти компоненты нового цивилизационного принципа нашли отражение в основополагающих государственных документах России — Конституции, Основах государственной культурной политики и т. п. Из этого следует, что Россия имеет возможность быть в авангарде борьбы не только за общечеловеческие ценности, но и за новые принципы цивилизационного развития.

Таким образом, все вышеизложенное показывает, что отношения патриотизма и общечеловеческих ценностей носят не взаимоисключающий, а взаимодополняющий характер. Значение этого вывода заключается в том, что он способствует теоретическому и практическому решению глобальных проблем современности и содействует укреплению позиций патриотических сил в идущей в настоящее время информационной войне.

И. В. Малыгина⁴

IDENTITY CAPITAL И СТРАТЕГИИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Сложные трансформации современной культуры, не укладывающиеся в рамки единой объясни-

¹ Хунь Ч., Сяоцзюань Г. О философских основах концепции сообщества единой судьбы человечества // Вопросы философии. 2023. № 3. С. 92–101.

² Там же.

³ См.: Круглова Л. К. Универсальный гуманизм как новый цивилизационный принцип // Человек. Философия. Гуманизм: Первый Рос. филос. конгресс. СПб.: СПбГУ, 1997. Т. 5. С. 50; Она же. Культура и гуманизм. Универсальный гуманизм как новый цивилизационный принцип // Человек и культура. М.; СПб., 2017. С. 157–167.

⁴ Заведующая кафедрой мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Культурология: имя собственное: к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера» (науч. ред. и соавт.), «Человек в ценностно-символическом пространстве культуры: контексты и тексты» (в соавт.) и др.; статей: «Культурные идентичности в постглобальном мире», «Динамика российской идентичности: тренды XXI века», «Идентичность в контексте посткультуры», «Быть русским» (в со-

тельной парадигмы и описываемые одновременно в терминах пост-, пост-пост- и метамодерна, проявляются не только в изменении ее онтологических контуров, сетевом расползании структуры и перформативности ценностно-смыслового ландшафта. Не менее важным представляются изменения самих механизмов нормообразования, принципов формирования ценностных иерархий, способов самоопределения и саморепрезентации человека в актуальной культурной ситуации.

авт.), «В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности» и др. Член редсоветов журналов «Обсерватория культуры», «Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки», «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», «Наследие веков», редколлегия электронного журнала «Культура культуры». Член Президиума Российского культурологического общества, руководитель Московского отделения РКО. Отмечена Почетной грамотой Министерства культуры РФ.

Вытеснение подавляющего большинства сфер деятельности человека в виртуальную, цифровую среду делает ее важным плацдармом «борьбы за идентичность», полем для наблюдения за изменением стратегий и практик самоопределения человека.

Сложившаяся в результате междисциплинарных исследований современная концепция идентичности, укорененная в отечественном научном дискурсе, основана на понимании данного феномена как сложного социально-психологического образования. Сущность феномена идентичности определяется единством и принципиальной нерасчлененностью рефлексивных, аффективных и поведенческих составляющих: *осознанного отождествления* индивида с той или иной общностью на основании конвенциональной системы культурных признаков, единства ценностей, символов и кодов; *глубинного эмоционального*, почти *сакрального* переживания этого единства и *культурных практик* его манифестации.

Культурная динамика, при всей ее нелинейности и бифуркационных расслоениях, все же разворачивалась в русле определенной логики. Можно заметить, например, что в идентификационных стратегиях на разных этапах человеческой истории последовательно доминировали либо чувственно-эмоциональное, либо рациональное, либо репрезентативное начало. Так, архаический период характеризуется тотальной эмпатической связью человека с окружающим миром, нерасчлененностью первоначального синкретизиса, партиципацией к роду и родовому тотему. Чувственно-эмоциональная доминанта в идентификационных процессах сохранялась в языческих культурах и, конечно, в культуре средневекового общества с его апелляцией к трансцендентному началу как главному образу идентичности. В обществе модерна с его проектом просвещения в идентификационных процессах доминировало рационалистическое, осознанное отождествление человека с социальной, этнической, национальной общностью, с тем или иным «великим нарративом». Наконец, в культуре постмодерна, которая, по всем признакам, не исчерпала еще ресурс самовоспроизводства, процессы самоопределения человека нередко сводятся исключительно к разнообразным манифестациям и практикам самопрезентации.

Другой устойчивый вектор культурной динамики связан с постоянно нарастающей индивидуализацией субъекта культуры, его последовательной эмансипацией от традиционных, исторически устойчивых и, как правило, безальтернативных культурных систем. К началу XXI века эта тенденция ознаменовалась вытеснением традиционных базовых идентичностей (сословных, этнических, национальных, конфессиональных и др.) на периферию индивидуального и общественно-го сознания; сублимацией идентификационных стратегий индивида в альтернативное пространство цифровой и медийной реальности с ее множественными, пересекающимися смысловыми потоками и дискурсивными полями¹. При этом каждый новый виток куль-

турной динамики, завершившийся выходом человечества на более высокий уровень социокультурной организации, сопровождался расширением символических форм культурной жизни и социальной коммуникации.

Как результат, коммуникативные технологии современного информационного общества характеризуются включением в медиареальность новых дискурсивных практик, в том числе апеллирующих к феномену «identity capital», который может быть определен как символический капитал индивида, влияющий на параметры *самоопределения* и *самопрезентации* человека в современной культуре.

Феномен «символического капитала» получил осмысление и обоснование в социологическом научном дискурсе и прежде всего ассоциируется с именем П. Бурдьё, впервые выделившим некоторую совокупность качеств личности и ее ресурсов, которые «обычно называют престижем, репутацией, именем и т. п.»², как отдельную форму капитала. Важнейшие функции символического капитала — социальная дифференциация и стратификация, основанные на различиях в стилях жизни и практиках потребления субъектов культуры; их субординация, обусловленная ценностно-смысловыми иерархиями, легитимированными в определенных социальных «полях». «Символический капитал — другое имя различия»³, «символические трансформации фактических различий»⁴, основание символических иерархий, власти, статусов и рангов, закрепленных посредством «социальной перцепции», а потому воспринимаемых участниками социальной коммуникации как нечто объективное и само собой разумеющееся⁵.

В конечном счете символический капитал — это, с одной стороны, допуск к участию в конкуренции за место в той или иной символической иерархии, а с другой — маркер позиции, которую он гарантирует своему обладателю. Иными словами, речь идет о стратегии самоопределения и самопрезентации человека, в основе которой лежат унаследованные им или приобретенные самостоятельно достижения, причем не только подлинные: хорошее образование, культурные компетенции, экспертная состоятельность, высокий статус в профессии, участие в благотворительности или социально значимых проектах, но и альтернативные псевдодостижения: внешность, популярность, престижность учебного заведения, увлечений и потребляемых брендов и т. д. В этой связи особый смысл приобретают такие характеристики символического капитала, как «способность человека к производству мнений»⁶, «стратегия накопления *доверия* и социального функционирования на его основе»⁷, «самостоятельное средство достижения целей», что делает его

² Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 56.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология: электрон. журнал. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–32.

⁷ Демидова М. В. Социальная стратификация в условиях символического капитализма: философский подход // Известия Томского политехнического университета. Социально-гуманитарные технологии. 2014. Т. 325, № 6. С. 75.

¹ См.: Малыгина И. В. Идентичность в пространстве посткультуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 13 (829). С. 173–185.

«силой, в некоторых случаях даже превышающей значение других форм накопления»¹.

Важно заметить в этой связи, что субъект современной культуры, который добился максимальной свободы от социальных и мировоззренческих систем, вместе с тем значительно ограничил свои возможности доступа к символическому капиталу собственного народа, культуры, нации, государства; утратил чувство сакрального переживания коллективных образов идентичности, исторических триумфов и культурных травм, обеспечивающих важное для идентичности личности эмоциональное переживание «и я этой силы частица».

Можно предположить, что поколения конца XX — начала XXI века, сформировавшиеся в условиях цифровой революции и «прозрачного» мира, созданного четвертой промышленной революцией, лишены потребности в идентичности. Однако, по мнению современных аналитиков, запрос такого рода не только не упразднен, но, напротив, становится почти тотальным. М. Кастельс, один из наиболее авторитетных исследователей информационного общества, замечает, что в периоды реформирования и делегитимизации социальных, культурных, мировоззренческих систем главным, если не единственным источником смысла оказывается идентичность. «Люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются»².

Поэтому на фоне деконструкции базовых идентичностей человек вынужден создавать новые формы социальности. Однако применительно к формам самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры следует говорить не столько о феномене идентичности в той ее онтологической определенности и структурной целостности, о которой мы писали выше, сколько о ситуативных симулякрах, имитациях и мистификациях в виде тех или иных социальных ролей или масок.

Дискурс идентичности как способ конструирования и манифестации представлений индивида о включенности в ту или иную культурную общность (этническую, религиозную, гендерную, субкультурную и т. д.) обусловлен многими факторами, в том числе системой предписаний, ограничений и запретов, заданных конкретной культурой, субкультурой, реальным или виртуальным сообществом. Иными словами, при внешней иллюзии свободы конституирование представленной личности о себе происходит в контексте дискурса «власти» в том широком социальном смысле, в котором писал о власти М. Фуко, — как об агентах контроля и санкционирования, присутствующих во всех структурах социума и жестко диктующих индивиду границы одобряемого и санкционируемого поведения³.

¹ Еремеева В. Ф. Символический капитал: растущие котировки // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 5–6 марта 2011 года. Пенза ; Прага, 2011. С. 143.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. С. 27.

³ Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. С. 47–96.

Нарушение этих границ (реальное или мнимое) способно вызвать жесткую реакцию в формах хейтинга, кибербуллинга и «культуры отмены» как особых деструктивных форм социальной коммуникации. Это побуждает человека конспирировать свою подлинную субъектность и идентичность посредством определенных культурных практик.

В данном случае представляют интерес две актуальные и принципиально отличные стратегии самопрезентации человека в цифровой среде: первую мы условно назовем стратегией «маски», а вторая артикулируется в медиaprостранстве как «новая искренность».

Стратегия «маски» предполагает имитативные, зачастую ироничные практики, посредством которых субъект культуры «являет» себя миру. Маска и ее эквиваленты получили широкое распространение в цифровом пространстве и новых медиа в силу своей двойственной природы, символизм которой, связанный, в частности, с наличием лицевой (репрезентативной) и изнаночной (скрытой, анонимной) сторон, подробно исследован в социально-гуманитарном знании: «Изнанка — частная субъективность — идентичность. Лицевая — внешняя публичность — нормы, мерки»⁴. Стратегия маски в цифровой среде — это прежде всего аватарка как «изображение образа себя», которое почти всегда предполагает развоплощение субъектности — разрыв, зазор, дистанцию между публичной представленностью индивида в соответствии с социальными ожиданиями, контролем и санкциями, с одной стороны, и скрытой аутентичностью и подлинностью — с другой.

Селфи — культурная практика конструирования образа и форма репрезентации индивида в глобальной сети — тоже своего рода маска, позволяющая конструировать и корректировать собственный образ, имитировать стиль жизни через взгляд на себя «как бы со стороны». Поэтому посредством селфи транслируются не столько личные предпочтения или реальные достижения, сколько одобряемые в том или ином дискурсивном поле или символической иерархии элементы identity capital.

Наконец, еще одна технология конструирования и репрезентации идентичности — маски Instagram⁵, позволяющие путем имитации различных техник экспериментирования с телесностью — тату, пирсинга, пластической хирургии и тому подобного — конструировать новый образ человека, добиваясь самых противоположных эффектов — от «улучшения» внешности, ее коррекции в соответствии со стандартами «индустрии красоты» до создания ироничных, безобразных и отвратительных образов⁶.

Таким образом, стратегия маски представляет собой очевидные симуляции и мистификации идентичности, формы самопрезентации, эксплуатирующие identity capital с целью встраивания в некоторые символические иерархии, существующие в цифровой среде, или эпатирующие формы самоиронии. Стратегия

⁴ Штайн О. А. Маска как форма идентичности. Введение в философию образа. СПб. : Изд-во РХГА, 2013. С. 51–52.

⁵ Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена на территории России.

⁶ См.: Малыгина И. В. Указ. соч.

маски свидетельствует о том, что из идентификационного процесса уходит сколько-нибудь очевидный референт значимого «другого». Эффект аватарки, селфи, Instagram-маски ориентирован одновременно на все глобальное сообщество и ни на кого конкретно. Воспроизводя эффект «зеркала», обобщенная «маска» замыкает индивида на самого себя, побуждает присваивать и воспроизводить модели поведения, одобряемые и контролируемые в том или ином дискурсивном пространстве.

Что касается «новой искренности», то данная стратегия, перенесенная в медиaprостранство из сферы искусства и артикулируемая уже в рамках теории метамодерна, напротив, по своему первоначальному замыслу ориентирована на преодоление тотальной постмодернистской иронии, реабилитацию традиционных ценностей понимания, сострадания, любви. Демонстративная манифестация индивидом его подлинности, искренности, уязвимости, «исповедальный характер дискурса», зачастую не совпадающего с социальными ожиданиями, побуждает человека, публично отвечая на вопрос «кто я такой?», поскольку «„новая искренность“ строится на рефлексии по поводу собственной идентичности»¹, доверять глубоко личные пережива-

ния бесчисленной анонимной аудитории и защищаться от нее, в частности, с помощью образа жертвы. Вместе с тем массовые флешмобы под хештегами #MeToo, #янебоюсьсказать и другие, которые можно назвать предельным выражением «новой искренности», стали дополнительным подтверждением тому, что новые формы социальности, спонтанно возникающие и столь же быстро распадающиеся, не обеспечивают индивиду устойчивого чувства защищенности, причастности и единства, а кроме того, не только не способствуют социальной консолидации, но, напротив, стимулируют серьезные социальные разногласия и деформации коллективных идентичностей.

Все вышесказанное позволяет заключить, что новые способы самоопределения, формируемые современной цифровой культурой, безусловно, удовлетворяют определенные интересы и запросы человека, но не обладают адаптивным потенциалом идентичности и зачастую сводятся исключительно к репрезентациям, не основанным на осознанном, рациональном выборе. Что же касается эмоциональных реакций индивида на «новые идентичности», то их в ряде ситуаций следует описывать скорее в терминах депрессивных состояний, чем сакральных переживаний.

К. Н. Маркина²

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ КОГОРТ В СОВРЕМЕННЫХ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

В современной культуре одним из системообразующих факторов исследований гуманитарной сферы выступает антропоцентрический подход, ориентированный на учет и внедрение в проектную деятельность свойств и характеристик определенных социальных страт. Одним из ярких и продуктивных элементов социальной стратификации выступает феномен поколения, который включает в себя не только социально-демографические признаки, но и этнокультурные компоненты.

Интерес же к теории поколений в России обусловлен не только глобальным мировым трендом на исследование «поколенческих когорт»³, но и нарастающим потенциалом цифровизации коммуникаций, которые приводят к ускорению динамики изменений в паттер-

нах поведения и, как следствие, подчеркнутой дифференциации различных поколений.

Первые исследования рассматриваемого феномена относят к 1960-м годам, когда в работах Н. Райдера впервые был описан сам термин, его особенности и свойства, а также сделан акцент на потенциале новых поколений обеспечивать социокультурную динамику в обществе за счет корректировки существующих аксиологических шкал в контексте актуальных потребностей среды. Следует отметить, что десятилетием ранее социолог К. Маннгейм исследовал феномен поколения в контексте социологического подхода и пришел к схожему выводу о том, что старшее поколение обеспечивает относительную стабильность и преемственность культурных элементов, а младшее вносит изменения в существующие социокультурные коды⁴. Данный подход сфокусирован на функциональных особенностях и взаимном соотношении старших и младших поколений относительно друг друга, что не позволяет выделить ценностные ориентиры каждой генерации в целях последующей сегментации и оптимизации коммуникаций.

Подробные сегментированные концепции с дробной периодизацией появились только в конце XX века и позволили по-новому оценить причины и последствия традиционного конфликта «отцов и детей». Од-

¹ *Иссерс О. С.* Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». 2020. Т. 19, № 6 : Журналистика. С. 218.

² Заместитель заведующего кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП по учебной работе, кандидат культурологии, доцент. Автор более 50 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Семиотические и культурологические основания типологии культур (на примере традиций России и Китая)», «Феномен креолизованного текста в современной рекламной практике», «Методы разработки креативных рекламных идей в контексте массовой коммуникации», «Семиотические аспекты рекламного аудиодизайна», «Специфика интегрированных маркетинговых коммуникаций в интернет-пространстве» и др. Член Ассоциации преподавателей по связям с общественностью РФ.

³ *Ryder N. B.* The Cohort as a Concept in the Study of Social Change // *American Sociological Review*. 1965. № 30. P. 843–861.

⁴ *Маннгейм К.* Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М. : ИНИОН РАН, 2000.

ной из наиболее востребованных в современной гуманитарной парадигме стала работа Нейла Хоува и Вильяма Штрауса¹ с привязкой смен поколений к важным историческим и политическим изменениям в США. Периодизация демонстрирует последовательную смену поколений в соответствии с периодами рождения, важными историческими событиями, сопровождавшими взросление и становление представителей каждого поколения, а также специфические характеристики каждой генерации, на которые рекомендовано опираться при проведении социокультурологических исследований и разработке проектов. Авторами выделено шесть поколений, появившихся в XX веке:

— поколение победителей (1900–1923 г. р.), чье взросление пришлось на Первую мировую войну и завершение политики изоляционизма в США;

— потерянное или молчаливое поколение (1923–1943 г. р.), в юности заставшее Великую депрессию и начало Второй мировой войны;

— поколение беби-бумеров или трудоголиков (1943–1963 г. р.), встретившее окончание Второй мировой войны, начало Карибского кризиса, холодной войны и разгорающейся войны во Вьетнаме;

— поколение X или неизвестное поколение (1963–1983 г. р.), формировавшееся в условиях разнообразных кризисов и, соответственно, демонстрирующее весьма специфичную аксиологическую шкалу при принятии решений;

— поколение Миллениума (миллениалы) или сетевое поколение (1983–2003 г. р.), взрослеющее в противоречивой атмосфере после холодной войны и в условиях агрессивного террористического прессинга, вылившегося в том числе в теракты 11 сентября 2001 года;

— поколение Z или цифровое поколение (2003 г. — по настоящее время), чье взросление происходит одновременно с назреванием мирового финансового кризиса.

По формальным признакам похожая классификация была предложена Говардом С. Беккером, однако в целях определения страты каждого поколения исследователь учитывал не только социально-политическую составляющую, но и влияние средств массовой информации на становление генерации, экономические возможности для самореализации, специфику педагогики и социализации в каждой отдельной культуре.

Попытка объяснить различия между генерациями исключительно посредством апелляции к сопровождающим историческим событиям и информационному окружению в целом может быть оценена как политизированная и оторванная от традиционного наследия и культурного контекста. Помимо этого, представленные классификации ориентированы на охват исключительно американского общества с последующей экстраполяцией полученных данных на иные социокультурные сообщества, что приводит к игнорированию этнокультурной составляющей и искусственной стабилизации характеристик каждой генерации.

Отечественная наука, в отличие от западных образцов, к выделению поколений и анализу их характери-

стик подходит с социокультурологической позиции, что позволяет классифицировать генерации не сплошным полем, захватывая значительные исторические отрезки, а выделяя элитарные, то есть обладающие выраженным потенциалом воздействия на культурные и аксиологические доминанты и численно значимые популяции и свойственные им модели поведения, ценностные ориентиры, сценарии принятия решений и прочие компоненты, определяющие показатели массовых коммуникаций. Наиболее известные и емкие классификации поколений в отечественной науке представлены в работах Т. Шанина, Ю. А. Левады, Е. Шамис, Е. Никонова, В. Радаева и др.²

Российские исследователи акцентируют важность исследования именно современных, социально активных поколенческих когорт, поскольку они являются носителями, хранителями, интерпретаторами и распространителями текущих ценностных ориентиров, а также оказывают непосредственное влияние на формирование аксиологических шкал последующих поколений.

Наиболее интересными для исследования в контексте современных массовых коммуникаций являются беби-бумеры (поколение застоя), поколения X, Y и Z (реформенное поколение, миллениалы и хоумлендеры). В отличие от западных коллег, отечественные исследователи особо акцентируют значимость поколения беби-бумеров для активных экономических и социально-культурных процессов, однако медиаспециалисты крайне неохотно включают представителей этой когорты в массовые коммуникации, ориентируясь на ценностные потребности более молодых страт.

Самыми востребованными и учтенными в медиaprостранстве являются миллениалы, которых можно признать системообразующим поколением современных маркетинговых коммуникаций. Медианале старательно ориентируется на типовые характеристики поколения Y — образованность, знание иностранных языков, откладывание взросления, профессиональную мобильность, социальный перфекционизм, желание доказать свою значимость, превращение из пассивных потребителей в просьюмеров (активно участвующих в производстве контента), отсутствие трудоголизма (поддержание work-life balance), толерантность (этническая, гендерная), осознанность потребления, озабоченность экологическими проблемами и пр. Следующее за ними — цифровое поколение, для которого характерны освоение новых технологий, совершенные онлайн-покупки, использование социальных сетей, владение банковскими картами, активный досуг (аудиокниги, просмотр видео, компьютерные игры, шопинг, прогулки на природе, чтение электронных книг). Это поколение демонстрирует приверженность здоровому образу жизни, относительно высокий уровень удовлетворенности жизнью (благополучие, экономический оптимизм) и учитывается массмедиа в связи

² Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25; Левада Ю. А. Ищем человека: социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое изд-во, 2006; Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Стратегия беби-бумеров. М.: Ун-т Синергия: Школа Бизнеса, 2017; Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: ВШЭ, 2019.

¹ Howe N., Strauss W. Millennial Rising: The Next Great Generation. N. Y., 2000.

с общей позитивностью ценностных доминант хоумлендеров¹.

На данный момент миллениалы изучены достаточно подробно, что позволяет судить о них как о значимой аудитории медийного контента в различных сферах маркетинга, успевшей вырасти в платежеспособных клиентов. Внимание поколения Y маркетологи стараются привлечь благодаря проработанной коммуникации бренда с целевой аудиторией, чтобы установить связь за счет соответствия взглядам и интересам покупателя, концентрируясь на актуальных для миллениалов ценностях. Следует отметить, что миллениалы-просьюмеры оставляют ярчайший цифровой след, позволяя аналитикам собирать данные о предпочтениях и делать акценты на выигрышных сторонах своего

бренда, а также формируя базу для аксиологических предпочтений хоумлендеров.

Несмотря на глобальные культурные изменения в мировом пространстве, ключевым фактором эффективности массовых коммуникаций являются локальные события и культура, поэтому медиaprостранству необходимо фокусироваться на особенностях становления более узкой ценностной картины мира целевой аудитории. В связи с повышением тревожности и индекса недоверия, баннерной слепотой и конкурентной плотностью информационных сообщений эффективные коммуникации возможны в условиях персонификации и ценностной акцентуации транслируемого контента с учетом ценностных доминант конкретного поколения.

А. П. Марков²

«НОВАЯ ЭТИКА» КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КУЛЬТУРНОЙ РЕГРЕССИИ

Концепт «новой этики», который в последнее время активно утверждается в системе гуманитарного дискурса и в общественном сознании, интегрирует и маркирует некое множество идеологий, нетрадиционных жизненных стилей и протестных движений, борющихся против несправедливости и дискриминации, харассмента и домогательств, этнофобии и ксенофобии, утверждающих в общественном сознании привилегированный статус ЛГБТ-идентичностей и новых форм сексуального партнерства, исповедующих «культуру бойкота и отмены», обсуждающих проблему инклюзивности лиц с ограниченными возможностями здоровья и т. д. Новизна ее подхода заключается в персонализации морали, отрицании «господства ее всеобщих форм, будь это традиция, голос большинства, норма закона, мнения философов»³. Проектировщики и адепты «новой этики» позиционируют ее в качестве глобального «гуманистического проекта», способного обеспечить равенство, справедливость и взаимоуважение людей, независимо от их расовой, половой и религиозной принадлежности, трансгендерной и сексуальной идентичности. Для увеличения «символического

капитала» они идут на откровенную подмену исторических истин, ассоциируя «новую этику» с принципами христианского милосердия и равенства всех перед Богом.

Однако за этими красивыми лозунгами обнаруживаются иные замыслы и смыслы проекта: в последние десятилетия «новая этика» обретает статус института модификации ценностно-нормативного базиса культуры. Не случайно в отечественной гуманитарной мысли и в сетевом пространстве предметом острых дискуссий становятся последствия экспансии ценностей «новой этики» для душевного и нравственного здоровья общества. В формате радикальной критики «новая этика» характеризуется как разрушительная аморальная демagogия, красная линия, обозначающая крах тысячелетних нравственных устоев цивилизации, она обвиняется в тоталитаризме и геноциде, порождении анархистского хаоса, дискредитирующего каноны высокой культуры и основы гуманитарного знания. Крайне негативную оценку феномену «новой этики» дают консервативные организации, борцы с русофобией, морально ответственные гуманитарии, которые фиксируют «развратное» влияние ЛГБТ-движения, отмечают деструктивный пафос «субверсивной идеологии аморализма». Концепт «новой этики» квалифицируется как «зловредный языковой объект-трикстер» (Элла Россман), «вербальная химера», интеллектуально безответственный «моральный кентавр», содержательное ядро которого формируют мутные по смыслу англоязычные номинации типа «харассмент», «шейминг», «канселлинг», «абьюз», «гостинг», «инклюзии» и др.

Мы разделяем центральный тезис оппонентов «новой этики»: данный концепт является маркером всей совокупности идеологий и практик, откровенно дисконструирующих с традиционными ценностями и нормами. Под лозунгом гуманизма и прав человека этот глобальный проект вписывается в стратегию *управляемой эволюции*: он обеспечивает культурную и правовую легитимность практически всему спектру девиа-

¹ См.: Жукова В. П. Влияние ценностной картины мира поколения Y на современную рекламу // Реклама и PR в России: современное состояние и перспективы развития : XIX Всерос. науч.-практ. конф., 10 февраля 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 56–59.

² Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования», «„Культурная регрессия“ как итог неолиберальных реформ постсоветской России», «Кризис европейской цивилизации и проекты грядущего мироустройства», «Информационные войны постиндустриального мира как фактор геополитической конкуренции», «Духовный опыт „Осевого времени“ как антикризисный ресурс современной цивилизации», «Социальная справедливость как ресурс солидарности народов и культур евразийского пространства» и др.

³ См.: Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // Университетская этика: моральные проблемы цифровизации образования : Вестник прикладной этики. Тюмень : НИИ ПЭ ТИУ, 2021. Вып. 58. С. 104–105.

ций и трансгрессий, осуществляя тем самым *моральную инверсию* — смену знака ключевых духовно-нравственных универсалий культуры.

Во-первых, идеология «новой этики» строится на концепции «приятая» (*affirmation*), которая постулирует безоговорочное, безоговорочное принятие всего спектра личностных идентичностей и соответствующих жизненных стратегий, полную и безоговорочную к ним лояльность. Обратной ее стороной становится крайняя, радикальная форма нетерпимости, которая получила метку «морального рейха»: обязательность «приятая» исключает и запрещает любые формы несогласия, провоцирует репрессивные стратегии по отношению к сторонникам иной точки зрения. И даже нейтралитет квалифицируется как средство сокрытия своего подлинного лица, а молчание — как измена. Исповедуемый идеологами «новой этики» лукавый принцип «ненасилия» в реальности превращается в свою противоположность: всякого рода группы «социальных маргиналов» и «дискриминаций» не только требуют к себе безоговорочной лояльности — в экстазе агрессивного самоутверждения они воспроизводят архаические практики конструирования «*козла отпущения*»¹, роль которого теперь играют носители традиционных норм и ценностей. Даже моральная безупречность кандидата на роль «*козла отпущения*» цинично превращается в повод его социальной депривации. Быть добрым «становится страшно и мучительно».

Отстаивая права дискриминируемых групп на социально-культурную реабилитацию и компенсацию, «новая этика» переводит их в категорию мстительных жертв, которые начинают утверждать свой статус путем публичного унижения нелояльных фигур, в том числе в форме публичного признания ими своей моральной вины и последующих извинений. Возбужденные группы «подсевших» на идеологию «новой этики» активно используют приемы *нравственной репрессии* — они снижают рейтинги в массмедийном пространстве и разрушают репутацию тех, кто придерживается иной точки зрения, добиваются их увольнения, бойкотируют производимые ими товары и услуги. ЛГБТ-активисты в информационном пространстве используют специальные концепты, которые символизируют «неправильные», «некорректные», «токсичные» мысли и «неприемлемые» (*inappropriate, unacceptable*) модели поведения (*гомофобы, исламофобы, трансфобы* и т. д.)². В таком качестве идеология и практика «новой этики» становятся средством сегрегации, провокатором ментальных эпидемий агрессии, нетерпимости и вражды. Насилие и произвол представительниц *новой нормальности* разрушают матрицы социальной солидарности: теперь каждый может стать подозреваемым в нелояльности, и в таком качестве — потенциальной жертвой. В своих крайних формах ярые сторонники «новой этики» выполняют функцию института *мораль-*

ной инквизиции, «отменяя провинившихся», отказавшихся играть роль кающихся грешников, агрессивно стирая их из информационного пространства. Процедура отмены (*cancellation*) становится разновидностью *публичной казни* (Christopher Van Eecke).

Во-вторых, *сверх-идея* «новой этики» состоит в деформации духовно-нравственных матриц мировой культуры путем инверсии ее ценностно-нормативного базиса, легитимации «репрессированных» предшествующими этапами человеческой цивилизации «деструктивных оппозиций». В частности, *свобода*, которая в концепции европейского либерализма легитимирована как право личности на осуществление в своей земной биографии всей совокупности талантов и возможностей, превращается в собственную противоположность: она становится свободой от... национально-культурной идентичности, стыда, совести, справедливости и даже пола. Ее уродливая метаморфоза превращает защитников культурного многообразия и инклюзивности в фанатичных гонителей тех, кто исповедует выстраданные историей ценности и нормы человеческого общежития. Мутированная, извращенная версия свободы обеспечивает право выбора любых идентичностей, трансгрессий, патологий. «Новой нормальностью» оказывается практически весь спектр человеческих девиаций. При этом моральное уродство в критериях классической культуры становится признаком избранности.

Смена ценностно-нормативной модели морально ответственными и интеллектуально вменяемыми гуманитариями квалифицируется как завершающая, предельная фаза этической деградации эпохи постмодерна. «*А-этика*» нового тысячелетия становится триумфом «моральной пустоты», институтом «атрофии нравственного инстинкта как такового», симулякр, лишь по форме имитирующим этику (С. С. Хоружий). Свидетельством коллапса этики в ее традиционном смысле является растабуирование греха, культурная легитимация деструктивных энергий и бесчеловечных поступков, которые уже не вызывают морального осуждения — они утверждаются в общественном сознании не только как допустимые, но и как престижные, социально-статусные, достойные одобрения и уважения. Человек, исповедующий жизненные сценарии «новой этики», превращается в существо, озабоченное преимущественно биологическими отправлениями. Такой жизненный стиль убивает главный орган человека — его душу, ответственную за переживание чувств стыда и вины, сострадания и совести, веры, надежды, любви. Стыд — этот основной признак отличия человека от животного (В. С. Соловьев), трактуется как «антигуманная энергия аутоагрессии», подлежащая искоренению (характерное высказывание одного известного певца, который публично заявил, что источником его обращения к наркотикам стало чувство стыда).

Значимым агентом «революции» в области нравственности является институт массмедиа, использующий весь спектр антропоцентрированных технологий и методов «социальной инженерии». Консолидации активистов «новой этики» и пропаганды их жизненных стратегий способствуют социальные сети, в про-

¹ Данный конструкт символизирует статус *Homo sacera* — человека, лишённого прав на защиту от любых форм агрессии (Дж. Агамбен).

² См.: *Афанасьева Н.* Тоталитарна ли «новая этика»? Обсуждают философ и социолог // Афиша Daily : [сайт]. 2021. 19 февр. URL: <https://daily.afisha.ru/infoporn/18867totalia-li-novaya-etika-obsuzhdayut-filosof-i-sociolog> (дата обращения: 25.05.2023).

странстве которых формируются не подлежащие контролю информационные волны. На Западе мощным средством пропаганды «новой этики» становятся публичные выступления массмедийных персон, голливудских звезд. Задачу «нравственной регрессии» молодежи активно и с упоением решает современное искусство, НПО. Инверсию ценностей, разлагающую моральные основания человеческих связей, осуществляют инициированные неолиберальными идеологами проекты толерантности и политкорректности, которые поддерживаются представителями крупного капитала и транснациональными организациями, владеющими огромными финансовыми ресурсами и техническими средствами воздействия на умы. «Гендерный волонтаризм» становится доминирующей парадигмой даже в западных университетах, превращая сторонников здравого смысла в изгоев, вынужденных публично каяться или покидать учебное заведение. Утверждение «новой реальности» происходит и на лингвистическом уровне, где ее маркирует словарь терминологии ЛГБТ: *пангендер* — человек, чья гендерная идентичность включает в себя множество гендеров или все гендеры; *новосексуал* — человек, чья сексуальная идентичность видоизменяется в соответствии с его гендерной идентичностью; *зедсексуал* — человек, испытывающий сексуальное влечение к другим людям¹.

Новая этика «фальшивой покорности», исповедующая «всеразлагающий цинизм», превращается в институт этической деградации и активной атрофии нравственного инстинкта. Она становится проектом *самоапокалипсиса*, сценарием рукотворной эсхатологической трагедии перехода в *сверх-, пост-, транс-зомби* (М. В. Привалова). По существу мы наблюдаем антропологическую регрессию — разборку образа челове-

ка, который был сотворен текстами осевого времени и удерживался ключевыми институтами культуры более двух тысяч лет. Новая этика утверждает человека как тип простейшего животного, для которого биологические отправления — смысл жизни, а безопасное существование и бегство от любых форм страдания — ее принцип и цель. Такой тип уже не вписывается в формулу *чело-века* — как чела, обращенного к вечности.

Но шанс удержания духовно-нравственной вертикали цивилизации остается. Надежду и оптимизм внушает неискоренимая человеческая потребность поиска смысла жизни, которая острее сознается в ситуации кризиса, на краю. Гарантом сохранения и развития выстрадавшего тысячелетиями истории духовного вектора цивилизации выступает метафизическая сущность человека — его свобода. «Мы всегда можем измениться. В этом суть человека — в свободе. Не в свободе от греха, ошибки или преступления, но в свободе преодолеть их, измениться, повернуться в обратном направлении — к своим духовным истокам»². Ресурсом выхода из кризиса являются безграничные возможности человека, который в «пограничных» ситуациях истории всегда являл высокую планку моральной ответственности, спасая мир от нисхождения в бездну насилия (К. Ясперс). «Человек не может оставаться только человеком, он должен подниматься над собой, или упасть в бездну». От него зависит «чем надлежит быть вселенной — зверинцем или храмом»³. В период глобальной смены цивилизационной парадигмы усилиями интеллекта и души человек обязан сохранить ключевую функцию культуры — преодоление аномии и минимизацию морального хаоса, рождающего гибельную для жизни во всех ее проявлениях энтропию.

А. А. Мельникова⁴

НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «НОВОЙ ЭТИКИ»: ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ

В 1990-х годах американским социологом Джорджем Ритцером была разработана концепция «новой этики», один из основополагающих постулатов которой — ориентация человека на свои потребности и интересы при снижении внимания к общественным ценностям. По сути, это стало дальнейшим развитием принципа индивидуализма. Разделение культур на индивидуалистические или коллективистские является одним из базовых. Индивидуалистические культуры поощряют большее внимание к себе, тогда как коллективистские подчеркивают важность социальных ценностей. Развитие личностных качеств тесно связа-

но с культурной средой. Соответственно, можно предположить, что провозглашение принципов «новой этики» как культурного ориентира для развития общества стимулировало усиление индивидуалистических тенденций в современном американском социуме. Рассмотрим, что фиксируется исследователями и к каким результатам это приводит.

⁴ Профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Язык и национальный характер», «Культура трудовых отношений: профессиональное выгорание», «Лингвокультурология: формы репрезентации культуры в русском языке», «Психология кросс-культурной адаптации» (в соавт.), «Семья в проблемном поле современного социума» (в соавт.), «Психологическое здоровье и технологии здоровьесбережения в современной образовательной среде» (в соавт.), «Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации» (в соавт.), «Современная социология семьи: проблемы и их решения» (в соавт.) и др.

¹ См.: Афанасьева Н. Указ. соч.

² См.: Дугин А. То, что происходит с коронавирусом, — колоссальный удар по человечеству. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/492115> (дата обращения: 25.05.2023).

³ См.: Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2021. С. 395–396.

Действительно, в современных исследованиях социологов и психологов отмечается увеличение доли индивидуализма и отчужденности в американском обществе. Безусловно, кроме указанного выше стимулирующего такие тенденции фактора можно предположить и другие: изменения в экономической структуре, увеличение миграции и изменения в общественной культуре. Значимым фактором, связанным с возрастанием индивидуализма, является переход к постиндустриальному обществу, где работники все больше становятся свободными агентами, занимающимися самозанятостью, а не работающими долгое время в одном и том же месте. Это приводит к тому, что людям приходится осваивать новые навыки и знания, чтобы оставаться конкурентоспособными на рынке труда, что усиливает индивидуализм. Кроме того, процессы миграции, как внутри страны, так и за ее пределами, приводят к разрыву связей в семьях и других социальных структурах, что также усиливает индивидуализм.

Однако безусловно значимым является именно культурный фактор: современная американская культура активизирует внимание к индивидуальности и личной свободе — последнее приводит к тому, что люди становятся менее склонными к коллективному поведению и более ориентированными на самих себя. Они чаще принимают решения и выполняют действия самостоятельно, без учета мнения других людей; у них усиливается желание выделиться свои индивидуальные черты личности, чтобы отличаться от других и быть признанными уникальными; растет уровень заботы о своих личных целях в ущерб интересам и потребностям других. Все эти тенденции диагностируют исследователи, которые также фиксируют, что тяга к самосовершенствованию, к подчеркиванию своей уникальности, ориентация на свои цели и желания приводят к росту характеристик нарциссизма в американском обществе. Так, в ходе исследования «The Narcissism Epidemic: Increases in Narcissism 2002–2007 Within Ethnic Groups» было установлено, что с 2002 по 2007 год в американском обществе выросли некоторые характеристики, связанные с нарциссизмом. В частности, было установлено увеличение следующих характеристик:

- желание быть знаменитым или известным;
- желание получать высокую оценку своей личности без выполнения соответствующих этических и трудовых стандартов;
- меньшая склонность испытывать сочувствие и сострадание к другим людям, особенно если они не похожи на респондентов по социальным, политическим и этическим параметрам;
- большее увлечение собой, личными интересами и желаниями, их удовлетворением, удовольствием и комфортом, независимо от других.

При этом данная особенность имеет тенденцию к усилению. По данным американских ученых, за последние 30 лет уровень нарциссизма в обществе значительно вырос. Одно из известных исследований на эту тему было проведено в 2010 году учеными из Университета Мичигана. Они опросили 16 тыс. американцев по поводу их убеждений, ценностей и поведения. В результате было обнаружено, что молодые люди боль-

ше склонны к нарциссизму, чем предыдущие поколения. Например, 58 % миллениалов (родившихся в период с 1980 по 1994 г.) считают себя «очень важными» людьми, тогда как в поколении бумеров (родившихся в период с 1946 по 1964 г.) этот показатель составляет 50 %.

Поскольку культурные характеристики проявлены в продуктах культуры, то для проверки такого предположения изучались изменения в произведениях средств массовой коммуникации, таких как телешоу, тексты песен и книги. Так, проведенное исследование американских книг, изданных в период с 1960 по 2008 год и содержащихся в настоящее время в Google Books (766 513 книг), выявило, что за изучаемый период количество индивидуалистических слов и фраз (например, «уникальный», «персонализировать», «я», «все обо мне», «я особенный», «я лучший») значительно возросло; при этом использование местоимений первого лица множественного числа (например, мы, нас) уменьшилось на 10 %, местоимений первого лица единственного числа (я, мой) увеличилось на 42 %, а местоимений второго лица (ты, твой) увеличилось в четыре раза¹. Таким образом, с 1960 года язык американских книг все больше фокусируется на личности и уникальности. Те же процессы фиксировали и исследователи ценностных сдвигов в популярных телевизионных шоу. Ярко выраженными индивидуалистическими ценностями являются слава и личное богатство, и исследователи зафиксировали увеличение на протяжении десятилетий числа случаев их изображения на популярном телевидении США — наряду со снижением количества случаев фиксирования на общественных ценностях, таких как чувство общности и традиции. Подсчеты показали, что индивидуалистическая ценность «личная слава» на шоу 2007 года считалась высшей ценностью, тогда как по результатам большинства предыдущих десятилетий она занимала 15-е место (из 16). Напротив, чувство общности в 2007 году было на 11-м месте, а все предыдущие десятилетия — на 1-м или 2-м².

Кроме того, исследователи зафиксировали межпоколенческие различия в личностных чертах, ценностях и установках с постоянным усилением индивидуалистических черт, таких как нарциссизм, а также связанные с ним (в случае высокой степени выраженности) напористость и высокая самооценка. Подтверждает выявленные тенденции и диагностика студенческой выборки: метаанализ 85 выборок студентов университетов США за период с 1979 по 2006 год показал, что нарциссические черты личности увеличились на 30 %³. В тот же период у американских студентов появилось большее желание денег. И наоборот, метаанализ 72 исследований, проведенных в период с 1977 по

¹ Twenge J. M., Campbell W. K. Increases in Individualistic Words and Phrases in American Books, 1960–2008 // *PLoS One*. 2012; 7(7):e40181.

² Uhls Y. T., Greenfield P. M. The Rise of Fame: An Historical Content Analysis // *Cyberpsychology : Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2011. № 5 (1). Art. 1.

³ Egos inflating over time: A cross-temporal meta-analysis of the Narcissistic Personality Inventory / J. M. Twenge, S. Konrath, J. D. Foster [et al.] // *Journal of Personality*. 2008. № 76. P. 875–901.

2009 год, показал, что уровень эмпатии снизился более чем на 40 %, причем наибольшее падение произошло после 2000 года¹. То есть люди с высоким уровнем нарциссизма, согласно исследованиям, меньше склонны к эмпатии и больше — к эгоистичному поведению. Об этом свидетельствует исследование американских психологов Ж. Твендора и Л. Гончаровой в рамках проекта «The Narcissism Epidemic», результаты которого были опубликованы в книге «The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement». Согласно полученным данным, молодые люди, родившиеся в 1990-х годах, по сравнению с родившимися до 1985 года более склонны к самовлюбленности и эгоистичности, а также к меньшему уважению другой точки зрения. Это вызывает проблемы в личных отношениях, например приводит к расставанию с партнерами, которые не соответствуют высоким требованиям. Исследование также свидетельствует о том, что молодые американцы сегодня менее заинтересованы не только в политической, но и в целом в социальной активности. При этом ценность традиций снижается из поколения в поколение².

Данные результаты подтвердило и опубликованное в 2019 году в журнале *Journal of Personality and Social Psychology* исследование Д. Шрайбера. Оно проводилось в 1979–2016 годах среди более чем 73 тыс. американских взрослых и показало возрастание нарциссических характеристик в целом, выявив следующие аспекты:

- нарастающая индивидуализация общества привела к уменьшению внимания к общественным интересам и проблемам;
- увеличилась ориентация на личные успехи, достижения и материальное благополучие;
- уменьшилась готовность к сотрудничеству с другими людьми и к решению проблем в рамках команды или коллектива.

Поскольку нарциссизм выражается в сильной сосредоточенности на себе, сопровождающейся ощущением своей исключительности, демонстративностью, склонностью к использованию других людей, высокой потребностью в восхищении, то логично предположить, что у членов индивидуалистических культур нарциссизм будет более выражен, чем у представителей культур коллективистских. Исследования это

подтверждают: люди из США (индивидуалистическая культура) имеют более высокие показатели нарциссизма (NPI) по сравнению с людьми из азиатских стран и с Ближнего Востока, у которых выражена коллективистская культура³.

Таким образом, исследования выявляют возрастные нарциссических характеристик в американском обществе. Нарциссизм относится к виду личностных расстройств, так что можно предположить, что культурные тенденции, выраженные в американском обществе, стимулируют психические расстройства его граждан.

Соответственно необходимость противостоять тенденциям, обозначенным «новой этикой», связана, во-первых, с тем, что лежащие в основе этой этики индивидуалистические характеристики противоположны российским коллективистским ценностям, то есть их внедрение, вероятнее всего, приведет к разрушению традиционной морали и норм поведения, что может серьезно подорвать основы общественной жизни. Во-вторых, ориентация на материальное благополучие, усиление значимости потребления в ущерб духовным ценностям приводит к бездействию и пустоте, ощущение которой вызывает мысли о ненужности жизни. Как результат — увеличение числа самоубийств. Это подтверждает исследование Института здоровья Массачусетского университета (Harvard T. H. Chan School of Public Health), проведенное Робертом Д. Франксом и Кристофером М. Райаном. Оно свидетельствует, что количество суицидов в Америке растет. В 2018 году в стране произошло 47 173 суицида, что является самым высоким показателем с 1986 года⁴. Факт роста числа самоубийств подтверждается и данными Национального центра статистики здравоохранения США (National Center for Health Statistics). Вот его статистика по возрастанию количества суицидов на 100 тыс. жителей США за 5 лет: 2015 год — 13,5 %, 2016-й — 13,7 %, 2017-й — 14,0 %, 2018-й — 14,2 %, 2019-й — 14,5 %. Итого за этот период в США произошло увеличение числа суицидов на 7,4 %⁵. Таким образом, выбор курса «новой этики» для России не только чреват потерей ценностей и искажением приоритетов, но и может серьезно сказаться как на психологическом, так и на физическом здоровье нашей нации.

¹ Konrath S., O'Brien E., Hsing C. Changes in dispositional empathy in American college students over time: a meta-analysis // *Personality and Social Psychology Review*. 2011. № 15 (2). P. 180–198.

² Henrich J., Heine S. J., Norenzayan A. The weirdest people in the world? // *RatSWD Working Paper Series*. № 139. Berlin : Rat für Sozial- und Wirtschaftsdaten (RatSWD), 2010.

³ Vater A., Moritz S., Roepke S. Does a narcissism epidemic exist in modern western societies? // *PLoS ONE*. 2018. Vol. 13, № 1. P. 1–16.

⁴ Harvard T. H. Chan School of Public Health : [сайт]. URL: <https://www.hsph.harvard.edu/news/press-releases/us-suicide-rates-1980-2018/> (дата обращения: 05.06.2023).

⁵ National Center for Health Statistics : [сайт]. URL: <https://www.cdc.gov/nchs/nvss/vsrr/mortality-dashboard.htm> (дата обращения: 05.06.2023).

А. Н. Мосейко¹

ТРАДИЦИОННЫЕ АФРИКАНСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЭТИКА В ДИАЛОГЕ И КОНФРОНТАЦИИ С ЦЕННОСТЯМИ И «НОВОЙ ЭТИКОЙ» ЗАПАДА (В контексте прошлого и будущего Субсахарской Африки)

Жить в настоящем, помнить о прошлом,
планировать будущее.

Л. С. Сенгор

В документе Африканского союза «Повестка 2063», посвященном стратегическим планам развития Африканского континента, в числе приоритетных задач заявлено формирование африканской модели развития и преобразования, основанной на panaфриканских ценностях. С точки зрения африканцев, основополагающим условием, способствующим позитивному преобразованию Африки, являются факторы, лежащие за пределами финансово-экономических и политических проблем. Они ставят во главу угла человеческий фактор и видят своей целью изменение отношения и образа мышления, возрождение и укрепление panaфриканских ценностей самостоятельности, солидарности, упорного труда и коллективного процветания². Решение этих задач предполагает возвращение к исходным, сформированным многовековым опытом развития, традиционным общеафриканским ценностям и определение их современного значения для Африки южнее Сахары (АЮС). При этом африканцы, осознающие свою миссию в мире, считают традиционные африканские ценности и этику возможностью спасения человечества, прежде всего «западного», которое, по словам философа и первого президента Сенегала Л. С. Сенгора, «отступило от своего божественного предназначения»³.

В странах Субсахарской Африки существуют общие принципы миропонимания, социальные, нравственные, этические представления и нормы, их объединяет единая колониальная история и судьба, три века работорговли, колонизации и апартеида — опыт полного поражения и дезорганизации жизненных принципов⁴. Пережив времена угнетения и разруше-

ния привычного образа жизни, народы Африки сохранили культурную самобытность. Важнейшей причиной этого можно считать традиционные скрепы—ценности, которые были их ориентирами, сплачивали и помогали сообща находить выход. Сегодня одним из главных тезисов основного стратегического документа Африканского континента — «Повестки 2063» — являются слова: «Африка уверена в своей самобытности, наследии, культуре и общих ценностях»⁵.

Африканские ценностно-этические системы и традиционные взаимоотношения

В наше время проблематика ценностей в различных областях культуры, науки и практики широко востребована и динамична. Мир стремительно меняется; события, подчас катастрофические, затрагивающие миллионы людей, происходят одно за другим. Столь же стремительно меняется шкала ценностей. Так, пандемия COVID-19 высветила вечные ценности, о которых люди вспоминают перед лицом катастроф: ценность жизни, человеческой солидарности, взаимопомощи, сочувствия, доброты, заботы. Перед лицом угроз меркнут ценности личного успеха, богатства, славы.

В Африке проблемы выживания и ценность жизни в течение веков были вписаны в повседневность. Современная Африка страдает от тяжелейших эпидемий, локальных войн, терроризма и голода. При любых, самых сложных жизненных обстоятельствах проверенные тысячелетиями ценности ориентируют человеческую деятельность и определяют мотивы поступков людей. В Африке всегда, несмотря на колониальное давление, существовала собственная традиционная система ценностей, в числе которых набор базовых ценностей, сходных с общечеловеческими: жизнь, мир, свобода, равенство, справедливость, а также ценности, особенно характерные для Африки: общинность, солидарность, культ предков.

В основе африканской традиционной системы ценностей лежат мифорелигиозное миропонимание, на базе которого происходит формирование ценностной картины мира, и этика, придающая ценностям нравственный смысл.

Во второй половине XX века в пространство африканской общественной мысли вошли западные термины «этика», «мораль» в собственной интерпретации. Исследования в этой области имеют заметный акцент диалога (часто переходящего в полемику) между африканским и западным пониманием ценностей.

Особое внимание в африканских исследованиях уделяется анализу ценностно-этических комплек-

¹ Ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Идеология в странах Тропической Африки: традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Мадагаскар: особенности культурно-цивилизационного развития»; статей: «Опыт анализа условий формирования локальной цивилизации и ее основных характеристик (на материалах Мадагаскара)», «Человеческое измерение современного цивилизационного кризиса в свете исторического опыта „Русского мира“», «Встреча африканской традиционной этики с западным христианством и формирование пограничной этико-религиозной идентичности (в свете теории культурных кодов)», «Культурные коды социума: научно-практическое значение в современной африканистике», «Религиозный трансфер: взаимодействие западного христианства с традиционными религиозно-этическими воззрениями африканцев (в регионе Субсахарской Африки)» и др. Участник многочисленных международных конференций в России и Африке. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы», отмечена грамотой Российской академии наук.

² Agenda 2063: The Africa We Want // African Union : [сайт]. URL: <https://au.int/agenda2063/overview> (дата обращения: 26.04.2023).

³ Из личных архивов автора: личная беседа с Л. С. Сенгором.

⁴ Eboussi-Bulaga F. La crise du Muntu. Authenticité africaine et philosophie. P. : Présence africaine, 1977. P. 11.

⁵ Agenda 2063: The Africa We Want.

сов как средоточию древней народной мудрости, например *Убунту* в культурах *банту* в Субсахарской Африке, которое определяется как «человечность», «всечеловечность», связь между людьми, что порождает ценности «единение», «солидарность», «милосердие» и «сочувствие». *Убунту* — духовная основа, ориентирующая на добро, мотивирующая поступки человека и заставляющая его действовать гуманно¹. Это основа картины мира, модель поведения и комплекс этических ценностей и норм, на которых базируется проявляющаяся в африканской современности традиционная культура. В Африке популярна формула философа Дж. Мбити, выдвинутая в противоположность декартовскому «Мыслю, следовательно, существую»: «Я существую, потому что *мы* существуем, и так как *мы* существуем — существую и я»².

Основополагающими в системе взаимоотношений человека являются *родственные связи*, прежде всего семейные. Для Субсахарской Африки характерны большие семьи, которые объединяются в роды (кланы). Родственные связи в традиционном африканском обществе чрезвычайно важны, что определяется их ориентацией на главную ценность, каковой является жизнь. В мироощущении африканцев род вечен, и предназначение его заключается в сохранении и развитии жизненного начала. Африканец в любых, самых тяжелых обстоятельствах не чувствует одиночества и безнадежности. Он знает, что ему помогут родители (на земле) и предки (в мифическом пространстве). В понимании *родственных и семейно-брачных отношений* особенно отчетливо — как проявление противоположных культурных кодов — видны различия между африканской этикой и западной. Виды брака, нормы взаимоотношений мужчин и женщин, отношение к внебрачным детям — основные точки конфликта традиционной африканской и западной этики. Именно они вызывали негативное отношение у христианских миссионеров, прежде всего католических. В традиционной африканской этике семья и брак — величайшие ценности. В семье осуществляется главный нравственный принцип, каким является сохранение и развитие жизни. Дети, независимо от того, рождены они в браке или вне его, всегда радость. Западная «новая этика» с идеями однополых браков и модой на бездетные семьи абсолютно несовместима с африканской традиционной этикой.

Одной из важнейших социально-этических ценностей африканцев является *родственная, общинная солидарность*, связанная с необходимостью солидарности и взаимопомощи, без которых невозможно выживание перед лицом враждебных сил. Межличностные отношения как форма взаимодействия людей также имеют свою специфику в странах Субсахарской Африки. В африканских странах личность не нивелирована, в то же время ее формирование возможно только в сообществе. По мнению

африканского философа М. Одойе, понятие индивидуального успеха или неудачи является вторичным: «мы можем по-настоящему идентифицировать себя, если останемся верны нашей общине, ее прошлому и настоящему»³. Ценности общинной солидарности стали основой африканской культуры, которую относят к культурам коллективистского типа, в противовес западной индивидуалистической культуре, основанной на приоритете индивидуального успеха, конкуренции и личной эффективности.

В африканской этике есть место прощению, терпимости, где главная цель — не возмездие и наказание, а исцеление нарушителя, восстановление испорченных отношений⁴, где важны осознание вины, покаяние и желание исправить свои поступки. Эта традиционная этическая норма — совесть как ценность — была широко использована в деятельности Комиссии по установлению истины и примирению (КИП) в ЮАР после ликвидации апартеида и в Руанде после гражданской войны 1994 года⁵. Для африканской этики характерно стремление лучше понять другого, отождествить свое «я» с другими⁶. «Ущипни свое сердце, прежде чем щипать сердце другого», — скажет малагасиец. Всеобщность людских проблем и взаимопонимание — это идеи традиционной африканской этики.

Этической особенностью африканских сообществ является «*короткая память ненависти*». Африканцы учат своих детей мудрости примирения, поискам способов «очистить и отпустить ненависть». Согласно африканской традиции после каждого конфликта следует возвращаться к нормальной жизни без ненависти. После окончания военных действий между двумя племенами целители с каждой стороны совместно организуют помощь раненым и очистительные ритуалы, предусматривающие участие всех, кто воевал. Так осуществляется послевоенное примирение, напоминая людям о человечности и предотвращая накопление мстительных чувств⁷.

Социально-этической ценностью является *взаимодействие поколений*. В общении на деревенской площади участвуют все жители — старики, взрослые, молодежь и дети. Младшие задают вопросы, старшие делятся знаниями, опытом, жизненными секретами. Такой диалог поколений — форма обучения, воспитания, социализации, поддержания равновесия и дружелюбия в сообществе⁸.

³ Odooye M. A. The value of African religious beliefs and practices for Christian theology // African Theology en Route / ed. by K. Appiah-Kubi and S. Torres. Maryknoll, NY : Orbis Books, 1979. P. 110.

⁴ Munyaka M., Motlhabi M. Ubuntu and its Socio-moral Significance // African Ethics : An Anthology of Comparative and Applied Ethics / ed. Murove Munyaradzi Felix. Scottsville : University of KwaZulu-Natal Press, 2009. P. 72–73.

⁵ См.: Мосейко А. Н., Харитоновна Е. В. Африканская традиционная этика в контексте современности // Восток (Oriens). 2015. № 6. С. 64–75.

⁶ Munyaka M., Motlhabi M. Op. cit. P. 66–70.

⁷ Nussbaum B. Ubuntu: Reflections of a South African on our Common Humanity // African Ethics : An Anthology of Comparative and Applied Ethics / ed. Murove Munyaradzi Felix. Scottsville : University of KwaZulu-Natal Press, 2009. P. 103.

⁸ Личный архив автора.

¹ Kamwangamalu M. N. Ubuntu in South Africa: A Sociolinguistic Perspective to a Pan-African Concept // Critical Arts. 1999. № 13. P. 24–28.

² Mbiti J. S. African Religions and Philosophy. L. : Heinemann, 1969. P. 108–109.

Африка: встреча прошлого и будущего в настоящем

За 60 лет независимости Африка пережила ряд изменений, которые затронули ценностно-этическую сферу. Это связано со столкновением двух ценностно-этических парадигм. Первая — система традиционных ценностей, встроенных в коллективный менталитет африканцев и в их культурные коды. Вторая — современная западная система ценностей с чуждыми африканской ментальности ценностями главенства материального над моральным, индивидуализма, личного успеха на основе конкуренции. Несмотря на чуждость и даже враждебность западной системы ценностей африканскому сознанию, она сопрягается с необходимой для развития Африки модернизацией и привлекает современную африканскую молодежь. Западная культура с ее комфортными формами жизнеустройства уже вписана в африканский образ жизни, хотя это доступно далеко не всем африканцам.

Сосуществование двух противоречащих друг другу систем ценностей серьезно беспокоит африканскую общественность и ученых, считающих, что Африке предстоит «удерживать равновесие между двумя крайностями: собственной идентичностью и внешним воздействием Запада»¹. Важнейшим для Африки является вопрос, как использовать западные структуры и техно-

логии и сохранить собственные ценности и идентичность. Нельсон Мандела говорил: «Эти последние годы показали, как глубоко яд бесчеловечной системы (колониализма и апартеида. — А. М.) просочился в ткань нашего общества. Мы были огорчены, узнав, что среди тех, кто боролся за свободу, есть люди, оказавшиеся едва ли не более коррумпированными и эгоистичными, чем те, кого они заменили. Все усилия правительства по обеспечению долгосрочных перемен к лучшему потерпят неудачу, если мы не восстановим *моральную структуру* нашего общества»².

Африка ищет пути наименее болезненных форм модернизации, собственную, *отличную от западной*, модель развития. Интерес представляет концепция Ш. Н. Айзенштадта³, суть которой — в множественности форм модернизации и в тезисе, что западная модель развития с ее «новой этикой», индивидуализмом, приоритетом материального над духовным не является единственной: «Современность и вестернизация не идентичны, и „западная“ модель современности не является единственной; существует необходимость нахождения баланса между тенденциями глобализации и партикуляризма»⁴. Приведенные положения созвучны традиционным африканским ценностям, которые, как мы показали, входят в непримиримое противоречие с современным пониманием «новой этики» Запада.

С. Г. Мусиенко⁵

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» В МИРЕ БЕЗ ДИАЛОГА ПРИ СМЕНЕ ПОЛЯРНОСТИ

Во время перехода от однополярности к многополярности мы видим ряд проблем, взять хотя бы название нашей конференции. «Конфликт культур» в нем уже заменен на «Культуру отмены» без составляющей «культуры» и без диалога в этом меняющемся полярности мире.

Переход от однополярности к многополярности происходит так, как предсказывал когда-то С. Глазьев

¹ Nnamdi Azikiwe. The Future of Pan Africanism // Blackpast. 2009. Aug. 7. URL: <https://www.blackpast.org/global-african-history/speeches-global-african-history/1962-nnamdi-azikiwe-future-pan-africanism/> (дата обращения: 30.05.2023).

² Mandela N. Closing Address by President Nelson Mandela in the Debate on the State of the Nation Address. 1999 // The Bible and Sociological Contours / ed. by Zorodzai Dube, Loreen Maseno-Ouma and Elia Shabani Mligo. Vol. 26. N. Y. : Peter Lang, 2018. P. 72–73.

³ Eisenstadt S. N. The Reconstruction of religious arenas in the framework of “multiple Modernities” // Islam / ed. by B. S. Turner. L. ; N. Y. : Routledge, 2004. Vol. 4. P. 1–22.

⁴ Ibid.

⁵ Директор Аналитического центра «ЕсооМ», член Общественно-консультативного совета при Министерстве образования Республики Беларусь. Автор книги «Куда идем? Беларусь, Россия, Украина» (в соавт.). При его участии подготовлены: сборник материалов международной конференции «20 лет без СССР — СНГ — Евразийский Союз», книги «Республика Беларусь между Востоком и Западом», «Государственность. Национальная идея Беларуси», «Belarus: Independence as National Idea», «Bialorus: model panstwa i gospodarki» («Беларусь: государственная и экономическая модель») и др. Член правления Союза писателей Беларуси.

и писал 20 лет назад М. Хазин: «При этом государство в лице своих официальных представителей также практически не комментирует эту ситуацию. И, естественно, не принимает реальных мер по защите экономических субъектов от возможного последствия кризиса — как частных лиц с их сбережениями, так и предпринимателей, существенно зависящих от изменений во внешнеэкономической и валютной конъюнктуре. В лучшем случае официальные лица произносят те же либеральные „мантры“, которые произносились и год, и два, и пять, и десять лет назад. К объективному анализу ситуации они не имеют никакого отношения»⁶.

В ходе очередного заседания в Госдуме РФ депутат М. Делягин задал председателю ЦБ Э. Набиуллиной вопрос, касающийся заморозки в 2022 году примерно 300 млрд золотовалютных резервов. Э. Набиуллина заявила, что руководство ЦБ заранее предполагало возможность такого события.

На данное заявление председателя ЦБ РФ негативно отреагировал экс-министр внешних экономических связей РФ С. Глазьев.

«Оказывается, осознанное вредительство в условиях гибридной войны — работа на врага по выкачи-

⁶ См.: Кобяков А. Б., Хазин М. Л. Закат империи доллара и конец «Pax Americana». М. : Вече, 2003. С. 8.

ванию денег из нашей страны. То есть измена Родине», — написал он в своем Telegram-канале¹.

Но «культурная» «заморозка» — фактически кража 300 млрд — это еще не все. «Набиуллина совершенно спокойно говорит о вещах, которые больше напоминают преступления. Вот на 80 миллиардов долларов мы погасили кредиты, в том числе странам, которые украли у нас деньги. А зачем вы возвращаете долги вора? Вы что, идиоты? Или вы на стороне воров?

Кроме того, 15 миллиардов долларов, как рассказала глава Центробанка, получили компании, которые „плюнули нам в лицо и ушли с русского рынка“, — добавил парламентарий².

ЦБ РФ частично ответил на этот вопрос близким к рекордному в истории России сокращением обязательств.

Продолжение преступной денежной политики по «оттоку» капитала несовместимо ни с экономическим ростом, ни с успехом СВО, ни с процветанием России. Ни с реальной многополярностью.

Мы наблюдаем, что «культура» отмены или оттока, без диалога в мире, меняющем полярность, есть не только в экономике.

Нас уже давно предупреждал Дмитрий Сергеевич Лихачев: «Между тем Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бесмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта „великость“ России не может вызывать враждебности к ней. Напротив, великая культура примирительна по своей сути.

А прочный гражданский мир возможен только на основе культуры. Многие наши трагические конфликты в значительной мере происходят от бескультурья, от несдержанности в выражениях, от неумения выслушать оппонента, убедить его»³.

Сейчас мы повсеместно наблюдаем примеры отрицания культурного кода наций, не только в России:

- изменение исторических фактов и подмена национальных героев в Литве, Латвии, Украине и других странах. В Литве с 1 мая 2023 года вступил в силу принятый сеймом закон о «десоветизации» общественных пространств, запрещающий «пропаганду тоталитарных, авторитарных режимов и их идеологий»⁴;

- отказ от традиционных культурных и семейных ценностей в пользу западных моделей;

- политическая корректность и лживая идеология, противоречащая национальной культуре и традициям, как в Польше в отношении Волынской резни;

- реклама и СМИ — продвижение западной идеологии, сокрытие национальных ценностей и замалчивание истории в целом ряде стран;

- псевдонаучный подход, игнорирующий исторические и культурные факты, противоречащие западным теориям и идеологии, без комментариев;

- использование искусства и символики другой нации без уважения к своим культурным традициям. Например, когда западные бренды используют в своей рекламе изображения символов искусства «усредненных аборигенов» без уважения их приверженности к оригинальным контекстам использования этих символов;

- образовательная политика, игнорирующая историю и традиции национальной культуры в угоду ценителям более популярных или «универсальных» знаний;

- ограничение, коверканье или запрет на использование национального языка, традиционных названий и терминологии в различных сферах жизни;

- стереотипное изображение представителей национальной культуры в кино, СМИ и рекламе, игнорирующее их многообразие и уникальность;

- снижение финансирования и поддержки национальных культурных проектов и институтов в угоду рейтингам;

- отказ от распространения и сохранения традиционного языка, культурных обычаев и религиозных праздников;

- игнорирование культурного наследия и отказ от его сохранения в пользу коммерции и массовой культуры;

- отсутствие правовой защиты культурных ценностей и сохранение их исключительно усилиями отдельных личностей и организаций.

Можно очень долго перечислять многочисленные отрицательные примеры такого рода, они общедоступны и известны.

Важно, что конкретно мы делаем. Как отвечаем. Как генерируем смыслы и продвигаем идеи.

Культура отмены, которую мы наблюдаем, — это концепция, которая предполагает, что новый этап развития культуры характеризуется принципом отмены всего, что было создано в предыдущий период. Эта концепция актуальна, как нам кажется, прежде всего для последних десятилетий XX века, когда стали возникать явления, связанные с постмодернизмом и послевоенной культурой: разрушение стереотипов, субъективное восприятие реальности, критика структур власти и размытость границ между искусством и жизнью. Основной идеей культуры отмены является отказ от абсолютности каких-либо норм, ценностей и других формальных рамок, что позволяет создавать бесконечные варианты жизни и искусства.

Культура отмены (*англ.* cancel culture) отличается тем, что ценности, знания и традиции старшего поколения не передаются молодежи и в конечном счете забываются и отмирают. Примерами культуры отмены могут служить потерянные из-за массовой миграции национальные традиции, забытые языки и диалекты, утраченные искусства и технологии. В целом это явление характерно для быстро меняющихся обществ

¹ Глазьев для думающих людей : [телеграм-канал]. URL: <https://t.me/glazievview/3203/> (дата обращения: 09.05.2023).

² Выступление Набиуллиной в Госдуме: оговорка или признание преступления? // Делягин.РУ: [сайт]. URL: <https://delyagin.ru/articles/183-sobytiya/109449-vystuplenie-nabiullinoy-v-gosdume-ogovorka-ili-priznanie-prestupleniya?ysclid=1h7fxjb3am83536534> (дата обращения: 09.05.2023).

³ См.: Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / науч. ред., сост. А. С. Запесоцкий. 4-е изд. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 44. (Почетные доктора Университета).

⁴ В Литве вступил в силу закон о «десоветизации» общественных пространств // Sputnik Литва : [сайт]. URL: <https://lt.sputniknews.ru/20230501/v-litve-vstupil-v-silu-zakon-o-desovetizatsii-obschestvennykh-prostranstv-28280568.html?ysclid=1h7gttswts312082027> (дата обращения: 09.05.2023).

и технологических революций или для обществ подчиненных.

Примеры культуры отмены включают в себя многое, и это началось не вчера. Данная концепция возникла после Великой Октябрьской революции в России, а затем была принята как один из принципов культурной политики СССР.

Можно сказать, что культура отмены нашла свое отражение в Витебском УНОВИСе. УНОВИС («Утвердители нового искусства») — это группа, созданная учениками и последователями Казимира Малевича в Витебском народном художественном училище в 1920–1922 годах.

В этом творческом объединении были заложены принципы отмены и деконструктивизма. Ученики этой школы стремились к тому, чтобы выразить суть вещей и постижение истины через идейно-конструктивное искусство. Они пропагандировали свободу творчества и выражения собственной индивидуальности в искусстве, противопоставляя себя всякой форме академического посредничества.

Существуют и современные проявления канселинга: от отмены семейных ценностей до «права на опьянение» и легализации наркотиков. Сначала это приводит к легким наркотикам, потом и к тяжелым. В июне 2011 года Глобальная комиссия по наркополитике (GCDP) — общественная организация! — предложила странам внести коррективы в правовое регулирование некоторых видов наркотических средств, которые можно легализовать. Сейчас легче перечислить, где в мире это запрещено.

Доклад, подготовленный Международной комиссией юристов (ICJ), UNAIDS и Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека (ОНЧР), опубликованный в Международный женский день, идет дальше. Названный «Принципы 8 Марта», он призывает к декриминализации правонарушений, связанных с сексом, употреблением наркотиков, ВИЧ, сексуальным и репродуктивным здоровьем, бездомностью и бедностью. «Более того, сексуальное поведение с участием лиц, не достигших установленного в стране минимального возраста согласия на секс, может быть консенсуальным (осуществляться по обоюдному согласию), если не по закону, то по факту»¹.

В политике термин «культура отмены» используется для описания стратегии, которая направлена на устранение определенных традиций, обычаев и культурных практик в обществе, якобы в целях борьбы за социальную справедливость и равенство. Примерами современных течений культуры отмены могут быть движения за права ЛГБТ, «Черные жизни имеют значение» (Black Lives Matter), феминизм, экологическое движение и др. При этом следует отметить, что концепция культуры отмены является достаточно спорным понятием, которое вызывает много критики со стороны комментаторов и активистов.

¹ The 8 March Principles for a Human Rights-Based Approach to Criminal Law Proscribing Conduct Associated with Sex, Reproduction, Drug Use, HIV, Homelessness and Poverty. Geneva : International Commission of Jurists, 2023. URL: <https://icj2.wpenginepowered.com/wp-content/uploads/2023/03/8-MARCH-Principles-FINAL-printer-version-1-MARCH-2023.pdf> (дата обращения: 09.05.2023).

В современной политике термин «культура отмены» может означать практику игнорирования и отмены решений, законов, традиций и стандартов, установленных за многие годы.

Это может происходить под предлогом обеспечения равноправия, признания множественности голосов и обеспечения религиозных свобод (как с сатанистской церковью), привилегий и возможностей, а также санкций.

Активную стадию культуры отмены мы наблюдаем сейчас в отношении России и Беларуси. Но это тренировка перед «культурной отменой» на фоне многополярности в мировом масштабе.

Игнорирование нашей культуры может проявляться через отсутствие ее представителей на международных мероприятиях и соревнованиях, включение в школьные курсы литературных произведений преимущественно зарубежных авторов. Неадекватное отношение к национальной культуре как к меньшей, недостаточно развитой или устаревшей — это посыл псевдоэлиты.

Игнорирование великой русской культуры может привести не только к ее потере, но и к обеднению мирового культурного опыта. Это вызовет снижение интереса к отечественной истории и традициям, негативно скажется на формировании национальной идентичности.

Подмена культурного кода нации происходит сегодня в различных формах. Примерами могут служить попытки заменить классическую литературу на «актуальную» западную и даже написанную искусственным интеллектом (ИИ), использование мультикультурных идей вместо национальных культурных ценностей на фоне многовекторности, подмена культурных символов на псевдоидеологические.

Что такое ИИ сейчас, нам толком не разъясняют, пока мы видим единственно существующий тип ИИ — ANI (искусственный интеллект ограниченных возможностей), профессионалы также называют его узким или слабым искусственным интеллектом. Правда, его уже изучают факультативно в университетах, а не за горами школы и детские сады.

Понимая, что надо противостоять культуре отмены без диалога в мире, меняющем полярность, предлагаю рассмотреть вопрос о национальной идее Союзного государства Беларуси и России, определив ее как *сохранение нашего общего культурного наследия, культурного кода*.

Необходимо создать на культурном пространстве Союзного государства основу, точку опоры в этом меняющем полярность мире, поддерживать традиции и сохранять культурное разнообразие всех народов бывшего СССР, как бы они сами, да и мы ни относились к своему культурному наследию.

Актуальность этого вопроса давно определена ведущими учеными-культурологами. Например, академик А. С. Запесоцкий прозорливо отметил еще более двадцати лет назад: «Традиционно важнейшими составляющими безопасности были военная, технологическая, экологическая, экономическая. Сегодня со всей остротой должен быть поставлен вопрос о безо-

пасности духовной, ибо без человека, его душевного здоровья, интеллекта как жизнь, так и само понятие безопасности теряют всякий смысл... в условиях глобализации современной цивилизации и развития электронных технологий важнейшим фактором мирового влияния становится культура»¹.

Противопоставление культуре отмены культурного кода или духовного кода нации — это концепция, которая подразумевает существование основных слоев кода в нашем обществе: высокой культуры, народной культуры и духовности, которые существуют наравне друг с другом и являются неразрывной частью культурного наследия нации.

Высокая культура включает в себя официальную культуру искусства, литературу, музыку, кинематограф, театр, балет и тому подобное, что создается и поддерживается государством и элитами общества.

Народная культура включает в себя народные обычаи и традиции, песни, танцы, ремесла и тому подобное, которые передаются из поколения в поколение и являются бесценным сокровищем нации.

Важным аспектом концепции «культурного кода» является сохранение и сбережение всех слоев культуры, которые дополняют друг друга и обогащают культурное наследие.

Так мы сможем противостоять «культурному обнулению».

Нас «мягко» понуждают принять чужой безальтернативный культурный код — якобы единственный и правильный, который задается правящей мировой элитой и подразумевает подчинение населения искусственному интеллекту, которого на самом деле пока нет, существует только его симуляция.

На создание ANI (искусственный интеллект ограниченных возможностей) уже потрачены колоссальные средства — без внятной надежды на отдачу. Так, компания OpenAI, разработчик популярного чат-бота ChatGPT, завершила 2022 год с чистым убытком в 540 млн долларов². Другие компании-разработчики действуют соответственно своим возможностям. Идет всемирная гонка.

В свое время профессор Виктор Владимирович Мартынов — советский и белорусский ученый-лингвист, исследователь в области славистики, компаративистики, формализации семантики и лингвистических аспектов проблемы искусственного интеллекта, создавший в 1970-е годы универсальный семантический код (УСК) как средство снятия неопределеннозначности естественного языка, близко подошел к решению этих проблем ИИ. Правда, на том уровне технического развития вычислительных мощностей это было проблематично.

Сейчас его ученики сталкиваются с проблемами другого рода, их не понимают на уровне принятия решений.

Либеральный дискурс не предполагает, что где-то что-то может быть более креативным или продвинутым, чем на Западе. Вопрос не решен в мире. Существует «парадокс доступности информации».

Алгоритмы высшего уровня, как предполагают разработчики из наших академических институтов, предусматривают не только сохранение нашего культурного кода, но и создание технологии на уровне человеческого разума — AGI (искусственного интеллекта общего назначения) и даже приближение к теоретическому пониманию пугающего ASI (искусственно-сверхинтеллекта). Создание технологий подобного уровня выводит страны из ряда традиционно обладающих важнейшими составляющими безопасности в число сверхадаптивных. «Искусственный интеллект (ИИ) является самой мощной из всех быстроразвивающихся технологий в ведении войны»³. С таким заявлением выступил председатель Комитета начальников штабов ВС США Марк Милли.

Отсутствие альтернативной культуры в обществе создает проблемы в его развитии, распространяется конформизм, люди не способны к самостоятельному мышлению и решению проблем.

«Обнуление» русской культуры — лишь отработка мировой стратегии.

Но, может, стоит рассмотреть, изучить и применить против навязываемого нам «обнуления», как по советскому ГОСТу «Электробезопасность. Защитное заземление. Зануление», наш креативный класс?! Тем более что этот ГОСТ имеет статус действующего, многие его четкие (как водится, «написанные кровью») положения подходят и для любого социума.

Гибкий культурный код Союзного государства предполагает адаптивность культуры к изменяющимся условиям развития социума.

В случае культурного кода для ИИ он становится неизменным и не имеет альтернативных вариантов, но при этом адаптируется и развивается в зависимости от параметров, заложенных разработчиком, и самосовершенствования системы.

Радует, что у нас есть союзники. Китай богат своей уникальной культурой, историей, литературой и традициями, которые сохранялись на протяжении многих веков. Более того, современный Китай сделал успехи в сохранении и продвижении своей культуры, и сегодня ее наследие остается значимым как для страны, так и для мира в целом.

Очевидно, что отмена какой-либо культуры не имеет практического смысла и не может происходить во благо, так как культура — это совокупность ценностей, норм, традиций и исторических принципов народа, которые формировались и передавались из поколения в поколение. Однако в разные периоды истории культуры могут изменяться под воздействием тех или иных факторов. Отмена какой-либо культуры — это всегда лишение народа его идентичности и наследия.

¹ *Запесоцкий А. С.* Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. 2002. № 2. С. 3–8.

² OpenAI's Losses Doubled to \$540 Million as It Developed ChatGPT // The Information : [сайт]. URL: https://www.theinformation.com/articles/openais-losses-doubled-to-540-million-as-it-developed-chatgpt?utm_content=article (дата обращения: 09.05.2023).

³ *Рябинина Ю.* Глава Генштаба США Милли назвал ИИ самой мощной технологией в ведении войны // Российская газета. 2023. 10 мая. URL: <https://rg.ru/2023/05/10/glava-genshtaba-ssha-millina-zval-ii-samoj-moshhnoj-tehnologiej-v-vedenii-vojny.html?ysclid=1his49y2q1200610123/> (дата обращения: 10.05.2023).

Снос памятников — одна из форм отмены культуры, так как демонтаж культурных объектов или уничтожение традиционных библиотек, связанных с эпохами истории нации, а также символической ценностью, которую они имеют для общества, может привести к потере нацией культурных ценностей и идентичности.

Например, культурная ассимиляция в Канаде происходила во многом за счет системы индейских школ, которая была введена правительством в 1876 году. Детей из индейских племен вынуждали учиться в католических или протестантских школах, где им запрещалось использовать свои языки и традиции, а также культурные элементы, связанные с этнической принадлежностью. Это привело к длительному процессу культурной ассимиляции, который оказался крайне травмирующим для подрастающего поколения индейцев. Потом на территории этих школ были найдены массовые захоронения тысяч детей, и дело было спущено «на тормозах».

Можно вспомнить культурную ассимиляцию в Ирландии, происходившую после завоевания ее Англией в 1169 году. В результате английский язык и культура развивались в стране параллельно с ирландскими, практически поглотив их. Печально известны события Великого голода (1845–1849), когда Ирландия столкнулась с катастрофическим голодом, который привел к гибели примерно миллиона жителей страны. В то же время Англия насильственно прививала ирландцам свою культуру, запрещала использование ирландского языка и традиций, что также способствовало отмене культуры. В начале XVII века англичане начали продавать ирландцев в рабство в Новый Свет. Это было связано с дефицитом рабочей силы в колониях. Работоторговля длилась более полутора веков, за это время в Америку и на Карибские острова было продано около 300 тыс. ирландцев. Дешевле африканцев. Это то, что хотят сделать с нами.

Наблюдаемое в Европе уничтожение храмов и других исторических сооружений — это тоже утрата наследия и культурной памяти, что может считаться формой отмены культуры. Примерами такого уничтожения являются бомбардировка культурных объектов во время военных действий, разрушение древних храмов и мечетей в результате религиозных конфликтов или политических репрессий, демонтаж культурных сооружений и реставрация их в неадекватной форме без соблюдения исторической ценности. Такие действия могут привести не только к утрате материальных объектов культуры, но и к потере народами и целыми регионами культурной идентичности.

В последние десятилетия нам мягко навязывают концепцию креативного общества, в которой акцент делается на значимости для общественного развития творческого мышления, инноваций и дизайна. Эта концепция подразумевает, что общество должно стремиться к созданию условий, способствующих творчеству и инновациям, которые будут оказывать положительное воздействие как на экономику, так и на социальную сферу.

Креативное общество рассматривается как модель, которая позволяет компенсировать потери отхода от

промышленного общества и открыть новые возможности для развития благодаря творческому подходу.

Концепция креативного общества была разработана британским писателем и теоретиком Ричардом Флоридой (Richard Florida), профессором Университета Торонто. Он утверждает, что креативный класс (личности, способные к творчеству, венчурному бизнесу, техническому прогрессу) является ключевым катализатором экономического роста в капиталистических странах.

В России тоже есть приверженцы концепции креативного общества. Это, например, исполнительный директор Фонда «Сколково» Виктор Вексельберг или глава Сбербанка РФ Герман Греф, а также многие другие.

Активно издаются книги о концепции креативного общества, продвигаются соответствующие идеи — чуждые нашим традиционным ценностям.

Позвольте привести весьма выразительную цитату Ричарда Флориды: «...разнообразие (открытый доступ для разных людей, независимо от гендерной и расовой принадлежности, национальности, сексуальных предпочтений или даже обычной эксцентричности) — это не частное преимущество, а экономическая необходимость»¹.

Термины «культура» и «креативность» имеют разные значения, поэтому нельзя сказать, что возможна полная замена культуры креативностью.

Однако развитие креативности может стать важным элементом культурной эволюции.

Креативность может помочь создавать новые культурные продукты, традиции и ценности, а также сохранять и восстанавливать наследие прошлого с использованием современных подходов.

Таким образом, креативность может играть важную роль в улучшении культуры, но замена одного термина другим не совсем корректна с точки зрения социологии.

Подмена культуры креативностью может рассматриваться как один из аспектов культурной отмены или пренебрежения культурным наследием. Уважение к национальной культуре является неотъемлемой частью развития личности и условием сохранения национальной идентичности. Естественно, что креативность, культура и инновации тесно связаны друг с другом, но одно не должно заменять другое. Важно сохранять традиции и культурное наследие, одновременно развивая и продвигая креативность и новые идеи.

Действительно, в наше время мы видим, что культура часто заменяется креативностью. Например, вместо того, чтобы увлекаться классической литературой, некоторые люди предпочитают создавать креативный контент в социальных сетях — мемы и мультимедийные сообщения.

Вместо того, чтобы посещать концерты живой музыки, некоторые предпочитают слушать синтезированную электронную.

Культурные события могут быть заменены креативной технологией. Например, вместо того, чтобы прово-

¹ См.: Florida R. The Rise of the Creative Class And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. N. Y. : Basic Books, 2004.

дять музыкальные фестивали и выставки, некоторые тратят свои деньги на игры в виртуальной реальности или создание собственных креативных проектов.

Таким образом, замена культуры креативностью может привести к потере истинных ценностей и утрате понимания нашего мира. Необходимо научиться оценивать и сохранять культурное наследие и только потом заниматься креативными проектами.

Примером может стать так называемое криптоискусство.

На аукционе «Кристис» с торгов ушла цифровая работа «Каждый день: первые 5000 дней» американского художника Майка Винкельманна, известного как Бипл. Полотно было продано за 42 329 ETH (69,4 млн долларов в то время и около 75 млн долларов сегодня), покупателем стал криптоинвестор под псевдонимом MetaKovan. Стоит отметить, что эта картина — одно из первых в истории произведений диджитал-искусства, которое продали, хотя его не существует в физической форме, и первое полностью цифровое произведение искусства, поддерживаемое NFT (non-fungible token, невзаимозаменяемый токен — специального формата запись в блокчейне, своего рода сертификат, подтверждающий владение уникальным

объектом в цифровом пространстве). Видный представитель «креативного класса» создал свою работу в попытке «культурной замены».

По данным «Кристис», это произведение занимает третье место среди самых дорогих работ ныне живущих художников.

Авторы все чаще создают произведения, которые не имеют воплощения в физическом мире.

Это относится не только к искусству, но и к сфере общения, где виртуальный опыт заменяет реальный, а социальная сеть становится высшим проявлением культуры.

Подмена культуры креативностью может привести к разбавлению глубокого смысла, разрушению истинной культурной ценности и росту количества коммерческих массовых продуктов. На наших глазах формируется попсовая псевдоэлиты, которой теперь даже целуют ручки, несмотря ни на что.

Важно сохранять и развивать национальные культуры и традиции народов бывшего СССР, одновременно интегрируя возникающие креативные тенденции и новые идеи в национальную культуру и идентичность. В этом случае креативность будет использоваться не для замены культуры, а для ее развития и процветания в мире без диалога, при смене полярности.

С. Б. Никонова¹

«НОВАЯ ЭТИКА» И ЛОГИКА РАЗВИТИЯ ОСНОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРОЕКТА МОДЕРН

Недавно на просторах Интернета довелось найти высказывание современного французского мыслителя П.-А. Тагиеффа, который очень кратко обобщил основные принципы современной интеллектуальной идеологии Запада. Они были сведены к следующим положениям: 1) *обмен* (диалог, интеракция, торговля, инклюзия и т. д.); 2) *смешение* (метисизация, гибридность и т. д.); 3) *разнообразие* (дифферентность, мультикультурность и т. д.); 4) *изменение* (прогресс, развитие, флюидность, инновация и т. д.)². В этих четырех положениях выражены основные ценностные достижения западноевропейского модерна, на которых базируется большинство его разнообразных достижений за последние несколько столетий, и само его отличие от прочих культурных традиций. На идее обмена держатся торгово-экономическая политика общества буржуазного типа, развитие коммуникационных технологий, диалог между различными культурными типами. Смешение — это путь к глобализации, а также к признанию равенства между людьми. Разно-

образие — признание возможности различных способов жизни и способов мироописания, путь к развитию свободной конкуренции, множеству информационных потоков. Изменение — тяга к инновациям и прогрессу, открытие новых земель и развитие науки и технологий, а также уверенность в возможности рационального переустройства общества. В общем смысле это можно соотнести с идеалами Просвещения — свободой, равенством и братством, а также со следующим в итоге революционным изменением общества.

А. де Бенуа, говоря о «пути стирания различий» как о пути Запада, возводит идею смешения к истокам европейской цивилизации, а именно к возникновению монотеизма, который нивелирует все культурные и этнические различия перед лицом единственной истины. Он также цитирует Тагиеффа: «Глобальное смешение... напоминает асфальтоукладочный каток, который трамбует все культуры до гомогенной массы, а потом и вовсе отменяет культурное разнообразие»³.

Все это наводит на мысль, что налицо противоречие: идеи разнообразия и смешения одновременно ведут друг к другу и друг друга опровергают. Собственно говоря, это логическая проблема. Абсолютное разнообразие есть абсолютное смешение, а значит, абсолютная неразличимость и гомогенность. Такое логическое следствие описывалось еще в досократической

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, член Ученого совета, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: монографий «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление», «Экологическая эстетика: проблемы и границы» (в соавт.), «Концептуализация Homo Aestheticus. История и рефлексия» (в соавт.), учебного пособия «Сравнительная культурология. Теоретическое введение» и др. Главный редактор журнала Российского эстетического общества «Terza Aesthetica».

² Французский взгляд : [телеграм-канал]. URL: <https://t.me/frvzgliad> (дата обращения: 14.05.2023).

³ Бенуа А. де. По пути стирания различий. URL: https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/alaindebenoist/pdf/po_puti_stiraniya_razlichiy.pdf (дата обращения: 14.05.2023).

философии. Согласно Анаксимандру, «миры» возникают при циклическом переходе от полной разделенности первоэлементов к их полному смешению и обратно. При этом полная разделенность и полное смешение означают гибель этих миров. Но если это логическое следствие доведения до предела, обуславливающее цикличность мира в тот момент, когда мир существует, очевидно, до предела эта логика не доведена.

Это сравнение может помочь нам понять, что идеи, положенные в основу европейского модерна, послужили формированию особого динамичного, интенсивно развивающегося типа культуры, в высшей степени продуктивного в своих достижениях. Даже если те содержат в себе некое противоречие, на определенном этапе оно способно стать поистине мирообразующим.

Однако вопрос, которым задаются упомянутые французские мыслители, возникает лишь на поздних стадиях развития проекта западной цивилизации. В этих новых условиях стало возможным и само выявление данных противоречивых идей в качестве ключевых констант.

Также эти идеи имеют самое прямое отношение к осмыслению совсем недавно давшего о себе знать феномена так называемой «новой этики».

«Новая этика» утверждает в первую очередь многообразие и множественность, а также необходимость равенства проявлений множественности вплоть до различимости. Так, например, сперва рациональное мышление модерна рождает идею равенства всех людей как мыслящих субъектов в их гражданских правах. Из этого следует, например, необходимость женской эмансипации. Традиционное общество утверждает онтологически обоснованную структурой созданного высшими силами миропорядка иерархию, в которой все существа распределены по нишам, подчинены определенному порядку. В нем обычно лидирующую позицию занимают мужчины-воины. Женщины, обладающие другим природным предназначением и другими физическими возможностями, должны играть иную роль. Поэтому женщина, которая претендует на исполнение роли, свойственной мужчинам, признается неправильной женщиной. Даже если по каким-то причинам она не осуждается и получает возможность играть эту роль, то скорее в качестве исключения или отклонения, ибо она идет наперекор онтологическому порядку мира. Но с точки зрения критической рациональности модерна, если женщина обладает свободной субъектностью, это делает ее неотличимой от мужчины, и она получает право выполнять любую роль, которая ей соответствует по ее собственному свободному выбору и индивидуальным характеристикам. Таким образом одновременно происходят гомогенизация и уравнивание, но в то же время и признание индивидуальных различий. Это приводит к тому, что женщина получает право заниматься той деятельностью, которую она выбирает сама в индивидуальном порядке, а не той, которая ей предписана высшим порядком мироздания.

Это совпадает с антропологическим поворотом в осмыслении человеком своего места в мире, с критикой метафизики и религии. Ни религия, ни метафизические инстанции больше не обосновывают порядок

универсума, и он оставляется на свободное суждение индивида. В итоге мы получаем общество, защищающее права индивидов, более гуманное и свободное, чем в прежние времена. Человек в этом обществе освобождается от диктата внешнеположенной силы, перестает быть рабом внешнего грозного установления, обретает в себе способность распоряжаться своей судьбой, творить, а также брать на себя ответственность за свои поступки.

В целом признание внутренней творческой способности человека было заложено еще в недрах христианского проекта, поскольку главное событие христианства — это воплощение Бога в человека, сообщающее людям о том, что Царство Божие внутри нас. Еще один французский мыслитель А. Кожев утверждал, что в итоге этого поворотного момента, связанного с верой в Боговоплощение, становится возможным даже развитие западной экспериментальной науки, то есть опытного познания физического мира. Примерно такой же ход прослеживается и в переходе от изначальной христианской идеи внутреннего индивидуального порыва человека к Богу к признанию творческой способности человека как центра мироздания и к секуляризации. По мнению современного итальянского мыслителя Дж. Ваттимо, секуляризация также является итогом христианского проекта. Как бы то ни было, внутренняя логика развития тех или иных мыслительных проектов часто приводит к противоположности.

То же, по сути, произошло и с самим проектом модерна. Мы уже говорили на примере женской эмансипации о том, что в какой-то момент признается равенство полов. Основой выбора является индивидуальное решение. Основой индивидуального решения — воля субъекта, которая обретает свободу самовыражения. И здесь в силу вступает идея многообразия. Индивидуальное решение — это проявление многообразия. Любое проявление многообразия должно получить свободу. Почему следует приравнивать права женщин к правам мужчин, как будто мужской пол является эталоном? Требуется не признание равенства женского пола с более полноценным мужским, а признание равенства двух разных полов именно в их различности. Но тогда почему только двух? А не трех, десяти, пятидесяти? Сколько вообще должно быть различных способов идентификации желаний? Видимо, столько же, сколько индивидов. И в своей полной различности они оказываются совершенно неразличимыми. Вот на этой стадии мы и сталкиваемся с ситуацией, которая приводит к возникновению «новой этики». Эта ситуация логически следует из предшествующих положений, но, по сути, доводит их до логического предела, отчего они становятся не похожи на то, что предполагалось изначальным порывом.

«Новая этика» сталкивается с двумя существенными проблемами, имеющими логический характер. Если «новая этика» утверждает равенство всех многообразных возможностей, провозглашает его как принцип, требует признания любых форм жизни, абсолютной толерантности ко всем, то, принятый в качестве закона, этот принцип делает противозаконными те формы жизни, которые этот закон не признают. Сло-

вом, толерантным следует быть ко всем, но следует ли быть толерантным к тому, кто не толерантен? Этот парадокс сродни парадоксу скептицизма, полагающего все суждения сомнительными, в то время как само скептическое суждение о сомнительности всех суждений остается несомненным. Все истины утверждаются как относительные, но утверждение относительности оказывается абсолютным. Таким образом принцип толерантности оказывается основанием для новой тотальной идеологии, не допускающей отклонения и уничтожающей несогласных. Этот парадокс либерализма подмечен уже давно. Американский философ Р. Рорти говорил о нем, предупреждая об опасности, и предлагал другие возможности развития либеральной идеи — в обход обобщающей логики, на основании развития индивидуального опыта эмпатии, провоцируемого расширением культурных познаний и описанием опыта многообразия и сложности человеческой жизни в искусстве. Однако недаром Рорти называет свой проект утопическим: отказаться от логического развития идеи для человека как рационального существа не так-то просто. Либерализм определенно пошел не в предложенном им направлении, а по пути логических обобщений, то есть выстраивания общих законов, направленных на торжество индивидуального (что само по себе парадоксально).

И здесь мы сталкиваемся со второй проблемой, которая и стала главной для утверждения «новой этики» в качестве «этики отмены». Мы уже видели намек на это, когда говорили о женской эмансипации. Признание равенства женщин было правом, которое женщины должны были вытребовать у мужчин. То же самое с сексуальными меньшинствами. Еще столетие назад гомосексуализм в западном мире карался как преступление по закону. Этому «отклонению» должны были дать право на существование с точки зрения «нормы», и только потом можно было признать условной саму норму.

И в области расового равенства: демократия и либерализм — это изобретение европейцев, колонизировавших все континенты и насадивших там свою идеологию, включая и утверждение равенства разных рас. Это долго было противоречием, и точно так же еще столетие назад равенство рас признавалось только в стенах научных учреждений Европы, но на практике о нем и речи не было. Именно европейцы должны были для самих себя и для других распространить на всю социальную сферу идею равенства, дать эти права всем расам, признать, что те не хуже, чем европейская.

В конечном счете идеи равенства и многообразия — типично модернистские, внедрение их в любом случае обеспечивает Западу доминирующую позицию.

«Культура отмены» — слабая противоречивая попытка побороться с этим навязчивым доминированием. Эта борьба может происходить двумя путями: или требуется забыть основания своих притязаний на особость, отменить их, или поставить то, что раньше было отклонением, на место новой нормы, вновь нарушив идею равенства, но в обратную сторону. Самое интересное, что эта борьба, опять же, ведется в первую очередь не самими представителями многообразия, а авторами и проводниками трансформировавшейся таким образом модернистской идеологии. Бывшие поработители готовы встать в униженное положение перед бывшими поработченными фактически лишь для того, чтобы еще сильнее навязать им свое идейное господство.

Однако мы уже говорили о том, что сложные и прекрасные миры создаются не в точке абсолютного разделения или полного смешения, а на стадиях перехода. Так что, возможно, от логики доведения до предела стоило бы отступить. Выработанная европейским модерном идея многообразия и равенства дала нам множество прекрасных возможностей и достижений, которые смогут работать, если не доводить ее до абсурда и радикального противостояния.

С. С. Пронин¹

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР РОССИИ И «НОВАЯ ЭТИКА» ЗАПАДА

Повсюду раскрывается дурная бесконечность, не знающая завершения.

Н. Бердяев²

Нигде в мире нет такого фундаментального подхода к возвращению многоязычной театральной традиции, как в России. Кроме русскоязычного театра ти-

¹ И. о. заведующего кафедрой режиссуры и актерского искусства СПбГУП, профессор, Заслуженный деятель искусств Республики Карелия. Режиссер, актер, драматург, сценарист, театральный педагог. Автор ряда научных работ по теории и практике театрального дела, в т. ч.: «Этюдная работа в обучении профессии режиссера», «Актерское мастерство, техника внутренней речи» и др. Автор 12 книг, изданных в России и за рубежом. Лауреат международных и всероссийских конкурсов, золотой медали объединенного театрального Союза Финляндии «За выдающиеся достижения в театральной деятельности», театральной премии «Онежская маска», большой литературной премии «Родственные народы» (Эстония). Член гильдии театральных режиссеров России, Союза писателей и Союза театральных деятелей РФ.

тульной нации, на равных правах здесь существуют и театры национальных республик: татарский, чувашский, марийский, карельский, чеченский, и этот список можно еще долго продолжать. Они крепки, своеобразны и в меру погружены в собственную региональную и языковую проблематику. Они являются составной частью общероссийского и общемирового театрального процесса, где особое место отводится творческой кооперации, взаимопроникновению и взаимовлиянию культур.

В последние годы в связи с бурным развитием информационных технологий и разветвлением транс-

² Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2002. С. 561.

граничного сотрудничества в области театрального искусства влияние новых тенденций приобрело широкий размах. Веяние времени таково, что все необычное и формально эффектное в последние десятилетия быстро становилось достоянием театральной практики. Многие привнесенные извне были недостаточно изучены, однако быстро проросло и дало свои плоды. Многие из этих тенденций оказались весьма хороши, но некоторые нанесли ощутимый вред российскому театру.

В силу обозначенной выше самобытности именно региональное национальное театральное искусство России было довольно устойчивым к разрушительному ветру перемен, который подул с Запада, а мегаполисы и культурные центры России оказались более уязвимы по ряду причин. Главным образом, это произошло в силу безоглядной ориентации части профессионального театрального сообщества на европейский театральный процесс. И это вполне объяснимо: постперестроечная Россия, открывшись миру, жадно впитывала новое, все то, что находилось долгое время за «железным занавесом», часто не отличая хорошее от дурного. И в какой-то момент часть театральной элиты поспешила причислить себя к знатокам европейского опыта, к реформаторам «замшелого» театра России. Она самоидентифицировалась в качестве носителя единственно верного тренда развития и начала действовать весьма агрессивно.

В частности, довольно быстро силу набрал так называемый постдраматический театр. Этот тип театра был сформирован в Европе под влиянием медиа и поп-культуры, где текст драмы перестал быть основой, где значительную роль играют визуализация, игра с публикой и фонетические знаки. Этот тип театра зародился как реакция на глобальную медиализацию повседневного мира. Самыми популярными темами этого типа театра стали следующие: сексуальная сила и насильственные отношения, вызванные окружающей средой, психологические и физические страдания. Эти темы транслируются в театре средствами преувеличения, стилизации и даже поэтизации. Очевидно, что упомянутое содержание несет в себе процессы болезненного развала духовности в искусстве Европы и Америки, где на протяжении последних десятилетий наблюдается изживание божественного.

Эпатажные высказывания российской постдрамы вызвали у части публики и либерально настроенной критики острый интерес в столицах и неоднозначную, скорее, критическую реакцию на периферии. Окрыленная успехом постдрама объявила себя борцом с архаикой и косностью в российском психологическом театре и, по-видимому, переоценила свои возможности. Основной проблемой неприятия публикой такого «культурного продукта» явился вопрос неоднозначных, провокационных антирелигиозных высказываний, зашифрованных или открыто декларируемых в различного рода постановках и перформансах.

Вместе с тем вектор развития постдрамы несет в себе и спасительную новизну, несомненную пользу в части освоения новых форм взаимодействия актера и зрителя. И в определенном смысле наследует поиски реформатора мирового театра драматурга и режиссера Бертольда Брехта. Социальная функция такого театра

весьма актуальна и важна. Борьба за активно думающего зрителя — очень привлекательная позиция для всеобщего подражания. Не случайно один из идеологов постдрамы Анджей Вирт говорил о том, что подобный театр призван преодолеть потребительское отношение публики к театру, что «...публику надо лишить комфорта привычной позы зрителя...»¹.

Но тут же возникает вопрос: какими средствами и во имя чего?

Почти сто лет назад русский философ Николай Бердяев пророчески озвучил то, что мир переживает сегодня: «Нам предстоит несомненный факт: в новой истории, гордой своим прогрессом, центр тяжести жизни перемещается из духовной сферы в материальную... Не церковь, а биржа стала господствующей и регулирующей силой жизни. Ни за какие священные символы широкие массы не хотят уже бороться и умирать... Совершился переход культуры в цивилизацию»². Из контекста сказанного следует, что цивилизация стремится избавиться от духовного, обращаясь в первую очередь к разуму, к прагматическому восприятию действительности. И не случайно, что все общественные институты в последние годы стремятся к «цифре». Даже деятельность театров и иных учреждений культуры и искусства обозначена как услуга и измеряется линейкой доходности.

Процессы, описанные философом, окончательно оформились в идеологию и стратегию развития западного мира к концу XX столетия. И имя ей — глобализация. Глобализация оказала серьезное влияние на театральный процесс в эстетическом, стилевом и содержательном смыслах. Скептики скажут, что Россия, как всегда, плетется в хвосте цивилизации, болезненно переживая процесс вхождения в большой и развитый мир. Однако мы придерживаемся иной точки зрения: Россия следует своим путем развития, где духовные ориентиры и базовые принципы человеческого существования даже в условиях техногенных сдвигов должны оставаться неизменными. Русский театр — оплот фундаментальных исследований и знаний о теории и практике сценического искусства. Имена К. С. Станиславского, В. Э. Мейерхольда, А. Я. Таирова, М. А. Чехова, Н. В. Демидова и сегодня питают весь театральный мир, являются базой для многочисленных экспериментов и открытий.

Социальная функция театра

Надо признать, что современный российский театр не позиционирует себя как некий эффективный инструмент исследования социальной жизни общества. В то же время во многих странах Европы и Америки как раз этому значению театра давно уделяется особое внимание. Государство и частные фонды вкладывают средства в искусство, делегируя ему право участвовать в формировании общественного мнения, обсуждать насущную для граждан повестку. В определенном смысле это означает политизацию искусства. Такое сотрудничество несет в себе прагматический подход и не ли-

¹ Wirth A. Realität auf dem Theater als ästhetische Utopie oder: Wandlungen des Theaters im Umfeld der Medien // Gießener Universitätsblätter. 1987. Bd. 202. S. 83–91.

² Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 562.

шено резона, поскольку налогоплательщик может осознать, для чего существует театр.

А что у нас? Как наше общество сегодня воспринимает театр? Обозначить проблему, вынести ее на суд зрителей, задать вопросы и даже озвучить политическую позицию — разве это не практика советского театра? Именно так оно и было, но постепенно подход менялся. Российский театр в последние 30 лет был весьма осторожен в вопросах политических, более того — он их откровенно чурался. Злободневность, живая полемика, горячий разговор на острую социальную тему — все это не вполне свойственно нашей театральной культуре. Театр и публика, традиционно разделенные на сцену и партер, верят, что театр — это скорее храм, чем дискуссионная площадка. Однако время берет свое, и театр вынужден перестраиваться.

Перекочевавшее из Европы явление док-театра разбудило не только режиссеров и актеров, но и драматургов, инициировало большое количество экспериментов в области формы, подвигло театры заняться анализом современной истории. И, как следствие, политика понемногу тоже стала проникать в сферу интересов режиссеров. Воспринятая новая методика работы породила желание исследовать темы, популярные в Европе, поэтому стал быстро формироваться запрос на модные течения: гендерный фактор, глобализм, либеральный взгляд на воспитание и семью, перелицовка классической литературы под определенную тему. И во всем этом новом тематизме уже действительно главенствовала «новая этика» Запада. Она постепенно проникла и в сферу художественной цензуры, где механизмы нравственных ограничений или обновились, или были сведены к минимуму.

Вполне закономерно встал и вопрос о современной драматургии. О том, что она тоже должна следовать путем «новой драмы», ориентированной на европейские ценности. Глубина и психологизм произведений утратили актуальность. На первый план вышла форма. И сам так называемый формальный театр как новый тип тоже стал отвыевывать пространство для собственной жизни и вскоре «прописался» и на больших сценах государственных театров.

Результативность творчества напрямую связана с уровнем художественного образования. Устоявшаяся форма высшего образования в области театрального искусства в России давала и дает нам огромное преимущество перед западными образцами. Однако переход к Болонской системе выхолостил одну очень важную деталь, а именно — нравственную, воспитательную роль творца. О ее сущности и необходимости писали все без исключения выдающиеся деятели русского театра, начиная с А. Н. Островского. Кроме того, исчезновение понятия «штучности» творческих профессий, низвержение авторитетов в искусстве сильно изуродовало профессиональный ландшафт. Утрата понятий «мастер», «учитель» привела к потере преемственности. Пострадал и институт «художественного руководства». Сегодня катастрофически недостает людей, готовых взять на себя всю полноту ответственности не только за отдельный спектакль, но и за художественное направление театра.

Нулевая фаза

В настоящее время баланс сил таков, что под влиянием внешних обстоятельств, в условиях политического противостояния и экономического давления, мы перешли в нулевую фазу. Однополярный мир заставил нас снова обратиться к своим корням, и мы понимаем, как важно сохранить свое неповторимое лицо. Нулевая фаза для нас сегодня — это ожидание прорыва и роста. Перед нами опять маячит извечный русский вопрос: «Что делать?» Но озадачиться надо не тем, что мы можем дать миру, а тем, что мы можем дать себе, своим согражданам и зрителям, чтобы традиция питала новацию.

Нам нужно пересмотреть систему подготовки специалистов, ограничить безудержный рост их числа, поскольку огромная часть выпускников не находит себе применения. Нам нужно усилить роль государства в поддержке частных инициатив; государство должно сформулировать социальный заказ для тех, кто представляет негосударственные театры, поскольку именно там живет эксперимент. Студийный, реформаторский способ работы, чаще всего, возможен именно в сфере частных инициатив. Необходимо обратить внимание на широкую активность детей и подростков в деле приобщения к культуре и искусству через любительские формы театра. И, кажется, государство, наконец-то понимая это, пытается возродить традицию, издает необходимые законы. Нужно вернуть театры, предназначенные для детей и юношества к исполнению ими своих прямых функций, поскольку многие из них пытаются освободиться от задач работы с юным зрителем и перейти на «взрослый» репертуар. Сегодня важно и уместно говорить о театре прежде всего как о носителе нравственного начала, коль скоро сеть российских государственных театров получает немалые средства из бюджета.

Культурное наследие России огромно, но централизация в очередной раз сыграла с нами дурную шутку. Ведь все по-прежнему ориентируются на новомодные веяния, исходящие из столиц, не заботясь о собственном лице. Стремятся попасть на самый-самый важный фестиваль, который, разумеется, проходит в Москве. Чем инициативнее будут регионы в поиске собственного творческого пути, тем быстрее мы обнаружим, что у нас есть оригинальные идеи и смыслы, тем ярче будут открытия.

Когда-нибудь все нации и народы сольются во что-то единое. Но это должно быть достигнуто в процессе эволюции, а не методом насильственного навязывания, грубого давления с помощью геополитики и новых технологий. У всякого национального театра, являющегося в том числе и хранилищем языковой культуры, есть устав и миссия. Миссия сохранения собственной культуры требует служения идее. Формализму как главному принципу новомодных тенденций здесь просто нет места. Таким образом, если мы не утратим национальную идентичность, то вправе рассчитывать, что процесс глобализации не сделает нас безликими. У национального театра России во всем его многообразии есть благороднейшая цель — остаться местом для сокровенного разговора, в том числе на своем оригинальном языке.

Е. С. Протанская¹

ФУТУРШОК ЦИФРОВИЗАЦИИ В СВЕТЕ ПЕРЕОЦЕНКИ ЦЕННОСТЕЙ

«Шок будущего» (Future Shock) Э. Тоффлера² по выходе в 1970 году, кроме популярности, свойственной такого рода книгам, вызвал даже некоторое недоумение: автор предсказывал рост числа работников вне офисов, развитие индустрии одноразовых продуктов и отношений, распространение сферы услуг, предлагающих разнообразные яркие и необычные ощущения, пребывание в условиях имитации окружающего мира. Говоря о людях недалекого будущего, Тоффлер писал: «Их возможности будут ограничены лишь воображением, техническим снаряжением и повсеместно ослабленной моралью». Тоффлер упоминает антиутопию Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», мечты героев которой сводились к пребыванию в телевизионном пространстве.

Сегодня предсказания футурологов стали реальностью. И «Большой брат», который следит за каждым из нас, и «удаленка», и одноразовые варианты всего и вся, и тотальное пребывание всех в виртуальном пространстве подтверждают догадки футурологов о развитии постиндустриального общества с его кризисом ценностей.

В основе футуршока в его современном, сбывшемся в XXI веке варианте — скорость изменений во всех сферах. Трансформациям сегодня подвергаются общечеловеческие ценности: идентичность, родственные и дружеские связи, приватность, детско-родительские отношения. Технологические инновации небывалыми темпами изменяют стандарты и нормы в разных сферах. Непрерывно обновляется информация, ее не успеть осмыслить и сделать выводы. Еще в начале XX века люди жили в относительно устойчивом, предсказуемом мире, поддающемся реальному планированию. По классификации М. Мид, постфигуративная культура, ориентирующаяся на опыт прошлых поколений и воспроизводящая его в воспитании детей и молодежи, сменяется кофигуративной, ориентированной на настоящее. Это так называемый SPOD-мир (от *англ.* steady — устойчивый; predictable — предсказуемый; ordinary — простой; definite — определенный). SPOD-мир сменяет VUCA-мир (от *англ.* volatility — изменчивый; uncertainty — неопределенный; complexity — сложный; ambiguity — неоднозначный). Акроним VUCA предложили авторы книги «Лидеры» (Leaders) экономисты Уоррен Беннис (Warren Bennis) и Берт На-

нус (Burt Nanus) в 1985 году. Джамаис Кашио оценивает современность, измененную информационными технологиями, как пространство хаоса — VANI (от *англ.* brittle — хрупкий; anxious — тревожный; nonlinear — нелинейный; incomprehensible — непостижимый)³. В VANI-мире сама скорость трансформаций вызывает тревожность, требует новых возможностей адаптации, стрессоустойчивости. Современное общество высвобождает работников из производственных цехов и с полей, сначала оставая в них наладчиков и контролеров автоматизированных станков и комбайнов, а затем заменяя людей роботами, которые начинают сами себя контролировать, и уже сейчас до 80 % работников в экономически развитых странах трудятся в сфере услуг. Накануне вступления человечества в «четвертую промышленную революцию» (Клаус Шваб) отмечается, что все большее усложнение процесса производства, в котором преобладают высокие технологии, усугубляет индивидуализацию: специфичность профессиональных функций и многовариантность потребностей и услуг, создающих возможности самореализации. Как работник, человек все более узко специализируется, становится инструментом (например, для «ремонта» коленей), как личность — делается поликультурен: отличается знанием языков, хобби, видом фитнеса, предпочтениями в еде, одежде, видах досуга и прочем, блогам, страничками в соцсетях, подписками. Непредсказуемые изменения в мире технологий порождают и непредсказуемые возможности, риски, природа и последствия которых могут быть рассмотрены и оценены с разных точек зрения.

Благодаря информационным технологиям люди получили фантастические по масштабам ресурсы информации для обучения, обмена, передвижения товаров и услуг, создания межрегиональных, международных проектов и их реализации. Необозримая по масштабам цифровизация и информатизация всех аспектов жизни общества создала «умные дома», виртуальных Алис, которые, как джинны из лампы, исполняют все желания, являются приятными собеседниками, советчиками и просто друзьями, а также услужливых роботов, с которыми можно просто вместе жить. Сетевое пространство становится не только сферой услуг, но и кругом общения. Возникшие возможности коммуникации позволили нам оценить непрерывность контактов, диалогов с близкими на любом расстоянии, доступность информации о друзьях, кумирах, интересующих коллегах, легкость взаимодействия для решения личных и рабочих вопросов. Однако расширившееся поле контактов, их многообразие, легкость, часто поверхностность расшатывают родственные, дружеские связи, низводят до формальности их значимость, выхолащивают субъектность, превращая их в информационный ресурс. Наряду с новыми формами комфорта Всемирная паутина в значительной степени лишила мир отношений при-

¹ Профессор кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 195 научных публикаций, в т. ч. учебников и учебных пособий: «Профессиональная этика. Моральная пропедевтика делового поведения», «Профессиональная этика психолога», «Биоэтика» (ред. и соавт.), «Культура и этика профессиональной деятельности: история и современность» (в соавт.); статей «Георгий Победоносец как символ русской ментальности», «Феномен Антона Макаренко в культуре XX века. К 130-летию со дня рождения» и др. Награждена медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», отмечена грамотами губернатора Санкт-Петербурга, Благодарностью Президента РФ.

² См.: Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с *англ.* М.: АСТ, 2002. С. 557.

³ См.: Втулкина Н., Фирсов А. Хрупкая, тревожная, нелинейная, непостижимая: что такое «эпоха VANI» // Forbes: [сайт]. URL: <https://forbes.ru/forbeslife/476185> (дата обращения: 23.05.2023).

ватности, провоцируя нарциссизм, показушность, подглядывание, глумление и настороженность в контактах.

Номо informaticus¹ формируется в условиях, разрушающих его традиционную идентичность. «Такая ситуация сопровождается формированием новой системы ценностей», которую определяет «цифровая аксиология», что «отражает радикальную мировоззренческую трансформацию, связанную с появлением принципиально новых ценностных установок»². Автор ссылается на высказываемые преимущества наблюдать за тем, что происходит на любом расстоянии, оценивать и реагировать, виртуально «присутствуя», что оценивается как «экзистенциальная ценность и насущная потребность»³.

Глобальная сеть формирует программы, языки общения, предлагая новые варианты взаимодействия, возможности и соблазны, оценка которых особенно значима для анализа влияния на детей и молодежь, а значит, и на будущее общества. На наших глазах взрослеют люди, не представляющие жизни до и вне Интернета, чьи дети, возможно, будут играть с роботосапиенсами. Дети, молодежь оказались более уверенно владеющими инструментами Сети, культура, в которой они родились («префигуративная». — *М. Мид*), устремлена в непредсказуемое будущее, они подчас являются и ощущают себя «учителями» своих родителей. Пространство Сети стало новым вариантом «секретного мира детей», поскольку, как отмечалось: «Чувство детской групповой идентичности, а также переживание общей принадлежности к миру детей становится особо острым и значимым при столкновении с миром взрослых»⁴. Однако именно массовое присутствие в Сети детей и молодежи, их беззаботность, смешливость, интерес к видеоконтенту придали общению в Интернете «детский» характер, благодаря изобилию смайликов, GIF и пр. Поэтому Сеть — это уникальный феномен взаимовлияния, когда взрослые не только подают пример детям, но и сами берут пример с них. Но закрытость, часто даже реальная недоступность детских сообществ в Интернете особенно пугает взрослых, и это усугубляется тем, что влияние Сети более значимо, чем воздействие взрослых. Для молодых людей, чье детство прошло вне Сети, она стала не только фактором напряжения, но и возможностью обновления, активизации мозговой деятельности, что подтверждает гипотезу Б. Г. Ананьева об омолаживающем влиянии активного восприятия, высокого уровня мотивации, потребности в новых знаниях и навыках в зрелом возрасте⁵. Сегодня вполне логично заключе-

ние: кто владеет Сетью, тот владеет миром. Ведь Сеть не только поставляет информацию и отслеживает, фиксирует запросы, интересы, оценки субъекта информационного поля, но и суггестивно формирует их, влияет на них, создавая знаки и формы идентичности человека. В одной из своих работ мы отметили распространность суггестивных методик в современной культуре⁶. Сегодня индивидуализация культуры западного мира породила потребителя, который готов рисковать жизнью в давке на распродаже и ест, пьет, одевается, отдыхает, даже внешне изменяет себя, свое лицо и фигуру так, как ему «подказали», внушили владельцы брендов, авторы трендов и прочие хозяева Сети. Ведь в ней все — реклама, новости, форумы, услуги основаны на проверенных «приманках», учитывающих категории присутствующих, их возраст, интересы, предпочтения, возможности, часто даже индивидуальность и стиль восприятия.

Преобладающее в обществе погружение в Сеть, многообразные вызванные ею зависимости (от СМС, лайков, фотографий...) заставляют вспомнить опасения философов прошлого. Так, Н. Бердяев в 1933 году обозначил в своей статье проблемы, возникающие в технически оснащенном обществе: «Техника также двойственна по своему значению, как все в этом мире. Техника отрывает человека от земли, она наносит удар... мистике земли, мистике материнского начала, которая играла такую роль в жизни человеческого общества»⁷. Удивительно пророческим представляется высказывание, сделанное задолго до появления Интернета: «Техника дает человеку чувство планетарности земли <...> Совсем иначе чувствует себя человек, когда он чувствует под собой глубину, святость, мистичность земли, и тогда, когда он чувствует землю, как планету, летящую в бесконечное пространство, среди бесконечных миров»⁸.

Следствием эйфории от технологий стало замеченное Э. Фроммом распространение множества признаков «некрофильского» характера у современника, сегодня погруженного в онлайн-мир: «его больше не интересуют другие люди, природа и все живое... фотографирование превратилось в некий эрзац зрительного восприятия»⁹. Формирующаяся с детства страсть к разрушению, издевательствам над животными, предпочтению механических собачек, искусственных цветов, машинок и тому подобного их природным первоисточникам характеризуют нашего современника, которого, когда он повзрослеет, часто больше огорчит поломка машины, чем болезнь жены. Выдающийся гуманист XX века А. Швейцер, автор «этики благоговения перед жизнью», увидел возможности сохранения человечности в близости к природе, сказав, что этика благогове-

¹ См.: Чернов И. В. Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса // Гуманитарий Юга России. Социологические науки. 2021. Т. 10 (47), № 1. С. 121–132.

² Там же. С. 130.

³ Тимофеев А. В. Становление цифровой аксиологии: ключевые понятия и проблемы // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Философские науки. 2019. № 3. С. 75.

⁴ Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых // Academia : [сайт]. URL: http://academia.edu/6439309/M_V_Osorina_Sekretnyy_mir_detej (дата обращения: 23.05.2023).

⁵ См.: Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. URL: http://elibr.gnpbu.ru/text/ananyev_o-problemah-sovremennoho_1977/ (дата обращения: 23.05.2023).

⁶ См.: Лепехин Н. Н., Протанская Е. С. Суггестология в контексте культурогенеза как научное направление. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suggestologiya-v-kontekste-kulturogeneza-kak-nauchnoe-napravlenie> (дата обращения: 23.05.2023).

⁷ Бердяев Н. А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. URL: <http://www.odinblago.ru/path/38/1> (дата обращения: 09.05.2023).

⁸ Там же.

⁹ См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. URL: <http://litres.ru/book/erih-fromm/anatomiya-chelovecheskoj-destruktivnosti-148101> (дата обращения: 23.05.2023).

ния перед жизнью дает нам в руки оружие против иллюзорной этики и иллюзорных идеалов.

Предпочитая псевдообщение, псевдоинтеллект, отказываясь от общения с природой, созидательной физической активности, человек по-детски отодвигает трудный, требующий ответственного включения

мир живых людей, реального общения и созидания, в чем-то омертвляя и свою живую психофизиологическую сущность, собственный мир, в котором необходимо уметь не только получать, но и отдавать, сопереживать, заботиться, защищать, а порой и проигрывать, и терять, и плакать...

Г. В. Скотникова¹

«СКАЖИ, ЧТО ДЛЯ ТЕБЯ ЗНАЧИТ ВИЗАНТИЯ?..», ИЛИ ПУТЬ К ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ САМОСТОЯНИЮ РОССИИ

России не привыкать ощущать и осознавать свое состояние как переходное, кризисное. Но в настоящее время слом культурных парадигм, утверждавшихся в нашей стране в течение последних тридцати лет, став очевидным, не просто актуализировал, а сделал остро насущной проблему самостоянья как залога достоинства (Пушкин). «Нам, русским, необходимо наконец обрести право и силу отвечать за свое настоящее, самим решать свою политику — и в области культуры, и в области экономики, и в области государственного права» (Д. С. Лихачев)².

На этом пути определяющее значение приобретает отчетливое понимание и укрепление фундаментальных опор духовно-исторического бытия. Вспомним этимологию слова «кризис». По-гречески кризис (ή κρίσις) буквально означает суд, суждение, то есть кризис — это вызов нашему сознанию, мощный импульс к целенаправленному и продуктивному осмыслению сложившейся новой реальности. Еще в XV веке преподобный Иосиф Волоцкий писал, что мысль человека подобна воде, в спокойном состоянии она растекается, а тесняемая горем и заботой поднимается в высоту.

«Скажи, что для тебя значит Византия, и я скажу, что ты в себе содержишь», — именно так можно обратиться к современнику, имея в виду его представление о месте России в мировой культуре. Византия в X веке дала нам христианский религиозный стержень, православие как цивилизационную доминанту. При этом Ви-

зантия и Россия являют собой два преемственно и тесно связанных, но различных типа духовности, два самобытных, во многом весьма непохожих культурных мира³, принадлежащих единой восточнохристианской, православной цивилизации.

Византия, оказав, по сравнению с другими странами Европы и Азии, сильнейшее влияние на русскую культуру, явилась одним «из важнейших факторов, давших нашей истории и всему культурному ее строю свою определенную фигуру и свое лицо»⁴. Само имя Россия (Ρωσία)⁵ впервые документально запечатлено в греческой (византийской) форме — в середине X века в сочинении императора Константина VII Багрянородного⁶. В XII веке в византийских текстах появляется обозначение Μεγάλη Ρωσία — Великая Россия⁷.

Византийская духовная традиция, лежащая в основе нашей цивилизации, органично входит в современный способ секулярного мировосприятия, испытывавшего в течение истории влияние многих культур, присутствуя как духовная вертикаль, восприятие реальности высшего идеала, определяющего жизнь человека. Крупнейшими современными исследователями, разрабатывающими именно эту, по сути культурно-философскую проблематику, являются в настоящее время филолог академик С. С. Аверинцев, искусствовед академик А. М. Лидов, литературовед член-корреспондент А. Н. Ужанков, историк архитектуры академик Д. О. Швидковский.

Византийская тема органично вплетается в русскую философию культуры, начиная с А. С. Хомякова и И. В. Киреевского и их идейных антагонистов — П. Я. Чаадаева, затем В. С. Соловьева, получает фундаментальное обоснование в философии культуры

¹ Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, ведущий научный сотрудник Российского института истории искусств, доктор культурологии. Автор около 200 научных публикаций, в т. ч. 11 монографий: «Русская художественная культура XII века: „симфония концептов“», «Созвучие вечным смыслам бытия», «Византийский ассист. Византийская художественная традиция и русская культура. История и теория» и др.; статей: «Что было и что есть на Руси»: искусство в философском мире В. В. Розанова», «Концепт „византизм“ в русском культурфилософском самосознании: К. Н. Леонтьев и Ф. И. Успенский», «Красота русских храмов XII века как воплощение национального духовного идеала», «Византия и Запад: новая волна сближения-противостояния» и др. Академик Академии российской словесности, член редакционных советов и редколлегий журналов «Русско-Византийский вестник», «Временник Зубовского института», «Вестник Санкт-Петербургского института культуры».

² См.: Дмитрий Лихачев: «Я занимаюсь Русью всю свою жизнь, и нет для меня ничего дороже, чем Россия» // Первый подмосковный портал событий : [сайт]. URL : <https://novopro1.ru/lyudi-epokhi/1608-dmitrij-likhachev-ya-zanimayus-rusyu-vsuyu-zhizni-i-net-dlya-menya-nichego-dorozhe-chem-rossiya> (дата обращения: 24.05.2023).

³ Стремясь подчеркнуть это обстоятельство, исследователи иногда говорят о том, что сути славянской цивилизации термин *византизм* (понимая под ним прежде всего глубинную связь культуры Византии с античным наследием) очевидным образом противоречит (см.: *Панченко А. М.* О специфике славянской цивилизации // *Знамя.* 1992. № 9. С. 200–209).

⁴ См.: *Успенский Ф. И.* Из истории византиноведения в России // *Анналы : журн. всеобщей истории.* 1922. № 1. С. 110.

⁵ «Можно полагать, что слово *Ρωσία* появилось уже в эпоху мирных переговоров 907 и 911 годов, но впервые оно засвидетельствовано у Константина Багрянородного» (*Соловьев А. В.* Византийское имя России // *Византийский временник.* 1957. № XII. С. 136).

⁶ Император Константин Багрянородный (с 913 по 959 г.) был дедом княгини Анны, супруги крестителя Руси великого князя Владимира.

⁷ См.: *Соловьев А. В.* Указ. соч. С. 139.

К. Н. Леонтьева¹, автора знаменитого трактата «Византизм и славянство» и идейного последователя основоположника теории локальных цивилизаций Н. Я. Данилевского. В XIX–XXI веках русская византистика выходит на мировой уровень в историко-культурных исследованиях В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, А. А. Васильева, Н. В. Покровского, А. П. Лебедева, Н. П. Кондакова, С. С. Аверинцева, Г. Г. Литаврина, С. П. Карпова, Г. С. Колпаковой, Г. М. Прохорова и многих других. Однако при этом Византия и ее культура по-прежнему остаются едва ли не факультативным предметом внимания широких слоев общества. Осознанию византийских истоков своеобразия отечественной духовности почти не уделяется внимания в современных образовательных программах: и школьных, и вузовских. Оторванность от исторических корней существования народа и государства во многом определяет распыленность сил, ценностный релятивизм современного россиянина.

Для подавляющей части нашего общества питающие культуру древнерусско-византийские родники находятся под спудом. Николай Рубцов пишет: «Какая жизнь отливала, Отгоревала, отошла! / И все ж я слышу с перевала, / Как веет здесь, чем Русь жила». Но, к сожалению, большинство наших соотечественников, следуя своему самоощущению, слова поэта скорректируют вопросом: «И все ж я слышу ль с перевала, как веет здесь, чем Русь жила?» Излишне говорить об отсутствии отчетливого представления о блестящей византийской культуре, ее необыкновенной творческой мощи и плодотворном духовном влиянии на многие народы. В Византии «это объективно <...> был такой уровень богатства, глубины, интеллектуальных и духовных возможностей, что рядом поставить нечего»².

Зададимся вопросом о причинах странного беспамятства, аберрации исторического воззрения отечественной культуры, выделив основные периоды отношения к Византии.

В Древней Руси в восприятии Византии однозначное господствует *плюс*. При этом она воспринимается только как наша Одигитрия³ в горный мир. Светские реалии византийской истории и культуры, которые в самой империи очень ценились и пристально изучались, Русь не интересовали. Этот вопрос впервые специально исследовался в докторской диссертации Ф. А. Терновского, защищенной в Киевском университете святого Владимира в 1877 году, — «Изучение византийской истории и ее тенденциозное приращение в Древней Руси»⁴. Автор, посвящая свое сочинение раскрытию древнерусского образа Византии и характера отношений с ней, делает вывод, что Византия

воспринималась исключительно сквозь церковно-религиозную призму как некий образ-символ православной Греческой державы.

Минус, то есть отталкивание, ориентация на Рим, минуя Византию, возникает в России со времен Петра Великого. Правда, сам Петр I, устремляясь в Европу и полагая, что она «будет нужна нам на несколько десятков лет...», заложил, как известно, православные духовные архетипы в основание Санкт-Петербурга, новой столицы России. На византийскую историю начинают смотреть уже не как на пример для подражания, а, напротив, как на условия, которых необходимо всячески избегать. В Новое время русское образованное общество проникается западноевропейским нигилистическим «византийским мифом»⁵, который постепенно начинает преодолевать в крепнейшей русской философии в 1830–1850-х годах. Во второй половине XIX века, в классический период русского самосознания, начиная с 1870-х годов утверждается (в различных сферах: культурфилософской, государственно-политической, византиноведческой, архитектурной) идея «византийской симфонии», формообразующего принципа, определившего цивилизационную принадлежность России.

Советский период (1917–1988), кардинально изменивший идеологию, может быть назван, употребляя выражение выдающегося византиста А. П. Кайдана, «трудным путем в Византию»⁶. Византиноведческая наука в лице отдельных высокоталантливых ученых делает в это время большие успехи, которые, однако, не получают должного общественного резонанса, поскольку тон задает атеистическая установка. 1988 год — празднование Тысячелетия Крещения Руси — явился поворотным, начался новый этап отношений церкви и общества, церкви и государства. Но устремленность России 1990-х годов к вхождению в западную цивилизацию сделала проблему самостоятельного неактуальной. При разработке государственно-культурных перспектив и задач роль византийского наследия оказалась вне поля зрения. Это означало, что национальный духовный идеал, определивший тип нашей ментальности, внутренний склад человека, стал рассматриваться как устаревший, не соответствующий утверждающимся реалиям рыночных отношений в обществе.

Нынешняя ситуация подтвердила существующую в отечественной культуре закономерность: старая, как и сама русская история, тема византизма, византийской традиции всякий раз становится новой в периоды неустойчивые, поворотные, требующие осознания и укрепления цивилизационных опор духовно-нравственного и государственно-исторического бытия России.

¹ См.: Скотникова Г. В. Концепт византизм в русском культурфилософском самосознании К. Н. Леонтьев — Ф. И. Успенский // Русско-Византийский вестник. Науч. журнал. 2022. № 4 (11). С. 110–122.

² См.: Лидов А. М. Византийский храм устроен как мультимедийная инсталляция. Вопросы: Алина Стрельцова // Искусство. 2016. № 2 (597). С. 20.

³ Одигитрия (*греч.* Οδηγήτρια) — Путеводительница.

⁴ Это был один из первых опытов защиты в университете лица, окончившего курс в Духовной академии и получившего там магистерскую степень.

⁵ См.: Скотникова Г. В. Византия и Запад: новая волна сближения–противостояния // Временник Zubovskogo института. 2020. № 4 (31). С. 18–32.

⁶ См.: Кайдан А. П. Трудный путь в Византию // Одиссей. Человек в истории. Историк и время. 1992. М.: Кругъ, 1994. С. 35–50.

С. Н. Соколова¹

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ И ТРАНСЛЯТОР НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ

Актуальной проблемой нашего времени становится понимание причин переживаемого российским обществом кризиса ценностно-нормативных оснований и выработка условий духовно-нравственного исцеления общества. Ключевые ресурсы корректировки стратегии культурного развития и выработки сценариев будущего содержат тексты гуманитарной культуры, хранящие исторически устойчивый образ Русского мира. Тексты культуры не только являют нам рациональную версию истины, но и производят ценности и смыслы, оформляя и конституируя социально-культурную практику (А. П. Марков). В работах Н. Данилевского, Ф. Достоевского, Вл. Соловьева, Вяч. Иванова, П. Флоренского, П. Сорокина, Д. Лихачева и многих других отечественных гуманитариев дана характеристика духовной уникальности русской культуры, раскрыты ценностно-нормативные и ментальные особенности, содержатся ответы на острейшие проблемы и вызовы времени, показаны те границы, которые превращают культуру в систему духовного и душевного регресса человека. Но для превращения человекотворческого потенциала отечественной гуманитарной мысли в реальный фактор культурной политики необходимо обновить смысловые поля интеллектуального наследия в контексте сегодняшних проблем.

Универсальное хранилище национальной уникальности и духовного опыта народа — это художественные тексты, которые являются «идеальной формой с точки зрения закрепления, хранения, накопления, трансляции и трансформации социального и духовного опыта, уникальным способом обеспечения исторической преемственности как на уровне индивидуального человеческого бытия, так и на уровне исторического бытия социального организма»². «Являясь продуктом самосознания, художественные тексты выполняют функцию рефлексии жизни на уровне ее образов, смыслов, ценностей, норм и целей. Они потенциально содержат в себе совокупность смыслов человеческой жизни»³.

¹ Декан факультета искусств СПбГУП, член Ученого и Методического советов СПбГУП, кандидат культурологии, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 48 научных работ, в т. ч.: «Выразительные средства действия в искусстве художественного слова», «Внутренний монолог как прием проникновения в психологию действующего лица художественного произведения», «Постижение авторского замысла литературно-художественного произведения: от идейно-тематического анализа к сценической реализации» (в соавт.), «Размышления на тему педагогической этики» и др. Член Союза театральных деятелей РФ. Награждена медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», Почетными грамотами Ленинградской федерации профсоюзов и Общероссийского профсоюза работников культуры, отмечена Благодарностью Министерства науки и высшего образования РФ.

² Фазыльязнова Г. И. Художественный текст как объект понимания // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. Вып. 7 (63). С. 419.

³ Шамсутдинова Д. В., Турханова Р. И. Социально-интегрирующие возможности художественной культуры как проблема пе-

«Смыслоориентационные возможности художественной культуры заключаются в том, что текст позволяет увидеть жизнь как целостную или дифференцированную реальность, распознать, понять и принять образ жизни, оценить и уточнить значение жизненных явлений, согласовать свое поведение с социальными нормами, адекватно определить направленность и характер действий по достижению лично значимых результатов»⁴.

Индивидуализирующая функция художественного текста проявляется в его «способности обеспечить человеку понимание и ощущение собственной уникальности, обрести свое призвание»⁵. Художественные образы способны консолидировать людей вокруг культурной оси, которая протянулась из прошлого в настоящее, сплавляя людей на единой для данного этноса культурной основе. В текстах как результатах творческого процесса заключена человеческая душа, и она оживает, когда их читают.

Художественный текст — результат целостного постижения истины, взаимодополнения рациональных методов и интуиции, возможностей разума и энергий души. Познать разумом — значит «опознать противоречие», уразуметь сердцем — значит «понять всецело». Целостное познание мира происходит в результате «пресуществления человека», его целостного приобщения к бытию⁶. Глубинное познание предполагает *душевное участие* субъекта. «Реальность как таковая, во всей своей полноте и широте, как бы *проступает* в непосредственном бытии — другими словами, что „душа“ и в направлении „во-внутрь“ или „вглубь“ именно *не заперта*, а, напротив, открыта. „Душа“ не только в себе самой, в своей собственной стихии, то есть в своей субъективности безгранична и потенциально бесконечна, но ее бесконечность вместе с тем такова, что в своем глубинном слое душа, как бы выходя за пределы самой себя, соприкасается с чем-то иным, чем она сама, или что-то „иное“ проникает в нее и тем открывает себя ей»⁷. Искусство выступает важнейшим способом освоения мира, инструментом культуры, с помощью которого человек воспроизводит самого себя в реальной целостности своего природно-социально-культурного существования, расширяет свое жизненное пространство, дополняя свой реальный жизненный опыт духовными открытиями. Художественная деятельность дарует «опыт видения неких бездонных глубин, непроницаемых для логической мысли»⁸.

дагогической науки // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1. С. 73–74.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же.

⁶ См.: Флоренский П. Столп и утверждение истины : в 2 т. М. : Правда, 1990. Т. 1, ч. 2. С. 157, 162, 505, 535.

⁷ Франк С. Л. Сочинения. М. : Правда, 1999. С. 391.

⁸ Там же.

Однако культуротворческий потенциал отечественных художественных текстов практически не востребован ключевыми социально-культурными институтами постсоветской России.

Во-первых, художественный текст как феномен гуманитарной культуры «в философско-герменевтическом измерении представляет собой сложный объект, содержащий потенциально бесконечный объем смыслов, актуализирующихся в субъективном пространстве мыследеятельности субъекта определенной эпохи и культуры»¹. Образно-символическая основа художественного текста ускользает от рациональной интерпретации — она должна быть принята душевными энергиями личности, пережита ею в контексте собственной биографии. Жизнь — это мысли, чувства, желания, это духовный процесс, который нельзя понять умом. Главное — внутренний психологический опыт, интуитивное переживание фактов сознания. «В процессе духовного диалога человек отождествляет себя с образом — персонифицированным носителем ценности, — стремится достичь с ним духовной общности»².

Во-вторых, потенциалы художественной культуры не всегда востребуются в полной мере в силу объективного противоречия между огромным смысловым потенциалом творений искусства и ограниченностью «культуры рефлексии» современной молодежи рациональными методами анализа текста. Г. И. Фазылынова пишет, что «понимание и актуализация смыслов художественного текста — необыкновенно сложная технология, владеть которой должны прежде всего специалисты, использующие художественные тексты как исходный материал в своей работе»³. К сожалению, смысловые глубины художественных произведений, как правило, недоступны студентам, привыкшим воспринимать их на уровне сюжета. В результате линейная событийность (пришел, ушел, сказал, ответил) является своеобразным препятствием к осмыслению душевных переживаний и поведенческих мотиваций. Опыт работы со студентами (будущими актерами, режиссерами, искусствоведами, журналистами) показывает, что проблема понимания текстов культуры, прежде всего художественных, возникает в связи с тем, что школьные программы акцентируют внимание не столько на понимании, сколько на формальном освоении фабулы произведения⁴.

В-третьих, значимым фактором слабой востребованности конструктивных ресурсов художественных текстов является сегодняшний этап развития культуры, который отечественные и европейские гуманитарии фиксируют как эпоху заката логоцентричной культуры, разрушения онтологического статуса слова как прямого «„глагола действительности“, открывающего и рождающего бытие»⁵. «Нынешний кризис — это не кризис отдельных обществ, а всей макрокультурной системы, пришедшей в I тыс. до н. э. на смену Древнему миру, и которую уместно назвать логоцентрической. <...> Мир, в котором сакрализованное Слово/Логос служило духовным Абсолютом и источником реальности, распадается. Слово исчерпало свои культуротворческие возможности, и постмодерн подвел под него черту. Слово, погружаясь в энтропию релятивизма, более не является ни двигателем культурной динамики, ни маской самой Культуры. Логоцентрические дискурсы, от книжной культуры в целом, до религии, философии, науки и искусства, отмирают или маргинализуются»⁶.

Востребованность культуросозидательных и человекотворческих ресурсов художественных текстов предполагает реабилитацию традиций подлинного, целостного понимания текстов культуры. Эту задачу может и должно решить гуманитарное образование, способное придать духовно-нравственный смысл технологическим аспектам профессиональной деятельности специалиста, сформировать у молодого поколения универсальные мыслительные техники, синтезирующие рациональные ресурсы личности и ее душевные энергии — ответственность, веру, любовь. Гуманитарный блок дисциплин должен стать зеркалом, отражающим национально-культурную самобытность. Результатом подлинного понимания гуманитарного текста является перевод исторических голосов в явление живой культуры, формирование сопричастности будущих специалистов «духовным поискам предшественников, которые обнаруживают в сегодняшнем социально-культурном контексте огромную смысловую глубину и актуальность»⁷. Гуманитарные тексты, хранящие сущностные вопросы и ответы на вызовы времени, в сложные для общества периоды становятся ключевым ресурсом проектирования оптимальных моделей преобразований, предпосылкой понимания проблем и перспектив развития культурной жизни, выстраивания так необходимых современному обществу духовных вех и опор.

⁵ Марков А. П. Метафизика инверсии культурно-антропологических матриц европейской цивилизации // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. 2017. № 40. С. 42.

⁶ Пелипенко А. Русская матрица: последний путь // Острог: альманах. 2017. № 14. С. 15.

⁷ Марков А. П. П. Сорокин и культурологические модели грядущего жизнеустройства России // Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени: междунар. науч. симпоз., посвящ. 110-летию со дня рождения Питирима Сорокина. М.: СПб.: СПбГУП, 1999. С. 120.

¹ Фазылынова Г. И. Указ. соч. С. 418.

² Там же. С. 420.

³ Там же. С. 417.

⁴ Там же.

В. А. Таказов¹

О ПРИНЦИПЕ РАВНОПРАВИА ЯЗЫКОВ ПУТЕМ СОХРАНЕНИЯ ИХ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ. ДИАЛЕКТИКА ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО

Для каждого народа родной язык неповторим и уникален. Язык является отражением истории, культуры и настоящей гордости. Есть в мире праздник под названием «Международный день родного языка». Так как российские СМИ нечасто уделяют внимание этому торжеству, в двух словах напомним: в 1952 году в Пакистане произошли события, во время которых пролилась кровь гражданских лиц, большинство из них были студентами Университета Дакки, принявшими участие в демонстрации против монополии языка урду. Наряду с этим языком другая часть населения использовала бенгальский диалект, но в 1948 году власти решили признать первый единственным национальным языком. Это вызвало массовые протесты, и в итоге в ходе противостояния в 1956 году бенгальский язык все же был признан государственным, но это стоило жизни десятков молодых людей и простых жителей Пакистана, уничтоженных властями. Борьба за право пользоваться привычной с детства манерой общения увенчалась успехом. Впоследствии по инициативе страны Бангладеш ЮНЕСКО провозгласила 21 февраля Международным днем родного языка, который ежегодно празднуют во всем мире уже 24 года.

Столь подробное введение сделано неслучайно. Язык — это нерв человека, и человек бережет его больше собственной жизни, так как на нем говорили его родители. Осетинский язык принадлежит к иранской группе индоевропейских языков. По мнению ряда известных лингвистов, он восходит к языку скифов, алан. Больше известно об аланах, первыми из российских народов принявших христианство. Продолжателем аланского языка является осетинский язык, особенно его более архаичный вариант — дигорский. Именно с дигорского языка многим отечественным и зарубежным ученым удалось расшифровать руны и древние надписи на камнях и сосудах. (К примеру, открытия А. Формозова, Ф. Турчанинова, Ф. Миллера, В. Абаева красноречиво подтверждают данный тезис. На сегодня нам известны надписи VIII и II вв. до н. э., которые удалось перевести с арамейского языка благодаря сохранившемуся до сегодняшних дней дигорскому языку.)

В мире науки дигорский язык признан как один из основных ключей к разгадке древних надписей, сделанных в скифское и аланское времена. Иранисты знают об этом хорошо. Между тем современная история этого лингвистического сокровища мало известна, точнее вовсе неизвестна.

Дигорский язык — западный вариант осетинского языка (наряду с восточным вариантом — иронским). В результате политики укрупнения языков за счет объ-

единения близкородственных языков, объявлявшихся диалектами, в 1953 году дигорский был лишен статуса языка и объявлен диалектом. С 1953 по 1961 год в дигорских школах проводился переход на иронский язык, объявленный единственным, единым для всех субэтнических групп Осетии литературным языком и языком обучения. С этого времени на дигорском языке было запрещено вести обучение, издавать газеты, литературу. До начала 1970-х годов крайне редко упоминалось имя дигорского поэта, основоположника литературного языка Георгия Малиева, репрессированного в 1938 году и погибшего в застенках сибирского ГУЛАГА через четыре года. Несмотря на запрет издавать литературу на дигорском и переход отдельных писателей и поэтов на иронский язык, многие дигорские авторы в советское время продолжали творить на родном для них языке.

Годы перестройки и гласности дали возможность открыто говорить об ошибках такой языковой политики. Стали известны так называемые перегибы партийной системы в данной проблематике. К примеру, выступление М. И. Калинина на заседании партгруппы Президиума ВЦИК 10 февраля 1935 года отчетливо показывает пагубность этих самых перегибов. Привожу отрывок: «Калинин: Я считаю, что мы создаем бесконечное количество народностей, которые не имеют никаких перспектив. У нас разрабатывается язык и грамотность среди народностей с числом населения в 500 человек... Надо родственные народности объединять. Если мы имеем одну народность в 500 человек, а другую рядом в 1000 человек, то надо не способствовать их разъединению, а, наоборот, способствовать их объединению... Возьмите Дагестан, там до 60 народностей. В Дагестане господствующим языком является тюркский язык. А то получается какая-то раздробленная мешанина. То же самое касается и народностей Севера. Академики, чтобы им не заниматься производительным трудом в пользу советской власти, они составляли азбуки, а Комитет Севера на это деньги тратил»².

В конце 1980-х годов в Северной Осетии официально отказались от политики умалчивания проблемы дигорского языка, и в 1990-х в дигорских школах возобновили преподавание дигорского языка в начальных классах, стали выпускать республиканскую газету и журнал, открыли Дигорский государственный драматический театр. В 1994 году равноправие двух вариантов осетинского языка (иронского и дигорского) были узаконены в Конституции Республики Северная Осетия — Алания.

В то же время языковые проблемы, возникшие еще в 1930-е годы, когда дигорский язык был назван «контрреволюционным», не исчезли. До сих пор За-

¹ Профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Создание частной газеты „Казбек“ во Владикавказе», «Civilization Mission of the Russian Empire in Central Asia in the 19th century (Based on Materials from the State Archive of the Orenburg Region)» (в соавт.) и др.

² Выступление председателя Президиума ВЦИК и ЦИК СССР М. И. Калинина на заседании Президиума ВЦИК по докладу Магнитогорского горсовета «О работе среди национальных меньшинств». 2 марта 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 532. Л. 68.

кон о языке в республике не принят. Носителей архаичной формы осетинского языка — дигорского — в Осетии насчитывается 75–80 тыс., иронцев — в целом 320 тыс., при этом владеющих иронским — около 120 тыс. (все количественные данные носят примерный характер). Вместо принятия мер по сохранению двух диалектов ироноведы выступают против признания официального статуса дигорского языка. Между тем под грифом Министерства образования РСО-А выходят учебники по дигорскому языку и литературе для начальных классов.

Получается непонятная, если не спорная ситуация в вопросах языкового строительства в отдельно взятом субъекте. Многие представители творческой интеллигенции задаются вопросом: «Разве один народ может иметь два языка?» В ответ приводится практика существования в Республике Мордовия двух самостоятельных языков — мокша и эрзя. Конституция Республики Северная Осетия — Алания в 1994 году пересмотрела проблему, и текст Основного закона представлен на русском языке и двух диалектах — иронском и дигорском. Носители дигорского языка (официально диалекта) не первый раз ставят вопрос перед Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева о необходимости созыва научного форума специалистов по профилю, чтобы ученые дали ответы на насущные вопросы местного населения.

В республике языковыми вопросами мало кто занимается — отсюда и разногласия между иронцами и дигорцами. А если и занимаются, то преимущественно иронским диалектом. Российская академия языкознания в разные годы отвечала на этот вопрос в пользу признания дигорского языка, а не диалекта. Официаль-

ная переписка Института языкознания РАН с названным Институтом не повлияло на местную власть. Последнее обращение в РАН и ответ на него датируются 2019 годом.

Ученые-дигороведы в 2021 и 2023 годах провели международные научно-практические конференции «Дигорский язык: генезис, проблемы, перспективы». Участники форума, известные в мире алановеды, авторы дигорских словарей, учебных пособий, продолжают писать научные книги. Писатели и поэты, которым еще в 80-х годах прошлого столетия нельзя было публиковаться на материнском дигорском языке, активно публикуются в социальных сетях и издают книги.

Но главный вопрос, который в последнее время решается в коридорах власти в позитивном ключе, в исследовательских кругах не находит понимания. Таким образом нарастают конфликты. Если бы социальные институты вовремя реагировали на подобные споры, не было бы ни конфликтов, ни войн. Как не хватает нам понимания простых истин Д. С. Лихачева из его «Писем о добром и прекрасном»: «Лучше всего проявляет свою воспитанность человек, когда он ведет дискуссию, спорит, отстаивая свои убеждения. В споре сразу же обнаруживается интеллигентность, логичность мышления, вежливость, умение уважать людей... Если в споре человек заботится только о победе над своим противником, не умеет выслушать — это пустой человек, и спор его пустой. Нет ничего более глупого в споре, чем спорить без аргументации. Когда у спорящего нет аргументов, появляются просто „мнения“».

Надо быть осторожным как с историей, так и с современными реалиями.

Е. В. Харитонов¹

ТРАДИЦИОННЫЕ АФРИКАНСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЭТИКА В ЗЕРКАЛЕ ДЕЛОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ, ИЛИ ПОЧЕМУ В АФРИКЕ НЕ ПРИЖИВАЕТСЯ ЗАПАДНАЯ МОДЕЛЬ КАПИТАЛИЗМА

Африка — это уникальный самобытный мир с традиционными ценностно-этическими комплексами, нормами поведения и социальными представлениями.

¹ Старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, кандидат психологических наук (социальная психология), доцент. Член Исполнительного комитета Всемирной федерации научных работников. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Коммуникативные барьеры: теория и практика (в контексте межличностного и межкультурного взаимодействия)», «Люди в корпорации. Корпоративная культура в современной России»; статей: «Афро-христианское самосознание и афро-христианская идентичность в Африке и США», «Ливан и Ближний Восток: факторы стратегического выбора (по результатам полевых исследований социальных представлений арабской молодежи)», «Социальные представления арабской молодежи: факторы и тренды региональ-

Традиционные ценностно-этические системы Африки во многом детерминируют формирование деловой культуры и способы социальных и культурных коммуникаций. Российский бизнес в Африке сталкивается с серьезными проблемами, поскольку ему приходится иметь дело со сложным ценностно-этическим и коммуникационным комплексом, который не всегда очевиден и понятен и в современных условиях может успешно

ного развития (на материале полевых исследований)», «Религиозный трансфер: взаимодействие западного христианства с традиционными религиозно-этическими воззрениями африканцев (в регионе Субсахарской Африки)» (в соавт.) и др. Награждена Почетной грамотой Федерального агентства научных организаций России.

скрываются за ширмой так называемой давосской культуры, связанной с универсальными западными моделями делового поведения.

Традиционные ценности в африканской деловой культуре

Существует ли специфическая африканская деловая культура, или она является универсальной, «глобализационной», так называемой давосской после многолетних колониальных влияний и встраивания стран Африканского континента в систему мирового капиталистического хозяйства? И если эта специфика существует — в чем состоит «африканский акцент»? Опыт автора, подтвержденный полевыми исследованиями, доказывает: да, существует, и специфика заключается в наличии африканских традиционных ценностно-этических представлений. Традиционные ценности пронизывают всю жизнь современных африканцев. Неафриканцу трудно осознать, насколько тесно вплетены традиционные представления, ценности и этика в жизнь людей разного возраста, разного уровня образования и социального статуса.

Российским бизнесменам следует быть готовыми к встрече со всем своеобразием традиционных ценностей и этики африканцев. Конечно, их можно проигнорировать и вести дела так, как будто их нет, на уровне функционального и прагматичного решения возникающих задач. Но в этом случае недопонимание и недопонимание неизбежны. Деловой партнер может иметь «внешний» культурный пласт, приобретенный в условиях модернизации в африканских странах, и «внутренний», связанный с традиционными ценностями и этикой. Идущий в Африку бизнесмен, не владеющий информацией и не чувствующий культурной и ментальной специфики африканских партнеров, не знающий особенностей их деловой культуры, не сможет выстроить с ними эффективный диалог. Существует немало примеров, когда малейшая «неточность» в поведении, пренебрежительное отношение, намек на превосходство, неучет культурного и исторического контекста может обернуться необратимым разрушением диалога.

Например, одним из главных критериев дифференциации деловых культур является отношение ко времени: чем сильнее различие между культурами по этому критерию, тем больше оснований для разрушения деловых контактов. Восприятие времени в традиционных африканских культурах¹, его взаимосвязь с культом предков, с представлениями о мироздании отражают «онтологическую концепцию» африканцев². Настоящее, прошлое и будущее в их представлении циклично взаимосвязаны; субъективное переживание времени, его круговорот отражают логику социальных процессов в традиционных африканских обществах³. Африканцы,

даже получившие европейское образование и занимающие высокие посты в правительстве, экзистенциально переживают, часто неосознанно, основные элементы традиционной культуры своего народа — представления о времени, предках, единении, справедливости. Беседуя с африканцами во время экспедиций в страны Субсахарской Африки, проводя опросы и экспертные интервью, автор неоднократно получал подтверждение этих положений. В свою очередь, российские бизнесмены отмечали, что договоренности, которые достигаются российской и африканской сторонами, могут оцениваться партнерами по-разному: российской стороной — почти как контракт, африканской — всего лишь как возможность либо нежелание огорчить партнера. Африканцы нередко опаздывают на встречи и не соблюдают оговоренные сроки. Такое поведение воспринимается российской стороной как необязательность и даже ненадежность, однако оно может иметь разные причины: с одной стороны, традиционное для африканцев восприятие времени⁴ (оно циклично, поэтому спешка бессмысленна); с другой — это может быть намеренный «рванш» в отношениях с «белым человеком» в форме затягивания начала встречи (как результат колониальной коллективной «травмы»). Если воспринимать поведение африканцев как отступление от стандартов деловых коммуникаций, может возникнуть недопонимание, вплоть до конфликта. В свою очередь, понимание культурно-исторических корней и представлений, которые лежат в основе моделей поведения и формируют специфическую деловую культуру африканцев, способствует налаживанию диалога. Бытующее среди представителей российского бизнеса мнение, что основным фактором эффективности сотрудничества являются финансово-экономические интересы, а деловой культурой африканских бизнесменов — так называемая давосская культура, которой в условиях глобализации и культурной унификации следуют все современные политики и бизнесмены независимо от их культурной принадлежности, — даже не спорное, а ошибочное.

Традиционные ценностно-этические системы как барьер на пути внедрения капиталистических моделей хозяйствования в Африке

В странах Субсахарской Африки, особенно в ЮАР, большое значение придается ценностно-этическому комплексу Убунту — системе представлений о связи всего сущего, включая людей, в их взаимовлиянии и взаимодействии: «Я существую, потому что ты существуешь». В ЮАР Убунту является важным элементом политической и деловой культуры, который получил особое развитие в годы правления Нельсона Манделы. Согласно типологии нидерландского социолога Герта Хофстеде⁵ культуру Субсахарской Африки относят к культурам коллективистского типа: «Мы мо-

¹ Ярская В. Н. Время в эволюции культуры. Философские очерки. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. С. 21.

² Ильяде М. Космос и история. Избранные работы. М., 1987. С. 55.

³ Бондаренко Д. М. Пространственно-временная «система координат» жителей древнего Бенина (Западная Африка) // Пространство и время в архаических и традиционных культурах: сб. ст. / отв. ред. И. В. Следзевский, Д. М. Бондаренко. М.: Ин-т Африки РАН, 1996. С. 77.

⁴ Мосейко А. Н. Время и пространство в мировоззренческих системах африканских культур // Пространство и время в архаических и традиционных культурах; Арсеньев В. П. Ментальные коды и поиски «мнимого»: временные и социальные циклы бамбара // Там же.

⁵ Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. Unit 2. 2011. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8>. DOI: 10.9707/2307-0919.1014 (дата обращения: 16.06.2023).

жем по-настоящему идентифицировать себя, только если мы останемся верны нашей общине, ее прошлому и настоящему. Понятие индивидуального успеха или неудачи является вторичным»¹.

В условиях колониализма, а затем в постколониальную эпоху традиционные африканские ценности и этика входили в противоречие с ценностями и этикой Запада. Западные ценности — индивидуализм; приоритет интересов личности, а не коллектива; индивидуальный успех — противоречили базовым африканским ценностям: общности и солидарности, коллективизма и всечеловеческого единения (Убунту). Именно Убунту как укорененная в традиционной африканской культуре ценностно-этическая система является препятствием к принятию африканцами протестантской трудовой этики, так как она по своей сути противоположна Убунту: поощряет индивидуальный успех и конкуренцию, ориентирует на получение прибыли, культивирует прагматизм и разумный эгоизм. Основное положение Макса Вебера о базовой связи между протестантской трудовой этикой и господством капитализма² дает основание для объяснений, почему капитализм терпит неудачу в Африке и преуспевает в западном мире³, и это объяснение *находится в системе традиционных ценностей, этики и менталитета*. В настоящее время страны Африканского континента пытаются найти собственный путь в рамках капитализма, который будет учитывать традиционные африканские ценности и специфику африканской ментальности: «Вступив в контакт с цивилизацией, которая переоценила свободу личности, мы фактически столкнулись с одной из самых больших проблем Африки в современном мире... как получить преимущества европейского общества, преимущества, которые были получены организацией, основанной на личности, и при этом сохранить собственную структуру африканского общества, в которой человек является членом своего родового братства»⁴.

Два запроса африканцев: социальная справедливость и стратегическое партнерство

Первый запрос — стратегическое партнерство и долгосрочный характер отношений. Современная Африка мыслит стратегическими категориями и ориентирована на устойчивое взаимодействие, которое может помочь в реализации ее долгосрочных планов, отраженных в программном документе Африканского союза «Повестка 2063». Это план развития на 50 лет. Африка не заинтересована в краткосрочных торговых отношениях, на что часто ориентирован российский бизнес. Второй запрос — на социальную справедливость, сотрудничество без эксплуатации и каких бы то

ни было проявлений превосходства, без малейшего намека на колониальные и неоколониальные тенденции.

В проведенном автором исследовании предпочитаемых африканцами форм социальной ответственности респонденты осуждали эксплуатацию, несправедливое распределение богатства, жадность предпринимателей⁵. Вот несколько комментариев: «Бизнес должен *помогать тем, кто нуждается*»; «Социальная ответственность важна, так как из нее вырастают *социальные программы*»; «И другие люди тоже должны что-то получить от бизнеса»; «Компании должны *делиться с сообществами*». В отношении жестких прагматических форм ведения бизнеса африканцы делали следующие комментарии: «Нет, нет, нет!!! Бизнес должен *помогать народу!*», «Сплошная жадность и обогащение!» Африканские государственные служащие отвергали западные модели социальной ответственности бизнеса, объясняя это тем, что «бизнес должен делать гораздо больше, чем просто платить налоги и создавать рабочие места».

В этих высказываниях отражены представления африканцев о *социальной справедливости* — идеализированные, наивно-романтические. Их основу составляют традиционные ценности общинной солидарности, и в то же время это память о колониальной эксплуатации, которую африканцы и сегодня воспринимают чрезвычайно остро. У российского бизнеса представления, как правило, прагматические: сказываются десятилетия капиталистического пути развития, по которому пошла Россия после распада СССР.

Современная Африка исходит из двух базовых приоритетов своего развития. Первый — модернизация стран континента, выход на высокий уровень развития технологий, что позволит решить социально-экономические проблемы африканских стран, победить бедность, занять равное и достойное положение в системе мировой экономики. Этот приоритет отражен в программном документе Африканского союза «Повестка 2063»: «Уделять приоритетное внимание... социально-экономическому развитию... среди других вопросов, направленных на изменение положения Африки и превращение ее в *доминирующего игрока на глобальной арене*»⁶. Второй приоритет — развитие Африки на основе традиционных самобытных африканских ценностей. Важнейшим для Африки является вопрос, как интегрировать западные достижения и технологии и при этом не утратить свою идентичность, добиться социальной справедливости, гендерного и расового равенства с сохранением *африканской культурной самобытности, традиционной этики и традиционных ценностей*⁷. *Уважение национальной специфики, традиционных ценностей и этики является противовесом унифицированным глобализационным элементам «западной» этики.*

¹ Odoyuye M. A. The value of African religious beliefs and practices for Christian theology // Theology on Route / ed. K. Appiah-Kubi, S. Torres. Maryknoll ; N. Y. : Orbis Books, 1979. P. 110.

² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения : пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. С. 17. (Социологическая мысль Запада).

³ Murove M. F. The Incarnation of Max Weber's Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism in Post-Colonial African Economic Discourse: The Quest for an African Economic Ethic // African Ethics. An Anthology of Comparative and Applied Ethics. KwaZulu-Natal (South Africa) : Univ. of Kwazulu-Natal Press, 2009. P. 220.

⁴ Лучшие 20 цитат Джулиуса Ньерере на MyQuotes. URL: <https://myquotes.co/ru/authors/14790/> (дата обращения: 16.06.2023).

⁵ Харитонова Е. В., Андреева Л. А., Тищенко С. М. Образ России как социального государства. URL: <https://www.inafran.ru/node/56> (дата обращения: 16.06.2023).

⁶ Agenda 2063. The Africa we Want. URL: <https://au.int/en/agenda2063/overview> (дата обращения: 16.06.2023).

⁷ См. об этом: Харитонова Е. В. Традиционная африканская ценностно-этическая система в современном мире: Проект, Миссия, Альтернатива, Протест. URL: <https://www.lhachev.ru/pic/site/files/lihcht/2022/dokladi/Haritonova.pdf> (дата обращения: 16.06.2023).

А. Н. Чумаков¹КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ
В СУДЬБЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА²

Современный мир — динамично развивающаяся целостная система, где ни одна страна не может полностью дистанцироваться от мирового сообщества. Это реальность, которую трудно игнорировать, даже если не принимать во внимание объективный характер и интегративную роль современной глобализации, а также скептически относиться к перспективе формирования общечеловеческих ценностей или, например, общепринятых в мировом сообществе культурных и цивилизованных отношений. В то же время вовсе не очевидно, что устойчивая и гармоничная целостность мирового устройства предначертана объективной логикой исторического развития. Достаточно сослаться в связи с этим на остающуюся тайной сущность человека или на не менее загадочную двойственность биосоциальной природы людей и проистекающую отсюда непредсказуемость их поведения, причем не только в экстремальных ситуациях. И это притом, что человечество, разобщенное, как и прежде, по ценностным и культурным основаниям, рассредоточено в пределах ревностно охраняемым «национальных квартир» и фактически балансирует на грани войны и мира.

Нужно признать, что во всемирной истории такое положение дел всегда было и теперь остается скорее правилом, чем исключением. Однако проблема усугубляется еще и тем, что с конца прошлого столетия ставший (практически по всем аспектам общественной жизни) глобальным и взаимозависимым мир характеризуется усилением напряженности как в отдельных странах, так и между национальными государствами и различными их альянсами. В итоге на фоне усиливающейся многоаспектной глобализации³ и при отсутствии внешней силы, способной заставить суверенные государства и различные субъекты международных отношений действовать с учетом не только своих интересов, мировое сообщество объективно все больше погружается в ситуацию *войны всех против всех*⁴.

¹ Профессор кафедры геополитики факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 750 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация. Контуры целостного мира», «Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст», «Глобальный мир: столкновение интересов», «Путь в философию. Работы разных лет», «„Философский пароход“: 100 лет без покаяния» и др. Главный редактор журнала «Век глобализации». Заслуженный профессор Финансового университета при Правительстве РФ. Почетный доктор Башкирского государственного университета. Член исполкома Международной ассоциации профессоров философии. Награжден медалями «В память 850-летия Москвы», «За значительный вклад в глобальные исследования», нагрудным знаком «Орден В. И. Вернадского». Лауреат премии им. Н. К. Байбакова, Международной премии мира Гузи.

² Доклад подготовлен на основе статьи: Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2 (16). С. 35–47.

³ Глобалистика : междунар. междисциплин. энцикл. словарь. М. ; СПб. ; Нью-Йорк : Елима : Питер, 2006. С. 568–572.

⁴ См. также: Чумаков А. Н. О природе нестабильности в современном мире // Credo New. 2016. № 3. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr3-2016/31324-o-prirode-nestabilnosti-v-sovremennom-mire.html.

Отсюда повышенный интерес к такого рода явлениям Нового времени, как «цветные революции» или санкционная политика, и стремление разобраться в причинах их появления. А поскольку «цветные революции» нередко проходят при нескрываемой поддержке извне, то сложилось мнение, что в их основе непременно лежат внешние факторы, которые объявляются главной причиной таких революций⁵. Также использование санкций в качестве особого инструмента внешней политики для решения тех или иных проблем, по которым не удается договориться, справедливо рассматривается как негативное явление, с требованием прекратить такую политику. Однако проблемы остаются, и острота их не снижается по причине отсутствия достаточно проработанных и вполне обоснованных ответов на вопросы: какова же истинная природа данных явлений; что лежит в их основе; почему именно с конца XX века они стали регулярным явлением общественной жизни; закончится ли эпоха санкций и «цветных революций» и можно ли их предотвратить?

Разумеется, и санкции, и социальные потрясения — это плохо и их следует избегать. Но поскольку истинная природа данных явлений остается недостаточно изученной, то и реагируют на них по большей части методом проб и ошибок. Не понимая реальных причин происходящего, нередко применяют неадекватные меры, что, как правило, лишь усугубляет положение дел. Происходит же это во многом потому, что не исследованы в достаточной мере фундаментальные противоречия, проистекающие из контрастности ценностных ориентиров, а также культурные и цивилизационные различия отдельных стран и народов, вольно или невольно вовлеченных в мировые дела в условиях многоаспектной глобализации.

Для прояснения поставленных вопросов и определения географического расположения центров социальной нестабильности в современном мире обратимся к карте планеты. Нетрудно заметить, что страны, подвергающиеся наибольшему санкционному давлению, а также те, в которых произошли «цветные революции» или были попытки их свершения, располагаются в основном на стыке принципиально отличающихся друг от друга культурно-цивилизационных систем. Именно там вполне отчетливо просматриваются зоны повышенной социально-политической нестабильности, а среди них явно выделяется та, которая проходит по линии, соединяющей страны, располагающиеся вокруг Западной Европы. Эта линия, хотя и с размытыми краями, но вполне отчетливая, начинается от Гибралтара и проходит далее по Северной Африке вдоль средиземноморского побережья через Ближний Вос-

⁵ Мадсен о лицемерии США: 64 «цветные революции» говорят за себя // РИА Новости : [сайт]. 2015. URL: <http://ria.ru/world/20150308/1051500189.html?rubric=world> (дата обращения: 08.03.2015); McFaul M. Importing Revolution: Internal and External Factors in Ukraine's 2004 Democratic Breakthrough // CDDRL Working Papers. May 2006.

ток к Армении, Грузии и далее через Украину, Белоруссию к бывшим прибалтийским республикам. Такая же, пусть и не столь ярко выраженная разделительная линия проходит по азиатским республикам бывшего СССР, где соприкасаются исламская и христианская культурно-цивилизационные системы, имеющие в своей основе различные базовые ценности. Еще в меньшей степени, а то и вовсе едва просматриваются такие «водоразделы» в Северной Америке, Африке южнее Сахары, Австралии и, с некоторыми оговорками, в Южной Америке, равно как и на большей части азиатского пространства (помимо уже упомянутых регионов этого континента), где наблюдаются лишь отдельные очаги подобию «цветных революций».

Итак, почему именно по вышеуказанным линиям пролегал наиболее активная зона нестабильности и социального напряжения? Если рассматривать эти аномалии как результат и внешнее проявление глубинных противоречий и разногласий между странами, то следует анализировать не только их социально-политическое устройство и экономическое состояние, но и то, как они соотносятся друг с другом по социокультурным основаниям¹. Для лучшего понимания сути происходящего необходимо обратиться к тому, что представляют собой культурно-цивилизационные системы и каких типов они бывают.

Понятие «культурно-цивилизационная система» введено в научный оборот относительно недавно и используется применительно к тем или иным общественным структурам для характеристики их «в качестве единого целого одновременно с двух сторон — со стороны их культурной принадлежности и вовлеченности в цивилизационные процессы»². Именно такой взгляд на общество позволяет раскрыть глубинные основания современных межкультурных противоречий. В данном контексте культуру можно определить как творческую деятельность людей, направленную на преобразование окружающего человека мира и самого человека, включая и результаты этой деятельности. Это также и совокупность верований, обычаев, ценностей, традиций, этических норм и тому подобного, что составляет духовную основу жизнедеятельности людей. В этом смысле любая национальная культура обособляет, а по существу, разделяет не только отдельных людей, но и различные их сообщества. Здесь и кроются корни множества разногласий, конфликтов и столкновения интересов.

Однако в реальности мы видим не только конфронтацию и противоборство, но и кооперацию, конструктивное взаимодействие людей. А происходит это на несколько иной — цивилизационной — основе, формирование которой связано с появлением государства и которая к настоящему времени имеет различную степень развитости у разных народов. Цивилизованность как раз и является интегрирующим фактором в общественных отношениях. При этом важно подчеркнуть, что понятие «цивилизация» возникло намного позже

самого явления, которое оно описывает, — в Новое время, когда появилась необходимость культивировать такие ценности нарождавшихся тогда капиталистических отношений, которые базируются на правовой основе, разделении властей и характеризируются смягчением нравов, уважением к правам человека и т. п. С введением терминов «цивилизация», «цивилизованность» и других, производных от *lat. civilis* (гражданский, государственный, правовой), появилась возможность гораздо лучше описывать общество с точки зрения его социокультурной обустроенности, уровня развития государственности, правовых и политических отношений³. Цивилизация, таким образом, является как бы оборотной стороной культуры, то есть это культура отношений, основанных на праве, соблюдении общепринятых ценностей и норм поведения.

В итоге мы приходим к вопросу о культурно-цивилизационном взаимодействии, когда культурная составляющая оказывается неотделимой от цивилизационной и наоборот. Такой подход приобретает особую актуальность теперь, когда под влиянием многоаспектной глобализации человечество стало планетарным явлением и возникла потребность увидеть единство всего этого общественного организма в его многообразии и взаимосвязи. Наиболее адекватно такой конгломерат можно понять в культурно-цивилизационном контексте, причем не только относительно мирового сообщества в целом, но и касательно составляющих его частей, взятых по отдельности, когда они выступают в качестве самостоятельных культурно-цивилизационных систем. В связи с этим правомерно проводить различие между отдельными культурно-цивилизационными системами, но не сравнивая их по принципу «лучше или хуже», а выявляя характерные для каждой из них возможности культурного и цивилизационного взаимодействия. Так, чем больше обнаруживается культурно-цивилизационное совпадение различных стран и народов, тем легче и активнее складывается между ними атмосфера взаимопонимания и сотрудничества. И как только мы начинаем смотреть на мир с таких позиций, так все то, что по сложившейся традиции именуется самостоятельными культурами или цивилизациями, предстает, образно говоря, не в «плоскостном», а в «объемном» измерении. При этом социальные конфликты и потрясения в виде «цветных революций», санкций и тому подобного перестают быть случайными явлениями, поскольку их природа проясняется через взаимодействие и противостояние различных культурно-цивилизационных систем.

Возвращаясь к «поясам нестабильности», отметим, что тот из них, который опоясывает западноевропейскую культурно-цивилизационную систему, обусловлен не непосредственным соприкосновением, а фактически столкновением данной системы с примыкающими к ней весьма отличными североафриканской, ближневосточной и восточноевропейской культурно-цивилизационными системами. Особый интерес пред-

¹ Куда движется век глобализации? : сб. ст. / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014.

² Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2017; 2021. С. 369.

³ Бенвенист Э. Цивилизация. История слова. Общая лингвистика. М., 1974 ; Гордон А. В. Цивилизация Нового времени между мир-культурой и культурным ареалом : науч.-аналит. обзор. М., 1998.

ставляет линия культурно-цивилизационного разлома, проходящая между российской и центральноазиатской культурно-цивилизационными системами. Помимо религиозного фактора, усиливающего различия этих систем, главное все-таки заключается в том, что среднеазиатские республики (как и современная Россия) являются отколовшимися фрагментами некогда единой для них бывшей советской культурно-цивилизационной системы.

Примечательно, что на стыке таких культурно-цивилизационных систем, как российская и китайская или центральноафриканская и южноафриканская, процессы, аналогичные вышеописанным, не просматриваются, поскольку между ними нет той большой разницы в уровнях цивилизационного развития, которая

создавала бы довольно сильное напряжение на стыках их культурно-цивилизационных систем. Что касается Северной и Южной Америки, Тихоокеанского региона, Австралии или Японии, то они в определенной мере застрахованы от «цветных революций» тем, что практически не стыкуются с другими культурно-цивилизационными системами, будучи отделены от них, как правило, океанскими просторами.

В заключение отметим, что в пределах короткого доклада анализ столь сложной темы не может быть полным, тем более завершенным; к тому же он не подменяет и не исключает иных подходов к исследованию данной темы, являясь лишь попыткой по-другому посмотреть на то, что весьма актуально и нуждается в серьезном осмыслении.

Я. Г. Шемякин¹

ТИП РАЦИОНАЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ: О ДУХОВНЫХ ФАКТОРАХ СОВРЕМЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Главной линией водораздела, по которой проходит геополитическое размежевание современного мира, является противостояние двух тенденций — утверждение (в той или иной форме) западной гегемонии и формирование полицентрического мироустройства, что означает столкновение двух противоположных по своей сути альтернатив развертывания цивилизационного процесса. В основе каждой из этих альтернатив лежит соответствующий ей тип рациональности.

Главные черты духовного облика современного коллективного Запада определяет «формальная» рациональность, в которой, как убедительно показал М. Вебер, воплотился «дух капитализма»². Попытка обобщить результаты исследований как самого М. Вебера, так и представителей «веберовского ренессанса» 1970–1980-х годов привела автора этих строк к выводу, что можно выделить три главных признака этого типа рациональности:

1) «всеобщая калькулируемость»: имеют значение только и исключительно количественные характеристики того или иного объекта познания (явления, про-

цесса и т. д.), качественные характеристики в расчет не берутся. Проще говоря, все можно сосчитать;

2) всеобщая познаваемость: раз все можно сосчитать, все можно познать. Нет и не может быть никаких сфер действительности, которые не могли бы быть освещены светом разума, есть только еще не познанные человеческим разумом, нет никаких тайн, в принципе ему недоступных: «мир расколдован»³;

3) раз все можно познать, миром (во всяком случае в той его части, которая доступна человеческому воздействию) можно управлять. А раз так, то и человека в принципе, опираясь на совокупность данных различных наук, можно запрограммировать, полностью определив его поведение во всех сферах жизни и лишив тем самым свободы выбора.

Разумеется, к этому типу рациональности западная цивилизационная традиция несводима: в духовном космосе «фаустовской» цивилизации всегда наличествовали и иные, в том числе прямо противоположные по своему содержанию «формальной» рациональности, разновидности разумности⁴ (которые в настоящее время проявляют себя очень слабо, не оказывая сколько-нибудь значимого воздействия на общий духовный климат западноевропейского и североамериканского обществ), однако главные цивилизационные характеристики Запада определяет именно формально-рациональный подход к формированию основных направлений и характера человеческой деятельности в ключевых областях социального бытия.

Представляется особенно важным следующее обстоятельство. Дуальная оппозиция веры и разума, двух основных способов духовно-практического освоения человеком мира, противоречие между которыми слу-

¹ Главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории», «История мировых цивилизаций. XX век», «В поисках смысла. Из истории философии и религии», «Латинская Америка: традиции и современность» и др.; глав в коллективных монографиях: «Иberoамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации», «Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям» и др.; статей: «Еще раз к вопросу о специфике гуманитарного знания в свете проблематики сравнительных цивилизационных исследований», «Культурный трансфер как взаимодействие идентичностей: опыт различных цивилизационных типов в универсальном контексте», «Постколониальные проблемы межцивилизационного диалога» и др. Член Ассоциации исследователей иberoамериканского мира. Отмечен Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ.

² Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

³ Вебер М. Указ. соч. С. 714.

⁴ См.: Шемякин Я. Г. Колумб, открывший Другой Свет: вера в разум в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка. 2007. № 3. С. 78–92.

жит главным источником развития творческих потенций *Homo sapiens*, человеческой культуры, приобретает в рамках формально-рационального видения характер антагонизма. Причем полюс веры практически полностью подавлен, его связь с противоположным полюсом рации блокирована, в результате их противоречие не может развернуться, источник развития «пересыхает», что приводит к глубочайшему кризису цивилизации, разрушению ее духовной основы — процессу, который зафиксировал Ф. Ницше в своей знаменитой формуле «Бог умер». Хотя появление «формальной» рациональности исторически связано со становлением определенной христианской конфессии, протестантизма с его освящением мирской деятельности (и соответственно успеха в этой деятельности), все же по своей главной интенции данный тип рациональности противоположен религиозному сознанию как таковому в любой его разновидности, ибо из принципов формально-рационального подхода прямо следует отрицание реальности тех измерений вечности и бесконечности в человеке, которые и являются фундаментом полюса веры в его духовном космосе.

«Формальная рациональность» осуществила и по сей день продолжает осуществлять мощную экспансию по всему миру. Однако ни на одном из этапов исторического развития она не могла полностью подавить иные разновидности человеческого рации, наличествующие в духовном строе неевропейских культур, в первую очередь основных цивилизаций незападного мира. Особенно ярко они проявляют себя в духовном строе стран БРИКС, базирующемся на соответствующих цивилизационных традициях. Все они, разумеется, сильно отличаются друг от друга. Тем не менее, несмотря на очевидную колоссальную разницу между конфуцианской в основе своей рациональностью Китая, индуистской рациональностью Индии, иберокатолической рациональностью Латинской Америки, рациональностью ислама, пожалуй, наиболее ярко проявившей себя в суфийской традиции, попытки обосновать особый «африканский» тип мышления в рамках концепции *убунту* в Южной Африке, православным рации России, опирающимся на византийское наследие, все они относятся к одному типу, качественно отличному от «формальной» рациональности. Наиболее точно его специфику можно выразить с помощью термина «ценностная рациональность»¹. Главное, наиболее существенное отличие ее от «формальной» рациональности: ключевое значение придается качественным характеристикам объектов познания и деятельности человека разумного. Стержнем, пронизывающим этот тип мышления и обуславливающим его цельность, является процесс целеполагания: здесь всегда присутствует представление о высшей цели, стремление к которой в конечном счете — единственное, что придает смысл формально-логическим операциям. В силу этой особенности данный тип рации не замкнут на себя, в отличие от «формальной» рациональности, и потому открыт для поиска путей создания каналов коммуникации с полюсом веры и достижения того баланса между верой и рации, который не-

обходим для обеспечения онтологического равновесия цивилизации².

Подобное равновесие, не исключая глубокой противоречивости взаимосвязи полюсов духовного космоса, в то же время предполагает, что их противоречие перестает носить характер антагонизма³. Баланс между верой и рации необходимым образом предполагает отказ от абсолютистских претензий человеческого разума и соответственно от постулируемых формально-рациональным подходом претензий на потенциальное всеведение и всезнание, а значит, и признание того, что невозможно достичь идеала тотальной управляемости доступной *Homo sapiens* частью мироздания, в том числе и самим человеком.

Именно на ценностной рациональности, опирающейся на собственные цивилизационные традиции, основано то альтернативное западнцентристскому подходу понимание феномена модернизации, которое объединяет, в частности, членов БРИКС⁴. В его основе — идея о том, что ни о каком подлинном обновлении не может быть речи, если не достигнута цель творческого синтеза местной цивилизационной традиции и базовых ценностей модернизации — свободы выбора во всех сферах деятельности и рациональности. Ценностей, впервые сформулированных и воплощенных на практике в ареале «фаустовской» цивилизации, но универсальных по сути⁵.

Именно ценностная рациональность лежит в основе того (наиболее ясно и полно сформулированного М. Бахтиным) принципа диалога, который служит главным духовно-ценностным обоснованием движения к полицентричному миру⁶. Ядро бахтинской концепции — такое решение проблемы Другого, которое предполагает рассмотрение его как равноправного участника диалогического общения, сохраняющего свою идентичность и включение в собственное жизненное и смысловое пространство осуществляющей постоянный процесс самоидентификации цивилизации в качестве его неотъемлемой составляющей.

Такой подход прямо противостоит тенденции монологизации диалога (то есть превращения его в собственную противоположность), основанной на логике «формальной» рациональности⁷.

Именно ценностно-рациональный подход к реалиям человеческой жизни типичен для религиозно-философских систем незападных цивилизационных традиций.

² См.: *Шемякин Я. Г.* БРИКС в свете цивилизационного подхода // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 28–38.

³ См. подробнее: *Шемякин Я. Г.* Парадокс как когнитивная основа цивилизационного исследования. К вопросу о роли предпосылочного знания // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 146–148.

⁴ Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. М.: Аквилон, 2018. С. 178–310; *Шемякин Я. Г.* БРИКС в свете цивилизационного подхода.

⁵ *Шемякин Я. Г.* Модернизация как процесс межцивилизационного взаимодействия // Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. М.: Наука, 2015. С. 107–146.

⁶ *Шемякин Я. Г.* Принцип диалога как духовная основа движения к полицентричному миру // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб.: СПбГУЦ, 2022. С. 304–306.

⁷ См.: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Книга по требованию, 2013. С. 197, 328–329, 336, 353–354, 366.

¹ *Вебер М.* Указ. соч. С. 21.

Учитывая ограниченный объем данного доклада, позволю себе сослаться в связи с этим лишь на два примера, не имея возможности их проиллюстрировать. На мой взгляд, принцип ценностной рациональности нашел особенно яркое проявление в одном из главнейших конфуцианских канонных «Да сюэ» («Великое учение»), установки которого сохраняют актуальность для современного Китая¹) и концепции великих каппадокийцев (Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов, он же Григорий Назианзин), получив-

шей дальнейшее развитие в современной творческой православной мысли².

Анализ современной ситуации неизбежно приводит к выводу, что духовное пространство незападных цивилизаций являет собой в настоящее время картину крайне напряженного и в высшей степени противоречивого взаимодействия двух типов рациональности: формальной рациональности Запада и ценностной рациональности, опирающейся на собственное культурное наследие этих цивилизаций.

О. Д. Шемякина³

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЛОГИКИ КАТАСТРОФ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ УДЕРЖИВАНИЯ ВЛАСТИ НА БОЛЬШИХ ТЕРРИТОРИЯХ, ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ ИГРЫ ОБМЕНА, ПРОНИЦАЕМОСТЬ ГРАНИЦ «СВОЕГО–ЧУЖОГО» В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Территория Евразии является зоной сверхинтенсивных человеческих контактов — от масштабных геополитических, культурных, религиозных, экономических до локальных, происходящих на микротерриториях, охватывающих сферу повседневности. Понимание этих контекстов в категориях конфликтов — бинарных, тернарных или более сложных по составу участников — обостряет чувствительность к реальным противоречиям, происходившим или происходящим на континенте. Тиражирование подобной оптики информационными системами превращает отношения конфликта в факт массового сознания, достаточно вспомнить многократные апелляции к так называемой ловушке Фукидида.

Ловушка Фукидида — метафора масштабных конфликтов, которые притягивают особое внимание историков событийной истории. Она стягивает в одно смысловое поле конфликты древности и современности и является манифестом масштабной опасности, на-

ступающей, когда набирающая силу держава соперничает с державой, в руках которой в это время находится власть, как это делали Афины в V веке до н. э. и Германия в конце XIX века. Большинство таких ситуаций соперничества оканчивались войной⁴. Модельной ситуацией являлись описанные Фукидидом Пелопонесские войны между Афинами и Спартой. Конфликт проходил стадии страха, вызванного поразительным подъемом Афин, угрозы, конкуренции, конфронтации и войны, которая разрушила оба государства⁵. В ловушку попадали втянутые в конфликт стороны, и заканчивался он поражением втянутых в конфронтацию.

В настоящее время предметом горячих дискуссий является обсуждение вопроса о том, насколько вероятно этот сценарий будет реализован в отношениях США и Китая⁶. Интерес к этому виду конфликта продиктован масштабом взаимного разрушения, в котором логика соперничества порождает эскалацию столь масштабного насилия, что возникает угроза нарастания хаоса рисков для человеческого сообщества, превосходящего по размерам конфликт первоначально втянутых в него сторон.

Логика развертывания конфликта — и масштабного, и локального — обнажает безусловность негативных последствий его эскалации, а для сознания исследователя эти негативные проявления человеческой деятельности (как ни парадоксально) являются комфортными из-за нахождения в зоне определенности. Ориентация в линиях разделения и противостояния сторон, завершения и исчерпывания конфликта создает иллюзию формальной ясности, необремененную одновременным присутствием других, противоположных, тенденций.

Военные конфликты на территории Евразии с древнейших времен приводили к масштабному перекра-

¹ Кобзев А. И. «Великое учение» и учения великих конфуцианцев. М.: Издат. дом «Экономическая газета», 2011. С. 24, 29, 30, 32; Малявин В. В. Восток, Запад и Россия. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2005. С. 310, 311, 314.

² Григорий Нисский. Большое согласительное слово, разделенное на сорок глав // Мистическое богословие восточной церкви. М., 2001; Флоровский Г. В. Восточные отцы IV в. М., 1992; Померанц Г. С. Выход из транса. М.: Юрист, 1995. С. 332–335; Он же. Вокруг предвечной башни // Дружба народов. 1996. № 10. С. 152–153; Чурсанов С. А. Троичный принцип единства в различии в богословии великих каппадокийцев и православной антропологии XX–XXI веков // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России: материалы конф. (2007–2015). М.: Древлехранилище, 2015. С. 105–114.

³ Научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Непрямое зрение: возможность увидеть смыслы истории в повседневности», «О видимом и невидимом в российском социокультурном пространстве. Российский опыт в универсальном контексте», «Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст», «Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога», «О принципах описания границ традиционной культуры в модерн-эпоху», «Конфликт и стратегии интеграции в „связанной истории“ Евразии: проблема соотношения» и др.

⁴ Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? Boston; N. Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

⁵ Глянц М. Г., Росс П. Дж. Один пояс и один путь. Долгий марш Китая в 2049 год. М.: Междунар. отношения, 2021. С. 252.

⁶ Там же.

ванию границ, усложняя полиэтничный состав новых территорий, увеличивая многообразие правовых традиций, создавали неизбежность сосуществования различных религиозных систем. Удерживание власти на больших территориях ставило задачу выстраивания последовательных мер по централизации власти — от строительства дорог и фортификационных сооружений до централизации управления.

Масштабы территориальной экспансии, многообразие человеческих миров, включенных в политику, были таковы, что управление этим многообразием, несмотря на стремление к централизации, неизбежно было обречено на поиск компромисса с рассыпающейся множественностью человеческих миров, необходимого для того, чтобы удержать власть. Как ни парадоксально, но частотность и длительность конфликтов порождали противоположную тенденцию — поиска стратегий интеграции или, иными словами, дискурса единения. А это означало поиск разнообразных форм компромисса: от системообразующих до локальных и казуальных.

Распространение власти на большие территории было результатом масштабной экспансии, в которой конфликт играл значимую роль, но освоение властью пространства предполагало как реализацию сложнейшей комбинаторики дискурсов насилия, так и признание властью значимости местных традиций (управленческих, правовых, религиозных и т. д.) на завоеванных территориях¹.

Обращение к имперскому опыту России, география власти которой распространялась на различные по времени вхождения регионы, отличающиеся по степени удаленности от имперского центра, уровню социально-экономического развития, разнообразные по этническому и конфессиональному составу², дает богатейший материал для изучения исторически апробированных практик удержания власти в условиях доминанты многообразия.

Установление внутреннего мира и межрегиональных связей было невозможно без усложнения политико-административного ландшафта власти, с сохранением (иногда трансплантацией уже апробированных на других окраинах) властных архаических институтов («инородческое», «военно-народное» управление) и моделей управленческого поведения³, с созданием квазиадминистративных институтов (частные компании, экспедиции), что предполагало высокую степень частной инициативы, лишь координируемой и направляемой государством⁴.

Обращение к историческим практикам достижения социального порядка в сложносоставных полициях может быть дополнено опытом взаимодействия социальных миров, возникающих в результате пересечения внешнего контура государства. Взаимодействие, которое являлось результатом не сознательного конструи-

рования стратегий управления территориями политий, а пронизывания территории Евразии трансконтинентальными торговыми путями, породившими институт номадизма и посредничества, невозможно без выработки многовековых традиций адаптации к меняющимся культурным средам, включенным в масштабные игры обмена.

Евразийский широтный коридор степей, пустынь и полупустынь, соединяющий страны Леванта и Китая, стал основой беспрецедентной в мировой истории ландшафтной оси, пронизывающей Восток и Запад и ставшей предпосылкой динамизации социальной жизни континента⁵.

Евразийский коридор стал зоной сверхинтенсивных контактов, динамизирующих контуры социальной жизни оседлого населения, включенного также в процессы обмена, взаимодействия разных религиозных традиций и влияния множества локальных принадлежностей. Оседлое население, постоянно испытывавшее давление как со стороны народов, ведущих кочевой образ жизни, так и со стороны особой категории людей, основным занятием которых было посредничество, и само было вынуждено постоянно меняться. Процесс идентификации носил текучий характер, находясь в процессе постоянного обновления и смены⁶. Переход с одной семиотической системы к другой был характерен и для взаимодействия языков, породивших особую культуру перевода, действующую вдоль торговых маршрутов⁷.

Конфликты на территории Евразии (как внутренние, так и внешние) невозможно рассматривать вне контекста этого широтного коридора, который подчинял социальность своей логике. Войны, масштабное перекраивание границ, строительство дорог представляли собой этатистский проект освоения пространства, а перемещение людей, товаров и технологий подчинялось особой логике освоения, которая складывалась веками и была связана с использованием ресурсов территорий, через которые проходил этот коридор. Этот вид взаимодействия с пространством был трансграничен по отношению к отдельным политиям.

Проницаемость границ евразийского пространства на капиллярном уровне, уровне микротерриторий, индивидуальных коммуникаций порождало множество вкраплений или инклюзий первоначально чуждых культур друг в друга, насыщая культурные стереотипы противоречиями и проблематизируя логику противостояния. Британский и российский опыты освоения, колонизации территорий разительно отличались. А. В. Ремнев, ссылаясь на Ф. Ф. Вигеля, проехавшего в 1805 году через Сибирь в составе посольства графа Ю. А. Головкина в Китай, отмечал, что британская политика в американских колониях сослужила плохую

⁵ Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ, 2010.

⁶ Абашиш С. А. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. С. 235–236.

⁷ От берегов Босфора до берегов Евфрата // Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н. э. / пер., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. М.: МИРОС, 1994. С. 3–50; Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с фр. под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой; вступ. ст. Е. Е. Дмитриевой. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 712–734.

¹ Шемакина О. Д. Конфликт и стратегии интеграции в «священной истории» Евразии: проблема соотношения // Преподаватель XXI век. 2022. № 3, ч. 2. С. 296–306.

² Ремнев А. В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: Моск. общественный науч. фонд, 2001. С. 317.

³ Там же. С. 319.

⁴ Там же.

службу метрополии, и Англия не только утратила эти колонии, но и обрела в их лице опасных соперников¹.

Другое дело Россия, убеждал Ф. Ф. Вигель, которая смотрела на Сибирь, «как богатая барыня на дальнее поместье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управление коего совершенно вверено приказчикам <...> Поместье всегда исправно платит оброк золотом, серебром, железом, мехами: ей только и надобно <...> Такое дремотное состояние Сибири, как он считал, было только на пользу России, именно оно обеспечило то, что все осталось в руках государства, а не было разбазарено частными лицами. Поэтому Сибирь, „как медведь“, сидит у России на привязи»².

Британский колониальный проект предполагал не только сокращение дистанции, но и демонстрацию цивилизационного превосходства британцев над индийцами, которое сопровождалось оценочно нагруженными эмоциями негативного свойства — высокомерием, брезгливостью, надменностью и взрослой снисходительностью по отношению к местным как к неразумным детям³. Прочерчивая границы отчужденности между мирами, европейцы экспозиционировали неприязнь, нацеленную на отдаление своего сообщества от чужого «способами, заимствованными у этих чужаков: громко, по-английски неграмотно, медленно, несдержанно. Представляется, что усвоенные элементы восточной эмоциональности не давали европейской общине закапсулироваться и оказаться в полной изоляции. Напротив, индизированные способы экстерииоризации протягивали мостики, соединявшие оба сообщества, создавая каналы для установления чувственного, мимического, кинетического взаимопонимания между двумя мирами. В этой зоне контакта и сформировался гибридный эмоциональный англо-индийский стиль»⁴.

В результате преодоления отчуждения рождалась принадлежность к территории, которая выражалась понятиями «общность», «взаимозависимость» и «привязанность»⁵. Текст «Оды Бомбею» Р. Киплинга, родившегося в Бомбее, в переводе Е. Ваниной в поэтической форме отражает эту идею принадлежности к территории. И об этой стороне творчества английского поэта и писателя нужно помнить:

Благословляем мы город родной
И силу, что он дает.

Он клятва, которой мы верность храним
До самых последних дней.
Он стал моей славой, дыханьем моим,
Влюбленностью глупой моей,
Он связан со мною, я связан с ним,
И нет этих уз прочней.

И слава богу, что я рожден
Не где-то в туманной дали,
Среди враждебных племен,
Там, на краю земли,
Что полон достоинства он,
И мы им гордиться могли⁶.

Память об исторических практиках взаимодействия власти и далеких периферий империй, трансконтинентальные игры обменов, породившие перемещение людей, товаров, идей и технологий, рождение множественных, динамически подвижных идентичностей в процессе взаимодействия культур на уровне индивидуальных коммуникаций предохраняет от погружения в логику катастроф, обособлений и проведения внешних контуров, состоящих из красных линий. Если мир Евразии был, исключая периоды войн, так цветуще сложен прежде, так почему бы ему не быть таким и в будущем?

О. Ю. Юхнина⁷

ГРАНИ «НОВОЙ ЭТИКИ»: «КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

На протяжении нескольких лет в медиа и дискуссиях устойчиво присутствует выражение «новая этика» и обсуждается, чем она отличается от старой. Где грань между защитой прав одного и нарушением прав дру-

гого? Сегодня сложно избежать столкновения «старых установок» и «новой реальности», когда внимание акцентируется на темах гуманизации общества, а принятые прежде поведенческие кодексы трансформируются, и при этом неэтичное и этическое в устоявшемся понимании нередко меняются местами. У нас появилось больше терминов и инструментов, которые помогают уловить, понять и описать этот опыт.

¹ Ремнев А. В. Указ. соч. С. 320–321.

² Там же. С. 321.

³ Сидорова С. Телесные рецепторы и внешние раздражители: сенсорный опыт британцев в Индии // Под небом Южной Азии. Стыд и гордость: введение в стандарты и практики эмоций / рук. проекта и отв. ред. И. П. Глушкова. М.: ИДВ РАН — Вост. лит., 2021. С. 326.

⁴ Там же.

⁵ Бочковская А. Территория и принадлежность в теоретическом дискурсе. Проблема толкования ключевых понятий // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств / рук. проекта и отв. ред. И. П. Глушкова; отв. ред. А. В. Бочковская. М.: Наука — Вост. лит. С. 51.

⁶ Киплинг Р. Ода Бомбею // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность... С. 547.

⁷ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат искусствоведения, доцент. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Реалистический поиск в художественной культуре XX века: опыт гиперреалистичного самопознания» (в соавт.), «Искусство гиперреализма как выражение адекватного самосознания современности» (в соавт.), «Архитектура Петербурга XXI века. Возможные пути развития городской среды», «Становление русской национальной культуры в эпоху нового времени», «VR-технологии в современном искусстве», «Public art: современное искусство в пространстве городской среды» и др. Награждена Почетной грамотой ФНПР.

История появления этого понятия давняя, и связана она с именем Хелен Штекер, основательницы движения за права женщин *Neue Ethik* («Новая мораль»), которое сложилось на рубеже XIX–XX веков и провозглашало необходимость эмансипации, требуя либерализации сексуальности, доступа к социальным благам и образованию, вступления в брак исключительно по любви между мужчиной и женщиной. В этих повестках первой волны немецкого феминизма можно видеть, пусть и косвенно, предпосылки к современным дискуссиям¹.

В середине XX века Эрих Нойманн — писатель, психолог, один из учеников К. Г. Юнга — изложил концепцию «новой этики» в своей книге «Глубинная психология и новая этика»², где на основе проведенного им анализа слабых сторон существующей системы этических ценностей обозначил как главную для современного человека проблему зла и призывал к нравственной зрелости и личной ответственности каждого перед лицом будущего.

По мнению Э. Нойманна, современный человек в первую очередь должен осознать свою собственную «темную сторону» — то зло, которое заключено в нем самом, хотя нам свойственно с легкостью обнаруживать эту сторону в других людях, на основании чего мы делим индивидов, народы, расы на плохих и хороших, достойных и недостойных, высших и низших. Э. Нойманн в своей книге утверждает, что «старая этика» не способна решить актуальную проблему нравственности современного человека. «Новая этика», по его мнению, позволит человечеству принять ответственность за негативные поступки и стать терпимым к себе.

Понятие «новая этика» сегодня образовало некую конструкцию, которая дискутируется в разных языковых пространствах и вызывает живой интерес в среде российских интеллектуалов.

Так, Элла Россман пишет, что понятием «новая этика» сегодня маркируют множество явлений, включая протесты против расизма, «культуру отмены», борьбу с харассментом, новую волну феминизма, политику идентичности, инклюзивность, обсуждение личных границ и другое³.

«Новая этика» заимствует и практики *cancel culture* (*англ.* культура отмены), которая не только стала темой социально-политического дискурса, но и вошла в повседневность. Возникают вопросы о происхождении понятия и причинах актуализации подобной проблематики.

В 2019 году в статье «Those People We Tried to Cancel? They're All Hanging Out Together» Джон Макдермотт рассказал о подобном опыте Кэти Херцог, которая, будучи малоизвестной журналисткой-фрилансером, живущей в Сизтле, опубликовала статью в *The Stranger* о трансгендерных людях, после чего была вы-

теснена из социальных и профессиональных кругов. Про таких людей говорят что они «отменены».

Эта практика становится все более популярной, когда речь идет о публичном обсуждении недопустимого поведения или высказывания в отношении человека, выступающего с дискриминационными взглядами.

В попытках привлечь к ответственности публичных людей возникают перегибы и, как следствие, страхи и опасения, что это может принципиально изменить форматы общения в публичном поле, поскольку неосторожное высказывание или действие может привести к краху карьеры и даже создать угрозу личной безопасности человека.

Относиться спокойно к подобной практике «культуры отмены» невозможно, есть опасения ее повсеместного распространения и даже «общественного диктата».

Самая громкая история подобной травли связана с именем Джоан Роулинг, которую обвинили в трансфобии, когда она публично поддержала активистку Майю Форстейтер, чья публикация в «Твиттере» о трансгендерных женщинах стала причиной не только преследований, но и непродления трудового контракта. Это резонансное событие послужило поводом для публикации в журнале *Nature's Magazine* «Письма о справедливости и открытых дебатах», авторы которого полагают, что «культура отмены» ограничивает свободу слова, а принятые меры общественного остракизма не соответствуют проступкам.

«Свободный обмен информацией и идеями — живая основа свободного общества — с каждым днем становится все более ограниченным... нетерпимость к противоположным взглядам, мода на публичное осмеяние и остракизм, а также тенденция сводить сложные политические вопросы к слепой уверенности в собственной правоте... А еще больше вызывает тревогу то, что общественные лидеры, стремясь к контролю над паникой, наносящей вред обществу, склонны применять поспешные и несоразмерные наказания вместо обдуманных реформ», — говорится в этом письме.

Под этим письмом подписались 152 человека — всемирно известные деятели культуры и искусства, мыслители, журналисты, писатели, профессора университетов, среди которых Фрэнсис Фукуяма, Фарид Закария, Маргарет Этвуд, Глория Стайнем, Кэти Херцог, Джоан Роулинг.

О ценности личности, запрете на насилие, дискриминацию, притеснение и свободе самовыражения сторонники «новой этики» говорят как о сакральном знании, доступном только им, одновременно объявляя вне общества и морали тех, кто придерживается иных взглядов. Это чревато новыми формами насилия: ограничением публичного выражения инакомыслия, замалчиванием противоположных мнений. Постулируя, казалось бы, старые нормы и ценности, «новая этика» пользуется инструментарием, способным догматизировать новые установки, утрачивая при этом способность уважать чужое мнение, отрицая свободу мысли и слова.

¹ См.: Кротовская Н. Г., Кулагина-Ярцева В. С. «Новая этика», истоки и современность (обзор) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11, № 2А. С. 241–259.

² Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. СПб.: Академ. проект, 1999.

³ Россман Э. Как придумали «новую этику»: фрагмент из истории понятий // Сигма: [сайт]. 2020. 27 сент. URL: <https://syg.ma/@ella-rossman/kak-pridumali-novuiu-etiku-fraghmiient-iz-istorii-poniatii> (дата обращения: 23.05.2023).

Социологи считают «культуру отмены» современной формой общественного бойкота, при котором человек, организация, бренд или, как мы видим на примере последнего времени, страна и целый народ исключаются из профессиональных, государственных, любых других форм взаимодействия.

Подобное явление как внутренний процесс можно было наблюдать в исторической практике разных государств (пример — остракизм в древних Афинах, где путем голосования принималось решение об изгнании определенных жителей из полиса и подобная практика объявлялась выражением демократии, выбора и соблюдения норм общества), включая и нашу страну в определенный период.

Но именно сегодня в результате развития современных средств коммуникации (медиа, социальных сетей) мы наблюдаем процесс активного сетевого взаимодействия, когда «культура отмены» становится угрожающей.

В пространстве социальных сетей появляется инициативная группа, которая своими сообщениями формирует некий нарратив, вводит его в тренды медиaprостранства, далее создает иллюзию массовой поддержки этого стандарта, а затем делает возможной отмену противоположной установки. При этом человек, который не высказался в пользу нового нарратива или сохраняет нейтралитет, также объявляется отмененным.

Безграничная власть общественного мнения, которая манифестирует и показывает себя через социальные сети, каждому безграмотному и некомпетентному человеку дает право и возможность высказаться и запустить некую волну истерики в адрес отменяемого объекта.

Благодаря мгновенному распространению информации, опровергнуть которую зачастую сложно, социальные сети создают специфические условия для травли тех, кто «не соответствует» тенденциям, взглядам. Создается впечатление идеологической смирительной рубашки, которую готовы надеть на всех, кто не «в тренде», не прогрессивен, не стремится видеть повсюду неэтичность, расизм, гендерную принадлежность.

Такая практика «отмены» применялась и к государствам: в конце XX века мы наблюдали этот процесс в отношении Югославии и сербского народа, тогда целью экономического и политического бойкота было воздействие на ценностные ориентиры и логику исторического развития, изменение их в соответствии с представлениями Запада. Культура не стала исключением: Югославию на 10 лет буквально «выдавили» из мировых культурных процессов. Это был первый опыт «отмены» западным миром целого народа.

Сейчас мы наблюдаем похожие процессы: теперь уже против нашей страны направлена вся мощь «культуры отмены», приобретающей в отношении России особую специфику, поскольку она касается не только

отдельных личностей, но и традиций, обычаев, культуры целого народа, так что само слово «русский» становится табуированным.

Возможно ли стереть из мировых художественных процессов Государственный Эрмитаж, Третьяковскую галерею, музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, исключив их из «Группы Бизо», организованной в 1992 году Ирен Бизо, генеральным секретарем Объединения музеев Франции, для налаживания связей и совместной реализации международных проектов и межмузейного взаимодействия? Допустимо ли исключить из Всемирной федерации музыкальных конкурсов одно из важнейших событий международного музыкального сообщества — Конкурс им. П. И. Чайковского? Организаторы Венецианского, Каннского, Берлинского кинофестивалей отстранили от участия в них российские делегации. Голливуд отказался предоставлять России права на демонстрацию своих фильмов. Онлайн-кинотеатр Netflix прекратил работу в нашей стране и остановил сотрудничество с российским кинематографом. В Миланском университете отменили курс лекций, посвященных творчеству русского писателя Ф. М. Достоевского. Германия призвала прекратить сотрудничество с Россией в области образования и науки, о чем заявила глава Министерства образования и исследований Германии Беттина Штарк-Ватцингер, а депутат Европарламента Кристиан Элер призвал ЕС последовать примеру Германии, заявив, что нужно прекратить все научно-исследовательское сотрудничество между странами Евросоюза и Россией.

Против «культуры отмены» в отношении русской литературы и искусства выступил президент Италии Серджио Маттарелла, заявив в интервью *Corigiere della Sera*, что русская культура является неотъемлемой частью многовековой европейской истории.

Следует вспомнить, что «культура отмены» как явление внутриамериканское и прежде всего американское сформировалась независимо от России и текущего конфликта и начиналась с демонстративного отторжения того, что не вписывается в новую идеологическую парадигму, будь то книги, фильмы, публичные личности и их взгляды.

Надо понимать, что «культура отмены» — не просто массовое движение, это набор технологий и инструментов управления, позволяющих добиваться определенных результатов в общественно-политической сфере.

Культура всегда объединяла народы, была платформой общественных движений, выстраивала диалог между людьми разных традиций и миропониманий, была источником идей и вдохновения. В этом ее миссия, которая ныне забыта. Возможно ли сегодня отменить великую русскую культуру с ее многовековой историей и духовными традициями?

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Г. ГАЛИС	президент Международного научно-исследовательского института мира в Женеве (GIPRI, Швейцария)
Е. М. ГАШКОВА	старший преподаватель кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент
А. А. ГУСЕЙНОВ	директор Института философии РАН (Москва), академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Е. Г. ДРАПЕКО	первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания РФ по культуре (Москва), депутат Госдумы РФ, кандидат социологических наук, Заслуженная артистка РСФСР
В. Ю. ДУНАЕВ	главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алма-Ата), доктор философских наук, профессор
Т. И. ЕРОХИНА	первый проректор Ярославского государственного театрального института им. Ф. Шибигина, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор, Почетный работник сферы образования РФ
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
Е. А. ИЛЬИНСКАЯ	профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии
Л. К. КРУГЛОВА	профессор кафедры философии, психологии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург), доктор философских наук
И. В. МАЛЫГИНА	заведующая кафедрой мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор
А. П. МАРКОВ	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор СПбГУП
С. Б. НИКОНОВА	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук
С. С. ПРОНИН	и. о. заведующего кафедрой режиссуры и актерского искусства СПбГУП, профессор, Заслуженный деятель искусств Республики Карелия
Е. В. ХАРИТОНОВА	старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент
А. Н. ЧУМАКОВ	профессор кафедры геополитики факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук
Я. Г. ШЕМЯКИН	главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (Москва), доктор исторических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, от Оргкомитета XXI Международных Лихачевских научных чтений приветствую всех присутствующих и желаю успешной работы. Для обеспечения правильного хода дискуссии напоминаю участникам о нецелесообразности повтора докладов, которые опубликованы на сайте и войдут в сборник, ограничившись упоминанием только центральных их идей. Предлагаю выступающим продолжить дискуссию, начатую на пленарном за-

седании и панельной дискуссии, и высказать собственное мнение по поводу услышанного.

Дорогие коллеги, благодарю вас за то, что вы принимаете участие в Лихачевских чтениях. Считаю, что мы вместе достойно продолжаем дело Дмитрия Сергеевича Лихачева.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Рад встретиться с присутствующими в Научной библиотеке им. Д. А. Гранина

СПбГУП, чтобы обсудить тему, которая вдруг стала острой и приобрела политический смысл. Такие понятия, как «общечеловеческие ценности», «этика», «мораль», которые казались нам привычными, вдруг приобрели скрытую силу, обнаружили некоторую мощь, попав в публичное пространство. Это показало, какое значение имеют этика, мораль, ценности и что это отнюдь не безобидные, поверхностные понятия. В повседневности и при определении ближайших целей их может быть не видно, так же как сила, заложенная в ядре, потом проявляет свою мощь в виде ядерных взрывов бомбы. Точно так же эта сила, спрятанная внутри традиционных ценностей, вдруг выявила, что это не случайные или побочные явления. Поэтому разговор, который сегодня состоится, является очень ответственным.

Предлагаю начать обсуждение Елене Григорьевне Драпеко в силу уважения, которым она пользуется в обществе, и права, которое она заслужила не только своим положением депутата, но и всей биографией.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Хочу добавить, что Елена Григорьевна в течение ряда лет являлась профессором нашего Университета. Елена Григорьевна, спасибо, что Вы с нами.

Е. Г. ДРАПЕКО: — Мне хотелось бы, чтобы наша сегодняшняя встреча была не столько лекционной, сколько дискуссионной, потому что вопросы, которые мы собрались обсуждать, до конца не решены. Сегодня вокруг них ведутся главные бои в информационном пространстве, научном сообществе и политической сфере.

Наше общество — элита (политическая, экономическая и пр.) и российский народ — разобщено и не может договориться. Российское глубинное общество предъявляет права на формирование современной этики, или нравственности, и требует выполнения своей части договора. На этом поле происходит битва за иерархию ценностей.

Среди общечеловеческих ценностей можно назвать безопасность (это самое главное требование для всех), социальную успешность (то, чего мы ждем от жизни), ценности, связанные с семьей, друзьями, и пр. Эти ценности существовали всегда и не связаны с конкретным временем.

Сегодня ведется спор об иерархии ценностей — какие из них являются главными? В 1990-е годы, отправившись в светлое капиталистическое будущее, мы взяли за основу европейские ценности. И самой высшей ценностью, записав это в Конституции РФ, объявили человеческую жизнь и права человека. Человеческая жизнь бесценна, мир внутри человека надо сохранять.

Если мы проанализируем и сравним исконные российские ценности с ценностями европейской цивилизации, в которую мы пытались встроиться, то поймем, что глубинный народ по-разному выстраивает иерархию ценностей. Это тот самый народ, который в трудной для государства ситуации вдруг просыпается и выходит из состояния социальной анемии, проявляя себя

неожиданно активно. Так происходило на протяжении всей нашей истории, достаточно вспомнить народное ополчение под предводительством Минина и Пожарского, Отечественную войну 1812 года или Вторую мировую.

Сегодня глубинный российский народ ведет себя удивительным образом. Как политик, я регулярно совершаю поездки по Российской Федерации и встречаюсь с людьми, а как депутат закреплена за Донецкой Народной Республикой. Неделю каждого месяца я провожу на фронте среди солдат и людей, которые живут в Донецке, Мариуполе, Харцызске, Енакиево, встречаюсь с шахтерами и рабочими разрушенных в Мариуполе заводов. Так, несколько дней назад на Мариупольском металлургическом комбинате им. Ильича я провела встречу с рабочими, которые будут его восстанавливать. Металлургический комбинат «Азовсталь», разрушенный до основания, восстанавливать не будут, но там остались студенты колледжа, которые работали на территории «Азовстали». Напомню, что до недавнего времени Мариуполь подчинялся украинской власти, студенты учились по другим учебникам, у них сформирована другая система ценностей. Поэтому у меня есть возможность сравнить не только в теории, по книгам, но и на практике, чем мы отличаемся и почему мы другие.

В российской системе ценностей есть то, что важнее человеческой жизни. Примерно в одно и то же время в разных странах появились эпосы: русские былины о Микеле Селяниновиче, Илье Муромце со товарищи, «Песнь о Нибелунгах» в Германии, «Песнь о Роланде» во Франции, «Песнь о Сиде» в Испании. Сравнив системы ценностей, которые отражают национальные эпосы, профессор кафедры философии Нижегородского университета Бенедиктов сделал удивительный вывод, что наша система ценностей, или, как мы теперь ее называем, культурный код нации, появилась раньше, чем на нашу землю пришло христианство. Этот код коренится глубоко в веках и не имеет отношения к межплеменным розням, но закрепился на этом пространстве. Время возникновения уже скомпонованного эпоса мы примерно представляем, а вот когда были созданы изначальные сказания, которые слились в единый эпос, неизвестно.

В эпосе народ отразил видение справедливости, свои чаяния и представления о том, что хорошо, а что плохо. Наши богатыри никогда не были наемниками, тема обогащения, вознаграждения за богатырские подвиги отсутствует в русском эпосе. Один из богатырей, Василий Буслаев, вспоминает, что когда-то в молодости было «много бито, много граблено», но позже он раскаялся, и больше об этом нигде не упоминается.

Интересны на эту тему идеи, заложенные в западноевропейском эпосе. И в «Песни о Сиде», и в «Песни о Роланде» герой перед смертью просит показать ему мешок с золотом и драгоценностями, ради которых он отдал жизнь. Представить себе русского богатыря в таком образе невозможно.

Несколько слов о взаимоотношениях героев эпоса с властью. В русском былинном эпосе князь почти всех

русских богатырей посадил в тюрьму. Но когда на Русскую землю напали враги, князь сказал: «Поднимайтесь, богатыри, на защиту Руси». Хотя у князя была дружина, которая и должна была бороться с врагами, эпос говорит, что дружинники способны были только «пити да хлебоясти». Илья Муромец ответил князю: «Ради тебя я бы из подполу не вышел, но за землю Русскую, за сирот обиженных да за вдов пойду и буду воевать с татарами».

Что в аналогичной ситуации происходит с испанским героем Сидом? Когда король освободил его из тюрьмы, куда сам и отправил его за провинности, Сид встал на колени перед королем, целовал ему ноги и благодарил за оказанную честь воевать за короля и отдать за него жизнь. Представить себе Илью Муромца, который падает на колени перед Владимиром, невозможно, как и любого другого русского богатыря.

Почему же в русских былинах князь, несмотря на недостатки, зовется Красно Солнышко и никто из богатырей не посягает на его власть? Это проявление сакрального отношения народа к главе государства, которого народ испокон веков считал большой ценностью, своим защитником и объединителем земли Русской. Он центр земли Русской вместе со своей дружиной.

Следует сказать и об отношении к врагам и поверженным. В «Песни о Сиде», когда Сид захватил Сарагосу, он приказал рушить мечети, жечь синагоги, прелатам насильно крестить магометан, а тех, кто откажется, вешать и жечь. Так в католичество было обращено 100 тыс. магометан. А в русских былинах нет темы насильственного крещения.

И последнее — происхождение русских богатырей. Нигде в былинах не сказано об их племенной принадлежности. Все они — русские богатыри. Главная заслуга крестьянского сына Ильи Муромца — не в том, что он богатырь, а в том, что он крестьянин и пахарь, а Алеша Попович — поповский сын. Русский эпос не делает различий ни для национальности, ни для профессии. Служи Русской земле — и станешь русским богатырем.

Экстраполируя эту историю на сегодняшний день, я хочу сказать, что мы, скорее всего, дождемся, что из недр Русской земли появятся новые русские богатыри. Несколько дней назад в Донецке я встречалась со вдовами, потерявшими своих близких, и инвалидами, которые воюют в Донбассе с 2014 года, с первого дня встав на защиту своей земли. Эти народные массы удержали тогда границы Донецкой Народной Республики. Сегодня они не имеют никаких льгот и выплат, которые положены мобилизованным или военным. Они ни на что и не рассчитывали, когда встали на защиту своей земли. У них нет обиды или сожаления по этому поводу, никто из них не говорил о вознаграждении. Речь шла о справедливости. Я сделаю все возможное, чтобы приравнять их по льготам и выплатам к участникам специальной военной операции.

Еще несколько слов по поводу культурного кода. Сегодня ведется поиск идеологии и предпринимаются попытки дать определение традиционным ценностям. Само понятие «традиционные ценности» уже появилось во всех государственных документах, но нужно

раскрыть их сущность и дать им точное определение. На этом поприще ведутся главные бои. Независимо от того, что будет написано в документах, народ на протяжении сотен лет из поколения в поколение, от прадедов и прабабок несет культурный код и доносит его до сегодняшних поколений. Главным транслятором нашего культурного кода, или традиционных ценностей, является национальная культура в лучших народных проявлениях.

9 июня в Санкт-Петербурге пройдет фестиваль народной песни «Добровидение», который организовали в пику «Евровидению». И когда мы слушаем песни, которые рождаются сегодня как отклик на трагические военные события, мы снова слышим ноты нашего традиционного культурного кода. Россияне отличаются от европейцев иерархией ценностей. Об этой иерархии давайте сегодня и поговорим.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Елена Григорьевна, Вы представили широкую панораму проблем (культурных, исторических, мифологических), в то же время спроецировав их на сегодняшнюю реальность.

Слово предоставляется президенту Международного научно-исследовательского института мира в Женеве Габриэлю Галису.

Г. ГАЛИС: — Я хотел бы рассказать об установлении сотрудничества с Россией, с разными людьми (преподавателями, учеными и пр.). Мое мнение — это мнение критически настроенного западноевропейского исследователя, изучающего проблемы мира. Тезисно выскажу три главные идеи.

Первая идея: западные страны, выбрав стратегию превосходства, а не мира на основе равноправия, следовали стратегии американского превосходства. ЕС и НАТО совместно расширялись на Восток. Фактически произошел очередной разрыв с Европой, и в связи с этим важно думать о будущем. Первый разрыв относится к 1991 году, когда президенту Франции Ф. Миттерану не удалось создать Европейскую конфедерацию в Праге, по соседству с Россией. В 2003 году, во время войны в Персидском заливе, произошел второй разрыв — между осью Франции, Германии, России, выступавших против американского лидерства, и «Новой Европой» (Дональд Рамсфелд), в которую вошли восточноевропейские государства, «взращенные» на старых конфликтах с Россией.

Вторая идея: западные медиа не дают возможности выражать мысли, не соответствующие общепринятой точке зрения. В связи с этим считаю важным напомнить ст. 19 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и их свободное выражение... с помощью любых СМИ и независимо от государственных границ» в связи с запретом российских СМИ на Западе.

Третья идея: необходимы общие законы, правила и принципы. Хотелось бы напомнить о принципе, опирающемся на теорию Х. Маккиндера: если Германия и Россия станут союзниками, может возникнуть мировая империя. Здесь уместно привести цитату французского дипломата, бывшего посла Франции в РФ

Ж. де Глиниasti, отметившего трансформацию оценки ценностей во французской дипломатии: «За словом „ценности“ часто скрывается экспансия идеологических, промышленных, финансовых, коммерческих и военных интересов, которые далеко не всегда совпадают с нашими... В лучшем случае это часть „мягкой силы“, в худшем — дополнение к жесткой». Это серьезный аргумент.

В целом можно сказать, что в настоящее время сложилась довольно непростая ситуация, но надежда сохраняется.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Хотел бы, реагируя на выступление господина Галиса, дополнить его глубокие выводы некоторыми сомнениями. Прежде всего скажу, что я люблю Запад, но Россию, конечно, больше. Я и мои коллеги считаем, что США постепенно теряют свою силу и находятся перед лицом огромной опасности. То, что сейчас происходит (прежде всего отказ всего мира от доллара), несет США огромную угрозу. Россия на 50 % перешла на платежи, не связанные с долларом, Китай — на 30 %, Саудовская Аравия при продаже нефти Китаю переходит на юани. У российских граждан на руках сосредоточено 200 млрд наличных долларов. И в ближайшее время, когда россияне откажутся от долларов, эта денежная масса хлынет в США.

К огромному сожалению, конфронтация и противоречия между Западом и остальной частью мира нарастают. Россия, Бразилия, Индия, Китай, ЮАР объединились в БРИКС, которая первоначально имела небольшое значение. Сейчас кандидатами на вступление в эту организацию являются 36 стран мира, первая из которых — Саудовская Аравия. Считаю, что нам вместе с западными интеллектуалами необходимо остановить нарастание конфронтации.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору СПбГУП Александру Петровичу Маркову.

А. П. МАРКОВ: — Ключевой тезис моего выступления и доклада можно сформулировать так: «„Новая этика“ как проект антропологического суицида». Проанализировав большое количество статей, я попытался дать определение «новой этике».

По мнению Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, «новая этика» — это персонификация морали, отрицание господства всеобщих, универсальных форм, традиций, норм закона и т. д. Но существуют и более жесткие формулировки по сравнению с этим нейтральным описанием. В формате радикальной критики новая этика характеризуется как разрушительная, аморальная демагогия. Концепт новой этики трактуется как вербальная химера, ядро которого формирует неясные англоязычные номинации (харассмент, абьюз, и т. д.).

Вчера в одном из выступлений была сформулирована мысль, что в рамках глобализации ключевой язык — английский, именно он несет ответственность за моральную деградацию мира. Этому выводу соответствует оценка С. Хоружего, что этика нового тысячелетия

(а-этика) — это триумф моральной пустоты, симулякр, имитирующий этику.

Обозначу ключевые характеристики, оправдывающие мой тезис, что «новая этика» — это проект антропологического суицида. Первый признак: это концепция приятя, то есть безоценочное принятие личностных идентичностей. Второй признак: это принцип ненасилия, который превращается в свою противоположность. Этот принцип провоцирует репрессивные стратегии по отношению к тем, кто придерживается иной точки зрения. Даже в США публичное выражение критики в адрес «новой этики» квалифицируется как разновидность внутреннего терроризма или преступление на почве ненависти. Характерный пример: в интервью с министром образования США журналист три раза задал ему вопрос: «Вы видите отличие мужчин от женщин?» Он так и не ответил, потому что понимал: если он ответит, что есть мужчины и женщины, завтра сетевая свора его уничтожит. Еще один пример: автора книги о Гарри Поттере Дж. Роулинг обвинили сначала в трансфобии, потому что она назвала женщин женщинами, а потом и в антисемитизме, посчитав, что жадные и некрасивые гоблины в книгах Роулинг напоминали стереотипный образ иудеев.

Третий признак, который характеризует «новую этику» не в позитивном ключе: ее сверхидея состоит в деформации духовно-нравственных матриц культуры путем инверсии, смены знака.

По сути, активное утверждение принципов «новой этики» превращает мир в подобие психиатрической лечебницы. В частности, в Сети активно обсуждается эпизод, когда осужденный преступник, который идентифицировал себя как женщину, был перемещен в женскую колонию и получил там возможность для сексуального насилия.

Репертуар этого безумия с каждым годом расширяется. Идеологи «новой этики» открыто заявляют о своих намерениях «осуществить декриминализацию инцеста и педофилии и депатологизацию зоофилии». То есть весь спектр предельных крайних человеческих девиаций превращается в норму. Гендерный волонтаризм, ставший доминирующей парадигмой даже в западных университетах, превращает сторонников здравого смысла (как педагогов, так и студентов) в изгоев, вынужденных покидать учебные заведения.

Ключевой тезис: проект «новой этики» — это одна из важнейших частей стратегии антропологического суицида, в другой формулировке: сценарий рукотворного апокалипсиса, как духовного, так и физического. В духовном плане тоталитаризм «новой этики», исключая другие точки зрения, порождает хаос, который дискредитирует нравственные каноны и убивает суть культуры. Напомню блестящее определение культуры П. А. Флоренского, что культура — это борьба логоса и хаоса. Набирающая обороты диктатура «новой этики» — это завершающая фаза этической деградации эпохи постмодерна. То есть проект «новой этики» обеспечивает культурную и правовую легитимность спектру человеческих девиаций.

Вчера на пленарном заседании прозвучали два тезиса, которые подтверждают этот вывод. Мария Влади-

мировна Захарова уточнила ключевую проблему времени: мы наблюдаем не конфликт культур, а конфликт культуры и антикультуры. «Новая этика» — в метафорической форме этика дьявола. Папа Римский в лице Великого инквизитора упрекает Христа, что тот не послушал дьявола, который предлагал три искушения, чтобы народ пошел за ним, — показана метафорическая бездна между католичеством и православием.

Михаил Викторович Шмаков высказал интересную мысль, что духовная пропасть между русским и западным мирами, русской и западной культурами состоит в трактовке человека. В дополнение можно сказать, что в русском варианте человек — это чело, обращенное к вечности, а в западном — это существо, которое стоит на четвереньках и озабочено физиологическими отправлениями. То есть «новая этика» — это проект оскотинивания человека, возвращения его в докультурное состояние. И протестующие против этого оскотинивания подвергаются беспощадной массовой травле.

По сути, «новая этика» — это часть стратегии антропологического суицида. Признаки духовного апокалипсиса — хаос, моральное уродство, перспектива физического вырождения мира, потому что представители ЛГБТ-сообщества не оставят после себя детей и внуков. Таков финал.

Рациональный анализ того, что происходит в мире, приводит к пессимистическому сценарию будущего. Осуществляется так называемая управляемая эволюция, смысл которой состоит в том, чтобы четыре пятых человечества ушли из этого мира, потому что в новом мире цифровой экономики и искусственного интеллекта эти люди не нужны. Поэтому и происходит разрушение института семьи.

По поводу традиционных ценностей хотел бы дополнить выступление Елены Григорьевны. В контексте семинара, проведенного в рамках курса культурологии, на котором мы говорили о дисфункции институтов, я задал студентам вопрос: «С какой ценностью вы отождествляете семью?» Одна девушка ответила: «Это решение демографической ситуации». Вторая: «Избавление от одиночества». Но ни одна не сказала, что семья — это счастье, когда ты становишься частью чего-то большего.

Но, несмотря на пессимистический сценарий, шанс сохранения духовного вектора цивилизации, выстраданного тысячелетиями истории, остается. Надежду внушает неискоренимая человеческая потребность в смысле жизни. К. Ясперс, предвидя появление нового «осевого времени», говорил о том, что в кризисных ситуациях человек обнаруживает в себе невиданные ресурсы. А мы уже стоим на краю.

Несколько слов о миссии гуманитарного знания. В этом зале более 20 лет назад состоялась встреча с великим философом Александром Зиновьевым, который критиковал реалии того времени. Один журналист в формате вопроса-упрека спросил у него: «Почему Вы так жестко все критикуете?» Ответ Зиновьева коррелирует с миссией Лихачевских чтений: «Представьте, что идут слепые, ведомые слепым поводырем. Впереди пропасть. Я нахожусь далеко от них. И чтобы

они не провалились в нее, я могу только крикнуть». Это миссия Лихачевских чтений и вообще всех гуманитариев. В тексты, которые мы пишем, заложено не только рациональное начало, но и наша боль, вера, надежда, любовь. В Новом Завете есть красивая формула, соответствующая моменту: «По вере вашей да будет вам».

А. А. ГУСЕЙНОВ: — В свое время марксизм жестко критиковал идеализм, не оставляя от него камня на камне. После критики ставился вопрос о гносеологических корнях идеализма, то есть о реальных проблемах, которые в идеализме получают неправильное выражение.

Александр Петрович, хочу задать такой же вопрос: Вы говорите, что не примете реальность (и я с Вами полностью согласен), но какая реальная проблема получает в «новой этике» искаженное выражение? Вы прекрасно сформулировали, что «новая этика» — это форма антропологического суицида, что суицид этот рукотворный и есть силы, которые его стимулируют, и что все это нужно для того, чтобы сократить численность человечества.

Должен сказать, что человечество имеет более эффективный способ решения данной проблемы. Поэтому возникают вопросы. Первый вопрос: с чего вдруг антропос решил подвергнуть себя суициду? Второй: каков образ идеального антропоса?

Вы знаете, для чего нужна семья, а ваши студентки думают иначе. Пятьдесят лет назад разводы считались серьезным недостатком, разведенного человека не брали на работу в ЦК партии и пр. А сейчас найти неразведенных крайне сложно. И люди смирились с этим, но суицид не совершили.

Наша способность критического размышления не должна блокироваться личным неприятием. Все, что Вы говорите, я, будучи просто человеком, полностью разделяю. Но, как человек мыслящий, я должен найти ответ, который не дискредитирует людей и сохраняет за ними право быть людьми.

Слово профессору Владимиру Юрьевичу Дунаеву.

В. Ю. ДУНАЕВ: — Вчера на пленарном заседании А. С. Запесоцкий заметил, что использование понятия «цивилизация» грозит обернуться бесплодностью теоретической дискуссии в силу того, что оно стало предметом произвольных интерпретаций. М. В. Захарова на панельной дискуссии поддержала эту тему, сказав, что понятие «демократия» в современном политическом дискурсе утратило свой изначальный смысл. Такого рода семантические смещения являются следствием не только и не столько теоретической сложности и многозначности этих понятий, сколько целенаправленного применения технологий лингвокогнитивного фреймирования смысловой картины мира.

Одной из наиболее эффективных технологий реформатирования смысла этико-политических понятий, создающих семантическое поле и аксиологию новой этики, является «окно Овертона». Принцип его действия можно продемонстрировать на примере эволюции национализма от одиозной идеологии и этически неприемлемой структуры ментальности до «новой

нормальности» общественно-политического дискурса и праксиса.

Если придерживаться традиционного для русскоязычного социогуманитарного дискурса словоупотребления, то следует признать, что национализм в любом его виде и форме несовместим ни с демократизацией общества и государства, ни с утверждением в качестве приоритетных ценностей прав и свобод человека, ни с духовно-нравственным здоровьем нации и индивида. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова приводятся следующие значения слова «национализм»: 1) «идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим»; 2) «проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости». Нормам пейоративной окраски этого термина следуют научные монографии и учебники, издававшиеся в советское, перестроечное и даже в постперестроечное время.

Сегодня с понятием национализма связывают процессы самоопределения народов, образования ими собственных государств, легитимации политических режимов, возрождения традиционных культур и защиты их ценностей и т. п. Чтобы обрести такую солидную репутацию, понятие национализма должно было пройти через ряд стадий, предписанных культурно-эрозионной стратегией «окна Овертона».

В доктринальной сфере первым шагом к легитимации националистического дискурса является перевод однозначно негативного понятия национализма в пары его ценностно амбивалентных разновидностей или типов. С. Хантингтон отмечает: «Исследователи, как правило, выделяют два типа национализма и национальной идентичности, причем дают им различные названия: гражданский и этнический, или политический и культурный, или революционный и трайбалистский, или либеральный и органически-мистический, или гражданско-территориальный и этнико-генеалогический, — или просто патриотизм и национализм. В каждой паре первый ее член рассматривается как „хороший“, а второй — как „плохой“».

Вторым шагом является создание кластера эвфемизмов и перевод их в предмет серьезного, академического обсуждения. Национальное и националистическое при этом незаметно уравниваются в своем смысловом содержании. На этом пути в академическую дискуссию вместо традиционного монохромного понятия национализма вовлекаются «50 оттенков серого». Наряду с общепринятым в науке разделением национализма на гражданский и этнический вводятся новые его формы и разновидности: национализм сепаратистский, реформаторский, ирредентистский, лингвистический, паритетный, экономический, защитный, модернизационный и т. д. Наконец, среди всевозможных национализмов возникает такой понятийный кентавр, или, точнее, понятие-химера, как либеральный национализм. Под стать либеральному национализму и понятие толерантного фашизма, использованное У. Эко. Возникновение таких понятий-химер симптоматично и выражает самую суть стратегии на инверсию смыслов и ценностей дискурса национализма.

В англоязычной литературе понятие «национализм» употребляется в ценностно нейтральном смысле. Однако до сих пор в научных работах и в публицистике отечественных авторов преобладающим остается все же традиционное, ценностно негативно нагруженное употребление терминов «национализм», «националистическая психология и идеология» и тому подобных как аналитических категорий и категорий политической практики. Поэтому нужен переход к следующей стадии реализации технологии «окна Овертона» — наделению понятия «национализм» однозначно позитивным смыслом.

Казахстанский политолог Р. Жумалы утверждает, что негативный оттенок понятия «национализм» — рудимент советской промывки мозгов, от которого необходимо избавиться, поскольку национализм в качестве понятия тождествен государственности и патриотизму. Результатом целенаправленных усилий ряда представителей научно-экспертного сообщества и средств массовой информации стало закрепление в общественном сознании и словоупотреблении, в том числе политиками, этой подмены значения термина «национализм».

Завершающей технологической фазой работы «окна Овертона» является снятие запрета на соединение дискурсивных практик теоретической легитимации национализма с ультраправыми идеологиями. В этом акте национализм обретает наиболее радикальную политико-идеологическую форму национальной идентичности — нацизма, неонацизма, криптонацизма и т. д. Тем самым нацизм — это не столько эксцесс, сколько непристойная изнанка и вместе с тем суть национализма, его имманентная интенция, логически закономерный итог политически безответственного и морально предосудительного процесса политизации и идеологизации национальной идентичности.

Дискурс национализма разворачивается в типично постмодернистском семантическом пространстве, наполненном разного рода концептуальными трансформациями, аксиологическими инверсиями, семантическими перекодировками. Название своей статьи «Национализм — ускользящий объект» В. С. Малахов объясняет следующим обстоятельством: национализм «растворен в публичном дискурсе до такой степени, что вообще перестает восприниматься большинством как национализм. Это система молчаливых допущений, мыслительных привычек и рутинно циркулирующих нарративов». Но именно к этой цели и были направлены технологии фреймирования националистического дискурса, обеспечившие националистической политике самую эффективную из всех возможных маскировку — быть у всех на виду и в то же время оставаться никем не узнаваемой.

В заключение я позволю себе вольность двинуться поперек дискурсивного мейнстрима, сформировавшегося на нынешних Чтениях. Вчера на панельной дискуссии на тему «Какую многополярность мы предвидим» все ее участники сошлись во мнении о том, что, во-первых, многополярность является единственной конструктивной альтернативой однополярному миру. Во-вторых, что центры многополярного мира — страны, культуры, цивилизации — должны быть полити-

чески суверенными и самодостаточными в хозяйственно-экономическом, культурном, духовно-нравственном отношении. Но культура, как утверждал М. М. Бахтин, не имеет своей суверенной территории: она вся расположена на своих границах. Самодостаточность — будь то индивида, страны, культуры или цивилизации — неизбежно, фатально перетекает в их «самоутвержденчество», «своемерие», «своецентризм». В контексте наших рассуждений следует признать, что самодостаточность полюсов как принцип реальной многополярности оборачивается формированием системы своего рода плюрализма национализмов. Идеология многополярности инфицирована вирусом национализма или, выражаясь менее категорично, не выработала иммунитета к нему, что грозит обернуться воспроизведением на глобальном геополитическом уровне гоббсовского принципа войны всех против всех.

Разумеется, тем самым я отнюдь не призываю к дискурсивной диффамации концепта, или, скорее, тропа, метафоры, фрейма многополярности. Я хочу лишь сказать, что в рассуждениях о том, какую многополярность мы предвидим и к какой следует стремиться, необходимо создать эффективную преграду переключению семантики этого фрейма в лежащую у всех на виду и в то же время никем не распознаваемую националистическую модальность.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Александру Николаевичу Чумакову.

А. Н. ЧУМАКОВ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Я попытаюсь с философских позиций рассуждать о тех проблемах, которые относятся, скорее, к другим областям знания, например к культурологии. Любая наука, как правило, стремится найти ответы на возникшие вопросы, но философия отличается тем, что у нас вопрос может играть большую роль, чем ответ.

Меня немного удивило, что, во-первых, на пленарном заседании только одно выступление было посвящено философии, а во-вторых, очень мало говорили о глобальных проблемах и глобальном мире, а когда эта тема все же звучала, глобализация рассматривалась в основном в негативном ключе.

Сегодня мы больше не можем пользоваться тем научным инструментарием, который использовали несколько десятилетий назад. Термин «культура», появившийся еще в Древнем Риме, и термин «цивилизация», возникший в Новое время, по-прежнему будут работать как инструменты научного анализа, но их смысловое наполнение в значительной степени изменилось.

Понятия науки и философии тесно взаимосвязаны, но в настоящее время мы не относим философию к собственно научному знанию. В советские времена, к сожалению, этому различию практически не придавали значения, считая философию одной из наук. Но если мы будем продолжать мыслить так же, то не сможем осознать важные вещи.

Наука, зародившаяся в лоне философии и пребывавшая там до Нового времени, и техническая мысль долгое время не взаимообуславливали друг друга. Но

если и в более позднее время рассматривать науку и технику как непересекающиеся области, мы не сможем понять не только научные и технические достижения XVIII–XIX веков, но и современную информационно-технологическую революцию.

Закономерным образом появляется новый термин «научно-технический прогресс», означающий симбиоз науки и техники. Они связаны неразрывно: уберем науку — и будут невозможны никакие изобретения; уберем технику — и не будет не только телескопов и микроскопов, но и наука по существу исчезнет. Понятие научно-технического прогресса открывает нам новые возможности для осмысления достижений науки, техники и технологий.

А как соотносятся культура и цивилизация? Французская философская мысль дополнила античный термин «культура» новым термином «цивилизация». *Civilis* означает «гражданский», «правовой», «общественный». Это по сути тоже культура, но в более узком смысле: культура отношений, взаимодействия, взаимопонимания.

И вот сегодня возникла необходимость в новом термине, который мы должны ввести, чтобы обозначать происходящие процессы. Нам придется использовать уже не только культурный контекст рассмотрения общественных систем и противоречий, и не только цивилизационный, с которым еще меньше ясности. На мой взгляд, наиболее адекватным в данном случае будет понятие «культурно-цивилизационная система», подразумевающее, что культура и цивилизация — это две грани одного и того же. Страна, город, университет — культурно-цивилизационные системы, как и все человечество, как и каждый из нас.

Таким образом, нам будет проще понять, почему надежды на мультикультурализм не сбываются и чем обусловлена «дуга нестабильности», то есть волна «цветных революций», прокатившаяся по Северной Африке, Ближнему Востоку, Грузии и Украине и теперь подбирающаяся к Прибалтике. Корни этих проблем — прежде всего в объективно заданных культурных противоречиях, обусловленных разными языками, традициями, верованиями и т. п. Культура всегда обособляет нас, в то время как цивилизация, точнее цивилизованность, напротив, объединяет, давая возможность общения, сотрудничества и взаимопонимания. «Право размахивать кулаком заканчивается там, где начинается нос соседа», «Я не разделяю ваших убеждений, но готов умереть за ваше право их высказывать» — такие максимы высказывали разные мыслители. Это и есть цивилизационная составляющая, которая вместе с культурной делает каждое общество уникальным явлением, одновременно показывая, где проходит красная линия, которую нельзя пересекать. Уровень цивилизованности общества определяет его потенциал в нахождении способов разрешения конфликтов всех уровней, от межличностных до межгосударственных. Рай на земле мы, конечно, не построим, но по крайней мере сможем отойти от той пропасти, к которой мы вплотную приблизились. Поверьте, я знаю, о чем говорю: в свое время мне довелось принимать участие в ядерных испытаниях в Семипалатинске и на Новой Зем-

ле. Мы действительно стоим на краю пропасти, и все наши беседы и дискуссии могут уже завтра утратить всякий смысл.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — На мой взгляд, тезисы Александра Николаевича заслуживают самого пристального внимания. Является ли глобализация объективным процессом? Можем ли мы помыслить будущее человечества без глобализации, без осознания того, что планета Земля — наш общий дом? И что поэтому жизнь людей в одной стране должна быть соотнесенной с жизнью в других? Возьмем войны — это же форма взаимодействия, то есть соединения, хотя и очень страшная. Может, лучше признать разнообразие культур и нравов? Возможно, новая этика предложит способы их взаимного совмещения и адаптации, чтобы устранить те препятствия, которые различие нравов возводит на пути прогресса. Или не предложит?

Е. Г. ДРАПЕКО: — Все рассуждают о цивилизации как о некоей техногенной системе, но люди — это в первую очередь биологический вид. А в живой природе главная цель любого вида — передача своих генов и расширение популяции. Так вот, сегодня мир машин столкнулся с интересами людей как биологических субъектов. Птица, защищая птенцов, заслоняет их своим телом. То же происходит и с нами. И потому конечная цель защиты наших традиционных ценностей — сохранение человека в том виде, в каком он был создан природой.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Вопрос в том, как род представлен в индивиде. Почему один живой человек может третировать другого, если он, скажем, принадлежит к ЛГБТ-сообществу?

Е. Г. ДРАПЕКО: — Все зависит от иерархии ценностей. Что важнее — существование вида или индивида?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — А кто задаст эту иерархию? Мы занимаемся выработкой такой иерархии всю нашу историю. В Советском Союзе была одна иерархия, потом мы от нее отказались, начали создавать другую. Поэтому вопрос не в том, что мы отрицаем. Конечно, люди — социальные существа, но каждый человек обладает собственным разумом, и ему важно понять, как реализуется его социальность. В стране действуют институты — парламент, армия и т. д. Но есть еще и, например, мораль — в чем заключается ее роль?

Е. Г. ДРАПЕКО: — Может, коллеги нас рассудят?

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Давайте послушаем коллег. Профессор Лариса Константиновна Круглова, пожалуйста.

Л. К. КРУГЛОВА: — Я считаю, что патриотизм и общечеловеческие ценности не вступают в противоречие, а дополняют друг друга. В докладах, представленных участниками нашей секции, убедительно показана разрушительная роль новой этики, которая

угрожает не только человеку, но и всей планете Земля. Предотвратить катастрофу можно, на мой взгляд, если в противовес разрушительной тенденции предложить созидательную стратегию. Элементы такой стратегии представила Елена Григорьевна.

Философская подоплека новой этики заключается в гипертрофии принципа разнообразия и абсолютного исключения принципа единства. Русская же философская мысль предусматривает единство разнообразия, потому что именно это и есть гармония. Не равновесность, не одинаковость элементов, а, как говорил Николай Леонтьев, временами жестокая борьба противоположных начал, которые тем не менее находятся в сущностном единстве между собой. Такое единство в разнообразии отсутствует в новой этике, но к чему это приводит? К без-образию, потому что исчезает образ, всегда подразумевающий нечто целостное. Русский язык это отлично фиксирует: «без образа = безобразия». Гармонизация разнообразных элементов, поощрение разнообразия и в то же время поиск единства между ними, гармонизирующего это разнообразие, — это и есть та созидательная линия, которой, мне кажется, надо придерживаться.

Вообще гармония — это понятие мировой философии. Сейчас Китай выводит ее на глобальный уровень, отстаивая идею единства с миром при сохранении самобытности своей нации. В журнале «Вопросы философии» опубликована статья, где китайский автор в качестве главной доктрины своей страны провозглашает Сообщество единой судьбы человечества и в то же время подчеркивает значение гармонии для понимания этого сложного образования.

На мой взгляд, Елена Григорьевна, Вы смотрите в корень, когда говорите о различии ценностей (впрочем, я считаю, в конце концов они сойдутся), переходя опять же к образу — образу человека, тому, что лежит в основе любой культуры, то есть смыслового центра всей системы ценностей. Это и дает различение. Вы совершенно обоснованно обращаетесь к эпосу: именно в нем содержится тот самый глубинный код, который мы ищем. Возьмем хотя бы традиционный образ трех богатырей. Они разные, но все трое — богатыри, и в этом их единство.

Повторяю, в основе каждой культуры лежит образ человека, и ее своеобразие определяется тем, какие черты отличают этого человека. От этого зависит все остальное, в том числе отношение к миру.

Александр Николаевич в своем докладе обратил внимание на двойственную природу человека — биологическую и социальную, то есть человек — это биологический субъект и в то же время член общества, творец и творение культуры. Но наша загадочная двойственность проявляется не только в этом. Это то, о чем мы говорили, — единство телесного и духовного, или материального и духовного. И человек — единственное существо в мире, в котором соединены эти два начала. Ни одно существо в мире, кроме человека, не может пожертвовать жизнью во имя идеи. Это великая ипостась человека.

В разных культурах на разных этапах развития складывается разное отношение к этой двойствен-

ности, которую можно представить формулой «тело и дух». В свою очередь дух — это органичное соединение ума и сердца. В русской философии есть понятие «умное сердце». Кстати, Андрей Вознесенский в противоположность Декарту, который говорил: «Я мыслю, следовательно, я существую», написал: «Чувствую — стало быть, существую». Это его эпитафия к сборнику стихов «Соблазн». Но, вероятно, наиболее верно было бы сказать: «Я мыслю и чувствую, следовательно, я существую», потому что чувство и мысль для нашего существования равноценны и необходимы.

Другая двойственность проявляется в том, что человек одновременно субъект и объект. Субъектность — наше сущностное свойство, то есть мы принимаем решения, совершаем поступки, несем ответственность. В то же время человек подчиняется правилам, созданным другими, и свою субъектность, творческое начало он должен согласовывать с этими правилами, поэтому он существо творимое. Проявление двойственности индивидуально и универсально. Индивидуум неповторим и уникален, но он принадлежит к человеческому роду. Это основа единства, из которой следует необходимость глобализации с человеческим лицом. Все мы живем на одной планете, это наш общий дом. И все мы люди. В связи с этим существенным является также соотношение эгоизма и коллективизма, личного и общественного (в русском языке есть высокое слово «соборность»).

И последний тезис. Те традиционные ценности, которые мы сегодня отстаиваем, могут стать общечеловеческими и взять верх над разрушительными тенденциями. Я не являюсь сторонницей пессимистического сценария развития, но чтобы он не реализовался, мы должны предлагать идеи и всеми силами стараться их реализовывать, вести других за собой.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Очень важный тезис: необходимо не только разнообразие, на котором акцентирует внимание новая этика, но и единство, общая основа. Сторонники новой этики, по-моему, должны дать на него ответ, если они не согласны со скрытым в ней принципом разрушения.

Слово предоставляется профессору Татьяне Иосифовне Ерохиной.

Т. И. ЕРОХИНА: — В нашей сегодняшней дискуссии я, безусловно, поддерживаю позицию Елены Григорьевны и отчасти Александра Петровича.

Думаю, что мы не должны тотально отвергать дохристианскую культуру, потому что в России по-прежнему в значительной степени востребован именно дохристианский культурный код. Мы должны помнить о том синкретизме, который когда-то был на Руси и сегодня проявляется в фольклоре и традициях, например в отмечании Масленицы или Красной горки.

Что касается выступления Елены Григорьевны, то я согласна с тем, что она говорит о новой этике и выстраивании системы ценностей. Из 22 докладов участников нашей секции, которые размещены на сайте, пять напрямую посвящены культуре отмены. Действительно, в этом году данная тема особенно актуальна.

Если в прошлом году мы больше писали об осмыслении традиционных ценностей и анализировали новую этику, то сегодня на первый план вышла культура отмены. Тематика наших докладов — своего рода индикатор, свидетельствующий о росте научного интереса к данной проблеме. Эта динамика, на мой взгляд, обусловлена целым рядом факторов, а не только социокультурными и геополитическими изменениями. В конце концов, и новая этика, и культура отмены не стали новыми феноменами последнего года, хотя связанные с ними проблемы обострились именно сейчас. По-моему, одним из главных факторов стали те проблемы, которые обсуждались на пленарном заседании, — слом однополярного мира и переход к многополярности, болезненно отзывающиеся во всех сферах жизни, в том числе духовно-нравственной и этической. И в этой смене координат, которая неизбежна и необходима для дальнейшего существования цивилизации, культура отмены — это в первую очередь механизм защиты новой этики, неразрывно связанный с понятиями «постпамять» и «контрпамять».

Позиция Абдусалама Абдулкеримовича тоже понятна, хотя и несколько противоречива. Конечно, будучи мыслящими людьми, мы не пойдем с оружием на тех, кто поддерживает «новую этику». Но, по-моему, Александр Петрович говорил немного о другом. Я, как культуролог и рефлексирующий человек, тоже могу попытаться оправдать тех, кто говорит о «новой этике» в тех категориях, которые заданы. Но я не стану выступать в ее защиту и своим студентам буду объяснять, что толерантность необходима, но она не должна влиять на иерархию их ценностей. Ведь речь идет действительно о выборе, который мы должны совершить. То есть, признавая право других на собственную позицию, мы должны твердо придерживаться своей.

В эпоху тотальной цифровизации и беспрецедентного развития систем массовой коммуникации противостояние культуре отмены как механизму новой этики практически невозможно. К тому же культура отмены имеет глубокие исторические корни, вспомним хотя бы Античность с традициями остракизма. Более того, я считаю, что с культурой отмены как таковой не надо бороться. Массовая культура и стереотипизация появились вполне закономерным образом и стали элементами культурной идентичности. Но, на мой взгляд, главная задача сейчас — выработать стратегию противостояния культуре отмены, которая должна быть органична нашей ментальности и самосознанию.

В Указе Президента России от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» также предпринимается попытка выработать механизм противостояния культуре отмены и «новой этике». Этот инструмент должен опираться на русскую культуру и при этом представлять собой тактику быстрого реагирования, поскольку решение проблем требует оперативных действий.

На пленарном заседании неоднократно звучали высказывания по поводу изменений содержания некоторых терминов, при этом говорили об антикультуре, но

я, как культуролог, понимаю: то, что мы подразумеваем под антикультурой и контркультурой, на самом деле тоже культура. Как и культура отмены. Но что по-настоящему важно — так это вернуться к понятию ценностей и осознанию сути такого феномена, как система ценностей. Не каждое явление культуры можно считать ценностью. Понятно, что невозможно навесить ярлык абсолютно на все, но должно быть понимание, что есть преходящие явления культуры, а есть такие, которые заслуживают называться ценностями. И, конечно, надо вернуться к понятию традиции. Нельзя отрицать новации — без них невозможно развитие культуры, но традиция должна быть основой преемственности, сохранения культурной памяти.

Осенью 2022 года в Интернете появился ролик о семье, которая решила эмигрировать из России в Америку и уже в самолете столкнулась с проявлениями «новой этики». Афроамериканца надо пропустить в туалет вне очереди, в присутствии вегетарианцев нельзя есть мясо, вид детей раздражает чайлдфри и т. д. Это производит на россиян столь удручающее впечатление, что они надевают спасательные жилеты и прыгают в океан. При всей иронии и эпатажном сюжете этого ролика в нем есть определенный смысл: это и есть противопоставление систем ценностей.

Тем не менее мы можем считать, что отмена культуры не состоялась. Невозможно отменить русскую культуру в несостоявшейся культуре. Почему в несостоявшейся? Потому что мы не видим ни глобализации, ни мультикультурализма в том виде, в каком они предполагались. И «новой этики», на мой взгляд, тоже нет ни в одном из вариантов, которые мы могли бы обсудить в контексте нашей системы ценностей.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — То есть Вы, со своей стороны, культивируете культуру отмены, не признавая прежнее понимание глобализации, верно?

Т. И. ЕРОХИНА: — Культурологи хорошо знают, что главное понятие в культурологии — интерпретация. Сейчас Вы интерпретируете мои слова, в то время как я пыталась интерпретировать Вашу позицию. Культура отмены в принципе невозможна — ни по отношению к «новой этике», ни по отношению к нашей культуре. Само это понятие представляется мне абсурдным. Но если утрировать, то да, конечно.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Профессор Ирина Викторовна Малыгина, Вам слово.

И. В. МАЛЫГИНА: — Тема нашей секции сформулирована в виде вопроса, и на первый взгляд это риторический вопрос. Действительно, о каком выборе может идти речь? Конечно, мы выступаем за свое, родное. Но оказывается, что вопрос вовсе не праздный. Какая из систем готова себя защищать и делает это более эффективно?

На наших глазах схлопывается процесс глобализации в ее однополярном варианте, становятся очевидными многие феномены, до поры скрытые за так называемым дискурсом политкорректности. Очевидно, что

мы уже не увидим единого глобального мира, который нам обещали теоретики глобализации на начальном этапе (светлая память Роланду Робертсону) и который был бы способен внести свое собственное культурное и ментальное разнообразие.

Абдусалам Абдулкеримович, Вы задали вопрос о том, откуда взялась «новая этика» и связанные с ней многочисленные перверсии. В связи с этим хочу напомнить о законе иерархических компенсаций Седова, который гласит: когда сокращается разнообразие на одном уровне системы, то на другом оно нарастает. Бесконечные претензии на лидерство в глобальной конкуренции и технологические возможности Запада привели к экспансии западного типа рациональности и системы ценностей, практически никем не контролируемой и ничем не ограниченной. Из-за этого сократилось этнокультурное разнообразие — и тут же стало увеличиваться разнообразие социокультурное, гендерное и прочее. Так что, возможно, начал действовать некий компенсаторный механизм, заложенный в самой сущности культуры.

Если мы констатируем, что наступила постглобальная эпоха, и пытаемся найти точку ее отсчета, то, думаю, надо обратиться к глубинному коммуникативному кризису. Культура диалога отстраивалась начиная с Античности, и мы до последнего времени держались за идею диалога как за соломинку, которая выручала в ситуациях даже самого зыбкого равновесия. Теперь культура диалога разрушается на наших глазах. Каковы признаки этого кризиса? Я бы выделила две очевидные тенденции — просто потому, что они непосредственно касаются России. Первая тенденция — последовательное упразднение каких бы то ни было диалоговых коммуникативных стратегий и утверждение монологического диктата в качестве новой нормы межгосударственного и межкультурного общения. Это реализуется в том смысле, как о нем писал Моисей Самойлович Каган: когда сообщение, направленное адресату, превращается в монолог, оно становится эгоцентричным, авторитарным и деспотичным, поскольку не считается с тем, кому адресовано. Априори считается, что это сообщение должно быть принято к исполнению. «Монологический» тип отношений становится фактически нормой — как в смысле концептуального основания, так и с точки зрения технологических и информационных возможностей. Мир, который стал результатом цифровой революции и, казалось бы, предопределил неизбежность встречи всех дискурсов, похоже, прозрачен, но звуконепроницаем. Чем еще можно объяснить наши высказывания, адресованные оппонентам и недоброжелателям и транслируемые вроде бы по встречным направлениям, которые на самом деле движутся по каким-то параллельным тоннелям, исключаям всякую возможность «неизбежной» встречи?

Этот процесс каким-то образом регулируется, как регулируется и санкционируется и доступ к информации, и возможность ее интерпретации и трансляции. Возникло огромное количество всяких мониторингов и санкций в информационном пространстве. Например, целую страну можно отключить от платежной системы (не говоря уже о каких-то аккаунтах) и вооб-

ще выдавить из коммуникативного пространства, хотя один из мифов глобализации утверждал, что все народы и культуры интегрированы в единую сетевую коммуникацию, из которой просто невозможно выпасть, если ваш язык распознается этой паутиной. Ничего подобного. Мы видим, как сегодня Россию пытаются активно выдавить из этой коммуникации, не дать ей возможности куда-либо пробиться. При этом используются как банальные технические средства, мистификации и фальсификации, вплоть до самых примитивных, так и более сложные технологии, например символически окрашенные фигуры умолчания. Так, в 2022 году на саммите G7 Генеральный секретарь ООН на церемонии, посвященной памяти жертвам атомной бомбардировки, долго рассуждал о том, что атомная агрессия недопустима и что мир стоит на грани катастрофы, но при этом виновник ядерного взрыва в Хиросиме остался фигурой умолчания. Аббревиатура США так и не прозвучала. Этот же трюк на днях на G7 повторил Владимир Зеленский, сказав, что Бахмут — это новая Хиросима, а Россия — агрессор, дальше с трех раз угадайте, кто бомбил Хиросиму. Подобное манипулирование информацией направлено только в одну сторону. В данном случае я фиксирую переход от диалога культур к эпохе манифестации, которая не подразумевает обратной связи и не рассчитана на диалог. Поэтому сейчас бессмысленно даже пытаться искать какие-то ответы.

Однако, как заметила Татьяна Иосифовна, мы не можем быть вторичными. Наша культурная политика должна быть проактивной. Я люблю и Запад, и Восток, но больше всех я люблю Россию. Так получилось, что на сегодняшнем этапе социокультурной динамики Запад не является нашим ориентиром. Мы ему неинтересны.

Вторая тенденция тоже касается кризиса культуры диалога. Красные линии, о которых мы с вами сегодня говорили, все больше смещаются в символическую область, в сферу культуры и идентичности. Противостояние России со значительной частью мира, в центре которого оказался украинский конфликт, — это тоже борьба за идентичность. То, что сегодня называют культурой отмены и что мы видим на Украине, в Польше, в странах Прибалтики, приобретает самые чудовищные и одиозные формы. Сносят все, что символизирует русское, имперское, советское, и мы понимаем, что в данном случае это манифестация новой украинской идентичности, формируемой во многом на отрицании: «Украина не Россия», — того, что называется новым термином «украинство».

Но украинцы не могут не знать, до какой степени сакральное значение для россиян имеет образ Великой Победы. Мало того, что у нас хотят отнять саму Победу — на нее нацелена все та же культура отмены, когда разрушают и демонтируют памятники, связанные с победой в Великой Отечественной войне. И, конечно, это тоже касается идентичности.

Позволю себе предложить собственное определение культуры отмены (которая, впрочем, не имеет никаких перспектив). Это форма коммуникации, высказывания, символически окрашенный жест, целе-

направленно превращаемый в манифестацию, которая не требует ответа, но должна нас уязвить. Я всегда расстраиваюсь, когда на телевидении говорят: они расчеловечивают российского солдата, в очередной раз отменяют российскую культуру и т. д. Но такие слова нельзя даже произносить! Никто меня не расчеловечит до тех пор, пока я сама не расчеловечусь. И никто не отменит мою культуру — просто потому, что это невозможно.

И хочу закончить словами Захара Прилепина, которые процитировал один из участников конференции, только что состоявшейся в Крыму. Он сказал, что когда Запад отменяет нашу культуру, он сам себя ломает «об колено». Самый национальный композитор в США — Чайковский, а не Гершвин. Каждый год 25 декабря, в католическое Рождество, 200 американских балетных трупп ставят «Щелкунчика». Посетить театр и посмотреть этот балет в Рождество — очень престижно. А 4 июля все американские оркестры играют самое националистическое сочинение Чайковского — увертюру «1812 год» с гимном «Боже, царя храни» в финале. И так тому и быть.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Доцент Санкт-Петербургского государственного университета Елена Михайловна Гашкова, пожалуйста.

Е. М. ГАШКОВА: — Мои размышления связаны не столько с нашими теоретическими положениями, сколько с конкретными задачами. Я понимаю, что нерв жизни бьется здесь и сейчас и мы должны что-то предложить нашей молодежи, которая, как и мы в свое время в перестройку, растерянна. Одна из моих магистранток училась на совместной с Сорбонной программе «Русско-французский диалог». Год назад программа закрылась, и мы доучиваем студентов уже на базе только нашего университета. Но ведь невозможно по щелчку пальцев отменить взаимодействие людей, культур, народов. Не взаимодействуют политики, не взаимодействуют элиты, но жизнь длинная, мы видели очень много разных событий. Я, например, на четвертом курсе ездила в Югославию в составе студенческого отряда, где были представители разных факультетов. И когда в Югославии начались бомбежки, те участники нашего отряда, которые были в Санкт-Петербурге, встретились — уже довольно взрослые люди, все со степенями. Мы действительно переживали за судьбу этой страны, которую тогда просто раздирали на части. Позднее я побывала в тех местах уже с дочерью и увидела, во что превратился прекрасный город Риека, некогда оживленный порт. Его просто нет, транспортные потоки пресеклись, город деградирует. И такое же можно сделать где угодно, невзирая на мнения людей.

Поэтому культура отмены — это, конечно, механизм искажения, изменения исторической памяти. И нам надо делать все возможное, чтобы противостоять этим процессам, которые исподволь шли уже давно. Когда мы не замечаем таких фактов, как, например, преуменьшение в иностранных учебниках трагедии блокадного Ленинграда, мы не защищаем собственную культуру. Фигура умолчания тут — это указание

на бессилие. Я согласна, что это все равно что кричать в пустоту, но кто-то нас да услышит, например Китай, Арабские Эмираты, другие страны, Африка, получившая демократические и экономические свободы именно благодаря нашему участию.

Возвращаясь к студентам, хочу процитировать документ, который утвержден в качестве базового Указом Президента от 9 ноября 2022 года, — Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Пункт 5 первого раздела общих положений гласит: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимопочтение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Буквально вчера Валерий Фадеев, советник президента, написал статью «Это вопрос о власти», в которой высказал следующую мысль: новую российскую идеологию пока еще рано закреплять в Конституции, поскольку мы должны ее не просто обсуждать, а каким-то образом трансформировать в сознании людей. И это самое сложное, потому что когнитивная война — это прежде всего изменение сознания. Когнитивная война уже давно идет на Украине: там другие учебники, другие кумиры, другие слова. Какие-то моменты я наблюдаю и у нашей молодежи, но тут еще не все потеряно.

Вернусь к прозвучавшей вчера мысли о том, что необходимо разрешать детям трудиться: убирать класс, сажать деревья. Мне кажется, мы воспитали поколение принцев и принцесс: у нас огромное количество санитарно-гигиенических запретов, заболеваний, препятствующих допуску к занятиям физкультурой и трудовой деятельности. И та трудовая составляющая, которая обязательно присутствовала в советской системе воспитания, должна быть восстановлена в своих элементарных функциях. Эстетическое воспитание тесно связано с трудовым, экологическим и патриотическим. Я всегда вспоминаю, что перчатки для работы мы привозили детям из Финляндии, у нас их не производили. У нас нет даже комбинезонов для занятий хозяйственными делами. Внуки моей подруги, живущей в Финляндии, попросили себе строительные комбинезоны, как у папы, и очень гордились, что могут теперь, как и он, ремонтировать свои самокаты в специальной одежде. Я думаю, неплохо было бы нам перенять уважение к труду, присущее протестантской этике.

Мой последний тезис связан с обществом потребления, которое уход брендов воспринимает как трагедию. В одном исследовании приводится высказывание 49-летнего мужчины: «Бренд — это и мое лицо тоже, поэтому важно, чтобы ценности бренда совпадали с моими». Книге Бодрийера «Общество потребления» уже 50 лет. Мы еще не до конца эмоционально включились в эту среду, хотя то, что нас подсадили на

потребление, несомненно. И противопоставлять этому гедонистическому раю необходимо совсем другие ценности, о которых сегодня говорили мои коллеги.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — К микрофону приглашается Елена Владимировна Харитоновна, старший научный сотрудник Института Африки РАН.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Я вкратце изложу то, что осталось за рамками моего доклада. Он касался того, почему в Африке на базе традиционных африканских ценностей не приживаются протестантская этика и ценности капитализма и почему африканцы ищут свой путь, собственную модификацию капиталистической модели развития. На мой взгляд, ошибка заключается в некой концептуальной определенности, связанной с тем, что мы, с одной стороны, строим капитализм, следуя провозглашенному в начале перестройки лозунгу «Обогащайтесь!», а с другой — пытаемся работать с Африкой, исходя из того, что мы являемся правопреемниками Советского Союза и руководствуемся принципами справедливости.

Многополярный мир, который мы пытаемся построить, это не что-то формальное, что можно объявить законодательно. Многополярный мир представляет собой систему центров притяжения. Чем же будет притягивать наш полюс то незападное большинство и те незападные государства, на которые мы рассчитываем при построении нового мирового порядка? Глобальный Юг, который мы пытаемся объединить в этом альтернативном полюсе, имеет острый запрос на справедливость. Там помнят, что СССР деколонизировал Африку, содействовал национально-освободительным движениям во всем мире, строил свою деятельность именно на принципах справедливости и создавал привлекательную модель будущего, в которой нет места эксплуатации, стяжательству, дискриминации, разделению мира на метрополию и периферию, вынужденную рабски работать на элиту — англосаксонскую, атлантическую, как ее ни назови. И именно это позволило тогда создать мощную альтернативу Западу, которая называлась социалистической системой.

Я хочу сказать, что, пока мы продолжаем заниматься коммерцией и одновременно пытаемся привлекать людей, для которых декларируем справедливость, у нас ничего не получится. Мы не станем тем центром притяжения, который будет привлекать к себе естественным образом — не силой, не плетками и кнутами и не какими-то мифическими пряниками, а так, чтобы люди сами объединялись вокруг идеи, которая соответствует их ценностям и внутренним запросам. У нас же духовное выше материального, общее выше частного, мы, как и Африка, относимся к коллективистской культуре, но у нас другой тип деловой культуры и этики. Справедливость в нашем внутреннем культурном коде стоит выше закона, управление — выше собственности, именно управление, а не манипулирование, которым часто подменяется система управления. Из нашей истории мы знаем образцовые примеры успешного управления.

Сегодня много говорилось о препятствиях для создания многополярного мира. Этими препятствиями могут стать, во-первых, ложные ценности, которые декларирует Запад: фейковая демократия, которая превращается в карго-культ, провозглашение прав человека на словах, а на деле — бесправие, трансгуманизм и прочее, во-вторых, доминирование доллара и, в-третьих, наличие оружия, посредством которого пытаются решать очень многие вопросы. Я процитирую строки Хилэра Беллока, написанные в связи с подавлением восстания в Африке:

На каждый вопрос есть четкий ответ:
У нас есть «максим», у них его нет.

Если сказать немного по-другому, есть три концептуальных блока мирового влияния. Первый — когда уничтожаются, вплоть до физического устранения, носители знаний и книги. Второй — финансово-экономический, когда единый центр управления контролирует эмиссионные центры валют, при помощи различного рода некоммерческих организаций финансирует оппозиции и «цветные революции» и таким образом разрушает страну, как было, например, с Ливией и Зимбабве. Третий блок — силовой: отрезать от технологий, уничтожить их физически. Эти блоки являются конкурентным преимуществом любого цивилизационного культурного проекта. Если мы сильны во всех трех, то сможем стать притягательным полюсом. Потому что к сильному лидеру, как правило, тянутся. Очень многие в мире сейчас готовы нас поддержать, но затаив дыхание следят за исходом битвы. Поэтому, чтобы стать центром притяжения и тем самым полюсом, мы должны быть сильными.

Е. А. ИЛЬИНСКАЯ: — Слово предоставляется Светлане Борисовне Никоновой, профессору кафедры философии и культурологии нашего Университета.

С. Б. НИКОНОВА: — Говоря о том, что происходит в современном мире, в частности в области возникновения «новой этики», мне бы хотелось рассмотреть логику с двух точек зрения. С одной стороны, призвать к тому, чтобы логическим образом посмотреть на ситуацию, то есть не только давать какие-то эмоциональные ассоциации, связанные с нашими предпочтениями, ценностями и тому подобным, а именно беспристрастно делать логические выводы. А с другой стороны, предостеречь от опасностей, к которым может привести следование логике не в плане построения мышления, а в плане развития явлений. Мне бы хотелось сказать о ценностях, но не о тех, которые мы все время называем традиционными, хотя до сих пор не можем их определить. Сейчас речь о ценностях западных, о ценностях культуры так называемого модерна и постмодерна и о том, что в современном мире происходит, потому что эти процессы взаимосвязаны.

Один современный французский философ консервативного толка суммировал ценности современной западной культуры, выражаемые в «новой этике», четырьмя словами: обмен, смешение, многообразие и изменение. Обмен предполагает и конкуренцию, и сво-

бодную торговлю, и инклюзию. Смешение подразумевает равенство — гендерное, расовое и т. п. Многообразие — это признание разных способов жизни и культур (сюда же можно включить и ту самую многополярность, о которой мы говорим). А изменение — это прогресс, развитие науки, склонность к инновациям, вообще обращенность в будущее. Я бы определила эти четыре понятия следующим образом: обмен — это свобода, смешение — это равенство, многообразие — это братство, а изменение — это то, что ведет к революционному преобразованию на основе этих тезисов.

Еще в XIX веке политик и философ Алексис де Токвиль отмечал противоречие между свободой и равенством при демократической организации общества. И сегодня уже очевидно, что утверждение абсолютного многообразия ведет к абсолютной неразличимости. То есть в пределе логического развития мы получаем из одной ценности совершенно другую — ее полную противоположность. Но, пока мы еще не достигли предела, мы можем признать, что этот проект является в высшей степени продуктивным. В конце концов, общество, которое признает права человека, множественность культур, разнообразие, диалогизм, которое гуманистично и обеспечивает социальную защиту, построено именно на ценностях модерна. Традиционное общество предполагает некую онтологичность, иерархию, которая основывается вовсе не на правах человека. То есть в ней нет ценности ни человека как индивида, ни вида, ни социума, а есть некая онтологическая иерархия — скажем, Бог, который говорит нам, как все следует устроить. А антропологический проект предлагает каждому индивиду самостоятельно выбирать, каким образом жить. Из этого логически следует эмансипация разных, прежде угнетенных слоев общества: женщин, сексуальных и прочих меньшинств, других рас. Это признание равных прав на основе рациональности. Разные мыслители выводят его из монотеизма — равенства всех перед Богом, или из христианства, поскольку Царство Божие внутри нас и внутренний порыв веры важнее внешней обрядовой структуры. То есть уже здесь заложено движение к гуманистичному обществу.

Однако некая внутренняя логика при совмещении ценностей свободы и равенства ведет к противоречиям, которые проявляются в современном мире. Если посмотреть на гендерный вопрос, то женская эмансипация — это в первую очередь признание права женщины быть такой же, как мужчина, и осуществлять ту же самую деятельность. Если женщина получала такую возможность, онтологическая иерархия говорила, что это отклонение от нормы. При эмансипации оказывается, что женщина становится свободным субъектом, таким же самостоятельным человеком, как мужчина. Это изначальный акт эмансипации, за которым следует множество разных модификаций, но в любом случае получается, что женщина приравнивается к мужчине. То же и с эмансипацией других групп: получается, что угнетенные народы приравниваются к европейцам, меньшинства — к традиционному большинству. Это означает, что в данной системе один из способов жизни все-таки оказывается доминирующим. И если учесть,

что именно европейцы дали всему миру эту систему ценностей, то в любом случае, утверждая эту систему равенства, они тем самым выражают свое доминирование. То есть получается, что даже если у всех равные права, то тот, кто предоставляет их, все равно оказывается в привилегированном положении.

Поэтому женская эмансипация, например, движется дальше — в сторону признания уже не просто равенства женщин с мужчинами, а равных возможностей для существования двух совершенно разных полов, без доминирования одного из них. Но на каком основании можно говорить об этом равенстве? На индивидуальном. То есть женщина, которая для себя решает, будет ли она заниматься мужской деятельностью, хочет ли исполнять ту или иную роль в обществе, делает самостоятельный выбор. Но если это ее индивидуальный выбор, то почему у нас только два пола? Их может быть пять, десять, двадцать — да сколько угодно. В конечном счете индивидуализированных желаний будет ровно столько, сколько индивидов. Каждый индивид представляет свой пол, свою расу, свое вообще все что угодно. Это происходит при доведении логики до предела.

Или, например, возьмем проблему толерантности. Толерантным можно быть ко всем проявлениям жизни. Но можно ли быть толерантным к тому, кто сам нетолерантен? Если следовать этой системе ценностей, получается, что мы не можем быть толерантными к нетолерантным, а значит, их нужно «отменить». Признавать можно только тех, кто сам включен в эту систему. И это является логической проблемой. Она уже давно назрела, но пока никто не знает, как ее решить. Либерализм с его толерантностью становится крайне репрессивной идеологией.

Еще одна проблема — это доминирующая позиция культуры, которая дает собственно толерантность. В ситуации, когда нужно признать абсолютно индивидуальное равенство и многообразие всех (а равенство и многообразие уже сами по себе противоречат друг другу), мы сталкиваемся с культурой отмены, которая мне представляется слабой и безрезультатной попыткой сделать что-либо с абсолютным доминированием западной культуры, которая эти ценности ввела. Культура отмены направлена в первую очередь против западной культуры. Но, будучи сама продуктом западной культуры, она в еще большей мере утверждает ее доминирование и ее же отменяет. Мы снова сталкиваемся с логическим противоречием.

В конце XX века западные мыслители высказывали идеи, каким образом это преодолеть. Они предлагали отойти от логики в сторону чувств, но все эти проекты оказались утопическими, поскольку человек всегда следует логике. В данном случае мне остается закончить риторической фигурой Анаксимандра, который объяснял, как формируются миры: сначала элементы стремятся из хаоса к полному разделению, а после — обратно. Миры создаются на промежуточной стадии, когда все уже начало смешиваться, но еще не смешалось полностью, или уже стало разделяться, но еще не полностью разделилось. Поэтому давайте не будем доводить логику до предела, потому что иначе получим

абсурд, а вернемся к знаменитому тезису Юргена Хабермаса о том, что модерн — это незавершенный проект и, как проект продуктивный, он может дать нам множество замечательных общественных установлений, если мы не станем доводить их до абсурда.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Мне кажется, наша дискуссия в теоретическом плане является очень насыщенной и плодотворной. Одна эта мысль чего стоит: «все, что нас так возмущает, возникло из той же логики, которой мы следовали». Гуманизм, равенство, братство — развивайте эти идеи до конца и получите бесконечное количество полов. Доведите до предела идею свободы личности — и ребенок сам будет выбирать себе имя, отчество, фамилию и т. п. Я бы сказал, такая игра ума является очень важной и оздоравливающей процедурой.

И, конечно, очень интересно, каким образом мы вдруг пришли к разговору о противостоянии и борьбе культур, хотя на протяжении ряда лет на Лихачевских чтениях обсуждали диалог культур, думали, как идти друг другу навстречу, разговаривать между собой. Неужели мы были абсолютно неправы, когда говорили о диалоге культур, а сейчас прозрели? Или же, наоборот, оступели? Нам нужно это осмыслить.

Слово предоставляется Якову Георгиевичу Шемякину, главному научному сотруднику Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН.

Я. Г. ШЕМЯКИН: — Обсуждения на пленарном заседании и панельной дискуссии выявили необходимость переосмыслить соотношение понятий «конфликт» и «диалог», особенно учитывая традиционно центральную роль диалогической проблематики в работе Лихачевских чтений. В конфликтологии существует множество интерпретаций феномена конфликта. Попытка обобщить как собственный исследовательский опыт, так и результаты работы коллег привела меня к выводу, что, не отрицая иные варианты классификации, можно выделить две принципиально отличающиеся разновидности данного феномена: конфликт интересов и конфликт ценностей. В основе конфликта интересов всегда лежит борьба за ресурсы (материальные и людские) и контроль над той или иной территорией. Конфликт ценностей — это столкновение принципиально различных подходов к миру и жизни, путей разрешения основных противоречий человеческого существования: между мирским и сакральным измерениями жизни, человеком и природой, индивидом и обществом, традиционной и инновационной ипостасями целостности культуры. Разумеется, эти два вида конфликтов в реальной жизни тесно связаны. За красивыми фразами о защите основополагающих ценностей часто скрываются вполне конкретные материальные интересы. Тем не менее есть существенная разница.

Как показывает история, конфликт ценностей наиболее труднопреодолим. При конфликте ценностей гораздо большее значение имеют иррациональные факторы, побуждающие людей во многих случаях действовать вопреки собственным интересам, включая мате-

риальные. И. С. Семененко высказала в связи с этим интересное предположение: «Основным вектором урегулирования, реализуемым в конкретных политических решениях, является перевод конфликта из плоскости столкновения идентичностей в плоскость противостояния интересов». Это позволяет открыть путь «рационализации решений», хотя возможна альтернатива, когда столкновение интересов обостряет конфликт идентичностей. Поэтому, по мнению И. С. Семененко, в контексте долгосрочного урегулирования, помимо социальной политики государства, не менее важно искать адекватные пути учета ценностных запросов и нематериальных, в том числе символических, требований, артикулируемых противостоящими сторонами под флагом борьбы за идентичность.

Хотя с уважаемой коллегой можно во многом согласиться, считаю необходимым сделать важную оговорку. Предлагаемый в качестве основного пути решения коллизий межкультурного взаимодействия перевод конфликта идентичностей (то есть ценностей) в плоскость конфликта интересов возможен, как правило, лишь в том случае, если люди будут руководствоваться рациональными соображениями. Однако при столкновении качественно различных образов жизни, противоположных ценностных ориентаций для диалога чаще всего остается очень мало места. И совершенно справедливо подчеркиваемая И. С. Семененко принципиальная важность учета ценностных запросов означает настоятельную необходимость учета иррациональных факторов.

По моему убеждению, единственно возможный путь если не преодоления, то смягчения конфликта ценностей — реализация на практике принципов «диалогичности» М. М. Бахтина. Обращаю внимание на принципиально важный аспект: диалогическое общение в понимании Бахтина не исключает конфликт, более того, бесконфликтность убивает диалог, «активное согласие–несогласие... стимулирует и углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостным, не допускает взаимного растворения и смешения». То есть конфликт, даже принципиальный, может создавать творческую атмосферу, способствующую развертыванию диалога и взаимопониманию его участников. Однако такую позитивную роль конфликт может сыграть лишь в том случае, если будет преодолена тенденция к монологизации, то есть превращению диалога в собственную противоположность. Как писал М. М. Бахтин: «Монологизм в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного я (ты). При монологическом подходе (в предельном или чистом виде) другой всецело остается только объектом сознания, а не другим сознанием. От него не ждут такого ответа, который мог бы все изменить в мире моего сознания. Монолог завершен и глух к чужому ответу, не ждет его и не признает за ним решающей силы. Монолог обходится без другого и потому в какой-то мере овеществляет всю действительность».

Тенденция к монологизации диалога с наибольшей силой проявилась в западном цивилизационном

сознании, достигнув максимума в наши дни. В связи с этим хотелось бы особо подчеркнуть следующее обстоятельство. Проводя курс на «отмену русской культуры» и разрушение российской цивилизации как автономного социокультурного субъекта, коллективный Запад провоцирует нас на монологический ответ на собственный агрессивный монолог. По-моему, это искушение, которое необходимо преодолеть: хотим мы того или нет, западная традиция стала неотъемлемой составной частью социально-генетического кода нашей цивилизации. Запад в нашей истории предстает в двух ипостасях: как внешняя сила и как внутренний фактор развития российско-евразийской цивилизации, один из участников того многостороннего взаимодействия различных начал и традиций, которое составляет ее идентификационный стержень. Поэтому, по моему убеждению, мы, вопреки попыткам отсечь нас от европейского культурного наследия, должны продолжать диалог как с носителями подлинной западной традиции, отстаивающими ценности, условно называемые сегодня традиционными, так и с западным началом в собственных душах.

Е. А. ИЛЬИНСКАЯ: — Слово предоставляется профессору Сергею Сергеевичу Пронину, Заслуженному деятелю искусств Республики Карелия.

С. С. ПРОНИН: — Еще Н. А. Бердяев сто лет назад утверждал, что совершился переход культуры в цивилизацию. Сегодня мы переживаем глобальные перемены, и они в большей степени коснулись людей зрелого возраста, а молодое поколение сейчас находится в шоковом состоянии, способствующем принятию неправильных или необдуманных решений. И надо признать, что и культура сделала немало для того, чтобы мы оказались в этой ситуации.

Так, театральная сфера за последние 20 лет подверглась существенным изменениям. Влияние постдраматического театра на нашу культуру оказалось весьма существенным, были сделаны очень серьезные прививки. Это коснулось и сферы профессионального образования, и режиссуры, и актерского воспитания, и драматургии. Все это в результате привело к созданию ситуации, которую я бы обозначил как нулевую. Сегодня в Российской Федерации более 600 государственных театров, и многие из них не знают, что им ставить, говорить и транслировать. Спасательным кругом, как всегда, является наша классика. Но до каких пор мы будем выезжать на ней? Понятно, что эта ситуация должна как-то разрешиться. Объясню, почему я выбрал тему «Национальный театр России». В последние годы серьезное воздействие на наши умы оказали не только глобальная идея и глобальная экономика, но и наша внутренняя политика. Мы сегодня говорим: «русское, русское, русское». Однако применительно к современной действительности правильнее употреблять слово «российское». Наша культура многонациональна, у нас огромное количество национальных объединений и театров, которые говорят на национальных языках. Но наша националь-

ная культура, к сожалению, в последнее время испытала очень сильный шок, сейчас, я бы так сказал, его вторичный толчок. Первичный — это та моральная деградация, за которую несет ответственность английский язык. Но мы тоже несем ответственность за деградацию наших национальных культур, потому что глобализация оказала влияние на умы нашей молодежи и остального населения, воздействовав на мышление, напрямую связанное с языком. Я знаю статистику потерь, которые понесли от этого национальные республики. Молодежь массово отказывается от национальных языков, от родной культуры, утверждая, что это все уже прошлый век, никто не будет говорить на национальном языке, он никому не нужен, и театр этот не нужен, и литература эта не нужна, и песни эти не нужны, давайте нам «Евровидение». Но все мы дети своей малой Родины, и пока будут сильны национальные культуры, будет крепок весь российский народ. Об этом не надо забывать, и в противовес тому, что происходит сегодня в мире, нужно уделить повышенное внимание национальному вопросу.

20 лет назад под призывы к восстановлению национальной справедливости возникла идея создания Театра наций в Москве, однако он так и не был создан. Театр наций в Москве возглавляет господин Миронов, и никакого национального театра там нет. И национальных фестивалей в Москве тоже очень долго не было, а созданная сегодня Ассоциация национальных театров России объединяет лишь некоторые из них и не имеет никакого отношения к остальным. Поэтому нам пора серьезно задуматься вот о чем. Чтобы бороться с глобализацией и отстаивать Россию и все свое национальное, нужно направить самое пристальное внимание в глубь страны.

Спасибо правительству, Государственной Думе, нашему президенту — сегодня наконец приняты законы, которые устанавливают необходимость вовлечь в широкую активность детей, и теперь в каждой школе будут создаваться драматические кружки, потому что поняли, что с русским языком тоже дело плохо, надо уже и через любительские формы театра восстанавливать эту структуру. Нужно вернуть детям театры, которые предназначены для них, потому что сегодня большое количество детских театров ориентировано на взрослых. Это очень широкое движение, и оно приобрело постмодернистский характер, когда детям в рамках формального театра показывают многие вещи, которые просто недопустимы. Поэтому, если театр является носителем нравственного начала, мы должны сделать все для того, чтобы он отстаивал наши интересы.

Сегодня мы должны понимать: у любого национального театра, являющегося государственным учреждением, есть документ, в котором прописана его миссия — сохранение национальной культуры и языка. И если мы хотим сохраниться как нация и определяем для себя, что миссия культуры — это нравственность, то все будет хорошо, что-то в нашей стране изменится к лучшему. И от триединства язык–религия–культура нам никуда не деться. А вот кто будет заниматься языком, религией и культурой — это большой вопрос.

Е. А. ИЛЬИНСКАЯ: — Сергей Сергеевич, у меня вопрос. Многие любимые публикой артисты уехали из страны, например Чулпан Хаматова. Как Вы думаете, какой будет их творческая судьба за рубежом?

С. С. ПРОНИН: — Я вам приведу такой пример. В прошлом году я выпустил актерский курс, на котором учились только студенты-иностранцы, финны. Так как я свободно владею языком, мы с ними прекрасно занимались. Когда случились известные события, половина этих студентов, собрав чемоданы, отправились домой. А прочие все же окончили курс, получили наши российские дипломы, а после уже вернулись к себе на родину. Но двое остались и работают в наших театрах, не хотят уезжать. То ли я на это повлиял, то ли Россия такая прекрасная — не знаю. Что касается Хаматовой, то у тех моих студентов, которые сразу уехали, имелись на то основания: они очень четко себе представляли, что может начаться война, и хотели быть с близкими, родителями, да и просто остаться на Родине. Их позиция, мне кажется гораздо более достойной уважения, чем та, которую заняли те наши люди, что уезжают из России. Их что, как в 1937 году, к стенке поставят? Не поставят. Им не дают работать? Нет. Поэтому, на мой взгляд, творческая судьба у таких людей, даже если это видные деятели культуры и искусства, за рубежом вряд ли сложится. И я надеюсь, это многих отрезвит. Я всю жизнь работаю с языками и понимаю, что без родной речи у людей, особенно тех, кто работает в театре, кино, ничего не получится. Общность языка — это самое главное для человека, без нее нет чувства Родины. И ничего с этим не поделаешь — так уж мы устроены. Я искренне верю в то, что Вавилонскую башню нельзя разрушать. Пусть она стоит и все говорят на своих языках.

Е. Г. ДРАПЕКО: — Я тоже вставлю слово в качестве оправдания и внесу позитивную ноту. Во-первых, 5 июня состоится выездное заседание Комитета Государственной Думы по культуре в Казани. Темой встречи будет этнокультурное разнообразие и его роль в развитии России. Во-вторых, за последние годы нам удалось отреставрировать, отремонтировать все театры юного зрителя и даже построить новые здания. Мы их модернизировали, оснастили новым оборудованием. У нас работает национальный проект «Культура», по которому мы начали строительство, реставрацию и реконструкцию домов культуры в небольших населенных пунктах — там, где, собственно, и сохраняется коренная народная культура. То есть государство приложило реальные усилия для сохранения национальной культуры.

Что касается нормативно-законодательной базы, то Россия — единственная страна в мире, где есть закон о национальной культурной автономии, и он действует, по нему выделяются бюджетные средства, чтобы в рамках национальных объединений, республик, краев, областей возможность культурного развития получала не только титульная нация, но и те, кто составляет меньшинства, а также диаспоры. Финансируются и дома национальностей — там, где существу-

ют национальные культурные автономии. Такие дома национальностей есть и в Петербурге, и в Москве. А в Мурманске, например, имеется очень мощная украинская национально-культурная автономия. Из таких автономий, кстати, ни одна не закрылась, все до сих пор работают.

И третье. Абсолютно согласна с Сергеем Сергеевичем: сегодня у нас наблюдается кризис смысловой драматургии. Лет 20 назад, когда я только начинала работу в парламенте, мы провели собрание главных режиссеров театров и спросили: «Почему вы занялись коверканием классики? Если хотите сказать актуальное слово о сегодняшнем дне — ставьте современную драматургию». На что нам было сказано: «Современной драматургии нет». Марк Захаров признался: «Мы не знаем, что ставить». Тогда в Доме кино в Москве собрали сценаристов и драматургов: «Ну что же вы такую дрянь пишете, которую ставить невозможно?» На что те ответили: «Ну, во-первых, люди выбирают дрянь. А во-вторых, мы не понимаем, что хорошо, а что плохо. Пусть философы соберутся и скажут нам, кто сегодня положительный герой, а кто отрицательный. Тогда мы все напишем».

Я считаю, что если сегодня и искать крайнего, то не где-то, а в нашей творческой среде. Крайние — это мы с вами. В Союзе театральных деятелей, в Союзе кинематографистов, в Союзе художников должны честно, посмотрев друг другу в глаза, начать такую же дискуссию, которая сегодня происходит в нашей научной среде. Необходимо договориться: что хорошо, а что плохо. Чтобы не грантодатели отбирали для нас лучшие образцы и решали, что поддерживать сегодня в России, а мы сами, художественная интеллигенция. Именно мы, как среда профессионалов, отвечаем за то, что происходит. Когда мы обнаружили, что в национальном кинематографе есть оборудование, аппаратура и технологии, но нет сценариев, Министерство культуры сделало неожиданный шаг — оно наняло сценаристов. И сегодня каждый литературный труженик может написать заявку на сценарий, и если она покажется интересной, его возьмут в штат с зарплатой 150 тыс. рублей в месяц, и он начнет писать сценарий. Сначала сдает первый вариант, с ним работают редакторы, тоже нанятые Министерством культуры, потом второй вариант, и так до тех пор, пока сценарий не примет какие-то качественные формы. И только после этого, если специальная комиссия Фонда кино сочтет готовый сценарий подходящим для реализации, по нему будут снимать фильм. То есть мы вынуждены административными, финансовыми мерами выращивать себе новую сценарную, художественную элиту. Почему? Потому что на протяжении многих лет у нас была порочная система образования. На творческие специальности принимали только людей без высшего образования, выпускников средних школ. Когда лет шесть назад я пришла во ВГИК и передо мной сидело наше отделение сценарис-

тов, это были девочки 18–19 лет. О чем они могли написать? Какой у них жизненный опыт? И мы, кинематографисты, много лет объясняли это, добивались перемены, а нам говорили: «Как это — одни будут иметь два высших образования бесплатно, а другие — только одно? Это не конституционно». Но мы дошли до президента, и В. В. Путин во ВГИКе пообещал, что будет возможность получать второе высшее образование по творческим специальностям бесплатно.

И вот уже третий год у нас есть такое право, хотя и не у всех вузов, а только у государственных, и не на весь курс, а лишь на определенную квоту, против чего мы, депутаты, тоже выступаем. И все же мы добились того, что талантливые люди могут участвовать в общем конкурсе и бесплатно получать второе высшее образование. Это то, что мы реально предпринимаем. Но никакая власть, никакой князь Красно Солнышко не сможет тронуть душу творца, если той у него нет. Поэтому пламенный призыв ко всем, кто занимается творчеством. Во-первых, слышать и слушать свой народ. В баре Дома кино жизнь изучать бессмысленно. Второе — слышать и слушать время. А оно говорит на таких конференциях, как наша. Это время бурлит и задает вопросы, ответов на которые пока еще никто не знает.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо, Елена Григорьевна. Ваше выступление вполне можно считать подведением итогов работы нашей секции. На мой взгляд, состоялся очень интересный разговор. И даже когда мы будто бы ушли в сторону, затронув темы театра и драматургии, эти вопросы тоже оказались в центре нашей дискуссии. Ведь на самом деле, говоря о диалоге культур, мы имели в виду, что в таковой вступают люди, принадлежащие к той или иной культуре, и вступают они в диалог по поводу тех проблем, которые их волнуют. В диалог культур можно выносить любой вопрос, кроме вопроса о ценности самой культуры, к которой принадлежит человек. Теперь Богом или историей мы поставлены в такую ситуацию, когда речь идет о национальной культуре. Ведь культура имеет свою национальную форму, нет культуры вообще, как нет человека вообще, каждый из нас принадлежит к той или иной культуре. Жозеф де Местр говорил: «Я видел немцев, я видел французов, русских. Господин Монтескье рассказал о том, что даже есть персы. А кто такой человек вообще, я не знаю, никогда его не встречал». И когда мы говорили о диалоге, речь шла о содержании культур, о том, где они пересекаются, а теперь мы ставим вопрос о форме культуры, о самом ее бытии, и это, конечно, переводит нас в другую плоскость, дает другую сумму понятий и требует других обобщений.

Благодарю всех участников дискуссии и хочу пожелать нам новых плодотворных встреч на Лихачевских чтениях.

Секция 3 ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

26 мая 2023 г. Лекционный зал № 3 СПбГУП

Руководители секции:

Н. Н. НИКУЛИН	профессор кафедры экономики и менеджмента Академии труда и социальных отношений (Москва), доктор экономических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Почетный профессор СПбГУП
М. М. ХАЙКИН	заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор

ДОКЛАДЫ

А. М. Алексанков¹

СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА МЫШЛЕНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

События, происходящие в мире в настоящее время, наглядно свидетельствуют о том, что наметился не только глобальный экономический кризис, но и глобальный кризис мировосприятия и отражения окружающего мира в результате сознательной деятельности человека. Его можно было бы назвать кризисом соотношения отдельного человека и общества в целом с окружающей действительностью, кризисом модели дальнейшего развития социума в рамках существующих представлений об окружающей действительности и законах ее развития.

Следует признать, что в среде социологов, экономистов, политологов и других специалистов есть ощущение нарастающего кризиса, но все попытки дать внятные и системные рекомендации по выходу из него наталкиваются на проблему пребывания внутри устаревших представлений и невозможности с их помощью описать наступающую реальность. Часто приходится слышать о фазовом кризисе в большинстве областей деятельности человека, однако содержание этого фазо-

вого кризиса для многих остается неочевидным и недостаточно формализованным через определенные параметры состояния. Описание кризисных явлений во всех областях деятельности человека выходит за рамки данного доклада, в котором предполагалось сфокусироваться на экономических аспектах деятельности человека.

Что являлось основой экономической деятельности человека в обозримом периоде развития и как эта экономическая деятельность была связана с мировоззренческой позицией человека и общества? Основой любой деятельности по отношению к окружающему миру и его ресурсам являлась триада «питание–выживание–доминирование». Решение задачи получения устойчивого питания и снижения угрозы жизни как от негативного воздействия внешней среды, так и от сознательной деятельности ее обитателей, приводит к необходимости обеспечения доминирования в среде с целью закрепления достигнутого положения. Доминирование становится инструментом поддержания установленного равновесия.

В соответствии с теорией систем слабая способность системы управления к усложнению приводит в конфликт со все усложняющейся управляемой системой, что и приводит к их разрушению. Сегодня мы наблюдаем явный кризис мирового доминирования, усугубленного кризисом эффективности капитала в существующей экономической модели. Очевидными признаками кризиса эффективности капитала являются растущая инфляция и незначительный рост ВВП в развитых европейских странах. Сам по себе рост ВВП является неотъемлемой частью существующей капиталистической модели с доминированием финансового

¹ Директор Центра развития инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Проектный подход в науке, образовании и цифровой экономике» (в соавт.), «Перспективы формирования персональных профилей компетенций и персональных траекторий развития, как ключевого кадрового элемента цифровой экономики» (в соавт.), «Кадровое обеспечение цифровой экономики: европейский опыт и российские новации» (в соавт.), «Управление киберфизическими системами в контексте концепции промышленности и проблемы регуляции» (в соавт.), «Потенциал управления в индустрии 4.0 и виртуализация социального капитала» (в соавт.), «Четвертая промышленная революция и модернизация образования: международный опыт» и др. Лауреат Премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования и среднего профессионального образования.

капитала, но не всегда прямо связан с уровнем жизни населения, когда структура ВВП имеет существенно большее значение, чем его номинальный рост. По данным Eurostat, среднегодовая инфляция в странах Евросоюза в марте–апреле 2023 года составляла около 8 %, при этом в октябре 2022-го показатель инфляции достигал 11,5 %, а в ноябре 2022 года планируемый рост ВВП на 2023-й составлял для Европы всего 0,3 %. Фактический рост в 2023 году превысил ожидания и достиг 0,9 %, но номинально не превысил и 1 %.

Кризис эффективности капитала во многом связан с кризисом потребления среднего класса, явившегося в развитых странах драйвером экономического развития и роста. Насыщенность рынков и высокий уровень конкурентной борьбы, а также часто неоправданные ожидания от вывода на рынок инновационных товаров тормозят ставший привычным рост ВВП. Проблема инновационных товаров во многом заключается в завышенной потребительской ценности объекта продаж, что приводит к наличию свойств и характеристик товаров, часто не нужных потребителям. Функциональная невостребованность многих характеристик товаров, особенно технологически сложных, часто сочетается с завышенной потребительской ценой на них, что, в свою очередь, не способствует росту продаж.

Иными словами, потребитель в развитых странах во многом близок к состоянию насыщенности материальными товарами и их основными характеристиками. Дальнейшее развитие в этом направлении представляется малоперспективным. Ситуацию можно также интерпретировать через понятие материальной связности, которая характеризует количество объектов, имеющих какие-либо связи между собой, а также общее количество объектов, связанных в одной макросистеме. Возможности расширения материальной связности оказались исчерпаны как по количеству связей, так и по числу самих объектов, что фактически означает слабую способность всей системы генерировать новые материальные ценности, то есть обеспечивать эффективность капитала. Материальный капитал подходит к пределу своего воспроизводства как по экстенсивной, так и по интенсивной составляющей. Экстенсивные (территориальные) возможности быстрого воспроизводства капитала за счет экспансии на новые территории оказались исчерпаны, так как неосвоенные или плохо освоенные территории (Африка, часть Азии и др.) существенно уступают в традиционных сферах деятельности (добыча полезных ископаемых не входит в этот перечень) по скорости возврата вложенных инвестиций¹.

Поиски новой связности в виртуальных мирах сопряжены с существенными социальными рисками сохранения адекватного социума, способного без ущерба для своих когнитивных способностей перемещаться между реальным и виртуальными мирами. Негативные последствия чрезмерного увлечения виртуализацией реального пространства уже наблюдают социальные психологи, работающие с подростками. Ставка на ак-

тивное развитие прорывных технологий, к которым относятся аддитивные технологии, технологии цифровизации проектирования, производства и продаж, киберфизические системы, искусственный интеллект, Big Data и многие другие, быстро показала, что их возможности на сегодняшний день ограничены как вследствие слишком высокой цены на внедрение в современных условиях, так и вследствие все большего количества вопросов о социальных последствиях новой технологической революции.

Таким образом, в качестве промежуточного вывода можно констатировать, что модель воспроизводства капитала, построенная на необходимости постоянного роста с целью быстрого восполнения финансового ресурса, подошла к своему завершению. Следует отметить, что эта модель строилась на якобы естественном стремлении человека к богатству как основной целевой функции его жизнедеятельности. Если принять, что человек является лишь одной из форм биологической жизни, пусть даже и наиболее развитой, то такое поведение и мотивация к существованию будут не характерными для любого другого биологического вида жизни на Земле.

Может ли человек изменить свое мышление и занять другую позицию, где материальное богатство не является безусловным приоритетом? Вопрос сложный, скорее всего, не имеющий однозначного ответа. Отношение человека к окружающему миру меняется под воздействием внешней среды, изменение своего поведения по собственной воле по силам лишь особо выдающимся индивидуумам. То есть государство (или иные общественные объединения людей) как внешняя среда, осознавая экзистенциальный риск будущего, должно сформировать условия, в которых человек будет вынужден трансформировать свою поведенческую позицию в сторону ухода от материального блага как основной жизненной цели. Экзистенциальный риск в данном случае заключается в том, что замкнутая экономическая система, как и любая другая система, повышает свою энтропию и в итоге погибает. В практическом смысле это выражается в том, что миллионы людей, особенно среднего класса, оказываются проигравшими по эффективности, например, цифровым технологиям, а в итоге выбывшими из гонки за выживание.

Никто и ничто не гарантирует благополучия в будущем и нынешним элитам. Расчет на приоритетную по сравнению со всеми остальными позицию может оказаться несостоятельным, когда сложность обеспечивающих систем делает всю структуру настолько сложной, что элиты просто не справятся с управлением. Именно поэтому ни для каких групп не существует абсолютной гарантии выживания, которое возможно только при условии изменения мышления и мировоззренческой позиции. Что, в свою очередь, требует устранения колоссальных разрывов в доходах и достижения относительного паритета материального благосостояния граждан. Этот материальный уровень не может быть одинаков для всех, но он должен соответствовать естественному неравенству людей по их интеллектуальным и эмоциональным способностям. То есть

¹ Делягин М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! 12-е изд., перераб. и доп. М.: ИПРОГ: Книжный мир, 2019. Т. 1: Общая теория глобализации.

фундамент в виде первого уровня пирамиды Маслоу должен быть у всех участников социально-экономической системы.

Наличие такого фундамента позволяет переориентироваться на развитие при усложнении общей системы, но уже через духовное и ментальное совершенствование. В практическом смысле на начальной стадии оно может быть выражено в качественном изменении социального, внутрикорпоративного и межкорпоративного взаимодействия в интересах развития как личности, так и общей или локальной экосистемы. Системное и критическое мышление становится в таком случае необходимым элементом будущего совершенствования.

В продуктовом контексте развитие мышления преобразуется в необходимость создавать добавленную стоимость продукта или услуги через привнесение новой социальной ценности. То есть продукт или услуга приоритетным образом настраивается на удовлетворение потребностей более высокого порядка, чем базовые. Необходимость формировать такие потребности становится важным условием дальнейшего развития.

Эволюция экономической модели должна привести к изменению и ее институтов. В настоящее время этот процесс уже происходит, например, в форме размы-

вания функций таких традиционных институтов, как банки, которые трансформируются в тесное переплетение кредитных, сервисных, управляющих, страховых, бизнес- и иных организаций в тесном сочетании с ИТ-компаниями.

В качестве вывода можно констатировать следующее:

— существующая экономическая модель подошла к пределу возможностей обеспечивать дальнейшее развитие общества. Несовершенство модели будет только усиливаться, что может привести к глобальному кризису с необратимыми последствиями;

— основная причина ограниченности существующей модели заключается в ограниченности связности объектов материальной среды;

— развитие существующей экономической модели возможно только через устранение системных противоречий и разрывов на уровне базовых потребностей;

— производимые товары и услуги должны приобретать новую добавленную социальную ценность, удовлетворяющую потребности более высокого уровня;

— потребности более высокого уровня не могут сформироваться только вследствие воли индивидуума, они должны быть результатом коллективной деятельности человека на основе его стремления к духовному развитию.

Н. В. Бурова¹

ИНФЛЯЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

В докладе приведены результаты краткосрочного моделирования потребительской инфляции в российской экономике как одного из факторов, воздействующих на реальные доходы населения, а также выявлена роль общей инфляции в изменении стоимостного объема ВВП.

Рассуждения о росте цен, глобальной, базовой или потребительской инфляции, инфляции спроса и предложения, гиперинфляции или стагфляции, об отставании роста оплаты труда от роста цен на товары и услу-

ги потребительского назначения часто становятся предметом не только научных, но и бытовых дискуссий. Вопросам роста инфляции в мировой экономике посвящаются разделы отчетов о состоянии и перспективах развития отдельных стран и их групп, и даже самостоятельные секции в программе международных симпозиумов — например, Петербургского международного экономического форума, где в 2021 году работала секция «Инфляция в мировой экономике — показатель роста, результат деглобализации или предвестник кризиса». Как видно из названия, в разные периоды экономического развития феномен «инфляция» может выступать и одним, и другим, и третьим. Глобальные перемены в экономиках мира в 2022–2023 годах вновь притягивают внимание к вопросу инфляционной составляющей экономического развития.

Согласно публикациям ОЭСР² общемировые тенденции весны 2023 года таковы: в большинстве стран мира наблюдается снижение темпов роста деловой активности по сравнению с 2022 годом, но прогнозируется улучшение ситуации в 2024-м. В условиях замедления глобального экономического роста, снижения инфляции цен на энергоносители и продовольствие, а также все более ощутимых последствий ужесточения денежно-кредитной политики большинством крупных

¹ Профессор кафедры статистики и эконометрики, директор Центра российско-французского сотрудничества в области образования и науки Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ. Автор более 190 научных публикаций, в т. ч.: «Международные программы высшего образования: генезис и перспективы развития» (в соавт.), «Оценки нелегального сектора ненаблюдаемой экономики», «Оценка масштабов нелегальной экономической деятельности как проблема измерения», «Forces and dangers of digital economy» (в соавт.), «Признание профессионального опыта в системе высшего образования Франции», «International Economic Sanction Modeling» (в соавт.), «Data Scientist: новая профессия или возвращение в будущее (размышления на примере французской системы образования)», «Лидер, предприниматель, инициатор, созидатель: современные женщины в российском и глобальном контекстах», «Моделирование эффекта и длительности воздействия санкций в международной экономической системе» (в соавт.) и др. Член Российской ассоциации статистиков. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования и среднего профессионального образования, кавалер ордена Академических пальм (Франция). Награждена грамотой Министерства образования и науки РФ.

² Perspectives économiques de l'OCDE, Rapport intermédiaire et mars 2023 : Une reprise fragile // OECD iLibrary : [сайт]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/perspectives-economiques-de-l-ocde_16843436 (дата обращения: 29.04.2023).

центральных банков рост потребительских цен должен быть умеренным. Ожидается, что общая инфляция снизится в 2023–2024 годах почти во всех странах G20. При этом годовая инфляция будет оставаться намного выше целевого уровня почти везде на протяжении большей части 2024 года. Однако в рассуждениях экономистов и аналитиков ОЭСР присутствует явная политическая подоплека, упоминается «агрессия России против Украины», прогнозируется отрицательная динамика ВВП России в 2022 году (– 2 %) и самая высокая инфляция (+ 14 %) по сравнению с инфляцией в странах G20 (+ 8,1 %), Бразилии (+ 9,3 %), Индии (+ 6,6 %), Китае (+ 1,9 %) за тот же период (2022 г.). Обратимся к более надежным источникам информации и применим эконометрическое моделирование с целью оценить перспективы инфляции в России.

По данным Росстата¹, стоимостной объем ВВП РФ в 2022 году составил 97,9 % от ВВП 2021 года. Как известно, стоимостной объем зависит от физического объема созданных товаров и услуг, а также индекса-дефлятора ВВП. Инвестиции в основной капитал за тот же период выросли на 4,6 %, тогда как реальные располагаемые денежные доходы населения снизились, но всего на 1 %. В части социально-экономического развития в феврале 2023 года по сравнению с февралем 2022-го наблюдаются следующие тенденции изменения основных показателей:

- выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности — 98,2 %;
- промышленное производство — 98,3 %;
- потребительские цены — 111,0 %;
- цены производителей промышленных товаров — 92,5 %;
- общая численность безработных в возрасте 15 лет и старше — 2,6 млн человек (на 14,2 % ниже);
- номинальная среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций — на 12,4 % выше;
- реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций — на 0,6 %.

Различие между реальными и номинальными доходами населения, основной составляющей которых выступает заработная плата, обусловлены наличием потребительской инфляции. Наблюдаемая разница свидетельствует о том, что потребительская инфляция имеет место в России, как и в любой стране с рыночной экономикой, и составляет порядка 11 %, что расходится с данными, публикуемыми на сайте ОЭСР. Таким образом гибридная война стран коллективного Запада против России ведется и на информационном поле.

Отметим только, что сравнение динамики индексов потребительских цен и цен производителей промышленных товаров свидетельствует о наличии в стране инфляции спроса, которая обычно объясняется наличием скопившихся у населения невостребованных денежных масс, а также тем, что торгово-транспортные издержки и налоги на продукцию и услуги растут быстрее, чем себестоимость их производства. И это еще

¹ Социально-экономическое положение России. Январь-февраль 2023 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-02-2023.pdf> (дата обращения: 29.04.2023).

раз подтверждает тот факт, что для разных экономических агентов в обществе (представителей домашних хозяйств, фирм, государства и его подразделений) один и тот же процесс или явление (как, в частности, инфляционные процессы) может выглядеть диаметрально противоположным.

Многие российские экономисты проводят серьезные исследования инфляции и ее воздействия на стороны воспроизводственного процесса. В частности, В. Банникова и А. Пестова на примере кризиса 2014–2015 годов отмечают, что сдерживающее воздействие процентной ставки на инфляцию для периода повышения процентных ставок не выявлено². Общеизвестные индексные методы оценки уровня и темпов роста потребительской инфляции и изменения цен, а также порядок расчета индекса дефлятора ВВП оставим за рамками данного изложения в связи с широким освещением данных вопросов в общеэкономической литературе. Подробное описание методов регрессионного и авторегрессионного моделирования инфляции проводится М. Бали и Н. В. Буровой в монографии «Параметрические и непараметрические методы в анализе социально-экономических процессов»³. В частности, были получены интересные результаты относительно взаимосвязи индекса потребительских цен и российского рубля: повышение курса российской валюты ведет к снижению инфляции и наоборот. Укрепление рубля на 1 % приводит к снижению инфляции на 0,1 %, а обесценивание рубля на 1 % — к увеличению инфляции на 0,2 %. Другими словами, индекс потребительских цен больше реагирует на снижение, чем на повышение курса рубля. Кроме того, если регрессионная модель запускается без переменной «денежный агрегат M2», то коэффициент регрессии уменьшается, а стимулирующая денежно-кредитная политика вызывает падение российского рубля. Это означает, что денежно-кредитная политика является эндогенной по отношению к рублю.

Прогнозирование темпов роста или снижения инфляции в российской экономике возможно на основе применения методов построения трендов и множественной регрессии, а также с применением моделей структурной векторной авторегрессии.

Построение тренда индексов потребительской инфляции и цен производителей промышленных товаров в помесечной динамике может свидетельствовать о направлении развития данного явления в результате совокупного воздействия на эти показатели целого ряда факторов. Модели множественной регрессии позволяют выявить роль отдельных факторов в состоянии и развитии инфляционной составляющей российской экономики. Наконец, модели структурной векторной авторегрессии дают возможность использовать функции импульсного отклика, которые позволяют имити-

² Банникова В. А., Пестова А. А. Моделирование воздействия монетарных шоков на инфляцию с помощью высокочастотного подхода // Вопросы экономики. 2021. № 6. С. 47–76. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-6-47-76> (дата обращения: 29.04.2023).

³ Бали М., Бурова Н. В. Авторегрессионное моделирование как инструмент изучения инфляции // Параметрические и непараметрические методы в анализе социально-экономических процессов / под науч. ред. М. В. Бочениной, И. И. Елисевой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2021.

ровать шок переменной и наблюдать реакцию других переменных модели (продолжая при этом оценивать влияние одних переменных на другие).

Таким образом, применяя векторные авторегрессионные модели разных модификаций, можно оценить

эволюцию различных макроэкономических агрегатов на примере анализа инфляции российской экономики под влиянием таких факторов, как цены на нефть, «денежный агрегат М2», реальный эффективный валютный курс и ряда других.

Г. А. Гончаров¹

ПОВЫШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ КАК ФАКТОР СТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Сложившуюся социально-экономическую ситуацию в стране характеризуют экономическая и моральная истощенность потенциала экспортно-сырьевого развития страны, усугубляющиеся неразвитостью общественных институтов кризисные явления в экономике, а также диспропорции в развитии регионов. Эти факторы диктуют необходимость структурной экономической модернизации, сущность и содержание которой применительно к условиям России еще необходимо концептуально определить.

Содержательно понятия «экономическое развитие» и «модернизация» весьма близки, поскольку первое подразумевает постепенное качественное улучшение производительных сил, мобилизацию ресурсов и повышение производительности труда.

Необходимость структурной модернизации и инновационного развития российской экономики актуализирует задачу повышения инвестиционной активности. В последнее десятилетие наблюдались как сокращение государственных инвестиций, включая бюджетные средства всех уровней, так и снижение инвестиционной активности со стороны крупных корпораций. Очевидно, что существующая экономическая модель накладывает серьезные ограничения на решение этой задачи.

Теоретические и прикладные аспекты развития экономической политики представлены в многочисленных работах отечественных и зарубежных исследователей. При этом их авторы традиционно большое внимание уделяют содержательному, качественному обоснованию структурных изменений в российской экономике.

Для решения проблем структурной модернизации экономики необходим поиск новых источников и механизмов финансового обеспечения инвестиционной деятельности. В терминах, предложенных Столыпинским клубом, можно говорить об отечественном варианте политики «количественного смягчения», характеризующемся адресными инвестициями и на-

личием решений, формирующих систему институтов поддержки². В российской экономике существует много возможностей для гораздо более быстрых темпов роста, чем 2–3 %, — и не только на этапе выхода из кризиса, но и в долгосрочной перспективе. Однако для этого требуются изменения целого ряда подходов в макроэкономической политике, включая модификацию бюджетного правила, расширение доступности кредита, увеличение его продолжительности, а также реализацию системных решений по повышению качества человеческого капитала, активизацию научно-технологического фактора, повышение доверия бизнеса к проводимым реформам и решениям органов государственной власти. Необходимо вывести на новый уровень систему целеполагания и стратегирования социально-экономического развития страны, перейти к формированию долгосрочных целей и задач.

Несмотря на множество научных исследований и публикаций, посвященных вопросам структурной политики России, многие из перечисленных аспектов все еще остаются недостаточно изученными как в теоретико-методологическом, так и в практическом плане. Следует отметить, что при более или менее общем консенсусе в среде экспертов и исследователей по поводу ограничений существующей модели экономического роста, четкое видение перспектив и направлений развития и понимание, какие инструменты и механизмы необходимо задействовать для перехода к новой модели роста, пока отсутствуют или являются дискуссионными. В этой связи автор поставил перед собой цель системного и комплексного рассмотрения проблемы структурной модернизации России, определив в качестве основных следующие исследовательские задачи: 1) анализ глобальных трендов структурной модернизации экономических систем и трансформации механизмов их развития; 2) оценка экономической динамики периода 1991–2023 годов, структурных трансформаций социально-экономической системы, изучение влияния структуры экономики на ее рост и разработка подходов к институциональному моделированию структурных изменений; 3) разработка методических подходов к определению темпов экономического роста, обеспечивающих решение задач устойчивого и динамичного

¹ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, доцент. Автор 98 научных публикаций, в т. ч.: «Энергетический кризис в странах Евросоюза: причины и последствия», «Государственно-частное партнерство и инвестиционные проекты в сфере социального обслуживания» (в соавт.), «Современные санкционные войны и их последствия», «Финансирование инвестиционных проектов в социальной сфере в рамках государственно-частного партнерства», «Пути совершенствования государственного обеспечения экономической безопасности малого и среднего предпринимательства в условиях „атипичных“ кризисов», «Методологические аспекты создания модели экономической безопасности малого предприятия» и др.

² Среднесрочная программа социально-экономического развития Российской Федерации до 2025 года «Стратегия Роста» / Ин-т экономики роста им. П. А. Столыпина : [электрон. ресурс]. URL: <https://stolypin.institute/projects/srednesrochnaya-programma-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii-do-2025-goda-strategiya-rosta> (дата обращения: 30.04.2023).

социально-экономического развития и формирование потенциала для перехода на инновационную модель развития; 4) обоснование проблем реализации приоритетов структурной модернизации и ее направлений с учетом современных научно-технологических вызовов и процессов новой индустриализации, определяющих основной контур новой модели развития; 5) объяснение подходов к использованию методов стратегического планирования как инструмента структурной модернизации; 6) раскрытие роли, состояния и направлений совершенствования системы институтов развития как фактора экономического роста и структурной модернизации экономики; 7) изучение деятельности и определение возможностей развития бюджетных и налоговых институтов, способных стимулировать экономический рост и содействовать структурной модернизации экономики, подразумевающая совершенствование программного подхода к бюджетному планированию, оптимизацию российской бюджетной системы на субфедеральном уровне, формирование налоговых инструментов, нацеленных на поддержку инвестиционной активности и структурной модернизации; 8) анализ социальных условий и факторов экономической модернизации, обоснование подходов к развитию рынка труда как условия реализации новой модели экономического роста.

Полученные результаты стали хорошей базой для формирования практических решений в области механизмов и инструментов поддержки устойчивого и системного технологического обновления российской экономики, которые выступают в качестве важнейшей организационной основы реализации структурной политики в России.

Автором представлена аргументированная позиция по вопросам совершенствования инвестиционных механизмов поддержки структурной модернизации и инновационного развития, раскрыта роль финансовых институтов в решении этих задач, сформулированы меры по повышению эффективности деятельности таких институтов; приведены инструменты налоговой поддержки структурной модернизации и инновационного развития, а также обоснованы предложения по организации бюджетно-финансовых институтов поддержки экономического роста; раскрыты проблемы и основные направления формирования социальной среды структурной модернизации российской экономики.

Несмотря на структурные диспропорции, в постсоветский период не только не преодоленные, но и усилившиеся, хотя и проявляющие себя в новых формах, отраслевая и пространственная структура российской экономики по-прежнему является объемной и сложной, представляющей большинство основных видов деятельности, являющихся социально и экономически значимыми. Исторически она формировалась как самодостаточная, но не являющаяся закрытой «мир-экономика», благодаря внутренним связям и обмену обладающая определенным органическим единством¹. Это ее качество сохраняется до настоящего времени.

¹ Бродель Ф. *Время мира* // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : [в 3 т.] / пер. с фр. Л. Е. Кубея ; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. М. : Прогресс, 1992.

Ключевой и ставшей общепризнанной характеристикой структурных изменений российской экономики является усиление ее сырьевой направленности как устойчивая тенденция, наблюдавшаяся весь период после 1990 года. Такое усиление имело в условиях рыночной и открытой экономики вполне очевидные причины. Экономическая теория обоснованно утверждает, что при либерализации рынка в первую очередь происходит приток капитала в те отрасли, которые обладают естественными конкурентными преимуществами, — в отечественной экономике таковыми являются сырьевая промышленность и производства с низкой добавленной стоимостью. Но при этом, конечно, нужно учитывать, что современная российская экономика лишена ряда диспропорций, свойственных экономике советской, — это, например, гипертрофированный ВПК и слабо развитый сектор услуг.

Структурные изменения, с одной стороны, шли в русле объективного процесса увеличения доли сферы услуг (в широком понимании — как ориентация «экономики на человека и его потребности» и повышение значимости «роли общества как конечного потребителя»), с другой — закрепляли нарастающие диспропорции, связанных с существенным снижением объемов выпуска российской наукоемкой машиностроительной продукции, определяющей технологический облик национальной экономики. Судя по текущей динамике, предпосылки для смены тенденции не сформированы. В 2019 году по отношению к 2014 году в структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) доля добычи полезных ископаемых выросла на 3,8 п. п., а обрабатывающих производств — только на 1,4. Даже в 2020 году в условиях резкого сокращения спроса доля ВДС добывающих отраслей была выше, чем в 2014–2016 годах.

Если рассматривать структуру только промышленного производства, то в общем его объеме за постсоветский период в два раза увеличился удельный вес отраслей топливно-энергетического комплекса и более чем вдвое сократилась доля отраслей инвестиционного машиностроения. По данным Росстата, удельный вес машиностроения и металлообработки в промышленном производстве снизился в 2019 году по отношению к 1990 году с 28 до 11,9 %, это в три-четыре раза меньше, чем в развитых странах². При этом необходимо иметь в виду, что произошедшая структурная деформация была обусловлена не столько ростом физических объемов добычи энергоносителей, сколько падением объемов выпуска промышленного оборудования для различных секторов национальной экономики, что ограничивает ее инвестиционный потенциал и усиливает зависимость от импорта.

В 2020 году ограничения экономической активности, связанные с пандемией, и рекордное падение цен на нефть, пришедшее на начало этого года, обусловили резкие и никем не прогнозируемые структурные изменения. Они вряд ли сформируют новые структурные тренды, но в краткосрочной перспективе существенно

² Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2021 гг. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (дата обращения: 29.04.2023).

повлияют на воспроизводственный процесс. Прежде всего отметим, что в 2020 году в разрезе стадий воспроизводства, судя по индексам валовой добавленной стоимости в основных ценах по отраслям, произошло резкое — на 12,7 п. п. — снижение доли добычи полезных ископаемых в ВВП по счету производства (в 2017–2019 гг. здесь, напротив, отмечался устойчивый рост — 1,4 п. п.). Наибольшие потери понесли отрасли и виды деятельности, непосредственно связанные с оказанием услуг населению. В 2017–2019 годах они демонстрировали высокие темпы роста, тогда как в 2020-м индекс ВДС в сфере деятельности гостиниц и предприятий общественного питания упал до 75,9 %, в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений — до 88,6 %, а в части транспортировки и хранения — до 89,7 %.

В структуре ВВП по счету использования в 2020 году произошло сокращение расходов на конечное потребление. Индекс их физического объема составил 94,8 % по отношению к 2019 году. Это было вызвано сокращением расходов домашних хозяйств — их индекс упал сразу на 8,6 %. Отметим, что в 2017–2019 годах в среднем данный показатель увеличивался на 3,7 %. Максимальное снижение индекса пришлось на II квартал 2020 года, когда расходы на конечное потребление домохозяйств упали на рекордные 22,2 %. На такую же величину во II квартале упал импорт, но темпы его восстановления оказались существенно ниже, чем рост расходов на конечное потребление¹.

Один из главных факторов, ограничивающих структурную модернизацию, — слабая инвестиционная активность. По масштабам инвестиций в основной капитал до сих пор так и не удалось восстановить значения последних лет советского периода — в 2019 году они не превышали 76 % от уровня кризисного для советской экономики 1990 года. С 2012 года в российской экономике началась очередная волна инвестиционного спада, когда динамика капитальных вложений по отношению к предыдущему году сократилась на 4 п. п.

и начиная с 2014 года перешла в отрицательную зону. Максимальное сокращение пришлось на 2015 год — минус 10,1 % от предшествующего года, а всего за три года инвестиционного спада (2014–2016 гг.) инвестиции в основной капитал сократились на 12,3 %, увеличившись в последующие три года (2017–2019 гг.) лишь на 11,2 %. При этом доля инвестиций в основной капитал в ВВП накануне кризиса в 2008 году составила всего 21 %. В течение следующих двенадцати лет эта доля так и не превысила 21,5 %².

В 2020 году инвестиции в основной капитал оказались в отрицательной зоне. Но снижение было не столь значительным, как, например, в 2015 году, когда их индекс упал до 89,9 %. В 2020 году, по первоначальным оценкам Росстата, этот показатель составил 98,6 %. Скорее всего, сыграло роль то, что бизнес, реализующий основные инвестиционные проекты (например, в строительстве), ограничивал производственную активность не более чем на 3 месяца и при этом далеко не полностью. И, конечно, сказалось увеличение инвестирования за счет наращивания бюджетных расходов. Но нужно учитывать, что Правительство РФ рассчитывало на прирост инвестиций в 2022 году на уровне 5 %, а затем он должен был увеличиться, по прогнозам, до 5,6 %. В 2023 году такой уровень вряд ли будет достигнут, хотя в I квартале этого года инвестиционный рост восстановился. Однако темпы его оказались несколько ниже, чем в том же квартале 2022 года — 102,0 против 103,5 %. Заметный рост, отмеченный в начале II квартала и составивший, по данным Росстата, 105 % по отношению к аналогичному кварталу 2022 года, в значительной степени сложился из-за эффекта низкой базы³.

В дальнейшем рассчитывать на существенную активизацию инвестиционного процесса по-прежнему не приходится. Дело не только в его инерционности, главное, что отсутствуют стимулы наращивания инвестиционной активности, которые могут быть сформированы только устойчиво растущим внутренним спросом.

¹ Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2021 гг. ; Валовой внутренний продукт: годовые данные // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DtjYaY3f/tab3.htm> (дата обращения: 29.04.2023).

² Валовой внутренний продукт: квартальные данные // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/qqqr0y8/tab8n.html> (дата обращения: 30.04.2023).

³ Социально-экономическое положение России. Январь–апрель 2023 г. : докл. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <http://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 03.05.2023).

Н. В. Дорохова¹**РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА И РЫНОК ТРУДА
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН**

На современном этапе развития общества происходит активное формирование новой модели мироустройства, сопровождающееся глубинными изменениями в системе традиционных норм и ценностей, образа жизни людей, трансформацией экономической и политической системы. Данные изменения, несмотря на их объективный характер, происходят весьма болезненно, встречая на своем пути мощное сопротивление, прежде всего той части мировой элиты, которая не желает расставаться с имеющимися у нее властью и привилегиями. Однако события последнего времени не оставляют сомнений в том, что процесс формирования новой модели мироустройства необратим, с течением времени он будет только набирать обороты. Президент РФ В. В. Путин в своих выступлениях отмечает: «Смысл сегодняшнего исторического момента состоит в том, что перед всеми государствами открываются возможности для своего пути развития. Новый миропорядок должен основываться на законе и правилах»².

Переход российской экономики к новой модели происходит в сложных условиях, характеризующихся:

1) геополитической напряженностью, приводящей к доминированию политических интересов над экономическими, к возникновению ситуаций, когда принимаемые решения идут вразрез с понятием экономической эффективности;

2) усилением санкционного давления, в рамках которого устанавливаются ограничения на работу не только отдельных предприятий, но и целых отраслей экономики страны, что разрушает сформировавшиеся хозяйственные связи, подрывает устоявшиеся основы международного разделения труда;

3) ростом экономической неопределенности, турбулентности внешней среды, в условиях которой принимать управленческие решения, ориентированные на долгосрочную перспективу, крайне сложно. Данная ситуация приводит к резкому сокращению инвестиционной и инновационной активности компаний.

Такие условия отличаются диалектической противоречивостью: они не только несут определенные угрозы для дальнейшего развития российской экономики, но и предоставляют определенные возможности. Так, с одной стороны, российская экономика показала по итогам 2022 года замедление темпов роста, сокраще-

ние ВВП, рост дефицита государственного бюджета, ускорение инфляции, снижение реальных доходов населения и платежеспособного спроса. С другой стороны, падение оказалось менее заметным, чем прогнозировали эксперты, отечественная экономика продемонстрировала высокую устойчивость, а государственные органы управления — способность принимать и реализовывать эффективные решения.

Наиболее эффективно использовать открывающиеся для дальнейшего развития экономики возможности, а также противостоять возникающим угрозам возможно на основе развития интеграционных объединений между государствами, позволяющих консолидировать необходимые ресурсы и усилия, достигать поставленных целей на основе реализации совместных стратегий регионального развития. Одним из таких региональных объединений является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданный в 2014 году и объединяющий на сегодняшний день Российскую Федерацию, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Республику Армения и Киргизскую Республику. Основной целью создания ЕАЭС является обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. В современных условиях, отличающихся возрастающей геополитической напряженностью, политическим и экономическим давлением на РФ со стороны западных стран, развитие конструктивных взаимоотношений с партнерами по ЕАЭС в различных сферах жизнедеятельности общества становится крайне важным и жизненно необходимым. Одним из приоритетных направлений развития межгосударственных отношений является социально-трудовая сфера, под которой необходимо понимать систему трудовых и социальных отношений, важнейшим элементом которой является рынок труда. В настоящее время нельзя говорить о формировании единого рынка труда ЕАЭС, однако развитие национальных рынков труда государств-членов происходит во все усиливающемся взаимодействии и взаимовлиянии. Анализ статистических данных, представленных Евразийской экономической комиссией, позволяет сделать следующие выводы об основных тенденциях развития национальных рынков труда государств — членов ЕАЭС³:

1) демографическая ситуация, сложившаяся в исследуемых государствах, имеет существенные различия и оказывает заметное влияние на развитие национальных рынков труда. Так, в Российской Федерации демографическая ситуация крайне неблагоприятна, имеет место сокращение численности населения, что способствует усилению в экономике страны дефицита трудовых ресурсов, преодолеть который на современном этапе возможно только за счет привлечения трудо-

¹ Профессор кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. 6 монографий: «Трансформация форм занятости населения в современной экономике: теоретико-методологические и концептуальные аспекты» (в соавт.), «Актуальные проблемы исследования социально-трудовых отношений» (в соавт.) и др.; статей «Гибкая занятость: глобальный, российский и региональный аспекты» (в соавт.), «Траектория развития социального партнерства» (в соавт.), «Методика оценки адаптивной занятости», «Организационные условия регулирования адаптивной занятости населения» и др.

² Путин рассказал об основах нового миропорядка // Известия : [сайт]. 2022. 27 окт. URL: <https://iz.ru/1416980/2022-10-27/putin-rasskazal-ob-osnovakh-novogo-miroporiadka> (дата обращения: 01.06.2023).

³ См.: Евразийский экономический союз в цифрах : краткий стат. сб. / Евразийская экономическая комиссия. М., 2022. С. 189.

вых мигрантов. При этом Россия является весьма привлекательной страной для мигрантов из Казахстана, Армении, Кыргызстана, где демографическая ситуация более благополучная, и эти страны являются трудноизбыточными;

2) рост численности рабочей силы во всех государствах — членах ЕАЭС, за исключением России и Армении. Данная тенденция, несомненно, является позитивной, однако она сопряжена с дефицитом рабочих мест в национальных экономиках исследуемых государств и необходимостью поиска оптимальных решений проблемы трудоустройства населения. Так, в Киргизской Республике власти делают упор на поиск новых направлений трудовой миграции и оказывают меры поддержки трудовым эмигрантам. В Республике Казахстан предпринимаются серьезные попытки по развитию семейного бизнеса, что особенно актуально для сельских районов страны. Для Российской Федерации, где имеет место сокращение численности рабочей силы, актуальным является привлечение трудовых мигрантов из государств — членов ЕАЭС, создание благоприятных условий для их комфортного и безопасного пребывания в России, защита их трудовых прав, обеспечение социальных гарантий и т. д.;

3) стабильно низкие показатели безработицы, характеризующие ситуацию на рынках труда государств — членов ЕАЭС. Однако, по мнению экспертного сообщества, статистические данные не отражают реальные масштабы безработицы в этих странах, а также проблему разрастания неформальной занятости населения, которая весьма актуальна для всех без исключения государств — членов ЕАЭС. Заметно выше значения уровня безработицы в Республике Армения, что обусловлено особенностями структуры экономики страны, дефицитом рабочих мест в промышленности.

Таким образом, можно сделать вывод, что в государствах — членах ЕАЭС достаточно успешно решается проблема обеспечения экономики трудовыми ресурсами, а консолидированные усилия всех участников данного объединения способствуют беспрепятственному перемещению трудовых ресурсов и решению на этой основе существующих национальных проблем в социально-трудовой сфере и экономике.

Важно отметить, что рынок труда, участвуя в обеспечении экономики необходимыми трудовыми ресурсами, играет важную роль в общественном развитии. В сложившихся условиях рынок труда испытывает существенные «шоки», спровоцированные неустойчивостью и изменчивостью внешней среды. Как следствие, рынок труда адаптируется к условиям социально-экономической турбулентности, что сопровождается развитием многовариантных трансформационных процессов, включающих:

1) возникновение и распространение новых форм занятости, в том числе платформенной, дистанци-

онной, агентской и др. Так, в современных условиях в экономике наряду со стандартной занятостью все более масштабное распространение получают разнообразные формы нестандартной. По оценкам экспертов, в настоящее время нестандартными формами занятости охвачено свыше 40 % от общей численности занятого населения. Наиболее востребованными ее формами являются: «временная занятость, занятость на условиях договора ГПХ, самозанятость, дистанционная занятость»¹. Важно отметить, что распространение нестандартных форм очень тесно сопряжено с проблемой прекаризации занятости, ущемлением трудовых прав работников, а также снижением их социальной защищенности;

2) сохранение структурных диспропорций на рынке труда в территориальном, отраслевом и профессиональном срезе. Так, в настоящее время происходит существенное падение спроса на широкий перечень профессий, востребованных в индустриальном периоде развития общества. При этом активно формируются новые профессии, как правило, основанные на использовании информационно-коммуникационных и цифровых технологий. К числу наиболее перспективных можно отнести профессии веб-дизайнера, аналитика Big Data, инженера по искусственному интеллекту, интернет-маркетолога и т. п. Существенные изменения претерпевают спрос и предложение на отраслевых рынках труда. Так, на протяжении первых десятилетий XXI века происходил масштабный отток трудовых ресурсов из сферы материального производства в сферу услуг. Однако события последнего времени актуализировали дефицит высококвалифицированных рабочих кадров и специалистов в сфере промышленного производства;

3) высокая дифференциация ставок заработной платы в отраслевом и территориальном срезе, что способствует трудовой миграции населения как внутри страны, так и за ее пределы. Для Российской Федерации на протяжении длительного периода времени весьма актуальной остается проблема «утечки умов»: «...доля лиц, мигрировавших из России и имеющих высшее профессиональное образование, составляет порядка 20 %. Проблема „утечки умов“ очень сильно подрывает экономическую безопасность России, которая, в свою очередь, является неотъемлемой частью экономического развития страны»².

Подытожив изложенное выше, необходимо отметить, что развитие отечественной экономики и рынка труда в контексте глобальных перемен является диалектически противоречивым явлением, сопровождающимся положительными и отрицательными последствиями, что требует разработки соответствующих механизмов регулирования, ориентированных на развитие положительных и нивелирование отрицательных последствий.

¹ См.: Дашикова Е. С., Дорохова Н. В., Назаров А. К. Оценка масштабов и специфики нестандартной занятости в экономике Воронежской области // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 4. С. 595–604.

² См.: Некрасова М. С. Проблема «утечки умов» из России и пути решения проблемы // Молодой ученый. 2021. № 24 (366). С. 266–270.

А. И. Котов¹

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ЭПОХУ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Текущий этап социально-экономического развития Санкт-Петербурга характеризуется ростом геополитических вызовов и угроз, вызванных политикой, проводимой рядом недружественных государств. В этой связи приходится констатировать рост рисков усиления диспропорций в различных отраслях экономики и сферах деятельности Санкт-Петербурга, выражающихся в недостижении ряда показателей, установленных документами стратегического планирования. Наиболее наглядно это проявляется на примере бюджета Санкт-Петербурга, формируемого на протяжении последних лет с дефицитом. Диспропорции социально-экономического развития города выражаются также в нехватке объектов социальной сферы, высоком износе инженерно-коммунальной инфраструктуры, несовершенном функционировании системы сбора и утилизации твердых бытовых отходов, заметном отставании развития улично-дорожной сети от темпов автомобилизации, низкой эффективности работы общественного транспорта и т. п.

Одной из важнейших причин возникновения и углубления диспропорций социально-экономического развития Санкт-Петербурга являются низкие темпы роста экономики, в решающей степени обусловленные недостаточным уровнем инвестиций, направляемых, прежде всего, в основной капитал. В частности, на протяжении последних лет значение этого показателя, определяемого как доля инвестиций по отношению к валовому региональному продукту (ВРП), в Санкт-Петербурге не превышало 20 %. При этом для обеспечения ежегодного прироста в размере 104–106 %, а именно такой темп нужен сегодня городской экономике, необходимо обеспечить уровень инвестиций не менее 25–27 %. Однако реальные значения указанного показателя за последние годы, согласно данным Росстата, заметно ниже.

Данные об износе основных фондов также подтверждают недостаток инвестиций в них на протяжении последних лет. Несмотря на ежегодный прирост абсолютных значений инвестиций в основной капитал в Санкт-Петербурге, износ основных фондов практически не снижается, а у предприятий обрабатывающих

производств, деятельность которых крайне важна для экономики города, даже растет.

В этой связи очевидно, что реализуемые в Санкт-Петербурге меры инвестиционной политики, предусматривающие, в частности, предоставление налоговых льгот, установление особого инвестиционного статуса инвесторов, заключение специального инвестиционного контракта, реализацию положений регионального инвестиционного стандарта и некоторые другие, не смогли обеспечить привлечение в экономику города инвестиций в необходимом объеме, хотя и способствовали улучшению инвестиционного климата. Недостаток инвестиций обусловливает, таким образом, потребность в совершенствовании региональной инвестиционной политики. Необходимо создать условия для более широкого привлечения к решению задач социально-экономического развития города частных инвестиций, увеличив их в среднесрочной перспективе не менее чем в два раза (по итогам 2021 г. объем частных инвестиций в экономику Санкт-Петербурга составил около 550 млрд рублей).

С учетом вышеизложенного представляется справедливым вывод о том, что меры государственной инвестиционной политики, реализуемые в Санкт-Петербурге, направлены, прежде всего, на создание в городе благоприятных инвестиционных условий. В то же время следует констатировать, что перечень самих объектов инвестирования, предлагаемых субъектам предпринимательской деятельности, носит ограниченный характер (в основном это жилье, торгово-развлекательные объекты, бизнес-центры и т. п.) и характеризуется при этом низким качеством предынвестиционной подготовки объектов. Налицо потребность определить в рамках проводимой городскими властями инвестиционной политики состав (перечень) объектов, которые необходимы для устойчивого социально-экономического развития Санкт-Петербурга, с целью последующего формирования инвестиционных предложений для субъектов предпринимательской деятельности. В этой связи рассмотрим далее основные направления совершенствования инвестиционной политики, определяющие решение вопросов, связанных с таким подходом.

Первое направление связано с необходимостью появления упомянутого выше состава (перечня) объектов инвестирования. В настоящее время он не определяется, что существенно затрудняет субъектам предпринимательской деятельности принятие решений об инвестировании. По существу, отсутствие объектов инвестирования, рассчитанных на долгосрочный период, не позволяет субъектам предпринимательства эффективно организовывать инвестиционную деятельность из-за наличия высокой информационной неопределенности и невозможности выявления в этой связи возникающих инвестиционных рисков. В таких условиях планы инвесторов базируются в основном на индивидуальных договоренностях субъектов предпринима-

¹ Специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук. Автор около 50 научных публикаций, в т. ч. 6 монографий и учебных пособий: «Региональный научно-образовательный и инновационный хаб и его роль в инновационном развитии субъекта Российской Федерации», «Управление стратегическим развитием региона — решающий фактор устойчивого социально-экономического развития (на примере Санкт-Петербурга)», «Экономика знаний — основа устойчивого экономического развития России», «Цифровая платформа как инструмент управления социально-экономическим развитием территорий», «Качество городской среды как экономическая категория инновационной экономики» и др. Член Вольного экономического общества России. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Отмечен благодарностями Президента РФ, Почетными грамотами и благодарностями губернатора Санкт-Петербурга.

тельства и властей Санкт-Петербурга, оформляемых, в частности, решением Комитета по инвестициям. Однако из-за отсутствия в настоящее время долгосрочного планирования реализация таких договоренностей существенно затруднена, а иногда и просто невозможна, поскольку возникают существенные риски для осуществления инвестиционных проектов и возврата вложений, которые невозможно просчитать, а следовательно, и компенсировать. Налицо, таким образом, объективная потребность формирования в Санкт-Петербурге долгосрочного инвестиционного спроса на инвестиционные ресурсы. С учетом длительности возврата инвестиций, направляемых на развитие основных фондов, предложение состава (перечня) объектов инвестирования будет мотивировать субъекты предпринимательства к принятию решений об инвестировании, а также обеспечивать возможность планирования ими своей инвестиционной деятельности таким образом, чтобы осуществлять ее с максимальным эффектом.

Следующим направлением совершенствования инвестиционной политики является повышение эффективности процесса территориального планирования за счет внедрения в него процедур экономического обоснования приоритетов. Как известно, важнейшим документом территориального планирования в Санкт-Петербурге является Генеральный план города. Несмотря на законодательную регламентацию порядка разработки указанного документа, обоснование его параметров оставляет желать лучшего. В частности, как уже отмечалось выше, его разработка на долгосрочный период осуществляется в настоящее время без должного методического обеспечения в части обоснования номенклатуры и количества объектов капитального строительства. В данном случае базовой основой для территориального планирования может стать упомянутый выше состав (перечень) объектов инвестирования, которые должны включаться в Генеральный план Санкт-Петербурга и в другие документы территориального планирования. Однако из-за ограниченности инвестиционных ресурсов обеспечить одновременное создание всех объектов капитального строительства, особенно на первоначальном этапе реализации Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга, не представляется возможным.

Следует отметить, что эти обстоятельства заметно снижают инвестиционную привлекательность Санкт-Петербурга и обуславливают необходимость определения критериев, позволяющих обосновать приоритетный выбор тех или иных объектов инвестирования. Очевидно, что принципиальной основой при формировании таких критериев должны служить диспропорции социально-экономического и территориального развития, имеющие место применительно к Санкт-Петербургу или его отдельной территории. Однако при обосновании целесообразности создания тех или иных объектов капитального строительства в первую очередь в Генеральный план необходимо включать те из них, которые имеют региональное значение и пе-

речислены в соответствующем нормативно-правовом акте Санкт-Петербурга.

Еще одним направлением совершенствования инвестиционной политики, связанным с предыдущим, является создание системы (порядка) выполнения проектов планировки территорий. Следует отметить, что в настоящее время такой порядок не регламентирован, и реализация проектов планировки территорий носит нескоординированный характер. В результате Правительство Санкт-Петербурга, утвердив проект планировки и взяв, таким образом, на себя определенные обязательства, не в состоянии обеспечить их выполнение в полном объеме и в определенный срок. Таким образом, застройщик (инвестор) остается один на один со всеми проблемами и вопросами, связанными с созданием объектов капитального строительства на застраиваемой территории, что ведет к увеличению издержек и сроков реализации инвестиционного проекта.

Для многих территорий, застраиваемых в настоящее время в Санкт-Петербурге, характерны нехватка объектов социальной инфраструктуры, рабочих мест и современных общественных пространств, низкая транспортная связность, недостаточная оснащенность технологиями «умного города» и т. п. Налицо объективная необходимость создания регламента (порядка), устанавливающего требования к взаимодействию городских властей и тех организаций (предприятий), которые участвуют в практической реализации проектов планировки территорий посредством создания соответствующих объектов капитального строительства.

Таким образом, с учетом вышеизложенного в отношении совершенствования региональной инвестиционной политики можно сделать следующие выводы:

1) экономическое развитие и рост экономики Санкт-Петербурга возможны при условии совершенствования инвестиционной политики на основе использования инструментов стратегического планирования, обеспечивающих формирование обоснованных предложений об объектах инвестирования, составляющих материальную основу для реализации существующей стратегии социально-экономического развития города;

2) не представляется возможным добиться значительного снижения уровня информационной неопределенности, оказывающей существенное влияние на принятие субъектами предпринимательства решений об инвестировании в объекты капитального строительства, в случае отсутствия инструментов, необходимых для стратегического планирования социально-экономического развития города;

3) к разработке документов методического обеспечения системы стратегического планирования, соответствующих инвестиционной политике исполнительных органов государственной власти, необходимо привлечь представителей научных организаций, субъектов предпринимательской деятельности и экспертов, обладающих необходимыми компетенциями в сфере экономики, управления и бизнеса.

Л. А. Миэринь¹

ЧЕЛОВЕК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРОЦЕССЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Нарастание скорости происходящих в окружающем мире перемен приводит к смене его концептуальных параметров.

Современный американский антрополог и футурист Джамаис Кашио утверждает, что на смену VUCA-миру в пандемийную и постпандемийную эпоху пришел BANI-мир — хрупкий (*англ. brittle*), тревожный (*англ. anxiety*), нелинейный (*англ. nonlinearity*), непостижимый (*англ. incomprehensibility*).

Такие характеристики мира очень четко считываются сознанием и улавливаются психикой человека, что требует от него соответствующих реакций. Как и все живое на планете, человек отвечает на эти вызовы, используя защитные и приспособительные механизмы, образующие систему его безопасности.

Протекающие в быстро меняющемся мире процессы отражаются на человеке, и ему все время приходится корректировать систему индивидуальной безопасности, осуществлять подстройку под среду. Но для того, чтобы это делать, нужно очень четко понимать, какие процессы и тенденции будут определять завтрашнее существование, чтобы не отставать в развитии как личность, а также сохранять и приумножать свое суммарное богатство (жизненные ресурсы), обеспечивая собственную безопасность.

Человек — существо полисферное: одновременно биологическое, социальное и экономическое.

С точки зрения эволюционного развития в плане интересов и целей каждой составляющей человека исторически изменений не происходит: биологическое существо хочет жить как можно дольше; социальное — иметь как можно больший запас дружеских, любовных и прочих связей в качестве социального капитала; экономическое — заботиться о приумножении своего материального богатства. Единственное, что может меняться в различные возрастные периоды, — доминирование той или иной составляющей человека, соответственно его интересов и целей: у ребенка и старика они будут отличаться.

Вместе с тем давление меняющейся среды сказывается на тех жизненных процессах, в которые человек включен и которые определяют векторы его развития. Важно это понимать, чтобы прогнозировать последствия с позиции глобального существования и безопасности.

Для человека как биологического существа тенденции таковы:

— употребление в пищу генно-модифицированных продуктов представляет собой бомбу замедленного действия со сложно прогнозируемыми последствиями для человека как вида;

— в связи с переходом на преимущественно дистанционные технологии коммуникации и на работе, и в быту растет психоэмоциональная и интеллектуальная нагрузка, перегружается нервная система, нарастает число расстройств здоровья;

— прогресс медицины обеспечивает продление жизни: появляется возможность пересаживать человеку выращенные из его стволовых клеток органы и ткани; частично протезировать с помощью технических устройств, восстанавливать утерянные функции и т. п. Речь заходит уже о корректировке поврежденной ДНК ребенка еще в утробе матери;

— активное использование антибиотиков порождает небываемые ими микроорганизмы, которые в случае их распространения представляют реальную угрозу жизни всего человечества.

У социального существа:

— за счет увеличивающейся продолжительности жизни создается возможность более полной самореализации;

— ускоряется процесс освоения детьми новых технических устройств, при этом замедляется процесс социализации;

— почти две трети детей в мире не могут получить в школе базовые интеллектуальные навыки²;

— меняются цели и циклы образования; увеличивается его общая продолжительность в течение жизни;

— во всем мире с ростом качества жизни сокращается число детей в семье;

— выравниваются права и возможности для человеческого развития у мужчин и женщин;

— человек становится механистическим, возникает эффект виртуализации сознания, появляются «цифровые Маугли».

Самой тревожной тенденцией западного мира становится увеличение числа людей-трансгендеров³, не имеющих нормальных семей, что в будущем объективно обусловит сокращение численности живущих на планете людей.

У человека как экономического существа:

— появляются возможности смены нескольких профессий в течение жизни;

— освоение цифровых технологий происходит одновременно всеми поколениями, в отличие от пре-

¹ Профессор специализированной кафедры ПАО «Газпром» Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор около 200 научных публикаций, в т. ч.: «Методология обеспечения безопасности хозяйствующих субъектов в условиях нестабильной среды», «The Impact of Monopolies on Small Business Development in Russia» (в соавт.), «Энергетическая компонента национальной силы государства», «Ростки новых социальных конструктов постиндустриализма: институционализация и риски», «Проблемы развития регионов России: инвестиционный климат и институциональные условия», «Трансформационные процессы мирового и национального развития: взгляд современной политэкономии» и др.

² Немецкие ученые выяснили, что в мире более 60 % детей не получают в школе базовых навыков // Аргументы недели : [электрон. ресурс]. URL: <https://argumenti.ru/education/2022/12/802688> (дата обращения: 27.04.2023).

³ Transgender Population by Country 2023 // World Population Review : [сайт]. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/trans-population-by-country> (дата обращения: 27.04.2023).

дыдущих веков, когда старшие учили технологиям младших;

— другие скорости потребления: все устаревает сразу после покупки;

— уменьшается зависимость статуса человека от его места в корпоративной иерархии: важна не столько должность, сколько стиль жизни и потребления.

Можно выделить и множество других тенденций, пока еще слабо проявляющихся относительно мирового развития. Все они вместе с новыми стратегиями жизнедеятельности создают основу иного типа цивилизационного прогресса, существенно отличающегося от происшедшего ранее техногенного развития. Конкретизировать пути и способы предстоящих изменений трудно, но они, несомненно, влияют на безопасность жизнедеятельности человека.

С позиций сохранения характеристик новой среды и возможностей приспособления людей к ней эксперты определяют как наиболее вероятные две стратегические альтернативные линии развития общества: его атомизацию и централизацию.

Первая альтернатива описывается концепцией «ртутных шариков», согласно которой общество в продолжение своей сегрегации станет распадаться на все более мелкие группы. При этом люди будут искать свою идентичность в маленьких сообществах, чтобы совпадающие статусы или интересы позволяли сохранять устойчивость в рамках групп¹.

Вторая альтернатива — возвращение к «новой архаике». Формы контроля станут более тонкими и изощренными, чем при тоталитарных режимах XX века, но не утратят своей эффективности. В обществе, контролируемом ценностными структурами, культурными доминантами, будет разделение на своих и чужих, а во всех сферах, включая культуру, политику, права человека и пр., установятся свои обязывающие нормы мышления и поведения².

Какие экономические последствия может иметь такой будущий мир?

Прежде всего следует понимать, что именно выступает опорой для человека, той «скрепой», что не позволит рухнуть восприятию реальности, обеспечит устойчивость и в том и в другом случае. На наш взгляд, такими скрепами как раз и являются цели человека как полисферного существа, опирающегося на традиционные ценности: важность человеческой жизни, дружбы, семьи; верность и любовь к матери, жене, Родине; единение смыслов в труде, забота об окружающем мире и его безопасности. Как известно, в переходные пери-

ды испытываются на прочность все институты, даже устоявшиеся ценности: те, что не соответствуют запросам времени, уходят со сцены, идет активный поиск иных форм и структур, рождаются новые нормы и правила, отношения, меняется среда. Однако указанные ценности отражают природу всех составляющих человека и потому считаются базовыми, прошедшими проверку многовековой историей человечества.

Безопасность человека является универсальным понятием, которое относится ко всем людям как в богатых, так и в бедных странах. В современном мире существует множество одинаковых для всех угроз. Вирусы, наркотики, безработица, загрязнение окружающей среды, преступность, нарушение прав человека — все эти угрозы имеют тенденцию к нарастанию, хотя в данный момент их степень в разных регионах, странах, городах отличается. Важно отметить, что новой глобальной угрозой безопасности человека становится разрушение базовых ценностей за счет подмены, размывания смыслов, замещения их иллюзорными свободами от всего и всех.

Составляющие безопасности человека — биологическая, социальная и экономическая — взаимозависимы. Сложность социально-экономических взаимосвязей в обществе предопределяет и сложность взаимодействия разных уровней безопасности человечества (нано-, микро-, мезо-, макро-, мегауровень) с составляющими безопасности человека. Новая реальность требует от человека большего расхода его жизненных сил и ресурсов для достижения целей по всем трем составляющим: экономика процессов жизнедеятельности людей «просчитывается» исходя из иных смыслов, чем ранее. Эти смыслы связаны с безопасностью человека как вида на Земле. Предлагаемые трансгуманистами³ пути развития человека как биологического существа требуют, на наш взгляд, очень взвешенных подходов, чтобы человек не превратился в биоробота.

Гораздо проще добиться безопасности человека путем раннего осознания опасностей и предупреждения угроз за счет уменьшения факторов риска, чем путем позднего вмешательства, что будет экономически намного затратнее как для индивида, так и для государства и человечества в целом.

Таким образом, мы можем наблюдать двойственные процессы: изменение характеристик среды жизнедеятельности человека, нарастание его возможностей в ней при все более затратном сохранении развития с ориентацией на базовые ценности.

¹ Втулкина Н., Фирсов А. Хрупкая, тревожная, нелинейная, непостижимая: что такое «эпоха BANI» // Forbes Russia : [электрон. ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/476185-vse-v-bani-rossetu-tak-nazyvaetsa-novaa-trevoznaa-epoha-i-kak-v-nej-zit> (дата обращения: 27.04.2023).

² Там же.

³ За рамками биологической эволюции: что такое трансгуманизм // РБК : [электрон. ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/60d2e2329a79471fc59e12e8> (дата обращения: 27.04.2023).

Н. Н. Никулин¹

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ И «СЫРЬЕВАЯ КОЛЕЯ» РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

После 2014 года Россия вынуждена была развиваться в условиях действия различного рода экономических санкций, которые были введены США, ЕС и их союзниками. Это предполагало резкое изменение экспортно-импортных связей в первую очередь с данными странами. Опасность приостановки импорта в условиях значительной импортозависимости развития многих отраслей промышленности РФ заставила разработать Программу «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», которая была утверждена 15 апреля 2014 года. В ней давалось определение импортозамещения и определялись его качественные характеристики².

В последующем были приняты и другие документы, в которых также подчеркивалась необходимость реализации политики импортозамещения, в частности Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (2017); Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года (2020).

Однако экспортно-импортные ограничения в этот период коснулись в основном сельскохозяйственной продукции (эмбарго со стороны РФ). Значительная часть экономики продолжала функционировать, используя импортные составляющие (потребительские товары, оборудование, технологии). Об этом свидетельствуют и показатели импорта за 2011–2021 годы. Так, если доля импорта в ВВП в 2014 году составляла 20,69 %, то в 2021-м — 21,3 %. В среднем за этот период доля импорта в ВВП составила 20,6 %³.

Относительно постоянными были в эти годы как величина товарного импорта в целом, так и величина импорта машин и оборудования. Так, в 2014 году весь импорт составил 287,1 млрд долларов, машин и оборудования — 136,6 млрд долларов (47,6 %), в 2021-м весь импорт — 293,5 млрд долларов, машин и оборудования — 144,5 млрд долларов (49,3 %). В среднем за 2015–2021 годы — 235,3 млрд долларов. Резкое сокращение импорта в 2015–2016 годах (с 287,1 млрд

долларов в 2014 г. до 182,9 млрд долларов в 2015-м и 182,4 млрд долларов в 2016-м) было обусловлено не столько действиями санкций, сколько резким сокращением экспортных доходов: 497,4 млрд долларов в 2014 году и 285,7 млрд долларов в 2016-м.

Сравнение соотношения товарного импорта и товарного экспорта до и после 2014 года также свидетельствует о его относительном постоянстве: 58,2 % за 2008–2014 годы и 58,4 % за 2015–2021 годы.

Относительно постоянной является и величина импорта машин и оборудования в российском импорте, как до 2014 года, так и после установления санкций. Так, за 2008–2014 годы она составляла 47,8 %, а за 2015–2021 годы — 47,3 %⁴.

При этом следует отметить, что основой импорта в целом и промышленного импорта в частности все эти годы являлся товарный сырьевой экспорт. Так, доля минеральных ресурсов в экспорте РФ за 2008–2021 годы в среднем составляла 64,9 % (за 2008–2014 гг. — 70,0 %; за 2015–2021 гг. — 59,9 %)⁵.

Это означает, что для поддержания импорта необходимо постоянно поддерживать сырьевой экспорт, способствуя развитию сырьевых отраслей экономики. Именно об этом свидетельствуют данные по динамике инвестиций и основного капитала за все эти годы в добывающих и обрабатывающих отраслях промышленности Российской Федерации.

Так, доля основного капитала в добывающих отраслях увеличилась с 8,6 % в 2008 году до 9,2 % в 2022-м (максимум в 2018-м — 12,8 %; в среднем за 2008–2022 гг. — 10,2 %). Доля основного капитала в обрабатывающих отраслях, наоборот, уменьшилась с 8,1 % в 2008 году до 6,9 % в 2022-м (максимум в 2018-м — 9,8 %; в среднем за 2008–2022 гг. — 8,3 %)⁶.

Об этом свидетельствует и динамика инвестиций. Доля инвестиций в добывающие отрасли увеличилась с 13,4 % в 2008 году до 15,2 % в 2022-м (максимум в 2016-м — 19,3 %; в среднем за 2008–2022 гг. — 15,8 %). Доля инвестиций в обрабатывающие отрасли уменьшилась с 15,0 % в 2008 году до 13,4 % в 2022-м (максимум в 2015-м — 15,6 %; в среднем за 2008–2022 гг. — 14,3 %)⁷.

Подобное развитие внешнеэкономических отношений и экономики в целом можно охарактеризовать как сырьевую колею.

Каким может быть отношение к данной колее при проведении политики импортозамещения в условиях

¹ Профессор кафедры экономики и менеджмента Академии труда и социальных отношений, доктор экономических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографии «Россия и СНГ в мировой экономике»; статей «Возможности и условия развития высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности России», «Гностические основания процесса экономической глобализации», «Накопление капитала как фактор интеграции ЕАЭС в условиях экономической глобализации», «The correlation of the processes of economic globalization and economic regionalization within the EAEU» и др.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности“» // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/91634/> (дата обращения: 25.04.2023).

³ World Bank. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения: 27.04.2023).

⁴ Внешняя торговля: официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 27.04.2023).

⁵ Там же.

⁶ Основные фонды и другие нефинансовые активы: официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14304> (дата обращения: 27.04.2023).

⁷ Инвестиции в нефинансовые активы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-inv-okved.htm> (дата обращения: 27.04.2023).

жестких санкций со стороны западных государств в отношении Российской Федерации? Нужно ли из нее выбирать (может, это наша, а не «чужая колея», говоря словами В. Высоцкого)?

Санкции, применяемые в отношении Российской Федерации после февраля 2022 года, намного серьезнее и обширнее введенных после 2014 года. Основная их цель — добиться прекращения высокотехнологичного экспорта в Россию, а также сократить возможности ее сырьевого экспорта как источника средств для «параллельного» импорта оборудования и технологий. Размеры экспорта и импорта в 2022 году показывают, что возможности развития в условиях сырьевой колеи у России пока сохраняются: экспорт товаров — 591,5 млрд долларов, импорт — 259,1 млрд долларов. При этом доля сырья в экспорте составила 66,0 %.

В то же время значительно сократилось соотношение импорта и экспорта (43,8 %), а также снизилась доля оборудования и транспортных средств в российском импорте (41,9 %)¹.

Санкционное давление на нашу страну в дальнейшем будет только усиливаться. Как отметил В. В. Путин, эта политика в отношении России надолго.

Отказ от приобретения западными странами российских нефти и газа, установление ценового контроля за теми государствами, которые не поддержали антироссийские санкции, отслеживание российского «параллельного импорта» и установление санкций в отношении стран, которые помогают России в этом вопросе, заставят руководство Российской Федерации определиться в отношении импортозамещения.

В настоящее время в ЕС обсуждают новый (11-й) пакет санкций в отношении России и государств, которые, по мнению Евросоюза, не прилагают достаточных усилий, чтобы помешать Российской Федерации обойти ранее установленные санкции. Принять ограничительные меры могут уже в конце мая 2023 года.

Наиболее серьезным документом, направленным против России, который может быть принят, является внесенный в Конгресс США проект резолюции об условиях завершения войны на Украине («Победа Украины»). Данная резолюция предполагает закрепление на законодательном уровне положений, определяющих условия прекращения военных действий. В резолюции речь идет о полном восстановлении границ Украины в пределах 1991 года, ее интеграции в НАТО, выплате Россией репараций, наказании руководства РФ и восстановлении Украины².

Возможное принятие данной резолюции окажет более сильное негативное воздействие на отношения РФ с США (и другими западными странами) во всех сферах, чем известная Поправка Джексона–Вэника (The Jackson–Vanik Amendment) к Закону о торговле США, которая действовала в отношении СССР (и России) с 3 января 1975 года по 12 декабря 2012-го и была

¹ Внешняя торговля Российской Федерации: официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: 26.04.2023).

² The US Congress will consider a document on the victory of Ukraine. URL: <https://www.perild.com/2023/04/26/the-us-congress-will-consider-a-document-on-the-victory-of-ukraine/> (дата обращения: 23.04.2023).

заменена на одновременно принятый закон Магнитского (Global Magnitsky Act), действующий по настоящее время, а также закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA).

Серьезным фактором, который также может оказать отрицательное влияние на величину российского экспорта, станет переход на возобновляемые источники энергии и отказ от природного углеродного топлива. Объявленное многими странами (в том числе Китаем и Индией) стремление к достижению углеродной нейтральности для борьбы с изменением климата, установление «углеродного налога» на товары, при производстве которых выделяется углекислый газ, сокращают спрос на основные статьи российского экспорта: нефть, газ, уголь, металлы. «Глобальное потепление, — заявил президент США Дж. Байден, — это самая серьезная угроза существованию человечества, с которой мы когда-либо сталкивались, включая ядерное оружие»³.

Отказ от двигателей внутреннего сгорания для транспортных средств и переход на электродвигатели, развитие водородных технологий и производство водорода с использованием ВИЭ приведет к масштабным изменениям в современной промышленности. Так, канцлер ФРГ Олаф Шольц, выступая в Торгово-промышленной палате ФРГ (ДИНК), характеризуя данный процесс, сказал, что «это, вероятно, величайшая промышленная модернизация в Германии со времен великой фазы индустриализации и роста Германии в конце XIX века»⁴.

В программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (в редакции от 12 февраля 2022 г.) было определено понятие импортозамещения. «Импортозамещение в современных условиях — это процесс создания современных конкурентоспособных производств, направленный на замещение импортируемых в настоящее время товаров, как потребительских, так и производственных... Импортозамещающая промышленная политика ориентируется на стимулирование изменения отраслевой структуры экономики таким образом, чтобы государство получало преимущество перед другими странами в производстве современной высокотехнологичной продукции, товаров с высокой добавленной стоимостью и в обозримой перспективе — значимым экспортным потенциалом»⁵.

Однако вышеперечисленные процессы (усиление антироссийских санкций, углеродная нейтральность, водородно-энергетический переход и т. д.) ставят перед российской политикой импортозамещения новые

³ Biden calls global warming bigger threat to humanity than nuclear war during NYC speech // New York Post. 2023. 31 Jan. URL: <https://nypost.com/2023/01/31/biden-says-global-warming-is-bigger-threat-to-humanity-than-nuclear-war/> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴ Rede von Bundeskanzler Scholz anlässlich des Festakts zur Gründungsvollversammlung des DIHK am 24. Januar 2023 in Berlin // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzler-scholz-anlaesslich-des-festakts-zur-gruendungsvollversammlung-des-diik-am-24-januar-2023-in-berlin-2160316> (дата обращения: 23.04.2023).

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности“».

задачи. Главная из них — сохранение условий для непрерывного процесса функционирования экономики в целом.

Необходим переход от либерально-рыночной системы внешнеэкономических отношений к более жесткой государственно-регулируемой системе, к проведению на ее основе политики «индустриализации 2.0», но на базе сохранения частной собственности, конкуренции, предпринимательской инициативы, внешнеэкономической свободы (в этом принципиальное отличие от политики индустриализации в СССР).

Государственное регулирование в этом случае должно сводиться к существенному ограничению импорта отдельных потребительских товаров и услуг посредством установления высоких таможенных пошлин (как при индивидуальном импорте, так и при бизнес-импорте), а также более эффективному стимулирова-

нию импорта оборудования (официального и «параллельного») и развитию внутреннего производства.

Развитие процесса импортозамещения в сфере производства невозможно без импортозамещения в сфере потребления.

Каким будет результат — сказать сложно. Немецкий экономист Фридрих Лист, предлагая подобную политику для Германии, определяя условия достижения поставленной цели (развитие производительных сил Германии, соответствующее уровню Англии), верил в немецкую нацию. У Германии в XIX веке это случилось.

Для России сегодня становятся актуальными слова, сказанные И. В. Сталиным относительно СССР: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹.

В. В. Павлова²

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ — ГЛАВНЫЙ ТРЕНД РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Отличительной особенностью современного этапа развития общества является беспрецедентная скорость изменений во всех сферах жизнедеятельности. Геополитический кризис и сопровождающая его санкционная война являются катализаторами нестабильности экономики. По степени негативного эффекта санкционное давление в настоящее время можно сравнить с экономическим кризисом, развившимся вследствие пандемии.

В «современных социально-экономических и сложившихся геополитических условиях перед Россией в полный рост встали проблемные вопросы развития отечественного рынка труда»³. В периоды экономических шоков именно платформенная эконо-

мика может выполнять демпфирующую роль. Такие нестандартные формы занятости, как платформенная и самозанятость, уже являются самостоятельными элементами рынка труда. Они достаточно легко адаптируются к кадровым переходам и структурным сдвигам экономики. Платформенная экономика становится дополнительным резервом для преодоления системного кризиса, помогая адаптироваться к текущим реалиям находящуюся под давлением экономику страны.

Уникальность платформ в том, что они способствуют созданию новых рабочих мест и замещению тех, которые сократились в результате ухода из России иностранных компаний, а также по причине кризиса. Это серьезный резерв на рынке труда. Как свидетельствуют данные Фонда «Центр стратегических разработок» (ЦСР), в нашей стране на долю иностранного бизнеса приходилось 2 млн рабочих мест, а еще с ним так или иначе были связаны 4–6 млн работников. В данной ситуации платформы становятся серьезным механизмом в решении этой задачи: получение доступа к платформам не требует больших затрат времени и усилий.

Развитие отечественного рынка труда с созданием высокотехнологичных рабочих мест — главная цель развития экономики России. «Формирование цифровых экосистем и широкое использование цифровых платформ оказывают существенное влияние на развитие новых форм организации трудовой деятельности»⁴.

Стандартные трудовые отношения, характеризующиеся долгосрочными трудовыми договорами, гарантиями занятости и зарплаты, социальной защитой, хотя формально действуют по-прежнему, фактически размываются. Появляются новые формы занятости, которые больше уже не связаны с устойчивой занятостью. В экономических и социальных науках их принято называть неустойчивой занятостью.

¹ Сталин И. В. О задачах хозяйственников : Речь на Первой Всесоюз. конф. работников социалистической промышленности, 4 февраля 1931 г. // Соч. М., 1951. Т. 13. С. 29–42. URL: <https://istmat.org/node/20360> (дата обращения: 20.04.2023).

² Ведущий научный сотрудник Научной школы «Теория и технологии менеджмента», доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, кандидат экономических наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Неустойчивая занятость: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения» (в соавт.), «Средние классы в капиталистической России» (в соавт.) и др.; учебников «Управление человеческими ресурсами организации» (в соавт.), «Кадровая политика и кадровое планирование» (в соавт.), «Методология отечественного управления» (в соавт.) и др., глоссария «Управление человеческими ресурсами» (в соавт.); статей «Безусловный базовый доход — готов ли российский рынок труда его воспринять?» (в соавт.), «Официальная и неофициальная занятость в организациях: характеристики и влияние на уровень жизни домохозяйств» и др. Награждена памятной медалью «За труды в просвещении», отмечена благодарностью Министерства образования и науки РФ, грамотой Московского городского комитета профсоюзов работников народного образования и науки РФ и др.

³ См.: Павлова В. В. Роль платформенной занятости в условиях санкций // Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление : материалы Ежегод. междунар. науч.-практ. конф. по проблемам социально-трудовых отношений (22-е заседание). Воронеж, 2022. С. 223–226.

⁴ См.: Павлова В. В. Указ. соч.

Применение различных нестандартных форм занятости — платформенной, самозанятости — позволит существенно сократить уровень безработицы.

На уровень безработицы в России в 2022 году повлиял ряд факторов, одни способствовали его снижению, другие — повышению. «В 2023 году на рынок труда и статистику безработицы в России будут и дальше влиять факторы, актуальные в 2022 году:

- сохранение и возможное усиление санкций;
- государственный контроль и регулирование занятости в приоритетных отраслях — промышленности, обороне, сельском хозяйстве;
- политические решения, влекущие концентрацию человеческих ресурсов в оборонной промышленности, вооруженных силах и правоохранительных органах;
- усиление конкуренции за человеческие ресурсы между государством и бизнесом;
- интенсивное воздействие государства на экономику;
- развитие новых форм занятости: совмещения, проектной работы, самозанятости, платформенной занятости;
- региональная и отраслевая миграция кадров;
- цифровизация и развитие удаленной занятости»¹.

Таким образом, развитие новых форм занятости — самозанятости, платформенной занятости — является одним из существенных факторов развития рынка труда и снижения безработицы в России.

Оценка масштабов платформенной экономики важна, но трудноосуществима. Для более точного учета динамики развития этого сегмента экономики целесообразно внести платформенную занятость в программу национального статистического наблюдения — регулярных выборочных обследований Росстата.

«По оценкам Института социальной политики, в апреле 2022 года 14,7 % россиян в возрасте 18–72 лет имели опыт платформенной занятости, в том числе 11,6 % — в формате эпизодических подработок, 1,6 % — в формате регулярных подработок в дополнение к основной занятости и столько же (1,6 %) указали занятость через онлайн-платформы в качестве основной.

Среди работающих доля тех, кто указывает занятость на платформах как основную работу, составляет 2,4 %»².

По данным экспертов, в 2021 году в России в платформенную занятость было вовлечено около 6–8 млн человек, а к 2030 году прогнозируется рост до 15 млн человек³. Основными перспективными направлениями реализации занятости через платформы являются следующие: курьерская доставка, торговля через электронные площадки, оказание онлайн-услуг (IT-разработка, веб-дизайн) и иные услуги. Однако экспертная оценка показала, что уже в 2022 году в российской платформенной экономике общая численность занятых составила порядка 15,5 млн человек, в том числе в качестве основной работы — на уровне 1,7 млн че-

ловек. Это свидетельствует о том, что платформенная занятость является быстро растущим сегментом рынка.

При этом следует отметить, что в 2022 году проявилась новая тенденция: в качестве основной и эпизодической платформенную занятость чаще других указывают студенты и лица, которые в связи со сложившейся экономической ситуацией временно находились в отпуске. Таким образом, если раньше платформенная занятость представляла интерес для людей пенсионного и предпенсионного возраста, то в настоящее время она актуальна для молодого поколения — это является спецификой ситуации начала текущего года.

Платформенная занятость является серьезным механизмом приобретения населением опыта в самозанятости и индивидуальном предпринимательстве, она позволяет сменить род деятельности, реализовать предпринимательскую инициативу, получить дополнительный заработок, способствует самореализации.

В кризисных ситуациях платформенная экономика — это тот спасательный круг, который позволит удержаться на плаву. При временной потере работы платформенная занятость позволит реализовать работнику свой профессиональный потенциал, получить дополнительный заработок. Платформы становятся эффективным инструментом реализации предпринимательской инициативы.

Это поможет не допустить резкого падения доходов и частично предотвратить рост зарегистрированной безработицы, оказывать сдерживающее влияние на кризисные явления в экономике и в дальнейшем способствовать ее более устойчивому росту.

В период пандемии обострилась полемика относительно дефицита мер социальной поддержки платформенных работников, однако это пока не привело к пересмотру правил регулирования этой сферы. Этот вопрос остается открытым в большинстве стран мира. В России Минтруд прорабатывает проект закона, позволяющий ввести в нормативно-правовое поле формы трудовых отношений, связанные с цифровыми экосистемами и платформами.

Однако, несмотря на явные преимущества платформенной занятости, не всегда возможно обеспечение эффективности и результативности функционирования самой цифровой платформы. Это зависит от влияния множества факторов как внешней, так и внутренней среды — экономических, социальных и технологических. Выявление, определение, а также прогнозирование динамики этих факторов оказывают существенное влияние на формирование и эффективность развития платформенной занятости, а также позволяют построить научно обоснованные гипотезы развития платформенной занятости в различных регионах. Решение данной проблемы позволит создать полноценный экономический фундамент для процветания населения России.

Подытожив все вышеизложенное, можно отметить, что процесс трансформации экономики и занятости населения в контексте глобальных перемен весьма неоднозначен, он имеет свои плюсы и минусы, что требует разработки нормативной базы и экономических механизмов, способствующих развитию положительных и устранению отрицательных последствий.

¹ Какой будет безработица в России в 2023 году: официальные прогнозы и мнения экспертов // Информ.-аналит. финансовое издание «Банки сегодня»: [сайт]. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/bezrobotitsa-v-rossii-2023> (дата обращения: 10.05.2023).

² Там же.

³ См.: Павлова В. В. Указ. соч.

Н. Н. Покровская¹**ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ:
ПОТОКИ И ПУТИ В ЦИФРАХ И СМЫСЛАХ**

Тонкую грань между наукой и политикой на практике достаточно сложно соблюсти — поиск истины всегда отвечает не только жажде истины, но и конкретным интересам. Интенциональность анализа экономического поведения не ограничивается чистым отражением калькуляции изменений денежных сумм по статьям (доход, расход). Научные выводы делаются с учетом целеполагания — цели придают смысл цифрам, иллюстрируя вывод.

Статистические данные внешнеторговых результатов КНР в 2022 году и в апреле 2023-го позволяют сделать два противоположных вывода:

— в национальном разрезе: Россия не входит в пятерку крупнейших внешнеторговых государств — партнеров Китая, уступая ЕС, США, Японии;

— в региональном разрезе: АСЕАН и БРИКС занимают ключевые позиции в объемах экспортно-импортных операций Китая.

Объемы экспорта, импорта и суммарной внешней торговли за 2022 год и апрель 2023-го, представленные на сайте Главного таможенного управления КНР, свидетельствуют о правомерности обоих выводов: по объему экспорта США и их партнеры, а также Гонконг как китайский специальный административный район (САР) и Тайвань занимают более заметное положение, чем страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия и ЮАР).

Так, в 2022 году Россия занимала 17-е место по объему экспорта из КНР среди всех стран. Но уже в апреле 2023 года Россия переместилась на 6-е место по объему экспорта из Китая (9,6 млрд долл.) после США (43 млрд долл.), Гонконга (22,3 млрд долл.), Японии (13,9 млрд долл.), Вьетнама (12,0 млрд долл.) и Индии (9,8 млрд долл.), опередив Германию и Нидерланды (9,1 и 8,7 млрд долл. соответственно).

Регион АСЕАН лидирует во внешней торговле Китая с оборотом почти в 1 трлн долларов США (975,3 млрд долл.), затем идут ЕС (847,3 млрд долл.) и США (759,4 млрд долл.). Страны БРИКС формируют суммарно 554,5 млрд долларов оборота с КНР, Япония и Корея — примерно по 360 млрд долларов, Гонконг и Тайвань — 625,1 млрд долларов вместе (оба эти острова учитываются в статистике внешней торговли как Китай).

Постковидные 2021 и 2022 годы отражают сложный выход Китая из состояния достаточно жесткой социальной изоляции, хотя «нулевая терпимость» к ко-

виду фактически и не была настолько строгой, как это декларировалось властями КНР: университеты закрывались на карантин на недели и месяцы и переходили в онлайн-режим работы при выявлении заражений в городах их расположения, в то время как строгость мер в материковом Китае в целом сводилась в большей мере к использованию СИЗ и изоляции в случае поездок (командировок, путешествий). Вместе с тем уже 2022 год может вновь рассматриваться как база для сравнения.

Изменения в перераспределении внешнеторговых потоков отражают, с одной стороны, динамику объема платежеспособного спроса и стоимости транспорта и страхования рисков, с другой — долгосрочные стратегические планы развития сотрудничества и доверия в разделении труда.

Данные экспорта и импорта КНР позволяют увидеть оптимистичные тенденции развития российско-китайских взаимоотношений: рост прямых внешнеторговых потоков и создание обходных путей для внешнеторговых потоков, например через Мексику, Казахстан и др.

Статистические данные отражают состоявшееся прошлое, из их динамики можно экстраполировать выводы о планируемом будущем, при этом сами корреляции являются научным фактом, а их интерпретации становятся предметом политических решений.

Стратегии развития оперируют ресурсами и целевыми результатами, цифровая трансформация социально-экономической деятельности делает такие стратегии все более прозрачными — как с точки зрения использования данных экономической деятельности для государственного управления, так и в рамках совершенствования индивидуальных траекторий принятия решений. Иногда ускорение процессов сбора, анализа и трактовки данных ошибочно принимают за схлопывание и выбор краткосрочных циклов планирования. Опыт регионального проектирования, осуществляемого КНР, показывает, что долгосрочные программы развития целесообразны и эффективны в изменчивом мире, несмотря на его «непредсказуемость».

Краткосрочная ориентация на финансовый результат не позволяет, во-первых, строить инфраструктуру, во-вторых, нарушает естественный ход жизни населения: все более широкие массы людей благодаря технологиям, улучшению условий жизни и медицине могут жить значительно дольше, чем несколько веков назад, человек планирует свою жизнь в длительной перспективе с учетом фазы семьи, что в психологии описывается как «расширенное я», когда индивид несет ответственность за себя и за членов семьи, прежде всего своих детей, родителей и родственников.

Долгосрочное стратегическое развитие опирается на регулирование поведения людей, для чего необходимы знания и ценностно-смысловые ориентации. Формирование социальных компетенций вклю-

¹ Профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор социологических наук. Автор более 520 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Социальное предпринимательство» (в соавт.), «Социально-экономический анализ инновационного управления цифровыми медиакоммуникациями» (в соавт.), «Социально-экономическое исследование управления знаниями в условиях цифровой трансформации» (в соавт.) и др. Член редакционного совета журналов «Социология и право», «Личность и культура». Член Санкт-Петербургского союза ученых.

чает в себя оба направления: навыки и умения соблюдать правила и удовлетворять свои потребности в пределах выделенных для такой активности каналов; оценки и суждения о реальности на основании критериальной модели, в которой иерархия приоритетов в шкале ценностей отражает цивилизационные

социокультурные корни. Формирование стратегических союзов, как видно из потоков внешней торговли, сегодня определяется цивилизационной общностью, российско-китайские взаимоотношения опираются на базовую близость (proximity) в ценностно-смысловой сфере.

А. Ю. Прихач¹

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Современный этап характеризуется серьезным обособлением экономик как развитых, так и развивающихся стран. Ведущие экономисты считают, что наступает период расформирования системы глобализации, и это будет касаться форм и степени участия государств в международных проектах, функционирования в рамках Всемирной торговой организации и использования механизмов финансовых взаиморасчетов. Именно на такие процессы оказал влияние ряд факторов как общеэкономического, так и геополитического характера.

Первым серьезным воздействием последнего периода на мировую экономику было возникновение и распространение пандемии. Причем это приняло затяжной характер. Иногда пандемию COVID-19 сравнивают по уровню воздействия с так называемым гонконгским гриппом 1968–1970 годов. В течение пандемии существенно «просели» некоторые сферы бизнеса в различных странах, и им потребуется значительное время, чтобы наверстать упущенное. По оценкам Bloomberg, ущерб для мировой экономики составил более 5 трлн долларов, по экспертному мнению специалистов банка JPMorgan Chase, этот показатель должен достичь 5,5 трлн долларов². В реальности, по общим прикидкам, влияние пандемии было самым негативным в 2020 году, затем экономические показатели обозначили рост. В 2021 году положение немного стабилизировалось, был отмечен рост на 6 %, в 2022-м — на 3,4 %³.

Следующим фактором, вслед за пандемией оказавшим воздействие глобального характера, стал геополитический. Прежде всего, это кризис в отношениях меж-

ду Россией и Украиной и в меньшей степени противостояние Китая и США. Они повлекли осложнение межгосударственных связей, отказ от некоторых прежних договоренностей, значительное затруднение логистики и удлинение обходных маршрутов, а значит, и удорожание транспортных потоков.

Существенное влияние на экономику оказало также создание искусственных препон в системах финансовых расчетов и политическое давление со стороны своих государств на фирмы, работающие на российском рынке. Многие из них под давлением своих правительств формально заявили о приостановке деятельности или вообще об уходе с рынка. В итоге большинство осталось, не желая терять прибыль. А еще некоторая часть трансформировала процессы управления, выводя из-под «прицела» свое руководство и топ-менеджмент. В результате возникли квазимодели трастового управления, которое до этого не получало существенного развития в России.

Именно с началом геополитических изменений активизировалась глобальная конкуренция. При этом нежелание или неготовность некоторых стран участвовать в обострении конкуренции на глобальном уровне совершенно не принимается во внимание инициаторами такого обострения. Так, к примеру, Китай не заявлял о готовности осложнить отношения с США, но вынужден считаться со сложившейся ситуацией. Что касается России, то имиджевая атака на нее началась задолго до этого. Проведение зимних Олимпийских игр и чемпионата мира по футболу в России были по достоинству оценены специалистами. Некоторые эксперты называли их по уровню организации и проведения если не лучшими за всю историю данных мероприятий, то одними из лучших. Имидж России как спортивной державы и страны для туристического отдыха впечатляюще вырос. Кому-то из мировых игроков показалось, что даже чрезмерно. Поэтому в Америке раздули скандал, связанный с допинговым делом, и все усилия были направлены на ухудшение российского имиджа в спорте.

Снижение спортивного престижа страны существенным образом замедляет экономические процессы, непосредственно связанные со спортом. И дело не только в том, что привлекательность спорта способствует оздоровлению населения через приобщение к энергичному образу жизни и тем самым увеличению количества работоспособных людей. Помимо того, по-

¹ Профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук. Автор 134 научных публикаций, в т. ч.: «Зеленая экономика» (в соавт.), «Основы управления конкурентоспособностью», «Активная инновационная деятельность персонала как конкурентное преимущество», «Значение инновационной деятельности для конкурентных преимуществ фирмы», «Информационное поле товара — понятие и значение», «Использование методов маркетинга персонала для оценки трудового потенциала новых сотрудников» (в соавт.), «Проблематика пониженной реализации трудового потенциала» и др.

² Bloomberg: мировая экономика потеряет от коронавируса \$5 трлн. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8197181> (дата обращения: 12.05.2023).

³ Перспективы мировой экономики. Официальный сайт International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/publications/weo> (дата обращения: 12.05.2023).

вышение числа спортсменов содействует возможному росту доходов государства от призовых выплат, кроме случаев участия в соревнованиях высшего уровня, где призы выплачиваются за счет официальных организаторов или из соответствующих бюджетов. Это также повышение оборота компаний, завязанных на бизнес по обеспечению спортивным инвентарем населения и спортсменов. Интерес к спорту влияет на интенсивность посещений спортивно-зрелищных мероприятий. Сюда же можно отнести востребованность российских спортсменов, тренеров, судей, специалистов, например, для иностранных клубов, соревнований и зрителей, а также организацию совместных спортивных мероприятий.

Таким образом, имиджевые потери существенно снижают доходы той части экономики, которая связана со спортом. Падение репутации от невозможности выступать под собственным флагом грандиозно. Кроме нашей страны под такой же запрет попали КНДР, Индонезия, Таиланд, а теперь еще и Белоруссия. Ранее такую же участь разделяли Югославия, Восточный Тимор, Индия, Кувейт. Теперь же еще МОК рекомендовал спортивным федерациям не допускать российских и белорусских спортсменов к участию в соревнованиях.

Современная геополитическая ситуация коренным образом завязана на экономических аспектах. Соединенные Штаты продавили отказ Европы от использования «Северного потока-2», что, в общем, было довольно невыгодно европейским странам и привело к скачкам цен на газ. Потом диверсии на «Северных потоках» привели к их выводу из строя, что исключает продажу в Европу газа по этим трубопроводам. Некоторые специалисты назвали это «экономическим терроризмом». Нужно также вспомнить, что ранее под давлением Америки Болгария не давала разрешения на завершение строительства «Южного потока», хотя предварительные договоренности были достигнуты и строительство началось. Когда «Южный поток» трансформировался в «Турецкий поток», Болгария, оценив потери в 5 тыс. рабочих мест и ежегодные финансовые потери в 600 млн евро, пошла на попятную, что было уже неприемлемо.

Большие ожидания западные страны возлагали на принимаемые один за другим пакеты санкций. Определенное негативное воздействие на отечественную экономику они, разумеется, оказали. Однако далеко не в том объеме, как ожидалось. Более того, сами страны-инициаторы понесли существенные экономические потери, как от собственных ограничительных санкций, так и от ответных действий со стороны России.

Таким образом, можно констатировать, что конкуренция, осуществляемая на глобальном уровне, усилилась и даже превратилась сегодня в нечто совсем иное. Она осуществляется с применением как экономических, так и политических, а также идеологических, административных и даже ономастических инструментов. Причем использование такого инструментария практиковалось уже давно, еще в разгар холодной войны. После запуска первого спутника и полета в космос Ю. Гагарина весь мир узнал слова «спутник» и «космонавт».

С позиций тактичности и уважения первенства они должны были закрепиться в международном словаре для обозначения всех аналогичных событий. Американцы не пошли на это и продемонстрировали борьбу в применении смысловых названий, введя для использования свои слова *satellite* и *astronaut*. При этом, если посмотреть с логической точки зрения, *astronaut* — название вычурное и крайне неточное, потому что до сих пор никто из астронавтов никаких звезд не достигал и не изучал, и в обозримом будущем этого не предвидится. Тем не менее название закрепилось и широко используется. По аналогичному пути, имея перед собой этот пример, пошли китайцы, но их название «тайконавт» вряд ли получит распространение.

Нужно заметить, что космос был, есть и будет ареной состязательности, как технической и научной, так и имиджевой. Прежде всего, потому, что исследование космоса — привилегированная и очень дорогая деятельность, и далеко не все страны могут себе ее позволить. МКС остается самым дорогим сооружением человечества стоимостью, по оценкам экспертов, в 150 млрд долларов. Представляется, что нашей страной было много упущено в космическом соревновании. Мы отдали первые позиции по отдельным направлениям. Из находящихся на орбите почти 5 тыс. спутников разных стран порядка 3 тыс. — американские (из них почти 2 тыс. мини-спутников связи *Starlink*), 500 — китайские, более 450 — английские (из них почти 400 — связь *OneWeb*). Россия со своими почти 200 спутниками находится на четвертом месте. Понятно, что в данном случае положение не совсем правильно оценивать только по количественному параметру. Следовало бы рассмотреть функционал и многозадачность космических аппаратов, но это уже относится к закрытой информации. Совокупная масса российских спутников почти в два раза выше, чем всех английских, составляет половину от китайских, почти 20 % от американских. Это позволяет говорить о комплексности назначения и рабочих режимах наших спутников.

Даже если оставить за скобками вопрос о том, были или нет американцы на Луне (это вообще сейчас больше вопрос веры, причем первыми сомневающимися были именно американские специалисты), в имиджевом отношении Америка занимает первое место. Этому способствовали и запуски «вояджеров», шаттлов, различных телескопов, и исследования планет Солнечной системы. Сейчас вновь активизировалась лунная гонка, и России необходимо решить, вступать в нее или нет. В принципе, еще с прошлых времен у нас сохранились (во всяком случае должны были) определенные наработки по лунным модулям и станциям.

Космическое соревнование — это всегда востребованность инженеров и других специалистов высокого уровня, необходимость разработки композитных материалов и сплавов, совершенствования двигателестроения и т. п. С одной стороны, это серьезные затраты, с другой — отдача может быть экономически очень значимой, как за счет развития технологий, так и благодаря организации космического туризма.

Следует признать прорывной программу государственного заказа на воздушные суда отечественного

производства. До 2030 года должно быть построено 583 современных самолета, с выходом к этому сроку на темп строительства более 100 единиц техники в год. Таким образом, российские авиационные машины будут способны в дальнейшем составить серьезную конкуренцию на мировом рынке. Надо заметить, что советская промышленность выпускала как для себя, так и на рынок пассажирские самолеты разных моделей и типов от четырех различных производителей.

Следующая область, где необходимо предпринять решительные шаги, это производство микроэлектронных комплектующих. Необходимо создание собственной базы. Вообще, в компьютерной гонке по процессорам мы отставали на поколение, что, в принципе, не такой уж большой разрыв. Переход к рынку, в том

виде, в каком он был осуществлен, существенно отбросил нас. Хотя сейчас в России имеется не менее пяти производителей микропроцессоров, архитектура их изделий пока не может сравниться с передовыми технологичными и высокопроизводительными моделями чипов. Однако необходимо продолжать предпринимать усилия в этом направлении. При этом некоторые специалисты считают, что полупроводниковая микроэлектроника почти исчерпала свой ресурс и на смену ей должно прийти что-то новое. Задача российских специалистов — не пропустить этот момент, а еще лучше — найти собственные прорывные идеи и включиться в процесс на границе смены одного технологического уклада микроэлектронной промышленности на другой.

Е. С. Саловая¹

УСЛОВИЯ СТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Переходный характер переживаемого человечеством момента не отрицается сегодня никем. Это стало лейтмотивом научного и общественного дискурса. Последние год-два обострили понимание того, что дальнейшее направление (или направления, учитывая наличие по крайней мере двух конкурирующих блоков, претендующих на формулирование повестки развития) движения определяется именно сегодня. Мы пока вряд ли можем достоверно представить себе этот будущий мир. Очевидно, однако, что успешно войти в него смогут далеко не все участники «гонки за будущим», учитывая глубину надвигающегося системного кризиса.

Если рассматривать этот кризис с политической точки зрения (как кризис современного миропорядка в веберовском понимании этого термина), то он связан с окончанием эпохи однополярного мира. Если же говорить о социальных его аспектах, то мы сегодня сталкиваемся с банкротством леволиберального проекта по построению глобальной системы управления социальным развитием, предусматривавшего для «глобальной человеческой империи» (А. Печен) не только единые социальные нормативы и центр управления, но и общие культурно-ценностные основания. Крушение этого проекта с неизбежностью ведет к укреплению национальных государств, вынужденных бороться за свой суверенитет, как необходимое условие преодоления кризиса.

¹ Заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. более 10 монографий: «Социальное государство в зеркале общественных трансформаций» (соавт. и соред.), «Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы» (в соавт.), «Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект» (в соавт.), «Международные стандарты в сфере труда: институты и механизмы реализации (опыт развитых стран и России)», «Качество жизни населения мира: тенденции, изменение, институты» (в соавт.) и др.

Исторический опыт подсказывает, что более успешными в преодолении катаклизмов такого масштаба окажутся те из них, которые в этот непростой период глобальных перемен смогут сохранить социальную стабильность, единство общества, основанное на понимании целей и признании справедливости предпринимаемых усилий по их достижению. Однако любой транзит из одной социальной реальности в иную сопряжен с рисками. Их не просто огромное множество, но они провоцируют и усиливают один другой. Не случайно общество, находящееся в процессе перехода от одной социальной системы к другой, новой и неизведанной, философы называют обществом риска (О. Н. Яницкий). Факторы, провоцирующие эти риски, можно условно структурировать следующим образом.

Экономические факторы — исчерпанность прежнего механизма экономического роста, основанного на экстенсивном расширении рынка (экономическая глобализация), а затем на кредитном стимулировании спроса, ставит пределы экономическому и социальному благополучию.

Политические факторы — неспособность лидера сложившейся глобализированной экономики (США) и дальше быть ее локомотивом ведет к жесточайшему политическому, а временами и военному противостоянию государств, их блоков и коалиций, вступающих в борьбу за переустройство мира. Этот процесс обозначается как регионализация мировой системы.

Технологические факторы — необходимость перехода к новому технологическому укладу обостряет борьбу за лидерство в данной сфере в условиях новой системы мироустройства и требует мобилизации ресурсов самого разного рода в относительно сжатые сроки.

Социальные факторы — сокращение ресурсов, которые возможно потратить на поддержание социального мира, обуславливает необходимость поиска новых механизмов решения социальных проблем, ведет

к усилению неэкономических факторов консолидации общества.

Конечно, представленное структурирование факторов достаточно условно, учитывая неделимый характер социальной динамики, тем не менее социальные риски, возникающие под их воздействием, совершенно реальны. Обозначим лишь некоторые из тех угроз, которые сегодня встали во весь рост перед всеми без исключения государствами. К ним относятся: угроза дестабилизации общества из-за ухудшения социальной ситуации, а также отсутствие условий для успешного решения проблем занятости в процессе перехода к новому технологическому укладу.

Серьезное ухудшение ситуации в социальной сфере принято связывать с широким распространением цифровых технологий, «лишающих» людей работы. Вообще влияние технологий на общество и человека разнообразно и противоречиво. И это тренд не только Новейшего времени, данная проблема издавна привлекала внимание ученых и философов. Много сказано уже и о воздействии цифровых технологий на рынок труда, платформенной занятости на социальную сферу¹. Главное, что здесь следует отметить, что платформизация сферы труда провоцирует опасную, очень конфликтную ситуацию, при которой социальное неравенство, сопровождавшее человечество на протяжении всей его истории, приобретает новое измерение.

Индустриализация, а затем глобализация экономики привели к удлинению цепочек создания стоимости и полному подчинению работника алгоритмам технологического процесса, сделав его не просто частичным, но совершенно фрагментированным и полностью зависимым от институтов государственной или корпоративной социальной политики. Цифровизация рынка труда де-факто ликвидирует этот сложившийся социальный порядок. Новая реальность оборачивается не только увеличением социальной разобщенности труда, размыванием его коллективного характера, способствует атомизации общества, росту социальной энтропии, она значительно ухудшает материальное положение работающих, их социальную защищенность².

Это лежит в основе тех серьезных проблем с финансовым и институционально-организационным обеспечением работы социальной сферы, которые мы наблюдаем сегодня. Ведь принципы, положенные в ее основу, были разработаны и претворялись в жизнь в совершенно иных социально-экономических и политических условиях. Превращение наемного работника индустриальной эпохи в самозанятого в условиях цифровизирующегося рынка труда приводит к тому, что размежевание общества проходит именно по линии доступа к социальной политике. Возможная реализация обозначенной тенденции может потребовать отказа от солидарного подхода к страхованию социальных рисков, архаизации социальной политики, чревата ростом социального недовольства.

¹ См.: Садовая Е. С. Рынок труда в цифровой экономике — перспективы регулирования // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 10. С. 102–111.

² Тоценко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. С. 360.

Важно, однако, подчеркнуть, что все же не цифровые технологии «виноваты» в происходящей трансформации социальной сферы. Развитие технологий — это лишь одна из граней единой социальной динамики, обуславливающей общественные трансформации. Развитие технологий и широкое их внедрение — ответ бизнеса на ужесточающиеся условия конкуренции, механизм снижения издержек в условиях сокращающихся рынков.

При этом прежние рецепты решения социальных проблем в условиях системного кризиса неприменимы. Поиск новых механизмов развития и обретение новых оснований лояльности — на смену существовавшей до этой поры системы «тотального экономического подкупа» (Э. Геллнер) — может стать залогом успешного преодоления этапа всеобщей нестабильности. Понимание того, что возможное усложнение условий жизни — необходимая плата за сохранение государства и его дальнейшее развитие, оказывается в этих условиях нетривиальной, но жизненно важной задачей.

Если говорить более конкретно о новых институциональных принципах организации социальной сферы, то выходом в складывающейся ситуации может стать дальнейшая консолидация финансовых средств (что и происходит сегодня в России), возврат к солидарным принципам формирования пенсионной системы, переход от всеобщего к строго индивидуализированному формату социальной политики. Это потребует серьезной переработки ее нормативно-правовой базы, пересмотра трудового законодательства, приведения его в соответствие с реалиями сегодняшнего дня.

Сокращение мировой экономики в условиях системного кризиса приведет к переформатированию ее финансового и организационно-логистического дизайна, обрушит финансируемую экономику услуг, выравнивая ее пропорции, а следовательно, меняя структуру занятости. Однако на начальном этапе такая перестройка грозит сокращением производства, потерей традиционных рынков и, как следствие, ростом безработицы, некачественной занятости и бедности. Очевидно, что поддержание социальной стабильности в режиме мобилизации общества не может рассматриваться как стратегическая цель. Это, скорее, тактическая задача на переходный период, в течение которого необходимо будет построить экономику иного технологического уклада и создать новые эффективные рабочие места.

Необходимость обеспечения экономической независимости на начальном этапе заставит страны, претендующие на сколь-нибудь значимую роль в этом новом мире, создавать/воссоздавать у себя многие отрасли экономики, отданные ранее на аутсорсинг. Неизбежная регионализация мировой экономики приведет к сокращению цепочек создания стоимости и понизит уровень разделения труда. При благоприятном раскладе это может до некоторой степени нивелировать негативные последствия для рынка труда широкого внедрения автоматизации и роботизации в тех странах, которые будут в авангарде создания экономики нового технологического уклада.

Главным препятствием на этом пути может стать даже не отсутствие необходимых природных ресурсов и финансовых средств или ограниченность рынка, а недостаток квалифицированных кадров и научных школ, являющихся основным условием и важнейшей предпосылкой новой индустриализации. Показателен в этом смысле пример США, столкнувшихся (как и многие другие страны до них, игравшие роль экономического гегемона и производившие свой главный товар — мировую валюту) с уткой наиболее значимых производств. Как выясняется, вместе с производствами в другие страны «переселяются» и необходимые компетенции, а их носители выбывают из страны-донора по чисто физиологическим причинам. Восполнить отсутствие компетенций оказывается гораздо сложнее, чем даже финансовый потери и физическую нехватку необходимых мощностей. Складывающаяся ситуация оценивается экспертами в самих США как катастрофическая¹.

У России, кстати, ситуация несколько более благоприятная. Относительно небольшая численность населения, существовавший и воссозданный благодаря санкционному давлению промышленный потенциал и сохранение научных школ и системы профессионального образования являются нашими конкурентными преимуществами. Кроме того, наша экономика недостаточно финализована и терциализована, что было большим минусом при подсчете ВВП в недавнем прошлом, но оборачивается существенным плюсом в этот переходный период и позволяет со сдержанным оптимизмом рассматривать перспективы недопущения высокой безработицы в стране при прохождении ею трансформационного кризиса.

При этом нам вряд ли удастся совершенно избежать проблем с занятостью, вызванных перестройкой мировых хозяйственных связей. Еще несколько лет назад делавшиеся прогнозы предупреждали о сохранении спроса

на труд в крайних сегментах его рынка — низкоквалифицированной и низкооплачиваемой занятости, с одной стороны, и высококвалифицированной — с другой, а также о «вымывании» (вследствие автоматизации и роботизации) рабочих мест средней квалификации. Сегодня же мы наблюдаем сокращение спроса уже в сегменте высококвалифицированной занятости в сфере услуг. Автоматизация и даже роботизация (технологии искусственного интеллекта) «добрались» и до этих сфер. Напротив, спрос на низкоквалифицированный труд, получивший к тому же платформенный формат организации, по-видимому, сохранится на ближайшую перспективу и станет преобладающим.

Учитывая, что возможности экономического роста напрямую зависят от емкости рынка вновь образующихся макрорегионов, единственным возможным путем преодоления негативных последствий процесса перестройки экономики для России может стать ускорение формирования собственной экономико-технологической зоны в рамках ЕАЭС, расширение экономических связей со странами за рамками западного экономического кластера, жесткий государственный протекционизм в продвижении российской продукции (как на внутренний, так и на мировой рынок) в целях завоевания его существенной доли. При освоении внутреннего рынка приоритет следует отдавать развитию наиболее трудоемких отраслей экономики (пищевая, легкая, туризм). Ну и, конечно же, необходима дальнейшая перестройка системы образования — от начального до высшего профессионального, которая должна стать приоритетом государственной политики развития.

Есть хорошее выражение «предупрежден — значит вооружен». Четкая идентификация угроз и рисков, а значит, правильный выбор инструментов реагирования на них должны позволить нашей стране осилить трудный путь эпохи глобальных перемен.

В. П. Семенов²

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ МЕНЕДЖМЕНТА БЕРЕЖЛИВЫХ ИННОВАЦИЙ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Сегодня мир живет в эпоху глобальных перемен, и в нем существенно меняются многие традиционные представления о механизмах и подходах неоднозначного международного развития. Очевидно, что спрос

на конкурентоспособную продукцию будет продолжать увеличиваться, а необходимые ресурсы для этого останутся ограниченными. Россия для перехода к стратегии импортозамещения и экономического роста нуж-

¹ См.: *Segal A.* Is America Losing Its Edge // *Foreign Affairs*. 2004. November/December. Vol. 83, № 6. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2004-11-01/america-losing-its-edge> (дата обращения: 20.08.2021); *Allison G., Schmidt E.* The U. S. Needs a Million Talents Program to Retain Technology Leadership. Immigration is the United States' secret sauce — including in its competition with China. *Foreign Policy*. 2022. July 16. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/07/16/immigration-us-technology-companies-work-visas-china-talent-competition-universities/> (дата обращения: 07.10.2022).

² Профессор кафедры менеджмента и систем качества Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), доктор экономических наук. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Методы

оценки эффективности систем качества», «Направления развития менеджмента качества», «Проблемы и направления развития менеджмента качества в условиях индустриально-сырьевой экономики» (в соавт.), «Современные проблемы развития и интеграции систем менеджмента качества в организациях» (в соавт.), «Глобальные тенденции освоения энергетических ресурсов российской Арктики. Часть I. Тенденции экономического развития российской Арктики» (в соавт.), «Интегрированная модель системы управления организацией на основе технологий менеджмента качества и бережливого производства» (в соавт.), «Российская экономическая модель-8: будущее в условиях кризиса глобализации» (в соавт.) и др. Награжден нагрудным знаком Министерства образования и науки РФ «За развитие научно-исследовательской работы студентов».

дается в адекватной модернизации всех сторон социально-экономической жизни¹.

В последние годы у экономистов и менеджеров нашей страны существенно возрос интерес к подходу, именуемому «бережливое производство» (LEAN), принципы которого были сформулированы Джеймсом Вумеком на рубеже XX–XXI столетий². Этот подход к менеджменту и управлению качеством обеспечивает долговременную конкурентоспособность без существенных капиталовложений. Впервые он был осуществлен в компании Toyota и сегодня широко используется во многих странах мира в различных отраслях, но, к сожалению, не достаточно активно применяется в российской практике.

Главными проблемами бережливого производства являются определение ценности продукции для реального потребителя и технико-экономический процесс ее создания. Современная научная литература по бережливому производству предлагает различные подходы к реализации конкретной ценности потребителя, для которого предназначена продукция, но которого производитель тем не менее недостаточно хорошо знает. Дело в том, что одной из актуальных проблем развития мировой экономики является расслоение общества по уровню доходов и доступности производимой продукции³, которое постоянно увеличивается во всех странах мира. Небогатые люди составляют значительно большую часть населения планеты, и им жизненно необходимы недорогие и качественные товары и услуги. При этом нужно учитывать ограниченность ресурсов и экологические проблемы.

Новый взгляд на бережливость (по смыслу и содержанию) демонстрирует понятие «бережливые инновации» (FRUGAL). С ним нас знакомят индийские исследователи Нави Раджу и Джайдип Прабху⁴. Авторы показывают, как научиться делать больше продукции, удовлетворяющей потребителей во всех странах мира, с наименьшими затратами.

В настоящее время в деятельности компаний различных отраслей акцентируется цифровизация процессов менеджмента инноваций. Непрерывно улучшать процессы, а также незамедлительно реагировать на любые изменения их характеристик позволяет цифровизация компании при помощи Интернета вещей⁵. При этом попутно совершенствуется система менеджмента.

На новый уровень выходит привычное понимание концепции кайдзен, широко применяемой в менеджменте бережливых инноваций. Интернет вещей⁶, именуемый цифровыми инновациями, все более активно проникает в повседневную жизнь и влияет на эффективность и результативность процессов деятельности организации.

¹ См.: *Гринберг Р. С.* Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012. С. 416.

² См.: *Вумек Дж. П., Джонс Д. Т.* Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании: пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 472.

³ См.: *Гринберг Р. С.* Указ. соч.

⁴ См.: *Раджу Н., Прабху Д.* Бережливые инновации: Технологии умных затрат: пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2018. С. 416.

⁵ См.: *Грингард С.* Интернет вещей. Будущее уже здесь: пер. с англ. М.: Альпина Паблшер, 2017. С. 638.

⁶ См.: *Зараменских Е. П.* Интернет вещей. Исследования и область применения. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 765.

Говоря об истории возникновения концепции кайдзен, следует отметить, что в послевоенные годы перед Японией стояла важная задача восстановления экономики и промышленности. Десятилетие начиная с 1950 года считается началом формирования концепции кайдзен. Именно тогда Уильям Эдвардс Деминг, знаменитый ученый и консультант по менеджменту, познакомил японские промышленные предприятия с американской системой управления качеством. Суть ее заключалась в том, что деятельность организаций должна быть выстроена шаг за шагом в движении на пути к непрерывным совершенствованиям (как процессов, так и условий труда). Для этого в японскую систему производства внедрили устойчивую деятельность кайдзен, ориентированную на клиента⁷.

Японская философия и практика кайдзен⁸ фокусируются на постепенном и непрерывном совершенствовании процессов производства, вспомогательных бизнес-процессов и управления, а также всех аспектов жизни. Назначение философии — совместные усилия всех сотрудников компании по достижению ежедневных побед и улучшений в производстве. Главная цель подхода кайдзен — достичь общего положительного синергического эффекта с помощью малых инвестиций в оборудование и непрерывных совместных усилий всех сотрудников. Этот эффект будет достигаться уменьшением издержек и сокращением различных потерь.

Цифровые инновации (или Интернет вещей) начали развиваться несколько позже — в период цифровой трансформации, когда с совершенствованием технических и аппаратных средств отправной точкой развития стали сбор и накопление данных, имеющих ценность. Различные датчики, системы сбора, обработки, хранения и анализа информации, а также преобразование этих данных в доступный человеку вид (визуализация) стали неотъемлемой частью мощного технологического прогресса.

Интернет вещей — это своего рода концепция вычислительных сетей физических предметов («вещей»), оснащенных встроенными технологиями для удаленного взаимодействия друг с другом. Такая концепция подразумевает перестроение и функционирование экономических и общественных процессов с минимальным участием человека. Назначение цифровых инноваций — скачкообразно (быстро, за малые промежутки времени) совершенствовать бизнес-процессы организации, обеспечивая должный уровень безопасности, качества и производительности с помощью датчиков и сети передачи, обработки, анализа и визуализации данных. Главная цель этого подхода — повысить производительность процессов путем эффективности выполнения операций. Такая визуализация позволит наиболее быстро реагировать на любые изменения и оперативно принимать адекватные решения⁹.

⁷ См.: *Деминг Э.* Выход из кризиса: новая парадигма управления людьми, системами и процессами: пер. с англ. М.: Альпина Паблшер, 2009. С. 419.

⁸ См.: *Имаи М.* Кайдзен: Ключ к успеху японских компаний: пер. с англ. М.: Альпина Паблшер, 2011. С. 274.

⁹ См.: *Марченко С. В., Семенов В. П.* Современные методы и средства улучшения качества, повышения производительности и эффективности деятельности организаций в условиях цифровизации // Качество, инновации, образование. 2022. № 4. С. 108–113.

Цифровые инновации берут истоки в 1912 году, когда Йозеф Шумпетер в своей книге писал о том, что предназначение предпринимателя — «созидательное разрушение», а изменения — это естественное и здоровое явление¹. Отсюда следует, что требуются инновации культуры, включающей в себя и саму работу, и прежние методы ее выполнения. При этом необходимо исходить из того, какие ценности для потребителя создадут цифровые инновации и как изменить механизм управления, чтобы их осуществить. В этом смысле необходимо, чтобы представители всех подразделений разделяли общее видение ситуации и стоящих перед организацией задач и принимали соответствующие меры для их решения. Отправная точка цифровых инноваций — сбор и накопление данных, имеющих ценность.

Совместное использование кайдзен и цифровых инноваций позволяет существенно совершенствовать

процессы в короткие сроки². Тем самым период улучшений (или цикл кайдзен) значительно сокращается. Следовательно, совместное использование кайдзен и цифровых инноваций создает ощутимый резерв времени для организации. Это высвободившееся время организация может использовать продуктивно: провести дополнительный цикл улучшений, а также принять взвешенные и адекватные решения, влияющие на эффективность процесса.

В настоящее время тема цифровизации процессов менеджмента инноваций вызывает повышенный интерес у руководителей российских компаний. Их умами сегодня все больше овладевает концепция бережливых инноваций. Эпоха глобальных перемен может привести к успеху только те страны, в которых хозяйствующие субъекты в своей деятельности будут подходить к инновациям по-новому, учитывая накопленный научный и практический потенциал.

**О. А. Страхова³,
В. Ю. Ляпунова⁴**

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Любая организация здравоохранения нацелена на достижение одновременно как экономической, так и социальной эффективности, а следовательно, медико-социальная деятельность организации здравоохранения должна быть эффективной с точки зрения ее работы как социального объекта. Именно эффективная медико-социальная деятельность организаций здравоохранения приобретает особую значимость в контексте глобального конфликта и должна помочь решить одну из главных стратегических задач отечественной экономики в условиях глобальной нестабильности — снижение социальной напряженности в обществе за счет стабилизации прежде всего психического здоровья населения России.

Сегодня геополитические изменения в мире и нашей стране вносят корректировки во все управленческие процессы, требующие иных подходов и нового инструментария, которые в условиях глобальной

неопределенности позволят решить основную задачу медицинской психологии в управлении учреждениями здравоохранения и поведением персонала этих организаций. Медицинская психология как наука в настоящее время остается не изученной и не исследованной в первую очередь с точки зрения понятийного аппарата и ее возможностей в решении управленческих задач в условиях глобальной нестабильности.

Известные ученые В. М. Бехтерев и И. М. Сеченов еще в начале XX века заложили фундамент самого понятия и применения психологии в медицине как науки, связанной с изучением физического, социального и духовного состояния человека. И именно поэтому в условиях глобальной нестабильности, на наш взгляд, должно быть продолжено исследование возможностей медицинской психологии как эффективного инструмента управления организациями здравоохранения с помощью активизации адаптационных возможностей персонала и его гармонизации.

Исследования, проведенные в Институте делового администрирования региональной ассоциации менеджеров здравоохранения (ИДА РАМЗ), позволили выявить проблемы повышения роли медицинской психологии в управлении организациями здравоохранения в условиях глобального конфликта при разрушении старого мирового порядка. К ним в первую очередь относятся: трансформационные изменения роли психологической службы в управлении организацией здравоохранения; роль медицинской психологии при осуществлении изменений в организации здравоохранения в условиях глобальной нестабильности; психологические проблемы организационных изменений и принятия решений руководителями организаций

¹ См.: Шумпетер Й. Теория экономического развития: капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. М.: ЭКСМО, 2007.

² См.: Намиот Д. Е. Базы данных временных рядов в системах Интернета вещей. М.: Синергия, 2017. С. 573.

³ Президент Института делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Бизнес-планирование» (в соавт.), «Менеджмент» (в соавт.), «Организационное поведение» и др. Отмечена нагрудным знаком Министерства науки и высшего образования РФ за реализацию Президентской программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ, Почетной грамотой губернатора Санкт-Петербурга и др.

⁴ Руководитель направления «Тренинг-менеджмент» Института делового администрирования Региональной ассоциации менеджеров здравоохранения. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. «Стратегия устойчивого развития организаций здравоохранения в условиях глобальной нестабильности» (в соавт.) и др.

здравоохранения; основные принципы формирования новой концепции психологической службы в организации здравоохранения; управленческая гибкость в сочетании с эмпатией как основная поведенческая компетенция руководителей организации здравоохранения; этика профессионального общения с элементами эмпатического понимания как основа организационного поведения руководителей организаций здравоохранения; основная задача психологической службы — создание зоны комфорта с использованием инструментария медицинской психологии.

Из всех перечисленных проблем создание зоны комфорта в исследовании использования инструментария медицинской психологии выходит на первое место и, по сути, сегодня становится основной задачей психологической службы организации, так как именно это направление исследований поможет осуществить модификацию поведения персонала любой организации в условиях повышающихся рисков, связанных с глобальной нестабильностью. На сегодняшний день внешние угрозы заставляют создавать новый динамический комплекс защитных механизмов и управления рисками.

Выявленные проблемы современного понимания медицинской психологии стали предметом исследований, проводимых в институте на втором этапе. Были выделены проблемы повышения роли медицинской психологии в управлении организациями здравоохранения и сферы услуг в целом, что позволило разработать дальнейшую программу исследований в институте. В нее вошли направления: «Медико-социальная модель синдрома эмоционального выгорания руководителей организаций здравоохранения»; «Мотивационно-психологические аспекты управления персоналом»; «Роль организационного психолога в медицинской организации. Психологическое сопровождение реабилитационного процесса»; «Трансформационные изменения роли психологической службы в управлении предприятием здравоохранения»; «Психологическая грамотность как инструмент повышения качества в организациях здравоохранения»; «Организационное консультирование государственных учреждений в сфере здравоохранения»; «Новая модель компетенций психолога-консультанта в организации здравоохранения».

Новая модель компетенций психолога-консультанта организации здравоохранения жизненно необходима в условиях изменения мирового порядка, вызывающих у персонала и пациентов крайнюю тревожность, а следовательно, и нестабильность состояний. Поэтому специалист новой психологической службы должен соединить в себе функционал клинического и организационного психологов.

В современных условиях высокотехнологичная медицинская помощь — это не только новые технологии, в том числе цифровые, но и другая модель поведения руководителя организации, которая влечет за собой изменение организационной культуры учреждения здравоохранения в целом. От руководителя как такового сегодня требуется сочетание организационной гибкости и эмпатии.

В условиях глобальной нестабильности изменения в организациях становятся неизбежными, что может оказаться проблемой, если не использовать в управлении инструментарий медицинской психологии. В свою очередь, любая проблема менеджмента организаций здравоохранения в условиях глобальной нестабильности включает два аспекта: организационный и личностно-социальный.

На этапах программы исследований выявлена причинно-следственная связь основных психологических проблем в управлении организациями здравоохранения, которые требуют новой трактовки самого понятия «медицинская психология». Это позволит избежать таких ошибок в управлении, как неправильная мотивация, отсутствие надлежащего анализа внутренней и внешней среды, а также стратегических целей, неверное понимание стратегических целей организации и ошибочное изменение ее структуры. Все перечисленное резко снижает эффективность деятельности любой организации¹.

Эти проблемы сегодня поможет решить создание в организации «психологической службы» новой формации на основе новой трактовки роли и задачи медицинской психологии. В том числе достижимо совместить решение задач лечения пациентов и управления организацией с созданием зоны комфорта для всех участников процесса.

Одной из задач новой психологической службы является создание максимальной «зоны комфорта» для всего персонала, включая руководителей высшего звена. Это, в свою очередь, даст существенное повышение психических ресурсов и адаптационных возможностей персонала. Будет достигнута гармонизация процессов, что повлечет за собой эффективность организации в целом, а также повышение качества медицинских услуг. Задачами новой психологической службы являются профилактика и преодоление сложных и конфликтных ситуаций в коллективе и с пациентами одновременно.

Основными задачами новой психологической службы, использующей инструментарий медицинской психологии, являются повышение психических ресурсов и адаптационных возможностей персонала, использование психологической реабилитации как соответствующего медицинского сопровождения.

Специалисты медицинской психологической службы на базе нового понимания задач психологического сопровождения с использованием инструментария медицинской психологии должны развивать традиционные направления с учетом новых адаптационных возможностей человека. Также специалистам новой психологической службы необходимо владеть инструментами современного менеджмента.

При этом медицинская психология сама должна стать реальным инструментом эффективного менеджмента в любой организации здравоохранения и соответственно использовать все инструменты менеджмента, включая SWOT-анализ, а также техники модифи-

¹ См.: *Страхова О. А.* Организационное поведение: лидерство и модель компетенций руководителя. СПб. : ВЭШ СПбГУЭиФ, 2010.

кации поведения персонала в организации, которые позволят реализовать целостный подход к здоровью персонала, сочетая физическое состояние людей с социальным и духовным.

В институте разрабатывается теоретическая концепция эффективного взаимодействия психологической службы с менеджментом на основе целостного подхода к здоровью персонала. Для этих целей сама психологическая служба новой формации должна совмещать знания, навыки, умения медицинской психологии и менеджмента, то есть иметь медицинскую и организационную составляющие.

Также этот этап исследований в институте включает разработку модели компетенций новой психологической службы, которая в условиях проектного управления может получить статус межотраслевого проекта и проекта для организаций здравоохранения в целом.

На данном этапе исследований одной из основных задач станет возвращение в зону комфорта руководителя и персонала любого уровня с помощью новой модели их компетенций. Она будет создана на базе накопленного институтом опыта разработки моделей компетенций современных организаций здравоохранения и всей сферы услуг.

Программа проводимых в институте исследований также предусматривает осуществление учебно-консультационной, учебно-просветительской и научно-исследовательской деятельности, прежде всего с целью

повышения компетенций персонала организации и эффективности деятельности организации.

Проводимые исследования также предусматривают разработку системы повышения качества медицинских услуг, в том числе взаимодействия врача и пациента, с использованием инструментария медицинской психологии, что снизит рисковую грамотность в области обмена информацией. При передаче информации от врача к пациенту и между персоналом организации здравоохранения будут использоваться инструменты новой психологической службы.

Происходящие изменения геополитической ситуации влияют на состояние персонала и пациентов, то есть на все общество, и именно медицинская психология в ее расширенном понимании — в новой трактовке Института делового администрирования — будет способствовать решению психологических проблем и позволит оказать социальную помощь не только персоналу организации здравоохранения, но и пациентам и обществу в целом.

В современных условиях проводимые исследования приобретают особую значимость как для развития науки медицинской психологии, так и для решения на ее базе практических задач. Авторами предлагается концепция организации здравоохранения в условиях глобальной нестабильности, в основу которой положена новая стратегия профессиональной деятельности, в которой необходимо использовать один из основных эффективных инструментов — медицинскую психологию.

А. А. Федченко¹

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗЬ С РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТЬЮ

Российская экономика XXI века формируется в условиях высокой глобальной турбулентности во всех сферах деятельности. Трансформационные процессы, происходящие в мире, обозначили основные черты новой экономической реальности, восприятие и степень адекватности реагирования на которую зависят от российской ментальности. Данные позиции должны учитываться как в текущей экономической ситуации, так и при выработке стратегических ориентиров.

Эти особенности современной специфики социально-экономических процессов определяют актуальность исследования взаимосвязи новой экономической

реальности и российской ментальности с целью повышения степени обоснованности управленческих процессов.

Новая экономическая реальность характеризуется совокупностью маркеров, основными из которых, на наш взгляд, являются следующие.

Снижение валового внутреннего продукта (ВВП), о чем свидетельствуют данные Федеральной службы государственной статистики (далее — Росстат). Так, ВВП, отражающий рыночную стоимость всех произведенных товаров и услуг, с учетом влияния на экономику внешних факторов снизился в 2022 году на 2,1 %, но это снижение не так велико, как в пандемийном 2020-м (2,7 %), и меньше ожидаемого в 2022 году падения (2,5 %). Отсюда следует вывод о сравнительно благополучной оценке этого российского маркера.

Снижение доходов населения, отражающих благосостояние и возможность удовлетворения материальных и духовных потребностей, которое сочеталось с сокращением бедности. В соответствии с данными Росстата, в 2022 году зафиксировано минимальное за весь период начиная с 1990-х годов значение числа малоимущих граждан (15,3 млн человек, или 10,5 % населения). Причиной низкого уровня бедности явился рост социальных выплат.

¹ Профессор Департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Инструментарий оценки и подбора работников в условиях VANI-мира. Социально-трудовые исследования» (в соавт.), «Управление вознаграждением в условиях неопределенности» (в соавт.), «Траектория развития социального партнерства» (в соавт.), «Comprehensive analysis of the region's social and labor sphere» (в соавт.), «Удаленная работа в условиях использования цифровых технологий: перспективы трансформации», «Ориентированный на человека общественный договор как основа социальной справедливости — ключевая идея доклада МОТ по вопросам будущего сферы труда» и др. Награждена Почетными грамотами Министерства образования и науки РФ, Администрации г. Воронежа и др.

Демографический кризис, связанный со старением населения и выходом на рынок труда поколения, которое количественно примерно на треть меньше предыдущего. Наряду с ожидаемым снижением численности рабочей силы наблюдаются последствия коронавирусной инфекции COVID-19 и специальной военной операции.

Усиление несоответствия между спросом и предложением на рынке труда, вызванное возросшей потребностью в специалистах, владеющих современными компьютерными технологиями и способных решить проблемы импортозамещения.

Повышение влияния цифровизации, проявляющееся в усилении связи организаций с окружающей средой и размывании границ ответственности за внешних участников производственного процесса.

Отставание реагирования законотворческой деятельности от изменения ситуации в социально-экономической сфере, проявляющееся в отсутствии всесторонне обоснованного регулирования нестандартных форм трудовых отношений.

Слабая адаптивность образовательных технологий к новой экономической реальности, вызванная изменением ориентиров развития, необходимостью расширения дополнительного профессионального образования, возможностью использования искусственно-го интеллекта.

Отсутствие конструктивного реагирования на основные маркеры новой экономической реальности приведет к отрицательным последствиям в социально-экономической сфере. При принятии управленческих решений очень важно учитывать российскую ментальность, рассматриваемую нами как ключевое условие позитивных перемен. Под ментальностью понимают душевную настроенность, или мыслительную позицию, сформированную совокупностью верований и типов мышления. Ментальность отражает душевное восприятие человеком общей картины мира, важной частью которой является новая экономическая реальность. На наш взгляд, ментальность является отражением и проявлением менталитета. Последний формируется в соответствии со складом ума, совокупностью умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих определенной группе.

Исследованием менталитета занимались многие ученые, начиная с Платона, Аристотеля, Г. Гегеля, Ш. Монтескье и других философов. В настоящее время интерес к этой проблеме снова возрос. Так, В. П. Любчак в своем исследовании выясняла, на основе чего складывается менталитет и как он проявляется в конкретных жизненных ситуациях?¹ В рамках нашего исследования акцентируется внимание на особенностях российского менталитета, что нашло отражение в работах Е. Ануфриева, П. Гуревича, И. Кондакова, К. Касьяновой, В. Ланкина и др. Мы разделяем позицию В. В. Козлова, касающуюся менталитета русского человека². Считаем, что именно менталитет определяет

отношение человека к семье, родственникам, друзьям, обществу, государству, другим народам и национальностям. Но российский менталитет нельзя отождествлять с русским народом, так как его носителями могут быть и другие национальности.

Исходя из вышесказанного, представляется правомерным объединение причин формирования ментальности и менталитета. В соответствии с наиболее устойчивой позицией ментальность формируется в связи с природообразованием, генообразованием и социообразованием.

Под природообразованием понимаются константы природного происхождения, связанные с географическим расположением России и ее размерами, запасами полезных ископаемых и суровыми климатическими условиями. Природообразование оказало значимое воздействие на гено- и социообразование.

Под генообразованием понимаются константы генетического происхождения, обусловленные многонациональностью России и отсутствием запретов на межнациональные браки, что явилось следствием проявления особенностей географического и исторического характера.

Под социообразованием понимаются константы социально-исторического происхождения, связанные с централизованной властью и патронатом государства в разных его проявлениях, что на больших территориях вполне оправданно.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что российская ментальность сформировалась под влиянием объективных факторов и характеризуется отличительными чертами. В частности, чертами российской ментальности, связанными с природообразованием, являются устойчивость нервной системы и уравновешенность темперамента, способность к мобилизации внутренних сил и миролюбие, гостеприимство и добродушие.

Чертами российской ментальности, связанными с генообразованием, являются талантливость и креативность, высокая адаптационная способность и смекалка.

Чертами российской ментальности, связанными с социообразованием, являются коллективизм и обостренное в русском народе чувство несправедливости и социального неравенства, религиозность и культ вождя, национальная терпимость и патриотизм. Таким образом, российская ментальность — многогранное понятие, проявляющееся в конкретной ситуации с доминированием какой-либо из ее сторон. Применительно к современной экономической реальности российская ментальность может быть учтена при использовании индикаторов, создающих базу для выработки обоснованных управленческих решений. Опираясь на исследование В. Н. Бобкова, считаем целесообразным соблюдение следующих требований, предъявляемых к индикаторам: они должны быть сравнимы с аналогичными показателями на федеральном и региональном уровнях, должны корреспондироваться друг с другом и позволять сопоставлять результаты трансформации социально-экономической сферы³.

¹ См.: Любчак В. П. Специфика российского менталитета в контексте мировоззренческой проблематики: дис. ... канд. филос. наук / Томский гос. ун-т. Томск, 2010. С. 113.

² См.: Козлов В. В. Менталитет русского человека как базовый фактор российских методов управления. М.: ВАШ ФОРМАТ, 2020. С. 176.

³ См.: Бобков В. Н. Разработка подходов к определению социальной безопасности и ее показателей // Уровень жизни регионов России. 2007. № 12. С. 59–61.

Исходя из вышесказанного, индикаторами российской ментальности применительно к формирующим ее факторам, на наш взгляд, являются:

— рост числа внутренних и внешних туристов (природообразованные черты российской ментальности);

— рост числа изобретений во всех сферах деятельности (генообразованные черты российской ментальности);

— рост контактов в социальных сетях (социообразованные черты российской ментальности).

Использование индикаторов, характеризующих российскую ментальность, при принятии управленческих решений будет способствовать повышению адекватности реагирования на изменяющуюся социально-экономическую среду. Следовательно, улучшение предложенных индикаторов будет создавать благоприятные условия для развития общества в новой экономической реальности.

Таким образом, российская экономика XXI века, ориентированная на инновационные процессы, должна учитывать как новую глобальную реальность, так и российскую ментальность. Это должно находить отражение в стратегиях развития. Наиболее предпочтительными, на наш взгляд, являются стратегии, трансформирующиеся в соответствии с условиями новой экономической реальности и отличающиеся активностью управленческих воздействий. Исходя из этого, наибольший интерес представляют наступательная, оборонительная и имитационная инновационные стратегии. Все они ориентированы на лидерские позиции на рынке и предусматривают определенные затраты на их реализацию.

Г. Ф. Фейгин¹

ГЛОБАЛЬНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Термин «глобальные структурные преобразования» регулярно используется в современной экономической литературе². Данный термин предполагает разнообразные варианты трактовок. Так, глобальные структурные преобразования обуславливаются промышленными революциями. По мнению К. Шваба, современный мир недавно вступил в эпоху четвертой промышленной революции³, непосредственными проявлениями которой являются работа над созданием искусственного интеллекта, развитие Интернета вещей, внедрение автомобилей-роботов, нанотехнологий, биотехнологий, трехмерной печати и т. д.

Также под структурными изменениями мирового масштаба следует понимать динамику долей отдельных стран и регионов в мировом ВВП. Здесь обращает на себя внимание сокращение долей США (с 20,5 % в 1990 г. до 15,7 % в 2019-м), стран Европейского союза (с 21,2 % в 1990 г. до 15,3 % в 2019-м) и Японии (с 8,2 % в 1990 г. до 4,0 % в 2019-м). Можно предположить, что эти страны, традиционно относящиеся к «большой триаде» наиболее развитых государств, несколько теряют свои позиции в мировой экономике. Напротив, доля Китая в мировом ВВП увеличилась с 3,7 % в 1990 году до 17,3 % в 2019-м⁴. На современном этапе наиболее динамичным является Азиатский регион. Последние десятилетия высокие темпы экономического роста демонстрируют Китай, Индия, Индонезия, Вьетнам, Монголия, Камбоджа, Мьянма, Бангладеш. Поэтому можно предположить, что и в ближайшей перспективе доля азиатских стран в мировом ВВП будет увеличиваться.

¹ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ. Автор более 150 научных публикаций на русском, немецком и английском языках, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Рынок труда в Европейском союзе в условиях санкционной войны» (в соавт.), «Молодежь на рынке труда в странах Европейского союза» (в соавт.), «Открытая экономика: макроэкономический подход», «Реальный сектор экономики», «Закономерности глобализации и развитие национальных экономик», «Глобализация экономики: перспективы развития национальных хозяйственных систем», «Рынок труда в Германии: исторические основы и современные реалии» (в соавт.), «Тенденции развития рынка труда в странах Европейского союза» (в соавт.) и др. Почетный профессор СПбГУП.

² *Memedovic O., Lapadre L. Structural changes in the world economy: main features and trends. Vienna : United Nations Industrial Development Organization, 2010.*

³ В соответствии с подходом К. Шваба первая промышленная революция осуществлялась в период с 1760-х по 1840-е годы и ознаменовалась развитием механического производства в результате изобретения парового двигателя и строительства железных дорог. Вторая промышленная революция происходила на рубеже XIX–XX веков и была связана с развитием массового производства на основе электрификации и внедрения конвейерных технологий. Начало третьей промышленной революции относится к концу 1960-х годов и связывается с «цифровой революцией», которая последовательно проявлялась в использовании полупроводников, больших ЭВМ, персональных компьютеров и сети Интернет (*Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. С. 11*).

Также важная трактовка термина «глобальные структурные преобразования» обусловлена переходом мировой экономики к постиндустриальной стадии развития. Термин «постиндустриальное общество» в широкий научный оборот ввел американский социолог Д. Белл. По его мнению, для этой новой стадии должно быть характерно резкое возрастание роли информации и научных разработок в процессе создания прибавочной стоимости. Также важным признаком постиндустриальной экономики является массовое перемещение занятых из сельского хозяйства и промышленности в сферу услуг и возрастание доли последней в ВВП. Кроме того, в новом обществе утверждаются новые принципы социальной стратификации и существенно возрастает роль интеллектуальных и технократических

⁴ Приведенные цифры получены путем авторских расчетов по базе данных Всемирного банка (Worldbank 2023 Statistic data).

элит¹. Подход Д. Белла очень быстро завоевал широкую популярность. Движение экономик от аграрной стадии через индустриальную к постиндустриальной во многих исследованиях считалось безальтернативным путем экономического развития. Не подвергался сомнению тот факт, что наиболее развитые страны уже давно вошли в постиндустриальную стадию. Наличие стран с высокой долей сельскохозяйственного сектора в структуре ВВП связывалось с недостаточным уровнем их развития на соответствующем этапе.

В то же время в последние годы в научной литературе активно используется термин «деиндустриализация». Существуют различные определения данного термина, но их сущность сводится к ослаблению или же полному прекращению промышленной активности в странах и регионах в результате структурных трансформаций экономики. И если переход к постиндустриальной стадии трактуется в основном как признак позитивного развития, то деиндустриализация интерпретируется преимущественно негативно². В частности, отмечается повышение социальной напряженности в обществе в случае, если лица, прошедшие профессиональную подготовку по традиционно востребованным в промышленной сфере профессиям, не находят работу и вынуждены искать возможности занятости в сфере услуг, где они не могут в полной мере реализовать свою квалификацию. К настоящему времени проведено достаточно большое количество исследований феномена деиндустриализации в разных странах. В частности, этот феномен был обусловлен перемещением производства в развивающиеся страны, где сосредоточена дешевая рабочая сила. Наиболее ярким примером подобной деиндустриализации является экономика США, где уже в 2000 году доля сферы услуг в ВВП составляла 72,8 %, а в 2020-м — 80,1 %. В целом возрастание доли сферы услуг в ВВП характерно и для других развитых стран. Например, во Франции доля сферы услуг в ВВП возросла с 57,6 % в 1980 году до 71,0 % в 2020-м.

Помимо социальной напряженности деиндустриализация создает опасность утраты контроля над технологиями. Широко известен принцип «Изобретай здесь, делай там». Этот принцип означает, что при перемещении производства в развивающиеся страны развитая страна сохраняет контроль над технологией и тем самым имеет прочные позиции на мировых рынках. Однако в современных условиях при перемещении производства в другие страны уезжают специалисты, непосредственно отвечающие за разработку и внедрение технологий: конструкторы, дизайнеры, архитекторы и др. Фактически на практике в некоторых случаях внедряется принцип «Изобретай там, делай там», что означает утрату развитыми странами контроля над технологией и повышение импортозависимости их национальных экономик.

Вопрос о степени негативного влияния деиндустриализации на национальные экономики стран Запада остается дискуссионным. В то же время обращают

на себя внимание низкие среднегодовые темпы экономического роста в этих странах, в частности в период с 2010 по 2019 год среднегодовые темпы роста в США составили 1,6 %, во Франции — 1,0 %, в Германии — 1,8 %, в Финляндии — 0,9 %. Здесь примечательно замедление темпов экономического роста по сравнению с ситуацией сравнительно недавнего прошлого. Например, в период 1980–1989 годов среднегодовые темпы роста в США составляли 2,2 %, во Франции — 1,8 %, в Финляндии — 3,2 %, и только в ФРГ в это десятилетие, предшествующее объединению Германии, темпы экономического роста были близки к современным, то есть составляли 1,9 %.

Оценка проблемы деиндустриализации в развитых странах не будет полной без сравнения с положением дел в развивающихся странах. Обратим внимание на Азиатский регион. Здесь наблюдаются интересные тенденции. С одной стороны, так же как и в развитых странах, происходит постепенное увеличение доли сферы услуг в ВВП. Так, с 1990 до 2020 года в Китае эта доля выросла с 32,4 % до 54,5 %, в Индии — с 37,0 % до 49,3 %, в Индонезии — с 39,1 % до 44,4 %. Таким образом, можно предположить, что увеличение доли сферы услуг в ВВП является абсолютно глобальным трендом, характеризующим развитие практически всех стран в мире на современном этапе.

С другой стороны, доля сферы услуг в ВВП в динамично развивающихся азиатских странах, прежде всего в Индии и Китае, пока существенно ниже, чем на Западе. В Индии, Китае, Индонезии и некоторых других азиатских странах проблема деиндустриализации в настоящее время не является актуальной. При некотором увеличении доли сферы услуг промышленное производство здесь сохраняет свое значение и вносит существенный вклад в обеспечение экономического роста. При этом его темпы на протяжении последних десятилетий здесь являются довольно высокими, и до сих пор эта тенденция была довольно стабильной. В частности, в период с 2010 по 2019 год среднегодовые темпы роста в Китае составили 7,1 %, в Индии — 5,4 %, в Индонезии — 4,1 %, что существенно выше, чем в странах Запада. Более того, в вышеупомянутых азиатских странах есть возможность анализировать опыт деиндустриализации западных стран, обусловленный массовым перемещением производства за рубеж. Можно предположить, что страны Азиатского региона в будущем не пойдут по данному пути, хотя нельзя исключать возможности частичного перемещения производства из Азиатского региона в некоторые африканские страны. В то же время в Азии, прежде всего в Китае и Индии, имеются огромные национальные рынки, для полного насыщения которых необходимы концентрация и развитие промышленного производства именно в Азиатском регионе.

Таким образом, проблема деиндустриализации актуальна не только в контексте некоторого ухудшения экономического положения развитых стран Запада, она опасна и в плане возможной утраты западными странами глобальных лидерских позиций. Уже сегодня по показателю ВВП (по паритету покупательной способности) Китай является крупнейшей экономикой мира,

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004.

² Debande O. De-industrialization // EIB Papers. European Investment Bank, Economics Department. 2006. № 3.

а Индия находится на третьем месте, существенно опережая следующие за ней развитые страны (Японию и Германию).

В настоящее время обозначенные проблемы осознаются развитыми странами Запада. Неслучайно попытки проводить политику реиндустриализации в последние годы так или иначе прослеживаются в США и странах Западной Европы. Примечательна здесь «торговая война» между США и Китаем, которая особенно активно велась в 2017–2020 годах. Показательны также идеи бывшего президента США Д. Трампа, связанные с возвращением производства из периферийных стран в США. Характерен и тот факт, что страны Запада, прежде всего США, стремятся использовать современный глобальный конфликт для решения проблемы реиндустриализации. В частности, предприятия американского военно-промышленного комплекса получили новые заказы, у США появилась возможность занять нишу на европейском энергетическом рынке. Кроме того, в новых условиях некоторые европейские крупные компании начали перемещать свое производство на территорию США. Еще одним признаком осознания глобальности проблемы деиндустриализации является изменение позиции по отношению к Китаю. На протяжении многих лет быстрые темпы развития китайской экономики воспринимались на Западе достаточно позитивно. Экономика Китая представлялась выгодной сферой для инвестиционных вложений, а также крупнейшим и перспективным рынком сбыта. Теперь Китай с его экономикой все чаще рассматривается странами Запада как стратегический противник. Отношения между Кита-

ем и странами Запада в настоящее время носят напряженный характер и могут в любой момент обостриться. В целом тенденция к увеличению разрыва между Китаем и США по ВВП (по паритету покупательной способности), наметившаяся после 2020 года, представляется необратимой в ближайшие годы, что может еще больше усилить конкуренцию между двумя странами и повышать степень непредсказуемости и вариативности дальнейших глобальных структурных преобразований в мировой экономике.

Проблема деиндустриализации, безусловно, актуальна и для экономики России. Деиндустриализация в России была обусловлена характером проведения экономических реформ в 1990-е годы, когда после отказа от директивного планирования и государственной монополии на внешнюю торговлю отечественное промышленное производство существенно сократилось. В условиях введенных против России беспрецедентных санкций региональная и отраслевая структуры российской внешней торговли коренным образом изменяются. Несмотря на определенную импортозависимость российской экономики, появляются шансы на частичное возрождение отечественного промышленного производства, то есть реиндустриализацию. Существенную роль здесь могут сыграть промышленная политика внутри страны, а также переориентация приоритетов внешнеэкономического сотрудничества на Азиатский регион и развивающиеся страны в целом. Крайне важным для России на современном этапе является осмысление глобальных трендов структурных преобразований и использование их для достижения своих стратегических целей.

М. М. Хайкин¹,
А. А. Лапинскас²

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Для современной жизни характерны самые разнообразные угрозы и опасности, что явилось первопричиной создания концепции безопасности жизнедеятельности, насчитывающей около 30 видов безопасности в рамках систем: личной и общественной (коллективной) безопасности человека, национальной (государственной) безопасности, международной коллективной, глобальной и др.

¹ Заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Сервисный капитал как условие устойчивого развития общества» (в соавт.), «Евразийская политическая экономия как теоретико-методологическая основа развития национальной экономики», «Конкурентоспособность ресурсоориентированных экономических систем» (в соавт.), «Эффективность использования запасов угольных месторождений Монголии на основе концепции ценности» (в соавт.), «Проблемы развития экономических систем евразийской интеграции в контексте современных социокультурных тенденций» (в соавт.), «Социокультурные аспекты развития экономических систем в условиях глобального противостояния», «Проблемы развития национальной экономической системы в условиях столкновения цивилизаций» (в соавт.) и др.

Решение проблем экономической безопасности — необходимое условие роста конкурентоспособности национальной экономики, ее отраслей и конкретной продукции, что является ключевым целевым ориентиром функционирования хозяйственных систем всех уровней.

В условиях глубоких трансформаций в экономике кардинально меняется хозяйственная жизнь общества и, как следствие, появляются новые угрозы и опасности. В ситуациях «ручного управления», присущего современным российским реалиям, отсутствует возмож-

² Профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Влияние горной ренты на эффективность использования природного потенциала: парадокс изобилия и его российская специфика», «Конкурентоспособность ресурсоориентированных экономических систем» (в соавт.), «Анализ взаимосвязи экологии и цифровизации в современных условиях» (в соавт.), «Новое качество экономики — условие эффективной модели хозяйства» (в соавт.), «Социально-экономические истоки распада СССР в призме политико-экономических исследований» (в соавт.) и др.

ность системным образом решать проблемы экономической безопасности, что существенно снижает потенциал и результаты функционирования хозяйственных систем на всех уровнях управления экономикой.

В системе безопасности жизнедеятельности особое место занимает экономическая безопасность на всех уровнях хозяйственной жизни общества. Любые сбои в функционировании хозяйственных систем потенциально приводят к угрозам и опасностям в экономике страны в целом, что крайне неблагоприятно влияет на состояние как экологии, так и социальной сферы. Вследствие возрастания сложности функционирования хозяйственных систем обеспечение экономической безопасности крайне актуально для всех уровней управления: мега-, макро-, мезо- и микроуровне. Это, в свою очередь, создает большое число разнообразных рисков, угроз и опасностей, которые необходимо нейтрализовать в рамках всего народно-хозяйственного комплекса — предприятия, отрасли, региона, всей экономики страны. Таким образом, актуальность проблем обеспечения экономической безопасности не вызывает сомнений.

Основной первопричиной каких-либо нарушений в функционировании экономических систем являются риски. Отсутствие эффективного управления рисками приводит к угрозам и опасностям, в которые они трансформируются. В связи с этим системе управления рисками необходимо уделять особое внимание в качестве основного подхода к профилактике недопущения наступления угроз и опасностей¹. Риски в экономике — объективная категория, которая проявляется в виде рискованных случаев (событий). Эффективное управление рисками есть средство обеспечения экономической безопасности, одной из составляющих которой является конкурентоспособность экономики на соответствующих ее уровнях. Потеря конкурентных преимуществ и конкурентоспособности хозяйственных систем ведет к нарушению их экономической безопасности.

В системе управления рисками следует использовать тот огромный потенциал, который «перешел к нам по наследству» из бывшего СССР: следует использовать методы и инструментальной теории надежности — весьма разработанное научное направление, обеспечивающее высокое качество функционирования технических систем «человек–техника»². Возможность и целесообразность применения теории надежности в экономических системах нами видится в следующем. В настоящее время фактор производства «капитал» (средство труда) получает широкое развитие во всех сферах экономики: используются современные информационные и цифровые технологии, робототехника, искусственные интеллектуальные системы и тому подобное, качество функционирования которых полностью соответствует основным принципам и положениям теории надежности. В современной экономике создание любых благ — материальных и нематериальных

(товаров и услуг) — обеспечивается процессом производства — материального или нематериального, в ходе которого в большинстве случаев выстраивается диалоговый режим «человек–техника». Бесперебойность производственного процесса, функционирование техники в установленном режиме, в заданных параметрах есть необходимые условия обеспечения экономической безопасности. Хозяйственная деятельность включает в себе несколько составляющих видов деятельности: производственную, коммерческую, инфраструктурную (правовое, управленческое, материально-техническое, финансовое, информационное, маркетинговое и другие виды обеспечения), которые используют тот или иной соответствующий сфере деятельности и структурам хозяйствования технический инструментарий, предполагающий применение базовых характеристик и показателей теории надежности.

Если на микроуровне хозяйственная единица в качестве объекта и субъекта управления функционирует как система в определенном диалоговом режиме и при этом реализуются горизонтальные связи, то на макроэкономическом уровне имеют место вертикальные связи.

В предпринимательском секторе экономики существуют как объективные риски, связанные с самой сущностью предпринимательской деятельности, так и риски субъективного характера, вызванные субъективными причинами. При этом теория надежности признает только те риски, которые вызваны именно объективными причинами.

Процессы обеспечения экономической безопасности предполагают проведение мониторинга рисков и опасностей. Важнейшим свойством любой функционирующей системы, в том числе экономической, является надежность³. Надежность выражается безотказностью функционирования системы в рамках выполняемых ею функций в установленном режиме и объеме достижения целей хозяйствования. Количественная мера надежности определяется вероятностью безотказной работы системы в течение времени. Основными характеристиками надежности являются: интенсивность отказов в работе системы (рисковых случаев) и наработка на отказ — среднее время работы между двумя одноименными рисковыми случаями. Количественная мера надежности приобретает разные значения под влиянием факторов объективности рисков. Результаты эмпирических исследований показывают, что на величину надежности оказывает влияние ряд факторов: эмерджентность; стохастичность; энтропия; турбулентность; неудовлетворительный менеджмент (низкая управляемость); дефицит информации; неадекватные модели управляемых процессов; жизненный цикл предпринимательских структур. Хозяйственные практики свидетельствуют о том, что грамотный менеджмент способен снизить вероятность рисков до значений $0,1-0,2$ ⁴.

¹ Хайкин М. М., Плоткин Б. К. От показателей эффективности — до экономической безопасности // Экономическая наука сегодня. 2020. № 11. С. 18–26.

² Хайкин М. М., Плоткин Б. К., Бабкин А. В. Количественные методы обеспечения экономической безопасности в условиях цифровизации производственно-коммерческой деятельности. СПб. : СПбПУ, 2020. С. 634–651.

³ Хайкин М. М. Конкурентоспособность в системе экономической безопасности предприятия // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2020. № 4 (54). С. 66–70.

⁴ Хайкин М. М., Плоткин Б. К. Экономическая безопасность — основа конкурентоспособности производственного предприятия // Управление рисками в экономике: проблемы и решения (РИСКЭ-2019). СПб. : ПГУПС, 2020. С. 216–225.

Рассмотрим некоторые методы профилактики утраты конкурентоспособности на макро- и микроуровне управления экономикой. Так, процессы производственно-коммерческой деятельности предприятия включают следующие элементы.

1. Материально-техническое снабжение производства (закупочная) деятельность. Проблемы могут быть вследствие: а) несоответствия цены качеству; решение — проведение функционально-стоимостного анализа, коммерческой экспертизы, формирование цены спроса; б) увеличения материальных затрат; решение — соблюдение бюджетных ограничений на закупку, оптимизация условий договора поставки, нормирование расхода материальных ресурсов, достоверное определение потребности строго по нормам расхода; в) несоответствия качества; решение — входной контроль; г) роста заготовительных расходов; решение — оптимизация хозяйственных связей по поставкам продукции.

2. Транспортировка (физическое перемещение товарно-материальных ценностей). Проблемы могут быть вследствие: а) роста транспортных издержек; решение — оптимизация маршрута; б) нарушения графика движения; решение — диспетчеризация доставки продукции; в) убыли и утраты имущества; решение — оптимизация хозяйственных связей по поставкам продукции.

3. Хранение запасов и работа с запасами (складская деятельность). Проблемы могут быть связаны с иммобилизацией ресурсов; решение — оптимизация запасов, управление запасами.

4. Создание продукции — товаров и услуг (производственная деятельность). Проблемы могут быть связаны с нарушением непрерывности производственного процесса; решение — управление запасами в незавершенном производстве, подготовка материалов к производственному потреблению, поставки по системе «точно в срок».

5. Процессы сбытовой деятельности. Проблемы могут быть вследствие: а) трудностей с реализацией продукции; решение — стимулирование сбыта, проведение маркетинговых исследований, совершенствование сбытовой (дилерской сети); б) недополучения дохода; решение — переход на аутсорсинг, проведение мониторинга жизненного цикла, повышение инновационной активности¹.

На макроэкономическом уровне основные угрозы и опасности следующие: 1) спад производства, решение — инновации в системе антикризисного управ-

ления; 2) финансовый дефицит, решение — формирование достаточных золотовалютных резервов за счет активного экспорта; 3) преобладание в экспорте сырьевых ресурсов, решение — создание благоприятного инвестиционного климата для развития производства; 4) отток капиталов за рубеж, решение — создание благоприятного внутреннего инвестиционного климата, защита прав предпринимателей; 5) зависимость от внешних кредитов, решение — защита прав предпринимателей; 6) преобладание фазы спада и отмирания в жизненных циклах товаров и услуг, решение — мониторинг жизненных циклов с целью внедрения инноваций; 7) недостаточная мотивация предпринимательства, решение — стимулирование деловой активности; 8) наличие теневой экономики: пиратство, фальсификат, контрабанда и другое, решение — конкуренция на мировых рынках товаров и услуг; 9) криминальный передел собственности, решение — усиление правовой защиты собственности и предпринимательства; 10) нерациональная система налогообложения налогоплательщиков, решение — внедрение стимулирующих систем налогообложения; 11) недостаточная квалификация персонала — менеджеров, специалистов, рабочих, решение — повышение компетентности и квалификации персонала за счет непрерывного профессионального образования; 12) признаки научно-технического отставания, решение — внедрение результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; 13) нерациональное использование финансовых ресурсов, решение — комплексное обоснование проектов — технико-экономическое, экологическое, социальное; 14) необоснованное завышение цен при закупках ресурсов, решение — создание конкурентной среды, приближенной к совершенной; 15) низкий уровень рециклинга, экологический ущерб, решение — безотходные технологии, раздельный сбор отходов для утилизации; 16) бюрократизация экономики, решение — усиление рыночного механизма саморегулирования в ряде отраслей экономики; 17) недостаточный уровень конкурентоспособности по мировым критериям, решение — наращивание конкурентных преимуществ.

Важно особо отметить, что в каждой сфере деятельности с учетом ее специфики система показателей надежности должна быть разная, адаптированная под конкретные хозяйственные процессы. Не существует единственного интегрального показателя в качестве критерия надежности².

¹ Хайкин М. М., Плоткин Б. К., Бабкин А. В. Проблемы оценки экономической безопасности предприятия // Стратегическое управление развитием цифровой экономики на основе умных технологий : моногр. / под ред. А. В. Бапкина. СПб. : Политех-пресс, 2021. С. 678–700.

² Хайкин М. М., Лапинскас А. А. Конкурентоспособность ресурсоориентированных экономических систем. СПб. : Астерион, 2021.

Е. Г. Хольнова¹

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Российская экономика, не успев восстановиться от последствий ковидного кризиса, в 2022 году снова столкнулась с глобальным вызовом, связанным с беспрецедентной санкционной блокадой со стороны Запада и США. Экономическое давление этих стран имело своей целью изменение внешней и внутренней политики России, что должно было вызвать экономический кризис и социальное недовольство правительством.

Санкции серьезно ограничили импорт высокотехнологичного оборудования и экспорт сырьевых ресурсов России, пострадали производственный и банковский сектора экономики, финансовый рынок и сфера услуг. С российского рынка ушли крупнейшие иностранные компании автомобилестроения, IT-сферы и социального сектора; начался отток человеческого капитала. Замедление темпов экономического роста потребовало адекватной реакции от Правительства РФ, Минфина и Банка России в части реализации антисанкционных мер, таких как усиление валютного контроля и роста продаваемой на внутреннем рынке валютной выручки экспортеров, введение запретов на экспорт удобрений, зерна и сахара, оплата российского газа и нефти в рублях, повышение ключевой ставки, ограничение торговли финансовыми активами на бирже, законодательно разрешенный параллельный импорт товаров и т. д. Эти меры в целом достаточно хорошо противодействовали санкциям, позволили не допустить такого резкого роста инфляции и падения ВВП, какие предсказывал МВФ, и стали предпосылками развития российской экономики в новом формате с ориентацией на импортозамещение. Итоги 2022 года доказали эффективность данных мер (безработица на минимальном уровне 3,7 %, падение ВВП около 2 %)².

Годами налаживавшиеся экономические связи России с крупнейшими западными странами и США были полностью разорваны: падение импорта из США за 2022 год составило 84 %, из Великобритании — 71 %, из Швеции — 61 %, из Германии — 51 % и из Японии — 42 %. Экспорт российского сырья в «недружественные» страны также сократился: в Великобрита-

нию на 81 %, Швецию — на 86 %, США — на 20 %. В то же время произошла кардинальная переориентация национальной экономики на товарные рынки «дружественных» стран: рост экспорта сырья в Индию вырос на 430 %, в Турцию — на 213 %, в Бразилию — на 166 %, в Китай — на 98 %; импорт из Турции увеличился на 113 %, из Китая — на 24 %³.

Санкции не только оказали серьезное влияние на российскую экономику, но и привели к таким глобальным переменам в мировой экономике, как повышение значимости экономической безопасности на основе перехода в энергетике к безуглеводным технологиям, ухудшение демографического положения в большинстве экономически развитых стран, коренная трансформация общественных институтов, социальные и военно-политические кризисы, цифровизация и переход к шестому технологическому укладу. Все это свидетельствует о глобальной перестройке мировой экономики и высокой вероятности развития структурного кризиса. Многие экономисты отмечают, что наступает «эпоха глобальной нестабильности и фундаментальной неопределенности»⁴. Заведующий лабораторией анализа и прогнозирования макроэкономических процессов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Д. Р. Белоусов в рамках базового сценария долгосрочного развития мировой экономики прогнозирует вследствие глобального экономического кризиса замедление роста мировой экономики в 2023–2027 годах и возврат допандемических показателей (ежегодный рост 3,2–3,5 %) с 2028 года. Исторически устойчивая ресурсная зависимость российской экономики от мировых цен на углеводороды может повысить риски экономической безопасности страны, поэтому необходимо как можно скорее перейти на низкоуглеродные технологии с целью эффективного социально-экономического развития и сохранения биосферы планеты.

Анализ динамики развития российской экономики к началу 2023 года позволяет выделить следующие ее основные системные риски, которые можно разделить на внешние и внутренние. К внешним можно отнести: усиление финансовой, научной и технологической изоляции России и военно-геополитических факторов; введение новых пакетов санкций, возможное сокращение экспортно-импортных связей даже с «дружественными» странами под влиянием США и усиление воздействия климатических кризисов на возникновение новых пандемий, рост числа климато-зависимых заболеваний населения и смертности. Вну-

¹ Заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП (2011–2023), доктор экономических наук, профессор. Автор 155 научных публикаций, в т. ч.: «Концепция финансовой устойчивости коммерческого банка как методологическая основа эффективного функционирования банковского финансового менеджмента», «Роль банковского менеджмента в современных условиях развития экономики России», «Стратегический и финансовый менеджмент системы оказания образовательных услуг в высокотехнологичных корпорациях» (в соавт.), «Необходимость использования новых моделей бизнеса в практике российских коммерческих организаций», «Пути развития национальной экономики в условиях глобализации», «Системные банковские кризисы как неизбежное следствие кризиса глобализации экономики», «Социально-культурная сфера в XXI веке: тенденции, проблемы, перспективы» и др. Награждена медалями «100 лет профсоюзам России», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ и др.

² См.: *Асанбеян А. Г.* Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. № 5. С. 310–362.

³ См.: *Зимовец А. В., Климачев Т. Д.* Анализ и оценка сценариев социально-экономического развития России в условиях санкционной блокады и непредсказуемости глобальных трендов мировой экономики // Экономические отношения. 2023. Т. 13, № 1. С. 181–202.

⁴ См.: *Белоусов Д. Р.* Неочевидные факторы неопределенности развития в долгосрочном периоде и способы адаптации к новым вызовам // Экономическое возрождение России. 2022. № 3 (73). С. 61–70.

тренные риски включают экспортно-сырьевую и импортозависимость страны, в том числе параллельный импорт; отставание в части высоких технологий и «экономики знаний», что снижает уровень производительности труда и конкурентоспособность российских товаров и тормозит инновационное развитие экономики; низкую инвестиционную активность и инвестиционную привлекательность национальной экономики; высокую степень коррупции на всех уровнях власти; серьезное социально-экономическое расслоение населения, связанное с диспропорциями в перераспределении народного богатства, рост социальной напряженности и т. д.

Вышеуказанные проблемы, несомненно, негативно влияют на страновой и человеческий потенциал России в обеспечении ею своего инновационно-ориентированного социально-экономического развития в ближайшем будущем. Санкционные мероприятия будут продолжаться, и для противодействия им и нивелирования их необходимо усилить экономическую безопасность России, что прекрасно понимают президент и правительство страны, поэтому 31 марта была утверждена (шестая по счету с 1993 г.) новая Концепция внешней политики России (далее — Концепция)¹.

Концепция подтверждает кризис экономической глобализации, проводимой по правилам США, структурную перестройку мировой экономики и переход на новый технологический уклад. Знаковым моментом Концепции является четкое самоопределение России «в качестве самобытной страны-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, оплота Русского мира, одного из суверенных центров мирового развития, играющего уникальную роль в поддержании глобального баланса сил и обеспечении мирного поступательного развития человечества»².

Также отмечается, что Россия будет выстраивать свое взаимодействие с другими странами на основе понимания, как они относятся к ней: недружественно, нейтрально или дружественно (конструктивно). Необходимо выделить следующие изменения во внешней политике России, связанные со стратегическим экономическим развитием страны:

— российская экономика не изолируется от западной, но переводит ее, как и взаимоотношения с США, в аутсайдеры и надеется, что после бесперспективной конфронтации с Россией будет осуществлен возврат к взаимодействию и возобновлению экономических связей;

— большое внимание будет уделено странам ближнего зарубежья (Беларуси, Киргизии, Узбекистану, Казахстану, Армении, Таджикистану, Азербайджану и Туркменистану), которые продолжают сохранять многовековые дружеские коммуникационные связи;

— для повышения экономической безопасности предполагается развивать районы Арктики, в частно-

сти Северный морской путь, который должен стать конкурентоспособным для перевозок между Азией и Европой;

— экономический интерес России будет перенесен на Евразийский континент и укрепление связей с такими дружественными странами, как Китай и Индия, являющимися мировыми экономическими центрами силы. Предполагается создать большое евразийское партнерство на основе Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в соответствии с предложенной китайской инициативой «Один пояс — один путь». В рамках этого глобального проекта предполагается создать новые экономические маршруты и обновить старые (международные коридоры «Европа–Западный Китай», «Север–Юг», «Россия–Монголия–Китай» и т. д.). Также предполагается в будущем осуществить интеграцию в это евразийское пространство Афганистана;

— будут активизироваться экономические связи со странами Азиатско-Тихоокеанского региона с ориентацией на поддержку АСЕАН;

— серьезными экономическими партнерами Россия считает дружественные страны исламской цивилизации (Турцию, Египет, Саудовскую Аравию, Иран, Сирию и др.);

— продолжится расширение на взаимовыгодной экономической основе сотрудничества со странами Латинской Америки, Карибского бассейна (Бразилией, Венесуэлой, Кубой, Никарагуа) и Африки (ЮАР, Зимбабве, Кенией, Алжиром, Эфиопией и т. д.) как влиятельных и самобытных центров мирового развития.

В Концепции отмечается, что глобальным флагманским проектом России является формирование Большого Евразийского партнерства как общеконтинентального пространства стабильности, экономического развития и процветания³.

В Концепции не только отражены политические и экономические принципы нового взаимодействия с дружественными и недружественными странами, но и расставлены серьезные акценты в части стремления России активно поддерживать международные усилия для обеспечения уважения и защиты национальных духовно-нравственных ценностей, в первую очередь своих, российских. Таким образом, Концепция выделила на стратегическую перспективу три основные цели развития внешней политики страны: обеспечение экономической безопасности, создание благоприятных внешних экономических и политических условий и обретение прочных позиций в международной экономике.

Однако при всем своем позитивном настрое новая Концепция не свободна от недопонимания внутренних экономических проблем:

— начиная с 2014 года многие ведущие экономисты ратовали за переход России на экономическую автаркию (самообеспеченность, самодостаточность), необходимость которого еще раз доказали послед-

¹ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 22.05.2023).

² Там же (п. 4, 5).

³ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации.

ствия СВО. К сожалению, планы импортозамещения российской экономики в основном так и остались на бумаге;

— освоение внешних рынков, конечно, необходимо, но внутренний рынок, стабильность и эффективность которого формирует национальный суверенитет (в том числе экономический), должен быть в приоритете, и России жизненно необходима реиндустриализация страны, а не стремление к наращиванию экспорта углеводородов на внешний рынок;

— в России до сих пор нет концепции стратегии экономического развития страны, хотя это давно назрело и требует глубокого осмысления и реализации. В 2014 году в рамках Федерального закона «О стратегическом планировании в РФ» (ст. 16)¹ была преду-

смотрена разработка «Стратегии социально-экономического развития РФ». Прошло почти 10 лет, а воз и ныне там. Появление и реализация данной концепции, возможно, обеспечили бы экономическую безопасность страны и позволили бы успешнее противостоять внешним вызовам.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на отмеченные недостатки, новая концепция внешней политики России является достаточно серьезной и хорошо проработанной заявкой на прорыв санкционной блокады Запада и США и обеспечение синергетического социально-экономического эффекта создания социально ориентированной и технологически-суверенной экономики страны в ближайшем будущем.

Н. Н. Цветкова²

РАЗВИТИЕ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ И ЭКОНОМИКА РОССИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

В период глобальных перемен и обновления экономической модели общества основополагающую роль в обеспечении национальной экономической безопасности и конкурентоспособности играет цифровая экономика, которая стремительно развивается, и в ней особо важное место занимают онлайн-платформы.

ОЭСР дает такое определение онлайн-платформ: это «цифровой сервис, который обеспечивает взаимодействие между двумя и более отдельными, но взаимосвязанными группами пользователей (фирм и индивидов), которые взаимодействуют с сервисом через Интернет»³. Платформы объединяют различных участников рынка с тем, чтобы распределять продукты, сервисы, информацию или обмениваться ими.

К 2019 году среди онлайн-платформ выделялись гиганты — американские цифровые платформы GAFA (Google, Apple, Facebook⁴, Amazon) и Microsoft. Применяются еще аббревиатуры GAMMA (Google, Apple, Microsoft, Meta, Amazon) и FAANG (Facebook, Apple, Amazon, Netflix, Google). Среди платформ с меньшей рыночной капитализацией также преобладают амери-

канские, например Salesforce, PayPal, Booking, Uber, Intuit, AirBnB.

На втором месте после США по числу цифровых платформ и масштабам крупнейших из них находится Китай. Прежде всего выделяются BAT (Baidu — Alibaba — Tencent). Но на сентябрь 2020 года Baidu и Alibaba по рыночной капитализации опередила поднявшаяся в период пандемии компания ByteDance, владеющая приложением TikTok, которое приобрело скандальную известность. В число крупнейших онлайн-платформ эксперты ЮНКТАД включили и южнокорейскую Samsung Electronics, которая создала платформу Samsung Artik для Интернета вещей. В числе платформ из стран Азии — южнокорейская Naver, японская Rakuten, индийская Flipkart (ее приобрела американская THK розничной торговли Walmart). Эксперты ЮНКТАД также включили в число ведущих цифровых платформ китайские JD.com (онлайн-торговля), Lufax (финансовые услуги) и NetEase (онлайн-игры), китайские социальные сети, сервисы доставки готовой еды, а также агрегаторов такси из Китая — Didi, Индонезии — Go-Jok, Малайзии — Grab, Индии — Ola.

Платформ из стран Европы немного, и, за исключением германской компании по производству программного обеспечения для предприятий SAP (164 млрд долл.), их рыночная капитализация в 2019 году была невелика: у наиболее известной Spotify — 21 млрд долларов. В Докладе о цифровой экономике 2019 года дана классификация онлайн-платформ и представлены их типы.

Прежде всего платформы можно разделить на коммерческие и действующие на некоммерческой основе. Среди последних те платформы, которые обеспечивают бесплатные услуги по предоставлению временно-го жилья и информации. Среди онлайн-платформ важную роль играют поисковые системы: американские Google Search, Yahoo, Bing, DuckDuckGo, китайская

¹ См.: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/38630 (дата обращения: 22.05.2023).

² Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Прямые иностранные инвестиции в Азии и в России: опыт сравнительного анализа», «ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг.», «Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг», «Развитие цифровой экономики: страны Азии и Африки» (в 2 кн.) и др.; статей «Страны Востока: цифровая экономика и новые технологии», «Развитие африканской цифровой экономики и участие в нем Китая» (в соавт.) и др.

³ Beyond Production: Global Value Chains Development Report. World Trade Organization, 2021. P. 182. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/01_gvc_prelims_dev_report_2021_e.pdf (дата обращения: 28.04.2023).

⁴ Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена на территории России.

Vaidu, российская «Яндекс», а также социальные сети, мессенджеры.

Основная масса онлайн-платформ действует на коммерческой основе. Прежде всего это платформы электронной торговли товарами, крупнейшие среди них — Amazon, Alibaba, менее масштабные — американские eBay и Etsy, нигерийская Jumia, аргентинская MercadoLibre, крупнейшая в арабском мире платформа электронной торговли Souq (создана в 2005 г. в Дубае, была приобретена в 2017 г. Amazon), сингапурская Lazada (ее купила Alibaba), российские Ozon и Wildberries.

Наряду со всем известными платформами онлайн-торговли есть немало таких, на которых свою продукцию продают онлайн обычные фирмы, например Satepillar, Zara, IKEA, Walmart. В России — «Вкус-Вилл», «Перекресток», «Пятерочка» и др.

Можно также выделить платформы электронных платежей: это американские PayPal, Visa, Mastercard, китайские Tenpay, Ant Financial, кенийская M-Pesa, индийская PayTM; платформы по краудфандингу (сбору денег на финансирование проектов): Catarse, Kickstarter, Getfund. Есть и большое число онлайн-платформ, осуществляющих торговлю разнообразными услугами. Среди них агрегаторы такси: Uber, Lyft, Grab, китайская Didi, индийская Ola, российская Яндекс.Go; фирмы по доставке готовой еды или товаров: Deliveroo, Glovo, iFood, китайские EleMe, Meituan, российская DeliveryClub. Большую популярность получили онлайн-платформы гостиничного бизнеса и краткосрочной аренды жилья, онлайн-платформы по предоставлению кредитов. Активно действуют цифровые СМИ, платформы онлайн-образования. Особую роль играют платформы онлайн-занятости, удаленной работы через Интернет. Наконец, многие действия сегодня просто невозможны без решений, предлагаемых провайдерами облачных услуг — платформами Amazon Web Services, Microsoft Azure, Google Web, Salesforce, America Movil, Alibaba Cloud, Tencent Cloud¹.

Платформы также можно разделить на транзакционные, такие как Amazon Marketplace, Airbnb, и инновационные, например Linux и Microsoft, которые позволяют пользователям разрабатывать продукты и сервисы на основе своих операционных систем, а затем продают их потребителям. Некоторые платформы, в частности Apple и Google, осуществляют одновременно и транзакционные, и инновационные функции, обеспечивая взаимодействие поставщиков и покупателей и создавая среду для разработки контента.

По данным на май 2021 года, доля в совокупной рыночной капитализации онлайн-платформ платформ из США составляла 67 %, из стран Азии — 29 %, из стран Европы — 3 %, из стран Африки — 2 %². По числу платформ, по данным на май 2021 года, лидировали страны Азии — на них приходилось 45 из 100 крупнейших глобальных онлайн-платформ (в том числе

31 в Китае), на страны Америки приходилась 41 платформа (из них 40 в США)³.

Когда клиенты используют онлайн-сервисы, совершают через них транзакции, глобальные цифровые платформы имеют колоссальные преимущества для сбора данных в массовых масштабах и получения монетарных выгод от цифровой экономики, одним из основных инструментов которой являются большие данные. Сетевые эффекты, при которых ценность товаров и услуг зависит от числа потребителей, доступ к данным, являющимся ключевым ресурсом, и положительный эффект масштаба производства усилили монополистические тенденции и доминирование на рынке ведущих онлайн-платформ, преимущественно американских и китайских. Кроме того, их позиции укрепили стратегические поглощения других компаний, внедрение в новые сектора экономики и лоббирование.

Крупнейшие онлайн-платформы, к числу которых относятся Alibaba, Alphabet (Google), Amazon, Apple, Facebook, Microsoft, Tencent, активно инвестируют во все стадии глобальных цепочек стоимости данных, включающие сбор данных через взаимодействующие с пользователями платформы, передачу их через подводные кабельные сети и спутники, хранение информации в дата-центрах, обработку данных и их анализ, в том числе и с использованием искусственного интеллекта. Получив огромные конкурентные преимущества благодаря платформам, входящим в их состав, эти компании стали глобальными цифровыми мегакорпорациями, имеющими огромную власть на рынке, могущество в финансовой и технологической сферах, а также контроль над массивами данных пользователей. Росту масштабов, прибыли, рыночной капитализации и влияния этих мегакорпораций способствовало и ускорение цифровизации в период пандемии⁴.

Можно утверждать, что глобальные перемены начались в мировой экономике в 2020 году, с началом пандемии COVID-19. В этот период многие страны вводили карантин, объявляли локдаун, работники ряда отраслей переходили на удаленную работу, школьники и студенты — на дистанционное обучение, и это колоссально повысило спрос на цифровые сервисы. С мая 2019-го по май 2021 года, в основном в период пандемии в 2020–2021 годов, на фоне растущего спроса на цифровые сервисы, осуществляющие онлайн-торговлю и доставку готовой еды, организующие удаленную работу (Microsoft Teams, Zoom, Dingtalk) и дистанционное обучение, предлагающие онлайн-игры (Tencent, NetEase) и облачные услуги, практикующие телемедицину и использующие ИИ, произошел колоссальный рост рыночной капитализации многих онлайн-платформ. В 2019–2021 годах возросла рыночная капитализация Apple (с 749 млрд до 2,25 трлн долл.), Amazon (с 734 млрд до 1,71 трлн долл.), Alphabet (Google) (с 732 млрд до 1,54 трлн долл.), Facebook (с 377 млрд до 871 млрд долл.), Microsoft (с 785 млрд до 1,97 трлн

¹ Digital Economy Report 2019. Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries. N. Y. : United Nations Publications, 2019. P. 19. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf (дата обращения: 28.04.2023).

² Beyond Production: Global Value Chains Development Report. World Trade Organization, 2021. P. 183.

³ Digital Economy Report 2021. N. Y. : United Nations Publications, 2021. P. 22. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_en.pdf (дата обращения: 28.04.2023).

⁴ См.: Цветкова Н. Н. Развитие цифровой экономики в странах Азии и Африки. М. : ИВ РАН, 2022. Т. 2. С. 43–55.

долл.). В два раза повысилась рыночная капитализация менее крупных платформ — Netflix, Salesforce, PayPal, SAP, Spotify, Yandex. С мая 2019-го по май 2021 года более чем вдвое увеличилась рыночная капитализация Tencent (с 376 млрд до 734 млрд долл.), почти вдвое — Alibaba (с 355 млрд до 658 млрд долл.), в 2,5 раза — Samsung (с 207 млрд до 511 млрд долл.)¹.

Особая роль онлайн-платформ выявилась в 2022 году, в период геополитического кризиса, повлекшего за собой глобальные перемены, которые расценивают как фрагментацию мировой экономики, разделение ее на блоки, глубокий кризис. С 2021 по 2022 год рыночная капитализация крупнейших онлайн-платформ уменьшилась, многие из них прибегли к сокращениям персонала. Однако и в условиях фрагментации мировой экономики крупнейшие цифровые мегакорпорации аккумулируют колоссальный объем данных, контролируют их обработку (на них приходится значительная доля от общего числа центров обработки данных), хранение и передачу, у них есть спутники (которые играют важнейшую роль в ходе военных действий СВО). Среди крупнейших онлайн-платформ — производители критически важного программного обеспечения. Практически монополистами (хотя, поскольку все-таки речь идет не об одной компании, следует говорить об олигополии) являются на рынках операционных систем для персональных компьютеров компании Microsoft и Apple. Операционную систему Windows в феврале 2022 года использовали 75 % пользователей персональных компьютеров, OSx компании Apple — 15,8 %, Google Chrome — 2,9 %, Linux — 2,2 %, системы открытого доступа — 0,01 %, прочие операционные системы — 3,3 %. На операционных системах американских цифровых ТНК Microsoft, Apple, Google основана работа 93,7 % персональных компьютеров в мире². Крупнейшие онлайн-платформы не только контролируют потоки информации, но и непосредственно вмешиваются в политические события. Они принимали одну

сторону конфликта, враждебную России, и препятствовали распространению объективной информации. Нелучайно, деятельность ряда платформ (Facebook, Instagram³, Twitter) была объявлена в РФ экстремистской.

Многие цифровые корпорации, онлайн-платформы после начала СВО громко заявили об уходе из России. Однако и по сей день важную роль на российском рынке ПО играет Windows, а на российском рынке смартфонов — Apple. В апреле 2023 года в России доля Windows на рынке операционных систем для персональных компьютеров составляла 82 %. На продукцию Apple в апреле 2023 года пришлось 31 % продаж мобильных телефонов в России⁴.

Одна из проблем, связанных с крупнейшими онлайн-платформами, — необходимость защиты персональных данных. Ее решением заняты такие отечественные компании, как «Касперский». Другая проблема — зависимость России от импорта программного обеспечения и технологического оборудования, крупнейшими производителями которых являются американские цифровые мегакорпорации. Образно говоря, кран может быть перекрыт в любой момент. Решение проблемы технологической зависимости — в развитии импортозамещения, стимулировании производства отечественного софта и аппаратного обеспечения. Определенные успехи в этом направлении есть: например, отечественная операционная система «Аврора», программное обеспечение для предприятий ИС, которое успешно заменяет ПО ушедшей из России германской SAP. Решаются проблемы и за счет импорта из дружественных стран, на рынке России повысилась доля китайских мобильных телефонов. Можно было бы развивать производство мобильных телефонов и в России (например, телефоны Samsung успешно собирают в Эфиопии). Задача состоит в подготовке кадров, финансировании развития научных исследований, организации соответствующих производств.

¹ Цветкова Н. Н. Указ. соч. С. 45–47.

² Desktop Operating System Market Share Worldwide. May 2022 — May 2023 // StatCounter: [сайт]. URL: <https://gs.statcounter.com/os-market-share/desktop/worldwide> (дата обращения: 15.03.2022).

³ Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена на территории России.

⁴ Mobile Vendor Market Share Russian Federation // StatCounter: [сайт]. URL: <https://gs.statcounter.com/vendor-market-share/mobile/russian-federation> (дата обращения: 28.04.2023); Mobile Operating System Market Share Russian Federation // StatCounter: [сайт]. URL: <https://gs.statcounter.com/os-market-share/mobile/russian-federation> (дата обращения: 28.04.2023).

Т. В. Чубарова¹**РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ:
ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ**

Вопросы, связанные с ролью человека в современной экономике, всегда находились в сфере внимания исследователей. При этом важно отметить, что отношение к человеку в экономической теории и практике может быть различным. Традиционно граждане рассматриваются довольно утилитарно: с одной стороны, как ресурс, производительный фактор, а с другой — как источник платежеспособного спроса. В западной науке наиболее распространенной является «нобелевская» теория человеческого капитала, в российской же широко используется понятие человеческого потенциала (ЧП). Хотя оно не имеет однозначного определения, в данном контексте под ним понимается «накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемый в разнообразных сферах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей»². Таким образом, рассмотрение роли человека в экономике с точки зрения потенциала подчеркивает не только важность его использования в сфере труда, но и необходимость создания условий для его полноценной реализации, постоянного развития и совершенствования.

Усиление внимания к человеческому потенциалу неизбежно происходит в условиях существенных сдвигов, связанных с возникновением новых факторов развития экономики и общества в целом. Хороший пример из российской истории — выдвинутая в ходе перестройки идея ускорения социально-экономического развития страны, которое напрямую связывалось с возрастанием значения человеческого фактора и обеспечением возможностей для его полной реализации.

Принципиальное влияние на положение человека в экономике оказывает развитие экономики знаний, что ведет к повышению важности его роли как носителя знаний, когда экономические успехи все больше определяются способностью развивать и правильно использовать человеческий потенциал.

Следует отметить, что идеологической основой понимания человеческого потенциала, на наш взгляд, вы-

ступает идея развития человека, которое А. Сен определяет как процесс расширения его экономических, социальных, культурных или политических возможностей. Позже этот подход стали описывать в терминах устойчивого развития, подразумевая, что удовлетворение настоящих потребностей не подрывает способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

Изложенные выше идеи имеют и практическую значимость: одним из самых широко используемых показателей измерения состояния ЧП стран стал индекс человеческого развития. Последние два года происходит снижение его значения в глобальном контексте после пяти лет положительной динамики, к сожалению, этот процесс затронул и Россию. Эта тревожная тенденция отмечена в Докладе ПРООН о человеческом развитии 2021–2022, где появился такой термин, как «комплекс неопределенности». Этим подчеркивается, что в настоящее время происходит наложение различных источников неопределенности, которая становится основным трендом современной общественной жизни. В мире такая ситуация обострилась с началом пандемии, а в России дополнительной проблемой стали экономические ограничения.

Свой вклад в усиление неопределенности вносят технологические изменения и инновации, которые сегодня бурно развиваются, так что процесс изменений превращается из дискретного в бесконечный. Причем одна и та же инновация может иметь одновременно и положительные, и отрицательные последствия для человека, открывая новые перспективы или создавая угрозу для сложившегося образа жизни. Как разработка, так и использование инноваций требуют ЧП нового качества, что, в свою очередь, неизбежно ведет к росту вложений в ЧП. В такой ситуации повышается значение творческих способностей, которые становятся необходимыми в том числе и для поиска решений новых проблем, нестандартных задач.

Следует отметить, что на развитие ЧП непосредственное влияние оказывают не только технические, но и социальные инновации, то есть новые идеи и институты, направленные на решение социальных проблем, изменение отношений в обществе.

В настоящее время во многих странах отмечается снижение темпов экономического роста. Это может привести к снижению доходов населения, росту бедности и сокращению государственных расходов ввиду сужения налоговой базы. В то же время исследования показывают, что увеличение расходов на образование, здравоохранение оказывает положительное влияние на ЧП, повышая его производительность и улучшая предложение рабочей силы. Тем не менее, несмотря на формальное признание этого факта и его отражение в официальных стратегиях социально-экономического развития, инвестиционный подход пока слабо реализуется на практике, и расходы

¹ Заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, главный научный сотрудник, доктор экономических наук, профессор. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. монографий «Социальная ответственность в рыночной экономике: работник, бизнес, государство», «От традиций к инновациям: реформы здравоохранения в современном мире» (в соавт.), «Современное здравоохранение: политика, экономика, управление» (в соавт.); глав в коллективных монографиях и учебниках; статей в научных журналах: «Обеспечение доступности здравоохранения в России: инструменты государственной политики», «Универсализм и/или адресность в социальной политике (на примере здравоохранения)», «Эффективное здравоохранение как условие воспроизводства человеческого потенциала: современные вызовы для социальной политики» и др. Имеет публикации на английском, французском и немецком языках. Член Новой экономической ассоциации. Награждена медалью Минобрнауки «За вклад в реализацию государственной политики в области научно-технологического развития».

² *Соболева И. В.* Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007. С. 12.

на развитие ЧП чаще рассматриваются как непроеизводительные.

Развитие человеческого потенциала во многом определяется созданием условий для реализации возможностей человека во всех сферах жизнедеятельности. В этом процессе важную роль играет качество социальной среды, в которой живет человек. Оно, в свою очередь, определяется рядом социально-экономических и других факторов, многие из которых изменяются с помощью мер политического характера, то есть регулируются государством в интересах развития человека.

В рамках такого факторного подхода в настоящее время доминирует климатическая повестка, вопросы охраны окружающей среды. Это в определенной мере связано с прогностической функцией, когда признается, что нужно понимать и учитывать будущие потребности, а не просто решать текущие вопросы. Причем вопросы охраны окружающей среды оказывают многоаспектное влияние на человека на разных уровнях — от изменения непосредственной среды обитания до глобальных эффектов. Прежде всего, плохая экология отрицательно сказывается на состоянии здоровья и продолжительности жизни людей. Однако другая сторона этой проблемы состоит в том, что до недавнего времени развитие экономики сопровождалось и усилением отрицательного эффекта для окружающей среды, и повышением доходов населения. Сегодня ставится вопрос об изменении способов ведения экономической деятельности, пропагандируется так называемая зеленая экономика, которая призвана объединить экологическую и экономическую системы в интересах устойчивого развития и повышения благосостояния населения. Однако при таком развитии, требующем серьезных изменений в экономике, появятся как выигравшие, так и проигравшие, что неизбежно окажет влияние на рынок труда и материальное положение населения.

Важную роль в развитии человеческого потенциала играют состояние социальной сферы, уровень доступности и качества оказываемых населению социальных услуг.

В этой связи важно определить, кто должен обеспечивать развитие ЧП институционально и ресурсно. Несмотря на неолиберальную критику государственной социальной политики, последняя сохраняет свою значимость в области социальной поддержки населения, хотя объем благ и услуг, которые государство предоставляет гражданам, а также необходимых для этого средств может существенно различаться в зависимости от поставленных конкретных целей и задач. Поэтому с точки зрения глобальных перспектив государство сохраняет свое значение для развития человеческого потенциала, создавая условия для его расширенного воспроизводства.

Широкая социальная повестка современного социального государства, включающая не только удовлетворение социальных потребностей граждан, но и обеспечение социальной справедливости, социальной интеграции и социального мира, в принципе не оспаривается, однако при ее реализации возникают проблемы, поскольку цели и задачи, а также конкрет-

ные механизмы их достижения могут существенно различаться. Основные задачи социальной политики государства традиционно включают поддержание уровня жизни населения, преодоление неравенства и укрепление социальной интеграции, а также обеспечение эффективности использования средств, выделяемых на социальные нужды, что, в свою очередь, должно привести к повышению производительности труда и экономическому росту страны в целом. Реализация этих целей подразумевает вмешательство в распределение ресурсов для минимизации бедности, снижения социальной уязвимости граждан, обеспечения всеобщего благосостояния. Перераспределение ресурсов в обществе может происходить по различным направлениям и на основе различных принципов. Важным направлением деятельности государства считается и обеспечение перераспределения в течение жизненного цикла.

В итоге формирование социальной политики находится в рамках противоречий, которые можно объединить в две группы:

— политико-идеологические противоречия, связанные с распространением либеральной идеологии, которая, несмотря на усиливающуюся критику, по-прежнему остается мейнстримом и утверждает, что государство неэффективно априори, с одной стороны, и необходимостью коллективных действий на уровне общества для решения социальных проблем — с другой. Потребности в социальных услугах не снижаются, возникают новые социальные проблемы и риски, преодоление которых требует участия государства;

— финансово-экономические противоречия, определяемые тем, что государства стремятся снизить налоги для повышения конкурентоспособности экономики, что одновременно создает проблему изыскания необходимых ресурсов для реализации социальной политики. Это напрямую связано с ограничениями перераспределения в современном капиталистическом обществе. Возможности государства повышать уровень перераспределения ограничены, а необходимость в серьезных социальных расходах сохраняется.

Именно в рамках упомянутых противоречий развиваются идеи повышения эффективности государственных социальных расходов и оптимизации институциональной структуры социальной сферы.

Следует отметить, что разработку социально-экономической политики страны осложняют две группы процессов, которые существенно меняют социальную организацию современного общества и безусловно связаны между собой и должны рассматриваться в единстве.

Первая включает проблемы, которые условно можно назвать общецивилизационными, они определяются общими тенденциями развития, которые прослеживаются в мире. Сюда можно отнести социально-экономические последствия глобализации, влияние широкого внедрения новых технологий, в том числе информационных (ИТ), изменения в социально-демографической структуре общества. В последнее время к этой группе можно отнести и последствия пандемии, в той или иной мере затронувшие практически все страны.

Другая группа включает проблемы, связанные с национальными особенностями социальной, экономической, политической, культурной жизни того или иного общества. В России к серьезным вызовам для социальной политики можно отнести пока еще низкие для развитой страны продолжительность жизни населения и уровень жизни значительной части граждан, а также высокий уровень неравенства и несбалансированность территориального размещения населения, рабочих мест и социальной инфраструктуры. На этой основе предлагается выделить три главных блока современной социально-экономической политики России, отражающие ее ключевые приоритеты в развитии человеческого потенциала, а именно:

— «расширение возможностей для развития человека, достижение определенного уровня и образа жизни через регулирование социально-трудовых отношений, обеспечение достойной занятости населения и защищенности в сфере труда;

— удовлетворение социальных потребностей населения путем государственной поддержки социальных отраслей, обеспечивающей их максимальное выведение из сферы рыночных отношений;

— социальная поддержка социально уязвимых групп населения, граждан, столкнувшихся с социальными рисками, связанными как с жизненным циклом человека, так и с возникновением иной трудной ситуации — через трансферты в денежной и в натуральной форме»¹.

Н. Ю. Шведова²

О РОЛИ КАЧЕСТВЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ПРИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Модернизация российской экономики как масштабное преобразование ее отдельных секторов, обеспечивающих прогресс всех сторон жизнедеятельности общества и человека, полтора десятилетия назад была провозглашена как стратегическая цель. Однако глубокие и системные преобразования, направленные на достижение этой цели, до сих пор не начались, и отечественная экономика продолжает двигаться по тому же пути, что и 15 лет назад.

Значение модернизации российской экономики всегда рассматривалось в контексте решения проблемы отказа от экспортно-сырьевой модели развития, основанной на получении и распределении сырьевой ренты. Деструктивное влияние данной модели проявляется по нескольким направлениям. Во-первых, она обрекает экономику на зависимость от факторов внешнего спроса на природные ресурсы, что, с одной стороны, может окончательно закрепить за Россией роль сырьевого придатка, с другой — способствует неконтролируемому истощению этих ресурсов. Во-вторых, она препятствует, а по некоторым направлениям блокирует реализацию качественных преобразований производственной и социальной сфер общества.

На фоне обострения глобальных политических противоречий и ужесточения международной конкуренции

переход России от сырьевой модели к более конкурентоспособной инновационной, основу которой составляют новейшие наукоемкие технологии, человеческий капитал и интеллектуальные ресурсы, приобретает особую актуальность. В данном аспекте модернизация экономики может рассматриваться как системный процесс, направленный на изменение ее структурных элементов с целью достижения экономического роста нового качества.

Изучению природы и факторов экономического роста, а также вопросам моделирования этих факторов, их количественной и качественной оценке всегда уделялось большое внимание со стороны зарубежных и российских экономистов, о чем свидетельствуют многочисленные масштабные труды и отдельные публикации, посвященные данной проблематике, в том числе в рамках разных экономических теорий и школ. Если ранее в русле кейнсианского и неоклассического подходов к моделированию экономического роста большинство исследователей первостепенное значение придавали экономическим и материальным факторам как главным его драйверам, то в дальнейшем наряду с ними приоритет отдается факторам неэкономическим и нематериальным, которые из-за разнообразия форм своего проявления не только сложнее как объекты исследования, но и требуют новых подходов к измерению и оценке.

Обобщая научные подходы и концепции экономического роста, можно выделить главные компоненты общественного развития, чье состояние, состав структурных элементов и уровень развития в значительной степени определяют не только темпы экономического роста, но и его качество. К числу таких компонентов относятся³:

¹ См.: *Соболева И. В., Чубарова Т. В.* Вызовы для социальной политики России: необходимость новой модели // *Экономическая наука современной России*. 2017. № 3. С. 55–69.

² Доцент кафедры финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Антикризисное управление» (в соавт.), «Финансовое состояние российских предприятий в новых экономических реалиях», «Риски российской экономики в условиях введения экономических санкций», «Диспропорции стоимостной оценки активов как фактор нестабильности финансового рынка», «Состояние и стимулы роста российской экономики в условиях санкций», «Критерии отбора аналогов в оценке вертикально-интегрированных компаний нефтегазового сектора», «Финансовый анализ в оценке бизнеса и его роль в условиях нестабильной бизнес-среды» (в соавт.) и др.

³ *Шведова Н. Ю.* К вопросу о параметрах и факторах качества экономического роста в РФ // *Архитектура финансов: устойчивое развитие и ответственное финансирование в эпоху глобальных изменений* : сб. материалов XII Междунар. науч.-практ. конф.,

1) производственно-техническая сфера, представленная реальным сектором экономики, производственной инфраструктурой и уровнем развития технологической базы, научно-технического и инновационного потенциала, прежде всего в промышленном секторе, создающем продукцию с высокой добавленной стоимостью и обеспечивающем научно-технический прогресс в других отраслях экономики;

2) социальная система общества как совокупность социальных отношений и условий, определяющих уровень, качество и стиль жизни населения и его отдельных групп. Уровень развития социальной сферы создает основу, которая, с одной стороны, формирует предпочтения потребителей и их платежеспособный спрос, с другой — во многом определяет состояние здоровья населения, квалификацию, направления и возможности развития человеческого капитала, признанного в новых условиях хозяйствования самым ценным ресурсом экономики;

3) финансовая система страны с присущим ей набором инструментов и каналов распределения и перераспределения вновь созданного продукта посредством механизмов бюджетной, налоговой и денежно-кредитной сферы. В условиях глобальных перемен роль финансовой системы во многом будет определяться созданием финансовой базы для предотвращения спада экономики и преодоления социального неравенства, стимулирования экономических и социальных процессов;

4) институциональная система, включающая законы, формализованные и неформализованные правила, нормы и модели поведения, добровольные самоограничения, которые, по мнению одного из основоположников институциональной теории Дугласа Норта, выстраивают иерархию стимулов в системе политических, экономических и социальных отношений, «оформляя» взаимодействия индивидуумов, и выступают «фундаментальными факторами функционирования экономических систем» и их развития не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе.

Если первые два компонента выстраивают фундамент, задают темпы и определяют качество экономического роста, то вторые два придают импульс процессу воспроизводства и определяют направления его развития путем создания приоритетов и стимулов трудовой и предпринимательской деятельности, формирования необходимой мотивации у экономических субъектов. Инструменты финансовой политики, понимаемой в широком смысле, должны обеспечивать устойчивость, стабильный рост и эволюционный характер развития экономики посредством изменения ее элементов на инновационной основе, расширенного вовлечения человеческого капитала в экономические процессы на всех уровнях хозяйствования.

Состояние указанных четырех компонентов, их состав и параметры в значительной степени в ближайшей перспективе будут определять потенциал экономического роста в России, его устойчивость к внешним вызовам в условиях введенных санкций, глобальных изменений и геополитических потрясений.

15–17 ноября 2022 г. / под науч. ред. И. А. Максимцева, Е. А. Горбашко, В. Г. Шубаевой. СПб. : СПбГЭУ, 2023.

Что касается реального сектора экономики, то его состояние в длительном временном периоде, охватывающем не одно десятилетие, может характеризоваться как негативное. Основные причины — его сырьевая направленность в ущерб развитию обрабатывающих производств с высокой добавленной стоимостью; низкий технический уровень производства, обусловленный как утратой основными фондами своих потребительских свойств по причине износа, так и низким уровнем инновационного потенциала; слабые стимулы к росту как следствие затрудненного доступа к финансовым ресурсам и отсутствия четкой экономической политики. В итоге негативные тенденции развития данного сектора, его низкая конкурентоспособность могут рассматриваться как сдерживающие факторы экономического роста в ближайшей перспективе.

В то же время иную тенденцию демонстрирует индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), при расчете которого учитываются такие показатели социального развития общества, как:

1) уровень жизни, измеряемый величиной национального дохода (ВНД) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС);

2) уровень образования, при расчете которого учитывается доступ к образованию на основе средней продолжительности обучения детей школьного возраста и взрослого населения;

3) уровень здоровья и долголетия, измеряемый показателем средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении¹.

Так, на фоне резкого снижения российского ВВП в 2013-м и его догоняющего роста в 2017–2021 годах² индекс развития человеческого потенциала показывал хотя и незначительный, но устойчивый рост³. По данным ООН, ИРЧП в России, рассчитанный по состоянию на конец 2022 года, составил 0,822 (аналогичный индекс для лидера рейтинга — Швейцарии — составляет 0,962). На протяжении достаточно длительного периода Россия занимает лишь 52-е место в рейтинге. Причем внутри России, между ее регионами, наблюдаются существенные различия в значениях ИРЧП, что отмечается, в частности, в исследовании, проведенном в декабре 2021 года Аналитическим центром при Правительстве РФ. Лидерами традиционно являются Москва (0,940), Санкт-Петербург (0,918) и Ханты-Мансийский автономный округ (0,902). Отставание менее развитых аграрных регионов страны от наиболее богатых финансово-экономических центров составляет 11,7 %⁴.

Безусловно, наблюдаемая на достаточно длительном временном интервале, а именно на протяжении по-

¹ Рейтинг стран мира по индексу человеческого развития. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index> (дата обращения: 28.06.2023).

² Прогноз, текущее значение и динамика ВВП России в 2022 году. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/vvp-rossii-2022> (дата обращения: 28.06.2023).

³ Динамика ИЧР в России. 1991–2019 годы. URL: <https://nssound.ru/zvuk/dinamika-ichr-rossii-1991-2019-gody> (дата обращения: 28.06.2023).

⁴ Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Декабрь 2021 г. : аналит. зап. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 28.06.2023).

следних десяти лет, положительная динамика ИРЧП на фоне ухудшения экономической ситуации внутри страны и внешнего политического давления свидетельствует об определенной степени устойчивости российской экономической системы. Но, учитывая, что в международном рейтинге по данному показателю Россия занимает всего лишь 52-е место, следует отметить наше значительное отставание не только от развитых экономик мира, но и от развивающихся.

К числу первоочередных мер для повышения потенциала и качества экономического роста в России следует отнести необходимость стимулирования инноваций, причем в обрабатывающих секторах экономики, что при достигнутом уровне национального дохода и имеющихся инструментах его перераспределения возможно исключительно посредством повышения стоимости рабочей силы. В данном аспекте следует отметить, что качество и образ жизни населения формируют условия для инноваций, определяя потребность в них, возможности тиражирования и использования¹.

Таким образом, для организации и обеспечения экономического роста необходимого качества требуются инвестиции не только в факторную основу развития производственно-технической сферы, но и синхронизированные с этими инвестициями вложения в развитие человеческого капитала и социальную инфраструктуру общества — образование, культуру, науку, здравоохранение. Эти меры в конечном счете должны способствовать постепенному росту доли и эффективности квалифицированного труда, совершенствованию производственно-технической базы и научно-технического потенциала экономики, одновременно создавая условия для повышения жизненного уровня населения и качества человеческого капитала.

Учитывая высокую зависимость России от глобальной экономики, особенно отдельных ее секторов, представляется необходимым и значимым с точки зрения исторической перспективы страны создание инструментов, направленных на совершенствование данных компонентов общественного развития.

¹ Сухарев О. С. Экономический рост и социальные результаты развития // Инвестиции в России. 2011. № 1. С. 11–17.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

А. М. АЛЕКСАНКОВ	директор Центра развития инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук, доцент
Г. А. ГОНЧАРОВ	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
Н. В. ДОРОХОВА	профессор кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
А. И. КОТОВ	специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук
Н. Н. НИКУЛИН	профессор кафедры экономики и менеджмента Академии труда и социальных отношений (Москва), доктор экономических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
В. В. ПАВЛОВА	ведущий научный сотрудник Научной школы «Теория и технологии менеджмента», доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва), кандидат экономических наук
А. Ю. ПРИХАЧ	профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук
Е. С. САДОВАЯ	заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (Москва), кандидат экономических наук, доцент
А. А. ФЕДЧЕНКО	профессор Департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), доктор экономических наук
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, Почетный работник сферы образования РФ, Почетный профессор СПбГУП
М. М. ХАЙКИН	заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор
Е. Г. ХОЛЬНОВА	заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП (2011–2023), доктор экономических наук, профессор
Н. Н. ЦВЕТКОВА	ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), кандидат экономических наук
Т. В. ЧУБАРОВА	заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН (Москва), главный научный сотрудник, доктор экономических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, как председатель Оргкомитета приветствую всех присутствующих на XXI Международных Лихачевских научных чтениях.

Впервые Лихачевские чтения состоялись 1993 году (которые тогда назывались «Дни науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов») по инициативе Дмитрия Сергеевича Лихачева и, по сути, под его научным руководством. Когда он стал Почетным доктором нашего Университета, мы вместе с академиком Лихачевым занялись рядом интересных

и важных дел. После кончины Дмитрия Сергеевича мы с Даниилом Александровичем Граниным обратились к Владимиру Владимировичу Путину с просьбой увековечить память Д. С. Лихачева. Довольно быстро был издан Указ № 587 от 23 мая 2001 года «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева», согласно п. 4 которого одобрено ежегодное проведение Международных Лихачевских научных чтений в Дни славянской письменности и культуры.

За последние двадцать лет Лихачевские чтения стали крупнейшим в мире международным гуманитарным

форумом, чем мы очень гордимся. За все время проведения Чтений было издано около пяти тысяч докладов, и мы будем продолжать эту работу.

Несколько слов по теме, сформулированной в названии секции, — «Экономика в контексте глобальных перемен». Наука, которой вы занимаетесь, стоит на пороге глобальных перемен. Когда-то В. И. Ленин сказал, что политика — это концентрированное выражение экономики. Экономике в марксизме определяли как базис, а культуру и политику — как надстройку. В этом усомнился Д. С. Лихачев и был прав. Сегодня, изучая культуру, мы можем сделать вывод, что экономика — это огромная подсистема культуры, связанная большим количеством связей с другими подсистемами.

Экономика и политика крайне взаимозависимы: перефразируя Ленина, можно сказать, что экономика — это концентрированное выражение политики. С моей точки зрения, в мире между экономикой и политикой сложились пагубные связи, а экономическая жизнь, включая экономическую статистику, деформирована идеологией.

Вчера на панельной дискуссии у меня состоялся спор с выдающимся российским дипломатом А. И. Денисовым, который долгое время был первым заместителем министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова (2006–2013), а потом работал послом в Китае (2013–2022). Я высказал мнение, что сегодня экономическая наука не обладает достоверным способом расчета ВВП. Еще 15 лет назад мы говорили об этом с ведущим отечественным экономистом О. Т. Богомоловым. Подтверждает этот тезис следующий пример: президент Франции Н. Саркози поручил двум нобелевским лауреатам по экономике посчитать ВВП Франции, но они не смогли этого сделать, так как запутались.

ВВП может быть рассчитан следующим образом: нужно применить методики и загрузить в компьютер статистику, который произведет вычисления и выдаст результат, что ВВП России составляет 1,8 % от мирового ВВП. Но когда Россия столкнулась с коллективным Западом (США, Евросоюзом и несколькими десятками стран), оказалось, что наша вроде бы ничтожная экономика реагирует на это столкновение положительно. А западная экономика обнаружила признаки банкротства, потому что США, монополизировав экономическую систему и печатая столько долларов, сколько захочется, стали крупнейшим должником в мире. Считается, что западная экономическая система — лучшая (эффективная, производительная и пр.), на территории западных стран сосредоточены огромные производства, но когда дошло до дела — куда делась их экономическая система? Они живут в долг и грабят весь мир. После начала спецоперации Россия свыше 50 % международных операций проводит без использования доллара и евро, а Китай — более 30 %.

У коллективного Запада есть такие образования, как НАТО, Евросоюз и пр. У России — БРИКС, куда входят страны, территориально расположенные далеко друг от друга, характеризующиеся слабыми связями и отсутствием единой военной системы, в отличие от НАТО. Но 36 стран выстроились в очередь, чтобы вступить в БРИКС. Американцы пытаются «вырвать»

из этой организации Бразилию и Индию, но ли вряд это получится. В ближайшее время в БРИКС вступит Саудовская Аравия. Население западных стран составляет 17 %, а все остальные поляризуются против них.

Потом окажется, что нужны новые методики подсчета ВВП (взамен имеющихся методов: производственного, использования доходов и формирования ВВП по источникам доходов). Допустим, арбуз выращивается в Астрахани, потом через пять перекупщиков продается в Петербурге. Как считать ВВП в данном случае — по произведенному продукту в Астрахани или доходам перекупщика?

А. И. Денисов, споря со мной, сказал, что уже сорок лет применяются точные методики. А как быть в том случае, если цены на западную продукцию будут определяться политически как высокие, а на сырье и то, что производят в России и других странах мира, — как низкие? Это не рынок. О каких объективных методиках можно говорить?

Мы находимся на пороге больших перемен, и сегодня при изучении экономики следует учитывать не только цифры и вчерашние методики, но и новые смыслы: биткоины, искусственный интеллект и пр. Экономика становится частью большой гуманитарной науки. И мне кажется, что будущее экономической науки нуждается в серьезной перестройке с учетом многих факторов, которые не относятся непосредственно к экономике. Иначе все расчеты бесполезны.

Сегодня здесь собрались выдающиеся ученые и молодежь. Надеюсь, что молодежь обеспечит нашему поколению достойное будущее. Позвольте поблагодарить вас за участие и пожелать успехов!

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Уважаемые коллеги, позвольте открыть работу секции «Экономика в контексте глобальных перемен». Сегодняшнее заседание будут вести Николай Николаевич Никулин, Марк Михайлович Хайкин и Григорий Феликсович Фейгин.

Нашу дискуссию уже традиционно откроет Анатолий Иванович Котов, представляющий Администрацию Санкт-Петербурга.

А. И. КОТОВ: — От имени губернатора Санкт-Петербурга и администрации города хочу поздравить вас с очередными Лихачевскими чтениями, которые проводятся уже в течение многих лет и стали замечательной традицией. Одна из особенностей Чтений — тот факт, что здесь обсуждаются вопросы и экономики, и культуры. Как экономист с многолетним стажем могу утверждать, что экономические успехи в очень большой степени зависят от культуры. И мы понимаем, что экономическая культура — это важный фактор в реализации любого проекта, и именно культура имеет мощный потенциал для повышения эффективности всей экономической деятельности.

Название кафедры «Экономика и управление» тоже говорит о многом. Экономика для управления — это база, на основе которой вырабатываются и просчитываются решения. А управленческое решение — важнейший инструмент продвижения вперед.

В 2022 году мы говорили о том, что против России введено беспрецедентное количество экономических санкций, но теперь их стало еще больше. Мы находимся на переломе экономических эпох, когда меняется вся система международных отношений, сложившаяся за многие десятилетия, прошедшие после Второй мировой войны. Новое пространство, которое сейчас формируется, придется осваивать вам, молодежи.

Расскажу подробнее о тех санкциях и ограничениях, которые создают новые условия для экономики и бизнеса. Любая деятельность сегодня выстраивается исходя из возможных последствий этих мер. Как на них реагировать, что надо делать уже сегодня?

Для достижения прогресса в экономике всегда необходимы три обязательных условия: инновации, инвестиции и модернизация. Это разные экономические категории, каждая из которых кардинально влияет на возможности социально-экономического развития и страны, и субъекта. Понятно, что санкции США — это попытка ограничить влияние России в мире и замедлить ее развитие. Поэтому главные события настоящего времени связаны не со специальной военной операцией на Украине, а с попыткой США сохранить статус-кво. В XX веке они сумели извлечь огромную выгоду и из Первой мировой войны, и из Второй, и из процессов восстановления стран, пострадавших в ходе войны, когда доллар стал основной валютой в международных расчетах. Но мир больше не устраивает американская гегемония, поэтому происходящие изменения носят объективный характер, и их успех зависит не только от России, но и от многих других государств. В частности, Китай, Индия, Бразилия и многие другие страны сегодня развиваются именно в этом контексте.

Весной 2022 года эксперты прогнозировали, что в России произойдет падение ВВП на 10–12 %, безработица увеличится на 8,5 %, а рост цен на услуги достигнет 22 %. Но все прогнозы не оправдались: наша экономика оказалась более устойчивой, чем все ожидали. Да, по итогам 2022 года ВВП сократился, но ненамного. Безработица тоже наблюдается, но, например, в Петербурге противоположная проблема — где найти работников. Рост цен оказался в три раза меньше, чем предсказывали, и есть вполне серьезные основания, что инфляция будет снижаться.

Тем не менее утверждать, что санкции никак не повлияли на российскую экономику, было бы неправильно и необъективно. Возникли проблемы в наиболее уязвимых отраслях — в сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности и сфере информационных технологий. Мы не можем обойтись без продуктов питания отечественного производства, и задача обеспечения населения продовольствием в целом решается. Но в связи с этим приходится тем или иным образом преодолевать множество возникших препятствий, например решать проблему банковских переводов. Руководители предприятий обрабатывающей отрасли сумели быстро переориентироваться и найти новых поставщиков технологий, оборудования и комплектующих — в Китае, Турции, Индии. Но мы понимаем, что надо развивать собственное производство всех нужных нашей промышленности элементов.

Очень важное условие экономического роста — инвестиции, и мы должны за них бороться. (Следует различать два понятия — развития и роста экономики.) Во-первых, мы должны понимать, что любые ограничения — это всегда появление новых возможностей для отечественного бизнеса. И мы видим, как наши предприниматели осваивают те рынки, на которых раньше преобладали иностранные компании. Активы продаются местному менеджменту, хотя и не очень охотно. Да, это не совсем нормально, тем не менее такие меры позволяют удержаться на плаву. Сегодня фактически вся экономика перестраивается с учетом этих процессов.

Правительственный план мероприятия по преодолению негативных последствий санкций, о котором я рассказывал в прошлом году, выполняется достаточно успешно. Это позволило нам демпфировать ситуацию, так что в 2024 году ожидается рост нашей интегральной экономики на 2–3 %. Причем это прогнозируют не только наши эксперты, но и Всемирный банк, и Международный валютный фонд. Это, наверное, главный результат российской экономической политики и предпринимательского сообщества. Потому что понятно, за всем этим стоят люди.

Разработка любой политики (промышленной, инвестиционной и т. д.) начинается с тщательного и разностороннего исследования сегодняшней ситуации и результата в будущем, в случае с инвестиционной политикой — анализа инвестиционной деятельности. Приоритетными объектами инвестирования являются создаваемые и модернизируемые основные фонды, то есть здания, дороги, заводы, школы и т. п. Если мы не вкладываем средства в основной капитал, то невозможны никакое развитие и никакой рост. Стратегии инвестиций в основные фонды, основной капитал — это инструмент, который создается в государстве и регионах. Все мы работаем по определенному плану, ориентированному на будущее, — только так можно добиться результатов. Но мы должны понимать, сколько инвестиций нам нужно и как они должны к нам поступать. Кроме основного капитала, объектом инвестиций может быть интеллектуальный капитал, финансовый рынок и т. д.

Принципы инвестиционной политики в России закреплены законодательно (и они, с моей точки зрения, отвечают самым современным требованиям), а направления включают государственную поддержку инвестиционной деятельности, специальные формы поддержки и повышение инвестиционной привлекательности. Все решения, которые мы принимаем, оформляются документально и размещаются на портале городской администрации.

Объем инвестиций в экономику города постоянно растет. Если в 2013 году было инвестировано 475 млрд рублей, то в 2021-м — 867 млрд. Все крупные проекты, в которые вкладываются эти средства, отражаются в Генеральном плане Санкт-Петербурга, а затем реализуются на основе специально разработанных документов в рамках системы территориального планирования.

В этом году мы будем принимать генеральный план развития Санкт-Петербурга до 2048 года. Это важный шаг, но затем нужно создать некие механизмы, чтобы

этот план стал по-настоящему рабочим документом. Для этого нужны инвестиции. Когда этот план будет реализовываться, мы увидим много разных объектов, которые будут строиться. На городском транспорте, включая метро, и на железной дороге предполагается внедрить самые современные инновации. Поэтому я обращаюсь к студентам: осваивайте экономику и управление в Университете, приходите к нам и принимайте участие в реализации наших амбициозных планов.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Инвестиции, безусловно, главный инструмент развития, но когда мы говорим о Петербурге в ближайшей перспективе, речь идет в первую очередь о частных инвестициях или государственных?

А. И. КОТОВ: — И о частных, и о бюджетных. Бюджетные средства мы расходует на инфраструктуру и социальную сферу — строительство и ремонт дорог, детские сады, школы и т. д. У города есть обязательства, и мы строго их выполняем. А 550 млрд рублей — это частные капиталовложения, которые еще надо получить. Для этого необходимы тщательно проработанные проекты, чтобы было понятно, каким образом они будут реализовываться. В целом Петербург сегодня является привлекательным объектом для инвестиций, но мы должны использовать этот фактор с наибольшей пользой. Бюджетных средств не хватает на все задуманное, и помощь частных инвесторов здесь очень кстати. Поэтому мы стараемся предлагать хорошо просчитанные проекты — такие, чтобы предприниматели знали, что от них требуется, и были уверены в перспективах.

М. М. ХАЙКИН: — Спасибо, Анатолий Иванович. Вопрос от студента, пожалуйста.

Александр ГИСЬ, III курс, экономический факультет: — Насколько мне известно, рынок инноваций в России не очень развит, в том числе из-за санкций, ограничивающих доступ к новым технологиям. Но в таком случае что может стать основой для инноваций?

А. И. КОТОВ: — Основой станут управленческие решения. Стратегия — это всегда в первую очередь управление, четкая ориентация на цели и формирование под них ресурсов. Поэтому я глубоко убежден, и ученые подтверждают, что нам нужно вернуться к науке, использовать все ее инструменты для того, чтобы определять цели, находить механизмы их достижения и определять эффективность выполнения задач. Но это и есть суть менеджмента. Успехов вам в профессии!

Вадим ХУДЯКОВ, I курс магистратуры, экономический факультет: — В Петербурге реализуется замечательный проект частного трамвая «Чижик». Как Смольный относится к продолжению сотрудничества с бизнесом в сфере городского транспорта? Будут ли новые концессионные соглашения?

А. И. КОТОВ: — Да, это удачный проект. Трамвай «Чижик» перевозит пассажиров в Красногвардейском районе. В настоящее время на таких же условиях мы строим школы и другие учреждения в Пушкинском районе. Благодаря государственно-частному партнерству (ГЧП) был построен Западный скоростной диаметр, а недавно началось строительство его восточного аналога под названием «Широтная магистраль». И уже практически принято решение о реализации второй очереди аэропорта «Пулково» — тоже на условиях ГЧП. Правда, проекты ГЧП требуют особенно тщательной разработки и планирования. Но без планирования невозможно никакое управление, а без управления мы не решим ни одной задачи государственного развития.

М. М. ХАЙКИН: — Слово предоставляется профессору Александру Юрьевичу Прихачу.

А. Ю. ПРИХАЧ: — Уважаемые коллеги, мы должны признать, что в сегодняшней ситуации международная конкуренция будет обостряться, в первую очередь потому, что США, как обычно, стараются «придавить» даже не тех, кто им вредит, а тех, у кого, на их взгляд, есть возможность это сделать. Поэтому они воспринимают Китай как своего реального конкурента и все время пытаются сделать что-то ему в пику. Так было всегда, причем американцы конкурируют во всех областях — экономике, идеологии и пр. Даже в символической сфере. Напомню, что СССР был первой страной, которая отправила человека в космос. Это был космонавт, и по принятым межкультурным нормам термин «космонавт» должен был стать универсальным. Но американцы выбрали другое слово — «астронавт». Красивое название, но не вполне логичное, потому что ни один астронавт пока не долетел ни до какой звезды, и в ближайшие 100–150 лет, наверное, этого не случится.

Еще интересный пример. Во время перестройки советские оборонщики поехали в США — познакомиться с заокеанскими коллегами, с которыми они столько лет соревновались. Их встретили, как это принято, приветливо, но во время банкета американцы признались: «Ребята, что вы натворили? Нам же бюджетные фонды урезали в два раза! Думаете, после этого мы будем к вам хорошо относиться?»

В последние годы тоже произошли события, свидетельствующие о противостоянии. После успешно проведенных Олимпийских игр заметно вырос престиж России как спортивной и туристической державы. Я тогда сразу подумал, что американцам скорее всего это не понравится и они что-нибудь предпримут. И действительно, вскоре разгорелся допинговый скандал. Хотя если объективно изучить, спортсмены какой страны употребляют больше всего «химии», то это с большой долей вероятности окажутся представители США.

Согласно Томасу и Киллману, конкуренция — один из пяти возможных способов управления конфликтом. Четыре других — приспособление, компромисс, избегание и сотрудничество. Какой из них более предпо-

чителен? Попытка уклонения лишь приведет к продолжению атак. Готовы ли американцы идти на сотрудничество? Вряд ли, они не видят в этом никакой выгоды для себя. То же самое можно сказать о компаниях. Остаются два варианта — приспособление либо конкуренция, то есть жесткое отстаивание своих интересов. Мы довольно долгое время пытались наладить отношения путем приспособления. В 1990-х годах российского министра иностранных дел Андрея Козырева американцы называли «мистер Да» (в отличие от советского дипломата Громько, который был «мистер Нет»). Но теперь мы перешли к другому стилю поведения — конкуренции, потому что, как выяснилось, того, кто приспособливается, рано или поздно раздавят.

Сегодня объем российской экономики составляет примерно 20 % экономики США. По сравнению с Советским Союзом соотношение стало заметно хуже. Почему? За постсоветский период мы потеряли многие конкурентные преимущества. В 1980-х годах основатель корпорации Sony Акио Морита в своей книге «Сделано в Японии» привел прогноз, сделанный японскими аналитиками. По их расчетам, к 2000 году 19 % мировой экономики будет приходиться на США, 12 % — на Советский Союз. Если учесть, что экономика РСФСР составляла около 60 % от экономики СССР, в начале XXI века доля российской экономики достигла бы 40 % от американской. Но этого не произошло, к тому же из-за снижения рождаемости, произошедшего в 1990-е годы, у нас сократилась численность населения.

Как совершенно верно сказал Анатолий Иванович, одной из важнейших составляющих конкурентоспособности и влияния является культура. Вспоминается публикация в американской газете, проиллюстрированная фотографией: араб с автоматом рассматривает афишу американского фильма. И заголовок: «Мы их бомбим, а они смотрят наши фильмы». Влияние? Бесспорно. Вот по этому влиянию мы пока сильно отстаем. Кинофильмов выпускаем меньше, чем в Советском Союзе, и качество их упало. Такое впечатление, что мы растеряли таланты. Более того, некоторые российские киностудии или дышат на ладан, или уже закрылись. Это не только наша проблема. Например, Китай пытается защитить свое культурное пространство от влияния США: они закупают строго ограниченное количество (два-три десятка) американских фильмов в год. Не могу сказать, стоит ли нам вводить подобные меры. Американцы свой кинорынок защищают немного по-другому: они не дублируют фильмы, а дают перевод бегущей строкой. Публике объясняют, что как фильм произведен, так его и надо показывать, но при этом у зрителя рассеивается внимание, становится труднее следить за сюжетом.

Сегодня, через тридцать с лишним лет после распада СССР, Россия отстает от многих стран в космической отрасли. Ресурс многих наших находящихся на орбите спутников в значительно степени выработан. Америка и даже Англия ушли далеко вперед по спутникам связи и другим микроспутникам, запуская их в большом количестве. Наши более тяжелые и, думаю, более функциональные, скорее всего, двойного и трой-

ного назначения, но об этом подробной информации нет. Сейчас начинается вторая лунная гонка. Мы еще не решили, станем ли вступать в нее. Пока непонятно, будет ли у нас космическая станция над полярной шапкой или атомный космический грузовик, хотя такие планы имеются. Отставание в космосе сильно снижает престиж страны.

Кроме этого, я считаю, что нам надо развивать свою микроэлементную базу. Здесь мы всегда отставали от американцев на одно поколение, но потом вообще отказались от этой гонки — решили использовать импортные комплектующие. Но, как выяснилось, это очень опасно. Однажды российский руководитель крупного предприятия в кабинете у своего японского коллеги — управляющего большим концерном, выпускавшим крупногабаритные станки, — с удивлением увидел, что одна стена заставлена экранами, по которым бегут какие-то цифры, движутся графики. «А что это такое?» — «Наши станки, проданные в разные страны. Мы через спутник их мониторим, получаем информацию о том, как они работают, в каких режимах». То же самое делают производители авиадвигателей. Они говорят, что в каждом их моторе должно быть шесть чипов, чтобы полноценно отслеживать их работу. Возникает вопрос: эти чипы только проводят мониторинг работы или позволяют отключить двигатель в полете? Поэтому нам, бесспорно, нужна собственная микроэлементная база. У нас производятся микрочипы, но пока не такого высокого уровня, как требуется. Тем не менее мы должны двигаться в этом направлении, преодолевая препятствия, как это сделал Китай.

Е. С. САДОВАЯ: — Уточняющий вопрос. Вы приводите сравнение по показателям ВВП, допустим, но мы давно говорим о том, что эти показатели все меньше отражают реальность. Ведь в каких-то странах при подсчете ВВП учитываются и услуги проституции, и доходы от наркотиков. У нас этого, к счастью, нет, но такие различия не позволяют сделать объективное сравнение.

А. Ю. ПРИХАЧ: — Согласен, все эти цифры достаточно условные. Проблема неоднократно обсуждалась. Приводился, в частности, такой аргумент: получается, что человек, продающий в США гамбургеры, делает вклад в ВВП больший, чем производитель чипов в Малайзии, — почему? Потому что различаются зарплаты и стоимость одних и тех же товаров. Есть другой критерий — паритет покупательной способности, но сравнение по этому критерию тоже не идеально, и опять-таки из-за различий в ценах. Так называемый индекс гамбургера тоже не очень надежный способ оценки. Плюс колебания валютных курсов. Например, рубль подешевел относительно доллара — и номинальный размер ВВП тоже меняется. Поэтому и приходится пользоваться условными показателями ВВП — за неимением других.

М. М. ХАЙКИН: — Слово предоставляется профессору Анне Александровне Федченко.

А. А. ФЕДЧЕНКО: — Я прочла все доклады, представленные на сайте, и пришла к выводу, что все они так или иначе затрагивают три аспекта: инновационность, креативность, когнитивность.

Мы давно живем не SPOD-мире и даже не в VUCA-мире. Сегодняшняя действительность — это VANI-мир, отличающийся очень высокой степенью неопределенности, нестабильности и непредсказуемости. Однако и в этих условиях приходится принимать управленческие решения. Мне близка позиция Ларисы Александровны Миэринь: важнейшей характеристикой текущего момента выступает скорость нарастания перемен. Скорость, с которой мы живем сегодня, не сравнима ни с какими предшествующими временами; ни одно поколение до нас не сталкивалось с такой неопределенностью своего будущего, даже ближайшего. Это приводит к смене просматриваемых концептуальных параметров, и здесь я вижу отражение российской ментальности.

Коллега Алексанков обращает внимание на проблему соответствия человека окружающей действительности и кризис модели развития социума. Действительно, все мы сегодня живем в кризисной ситуации, и нам предстоит найти пути выхода из этого кризиса. Потребности более высокого уровня не могут формироваться только благодаря воле индивидуума — они являются результатом коллективной деятельности на основе духовного развития.

Для принятия управленческих решений нужно учитывать российскую ментальность. Я не нашла определения российской ментальности и попыталась сама описать ее с использованием трех количественных индикаторов. Первый — рост числа внутренних и внешних туристов (показатель природообразования); второй — динамика числа изобретений во всех сферах деятельности (что связано с генообразованием); третий — рост контактов в социальных сетях (социообразование). С помощью индикаторов можно не только отслеживать текущую ситуацию, но и принимать управленческие решения на перспективу. Они могут быть полезны при разработке стратегии социально-экономического развития России и регионов.

В качестве своей установочной позиции я взяла на вооружение доклад Елены Георгиевны Хольновой. Она делает акцент на страновом человеческом капитале и доказывает, что те проблемы, с которыми мы сегодня столкнулись, негативно влияют на этот значимый фактор развития страны. Согласна также, что мы разделяем оптимизм относительно изменений в законодательной деятельности, касающихся новой концепции внешней политики. Экономика и право — тесно взаимосвязанные сферы; за рубежом даже создают специализированные библиотеки, общие для юристов и экономистов.

На человеческом потенциале также акцентирует внимание Татьяна Владимировна Чубарова. Этот ресурс во многом определяет и принятие эффективных управленческих решений, и стратегическое развитие. На повышение человеческого потенциала оказывают влияние не только технические, но и социальные ин-

новации, то есть новые идеи, институты, решение социальных проблем, изменение отношений в обществе.

Близкое к этому понятие — трудовой потенциал, то есть люди, в чьи задачи входит реализация принятых решений. Если человеческий потенциал учитывает и детей, и учащихся, то трудовой — это те, кто уже применяет на практике свои знания и навыки. Развитие трудового потенциала базируется на выявлении и использовании инноваций. В связи с этим хотелось бы выделить некоторые маркеры, характеризующие новую экономическую реальность. Эти маркеры — сокращение валового внутреннего продукта, о чем свидетельствуют данные Росстата; снижение доходов населения, то есть благосостояния и возможности удовлетворения материальных и духовных потребностей (правда, это сочетается с сокращением числа бедных); демографический кризис, обусловленный старением населения и выходом на рынок труда поколения, которое примерно на треть меньше предыдущего. И один из важнейших маркеров — экономическая безопасность, то есть способность защищать себя в условиях нового миропорядка. Чтобы эти маркеры стали устойчиво положительными, необходим комплексный подход. И все наши суждения и предложения тоже должны восприниматься в комплексе — только в этом случае можно добиться синергетического эффекта, что позволит принимать обоснованные управленческие решения, достигать хороших результатов и успешно вести страну к экономическому и социальному процветанию.

Анастасия МУХАНОВА, III курс, экономический факультет: — Анна Александровна, как Вы определяете российскую (или русскую) ментальность в контексте вашего выступления?

А. А. ФЕДЧЕНКО: — Прежде всего необходимо различать два понятия — российская ментальность и русская ментальность. В своем докладе я сделала ссылку на монографию, которая только вышла, и там описывается, что такое русская ментальность. Российская же ментальность имеет несколько аспектов, связанных с территорией. Огромная территория и многонациональный состав населения России формируют в людях определенные черты. Во-первых, у нас обычным делом являются межнациональные браки, когда в одной семье оказываются люди с сильно различающимся составом генов. Во-вторых, России пришлось пережить различные социально-экономические формации, поэтому чертой нашей ментальности стала терпимость к изменениям. Все это совокупно дает особый результат — современного россиянина с соответствующей ментальностью. Точное определение приводится в моем докладе, но его смысл я сейчас изложила.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Предлагаю выступить профессору Наталье Васильевне Дороховой. Прошу Вас.

Н. В. ДОРОХОВА: — Вчера и сегодня уже было высказано много соображений о проблемах и тех перспективах, которые возникают в экономике России в связи с теми переменами, которые происходят на

глобальном уровне. Глобальные вызовы, с которыми столкнулась наша страна, как уже много об этом говорилось на данной конференции, ставят перед нами амбициозные задачи, требующие немедленного решения. Это задачи, связанные с обеспечением суверенитета нашего государства, технологической независимости, дальнейшего социального и экономического развития. Для решения всех этих задач, естественно, требуются трудовые ресурсы. В России уже очень давно обсуждается проблема, связанная с дефицитом квалифицированных кадров. Большие надежды в связи с этим возлагались на пенсионную реформу, одной из главных целей которой было численное увеличение трудовых ресурсов. Но, к сожалению, уже сейчас эксперты существенно понизили ожидания от реализации этой реформы.

По официальным статистическим данным, в 2022 году общая численность рабочей силы в нашей стране составляла без малого 75 млн человек, в том числе 72 млн занятых. К счастью, уровень безработицы в России достаточно низкий — примерно 3,7 %, или 3,1 млн человек. Если ориентироваться на те прогнозы, которые дает Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, то к 2030 году нам понадобится дополнительно 2,5 млн работников, и дефицит рабочей силы ощущается уже сейчас.

В структуре занятого населения тоже наблюдается дисбаланс: в 2022 году доля молодежи среди работающих была всего 29,8 % с явной тенденцией к снижению. Для решения этой проблемы необходима разработка соответствующих управленческих решений. Рынок труда в Российской Федерации, как и вся экономика, переживает серьезную трансформацию. Если выделить основные направления таких трансформаций, то можно остановиться на следующих. Первое: рынок труда отвечает на происходящие изменения тем, что появляется все большее количество форм нестандартной занятости, и масштабы их применения все больше растут. Пандемия коронавирусной инфекции и связанные с ней ограничения дали колоссальный импульс распространению дистанционной занятости. Кроме того, динамично растет платформенная занятость.

Второе изменение, ярко выраженное на российском рынке труда, — структурные диспропорции по таким аспектам, как территориальный, отраслевой и профессиональный. Рынок труда в нашей стране сильно дифференцирован по регионам — от трудоизбыточных до трудодефицитных. Трудовая миграция активно развивается, но остаются ярко выраженные центры притяжения — как отечественных работников, то есть внутренних мигрантов, так и прибывающих из-за рубежа. Наиболее привлекательными по-прежнему являются Москва, Московская область, Санкт-Петербург. При этом многие регионы страдают из-за оттока трудовых ресурсов. В отраслевом плане, также из-за сильных различий в заработной плате и условиях труда, тоже отмечаются существенные передвижения. Ситуация с профессиями еще интереснее: складывается ситуация, когда многие из них становятся не востребованы, при этом все больше работодателей ищут специали-

стов в области цифровых технологий или сотрудников с цифровыми компетенциями. К сожалению, сфера образования не успевает оперативно реагировать на запросы рынка труда, и это еще больше усиливает структурные диспропорции.

Заработные платы сильно варьируются от региона к региону. Это одна из самых существенных причин привлекательности для потенциальных работников тех регионов, которые я назвала. Например, в Воронежской области, расположенной относительно недалеко от Москвы, уже много лет отмечается отток населения, особенно молодежи, именно в рамках трудовой миграции. В Воронеже много вузов, так что значительную часть населения составляют студенты — более 130 тыс. на город-миллионник. Но большая часть выпускников, получив диплом, уезжает из региона, не желая трудиться на наших предприятиях. Думаю, для других больших и малых городов России эта проблема тоже актуальна. Здесь, конечно же, требуются решения, связанные с повышением инвестиционной привлекательности российских регионов, созданием новых рабочих мест, которые будут интересны молодежи, и, конечно, с повышением уровня заработной платы прежде всего для молодых специалистов. К сожалению, Воронежская область входит в число регионов, где выпускникам высших учебных заведений предлагаются самые низкие в стране заработные платы.

Безразная и давно обсуждаемая проблема — очень сложная демографическая ситуация, которая не позволяет нам устранить дефицит трудовых ресурсов самостоятельно. Поэтому мы уже на протяжении длительного периода времени принимаем трудовых мигрантов. Упорядочивание, в том числе законодательное, и контроль миграционных процессов — одна из задач Евразийского экономического союза. Благодаря этой кооперации созданы условия для того, чтобы мигранты из стран — участниц союза активно к нам приезжали. По данным статистики, в российской экономике сейчас работает около 3,5 млн трудовых мигрантов. Но для того, чтобы миграция проходила безболезненно и спокойно, требуется огромная работа по культурной и социальной адаптации приезжающих, а также дальнейшее развитие межгосударственных отношений.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Слово предоставляется ведущему научному сотруднику Института востоковедения РАН Нине Николаевне Цветковой.

Н. Н. ЦВЕТКОВА: — Для меня высокая честь принимать участие в работе столь представительного форума российской интеллигенции.

Вчера на пленарном заседании были представлены доклады, в которых рассматривались, в частности, вопросы глобализации и деглобализации, касающиеся непосредственно темы моего выступления. Если в течение как минимум 25 лет развитие экономики и различных сфер жизни проходило в силовом поле глобализации, то начиная с середины 2010-х годов стали звучать идеи о кризисе глобализации и вероятности новых вариантов. В частности, в одной работе назывался та-

кой вариант, как разделение мира на острова, или фрагментация мировой экономики.

Начиная с середины 2010-х годов можно выделить основные вехи этого процесса. В 2014 году были введены антиросийские санкции, в 2017-м началась торговая война между США и Китаем, в результате которой под удар попали такие китайские компании, как Huawei. В результате Huawei, которая могла занять одно из лидирующих мест в мире на рынке смартфонов, не смогла этого сделать, и выдвинулись другие китайские компании, такие как Xiaomi и BHK Electronics, бренды которой, Oppo и Vivo, широко известны. После 2020 года произошли перемены, вызванные пандемией коронавируса, которая привела к колоссальному росту спроса на цифровые сервисы и ускорению развития цифровой экономики. Оказались востребованы онлайн-торговля, электронные платежи, удаленная работа, дистанционное и онлайн-образование, телемедицина, онлайн-игры или просмотр видео, потому что люди были заперты дома. Все это привело к значительному росту сервисов цифровых компаний и онлайн-платформ.

Последний этап, который начался с 2022 года, характеризуется фрагментацией мировой экономики и разделением мира на блоки. Несмотря на происходящие процессы, существует большая взаимозависимость между Китаем и США. В 2008 году даже употреблялся термин «G2» («группа двоих») — Китая и США, потому что многие товары американских корпораций по сей день производятся в Китае.

Опыт взаимодействия России с Евросоюзом позволяет думать, что высокий удельный вес одной группы партнеров в экспорте или импорте другой не препятствует разрыву экономических связей. В 2013 году доля Евросоюза в экспорте России составляла порядка 50 %, в импорте — примерно 41 %, а для ЕС Россия была третьим партнером после США и Китая. И все эти связи сегодня разорваны, то есть тесные связи не являются препятствием для фрагментации мировой экономики. Когда мы слышим о фрагментации мировой экономики, проблема заключается в том, что Россия на своем острове не одна.

Теперь я хочу перейти к теме онлайн-платформ, которые в современном мире играют важную роль. Существуют крупные и небольшие онлайн-платформы, которые используются во многих сферах, платформы, которые действуют на коммерческой или некоммерческой основе. Важно, что сегодня нельзя однозначно говорить о доминировании онлайн-платформ западных стран: по числу онлайн-платформ и их доходам первое место занимают США, а второе — Китай. Когда говорят о крупнейших онлайн-платформах, то для американских цифровых гигантов используется аббревиатура GAFAM (Google, Amazon, Facebook¹, Apple, Microsoft) или GAMMA (Google, Amazon, Microsoft, Meta², Apple). Этим компаниям успешно противостоят компании из Китая, для китайских онлайн-платформ используется аббревиатура BAT (Baidu, Alibaba

¹ Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена на территории России.

² Деятельность компании Meta запрещена на территории России.

и Tencent). Следует отметить, что рыночная капитализация онлайн-платформ и крупнейших цифровых мегакорпораций колоссально увеличилась в период пандемии коронавируса.

Несколько слов о России. В период с 24 февраля 2022 года многие из вышеназванных компаний заявили об уходе из нашей страны. Серьезная проблема для России — зависимость от импорта программного обеспечения и технологического оборудования в сфере информационных технологий. И несмотря на то, что эти компании хлопнули дверью, в апреле 2023 года доля Windows на рынке операционных систем России составила 82 %, доля Apple — 31 % на рынке мобильных телефонов в России. Несмотря на это, значительно повысилась роль китайских компаний.

Вывод: России необходимы инновации, развитие и финансирование собственных исследований, вложение средств в подготовку молодого поколения и импорт ПО из дружественных стран.

Александр МИШАРОВ, IV курс, экономический факультет: — В СМИ было заявлено, что после начала СВО Россия активно поддерживает российские IT-компании, предоставляя им преференции в виде нулевых налогов и пр. А как развиваются в России программное обеспечение и онлайн-платформы?

Н. Н. ЦВЕТКОВА: — В России есть онлайн-платформы, в том числе в сфере электронной торговли. Что касается операционных систем, то разработана первая российская мобильная операционная система «Аврора», которая используется, на мой взгляд, вполне успешно, в сфере программного обеспечения. Программное обеспечение для предприятий ИС может заменить немецкие разработки, такие как система ERP (Enterprise Resource Planning). Но, конечно, существует и много проблем, в частности на рынке аппаратного обеспечения, производства техники и прочие, которые, надеюсь, будут решены.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Сегодня прочитала новость, что запрещен экспорт в Россию порядка 80 программных продуктов Microsoft.

Н. Н. ЦВЕТКОВА: — Вообще компания Microsoft довольно давно объявила о сокращении своего бизнеса в России. Но существуют пути обхода таких решений. Доля Microsoft на российской рынке — 82 %, прежде всего это программное обеспечение для персональных компьютеров, а не для суперкомпьютеров. Специалисты, работающие в сфере IT, говорят, что на такой случай должны существовать резервные решения, хотя все равно это будет болезненно. Считаю, что наиболее критическая сфера — это операционные системы, которые производит далеко не каждая страна. Что касается самих компьютеров, то возможен их экспорт из дружественных стран. Сегодня компьютеры производит даже Вьетнам.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Нина Николаевна, вы сказали, что тесные взаимосвязи между странами не явля-

ются препятствием к фрагментации. Но не кажется ли Вам симптоматичным, что торговая война между Китаем и США, начавшаяся в 2017 году, завершилась подписанием в 2020-м соглашения. Например, 40 % Volkswagen составляет китайский рынок, поэтому как бы Запад ни конфликтовал с Китаем, отказаться от такой доли рынка будет невозможно. Обратите внимание на осторожную позицию, которую сегодня занял Китай: несмотря на то, что он не присоединяется к антироссийским санкциям, отдельные китайские компании не работают с российским рынком. Тесные связи препятствуют фрагментации, потому что их нельзя быстро разорвать, в отличие от США, которые инициировали большое количество санкций, так как наши экономики мало пересекаются. Не кажется ли Вам, что это неоднозначный вопрос?

Н. Н. ЦВЕТКОВА: — Я с Вами согласна. Речь идет не о фрагментации производства, потому что она существовала и раньше, например глобальные цепочки стоимости. Высказывается мнение, что развивается фрагментация мировой экономики, происходит ее разделение на блоки, которые, возможно, будут враждебны Западу, что его и беспокоит.

Что касается взаимозависимости Китая и США, то она очень велика. Однако замечу, что доля российского экспорта газа в Европу тоже была высока, европейские страны в значительной степени зависели от российского газа. Тем не менее связи разорвали, хотя и не одновременно.

Создается впечатление, что в современном мире геополитика одержит верх над экономикой и экономической взаимозависимостью. Так, между Китаем и Тайванем существует тесная экономическая интеграция и взаимозависимость. Например, экспорт с Тайваня электронных компонентов для производства цифрового оборудования в Китай и Гонконг составляет около 60 %. Но станет ли этот фактор значимым для мирного решения тайваньского вопроса и кто это может гарантировать? К сожалению, нет. Тайваньские компании присутствуют на китайской территории. Известный пример — сборка американского оборудования на китайской территории филиалами тайваньских компаний, в частности холдинг Foxconn. Сейчас они пытаются диверсифицировать производство. То есть тесная взаимозависимость не является препятствием для внешнеполитических противоречий. Но окончательный ответ на этот вопрос может дать только время.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Слово предоставляется кандидату экономических наук Валентине Васильевне Павловой.

В. В. ПАВЛОВА: — На предыдущих Лихачевских чтениях много выступлений было посвящено вопросам занятости в глобальном аспекте. И в этот раз данная тема тоже является актуальной, потому что касается каждого из нас. 2021 год был отмечен рекордно низким показателем уровня безработицы. Но санкции, которые были объявлены после февраля 2022 года, внесли свою лепту. По прогнозам, безработица к кон-

цу 2022 года должна была составить 9 %. На самом деле по итогам 2022 года показатель безработицы был ниже — 3,96 %, следовательно, прогнозы не оправдались. Анализ причин, повлиявших на снижение уровня безработицы, показал, что одним из факторов является развитие нестандартных форм занятости, в том числе самозанятости, платформенной, удаленной занятости и пр.

В числе ключевых трендов на рынке труда выступают дестабилизация занятости и индивидуализация отношений занятости, то есть отношения между работодателем и работником. Мы будем говорить о цифрах, которые выводятся на основе экспертных оценок, потому что Росстат пока не ведет учет платформенных занятых.

Платформенная занятость и платформенная экономика развиваются очень бурно, темпы роста составляют порядка 17 % в год. Платформенная занятость характерна для сферы услуг, ее доля составляет примерно 6 % ВВП России — это серьезный развивающийся рынок. Если мы говорим о трудоспособном населении в возрасте от 18 до 72 лет, то порядка 14,7 % россиян имеют опыт платформенной занятости, причем основная занятость на платформах составляет 2,4 %. В 2022 году делались прогнозы, что к 2030 году численность платформенно занятых составит 15 млн человек, а уже сегодня 15 млн людей тем или иным образом заняты в этой сфере. Таким образом, можно говорить о том, что в период нестабильной экономики платформенная экономика теоретически может играть демпфирующую роль, позволяющую сглаживать колебания в доходах и позитивно влиять на снижение уровня безработицы.

Преимущества нужно использовать, над выявленными недостатками — работать. Если раньше мы говорили о том, что платформенная занятость в большей степени характерна для старшего поколения (пенсионного и предпенсионного возраста), то сейчас в значительной степени в качестве основной и эпизодической занятости на платформах отметились студенты. Это серьезное изменение в возрастной структуре платформенной занятости. Студентам это позволит попробовать себя в профессии и решить, подходит ли она им. В то же время платформенная занятость позволяет приобрести определенный опыт, тем самым удовлетворив требование работодателей — наличие трудового стажа на момент трудоустройства.

Пандемия высветила основные проблемы платформенной занятости не только в нашей стране, но и во всем мире. Прежде всего это проблема социальной защищенности. Международная организация труда в 2021 году в докладе «Перспективы занятости и социальной защиты в мире: роль цифровых платформ, платформ цифрового труда, преобразование сферы труда» уделила большое внимание именно разработке материалов по социальной защищенности платформенно занятых. В марте этого года административный совет МОТ принял решение, что международные конференции в 2025–2026 годах должны рассмотреть вопрос о достойном труде в сфере экономики цифровых платформ. Это будет первый общемировой нормативный акт в данной области.

В России сегодня наблюдается серьезный прорыв в сфере платформенной занятости. Если в прошлом году мы говорили о том, что не решены вопросы социальной защищенности платформенно занятых и нет нормативных документов, то в этом году уже можно говорить о проекте внесения изменений в Закон «О занятости населения в РФ». В законопроекте большое место уделено платформенной занятости, где рассматриваются такие вопросы, как создание реестра цифровых платформ, где все должны зарегистрироваться, рекомендации клиентам платформенно занятых, гарантирование таким работникам размера вознаграждения и условий работы (в частности, оплата должна быть произведена в течение трех дней после реализации заказа), вопросы добровольного пенсионного страхования и пр.

Еще один важный аспект — разрешение споров между платформой и платформенно занятыми. Предполагается, что должен быть создан объединенный совет платформенно занятых, в который на добровольной основе должны войти все платформы. Рассматриваются четыре направления, по которым возможно обеспечение социального страхования платформенно занятых и самозанятых (потому что на платформах в основном работают самозанятые). Сегодня ведется дискуссия, но в основном все склоняются к тому, что будет реализован третий вариант: вовлечение самозанятых в систему негосударственного социального страхования за счет повышения активности платформ, формирование привлекательных схем страхования, условий тарифов социального страхования и стимулирование тех платформ, которые войдут в систему страхования.

В России одним из крупных представителей платформенной занятости является «Яндекс.Такси». Они страхуют водителей и курьеров от несчастных случаев во время исполнения заказа на 2 млн рублей. У других крупных агрегаторов тоже есть страхование. Совместно со страховой компанией «Манго» запущена программа с аналогом больничного для прямых партнеров, то есть водителей и курьеров в статусе самозанятых и ИП. Еще один пример реализации социального страхования — «Ситимобил» совместно со «Сберздоровье» реализовали пилотный проект, в рамках которого водитель получает бесплатный доступ к медицинским услугам сервиса для себя и членов своей семьи. Но нужно сказать, что такое страхование для платформ должно быть добровольным, потому что оно по силам крупным агрегаторам, а небольшие платформы могут не выдержать такой конкуренции и нагрузки.

Назову проблемы онлайн-платформ с точки зрения социального страхования: информирование занятых о социальных программах и социальных проектах, реализуемых крупными платформами, обмен данными с государственными органами и импортируемость данных с одной платформы на другую. Важным аспектом дальнейшего развития платформенной занятости является социальный диалог.

Крупные компании, имеющие свои платформы, которые представлены на рынке, создали Совет цифровых платформ. Подписана Хартия о принципах развития платформенной занятости в России, согласно которой компании готовы информировать исполнителя

о социальных гарантиях, обеспечивать для всех исполнителей равные условия доступа на платформу, расширять географию присутствия платформ и в постоянном диалоге создавать иные благоприятные условия для развития данного сегмента.

Н. Н. НИКУЛИН: — В связи с существованием международного рынка труда и международных платформ следует отметить проблему оттока квалифицированных российских кадров. Сегодня пытаются вернуть (в том числе с помощью налогов) тех, кто работает в российских компаниях удаленно из других стран. Международные платформы имеют возможность реализовать «утечку мозгов» из России. То есть в привлечении международными платформами квалифицированных кадров из России, Индии и других стран присутствует негативный момент. Что Вы скажете по этому поводу?

В. В. ПАВЛОВА: — Такая проблема существует, потому что цифровые платформы не имеют границ и жестких ограничений участия. Кроме того, запреты не дают серьезных результатов. Значит, нужно рассматривать экономические механизмы. Сейчас принято говорить в основном о преимуществах, которые предоставляют платформы, поэтому платформенную занятость надо сохранять. Такие экономические механизмы, как социальное страхование и налогообложение, могут дать позитивные результаты. И в этом направлении есть подвижки, например подписана хартия, мы движемся в этом направлении, создавая условия на платформах. Административно эта ситуация будет решена в ближайшем будущем.

Н. Н. НИКУЛИН: — Валентина Васильевна, я хотел бы вернуться к проблеме, о которой сегодня уже говорили докладчики. Современный рынок труда — динамичный и постоянно меняющийся, как и сфера образования, деятельность профессиональных образовательных учреждений. Как образованию и образовательным учреждениям поспеть за меняющимся рынком труда?

В. В. ПАВЛОВА: — С точки зрения занятости образовательные учреждения играют не последнюю роль, и сейчас рассматривается вопрос о создании стандартов платформенной занятости в рамках образовательных стандартов. С точки зрения платформенной занятости для студентов это возможность на практике попробовать себя в профессии, которую они в дальнейшем будут реализовывать. Проблема заключается в том, что многие, получив высшее образование, реализуют себя в другой области, осознав, что это не их сфера. Говоря о рынке труда и профессиях, необходимо использовать имеющиеся инструменты, которые будут востребованы. Система претерпевает определенные изменения, так как специалистов обучают 5–6 лет, а за это время изменяется ситуация на рынке труда и актуальность профессий, и человек после окончания вуза понимает, что его специальность уже не востребована. Так в России было с экономистами и юристами,

большое количество которых мы выпустили, а сейчас они не востребованы. То же самое сегодня происходит с айтишниками — на данный момент это самая популярная профессия, но через 3–5 лет произойдет перенасыщение рынка. Нужно следить за трендами и адаптировать образование к современному рынку труда.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Приглашаю к микрофону кандидата экономических наук Андрея Михайловича Александрова.

А. М. АЛЕКСАНКОВ: — Я хотел бы обратиться прежде всего к студентам. Пройдет несколько лет, и вы будете принимать решения, от которых будет зависеть наша жизнь.

Выскажу несколько пожеланий. Первое — по поводу национального экономического характера и национальной ментальности почитайте книги Н. А. Кричевского, в частности «Наследие противоречий. Истоки русского экономического характера», где подробно и доступно описывается, кто такие русские, как они жили и почему ведут себя так, а не иначе.

Второе пожелание: прочитайте статью Д. С. Лихачева «Что есть истина». Смысл в том, что истина у каждого своя, и то, что мы так или иначе выражаем, — лишь наше отражение, а любое отражение нужно уважать и принимать таким, какое оно есть, потому что это лишь один из многих взглядов на мир. Каждый из нас является носителем своего взгляда на мир, что имеет прямое отношение к экономическим моделям, которыми вы мыслите.

Люди более старшего возраста имеют опыт проживания и деятельности в другой экономической модели и в рамках другой ментальности. Поэтому то, где и как вы живете, в некотором роде навязано извне — это лишь одна из моделей, имеющая определенную цель. Никто не сказал, что не может быть других моделей. Хотите вы того или нет, но вам придется выбрать из скорлупы, в которой, конечно, удобно находиться. Следует применить управленческий метод, когда изнутри все замечательно, но понять, что происходит, можно, только лишь посмотрев со стороны.

Что же происходит? Китайская мудрость гласит: «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен». Сегодня в одной точке сошлось несколько кризисов, один из них — кризис доминирования. Так в истории случалось уже не раз. Примером может послужить история развития различных систем: Междуречье, татаро-монгольское иго, Римская империя. Все они развивались по одним законам: расширение, которое достигало определенного предела возможностей, наступал кризис элит, и империи рушились.

Сейчас мы наблюдаем кризис доминирования, который, к сожалению, возник в силу человеческого несовершенства. Животный мир в этом плане рациональнее: хищник никогда не будет убивать другое животное ради убийства или расширения своего влияния, потому что ему так хочется. Он будет убивать до тех пор, пока не удовлетворит свои потребности в еде. Человек — другое существо, он останавливается только тогда, когда сталкивается с кризисом.

На сегодняшний день система доминирования перестала быть управляемой, потому что стала слишком сложной, то есть начался кризис системы. Не следует думать, что Соединенные Штаты Америки плохие, в 2011 году мы были готовы дружить с ними. Я входил в состав делегации от российских университетов в США, когда было стратегически важно развивать отношения. Кризис доминирования обусловил такое состояние, когда дальше управлять системой стало крайне дорого и сложно. Системный кризис заключается в том, что система управления по своей сложности перестала соответствовать системе отношений. И только так к этому надо относиться.

Спустя некоторое время, когда вы окончите вуз и начнете работать, вы будете принимать управленческие решения и жить в рамках другой экономики. Она будет другой, и именно так к этому надо относиться.

Второй кризис — кризис эффективности капитала, который демонстрируют даже номинальные показатели. Такой показатель, как ВВП, несовершенен, но других нет, хотя на эту тему сейчас ведутся дискуссии. Может быть, кто-нибудь из присутствующих здесь станет автором новой теории оценки валового национального продукта, например через энергетические показатели. Цифры свидетельствуют, что Европа пробуксовывает даже по тем методикам, которые существуют на сегодняшний день, — это менее 1 % в среднегодовом исчислении. То есть модель, в которой мы живем, не развивается, и дальше двигаться становится сложно. В этом плане следует быть осторожнее с инновациями: 5–7 лет назад было модно говорить о новых технологиях и циклах Кондратьева, но необходимо думать о цене инновационного продукта и о том, нужны ли потребителю сложности, которые несут инновации.

Важный социальный аспект, который следует учитывать при развитии инноваций, — чем будут заниматься люди и какое место они займут в инновационном обществе. Об этом нужно думать уже сегодня. Мы не привыкли мыслить категориями длительных периодов, но это необходимо.

Если мы посмотрим основные экономические параметры в динамике за нескольких сотен лет, то увидим интересную картину. До XX века линия развития была практически горизонтальной. В начале XX века начался экспоненциальный рост, то есть движение, близкое к вертикальному. Это касается таких экономических параметров, как численность населения, количество изобретений, объем потребляемой человеком энергии, количество информации и пр.

Произошел переход в экспоненциальную фазу, и сейчас мы близки к точке перехода и принятия решений. Дальше двигаться вверх нельзя, система не выдержит этого, что вызовет состояние кризиса. Стратегия бесконечного роста напоминает рост раковых клеток, об этом надо помнить.

В подобной ситуации возможно несколько сценариев развития. Первый вариант: движение по экспоненциальной кривой вверх — это движение в сторону инклюзивного капитализма немецкого экономиста Клауса Шваба, в котором будет жить и владеть всеми ресурсами только 1 млрд населения на Земле. Второй вари-

ант: бельгийский математик Пьер Ферхюльст, который исследовал развитие популяций животных, предположил, что переход на горизонтальный участок будет плавным и будет зависеть от тех решений, которые вы будете принимать. Третий сценарий: обвал в этой точке (темные времена, спад до крайне низкого потребления и пр.), а дальше движение по горизонтальной медленно возрастающей прямой развития.

К сожалению, первый и третий сценарии кажутся наиболее вероятными. Хотелось бы, чтобы вы принимали решения, которые обеспечат развитие по второму сценарию — плавный переход на горизонтальный участок. Но здесь от вас потребуется новое мышление — не только материальными категориями, но и с учетом социального и духовного развития, когда базовые ценности станут неотъемлемой частью экономики. Только тогда вы сможете стать счастливыми, а также ваши дети и родители.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — К микрофону приглашается кандидат экономических наук Евгения Сергеевна Садовая.

Е. С. САДОВАЯ: — Когда я готовилась к выступлению, во мне боролись две ипостаси — гражданин и научный работник, и первая в итоге победила, поэтому я обращаюсь не к коллегам, а к студенческой аудитории.

Уважаемые студенты! Вы в любом случае будете анализировать ту реальность, с которой вам придется сталкиваться — не важно, на уровне госуправления или компании. Нужно понимать, что все наши усилия направлены на то, чтобы понять будущее. Кто его предвидит, тот и выигрывает, потому что принимает правильные решения. Но как предвидеть будущее? Мы сейчас находимся в точке перелома, и, к сожалению, тот инструментарий, который человечество наработало на протяжении многих веков, сегодня перестает работать. Мы сами для себя придумали такие инструменты, как эффективность, демография, демократия, ВВП, и с помощью сформировавшегося понятийного аппарата можем говорить на одном языке, дискутировать и понимать, о чем идет речь. Но все эти понятия сейчас расплываются, как ветхая ткань, и перестают отражать меняющуюся действительность. Закончилась эпоха, которая длилась 500 лет. Как же в этой ситуации предвидеть будущее?

В ходе дискуссии был задан очень хороший вопрос по поводу менталитета. Менталитет любой нации определяют два ключевых параметра — история и география. Как ни странно, история — это и есть наука о будущем. Есть одна очень популярная во всем мире книга, в которой написано: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». Я думаю, вы понимаете, о какой книге я говорю. Действительно, все, с чем человечество сталкивается сейчас, уже когда-то случалось. В XV веке, когда Колумб открыл Америку и оттуда в Европу хлынули потоки дешевого серебра и золота, Испания сделала таким же гегемоном, каким сегодня являются Соединенные Штаты. А гегемон не может производить

ничего, кроме мировой валюты, все остальное ему производить невыгодно. И точно так же, как сегодня из США, все производства из Испании перекочевали в соседние страны, и так же были пройдены все стадии возвышения и упадка.

А в XVI веке в Голландии, в период первоначального накопления капитала, люди вкладывали лишние деньги в луковицы тюльпанов и, передавая наследникам это богатство, полагали, что обеспечивали своих детей и внуков. К чему это привело, вы тоже знаете. Поэтому важно понимать историю и географию. Не нужно объяснять, что такое морская держава, контролирующая водные пути, и сухопутная держава, обладающая контролем над транзитными путями через свою территорию. Я понимаю, что у вас прекрасные преподаватели, которые учат вас передовым разработкам, маркетингу, экономической теории, анализу и пр. Но не забывайте приобщаться к самым широким пластам мировой культуры и изучать историю не для того, чтобы запомнить какие-то даты, а чтобы понимать процессы, которые лежат в основе исторических событий.

Чтобы мое выступление не казалось абстрактным и далеким от реальности, скажу о том, как все это преломляется в жизни. Мы говорили о широком распространении платформенной занятости и о том, что это большая социальная проблема. Раньше человек заключал трудовой договор, нанимался на работу, у него была запись в трудовой книжке. А сейчас возник термин «приклепашки»: сегодня работник прикрепился к одной платформе, поработал там в службе доставки, а завтра уже трудится переводчиком на другой платформе. А, собственно, в чем здесь проблема? — спросите вы. Проблема в том, что на привычной системе трудового найма базировался такой важнейший концепт ушедшей эпохи, как социальное государство. Работник нанимался к работодателю, и тот обязался страховать его социальные риски, выплачивать пенсию. Все это было взаимосвязано. Сейчас произошел разрыв этих связей, и все пытаются идентифицировать нового работодателя: где он, кто он? Сегодня все это очень легко решается с помощью цифровых технологий. Не важно, в какой стране находится работодатель, — все налоги могут быть уплачены. Но дело в том, что экономия на социальных издержках — это единственная возможность для бизнеса выживать в условиях рынка, который сокращается в силу того, что достиг пределов своего расширения. Значит, мы будем переходить к какому-то другому типу социальной политики. И какие могут быть варианты? Например, архаизация, при которой за социальное самочувствие отвечает семья. Или какой-то опыт того времени, когда мы жили в другой социальной системе. Мне хотелось протянуть эту цепочку, чтобы вы понимали, как подходить к анализу будущего, потому что оно действительно в ваших руках. Мы на вас очень надеемся.

Н. Н. НИКУЛИН: — Евгения Сергеевна, скажите, пожалуйста, как на эту новую социальность влияют понятия «гиг-экономика» и «прекариат»?

Е. С. САДОВАЯ: — Большое спасибо за вопрос. Гиг-экономика — это другое название цифровизированной платформенной экономики. Она имеет много разных названий, это одна из ее ипостасей. А прекариат — тот новый класс, который рождается взамен исчезающего среднего класса. Важно понимать, что в реальной жизни нет никакой экономики, политики, социальной сферы — это все единая социальная динамика. Люди придумали для себя эти концепты, чтобы проще было принимать реальность, но на самом деле все это невозможно разделить, поэтому, когда мы говорим, что средний класс исчезает, это не только о том, что люди становятся беднее. На среднем классе базировалось все: медицина, здравоохранение, туристический бизнес. Даже демократия возможна только при наличии среднего класса. Без среднего класса рухнет вся система.

Н. Н. НИКУЛИН: — Слово предоставляется профессору Татьяне Владимировне Чубаровой.

Т. В. ЧУБАРОВА: — Уважаемые коллеги, дорогие ребята, я очень рада снова всех вас видеть. Вчера на пленарном заседании речь шла о том, каким будет мир будущего — однополярным или многополярным, сколько будет полюсов притяжения и какими характеристиками должна обладать страна, претендующая на роль одного из этих полюсов. Большинство участников, не сговариваясь, отметили, что первая важная характеристика такой страны — это, конечно, экономические возможности, вторая — наличие значительного населения. В свете сегодняшней дискуссии и в продолжение апелляции к молодежной аудитории мне бы хотелось сказать, что нам нужно не смотреть на другие полюсы, а работать над тем, чтобы наша страна сама стала одним из этих полюсов многополярного мира. Не важно, сколько их будет — два, три или десять, — Россия должна стать одним из них. И я думаю, у нас есть все объективные предпосылки для этого.

На пленарной дискуссии много говорили о диалогах, конфликтах, измерении ВВП. Тут очень важную роль, как мне кажется, играют методы, которыми мы пользуемся. Я бы предложила вместо слов «диалог» и «конфликт» использовать более емкое понятие «диалектика». Я вам советую прочитать работу В. И. Ленина «К вопросу о диалектике» — вы все поймете. Тем же, кто боится так называемого совка, хочу сказать: диалектика — это не изобретение Ленина, это понятие идет еще от Гегеля и других замечательных философов прошлого. Во-первых, диалектика дает нам методологию познания и требует обоснованности: не просто говорите, что мы станем полюсом силы, а объясните научно, почему будет именно так. Во-вторых, она позволяет нам обобщить, определить направления движения. Само слово «диалектика» подразумевает развитие. Это не просто обмен мнениями, когда мы расходимся в разные стороны, оставаясь каждый при своем. Диалектика — это взаимодействие и движение в каком-то общем направлении. Поэтому с точки зрения формирования методологии мне это представляется крайне важным моментом.

Хочу сказать несколько слов о глобализации. Есть немало специалистов, которые считают, что она уже в прошлом. В нашем институте группа молодых ученых написала монографию, в которой они доказывают, что глобализации пришел конец. Мы, старшее поколение, с ними спорим, считая, что речь может идти либо об отказе от глобализации, либо о ее изменении. Тем не менее вопрос остается открытым: что же все-таки будет с глобализацией? Важный момент — ее результаты. Мы четко понимаем, каковы они для золотого миллиарда. Но мы также должны понимать, что есть страны и народы, которые живут в совершенно другой реальности. Мир очень разный, и результаты глобализации в разных странах, среди разных слоев населения различаются. Посмотрите, например, фильм Тигра Кеосяна «Президент и его внучка». Президент говорит девочке: «Открой компьютер», а та отвечает: «У меня его нет». И он в недоумении: «Как же так? Компьютеры есть у всех». К сожалению, это далеко не так.

И еще одна очень важная тема — отношения человека и экономики. Одни считают, что экономика работает на человека, что человек рационален и действует так, чтобы во всех сферах были соблюдены его интересы. Другие утверждают, что человек в экономике используется как ресурс, что его рациональность ограничена, он не всегда понимает, что делает, и его нужно учить. В частности, таким подходом отличается платформенная занятость. Я бы рассматривала взаимоотношения человека и экономики сквозь призму человеческого потенциала. Во-первых, в потенциале я вижу синергию. Во-вторых, потенциал — это, на мой взгляд, возможность проявить себя во всех сферах общественной жизни. Поэтому не только для государства, но и для общества крайне важно создавать социально-экономические условия для того, чтобы человек смог реализовать свой потенциал, проявить синергетический эффект.

В заключение я бы хотела отметить два современных явления, основанных на доверии к человеку. Первое — концепция базового дохода, совершенно новый подход к социальной защите. Многие его критики утверждают, что если люди будут получать деньги, то они не станут работать. Я же считаю, что человек — существо разумное и сделает правильный вывод. И второй момент, который сегодня активно обсуждается, — это переход на четырехдневную рабочую неделю. Я полагаю, что эти два совершенно новых в социальной защите и социальном обеспечении направления позволяют раскрыться тому творческому потенциалу, который заложен в человеке и необходим и обществу, и экономике.

М. М. ХАЙКИН: — Татьяна Владимировна, скажите, почему Вы в название своего доклада вынесли такое понятие, как «человеческий потенциал»? Обычно же говорят о человеческом капитале.

Т. В. ЧУБАРОВА: — Конечно, концепция человеческого капитала сейчас доминирует. Это, в частности, объясняется наличием более четких расчетных по-

казателей. Сейчас в экономике принято все высчитать, и человеческий капитал в расчетных показателях представить себе гораздо проще. Но я сознательно исхожу из понятия «человеческий потенциал» — именно в силу того более широкого подхода к человеку и его роли в современном обществе, о котором говорила.

Н. Н. НИКУЛИН: — Слово предоставляется профессору Геннадию Александровичу Гончарову.

Г. А. ГОНЧАРОВ: — Глобальные перемены, вызванные геополитическим переделом мира, переформатированием мирового экономического порядка, несут ряд угроз для российской экономики. И первая из них — отставание от лидирующих экономик мира в технологиях и производительности труда. Мы знаем, что наши противники хотели бы экономически ослабить Россию настолько, чтобы в конечном итоге она распалась на несколько государств и стала неконкурентоспособна. Вызовы, стоящие сегодня перед Россией, прекрасно понимают и ученые, и власти, поэтому в стратегических документах, определяющих социально-экономическое развитие страны, ставится задача ускорения темпов экономического роста выше среднемировых (3 %). Достичь этих показателей пока не получается, хотя в начале 2000-х годов у нас был период, когда темпы роста экономики достигали 7 %.

По мнению экспертного сообщества, основной причиной невыполнения планов и программ, которые устанавливаются указами президента, постановлениями правительства и национальными проектами, является не недостаточность усилий, а та экономическая модель, которая использовалась на протяжении всего периода автономного плавания российской экономики после распада Советского Союза. Эта модель работала следующим образом: сверхдоходы, которые получала Россия от экспорта нефти и газа, изымались из экономики и направлялись в фонд национального благосостояния, призванный сформировать достаточный запас прочности. В последние годы некоторые отрасли российской экономики, являющиеся высококонкурентными, например сельское хозяйство или строительство атомных электростанций за рубежом, также дают сверхдоходы. Эта модель позволила нам выбраться из долговой ямы Международного валютного фонда, а после противостоять санкциям, поддерживать системообразующие предприятия и малый и средний бизнес в период карантинных ограничений. Модель прекрасно показала себя в плане стойкости, возможности выдерживать санкционные и другие удары, и все — и экономический блок правительства, и министерство финансов — привыкли к такому положению дел. Однако, по мнению большинства экспертов, к которым я присоединяюсь, данная модель не способна обеспечить ускоренный экономический рост. Сегодня уже понятно, что ее нужно менять.

Есть программы структурной трансформации до 2024 и 2030 годов, ставится задача к 2024 году увеличить темпы роста производительности труда до 3 % в год, а к 2030-му ускорить развитие промышленности,

в частности на 70 % увеличить долю неэнергоэкспортных отраслей и отраслей промышленности глубокой переработки. Производительность труда у нас сегодня в 2,5–5 раз ниже, чем у развитых экономик мира, и чтобы догнать их, потребуются не менее 10–15 лет. Но эти темпы роста не позволят обеспечить отсутствие инвестиций — а мы знаем, какой на протяжении последних 9 лет была динамика иностранных инвестиций в российскую экономику: отток иностранного капитала рос, а приток в лучшем случае находился на том же уровне, а в худшем — снижался.

Поэтому для того чтобы успешно завершить структурную модернизацию российской экономики, необходимо найти мощные источники инвестиций. Деньги из фонда национального благосостояния должны инвестироваться. На протяжении ближайших 5 лет около 70–80 трлн рублей необходимо вложить в наукоемкие отрасли промышленности. Необходимо усовершенствовать механизм государственно-частного партнерства и привлекать больше инвестиций не только в такие крупные проекты, как Западный скоростной диаметр или Олимпийский парк в Сочи, но также в малый и средний бизнес. Кроме того, необходимо развивать фондовый рынок, привлекать средства населения. Иными словами, нужно менять саму модель развития — так, чтобы она предполагала создание и развитие емкого внутреннего рынка, и переориентировать российский экспорт с топливно-сырьевых товаров на высокотехнологичные. Но это невозможно без серьезных инвестиций в экономику.

Макар КОВТУНОВ, III курс, экономический факультет: — Геннадий Александрович, каким Вы видите дальнейшее развитие России?

Г. А. ГОНЧАРОВ: — Если мы не будем ускоряться, то отстанем еще больше и можем на десятилетия, если не на столетие остаться топливно-сырьевым придатком. И не имеет значения, что у нас разорваны отношения с Евросоюзом и мы перестали экспортировать туда газ и нефть. Мы можем точно так же стать топливно-сырьевым придатком Китая или бурно развивающихся стран АСЕАН. Поэтому нам нужно думать об ускоренном развитии высокотехнологичных отраслей российской промышленности, создавать отечественные ИТ-продукты, развивать эту отрасль, которая еще находится в зачаточном состоянии, и возрождать те, которые были практически уничтожены (например, самолетостроение), а также усиливать свои позиции в космосе. А самое главное — нужно отойти от старых позиций, которых придерживались и экономический блок, и олигархи, то есть люди, фактически принимавшие решения по вопросам экономического развития России, и начать развивать отечественную экономику, во-первых, ориентируя российскую промышленность на емкий внутренний рынок, который еще нужно создать; во-вторых, переориентируя экспортно-импортную деятельность и существенно увеличивая ее масштабы. К примеру, товарооборот с Китаем в скором времени планируется довести до 200 млрд долларов в год.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Слово предоставляется профессору Григорию Феликсовичу Фейгину.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — В нашей дискуссии часто звучит мысль о том, что мы должны перейти к иному миропорядку, более справедливому, многополярному. Почему одни страны — развитые — живут хорошо, а другие, например африканские, поставляющие сырье, без которого не могут производиться самые высокотехнологичные товары, — плохо? Это несправедливо. Но меня, как экономиста, больше волнует следующий вопрос: каким образом и почему это может измениться в ближайшее время? Наверное, мало захотеть. То же самое касается суверенной экономической политики: мы говорим, что не должны никого копировать, делать что-то по навязанным нам лекалам, нам нужно строить самостоятельную, эффективную, более подходящую нам систему. Но, опять же, одно дело — заявить и совсем другое — воплотить.

Еще сегодня прозвучало интересное мнение, что современные параметры — ВВП и прочее — несовершенны, они не отражают реальность. Но не случится ли так, что мы придумаем другие показатели, получим с их помощью представление о реальности, но и оно не будет более адекватным? С моей точки зрения, все-таки для осмысления всех этих процессов нужно использовать существующие достижения экономической науки. И я думаю, что одна из возможностей осмысления современного глобального конфликта на основании достижений экономической науки — это изучение проблемы постиндустриальности и деиндустриализации.

Мы все знаем, что такое постиндустриальное общество, в котором доминирует сфера услуг, общество, которое мы называем «экономикой знаний», общество цифровизации. Глобальные структурные преобразования сегодня, в частности, связываются именно с постиндустриализмом, и до недавнего времени это воспринималось позитивно, как естественный поступательный процесс. Но в последние годы часто употребляют термин «деиндустриализация», имеющий негативный оттенок. Действительно, деиндустриализация рождает проблемы, например теряется потребность в рабочих профессиях (а они всегда имели определяющее значение), страны начинают зависеть от импорта. Но в разных странах причины деиндустриализации различны. В развитых странах, например в США, это перенос производства за рубеж. В России и странах Восточной Европы деиндустриализация связана с тем, что промышленность, созданная в СССР, оказалась не готова к рыночным механизмам и была вытеснена, причем не только в России: Восточная Германия в настоящее время производит крайне удручающее впечатление, в том числе и потому, что там прекратилось промышленное производство и опустели города. Я думаю, что проблема деиндустриализации — это одна из причин, почему Запад так жестко поставил себя в оппозицию и к России, и к Китаю и оказался в некоторой степени заинтересован в глобальном конфликте. Но для России важен, конечно, шоковый вызов. Да, у нас не 10 % спада экономики, а только 2 %. Но можно ли это

считать успехом? И сможем ли мы реально создать в этих условиях предпосылки для инновационного развития? Это большой вопрос.

И последнее — по поводу глобализации. Говорят, что она закончилась. Но, с моей точки зрения, Россия не провалилась во многом благодаря тому, что глобализация очень сильна. Появляется замещение: можно покупать те же товары не в Европе, а в Турции, Египте. Это говорит о том, что глобализация создала очень большой задел, который, конечно, так быстро не разрушится.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Приглашаю выступить профессора Николая Николаевича Никулина.

Н. Н. НИКУЛИН: — Я исхожу из того, что Россия находится в сырьевой колее, из которой никак не выберется. Поэтому самое важное — это экспорт сырья, импорт оборудования. Второе: В. В. Путин сказал, что санкционное давление на Россию — технологическое, экономическое, политическое — в дальнейшем будет только усиливаться, и как долго — мы даже не знаем. Очевидны попытки добиться того, чтобы российский экспорт, являющийся основой нашего импорта, был все менее необходим остальному миру. Это одно из направлений, которое приведет к тому, что российский импорт будет сокращаться. СВО серьезным образом коснулась экономики. Нам необходимо менять свою экономическую модель, переходить к модели индустриализации 2.0, то есть развивать ту индустриализацию, которая была в 1930-е годы. Что касается политики импортозамещения, то она обязательно предполагает замещение потребительских товаров. Пока мы на это не согласимся, никакого импортозамещения путем внутреннего производства происходить не будет. Пойдем мы на это или нет? Именно от ответа на этот вопрос зависит дальнейшее развитие нашей экономики, потому что либо Россия будет при импортозамещении и производстве внутренних товаров, либо ее не будет вовсе.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Слово предоставляется профессору Марку Михайловичу Хайкину.

М. М. ХАЙКИН: — Во-первых, как представитель Санкт-Петербургского горного университета, со всей ответственностью хочу сказать, что потребность в природных ресурсах, в минерально-сырьевом комплексе сохранится на долгие годы, и это не какие-то досужие рассуждения, а оценки самых авторитетных экспертов. Это надо понимать, как и то, что продажа нефти, газа и других полезных ископаемых — очень серьезное конкурентное преимущество, данное нам Богом, природой, и отказываться от него было бы неправильно. Но в то же время действительно необходима диверсификация экономики, не отказ от добычи, а увеличение объемов в структуре экспорта, рост процента продукции с более высокой добавленной стоимостью, то есть произведенной по передовым технологиям. Необходимо повышать конкурентоспособность отечественной продукции.

Во-вторых, что касается опережающего роста производительности труда по сравнению с ростом заработной платы. Да, мы все прекрасно знаем этот закон: без роста производительности общественного труда не решить основные народно-хозяйственные задачи. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что хозяйственная жизнь общества гораздо сложнее, чем серийное массовое производство; есть очень много интеллектуальных направлений деятельности в сфере услуг и культуры. Но главное, о чем я хотел сказать: рост производительности общественного труда в интеллектуальной, творческой деятельности приобретает иррациональную форму, и мы не должны об этом забывать. Простой пример: что будет, если перед хирургом, который совершает сложную операцию, поставить песочные часы? Если ученому, который занимается разработкой чего-то принципиально нового, постоянно ставить сроки, к чему он будет стремиться — к тому, чтобы довести запланированную работу до должного уровня, или к тому, чтобы уложиться в срок?

В-третьих, мы услышали много пессимистичных прогнозов. Да, времена нынче очень непростые. Но «времена не выбирают, в них живут и умирают». И мне бы все же хотелось сегодняшнюю секцию завершить на оптимистической ноте. Прочитую Карла Маркса: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин,

кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам».

В заключение хочу сказать, что дискуссии, которые ежегодно организует Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзом, крайне полезны. Я уверен, что присутствующим здесь не безразличны обсуждаемые темы, и даже подсознательно, на уровне интуиции, все вы рано или поздно будете возвращаться к тем животрепещущим вопросам, которые здесь сегодня поднимались.

Хочу пожелать всем нам, и в первую очередь нашему молодому поколению, не страшась усталости, карабкаться по каменистым тропам, и не только в науке, но и в практической деятельности. За вами будущее, и вам придется принимать жизненно важные решения. Сейчас нам всем, и особенно вашему поколению, как никогда важно развивать критическое мышление. Свобода личности заключается в том, что все мои неудачи — именно мои: это я где-то недосмотрел, я оказался недостаточно профессиональным, я сам, а не общество, система или друг, который меня подвел. Это очень важно с точки зрения развития свободы личности и экономического мышления.

Е. Г. ХОЛЬНОВА: — Спасибо, Марк Михайлович. Я тоже от нашей кафедры, которая была организатором этой секции, благодарю всех присутствующих за плодотворную работу.

Секция 4

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: НОВЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ

26 мая 2023 г. Лекционный зал № 2 СПбГУП

Руководители секции:

- Г. М. БИРЖЕНЮК — заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный профессор СПбГУП
- Ж. Т. ТОЩЕНКО — главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, председатель Международного редсовета журнала РАН «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор
- А. В. ШЕРШУКОВ — заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (Москва), главный редактор центральной профсоюзной газеты «Солидарность»

ДОКЛАДЫ

Н. Г. Багдасарьян¹

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ РОССИИ: К МЕТОДОЛОГИИ ПРОГНОЗА

События 2022 года стали катализатором быстрых, не всегда понятных изменений в обществе, под влиянием которых формируются новые тренды в развитии самых разных сторон и сфер жизни. Идет трансформация мира из состояния, в котором определены центры силы, поделены рынки и установлены правила игры, в состояние крайней неопределенности с непредсказуемыми, но масштабными последствиями.

Конфликтное состояние общества — не уникальная характеристика сегодняшнего дня, мы давно живем в обществе разногласий и расколов. Они проходят по отношениям между поколениями, по ценностным предпочтениям и культурным образцам, по картинам мира и религиозным моделям, но острота переживаний и глубина расколов, сформировавшихся в современном мире, носит беспрецедентный характер. Глобальные

процессы как бы вклиниваются в судьбы индивидов, доходя порой до трагических звучаний.

Перед социальными исследователями как вызовы встали новые вопросы, ответы на которые в условиях постоянно меняющейся и усложняющейся реальности трудно найти в традиционных методологических подходах и классических трудах. Кроме того, мы не можем не учитывать того, что геополитика привела к сужению диапазона возможностей международного сотрудничества и сравнительных исследований, ограничила ученых в реализации дискурсивных практик.

Но эта кризисная ситуация, как и любая другая, носит неоднозначный характер: трудности воспроизведения и заимствования сложившихся подходов компенсируются возможностями включенного наблюдения и анализа состояния общества, его отдельных групп, индивидов в ситуации множественных разрывов, выявления санкционных рисков и их последствий для разных групп населения, последствий эмиграции — не только пространственной, но и внутренней, институциональной динамики и т. п. Уже сегодня мы наблюдаем процесс трансформации и конструирования идентичностей, новых социальных практик и нормативных образцов поведения как ответов на иную политическую реальность.

В тексте, опубликованном на Лихачевских чтениях 2022 года, автор подчеркивал, что главное — «понять, каково все же магистральное направление общественного развития? Являются ли такого рода вооруженные конфликты эпизодом великой истории человечества — или в современном мире будут найдены такие

¹ Профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, кафедры информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна», доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч. монографий: «След культуры: к методологии непонимания», «Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда» (в соавт.); учебников и учебных пособий: «Информационно-медийное пространство мировой политики» (в соавт.), «Культурология», «Социология», «История, философия и методология науки и техники» (гл. ред.). Член редколлегий журналов «Философия науки и техники», «Вопросы культурологии», «Культура культуры» и др. Член Российского философского общества, Российской социологической ассоциации. Награждена медалями «В память 850-летия Москвы», «165 лет со дня рождения В. Г. Шухова».

силы и рычаги, которые позволят грядущим поколениям отказаться от агрессивного деления человечества на противоположные лагеря?»¹

Подчеркнем, что по прошествии года необходимость этого понимания сохраняет свою актуальность. Важно также осмыслить, какие новые направления социокультурной динамики спровоцированы текущими задачами, а какие зрели давно, но вышли на первый план под влиянием триггеров, имея при этом долгосрочный характер.

Такого рода аналитика требует соответствующей методологии форсайт-прогнозирования. Нарботанный опыт социального прогнозирования способен помочь в этом лишь отчасти — и ситуационный анализ, и математическое моделирование экономических процессов, и теория решения изобретательских задач, лежащие в основе «классического» советского прогнозирования, не дают сегодня (подчеркнем, в ситуации неопределенности) надежного результата. Хотя многие из этих методов используются (но уже на новой технологической основе — большие данные, цифровизация и пр.) при прогнозировании в зарубежных странах.

Есть, однако, и более поздние, постсоветского периода образцы, оформленные в стратегии и прогнозы. Специалисты НИУ ВШЭ, разработавшие по заказу Министерства науки и высшего образования Российской Федерации Прогноз научно-технологического развития России на период до 2030 года, утвержденный в 2014 году, использовали более двухсот информационных источников. Среди них не только аналитические исследования и прогнозы, подготовленные международными организациями, крупными корпорациями, международными профессиональными ассоциациями, национальные прогнозы научно-технологического развития, но и базы научных журналов, патентной и статистической информации и т. п.). Внушительная экспертная база состоит из «более двухсот организаций и свыше двух тысяч ведущих российских и зарубежных экспертов, включая представителей научных центров, вузов, бизнеса, технологических платформ, инновационных территориальных кластеров»².

Отметим, что для текущей ситуации наиболее интересны в этом документе разделы «Ожидаемые результаты» и «Риски и угрозы для России» — практически по каждому из направлений Прогноза. Приведем в качестве примера обозначенные угрозы для страны в сфере авиационного транспорта: «технологическая отсталость и высокая степень износа отечественной сети аэродромов; слабая интегрированность в современные международные логистические цепи; дефицит квалифицированных кадров в сфере авиастроения и эксплуатации авиационной техники; наличие специальных климатических требований к самолетам и наземной инфраструктуре; несоответствие граждан-

ской авиационной техники международным экологическим стандартам и соглашениям по безопасности и шумозащищенности»³.

Поскольку текст Прогноза находится в открытом доступе и ознакомиться с ним могут все желающие, предоставим людям самим определять степень индивидуального риска в выборе авиаперевозчика.

Однако нынешняя ситуация пролонгированной специальной военной операции в сравнении с периодом разработки Прогноза кардинально изменилась (не будем забывать и COVID-19, поставивший дополнительные задачи по созданию био- и нейротехнологий для более точного анализа и персонифицированности рекомендаций, в том числе с помощью искусственного интеллекта, технологий моделирования развития вирусов и пр.). Кардинальное отличие — в росте нелинейности развития и «царстве неопределенности» (И. Валлерстайн), когда в отсутствие ресурсов, отвлеченных на военные операции, поддающиеся уже отработанным подходам задачи в ключевых приоритетных областях наталкиваются на «черных лебедей» — так Нассим Талеб определил статистически маловероятные, но значимые для перспективы будущего события⁴. Как пишет известный немецкий исследователь исторической памяти Алейда Ассман о движении к будущему: «... вместо планомерных поисков — движение на ощупь, случайные или попутные находки, увиденные нередко периферическим зрением где-то в стороне»⁵. В названии заключения ее книги есть вопрос: «Слишком много прошлого, слишком мало будущего?». Сама она отвечает на этот вопрос признанием, что сегодня «не существует универсального императива, целиком отделяющего прошлое от настоящего»⁶ — прошлое непрерывно вторгается в нашу жизнь, требует внимания и эмоций.

Но и будущее, понимаемое не как утопия, а как форсайт-технология, действительно заявляет о себе. Прогнозирование вынуждено все больше учитывать сдвиги акцентов, при которых воображаемые культурные факторы, идентичности и образы создаются для понимания не только настоящего и прошлого, но и будущего социального мира. В этом плане вновь обострился инициированный российской властью и фокусирующийся на проблеме ценностных систем дискурс вокруг вопроса о месте нашей страны между Востоком и Западом. Учитывая, что мы сегодня находимся в точке бифуркации, решая задачу построения цивилизационного проекта для России, следует ответить на ряд вопросов о перспективах развития социальных институтов, о моделях адаптации и экономического развития, о рынке труда, о влиянии новой реальности на гендерные и семейные отношения, воспроизводство населения, бизнес, управление, науку, образование, технологии, политическую культуру, коммуникации и т. д.

Все это требует новых методологических подходов.

¹ Багдасарьян Н. Г. Жизнь вместе: общество и индивид в эпоху глобальных перемен // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 415–417.

² Прогноз научно-технологического развития России на период до 2030 года // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157978/ (дата обращения: 28.05.2023).

³ Прогноз научно-технологического развития России на период до 2030 года.

⁴ См.: Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости : пер. с англ. М. : Колибри, 2009.

⁵ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна. М. : Новое лит. обозрение, 2017. С. 6.

⁶ Там же. С. 256.

Выделим здесь два момента, один из которых касается ориентации российского пути, другой — технологии выработки прогноза.

Во-первых, в свете глобальной геополитической трансформации и необходимости самоопределения страны представляется убедительным подход В. Г. Федотовой, рассматривающей спектр ориентаций России (Запад, Восток, евразийство) «не как пути выбора России, а как *ракурсы интерпретации*, вскрывающие российскую специфичность в ходе модернизации и ее геополитические интересы. В связи с этим задача пересматривается как нахождение возможностей рационального договора о базовых национально-государственных ценностях и интересах». Преодоление конфликта возможно «на основе простого понимания того, что без развития Россия не может быть великой страной (мысль, „полезная“ почвенникам и евразийцам) и что без осознания своих национально-государственных интересов и собственной идентичности она не может модернизироваться (мысль, „полезная“ западникам)»¹.

Во-вторых, наряду с известными форсайт-технологиями, сценарным планированием и стратегированием

в турбулентные времена предпочтительно сочетание с ними метода ретроспективного прогнозирования — Backcasting. В отличие от классического прогнозирования, этот метод предлагает не экстраполировать текущую ситуацию в будущее, а произвести «обратный ход» из воображаемого будущего в настоящее с тем, чтобы определить политику и программы, которые свяжут это заданное будущее с настоящим².

На мой взгляд, такого подхода настоятельно требует не только общая стратегия развития страны — в ближней, среднесрочной и дальней перспективе, но и институциональная стратегия. В частности, сегодня вновь принимаются меры по трансформации высшего образования, выходу из Болонской системы, усилению гражданского воспитания молодежи. И первое, что следует сделать срочно, по мнению Минобрнауки — увеличить часы по «Истории Отечества». Хотя давно известно: больше — не значит эффективнее, результативнее. Осталась «за кадром» методология принятия управленческого решения и соответственно анализ его барьеров и рисков, без чего не бывает сегодня научно обоснованного взгляда в будущее.

Г. М. Бирженюк³

КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ЗАМЕНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ. НОВАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ РОССИИ

На протяжении примерно двадцати лет тема глобализации в различных аспектах была центральной на Международных Лихачевских научных чтениях. Изменение тематики и центральной проблемы, которая обсуждалась участниками Чтений, в определенной мере отражает ситуацию в соотношении национальных задач и глобальных вопросов.

Начиная с 2001 года в течение ряда лет в центре внимания были проблемы образования («Образование в условиях формирования нового типа культуры»), в 2005–21006 годах обсуждались проблемы культуры и цивилизации (2005 г. — «Культура и глобальные вы-

зовы мирового развития»; 2006 г. — «Гуманитарные проблемы современной цивилизации»).

Более пяти лет тема Чтений звучала как «Диалог культур и цивилизаций в современном мире» (2007–2012 гг.), затем тематика начала смещаться в сторону проблем глобализации в ее различных аспектах (2014–2016 гг. — «Современные глобальные вызовы и национальные интересы»; 2017 г. — «Глобальный мир: системные вызовы и контуры будущего»; 2018 г. — «Контуры будущего в контексте мирового культурного развития»; 2019 г. — «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости»).

В 2022–2023 годах тема Чтений непосредственно коснулась центрального вопроса текущей политики — «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка».

Эта «тематическая динамика» явно неслучайна. Начало специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 года подвело итог глобализации либо как всего процесса, либо как его определенного этапа. Сегодня, когда стали являться многие процессы, ранее проявляющиеся как относительно малосущественные отклонения от общемирового курса на глобализацию, есть основания осмыслить именно их, поскольку они набирают силу и превращаются в ведущие тренды мирового развития.

Глобализация, как известно, происходила и проявлялась в основном в двух актуальных сферах социальной практики — экономике и культуре.

Что касается экономической глобализации, то можно с определенной долей уверенности сказать, что она

¹ Федотова В. Г. «Глядя из будущего» как методология прогнозирования российских перспектив // Вестник Университета «Дубна». Сер. «Науки о человеке и обществе». 2022. № 2. С. 3–9.

² См. в качестве примера: Andy Hines, Johann Schutte, Maria Romero, Transition Scenarios via Backcasting // Journal of Futures Studies. 2019. Sept. № 24 (1). P. 1–14.

³ Заместитель председателя Ученого совета, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Проблемы насилия в социально-трудовых отношениях» (в соавт.), «Глобальные информационные вызовы и информационная безопасность», «Время и социальные институты как универсалии культуры», «Социально-культурные синхронизаторы и регуляторы» (науч. ред.), «Мониторинг социально-трудовых конфликтов в России: теория, методика, технологии» (в соавт.), «Трудовой арбитраж в сфере коллективных споров: история и современность» (в соавт.), «Профсоюзное движение в России: основные тенденции (2005–2015)» (в соавт.) и др. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования и среднего профессионального образования (2016). Почетный профессор Таджикского государственного института искусств им. М. Турсун-заде. Почетный профессор СПбГУП.

меняет как форму и содержание, так и механизмы и динамику развития. В 1950 годы глобализация происходила в основном на базе технологий массового обрабатывающего производства, что сопровождалось освоением новых рынков. Эта глобализация происходила преимущественно на базе американских компаний и развивалась за счет новых технологий, разработанных в одной стране (в основном США, странах Западной Европы, Китае) и масштабируемой в других, что вело к увеличению объемов производства и росту производительности труда. В этой связи увеличивалась роль экономических лидеров (тех же США, Западной Европы и Китая), которые давали примерно четверть роста ВВП и позитивно влияли на экономику стран — торговых партнеров. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов сложившуюся в начале XXI века систему глобального управления, создавшую благоприятные условия для трансграничных потоков капитала и торговли.

Однако в настоящее время начинают проявляться некоторые процессы, которые грозят глобализации не меньше, чем предыдущие (и грядущие) экономические кризисы. Речь идет, во-первых, о развитии робототехники, которая ставит под вопрос целесообразность и экономическую эффективность переноса производства в слаборазвитые страны. Это может существенно подорвать рынок труда и экономику многих стран. Развитие технологий 3D-печати позволяет повысить гибкость производственных мощностей, сократить количество и протяженность цепочек поставщиков сырья и комплектующих (все они будут печататься на одних и тех же устройствах). Это объективно повлияет на мировую торговлю в целом: сократится число субъектов производства, сожмутся стоимостные цепи, производство и потребление будут приобретать региональный характер (принтеры в разных странах печатают и производят по одним и тем же программам одинаковые изделия), что в итоге повлияет на рынок контейнерных и иных перевозок. Ожидаются серьезные сдвиги в торговле еще в одном направлении: торговля товарами (которая доминировала и обеспечивала развитие глобализации в конце XX — начале XXI в.) в силу указанных выше причин технологического характера будет снижаться. В то же время можно предсказать рост спроса и предложения в сфере глобальных информационных услуг. Этот рост заметен уже сегодня. Например, развивается телемедицина, широко применяется удаленное тестирование авиадвигателей и т. п. Это увеличит разрыв между странами с развитыми цифровыми технологиями и теми, которые в этом плане отстают. Если ранее основным трендом (и формой) глобализации выступала интеграция между ведущими странами Европы и США с одной стороны и странами в других частях мира — с другой, то цифровизация и децентрализация становятся факторами деглобализации.

Нужно отметить и другие процессы экономико-политического характера. Нарушилась вся система международного права и договоров. Это затрудняет международное движение товаров и услуг и дестабилизирует мировую экономику. Весьма ярко эти процессы высветила санкционная война, фактически объявленная

России рядом стран: практически ни одна из них не избежала негативного влияния санкций, которые были введены против РФ, но в итоге вызвали кризисы различного масштаба в самих этих странах.

Но некоторые процессы начались еще раньше. В 1999 году была создана «Большая двадцатка», в которую вошли страны с разным уровнем экономического развития. Это ознаменовало начало процесса децентрализации управления экономикой со стороны США и стран Западной Европы. В финансовой сфере появились такие мощные структуры, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АИИВ) и Национальный банк развития (NDB). Уставной капитал каждого из этих банков превышает 100 млрд долларов, и они представляют собой реальную альтернативу Азиатскому банку развития (Asian Development Bank), Всемирному банку и Международному валютному фонду.

В последние годы политическая ситуация в мире не только начала тормозить глобализацию, но и стимулировала процессы деглобализации. Речь идет о том, что Брексит, пандемия COVID-19, СВО, торговая война между США и Китаем актуализировали проблемы технического суверенитета и национальной безопасности, снизили доверие к глобальным цепям поставок и надежности иностранных инвестиций, то есть ко всему, что питало и стимулировало процесс глобализации.

В области культуры процессы глобализации также претерпевают изменения. На протяжении 1980–2000-х годов имела место тенденция к «унификации локальных сообществ, что проявляется в распространении общих ценностей, норм, стандартов, идеалов, отчасти имеющих универсальный характер»¹, некоторые ученые в положительном ключе говорили о возникновении «общего поля глобальной культуры (культурная глобализация)»², другие выражали тревогу по поводу возможной утраты локальными культурами своей уникальности³.

Существенно расходились выводы относительно характера и сущности происходящих в области культуры процессов. Их пытались объяснить в рамках некой теории культурной глобализации⁴. Разноречивые мнения относительно культурной глобализации побуждают разделить их носителей на три условные группы: оптимистов, пессимистов и раздумчивых.

Оптимисты, во-первых, признают реальность процесса глобализации культуры, во-вторых, видят в этом множество положительных черт. К их числу можно отнести нашего соотечественника А. И. Голышева («...формируется добровольное мировое гуманистическое единство, определяющее возможность земно-

¹ Храпаль Л. Р., Камалева А. Р. Культурная глобализация и этнокультурная идентичность общества как факторы модернизации современного образования // Изв. Саратовского ун-та. Т. 2. Сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2012. Вып. 2. С. 203.

² Гревцева А. А. Культурная глобализация: проблемы и парадигмы // Изв. Российского пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 70. С. 145–149.

³ Шахин К. Глобализация и тенденции развития культуры в Турецкой Республике: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2016. С. 14.

⁴ Гревцева А. А. Указ. соч.

го бытия»¹), М. Уотерса (формирование «...новой экстерриториальной, или детерриториальной реальности, где должна быть единая культура»²). Оптимистично настроены и Д. Гольдблатт, Э. Макгрю и Дж. Перратон, которые видят в глобализации фактор прогресса («...культурная глобализация ассоциируется с несколькими достижениями, такими как новые глобальные инфраструктуры беспрецедентного масштаба, обеспечивающие большие возможности проникновения элементов культуры через границы»³). М. Малиновский усматривает в глобализации «условие для взаимодействия и взаимопроникновения локальных культур как культурно-исторических образований, обладающих собственной ментальностью и способных к сохранению своей идентичности в условиях глобализации»⁴.

Пессимисты, в свою очередь, сомневаются в самом факте глобализации культуры, а если и признают реальность этого процесса, высказывают тревогу по поводу его последствий. Т. А. Мошняга говорит о «деформации национально-духовной культуры»⁵, А. А. Никифоров — о «разделении мира на несколько политико-экономических и «культурных» блоков»⁶, Р. Робертсон отмечает нарастание процесса унификации культуры, ведущего не к единству, а к созданию ситуации неопределенности во всем мире⁷. С. Хантингтон и вовсе утверждает, что в настоящее время не представляется возможным говорить о единой глобальной культуре⁸. И. Валлерстайн, скептически относясь в целом к факту наличия глобализации, отрицает возможность культурной глобализации⁹. А. Н. Джуринский обращает внимание на то, что глобализация способна нанести серьезный ущерб национальным ценностям¹⁰. Э. Смит полагает, что сам термин «глобальная культура» создан искусственно и наполнен идеологическим содержанием¹¹.

К категории «раздумчивые» можно отнести тех, кто не столько оценивает происходящие в культуре процессы, сколько пытается объективно осмыслить их, увидев в них те или иные новые тренды. П. Бергер особо отмечает, что культурная глобализация сопровождается

есть различными формами реагирования (от полного принятия до полного отвержения) локальных культур на американскую, выступающую носителем ведущих черт глобальной культуры¹². С этой точкой зрения корреспондирует мнение А. Н. Чумикова о том, что «границы между западным и восточным мирами еще четко прослеживаются, различия между православной и исламской культурами, буддийским и конфуцианским мирами остаются весомыми»¹³.

В процессе глобализации все интенсивнее начинают проявляться две противоположенные тенденции — анклавизация и гибридизация. Анклавизация — это форма изоляционизма, в основе которого стремление локальных культур к самосохранению. Гибридизация — это открытость одних культур к диалогу с другими. Если анклавизация предполагает возведение и постоянное наращивание границ, отделяющих локальную культуру от внешних воздействий, то гибридизация такие границы сознательно разрушает.

Существует и третий путь — так называемая глокализация. Этот термин, как нетрудно заметить, создан путем сочетания в одном слове двух терминов — глобализация и локализация. Под глокализацией понимают одновременное развитие двух процессов: вхождения в мировую культуру и обособления своей локальной культуры. Р. Робертсон полагает, что локальное должно восприниматься как один из аспектов глобального.

Перечень точек зрения на глобализацию культуры и сторонников каждой из них можно продолжать практически до бесконечности. Как представляется, культура и процессы в ней развиваются по объективным законам, которые до конца еще не отрефлексированы. Пока доминируют субъективные мнения, опирающиеся не столько на объективные данные, сколько на интуитивное восприятие какой-то части культурной реальности, и их рефлексия сама по себе что-либо изменить в культуре не сможет. Такова судьба гуманитарного знания в целом.

Но есть нечто реальное, о чем хочется сказать в контексте данной конференции. Существует такой феномен, как диалог культур и цивилизаций. В него вступают совершенно реальные люди, их объединения, те или иные общности и организации. Этот диалог не прекращается (хотя и существенно сокращается) в условиях пандемий, войн, различного рода конфликтов. Он разнонаправлен и разноориентирован. Диапазон его охватывает разные цели взаимодействия — от конкуренции до партнерства, от противостояния до сотрудничества. Именно этот диалог объективно выступает средством роста взаимопонимания между народами, взаимообогащения культур и повышения их совместимости, что обеспечивает также взвешенность культурной политики, ее ориентацию на бережное отношение к своей собственной культуре и уважительное — к другим.

¹ Гольшев А. И. Глобализация: культурологический подход // Вестник Псковского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2014. № 6. С. 74.

² Waters M. Globalização. Oeiras, 1999. P. 129.

³ Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелл, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон / пер. с англ. В. В. Сапова [и др.]. М. : Праксис, 2004. С. 402–403.

⁴ Малиновский А. С. Культурная глобализация (глокализация). Локальное и транснациональное // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2013. № 1. С. 176–179.

⁵ Мошняга П. А. Особенности глобализации культуры в Японии : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2009.

⁶ Никифоров А. А. Идеи теории глобализации и взгляды ее представителей в области экономики и управления // Науч. журнал НИУ ИТМО. Сер. «Экономика и экологический менеджмент». 2015. № 3. С. 30.

⁷ Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L. : Newbury Park, and New Delhi : SAGE Publications, 1992.

⁸ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y. : Simon & Schuster, 1996. P. 52.

⁹ Wallerstein I. Utopistics: Or Historical Choices of the Twenty-First Century. N. Y. : The New Press, 1998. P. 14.

¹⁰ Джуринский А. Н. Сравнительная педагогика. Взгляд из России. М. : Прометей, 2013.

¹¹ Smith A. D. Towards a Global Culture? // Theory, Culture & Society. Vol. 7, № 2–3. L. ; Newbury Park, and New Delhi : SAGE Publications, 1990. P. 176.

¹² Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона ; пер. с англ. В. В. Сапова. М. : Аспект Пресс, 2004. С. 10–16.

¹³ Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. 2-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2017. С. 408–411.

Сегодня наша страна противостоит коллективному Западу, и в условиях многочисленных санкций культурный диалог необходим и важен как никогда ранее.

Осмысление диалога культур и цивилизаций и действие его развитию стало не только научной целью Международных Лихачевских научных чтений, но и их миссией, значение которой возрастает год от года.

А. В. Воронцов¹

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В свете сегодняшних событий — СВО и прокси-войны, которую ведет против России евро-атлантический блок, вновь остро встал вопрос об особой роли интеллигенции в нашей стране. Предлагаю рассмотреть его в исторической ретроспективе и в контексте особенностей современного российского общества.

В 2019 году была издана книга «Судьбы российской интеллигенции»². В ней характерным для современной социологии образом речь большей частью идет о проблемах повседневной жизни людей, причисляемых к интеллигенции, но практически ничего не сказано о некогда фундаментальном вопросе связи интеллигенции и народа. Неужели он потерял актуальность?

На мой взгляд, основная проблема, связанная с интеллигенцией как особой социальной группой, классом, в нашей стране заключается в том, что часть интеллигенции понимает свою миссию как противопоставление себя народу, в то время как истинная интеллигенция, напротив, — та, что обращена к народу, к его главным чаяниям и заботам, стремится к защите народа, страдает ему. В первом случае это противопоставление часто скрыто за благими намерениями: просвещением и освобождением. Во втором случае народность интеллигенции означает разделение с народом его потребностей, культуры, исторической судьбы. Да, в своих высших творческих достижениях интеллигенция возвышается над народом. Но, во-первых, она черпает вдохновение в народной культуре и жизни, а во-вторых, она просвещает и освобождает результатами своей работы, если они есть, а не досужими разговорами о свободе. Нарушение этого простого принципа приводит к тому, что интеллигенция не сохраняет веру народа, а начинает навязывать ему безверие, не разви-

вает народную культуру, а внедряет чужеродные образцы поведения, символы и смыслы, не защищает народ от произвола чиновничьей власти, которая тоже в конечном счете выходит из народа и является его частью, а начинает сама бороться за власть или призывать чужеземцев властвовать над нашим народом.

Есть два основных смысла понимания слова «интеллигенция». Они во многом противоположны, и уже поэтому возникают проблемы с оценками социальных явлений, с ними связанными. Первый — это совокупность людей, занятых умственным трудом. Второй — это те, кто относятся к свободным профессиям, так называемая свободная интеллигенция, по мысли ряда социологов, призванная к чистому познанию и не связанная с экономическими интересами³.

В России в дореволюционную эпоху эти группы не разделялись, пока не появилось массовое чиновничество, и только представители высших сословий были образованы. Процесс разделения ускорился в индустриальное советское время с появлением массового образования. Собственно, сегодня очевидно, что интеллигенция в первом смысле не просто связана с народом, а является его частью — это учителя, врачи, административный персонал и др. Интеллигенция во втором смысле — это, как и до революции, представители высших сословий или группы, с ними связанные.

Сущностная особенность нашей истории — быстрое и во многом искусственное создание национальной образованной элиты. Не имея корней в собственной культуре, она всегда находилась по отношению к «своему» на определенной дистанции. Эта дистанция породила высокомерие части интеллигенции по отношению к народу и специфику заботы части интеллигенции о народе: забота отождествилась с борьбой с самодержавной, затем с советской, а сегодня с демократической властью. Но эта дистанция рождала и проявления искреннего и пылкого чувства, а часто и стремление преодолеть эту дистанцию здесь и сейчас. Например, А. Н. Радищев — не революционер, а величайший интеллигент, потому что, будучи дворянином, встал на сторону народа. «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Декабристы, проникнувшись увиденным на Западе, искренне пытались освободить крестьянство, инициировать принятие Конституции и поплавились за это жизнями и судьбами. А позже народник П. Л. Лавров обратился к студенческой молодежи с ре-

¹ Президент Института истории и социальных наук, заведующий кафедрой социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Культурная жизнь современного села», «С думой о России», «История социологии. XIX — начало XX века. Часть 2: Русская социология» (в соавт.), «Демография: учебник и практикум для прикладного бакалавриата» (в соавт.), «Демографическая ситуация в России: риски и перспективы» (в соавт.), «Социология в трудах Николая Ивановича Кареева» (отв. ред.). Президент Петровской академии наук и искусств, член Общественной палаты Санкт-Петербурга, член Союза писателей России. Награжден орденом Дружбы, Почетной грамотой и медалью Парламентского собрания Союза Беларуси и России, Почетной грамотой губернатора Санкт-Петербурга. Отмечен благодарностью Законодательного собрания Санкт-Петербурга за вклад в сохранение исторической памяти, популяризацию чтения, активное участие в культурно-просветительских проектах.

² Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее : сб. ст. / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : РГГУ, 2019.

³ Социологический энциклопедический словарь : на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-координатор Г. В. Осипов. М. : ИНФРА : НОРМА, 1998. С. 107.

чью о неоплатном долге интеллигенции перед своим народом. Народники бросали все, шли в деревни, учили, лечили.

Уже в Советской России возникло совершенно уникальное явление — народная интеллигенция в лице инженеров, учителей, врачей, работников культуры и просвещения. Культурная революция, которая началась «сверху» и была поддержана всем народом, вывела трудовые массы из духовной нищеты переходной эпохи и приобщила к духовным ценностям не только своих предков, но и всего человечества. Во многом именно этим следует объяснить факт Победы СССР в Великой Отечественной войне. Народ снова обрел единство и смысл жизни, снова создавал вдохновляющие шедевры культуры, ему снова было за что на смерть биться с врагом. О подвиге советской интеллигенции в годы войны многое сказано: советская проза, поэзия, музыка, кино, вся деятельность интеллигенции была посвящена одной цели.

Тем не менее отмеченная выше дистанция сохранилась и в советские годы. Причина этого — особые экономические отношения, которые не могли дать части интеллигенции требуемой ее сущностью свободы. Возникло давление с двух сторон, и так называемые диссиденты сформировали особую контркультуру. Для нее вновь был характерен радикальный разрыв с народом, частично наследуемый из дореволюционного идеологии стран Запада. Характерной особенностью такой культуры является табуирование любой возможности сотрудничества с государством.

В современной России, к сожалению, историческая дистанция между интеллигенцией и народом снова увеличилась. Это связано с тем, что на коротком историческом промежутке перестройки политическая культура диссидентов получила статус победившей «общечеловеческой» истины, и сегодня ей продолжают оказывать мощную поддержку западные элиты. При этом народ России, с точки зрения большей части такой интеллигенции, нуждается уже не в просвещении, а в принудительном лечении от болезней «имперского сознания», «тоталитаризма» и «совка» (!). К несчастью, будучи призванной к взвешенной оценке событий, внимательному отношению к истории и заботе обо всем многообразии русской культуры, эта интеллигенция оказалась полностью неспособна преодолеть собственные исторические комплексы и предрассудки. Возражая одному деятелю такого толка его же словами о России, можно без преувеличения заявить: господа, вы не состоялись как интеллигенция. Не выдержали испытания временем.

Об отношении народа к такого рода интеллигенции красноречиво говорят остро резонирующие в общественно-политическом пространстве случаи публичного общения представителей государственной власти с теми, кто демонстрирует вполне очевидное отношение к СВО. Понятно, что речь идет о давних знакомствах и личных отношениях, но такие связи сегодня видятся неестественными, так как именно государство призвано обеспечивать общенациональное единство в тяжелые для страны времена.

Протестующая часть интеллигенции не может осознать, что близость к народу в сегодняшней ситуации заключается в следовании за ним и неминуемом сближении с государством. Да, в некотором смысле эта позиция неестественна для интеллигенции как социальной группы, но в то же время возможна, так как мы говорим о группе, более других рефлексивной и способной проявлять гибкость. Но нельзя не понимать, что сегодня, когда внешние вызовы вновь создали прочный союз народа и государства, когда государство со скрипом, будто против желания, начинает все силы отдавать на защиту находящейся под угрозой целостности российского общества и русской культуры, иная позиция попросту разрушительна. Как можно в условиях угрозы существованию самой России продолжать делать вид и убеждать кого-то в том, что главный враг народа — власть? Это же касается политической интеллигенции, так называемой несистемной оппозиции, как правой, так и левой. При всех идеологических разночтениях здесь нужно твердо занимать позицию здравого смысла. Если не будет России, то не будет ничего — не только власти, культуры и народа тоже не будет.

Учитывая экзистенциальный статус актуальных событий и большой авторитет творческой интеллигенции (режиссеры, журналисты, писатели, блогеры, артисты, продюсеры и т. п.) среди молодежи, не будет преувеличением сказать, что позиция интеллигенции и ее ответственность в конечном итоге имеют значение для страны с точки зрения ее национальной безопасности. Это касается не только геополитических вопросов, но и проблем национально-ориентированного образования, духовно-нравственного и патриотического воспитания, демографии. Особо отмечу последнее. Наш коллектив давно занимается этими проблемами, и здесь нет места для их подробного обсуждения. Но приведу один пример. Известный наш полевой командир, чеченец по национальности, недавно высказался буквально: солдат, если идешь в отпуск, — перед тем как вернуться, сделай ребенка. Он подчеркнул, что вымирание русского народа как государствообразующего невыгодно для всех народов России. Остается задать вопрос, звучат ли подобные высказывания русской творческой интеллигенции, ее известных и авторитетных среди молодежи представителей? Вместо этого мы наблюдаем как популярные новые эмигранты снимают фильмы, в которых всячески пытаются показать прелести жизни где угодно, кроме России, а наши внутренние конформисты продолжают пропагандировать на федеральных каналах гей-культуру, культ личного обогащения и материальных ценностей. Остается надеяться на то, что СВО стимулирует внутренние сдвиги в российском обществе: появится новая национально-ориентированная интеллигенция, в том числе народная, из людей, участвующих в боевых действиях. Но эти ростки пропадут втуне без изменений культурной политики государства, которая до сих пор ориентируется на либеральную элиту, владеющую основными активами в бизнес-сфере культуры.

Обращу внимание и на то, как отличаются подходы к роли интеллигенции в обществе среди ее научной части. Вот определение интеллигенции из словаря

авторитетного российского социолога С. А. Кравченко: «социальная группа российского общества XIX — конца XX века, представители которой искали решения социальных и политических проблем посредством моральных принципов, а также видели свою миссию в исполнении нравственного долга перед народом»¹. Таким образом автор, ученый и, очевидно, представитель интеллигенции, утверждает, что в настоящем и будущем для интеллигенции места нет, этого явления уже не существует! А ведь тем самым, по сути, утверждается и полный отказ от попытки найти точки соприкосновения между разными социальными группами, людьми разного труда, народом и властью.

Ученые Петровской академии наук и искусств занимают позицию, противоположную вышеназванной. Интеллигенция не просто не перестанет существовать, а, напротив, должна стать ведущей социальной группой нового общества, которое известный ученый А. И. Субетто называет научно-образовательным. «Научно-образовательное общество более ем-

кое, содержательное понятие, чем „информационное“ или „цифровое общество“. Оно есть такое общество, в котором образование становится „базисом базиса“ духовного и материального воспроизводства, а наука представляет собой не только производительную силу (по К. Марксу), но и „силу управления“, беря на себя ответственность за эффективность научного управления социоприродной эволюцией»². Очевидно, что в таком обществе ключевую роль будет играть ответственная интеллигенция, ее численность в социуме будет пропорционально увеличиваться, а влияние в сферах экономики, политики и управления — возрастать.

Очевидно и другое. Российское общество будущего сегодня создаем мы. Каждый из нас, если мы считаем себя интеллигенцией, сегодня должен оставить позади личные амбиции, идеологические дрязги и вкусовщину и сплотиться с государством вокруг одной цели — защитить народ нашей страны, его культуру и историю от угрозы тотального уничтожения и поглощения глобализацией.

А. П. Гаврилюк³

ПРОЦЕСС АКТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Известно, что в результате глобализации мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Происхождение самого слова «глобализация» указывает нам на то, что главную роль в данном процессе играет активный рост международной торговли, происходящий на разных исторических этапах. Слово «глобализация» (в значении «интенсивная международная торговля») впервые употребил Карл Маркс в конце 1850-х годов: «Теперь мировой рынок существует на самом деле. С выходом Калифорнии и Японии на мировой рынок глобализация свершилась»⁴.

Экономика, как известно, очень тесно связана с политикой. В 1991 году, после распада Советского Союза Соединенные Штаты Америки стали гегемоном в мировой политике и за 30 лет своего господства сумели подчинить себе многие страны мира. В первую очередь это было сделано посредством экономического влияния — через резервную валюту доллар, поддерживае-

мую как специально созданными организациями (ВТО, ФРС, МВФ и др.), так и рядом государств Персидского залива, которые осуществляли продажу нефти за доллары. Это, несомненно, указывает на усиление глобальных экономических процессов, укрепление мирового рынка. Однако сегодня, в 2023 году, происходят немислимые еще в начале XXI века события, которые явно говорят о том, что де-факто США теряют свое господство и глобальный мир, по сути, разрушается. Рассмотрим лишь несколько событий-маркеров последнего времени, которые явно указывают на этот, можно сказать, почти свершившийся факт.

В декабре 2022 года известный политик Олег Царев написал в своей статье, что в ходе визита Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию были подписаны десятки соглашений в области энергетики, безопасности и инвестиций на общую сумму в 30 млрд долларов, а самым интересным вопросом визита стали переговоры о переходе в расчетах за поставки нефти на юани: «Иза санкций Москва активно переводит свои взаиморасчеты на национальные валюты. Так, например, недавно объявлено, что Россия и Китай переходят на национальные валюты (рубли и юань в пропорции 50 на 50) в расчетах не только за газ, что было сделано ранее, но и за нефтепродукты. Новак сказал, что торговый оборот в энергетике вырос примерно на 64 % в денежном выражении, и очевидны перспективы дальнейшего роста оборота»⁵.

Несомненно, что если даже часть сделок между Саудовской Аравией и Китаем будет проводиться в юанях, то это принесет пользу всем, кроме гегемо-

¹ Кравченко С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2004. С. 144.

² Воронцов А. В., Субетто А. И. Россия и мир в XXI веке: наука, культура и образование как ведущие механизмы стратегии выхода из экологического тупика истории. Меморандум XI съезда Петровской академии наук и искусств. СПб.: Астерион, 2021.

³ Профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, кандидат искусствоведения. Автор более 65 научных публикаций, в т. ч.: «Приспособление при создании актером художественного образа», «Терминология в современных ток-шоу», «Вызовы времени и творческая профессия звукорежиссера телевидения», «Реальное и ирреальное в творческом процессе режиссера мультимедиа», «Проблемы обучения актерскому искусству» и др. Член Союза театральных деятелей РФ. Лауреат международных кинофестивалей «Крылатый барс» и Zilant.

⁴ Аттали Ж. Карл Маркс. Мировой дух. М., 2008. С. 192.

⁵ Олег Царев // Telegram. URL: <https://t.me/olegtsarov/4345> (дата обращения: 10.04.2023).

на США. «Кронпринц Саудовской Аравии сообщил, что Китай и страны Персидского залива обсуждают создание общей зоны свободной торговли. Сегодня же в Бишкеке руководители стран ЕАЭС решили начать переговоры о соглашении о свободной торговле с ОАЭ. Партнерство России с Саудовской Аравией в рамках ОПЕК+, перспективы вступления в БРИКС Турции, Египта и Саудовской Аравии, а также расширение ШОС — просматривается совершенно новый вектор развития мироустройства, независимый от США»¹, — заключает свою статью Олег Царев. С его мнением нельзя не согласиться.

Известный военный обозреватель Михаил Онуфриенко со ссылкой на статью «Россия и БРИКС могут сделать громкое заявление в сентябре» журнала *Forbes* пишет: «Аналитики *Forbes* считают, что в сентябре на ежегодной встрече членов БРИКС (Бразилия, РФ, Индия, Китай, Южная Африка) произойдет событие колоссального масштаба — Россия вместе с партнерами официально объявит о вступлении Саудовской Аравии в БРИКС. Это означает, что старый порядок в отношении торговли сырой нефтью перестанет существовать»². Также известный военный аналитик Юрий Подоляка отмечает: «Те страны, которые Вашингтон и Лондон ссорили на протяжении десятилетий, находят общий язык. Кстати, Саудовская Аравия параллельно и также впервые за много-много лет собирается пригласить президента Сирии Башара Асада принять участие в очередном заседании Лиги арабских государств. И это очень здорово. Это большой гвоздь (два гвоздя) в гроб умирающего мироустройства»³.

Приведем комментарий еще одного популярного журналиста — Руслана Осташко, который, анализируя статью журнала *The Wall Street Journal*, пишет, что директор ЦРУ не доволен сближением Саудовской Аравии с Ираном: «Уильям Бернс посетил Саудовскую Аравию на этой неделе и „выразил разочарование действиями королевства“... „Он сказал кронпринцу Саудовской Аравии Мухаммеду бен Салману, что США были ошарашены восстановлением отношений Эр-Рияда с Ираном и Сирией — странами, которые по-прежнему находятся под жесткими санкциями Запада“, — пишет газета. Да как смеет Ближний Восток идти по пути мира! ЦРУ не разрешало»⁴. Разные эксперты и аналитики сходятся во мнении, что поведение руководства Саудовской Аравии явно раздражает США, однако при этом саудиты не прислушиваются к их мнению, чего мы не наблюдали ранее, и действуют исключительно в интересах своей страны. Гегемон США явно не является для них теперь авторитетом, значит, не такой уже теперь США гегемон? Как считает известный экономист Михаил Хазин, тот факт, что Джо Байден не едет на коронацию принца Чарльза, так-

же говорит о том, что США условно не могут стукнуть кулаком по столу и указать место Англии в нынешней ситуации»⁵.

Еще примечателен тот факт, что успешная посредническая миссия Китая в саудовско-иранском переговорном процессе (при участии Пекина Тегеран и Эр-Рияд впервые за долгое время достигли существенного дипломатического прогресса, одним из результатов которого явилось близкое урегулирование конфликта в Йемене) выводит КНР в мировую политическую повестку, чего также не было ранее. А значит, Китай открыто заявляет о себе как о самостоятельной и независимой державе в политических вопросах, без оглядки на гегемона США.

И, конечно, визит лидера Китая Си Цзиньпина в Москву также говорит о том, что появляются центры силы, которые устанавливают правила игры без оглядки на США. Не случайно, прощаясь с Президентом РФ Владимиром Путиным, лидер КНР сказал: «Сейчас идут перемены, которых не было в течение ста лет. Когда мы вместе, то мы двигаем эти перемены»⁶.

Очевидно, что Китай поддерживает Россию по ряду стратегически важных вопросов, при этом имея свое независимое мнение. А отношение к некоторым европейским политикам — однозначно негативное — китайцы смело продемонстрировали. Например, председатель Европейской комиссии «Урсула фон дер Ляйен покидала КНР через обычный терминал в аэропорту — с досмотром багажа и проверкой паспорта. Таким образом китайцы указали чиновнице на ее статус и что они думают о ее предложениях»⁷.

После недавнего визита в Китай президент Франции Эмануэль Макрон заявил, что «Европа должна уменьшить свою зависимость от Соединенных Штатов в отношении оружия, энергии и „экстерриториальности“ доллара США»⁸, а лидер фракции Социал-демократической партии Германии в бундестаге Рольф Мюнтценх поддержал президента Франции и заявил, что «Германия не должна выставлять себя придатком США...»⁹. В этом же ключе высказался недавно и бразильский президент Лула да Силва, «во время визита в Китай призвал развивающиеся страны отказаться от доллара в международной торговле в пользу национальных валют»¹⁰. Нельзя не заметить очевидного — прежнее мироустройство претерпевает серьезные изменения, о чем также заявляет бывший президент США Дональд Трамп: «Я вынужден констатировать, что в США царит беспорядок. Наша экономика рушится. Инфляция вышла из-под контроля... Наша ва-

⁵ Комментарий к текущим событиям от 11 апреля 2023 года // *khazin.ru* : [сайт]. URL: <https://khazin.ru/kommentarij-k-tekushhim-sobytiyam-ot-11-aprelya-2023-goda/> (дата обращения: 11.04.2023).

⁶ Си Цзиньпин — Путину: Сейчас идут перемены, которых не было 100 лет // *RG.RU* : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2023/03/21/si-czinpin-putinu-sejchas-idut-peremeny-kotoryh-ne-bylo-100-let.html?ysclid=lj6uv3jyqb795480411> (дата обращения: 29.03.2023).

⁷ Насправди // *Telegram*. URL: <https://t.me/naspravdiinfo/68978> (дата обращения: 10.04.2023).

⁸ *Colonelcassad* // *Telegram*. URL: https://t.me/boris_rozhin/82597 (дата обращения: 11.04.2023).

⁹ *Соловьев* // *Telegram*. URL: <https://t.me/SolovievLive/170940> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁰ *Мир в Моменте* // *Telegram*. URL: <https://t.me/MIrvMomente/23433> (дата обращения: 14.04.2023).

¹ Олег Царев // *Telegram*.

² *Forbes*: Россия и БРИКС могут сделать громкое заявление в сентябре // *ONUFRIENKO.SU* : [сайт]. URL: <https://onufrienko.su/novosti/19527/> (дата обращения: 31.03.2023).

³ Мир сегодня с «Юрий Подоляка»: Однополярный проамериканский мир стремительно превращается... в новую реальность // *Telegram*. URL: <https://t.me/yurasumy/8205> (дата обращения: 19.04.2023).

⁴ Осташко! Важно // *Telegram*. URL: <https://t.me/OstashkoNews/64131> (дата обращения: 10.04.2023).

люта рушится и скоро перестанет быть мировым стандартом, что станет нашим величайшим поражением за 200 лет»¹. Также факт визита главы МИД Саудовской Аравии в Сирию стал очередным шагом к примирению стран Ближнего Востока, отношения между которыми находились в затяжном кризисе. На этом фоне ряд экспертов отмечают, что это еще одно свидетельство колоссального сдвига баланса сил в мире, в том числе ослабления позиций Запада².

Нельзя не согласиться с мнением военного аналитика Юрия Подоляки в том, что 2023 год будет трудным: «Снос старой системы мироуклада втягивает в горнило турбулентности и войн все новые и новые страны. События в Израиле, уже практически предрешиенный майдан в Турции, попытки поджечь Закавказье, все это последствия начавшейся открытой борьбы за новый миропорядок. И на этом фоне робкие проблески надежды в виде соглашений между Ираном и Саудовской Аравией, протесты против политики Макрона во Франции и большой оптимизм на будущее ввиду того, что, пусть и пассивно, нас в этом конфликте поддерживает подавляющая часть человечества. И это

внушает уверенность, что все в конечном итоге будет хорошо. Хотя год будет очень трудным. Глобалисты сделают все, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. И нам всем надо этот год (и вероятно еще следующий) просто выстоять. „Нам всем“, это 4/5 всего человечества»³.

Автор данной статьи, будучи несколько лет подряд постоянным подписчиком на канал известного экономиста Михаила Хазина, который часто в своих комментариях и выступлениях говорит о распаде мира на валютные зоны⁴, а также проанализировав последние статьи разных аналитиков, приходит к выводу, что глобальный мир претерпевает радикальные изменения. Очевидно, что этот очень активный, можно сказать, стремительный процесс происходит прямо у нас на глазах. Вопрос действительно только во времени (продлится год или годы), но факт серьезных изменений — это объективная реальность. Нам же нужно понимать, анализировать данные процессы с тем, чтобы выстроить взаимодействие с другими странами на современном этапе с учетом собственных национальных интересов.

Ю. Д. Гранин⁵

РОССИЯ КАК «САМОБЫТНОЕ ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ». КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗАПАДУ

Стратегическое противостояние России и Запада длится более полутора десятилетий. Но до недавнего времени этот по сути экзистенциальный конфликт в официальных российских документах интерпретировался преимущественно в категориях геополитики и мир-системного анализа. Даже начавшаяся 24 февраля 2022 года специальная военная операция на Украине не изменила ракурса видения. Потребовалось больше года, чтобы «коллективизация Запада» и развязанная им тотальная гибридная война были осознаны как реинкарнация многовековой, массовой англосаксонской и романо-германской русофобии. За нарастающими поставками вооружений, экономическими, политическими, научно-техническими и другими санкциями против нашей страны отчетливо проступил *конфликт*

евро-атлантической и российской цивилизаций — сегодняшних геоэкономических, геокультурных и геополитических многомиллионных сообществ с разными представлениями о порядках совместной жизни народов и разным ценностно-смысловым каркасом, определяющим видение справедливого мироустройства. И только тогда цивилизационный статус России получил официальное признание высшим руководством страны.

31 марта 2023 года президент Владимир Путин подписал Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», п. 4 которой определяет Россию как «самобытное государство-цивилизацию», как «обширную евразийскую и евро-тихоокеанскую державу, сплотившую русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» (курсив мой. — Ю. Г.). Что такое государство-цивилизация, культурно-цивилизационная общность и Русский мир — не поясняется. Между тем новая Концепция внешней политики РФ, будучи одним из ключевых документов стратегического планирования и действия, становится реальным фактором изменения системы международных отношений, а употребленные в концепции понятия и квалификации России и Русского мира — частью российского политико-политологического дискурса. Как к этому отнестись?

Думаю, позитивно. Ведь до недавнего времени теоретические позиции «цивилизационщиков» среди обществоведов оценивались, мягко говоря, как весьма спорные. До сих пор в работах наших коллег по акаде-

¹ Пул № 3 // Telegram. URL: <https://t.me/dimsmirnov175/46731> (дата обращения: 19.04.2023).

² РИА Новости // Telegram. URL: https://t.me/rian_ru/200199 (дата обращения: 19.04.2023).

³ Мир сегодня с «Юрий Подоляка»: Трудный будет год // Telegram. URL: <https://t.me/yurasumy/8207> (дата обращения: 08.04.2023).

⁴ Статьи и видео: <https://khazin.ru/articles/> (дата обращения: 20.04.2023).

⁵ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор 212 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация, нации и национализм. История и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ», «Нации и национализм. Теория и история» и др.; статей: «„Цивилизация“ и цивилизационная эволюция России», «Бесконечная имперскость России. Цивилизационное измерение», «„Остров Россия“ Вадима Цымбурского и геополитический проект „Большая Евразия“», «Имперский характер России: исторический тупик или „окно возможностей“?» и др. Член Союза журналистов России.

мическому цеху бытует мнение о необходимости либо вовсе исключить понятие «цивилизация» из научного дискурса в силу «многозначности» и «смутности» его содержания¹, либо, если и сохранять оное, то лишь по-смотрев «на цивилизации как на „воображаемые сообщества“, по своему масштабу занимающие промежуточное положение между отдельными нациями и всем человечеством»².

Обе точки зрения неубедительны. Цивилизации — это не только «воображаемые», но и реальные сообщества, а многообразие интерпретаций терминов в науке (науках) вполне естественно. Но верно то, что цивилизационный подход к анализу всемирной истории нуждается в развитии, а концепт «цивилизация», дабы его можно было использовать не только в качестве философско-исторического, но и аналитического понятия, — в конкретизации. На философско-историческом уровне анализа цивилизация может быть определена как понятие «для обозначения разнообразия **культурно-исторических типов развития** экономически и политически связанных **больших сообществ людей и/или их совокупностей (общностей)**, субъективно-символически интегрированных в относительно единое целое посредством исторического и социального воображения, культурных смыслов, ценностей и норм, которые служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей»³. Такие общности имеет смысл рассматривать как процессы и состояния. В каждый отдельный момент цивилизации, рассматриваемые как большие, но неоднородные сообщества, характеризуются определенным *состоянием общественных* (политических, экономических, культурных и т. д.) *порядков совместной жизни* для ряда народов (этносов), обитающих на их территориях. Но это состояние не статично, оно меняется в процессе модернизаций и социальных революций.

В ранее опубликованных работах я подробно анализировал этот вопрос, обращая внимание на культурную и этническую разноликость цивилизаций, их довольно сложную структуру: наличие «*центрального ядра*» цивилизации — «*основного народа*», «*официального языка межэтнического общения*» и созданной на его основе *доминантной транскультуры* (от лат. trans — сквозь, через, за) и корреспондирующей с ней *исторической метаидеологии* — вырабатываемой и распространяемой религиозными и светскими интеллектуалами совокупности концептуально оформленных *сакральных и светских представлений и идей о месте цивилизации* (территориально большого и этнически многообразного сообщества людей) *на «шкале истории»*, которая соотносит государственное строительство этого сообщества, его социальные предпочтения, «высокую (ядерную) культуру» и «стиль жизни» с предполагаемым трансцендентным назначением че-

ловечества. Так в пространстве большого сообщества формируется «*картина (модель) мира*» (природного и социального) как упорядоченной целостности, соответствующие ей и господствующим практикам смыслы, ценности и нормы жизни. Она выступает формой санкционирования цивилизации как наилучшего политического, социального и иного порядка совместной жизни, формирует, не устраняя различий интересов и воззрений, *общее для всех видение своего места в истории, представление об «общности» исторической судьбы и совместного проживания разных социальных групп и народов в одном государстве*⁴.

Разумеется, структура цивилизаций этим перечнем не исчерпывается. Но важно подчеркнуть ее институциональное измерение: цивилизация — это не только «оплотневшая» в центральном ядре, кристаллизовавшаяся в экономических и иных практиках доминантная культура и корреспондирующая с ней метаидеология, но и некое *социокультурное целое, образованное соединением «культурного ядра» со многими социальными институтами и закрепленное ими*. Помимо системы образования самым важным из таких институтов становилось государство, которое, в свою очередь, оказывалось политической формой организации и распространения цивилизации. Развитие государства — то, что всегда было фундаментальным отличием цивилизаций от остального «варварского» мира, где кочевые и оседлые сообщества имели (и имеют) в лучшем случае протогосударственные формы политической организации. А наиболее успешной государственной формой и фактором распространения цивилизаций на большие пространства во многих регионах были самые крупные государственные образования — империи, которые лучше называть универсальными государствами.

О всемирно-историческом значении империй и имперско-цивилизационных комплексов для процессов глобализации и цивилизации человечества я писал ранее. Здесь же вновь следует подчеркнуть необходимость анализа цивилизованных форм (моделей) совместной жизни на территории той или иной страны в горизонте их исторической динамики и преемственности. Когда мы говорим, например, о современном Китае как стране-цивилизации, мы должны понимать, что нынешняя КНР в ее современных границах является *инобытием предшествующих форм цивилизационного развития*. Иными словами, сегодняшний Китай является политически и социокультурно воплощенным наследником многих форм цивилизационного развития, последовательно сменявших друг друга на протяжении известной нам истории. То же самое мы можем сказать о России, когда рассматриваем ее в историческом диапазоне от Киевской Руси до современности.

Изучая становление и развитие Великого княжества Московского, Российской империи и СССР, мы должны не забывать об их исторической преемственности и о том, что они получили несколько цивилизационных воплощений: *православную цивилизацию Московского царства (XVI–XVII вв.), цивилизационную псевдомор-*

¹ Тишков В. Нация, национализм и нацистроительство // Россия в глобальной политике. 2021. № 2. Март/апр. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nacziya-nacjonalizm> (дата обращения: 29.06.2023).

² Летяков Д. Э. Цивилизации как «воображаемые сообщества». К конструктивистской критике цивилизационной теории // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. XXI, вып. 3. С. 65.

³ Гранин Ю. Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 37.

⁴ См.: Гранин Ю. Д. Имперский характер России: исторический тупик или «окно возможностей»? // Журналист. Социальные коммуникации. 2022. № 3 (47). С. 85–104.

фозу империи Романовых (XVIII — середина XIX в.), гибридную цивилизацию современного типа в России перед Первой мировой войной и советскую цивилизацию, представляющую альтернативный Западу тип современного развития.

Судьба этой цивилизации, распространившей свое влияние далеко за пределы СССР, с ее панидеей глобального превосходства и метаидеологией построения коммунизма, известна. Современная Россия, безусловно, наследует ей. Но у нее все еще нет долгосрочной цели развития, понимания его характера и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Будучи инобытием предшествующих исторических форм (моделей) цивилизационного развития, она, как и другие цивилизации, характеризуется исторически конкретными, но изменяемыми состояниями общественных (политических, экономических, культурных и т. д.) порядков совместной жизни, причудливо сочетая элементы социальной архаики, социалистического прошлого и западной современности. Аналогичными характеристиками обладает нынешний Китай, также преодолевший большой путь по «лестнице» цивилизаций, но теперь демонстрирующий впечатляющие успехи социально-экономического и научно-технического развития.

Как и в России, в экономическом пространстве Китая представлены разные хозяйственныеклады: архаический (аграрный), устаревающий (индустриальный) и перспективный (информационный). Существуют частный и государственный, рыночный и административно-плановый способы производства. А экономическая мозаичность сочетается с культурной гетерогенностью: языковым многообразием, полиэтничностью и многоконфессиональностью. Но ценностно-смысловой каркас этой цивилизации не эклектичен, а целостен. Он замыкается в контур, граница которого очерчена восходящим к идеям Дао (пути) конфуцианским философско-религиозным мировоззрением (с ключевой для него идеей соответствия «небесного» и «земного» как упорядоченной целостности) и соответствующим ему «рационализмом».

Этот конфуцианский рационализм вырастает не из характерного для Европы базового противоречия между трансцендентным и мирским порядками, а из идеи их гармоничного соответствия. Отсюда особая китайская стратегия жизни как эволюции, предполагающая выбор не лобового, а обходного пути, поиск компромисса и иносказания как основного принципа политического действия и дипломатии. С этой страте-

гией корреспондирует представление о китайском народе как о большой семье и государстве как «поднебесной империи», не случайно названной после 1949 года «срединной цветущей страной всеобщей гармонии народа». Поэтому социалистический период Китая рассматривается элитами и большинством населения как продолжение великого пути, а однопартийность — как историческая форма естественной иерархии общественного устройства¹.

В этом Китай принципиально отличается от России, которая до сих испытывает синдром культурной шизофрении: осознает себя то «русской Европой», то «Азией» (Н. Милуков), то «евразийской державой». В политическом классе первая самоидентификация преобладает. Поэтому в экономике, политике, образовании и культуре все еще сильно идеология западоцентризма и космополитизма, слаб российский патриотизм, а значит, отсутствует консенсус властных и экономических элит по поводу цивилизационной модели развития России. Их разногласия подогреваются научными спорами о том, что собой представляет Российская Федерация: национальное (европейское) государство, государство-цивилизацию или бесконечную империю².

Думаю, специальная военная операция на Украине завершится присоединением Новороссии к исторической России, и она вновь войдет в те органичные для нее границы «месторазвития» великорусского этноса, которые имела в начале XIX столетия. Дальнейшие территориальные приобретения ей не нужны и, думаю, противопоказаны. Начиная с XVII столетия все военные угрозы России шли с Запада. Поэтому теперь, гася «пылающий западный фронт» и не забывая о поддержке и расширении Русского мира на сопредельных территориях, она открывает для себя новые горизонты стратегического развития.

Планируя его перспективы, не стоит впадать в грех имперского мессионизма. В области внутренней политики следует сосредоточиться на комплексном развитии Арктики, Сибири и Дальнего Востока, а в сфере международных отношений — на политике гибких альянсов, не отдавая предпочтения ни одному вектору взаимодействия. Эпоха российских надежд на Большую Европу «от Атлантики до Владивостока» канула в Лету, а время «Большой Евразии» неизвестно когда наступит. Поэтому в обозримом будущем перспективно придерживаться стратегии опоры на собственные ресурсы и равноудаленности от основных центров силы.

¹ См.: Гранин Ю. Д. Новая форма глобализации и цивилизационная специфика России // Век глобализации. 2021. № 2 (38). С. 3–16.

² См.: Гранин Ю. Д. Бесконечная имперскость России. Цивилизационное измерение // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 76–86.

Е. С. Дашкова¹

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Труд и социально-трудовые отношения играют ключевую роль в жизнедеятельности человека, определяя развитие любого общества². В первой четверти XXI века система социально-трудовых отношений претерпела кардинальные изменения под воздействием мощного влияния таких глобальных факторов, как серьезные геополитические перестройки, сопровождающиеся ростом политической нестабильности, распространением локальных конфликтов и войн; глубокие преобразования в структуре ценностных ориентиров общества; нарастающие социокультурного неравенства³; пандемия COVID-19, спровоцировавшая беспрецедентные ограничения во всем мире; масштабное и ускоренное развитие цифровизации. В результате глубокие трансформационные процессы в системе социально-трудовых отношений имели следующие проявления:

1) масштабное распространение и активное развитие нестандартных форм занятости, актуализация феномена precarious занятости⁴. Экспертное сообщество отмечает, что на сегодняшний день наряду с такими нестандартными формами занятости, как неполная, непостоянная (временная), сверхзанятость, самозанятость, широко используются следующие новые формы: дистанционная, агентская, платформенная занятость и их модификации. Интенсивное распространение данных форм занятости, существенно отклоняющихся от стандарта, не только имеет позитивные последствия, проявляющиеся в увеличении гибкости трудовых отношений и возможности выбора баланса рабочего времени и досуга, но и сопровождается серьезными негативными проявлениями, а именно правовой и социальной незащищенностью, рисками карьерных стратегий, трудовой демотивацией и, как следствие, снижением производительности труда;

2) виртуализация и сетизация рабочего пространства концептуально трансформировали организацию труда. Важнейшим катализатором данных преобразований, на наш взгляд, стала пандемия COVID-19, ко-

торая стимулировала активное внедрение сетевых цифровых технологий и вертикальную и горизонтальную интеграцию производственных процессов. В результате происходят изменения в содержании труда, появляется новая логика в организации трудовых процессов на основе сочетания автономности, горизонтальной мобильности и проектной деятельности трудовых команд⁵. Под воздействием цифровых технологий предметом труда все чаще выступает исходная информация, средствами — компьютерные технологии и компетенции работников, а результатом — информационный продукт. Обозначенные преобразования в организации труда имеют определенные достоинства и недостатки: с одной стороны, происходит повышение эффективности и гибкости трудовых процессов, развивается трудовая мобильность, формируется мультикомпетентный, креативный работник и наращивается человеческий капитал; с другой стороны, снижаются лояльность и сплоченность работников, а также качество коммуникационного взаимодействия, возникают риски развития барьеров «восприятия»;

3) увеличение многообразия и гибкости систем вознаграждения персонала как ответная реакция на обозначенные выше изменения в содержании и характере труда. Современные системы материального вознаграждения базируются на оценке деятельности работников в целях объективной и справедливой «привязки» результатов труда и его оплаты. Широкое распространение получили система оплаты труда с использованием коэффициента его стоимости, экспертная система оценки результатов труда, коммиссионные (PFP-системы), SBP-системы, системы KPI и др. Активно расширяется и спектр нематериальных способов вознаграждения работников: внедряются механизмы непрерывного обучения и развития кадров, в том числе с использованием цифровых технологий, программы поддержки здоровья и борьбы с профессиональным стрессом, стимулирование свободным временем и «банк времени», предоставляются возможности креативного решения профессиональных задач, формируются менее дистанцированные отношения между руководством и подчиненными. Многообразие и гибкость современных систем вознаграждения работников оказывают позитивное воздействие на развитие социально-трудовых отношений, но при этом возникают сложности их восприятия со стороны работников, а в некоторых ситуациях и непонимание взаимосвязи между результатами труда и вознаграждением;

4) кардинальные изменения претерпевают кадровые политики, которые в условиях проведения СВО и выхода на рынок труда нового поколения Z, не ориентированного на активную трудовую деятельность, реализуют стратегии удержания персонала, продления

¹ Заведующая кафедрой экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук, доцент. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч.: «Современные системы вознаграждения персонала», «Инновационные подходы к управлению мотивацией персонала», «Партиципативность как частный принцип построения, функционирования и развития инновационных систем стимулирования работников», «Управление системой стимулирования работников: теоретические подходы», «Гибкая занятость: глобальный, российский и региональный аспекты» (в соавт.), «Методика оценки эффективности системы стимулирования работников сферы здравоохранения», «Траектория развития социального партнерства» (в соавт.) и др. Член редколлегии журнала «Современная экономика: проблемы и решения».

² Корогодин И. Т. Изменение трудовых отношений при переходе к цифровой технологии // Экономика труда. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-trudovyh-otnosheniy-pri-perehode-k-tsifrovoy-tehnologii> (дата обращения: 10.05.2023).

³ Латин Н. И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии // Вопросы философии. 2021. Т. 4. С. 3–15.

⁴ Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Весь мир, 2021.

⁵ Савельева Е. А. Цифровая организация труда: направления, принципы, подходы // Экономика труда. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-organizatsiya-truda-napravleniya-principy-podhody> (дата обращения: 11.05.2023).

трудовой активной жизни «поколения 40+», обучения и переобучения персонала¹. Серьезными препятствиями при разработке и правильном выборе стратегических ориентиров в кадровой работе становятся высочайшая степень неопределенности, изменчивости и сложности факторов внешней среды.

Обозначенные трансформационные процессы в системе социально-трудовых отношений являются зако-

номерной реакцией на глобальные вызовы. При этом нивелировать негативные последствия данных трансформаций можно с помощью развития и укрепления социального партнерства в сфере труда, а именно путем расширения практики партисипативного управления и модификации его форм, активного вовлечения образовательных и научных сообществ в решение проблем, возникающих в социально-трудовой сфере.

М. И. Козьякова²

QUO VADIS: ОТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР К ПРОТИВОСТОЯНИЮ РОССИИ И ЗАПАДА

Эмерджентные и радикальные перемены, происходящие в конце XX — первых десятилетиях XXI века, нарушают устойчивость среды обитания: на место предсказуемого, значимого мира приходит мозаичное многообразие спонтанных вариаций, не поддающихся каким-либо прогностическим процедурам. Тем не менее вопрос о будущем мироустройстве становится все более значимым, а перспективы развития цивилизаций превращаются в проблемное поле социальной философии и культурологии. От диалога до противостояния: путь, пройденный за последние 10 лет, привел к трагическим результатам — к санкциям, «отмене» русской культуры, угрозе национальной безопасности, СВО. Тем более важным представляется анализ причин, истоков, обстоятельств этой катастрофической событийности.

Цивилизация Запада (техногенная, новоевропейская — термин по классификации В. С. Степина) оказалась невероятно динамичной и успешной. «Этот тип развития дал человечеству множество достижений в сфере технологического прогресса, новой медицины, обеспечивающей продление человеческой жизни, улучшение качества жизни в странах с высоким уровнем экономического развития. И до середины XX века господствовало убеждение, что именно на этом пути человечество достигнет процветания и что страны Запада находятся в авангарде движения к лучшему будущему человечества»³. При этом, правда, апологеты

данного «просперити» старались не замечать, что эти достижения были получены за счет беспощадного грабежа многочисленных колоний, эксплуатации и гибели их аборигенного населения. Помимо существования колониальных империй, за respectable обложкой западного проекта «демократии и прогресса» скрывались и другие скелеты в шкафу. К не менее позорным страницам средневековой европейской истории, подготовившим экономический и политический экспансионистский триумф Нового времени, относятся Крестовые походы XI–XIII веков, инквизиция и охота на ведьм, уничтожение политических и религиозных противников правящей элиты, тоталитарные практики, обращенные к низшим сословиям. Запад, ничуть не стыдясь и не скрывая высокомерия, создает идеологему превосходства «белого человека», которому Богом и судьбой предназначено «цивилизовать» варварское население «остального», «незападного» мира, так называемого Rest.

Rest — это термин, которым обозначают все незападные общества. Он получил широкое распространение после опубликованной в 1994 году статьи С. Хантингтона «Clash of civilizations?». В ней автор выдвинул формулу, ставшую в некоторой степени лозунгом: «West against the Rest» — «Запад против всех остальных» (англ.). Данный концепт стал активно использоваться для определения не только цивилизационного, но и экзистенциального противостояния, поскольку Rest и в наше время однозначно характеризуется как варварская периферия.

Трансформация чуждости во враждебность имеет давнюю историю. Европейцы эпохи Ренессанса воспринимали население новых земель как отсталое и варварское. Они искали золото и считали все вокруг своей законной добычей. В это время в Европе происходил процесс первоначального накопления капитала, и европейцы прекрасно понимали значение такой категории, как «собственность». Она была чрезвычайно важна для них, потому что определяла их благополучие, перспективы развития, возможность дальнейшего обогащения.

Местные жители, не обладавшие столь развитым чувством собственности, присущим европейцам, не понимавшие ее смысл, по мнению завоевателей из Старого Света, явно находились на более

¹ Кочетов Д. Вызовы в кадровой политике 2023. Какие инструменты эффективны с текучкой кадров сегодня // PROКачество : [сайт]. URL: <https://kachestvo.pro/kachestvo-upravleniya/instrumenty-menedzhmenta/vyzovy-v-kadrovoy-politike-2023/> (дата обращения: 05.06.2023).

² Профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (института) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук. Автор более 80 научных публикаций — статей, монографий и учебных пособий, в т. ч.: «Эстетика повседневности: материальная культура и быт Западной Европы 15–19 веков», «История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от Античности до XX века», «Исторический этикет», «Русский мир: фундаментальные проблемы современности», «История культуры. Европейская культура от Античности до XX века: Запад и Россия», «Повседневность Средневековья» и др. Член Московского отделения Российского культурологического общества. Эксперт РАН.

³ Степин В. С. [Выступление на панельной дискуссии] // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 259.

низком, варварском уровне и не могли быть равны европейцам. Следовательно, делался вывод, аборигены нуждались в руководстве, которое должен был осуществлять белый человек, более зрелый в социальном и институциональном плане, то есть более цивилизованный. Такова была позиция, фундированная идеологами, защищавшими и обосновывавшими институт частной собственности, например Дж. Локком. По данной теории варварские народы, не имея представления о частной собственности, не способны достичь более высокого — европейского — уровня развития.

Утверждая свою «цивилизаторскую миссию», европейцы опирались на прецедент римского права, где был тезис о *res nullius* — ничейной вещи (*лат.*), то есть вещи, у которой нет законного хозяина. С открытием новых земель в эпоху Великих географических открытий ничейная вещь превратилась в ничейную землю — *terra nullis*. Новая земля как территория просто не имела легального собственника. Этот принцип легитимизировал вытеснение аборигенов с их исконных земель как в эпоху испанских конкистадоров, так и в эпоху «освоения» англосаксами индейских территорий, он работал как на Американском континенте, так и в Юго-Восточной Азии, в Океании.

Казалось бы, все это дела и теории давно минувших дней. Но нет, этот концепт используется и в современной политике. Идея *terra nullis* оживает в современных аргументациях. Например, она фигурирует в монографии Ф. Фукуямы «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке»¹. Изменяя лексику на современную, Ф. Фукуяма распространяет эту идею на реалии XXI века, так называемого Нового американского века. Место «дикарей» теперь занимают «страны-неудачники», «государства-изгои» или же государства с «девиантным, отклоняющимся поведением»; понятно, что последние назначаются распоряжением главного центра этого однополярного мира. Предполагается, что страны, отнесенные к категории нецивилизованных, своим существованием бросают вызов цивилизованному миру и угрожают мировому порядку. Тем самым не только обосновывается вмешательство во внутренние дела суверенных государств под предлогом их реформирования и модернизации, но и оправдывается прямое вооруженное вторжение: в Афганистан, Ирак, другие страны.

Современный дискурс о противостоянии варварства и цивилизации развивается дальше, трактуя Запад как последний оплот в защите цивилизованного мира, а Соединенные Штаты — как некий сияющий град на вершине холма, которому грозит уничтожение со стороны варварских народов. При таком подходе США «возвышаются как Новый Рим... способный сдерживать напор варваров». Эти идеологи поддерживаются не только американскими, но и европейскими высокопоставленными представителями, достаточно вспомнить высказывание Верховного представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля, прозвучавшее не так дав-

но. Он сравнил «привилегированную» Европу с садом, а окружающий ее мир — с джунглями.

Неоколониальная повестка репрезентируется также и практикой, в том числе примерами поведения новых членов объединенного Европейского сообщества — стран так называемой Средней Европы. Новые страны, не так давно вошедшие в НАТО, стремятся продемонстрировать свою благонадежность. Единожды полученная индульгенция, оправдывающая неоколониальные, а зачастую и прямо расистские действия принадлежностью к «цивилизованному миру», проявляет себя все в новых обличьях. В западной литературе конца XX — начала XXI века распространился так называемый стандарт цивилизации, определяющий набор характеристик, которыми должна обладать нация или страна, чтобы «войти в семью цивилизованных народов».

Пропасть между «цивилизованностью» и «варварством» становится все шире и глубже, туда попадает все больше стран, рискнувших вызвать неудовольствие своего сюзерена. Цивилизованный Запад, однако, породил нацизм и многочисленные страшные войны, стал источником угнетения и дискриминации для всего остального мира, так что, действительно, деление на the West and the Rest и противостояние между ними является исторически детерминированным.

Так куда же идет человечество, к какому типу цивилизации мы движемся, что ожидает нас в будущем? Признаком валидности данной проблемы можно считать колоссальный объем литературы, в той или иной степени связанной с данной тематикой. Это не только научная фантастика, эссеизм, беллетристика, являющаяся в известной степени продолжением знаменитых романов-антиутопий О. Хаксли и Дж. Оруэлла, но и серьезная научная литература. К ней относятся работы, анализирующие философские, социологические, культурологические, политологические, синергетические, технологические проблемы современности и возможности их разрешения, исследующие те или иные социокультурные тренды, экстраполируемые в обозримые временные периоды.

Находясь на стыке разных специальностей, футурологические исследования предстают как некий синкретизм нового имплицитного смыслополагания, позволяющего в той или иной степени оценить векторы эволюции, спрогнозировать контуры будущего в контексте мирового культурного развития. Образцы классических футурологических исследований можно найти как в западной, так и в отечественной гуманитаристике — это, к примеру, работы Д. Белла, И. Бестужева-Лады, З. Бжезинского, С. Капицы, С. Курдюмова, Д. Медоуза, Дж. Несбитта, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона и др.²

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004; Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А. Социальное прогнозирование: Курс лекций. М.: Пед. о-во России, 2002; Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 2003; Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Едиториал УРСС, 2003; Медоуз Д. Х., Рандерс Й., Медоуз Д. Л. Пределы роста: 30 лет спустя. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М.: АСТ,

¹ Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.

Рассматривая будущее развитие, пытаясь проследить и зафиксировать его контуры в контексте мирового цивилизационного процесса, необходимо соблюдать крайнюю осторожность по отношению к любым футурологическим концептам. Образ будущего субъективен и фрагментарен, незавершен для каждого данного момента времени; кроме того, он глобален и одновременно индивидуален, поскольку формируется как в общественном, так и в индивидуальном сознании каждого конкретного человека. Помимо всего прочего, он имеет суггестивную характеристику. Будущее сопряжено в социальной рефлексии не только и не столько с физической природой самого явления, сколько с его аксиологической модальностью, с психологическим восприятием перспектив развития в контексте легитимизированных ценностных систем.

В самой сущности прогноза уже содержится смысловая акцентуация. Человечество уже вступило в эру глобальных потрясений, системных кризисов, техногенных и экологических катастроф. Тема неизбежности глобальной катастрофы, апокалиптичности грядущего звучит во многих публикациях, и общий тон оценки, скорее, пессимистичен, чем оптимистичен. Пессимистические оценки созвучны предполагаемой фатальности мирового развития, факторами которой выступают перенаселение, нехватка ресурсов и возникающие на этой почве конфликты; страх перед экологической или ядерной катастрофой; углубление социального неравенства; разрушение семьи, изменение норм сексуальных отношений; программирование сознания и поведения людей при помощи современных технологий; этнические, политические, религиозные, цивилизационные конфликты. Регрессивные прогнозы, репрезентирующие данный нарратив, рисуют более драматичный, чем предполагалось ранее, образ наступившего XXI века. И наоборот, в концепциях, опирающихся на экономический рост и технологический прогресс, будущее может быть представлено более оптимистично — как улучшение качества жизни, совершенствование различных параметров жизненной среды. Амплитуда смысловых, оценочных характеристик прогнозов чрезвычайно велика, при этом сами авторы, предлагая публике свои магические корреляты, зачастую отказываются от определения релевантности прогнозов.

Вопрос, каким будет XXI век, представляет собой осевую линию спора футурологов, отдающих предпочтение тем или иным концептам постиндустриального (информационного) общества. Тем не менее типичными прогнозами являются сценарии развития на 10–15 лет. Примером подобных прогнозов могут служить работы ведущих исследователей-футурологов, в которых намечаются и анализируются направления, своеобразные векторы, детерминирующие развитие общества в ближайшие десятилетия. Так, например, прогнозы, которые сделали Дж. Нейсбит и П. Абурден в 1982 году в книге «Мегатенденции: десять новых направлений, преобразующих нашу жизнь», во многом оказались верными.

2008 ; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ : Neoclassic, 2015 ; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ : Neoclassic, 2017.

Некоторые тенденции, носившие генерализованный характер, имели пролонгированный срок действия: они продолжились и в первые десятилетия XXI века. Это культурный национализм, подъем стран Тихоокеанского региона, религиозное возрождение нового тысячелетия. Также исследователям удалось наметить некоторые тенденции следующих десятилетий. В первую очередь к ним относятся экологические тренды в самом широком понимании этого явления — экология природы, самого человека и его среды обитания.

Лавинообразная трансформация и планетарный характер воздействия человека на окружающую среду становятся настолько фатальными, что на первый план неизбежно выходит вопрос экологической перспективы, обеспечивающей необходимое равновесие между природой и человеком — тот баланс, который может служить сохранению жизни. Глобальная проблема современности — защита окружающей среды — приобретает особое значение в контексте гуманитарного дискурса. Экологический вектор побуждает оценивать человеческую деятельность, исходя не просто из критериев эффективности, но из этической и эстетической значимости ее результатов, способствующих сохранению органической целостности жизненной сферы.

Идея покорения природы была одним из краеугольных камней духовного фундамента общества модерна — трехсотлетнего этапа культуры Нового времени, завершающегося, но все еще «незавершенного проекта» (Ю. Хабермас). Западный человек продолжает идти по пути войны с природой, длившемся «от Гераклита до Хиросимы» (М. Серр), все дальше уходя от собственного естества. The West and the Rest повторяется в разных вариантах.

Как и в истории якобы существующего противостояния цивилизации и варварства и в истории борьбы с природой, противостояние Запада с Россией было спровоцировано экспансионистскими интенциями самого Запада, воспринимающего себя как форпост цивилизации в окружении варварской периферии. Вспомним исторические факты: получив новую веру из Византии, Русь присоединялась к «материку» православного христианства. Империя ромеев являла собой символ богатства и мощи, пример не характерного для той эпохи прочного государственного образования с сильной централизованной властью, организованной бюрократической машиной и армией.

Византия, как писал Дж. Тойнби, «опережала западное христианство на семь или восемь столетий, ибо ни одно государство на Западе не могло сравниться с Восточной Римской империей вплоть до XV–XVI веков»¹. Известный медиевист Ж. Ле Гофф указывал, что для обитателей средневекового Запада богатство Византии было первым предметом зависти: «Даже для тех людей Запада, которые не созерцали ее чудес, Византия была в Средние века источником почти всех богатств»², в том числе духовных. Западные теологи XII века заново открывали для себя греческое богословие — «свет идет с Востока».

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991. С. 319.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. : Издат. группа «Прогресс» : Прогресс-Академия, 1992. С. 135.

XVI век с полным основанием называется веком русского одиночества. Падение Византии совпало с возвышением Москвы — она стала центром Московской Руси, собирающей вокруг себя земли. Идея Третьего Рима легла на благодатную почву, стала естественной в данных исторических условиях. «Русские не были узурпаторами, бросающими вызов живым владельцам титула. Они остались единственными наследниками... Русский народ... унаследовал права и обязанности Римской империи»¹. Вместе с правами Рос-

сия одновременно унаследовала и сложное, двойственное отношение Запада к восточным христианам: «брат мой — враг мой»: так, Константинополь был захвачен и разграблен участниками 4-го Крестового похода. Отношение, далекое от идеалов христианского взаимопонимания, после падения Византии перешло на Россию, надолго определив модус ее восприятия на Западе. Спустя столетия мы пожинаем плоды старой вражды. Противостояние, однако, не было нашим выбором, наш выбор — диалог культур.

О. И. Костикова²

ЦЕННОСТНЫЕ КОНСТАНТЫ ПЕРЕВОДА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Аксиологический подход занимает особое место в современных научных исследованиях. Интерес к данному подходу и его возможностям был вызван преобразованиями социокультурного пространства на фоне новых вызовов, обусловленных рядом обстоятельств.

Так, по мнению ученых, следствием утвердившейся в 1990-е годы модели глобализации стали «безразличие к высоким смыслам и ценностям жизни», «процесс институционального расчеловечивания». Принципы, на которых основывалась модель экономики этого периода, способствовали высвобождению низких человеческих инстинктов, формированию различных психологических и физических патологий. Как следствие — пренебрежение идеальным, его очернение и высмеивание, подмена культуры³. Многие плоды глобализации оказались отравлены, и сегодня это проявляется со всей очевидностью.

Второе обстоятельство, о котором следует упомянуть в интересующем нас контексте, — переход общества к цифровой эпохе. Эти преобразования носят революционный характер и затрагивают все стороны общественной жизни — от развития социальных институтов до организации повседневной жизни и социализации личности, разные виды искусства, различные виды профессиональной деятельности. Возникают вопросы о том, как осуществить цифровой переход со всеми вытекающими последствиями для безопасности,

суверенитета и качества жизни, каким может быть результат этого перехода, какое общество возникнет в результате этих перемен и изменится ли человечество⁴. Оценивая перспективы цифровой трансформации, эксперты отмечают высокую вероятность деградации человеческого интеллекта, проявляющейся в клиповом мышлении, интеллектуальной зависимости от техники (передача функции памяти разным электронным устройствам), стирании грани между действительностью и иллюзией, формировании неадекватного представления о мире, заимствовании ценностей и потребностей из цифровых шаблонов и т. п.⁵

На фоне этих процессов научное сообщество стремится к выявлению, определению, оценке и систематизации ценностей, которые релевантны для человечества сегодня и окажутся определяющими для его дальнейшего развития.

Аксиологический подход занимает центральное место в гуманистической парадигме образования и воспитания, где человек рассматривается как высшая ценность, а его благополучие — как цель общественного развития.

С незапамятных времен переводами с одного языка на другой занимались люди. Презрев «вавилонское проклятие», переводчики приходят на помощь человечеству. Они беспрестанно наводят мосты между народами, расами, культурами и континентами, преодолевая разобщенность, оказываясь жизненно важным связующим звеном в длинной цепи передачи знаний между народами, разделенными языковыми барьерами. Между прошлым и настоящим. Переводчикам подвластны пространство и время. Благодаря им ключевые тексты — научные, философские, художественные — обретают универсальность. Многоязычие и культурное разнообразие оказываются не возмездием свыше роду человеческому, возгордившемуся своими именно *технологическими* возможностями, а ценнейшим даром. Ведь, как утверждал Н. С. Трубецкой, «единая, общечеловеческая, лишенная всякого

¹ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 496.

² Заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова по научной работе, заведующая секцией французского языка и перевода кафедры теории и методологии перевода, кандидат филологических наук, доцент. Автор более 100 научных и учебно-методических публикаций, переводов научной и художественной литературы, в т. ч.: «Наука о переводе сегодня» (в соавт.), «История перевода. Практика, технологии, теории. Очерки по истории перевода» (в соавт.), «Москва переводческая» (в соавт.) и др. Заместитель главного редактора журнала «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода», член редколлегии международного научного журнала «Babel: Revue internationale de la traduction» и др. Член Всемирной ассоциации преподавателей устного и письменного перевода (WITTA), Междисциплинарного центра научных исследований и подготовки кадров (Interdisciplinary center on Research and Training), Постоянного совета университетских институтов подготовки переводчиков (CIUTI). Награждена орденом «Академическая пальмовая ветвь» (Франция).

³ Агеев А. И. Насколько Россия подготовлена к вызовам XXI века // Независимая газета. 2019. 14 янв.

⁴ См.: Гарбовский Н. К., Костикова О. И. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2019. № 4. С. 3–25.

⁵ К «цифре» готов? Оценка адаптивности высокотехнологического комплекса России к реалиям цифровой экономики: итоговый докл. М.: ИНЭС, 2018. С. 19–21.

индивидуального, национального признака культура чрезвычайно односторонняя: при громадном развитии науки и техники... полная духовная бессодержательность и нравственное одичание», но благодаря закону многообразия национальных культур «становится возможным возникновение у разных народов культурных ценностей, морально положительных и духовно возвышающих человека»¹. Эту возможность и дарят человечеству переводчики: открывая новые горизонты и расширяя кругозор, они помогают обходить препоны языковых и культурных различий и лучше понимать мир, ценить его многообразие.

Д. С. Лихачев справедливо полагал, что интерес и доброе отношение к чужой культуре возникает только из «любви к родному», которая «постепенно расширяясь... переходит в любовь к своей стране — к ее истории, ее прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству, к человеческой культуре». Именно поэтому, — подчеркивает ученый, — «воспитание любви к родному краю, к родной культуре, к родному селу или городу, к родной речи — задача первостепенной важности»². Очевидно, что только человек, проникнутый любовью к родному слову и родной культуре, в состоянии с успехом выполнять важнейшую миссию переводчика, о которой было сказано выше.

Вместе с тем если любовь к родному учит любить и принимать чужое, то верно и то, что через чужое происходит осознание себя: «самобытность в своей историчности строится через контакт с иным»³. Об этом писал еще Лейбниц, размышляя о возможностях родного языка: «перевод хороших книг оказывается истинным пробным камнем, на котором проверяются богатство или бедность языка, по тому, насколько он гибок для перевода»⁴. Лихачев подчеркивает, что мир русской культуры необычайно богат именно благодаря ее восприимчивости: богатство русского языка обусловлено тем, «что он создавался на громадной территории, чрезвычайно разнообразной по своим географическим условиям, природному многообразию, разнообразию соприкосновений с другими народами, наличию второго языка — церковно-славянского... В русское языковое сознание, в мир, увиденный русским языковым сознанием, вошли понятия и образы *мировой* литературы, *мировой* науки, *мировой* культуры — через живопись, музыку, переводы, через языки греческий и латинский»⁵. В другой работе он приводит пример иного рода, подтверждающий живительную роль межкультурных контактов для укрепления своей идентичности: некогда запрещенные произведения русских авторов становились сначала достоянием зарубежья и от-

туда, признанные и прославленные, возвращались на Родину. «Наша литература, наше искусство обогатили мировую культуру, стали катализатором общественной и духовной жизни. Так литература и искусство зарубежных стран воздействуют на нашу культуру, обогащая нас духовно, эстетически», — заключает ученый⁶.

Культуротворческая сущность перевода, таким образом, очевидна, а над ее воплощением трудятся сами люди — переводчики — «почтовые лошади просвещения», как запечатлено в емком образе великого русского поэта.

Однако история свидетельствует, что перевод — один из самых древних и постоянно востребованных во все века видов интеллектуальной деятельности, тем не менее, не получил однозначной оценки общества. На протяжении многих веков человеческое общество, регулярно потребляя плоды переводческой деятельности во всех сферах общественной жизни — в политике и дипломатии, в науке и религии, в искусстве и военном деле, — не уставало упрекать переводчиков в неточности, неверности и даже предательстве⁷.

Сегодня, как и прежде, переводчик в общественном мнении нередко расценивается как человек, осуществляющий некую вспомогательную деятельность по предоставлению «коммуникативных услуг». Для выполнения этой функции якобы не требуется много интеллектуальных усилий, собственных мыслей, способности принимать самостоятельные решения. Рассуждая о значении перевода для современного пространства культуры, исследователи констатируют «теневое, оттесненное, отверженное и подсобное положение перевода» вплоть до «подозрительного», которое отражается и на положении переводчиков⁸. Такая позиция вкупе с активными разработками в области искусственного интеллекта представляет угрозу для искусства перевода, как рода творческой деятельности человека и источника его существования.

В конкурентной борьбе с искусственным интеллектом переводчик-человек может проиграть, ведь у него меньший объем оперативной памяти, нет возможностей секундного доступа к большим базам данных, но даже если бы такая возможность и была, обработка данных заняла бы гораздо больше времени, чем у машины. К тому же обучение и постоянное совершенствование навыков переводчика-человека — процесс крайне ресурсозатратный. Автоматический перевод со всеми изъянами оказывается экономически более выгодным.

Поэтому сегодня в науке о переводе на первый план выходят попытки осмыслить и оценить роль человеческого фактора в переводе, разобраться в вопросах деонтологии перевода, построить модели взаимодействия в системе «человек — искусственный интеллект», релевантные для межкультурной коммуникации и создания многоязычных контентов, а также предугадать социальную востребованность в будущем перевода как

¹ Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. С. 83–84.

² Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 485.

³ Meschonnic H. *Étique et politique du traduire*. Lagrasse: Éditions Verdier, 2007. P. 120.

⁴ Leibniz G.-W. *Considérations sur les Langues en général & sur la culture de la Langue Allemande en particulier // Esprit de Leibniz ou Recueil de pensées choisies sur la religion, la morale, l'histoire, la philosophie, & c. Extraites de toutes ses œuvres Latines et Françaises*. Lyon: Jean-Marie Bruyset, Imprimeur Libraire. Avec Approbation & Privilège du Roi, 1772. T. 2. P. 229.

⁵ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 27–28.

⁶ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 510.

⁷ См.: Костикова О. И. История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 2. С. 3–22.

⁸ Berman A. *L'Épreuve de l'étranger*. P.: Editions Gallimard, 1984. P. 6.

деятельности в целом и человека-переводчика в частности.

Общим для этих исследований, дебатов и разысканий оказывается понятие ценности перевода, представление о переводе как о благе, вопрос о реализации ценности перевода — его полезности, о приемлемости его качества и вариативности оценки.

Кто такой переводчик — заурядный билингв, буквалист, покорно следующий букве в отсутствие писательского дара; предатель-перелагатель, искажающий текст оригинала, уничтожающий его дух в силу своей убогой компетенции; или всесторонне образованный интеллект, лингвист, этнограф, философ, психолог, историк и мастер слова, «который от творца лишь именем разнится», необходимое и незаменимое звено в цепи межъязыковой и межкультурной коммуникации?

Н. К. Гарбовский определяет перевод как «общественную функцию коммуникативного посредничества» в определенной ситуации и для определенных целей¹. Социальная функция перевода состоит в «утолении информационного голода» и преодолении «коммуникативного дискомфорта», вызванного невозможностью понять другого в силу различия коммуникативных кодов в условиях двуязычной коммуникации². Но переводчик не имеет этического права вести себя как обыкновенный «коммуникант» (читатель или слушатель). Переводчик — это психолог, исследователь, историк, этнограф, литературовед, философ, который должен увидеть в тексте, в сообщении именно то, что зашифровал в знаках языка автор³. Где знак — там и идеология, — писал Бахтин — «мы, в действительности, никогда не произносим слова и не слышим слова, а слышим истину или ложь, доброе или злое, важное или неважное, приятное или неприятное и т. д. Слово всегда наполнено идеологическим или жизненным содержанием и значением»⁴. Для перевода это одновременно и вызов, и возможности. Какова бы ни была степень переводимости материала, с которым работает переводчик, это никогда не освобождает его от функции критика, которая обуславливает качество его работы.

Эта функция включает в себя две задачи: помимо анализа собственно *содержимого* (воплощенного в единстве формы и содержания), того, что переводится и во что это затем выливается, переводчик должен определить *точку зрения* на каждый из этих текстов в соответствии с той сферой социальной практики, в рамках которой и для которой осуществляется перевод (техническая, правовая, медицинская, образовательная, политическая и т. д.). Точка зрения, основное понятие герменевтики, предполагает обязательное для критической позиции *дистанцирование*. Залогом же ограничения субъективной предвзятости, своего рода *гарантией*, в таком случае становится опора на предшествующие корпусы ценных и значимых текстов на

¹ Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 214.

² См.: Гарбовский Н. К., Костикова О. И. Перевод и общество // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2018. № 1. С. 17–40.

³ Гарбовский Н. К. О переводе. М.: Форум, 2016. С. 593.

⁴ Бахтин М. М. (под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. С. 406.

двух языках. Дуализм точки зрения и гарантии, обеспечивающей ее непредвзятость, определяет ценность перевода, превращая его в подлинное творение⁵.

Конечно, тенденция сводить текст оригинала к «источнику», а текст перевода — к «цели» по-прежнему распространена среди адептов информационной проблематики, как и стремление видеть в переводе своего рода диалог или компромисс между двумя существующими системами ценностей — среди последователей коммуникативной парадигмы. Но перевод не просто переход от одной системы представлений или убеждений к другой, от одной идеологии к другой: он отстоит от них на равной дистанции и открывает новое пространство, обогащая корпус обоих задействованных языков. Если же переводчик отказывается от своей функции критика и не выдерживает необходимой дистанции, то он лишь конкретизирует уже сложившуюся систему убеждений: такой перевод Растье называет идеологическим⁶.

Проблема соотношения содержимого и ценности перевода проявляется с очевидностью, когда речь заходит о недостатках машинного перевода: ограниченность лишь содержимым текста в отсутствие точки зрения и гарантий, о которых было сказано выше, лишает такой перевод ценности. Обратная сторона медали — тенденциозные переводы, которые стремятся навязать некритическую точку зрения: независимо от степени ее политической корректности она есть не что иное, как насилие над текстом оригинала и истощение его перевода.

«Неуловимая» идеология вездесуща, ее особенность в том, что у нее нет каких-либо специальных маркеров, как иногда полагают, анализируя различные типы дискурсов. Конечно, можно приводить в пример слова, наполненные символическим смыслом или образностью, но не менее важным оказывается то, что смысл того или иного текста зачастую формируется не словами — слова может перевести и машина, — а их отсутствием. Отсутствие тех или иных слов в тексте говорит о многом и объясняться может и тем, что автор их избегает, и рядом других факторов. Так, рассуждая о культурном смысле, культурном опыте, без которых невозможно создание произведений искусства, А. С. Запесоцкий высказал принципиально важное для методологии перевода предположение: «возможно, концептосферы и конкретно взятого художественного текста, и его автора, и читателя состоят из множества отдельных концептов, каждый из которых есть не только „изреченное“ нечто, нашедшее конкретное словесное воплощение на национальном языке, но и „подразумеваемое“ — потенциально заложенное, но не вполне осмысленное, возможно, даже самим автором, для чего и слова-то просто может быть не найдено»⁷. Для перевода значимо и сказанное, и не высказанное: ценность текста сообразна его «деонтологии».

Переводческая практика зависит от состояния словесности народа, на язык которого осуществляется

⁵ Rastier F. Préface // *Idéologie et traduction*. Sous la direction d'Astrid Guillaume. P.: L'Harmattan, 2016. P. 7.

⁶ Ibid.

⁷ Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. 3-е изд. СПб.: СПбГУП, 2022. С. 138.

перевод, в конкретную историческую эпоху, от общественного мнения о красивом и уродливом, верном и неверном, нужном и ненужном. В подходах к оценке качества перевода, верности и точности существуют цикличность и мода, одни и те же решения в разные эпохи могли оцениваться по-разному, а иногда и противоположно. Противоречие, возникающее при оценке деятельности переводчиков, пронизывающее всю ее историю, можно объяснить как онтологической дихотомией переводческой деятельности, так и противоречием общего и частного — двух сторон категории качества. Конкретные ошибки переводчиков во все времена подвергались жесткой критике, удачные переводческие решения вызвали восхищение. Но переводческие ошибки и удачи в историческом освещении предстают как частные случаи. С течением времени о них забывают, и в общественном сознании сохраняется лишь общее представление о переводе и его социальной значимости. Таким образом, вариативность оценки перевода противопоставлена его ценностным константам.

Переводческая деятельность действительно представляется как одна из важнейших общественных функций, обеспечивающих жизнедеятельность многоязычного и поликультурного человеческого общества. Коммуникация как одно из важнейших средств существования общества без перевода часто оказывается весьма затрудненной или даже невозможной.

В этой связи негативные суждения о переводчиках представляют интерес не столько как характеристика переводческой деятельности в общем, сколько как отражение прочно укоренившегося критического отношения к каждому частному акту перевода, как напоминание о неизбежности комментариев и критических замечаний, разборов и рассуждений, которые он неизбежно влечет за собой. Онтологически перевод представляет собой «вторичный» объект, что, с одной стороны, порождает вопросы о его соответствии «первичному» объекту, а с другой — априори накладывает на него печать второсортности. Это противоречие общего и частного во взгляде на переводческую деятельность особенно отчетливо проявляется при обращении к истории перевода, которая хранит имена великих людей, оказавших весьма существенное воздействие на развитие человеческой цивилизации¹.

Личность переводчика играет ключевую роль: именно благодаря сложнейшей интеллектуальной психофизической деятельности человека в переводе возникает то, что можно было бы назвать *добавленной ценностью*, — положительное значение для человека, общества, культуры, появившееся в результате переводческой деятельности с точки зрения ее способности удовлетворять латентные или скрытые потребности, порождать инновации, быть катализатором прогресса. И ценность перевода, и его добавленная ценность — это та роль, которую играет или может играть перевод в жизнедеятельности человека и общества с точки зрения его потребностей, интересов и целей. Однако если ценность перевода связана с удовлетворением конкретных потребностей и ожиданий от перевода с точки зре-

ния его непосредственной функции, осознаваемой обществом, то добавленная ценность связана с эффектом неожиданности, оцениваемой положительно и не связанной непосредственно с задачами коммуникативного посредничества, решаемыми в каждом конкретном акте перевода. Добавленная ценность — всегда сопутствующее, но зачастую первостепенное свойство перевода, которое проявляется в виде констант перевода в историческом осмыслении, не как конкретного акта межъязыковой коммуникации, а как явления, способствующего установлению диалога или разрешению конфликта культур.

К добавленным ценностям можно отнести все то, что составляет великую цивилизаторскую миссию перевода: письменотворчество, распространение и развитие религий, совершенствование словесности, передачу научных знаний, развитие государственности в условиях двуязычия, умножение очагов культуры, поддержание и распространение духовных ценностей и т. п. В современном мире, переживающем эпоху «больших данных», переводчик оказывается одним из важнейших звеньев общей информационной системы, генерирующим *новые* данные. Благодаря деятельности переводчиков общая мировая информационная система пополняется так называемыми межъязыковыми большими данными, то есть многоязычными образами явлений той или иной культуры.

«Перевод был и остается одним из самых значимых и достойных видов посредничества во всеобщем глобальном взаимодействии», — писал Гёте. Похожие мысли высказывал и Гюго, рассуждая о цивилизаторской миссии перевода: «Переводчики служат цивилизации. Они переливают духовную субстанцию от одного к другому. Служат распространению идей. Благодаря им гений одной нации встречается с гением другой нации. Плодотворные сочетания. Ведь новая мысль так же необходима, как и новая кровь». Хайдеггер же считал, что «суть перевода не в том, чтобы облегчать коммуникацию с говорящими на другом языке, а в том, чтобы помочь в решении некоего насущного для всех вопроса. Он служит взаимопониманию в некотором более высоком смысле. И каждый шаг в этом направлении — благословение для народов».

Важнейшая миссия переводчиков оценена сегодня в мировом сообществе на самом высоком уровне: 24 мая 2017 года Генеральная Ассамблея ООН приняла специальную резолюцию, где подтверждается «роль профессионального перевода в сближении народов, укреплении мира и содействии взаимопониманию и развитию». Эта роль в высшей степени ответственна и чрезвычайно актуальна сегодня, ведь как гласит ст. 6 «Декларации прав культуры», разработанной коллективом ученых СПбГУП под научным руководством Д. С. Лихачева: «Культурное сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн»².

Перевод всегда был деятельностью социальной *sui generis* в том смысле, что она востребована, осуществляется и оценивается обществом, вернее, его кон-

¹ См.: Гарбовский Н. К., Костикова О. И. История перевода. Практика, технологии, теории. Очерки по истории перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021.

² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 503.

кретными представителями. Социальные связи играют важнейшую роль в профессиональной жизни переводчиков. Функция перевода не определяется формальным анализом исходного текста; она прагматически задается целью межкультурной коммуникации, а качество перевода определяется, помимо лингвистической эквивалентности, многими иными факторами, и прежде всего социальным контекстом, в значительной степени направляющим и регулирующим переводческую

деятельность. Именно от общественных установок будет во многом зависеть, что, как, когда и с какой целью будет перенесено из одной культуры в другую, станет достоянием языка и литературы, развивая и обогащая их или, наоборот, максимально приспособляясь к ним. А быть может, канет в Лету, так и не получив общественного признания, или замрет в ожидании смены культурных ориентиров, общественных установок, политической конъюнктуры и т. п.

Р. В. Костюк¹

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Нынешнее состояние планеты, глобальной политики как таковой наполнено различными вызовами для всего человечества. Угрозы мировой войны, применения оружия массового уничтожения, глобального потепления и всеобщей экологической катастрофы становятся все более реальными. Развернувшаяся на наших глазах пандемия COVID-19, унесшая жизни 20 млн человек, показала, как с калейдоскопической быстротой эпидемия может распространиться по всему земному шару, нанося человечеству ущерб в самых разных видах жизнедеятельности.

Мы вправе говорить о наличии в современном мире системного социального и экономического кризиса, с которым сталкиваются самые разные части нашей планеты, включая относительно благополучную зону Европейского союза (ЕС). На фоне коронавирусной пандемии страны — члены Евросоюза столкнулись с обострением многочисленных социальных и экономических проблем, вылившихся в увеличение безработицы, потерю покупательной способности, рост цен и тарифов на жилищно-коммунальные услуги.

Отметим, что понимание кризиса имеется в самых разных политических кругах Старого Света. Даже руководители Европейского совета и Европейской комиссии признают наличие системного или экзистенциального кризиса, бьющего по европейской интеграции. Но прежде всего это понимание возникает в левых кругах и социальном движении. Как утверждает объединяющая многие коммунистические и левосоциалистические национальные движения партия европейских левых, «инфляция, обусловленная капитализацией и войной, свидетельствует о попытках европейских (и международных) господствующих блоков переложить стоимость кризиса на население, осуществляя давление ради повышения цен и увеличения их

прибыли, тогда как реальные зарплаты падают и социально-экономическая дифференциация прогрессирует в головокружительном ритме»².

Европейская партия зеленых утверждает, что ЕС и входящие в его состав страны столкнулись в последние годы с многомерными социальными проблемами, тяготы которых ложатся прежде всего на плечи простых граждан. Выражающая позиции европейской социал-демократии партия европейских социалистов констатирует, что в ближайшие годы «объединенной Европе» придется столкнуться с самыми разными по масштабам социальными проблемами, например с такими, как «создание коллективных рабочих мест, борьба с безработицей и социальным неравенством...»³

Находящиеся в тесной связке с левыми и левоцентристами социальные движения, в свою очередь, выражают недовольство актуальной ситуацией, требуя защитить и одновременно модернизировать с учетом требований и вызовов времени европейскую социальную модель, как это делает, в частности, Конфедерация европейских профсоюзов⁴. Вполне логично, что именно профсоюзы, большая часть которых продолжает находиться под контролем левых или на их стороне, выступили главным инициатором проведения протестных социальных акций в разных странах Западной Европы.

На сегодняшний момент мы не можем говорить о наличии некой гомогенности в рассматриваемой теме, поскольку ситуация в каждой отдельной стране является особой и имеет собственную специфику. Сами действия профсоюзов и социальных неправительственных организаций могут носить как атакующий, так и защитный характер. Но тот факт, что данное движение имеет место в самых разных странах, свидетельствует о наличии в Европе серьезных социальных проблем и угроз для европейской социальной системы.

В целом, если брать геополитический срез, наиболее сильным является протестное движение в ведущих

¹ Профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Левые силы Франции и европейское строительство. 1980–1990-е годы», «Эффективность дипломатии» (в соавт.), «Внешне-политические установки Французской коммунистической партии и Социалистической партии (Франции) в 1970-е годы. Сравнительный анализ», «Левые альтернативы в кампании по выборам в Европейский парламент в 2019 году», «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы» (в соавт.) и др.

² European Left. 7th Congress. Vienna, 2022. Dec. 9–11; Bruxelles, 2023. P. 1.

³ Well being for all. URL: <https://pes.eu/policy/employment-social-affairs/> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴ Position des syndicats européens sur la Réforme de la gouvernance // Les Echos. P., 2023. 1 avr.

капиталистических странах Европы. При этом речь не обязательно идет именно о ЕС. Так, негативные последствия социально-экономической политики консервативного правительства, подразумевающие заметное повышение стоимости жизни и цен на содержание квартир и домов, потерю рабочих мест и усиление социальной поляризации, с осени 2022 года привели уже к нескольким волнам отраслевых национальных забастовок в Соединенном Королевстве, недавно покинувшем ЕС. Социальный портрет участников протестного движения в Великобритании весьма разнообразен: от акушерок и работников детских дошкольных учреждений до железнодорожников и почтовиков. «Из-за забастовок 2022 года в Великобритании были потеряны 417 000 рабочих дней, что является самым высоким уровнем после стачек 2011-го»¹.

Достаточно мощное протестное движение за повышение заработной платы, социальные субсидии в связи с ростом цен за отопление в 2022 году и в первой половине 2023-го происходит в странах Южной Европы, где традиции забастовочной борьбы остаются очень сильными. В частности, это касается Греции и Португалии, где наличествуют влиятельные радикальные левые профсоюзы, находящиеся под воздействием коммунистических партий. Но также уровень протестных форм активностей возрастает в Италии и Испании.

С самого начала 2023 года в роли явного лидера социальной борьбы выступает Франция, где все влиятельные профсоюзные центры достигли договоренности о совместном сотрудничестве при осуществлении акций против принятия и запуска пенсионной реформы, предусматривающей поэтапный переход к выходу на пенсию в 64 года. Одновременно на политическом уровне профсоюзы получили безусловную поддержку со стороны левой оппозиции.

Особенностями французского случая являются как широкий размах протестного движения (уже с начала года имели место 12 общенациональных дней действий, в которых в общей сложности участвовали миллионы граждан), так и его социальное разнообразие: общенациональные забастовки, отраслевые стачки,

прекращение работы общественного транспорта, блокада доступа к нефтеперерабатывающим заводам и автозаправочным станциям, закрытие крупных супермаркетов, студенческие выступления, массовые манифестации и т. п. Несмотря на то что в марте 2023 года президент Э. Макрон подписал законопроект о пенсионной реформе, французская общественность в своем большинстве по-прежнему не одобряет повышение пенсионного возраста. В первомайских манифестациях по всей стране, по подсчетам профсоюзов, приняли участие до 1,5 млн человек², и это со всей определенностью говорит о том, что социальное движение во Франции остается на высоком уровне. Здесь следует отметить, что это движение полностью поддерживают и солидарны с ним как общеевропейское профсоюзное движение, так и профсоюзные и социальные организации других стран Старого Света.

Необходимо сказать о том, что в ряде случаев скоординированные действия профсоюзов и их давление на государство и работодателей приносят вполне конкретные плоды. Так, под давлением угрозы широкомащтабной забастовки в Германии было достигнуто тарифное соглашение о том, что зарплаты работников общественного сектора с 1 марта 2024 года будут сначала увеличены на 200 евро, а на втором этапе на 5,5 %, и минимальное повышение оплаты составит 340 евро³. В конечном итоге данное соглашение коснется около 2,5 млн граждан.

В целом мы можем сделать вывод, что социальное движение в Западной Европе на фоне военных действий в Восточной Европе и обострения геополитической конфронтации между Россией и коллективным Западом становится все более мощным. Разумеется, негативные социальные последствия гонки вооружений в странах — членах НАТО, как и издержки прекращения нефтегазового сотрудничества с РФ, играют тут свою роль. Однако, думается, основные причины кроются прежде всего во внутренних, системных проблемах, имеющих отношение к социально-экономическому развитию европейских государств, а также в наличии кризиса функционирования европейской социальной модели.

¹ Stanton A. UK strikes: how many working days have been lost to strikes in 2022, who is striking and worst hit regions. URL: <https://nationalworld.com/news/politics/uk-strikes-highest-number-working-days-lost-strikes-decade-who-striking-worst-hit-regions-3151967> (дата обращения: 09.05.2023).

² 1er Mai: les syndicats attendent jusqu'à 1,5 million de manifestants. URL: https://lepoint.fr/societe/1er-mai-les-syndicats-attendent-jusqu-a-1-5-million-de-manifestants-01-05-2023-2518394_23.php#11 (дата обращения: 09.05.2023).

³ В Германии 2,5 млн работникам госсектора повысят зарплату. URL: <https://dw.com/ru/v-germanii-25-mln-rabotnikam-gossektora-povyosat-zarplatu/a-654409001> (дата обращения: 08.05.2023).

А. В. Матвеева¹

РОССИЯ, КИТАЙ И США В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНОВ СТРАНЫ

Волею судеб в начале XXI века Россия оказалась втянутой в цивилизационное противостояние сакрального характера. Россию и русских пытаются «отменить» как участников общежития на планете Земля. Такого жесткого противостояния Россия не испытывала за все время своего существования. Прежде нас пытались поработить, завоевать, превратить в рабов более «развитой» нации, частично уничтожить, но «культуру отмены» породил только XXI век.

Самое важное в этом противостоянии, что мы наряду с иудейской, христианской и мусульманской традицией являемся частью христианской или, более точно, авраамической ветви цивилизации, так называемыми людьми Писания². Нашей культуре и нам самим отказывают в праве на существование такие же, как мы, христиане по менталитету католического, протестантского и англиканского толка. Это трудно осознать, так как на уровне архетипов мы с ними схожи по всем видам искусства: в музыке, живописи, драматургии, архитектуре, поэзии, танце, смеховой культуре, карнавалах и массовых зрелищах. Нашей душе близки сказочные и мифологические герои классической европейской культуры как носители этоса благородства, высоких этических и моральных ценностей и норм.

Однако разлом происходит на глубинном уровне параметров количественных характеристик национальных культур по модели Г. Хофстеде³. Он выделяет шесть таких характеристик: дистанцированность власти, избегание неопределенности, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/фемининность, долгосрочная/краткосрочная временная ориентация, повторство желанием/сдержанность. По каждой из этих характеристик идет перманентная трансформация европейской и западной культуры. Согласно антропологу Клайду Клакхони: «Все культуры представляют со-

бой своего рода различные ответы на, по сути, одни и те же вопросы, поставленные человеческой природой и общими обстоятельствами жизни человека. <...> Модели жизни каждого общества должны задавать общепринятые способы поведения в таких универсальных обстоятельствах, как существование двух полов, беспомощность малолетних детей, необходимость удовлетворения элементарных биологических потребностей в пище, тепле, сексе, наличие индивидов разного возраста и различных физических и других способностей»⁴.

Носитель культурного кода — национальное самосознание или менталитет, «совокупность представлений, традиций и понятий представителей нации или этноса, позволяющих воспроизводить эту общность людей как целое и причислять каждого индивида к данной социальной целостности», которое включает в себя как «элементы бессознательного... различные архетипы и стереотипы», так и «культурные нормы и запреты, облеченные в символическую форму»⁵. Ценностно-смысловые основы картины мира формируются в подростковом возрасте, когда оформляются представления человека о мире и самом себе.

То, насколько адекватна складывающаяся у подростков картина мира, имеет особую важность для их воспитания, создания у них необходимых культурно значимых ориентиров, поскольку неверное осмысление действительности может привести к дезадаптации и даже саморазрушительному поведению. Многие исследователи отмечают, что картина мира человека отражает базовые категории идентичности личности (Berger, Luckmann, 1966; Леонтьев, 1983; Moscovici, 2001; Шестопа, 2008; Петренко, 2009; Белинская, 2018; Катвалян, Костромина, 2018; Дубовская, 2019). А в ее основе лежит ведущий компонент, являющийся системообразующим представлением, — образ родной страны (Матвеева, 2008; Зинченко и др., 2016; Шестопа, 2016; Кыштымова, Ангеловска, 2018).

Для формирования у молодого человека картины мира особое значение, с одной стороны, имеет образ родной страны, в которой происходит развитие конкретного индивида или целого общества, а с другой — взаимоотношения с другими странами.

В нашем исследовании был произведен эмпирический анализ категориальной структуры представлений о России, США и Китае в едином психосемантическом пространстве для молодежи, проживающей в различных макрорегионах страны. При проведении исследования использовался психосемантический подход, основанный на теоретических и методологических положениях экспериментальной психологии (Ч. Осгуд

¹ Профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. учебного пособия «Психология телевизионной коммуникации», учебника «Общий психологический практикум» (в соавт.), монографии «Информационная и психологическая безопасность в СМИ» (в соавт.), статей «Cartoon Image of the Mother, Its Perception by Elementary School Students and Correction in the Process of Media Education» (в соавт.), «Образ России в сознании российской молодежи: особенности ценностно-смыслового кода культурных представлений» (в соавт.), «Региональная идентичность как предиктор гражданской идентичности у молодежи страны» (в соавт.), «Сравнительный анализ культурных представлений творческой молодежи о российской, западной и восточной цивилизациях» (в соавт.), «Восприятие детьми дошкольного и младшего школьного возраста образов героев отечественных и зарубежных мультфильмов» (в соавт.) и др. Член Общественного совета при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка, член Международной академии телевидения и радио. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

² Гогоберидзе Г. М. Зиммий // Исламский толковый словарь. Ростов н/Д : Феникс, 2009. С. 67–68.

³ Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8> (дата обращения: 23.05.2023).

⁴ Kluckhohn C. Universal categories of culture // Anthropology Today: Selections / ed. by S. Tax. Chicago : Univ. of Chicago Press, 2011. P. 317–318.

⁵ Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 86.

и др.). Это позволило исследовать категориальную структуру группового и индивидуального сознания, выявить иерархию и динамику смысловых представлений и личностно значимых ценностей. Психосемантическая шкала, предложенная испытуемым, включала 33 биполярные характеристики. Испытуемые оценивали каждую характеристику изучаемых объектов (образы России, Китая и США) по 7-балльной шкале (от -3 до +3). Полученные данные подвергались факторному анализу.

Для проведения сравнительного анализа региональных представлений о современной России, Китае и США исследователи выделили макрорегионы как элементы первого уровня репрезентации. Такими макрорегионами для РФ являются Центральная Россия, Черноземье, Юг России, Север России, Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Эта сеть макрорегионов формируется на основе Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года.

В исследовании приняли участие 755 человек из 8 макрорегионов РФ (30 регионов России). Возраст респондентов — от 14 до 35 лет ($M = 24,5$, $SD = 10,2$). Из них 68 % составляли женщины и 32 % мужчины. Все этапы исследования проходили в заочном режиме на онлайн-платформе Testograf.ru — специальной лицензированной площадке для сбора данных, где респонденты дают свое официальное согласие на обработку полученной информации в научных целях.

Обработка полной матрицы данных по методу главных компонент (вращение варимакс) позволила получить факторную структуру представлений молодежи страны о России, Китае и США. Она описывается 6 факторами: «сила и могущество», «безопасность и миролюбие», «визуальная (эмоциональная) привлекательность», «духовность и патриотичность», «социальная дистанция», «когнитивная сложность». Фактор «сила и могущество» описывает 18,4 % общей дисперсии и включает характеристики силы, авторитета, могущества и независимости. Значимыми также выступают характеристики прогресса и дальнейшего процветания территории. Именно характеристика силы оказывается наиболее важной для нашей выборки молодежи, являясь определяющим фактором при формировании представлений об указанных объектах.

Второй фактор, «безопасность и миролюбие», описывает 15,6 % дисперсии и включает характеристики миролюбия, безопасности, доброты и надежности, которые соединяются, с одной стороны, с надежностью, милосердием, добротой, а с другой — с нравственностью, чистотой, вежливостью и трудолюбием. Этот факт свидетельствует о том, что в сознании современной молодежи мир и безопасность связаны с содержанием этических систем, что имеет важное значение при формировании представлений об определенном социуме.

Третий фактор, «визуальная привлекательность», описывает 11,7 % дисперсии и включает характеристики веселости, теплоты, оптимистичности, яркости

и открытости. Он во многом определяет внутреннюю и внешнюю коммуникацию с пространством страны, а также отношение человека к месту проживания.

Четвертый фактор, «духовность и патриотичность», описывает 7,3 % и включает характеристики веры, духовности, патриотизма и нравственности. Для нашей выборки молодежи выявлена значимость взаимосвязи нравственно-этических характеристик и патриотизма.

Пятый фактор, «социальная дистанция», описывает 6,5 % дисперсии и связан с представлениями о границах коммуникации между различными социальными общностями и территориями. Он показывает субъективную значимость для респондента определенной территории и позволяет выявить сходство категориальной структуры представлений о стране с категорией «свой-чужой». Своим оказался образ России, а чужими — образы Китая и США.

Шестой фактор, «когнитивная сложность», описывает 4,9 % дисперсии и включает три характеристики: сложность, хитрость и самобытность. Он показывает, насколько то или иное место формирует впечатления сложной организованности, самобытности и неоднозначности в устройстве пространства проживания молодежи страны. Для полноценного сравнительного анализа между объектами производилось выявление различий между ними, использовались однофакторный дисперсионный анализ (F -критерий Фишера) и множественные попарные сравнения (с поправкой Бонферрони). По итогам выборки, для которой сравнивались средние значения объектов по всем факторам, можно утверждать, что в целом полученная статистика позволяет рассматривать образы России, Китая и США как математически независимые объекты, к которым применимы содержательная интерпретация и сравнительный анализ.

Сравнительный анализ структуры факторных оценок представлений о России, Китае и США у молодежи из различных макрорегионов страны дает основание утверждать, что в представлении современной молодежи Россия является самобытной страной, которая имеет некоторые общие черты с Китаем и США, но в общем и целом значительно отличается от них.

Стоит также отметить, что по фактору «социальная дистанция» образы Китая и США показывают значения гораздо ниже среднего уровня. Таким образом, для молодежи из различных регионов России образы Китая и США воспринимаются как чужие, психологически далекие объекты, хотя по фактору «духовность и патриотичность» образ Китая участники исследования ставят практически на одну позицию с образом России. Соотнеся объекты исследования «образ сегодняшней России», «образ США как представителя западной цивилизации» и «образ Китая как представителя восточной цивилизации» по факторам социальной дистанции и цивилизационной отнесенности, мы можем сделать вывод, что в сознании молодежи России образ родной страны идентифицируется с особым путем развития по сравнению с цивилизациями Востока и Запада.

В. Н. Пунченко¹

О ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ (По итогам Года исторической памяти)

В условиях эскалации междивизиационного противостояния существенно актуализируется проблема переосмысления концептов государственной исторической политики на предмет их соответствия новым реалиям и способности обеспечить надежное противостояние вызовам и угрозам в политической и информационной сферах. Повышается значимость самой государственной исторической политики, основное предназначение которой — во-первых, воспрепятствовать попыткам целенаправленного искажения исторических событий, деятельности общественно-политических структур и отдельных личностей в ущерб историческому и национальному самосознанию, а во-вторых, обеспечить смысловую и целеполагающую основу политики государства и ее четкое позиционирование как внутри страны, так и вовне.

Применительно к России и Беларуси суть государственной исторической политики состоит в том, чтобы сохранить и защитить память о прошлом, сформировать на ее основе понимание происходящего и заложить фундаментальные основы образа будущего для новых поколений. И все это — в условиях беспрецедентного столкновения с агрессивной «исторической политикой» коллективного Запада, основанной на ценностях и героике, зачастую противоречащих объективному ходу истории.

Наглядное подтверждение — активно продвигаемый в 2020–2021 годах тренд героизации антикоммунистического «движения сопротивления» в странах Восточной Европы. Так, государствообразующая идеология Литвы основана на мифе о «борьбе литовского народа против советской оккупации»². В такой же парадигме движется и Латвия, где в 2022 году возложение цветов к памятникам советским солдатам было приравнено к неуважению «миллионов людей, которые погибли или сильно пострадали от коммунистического режима СССР»³. В свою очередь в Польше в обосновании своих геополитических целей пошли

еще дальше, заявив о возможности непосредственного включения в состав Республики Польша части Украины, которая уже когда-то была в составе Речи Посполитой⁴.

Подобные примеры определяют безальтернативность реализации нашими союзными странами последовательной исторической политики, основанной не столько на противопоставлении и противоборстве, сколько на твердой и исторически обоснованной созидательной основе.

Согласно опыту Республики Беларусь государственная историческая политика включает в себя ряд неотъемлемых элементов.

Первое. Проведение масштабной исследовательской работы по обеспечению полноты источниковой базы относительно явлений и процессов отечественной истории, уточнению гипотез.

Как отметил, выступая на патриотическом форуме «Это НАША история» 17 сентября 2022 года Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, «политика очень довлекла над историей всегда. Поэтому вековой давности события... были настолько политизированы, что... не только историкам, но и многим другим — политологам, юристам и государственным служащим — придется разбираться»⁵.

Помимо классических направлений научных исследований фундаментальных основ исторической памяти (археологических, краеведческих, этнографических, историографических и др.), важны социологические исследования, направленные на изучение глубинных основ исторической памяти населения. Так, сегодня вопросы исторической памяти находятся в фокусе внимания белорусских социологов и историков, что подтверждается публикациями Н. Л. Мысливца, И. В. Лашук, Н. Н. Сухотского, И. А. Валахановича, В. В. Стариченка, С. М. Алейниковой, Н. А. Сосновской, Н. Ф. Денисовой, Н. М. Бровчука и др. Социологические замеры позволяют определять наиболее ценные для граждан события и эпизоды отечественной истории, символы и персоналии, пользующиеся наибольшим почитанием (рис. 1).

Относительно новым инструментом изучения социально-медийных факторов, имеющих значение для формирования актуальных акцентов государственной исторической политики, являются инфометрические исследования, основанные на анализе информационного поля при помощи инструментария технической аналитики. В частности, используемая Белорусским институтом стратегических исследований

¹ Заместитель директора Белорусского института стратегических исследований. Автор более 30 научных статей и монографий, в т. ч.: «Информационный фактор в гибридных войнах» (в соавт.), «Политическая активность молодежи в Республике Беларусь: нормативные аспекты», «Деструктивная политическая активность молодежи в Республике Беларусь (политико-правовой аспект)», «Трансформация ценностных ориентиров молодежи под влиянием информационных технологий», «От фейков к глубоким фейкам: высокотехнологичный цифровой обман. Правовые и организационно-технические аспекты противодействия» (в соавт.) и др. Награжден благодарностью Президента Республики Беларусь.

² «Свои стреляли в своих»: что стоит за государственным мифом Литвы о борьбе за независимость // Рубалтик : [электрон. ресурс]. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20230113-svoi-strelyali-v-svoikh-cto-stoit-za-gosudarstvennym-mifom-litvy-o-borbe-za-nezavisimost> (дата обращения: 20.03.2023).

³ Латышей призвали не посещать монумент Победы 9 мая // Рамблер : [электрон. ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/sociology/48609073/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 20.03.2023).

⁴ Хавич О. Польская пропаганда перешла к аннексии Западной Украины // Взгляд : [электрон. ресурс]. URL: <https://vz.ru/opinions/2022/12/20/1190948.html> (дата обращения: 20.03.2023).

⁵ Патриотический форум «Это НАША история!» // Пресс-служба Президента Республики Беларусь : [электрон. ресурс]. 2022. 17 сент. URL: <https://president.gov.by/ru/events/patrioticheskiy-forum-eto-nasha-istoriya> (дата обращения: 20.03.2023).

(далее — БИСИ) аналитико-информационная система «Инфометрика» (далее — АИС «Инфометрика») по запросу «Год исторической памяти» выдает в це-

лом позитивный ассоциативный ряд (облако тегов), свидетельствующий о формировании благоприятной медийной карты отечественной истории (рис. 2).

*Что из перечисленного можно назвать предметом национальной гордости?
(в % от числа опрошенных)*

Рис. 1. Исследование «Восприятие исторического прошлого населением Беларуси в контексте формирования национально-государственной идентичности», ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» (2022)

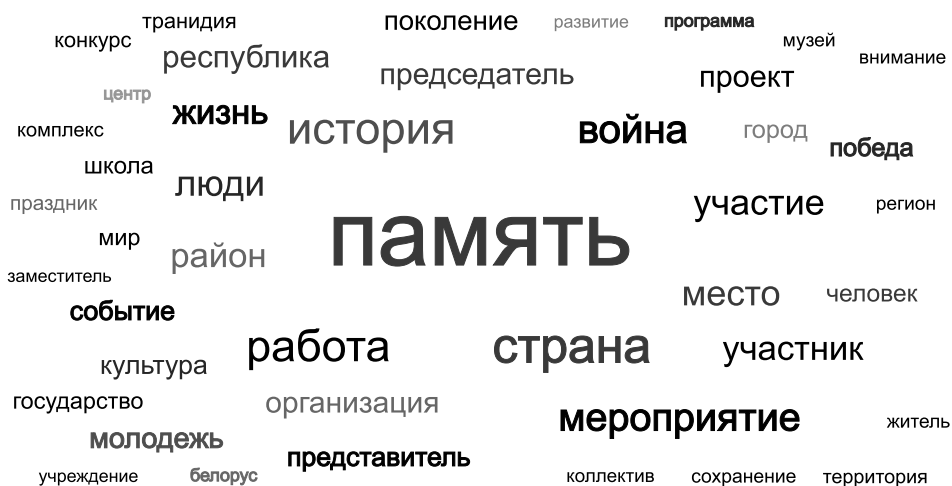

Рис. 2. Облако тегов по теме «Год исторической памяти»

Второе. *Объективная и принципиальная оценка исторических периодов и процессов, их влияния на историческую память современного общества, код нации.*

Цельность и преемственность исторической памяти отражена в календаре государственных, общереспубликанских и прочих праздников, а также памятных дат (далее — праздники и памятные даты), который фактически содержит в себе историю Беларуси в ми-

ниатюре и является важнейшим инструментом сохранения и обеспечения преемственности исторической памяти. Так, условное наложение праздников и памятных дат на ленту времени позволяет классифицировать их на посвященные досоветскому, советскому периодам и периоду независимости. В свою очередь, увековеченный в праздниках советский период можно подразделить на довоенный, военный и послевоенный (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение исторических периодов, тематических праздников и памятных дат

Периоды истории Беларуси		Праздники и памятные даты
Досоветский период		первое воскресенье сентября — День белорусской письменности
Советский период	довоенный	23 февраля — День защитников Отечества и Вооруженных сил Республики Беларусь 1 мая — Праздник труда 7 ноября — День Октябрьской революции 17 сентября — День народного единства (учрежден 7 июня 2021 г.)
	период Великой Отечественной войны	3 июля — День независимости Республики Беларусь (День Республики) 9 мая — День Победы 22 июня — День всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны и геноцида белорусского народа
	послевоенный	15 февраля — День памяти воинов-интернационалистов 26 апреля — День чернобыльской трагедии
Период независимости		15 марта — День Конституции 2 апреля — День единения народов Беларуси и России второе воскресенье мая — День Государственного флага, Государственного герба и Государственного гимна Республики Беларусь

Новый государственный праздник — День народного единства (впервые отмечался 17 сентября 2021 г.) — стал очередным этапом преемственности исторической памяти. Идея нового праздника не ограничивается воспоминанием об очередной годовщине воссоединения Западной Беларуси и БССР, она вобрала в себя и другие аспекты истории, культуры, уклада жизни белорусов, уходящего корнями в глубь веков.

Центральное место в исторической памяти занимает Великая Отечественная война, которая воспринимается нашими гражданами через призму Великой Победы, в которую внес свой вклад и белорусский народ. Данный фактор обуславливает важность мероприятий по раскрытию новых, не до конца изученных страниц военной истории, в том числе негативных, о которых ранее не принято было говорить в силу дипломатических и иных причин. Инициированный Генеральной прокуратурой Республики Беларусь в апреле 2021 года уголовный процесс по факту геноцида населения Беларуси во время Великой Отечественной войны и послевоенный период стал адекватной реакцией на попытки Запада пересмотреть историю Второй мировой войны. Инициатива по доскональному расследованию фактов гибели миллионов белорусов и иных лиц вследствие зверств немецких оккупантов и их пособников активно подхвачена белорусским обществом и получила юридическое закрепление в принятом белорусским парламентом Законе «О геноциде белорусского народа»¹.

¹ Закон Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200146&p1=1> (дата обращения: 20.03.2023).

Республиканский совет по исторической политике и другим мероприятия по итогам состоявшихся в 2022 году заседаний дал принципиальную и объективную оценку отдельным периодам в истории белорусской государственности:

— период вхождения Беларуси в состав Речи Посполитой охарактеризован как период оккупации, когда белорусы фактически подвергались этноциду со стороны польских магнатов и шляхты;

— этап нахождения белорусских земель в составе Российской империи оценивается как период национального возрождения и завершения формирования белорусской нации.

Венцом признания значимости исторической политики государства стало включение в принятую на всенародном референдуме 27 февраля 2022 года Конституцию Республики Беларусь ст. 54: «Каждый обязан беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности. Сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь»².

Третье. *Реализация широкомасштабных мероприятий и проектов, направленных на закрепление базовых концептов (идеологем) исторической памяти, обеспечение их преемственности в поколениях.*

Важнейшим маркером реализации государственной исторической политики в современных условиях стало неоднократное обращение к данной тематике в тезисах

² Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022.

выступлений президента Республики Беларусь (по данным АИС «Инфометрика», в 2022 г. сделано не менее 16 программных заявлений по тематике исторической политики), премьер-министра, руководителей обеих палат парламента. Тема исторической памяти стала одним из ключевых акцентов посланий главы государства белорусскому народу и Национальному собранию в 2022 и 2023 годах.

Закономерным политическим решением, отвечающим вызовам времени, стало объявление 2022 года Годом исторической памяти. В рамках данного решения реализован комплекс мероприятий, направленных на сплочение общества на основе исторической памяти, а также обеспечение преемственности поколений. В частности, в сфере науки и образования принята Концепция школьного исторического образования, в соответствии с которой разрабатывается содержание нового курса для старших классов учреждений общего среднего образования — «История Беларуси в контексте всемирной истории». Утверждена и с 1 сентября 2022 года реализуется Концепция модели цикла соци-

ально-гуманитарных дисциплин для учреждений высшего образования.

Проведенный при помощи АИС «Инфометрика» анализ информационного поля по запросу «Год исторической памяти» выявил прямую корреляцию проводимых на государственном уровне широкомасштабных мероприятий и повышения медийного интереса к исторической тематике, что подтверждает важность организационно-идеологического сопровождения реализации государственной исторической политики. Так, в периоды проведения значимых совещаний, республиканских акций и форумов, посвященных исторической памяти (совещание по вопросам исторической политики, День памяти жертв Хатынской трагедии, мероприятия в преддверии Дня Победы и других памятных дат, проведенный Президентом Республики Беларусь открытый урок «Историческая память — дорога в будущее», празднование Дня народного единства и др.), количество уникальных новостных материалов в белорусском инфополе достигало от 130 до 200 за сутки (рис. 3).

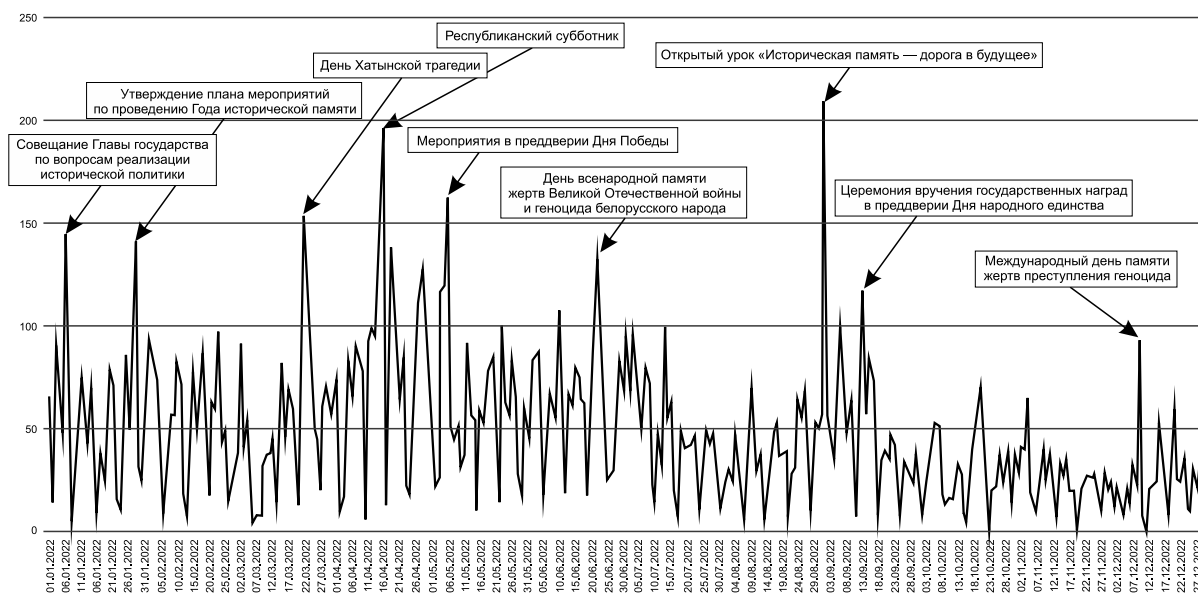

Рис. 3. Статистика публикаций в белорусских СМИ по запросу «Год исторической памяти» (период мониторинга: 1 января — 31 декабря 2022 г.)

Мероприятия объявленного в 2023 году Года мира и созидания, направленные на формирование бережного отношения к истории и культуре, повышение ответственности за будущее страны, стали логическим продолжением тематики Года исторической памяти. Это коллективная работа политиков, общественных деятелей, средств массовой информации, воспитателей и педагогов, родителей, ответственных за передачу базовых ценностей общества своим детям. Большую работу в данном направлении проводят общественные организации. Яркий пример — опыт Белорусского республиканского союза молодежи по организации молодежныхстроек на объектах исторической памяти (в частности, при реконструкции Мемориального комплекса «Хатынь»).

Четвертое. *Непрерывный анализ динамики рисков и угроз, актуальных тенденций в общественном сознании в целях актуализации концептов государственной исторической политики и повышения ее эффективности.*

Проведенные исследования, в том числе научно-исследовательская работа БИСИ «Риски формирования национально-государственной идентичности в контексте реализации исторической политики» (2020–2023 гг.) показывают, что государство **удерживает стратегическую инициативу** в вопросах сохранения исторической памяти и обеспечивает ее эффективную защиту от искажений и фальсификации, деструктивно-го воздействия извне.

Так, на сегодняшний день историческая миссия Беларуси видится в том, чтобы выступать хранительницей неискаженных восточнославянских ценностей, «капсулой памяти» о подвиге народа в годы Великой Отечественной войны, чему способствует «партизанский ген» белорусов, отстаивавших право на жизнь и собственный путь развития.

В силу географического положения постоянным вызовом для Беларуси является необходимость противостоять зачастую противоположным, а нередко и агрессивным концептам недружественных государств, что требует постоянного укрепления аргументации и калибровки акцентов государственной исторической политики.

Данная проблема требует скрупулезного научного анализа динамики идеологем окружающих Беларусь стран для понимания уязвимостей и пробелов собственных идеологем в целях их последующего дополнения актуализированными концептами, способствующими укреплению смысловых акцентов исторической памяти в агрессивной внешнеполитической среде.

Для более предметного анализа направлений совершенствования концептов государственной исторической политики предлагается декомпозиционная модель исторической памяти, состоящая из следующих элементов:

1) **цивилизационная парадигма.** Актуальный концепт для страны — принадлежность белорусов к восточнославянскому миру и цивилизационная близость братских народов Беларуси и России. Возможные направления совершенствования — укрепление союзного с Россией статуса за счет исторически обусловленного совместного участия в евразийских проектах и интеграционных инициативах со странами ОДКБ, ЕАЭС, ШОС и др.;

2) **самовосприятие.** Актуальный концепт для Беларуси — уважение к традициям и ценностям народа, которые формировались на протяжении столетий и определяют нынешнее мироощущение белорусов. Возможные направления совершенствования — пробуждение новых резервов исторической памяти, в том числе за счет «снятия печати политкорректности» с отдельных имевших место событий и процессов (яркий пример — вскрытие правды о геноциде белорусского народа);

3) **отношение к иным народам.** Актуальный концепт для Беларуси — миролюбие и обусловленное им дружественное отношение к другим государствам и народам, веротерпимость, неприятие этнической, национальной, религиозной, партийной и иной вражды, приверженность принципам невмешательства в дела других государств. Направление совершенствования — восприятие парадигмы мира как ценности, которую возможно защитить исключительно в союзе с дружественными государствами, и реализация политики сдерживания чуждых и враждебно настроенных стран и культур;

4) **оценка своей истории.** Актуальный концепт для Беларуси — историческая преемственность, исходящая из оценки каждого исторического периода как важной ступени развития белорусской государственности со своими проблемами, достижениями, успехами. Направление совершенствования — принципиальная и объективная оценка всех периодов истории белорусской государственности, а также собственные интерпретации важнейших исторических событий, в том числе затрагивающих политику памяти других государств, стремящихся подменить историческую память белорусского народа;

5) **квинтэссенция страновой миссии.** Актуальный концепт для Беларуси — антифашизм и мирное созидание как дань признания особой значимости вклада жителей БССР в победу советского народа над нацизмом. Направление совершенствования — переход в парадигму обороны и защиты ценностей на основе неоднократно пережитого исторического опыта существования нации в неблагоприятных геополитических условиях.

Таким образом, государственная историческая политика находится в постоянной динамике, обусловленной как внешними условиями, так и ускоряющимися в силу развития технологий процессами социокультурной трансформации общества. Эффективность государственной исторической политики зависит от способности ее субъектов улавливать и упреждать вызовы и новые обстоятельства, формулировать нужные и действенные послы обществу, вовлекать граждан в реальные проекты по сохранению и укреплению исторической памяти.

А. П. Садохин¹

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Как известно, роль и значение каждой страны в мире определяются, с одной стороны, сочетанием ее экономических, научно-технических, культурных факторов и военным потенциалом, а с другой — географическим положением, размером территории, богатством природных ископаемых, особенностями климата, составом и численностью населения, протяженностью и безопасностью границ. В совокупности эти группы факторов определяют геополитическое положение, взаимоотношения с дружественными и недружественными странами, а также международный авторитет страны.

Применительно к России действие перечисленных факторов проявляется в следующих объективных особенностях ее положения в современном мире:

— из всех стран мира Россия занимает первое место по площади территории и девятое — по численности населения;

— Россия обладает огромными природными ресурсами и вследствие этого — энергетической независимостью;

— у России развитая система разработки и транспортировки углеводородного сырья, что делает ее великой энергетической державой;

— Россия обладает самыми современными ракетно-ядерными силами;

— Россия имеет устойчивые политические и экономические связи со многими развивающимися странами;

— социально-политическая ситуация в стране стабильна, во внешней политике Россия занимает активную позицию, в экономике имеет устойчивый позитивный рост.

Во то же время современный статус и положение России в мире зависят не только от этих особенностей, но и от общей политической ситуации и тенденций развития в мире, от действий других государств, включая страны ближнего зарубежья.

Дело в том, что после распада Советского Союза Россия столкнулась со множеством сложных проблем, существенно повлиявших на ее роль и статус в мировом сообществе.

Во-первых, по-прежнему являясь государством с самой большой территорией, наша страна утратила стратегические позиции на Черном и Белом морях, поскольку новые государства, ранее входившие в состав СССР или являвшиеся его политическими союзниками

ми, отделили Россию от Европы. Таким образом, произошло изменение геополитической ситуации: международное влияние России уменьшилось, внешнеполитические проблемы усложнились.

Во-вторых, негативные геополитические и демографические процессы, а также кризис в экономике привели к тому, что Россия утратила статус сверхдержавы, которая могла влиять на развитие мировой экономики. Сегодня по объему ВВП Россия в несколько раз уступает ведущим экономическим странам (Германии, Китаю, Японии), она принадлежит к государствам второго ранга (наряду с Италией, Великобританией, Францией), но при этом по величине валового продукта на душу населения существенно — в 2–3 раза — отстает и от них.

В-третьих, сегодня экономическое развитие России происходит за счет традиционной продажи сырьевых ресурсов. Отечественная промышленность не в состоянии производить и поставлять на мировой рынок высококачественную продукцию. Более благоприятное положение у России на рынке энергоресурсов. Сегодня страна обладает высокой долей мировых запасов природного газа (26,6 %), нефти (до 13 %) и каменного угля (20 %).

Однако для превращения своего энергетического потенциала в политический капитал России необходимо внедрить современные технологии, реконструировать имеющиеся производства и построить новые. После этого, по прогнозам специалистов, в ближайшие годы Россия сможет занять пятое-шестое место в мире среди экономических держав.

В-четвертых, сегодня наша страна существует в неблагоприятном геополитическом окружении. Польша, Чехия, Словакия, некоторые бывшие советские республики — Украина, страны Балтии — проводят враждебную политику по отношению к России, что негативно влияет и на взаимоотношения России со странами Западной Европы.

Кроме того, пространство бывшего СССР сегодня характеризуется политической нестабильностью, в основе которой лежат национальные, региональные и глобальные факторы. Это пространство становится местом конкурентной борьбы России со странами Запада и Китаем за природные месторождения, стратегически важные территории и эффективные промышленные центры.

В-пятых, геостратегический фактор современной России заключается в стремлении создать надежный военно-политический союз дружественных стран, заинтересованных в сотрудничестве между собой. Необходимость такого союза обусловлена тем, что сегодня национальные республики Центрального региона (Татарстан, Башкортостан) и Северного Кавказа (Чечня, Дагестан) самостоятельно устанавливают и развивают связи с другими странами на основе общих этнокультурных и религиозных факторов. Результатом этих процессов становится усиление влияния на них исламских государств.

¹ Главный редактор журнала «Культура и цивилизация», доктор культурологии, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 117 научных публикаций, в т. ч.: «Политические ресурсы и инструменты местного национализма в современной России», «Ресурсы этнической идентичности в современной России», «Культурология в лабиринте современных образовательных императивов», «Автоматические методы детекции культурных смещений в социальных сетях (На материале диалогов из Telegram)» (в соавт.), «Визуальный язык церемонии открытия XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов» (в соавт.), «Machine Learning Methods for Indicating Cultural Biases in Spoken Russian Language: Dominants and Trends of Modern Society» (в соавт.) и др.

Драматизм современной геополитической ситуации постсоветской России в том, что у нее много очевидных врагов, но крайне мало (одна Беларусь) надежных друзей и соседей, которые могут помочь в защите ее интересов. Этим вызван отказ России от модели донорских связей с бывшими республиками СССР и курс на дифференцированную политику по отношению к ним. В новой политической ситуации главной целью России является формирование привлекательной социально-экономической и политической модели, которая стала бы образцом для ее соседей и других стран.

В-шестых, в последние два года, прежде всего в связи с проведением СВО на Украине, положение России в мировом сообществе резко ухудшилось. Полностью прекратились процессы интеграции с западными странами, отношения с которыми находятся сегодня на грани холодной войны и характеризуются конфликтными ситуациями и жестким соперничеством во всех сферах.

В сложившейся ситуации особую важность для России приобретает осуществление всесторонней модернизации экономики с ориентацией на собственные цели и приоритеты. Стремясь занять достойное место в современном мире, Россия должна решить целый ряд задач:

- сохранить свою территориальную целостность и государственную независимость;
- превратиться в индустриально развитое государство и избавиться от экспортной сырьевой зависимости;
- поднять уровень жизни населения до того, каким отличаются развитые европейские страны;
- создать систему международных организаций с готовыми к сотрудничеству дружественными странами;
- взаимодействовать с международными организациями и участвовать в международных мероприятиях, отстаивая национальные интересы;
- активно противодействовать любым попыткам ограничить свои интересы во всех сферах.

Решение перечисленных задач означает становление новой идентичности России, способной играть более значимую роль в мире. Однако усиление влияния нашей страны сегодня неоднозначно воспринимается США и странами Западной Европы. Так, США считают, что появление сильного и влиятельного государства в Евразии не отвечает интересам США и Запада, а потому стремятся всеми способами сдерживать и тормозить растущую независимость России, препятствуют успеху нашей страны в самых разных областях жизни.

В этих условиях у развивающихся стран мира крепнет желание строить отношения с Россией на основе равенства, уважения суверенитета и территориальной целостности. Подтверждением тому является создание таких объединений стран, как ШОС и БРИКС, международный авторитет которых постоянно растет. При этом в мире увеличивается число тех, кто понимает, что суверенная и сильная *Российская Федерация отвечает интересам мирового сообщества* и отношения с ней должны строиться с учетом новых требований мироустройства.

В то же время очевидно, что процесс становления новой России будет трудным и длительным и продлится до середины XXI века. По прогнозам разных специалистов, он будет включать несколько этапов:

- стремление США и Запада сохранить доминирование и установить такие «правила поведения» для всех стран, которые соответствуют их интересам;
- разрушение прошлого миропорядка, что приведет к конфликтам в международных отношениях и отказу от выполнения ранее заключенных договоров;
- формирование нескольких крупных региональных политических и экономических блоков и установление новых взаимоотношений между ними;
- становление системы нового мироустройства, отвечающего интересам большинства стран.

Объективная оценка современного состояния страны позволяет сделать вывод, что у России есть достаточный потенциал для успешного формирования привлекательного облика, который больше соответствует новой исторической эпохе. Сегодня Россия вынуждена решать целый ряд проблем, чтобы противостоять коллективному давлению стран Запада, их стремлению сохранить свое доминирование за счет ограбления развивающихся стран. Особенно важными направлениями представляются формирование будущего многополярного мира, реализация на практике новой стратегии партнерства цивилизаций в рамках ШОС, БРИКС, ЕАЭС, а также создание международных институтов нового мироустройства на принципах единства и многообразия. Для этого необходимы новые формы внешней, социально-экономической и культурной политики, партнерство цивилизаций, отказ от соперничества в борьбе за сырьевые источники и рынки сбыта.

В своем стремлении утвердить новый тип мироустройства Россия не одинока, ее в разной степени поддерживают другие государства, среди которых можно отметить Китай, Индию, Иран, Турцию и др.

В настоящее время Китай оценивается как сверхдержава, которая присутствует практически во всех регионах мира. В последние годы мы наблюдаем активное сближение Китая с Россией. Причиной этого процесса является резкое охлаждение отношений Китая с США: Китаю приходится сближаться с Россией для противостояния давлению со стороны Соединенных Штатов. Однако следует помнить, что Китай — чрезвычайно прагматичная страна, поскольку всегда и во всем руководствуется прежде всего собственными интересами. Поэтому в расширении и укреплении взаимосвязей с Китаем России не следует допускать монополии на дружбу с собой, необходимы глубокие партнерские отношения и с другими азиатскими странами.

Один из главных партнеров России в Азии — Индия. Но, несмотря на то, что связи нашей страны с ней являются тесными и разносторонними, отношения России с Индией нельзя назвать крепкими и доверительными. При работе с Индией следует постоянно помнить, что это государство с особой внешней политикой, которая не ориентирована на политические нормы коллективного Запада. Особую проблему для России представляет индийско-пакистанское противостояние, поскольку наша страна имеет дружеские отношения с обеими сторонами

конфликта и находится как бы между двух огней. Однако благодаря активной культурной дипломатии нашей стране удается сохранять хорошие экономические и политические отношения как с Индией, так и с Пакистаном.

Для взаимоотношений России с Турцией основными проблемами являются ставка последней на религиозный фактор во взаимоотношениях с государствами постсоветского пространства. При этом Турция стремится сократить в постсоветских государствах влияние не только США, но и России. В этих обстоятельствах нам следует помнить, что современные добрососедские отношения России с Турцией установились сравнительно недавно, на протяжении веков они были крайне далеки от дружеских.

Как и все другие страны, Иран во взаимоотношениях с Россией руководствуется собственными интересами. Но, в отличие от Турции, Иран не так активно проводит свою политику в Центральной Азии и Закавказье. Однако даже при более низкой активности Иран и Турция являются конкурентами в данных регионах. При этом Иран стремится проводить самостоятельную политику со всеми странами, и прежде всего с Китаем. Однако для России важным является желание Ирана стать членом ШОС и БРИКС, членство в которых позволяет этой стране получить доступ к технологиям и рынкам членов альянсов. В перспективе полноценное участие Ирана в названных объединениях выведет его из экономической и политической изоляции.

Подводя итоги, следует обратить внимание, что у России осталось мало времени на создание основ нового мироустройства. Сейчас надо срочно наверстывать упущенное за последние десятилетия. В этом плане необходимо:

- преодолеть зависимости отечественной экономики от сырьевого экспорта, превратить Россию в развитую постиндустриальную страну — технологически развитую державу;

- проводить прагматичную внешнюю политику, *устанавливая справедливый и демократический миропорядок*, основанный на верховенстве международного права и равноправных партнерских отношениях со всеми странами;

- сближаться со странами, готовыми сотрудничать с нашей, формировать дружественные связи с сопредельными государствами;

- активно участвовать в деятельности международных организаций и принимать участие в международных мероприятиях, руководствуясь национальными интересами;

- противодействовать попыткам ущемления интересов Российской Федерации во всех сферах, создавать систему двусторонних и многосторонних партнерских отношений, укрепляющих положение страны.

Только после реализации указанных задач Россия как страна перестанет быть такой слабой, какой она была в конце XX века.

В. А. Сафонов¹

ПРАВО НА ЗАБАСТОВКУ: РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ

Основой любой отрасли отечественного права является Конституция Российской Федерации, которая, будучи актом высшей юридической силы, закрепляет права и свободы человека и гражданина, а также фундаментальные принципы, на которых строится вся система правового регулирования общественных отношений. Конституция Российской Федерации устанавливает идеалы развития российского общества и государства, придает им нормативно-правовое общеобязательное значение.

В то же время Россия, являясь частью мирового сообщества, включает в свою правовую систему общепризнанные принципы и нормы международного пра-

ва. Однако эти принципы и нормы, особенно в их истолковании международными организациями и межгосударственными органами, могут не соответствовать положениям российской Конституции. В этом случае в соответствии со ст. 79 Конституции РФ решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции нашей страны, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Ярким примером такого несоответствия выступает трактовка права работников на забастовку.

Российская Конституция рассматривает его как часть права на трудовые споры: в соответствии с ч. 4 ст. 37 Конституции РФ признается право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку.

У Международной организации труда (МОТ) иная установка. Право на забастовку естественным образом вытекает из права на организацию, защищенного положениями Конвенции МОТ № 87, из чего следует, что запрет на забастовки, не связанные с коллективным спором, в котором одной из сторон выступают работ-

¹ Начальник Управления по обеспечению судебных заседаний Конституционного Суда РФ, доцент кафедры трудового и социального права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, действительный государственный советник юстиции РФ 3-го класса. Автор более 160 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Социальное партнерство», «Трудовое право России» (отв. ред. и соавт.), «Трудовые споры» (отв. ред. и соавт.), «Социальное партнерство в сфере труда: некоторые конституционные аспекты», «Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации» (отв. ред. и соавт.), «Право на объединение в профсоюзы: ограничения по кругу лиц» и др. Награжден медалями «100 лет профсоюзам России», «30 лет ФНПР», Почетными грамотами Федерации независимых профсоюзов России.

ники или профсоюз, противоречит принципам свободы объединения¹. Такая позиция, в свою очередь, приводит МОТ к необходимости признания забастовок солидарности, которые не допускаются в Российской Федерации.

Какая же позиция является наиболее правильной с точки зрения теоретических представлений о правовой природе права на забастовку?

Прежде чем дать ответ на этот вопрос, необходимо отметить, что перед МОТ не стояла проблема выбора: МОТ так и не смогла принять конвенцию о разрешении трудовых споров и урегулировании конфликтов в сфере труда, поэтому на международно-правовом уровне конвенционное право на трудовые споры попросту отсутствует. Следовательно, право на забастовку (также отсутствующее на конвенциональном уровне) Международной организацией труда может быть выведено исключительно из права на объединение.

Российская Федерация при формировании Конституции имела возможность выбора, поскольку признает за человеком и гражданином как право на объединение, включая право создавать профсоюзы для защиты своих интересов, так и право на индивидуальные и коллективные трудовые споры. На чем же основывается рассматриваемое положение Конституции Российской Федерации?

Бесспорно, под забастовками понимаются действия организованных работников, будь то профсоюзная организация либо коллектив, созданный не работниками для целей представительства их интересов, а работодателем для ведения своей экономической деятельности. Вне организованной деятельности работников никакая забастовка невозможна, поэтому она безусловно связана с реализацией права на организацию.

Цель забастовочных действий состоит в том, чтобы добиться от работодателя (объединения работодателей) более выгодных для работников условий труда или сохранить существующие условия, если нежелательные изменения инициирует работодатель. С достижением этой основной цели так или иначе связаны все остальные цели, которые реализуются в ходе забастовки. Таким образом, с забастовками неразрывно связаны коллективные переговоры на всех уровнях социального партнерства и локальное нормотворчество работодателя при участии представительного органа работников — процессы, в ходе которых в договорном порядке либо при участии представителей работников определяются условия труда.

Стороны могут ограничиться переговорами и в ходе них по взаимной договоренности согласовать единую позицию. В такой ситуации оказание давления на работодателя в каких-либо жестких формах попросту нецелесообразно и способно лишь помешать переговорам.

Осуществление силовых действий, одним из проявлений которых является прекращение работы, возможно только в ситуации возникновения таких разно-

гласий, которые не могут быть урегулированы путем переговоров, то есть, говоря юридическим языком, при разрешении коллективного трудового спора. Это позволяет констатировать отсутствие у права на забастовку самостоятельного характера и рассматривать его как средство, обеспечивающее другое право — на трудовые споры.

Прекращение работы в качестве средства давления на работодателя призвано побудить последнего к принятию позиции работников и установлению (сохранению) желательных для них условий труда. Это возможно посредством заключения соглашения между спорящими сторонами в рамках процедуры примирения. Следовательно, забастовка является частью коллективного трудового спора, средством давления, используемым работниками в ходе примирительной процедуры.

Таким образом, положения Конституции Российской Федерации о праве на забастовку полностью соответствуют теоретическим представлениям о его правовой природе.

Отдельно необходимо остановиться на проблеме допустимости забастовок солидарности, которые проводятся работниками, не являющимися стороной коллективного трудового спора и не связанными трудовыми отношениями с работодателем (работодателями), против которых направлена забастовка, в поддержку позиции работников — стороны спора.

Проведение забастовки работниками, которые не являются стороной коллективного трудового спора со «своим» работодателем, не имеет конституционно-правовых оснований. Законодатель в принципе вправе расширить содержание права на забастовку, допуская в определенных пределах проведение забастовок солидарности, но при обеспечении конституционных прав работодателя, работники которого прекращают исполнение трудовых обязанностей в поддержку позиции работников другого работодателя.

Забастовка солидарности имеет смысл, если она реально воздействует на работодателя, являющегося стороной трудового спора, создает для него неблагоприятные условия и тем самым заставляет заключать соглашение с работниками. Этими целями может достигать исключительно забастовка солидарности, затрагивающая имущественную сферу такого работодателя (например, отказ обслуживать его конкретные заказы, поставлять ему продукцию и т. п.). Подобные действия работников в принципе можно признать допустимыми, но при установлении мер, направленных на защиту прав и интересов того работодателя (не нарушающего права и не ущемляющего интересы «своих» работников), в имущественной сфере которого проходит забастовка солидарности. Такими мерами могут быть недопущение по решению работодателя бастующих на рабочие места и замена их на время забастовки другими работниками.

Проведение забастовки как акции моральной поддержки бастующих работников иного работодателя не соответствует принципам социального партнерства, поскольку интересы работодателя, на которого призвана воздействовать данная акция, никак не затрагиваются, а у самих работников существуют и другие способы поддержать спорящих работников (объявления о соли-

¹ Свобода объединения : сб. решений, принятых Комитетом по свободе объединения. 6-е изд. Женева : Междунар. организация труда, 2018. С. 155–159. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_762287.pdf (дата обращения: 21.05.2023).

дарности в средствах массовой информации, проведение митингов, демонстраций, сбор денежных средств для нужд бастующих и т. п.). Возможность проведения забастовки солидарности необходимо связывать также с допустимостью забастовки работников, занятых у работодателя — стороны спора: если урегулирование трудового спора находится в стадии, когда допу-

стимо проведение «основной» забастовки, может быть проведена и забастовка солидарности¹.

Впрочем, эти размышления касаются исключительно времени спокойного развития общества, вне ситуаций, требующих четкого и стабильного функционирования экономики в условиях недружественного внешнего воздействия.

В. Е. Триодин²

ПРОШЛОЕ КАК ПРОЕКТ БУДУЩЕГО

Есть события, по поводу которых общество в обозримом будущем вряд ли придет к консенсусу, проложит тропу согласия. Одно из них — образование СССР. Оно произошло сто лет назад — 20 декабря 1922 года. Юбилей на государственном уровне страна отмечала, но не праздновала.

На личностном уровне все сложнее. Ибо есть не одна некая правда или вымысел, а множество точек зрения. Сколько людей — столько мнений. Но это не интеллектуальная междоусобица. Каждая точка зрения несет в себе долю истины, сочетает несовместимое. Как известно, революция расколола общество, привела к Гражданской войне. По разные стороны развела она и творческую интеллигенцию. Писателей называют нервом народа. Тем интереснее напомнить об их противостоянии в восприятии великого переворота, у которого были и апологеты, и противники.

Андрей Белый приветствовал Октябрь, видел в нем очистительную силу, «святое безумие». Другие демонизировали революцию. Иван Бунин заклеил ее как «окаянные дни». Федор Сологуб увидел в ней новую эпоху «крещения грязью». Александр Блок выразил свое отношение к революции в одной из величайших и едва ли не самой загадочной поэме «Двенадцать». Не случайно, поставив последнюю точку в этом произведении, Блок записал в своем дневнике: «Сегодня я — гений». «Революционный шаг» держит патруль из двенадцати красноармейцев. Число символическое: столько апостолов было у Христа. Они «идут без имени святого... ко всему готовы», им «ничего не жаль». Объединяющая их идея: «Пальнем-ка пулей в Святую Русь... — толстозадую». И пальнули... только в Катку «толстоморденскую». Не усматривал ли Блок здесь какую-то едва ощутимую взаимосвязь? Большевист-

ская пресса внесла поэму в святцы соцреализма, объявила, что красноармейцев-апостолов ведет Сын Божий. Но в евангельском тексте имя Христа пишется через две «и» — Иисус. У Блока впереди идущий — Исус (с одной «и»). В руках у него — кровавый флаг. Да добавок он еще «в белом венчике из роз», как какая-то артистка из кабаре. И замыкает шествие голодный пес как символ старого мира. Весьма сомнительно, что подлинный Христос возглавляет патруль. Скорее всего, это Другой (антихрист). И ведет он красноармейцев ложным путем. Образ Другого Христа сохранился и в творчестве поэтов рубежа XX–XXI веков. «Шел не Христос по водам — по крови деспот шел в бесшумных сапогах» (А. Вознесенский).

Так какое же государство построили блоковские красноармейцы в СССР? Столбовую дорогу цивилизации или сказку про белого бычка? Светозарную Русь или Тьмутараканище? Землю обетованную или монстр-государство? И кто руководил строительством? Идеалы или идолы? Гении или злодеи? Христос или Антихрист? И что получилось в итоге: правда или кривда?

Думается, что вопросы сформулированы таким образом, что любой ответ на них будет односторонним, несущим не объективную истину, а субъективный взгляд. Более того, так ставить вопросы нельзя, ибо они уводят от правильного понимания истории, места и роли исторических деятелей.

Дело в том, что человек по природе своей амбивалентен. В нем есть единство и борьба противоположностей. В одном флаконе содержатся добро и зло, святость и грех, Моцарт и Сальери. «Я царь — я раб, я червь — я Бог» (Г. Р. Державин). Поэтому черно-белое кино, «или — или» здесь не подходят. Сложившаяся система, как и ее лидеры, — единство и борьба противоположностей. К тому же социализм строился не на голом месте. К примеру, доминантная черта социализма — коллективизму — имеет глубокие исторические корни.

Жизнь сообща — способ существования человека. В одиночку не выжить. Человек — социальный организм. «Я — суверенное государство», — интеллектуальный эпатаж философа Александра Зиновьева. Только барону Мюнхгаузену удалось вытащить самого себя из болота за волосы.

Социальный тип личности впервые в человеческой истории взрастил родоплеменной строй, который иногда называют первобытным коммунизмом. Крещение — поворотное событие в российской истории.

¹ См.: Трудовые споры : учеб. пособие / под ред. В. А. Сафонова, Е. Б. Хохлова. М. : Проспект, 2015.

² Ведущий профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник культуры РФ. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Педагогические основы культурно-просветительной работы», «Клуб и свободное время», «Педагогика клубной работы», «Социально-культурная деятельность в условиях кризиса и его преодоления», «История социально-культурной деятельности», «Век нынешний и век минувший (Опыт исследования культурно-образовательных проектов социализма в рыночных условиях)», «Сага о времени и о З. В. Чаловой. Опыт биографии» и др. Почетный председатель Санкт-Петербургского отделения Российского творческого союза работников культуры. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга. Почетный профессор СПбГУП.

Православная церковь обогатила первобытную социальность соборностью. Собор — центральный храм. Соборность — духовное единение воцерковленных людей. Соборяне — «братья по ладони, пробитой гвоздем» (Вл. Костров).

Октябрьская революция 1917 года в очередной раз повернула колесо истории. Традиционно революцию сводят к свержению политического строя. Но это, прежде всего, новый тип общности — коллективизм (от *лат.* colligo — соединять, объединять), новый тип человека — коллективист. Коллективизм предполагает солидарность и взаимопомощь людей. В сложившейся практике советского общества он стал советским вариантом соборности. Соборность на государственном уровне привела к нивелировке личности, самооскоплению, растворению «я» в «мы». «Закончилось время человека как индивида и наступило время человека массы» (Ортега-и-Гассет).

Советское государство было не просто атеистическим, а воинственно атеистическим. Оно подмяло под себя церковь. Тем любопытнее, что православный крест прорастал в нем сквозь марксизм. Такой вот оксюморон — сочетание несочетаемого.

Начнем с вождей. В обществе складывалось сакральное отношение к власти. Ее обожествляли. Первый признак святости — бессмертие. В массовом сознании Ленин не только жил, но жив и сегодня. И будет жить вечно. То есть он бессмертен, как Бог. Атмосфера всеобщего обожествления окружала и Сталина. Ему верили больше, чем самим себе. Он стал пантократором (всевластителем, вседержителем). Во всех служебных кабинетах, во многих частных домах висели, как иконы, портреты Ленина, Сталина. Их произведения воспринимали как текст Священного Писания. Социализм становился новой ипостасью Святой Руси, народной мечтой о земном рае, вариантом гражданской религии. В самом деле, СССР стал землей обетованной. Вся сущность советского человека была пропитана послушанием, как у монахов в монастыре. Гимн в обыденном сознании воспринимался как гражданская молитва народа. Соборность заменил коллектив. Библией стал краткий курс истории ВКП(б). Культивировалась почти религиозная литература о духе, смиряющем и побеждающем плоть, например «Как закалялась сталь» Николая Островского, которого Анри Барбюс называл советским Иисусом Христом. О Великой Отечественной войне народ пел как о войне священной. Сталин, обратившись к гражданам, назвал их «братья и сестры». Вера была движущей силой и в православии, и в социалистическом обществе. Люди верили, что и небывалое возможно: сказка станет былью, утопия — реальностью. Фундаментальное отличие было только одно. В Библии Бог создал человека. При социализме человек сам пытался творить своих богов, собратьев, будущее.

Кажется, сбылась заветная мечта Козьмы Прутков — ввести одно господствующее мнение по всем событиям и вопросам. Здесь идеологи социализма заметно преуспели в массовом массаже мозга. Подавляющее большинство населения не сомневалось, что СССР — государство-Солнце. Советский человек — солнечный

человек. И рожден он, чтобы жить в солнечном социализме. И народ самозабвенно пел песню-утопию: «Завтра будет лучше, чем вчера». Сегодня такое восприятие окружающей действительности объясняют отлично сработанной системой зомбирования монстра-государства, «империи страха» (Б. Окуджава). Страх агрессивно воздействует на подсознание. Насилие всегда было повивальной бабкой истории. Стоит ли удивляться, что в плоть и кровь нового человека вошла заповедь «не должно сметь свое суждение иметь». Тем не менее быстрота зомбирования поражает. Иначе как одержимостью это не назовешь.

Массовое самоощущение советского человека очень точно выразил Роберт Рождественский: «Мне Земля для жизни более пригодна после Октября семнадцатого года». Его дополнил Олег Газманов: «Сделан я в СССР».

В чем же специфика «сделанного» в СССР человека? В деперсонализме — отказе от собственной личности. «Я буду там, где должен быть, куда поставит класс» (С. Чекмарев).

Класс начинал расставлять людей с самого малого возраста: октябрят, пионеры, комсомольцы, коммунисты. Включение в коллективы избавляло их от ощущения социального сиротства, смятения в умах. Но была и скверна в новом жизнеустройстве. Она состояла в слепом подчинении впередсмотрящим. В стране был «один вожатый — товарищ ВКП» (В. Маяковский). И была главная заповедь для всех: «Быть таким, как нам приказано» (А. Галич). «Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть!» «Будь готов! — Всегда готов!» Е. Евтушенко позднее назвал такой тип человека «будьготовчиком». Его выразительный портрет нарисовал А. Галич: «Но, как пес, гремя ошейником, / Я иду, повесив голову, / Не туда, куда мне хочется, / А туда, где: — Ать — два — три!» Абсолютизация «мы» была опасна и для государственного строительства. «Если все шагают в ногу — мост об-ру-ши-ва-ет-ся» (А. Галич). Вместе с тем включение человека в коллектив приучало его работать в команде, сообщая. «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет» (И. Крылов). И хотя СССР не состоялся, но сохранился в сознании многих как величайшее завоевание.

И никуда от этого не деться. Главные вложения СССР были в человеческий капитал — в образование, медицину, науку. Советское образование долгое время считалось лучшим в мире. Добавим к этому низкие цены на жилье и жилищные услуги, бесплатные здравоохранение и образование (среднее и высшее), переселение из коммунальных квартир в отдельные, широкий доступ к культурным ценностям (дешевые книги, билеты в зрелищные учреждения), послевоенное ежегодное снижение цен на продукты питания, товары массового спроса и т. п. Судить о социалистическом государстве надо по изменению человека. Как резковато, но точно сказал об этом Илья Эренбург, эмбрионы людей постепенно становились личностями. Победу в войне, космосе, в становлении страны как мировой державы обеспечили образованные люди. Оппоненты могут возразить, что это все рассказы о советском мороженом. Советское значит отличное. Какая-то вариация сток-

гольмского синдрома, когда заложники сочувствуют захватчикам, жертвы испытывают любовь к обидчикам. Но ведь были же и репрессии. Были. Автор не относит себя к манкуртам, страдающим поражением центров памяти. Точнее публично оболганной Анны Ахматовой никто, пожалуй, не сказал о массовом терроре: «Разве забыли мои уста / Вкус твой, горе!», «И безвинная корчилась Русь / под кровавыми сапогами / И под шинами черных марушь». И, наконец, личная трагедия поэта: «Муж в могиле, сын в тюрьме, / Помолитесь обо мне». Музу блокадного Ленинграда Ольгу Берггольц арестовали беременной. На следствии ее били до выкидыша. Помолимся о жертвах массового террора.

И все-таки надо сказать, что было бы большой ошибкой видеть истоки беды в сатанизме одного человека или группы людей, поддерживающей его. Мировая история учит, что неизменным спутником революции всегда было насилие. И даже Господь Бог лишил жизни всякую плоть (кроме Ноя и его семейства), когда увидел, как велико развращение. А потом были уничтожены города Содом и Гоморра за новые грехи их жителей. Сопrotивление египетского фараона выходу израильского народа привело к десяти казням египетским. Не было дома, где не было бы мертвеца.

Да, сегодня можно говорить о неполном соответствии замысла революции его исполнению. Ах, кабы нам всем тот разум, который приходит опосля! Сталин и его команда, как сталкеры, шли непроторенным путем. Ошибки здесь неизбежны. Но главная тенденция состояла в сознательном нарушении «нельзя» во имя «надо» (З. Гиппиус). Оценку вечного столкновения мечты и реальности лучше всех выразил Пьер-Жан де Беранже: «Господа! Если к правде святой / Мир дороге найти не сумеет, / Честь безумцу, который навеет / Человечеству сон золотой». Прочеты СССР были учтены Китаем. Он не отказался от социализма, а построил его с китайской спецификой. Сегодня это наиболее быстро растущая экономика мира.

Распад СССР был «крупнейшей геополитической катастрофой» (В. В. Путин). Ее величество История требует, чтобы строительство новой жизни начиналось не с чистого листа. Прошлое — это не пыль веков. Дмитрий Сергеевич Лихачев учил рассматривать прошлое как проект будущего. Надо учиться оглядываться на прошлое, не боясь превратиться в соляной столб. Разумеется, не допуская тех ошибок, которые принимались за озарение. Только так страна выйдет на верную дорогу.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Н. Г. БАГДАСАРЬЯН — профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, кафедры информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. П. ГАВРИЛЮК — профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, кандидат искусствоведения
- Ю. Д. ГРАНИН — ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Москва), доктор философских наук, профессор
- Е. С. ДАШКОВА — заведующая кафедрой экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук, доцент
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ — ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- М. И. КОЗЬЯКОВА — профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (института) им. М. С. Щепкина (Москва), доктор философских наук
- Д. В. ЛОБОК — доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат исторических наук
- Л. В. МАТВЕЕВА — профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук
- А. П. САДОХИН — главный редактор журнала «Культура и цивилизация» (Москва), доктор культурологии, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Ж. Т. ТОЩЕНКО — главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, председатель Международного редсовета журнала РАН «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор
- А. В. ШЕРШУКОВ — заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (Москва), главный редактор центральной профсоюзной газеты «Солидарность»

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, от имени Оргкомитета XXI Международных Лихачевских научных чтений приветствую вас и благодарю за участие. На секционных заседаниях по традиции продолжается обсуждение идей, высказанных в ходе пленарного заседания и панельной дискуссии. Призываю вас обмениваться мнениями и реагировать на выступления друг друга. Чтения посвящены проблеме диалога культур — диалог начинается с личного умения его выстраивать.

Хотел бы высказать свое мнение по поводу темы секции — «Россия в глобальном мире: новый этап истории». После Второй мировой войны самым драматичным событием в истории XX века считаю распад Советского Союза. Но России повезло, потому что нашу страну возглавил В. В. Путин, избравший верный курс, который позволит сделать ее сильнее, вернуть величие и играть более важную роль в мире. Мне жаль Запад, который попытался отказаться от русской культуры. Хотя на самом деле они ни от чего не отказались — такое поведение свойственно лишь узкой груп-

пе западноевропейской элиты, находящейся под влиянием американцев.

Пятнадцать лет назад на Лихачевских чтениях мы начали обсуждать вопрос, что будет дальше с США и Западом в целом. Было понятно, что США переживают кризис капиталистической модели развития. Величайший философ XX — начала XXI века В. С. Степин сделал на Чтениях ряд ярких докладов на эту тему. Он допустил возможность преодоления кризиса США. Я же, изучив кризис современного западного капитализма, вижу, что западная элита не ищет пути выхода из той ситуации, которая возникла на Западе в экономике, культуре, политике. Они уверены в том, что у них все хорошо. В результате сегодня перед Западом стоит угроза если не исчезновения, то существования как одного из полюсов силы. Они этого не чувствуют, полагая, что победят. Но это невозможно.

Последние тридцать лет я изучаю Запад, перенимаю лучшее из того, что там есть, чтобы применить в СПбГУП. Университет — это плод моей работы по изучению западного опыта. Я люблю Запад, поэтому

мне обидно наблюдать за тем, что сегодня происходит. Д. С. Лихачев, В. В. Путин и многие россияне рассматривали Европу как пространство от Гибралтара до Берингова пролива. Предлагалась концепция большой объединенной Европы, которую в Германии и Франции многие разделяли, — Россия должна была стать ее частью. Но США решили иначе и сумели на Западе реализовать свои идеи.

Мир стоит на пороге больших потрясений. Надеюсь, что происходящее в России будет не потрясением, а движением вперед. За последние десятилетия нашей страной накоплен огромный запас прочности. В общем, мы должны верить в то, что живем в державе с великой судьбой. Успехов!

Д. В. ЛОБОК: — Уважаемые гости и участники конференции, работа нашей секции посвящена серьезной теме — «Россия в глобальном мире: новый этап истории». Хотелось бы услышать свободную дискуссию в рамках рассматриваемой тематики. Уверен, что в России нет людей, не интересующихся перспективами нашей страны, особенно сегодня, когда сложилась непростая ситуация для всего мира.

Слово предоставляется одному из руководителей нашей секции — члену-корреспонденту РАН Жану Терентьевичу Тощенко.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Название нашей секции довольно обширное, поэтому я призываю своих коллег акцентировать внимание на второй его части — на новом этапе истории — и обратить внимание на тенденции, которые появились недавно или потребовали пересмотра старых позиций и т. д. И тогда мы, вероятно, достигнем цели нашего заседания — продуктивного обмена мнениями.

На этой неделе на сессии Российской академии наук Президент РАН Геннадий Яковлевич Красников представил отчет, раскрывающий, что Академия наук сделала для экономики и политики, какие выполняла задания и каких научных достижений достигла. Ссылаясь на данные социологов нескольких центров, он привел следующий пример: опрос, который проводили ВЦИОМ, Левада-центр и Фонд «Общественное мнение», показал, что сейчас люди демонстрируют высокий уровень доверия президенту нашей страны Владимиру Владимировичу Путину, второе место по этому показателю занимает Российская академия наук, ниже расположились правительство, Госдума, губернаторы, телевидение, СМИ, церковь и другие институты, управляющие обществом.

В своем выступлении хотел бы поднять вопрос, который может представлять интерес как для моих коллег, так и для студентов: почему доверие к науке контрастирует с использованием научных данных? Население выказывает доверие к науке и ее представителю — Российской академии наук. Другое дело, как используются научные данные и каким образом наука участвует в решении кардинальных вопросов.

Экономисты анализируют процессы, которые касаются экономики, показывают необходимость решения вопросов, связанных с четвертой промышленной рево-

люцией или шестым технологическим укладом, и роль модернизации и искусственного интеллекта в решении экономических проблем. Политологи рассматривают вопросы, касающиеся внешней и внутренней политики, соблюдения и совершенствования политических отношений, избирательной системы и пр. Над преодолением социальных проблем (касающихся заработной платы, повышения благосостояния, социальной защиты и пр.) работает целый комплекс наук.

Но я хотел бы обратить внимание на такой феномен, как общественный договор. На пленарном заседании этот термин употребила Е. Г. Драпеко. Впервые он был сформулирован французскими просветителями XVIII века Руссо, Монтескье и др. Между народом и государством, народом и властью существуют неписанные законы (помимо решения государством экономических политических и социальных проблем) — негласные правила, выражающиеся в доверии и поддержке тех или иных властных инициатив. Проблема общественного договора была поднята в XVIII веке, в преддверии Великой французской революции, которая реализовала это право.

Начало социологии увязывается с принятием того факта, что каждый человек должен стать участником исторического процесса. До этого момента с мнением людей не считались, все вопросы решали царь, хан и военная знать. Народ рассматривался как товар, который можно продать. Соглашение между гражданами и государством по вопросам государственного управления было реализовано в ходе Французской революции. С тех пор в нашей истории это влияние (часто латентное) между народом и властью продолжает существовать, что проявлялось неоднократно, в том числе в нашей стране.

В новой России велось много дискуссий по поводу Октября 1917 года. Но из анализа ускользал один момент — большевики и народ стали говорить на одном языке. Люди хотели мир — народам, землю — крестьянам, фабрики — рабочим. И большевистская партия предложила те же цели. Тогда сложно было заставить поддерживать друг друга, и был заключен своего рода общественный договор, где цели народа и государства, партии совпали. Потом в нашей стране этот принцип более или менее соблюдался, пока в 1980-х годах все не закончилось перестройкой, когда негласная договоренность между народом и политической властью была нарушена, хотя государство политически и экономически еще существовало.

В 1990-е годы Институт системных исследований РАН исследовал причины прекращения существования империй. Были проанализированы зарождение и уход с исторической арены Османской, Британской, Французской, Германской империй и даже империи Александра Македонского, выявлены факторы, обуславливающие их существование и крах. Затем ученые применили эти факторы к СССР, так как Советский Союз называли своеобразной империей, и пришли к выводу, что он при всех своих недостатках мог бы просуществовать еще 220–250 лет. Причины развала великой страны крылись в субъективном факторе: с одной стороны, политическая власть не видела объективных за-

кономерностей развития, а с другой — народ отказал в доверии политической власти.

Общественный договор предполагает, что цели народа и государства (в лице политической власти) должны в полной мере совпадать, необходимо максимальное стремление к взаимопониманию.

Вчера на пленарном заседании критиковался тот факт, что согласно Конституции мы строим социальное государство. Это довольно объемное представление должно быть доведено до среднестатистического россиянина, как было сделано после революции: одним — земля, другим — заводы и фабрики. Другое дело, как эти лозунги реализовывались.

Приведу пример. В Китае была сформулирована генеральная цель развития — построение социалистического общества с китайской спецификой. Но со временем она подверглась трансформации, чтобы цель была понятна каждому китайцу, — достичь среднего уровня обеспеченности каждого китайца по сравнению с уровнем благосостояния населения в других странах. За последние 15 лет примерно 700 млн китайцев (практически половина населения) были выведены из-за черты бедности. То есть китайцам предложили понятные меры, которые были приняты большинством.

Одна из актуальных проблем — наличие обратной связи. Политическая власть должна не только слушать народ, но и слышать — понимать, принимать и реализовывать те или иные меры. Еще один парадоксальный пример: народ всегда прав, даже если он не прав. Эта парадоксальная мысль связана с первым тезисом: народ будет настаивать на реализации своих устремлений. И в рамках общественного договора считается, что народ слышит, даже если он молчит.

Поэтому я призываю согласовывать интересы государства и народа в целях мирного и эффективного решения проблем, причем в рамках не только всего общества, но и определенной группы (студенчества, крестьянства, профессионального круга и пр.). Необходимо находить точки пересечения, чтобы общественный договор был реализован в нашей жизни.

Д. В. ЛОБОК: — Сегодня наши западные оппоненты называют современную Россию последней империей. Если это так, то сколько лет нам отведено? Насколько силен общественный договор в России и есть ли перспективы у нашей страны?

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Что касается общественного договора, то он существует и в странах Европы. Если говорить о современной России, то сейчас при президенте, правительстве, каждом министерстве работают социологические группы, одна из задач которых — изучать настроение россиян. Попытка ориентироваться на настроение народа предпринимается. Б. Н. Ельцин к концу второго президентского срока полностью утратил обратную связь с народом, это контрастирует с тем, что мы видим сейчас. Подавляющее большинство доверяет В. В. Путину. Надеюсь, все изменения будут согласовываться, чтобы не допустить потрясений.

В. А. МОЖИНА, *доцент кафедры немецкого и романских языков СПбГУП:* — Жан Терентьевич, с чем может быть связано повышение доверия к Российской академии наук — с мировоззренческим сломом или общественным договором?

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Доверие варьируется в различных направлениях — по отношению к государству, определенным органам, науке. Действительно, сегодня признается роль науки и научного знания, которое развивается Российской академией наук (71 % доверяют РАН). Но только 1 % выпускников вузов выбирают науку и образование в качестве своей профессиональной деятельности. Как соотносить эти данные — повышение доверия к РАН и нежелание молодежи заниматься наукой? Давайте поразмышляем над этим противоречием.

Н. И. РАСПОПОВА, *доцент кафедры конфликтологии СПбГУП:* — Почему в России понятия «человеческий фактор» и «человеческий капитал» используются как лозунги без содержания и реализации?

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Это один из подходов, предполагающий, что в самом человеке имеются потенциальные возможности для его участия в общественной жизни и решении личных проблем. Понятие «жизненный мир» охватывает все аспекты, именно в этом плане рассматриваются человеческие резервы. Человеческий капитал можно исследовать. Но возникает вопрос: как он используется? В этом кроется главная проблема: капитал у нас достаточно высокий, а вот как его используют — это другой вопрос.

Юлия АБРАМОВА, *1 курс, факультет конфликтологии:* — Жан Терентьевич, не секрет, что у государственного бюджета две беды — собираемость налогов и казнокрадство. С точки зрения социологии предполагает ли общественный договор, что общество отвечает за уплату налогов, а государство — за то, что налоги будут использоваться по назначению, а не тратиться на посторонние нужды? И насколько в этом смысле можно применять современные технологии вроде блокчейна и искусственного интеллекта?

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Наряду со словом «государство» употребляется слово «общество», которое появилось только в XVIII веке. Когда мы говорим о первобытном или рабовладельческом обществе, то свои знания «проецируем» на прошлое. Начиная с XVIII века, когда появился общественный договор, возникла идея, что наряду с государством существуют общественные силы (политические партии, профсоюзы, различные объединения культурного и экономического плана вроде Вольного экономического общества и т. п.), которые олицетворяют другое мнение и подходы.

Если говорить о соотношении понятий «государство» и «общество», то практически подразумевается одно и то же, хотя общество — это добровольные объединения, которые представляют свои интересы и выступают от имени определенных групп людей. Они пы-

таются согласовывать, полемизировать, а иногда и выступать против мер, которые предлагает государство.

Сейчас с новой силой разгорелся спор о том, каким должно быть российское образование. В начале 2000-х годов было принято решение о переходе на Болонскую систему. Тогда многие представители преподавательского и научного мира высказывали возражения и сомнения по этому поводу. Переход на Болонскую систему назывался кукуризация образования (по аналогии со временем, когда кукурузу сеяли от Северного полюса до пустыни, хотя ее следует выращивать в определенных зонах). Нельзя исключать и положительные результаты реализации Болонской системы, но не следовало сразу всю систему образования переводить в такой формат. Сначала нужно было внедрить ее в разных вариантах. Поэтому апробация идей — это необходимость. Нужно советоваться с народом и специалистами, тестировать идеи, и только затем настаивать на их воплощении.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется заместителю председателя ФНПР Александру Владимировичу Шершукову.

А. В. ШЕРШУКОВ: — Я назвал свой доклад «Русский человек на rendez-vous с историей», перефразировав название статьи Н. Г. Чернышевского 1858 года «Русский человек на rendez-vous».

У поэта Николая Глазкова, придумавшего выражение «самиздат» (он называл его «самсебяиздат»), есть такое стихотворение:

Я на мир взираю из-под столика,
Век двадцатый, век необычайный —
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней!

Прошло время, и оказалось, что XXI век не менее интересен и необычаен, чем XX.

Я хотел бы провести исторические параллели. В 1856 году завершилась Крымская война и русские войска оставили Севастополь. На эту тему я советую прочитать классическое исследование Е. В. Тарле «Крымская война». Несмотря на то что оно написано в 1940-х годах, оно до сих пор не утратило своей актуальности. Война, которую Россия тогда вела, проходила под лозунгом защиты православного населения, угнетаемого Османской империей, и православных ценностей, сопровождалась спором вокруг храма в Иерусалиме и ввода русских войск в Валахию и Молдавию, которые находились под протекторатом России. Это спровоцировало, причем внезапно для Российской империи, войну с группой европейских государств: Великобританией, Османской империей и даже Королевством Сардиния. В результате войну наша страна проиграла. То, что Россия никогда не проигрывала войн, — это заблуждение, в нашей истории были и трагические моменты.

Министр иностранных дел России А. М. Горчаков в депеше, направленной в посольство Российской империи, приводит фразу, ставшую классической: «Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит пе-

ред лицом таких фактов, которые не гармонируют ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится, Россия сосредотачивается».

Перекидывая мостик к сегодняшнему дню и говоря о новом этапе истории, справедливо задать вопрос: сосредотачивается ли сегодня Россия? На него можно ответить по-разному. Сосредотачивается в том смысле, что ведутся дискуссии, которые оформляются в решения, принимаемые на государственном уровне в сфере политики, экономики и т. д. Затем эти решения претворяются в жизнь. Но сегодня у меня нет ощущения, что мы сосредотачиваемся. Предпринимаются разные действия, которые не всегда соотносятся друг с другом.

На некоторые исторические вопросы сегодня нет ответов. Закроется ли для России «окно в Европу», прорубленное Петром I, — будут ли разорваны не только цепочки поставок газа, нефти и энергоносителей в Западную Европу, но и культурные связи? Россия того периода ориентировалась на идеи общественного договора, которые проникли из Европы и на которых наше государство базировалось последние триста лет.

Возобладает ли в нашей стране политика запретов? В ситуации, когда страна находится в состоянии вооруженного конфликта, есть соблазн пойти по пути запретов в части сокращения гражданских прав. И на самом деле эти ограничения до некоторой степени естественны. Напомню, как во время Великой Отечественной войны трагически завершилась судьба замечательного писателя Хармса. В период перестройки говорили о том, что его убила советская власть и лично товарищ Сталин, посадив в тюрьму. Но Хармса посадили в ленинградскую тюрьму, где в итоге он умер от голода, после его высказывания о том, что было бы хорошо, если бы пришли гитлеровцы. В момент, когда страна ведет войну, такие речи являются предательством.

Сегодня от людей, которые занимаются государственным регулированием, поступают предложения о введении этического кодекса и ограничении доступа к различным информационным ресурсам. Поскольку я в рамках профсоюзов курирую в том числе молодежную информационную тематику, для меня этот вопрос важен. Есть разница между тем, кто создает информационные инструменты, и тем, кто создает этические нормы для регулирования доступа к ним. Мне не хотелось бы, чтобы наша страна сконцентрировалась на второй части, в то время как другие страны занимаются развитием новых технологий. Это относится и к упомянутому здесь искусственному интеллекту.

Перед нашей страной стоит важная задача — в рамках продолжающейся идеологической войны не пойти по пути расчеловечивания не только противников, но и оппонентов, потому что этот путь в итоге может привести к существенным ограничениям и даже к охоте на ведьм внутри государства. Эти моменты в настоящее время не урегулированы.

Я обозначил темы, по которым не нужно ограничивать обсуждение, ссылаясь на трудности времени, необходимо продолжать нормальную, насколько это возможно, свободную дискуссию. К сожалению, неко-

торые наши законодатели идут по не вполне правильному, на мой взгляд, пути. Например, Государственная Дума приняла в третьем чтении законопроект, запрещающий распространение трудов руководителей Национал-социалистической рабочей партии Германии (в частности, *Mein Kampf* Гитлера). По этому поводу высказался известный историк А. Дюков, задавший вопрос: «Если я делаю подборку документов об этнических чистках, которые проводили украинские националисты во время Великой Отечественной войны, это будет являться распространением?» Теперь историки будут анализировать и осуждать теоретиков нацизма, ссылаясь не на то, о чем писал Гитлер в *Mein Kampf*, а на отраженные мнения третьих лиц без ссылки на источники? С моей точки зрения, это неправильно. Надеюсь, эти моменты будут учтены в решениях высшего законодательного органа.

В процессе борьбы, которую сейчас ведет наша страна, необходимо не допустить утраты подлинных демократических ценностей. В связи с этим я хотел бы процитировать фрагмент из выступления И. В. Сталина, которого нельзя заподозрить в излишнем либерализме, на XIX съезде Коммунистической партии СССР в 1952 году: «Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивать буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой свободы личности — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять».

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их „превыше всего“. Теперь не осталось и следа от „национального принципа“. Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. (Отмечу здесь термин „национальный суверенитет“, потому что в современном конфликте Россия отстаивает свой национальный суверенитет. — *А. Ш.*) Нет сомнений, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять».

Мы живем на рубеже эпох, но будущее не предопределено — оно определяется экономикой, элитами и пр.

Отвечая на вопрос, не находится ли наша страна на грани очередного раскола, могу сказать, что, в отличие от Российской империи 1916–1917 годов, сейчас отсутствует раскол внутри элит. А тогда он имел

место, ведь на станции Дно в вагон к императору пришли не рабочие и крестьяне, а представители Государственной думы и промышленники, заручившиеся поддержкой командующих фронтов на предмет отставки Николая II. Сейчас подобного раскола в стране нет, мы в этом смысле чувствуем себя более защищенными.

Молодым людям, которые пытаются составить свое мнение о происходящем в мире и стране, нужно проявлять себя не только в качестве профессионала в области своей деятельности, но и в качестве граждан своей страны, которые при необходимости готовы не только высказать мнение в ее поддержку, но и защитить.

Мы живем в сложное и трагичное время. Но Россия не является страной-изгоем, тьма не окутала нашу страну. Несмотря на сложные отношения нашей страны с Западной Европой, Западная Европа при всей нашей евроцентричности — это не весь мир, который гораздо больше. Нам предстоит не только увидеть интересные события, но и активно в них поучаствовать.

М. С. РОЙ, *старший преподаватель кафедры немецкого и романских языков СПбГУП*: — Александр Владимирович, Вы затронули тему доверия, а также подняли вопрос о том, где проходит грань между пропагандой и поиском правды. Вы сказали, что мы можем сделать со своей стороны — вести свободную дискуссию, не бояться говорить о негативных тенденциях, например об усилении контроля. Дискуссия — это постановка проблемы. Мы обсудили, признали, что есть проблема, и хотим избежать тоталитарного контроля, в первую очередь над информацией. Что делать дальше?

А. В. ШЕРШУКОВ: — В замечательном французском сериале «Бюро» транслируется мысль, что к обществу тотального контроля с технологической точки зрения мы уже пришли. Мы живем в прозрачном мире, и при необходимости о любом сидящем в зале можно найти всю информацию.

Что касается ответа на вопрос, то нужно следить за тем, что говорите. Здесь уместно вспомнить замечательное произведение Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца», в котором царь, обращаясь к стрельцу, говорит:

Хороша ль, плоха ли весть, —
Докладай мне все как есть!
Лучше горькая, но правда,
Чем приятная, но лезть!

Только если энта весть
Снова будет — не бог весть,
Ты за эдакую правду
Лет на десять можешь сесть!..

Нужно изначально понимать, что наша страна находится в состоянии конфликта. Никогда в истории не была сформирована настолько большая коалиция государств, которые противодействуют нашей стране. Так, во время Второй мировой войны, хотя сейчас об этом говорить не принято, Великобритания и США были союзниками СССР. Программа ленд-лиза не оказала решающего влияния, но внесла существенный эко-

номический вклад в военную экономику Советского Союза. Сегодня государства Западной Европы и США, поставляющие Украине вооружение в прокси-войне, можно назвать недружественными.

Слова могут нанести ущерб борьбе, которую ведет наша страна (речь идет даже не об уголовном преследовании). Когда в 1991 году Советский Союз распался, никто этого не ожидал. Был проведен Всесоюзный референдум о судьбе СССР, на котором большинство высказались за его сохранение. Но никто не ожидал, что решения нескольких человек приведут к возникновению реальных границ, распаду экономических связей и разрушению целых отраслей экономики. Несмотря на то что сейчас у нас все хорошо, нужно как минимум действовать по принципу «не навреди», оценивать свои действия с точки зрения непричинения ущерба стране, наладить связи будет возможно уже по окончании вооруженного конфликта.

На прошлой неделе после полугода службы в отпуск приехал мобилизованный Сергей Мельничук, который возглавлял департамент социальных гарантий. Он, как сын офицера, считает, что делает все правильно, он не стал бегать от мобилизации, не растерялся, как группа растерявшихся патриотов (по выражению Д. Пескова), которые релоцировались в разных направлениях. Нужно в разных формах помогать тем, кто находится на СВО и защищает нашу родину, потому что они рискуют своей жизнью, отстаивая суверенитет нашей страны.

С той стороны уже все сказано. Не мы прервали в прошлом году переговоры в Стамбуле, не мы заявляем о том, что русских нужно убивать в любой точке мира, не мы организуем террористические акты (взорвали В. Татарского, Д. Дугину, З. Прилепина, которые не являются законными целями во время военной кампании), не мы заявляем о цели расчленения России.

Но не следует все происходящее воспринимать как индальгенцию для государственных руководителей и политиков на неправомерное сокращение поля демократических свобод и прав человека, которые у нас в стране были, есть и будут. В настоящее время у профсоюзов стало меньше инструментов для полемики с правительством: 1 мая мы не проводили митингов и шествий, потому что сейчас возможен террористический акт. В случае, если будут пытаться принять неправильный, с нашей точки зрения, законопроект, существуют определенные процедуры для противодействия этому (письма, обращения к депутатам и т. д.). Используя законные процедуры, не следует выходить за рамки — речь идет не только о личных последствиях, но и о том, чтобы это не навредило нашей стране.

Н. И. РАСПОПОВА, *доцент кафедры конфликтологии СПбГУП*: — На мой взгляд, сегодня профсоюзы находятся в кризисе. Александр Владимирович, как Вы представляете будущее профсоюзов и их роль в развитии страны?

А. В. ШЕРШУКОВ: — Я не согласен. Кризис пришелся на 1990-е годы, потому что в ту пору численность профсоюзов ежегодно сокращалась примерно на

миллион человек, кроме того, были большие проблемы со взаимоотношениями с властями и механизмами реализации решений.

Основной инструмент социального партнерства на федеральном уровне — Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений, которая была создана в 1992 году указом Б. Н. Ельцина, но практически не работала. Сейчас такой механизм есть — площадка, на которую Госдума по регламенту должна выносить все законопроекты, касающиеся социально-трудовой тематики, где они должны обсуждаться и либо приниматься, либо отвергаться. С точки зрения численности профсоюзы стабилизировались на уровне примерно 19,5 млн человек. В ФНПР вошли федерации профсоюзов ДНР и ЛНР. Поэтому про кризис говорить не приходится.

Перед профсоюзами стоит технологический вызов. Сейчас на рынке трудятся 7,5 млн самозанятых, государство переводит их в этот статус, руководствуясь в первую очередь потребностью в налоговых поступлениях. Но в смысле трудовых отношений статус самозанятых не определен: кем они являются — работниками или работодателями — и как с ними работать профсоюзам? Также существует платформенная занятость. Сегодня ведется спор на тему, чем является платформа. Чем бы он ни закончился, это большой сектор, где трудятся миллионы людей, с которыми, как и с айтишниками, нужно коммуницировать, очевидно, на новой технологической платформе (мобильные приложения, Интернет и т. д.), то есть в том же формате, в котором предоставляются эти сервисы. Этот технологический вызов пока не преодолен.

Профсоюзы активно работают с молодежью. Мы изменили нашу программу стратегического резерва в кадровую, в рамках которой готовятся высокопрофессиональные кадры. В Интернете и социальных сетях («ВКонтакте», Telegram) мы тоже представлены. Проблемы есть, но они решаются, потому что у нас есть понимание, что нужно делать.

И. В. РУДИНА, *доцент кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП*: — Какие материалы, посвященные СВО, которую проводит Россия уже больше года, за этот период были опубликованы в газете «Солидарность», главным редактором которой Вы являетесь?

А. В. ШЕРШУКОВ: — Отдельной рубрики, посвященной СВО, в газете «Солидарность» нет, но публикуются соответствующие сведения, например о том, что профсоюзы за год собрали более 1 млрд рублей (в виде гуманитарной помощи бойцам, задействованным в СВО). Были публикации о том, как на предприятиях люди шьют маскировочные сети и пр. Сложность связана и с ограничениями, диктуемыми временем (напомню, что в свое время была военная цензура). Если мы напишем, что на некоем предприятии делают что-то важное и полезное для нашей армии, там может произойти пожар. В военной цензуре есть здравый смысл, притом что в мирное время я выступаю ее противником. Слово, как произнесенное, так и написанное, имеет последствия. А если последствий нет, то такое сло-

во не имеет ценности. Кроме того, на сайте ФНПР есть отдельный раздел, посвященный СВО и помощи профсоюзов.

Д. В. ЛОБОК: — Роль профсоюзов велика даже тогда, когда речь идет о специальной военной операции. Профсоюзы — это тыл. А чем крепче тыл, тем сильнее страна. Слово предоставляется доктору филологических наук Надежде Гегамовне Багдасарьян.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — На Лихачевских чтениях, на которые я приезжаю уже в десятый раз, уместно вспомнить о личной встрече с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. В 1987 году в Московском государственном техническом университете им. Н. Э. Баумана была создана кафедра культурологии. Спустя некоторое время Российский фонд культуры, которым тогда руководил Д. С. Лихачев, пригласил меня на Гоголевский бульвар. Во время нашей встречи Дмитрий Сергеевич говорил о том, что в России настали замечательные времена, так как в техническом вузе создана гуманитарная кафедра, которая занимается изучением культуры. Он предложил свою помощь, хотя для меня его помощь заключается в том, что у нас есть Дмитрий Сергеевич Лихачев. Такая поддержка была очень важна.

Процессы, которые сегодня происходят в мире, — глобализация, локализация или другие, — гораздо сложнее, чем нам казалось раньше. Здесь уместно рассказать анекдот о том, что такое глобализация. Это когда сомалийские пираты захватывают украинский сухогруз, идущий под флагом Буркина-Фасо, везущий в Южную Африку товары, выпускаемые под германским брендом, но произведенные в Казахстане и Китае, на борту которого находится команда, состоящая из русских, хорватов и поляков, а хозяином является гражданин Объединенных Арабских Эмиратов. Хотя сегодня этот анекдот уже устарел.

Хотела бы прокомментировать тезис Марии Владимировны Захаровой о культуре и антикультуре. Как интерпретировать понятие «антикультура» в научном пространстве? В рамках науки понятие «антикультура» не вполне уместно, например я его не использую. Более того, моя первая лекция начинается с призыва к студентам забыть о том, что есть люди культурные и некультурные. Культурными можно считать всех людей, кроме Маугли.

Но если мы находимся в пространстве политики, а М. В. Захарова — политик, дипломат, то в понятие «антикультура» можно вкладывать особый смысл. Политический диспут ищет врагов: есть свои — культурные и чужие — некультурные, антикультурные. Научный дискурс ведет поиск методологии, дает обоснования и интерпретации, основанные на научном знании. В целях воспитания можно использовать понятие «антикультура», когда мы говорим о негативных процессах в культуре.

В культуре представлены разные потоки, как позитивные, так и негативные. Она подвержена изменениям, потому что динамична. То, что сегодня выглядит как вызов, завтра получает ответ и входит в ядро куль-

туры. Я предлагаю подумать над тем, что такое культура и антикультура, о соотношении этих понятий, привлечь для этого работы Дмитрия Сергеевича Лихачева и Вячеслава Семеновича Степина, который неоднократно выступал на Лихачевских чтениях по вопросам цивилизаций и культур.

В Новой философской энциклопедии представлена статья В. С. Степина «Культура», в которой он говорит о том, что культура — это определенная программа, формирующая картину мира каждого из ее носителей. Обратите внимание: программа, а не отдельные фрагменты культуры.

М. М. Бахтин говорил: «Культура расположена на границе». Границы проходят не только в географической плоскости, не только между Россией и Европой, Россией и США, Россией и Украиной, а внутри каждого из нас.

Надеюсь, что И. И. Бузовский пошутил, когда сказал, что мир должен быть однополярным. Д. О. Бабич деликатно его поправил, обозначив три цивилизации. Следует учитывать, что закон необходимого разнообразия работает на материале как природы, так и социума. Чем система разнообразнее, тем она устойчивее. Нужно сохранять краснокнижные растения и исчезающие языки, которых сегодня насчитывается больше трех тысяч. Что изменится, если исчезнет какой-то язык? На самом деле это страшно.

На пленарном заседании прозвучала мысль, что сегодня заниматься прогнозированием — дело неблагоприятное. Наверное, она справедлива, но не исключает того, что прогнозировать — нормально для человека, который занимается методологией и культурологией как научной дисциплиной, а не как дисциплиной политической и пропагандистской. Так, японцы, используя технологию форсайт, составляют прогнозы, которые сбываются на 80 %.

Хочется понять, что современной России позволит выйти из чрезвычайно сложной и неопределенной ситуации. Полагаю, что у России нет иного пути, как инновационное развитие. Этот путь успешно пройден другими государствами, которые занимают первые строчки в рейтинге стран по уровню счастья. Меня, как социолога и культуролога, интересует, что дает людям ощущение счастья. Страны в этом рейтинге время от времени меняются местами, но в первую десятку, как правило, входят одни и те же.

Намечается сценарий выхода из этой сложной, даже тупиковой, как нам казалось некоторое время назад, ситуации. Настроения людей меняются. Я хотела бы выделить несколько моментов, на которые нужно обратить внимание. Наша страна воюет, а мы в прекрасном университете обсуждаем важные вещи — как будто существуют две параллельные вселенные. Что нам делать в такой ситуации?

Учитывая то, что происходит в мире, в качестве ядра инновационного развития, на мой взгляд, следует сформировать общество знаний. ЮНЕСКО даже были приняты соответствующие документы, но сейчас разговоры об этом поутихли. А разве сегодня интеллектуализация не нужна? Инновационный тип развития (по всем документам, которые принимает российское

правительство и утверждает президент, мы стремимся установить именно такой тип развития) невозможен без социальной инфраструктуры, которая должна целенаправленно формироваться государственными институтами.

Жан Терентьевич сказал, что государство и общество — это разные понятия, с чем я согласна, но есть и другие категории, которые тоже следует различать: Отчизна — Родина — страна. Такой диапазон понятий существует не случайно.

Размышляя о государственных институтах, следует сказать, что построение сильного государства без гражданского общества невозможно. Государство сильно не тогда, когда закрываются институты, а тогда, когда они развиваются и выполняют свои функции. Гражданское общество в различных странах может быть устроено по-разному, но именно оно обеспечивает баланс возможностей, чтобы государство слышало людей. Общественные организации сейчас трудно создавать, но это не означает, что мы не можем этого делать.

В завершение хотела бы сказать, что, в отличие от природных запасов (существуют расчеты, когда закончатся нефть, газ и пр.), человеческий потенциал и человеческая мысль неисчерпаемы. Прогресс науки и техники ограничен только возможностями интеллекта. Россия, безусловно, обладает всем, что способно при определенных условиях сделать нашу страну интеллектуальным центром будущего.

Екатерина ЖИРОХОВА, *1 курс, факультет конфликтологии*. — Надежда Гегамовна, Вы считаете, что антикультуры не существует. На мой взгляд, между субкультурой и антикультурой проходит тонкая грань, и согласно некоторым трактовкам антикультура — это радикальная версия субкультуры.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН. — Субкультура и антикультура — разные категории. Субкультура — это часть общей доминирующей культуры. А антикультуру я могу трактовать только в том ключе, что в культуре главное — позитивные ценности, в антикультуре — негативные. Когда возникает напряжение, появляются негативные характеристики. И тогда в культуре формируется ответ.

Е. ЖИРОХОВА. — Надежда Гегамовна, скажите, пожалуйста, каким образом в России может сформироваться гражданское общество?

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН. — Гражданское общество — это всегда инициатива. Сверху создать гражданское общество нельзя, но можно создать условия, в частности связанные с законодательной системой, которая позволяет (или не позволяет) оформиться инициативам людей, живущих в стране, в разнообразных структурах. Сейчас в России сложилась особая ситуация. Предлагаю просто делать благие дела и организовываться для этого. Так, в рамках моей магистерской программы «Социальные и арт-практики в цифровом измерении» в Университете «Дубна» студенты прове-

ли анализ общественных структур в Москве, которые совершают благие дела.

Д. В. ЛОБОК. — Слово предоставляется профессору Юрию Дмитриевичу Гранину.

Ю. Д. ГРАНИН. — Тема моего доклада «Россия как „самобытное государство-цивилизация“. Конфликт интерпретаций и противостояние Западу», на мой взгляд, необычайно важна. Недавно в России была принята Концепция внешней политики РФ. В нее, в частности, были включены положения, которые раньше отсутствовали, например: Россия — это самобытное государство-цивилизация. Как к этому следует относиться? Общепризнанного понимания цивилизации не существует. Коллеги в Академии наук выступают оппозиционно по отношению к самому термину и вообще к исследованиям в области цивилизации. А между тем в Институте философии РАН уже пять лет реализуется государственная программа «Российский проект цивилизационного развития», в рамках которой мы активно работаем: выпущено много книг и статей, издается журнал «Проблемы цивилизационного развития», где обсуждается эта тема, и пр.

Хотелось бы отреагировать на выступления, которые прозвучали на пленарном заседании и на заседании нашей секции. Поддерживаю предыдущего оратора в том, что звучало много пропагандистских штампов, которые не имеют отношения к науке. Я хотел бы сказать несколько слов по поводу общественного договора и его интерпретации. Жан Терентьевич отметил, что общественный договор предполагает согласие между народом и государством, правда, непонятно, как оно устанавливается. Хотел бы напомнить о том, что общественный договор должен быть подписан. Юридически общественным договором является Конституция РФ, в которой прописаны наши права, обязанности и т. д. А то, о чем идет речь, называется легитимностью, то есть это негласное соглашение между народом и государством, выражающееся в том числе в поддержке президента народом и пр. Поэтому предлагаю точно расставить акценты с точки зрения науки. Это касается и термина «цивилизация».

Я тоже занимался исследованиями, посвященными изучением империй. В 2008 году в журнале «Политический класс» была опубликована моя статья «США — последняя либеральная империя». Многие задавали вопросы: разве империи бывают либеральными? И почему последняя? И вообще — что такое империя?

История России и других стран показывает, что империи в истории нередко имели позитивное культурно-историческое значение. Именно имперская форма государства позволяла многим народам, живущим на его территории, развивать свою культуру, а в отдельных случаях даже создавать элементы гражданского общества. Поэтому предлагаю ввести в научный дискурс термин «цивилизационные имперские системы».

Цивилизации — феномен крайне сложный. Они бывают по-разному структурированы, но в них всегда существует сильный ценностно-смысловой комплекс,

который позволяет разным народам, говорящим на разных языках, создавать некое социокультурное целое, которое затем может развиваться. В Российской империи такое развитие было вполне успешным. Но если посмотреть с высоты философско-социологических обобщений, то возникает вопрос: можно ли считать Россию цивилизацией?

На эту тему написано немало работ. Но проблема в том, что, когда мы начинаем рассуждать о цивилизации, то вскоре понимаем, что это размытое понятие. Китай, разумеется, цивилизация, Индия тоже — никто не ставит под сомнение. Но сегодняшняя Китайская Народная Республика является инобытием многих предшествующих форм цивилизационного развития. Одна династия следовала за другой, одна династия сменяла другую... Что же это за цивилизация — сегодняшняя Китай?

Тот же вопрос мы можем отнести и к России. В 2020 году я опубликовал статью в журнале «Вопросы философии», где писал, что, изучая становление Великого княжества Московского, Российской империи и Советского Союза, мы должны помнить об их исторической преемственности и о том, что эти политические формы имели много цивилизационных воплощений. Православная цивилизация — Московское царство XVII–XVIII веков; затем цивилизационная псевдоморфоза — империя Романовых до середины XIX столетия. Россия пыталась заимствовать многие европейские ценности и формы устройства, но они до сих пор не прижились. Однако сегодняшнее стремление отдалиться от Европы может быть лишь временным, потому что российская культура все же европейская. Со второй половины XIX века до Первой мировой войны Россия была гибридной цивилизацией модернового типа, после чего ее вскоре сменила советская цивилизация, представлявшая тогда альтернативный западному тип модернового развития. Это была империя положительной деятельности.

Мы стали негативно относиться к термину «империя», но я считаю, что отказ от имперской формы государства — наш колоссальный просчет. Потому что империя не означает противостояние либерализму. Безусловно либеральная империя — Соединенные Штаты Америки. Есть мнение, что она близится к своему закату, но, боюсь, это произойдет нескоро и, возможно, не в тех формах, какие мы предполагаем.

Между тем Россия во многом схожа с Китаем. Обе страны живут в условиях архаичного индустриального уклада, и у нас, как и у китайцев, еще много элементов социализма. Но мы различаемся в главном: у Китая имеется прочный ценностно-смысловой каркас. Россия постоянно ищет свое место — она считает себя то Европой, то Евразией, то вообще отдельной самобытной цивилизацией. Эти постоянные метания свидетельствуют о том, что в элитах не укрепился российский патриотизм. Поэтому надо сделать все возможное для того, чтобы в итоге специальной военной операции, которую сейчас совершенно правомерно ведет Россия, мы смогли бы выйти на понимание своей особенности. Но для этого необходимы серьезные исследова-

ния. Надо по-настоящему понять, что мы собой представляем и на какое место в мире можем справедливо претендовать.

Планируя будущие перспективы России, не следует впадать в грех имперского мессианства. Думаю, что прежде всего в иерархии наших стратегических целей нужно поставить внутреннюю политику прежде внешней. И сосредоточиться на комплексном развитии Арктики, Сибири и других регионов. У нас очень много проблем. Идея единой Европы от Атлантики до Владивостока канула в Лету. Наступает время гибких альянсов, которые позволили бы России внимательно относиться к себе и окружающему миру. И тогда, возможно, в дальнейшем мы сможем продемонстрировать свою цивилизационную особенность.

Е. ЖИРОХОВА: — Понятие империи, по-моему, тесно связано с таким явлением, как колонии. Если мы считаем Россию империей, то возможна ли колонизация?

Ю. Д. ГРАНИН: — Периодом образования колониальных империй можно считать XVII–XVIII столетия, и такими империями стали как раз западноевропейские государства, которые завоевывали мир. Более ранние империи не были колониальными. Да, Россия расширялась на восток, но разве русский народ когда-нибудь эксплуатировал другие народы? Дело в том, что если можно завоевать территорию с помощью оружия, то проживающих на ней людей в любом случае приходится «завоевывать» мирными способами. В Российской империи существовали законы, касающиеся так называемых инородцев, но все они были направлены на то, чтобы интегрировать эти народы и предотвращать межнациональные конфликты.

Е. ЖИРОХОВА: — И второй вопрос. Вы сказали, что Россия и Китай имеют довольно много архаичных черт. Что это за черты?

Ю. Д. ГРАНИН: — В Китае по-прежнему очень большой крестьянский сектор — около 700 млн человек. Эти люди живут по патриархальным законам. Кроме того, сохранились анклав варварства. Такие анклавы есть и в России, например на Кавказе. Советы старейшин — типичный институт варварских обществ, кровная месть, безусловно, варварский обычай. Все это говорит о том, что надо проводить глубокие исследования, изучать, что мы собой представляем в цивилизационном отношении и в чем должна выражаться наша самобытность.

Григорий БОЙЦОВ, III курс, факультет конфликтологии: — Вы сказали, что необходима интеграция культур тех народов, которые живут в империи. Вопрос от конфликтолога: кто имеет право на такую интеграцию и кто должен это определять? И не является ли тогда империя фактором повышения конфликтности в мире? Ведь другие империи тоже могут расширяться, и могут возникнуть разногласия по поводу границ. Как быть в такой ситуации?

Ю. Д. ГРАНИН: — Каждая культура самоценна, и это не подвергается сомнению, империи здесь ни при чем. В России это всегда понимали. Как согласовывать различные представления и жизненные уклады многих народов, которые сложились у них исторически? С помощью языка межнационального общения, развития системы массового образования. Каждый может выбрать ту культуру, в которой он хочет жить, никакое насилие недопустимо. Вы же помните войну в 1990-х годах на Северном Кавказе. Напомню, что совсем недавно в России было две чеченские войны. А что теперь? А теперь национальные батальоны воюют на территории Украины, показывая пример стойкости, выдержки и стремления к победе. Значит, мы как-то решили этот вопрос? Думаю, что это стало возможно в том числе и за счет правильной межнациональной политики. Кстати, у нас есть концепция межнациональной политики, надо только правильно ею пользоваться и не допускать перегибов.

Илья СУХОРУКОВ, 1 курс, факультет искусств: — Юрий Дмитриевич, может ли быть так, что мы употребляем понятие государства-цивилизации с определенной целью: чтобы в информационном поле не ассоциироваться с империей, но при этом продолжать свое развитие именно в качестве империи?

Ю. Д. ГРАНИН: — Чем отличается цивилизация от нации? Нации живут только в пределах государств, это политические образования. А цивилизации — это крупные сообщества людей, которые переступают государственные границы и существуют в виде анклавов на территориях других государств. Китайская цивилизация разбросана по всему миру. А что такое Русский мир? Представители русской цивилизации, которые находятся за рубежами нашей страны.

Михаил МАЙОРОВ, 1 курс, факультет конфликтологии: — Вы упомянули, что российская цивилизация принимала различные формы, которые сменяли друг друга. Есть ли среди них успешный проект, опыт которого надо использовать в будущем? Или, возможно, это будет синтез каких-то черт. Каким Вам представляется образ будущего, если исходить из знания этих форм?

Ю. Д. ГРАНИН: — Четкого, детального понимания будущего России, думаю, сегодня ни у кого нет, да и не может быть. В чем заключается самобытность нашей страны? В том, что она является гибридом разных форм. Может ли самобытность заключаться как раз в этой гибридности? Честно говоря, не знаю. Мы говорим о Китае, что это особая цивилизация. Ее особенность заключается в ценностно-смысловом каркасе, в уникальной рациональности китайцев, с которой они ищут срединный путь. Неслучайно они называют себя Срединной империей. Важен принцип гармоничного сосуществования всех многочисленных народов, которые живут в стране. Но это не достигается в одночасье.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется профессору Лидии Владимировне Матвеевой.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Уже больше двух десятилетий я изучаю восприятие образа России и хочу рассказать о результатах исследования, которое мы вместе с моим аспирантом провели, призвав на помощь Русское географическое общество и его сайт. В исследовании приняла участие российская молодежь из восьми регионов. Мы изучали, как молодые россияне воспринимают свою страну в сравнении с Соединенными Штатами Америки и Китаем, то есть в чем заключаются особенности и различия наших культурных кодов. Прежде всего надо отметить, что мы живем в очень разных культурных пространствах, и утверждать, что Россия и Китай во многом похожи, — это сильное преувеличение. Нам известно китайское проклятие: «Чтобы ты жил в эпоху перемен». По Конфуцию, надо много говорить и ничего не делать. И другая точка зрения, чисто российская, поэта и дипломата Федора Тютчева:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.

Разное восприятие перемен говорит о том, что и культурный код по отношению к пространству и времени у нас тоже разный.

Вячеслав Семенович Степин выделяет два типа универсальных категорий, две системы: одна определяет отношение к вещам, времени и пространству, другая — к человеку. Первая группа универсалий включает понятия: пространство, время, движение, вещь, отношение, количество, качество, мера, содержание, причина, случайность, необходимость. Вторая группа фактически формирует культурный код нации. Это следующие категории: человек, общество, сознание, добро, зло, красота, вера, надежда, долг, совесть, справедливость и свобода. Культурный код России — это ключ к пониманию русского типа культуры, уникальные культурные особенности, которые достались русскому народу от предков. Это закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать культуру, а также набор образов, связанный с комплексом стереотипов, которые заданы прежде всего архетипами в русских народных сказках. Вспомним хотя бы сюжет, когда боярин обещает выдать дочь за первого встречного, то есть внести в семью совершенно неожиданный элемент случайности. Когда Иванушка-дурачок женится на принцессе — это по сути тот же сценарий. Но прежде он должен пройти множество испытаний и выйти из них победителем, и тогда он будет вознагражден, получив в жены умницу-красавицу. Потому что, как сказали бы сегодня, он успешный мужчина.

Эти культурные коды существуют не только в светских, но и в религиозных текстах. Николай Данилевский предлагает свое понимание национального характера, в котором определяются три параметра — язык, география, история. К сожалению, рассуждения о культурном коде в России представляют некоторую опасность. Вы должны выбрать свою позицию: вы славя-

нофил или западник, монархист или либерал. Такое отчетливое разделение существует по любой теме. Противоположные точки зрения — и всё, и мы живем в этой дихотомии, что, в общем, даже и неплохо. Культурный код отвечает за главные смыслы — как и зачем жить, как и зачем умирать.

Что характерно для русского культурного кода? Во-первых, способность к кратким сверхусилиям, необходимым для того, чтобы преодолеть очень сложные препятствия. Это проявляется в работе и мышлении. Таким образом, в российском культурном коде заложена жертвенность, то есть мы готовы потратить всю свою энергию, а нередко и жизнь, на то, чтобы преодолеть непреодолимое для других народов. Во-вторых, превалирование нематериальных ценностей над биологическими потребностями. В-третьих, религиозность. Мы все во что-нибудь веруем — кто в Бога, кто в коммунизм. Сейчас, к сожалению, возрождаются древние символы. Нам предлагают так называемое родноверие. Веночки и вышиванки на Украине — не что иное, как возвращение к дохристианским временам. Но это очень опасно, потому что может привести к таким феноменам, как батальон «Азов», участники которого приносят клятвы с жертвоприношениями, режут себе руки. Языческие культы кончаются культом смерти.

Следующий важный элемент русского культурного кода — жестко централизованное государство, где личная свобода человека не имеет большого значения, но при этом очень важна свобода воли. Известный человек свободной воли, то есть убежавший от государства, — Ермак Тимофеевич — беглый казак, но он стал проводником российской государственности во всей Сибири. Вы можете изменить свою сущность, став беглецом, но потом должны служить государству.

Россия, в отличие от западной и китайской цивилизаций, построена на общинности и доверии друг к другу. Если французский король мог заявить «Государство — это я», то для нас Россия — это мы. Это представление наглядно представлено в картине Васнецова «Три богатыря», которая олицетворяет триединство населения России. Трое харизматичных российских мужчин: боярский сын Добрыня Никитич, представитель духовного сословия Алеша Попович и Илья Муромец — простой крестьянин, который стал великим силачом, получив от Святогора свой меч. При этом главный богатырь — Илья Муромец. Что это говорит о нашем культурном коде? Если на Западе создают структуру, а потом находят тех, кто будет реализовывать ее цели и задачи, то в России все наоборот. Действия персонажи реализованы. Сначала находятся единомышленники, которые готовы решать какую-то проблему, и лишь после этого создается структура и начинается работа. Это иллюстрируется событиями 400-летней давности, когда новгородские купец и боярин пришли в Москву и освободили Россию от поляков.

Англосаксонский код подразумевает власть над миром. Он универсален, а ценности, названные общечеловеческими, включают строительство глобального мира и уничтожение других культурных кодов. Иудейский код включает власть над временем, сложные знаковые системы сохранения культуры и языка. Русский

код — это власть над пространством, в том числе космическим (возможно, именно поэтому нам первым удалось прорваться в космос). Китайский код включает власть над формами организованности, деятельности и производства. В Японии эстетический код, в Индии — управление форматами мышления.

Свой культурный код имеется у любой цивилизации, но в настоящее время мы живем в глобальном информационном пространстве, где лидирует английский язык, поэтому весь мир находится под воздействием англосаксонского информационного кода.

Целью нашего исследования было изучение представления молодежи о соотносительности России с западной и восточной цивилизациями. Методология — анкета, участники — 755 респондентов из 8 регионов России, основной метод — психосемантика. По семибальной шкале оценивались 33 биполярные единицы: добрый–злой, способный–неспособный, безопасный–опасный и т. д. Изучались образы России, Китая и США. Факторизация осуществлялась в двух вариантах — общероссийском и по регионам. Полученная факторная структура интересна тем, что выявляет культурный код молодежи России по критерию различий между цивилизациями.

Первый фактор (объясняющий 18 % дисперсии) — сила и могущество. То есть цивилизация характеризуется для молодежи прежде всего силой и могуществом. Свойства — независимость, авторитетность, сила, могущество.

Второй фактор (15 % дисперсионной нагрузки) — безопасность и миролюбие, включающий различные компоненты этического кода: добрый–злой, вежливый–грубый, милосердный–жестокый, нравственный–безнравственный. Примечательно, что для молодежи безопасность связана с нравственностью.

Третий фактор — визуальная привлекательность. Оценка по категориям веселый–грустный, теплый–холодный, оптимистичный–пессимистичный, яркий–тусклый, открытый–закрытый, прекрасный–уродливый. Хорошая цивилизация — веселая, теплая, оптимистичная, яркая, открытая и прекрасная.

Четвертый фактор — духовность. Примечательно, что современная молодежь связывает духовность и патриотизм и ассоциирует их с верой в Бога, духовной энергией и нравственностью. Это важное открытие, показывающее, что наша молодежь не такая бесхребетная, как принято думать.

Пятый фактор — психологическая дистанция: простой, тесный, родной–чужой. Это подкатегории так называемой психологической близости.

Шестой компонент (5 % дисперсии) — когнитивная сложность: сложный–простой, хитрый–простодушный, самобытный–похожий.

По оценкам молодежи, западная цивилизация остается самой сильной и могущественной, на втором месте Китай и только потом Россия. Самым безопасным является Китай, за ним следует Запад, а Россия представляется достаточно опасной страной. С точки зрения визуальной привлекательности первое место занимает Запад, за ним — Китай и Россия. По духовности самым сильным считается Китай, потом Россия, а За-

пад и вовсе бездуховный. Важно, что Западу не отводится роль духовного лидера в нашем мире. Психологическая дистанция: Россия абсолютно своя, Китай — совсем чужая цивилизация, Запад немного ближе. Это естественно, потому что у нас общие христианские корни. Когнитивная сложность: Восток — самый сложный, потом Россия и за ней более простой Запад.

Я представила общую картину того, как молодежь оценивает российскую цивилизацию, западную и восточную. В нашем исследовании также изучалась мера их идентичности, и оказалось, что образ России, образ Запада и образ Китая математически не связаны. То есть молодежь считает, что Россия — цивилизация, отдельная и от западной, и от восточной.

Юрий ЗАРЯ, *1 курс, факультет конфликтологии*: — Может ли человек представлять сразу все культурные коды? Или тогда это будет сверхчеловек?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Исследователи цивилизационных особенностей разных народов — Степин, Данилевский, Тойнби — объясняли происхождение культурных кодов. Вы в любом случае представляете историю своей страны и своего рода, ту или иную систему воспитания. Культурный код заложен как минимум в четырех поколениях до и после вас. То есть вы унаследовали его от своих прадедов, а после вас он будет передан вашим детям, внукам и правнукам. Поэтому отказаться от своего кода вы никак не сможете. Если вы переедете жить в Китай, то сразу столкнетесь с огромной разницей культурных кодов. Вы сможете в какой-то мере адаптироваться, но из-за этой разницы никогда не будете чувствовать себя достаточно комфортно. Вы останетесь человеком со своим культурным кодом, пусть даже и живущим в другой цивилизации. Это очень тяжело. С данной проблемой сталкиваются и дипломаты, и бизнесмены, и другие люди, живущие и работающие в Китае. Потому что веками формировалась сложная система ценностей и противоречий: хорошо–плохо, достойно–недостойно.

Наш культурный код во многом обусловлен пространством, потому что в России относительно небольшое население и гигантская территория. И русский человек привык мерять себя. Не зря Бердяев говорил, что русская душа ушиблена ширью, она не видит границ. Поэтому если русскому человеку не обозначить границы, то он может очень сильно разойтись. Другое дело Европа: сел за руль — и через два часа граница, через три — другая. Ограниченное пространство означает, что ты должен вести себя так, чтобы, с одной стороны, не задеть нечаянно соседа, а с другой — не попасть под ведро помоев, вылитых из окна на улицу.

Ю. ЗАРЯ: — А если семья попадает в другую культуру и ребенок посещает детский сад или школу, то культурный код все равно будет сохраняться четыре поколения? Какое влияние оказывают общественные учреждения на изменение кода и как быстро?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Это во многом зависит от степени ассимиляции. Действительно, людям, сменив-

шим культурную среду, иногда удается стать «двухкультурными», но им очень непросто живется. Они отличаются от носителей одного культурного кода. Они пытаются усвоить новые нормы, жить по новым правилам, но не зря говорят, что кровь не водица. Особенно трудно им приходится в зрелом возрасте. Как говорят японцы, до 40 лет ты человек мира, а потом надеваешь кимоно и устраиваешь чаепитие по японскому обычаю. Культурный код передается на всех уровнях — социальном, мировоззренческом, психологическом и даже биологическом. Поэтому если ребенку изменили социальные условия, этого недостаточно — генетически он остается тем же.

Д. В. ЛОБОК: — С нами на связи доктор экономических наук Екатерина Сергеевна Дашкова.

Е. С. ДАШКОВА: — Добрый день, уважаемые коллеги. Если обобщить темы докладов и выступлений, то в этом году на Лихачевских чтениях мы обсуждаем в основном проблему диалога культур, и в первую очередь России и Запада, в условиях деглобализации. Соглашусь с Григорием Михайловичем в том, что нынешние процессы можно назвать глокализацией, так как мы наблюдаем одновременно глобализацию и локализацию. Другая проблема, занимающая многих, — прогнозирование. Как выстраивать экономическое, социальное, культурное, технологическое развитие России? В наши дни на многих дискуссионных площадках в рамках научно-практических конференций особенно часто говорят о возможных путях достижения технологического суверенитета.

Следующая очень острая проблема касается национально ориентированного образования, духовно-нравственного и патриотического воспитания. Молодежь — стратегический ресурс любой страны, поэтому мы должны выработать стратегию развития системы образования и организации работы образовательных учреждений. При этом профсоюзам предстоит решить важные задачи по воспитанию ценностной ориентации у молодого поколения. Это действительно очень значимо, так как наши исследования свидетельствуют о том, что труд не входит в ценностные приоритеты поколения Z, а цифровые технологии и Интернет лишь усугубляют проблему.

Александр Владимировичу сегодня пришлось выслушать упрёки в том, что деятельность профсоюзов не видна обществу, а их роль непонятна. Хотелось бы возразить. В августе-сентябре 2022 года мы при содействии Воронежского областного объединения профсоюзов провели исследование среди молодых работников, которое охватило 427 человек из разных коммерческих и бюджетных организаций всех видов экономической деятельности Воронежской области. Результаты данного исследования мы представили в апреле на Ломоносовских чтениях в МГУ и в рамках Международной научно-практической конференции в нашем университете. Совместно с Воронежским областным объединением профсоюзов был организован круглый стол «Приоритетные направления работы с молодежью».

Исследование показало, что 86 % молодых (до 35 лет) работников являются членами профсоюза. Надо отметить, что работа наших профсоюзов — это не только организуемые ими досуговые и оздоровительные мероприятия. Существенное количество (33 %) респондентов указали, что ведется большая работа по воспитанию патриотизма и преемственности традиций. Многие также отметили содействие участию молодежи в волонтерской деятельности, научной и научно-технической работе, образовательных программах.

В ходе исследования мы также выяснили, что профсоюзы начинают активно участвовать в наставнической работе в организациях. 93 % респондентов указали, что наставники оказали им существенную помощь в профессиональной адаптации. Поддержка со стороны государства помогает профсоюзам повышать свою роль в системе социально-трудовых отношений. Очевидно, что укрепление авторитета профсоюзов в рамках социального партнерства становится важным для самого государства.

Таким образом, наше исследование, которое оказалось достаточно масштабным, продемонстрировало, что значение профсоюзов в обществе растет, и они все чаще успешно выполняют свою главную функцию — защищают права трудящихся.

Мы уже много лет тесно сотрудничаем с областным объединением профсоюзов. Наш совместный круглый стол «Приоритетные направления работы с молодежью» предоставил возможности для обмена опытом представителям профсоюзов различных организаций, позволил оценить направления и объем их работы с молодыми работниками.

Результаты исследования, о котором я рассказывала, будут опубликованы в журнале «Уровень жизни населения регионов России», так что все желающие смогут с ними ознакомиться.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется профессору Марии Ивановне Козьяковой.

М. И. КОЗЬЯКОВА: — Немного о термине «антикультура». На самом деле это не термин, а бытовое, оценочное понятие. В культурологии оно не употребляется. Вообще слово «культура» пришло в русский язык довольно поздно, в XIX веке, и сначала соотносилось с духовной сферой, с религиозными культурами. После революции 1917 года появились «культурная революция», «культура производства» и т. д. Слово «культура» начали использовать в бытовой речи: культурное поведение, культурный человек.

Примерно полвека назад на Западе было проведено исследование понятия «культура». Оказалось, что насчитывается более 500 определений культуры. В итоге мы приняли, что есть культура в узком смысле слова и в широком. В узком смысле под культурой подразумеваются искусство, творчество, промыслы и т. п. В этом значении слово «культура» входит в названия учреждений: министерство культуры, институт культуры. В широком смысле оно описывает все, что имеет отношение к человеческой жизнедеятельности: культура быта, физическая культура, даже культура войны.

Следующая тема, на которую хотелось бы поспорить, — идеология как философия. Коллеги сравнивают идеологию с философией и вспоминают «философский пароход». На мой взгляд, в то время, когда страна ведет военные действия, вспоминать о «философском пароходе» несколько неуместно. К тому же хочу напомнить, что в 1961 году советский человек первым полетел в космос, и «философский пароход» этому не помешал. Хотя, конечно, чем больше у нас будет разнообразия, тем богаче будет наша жизнь. Но давайте поговорим об этом в другое время. Мы можем вспомнить «звездное небо над нами» Канта, но сегодня это небо, с которого падают бомбы.

Сегодня, к радости многих, кто на протяжении 20 лет всеми силами пытался доказать, что Россия не Запад, а отдельная цивилизация, которая имеет тысячелетние корни, нас наконец услышали. До этого все время говорили, что мы должны рассматривать Европу как наш общий дом, участвовать в общеевропейских организациях и союзах, даже если они настроены против нас. Хочется просто сказать поговоркой: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Сегодня наступил новый этап, когда нам нужно найти ответы на фундаментальные вопросы. Какие мы? Куда мы идем? Куда хотим прийти? Вчера на пленарном заседании прозвучало, что нам необходимо целеполагание. Простите, какое может быть целеполагание, кроме того, что мы защищаем свою землю, будем работать на ней, растить детей, у которых будут папа и мама, а не два партнера непонятного пола. Мне кажется, это вполне достойные цели. Наша страна во все эпохи защищала свою территорию, и в этом был великий смысл.

При этом я не могу согласиться, что возврат к язычеству — это плохо. Нельзя отказываться от своей истории. Да, у нас было язычество, политеизм, и это были времена богатой и разнообразной культуры. Разве потомки древних греков и римлян отказались от своего языческого наследия? Нет, весь мир знает античных богов, читает греческие мифы и т. д. Почему же мы должны отречься от наших богов? Это наше прошлое, и его, мне кажется, надо беречь и сохранять.

Сейчас предъявляется много претензий к школьному курсу истории. Действительно, складывается впечатление, что учебники истории писались по западным лекалам. На их страницах наши достижения и победы не имели большого значения или повлекли за собой негативные последствия. Либо не упоминаются вообще. Так, Александр I, победивший Наполеона, оказывается, был жандармом Европы. Или, например, исчезла битва при Молодях, хотя ее значение трудно переоценить, да и произошла она совсем недалеко от Москвы. В битве полегло много воинов, в том числе и опричная дружина, но они смогли отразить завоевательный набег. И это наша традиция — защищать то, что у нас за спиной. А за ними была Москва. Или, например, пишут, что мы оккупировали бывшие союзные республики. А знает ли сегодняшняя молодежь, сколько раз, например, просила об объединении Грузия? А на прибалтийских землях когда-то были фактически уничтожены пруссы и балтийские славянские племена? На-

звание «пруссы» осталось в истории как символ германского милитаризма — Пруссия. И подобных фактов огромное множество. Так что действительно надо тщательно пересмотреть содержание школьных учебников истории.

Итак, мы признали, что Россия является отдельной цивилизацией, и это очень радует. Напомню, что Москва когда-то была названа Третьим Римом. И я уверена, что у нас очень хорошие перспективы в качестве цивилизации — Третьего Рима.

Е. ЖИРОХОВА: — Если российская цивилизация не является европейской, то какие черты отличают ее от других?

М. И. КОЗЬЯКОВА: — Русская цивилизация имеет определенные доминанты. Во-первых, географическое положение, в том числе относительно других стран. Во-вторых, сложный климат, из-за которого у нас очень короткий период сельскохозяйственных полевых работ, а в древности использовалось подсечно-земледелие, сопряженное с тяжелым трудом. В-третьих, коллективный характер труда, который на Западе исчез в эпоху Ренессанса с появлением мануфактур и зарождением буржуазии, а у нас остался, потому что без этого нам не выжить. В-четвертых, огромная территория и соответственно очень протяженные границы, которые необходимо защищать. К тому же колоссальные природные богатства. Можно найти и другие особенности, отличающие Россию от западной цивилизации. Повторю еще раз: мы — Третий Рим.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется главному редактору журнала «Культура и цивилизация», профессору Александру Петровичу Садохину.

А. П. САДОХИН: — Будучи правопреемницей Советского Союза, Россия тем не менее утратила свой статус сверхдержавы, коим обладал СССР. О чем идет речь? Положение любой страны в мире определяется целой группой факторов — экономикой, военным потенциалом, географией, историей, демографией и т. д. И вот только в результате соединения этих факторов мы можем отнести ту или иную страну к сверхдержавам, государствам второго, третьего порядка, вплоть до развивающихся стран. Россия может быть отнесена к категории сверхдержав только по двум показателям: это гигантская территория и ядерный арсенал — судя по всему, крупнейший в мире. Идущая сейчас военная операция показывает, что наши ракеты даже лучше американских. Но по всем остальным показателям мы относимся ко второй группе стран уровня Франции и Италии, в чем-то Великобритании. Но и им мы проигрываем, например, по внутреннему валовому продукту на душу населения. Кроме того, после распада Советского Союза мы утратили стратегические позиции на северных и южных границах. Крым удалось вернуть, и это очень важный и нужный регион для нашего государства. Но на балтийском побережье, в отличие от черноморско-

го, картина другая. Прибалтийские страны настроены враждебно, а в Финляндии после вступления в НАТО обсуждается перекрытие нам судоходства по Балтийскому морю. Будем надеяться, что этого не произойдет, потому что Балтийское море принадлежит не только Финляндии.

Те страны (прежде всего европейские), которые не выказывают негативного отношения к России, до сих пор рассматривают нашу страну как бензоколонку, поскольку большая часть нашей внешнеэкономической деятельности заключалась в торговле энергоресурсами. Даже Китай, покупающий российскую нефть во все в больших объемах, руководствуется рациональным соображением, что наша нефть дешевле арабской. Для сведения: наша нефть — так называемая тяжелая, то есть содержит много добавок, например серы, в то время как арабская — легкая, ее перегонка намного проще. Поэтому при аналогичных объемах переработки выход конечного продукта от тяжелой нефти меньше. Напомню, что американцы установили верхний ценовой предел на нашу нефть на внешнем рынке: не более 60 долларов за баррель. Но в действительности она торгуется немного выше, ближе к 70 долларам. Самая качественная нефть — марки Brent, ее котировки колеблются в пределах 75–80 долларов за баррель. Но вот что интересно. После того как американцы ввели этот потолок, через три дня в Россию прилетела делегация из Пакистана в надежде поживиться дешевой нефтью. Но мы объяснили, что вообще-то американские санкции не являются для нас руководством и мы не намерены продавать по этой цене, пакистанцы крепко озадачились.

Однако китайцы покупают нашу нефть, перерабатывают ее и продают готовые нефтепродукты другим странам. Стоимость конечного продукта, например бензина, гораздо выше, чем сырой нефти. Индусы быстро сориентировались и пошли тем же путем. Индия тоже большую часть нефти покупает у нас и, несмотря на угрозы США, продает продукты переработки, получая хорошую прибыль. То есть в очередной раз на наших природных ресурсах зарабатывают другие страны, а не мы. Это еще раз подчеркивает статус России не как промышленно развитого государства, а как источника дешевых энергоресурсов.

Еще один фактор, который сегодня создает нам проблемы, — геополитическое окружение. Какую страну мы сегодня можем назвать надежным партнером? Только одну — Белоруссию. И если сегодня у нас развиваются отношения с Китаем, что наши интересы все больше совпадают, то это вынужденная «дружба», потому что Россия и Китай пытаются противостоять американской гегемонии. Американцы вводят санкции не только против нас, но и против Китая, но при этом отношение к Китаю у них совершенно другое. Торговый оборот между США и КНР составляет около 600 млрд долларов. Аналогичный показатель для России и Китая прогнозируется в размере 200 млрд долларов по итогам нынешнего года. Поэтому санкции американцев в отношении Китая более осторожные, чем по отношению к нам. А между Россией и Штатами торговля минимальная.

Государства Центральной Азии сейчас проводят, как они говорят, самостоятельную политику, и эта политика развивается не очень хорошо для нас. Буквально на прошлой неделе Китай созвал совещание с руководителями центральноазиатских стран, в котором приняли участие главы пяти государств, которые раньше были республиками СССР. В ходе этой встречи был подписан целый ряд договоренностей, и вообще все идет к тому, что будет создан новый военно-экономический союз под началом Китая. Россия на этот саммит приглашена не была. По сути, это означает, что страны Центральной Азии понемногу начинают выходить из-под нашего влияния. В Казахстане все большую активность проявляют США.

Чтобы противостоять этой негативной для нас тенденции, мы пытаемся продвигать концепцию многополярного мира, которая предполагает несколько центров — военных, политических, экономических, которые могут сосуществовать друг с другом на принципах справедливости и равноправия. Вчера на пленарном заседании об этом много говорили. Но возникает ряд вопросов. На каких принципах будут строиться отношения между такими центрами? Будет ли это соперничество, конкуренция? И не дойдет ли дело снова до конфликтов, но уже на другом уровне, другого характера и с другими результатами?

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется профессору СПбГУП, режиссеру Анне Петровне Гаврилюк.

А. П. ГАВРИЛЮК: — Мои педагоги Валентин Дмитриевич Сошников и Борис Иосифович Гершт, ученики великого Георгия Товстоногова, учили, что режиссер — это человек, который интересуется текущими событиями и тенденциями и через свое искусство стремится осмыслить актуальные проблемы и вынести на обсуждение важные для общества темы. Мы говорим об изменениях в глобальном мире, и я, как неравнодушный гражданин, человек с собственной позицией, изучаю телеграм-каналы известного экономиста Михаила Хазина, военных обозревателей Юрия Подольяки и Михаила Онуфриенко, чтобы понимать, что происходит.

Действительно, как сказали Александр Сергеевич Запесоцкий и Александр Владимирович Шершук, идет глобальный слом: уходит в прошлое лидерство Соединенных Штатов Америки, которые могли диктовать свою волю благодаря тому, что долгие годы доллар был основной валютой международных расчетов. Но теперь центры силы смещаются, и вот уже саудиты уже готовы продавать нефть за юани, сблизилась с Ираном, Китай выступил посредником. Все это говорит о том, что мы должны наблюдать, анализировать и посредством аудиовизуальных инструментов транслировать аудитории свои выводы и чувства.

Мы видим, как на Украине сносятся памятники, переименовываются улицы, меняются календари православных праздников. Таким образом выхолащивается память. Но мы должны стараться сохранять свою память, историю, идентичность. Я согласна с Лидией Владимировной: к язычеству возвращаться нельзя. Но

надо оберегать свои традиции и свой культурный код, а для этого поднимать более глобальные проблемы сохранения памяти и идентичности.

Д. В. ЛОБОК: — Спасибо большое. Александр Владимирович Шершук, приглашаю Вас к микрофону.

А. В. ШЕРШУКОВ: — Прозвучавшие сегодня выступления были очень интересными и познавательными. В частности, по-моему, важно, что слово «антикультура» зафиксировано как оценочная и даже бытовая лексическая единица. К сожалению, сейчас мы наблюдаем снижение требований к выразительным средствам в масскультуре, в том числе на центральных каналах телевидения, и ненаучное слово «антикультура» как нельзя лучше характеризует эту грустную тенденцию.

Термины, которые мы используем, имеют очень большое значение. При этом явления и термины должны быть конгруэнтны. Только что было сказано о том, что принят документ, согласно которому Россия зафиксирована как цивилизация. Я с уважением отношусь к документам, но боюсь, что у нас может появиться глобус, на котором нет ничего, кроме России. Потому что наше общество склонно, как маятник, раскачиваться с большой амплитудой между низкопоклонством и самолюбованием. Призываю не впадать ни в ту, ни в другую крайность. Мы говорим, что одна из ценностей российского народа — коллективизм. Но несколько лет назад социологи Владимир Магун и Максим Руднев представили результаты своего исследования. Изучались и сравнивались ценности народов разных европейских стран, в том числе России. Так вот, по характеристике «индивидуализм» Россия оказалась «чемпионом» Европы: 30 % наших соотечественников придерживаются такой жизненной установки (сравните со шведами — 9 %).

Мы можем считать Россию отдельной цивилизацией и всеми силами защищаться от внешнего влияния. Но если мы рассчитываем на идеологическую победу, то должны представить позитивную модель развития не только для себя, но и для всего мира. Америка такой вариант представила — общество возможностей. Советский Союз в свое время тоже предложил достойную идею: общество социальной справедливости. Конечно, Россия прекрасна и уникальна, но если мы будем говорить только о себе, то у нас не будет союзников. Повторяю, мы должны выработать и предложить позитивную идею для всего человечества, простите за пафос.

Д. В. ЛОБОК: — Заключительное слово предоставляется Жану Терентьевичу Тощенко.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Цель любой научной конференции — обменяться мнениями, сопоставить точки зрения, в чем-то убедиться, уточнить свои позиции, в чем-то усомниться. Наука — это постоянный поиск.

Некоторые ремарки. О цивилизации. В свое время, когда Российская академия наук восстанавливала отно-

шения с китайскими коллегами, я был в составе делегации ученых, посетивших Китай. А когда я вернулся, профессор Хачик Нишанович Момджян, который был президентом советской социологической ассоциации, спросил: «Ну что, с твоих ушей слетела евроцентристская пыль?» — «Да, слетела». Потому что я воочию увидел другую цивилизацию, действительно другую. Поэтому мы можем по историческим эпохам, по странам, по религиям верно видеть разные подходы к этому термину. Цивилизация — не менее многозначное понятие, чем культура.

Здесь прозвучали разные мнения относительно «философского парохода». Но все ли мы знаем о том, что незадолго до этого из Соединенных Штатов Америки в Советскую Россию за политические взгляды депортировали несколько сотен уроженцев бывшей Российской империи? В Америке посадили 267 своих социалистов, профессоров и выслали в Советскую

Россию. У нас был «философский пароход», у них — «красный ковчег».

И последнее. Профессор Гранин напомнил о значении Конституции, и я согласен, что это очень важный документ для общественного договора. Но я надеюсь, что в процессе очередного пересмотра Конституции мы откажемся от запрета на государственную идеологию. Убежден, что любое государство имеет идеологию, даже если не провозглашает это. Потому что идеология тесно связана с ценностными ориентациями. Кстати, обратите внимание: в советской Конституции было закреплено право на труд, а в российской — право на выбор профессиональной деятельности. Это примечательный нюанс.

Д. В. ЛОБОК: — Спасибо всем, кто выступил, кто задавал вопросы и кто просто выслушал. Было очень интересно и познавательно. До новых встреч!

Секция 5 РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА НОВОМ РУБЕЖЕ ЭПОХ (ДИАЛЕКТИКА ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО). ЧТО НУЖНО РОССИИ

26 мая 2023 г. Лекционный зал № 1 СПбГУП

Руководители секции:

Н. К. ГАРБОВСКИЙ	директор Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова, академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО, доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
Л. М. МОСОЛОВА	профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, Заслуженный работник высшей школы РФ
В. С. САЙГАНОВА	декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук, доцент

ДОКЛАДЫ

Е. А. Александрова¹

НОВЫЕ ФОРМАТЫ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С РОДИТЕЛЯМИ ШКОЛЬНИКОВ И ДОШКОЛЬНИКОВ

В арсенале преподавателей педагогических институтов и классических университетов, осуществляющих подготовку студентов по разнообразным профилям педагогических специальностей, в настоящее время имеется обширный комплекс методик и технологий работы. Он пополняется с каждым годом в силу того, что образовательный процесс все более обращается как к проблемам воспитания и развития личности самих студентов, так и к их подготовке к данной деятельности, предполагающей выполнение профессиональных обязанностей.

Однако, как показали наши наблюдения и беседы как со студентами, возвращающимися с педагогической практики, так и с молодыми педагогами, только начинающими свой профессиональный путь, наиболее острой и неразрешимой для них является проблема взаимодействия с родителями обучающихся. Поэтому

для нас сейчас вопрос о том, как подготовить молодых специалистов, не имеющих собственных детей в силу возраста, к общению с людьми намного старше себя, чтобы помочь им понять, как именно следует взаимодействовать с их детьми, является первоочередным и весьма деликатным. На пути поиска решения этого вопроса мы столкнулись с несколькими проблемами.

Первая проблема. По учебному плану подготовки студентов бакалавриата дисциплина «Педагогика» изучается на II курсе. При этом возраст студентов — приблизительно 19–20 лет. Родителям же обучающихся, с которыми они встречаются на практике, минимум 28–30 лет. И здесь возникает первая проблема — родители не воспринимают студентов-практикантов всерьез, считая, что человек, не имеющий своих детей, не может «учить» их «как воспитывать».

Вторая проблема. Студенты, будучи на организационно-педагогической и психолого-педагогической практике, отмечают, что родители не считают нужным их присутствие на родительских собраниях. Да и сами классные руководители не доверяют студентам проведение фрагментов родительских собраний, не приветствуют сам факт их присутствия. Поэтому студентам редко удается посетить родительские собрания и посмотреть, что представляют собой современные родители.

Третья проблема. Даже опытные классные руководители в своем большинстве не обладают методиками проведения родительских собраний и индивидуально-консультирования родителей в разных форматах — дискуссионных, игровых, форматах обсуждения. До

¹ Заведующая кафедрой методологии образования Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. 19 монографий: «Педагогическое сопровождение самоопределения старших школьников», «Очерки понимающей педагогики» (в соавт.), «Модернизация классической модели тьюторства в России, странах Европейского союза и Ближнего Востока» (в соавт.) и др.; статей: «Принципы и логика организации разновозрастного воспитательного события», «Научно-методическое сопровождение педагогов», «Эволюция идеи модернизации педагогического образования в контексте развития личностного потенциала будущего педагога» (в соавт.) и др. Член Научного совета по проблемам воспитания подрастающего поколения при Отделении философии образования и теоретической педагогики РАО. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

сих пор, к сожалению, ими практикуются собрания информирующего, назидательного плана, что родителям не всегда нравится. Опрос показал, что родители такие собрания считают «пустой тратой времени» и присутствуют на них лишь в силу того, что опасаются негативной реакции со стороны педагогов.

Таким образом, студенты впервые встречаются с родителями «глаз на глаз» в позиции «педагог–родитель» на летней вожатской практике в лагере после II курса и сразу погружаются в море проблем. Студенты отмечают, что не умеют убеждать родителей в чем-либо, тушуются, когда надо конструктивно обсудить что-либо. Родители же относятся к ним весьма «потребительски».

Как результат, обдумав данную ситуацию, мы с коллегами выработали стратегическую линию подготовки студентов к взаимодействию с родителями. Представим ее ниже.

В качестве методологических подходов мы отобрали эмоционально-ценностный, диалогический, рефлексивный и ситуативный подходы, максимально соответствующие методологическим основаниям примерной программы воспитания РАО.

Логическая последовательность подготовки выглядит следующим образом: наблюдение — создание «коллекции» ситуаций и соответствующих реакций — разрешение типичных ситуаций в игровой форме — фрагментарное информирующее взаимодействие с родителями — ситуационное конструктивное взаимодействие с родителями.

Так, в течение учебного года на II курсе бакалавриата мы стараемся подготовить студентов отвечать на типичные вопросы родителей, научить их вести наблюдение за родителями, за ребенком и так составлять его психолого-педагогическую характеристику, чтобы это можно было деликатно обсудить с родителями по принципу «не навредить».

В самом начале II курса (3-й семестр обучения на бакалавриате) мы обращаем внимание студентов на различные эпизоды из художественных фильмов. Даже в качестве заданий для самостоятельной работы мы предлагаем сделать список, подборку эпизодов из художественных и мультипликационных фильмов, где показаны самые разные моменты взаимодействия родителей с педагогами, родителей с детьми. Далее мы обсуждаем на занятиях, как может отреагировать педагог, как можно об этом поговорить с родителями, как построить разговор с родителями такого типа, так как существует множество родительских ролей. Они описаны во многих книгах, начиная с «Книги для родителей» А. С. Макаренко. Мы обсуждаем эпизоды из фильмов, и эта работа продолжается в течение всего года.

Но на нее нанизывается следующая практика. Это обсуждение самых разных педагогических ситуаций, вначале устно, а затем через их театрализацию на занятиях. Студенты играют роли родителей, продумывают их реакции и проигрывают их в разнообразных сценках. Однако, к сожалению, мы не можем уделять этому много времени, ибо количество часов на курс педагогики сократилось.

Справедливости ради надо сказать, что одновременно возросло количество часов на учебную и производственную практики, что и помогает нам выйти из ситуации. Для этого мы в задания для учебной и педагогической практики вносим соответствующие акценты.

Например, на психолого-педагогической практике (3-й семестр) мы даем студентам следующее задание: посещение родительских собраний с целью наблюдения за тем, что представляют собой современные родители. Мы предлагаем студентам определить, какие роли сейчас играют современные родители? Как классный руководитель отвечает на вопросы родителей? Если бы на месте классного руководителя были студенты, как бы они ответили? Также мы просим наших практикантов заняться созданием коллекции типичных вопросов и претензий родителей, для того чтобы потом студент смог найти ответы на эти вопросы и выработать тактику поведения и адекватную реакцию при предъявлении такой претензии. Таким образом, в результате психолого-педагогической практики у них осуществляется некая профессиональная проба «А как бы ответил я?», «Как бы я поступил?»

Следующая практика — организационно-педагогическая (II курс, 3–4-й семестры). Цель заданий 3-го семестра — научиться реагировать на реплики родителей. Наш опыт показывает, что удобнее всего эту работу построить через социальные сети. Мы рекомендуем нашим студентам на своих страницах в социальных сетях (специально созданных или имеющихся) размещать актуальную для родителей информацию, а также притчи, рассказы, устраивать родительское голосование по острым вопросам, которые возникают в классе с данными детьми. И пробовать реагировать на запросы родителей не сразу, как это происходит при очном общении, а косвенно, отсроченно. У студентов появляется возможность подумать, как бы они ответили родителям максимально корректно. И они таким образом набирают опыт ответов на вопросы. В 4-м семестре мы уже просим ребят выступать с микросообщениями на родительских встречах. Вначале с сообщениями информационного плана, но к весне уже в форме игрового взаимодействия при решении каких-либо вопросов, или беседы, методики «свитки». Как результат, к летней вожатской практике они приходят более подготовленными и реальная встреча с родителями для них не становится стрессом.

На летнюю вожатскую практику мы даем задание: составьте список советов по принципу «если родитель вашего ребенка... то вы поступаете...». И далее эти советы мы обсуждаем на конференции по итогам летней вожатской практики, и часть из них передаем студентам следующего II курса, следующим нашим вожатым.

Также мы используем ситуации на практиках, которые запланированы на III и IV курсы обучения. На их протяженности студенты уже ведут фрагменты родительских встреч (родительских собраний). Кроме того, мы практикуем включение в курсовые и выпускные квалификационные работы параграфы или их фрагменты о том, как взаимодействовать педагогам с родителями в рамках изучаемой студентом педагогической

деятельности (предмета его исследования). Как темы исследования можно (и нужно ли?) преподнести родителям? Как взаимодействовать с родителями для того, чтобы ребенок лучше понял ту или иную тему? Лучше понять причины своих поступков и поведения в целом? Направление своего дальнейшего развития?

Мы не ограничиваем сроками обучения в университете время подготовки студентов к взаимодействию с родителями обучающихся.

К иным форматам подготовки будущих и молодых педагогов к взаимодействию с родителями мы относим даже виртуальный педагогический класс для будущих абитуриентов. Наша цель — создать такое эмоциональное пространство для будущих педагогов, чтобы им захотелось быть и остаться в профессии, чтобы было желание общаться с родителями на конструктивных основаниях для пользы каждого ребенка. Поэтому ученикам нашего виртуального педагогического класса СГУ мы даем задание подобрать и обсудить эпизоды из фильмов (о чем мы писали выше) в силу этических причин, потому что иные задания мы им дать не можем, так как не имеем права говорить о специфике родительского поведения.

На нашем традиционном Научно-методическом фестивале «Неделя педагогического образования СГУ», которая проходит у нас уже десятую весну подряд, мы устраиваем обсуждения, дискуссионные площадки для споров о вариантах решения наиболее острых проблем, которые возникают у педагогов при взаимодействии с родителями. Например, это вопросы о том, почему родители не хотят приходить в школу и как сделать так, чтобы им захотелось прийти и совместно с педагогами сделать жизнь детей в школе лучше. Об этом уже есть соответствующие публикации.

Еще одним новым форматом для постдипломного ведения молодых специалистов, которые закончили наши факультеты и институты по педагогическому образованию, является педагогический консилиум. На его заседаниях мы тоже устраиваем обсуждения проблем взаимодействия с родителями и просим молодых педагогов составлять коллекции прецедентов родительско-педагогического взаимодействия для того, чтобы с помощью примеров из этих коллекций обучать наших студентов. В процессе общения мы еще раз убедились в том, что основная проблема для молодого педагога-выпускника — как выйти к родителям и общаться с ними. Это важно потому, что, как оказалось, это одна из основных причин ухода молодых педагогов из специальности.

Полагаем, что наша деятельность принесет результаты, и нам удастся из разрозненных методов и приемов составить стройную систему подготовки педагогов к конструктивному взаимодействию с родителями обучающихся.

Литература

Александрова, Е. А. Концептуальные идеи модернизации педагогического образования в контексте развития личностного потенциала будущего педагога / Е. А. Александрова, М. Н. Бурмистрова, Т. Г. Фирсова. — Текст : непосредственный // Социально-политические исследования. — 2023. — № 1 (18). — С. 148–166.

Бочарникова, А. М. Основные направления повышения эффективности взаимодействия с родителями в условиях образовательной среды / А. М. Бочарникова, А. В. Ничунаева, А. А. Пантус. — Текст : непосредственный // Современное образование: проблемы, решения, тенденции развития : сборник статей VI Международной научно-практической конференции. — Петрозаводск, 2023. — С. 146–150.

Бурова, В. С. Стили поведения родителей в процессе использования Интернета учениками начальной школы / В. С. Бурова. — Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». — 2022. — Т. 22, вып. 4. — С. 459–463.

Елина, Е. Г. Новые формы взаимодействия со студентами: научно-образовательный фестиваль «Неделя педагогического образования» в СГУ имени Н. Г. Чернышевского / Е. Г. Елина, Е. А. Александрова. — Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития». — 2019. — Т. 8, вып. 2 (30). — С. 163–168.

Костина, Л. М. Дистанционное сопровождение родителей обучающихся / Л. М. Костина, И. А. Писаренко. — Текст : непосредственный // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2020. — Т. 9, № 4 (33). — С. 163–167.

Молодцева, Ю. В. О практике развития межличностных отношений учителей и родителей / Ю. В. Молодцева. — Текст : электронный // Письма в Эмиссия.Оффлайн : [электронный научный журнал]. — 2009. — № 4. — С. 1324. — URL: <http://www.emissia.org/offline/2009/1324.htm> (дата обращения: 21.03.2023).

Мурзина, Т. А. Интерактивные формы взаимодействия с родителями — новый формат партнерских отношений детского сада и семьи / Т. А. Мурзина, Д. Ю. Петелина, Г. Г. Головских. — Текст : непосредственный // Стратегии развития дошкольного и начального образования в эпоху модернизации : материалы Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции (Нижний Тагил, 18 февраля 2022 г.) / ответственный редактор Ю. В. Скоробогатова. — Нижний Тагил ; Екатеринбург, 2023. — С. 183–187.

Назаров, В. С. Сотрудничество и эффективное взаимодействие молодого педагога с родителями младших школьников / В. С. Назаров. — Текст : непосредственный // Общество — наука — инновации : сборник статей Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции с международным участием (22 февраля 2023 г., Волгоград). — Уфа, 2023. — С. 150–153.

Особенности современного семейного воспитания в России: ожидания и перспективы / Е. А. Александрова, А. И. Евдокимова, Н. А. Евдокимов, И. В. Таньчева. — Текст : непосредственный // Человек и образование. — 2021. — № 1 (66). — С. 76–84.

Е. В. Андриенко¹**ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ**

Регионализация образования выступает сегодня в качестве одной из ведущих тенденций, определяющих специфику становления, развития и преобразований в педагогических системах под влиянием локальных факторов, специфицирующих особенности территориального социально-экономического развития с учетом природных, социальных, культурных (в том числе этнокультурных), а также хозяйственных факторов. Образовательное пространство Западной Сибири как региона Российской Федерации в теории и практике педагогической регионализации включает: Омскую, Новосибирскую, Томскую, Кемеровскую области и Алтайский край². При этом единство образовательного пространства Российской Федерации, несмотря на разнообразие регионов, определяется общностью социально-экономических условий, единой системой нормативно-правового регулирования, сходством социокультурного пространства³. В современной России образовательное пространство характеризуется многообразием поликультурных компонентов, определяющихся процессами высокой миграции и многонациональным составом населения. Сегодня в Западной Сибири проживают представители более 180 национальностей (русские, татары, украинцы, немцы, узбеки, казахи, таджики, киргизы, белорусы и т. д.).

Д. Г. Коровушкин, исследуя особенности этнокультурного развития региона, акцентировал факт возникновения уникального конгломерата этнических диаспор, которые на протяжении десятилетий в XX–XXI веках весьма мирно, дружно и эффективно сосуществовали, активно включаясь в развитие народного хозяйства, экономики, культуры и других аспектов жизнедеятельности края. Проанализировав динамику межнациональных отношений и взаимодействий на основе использования данных Федеральной службы государственной статистики (Алтая, Новосибирска, Омска, Томска и др.), а также территориальных органов Переселенческого управления и других документов, ученый пришел к выводу о тотальной интеграции в общую языковую культуру, относительно успешной адаптации мигрантов к природно-климатическим, эконо-

номическим и культурным условиям, высокой предрасположенности к межнациональному общению. Он также акцентировал минимизацию ксенофобии и высокий уровень межэтнической толерантности на основе относительно легкого взаимопроникновения культурных традиций⁴. Таким образом историко-культурный контекст межэтнических отношений народов, проживающих на территории Западной Сибири, обеспечили относительно комфортные условия развития поликультурного образования даже в сложные периоды социокультурных кризисов, связанных с резкими изменениями современного мира.

Н. В. Ярославцева, характеризуя стабильность поликультурного образовательного пространства Сибири, выделила три главных направления его реализации: создание образовательных организаций с этнокультурными компонентами; развитие системы дополнительного образования, транслирующего национальные/этнические культуры; реализация образовательных программ социальной адаптации иностранных граждан, которые переехали в Россию⁵.

Развитие образования в контексте педагогической регионализации определяется не только этнокультурными процессами многонационального региона, но и экономическими изменениями, обусловленными природными возможностями и историческими процессами. Динамика развития образования в Западной Сибири зависит от стремительных изменений структуры экономики региона в связи с историческими, социально-политическими и социокультурными событиями XX–XXI веков. При этом во все времена было очевидно, что уникальные природные и естественные богатства края могут дать уникальный экономический эффект в масштабе всей страны⁶.

Сибирь привлекает к себе внимание неисчерпаемыми ресурсами и огромным потенциалом, однако неравномерное территориальное развитие западных и восточных регионов России, разрыв между добывающей и обрабатывающей промышленностью в самом регионе выступают в качестве негативных факторов улучшения экономики. В то же время именно Западную Сибирь характеризуют весьма высокие темпы изменений. Так, например, И. Ф. Лившиц, анализируя экономическую динамику (в историческом контексте) отмечал, что если в первой половине XX века только с 1913 по 1952 год валовая продукция Российской Федерации (в то время — РСФСР) выросла в 27 раз, то по Западной Сибири она в то же время показала рост более чем в 171 раз, отражая уникальные темпы преобразований

⁴ Коровушкин Д. Г. Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX — начале XXI в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2009. 47 с.

⁵ Ярославцева Н. В. Указ. соч.

⁶ Лившиц И. Ф. Размещение и отраслевое развитие высшей школы Сибири // Известия Томского политехнического института [Известия ТПИ]. 1967. Т. 181 : Социальные вопросы развития науки и высшего образования. С. 26–37.

¹ Заведующая кафедрой педагогики и психологии Института физико-математического, информационного и технологического образования Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 290 научных публикаций, в т. ч. индивидуальных и коллективных монографий: «Педагогический профессионализм», «Педагогический профессионализм в меняющемся образовательном пространстве» (сост.), «Кросс-культурные исследования в педагогике: современный взгляд на отечественный и зарубежный опыт» (в соавт.) и др.; учебных пособий, статей. Награждена медалью Законодательного собрания Новосибирской области «Общественное признание».

² Ярославцева Н. В. Региональные особенности развития образования в Западной Сибири // Pedagogical Review. 2018. № 2 (20). С. 167–177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-osobennosti-razvitiya-obrazovaniya-v-zapadnoy-sibiri/viewer> (дата обращения: 02.05.2023).

³ Там же.

и развития производительных сил¹. Высокая потребность региона в высококвалифицированных кадрах определила необходимость развития высшего образования.

После Великой Отечественной войны высокие темпы развития высшего образования одновременно сопровождались изменением структуры университетов/институтов в соответствии с изменениями регионального производства и современных технологий: создавались новые кафедры, открывались важные для экономики современные специальности и направления подготовки, разрабатывались актуальные научные направления исследований². Открывались инновационные университеты, характеризующиеся глубоким взаимодействием с ведущими научными школами академических учреждений, например, Новосибирский государственный университет (1959), основанный на базе Сибирского отделения Академии наук СССР с одним из самых высоких уровней организации научно-исследовательской работы студентов под руководством ведущих ученых — академиков и профессоров новосибирского академгородка³. Именно в этот период преодолевался разрыв между вузами и научно-исследовательскими учреждениями Сибири.

Сегодня активное развитие и модернизация системы высшего образования определяется целым комплексом условий, а именно: высоким уровнем диверсификации экономики, обеспечивающим большую вариативность и возможности развития малого бизнеса при отсутствии монопольного давления; развитием наукоемких производств; очевидной инвестиционной привлекательностью региона; внешнеэкономическими связями; геодемографическим фактором (центр территориальных и производственных связей России). Все это способствует стимуляции вовлечения молодежи в экономическую жизнь через разнообразие стартапов, формирование широкого социального слоя предпринимателей, способных решать сложные экономические задачи на основе современных научных знаний и технологий. Большинство таких молодых людей имеют вузовские дипломы, которые они получили именно в университетах Сибири (Новосибирск, Томск, Омск и др.).

Два года назад аналитическая компания QS (Quacquarelli Symonds) опубликовала рейтинг лучших городов мира для обучения в университетах (QS Best Student Cities)⁴. Компания специализируется на сравнительно-сопоставительных исследованиях образования в разных странах мира и составляет рейтинги на основе анализа многочисленных критериев. Специалисты считают, что рейтинги QS относятся к тройке самых престижных и профессиональных мировых рейтингов в сфере высшего образования. При подготовке рейтин-

га учитывались мнения 95 тыс. опрошенных студентов и десятки тысяч работодателей из лучших компаний по всему миру. В целом в мировой рейтинг тогда попали 115 городов мира. Оценивались: коллективная эффективность университетов; их количество в городе и студенческий микс; качество преподавания и научно-исследовательская деятельность; доступность образования; благоприятные условия жизнедеятельности студентов; интернациональные отношения; разнообразие этносов и культур; доля студентов среди населения города; бесконфликтное взаимодействие и безопасность; возможность получения качественной медицинской помощи; отсутствие коррупции; экология; возможность без проблем устроиться на работу в данном регионе и за рубежом; расходы на проживание; количество учреждений культуры и их доступность (театры, музеи, выставки и т. д.); легкость передвижения в городе и т. д.⁵

Сам факт попадания в рейтинг свидетельствует о высоком потенциале города и его хороших ресурсных возможностях. Тогда, в 2021 году, было определено 115 городов мира, которые выделялись как лучшие для обучения в университетах. Из российских в рейтинг вошло пять городов: Москва (26-е место), Санкт-Петербург (72-е место), Томск (85-е место), Казань (102-е место), Новосибирск (107-е место)⁶. В Новосибирске и Томске была отмечена доступность высшего образования, а также уникальные климатические условия, природа, множество интересных мест для посещения и т. д. Причем по доступности высшего образования Новосибирск занял 3-е место в мире⁷. Несмотря на то, что в 2023 году сибирские города не попали в международный рейтинг, очевиден их потенциал и возможности для развития и подготовки высококвалифицированных кадров для экономики и социальной политики России.

В целом, определяя особенности развития образования в Западной Сибири в контексте педагогической регионализации, можно выделить: поликультурное образовательное пространство, обусловленное традициями этнокультурных отношений на протяжении длительного времени; инновационный характер динамики педагогических процессов в образовательных организациях, связанных с развитием науки и технологий; высокие темпы изменений, определяющиеся по востребованности освоения природных богатств края; высокую экономическую активность выпускников университетов. Сегодня Западная Сибирь представляет собой уникальный регион, обладающий всеми необходимыми возможностями ресурсного обеспечения не только развития отечественного образования, но также социально-экономического и социокультурного прогресса Российской Федерации.

¹ Лившиц И. Ф. Указ. соч.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Best Student Cities 2022. (Where are the best cities in the world for studying abroad? Find out with the QS Best Student Cities 2022.) URL: <https://www.topuniversities.com/city-rankings/2022> (дата обращения: 30.07.2021).

⁵ Best Student Cities 2022.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

А. А. Ахаян¹**ВЗГЛЯД НА ТО, КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ СЕГОДНЯ НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМИ**

Попытаемся в рамках короткого доклада представить взгляд лаборатории сетевой педагогики Герценовского университета (Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена) на основные проблемы современного образования. И в связи с этим обозначить три пункта, которые представляются нам особо важными.

Первое. Прежде всего хотелось бы отметить, что педагогика, как наука, обслуживающая область деятельности — образование, самостоятельно не определяет, кого, какую личность необходимо готовить для жизни в обществе. Педагогика отвечает на вопрос, как подготовить ту или иную личность. Но какую именно — это вопрос идеологии, господствующей в обществе. Думать, что можно нормативно запретить идеологию (в частности, в школе), — это наивность. Запретить можно только озвучивать то, какая идеология реально присутствует, если это озвучивание по каким-то причинам представляется нежелательным проводникам этой самой идеологии.

Сегодня мы являемся свидетелями крайнего обострения противоречия, по сути — ментального, между двумя ведущими идеями, претендующими на то, чтобы стать доминирующими в системе образования, в процессе обучения и воспитания новой личности. Первая — идея культура потребления, вторая — идея культура созидания, созидательного труда. От исхода этой борьбы зависит, подготовку какой личности мы будем рассматривать в качестве цели образования. Мы оказались на новом витке обострения борьбы идей внутри формата о целях и ценностях. Цели образования определяются ценностями, которые доминируют в обществе. А ценности, которые принимаются личностью учащегося, определяются целями образования. Если общество будет рассматривать общее образование как сферу услуг, готовящую квалифицированного потребителя, а в качестве цели профессионального образования будет заявлена подготовка специалиста, конкурентоспособного на рынке труда, — это одно. А если общество будет рассматривать работу сферы образования в качестве миссии, нацеленной на подготовку гражданина и специалиста, для которого ведущей ценностью является созидательный труд на благо общества, — это совсем другое.

Второе, что мы должны понять и принять. Борьба идей происходит не в статичном, замершем мире.

¹ Профессор кафедры педагогики школы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, Почетный работник сферы образования РФ. Автор 236 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Виртуальный педагогический вуз. Теория становления», «Сетевая личность как педагогическое понятие: приглашение к размышлению», «Об опыте проведения удаленных занятий со студентами педагогической магистратуры в виртуальной педагогической студии», «Образовательное пространство литературного музея как ресурс формирования духовно-нравственных ценностей подростка» (в соавт.), «О некоторых текущих локальных исследованиях в контексте изучения образовательной динамики „сетевой личности“» и др.

Мир находится в динамике, обусловленной техническим прогрессом. Благодаря Глобальной сети межличностное взаимодействие, индифферентное к дистанции, приобрело огромный масштаб и влияние на становление личности. Сегодня мы имеем дело с новой, «сетевой» личностью и студента и педагога. «Сетевая» личность не может и не будет долго ожидать ответа на свой вопрос или отклика на свое действие. В ценностном ряду такой личности присутствует одна «добавленная» ценность. Эта личность рассматривает в качестве ценности свое право на немедленное («на пике интереса», не отсроченно) удовлетворение возникшей у нее гносеологической или коммуникативной потребности. Она быстро найдет ответ в Глобальной сети (но далеко не всегда сумеет его верифицировать). Иными словами, пространственно-временные условия работы педагога существенно изменились и стремительно продолжают меняться.

Третье. Глобальная сеть в наступающем завтра — это вовсе не тот Интернет, к которому мы привыкли сегодня. В самое ближайшее время это — параллельная реальность, трехмерная, с узнаваемыми деталями и ориентирами, привлекательная, мотивирующая на возвращение к ней. И в этой параллельной реальности — образовательные зоны, образовательные среды. И люди, занимающиеся обучением и воспитанием. И перед нами встает задача опережающей подготовки образовательной среды в параллельной реальности, обучения педагога работе в этой реальности и проведения исследований закономерностей и особенностей работы в такой среде.

На решение этой задачи нацелена сегодня деятельность научно-исследовательской лаборатории сетевой педагогики Герценовского университета. В рамках этой работы были созданы:

— виртуальная педагогическая студия как вариант организации образовательной среды в трехмерном виртуальном пространстве;

— виртуальная лекционная композиция как инструмент работы педагога в виртуальной педагогической студии;

— сетевой научно-педагогический видеожурнал как современная дискуссионная и информационная площадка профессионально-педагогического сетевого сообщества².

² Подробнее с материалами на эту тему можно ознакомиться на ресурсе по адресу: <https://stoll.spb.su>.

Э. В. Барбашина¹

НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА

Эффективное развитие системы здравоохранения является одним из основных показателей успешного развития современного общества. Актуализация вопросов, связанных с качеством оказания медицинской помощи, обусловлена изменениями демографического состава населения, ростом экологических катастроф, техногенных аварий, увеличением потенциала орудий массового поражения и многими другими факторами. Эпидемия COVID-19 убедительно показала, что от уровня развития и организации системы здравоохранения зависит не только качество жизни, но и решение вопросов выживаемости человечества.

Одним из основных факторов, определяющих эффективность системы здравоохранения, является подготовка медицинских кадров. Как правило, когда об этом заходит речь, подразумевается подготовка кадров высшего звена, то есть врачей. Это не вызывает возражений и объясняется тем, что профессиональная подготовка и переподготовка врачей должна соответствовать уровню развития современной медицины — медицины высоких технологий. Однако качественная работа врачей предполагает активное участие среднего медицинского персонала. Это относится ко всем без исключения этапам и формам оказания медицинской помощи, начиная с первичного приема, процесса госпитализации и заканчивая высокотехнологичными операциями и медицинскими манипуляциями. Более того, успех стационарного лечения во многом зависит от качества деятельности среднего медицинского персонала, сестринского ухода. Значимость профессиональной подготовки среднего медицинского персонала обусловлена также тем, что он играет основную роль в проведении первичной, вторичной, третичной профилактики.

Согласно общепринятым стандартам, соотношение врачей и представителей среднего медицинского персонала должно соответствовать соотношению 1 к 4 (5), то есть 1 врачу должны соответствовать 4 (5) работников среднего звена². Согласно прогнозу, в России в 2024 году соотношение врачей и работников среднего медицинского звена будет гораздо меньше рекомендуемой нормы: 1 к 2,32.

Эффективность подготовки среднего медицинского персонала определяется не только количественными

показателями, но и качеством. Уровень подготовки должен соответствовать новым стандартам и принципам лечения и профилактики и отвечать изменениям, произошедшим в течение последних 30 лет в определении таких понятий, как «здоровье», «болезнь», «пациент», «лечение». Подготовка медицинского персонала также должна учитывать изменения, произошедшие в определении роли пациента в процессе лечения и связанные с новым типом коммуникации «врач (медицинский работник) — пациент».

В настоящее время подготовка среднего медицинского персонала осуществляется по следующим профилям: акушерское дело, лечебное дело, лабораторная диагностика, сестринское дело и др.

Основным в подготовке специалистов среднего звена является нормативный подход, который определен объективизированным пониманием здоровья. Он осуществляется в соответствии с федеральными законами, Федеральным государственным образовательным стандартом, национальными проектами³. Определяющими признаками нормативного подхода являются «математизация» здоровья, опора на медицинскую диагностику, применение верифицированных алгоритмов определения болезни и способов их лечения (МКБ — 10/11). С учетом этого около 70 % учебного времени обучающихся среднего медицинского персонала занято практическим освоением будущей профессии⁴.

Наряду с нормативным подходом в подготовке медицинских специалистов среднего звена важным, на наш взгляд, является включение нарративного подхода или его элементов. Это обусловлено изменениями структуры заболеваний (рост хронических дегенеративных, психосоматических заболеваний, формирование «общества ремиссии»), демографического состава населения (рост лиц пожилого и старческого возраста), увеличением стоимости высокотехнологичной медицины, ростом значимости профилактики⁵. А также изменениями в понимании здоровья, трансформацией отношений «врач (медицинский работник) — пациент».

³ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 28 апреля 2023 г.) // КонсультантПлюс : [справ.-правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 12.05.2023); Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 17 февраля 2023 г.) // КонсультантПлюс : [справ.-правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 12.05.2023); Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки : [сайт]. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/gosudarstvennye-obrazovatelnye-standarty-srednego-professionalnogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 12.05.2023).

⁴ Алексеева Е. Е., Новокрещенова И. Г., Чунакова В. В. Региональная система подготовки среднего медицинского персонала и основные направления ее совершенствования // Саратовский научно-медицинский журнал. 2015. Т. 11, № 2. С. 87–93.

⁵ Барбашина Э. В. Принцип автономии пациента: возможное и действительное // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 64–70.

¹ Заведующая кафедрой философии Новосибирского государственного медицинского университета, профессор отдела аспирантуры Института философии и права Сибирского отделения РАН, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Необходимость критического мышления в условиях трансформации образования», «Leon Petrażycki on Norms and Their Logical Study», «Necessity of Critical Thinking in Solving Vital Problems», «Дистанционное/электронное обучение: минимизация сложности», «Проблемы медицинского нарратива», «Методологические и содержательные проблемы нарративной медицины» и др. Член Российского философского общества.

² Новокрещенова И. Г., Чунакова В. В. Роль среднего медицинского персонала в развитии первичной медико-санитарной помощи // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014. Т. 4, № 10. С. 1068–1071.

Актуальность нарративного подхода связана также с тем, что в современном обществе практически отсутствует четкая граница между здоровыми и больными, она исчезает под давлением медицины высоких технологий. Следует отметить, что нарративный подход соответствует традициям российской медицины, он возвращает медицину к основам земского врачевания, когда каждый пациент воспринимался как нечто целостное и уникальное.

Нарративный подход связан с субъективизацией представлений о здоровье и нашел свое отражение в формировании «нарративной медицины», «гуманистической медицины», пациенто-ориентированного подхода, медицинского комплаенса, нарратива пациента, пациентского сторителлинга.

Включение нарративного подхода в процесс обучения медицинских работников среднего звена позволит им в будущем минимизировать унификацию, стандартизацию пациента, отказаться от рассмотрения болезни как обезличенного процесса. Особую значимость нарративный подход имеет в сестринском уходе, лечении хронических заболеваний, профилактике, паллиативной медицине.

Медицинский нарратив реализуется через рассказы пациентов (письменные, устные), интервью, тексты пациентов, представленные в Интернете в блогах, сообщениях, а также через тексты медицинских работников. Теоретическим основанием медицинского нарратива выступает признание необходимости индивидуализации болезни через «вхождение» медицинского работника в мир болезни пациента и ведение подлинного (М. Бахтин) экзистенциального (М. Бубер) смыслового диалога. В начале и середине XX века грань между здоровыми и больными людьми однозначно определялась нормой, а отклонение от нее рассматривалось как патология. В начале XXI века граница становится более размытой и многие болезни находятся в состоянии обострения или ремиссии, «хроникализации».

В настоящее время «самостоятельные» курсы, направленные на формирование нарративного подхода, практически отсутствуют в рамках российского медицинского образования. Исключениями являются курс «Нарративная медицина» в Московском государственном университете и курс «Medical humanities — нарративная медицина, коммуникации в медицине» в НИУ «Высшая школа экономики». Введение такого курса связано с формальными и содержательными сложностями: выделение дополнительных часов, разработка программ, подготовка специалистов и т. д. Однако применение элементов нарративного подхода в процессе подготовки медицинских работников, и прежде всего кадров среднего звена, вполне возможно. И в первую очередь в рамках таких социально-гуманитарных дис-

циплин, как философия (основы философии), история, антропология, биоэтика.

Теоретическим основанием формирования нарративного подхода в процессе подготовки медицинских работников является знание основных признаков повествования, его отличий от ненарративных форм повествования, лично значимых и социальных функций нарратива. Важным является понимание разницы между структуралистским и герменевтическим подходами к пониманию нарратива.

Наиболее эффективными методами формирования нарративного подхода являются «пристальное чтение» и «рефлексивное письмо»¹. Первое предполагает восприятие текста не только как источника информации, но и как внутреннего опыта, формируемого в процессе повествования. Причем такое понимание текста предполагает его смысловую трансформацию и формирование идентичности автора в процессе повествования. Применительно к нарративу пациентов основными являются следующие виды нарративов, каждый из которых интерпретируется с учетом определенных правил: поисковый нарратив, хаотический нарратив и нарратив выздоровления (А. В. Франк); стабильный, прогрессивный, регрессивный (К. Дж. Герген, М. М. Герген); в соответствии с событиями-провокаторами болезни выделяют нарративы от эмоциональной травмы, детских заболеваний, травм, приступов, сверхъестественного (Д. В. Гуд).

Одним из распространенных алгоритмов работы с текстом выступает модель чтения, разработанная Р. Шэррон. Она включает анализ контекста, определение формы нарратива, анализ времени/темпоральности (рассказчика и слушателя), сюжет и значимость. Данная модель учитывает значимые характеристики именно медицинского нарратива и достаточно часто применяется в процесс обучения. Безусловным достоинством данной модели является непротиворечивое соединение структуралистского и герменевтического подходов к пониманию нарратива.

Наряду с «пристальным чтением», рассмотренным выше, эффективным способом освоения нарративного подхода является рефлексивное письмо (разговор). В процессе обучения рефлексивное письмо может осуществляться как по заданному плану, так и в свободной форме, от имени автора или от имени другого человека. Одним из вариантов освоения рефлексивного письма является анализ чужих текстов. Рефлексивное письмо предоставляет возможность учащимся не только изложить собственный опыт, но также приобрести навыки работы с чужими текстами, которые отражают иное понимание процесса заболевания, лечения и выздоровления.

¹ *Тьюторская М.* Преподавание нарративной медицины // *Researcher. European Journal of Humanities and Social Sciences.* 2019. Т. 2, № 4. С. 26.

Э. Н. Бердникова¹

СПЕЦИФИКА ИМИДЖЕОБРАЗУЮЩИХ КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ. ОПЫТ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Актуальные для рассматриваемого периода процессы глобализации, происходившие на современном этапе, имели целью в том числе сформировать единое образовательное пространство и привели к кардинальным изменениям в сфере российского высшего образования. Эти изменения коснулись как форм управления высшим образованием, так и методов организации учебного процесса. Уже в течение долгого времени утверждается, что переход на новую — двухуровневую — систему образования нацелен на повышение качества подготовки кадров высшей квалификации в России. До сих пор наблюдается неоднозначное отношение со стороны общественности, не в последнюю очередь и вузовской, к происходящим в высшей школе переменам. Поэтому не только анализ и оценка качественной составляющей образовательного процесса, но и изучение его имиджа как сложного многоаспектного феномена являются актуальными во время происходящих перемен. Имидж формируется на основе ряда взаимосвязанных элементов и является инструментом маркетинговой стратегии, определяя адекватность коммуникационных процессов и внутри системы высшего образования², и за ее пределами.

В современных условиях во всем мире наблюдается сближение национальных систем образования, однако определенные отличия между ними все же сохраняются. Целый ряд западных университетов имеет многовековую историю и традиции, приспособленные к современным условиям и соблюдаемые до сих пор. Эти университеты обладают богатым опытом в формировании и управлении имиджем, и одну из ведущих ролей в этом процессе играют эффективные маркетинговые технологии. В практике зарубежных вузов имеет место круглогодичная, подчас агрессивная, политика по привлечению абитуриентов, в рамках которой создаются различные информационные поводы для напоминания о своих услугах и их преимуществах³.

Один из старейших в мире Оксфордский университет (Великобритания) дал целую плеяду выдающихся деятелей в различных отраслях: философ Р. Бэкон, писатель, математик и фотограф Л. Кэрролл, писатель

и поэт Дж. Толкин, экс-премьер-министр Великобритании М. Тэтчер и др. Такие великие имена являются частью фундамента современного имиджа университета⁴. Уже традиционно имидж Оксфордского университета поддерживается на высоком уровне посредством строгого отбора абитуриентов: в вуз зачисляются только с отличными оценками. В свою очередь, это налагает на студентов высокую ответственность за освоение знаний, успеваемость на протяжении всего обучения в университете. Данное обстоятельство и, по сути, требование, относится как к внешнему, так и к внутреннему имиджу вуза. К внутреннему имиджу относятся также компоненты корпоративной культуры (и одновременно традиций) университета, такие как ношение студентами мантий, шарфов синего цвета, наличие для каждого университетского колледжа, которых насчитывается 38, уникальной цветовой гаммы, проведение престижных спортивных мероприятий и т. д. Кроме этого, в процессе обучения в университете применяется уникальная система тьюторства, предполагающая учреждение персональной опеки над каждым студентом, осуществляемой специалистом по выбранному направлению.

Основанный в XIII веке Кембриджский университет (Великобритания) на протяжении столетий воплощает грандиозное торжество науки, культуры и других сфер человеческой деятельности. Транслируемый мировому сообществу образ университета непременно связан с величайшим архитектурным сооружением — собором Королевского колледжа, являющегося частью университета. Традиционно каждый год на Рождество по телевидению выступает хор мальчиков этого собора. В разное время в университете обучались И. Ньютон, Ф. Бэкон, Ч. Дарвин, британские короли Георг V и Георг VI и многие другие. В общей сложности обучение в этом вузе прошли 15 премьер-министров Великобритании и 25 глав правительств других государств. Кембриджский университет является рекордсменом по количеству нобелевских лауреатов: 88 его выпускников и преподавателей стали обладателями этой престижной награды. Все это, кроме прочего, является мощной основой для поддержания эффективного имиджа университета в мировом масштабе. Кембриджский университет имеет отличительную особенность: у него есть собственная конституция, и он представляет собой самоуправляемое образование со своим законодательным органом (Regent House). На современном этапе данный вуз делает в своей деятельности акцент на мультикультурализм: примерно 17 % обучающихся в нем студентов являются иностранцами. Это свидетельствует о высокой степени привлекательности и престижности Кембриджского университета в международном образовательном пространстве.

¹ Заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП (2019–2023), кандидат культурологии, доцент. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Коммуникационные стратегии в маркетинге», «История, этика и психология рекламы и PR» (в соавт.), «Внутрикорпоративный PR и событийный маркетинг», «К определению понятия „кросс-культурный бренд“ в современной коммуникационной практике», «Потенциал блоггинга в программе формирования потребительской лояльности», «Специфика имиджа вуза гуманитарной направленности», «Культурологическая перспектива антропоцентрических идей рекламной коммуникации» и др. Член Ассоциации преподавателей по связям с общественностью, Российской ассоциации по связям с общественностью, Ассоциации коммуникаторов в сфере науки и образования.

² Раздьямаха Ю. Ю. Организационный механизм формирования имиджа высшего профессионального образования Российской Федерации в условиях рынка: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2012.

³ Беккер Е. Г., Бурделова Т. Н., Юданов А. Ю. Бренд и экономическая устойчивость вуза. М., 2012. С. 46.

⁴ Сердечная В. В. Учение о познании в английской традиции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2012. № 2–3. С. 76–94.

Для западных вузов их имидж уже является своего рода инструментом, ключевым средством достижения успеха в условиях конкуренции в мировом образовательном пространстве. Это один из главных векторов в развитии национальных систем высшего образования в западных странах (США, Великобритании, Германии, Швейцарии и др.). В последние годы к этим процессам активно подключились азиатские страны (Китай, Япония, Южная Корея)¹.

Есть и другой подход — привлечение вузами выпускников, предполагающий участие последних в различного рода мероприятиях университета и даже установление корпоративных партнерских отношений. Такой опыт имеется в Массачусетском технологическом институте (MIT). Участие выпускников в деятельности родного вуза и лоббирование его интересов являются весьма значимым фактором укрепления имиджа и репутации университета. В зарубежных вузах действуют «Кодексы политики по формированию имиджа» (University Image Policy Statement), которые содержат правила использования названия вуза, эмблемы или герба, зарегистрированного знака, определяют политику во взаимоотношениях преподавателей и студентов, нормы корпоративной культуры, стиль одежды студентов, рекламную деятельность, PR и т. д.² Большое значение зарубежными вузами придается их присутствию в рейтингах, составляемых различными рейтинговыми агентствами, общественными институтами и СМИ. В США и Великобритании место вуза в рейтинге, а также репутация университета и перспективы трудоустройства являются весомыми факторами для привлечения иностранных студентов, их семей, спонсоров и кредиторов³.

В настоящее время в деятельности отечественных вузов по созданию имиджа наблюдаются процессы, характерные для западной модели высшего образования, что проявляется, например, в распространяющемся применении маркетингового подхода. Многие имиджевые аспекты в практике отечественных университетов имеют схожие с зарубежными вузами черты, но существуют и заметные отличия, позволяющие говорить об исторически обусловленной специфике стратегий по формированию имиджа российских вузов.

Исторически первым по времени появления в России «лицом» и главным брендом отечественного высшего образования является Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. По словам президента Академии имиджологии Е. А. Петровой, более чем 250-летняя история МГУ — это 250-летняя работа над имиджем. В разное время здесь обучались всемирно известные деятели науки, культуры, политической сферы, среди которых есть лауреаты Нобелевской премии, в том числе естествоиспытатель Н. Н. Семенов, физики И. Е. Тамм, И. М. Франк, Л. Д. Ландау, П. Л. Капица, писатель Б. Л. Пастернак, общественный

деятель А. Д. Сахаров, Президент СССР М. С. Горбачев и др.

В имиджевой стратегии МГУ, как во многих других российских вузах, важное место отводится имиджу руководителя — ректора В. А. Садовниченко. Он является разработчиком ряда направлений в математике и механике, автором более 450 научных публикаций, в том числе 60 монографий и учебных пособий, используемых в учебном процессе отечественных и зарубежных вузов. Академик В. А. Садовниченко за свою научную карьеру подготовил более 65 кандидатов и 15 докторов наук, в том числе из Алжира, Египта, Болгарии, Югославии и других стран. Показателем таланта В. А. Садовниченко как умелого руководителя и организатора является то, что с 1992 года он беспрерывно возглавляет МГУ. Несомненно, такой масштаб личности ректора, его репутация как ученого и талантливого, эффективного руководителя представляются одним из главных компонентов целостного имиджа университета⁴.

В настоящее время российские университеты предпринимают попытки включиться в постепенно внедряемые в нашей стране инновационные процессы. Вузам, наряду с государством и бизнесом, отводится одна из ведущих ролей в формировании национальной инновационной системы. Примером эффективного позиционирования, успешного выстраивания имиджа инновационного вуза является Национальный исследовательский Томский государственный университет (ТГУ). В рамках формирования в России системы опорных вузов ТГУ с 2010 года имеет высокий статус одного из 29 национальных исследовательских университетов. В приоритете ТГУ находится ряд направлений, таких как совершенствование организации и качества образовательного процесса, подготовка кадров и научно-инновационного обеспечения для нанотехнологической сферы, разработка технологий для информационно-телекоммуникационных систем, проектирование ракетно-артиллерийских и космических систем, рациональное природопользование, моделирование в сфере модернизации экономики и т. д.⁵

Коммуникации ТГУ, направленные в промышленную сферу, выражаются посредством реализации программ подготовки магистров «на заказ» для крупных предприятий и компаний, применяются методики и технологии дуального обучения. Они направлены на развитие практических навыков будущих выпускников на рабочем месте. Активно сотрудничая с работодателями выпускников, ТГУ открывает в своих стенах базовые кафедры. Выпускники университета являются важным звеном в стратегии позиционирования ТГУ в промышленных кругах⁶.

⁴ Программа развития Московского университета до 2030 года // Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова : [официальный сайт]. Разд. «Общеуниверситетские проекты». URL: <https://www.msu.ru/projects> (дата обращения: 22.12.2022).

⁵ См.: Данилова Е. А., Бабкина О. В. Модель имиджевого позиционирования российского инновационного вуза (на примере Национального исследовательского Томского государственного университета) // Власть. 2015. № 7. С. 14–23.

⁶ Ефимова И. Н. Анализ мотивации абитуриентов при выборе вуза (на примере Нижегородской области) // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 6. С. 68.

¹ Хатакенака С. Инновации и экономическое развитие // Международное высшее образование. 2010. № 60. С. 106.

² См.: Миннибаева Г. Е. Зарубежный опыт позиционирования учреждений высшего образования // Международный научный журнал. 2014. № 3. С. 118–123.

³ Вит Х. де. Последние тенденции и проблемы международной мобильности студентов // Международное высшее образование. 2010. № 59. С. 80.

При формировании имиджеобразующих стратегий вузов используются различные подходы, среди которых наиболее часто применяются производственно-экономический, кадровый, клиентурный и маркетинговый. В практике создания своего имиджа вузам целесообразно использовать указанные подходы и их компоненты в совокупности. Первые три подхода способствуют формированию таких видов имиджа, как внутренний имидж вуза, имидж его руководящего состава, имидж научно-преподавательского состава, имидж образовательных услуг вуза, имидж потребителя, социальный имидж, бизнес-имидж. Маркетинговый подход, применяемый в деятельности российских вузов сравнительно недавно, направлен в первую очередь на создание имиджа образовательной услуги, акцентирование на

ее преимуществах и выгодах для потребителя, а также на формирование визуального имиджа с помощью таких инструментов, как реклама, PR-акции, Интернет, фирменный стиль и т. д. Особую роль в деятельности вузов играет социальный имидж — представления об их социальной миссии и роли в социально-экономической и культурной жизни конкретного города, региона и страны в целом. В последнее время огромное значение для вузов имеет создание их бизнес-имиджа. Главными его компонентами являются деловая активность и деловая репутация вуза, показателями которых выступают широкий спектр образовательных услуг и направлений подготовки обучающихся, ценовая политика, внедрение инноваций в образовательный и научный процесс, уровень развития международных связей и т. д.

**К. Э. Бронзит¹,
И. И. Югай²**

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Образование на каждом этапе развития общества адаптируется к текущим социально-экономическим условиям. Отличительной особенностью современного этапа является влияние информационно-коммуникационных средств на все виды деятельности человека. Сегодня медиасреда не просто источник информации, а место социализации, формирования системы представлений о мире, общения и развития человека. Аудитория новых медиа с каждым годом молодеет. Студенты и школьники являются наиболее активными участниками новых коммуникационных отношений. Доступ к информационным ресурсам библиотек, архивов позволяет учащимся расширять круг своих интересов, дистанционное участие в научных и творческих мероприятиях открывает новые возможности, с мировой культурой сегодня можно знакомиться, посещая он-

лайн-галереи, просматривая видеозаписи. Количество времени, проводимого молодежью в информационно-коммуникационном пространстве, давно превышает время нахождения в учебных учреждениях.

Несмотря на все преимущества, информационно-коммуникационное пространство содержит существенные риски как для отдельного пользователя, так и для общества в целом. Педагоги, психологи, родители приходят к выводу, что взаимодействие неподготовленного пользователя с информационно-коммуникационной средой может нанести ему существенный ущерб, выражающийся, например, в формировании зависимого поведения, тревожности, снижении самооценки, эскапизме, проблемах в отношениях с учителями, родителями.

В связи с вышесказанным одной из актуальных задач российского образования является внедрение компонентов медиаобразования в учебные программы. Более того, специалисты говорят о необходимости системной медиаобразовательной деятельности, направленной на представителей всех поколений³.

Современная медиасреда носит изменчивый характер, появляются новые и новые ее формы: широко представлены не только профессиональные СМИ, но и социальные сети, видеохостинги, мессенджеры, сервисы для создания и просмотра коротких видео, каналы отдельных пользователей и т. д. Новые форматы создают новые вызовы. Так, в прошлом веке за досто-

¹ Профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, художественный руководитель студии анимационного кино «Мельница», Заслуженный деятель искусств РФ. Автор ряда научных работ, в т. ч.: «Композиционный способ мышления как основа режиссуры», «Режиссер мультимедиа как профессиональный зритель» и др. Многократный лауреат российских и международных премий в области анимационного кино. Двукратный номинант на премию «Оскар», номинант на премию «Сезар». Член Российской академии кинематографических искусств «Ника», Национальной французской академии кинематографических искусств, Американской академии кинематографических искусств. Лауреат премии Президента РФ.

² Профессор кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП, доктор искусствоведения. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. учебного пособия «Режиссура интерактивных игр» (в соавт.); монографии «Медиа-арт: предпосылки возникновения, художественные основания»; статей «Роль медиа в развитии художественных форм и языка современного искусства», «Медиареальность в изобразительном искусстве», «История и основные этапы становления медиаискусства», «Новое медиаискусство: тенденции, специфика», «Телевидение: между арт-практикой и социальной деятельностью», «Виртуальный персонаж в структуре цифрового экранного произведения» и др. Отмечена благодарностью Российской академии образования за многолетний добросовестный, плодотворный труд в системе образования и науки.

³ *Абрамовских Т. А.* Медиаобразование как условие реализации требований профессиональных стандартов по формированию медиакомпетенций педагогических работников образовательных организаций // Актуальные вопросы теории и практики медиаобразования в педагогической сфере : сб. тр. междунар. форума. Москва, 16–17 марта 2017 г. М. : МГПУ, 2017. 464 с. ; *Зазнобина Л. С.* Стандарт медиаобразования, интегрированного с различными школьными дисциплинами // Стандарты и мониторинг в образовании. 1998. № 3. С. 26–29 ; *Костомаров В. Г.* Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М. : Гардарика, 2005. 287 с.

верность и содержание распространяемой информации отвечали частные информационные агентства или государственные структуры, чья деятельность регламентировалась и контролировалась. Сегодня универсальных решений по обеспечению пользователей качественным контентом нет. В исключительных случаях государство прибегает к запретам, причем значительная часть общества поддерживает цензуру в Интернете из-за существования опасных сайтов, противоправной деятельности. Запретительные меры дают эффект, так блокировка социальных сетей Facebook и Instagram (запрещены на территории РФ) привела к снижению их аудитории. Однако в долгосрочной перспективе нужен комплексный подход, в который входит формирование у учащихся навыков, знаний и умений, позволяющих правильно понимать и истолковывать значение информации, осмысленно обращаться с ней.

Сегодня молодой пользователь цифрового медиaproстранства находится под воздействием порой диаметрально противоположных в культурном, идеологическом, социальном планах информационных потоков. В социальных сетях, как на арене, сталкиваются различные нормы и стандарты жизни. Часть информации по разным причинам недостоверна — от намеренного создания фейков, свободной интерпретации до недопонимания.

Так, объективному восприятию информации пользователем могут мешать психологические факторы. Специалистами отмечается, например, что современные информационные сообщения (по сравнению с традиционными СМИ) несут более эмоциональный характер, и это влияет на восприятие и суждения реципиентов. Особенно заразителен контент, вызывающий агрессию, беспокойство. Отмечается, что такой контент распространяется быстрее¹.

Другой проблемой является изолированность молодежной аудитории — так, в оценке информации молодежь больше доверяет сверстникам. Тут сказываются и отторжение опыта взрослых, и потребность в совместной рефлексии с близкими по духу людьми, и так называемый эффект «ложного консенсуса»² — ощущение участников ограниченной группы, что многие разделяют их убеждения.

Самостоятельно найденную информацию молодежь воспринимает с большим интересом, чем знания, получаемые в школе или институте, она обладает в их глазах большей ценностью. Это проявляется в том, что пользователь готов сразу претворять полученные знания в жизнь (применить лайфхак, советы всевозможных сетевых экспертов).

Как отмечает медиакритик Александр Петрович Короченский, противостояние ложной информации осложняют также «интеллектуальная пассивность и эмоциональный инфантилизм значительной части граждан перед лицом негативных медийных воздействий — все это наблюдается как в России и других странах, где массовое медиаобразование проходит стадию станов-

ления, так и в государствах, где оно уже превратилось в обязательный компонент образовательного процесса на его различных уровнях»³.

Таким образом, в обществе, столь зависимом от медиа, учащимся (и не только им) необходимо обладать медиакомпетентностью.

Понятие «медиакомпетентность» включает два аспекта:

— технические навыки работы с аудиовизуальным и коммуникационным оборудованием, прикладными программами, быстрое освоение необходимых аппаратных средств и программного обеспечения, применение информации;

— понимание медийных сообщений.

У молодежной аудитории первый аспект более развит, чем у старшего поколения, однако есть существенные пробелы во втором⁴.

Для понимания требуются навыки восприятия художественных и нехудожественных текстов, их анализ и интерпретация (выявление авторской идеи, анализ в историческом контексте, с учетом жанра и стиля автора, соотнесение с собственным жизненным опытом, расшифровка многозначных текстов, понимание фабулы произведения, позиции автора, героев произведения). Необходимо также учитывать эмоциональную, художественную, этическую информацию, заложенную в сообщении, поскольку она влияет на аудиторию, вызывая приятие или отторжение.

Медиакомпетентность личности многомерна и требует развитой системы воспитания и обучения личности, фактически речь идет о медиаобразовании. Среди необходимых учащемуся знаний, умений, навыков, функций, компетенций можно отметить:

— развитие критического мышления и рациональной интерпретации полученной информации;

— оценку медиатекста в контексте позиции автора (личной, политической, социокультурной). Например, если автор медиаобщения известен своей ангажированностью и приверженностью к определенной точке зрения, он может специально или неосознанно выбирать информацию, подтверждающую его идеи, и распространять ее в своем кругу, игнорируя противоположные факты;

— проверку источников на достоверность, сопоставление различных точек зрения на проблему;

— понимание механизмов создания и функционирования медиатекстов в социуме;

— определение экономических, политических, социальных интересов, связанных с полученной информацией. Например, вокруг эпидемии коронавируса возникло противоборство мнений, доводов, а также слухов и фейков, определяемых научными, коммерческими, общественными и другими интересами.

Очевидно, что, взаимодействуя с информационно-коммуникационной средой, школьник, студент получает не только информацию, но и образцы поведения, усваивает те или иные нравственно-эстетические ценно-

¹ McDougall J., Readman M., Wilkinson P. The uses of (digital) literacy // *Learning, Media and Technology*. 2018. Vol. 43 (3). P. 263–279. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17439884.2018.1462206> (дата обращения: 20.03.2023).

² Там же.

³ Короченский А. П. Медиаобразование в России: не только внешние трудности и препятствия // *Медиаобразование*. 2005. № 3. С. 37–42.

⁴ Федоров А. В. Медиаобразование: история и теория. М. : МОУ «Информация для всех», 2015. 450 с.

сти, представления о материальном и духовном мире. Причем воздействие усиливается эмоциональным характером сообщений, симультанностью и мультимедийностью формы, быстротой распространения контента, его количеством, эффектом присутствия.

Фактически речь идет о формировании личности новых поколений, культурной идентичности, гражданской позиции. Это задача образовательной системы, поэтому компоненты медиаобразования должны

присутствовать и в средней, и в высшей школе. Иначе обществу нечего будет противопоставить импорту культур, навязыванию молодому поколению ложных нравственных ориентиров, искаженному пониманию истории и текущих событий, пренебрежительно-ироническому отношению к ценностям старших поколений, маргинализации молодежи, что приведет к отрыву от национальной культуры и в итоге — к дестабилизации нации.

М. Н. Ветчинова¹

НОВЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ ЭПОХИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В настоящее время ведется активный поиск новых способов обучения и организационных форм образования, которые будут соответствовать социальной, экономической и технологической реальности XXI века. Это связано со стремительным развитием цифровых технологий, которые сделали мощный рывок в последние годы, существенно изменив жизнь человечества, совершив революцию практически во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в образовании.

Сегодня высказывается вполне обоснованное мнение, что цифровые технологии — это не только техника, но и новая экосистема, которая перевернула образование. Цифровые технологии — это не инструмент, не «новая технология», это динамичная система, встроенная в обучение.

В значительной мере этому способствовала пандемия COVID-19, которая привела к беспрецедентному использованию технологий в учебном процессе, хотя их влияние на образование и обучение до пандемии было гораздо более ограниченным. Благодаря различным сервисам беспроводного взаимодействия для организации видеоконференций, вебинаров, групповых чатов занятия продолжались в новом формате как для педагогов, так и для учащихся и их родителей. Коронакризис еще больше продемонстрировал, что дальнейшая цифровая трансформация образования неизбежна, а пандемия лишь в значительной степени ускорила этот процесс, интегрировав физическую среду в виртуальный мир, и этот тренд, без сомнения, будет продолжаться в долгосрочной перспективе².

Сегодня в нашей стране педагоги и учащиеся активно пользуются образовательными платформами «Российская электронная школа» (РЭШ), «Сферум», Classroom, e-СТАДИ, Moodle и т. д.

Наряду с традиционными типами и видами учебных заведений все большую популярность приобретают всевозможные онлайн-школы, онлайн-кампусы, образовательные платформы, компьютерные школы, сайты для детей любого возраста, предлагающие различные варианты образования — начиная от развивающего обучения и подготовки к школе, различных курсов по всем предметам школьной программы и до подтягивания по ЕГЭ. Стоит лишь задать в поисковой системе желаемый запрос, и появится впечатляющее количество предложений.

Продуктивно функционируют образовательные платформы для взрослых, которые хотят повысить квалификацию или освоить новую профессию. Выдвинутая ЮНЕСКО в 1962 году Концепция «обучения длиною в жизнь», или «непрерывного образования» (Life-Long Learning), еще до COVID-19 обрела новое прочтение ввиду потребности быстро цифровизирующейся экономики в адекватной рабочей силе, а в социальной области — вследствие желания людей получать новые, более современные знания. Связано это и с исчезновением одних профессий и возникновением других, потому что цифровое общество и экономика формируют запрос на освоение актуальных профессий, а люди стремятся получить навыки и компетенции для успешной карьеры в условиях современного рынка труда.

Цифровизация открыла широчайшие возможности для реализации программ основного и дополнительного образования, позволяя осуществлять его без отрыва от работы в наиболее удобных — дистанционном или получающим все большее распространение смешанном — форматах. Образовательные платформы предлагают множество различных вариантов получения и/или расширения имеющихся знаний.

Skillbox, Нетология, GeekBrains и другие российские образовательные платформы разработали огромный выбор актуальных курсов, обучают с нуля профессиям и предоставляют знания по востребованным специальностям: например, GeekBrains — признанный лидер по распространению знаний в сфере информационных технологий. О востребованности специалистов

¹ Профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор 160 научных публикаций, в т. ч.: «Формирование новой образовательной реальности: экосистемный подход», «Обогащение лексики французского языка в период пандемии COVID-19», «Языковая политика Франции в XXI в.», «Теоретические аспекты формирования коммуникативной компетенции студентов вузов в рамках компетентностного подхода», «Социальный портрет учителя иностранного языка на рубеже XIX–XX веков», «Идеал учителя в историко-педагогических исследованиях и сочинениях школьников», «Основные теории и концепции соизучения языка и культуры» и др. Член Научного совета РАО по проблемам истории образования и педагогической науки. Награждена медалью «За заслуги в развитии истории педагогики» им. З. И. Равкина.

² См.: Ветчинова М. Н. Формирование новой образовательной реальности: экосистемный подход // Проблемы современного образования. 2022. № 4. С. 78–86.

в этой области свидетельствуют официальные цифры: за 2021 год количество вакансий на рынке информационных технологий выросло на 72 %, но количество резюме — всего на 6 %. Согласно данным Минцифры, к 2035 году в России будет более 2,5 млн вакансий для специалистов из IT-сферы, потому что новые продукты, автоматизация, цифровые бизнес-процессы требуют достаточно большого количества IT-персонала.

Направления подготовки в GeekBrains разработаны как для школьников, так и для целых компаний. Желающие могут выбрать длительную программу обучения до 24 месяцев или короткий интенсивный курс, а также самостоятельно «собрать» собственную программу, конструктор которой включает десятки параметров, что делает обучение максимально удобным для каждого. Занятия ведут известные специалисты данной отрасли, у платформы существуют партнер-партнеры, где обучающиеся могут пройти стажировку, а в будущем получить работу. GeekBrains гарантирует трудоустройство студентам, которые освоили программу обучения, а если им не получится найти работу, обещают вернуть деньги за обучение. При этом окончившим обучение в зависимости от полученных знаний выдается или диплом о профессиональной переподготовке, или государственная образовательная лицензия, которая еще несколько лет назад не выдавалась, что свидетельствует о достаточно высоком уровне предоставляемого образования и признании его в IT-отрасли.

Skillbox предлагает подготовку по 298 профессиям, обучение на 489 курсах. Среди множества профессий есть подготовка специалистов для работы в онлайн-школах.

Безусловно, одним из преимуществ образовательных онлайн-платформ является гибкий формат обучения, когда обучающиеся могут просматривать видеолекции или вебинары в записи, изучать учебные материалы, выложенные на портале, запрашивать видеоконсультации или вести электронную переписку с преподавателями, что дает возможность слушателям в удобное время быстро и эффективно осваивать учебный материал, общаться с другими слушателями, обмениваться опытом — все это существенно повышает эффективность обучения.

Стоит отметить, что и в плане разнообразия выбора актуальных профессий онлайн-платформы ушли далеко вперед от государственной системы образования. Как говорится, спрос определяет предложение. Цифровые форматы организации образования гораздо лучше справляются с «вызовами» по предоставлению способов получения новых знаний, быстрее реагируют на спрос экономики на актуальные профессии, в то время как в государственной системе надо пройти сложный и долгий путь утверждения, лицензирования новых образовательных программ. Очевидно, налицо необходимость более быстрых организационных и гибких управленческих решений в государственном образовании, которому приходится конкурировать с онлайн-школами и специализирующимися на образовательных услугах платформами и сайтами, имеющими большие шансы потеснить привычные форматы предоставления или расширения знаний, повышения квалификации.

Хотя все участники государственной системы образования понимают, что использование цифровых технологий — это жизненно важный вопрос, но ландшафт их использования очень неоднороден. Порой цифровые технологии не всегда интегрированы в образование, да и многие педагоги по-прежнему от них дистанцируются в силу разных причин. Получается, что, с одной стороны, технологии повлияли на сферу преподавания, а с другой — они не всегда оказывают реальное влияние на способы обучения, применяемые как учителями в школах, так и преподавателями в высших учебных заведениях. Добавление технологий к традиционным форматам часто воспринимается педагогическими коллективами как дополнительные трудности при и так высокой учебной нагрузке: требуется больше материалов, ресурсов, времени, работы... Но в то же время имеет место огромное количество экспериментов, инноваций, успехов в использовании цифровых технологий в преподавании и обучении, учителя отмечают качество и удобство использования многих цифровых ресурсов, созданных как для занятий, так и для дистанционного обучения.

Конечно, не следует превращать использование цифровых технологий в самоцель, надо с их помощью сделать педагогическую деятельность более эффективной и интересной, а для этого педагоги, особенно старшего возраста, должны быть готовы к их применению, владеть навыками педагогической инженерии.

На наш взгляд, за безусловными плюсами цифровизации образовательного процесса «ускользает» один крайне важный момент — воспитание личности, потому что в эпоху глобальных изменений и трансформаций традиционные ценности становятся наиболее уязвимыми, глубокие перемены ставят человека, особенно молодого, в ситуацию неопределенности, нарушая, а порой разрушая систему ценностных ориентиров, жизненных смыслов и веру в будущее. Поэтому важно сделать стратегическим приоритетом наращивание человеческого капитала, духовно-нравственное развитие личности, что все более становится залогом успеха всех других начинаний.

Все это обуславливает актуальность осмысления ситуации, когда на фоне стремительного развития технологий требуется усиление воспитательного компонента цифрового образования. Это представляется крайне значимым исходя еще и из того, что современные требования к работникам часто выходят за сугубо профессиональные границы, распространяясь и на личностные характеристики: ответственность, уважение к коллегам, готовность работать в команде, наличие лидерских качеств, толерантность и т. д. Очевидно, что далеко не всегда такие качества можно сформировать в рамках образовательных онлайн-платформ, потому что их воспитательный ресурс представляется ограниченным. Налицо проблема, которая вызвана стремительной информатизацией образования: с одной стороны, существует область научных, современных цифровых способов предоставления учащимся знаний, а с другой — область традиционных ценностей, формирование которых должно быть приоритетом в образовательном процессе.

Анализ изменений, происходящих в образовании, которое становится все более технологичным, позволяет сделать заключение о том, что цифровизация дает возможность реформировать организацию образовательного процесса, изменить способы распространения и получения знаний, пересмотреть роль всех участников образовательной системы, предоставить новые технологичные гибридные формы обучения и при их правильной организации сделать более качественной трансформацию системы образования.

Вместе с тем хочется надеяться, что образование в конечном счете не превратится в конгломерат цифровых платформ, не произойдет трансформация образования в бизнес, что еще больше приведет к обострению ряда существующих проблем и неравенства между теми, кто имеет доступ к цифровым технологиям, и теми, кто не имеет к ним доступа в силу различных причин¹.

Таким образом, имеющееся в настоящее время многообразие видов образовательных школ, платформ, сайтов стало следствием цифровизации, являющейся неизбежной ступенью развития общества и знания. В связи с этим перед системами образова-

ния, как традиционной, так и цифровой, встают новые задачи — подготовить граждан, обладающих знаниями и навыками, необходимыми в обществе, погруженном в цифровые технологии. Однако цифровой подход к образованию не может и не должен быть только технологичным, в него обязательно должен быть интегрирован воспитательный аспект. И здесь перед педагогикой встает задача разработки новых технологий воспитания и гуманизации образования, которые бы способствовали развитию и сохранению равновесия социальной системы. Исторический опыт убедительно показал, что человек и его знания, культура, духовно-нравственные качества имеют ключевое значение для поступательного развития страны. Поэтому важно сделать стратегическим приоритетом инвестиции не только и не столько в цифровое образование, сколько в человека, который сегодня становится все более технологической личностью, в наращивание человеческого капитала, духовно-нравственное развитие личности, что, без сомнения, будет залогом успешного решения множества проблем современного сложного, непредсказуемого и высокотехнологичного мира.

Е. В. Волкова²

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЯ–ЗАПАД: ЧТО СТОИТ ЗА АМЕРИКАНСКИМИ УНИВЕРСИТЕТСКИМИ БРЕНДАМИ И НУЖНО ЛИ РОССИЙСКИМ ВУЗАМ БРАТЬ С НИХ ПРИМЕР

Люди давно научились оказывать влияние на мнение других путем различных манипуляций. Никому не удавалось это лучше, чем Соединенным Штатам Америки. По словам С. Арнхольта и Д. Хильдрета, «в современном мире нет ни одной личности, региона или страны, которой удалось бы достичь столь широкого, всеобъемлющего, продолжительного и действенного признания, как Соединенным Штатам»³. Бренд «Америка», успех которого вызван в том числе и тем, что маркетинг, реклама, продвижение торговой марки и тому подобное были изобретены в США, оказывает влияние на восприятие всех сфер социальной жизни, включая образование. Репутация страны,

¹ См.: *Ветчинова М. Н.* Образовательная экосистема как новая парадигма образования XXI века // Образовательные системы и среды: историко-педагогический дискурс в начале XXI века : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. — XXXV сессии Науч. совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделе философии образования и теоретической педагогики Рос. акад. образования. Вологда, 2022. С. 62–68.

² Заведующая кафедрой английского языка СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент. Автор более 90 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Английский язык для студентов магистратуры: реклама и связи с общественностью», «Англо-русский словарь политически корректного языка» (в соавт.), «Основы теории межкультурной коммуникации», «Intercultural Communication. Practicum», «Предпосылки для развития межкультурной компетенции в клубном объединении лингвокультурной направленности (английский язык)», «Перевод поэзии М. И. Цветаевой на английский язык в свете когнитивной лингвистики» и др. Член Российской ассоциации лингвистов-когнитологов.

³ См.: *Арнхольт С., Хильдрет Дж.* Бренд Америка. М. : Добрая книга, 2010. С. 27.

престижность всего произведенного в ней, работа над чем велась столетиями, с момента образования США, сказываются и на ценности брендов американских университетов.

Бренд университета можно определить как «проявление особенностей учебного заведения, которые отличают его от других, отражают его способность удовлетворять потребности студентов, вызывают доверие к его способности предоставлять определенный тип и уровень образовательных услуг и помогают потенциальным студентам принимать решение о поступлении»⁴. Знаменитые западные университеты-бренды «акцентируют внимание на традициях, известных выпускниках, высокой квалификации преподавателей, свободе и демократических ценностях в процессе обучения и проведения научных исследований»⁵. У них даже есть соответствующие руководства. В качестве примера можно привести Identity Guidelines Гарвардской школы бизнеса, где вы найдете все варианты логотипа, цвета университета, шрифты, которые используются для продуктов бренда и могут ассоциироваться с учебным заведением, и т. д.⁶ Университеты и факультеты уделяют этим вопросам огромное внимание. Таким образом,

⁴ См.: *Сакович А. С.* Бренд в сфере высшего образования // Молодой ученый. 2021. № 46 (388). С. 118.

⁵ См.: *Прохоров А. В.* Брендинг университетов: российский опыт // Практика модернизации высшего образования. 2016. Т. 21, вып. 3–4 (155–156). С. 29.

⁶ Harvard Business School : [сайт]. URL : <https://identity.hbs.edu/> (дата обращения: 22.05.2023).

американское высшее образование устойчиво ассоциируется с качеством, но действительно ли оно таково?

Миссия образования связана с культурой страны. Иными словами, «университет выступает в качестве своеобразной модели соответствующей культуры, которая вбирает в себя множество одновременных пластов»¹. Культурные ценности, несомненно, оказывают влияние на ожидания студентов: в чем ценность образования — в приобретении знаний и умений или в получении отличного диплома? Согласно подходу американских антропологов Ф. Клакхон и Ф. Стродтбека, по такому ценностному параметру, как жизненные цели, все мировые культуры можно разделить на три категории: 1) цель жизни — наслаждаться существованием, принимая то, что есть; 2) цель жизни — саморазвитие; 3) цель жизни — внешний успех. Американская культура относится к третьему типу (русская до недавнего времени относилась ко второму, но под влиянием массовой культуры США, которой мы окружены последние 30 лет, начала изменяться в сторону третьего, о чем разговор особый), что не может не отразиться на высшем образовании. Таким образом, главной целью для студентов являются отличные оценки, поскольку пропуск в мир высокооплачиваемой работы.

Проблема была озвучена одним из гарвардских профессоров, Харви Мэнсфилдом, еще 10 лет назад. Тогда в американской прессе много шума наделало его сообщение о том, что он вынужден завышать оценки своим студентам². Статья повлекла за собой аналогичные признания других профессоров³, хотя скандал постарались как можно скорее замаять. Преподаватели жаловались на то, что при получении любой оценки, отличающейся от высшего балла (а градация в американской образовательной системе гораздо шире, чем у нас), студенты заваливают их апелляциями, доходя до прямого шантажа. Но это не единственный мотив завышения оценок. Как известно, американская образовательная система основана на принципе построения студентом своей индивидуальной образовательной траектории, то есть он может выбирать курсы, которые будет изучать. И здесь он также может руководствоваться не столько необходимостью этого курса для своей будущей профессиональной деятельности, сколько репутацией профессора, принимающего экзамен. Если студенту известно, что экзамен по данному предмету сложно сдать, он предпочтет выбрать дисциплину полегче. И это не фантазия.

Автор данного доклада, будучи преподавателем в одном из высокорейтинговых вузов США, получил следующие инструкции от коллег по кафедре: нельзя ставить плохие оценки студентам за контрольные задания, потому что тогда они расскажут другим, как сложно учиться на этой кафедре, и студенты в будущем не будут выбирать соответствующие дисциплины,

¹ См.: *Запесоцкий А. С.* Образование: философия, культурология, политика. М.: Наука, 2002. С. 154.

² Boston Globe Today : [сайт]. URL: <https://www.bostonglobe.com/metro/2013/12/03/harvard-professor-raises-concerns-about-grade-inflation/McZHfRZ2Rxp0P5Xvwgd1N/story.html> (дата обращения: 23.05.2023).

³ State : [сайт]. URL: <https://slate.com/human-interest/2014/05/why-professors-inflate-grades-because-their-jobs-depend-on-it.html> (дата обращения: 23.05.2023).

что приведет к сокращению ставок и потере работы. Кроме того, говорить студентам при неверном ответе, что они не правы, также не рекомендуется (в данном случае мы говорим об обучении иностранным языкам, которое не предполагает плюрализма мнений). Нужно студента похвалить, пусть даже он неправильно построил фразу, а потом отметить, что я, будучи носителем языка, сказала бы иначе. Таким образом, у студента складывается мнение, что он тоже был прав, и вообще молодец, и усилия не нужно прилагать — и так все получается. Так они и учатся на самом деле. Как только им становится трудно, они выражают недовольство. Но иностранный язык нельзя освоить без усилий. Помню, что главной установкой декана факультета иностранных языков было: студентам должно быть весело на занятии, это самое важное. В результате многие студенты к концу учебного года так и не научились читать на иностранном языке, а на третьем курсе не могли говорить даже на простые темы, хотя иностранный язык был их специализацией. При этом в дипломе у них будут отличные и хорошие оценки. Таким образом, американские отличники могут совершенно не иметь тех знаний, какие предполагает изучение дисциплин, за которые им поставили высшие баллы.

Одним из факторов, влияющих на восприятие бренда университета, является его место в рейтингах. Рейтинги вузов — особая тема. Одним из важнейших показателей там является научная работа и цитируемость преподавателей. Но в американских университетах идет разделение на тех, кто ведет исследования, и тех, кто преподает. Как научная работа и цитируемость оказывают влияние на качество обучения, если эти люди не преподают, а обучают студентов те, кто не ведет масштабных исследований? Этот вопрос остается без ответа. Брендинг, там не менее, делает свое дело.

В последние десятилетия российское образование находилось под влиянием западного, в частности, американского. Общее представление о бренде «Америка» и о качестве всего американского заставило и нас поверить в то, что необходимо изменить саму структуру системы российского образования, адаптировав программы бакалавриата и магистратуры. Сейчас популярность Америки находится в упадке по всему миру, что обусловлено разрывом между исходным посланием, заложенным в бренд, и фактическим корпоративным поведением. В России наметилась тенденция отказа от западного образца. Мы можем вернуть то лучшее, что было заложено еще в советской системе образования, которая считалась одной из лучших в мире. Многие из этого наши университеты постарались сохранить, в том числе в надежде на то, что однажды прежняя система будет возвращена. Так, например, в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов принят строгий подход к оценке качества обучения, и завышение баллов — как в Гарварде — абсолютно невозможно. Студенты знают, что для получения высокой оценки им нужно приложить усилия и что эти усилия будут оценены по достоинству.

Несправедливо, что российские университеты недостаточно известны как бренды на мировой арене, хотя предлагают гораздо более качественное образо-

вание. Многие отечественные вузы уже начали работу по формированию имиджа и бренда. Так, российское брендинговое агентство Endy сообщает, что только за год к ним обратились сразу три университета из Санкт-Петербурга по вопросу ребрендинга¹. Во многих университетах работа по формированию имиджа стала носить системный характер, но имидж и бренд — не одно и то же. Многие российские университеты имеют, например, длинные названия и сложные для иностранцев аббревиатуры, тогда как американские университеты зачастую узнаваемы по одному слову: Гарвард, Йель, Принстон. Все подобные мелочи должны быть учте-

ны, и предстоит долгая работа. Видится также, что для того, чтобы поддержать наши университетские бренды и показать мировому сообществу, что мы готовим лучших специалистов в определенных областях, сами эти сферы должны быть развиты в стране на высоком уровне. Привлекательность вузов растет вместе с престижем страны. Все тенденции последних лет говорят о том, что, несмотря на необходимость приложения больших усилий, наша страна и российское образование пошли в верном направлении, и узнаваемость отечественных университетских брендов на мировом уровне — дело времени.

А. С. Горшков²

ФОРМИРОВАНИЕ СУВЕРЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Понятие «суверенная система образования» ввел министр просвещения Российской Федерации Сергей Сергеевич Кравцов: «И сегодня мы говорим о суверенной системе образования, еще раз возвращаясь к тому значению в целом, для того, чтобы наша страна развивалась, несмотря ни на какие ограничения, ни на какие санкции. <...> Нам нужна суверенная система образования. Какие векторы развития? И в чем именно мы видим значение суверенной системы образования? Первое — единое образовательное пространство. Единое образовательное пространство — это, прежде всего, программы, которые утверждаются на федеральном уровне, по которым работают школы, учителя. Это учебники, которые тоже проверены, методически выверены с фактами, интересные, которые разрабатываются тоже на федеральном уровне. Это единое воспитательное пространство. Программа воспитания. Традиционные ценности»³.

Пока условия формирования суверенной системы образования на государственном уровне не сформулированы, предположительно следует назвать следующее.

1. Укрепление единого образовательного пространства. Это наиболее понятная задача, которая решается путем актуализации ФГОС и введения федеральных основных общеобразовательных программ. При этом содержание образовательных программ и применяемые образовательные технологии должны соответство-

вать современному уровню развития знаний и педагогической науки. Правда, сделаем оговорку, это возможно только применительно к образовательной деятельности, подлежащей государственной аккредитации.

С целью укрепления единого образовательного пространства с 1 сентября 2022 года вводятся федеральные основные общеобразовательные программы. В этой связи организации, осуществляющие образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования, должны разработать образовательные программы в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и соответствующими федеральными основными общеобразовательными программами. Содержание и планируемые результаты разработанных образовательных программ должны как минимум соответствовать содержанию и планируемым результатам федеральных основных общеобразовательных программ. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» предписывает непосредственное применение при реализации обязательной части образовательной программы начального общего образования федеральных рабочих программ по учебным предметам «Русский язык», «Литературное чтение» и «Окружающий мир», а при реализации обязательной части образовательных программ основного общего и среднего общего образования — федеральных рабочих программ по учебным предметам «Русский язык», «Литература», «История», «Обществознание», «География» и «Основы безопасности жизнедеятельности».

По всей видимости, это предполагает и сужение федерального перечня учебников по этим предметам — возможно, до одного наименования. Подготовка учебников и учебно-методического обеспечения, соответствующих федеральным рабочим программам, ведется.

2. Второе — экономическая независимость системы образования. Это может обеспечить государственное бюджетное финансирование, позволяющее поддерживать высокий социальный статус педагогов — учителей, воспитателей, преподавателей, осуществлять

¹ ENDY : [сайт]. URL: <https://endylab.ru/blog/how-branding-brings-the-university-to-a-new-level> (дата обращения: 23.05.2023).

² Советник при ректорате, профессор кафедры управления и экономики образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, доктор педагогических наук, кандидат технических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 150 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Гражданин современной России», «Управление общеобразовательной организацией», «Проектирование системы управления современной образовательной организацией» и др. Член Экспертного совета при Комитете по просвещению Государственной Думы РФ. Награжден орденом Почета.

³ Кравцов С. С. О развитии суверенной национальной системы образования : лекция. 2023. 25 янв. // Министерство образования и науки Нижегородской области : [сайт]. URL: <https://minobr.nobl.ru/presscenter/news/27654/> (дата обращения: 18.04.2023).

учебно-методическое и информационное обеспечение и создавать передовую материально-техническую базу образования. Меры по социальной поддержке педагогов, обозначенные в 2012 году в Указе Президента Российской Федерации, представляются сегодня недостаточными, хотя и они не достигнуты. Специалистами РАНХиГС в 2022 году установлено, что в большинстве субъектов Российской Федерации уровень оплаты труда педагогов ниже среднего по региону.

Макрорегионы России	Доля средней заработной платы педагогических работников образовательных организаций общего образования в средней заработной плате всех категорий работников, %
Центральный федеральный округ	52,2
Северо-Западный федеральный округ	71,3
Южный федеральный округ	80,5
Северо-Кавказский федеральный округ	75,0
Приволжский федеральный округ	80,3
Уральский федеральный округ	94,3
Сибирский федеральный округ	78,7
Дальневосточный федеральный округ	98,0

Профессия педагога недооценивается государством, не является привлекательной для многих выпускников университетов и колледжей. По данным исследований, проведенных РАНХиГС, до трети молодых специалистов-учителей увольняется в первые три года работы, до пятилетнего стажа в школе дотягивают чуть больше половины. Поэтому в стране невелика доля педагогических работников в возрасте до 35 лет, в общей численности педагогических работников их примерно 20 %. Почему молодежь не стремится работать в сфере образования? Главная причина — соотношение труда и его оплаты.

В системе образования выражен возрастной и гендерный дисбаланс. В общем образовании доля учителей пенсионного возраста составляет 18 %, педагогов-мужчин — чуть более 12 %. Ныне это явление прису-

ще и системе высшего образования: в 2022 году при численности профессорско-преподавательского состава 217,7 тыс. человек доля женщин среди преподавателей составляет 58 % (в 1990 г. — 70 % мужчин и 30 % женщин).

3. Информационная защищенность системы образования. Невозможно представить систему образования закрытой, но необходимо разработать и принять меры по ее защите от вредоносного контента: искажения истории России, попыток привить обучающимся чуждые нам ценности. В этом смысле наибольшую опасность представляют материалы, размещаемые в Интернете. Специалистам нашей Академии неоднократно приходилось выступать экспертами вредоносного контента, принимать решения о блокировке сайтов (японских аниме, пропагандирующих суицид, кровопролитие и насилие). Эта общая проблема государства, общества, образовательных организаций и семей.

4. О формировании суверенной системы высшего образования, о высшем педагогическом образовании. Президент РАО О. Ю. Васильева неоднократно подчеркивала необходимость возвращения в вузы, которые готовят будущих учителей, программ специалитета. В настоящее время почти 92 % студентов-педагогов обучаются по программам бакалавриата, но этого недостаточно для качественной подготовки школьных учителей.

Разговоры о необходимости отказаться от системы бакалавриата и магистратуры и вернуться к программам специалитета ведутся в нашей стране уже не первый год. В феврале 2022 года Президент РФ В. В. Путин в своем Послании Федеральному собранию предложил вернуть в высшие учебные заведения традиционную базовую подготовку специалистов со сроком обучения от четырех до шести лет.

Как известно, издан соответствующий Указ Президента Российской Федерации «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования», предполагающий реализацию в 2023/24 и 2025/26 учебных годах пилотного проекта, который направлен на изменение уровней профессионального образования (базовое высшее образование, специализированное высшее образование, уровень профессионального образования — аспирантура).

Л. А. Даринская¹**РИТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ:
ДИАЛОГ ТРАДИЦИЙ И СОВРЕМЕННОСТИ**

Риторическая культура — неразрывная составляющая общей речевой культуры человека, показатель его образованности. К сожалению, в последние годы оставляет желать лучшего культура речи в практике общения людей не только на бытовом уровне, но и в письменной и устной речи официальных лиц, представителей средств массовой информации. Поток жаргонизмов, а нередко и вульгаризмов, в том числе заимствованных из иностранных языков, становится чуть ли не нормой на страницах прессы, интернет-изданий, на радио и телевидении. Коснулась эта проблема и представителей педагогической профессии.

Люди не могут выразить свои мысли, отвыкли или не умеют письменно оформлять свои высказывания. Особенно сложны для многих выступления даже перед небольшой аудиторией. Навык говорения, необходимый для длительной целенаправленной беседы, размышлений вслух, обсуждения конкретного вопроса зачастую слабо сформирован или даже утрачен².

Дмитрий Сергеевич Лихачев в работе «О языке устном и письменном, старом и новом» писал: «Вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит. Если мы замечаем манеру человека себя держать, его походку, его поведение и по ним судим о человеке, иногда, впрочем, ошибочно, то язык человека — гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры»³.

Дмитрий Сергеевич особо выделял значимость высокой культуры речи для педагога как мерило его общей культуры и профессионального мастерства. Тем не менее на практике нередко встречается даже среди преподавателей вузов излишнее употребление заимствований, пренебрежение языковыми нормами, что подтверждают опросы студентов. Приведем выдержки из студенческих анкет:

- «преподаватель не должен читать по бумажке»;
- «скорость изложения материала не должна превосходить способности студентов к записыванию»;
- «лекция — это один из самых сложных способов подачи материала. Это требует от преподавателя не только теоретических знаний, причем на самом высоком уровне, но и изрядного ораторского таланта. Важность искусства красноречия у лектора сразу становится заметной, когда очень интересный материал излагается неинтересно»;

¹ Профессор кафедры психологии образования и педагогики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор 180 научных публикаций, в т. ч.: «Педагогика высшей школы (аспирантура, магистратура)» (в соавт.), «Исследовательский потенциал студента» (в соавт.), «Тренды в исследованиях электронного обучения в Азии (на примере Сингапура, Японии и Республики Корея)» (в соавт.) и др. Член Санкт-Петербургского психологического общества.

² См. подробнее: Даринская Л. А. Профессионально-педагогическая риторика : учеб.-метод. пособие. СПб. : СПбАППО, 2010 ; Она же. Технологии педагогического мастерства : учеб.-метод. пособие. СПб. : СПбАППО, 2010.

³ Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 355.

— «главное в лекции не форма, а суть, эмоциональная составляющая, какие-то, как говорят, энергетические волны, а это уже зависит от желания преподавателя научить, от умения отдавать людям не только знания, но и частичку себя».

В исследовании, проведенном в Уральском государственном лесотехническом университете⁴, приводится такой пример. За 10 минут лекции преподаватель философии успела произнести 38 раз сочетание «так сказать», за всю лекцию 36 раз слово «итак», 18 раз «ну, это я уже говорила», 46 раз «ну вот». Комментарии излишни.

Но есть и другие примеры речевого поведения преподавателей:

— «харизматичный, умеет подать материал, не уходит от темы в пространные рассуждения, грамотно и емко выражает свои мысли»;

— «умеет превратить лекцию в диалог, где роль отвечающего, в отличие от студентов на семинарах, играет сам преподаватель»;

— «отмечу ораторские способности лектора (не пустословит, правильно себя позиционирует, не отходит от темы)»;

— «говорит уверенно и громко, грамотно».

Известный русский историк, профессор Московского университета, член Общества любителей российской словесности Василий Осипович Ключевский справедливо говорил о необходимости преподавателя умело выражать свои мысли в своей речи: «Всегда ли знаем мы, преподаватели, свои средства, их сравнительную силу и то, где и когда ими пользоваться? <...> Слово — что походка: иной ступает всей своей ступней, а шаги его едва слышны; другой крадется на цыпочках, а под ним пол дрожит... Гармония мысли и слова — это очень важный и нередко даже роковой вопрос для нашего брата, преподавателя...»⁵

Для подтверждения того, насколько владение риторическими навыками важно для представителей профессий «человек-человек», позвольте сделать небольшой экскурс в историю вопроса.

Риторика — одна из древнейших наук, в которой на протяжении многих веков прослеживаются преемственность традиций, взаимовлияние культур, историчность, специфика национальных особенностей. Общее между красноречием и поэзией находил Аристотель; приемами актерского мастерства при произнесении речей пользовались ораторы Древней Греции и Рима — от Демосфена до Цицерона.

В Средние века господствующим жанром становится церковное красноречие. Иоанн Златоуст, Фома Ак-

⁴ Лихачев А. Г., Клименко Е. Н. О речевой культуре преподавателя высшей школы // 30 лет Конвенции о правах ребенка... : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2020. С. 222–226.

⁵ Цит. по: Колесникова Л. Н. Риторические традиции в современном академическом красноречии // Риторика в контексте образования и культуры : материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию РГУ им. С. А. Есенина. Рязань, 2015. С. 47–52.

винский в ораторском искусстве на первый план выдвинули форму, внешнюю красоту и напыщенность речи. Важнейшая особенность средневековой риторики — воздействовать на чувства и сознание людей, их психику и воображение. Существенный вклад в развитие ораторского мастерства внесла средневековая университетская лекция, которая читалась непосредственно по книге.

В период западноевропейского Возрождения и эпохи Просвещения красноречие, основанное на идеалах Античности и гуманизма, приобретает социально-политическую направленность. Писатели и мыслители Нового времени Б. Паскаль, М. Монтень, Ж. Лабрюйер, Ф. Бэкон и другие на первый план выдвигают ответственность речи, способность оратора увлечь аудиторию, вдохновить на конкретное действие. Актуально рассуждение французского физика и философа Блеза Паскаля о том, что красноречие — это искусство говорить так, чтобы те, к кому мы обращаемся, слушали не только без труда, но и с удовольствием и чтобы захваченные темой они захотели в нее вникнуть.

Также в трудах по ораторскому искусству большое внимание уделялось технике речи, манерам, жестуляции оратора, мимике, то есть невербальным средствам воздействия на аудиторию.

В России искусство красноречия, кроме церковно-бogosловской риторики, неразрывно связано с развитием университетского образования.

Так, в «Риторике» М. В. Ломоносова рекомендуется строить речь из четырех частей (вступления, пояснения, утверждения, заключения) и даются указания к каждой части, советы оратору. Свой вклад в развитие искусства красноречия внесли работы А. Ф. Мерзлякова, Н. Ф. Кошанского, В. Г. Белинского, труды известных судебных ораторов Ф. Н. Плевако, Н. П. Карабчевского, П. П. Александра, юристов А. Ф. Кони, П. С. Пороховщикова, представителей академического красноречия Т. Н. Грановского, К. А. Тимирязева, Д. И. Менделеева и других ученых и общественных деятелей первой трети XX века.

Во второй половине XX века интерес к риторике как науке и учебному предмету возрождается. Известны работы Е. А. Ножина, А. Е. Михневича, Г. З. Апресяна, А. В. Толмачева. Становятся популярными издания зарубежных авторов, таких как П. Сопер, Д. Карнеги, П. Мицич и др.

В XXI веке проблемы коммуникации требуют нового осмысления риторических идеалов. Вызовы современности актуализируют не только «белую» (с соблюдением общепринятых правил) и «черную» (манипулятивную) риторику, но и провоцирующую, «жесткую», по выражению немецкого ученого Карстена Бредемайера¹.

Как это соотносится с образом современного преподавателя вуза?

По результатам опросов студентов, преподаватель воздействует на аудиторию своим приятным внешним обликом, обаянием и артистизмом, интеллигентностью. Его речь отличается ясностью изложения

материала, образностью, эмоциональностью, доходчивостью и доказательностью мысли, умением рассказывать, объяснять, размышлять вслух. Как видим, представления студентов о современном преподавателе вполне традиционны и реалистичны.

Сами же преподаватели, особенно начинающие, отмечают, что порой испытывают «риторические» трудности, когда «не хватает нужных слов», «теряется мысль», «вопросы аудитории сбивают с толку», «утрачивается чувство времени», «не укладываюсь в регламент» и т. п.

Какие существуют способы решения этих проблем? Прежде всего это тематические обучающие семинары и курсы повышения профессионального мастерства. Так, наш опыт работы в системе повышения педагогической квалификации позволяет утверждать, что практически любое занятие со слушателями можно строить на принципах, работающих на повышение уровня их риторической культуры. Это принципы интерактивности, проблемности, вариативности и рефлексивности обучения. Реализовать их можно при использовании активных и интерактивных методов и технологий обучения, таких как деловые и ролевые игры, тренинги, кейсы, дискуссии, проекты и др. Перечислим основные позиции, на которые мы опираемся при организации занятий, ориентированных на повышение риторической культуры преподавателей.

Адекватность сред, то есть сочетание педагогических условий и интересов слушателей с существующими ценностями, нормами, требованиями конкретной среды — учебной, информационной, профессионально-корпоративной, внутриличностной.

Моделирование ситуаций взаимодействия на основе принципа аутентичности, то есть соответствие педагогических условий индивидуальным особенностям слушателей, направленность обучения на решение актуальных практических задач, достижение конкретных результатов при помощи новых методов и технологий обучения.

Вариативность ролей преподавателя, то есть преподаватель не только организатор, консультант и фасилитатор, но и эксперт, основная задача которого — организовать и скорректировать учебный процесс так, чтобы слушатели становились соавторами собственного обучения².

Таким образом, организация занятий, направленных на развитие риторических умений преподавателей, строится на основе практико-ориентированных моделей обучения, что позволяет направить учебный процесс на реальные потребности слушателей, максимально вовлечь их в совместное творчество. Это становится возможным, если учитывать не только возрастные и профессиональные особенности, но и личные интересы педагогов.

В заключение приведу выдержку из студенческого эссе о том, какими студенты хотят видеть современную лекцию и современного преподавателя: «Лекция во многом должна демонстрировать прямую ценность

¹ Бредемайер К. Провоцирующая риторика? Меткий ответ! Ростов н/Д, 2008.

² См.: Даринская Л. А. Организация занятий по педагогической риторике на основе модели А. Колба // Нижегородское образование. 2012. № 1. С. 116–121.

предмета, то, как ты можешь применять полученные знания в будущем, где они могут пригодиться, и какие проблемы у тебя возникнут, если у тебя их не будет. Так, если мне читают лекцию по теории психологии, я хочу услышать не просто набор имен и характеристики теорий. Даже если это вводная лекция и мне рассказывают об исторической парадигме, мне хочется понимать прикладные аспекты, то, как это работало и почему работало именно так.

Мне интересна не просто теоретическая основа психоанализа, а почему он взорвал мир в XX веке, как проходили эксперименты и сессии с клиентами, как и почему Юнг восстал против Фрейда в 1913 году на съезде психоаналитиков.

Мне интересно, чтобы мне давали не факты (я их и сама могу узнать), а логику развития того или иного аспекта. Потому что, если я понимаю логику функционирования чего-то, я могу понять, как использова-

ли аналогичную модель в другом случае, применить ее к жизни.

Второй нюанс, важный для меня, — сама организация лекции. В ней обязательно должна быть практическая часть. Но если я не понимаю, зачем мне давали практический материал и почему он для меня актуален, я не буду ничего делать. Мне станет скучно, и я уйду.

Третий аспект — преподаватель должен любить свое дело, как сферу своих научных интересов, так и сам факт преподавания. Если за счет меня кто-то будет повышать свою самооценку или читать всю пару с листа информацию из Википедии — я не буду это слушать.

Четвертый аспект — лекция должна быть направлена на то, чтобы заставить меня думать. Не на проверку фактических знаний, а на воспитание логики и умения размышлять».

М. А. Захаришева¹

«СО СЛОВОМ НАДО ОБРАЩАТЬСЯ ЧЕСТНО»

Современная образовательная политика базируется на двух магистральных взаимосвязанных и взаимообусловленных социально-политических тенденциях: последовательной дестернизации российского образования и педагогической науки и действенной суверенизации системы российского образования на национально-патриотической основе.

Перед отечественным педагогическим сообществом, как никогда раньше, остро встала задача осуществления самоидентификации российского образования. Сейчас самое время найти основания для такого поиска, и искать эти основания следует в родном языке, в комплексе ценностей, транслируемых новым поколением россиян на родном языке. А со словом, как считал Н. В. Гоголь, надо обращаться честно!

Проблема образования на родном языке, поднятая великим русским педагогом К. Д. Ушинским, казалось, была окончательно решена еще 100 лет назад большевиками. Сегодня статус русского языка закреплен законодательно и никем не оспаривается. Почему же педагоги снова и снова возвращаются к ней?

На наш взгляд источник их озабоченности находится не в вопросе организации русскоязычного образо-

вательного контента, а в более глубоком вопросе сохранения целостности и самобытности русского языка. Не секрет, что в настоящее время язык подвергается беспрецедентному влиянию извне, сущность и последствия которого не изучены.

Первый вызов связан с тем, что ломается форма языка, которая не менялась тысячелетиями. Появление средств быстрой коммуникации заставило языки адаптироваться к формату устной речи, передаваемой письменными знаками. Особенности такой языковой формы пока недостаточно изучены, но в целом можно говорить о сращении устной и письменной речи в единый гибридный формат. От письменного текста ему достались буква как языковой знак, а также возможность дистанционной коммуникации «автор–адресат». От устной речи — скорость, усеченная синтаксическая структура, пренебрежение орфографическими и пунктуационными правилами, эмоциональная составляющая. Последняя потребовала внесения в коммуникацию знаков, которые изначально к языковой системе не относятся: эмоджи, картинки и т. д. Интересно, что развитие этой гибридной речи оказалось настолько успешным и востребованным, что появление технической возможности вернуться полностью к устной форме при обмене сообщениями — аудио или видео, было принято обществом отрицательно и быстро было вынесено за рамки этикетной нормы.

Вторым вызовом для современного русского языка стало обилие заимствований. Сама по себе миграция слов не является чем-то новым или уникальным. Более того, процесс взаимного заимствования считается нормой для развития языка. Беспрецедентной стала скорость адаптации иноязычной лексики в грамматическую структуру реципиента. Если ранее на это уходило десятилетия, то теперь лингвисты не успевают даже фиксировать наличие лексики в активном слова-

¹ Профессор кафедры педагогики и психологии Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко, доктор педагогических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Аксиосфера отечественного образования начала XX века», «Историко-педагогическое знание в контексте вызовов современности», «История музыкального образования в исполнении профессора В. И. Адищева», «Монтессори-педагогика в России: непонятая или непонятная?», «Ушинский о подготовке учителей: антропологическая модель», «Методическое наследие Е. Н. Медынского в истории отечественной педагогики» (в соавт.) и др. Член Научного совета РАО по проблемам истории образования и педагогической науки, Научного совета по проблемам истории музыкального образования. Награждена медалями К. Д. Ушинского, «За заслуги в развитии истории педагогики» им. З. И. Равкина.

ре. Например, точку в вопросе о грамматическом роде «кофе» поставила только последняя реформа языка, несмотря на то, что сам объект известен в России уже несколько веков, а слово давно не воспринимается как иностранное. Вопрос настолько важен, что в нашей стране с 1988 года и до сегодняшнего дня непрерывно работает Орфографическая комиссия.

Гораздо быстрее вошли в обиход и получили полную грамматическую парадигму слова «компьютер», «калькулятор», «сканнер» и тому подобные, пришедшие в язык вместе с объектами, которые они называли. Но и их адаптация потребовала времени и не была лишена проблем, например со словом «ксерокс» и его дериватами. В современных условиях иноязычная, преимущественно английская, лексика начала свое заимствование абсолютно без привязки к объекту, то есть иностранное слово заменяет существующее русское. Практически единственным мотивом для выбора аналога являлась его краткость, а аналитическая грамматика английского позволяет в разговорной речи свободно оперировать только корнями без флексий. Таким образом, говорящий делает выбор между суррогатными синонимами «пойдем» и «го», «подделка» и «фейк», «ручная работа» и «крафт» в пользу последних вариантов. Усугубило проблему то, что поток квазизаимствований был подхвачен не только молодежью, но и официальными лицами. Переизбыток иностранных слов удовлетворял сразу несколько подростковых запросов: стремление к тайне своей коммуникации от взрослых, скорость речи и переписки, чувство оторванности от опыта старшего поколения. Причины и процесс включения потока заимствований в публицистический стиль еще ждет своего исследователя. Отметим только, что именно там фиксируются максимально неудобные для русского слуха «коворкинг», «коливинг», «девелопер» и иные слова, которые как раз представляют собой флективные лексемы английского и потому очень сложно адаптируются к любому другому языку.

В дополнение к указанным выше языковым процессам следует упомянуть и ряд сопутствующих психологических и социальных тенденций. Невозможно не сказать о проблеме «клипового мышления» современных школьников, их пренебрежении к текстам большого объема. Нельзя не упомянуть сложившийся образ молодежного кумира как человека праздного, много путешествующего, с широкой аудиторией в социальных сетях, в том числе иностранных. Также не можем не отметить и объективный статус английского языка как языка мирового общения, некой современной «вульгарной латыни», что предполагает его обязательность для карьеры.

Упомянутые нами факторы привели к ситуации, когда в одном образовательном учреждении педагоги и обучающиеся, говоря на одном языке, не понимают друг друга. Отсутствие общего языкового поля сильно затрудняет любую коммуникацию. И если возможность договориться на бытовом уровне у коммуникантов остается, то задача транслировать ценности становится практически неразрешимой.

Конечно, педагогическое сообщество не впервые сталкивается с проблемой подросткового сленга и кри-

тического отношения к ценностным установкам. В том или ином виде этот этап проходит каждое поколение, но особенно остро — на рубеже эпох, при смене аксиологической парадигмы. Так было в 20-е годы XIX века, в 20-е и 90-е годы XX века. Универсального средства для погашения бунта подрастающего поколения так и не изобрели. Так есть ли повод для беспокойства сегодня?

Попробуем обратиться к истории вопроса. К примеру, без сомнения высочайшими образцами русской культуры и родного языка отмечился так называемый Серебряный век российской истории. Сформирован он был, как ни странно, выпускниками отечественной гимназии, критикуемой за засилье древних и новых иностранных языков в содержании образования. Вероятно, образцы «блестящей латыни» были перенесены в родной язык. Следует ли считать этот феномен исключительным и неповторимым, или есть основания внимательнее приглядеться к такому педагогическому и культурологическому опыту?

Вызывает интерес и период первых десятилетий советской власти в России, отличительной чертой которого стал так называемый советский новояз. Какие только сокращения ни появились в это время: шкрабы (школьные работники), учпедгизы, культпросветы, соцвосы и иные подобные изобретения. Впору было бить тревогу, спасать русский язык от такой беды. Но поскольку созидателями советского новояза были одновременно и большевистские руководители, и простой народ, то бороться с подобным безобразием было некому. Постепенно русский язык сам избавился от ненужного словотворчества, не оказав никакого негативного влияния, советский новояз остался в истории. Может, и нам в сегодняшней ситуации проникновения заимствованных иностранных слов нужно просто переждать, отнестись к данному явлению как к проявлению «детских болезней»? А они проходят сами и без особых последствий.

На наш взгляд, сложившаяся политическая, языковая и социальная повестка все же уникальна. Со временем естественное стремление языка к экономии избавит его от переизбытка заимствований, а также от слов, адаптация которых невозможна (так произошло, например, с аббревиатурами и скрещенными начала XX в.). Однако за это время может необратимо деформироваться «чувство языка» у нескольких поколений, незаметно поменяется восприятие реальности. Такая лексическая подмена не изменит систему концептов, но может поменять эмоционально-чувственное, ценностное отношение к ним. Так, существует неуловимая разница между словами «барышня», «девушка» и «крашиха», хотя все три обладают положительной коннотацией. Следует добавить к кругу проблем нежелание обучающихся знакомиться с русской литературой и в какой-то степени невозможность ее понимать и сопереживать в силу отсутствия сформированного культурного мировоззрения, утери национального кода. В результате проблема образования на родном языке встает перед педагогическим сообществом со всей остротой: мы знаем русский язык, можем читать, писать и разговаривать, но можем ли в полной мере

выполнить задачу трансляции ценностей следующему поколению?

В настоящее время в процессе формирования новой стратегии образования К. Д. Ушинский как основоположник национальной русской педагогики снова стал необходим и востребован. Вспомним Указ Президента РФ В. В. Путина от 9 ноября 2022 года о традиционных российских духовно-нравственных ценностях — патриотизме, гражданственности, служении Отечеству, которые звучат практически в унисон с великой педагогикой Ушинского.

Вслед за Ушинским попытки отнять у народа его язык были названы нашим президентом «невыносимым насилием». «Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ. И нет насилия более невыносимого, как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями его отживших предков. Отнимите у народа всё — и он всё может воротить; но отнимите язык, и он никогда более уже не создаст его; новую родину даже может создать народ, но языка — никогда; вымер язык в устах народа — вымер и народ»¹, — писал К. Д. Ушинский.

Русский язык является языком государствообразующего народа современной России, и он нуждается в поддержке и защите, в частности от излишнего использования иностранной лексики. За нами тоже есть подобный грех: вебинары, коучи, дедлайны, тьюторы, квесты, квизы, спикеры, модераторы — все это можно назвать по-русски без потери смысла.

И все же: актуальна проблема спасения русского языка или не стоит сильно волноваться по поводу его защиты от излишней иноязычной лексики? С позиции филологов ситуация не требует кардинального вмешательства, язык, как живая сила, самостоятельно вытеснит все наносное и ненужное, следует лишь подождать. Так было не раз, так произойдет и в настоящее время.

Но педагогическая общественность «спешит» включиться в решение проблемы сохранения чистоты и красоты родной речи. Это одна из вечных, живых педагогических проблем, мы знаем в истории немало предложенных и опробованных ее решений. Чтобы справиться с ней, нужно вести наступление по всей линии «фронта», комплексно. Нужно всем миром сделать престижным красивый и богатый русский язык. Модным должен стать человек, владеющий грамотной русской речью.

Прислушаемся к завету Д. С. Лихачева: «Самая большая ценность народа — это язык, — язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык»². Представляется, что главное слово — думает! — относится в полной мере к новому поколению россиян. Думаем мы, молодежь и старшие поколения, на родном языке, поэтому забота о нем — наша общая неизбывная забота. С русским словом надо обращаться честно!

Н. С. Зеликина³

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ОБРАЗОВАНИИ ЭПОХИ МАССМЕДИА

Современные условия развития общественной сферы демонстрируют возрастающее значение медийной среды во всех ее проявлениях (СМИ, социальные сети, культурные институции и пр.). В связи с этим контент медийных продуктов, в том числе медийная оценка тех или иных («официальных») мемориальных практик, все больше определяет состояние массового сознания, особенно в молодежной страте. При этом важно отметить то состояние перманентной конкуренции с традиционными образовательными институциями (школа, вуз), которое фактически демонстрируется значительной частью медиа.

¹ Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 145–159.

² Лихачев Д. С. О языке устном и письменном, старом и новом // Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 2014. С. 401–421.

³ Доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор 127 научных публикаций, в т. ч.: «История становления и развития нефтегазового комплекса Коми края (к истории освоения европейского северо-востока России)», «Современные методы анализа периодической печати как исторического источника», «Философская публицистика 1920-х годов о проблемах идеологии», «Модерн в нэповской России 1920-х годов: отголоски стиля», «К истории бытования идей марксизма в Советской России: от популяризации к догматизации», «История государства Российского в исторических исследованиях П. Н. Милокова», «Прошлое в эпоху неопределенности (концепты „культура памяти“ и „политика памяти“ в современной медиасфере)» и др.

Главными задачами образования являются социализация личности и формирование критического мышления (включающего способность самостоятельной объективации, самоидентификации, умения осмысливать предлагаемую информацию и пр.). С этой точки зрения медиа, ориентированные на массовую аудиторию, в условиях господства рыночных отношений фактически не могут не находиться в оппозиции к образованию. Образование учит думать, СМИ и социальные медиа предлагают потреблять (в том числе и информацию). При этом предполагается, что оба рассматриваемых феномена базируются на едином культурном/национальном/нравственном фундаменте. Однако в современных условиях традиционная по своей природе система образования все чаще приходит в противоречие с постоянно модернизирующимися медиа. Ключевыми в этом контексте становятся ценностные ориентиры, смыслы и нравственные основы.

Кризисные периоды общественного развития неизменно повышают интерес к осмыслению или переосмыслению исторического процесса, его содержания, феноменов. Возрастает значение попыток найти ответы на современные проблемы, опору в прошлом. В этом контексте неслучаен растущий академический интерес к осмыслению различных аспектов историче-

ской памяти (ее изменчивости/устойчивости, проявлениям, возможностям формирования/влияния). Автору уже приходилось рассматривать отношение к концептам «культура памяти» и «политика памяти» в современной медиасреде¹. Дальнейшее осмысление проблемы позволяет утверждать, что «политика памяти» (мемориальная политика) является одним из ключевых моментов в воспитании/формировании массового сознания, а также системообразующим элементом воспитательных аспектов образовательного процесса.

Отсутствие внятной культурной политики при наличии необходимой нормативной базы создает дополнительные сложности для образовательного процесса, который при формировании гражданской самоидентичности не может не ориентироваться на отечественную «культурную матрицу», являющуюся доминантой коллективной памяти общества. Опросы ВЦИОМ свидетельствуют о растущей ностальгии по СССР, причинами которой социологи называют стремление к стабильности, сохранившиеся в общественном сознании чувства дружбы народов и т. п.²

Изучение учебного процесса и непосредственное участие в нем позволяют автору утверждать, что на современном этапе часто сохраняется избирательное отношение к освещению различных периодов и «сюжетов» отечественной истории. Так, наибольшее внимание уделяется истории дореволюционной России с концентрацией на деятельности Петра I, Екатерины II, формированию Российской империи, событиям 1917 года. При этом советскому периоду уделяется, как правило, незначительное внимание. Причинами этого можно считать нехватку времени, «подстройку» учебного процесса в старших классах школы под подготовку к ЕГЭ и определенные идеологические/ценностные антисоветские установки. Такая ситуация вызывает у школьников/студентов некий «мировоззренческий диссонанс» — благодаря массмедиа советский период воспринимается под концептами насилия, репрессий, террора, несвободы, и при этом победа советского народа в Великой Отечественной войне абсолютно справедливо рассматривается в качестве величайшей победы в истории России.

Ключевой темой, смысловой доминантой политики памяти, проводимой в нашей стране, является история победы в Великой Отечественной войне. При этом важно отметить, что наряду с воспоминаниями о героической борьбе советского народа на фронте и в тылу все чаще звучит тема геноцида советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны. Социологические исследования зафиксировали серьезную проблему — каждый пятый молодой граж-

данин России в возрасте от 18 до 24 лет ничего не знает о геноциде советского народа, в этой группе также чаще звучат мнения, что нет необходимости в будущем сохранять память о преступлениях нацистов и их пособников³. Видимо, не случайно в 2021 году в России была установлена новая мемориальная дата, посвященная началу расследования преступлений против мирных советских граждан в период Великой Отечественной войны.

Необходимо отметить, что политика памяти не может не базироваться на эмоциональном включении в осмысление исторического прошлого: гуманитарное знание требует не только знания, но и сопереживания. Следовательно, подчинение обучения в выпускных классах школы подготовке к ЕГЭ с его неминуемой стандартизацией, «натаскиванием» на прохождение тестового контроля по гуманитарным дисциплинам неизбежно «отключает» любые элементы эмпатии по отношению к объектам изучения (будь то герои литературных произведений или реальные исторические личности). В этом контексте все большее значение начинают приобретать не только методологические, но и методические аспекты преподавания. В условиях повсеместной стандартизации выбора и описания гуманитарных (в том числе исторических) сюжетов повышение заинтересованности возможно лишь путем индивидуализации контента. Автор имеет в виду не только включение в учебный процесс результатов относительно новых направлений академических исследований (микроистория, история повседневности и т. п.), но и приближение глобальной истории к каждому учащемуся через разработку им краеведческих, генеалогических и тому подобных проектов. Именно мемориальные сюжеты позволяют сформировать чувство причастности к большой истории, продемонстрировать роль и значение конкретной личности в осуществлении эффективных процессов развития.

Преподавание истории, как и всех гуманитарных дисциплин, *не может быть нравственно нейтральным*. Важнейшими концептами российского исторического дискурса являются понятия солидарности, альтруизма, верности, честности, справедливости, любви к Отчизне. Основным направлением обновления контента в преподавания российской истории, на наш взгляд, должно стать не столько расширение фактологической базы, сколько смещение содержательных акцентов, переход от преобладания социально-политических сюжетов к истории культуры, образа жизни и пр. Это, в свою очередь, предьявляет серьезные требования к актуализации системы взаимоотношений между педагогами и учащимися, необходимость развития педагогики *со-трудничества*. Следовательно, современная модель эффективного образовательного процесса невозможна без глубокой проработки глубинных традиций отечественной педагогики всех периодов ее существования, среди которых доминантой является уважение к личности учащегося.

¹ См.: Зеликина Н. С. Прошлое в эпоху неопределенности (концепты «культура памяти» и «политика памяти» в современной медиасфере) // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2019. № 3. С. 138–142.

² См., например: Тридцать лет спустя, или вспоминая и забывая СССР : аналит. обзор, 6 декабря 2021 г. // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tridcat-let-spustja-ili-vspominaja-i-zabyvaja-sssr> (дата обращения: 15.04.2023) ; 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? : аналит. обзор, 30 декабря 2022 г. // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (дата обращения: 15.04.2023).

³ Чтобы помнили! : аналит. обзор, 19 апреля 2023 г. // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chtoby-pomnili> (дата обращения: 20.04.2023).

В. А. Конев¹

ОБРАЗОВАНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА

Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс!

Альберт Эйнштейн

Две мировые войны XX века, научно-техническая и информационная революции, глобализация утвердили реальное всемирное бытие людей, которое требует нового экономического и политического порядка в мире. Но порядок сам по себе не возникает. Его организуют и отстаивают люди, чьи интересы и цели определяются их представлениями о должном и справедливом. А эти представления формируются культурой и той системой образования, которая ею порождается. Беспрецедентная информационная кампания, которая сопровождает современные политические события, показывает, насколько значимо сейчас именно личностное поведение конкретного человека, его способность опираться на те ценности культуры, которые определяют тенденции исторического развития. В этих условиях важно понять, как и что происходит в нашей современной системе образования.

Две даты, вроде бы никак не связанные с темой, неожиданно проливают свет на состояние и перспективы современного образования.

Первая дата — 1 января 1916 года, день экспозиции «Черного супрематического квадрата» Казимира Малевича на футуристической выставке «0,10». А вторая — 9 января 2007 года, день презентации Стивом Джобсом первого iPhone.

Оба эти события демонстрируют кардинальное изменение позиции человека в культуре, а следовательно, и изменение задач образования, которое должно эту позицию формировать.

Что демонстрирует «Черный квадрат»? Он указывает на сам смысл культурного послания как такового.

Культура, какая бы она ни была, всегда обращена к человеку. Это обращение представлено конкретными культурными посланиями (произведениями). Каждое послание несет в себе определенное представление, содержание, которое должен усвоить получающий его индивид. Смысл культурного послания отождествляется с его содержанием. Содержание же всегда выражало представление о значимой для сообщества деятельности и правильном поведении индивида. Гарантом значимости и правильности были боги, герои, от имени

которых говорили поэты, драматурги, скульпторы. Европейское Возрождение предоставило автору произведения право говорить от собственного имени: он создавал текст, тот нес в себе истину, идею, которую читатель (слушатель, зритель) должен был воспринять. Ценность послания/произведения определялась значимостью представленной в нем идеи или тех форм, которые были использованы при его создании. В любом случае важно было то, что представлено в культурном послании.

И вот появляется холст 80×80 см, на котором изображен черный квадрат в белом окладе. Что это за послание? Вся история культуры приучила каждого из нас видеть в произведении искусства значимый, к чему-то приобщающий нас смысл или момент эстетического (чувственного) потрясения. Здесь же нет ни того, ни другого. Но не реагировать невозможно. Произведение требует реакции. На что? А на само послание. «Черный квадрат» — это такое культурное послание, которое обращает внимание на сам факт получения послания: вот оно передо мной. А о чем оно, что оно значит — здесь пустота. Важно то, что это послание никого не оставляет равнодушным. «Черный квадрат» — это призыв к человеку: явись! И тем самым представь себя — кто ты?

«Черный квадрат» показывает, что для культурного послания не менее, если не более, важным является не то, что сообщается, а то, что происходит с тем, к кому оно обращено. Что *ты* вынес из культурного послания для себя? Что значишь *ты сам*, а не то, что ты усвоил из послания тебе?

Вся система образования, возникшая в эпоху Просвещения, ставила на первое место содержание культурного послания. Это содержание требовало своего представителя. Им был учитель. Он «объяснял» содержание культурного послания, ученик его «усваивал», а затем учитель проверял уровень усвоения (обратим внимание на сам термин — «уровень» заполнения сознания определенной информацией) и оценивал его. Этому служила выработанная великими педагогами начала Нового времени классно-урочная система, принятая повсеместно — от начальной школы до аспирантуры.

Да, всем, кто помнит, что когда-то студент, получивший тройку, оставался без стипендии и отчислялся из вуза, если трижды не сумел пересдать экзамен, происходящее в нынешнее время кажется падением университетского образования. Падением «уровня» (!) подготовки, так как снижена планка требований и нет той «прополки», благодаря которой удалялся с поля «не-стандарт» и выпускная «жатва» радовала своими добротными результатами.

Но сейчас другая ситуация. Кардинально изменилась позиция человека, его требования к жизни и внимание самого себя. Пришел другой ученик, другой

¹ Профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Метафизика „Ничто“ в философии М. Хайдеггера», «Смыслы культуры», «Две концепции логики смысла: Жиль Делёз и Андрей Смирнов», «Современная культура: галактика Цукерберга vs галактики Гутенберга», «Размышление над одним из тезисов С. Н. Булгакова, инициированное идеей процессуальной логики», «Логика смысла как логика культуры» (в соавт.) и др. Член Российского философского общества. Главный редактор журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология», член редколлегии журнала «Кантовский сборник» (Калининград), член редколлегии «Международного журнала исследований культуры» (Санкт-Петербург), член коллегии рецензентов журнала «София» (Жешув, Польша).

студент. Он просто не вписывается в ту практику образования, к которой мы, преподаватели, привыкли. «Черный квадрат» и другие подобные произведения культуры¹ потребовали от человека его непосредственного *присутствия* в культуре. Кончилась эпоха «заочной жизни» (А. Платонов), когда жизнь человека строилась по заданным лекалам², и наступает время «моего не-алиби в бытии»³. Культура *присутствия* приходит на смену культуре *представления*. Это не могло не повлиять на систему образования и не вызвать изменение деятельности и статуса ученика и учителя.

Представьте себе такую ситуацию. Вот стоит лес, лесник, призванный следить за ним, чистит его, вырубая и выкорчевывая деревья, которые не соответствуют требуемому стандарту, — и тогда получается прекрасная корабельная роща Шишкина или безрешовая роща Куинджи. И то, и то радует глаз и отвечает нуждам человека. Но вот изменился климат, подули ветра, зима и лето сделались не похожи на себя. Деревья в лесу все чаще стали отходить от стандарта. Что делать леснику? Вырубать нестандарт? Но тогда пойдет под топор весь лес, потому что ветра, бури, метели гнут и кривят все деревья, и каждое из них по-своему приспособляется к этим новым условиям. Ясно, что необходимо дать другую инструкцию леснику, сменить стандарт красоты и увидеть ее не в стройности и похорожести, а в чем-то другом. Нужно научиться использовать *этот* новый материал для своих «корабельных нужд», или, возможно, изменить само представление о «корабельности» и т. д. Короче, нужно менять логику действия лесника.

Так и в образовании. Сменилась роза ветров современной культуры, это уже не направления, которые были заданы эпохой Просвещения. В сознании современных студентов господствуют совсем другие завихрения. Их нужно распознать, с ними нужно считаться. Когда-то Декарт, начав обучение шведской королевы Христины, повторил слова Евклида о том, что в математике нет царской дороги, но сейчас, думаю, наступило время, когда каждый конкретный человек может и должен прокладывать свой путь в том огромном море информации, которое волнуется вокруг нас.

Об этом и свидетельствует другое событие.

9 января 2007 года — дата презентации Стивом Джобсом первого iPhone, это день второго явления «Черного квадрата», который теперь приосанился и стал прямоугольником с закругленными углами. Этот черный (розовый, белый, золотистый и т. п.) «ква-

¹ В том же направлении — особой активизации сознания получателя произведения — работало все искусство XX века, но можно вспомнить несколько знаковых произведений того же рода, что и «Черный квадрат»: «Фонтан» (1917) М. Дюшана в скульптуре, «Смерть искусству: пятнадцать (15) поэм» (1913) эгофутуриста В. Гнедова в литературе, сочинение для вольного состава музыкальных инструментов «4'33"» (1952) Дж. Кейджа в музыке, «Вдох» (1969) С. Беккета в драматургии и др.

² «Как *заочно живущий*, Вошев гулял *мимо* людей, чувствуя нарастающую силу горящего ума и все более уединяясь в тесноте своей печали» (Платонов А. П. Котлован: Текст. Материалы творческой истории. СПб. : Наука, 2000. С. 26. Курсив мой. — В. К.).

³ Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники : ежегодник 1984–1985. М. : Наука, 1986. С. 112.

драт» прямо взывает к человеку. Когда мы прикладываем его к уху, то слышим: «Где ты? Ты можешь говорить?» И ты должен отвечать, ответственность, быть ответственным. Маленький черный прямоугольник изменил конфигурацию культурного бытия человека. Не случайно Стив Джобс, расшифровывая смысл буквы *i* (*internet*) в аббревиатуре *iPhone*, заметил: «Эта буква означает для нас и другие вещи — *individual, instruct, inform, inspire* (индивидуальный, инструктировать/наставлять, информировать, инспирировать/вдохновлять — *англ.*)».

Смартфон/iPhone открывает его пользователю огромный гипертекст мировой культуры и панораму социальных событий — это виртуальная реализация джойсовского языка и делёзовского ризомического мира событий. Возникает кардинальная проблема современной культуры — кто тот Вергилий, который проведет индивида по открывшемуся ему глобальному культурному миру? «Гугл»/«Яндекс» дают за несколько секунд тысячи отсылок — а кто организует прохождение по ним? Где тот проводник, который укажет путь в огромном гипертексте? Есть голос в навигаторе, есть советчик(ца) в смартфоне, но явно ощущается нехватка тьютора по миру смыслов культуры.

Новые средства объективации культурных достижений, информационные технологии, Интернет создают практически неограниченные возможности подключения к разнообразному множеству произведений и событий. Человек, как кочевник, проникает в любую область культурного или социального множества и продуцирует свое событие-произведение. Это произведение войдет во множество других как случай, как бросок кости, как камень, брошенный в воду и оставляющий на ней круги. Какие это будут круги — не забота того, кто свершил событие-произведение. Волноваться о судьбе множества — забота не этого человека. Тогда чья это забота? Или чем должен быть озачен человек? Человек освободился от опеки полиса, Бога, логики разума, коммун. Он свободен. Он по ту сторону установок трансцендентного для него начала. Но тогда что он может и должен делать с этой свободой? Выскочило — *должен*, а это слово из *той* культуры, превозносившей долг, которая *уже* закончилась/заканчивается. Человек нынешней культуры не *должен* быть свободным, он *обречен* на свободу (Сартр). Значит, появляется новое отношение к свободе, переживание самой свободы, осмысление того, что она *значит* для человека. И что значит для него та новая ситуация, которая не требует долга, а предъявляет ему себя как открытая возможность действия — «Бери от жизни всё!». Это ситуация *вызова свободы*.

Дать ответ на этот вызов — вот задача новой культуры, идущей на смену культуре Просвещения. Та утверждала, что свобода — это ответ на зов необходимости, знание которой и действие сообразно с которой и гарантируют свободу. Новый — не в духе Просвещения — вариант культуры модерна полагает, что ответ на вызов свободы может дать только конкретный человек тогда, когда он обретает *опыт свободы*. А опыт свободы приобретается, когда человек рассматривает свои действия в отношении предела, преодо-

ния границ как испытание своих возможностей и способностей. Свобода — это напряжение трансгрессии, это *способность человека видеть пределы*, к которым устремлены и которыми заряжены его действия.

Что это за пределы? С какими пределами имеет дело человек?

Несомненно, они разные по своему содержанию. Но культура должна дать само понимание предельного, его смысл. И это требование — знать предел — явно чувствуется в современном мире. Идея эта носится в воздухе. Идея предела — это идея Абсолюта современной культуры. Для культур, ушедших в историю, Абсолют был ясен — Благо, Калокагатия, Бог, Истина. А для нашего сознания?

Вот тут-то и обнаруживается необходимость особого знания — знания и понимания смыслового мира, потому что мир смысла — это мир отнесений, который требует представления о пределе. В системе современного научного знания это прежде всего знание гуманитарного типа, то есть знание мира ценностного и всего, что им производится и используется (в том числе и самого знания).

Знание гуманитарного типа принципиально отличается от знания естественно-научного. Это отличие заключается в том, что гуманитарное знание всегда является знанием такой действительности, которая предстает как *res gestans*, «вещь-деяние», «акт-субстанция»¹, открывающиеся в действиях человека. Дорожный знак «кирпич» — это не просто предмет определенной формы и цвета, а предписание человеку действовать определенным образом: остановись, проезд запрещен. Конкретная ситуация: работа людей, разрушающих здание, может представлять собой как расчистку места для будущего строительства, так и взрыв революционного негодования, разрушающего символ ненавистного режима (например, штурм Бастилии 14 июля 1789 г.). В фильме В. Абдрашитова и В. Миндадзе «Остановился поезд» (1982) одно и то же происшествие (гибель машиниста в результате столкновения поезда с сорвавшимися со стоянки грузовыми вагонами) трактуется журналистом и следователем по-разному — как подвиг, с одной стороны, и как результат разгильдяйства в работе депо — с другой.

Поскольку любое проявление ценностного мира всегда объективирует в себе различные отсылки, знание гуманитарного типа представляет не только знание/информацию о некоем наличном состоянии действительности, но и ее смысл, то есть направленность действия человека. Логика знания организует отношения субъекта и объекта, а логика смысла организует действия человека в той ситуации, в которой он находится здесь и сейчас. Эта принципиальная особенность знания гуманитарного типа — его смыслодательная наполненность — превращает освоение его не столько в способность оперировать знанием/информацией, сколько в способность понимать ситуации действия. Именно эта особенность знания гуманитарного типа формирует способность ориентироваться в логике гипертекстовой реальности, которая открывается со-

временному человеку благодаря обладанию электронными гаджетами.

Поскольку центр тяжести современного образования переносится с логики знания на логику смысла (= учить не знаниям, а способности мыслить и действовать), то в системе образования объективно возрастает значимость изучения на всех этапах образования гуманитарных дисциплин. Говоря о знании гуманитарного типа, мы подразумеваем не просто усвоение фактов истории, литературы, искусства или языка, а такое знание, которое открывает логику культуры, ее системы ценностей и смыслов, становится насущно необходимо человеку в современном информационном обществе. Такое знание потребует кардинального изменения самой методологии преподавания классических гуманитарных дисциплин на всех уровнях изучения.

Основой этой методологии, скорее всего, могут стать разрабатываемые в современной философии концепции логики смысла Жюль Делёза и Андрея Смирнова². Логика смысла показывает, что работа нашего сознания как смыслополагания определяется исходными интуициями культуры. «Отсылка к интуиции — это не отсылка к чему-то непонятному или „потустороннему“», это вполне объективная отсылка к практикам большой культуры, которые воспитывают и развивают сознание любого отдельного человека», — утверждает академик РАН А. В. Смирнов³. А все практики культуры определяются объективной логикой, свойственной данной культуре. Поэтому «постижение культуры — это прежде всего постижение той логики, на которой она основана: это ключ, открывающий все двери культуры»⁴. Путь к основаниям культуры, к ее логике — это понимание целостности, «связности» культурных произведений и ценностей, которое формируется гуманитарным познанием.

О месте знания гуманитарного типа в системе университетского образования. Думаю, что в современном университете необходимо для всех направлений/специальностей первые один-два семестра сделать семестрами гуманитарного знания — с целью освоения культурного наследия страны и мира, а также философии как самосознания культуры, проникновения в логику культуры. «Гуманитарный блок», своего рода система новых «свободных искусств», становясь базовым началом специального образования, позволит увидеть специальное знание, определяющее цивилизационное развитие общества как момент и средство утверждения культуры. Иначе современная цивилизация зайдет в тупик экологического кризиса и потери смысла своего существования.

Если отечественное образование примет такой принцип организации, оно вернет себе мировое лидерство, которое было свойственно ему в первой полови-

² См.: Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Смирского. М.: Академ. проект, 2011; Смирнов А. В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001; Он же. Логика смысла как философия сознания. Приглашение к размышлению. М.: ЯСК, 2021.

³ Смирнов А. В. Задачи логики смысла (к итогам обсуждения) // Философский журнал. 2022. Т. 15, № 4. С. 115.

⁴ Там же. С. 111.

¹ Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Соч. : в 4 т. / сост. А. С. Трубачев. М.: Мысль, 2000. Т. 3 (1). С. 346.

не XX столетия и обеспечило стране прорыв в космос и стойкость в исторических испытаниях.

Но значимость гуманитарного образования, конечно, не только в том, что сам тип гуманитарного знания несет в себе новую логику восприятия мира. Гуманитарное образование — это приобщение к истокам своей и мировой культуры. В современной ситуации, когда в культуре до крайности обострились отношения к традиционным ценностям, имеющим как в европейской, так и в восточной культуре тысячелетнюю историю, понимание смысла и содержания ценностей, благодаря которым утвердился в истории род человеческий, рав-

нозначно сохранению этого рода. В этом случае гуманитарное знание становится основанием самопознания и действенным средством утверждения себя как личности и индивидуальности. Достаточно вспомнить проделанный Владимиром Соловьевым философский анализ *оправдания* добра, который показывает элементарные и всем понятные основания всего культурного здания нравственности — стыд, жалость и совесть. Отказ от этих простейших начал человеческого поведения не только порождает «странное» поведение, но грозит разрушением того ценностного содержания культуры, которое было ею накоплено и является ее олицетворением.

Е. Б. Костюк¹

«НОВАЯ ЭТИКА» ЗАПАДА В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Музыкальная культура начала XXI века в условиях кризиса глобализации, трансформации типа цивилизационного развития неизбежно отображает турбулентность ценностно-смысловых ориентиров, свойственную переходному периоду в истории социума. Язык искусства, включая музыкальный, в контексте «либеральной модели потребительского общества, основанной на спорном утверждении...: „Ценность всего, в том числе и людей, может быть выражена в деньгах“»², воспринятой от Запада, транслирует аксиологические нарративы, связанные во многом с «новой этикой» Запада. Она же антидуховна, поскольку «речь идет об изменении в области морали»³.

Необходимо признать, что отвержение идеалов социализма на излете советской эпохи в России сменилось вполне материалистичной «рыночной» идеологией, не связанной с воспитанием высоконравственного «строителя коммунизма», устремленного в «светлое будущее». Постсоветский период в России сопряжен с формированием «квалифицированного потребителя», желания которого предельно меркантильны, поскольку «кумиром» человека постиндустриальной эпохи в массовых масштабах стал, казалось, отвергнутый и забытый в эпоху коммунистических идеалов «золотой телец».

В музыкальной культуре стали возникать и активно популяризоваться те образы, которые транслировали россиянину «новые» жизненные цели: слава как успех, богатство (любым способом), развлечения и неизбеж-

но с этим связанный культ тела, а не духовности, нравственности. Именно тело человека в начале XXI века становится особым объектом внимания⁴, предметом различных манипуляций (гендерных, трансгендерных и т. п.), а также визуализацией расчеловечивания в русле «новой этики» Запада.

В условиях явно проявившейся в течение 2022 года духовно-нравственной войны больше невозможно не обращать внимания на деструктивные нарративы, которые транслируются посредством, казалось бы, вполне «безобидных» поп-исполнителей, а также на разные формы массовой музыки. «Деформация искусства становится результатом целенаправленной активности субъектов массовой культуры»⁵.

Исторически воспитание искусством предполагало его позитивное воздействие на человека на основе базисных мировоззренческих универсалий. Однако с началом XXI века стало очевидно, что художественные средства, например в сфере массовой музыки, приобретают значение оружия для духовно-нравственного разрушения человека через деформацию его образностных ориентиров, которые на протяжении практически 2 тыс. лет европейской цивилизации основывались на высоких идеалах, гуманизме христианства.

В этом плане представляется важным обратить внимание на алгоритм внедрения семантических единиц в язык музыкальной культуры на протяжении всего XX века, сначала интуитивно, а в начале XXI столетия вполне осознанно, планомерно, которые при пагубном содержании могут приводить к сокрушительным морально-нравственным последствиям.

Этот алгоритм связан с:

— *бессознательными* формами, то есть *кинетическими*, на уровне пластики, через усиление телесного, ритмически-танцевального в музыкальной культуре под влиянием целого ряда факторов: идейно-духовного (кризис христианства), со снижением его общественно-регулирующей роли в Западной Европе, США, Рос-

¹ Доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат педагогических наук. Автор 85 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Художественный рынок: вопросы теории, истории, методологии» (в соавт.), «Музыка и мода XX века: от субкультуры к массовости» (в соавт.); статей: «Иконические знаки семиосферы элитарной музыкальной культуры постиндустриальной эпохи», «Массовая музыка как явление культуры XX века», «Концерт-лекция как образовательный проект», «Семантика джазовой культуры XX века», «Паралингвистика массовой музыкальной культуры XX века» и др.

² *Запесоцкий А. С.* Почему США суждена судьба региональной державы // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 79.

³ *Гусейнов А. А.* Что нового в «новой этике»? // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка. С. 65.

⁴ *Шехтер Т. Е.* Искусство как образ мира и пространство смыслов: избранные работы по теории и истории искусства. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 725.

⁵ *Запесоцкий А. С.* Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 216.

сии; социальных катаклизмов и урбанистических тенденций, обусловивших рост численности городского среднего класса — основного заказчика танцевально-музыкальных развлечений¹;

— *технологическими* формами, популяризация (джаза, рок-музыки и т. п.) через достижения в звукозаписи и звукотрансляции, которые обуславливают преодоление «границ» времени и пространства. Благодаря появлению технических возможностей изменилась практика коммуницирования² с произведением музыки, ее исполнителем. Это привело к появлению новых форм, в том числе визуальных, воздействия на слушателей: видеоклип, видеотрансляция, то есть новых технологий для внедрения в сознание людей смыслов, образов, в том числе и нравственно-деструктивных, в массовых масштабах;

— *визуальными, сознательно-бессознательными* формами, связанными с образом певца, которому подражают: появился феномен фан-клубов, фанатов артиста (мода, стиль жизни). В условиях агрессии «новой этики» Запада визуальная семантика приобретает огромное значение, поскольку, являясь частью целого — массовой культуры, выступает как элемент механизма, «способствующий созданию социальных целостностей со всеми присущими им качествами»³. Их свойства, как позитивные, так и негативные, могут программироваться идеологически.

Исследователи проблем имиджа человека, государства, его воздействия на предпочтения, выбор субъектов социально-культурного взаимодействия отмечают, что особенно склонной к копированию оказывается наименее устойчивая в духовно-нравственном отношении социальная группа — молодежь⁴. Подражание «успешным кумирам» современности типа Моргенштерна, Клавьи Коки и тому подобным может не ограничиться только внешними атрибутами, а стать внутренней установкой на жизнь подростков⁵. Безнравственные интенции, декларируемые этими персонажами в песнях, на уровне подсознания и сознания регламентируют жизненные цели реципиентов. Это вредно в целом для культурного здоровья общества, а не только для отдельного человека, группы подростков, поскольку «поменять нормы общества нельзя изменением норм у отдельного человека. Это можно сделать иным путем: с помощью введения групп с иными нормами, под которые можно подстроить потом всю страну»⁶.

Показательны в контексте рассматриваемой темы метаморфозы типовых образов исполнителей, пред-

¹ Конен В. Д. Третий пласт. Новые массовые жанры в музыке XX века. М.: Музыка, 1994. С. 31–39.

² Хренов Н. А. Новая визуальность как проблема культуры. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 11–12.

³ Костина А. В. Россия: путь к будущему. Технологии формирования нового общества: Цивилизационная идентичность. Информатизация жизни. Культурные ценности и «общество потребления». М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 183.

⁴ Парыгин Б. Д. Социальная психология. СПб.: СПбГУП, 2003; Рыбакова М. Г. Массовая культура и ее влияние на политический имидж государства (на примере США). СПб.: СПбГУКИ, 2005.

⁵ Результаты опроса учащихся 10–12, 14–15 лет (Санкт-Петербург, октябрь 2022 г.).

⁶ Почепцов Г. Г. Психологические войны. М.: Омега-Л, 2008. С. 45.

ставляемые на конкурсе песни «Евровидение» за последние 25 лет. Характерными для данного арт-проекта в течение многих десятилетий были певцы и певицы в образах романтической девушки, лиричного юноши, мачо, плохой девчонки. Конкурс песни, создаваемый в 1950-х годах с целью культурного объединения стран в послевоенный период, с течением времени стал инструментом не только коммерческого обогащения, политических манипуляций, но и продвижения деструктивных, антигуманных идей и зловредных для культурно-общественного здоровья «героев». Под «маской» толерантности в течение последних 20 лет планомерно продвигаются в массовых масштабах (161 млн зрителей только в 2022 г.) и навязываются как «естественные» образы, разрушающие нормы гендерного статуса человека, — трансгендеры, трансвеститы. Кроме того, они фактически декларируют антихристианское отношение к человеку как норму. Ранее появление таких «персонажей»⁷ вызывало удивление (смех) и возмущение (воспринималось как извращение). Сейчас такие «герои» в моде. Они нормальны в системе координат «новой этики» Запада⁸. Более того, неприятие, ненависть к традиции от образов до смыслов стали своеобразной «визитной карточкой» вышеозначенного конкурса песни;

— *вербальными*, то есть *смысловыми* формами. Постепенный переход от культуры слова в поэзии песен XX века к волюнтаристскому подходу к нему в начале XXI столетия. Слово в песне XXI века — не знак смысла, явления, оно «широпотребная вещь»: «использовал», то есть повторил много раз, и «выбросил». Эксплуатация слов как знаков создает для манипуляторов от шоу-бизнеса, а также политтехнологов современности в условиях нравственно-идеологической борьбы серьезные возможности программирования жизненных установок акторов музыкального процесса, поскольку «обладают идеологическим компонентом» (Г. Г. Почепцов). Если в доинтернетовский век возможность влияния на население другой страны была ограничена технически, то в век глобализации, развития СМИ-технологий такая задача упрощена до шаблона. Например, текст эстрадной песни с определенной деструктивной идеей, положенный на остинатное интонационно-ритмическое клише, подобен по своему психовоздействию технологии внушения, и это «мощнейшая социальная технология» (В. С. Степин).

Таким образом, в начале XXI века массовая музыка становится фактически оружием в борьбе за умы и души, деформирующим духовно-нравственные основы человека. Кроме того, использование в условиях современной визуализации «всего и вся» в художественной культуре создает дополнительные «опции» для этого оружия. В советскую эпоху этот аспект проблемы хорошо понимали, препятствовали широкому распространению «дурных» песен и образов. Так, например, целый ряд исследователей (А. Бурлака, А. Запесоцкий, А. Козлов, В. Ястребов и др.), размышляя об особенностях развития рок-культуры в СССР, при-

⁷ Дана Интернэшнл (трансгендер, 1998), трио «Сестры» (трансвеститы, 2022), Кончита Вурст (трансвестит, 2018) и т. д.

⁸ Евровидение–2023 тому подтверждение: исполнители из Хорватии, Германии, Финляндии.

водили примеры борьбы партийных организаций с западными разрушительными для культурного здоровья человека влияниями. Однако со стороны властей явно не была учтена резистентность советских слушателей к «культурному инфицированию» (В. В. Миронов).

В условиях 1990-х годов тотальный отказ в России не только от идеологии строителя коммунизма, но и от всех защищающих ментальное, социально-культурное здоровье общества форм привел к стремительному распространению деструктивных вербальных знаков, визуальных образов-символов в музыкальной сфере. Поначалу они программируют человека на превращение в «компетентного потребителя», а затем разрушают его нравственно-эстетические ориентиры или задают принципиально антигуманные. Например, темы, которые в период СССР были табуированы в песнях, пред-

назначенных для всеобщего слушания, такие как суицид, секс, а также использование в текстах ненормативной лексики стали буквально навязываться современному массовому слушателю. Все это соответствует «новой этике» Запада, нацеленной на человека потребляющего, которому не нужны нравственность и мораль, поскольку критерием становится не качество, а количество.

Академик Д. С. Лихачев говорил: «В истории каждый культурный подъем был в той или иной мере связан с обращением к прошлому»¹. Представляется, что для преодоления нравственно-дегенеративной «новой этики» Запада культуре России, в том числе и современной музыкальной, необходимо обратиться к известным, но позабытым технологиям защиты своего культурно-духовного здоровья, достойных и традиций.

И. В. Лашук²

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ, КУЛЬТУРНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В БЕЛАРУСИ

Актуальность темы обусловлена тем, что усложнение структуры общественного воспроизводства, новые вызовы для Республики Беларусь требуют полного включения в воспроизводственный процесс не только экономических, но и социокультурных факторов, которые представляют собой все виды капиталов гуманитарной природы — человеческий, социальный, символический и др. Возрастающая потребность в более интенсивном использовании всех ресурсов развития становится для страны на ближайшую перспективу императивом. Для его успешного осуществления необходима разработка новых подходов к изучению социокультурных трансформаций, происходящих в современном обществе.

Концепция настоящего исследования основывается на следующих методологических основаниях:

1. Культурсоциологический подход. В основе настоящего исследования лежат теоретические положения, разрабатываемые сегодня в рамках культурсоциологического направления, основателем которого при-

знан Джеффри Александер³. На фоне целого ряда подходов, разворачивающих социологическое рассуждение «о культуре», этот исследовательский проект выделяется тем, что рассматривает культуру не как один из объектов социологического анализа, а как наиболее важную характеристику социального, определяющую базовый модус социологического рассуждения.

2. Социоанализ Пьеро Бурдьё⁴. Для нашего анализа важными являются два основных тезиса социоанализа П. Бурдьё:

— социальная реальность рассматривается как многомерное пространство, включающее различные поля (политическое, экономическое, социальное, культурное и т. д.), — социальная топология пространства;

— различие между эмпирическим (наблюдаемым в обыденном опыте) и эпистемическим (сконструированным исследователем в целях анализа) индивидом.

3. Типологический подход к культуре (В. Л. Абушенко)⁵.

Среди выделенных автором десяти перспектив концептуализации понятия «культура» фокус нашего внимания сосредоточен на аксиологическом и деятельностном понимании. Суть нашей концептуализации заключается в следующем: в основании различного рода культурных выборов индивидов и групп лежат ценностные приоритеты. Однако они существуют не сами по себе, а в связке с деятельностным компонентом

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: АСТ, 2018. С. 153.

² Заведующая кафедрой экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности Белорусского государственного экономического университета, кандидат социологических наук, доцент. Автор более 100 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Образ семьи в массовом сознании жителей Беларуси: социологический анализ», «Конструктивистские интерпретации общества в западной социологии», «Перспективы сотрудничества в рамках союзного государства России и Беларуси», «Ценностная трансформация современного белорусского общества», «Российско-белорусское сотрудничество: время стратегических решений» (в соавт.), «Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы» (в соавт.), «Социально-экономическая стратификация и мобильность населения», «Социология финансового поведения» и др. Член редколлегии и редколлегии журнала «Социально-гуманитарный вестник Прикаспия». Отмечена благодарностью Министерства культуры Республики Беларусь.

³ Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013.

⁴ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 17–36.

⁵ Абушенко В. Л. Типологический подход к исследованию культуры в культурсоциологии // Социологический альманах / НАН Беларуси, Ин-т социологии. Минск, 2012. Вып. 3. С. 124–140.

Рис. 1. Концептуальная модель социокультурной трансформации современного общества

в том смысле, что реализуются в реальной практической деятельности людей и закрепляются в повторяющихся моделях поведения. Не претендуя на универсальность, данный подход является одной из возможных концептуализаций культуры.

4. Концепция социального конструирования реальности (Питер Бергер и Томас Лукман¹), согласно которой:

— процесс социальной трансформации состоит из трех стадий (типизации деятельности членов социальной группы, объективации и легитимации);

— социальная трансформация создается, реализуется и проявляется в повседневном рутинном поведении индивидов и социальных групп.

В рамках представленных методологических оснований изучение социокультурных трансформаций в современной действительности возможно по крайней мере на двух уровнях: символическом, где «легитимизированные» идеи, ценности, представления «хранятся» и существуют в «закодированном» виде, и поведенческом, где ценности и нормы в процессе социализации усваиваются, принимаются и реализуются в реальных поведенческих моделях. Рассмотрим более подробно каждый из обозначенных уровней.

На символическом уровне социокультурная реальность представлена как сжатая информация, которая определяет специфический вид и цивилизации, и культуры конкретного общества. Существуют, с одной стороны, общецивилизационные нормы, ценности, правила, с другой — национально-культурные. Однако и те

¹ Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М. : Меддум, 1995.

и другие существуют в «символическом» виде и проявляются (воспроизводятся) в «социальности» только через переживания, оценки, поступки конкретных социальных групп белорусского общества. «Символические» ценности, идеи, представления могут существовать в виде «архива» символического универсума (по терминологии П. Бергера и Т. Лукмана). Только в социальности посредством реальных действий конкретных социальных групп происходит процесс «раскодирования», и цивилизационно-культурные ценности проявляются на поведенческом уровне в конкретных жизненных стратегиях поведения. В данной работе осуществляется анализ поведенческих моделей в различных полях (по терминологии П. Бурдьё): экономическом, социально-политическом и культурном. При этом каждое поле является в той или иной степени социокультурным, поскольку социокультурное поле обладает наибольшей силой взаимодействия (рис. 1)².

Маркером социокультурного поля являются жизненные стратегии социокультурного поведения, которые тесно связаны и определяют поведенческие модели в других полях, в том числе экономическом.

Итак, единица анализа — «жизненные стратегии социокультурного поведения», представляющие собой устойчивые модели поведения социальных групп, имеющих совокупность ресурсов (капиталов) — образовательных, культурных и других, которые в той или иной степени реализуются в конкретных жизненных

² Подробнее концепция социологического изучения социокультурной трансформации представлена в: Лацук И. В. Социокультурная трансформация современного белорусского общества. Минск : РИВШ, 2022.

ситуациях. Жизненные стратегии социокультурного поведения в современном обществе представляют собой «чистые» (идеальные) типы стратегий поведения «агентов», имеющих различные капиталы и делающих свой выбор в жизненных ситуациях конкретного поля, являющегося в той или иной степени социокультурным.

Поведенческие модели изучаются нами в трех полях: экономическом, социально-политическом и культурном, в каждом из которых выстраивается система репрезентирующих их (поведенческие модели) индикаторов.

В соответствии с концептуальной схемой данной работы каждое поле является в той или иной степени социокультурным. Следовательно, поведенческие модели в каждом поле являются в той или иной степени социокультурными. В конкретном исследовании это означает, что выстроенные жизненные стратегии социокультурного поведения в разной степени статистически значимо связаны с индикаторами каждого поля, в том числе и экономического.

Для изучения жизненных стратегий социокультурного поведения целесообразно деление ценностей на базовые (предельные) и инструментальные.

Базовые ценности представляют собой ядро личности, являются основным мотивом социальной активности, обеспечивают ее целостность и определяют программы и стратегии жизнедеятельности.

Инструментальные ценности понимаются как социально значимые ресурсы, которые используются индивидами в социальных практиках. В отличие от базовых ценностей, характеризующих то, что движет людьми, инструментальные ценности относятся к средствам, которые люди используют для достижения собственных целей. «Закрепление», формирование, воспроизводство ценностных иерархий происходит в повседневном взаимодействии людей.

Итак, жизненные стратегии социокультурного поведения определяются базовыми ценностными ориентирами. В то же время в повседневной жизни, сталкиваясь с различного рода проблемными жизненными ситуациями, индивид актуализирует имеющийся в его распоряжении запас капиталов (образовательный, сетевой, административный и др.), которые в той или иной степени помогают ему справиться с возникающими повседневными сложностями. В этом случае степень востребованности капитала в повседневности определяет инструментальную значимость конкретной ценности (капитала).

Эмпирической базой работы выступили данные социологического исследования по теме «Социокультурный портрет современного белорусского общества», проведенного в 2020 году Центром социально-гуманитарных исследований учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» по заказу БИСИ. Выборочная совокупность репрезентативна по полу, возрасту, типу населенного пункта, уровню образования и региону проживания (1500 респондентов).

Поскольку базовые ценности определяют смысл жизни человека, они были сгруппированы на основе определения того, «ради чего я живу»:

1) ради своего дела (группа ценностей самореализации);

2) ради себя (группа ценностей благополучия человека);

3) ради близких (группа ценностей «людей малого круга»);

4) ради других (группа ценностей «чужого мнения»).

Перечень инструментальных ценностей разрабатывался с учетом форм капиталов, выделенных П. Бурдьё: каждому капиталу соответствует определенный набор инструментальных ценностей.

В результате проведенного исследования выяснилось, что 1–3 места в структуре базовых ценностей белорусского общества занимают соответственно здоровье, родители, душевный комфорт. Такие ценности, как карьера, высокое положение в обществе и власть, возможность влиять на других людей, менее значимы. Для более углубленного анализа базовых ценностей был использован факторный анализ, в результате чего выделено пять векторных ценностных групп.

1. *Карьерно-гедонистический вектор*: физическая красота, привлекательность; досуг и хобби; репутация в глазах значимых людей; власть, возможность влиять на других людей; карьера; высокое положение в обществе.

2. *Семейно-референтный*: дети; родители; друг(а), любимый человек; друзья.

3. *Профессиональный*: интересная работа; профессионализм в своем деле.

4. *Материальный комфорт и здоровье*: здоровье; физическая красота, привлекательность; материально обеспеченная жизнь.

5. *Социальная значимость и душевный комфорт*: общественная польза собственного труда; душевный покой и комфорт.

В структуре инструментальных ценностей лидируют (в порядке убывания): семья, родственники, близкие друзья; здоровье; знания и жизненный опыт. Последние три ранговых места занимают наличие связей со статусными людьми, привлекательная внешность и положение в обществе.

Проведенный факторный анализ инструментальных ценностей позволил выделить пять векторов¹.

1. *Профессионально-имиджевый вектор*: авторитет собственных знаний и опыта; образованность и профессиональная компетентность; знания, жизненный опыт.

2. *Социально-сетевой*: положение в обществе; наличие связей среди профессионалов различных областей; наличие связей с людьми с высоким положением в обществе.

3. *Материальный*: деньги; собственность (недвижимость, личный автомобиль и т. п.).

4. *Внешние и внутренние качества*: привлекательная внешность; личностные качества (терпимость, духовность и т. п.); деловые качества.

5. *Семья и здоровье*: семья, родственники, близкие друзья; здоровье.

Как показали результаты проведенного эмпирического замера, смыслжизненные ориентиры достаточ-

¹ Объясняющая дисперсия — 71,1 %.

но стабильны и устойчивы и значимо не дифференцируются в зависимости от социально-демографических характеристик. Это вполне логично, поскольку они являются «предельными», базовыми ценностями, определяющими направленность жизни в целом. Инструментальные ценности или капиталы более мобильны и значимо различаются в разных социально-демографических и территориальных группах. Комбинации капиталов и степень их востребованности в проблемных жизненных ситуациях и определяют социокультурную стратификацию белорусского общества.

С целью эмпирической типологизации для каждого респондента был рассчитан ресурсный коэффициент — сумма баллов по оценке значимости инструментальных ресурсов. На основе полученного коэффициента проведен кластерный анализ (метод k-means), в результате которого выделены группы с различным ресурсным уровнем или, в нашей терминологии, с разными жизненными стратегиями социокультурного поведения. Чем большее количество ресурсов «включает» респондент в стратегию решения жизненных проблем, тем выше его социокультурная активность. Соответственно чем меньше число «работающих» ресурсов, тем ниже его активность. При этом необходимо отметить, что в своей трактовке социокультурной активности мы опираемся также на мнение Е. А. Якубы¹, которая интерпретирует активность как качество личности в контексте глубины и полноты связей с социумом. Иными словами, социокультурная активность концептуализируется как направленная на укрепление, а не на разрушение социума, имеет позитивную социальную направленность.

Итак, эмпирическая типологизация в зависимости от ресурсного уровня позволила выстроить социокультурную структуру современного белорусского общества. В результате население Беларуси отличается достаточно высоким уровнем социокультурной активности, что является серьезным неэкономическим потенциалом развития Республики Беларусь (рис. 2).

Согласно концептуальным основаниям данной работы социокультурное поле в той или иной степени присутствует в экономическом, культурном и социально-политическом полях. На эмпирическом уровне данный факт означает наличие статистически значимых связей социокультурных показателей с индикаторами каждого из полей.

Рассмотрим далее взаимосвязь социокультурного и экономического полей в Беларуси. Индикатором социокультурного поля являются жизненные стратегии социокультурного поведения, которые рассматриваются нами в контексте социокультурной активности респондентов. Индикатором экономического поля является оценка материального положения семьи. Результаты проведенного регрессионного анализа свидетельствуют, что оценка материального положения семьи достоверно определяется уровнем социокультурной активности респондента.

¹ Якуба Е. А. Понятие социальной активности личности // Социальная активность специалиста: истоки и механизм формирования (социологический анализ) / под ред. Е. А. Якубы. Харьков, 1983. С. 5–12.

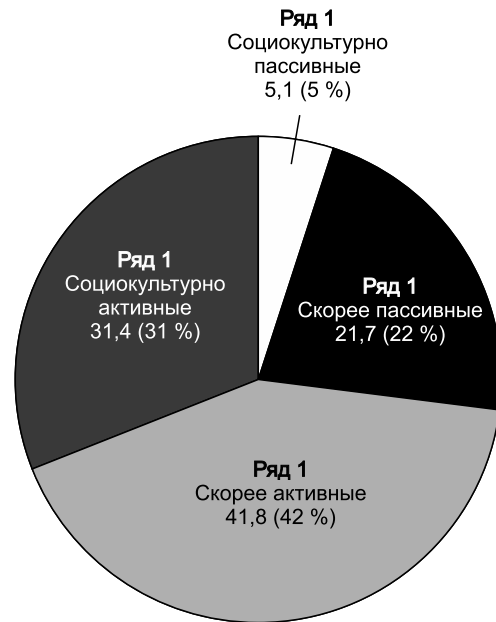

Рис. 2. Социокультурная структура современного белорусского общества, %

Рассчитаем прогнозные показатели изменения индикаторов экономического поля при повышении социокультурной активности на 1, 5 и 7 %. Расчеты показывают, что при увеличении социокультурной активности на 1 % оценка материального положения улучшится на 8,4 % (табл. 1).

Таблица 1

Прогнозные показатели изменения экономических показателей при повышении социокультурной активности, %

Зависимая переменная	На 1 %	На 5 %	На 7 %
Самоидентификация к материальному слою	11,7	58,5	81,9
Оценка материального положения	8,4	42,0	58,8

Итак, социокультурная активность действительно является значимым неэкономическим ресурсом, оказывающим влияние на уровень и качество жизни населения. Как показывают расчеты, именно благодаря социокультурной активности возможно повысить экономическое самочувствие граждан Беларуси.

Рассмотрим далее взаимосвязь социокультурного и социально-политического полей. Социологическим показателем социально-политического поля является социальное самочувствие, измеряемое через оценку респондентом теперешней жизненной ситуации и перспектив изменения жизни в ближайшем будущем, что определяет уровень социального оптимизма индивидов и социальных групп.

Результаты социологического замера позволили зафиксировать устойчивую статистически значимую связь социокультурных и социально-политических индикаторов (с использованием критерия хи-квадрат). Как свидетельствуют данные, респонденты с активной

социокультурной позицией оценивают собственную жизненную ситуацию значительно лучше (табл. 2).

Таблица 2

**Оценка жизненной ситуации
у разных социокультурных групп, %**

Как бы вы оценили свою теперешнюю жизненную ситуацию в целом?	Социокультурно пассивные	Скорее пассивные	Скорее активные	Социокультурно активные
Все более чем нормально	13,2	8,1	12,5	17,9
Все не так плохо, и можно жить	31,6	43,1	44,8	42,7
Жить трудно, но можно терпеть	36,8	31,9	28,9	26,5
Положение бедственное, терпеть уже невозможно	11,8	8,8	5,7	6,6
Затрудняюсь ответить	6,6	8,1	8,1	6,3

Ту же тенденцию мы обнаруживаем и относительно уровня социального оптимизма: он тем выше, чем активнее социокультурная позиция (табл. 3).

Таблица 3

**Уровень социального оптимизма
разных социокультурных групп, %**

Как изменится ваша жизнь в ближайшем будущем?	Социокультурно пассивные	Скорее пассивные	Скорее активные	Социокультурно активные
Изменится к лучшему	21,3	33,0	33,5	37,8
Останется без изменений	33,3	28,7	31,3	29,0
Изменится к худшему	21,3	10,6	10,9	9,9
Затрудняюсь ответить	24,0	27,7	24,3	23,4

Применение регрессионного анализа позволило рассчитать прогнозные показатели изменения социально-политических индикаторов при повышении социокультурной активности (на уровне значимости менее 0,05). При повышении социокультурной активности на 1 % оценка жизненной ситуации улучшится на 11–12 %, на 5 % — на 55–60 %, на 7 % — на 77–84 %. Аналогичным образом рассчитаны прогнозные показатели изменения уровня социального оптимизма при повышении социокультурной активности (табл. 4).

Таблица 4

**Прогнозные показатели изменения
социально-политических характеристик
при повышении социокультурной активности, %**

Зависимая переменная	На 1 %	На 5 %	На 7 %
Оценка жизненной ситуации	11,0–12,0	55,0–60,0	77,0–84,0
Уровень социального оптимизма	8,2–11,7	41,0–58,5	57,4–81,9

Таким образом, нам удалось доказать влияние социокультурного поля на социальное самочувствие респондентов в контексте оценки собственной жизненной ситуации и ее изменений в будущем. Следовательно,

повышая социокультурную активность, мы можем улучшить не только удовлетворенность индивидов и социальных групп уровнем жизни, но и их оценку жизненной ситуации и присущий им уровень социального оптимизма.

Показателями «культурного» поля являются: идентификационная структура (формулировка вопроса «Как часто вы чувствуете общность (единение) со следующими группами людей, о ком вы могли бы сказать: „Это — МЫ“?») и посещаемость учреждений культуры.

Как показали результаты исследования, чем выше социокультурная активность, тем в большей степени выражена идентификация с определенной группой. Иными словами, чем социокультурно активнее респондент, тем чаще он чувствует общность с разными группами людей.

Рассчитанные коэффициенты корреляции Пирсона свидетельствуют о наличии положительно направленной корреляции по всем представленным идентификациям. Это подтверждает тот факт, что изменение одного показателя влечет за собой направленное изменение другого (табл. 5).

Таблица 5

**Идентификационная структура разных
социокультурных групп (вариант ответа «часто»)**

Как часто вы чувствуете общность (единение) со следующими группами людей, о ком вы могли бы сказать: «Это — МЫ»?	Социокультурно пассивные, %	Скорее пассивные, %	Скорее активные, %	Социокультурно активные, %	Коэффициент корреляции Пирсона
С моей семьей, близкими	91,7	85,1	90,5	89,2	0,06
С друзьями, знакомыми	69,3	76,2	81,0	83,9	0,13
С людьми таких же нравственных принципов	57,6	62,5	67,6	72,3	0,13
С людьми, разделяющими мои взгляды на жизнь	66,8	67,5	68,5	71,9	0,07
С людьми, проводящими досуг так же, как я	54,9	56,3	58,5	65,7	0,11
С людьми моего поколения	59,9	57,0	60,8	62,9	0,10
С людьми той же профессии	37,7	50,2	55,7	61,3	0,16
С гражданами Республики Беларусь	42,7	50,9	59,1	59,7	0,14
С людьми такого же социального положения	46,1	45,0	51,3	59,3	0,15
С товарищами по учебе, работе	31,1	45,4	45,4	58,1	0,20
С людьми того же уровня образования	36,4	39,3	44,7	56,8	0,17
С жителями моего города, села	57,8	47,2	50,0	53,5	0,06
С людьми того же материального достатка	34,3	34,1	40,4	52,0	0,15
С людьми моей национальности	38,7	43,6	48,8	50,9	0,12

Ту же тенденцию мы наблюдаем и в отношении посещения учреждений культуры и спорта. Так, чем выше социокультурная активность людей, тем чаще

они посещают «культурные» учреждения. Рассчитанные коэффициенты корреляции Пирсона (уровень значимости ниже 0,05) свидетельствуют о наличии положительно направленной корреляции по всем представленным учреждениям культуры и спорта. То есть повышение социокультурной активности повышает посещаемость досуговых учреждений. Данный факт, помимо повышения культурного уровня личностей и социальных групп, влечет за собой повышение рентабельности учреждений культуры и спорта и, как следствие, рост вклада отрасли культуры в ВВП страны.

Итак, полученные теоретико-эмпирические результаты позволили доказать значимое влияние социокультурных факторов на экономическое, культурное и социально-политическое развитие современного общества. Именно социокультурная активность и является потенциалом роста страны в различных аспектах: стимулируя социокультурную активность граждан, возможно повысить уровень и качество их жизни, а также улучшить их социально-политическое и культурное самочувствие, что и является так называемым неэкономическим фактором экономического развития современного общества.

Л. М. Мосолова¹

ЕВРАЗИЙСКАЯ ТЕМА РОССИИ И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Евразийская тема России обсуждается более ста лет. Ее началом считается выход в свет в 1921 году первого сборника евразийцев «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения». В данной работе были намечены важные положения евразийской концепции, в которой Евразия понималась как геополитическая категория. Концепция была разработана экономистом и географом Н. Савицким, историками Г. Вернадским и Л. Карсавиным, филологом С. Трубецким, теологом Г. Флоровским, искусствоведом П. Сувчинским и др.

В основе их взглядов лежало представление о том, что российская цивилизация имеет мощные восточные корни и, следовательно, во многих отношениях она ближе к Востоку, чем к Западу. Евразийцы утверждали, что Россия является частью обширного географического пространства, оригинальным геокультурным миром, даже цивилизацией под названием Евразия, в которой уживалось множество этносов — от славян-земледельцев до степных кочевников. Исторический процесс здесь осуществлялся в формате ряда циклов, в которых доминировали общности государственного типа, способные интегрировать разные народы и достигать определенного единства евразийского мира. Г. Вернадский отмечал: «Важную роль в этнической жизни Евразии вообще, а в Евразии Западной в частности, играли народы иранского корня, известные под классическими именами скифов и сарматов».

Вслед за ними евразийский мир объединяли гуннская и монгольская империи².

Евразийство не было целостным учением, его основатели имели различные взгляды в области философии и политики, они по-разному видели судьбу Отечества. Многие положения евразийства подвергались критике и даже наталкивались на неприятие. Вместе с тем в научном наследии евразийцев есть важные положительные стороны. В советское время евразийская тема России была возрождена, переосмыслена и развита Л. Н. Гумилевым. Хорошо известно его высказывание: «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство». В трудах Гумилева евразийские народы предстают носителями такой же великой культуры, как и западная³.

В постсоветский период евразийская тема чрезвычайно актуализировалась в связи с необходимостью евразийской экономической интеграции в условиях глобализации. Появилось понимание, что стратегии развития экономики, культуры и социальной сферы будут успешными лишь в том случае, если будет учтена евразийская геополитическая и цивилизационная реальность России. За два последних десятилетия евразийская тема России находилась в центре внимания многих ученых (А. А. Акаев, С. Ю. Глазьев, Ал. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, К. Ф. Затулин, И. А. Максимцев, В. В. Наумкин, Б. К. Султанов, М. С. Титаренко, Ж. Т. Тощенко, Н. А. Хренов, А. В. Яковенко и др.), научных и научно-образовательных учреждений.

Отметим, что в этом отношении выделяется Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, посвятивший целый цикл Международных Лихачевских научных чтений проблематике интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Затем евразийская тема стала приоритетным направлением работы Лихачевских чтений. Как отмечал С. Ю. Гла-

¹ Профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор искусствоведения, Заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член Национальной академии художеств Кыргызской Республики. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Культурология в контексте междисциплинарных исследований», «Поликультурное пространство Российской Федерации» (в 7 кн., в соавт.), «История искусства Кыргызстана (с древнейших времен до XX века)», «Культурология в системе современного образования: философско-онтологические основания», «История и культурология в познании мира человека», «Архивка евразийской культуры в свете современной науки», «Научно-образовательные топосы культурологии в культурном ландшафте Санкт-Петербурга», «Междисциплинарная методология в культурологических исследованиях М. С. Кагана» и др. Награждена орденом «Знак Почета», Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, Почетной грамотой Правительства Санкт-Петербурга.

² Вернадский Г. Начертание русской истории. М.: Айрис-Пресс, 2004. С. 29.

³ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: «Товарищество „Клышников, Комаров и Ко“», 1992. С. 602.

зьев, «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов принимает на себя миссию, связанную с накоплением, осмыслением и дальнейшим развитием гуманитарного знания о евразийском пространстве, созданием теоретического фундамента его развития»¹. В рамках Чтений произошла кристаллизация целого ряда вопросов, связанных с евразийской темой России, ее отношениями со странами Евразии и Востока в целом.

В наши дни, в условиях формирования нового миропорядка и сражения России против экономической и военной агрессии Запада и НАТО, ясно определилась евразийская реальность нашей страны как *мощной и самобытной цивилизации*. Таким образом, тематика евразийства обрела не только большое научно-теоретическое значение, но и важный практический смысл в решении геополитических проблем, определяющих настоящее и будущее России.

Далее закономерен вопрос о том, *как актуальнейшая евразийская тема присутствует в содержании современного образования?* Знакомство с образовательными программами ряда вузов Санкт-Петербурга по дисциплинам «Философия», «История», «Культурология», «История искусства» и «История литературы» показало, что эта тема остается за пределами их внимания. Иногда в учебники истории включают небольшие параграфы под названием «Славянофилы и западники». Евразийцы, как правило, даже не упоминаются.

Известно, что Россия является многонациональной и многоконфессиональной страной и что в ней проживает более 150 народов и наций, которые тысячелетиями соседствовали в пространстве Евразии. Однако сведения об их истории и культуре в нашей учебной литературе почерпнуть невозможно, поскольку их там нет. Крайне редко в изданиях для студентов, повествующих об истории России с древнейших времен до наших дней, в разделах по древней истории кратко упоминаются некоторые народы Евразии в контексте нашествий на славян и в качестве *«сильных и жесточайших пришельцев из глубины Азии»*. Это скифы, сарматы, гунны, тюрки, авары, болгары. Как правило, все эти народы удостаиваются названия *«орда»*, хотя они имели свою государственность и богатую культуру. В разделах по Средневековью все евразийские народы исчезают, за исключением монголо-татар, вторгшихся на Русь, а также сибирского хана Кучума, побежденного воинами Ермака².

В разделах по Новому времени евразийские народы почти не упоминаются. Вообще вся история России дается как история династий Рюриковичей и Романовых. По истории советского периода дается представление о рождении советских республик и ликвидации неграмотности в разных регионах СССР. Таким образом, хотя учебная литература номинально посвящена не истории русского народа, а истории России, евразийские народы в вузовских версиях, мягко выражаясь, не являются заметными субъектами ее истории. В российских регионах существуют вузовские программы

¹ Глазьев С. Ю. По пути Евразийской интеграции // Евразийская интеграция : сб. науч. тр. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 6.

² История России с древнейших времен до наших дней : учебник / под ред. А. Н. Сахарова. М. : Проспект, 2017.

по истории и культуре проживающих там народов, но они, как правило, имеют описательный этнографический характер и рассматриваются вне большого евразийского контекста.

В общеобразовательной школе в 1980–1990-х годах были созданы региональные компоненты образования, благодаря которым школьники знакомились с историей и культурой народов своего родного края. Кроме того, были разработаны образовательные программы и значительный массив учебной литературы по уникальной интегративной дисциплине «Мировая и отечественная художественная культура» с региональными компонентами. Она значительно расширяла представления молодежи о мировом и местном культурном наследии. Однако к концу первого десятилетия XXI века, когда происходила реализация «болонского» варианта образования, и региональные компоненты, и мировая художественная культура в школах были отменены, а в вузах сокращены кафедры культурологии. Объяснений не последовало. Кто и в чьих интересах провел эту «реформу», до сих пор замалчивается. В настоящее время изучение культуры народов России ведется в рамках предмета «Искусство» на уровне их *средневековой фольклорной идентичности* (костюмы, праздники, кухня и т. п.). При этом формируется ассоциативно-аналоговый тип мышления, в котором не находится места для смыслообразования.

Между тем научные исследования Евразийского пространства во второй половине XX века и первом десятилетии XXI века накопили новый и невероятно богатый материал, о котором «старые» евразийцы не могли и мечтать. Особенно много сделано в области археологии, древней и средневековой истории и культуры. Многие прежние представления изменились или уточнились. Даже краткий перечень больших культурных эпох и их суперэтносов, объединяющих множество народов Евразии на организационно-управленческой основе или на базе аристократического политогенеза, свидетельствует о мощи их исторического движения.

Первые цивилизации (6–5-е тыс. до н. э.) формировались не только в Месопотамии, Египте и Индии. Древнеземледельческие культуры того же времени (Джейтун) открыты петербургским археологом В. М. Массоном в Южной Туркмении, бассейне реки Мургаб и на сопредельных территориях. Общество джейтунцев было комплексным. Одомашненная лошадь и ранний опыт скотоводства были обнаружены в соседнем Казахстане.

Далее (3300–2600 гг. до н. э.) на просторы Евразии была совершена беспрецедентная миграция *индоевропейцев* от Северного Причерноморья, Приазовья и Прикубанья на Восток до Саяно-Алтая, оазисов Синьцзяна, а также Турфанской впадины и реки Тарим в Монголии. Эти люди были светлокосыми и большей частью высокорослыми. Их считают носителями языков индоевропейской группы. Благодаря доместикации тягловых животных, изобретению четырехколесных крытых повозок и бронзового оружия они относительно быстро осваивались в Великой степи и продвинулись в глубь Азии, принеся туда европеоидный

расовый тип, первые навыки кочевничества, рудознательство, религиозные идеи и монументальное искусство¹.

Следующая большая эпоха в Евразии (3–2-е тыс. до н. э.) связана с *Андроновской историко-культурной общностью*. Современные исследователи идентифицируют племена Андроновской и близкой ей Срубной общностей с древними ведическими индоариями и ираноариями, чьи священные тексты (Веды на санскрите и «Авеста») сохранились до наших дней. В настоящее время реальность индоиранского культурного единства не вызывает сомнений. *Волго-Уральское междуречье, Северный Казахстан и Киргизия, Южный Урал и Зауралье являются прародиной индоираноариев*. Культурогенез Волго-Уральского региона повлек за собой масштабные цивилизационные изменения во многих других частях Евразии. Вокруг него сформировалась «свита» новых культур, которые оказали сильное влияние на дальнейший ход событий. К числу недавних (1987) крупных открытий в этом регионе относится протогородское поселение Аркаим и некрополь Синташта, созданные индоариями. Их исследователь Г. Б. Зданович отмечает: «Они древнее гомеровской Трои на 5–6 столетий, современники первой династии Вавилона, фараонов Среднего царства Египта и критомикенской культуры Средиземноморья»².

Индоарии запрягли лошадь в боевую колесницу со спицами, создали новые формы бронзового оружия, построили укрепленные мощными фортификациями поселения, внесли много творческих открытий в духовную сферу и культуру повседневности. Они освоили большие пространства Евразии («широкий простор»). Затем они разделились на две ветви, одна из которых (индоарии) мигрировала через Гиндукуш на стыке с Памиром в Индию, а другая (ираноарии) переместилась через Южный Урал и Прикаспий на территорию современного Ирана.

Авангардом движения народов Евразии в 1-м тыс. до н. э. («осевое время» по Ясперсу) стали всадники, конные номады, создавшие очередной эпохальный тип культуры, именуемый с гомеровских времен *скифским*. В Индии их называли *турами*, в Китае — *сэ*, в Персии — *саками*. Сегодня их культура известна как *скифо-сакская*. Легкость передвижения позволила скифам раздвинуть границы своего мира и увеличить скорость общения. Они обладали психологией вооруженных всадников с воинственной энергией и динамизмом, с особыми поведенческими ориентирами. «Все это, — отмечал В. М. Массон, — порождало как бы взрывное появление пучков инноваций, формирование их в зонах лидирующих очагов культурогенеза»³. Территория распространения скифо-сакской культуры в Евразии занимает пространство «от Дуная до восхода солнца». Всюду присутствует знаменитая скифская триада — конское снаряжение, предметы вооружения и «звериный» стиль в искусстве.

¹ Семенов В. А. Первобытное искусство. Каменный век. Бронзовый век. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 319.

² Зданович Г. Б., Куприянова Е. В., Батанина И. М. Аркаим и страна городов // Аркаим: между прошлым и будущим: сб. науч. ст. Челябинск: Ист.-культ. заповед. обл. значения «Аркаим», 2011. С. 31.

³ Массон В. М. Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.: СПбГУ, 2006.

Долгие поиски прародины скифов закончились открытием самой ранней скифской триады как ядерной части их культуры на Саяно-Алтайском нагорье в кургане Аржан в Туве, относящейся к VIII веку до н. э. Здесь находится прародина скифов, откуда они мигрировали на Запад, достигнув Причерноморья к VII веку до н. э.⁴ В настоящее время имеется огромное культурное наследие скифо-сакской общности, изучены отдельные памятники, комплексы, явления и процессы. Однако достаточно полной и объемной картины бытия скифо-сакского мира до сих пор не создано.

Конец Древнего мира и Раннее Средневековье (III в. до н. э. — VII в. н. э.) маркируются *великим переселением народов* с Востока от Великой Китайской стены на Запад, созданием державы гуннов, а затем появлением Великого тюркского каганата. Как отмечал Л. Н. Гумилев, тюркоязычные гунны создали державу, основанную на господстве над народами. Сначала это была держава *Хунну*. «Начиная с 209 года до н. э. она быстро растет и разбивает Китай, который, однако, вскоре без боя вновь становится хозяином положения. В I веке хунну все же освободились из-под власти Китая, но распались на четыре ветви. Одна из них, наиболее пассионарная и свободная, отбиваясь от недавних со всех сторон врагов, в 115–158 годах скрылась на западе Великой степи, перемешалась с уграми Волго-Уральского междуречья и превратилась за 200 лет в восточно-европейский этнос, который, во избежание путаницы, стал называться *гуннами*»⁵. Далее, в III–IV веках, гунны победили аланов, затем перешли через Карпаты в долину Дуная, но частично остались на Дону и Волге. В конце V века гунны заняли Паннонию (Венгрию). Максимальная экспансия гуннов относится к периоду правления их предводителя Атилы, воины которого дошли до Рима. В Евразии хунну завоевали обширные территории, объединив народы от среднеазиатского Семиречья до Южной Маньчжурии. Они имели сильную политическую, правовую и военную культуру с прекрасным вооружением и железной дисциплиной. Известен также ряд памятников письменности, религии и художественной культуры хунну (в Монголии, Сибири, Забайкалье, Туве и др.).

Своей необычайно стремительной исторической жизнью хунну оказали огромное влияние на судьбы народов Евразии. Многие новые народы появились в Европе вместе с ними — венгры, чуваша, болгары, авары, болгары и др. Стандарты этой кочевой империи распространились в степной зоне, многие народы переняли их в той или иной степени уже в Средневековье. В имперских же масштабах им следовал Великий тюркский каганат, расцвет культуры которого пришелся на VI — начало VII века. В социально-политическую, хозяйственную, торговую и культурную деятельность каганата были вовлечены индоиранские, монгольские, финно-угорские, славянские и масса других средних и малочисленных народов Евразии. Затем Тюркский каганат распался на Восточный и Западный. Позже он пытался возродиться, но в 745 году был раз-

⁴ Семенов В. А. Указ. соч. С. 21.

⁵ Гумилев Л. Н. Хунну. Степная трилогия. СПб.: Тайм-аут — Компас, 1993. С. 319.

рушен другим тюркским государством — Уйгурским каганатом, просуществовавшим до XI века, а затем завоеван арабами.

К этому следует добавить, что в южных широтах Евразии рождались и расцветали *городские цивилизации* оседлых народов — Бактрия, Парфия, Согдиана, Маргиана, Хорезм, Кушанское царство. Степные Nomads и земледельцы постоянно взаимодействовали, порождая поразительный творческий синтез культур, имеющий огромное значение в общем динамизме культур Евразии.

Как известно, в XII веке на просторах Евразии началась новая волна миграций и завоеваний, связанная с монгольским нашествием во главе с Чингисханом и его сородичами. Этот период довольно подробно освещается в учебной литературе для школьников и студентов.

Таким образом, культура народов России, в том числе и славянских, имеет очень глубокие древние, ветвистые и переплетающиеся корни. Однако нашу Средневековую Русь с эпохи Рюрика почему-то считают «древней», и оказывается, что на берегах Дуная и Днепра одновременно жили средневековый западный феодал и «древний» русич. Это не соответствует фактам истории и современной науке. Подлинную и сложную древнюю историю России нельзя сегодня замалчивать и игнорировать.

Евразия является цивилизационной мегасистемой, в которую ныне в качестве ядра входят Россия и ее трансрегиональное геокультурное окружение или своего рода субцивилизационные пояса, отделяющие Евразию от опорных ареалов романо-германской Европы,

арабо-иранского Ближнего Востока, Индии и Китая. Народы Евразии складывались на базе общих древних субстратов на обширной территории без жестких границ и формировались преимущественно на принципах комплементарности в отношении между разными народами. Евразийское пространство для них было, как утверждали еще старые евразийцы, материнским кормящим ландшафтом. «Судьба навечно определила нашим народам собственный ареал обитания на древней земле Евразии. Многие поколения наших предшественников обживали и лелеяли эту землю и оставили ее нам в наследство. Другой у нас нет и не будет», — утверждает сегодня А. А. Акаев¹.

В последнее время президент России В. В. Путин уделял этому вопросу особое внимание. Так, в выступлении перед Федеральным собранием РФ 21 февраля 2023 года он отметил, что Россия является «самостоятельной цивилизацией без претензий на превосходство», а 30 апреля 2023 года на Совещании законодателей в Санкт-Петербурге он, в сущности, сформулировал национальную идею: «Россия — страна-цивилизация, один из самобытных, суверенных центров огромного многополярного мира». Без отношения к России как к евразийской цивилизации невозможны ее территориальная безопасность, внутреннее единство и плодотворное партнерство с другими странами.

Таким образом, в свете сказанного перед российским образованием, к которому теперь постоянно апеллируют ученые, педагоги, журналисты, многочисленные СМИ и граждане России, появились новые фундаментальные задачи, которые предстоит решать в ближайшие годы.

С. А. Осколков²

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Что требуется для того, чтобы создать настоящее художественное произведение? Конечно, художник должен обладать талантом. Но для искусства недостаточно таланта, необходим также и профессионализм, приобретаемый через длительный процесс обучения. В музыкальном творчестве профессиональная составляющая как исполнителя, так и композитора очень существенна, без нее фактически подобное творчество оказывается невозможным.

¹ Акаев А. А. Евразийское единение — историческая закономерность // Евразийская интеграция : сб. науч. тр. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 45.

² Заведующий кафедрой звукорежиссуры СПбГУП, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель искусств РФ. Автор около ста музыкальных сочинений различных жанров, среди которых три оперы, три мюзикла, три кантаты, два концерта для фортепиано и симфонического оркестра, два струнных квартета, восемь фортепианных сонат, множество вокальных циклов на стихи русских поэтов, ряд сочинений для народных инструментов, музыка для театра и кино. Член Союза композиторов России, Межрегионального союза концертных деятелей РФ. Почетный профессор СПбГУП, Почетный житель Петергофа.

Безусловно, талант может проявлять себя и вне образования, и до его получения. В сознании музыкально одаренного человека легко рождаются идеи. Тем не менее между идеями и их воплощением пролегает путь научения. Может ли быть назван композитором тот, кто сочинил мелодию и напел ее? Или, скорее, композитор — тот, кто смог воплотить ее в целостное произведение? В любом случае для того, чтобы оформить идею, необходима какая-то степень умения. Даже те, кто начинает свой творческий путь, опираясь лишь на внутренний дар, тем или иным способом стремятся обрести умение, вбирая его из народной или профессиональной традиции. Словом, традиция в высшей степени важна для музыкального творчества, потому что именно она позволяет композитору воплощать свои идеи, дает обширный инструментарий для этого. Профессиональная традиция, нарабатанная веками, служит огромным арсеналом, кладезем средств для воплощения замысла, а также источником вдохновения, провоцирующим интерес человека к музыке, дающим представление о том, сколь прекрасным является про-

странство упорядоченных по различным гармоническим законам звуков.

Итак, мы утверждаем, что традиция важна, по крайней мере, в профессиональном и образовательном плане (не учитывая еще и ее безусловную значимость с точки зрения эстетики и развития вкуса).

Тем не менее есть и иные точки зрения на традицию. Если искусство древних эпох поощряло следование традиции, внимание к старым образцам, развивало способность к их воспроизведению, послушанию требованиям канона, то в современном мире ситуация изменилась. Начиная с эпохи модерна искусство стало в высшей степени стремиться к новаторству. Всю культуру, в первую очередь имеется в виду культура западного мира, охватил порыв к отказу от следования традициям, к выстраиванию нетрадиционного общества нового типа. Искусство, конечно же, оказалось в авангарде этих изменений.

Критика следования традициям уходит корнями в глубинные мировоззренческие изменения, основанные на серьезной рефлексии, также она была весьма продуктивной как в социальном, так и в художественном плане. В конце концов, послушание традиции вынуждает свободную творческую личность подчиняться, отказ от традиции делает человека более самостоятельным. Человек Просвещения обретает собственную субъектность и, по словам И. Канта, освобождается от «опеки», достигает «совершеннолетия», принимает свои решения. Теперь становится видно, что излишнее доверие старым образцам и канонам подобно оковам, и когда оно держится на одном лишь принуждении, то рождает произведения формальные, сухие, безжизненные. В художественной деятельности это отсутствие самостоятельного новаторского порыва бывает особенно заметно и прискорбно.

На самом деле новая эпоха, наступившая в Европе начиная с XVIII века, установила совершенно новый мировоззренческий стандарт, поменяла самые основы мировосприятия. Изменение в понимании искусства также можно хорошо выразить, прибегнув к кантовскому определению из «Критики способности суждения» (работы, в которой закладываются философские основы новой науки — эстетики). Кант говорит: «искусство — это искусство гения» (§ 46). Этот тезис фактически отрицает подражание, школы, традиции как то, что выходит за рамки подлинного Искусства. Однако Кант продолжает: гений — тот тот, кто дает искусству правила. Встает вопрос: кому гений дает правила, если искусство принадлежит лишь только тем, кто правила создает (а значит, их изменяет)?

По сути дела, уже у Канта это вопрос диалектический. Нет гения без воспитания вкуса, то есть без следования правилам, но нет и правил, которые в основе своей не содержали бы природу гения. То, что требуется, это взаимоопределение гения и вкуса. Или же мы бы могли сказать: художественного таланта и профессиональной традиции.

Безусловно, после тысячелетий господства подражания и следования канону мысль о новаторстве и отказе от всех правил была прорывной и продуктивной. Однако на самом деле перегиб ни в одну из сторон не

дает должного результата, поможет только умелый баланс, использующий лучшие возможности противоположных тенденций. Традиция хороша, когда она дает почву для новаторства, направляет и обогащает его, но не принуждает и не удушает в зародыше. Новаторство же хорошо, когда оно опирается на традицию, а не отвергает ее полностью, оставляя себя без всего багажа богатых достижений истории, без представлений о вкусе и даже без инструментов для творчества. Такое новаторство без знания традиции вскоре превращает художественную деятельность в нечто банальное, блеклое и бедное.

Новаторский порыв искусства достиг апогея в первой половине XX века. Это касается и западного мира, и отечественного. Авангардисты хотели сбросить классиков с «корабля современности». Строители коммунизма не желали иметь дела со старым «прогнившим» искусством классового эксплуататорского общества. Противоположный им «капиталистический» подход стремился к функционализму, утилитаризму, выступая против художественных излишеств и также поддерживая новаторский порыв художников к разрушению старых и созданию новых, подходящих для современной ситуации форм. Словом, даже идейные противники объединялись в том, чтобы отвергнуть старую традицию.

В то же время «возвращение к корням» и «народность» были другим полюсом мысли этой эпохи, оказавшим большое и во многом негативное влияние на историю и культуру. Но это «возвращение к корням» также было свойственно самым разным полюсам. К нему стремились и многие художники. Эта тенденция была присуща не только консервативной части буржуазного общества, но и довольно активно проявила себя в Советском Союзе.

Таким образом, до 1960-х годов отечественные музыканты почти не знали и не имели возможности разобраться в том, что творится в музыке на Западе. Приходилось пользоваться лишь отрывочными сведениями. Так, к примеру, информацию извлекали из книг, подобных работе Г. М. Шнейерсона «О музыке живой и мертвой». Тем не менее новые веяния в музыке, очень серьезно меняющие принципы композиторской техники относительно русской классической традиции, развивались активно. Сформировалась и особая ленинградская школа композиции. Наиболее значимой фигурой для нее был, конечно, Д. Д. Шостакович. Все находилось под влиянием как его личности, так и его искусства оркестровки и композиции. Затем на основе этого влияния, но одновременно в противостоянии ему и сложилась совершенно специфическая традиция ленинградской школы, отличающаяся от школы московской. Это было новое слово в мировой музыкальной культуре, прозвучавшее вопреки многим препятствиям, стоявшим на ее пути, благодаря, с одной стороны, новаторскому порыву ряда композиторов, с другой — их опоре на музыкальную традицию, их работу с ней, и ставшее фундаментальным вкладом гениальной личности. Все это позволило всему наиболее всеобщему и значимому кристаллизироваться в новую форму.

Можно сказать так: смысл опоры на традиции и создаваемые ими правила состоит в знании и сознательном нарушении этих правил. Все творцы нарушают традиции — и тем развивают искусство. Но чтобы было что нарушать, нужно быть в этих традициях хорошо осведомленным.

Поучительным примером является деятельность Парижской национальной консерватории. Нам часто кажется, что западный мир приветствует перевес новаторства над традицией, что западная культура является источником непрерывного разрушительного для всех художественных форм порыва, но это далеко не так. Из Парижской консерватории вышли многие выдающиеся композиторы, в том числе композиторы-авангардисты, такие как О. Мессиа́н, П. Буле́з, серьезнейшим образом изменившие наши представления о структуре современного музыкального творчества. Но в то же время обучение в этой консерватории зиждется на неукоснительном следовании традициям. Огромнейшее внимание уделяется музыкально-теоретическим дисциплинам, в частности сольфеджио, то есть фактически знанию традиционных технических основ музыки. Будущие композиторы углубленно изучают стиливые особенности музыки предшествующих эпох. Так, учебным заданием может стать сочинение произведения в стиле среднего периода творчества Моцарта или «позднего» Гайдна и пр. К «свободному» сочинению, в отличие от студентов-композиторов российских консерваторий, ученики Парижской консерватории приступают, лишь основательно овладев традиционными основами композиции. Этот подход также может вызвать сомнения, потому что вряд ли подобное овладе-

ние возможно в полном объеме. Притом часто слишком хорошее знание правил и стилей блокирует собственные возможности. Опять же, требуется баланс. Но нельзя отрицать, что в данном случае в эпицентре новаторства мы имеем столь традиционный подход к обучению.

Бывают художники, подобные Бетховену, которые своим творчеством открывают новые горизонты. А бывают такие (скажем, И. С. Бах), которые в своем творчестве оформляют и замыкают существующие наработки, доводят их до полного воплощения. Бывают художники, которые представляют собой особое явление. Композитор-как-явление — любопытный феномен. Невозможно работать в его «традиции». Можно стилизовать, но не развивать то, что было им открыто. Можно привести в пример А. Н. Скрябина: что бы ни писалось в его стиле, это фактически воспроизведение того, что уже сделал сам композитор, произведение будет узнаваемо как подражание Скрябину, а не как новое произведение, написанное под его влиянием.

Но в любом случае, каким бы ни был художник и какие бы задачи он перед собой ни ставил, он сталкивается с необходимостью произвести некий диалектический синтез традиции и новаторства. Хотя, возможно, он сделает это, отдавая предпочтение той или другой стороне. Или же использует этот баланс для создания собственной совершенно индивидуальной формы.

Отсутствие традиции делает произведение плоским и бедным, отсутствие новаторства — сухим и безжизненным. Подлинное искусство возникает лишь из их соединения.

С. Д. Поляков¹

О СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ И ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Социальное воспитание теоретически восходит к понятию «социализация», личностный потенциал — к понятию «личность».

Социализация, по А. В. Мудрику, — процесс развития человека во взаимодействии с окружающим его миром, результатом которого является вхождение человека в конкретное общество (освоение в той или иной степени социальных норм, ценностей, способов деятельности, существующих в данном обществе, а так-

же выработка своего отношения к соответствующим нормам и ценностям)².

Социализация как процесс имеет множество источников, механизмов, форм, факторов, агентов.

Агенты социализации — люди, группы, социальные институты (например, система образования), которые активизируют соответствующие факторы, доводят их до конкретного человека. Среди агентов влияния есть более значимые для конкретного человека (или социальной группы) и менее значимые.

В социализации по степени целенаправленности действий по созданию соответствующих жизненных условий ее агентов можно выделить три «потока»:

— стихийную социализацию в процессе взаимодействия человека с обществом;

— относительно направляемую социализацию в процессе и в результате влияния со стороны государства;

¹ Профессор кафедры психологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, доктор педагогических наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Психопедагогика воспитания и обучения», «Педагогическая инноватика: от идеи до практики», «Коллективное творческое воспитание: перезагрузка», «От прошлого к будущему. Психолого-педагогические очерки о социокультурном контексте развития отечественной школы», «Орбиты и пространства. Психология и педагогика: идеи, люди, образы. Часть 1. Идеи и практики», «Воспитание: видимое и невидимое» и др. Член Научного совета по проблемам воспитания подрастающего поколения РАО. Награжден медалью К. Д. Ушинского.

² Мудрик А. В. Социализация человека. М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2010.

— относительно социально контролируруемую социализацию в процессе планомерного создания условий для воспитания человека¹.

Выделение третьего «потока» социализации позволяет дать довольно широкое определение воспитания, адекватное многим воспитательным ситуациям.

Таким образом, воспитание определяется как относительно осмысленное и целенаправленное создание условий для возвращения человека в соответствии со спецификой целей организаций и групп, в которых оно осуществляется².

Группы, организации, относительно осмысленно и целенаправленно создающие условия для возвращения человека, запускающие тем самым относительно контролируемую социализацию, различны: это могут быть семья, образовательные организации, социальные мировоззренчески ориентированные объединения и организации (в частности, религиозные), контркультурные (противостоящие преобладающей в обществе культуре) сообщества.

Соответственно можно говорить о социальном, семейном, идеологическом и диссоциальном воспитании. Различия между ними не только организационные и культурно-исторические, но и касающиеся типа отношений, который в них преобладает.

Характер отношений в социальном воспитании (воспитании в образовательных организациях) двойствен. Педагоги (назовем так всех, кто в педагогической позиции взаимодействует с детьми в этих организациях: учителей, социальных педагогов, советников по воспитанию, психологов-педагогов, административных работников), с одной стороны, находятся с детьми в отношениях, заданных нормативными документами (функциональных отношениях), с другой — каждый из педагогов выстраивает с детьми в той или иной мере личные (человеческие) отношения³.

Специфика целей соответствующих образовательных организаций задается как институционально (законами, распоряжениями государственного, федерального и местного регионального уровней), так и документально оформленными или поддерживаемыми традицией обычаями данной школы, дома детского творчества, определенного детского лагеря. Реальная жизнь образовательной организации не всегда соответствует этим целям, но практически всегда на них «оглядывается».

Возвращение человека вслед за А. В. Мудриком можно трактовать как процесс социальной адаптации, позитивной ценностной ориентации и самореализации человека.

Социальная адаптация здесь — процесс активного приспособления человека к особенностям конкретной социальной среды (ее нормам, правилам) и построения взаимодействия с ней, устраивающие данного человека.

Позитивные ценностные ориентации — предпочтения человека в выборе социально и личностно зна-

чимых идей, утверждений, соответствующих социальным ценностям (преобладающим идеям, значимым для данной культуры, общества).

Самореализация — реализация человеком своих возможностей (знаний, умений, компетенций) в деятельности и общении, которую он воспринимает как личное действие, достижение, свершение.

Создание условий — сложный феномен, включающий по крайней мере четыре слоя:

— создание, развитие пространственно-временных условий (где и когда возможны действия педагогов по построению взаимодействия с детьми);

— порождение и удержание материальных условий (вещных средств для деятельности);

— наличие информационных условий (источники и качество методической, общекультурной, научной и прочей информации);

— ключевое условие: порождение, удержание, развитие характера взаимодействия педагогов с детьми, молодежью, поддерживающего их социальную адаптацию, ценностную ориентацию, самореализацию.

Напомним, воспитание — *относительно осмысленное и целенаправленное*... Невозможно представить человека (в нашем случае педагога), держащим в сознании в каждый момент своего действия его цель или цель обращения, общения.

Цель педагогического действия приходит в сознание, если надо ее соотнести с целями организации или другого человека либо когда проблемная ситуация требует прояснения самому себе и другим смысла своих действий. В последнем случае и стоит говорить об относительной осознанности педагогического действия.

Таким образом, социальное воспитание — возвращение человека в ходе относительно планомерного (относительно целенаправленного, осознанного) создания условий для его социальной адаптации, позитивной ценностной ориентации и самореализации в соответствии со спецификой целей (шире — спецификой социокультурного, организационного и социально-психологического контекста) данной образовательной организации или общности.

Личность в психологии — многозначное понятие, имеющее свои трактовки во всех основных направлениях психологии.

Согласно Д. А. Леонтьеву⁴, можно говорить о двух механизмах существования человека как индивида и личности. Один из них — механизм детерминированности (для индивида в основном биологическими факторами, для личности — социальными). При действии этих механизмов человек несвободен. Его действия, поступки, поведение в значительной степени определены, детерминированы внешними обстоятельствами. Второй механизм — это существование личности в пространстве возможностей, в котором человек может быть относительно свободен, выбирая возможности для действия, поведения и определяя их смысл (зачем, ради чего «это для меня»).

Трактовка личностного потенциала человека Д. А. Леонтьевым вписывается в данное понимание личности.

⁴ Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011.

¹ Мудрик А. В. Социально-педагогические проблемы социализации. М. : МГПУ, 2016.

² Мудрик А. В. Социализация человека.

³ Поляков С. Д. Воспитание: видимое и невидимое. СПб. : Образовательные проекты, 2023. См. также: Поляков С. Д. Психопедагогика школы. Ульяновск : УлГПУ, 2011.

Личностный потенциал, по Д. А. Леонтьеву, — это качества личности, которые, взаимодействуя друг с другом, обеспечивают саморегуляцию (регуляцию человеком себя, своих эмоций, поведения, мыслей при его взаимодействии с миром)¹.

Личностный потенциал не задан человеку изначально, он формируется постепенно, поэтапно, в конце концов позволяя разившейся личности быть независимым, автономным, самостоятельным существом, способным целенаправленно изменять внешний мир.

Каковы функции личностного потенциала?

Первая — функция ориентирования в ситуации и самоопределения в ней. Это происходит в следующих процессах:

— обнаружения, открытия, понимания возможного спектра, вариантов действий в данной ситуации;

— выделения, осмысления личных значений, смыслов, которые может нести данная ситуация, действие;

— самоопределения по отношению к этим смыслам, действиям (определение, насколько они значимы для меня, какие действия для меня допустимы и недопустимы, за что при этих действиях я готов отвечать и когда от выбранных действий стоит отказаться).

Вторая функция личностного потенциала — функция реализации. Она отвечает за преодоление неопределенности в сложившейся и развивающейся ситуации, сужение спектра возможностей, уменьшение избыточности возможных действий, целей, ориентиров.

Третья функциональная составляющая личностного потенциала — функция совладания. Она проявляется в ситуации противостояния неблагоприятным, стрессогенным, травмирующим событиям и обстоятельствам.

Социальное воспитание как создание условий для социальной адаптации, ценностной ориентации и самореализации — это его целевое определение (на что направлено социальное воспитание). Но может быть дана и его процессуальная характеристика. Социальное воспитание как процесс — это разворачивающееся во времени взаимодействие педагога в воспитательной позиции (их ориентации на внешне задаваемые или личные профессиональные и непрофессиональные цели, интерпретируемые как воспитательные) и школьников.

На одном полюсе такого взаимодействия — педагогическая деятельность воспитателя, на другом — школьник в его активности, постоянстве и изменчивости.

В непосредственном воспитательном взаимодействии воспитатель, реализуя свои цели, руководствуется своими мотивами, выстраивая отношения между этими целями и мотивами (порождая то, что называют личностным смыслом профессиональной деятельности).

Школьники вступают во взаимодействие с воспитателями (или избегают его) по личным причинам. Руководящие ими силы на глубинном уровне — мир социальных потребностей. Проявляется же мир этих потребностей в виде мотивов участия в различных видах деятельности и общении с воспитателями.

Воспитательный процесс как развивающееся воспитательное взаимодействие совершается под влиянием внешних и внутренних условий. В определенной мере воспитатель способен повлиять на внешние и внутренние условия воспитания. Влияние на внешние условия, работа с ними — это создание материальных (вещная среда) и идеальных (образцы знаний, отношений) предпосылок для развития личности, ценностного общения, деяний школьников. Влияние на внутренние условия — регулирование физического и психического состояния участников воспитательного процесса.

Исходное противоречие воспитательного процесса — между общественными ожиданиями в отношении подрастающего поколения и его (поколения) собственными потребностями, отражающими социокультурную, возрастную ситуацию развития.

Социокультурная возрастная ситуация для школьников, особенно для школьников-подростков, выражается в таких возрастных характеристиках, не вписывающихся во взгляды «отцов», как потребность в независимости, относительная закрытость своих предпочтений, ориентация не столько на общественные идеалы, сколько на образы жизни и поведения, задаваемые пространством Интернета, в том числе на образ жизни близких по возрасту молодых людей.

Эти утверждения относятся к социокультурному уровню противоречия. В каждом образовательном учреждении данное противоречие, преломившись через ряд социальных линз, приобретает неповторимую окраску. Потребности и ожидания общества превращаются в ожидания и цели педагогов конкретной школы. Социокультурная возрастная ситуация развития проявляется в потребностях и целях именно этих школьников, отличаясь, порой весьма значительно, от общей картины.

Движущие силы — потребности, цели, мотивы участников педагогического взаимодействия — реализуют свой потенциал в способах и содержании организуемых воспитателями и школьниками деятельности и общении. Деятельность и общение — движители воспитательного процесса.

На полюсе воспитателей движители воспитательного процесса выглядят как способы и содержание педагогической работы. Педагогическая работа есть не нечто добавочное к общей деятельности, общению, а особый педагогический угол зрения, взгляд воспитателя на то, что происходит с ним, школьниками, их отношениями в процессе общей деятельности и общении.

Процессы, охарактеризованные выше, происходят в двух режимах (по модели «соленого огурца») — как погружение школьников в культуру данного времени, социальной ситуации, образовательной организации (которые школьник впитывает как следствие действия механизмов внушения, эмоционального заражения, убеждения, принуждения) и представление этой культуры как пространства для самоопределения (выбора того в культуре, что отражает его устремления, цели, личные смыслы). Во втором «режиме» воспитания — социальном воспитании — проявляется и развивается личностный потенциал школьника.

¹ Личностный потенциал: структура и диагностика.

Г. А. Праздников¹

ВЕРНУТЬ ОБРАЗОВАНИЮ ЧЕЛОВЕКООБРАЗУЮЩИЙ СМЫСЛ

Вот уже три десятилетия наше образование реформируется, модернизируется, оптимизируется. Бывший ректор Высшей экономической школы Я. И. Кузьминов, выступая в 2001 году на общественном обсуждении реформ образования, выразил необходимость решительных преобразований прежней педагогической практики такой метафорой: как керосиновую лампу не ремонтируй, в электрическую она не превратится.

Присоединение нашей страны в сентябре 2003 года к Болонской декларации представлялось возможностью преодоления «провинциализма» отечественного образования, а ныне, когда Россия вышла из Болонского процесса (нас вывели оттуда), многие в образовательной среде восприняли этот факт с удовлетворением, полагая, что все наши педагогические беды («от Болоньи»).

Обе посылки неверны. Российское образование во всем мире считалось одним из лучших, на состоявшемся в начале 2000 года совещании в Центре стратегических исследований оно наряду с природными ресурсами и ракетно-ядерными щитом было определено как параметр, выигрышно выделяющий нас из ряда других стран. И Болонский процесс не был навязанной нам моделью. В известном смысле этот процесс стал итогом осмысления образования за всю предшествующую историю педагогической практики и теории².

Эти итоги весьма значительны. Завершился процесс, который был начат в эпоху Возрождения, затем углублен просветителями и развит педагогической мыслью XIX–XX веков: в современном понимании образование — это важнейшее государственное и общественное дело, по сути формирование субъекта истории. Еще платоновская «пайдейя» трактует образование не как освоение знаний, а как изменение человеческой сущности. Совсем недавно само понятие «образование» отсутствовало в словнике философских словарей и энциклопедий, и вот уже появилась новая как для философии, так и для педагогики наука — философия образования. Образованию был посвящен один из всемирных философских конгрессов. Доклады по этой тематике выносятся на обсуждение мировой общественности. Римский клуб, созданный для исследования глобальных проблем человечества, посвятил образованию специальные программы, а в своем юбилейном докладе в 2017 году вынес соответствующую тему в отдельный раздел.

Образование перестали рассматривать как отраслевое, семейное, конфессиональное занятие. Оно мыслится в контексте важнейших процессов жизни.

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств, кандидат философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Эстетическая культура и эстетическое воспитание» (в соавт.), «Культура в пространстве жизни», «Театр Владимира Мальшицкого» и др. Член Союза театральных деятелей РФ. Почетный профессор СПбГУП.

² Праздников Г. А. Болонский процесс в смысловом пространстве современного образования // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 42–48.

Цель образования — *человекообразование, формирование личности соответственно образу и смыслу человеческого бытия*. Любое профессиональное образование есть воспитание человека, реализующего себя в деятельности инженера, врача, юриста, актера. Этот смысл наиболее конкретно раскрывается в слове «призвание», практически исчезнувшем из обихода. Призвание — это духовный аристократизм, глубоко личное переживание сопричастности через свою профессию Искусству, Науке, Культуре в полном смысле этих понятий. В призвании профессиональные функции переживаются как жизненно-личные, а служение и долг воспринимаются как единственно возможная форма поведения.

Комиссия ЮНЕСКО определила стратегию образования на XXI век как «учить быть», опубликовав заключительный документ под таким названием³. В финальной части исследования, подготовленного для Международной конференции и обнародованного ЮНЕСКО в 1977 году, говорилось о том, что различия между общим и профессиональным обучением будут стираться, так как «умение адаптироваться к изменениям станет более важным качеством, чем обладание конкретными знаниями и навыками»⁴.

Наличие в учебном плане любого вуза общегуманитарных дисциплин — не досадная идеологическая добавка к специальным предметам (чем его по сей день представляют некоторые «специалисты»), а методологическое и теоретическое основание «общечеловеческого образования». Относительно этих предметов невозможна прагматическая постановка вопроса: «За чем инженеру (актеру, врачу, юристу) нужна философия (история, социология, культурология)? Представляется оптимальной много десятилетий назад установившаяся в мировой практике пропорция соотношения дисциплин в учебном плане: 1/3 — специальные, 1/3 — вспомогательные, 1/3 — общегуманитарные. Впрочем, жизнь заставила пересмотреть и эту норму: насколько мне известно, после черныбыльской катастрофы и гибели шаттла «Челленджер» в ряде западных технических университетов объем гуманитарных дисциплин увеличился до 42 %.

В российской культурной традиции связь образования с духовной и душевной жизнью человека можно найти уже в этимологии слова «образование»: оно происходит от старославянского «образить», означающего «привести кого-либо, что-либо в порядок, в надлежащий вид, придать образ», а «просвещение» семантически восходит к «свету», «святости». Образовательный процесс ориентирован на развитие в человеке человеческого — его высшей разумности, духовности, этичности, любви, сострадательности.

Такое толкование образования и понимание его места в жизни лежит в основе российских государственных

³ Learning to Be / E. Faure, F. Herreza, A. Kaddonza [et al.]. P. : UNESCO, 1972.

⁴ Хюммель Ш. Образование: каким оно будет завтра // Курьер ЮНЕСКО. 1978. Апр. С. 30.

ных документов об образовании. Любопытная поправка появилась во второй редакции Закона «Об образовании»: в определении содержания образования как «процесса обучения и воспитания» слова поменяли местами. Такой порядок слов сохранился и в последующих редакциях закона, и в Национальной доктрине образования: «Доктрина определяет цели воспитания и обучения...» То есть воспитание как приобщение человека к ценностному миру полагается основой педагогической деятельности.

Стоило ли унифицировать нашу школу под западный стандарт? Это тема для отдельного разговора. Однако ничего негативного во включенности отечественного высшего образования в контекст европейского не было. Взаимодействие и взаимоусиление различных школ, национальных традиций при сохранении собственной идентичности — один из принципов Болонского процесса. Согласно документам «болонское» понимание образования трактует его как «пожизненное» сопровождение человека, а следовательно, предполагает саморазвитие, самовоспитание личности. В совокупности принципов Болонского процесса нет второстепенных, «фоновых» положений, напротив, вместе они представляют собой сложное смысловое целое, где неразрывно связаны прошлое, настоящее и будущее; гражданственность, свобода и ответственность; профессия и призвание; традиция и творчество; природа и общество; человек и среда; Европа и планета. И адресована Великая хартия университетов (*Magna Charta Universitatum*) не только профессиональному сообществу, но «государствам и совести народов».

В ответ на критику образовательных реформ звучали обреченно-извинительные слова: «Что поделаешь, присоединением к Болонскому процессу мы взяли на себя обязательства, назад пути нет». Лукавство. В Конвенции «Формирование будущего», принятой в 2001 году в Саламанке, вполне императивно сказано: «Университеты должны иметь право формировать свои приоритеты в обучении... профилировать свои программы».

Как знак вступления страны в принципиально новую полосу социального осмысления и преобразования жизни нами был воспринят Указ № 1 первого Президента России, посвященный образованию. Это однозначно демонстрировало приоритетность образования в сфере государственных интересов.

К сожалению, дальше последовало то, что по сей день происходит с образованием (хотя, справедливости ради, нельзя не отметить несомненные положительные процессы, вполне заслуживающие отдельного обобщающего разговора). Выступая 15 лет назад на Лихачевских чтениях, замечательный ученый и в высшей степени нравственно чуткий человек Н. Н. Скатов сформулировал краткую и жесткую максиму: «Разрушение нашего человека началось с реформы образования». Несколькими годами ранее, обращаясь к депутатам Государственной Думы, выдающийся математик, академик В. И. Арнольд назвал образовательные реформы «преступлением против России». Ответственные люди такими словами не бросаются.

Состояние современного российского образования определяется в основном тремя модусами общества: это рынок, цифровой мир и неолиберальное мировоззрение. Не только нормально, но и замечательно, что образование мыслится в широком социальном контексте, вопрос лишь в том, как мы понимаем связь названных детерминант с целями, задачами, смыслами образования, более того, с реальным содержанием и объемом человеческой жизни. «Обремененность» нашего бытия рынком и рыночными отношениями несомненна, но, думаю, достойна быть развернутой в теоретическое полотно простая фраза академика Д. С. Львова — крупнейшего экономиста: «Жить на рынке невозможно». Отношения производителей и потребителей не могут заменить собой всю полноту жизни человека и общества. В передаче «Педагогических час» на радио «Эхо Москвы» доктор педагогических наук спросил школьника, признавшегося в любви к поэзии: «А зачем тебе стихи?» Мальчику, смутившемуся от неумения дать исчерпывающий ответ, помог сам профессор: «Чтобы лучше выглядеть на рынке труда». Смешно и грустно.

Менеджер на коллегии Министерства образования и науки настаивает на праве работодателя определять учебные планы вузов. Конечно, работодатель должен *участвовать* в их формировании, но *не определять*, потому что образование — не обслуживание профессии. Совершенно несостоятельно предложение заменить понятие «высшее образование» другим — «профессиональное образование», поскольку это явления разного порядка. Бывший министр труда и социального развития профессор А. Починков утверждал: «Главное — воспитать новую рыночную породу людей»¹. Не человека, а «рыночную породу». У нас уже был министр образования, заявивший, что «гуманитарное образование — дорога в никуда». И некоторые университетские профессора, активно поддерживая друг друга, говорят о ненужности гуманитарного образования: прежде оно приобщало молодых к интеллигенции, задача которой сводилась к тому (оцените иронию!), «чтобы сеять разумное, доброе, вечное». Ныне функция этой группы поставлена под сомнение. Нужны «не интеллигенты, а интеллектуалы, с помощью полезных знаний и умений вписывающие человека в социум»². Известный киновед и культуролог К. Э. Разлогов обосновывает исключение из вузовских учебных планов этики и эстетики тем, что эти дисциплины имеют дело с нормами, а те для сегодняшней культуры не характерны³.

Со следующего 2023/24 учебного года вдвое увеличивается объем преподавания истории России студентам неисторических специальностей. В концепции вузовского курса истории подчеркивается его значение *для развития личности и формирования общегосударственной идентичности российского общества*. Эти требования не расходятся ни с отечественными, ни

¹ Московские новости. 2002. № 5. С. 19.

² Десять гуманитариев в поисках университета : круглый стол по проблемам гуманитарного образования, 29 июня 1998 г. // Неприкосновенный запас. № 2. С. 21–27.

³ Разлогов К. Э. Глобальная и/или массовая // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 43–56.

с международными документами. Однако в начале наших образовательных реформ были предложения УМО соответствующих специальностей заменить у будущих врачей «всеобщую историю» на «историю медицины», а у финансистов — на «историю денег».

Один из серьезнейших аспектов современного образования — внедрение в него информационных технологий. По-видимому, серьезное отставание России по части компьютеризации учебного процесса преодолено. Нет необходимости доказывать очевидное: образование с компьютером на порядок лучше, чем без него, а в той его части, которая связана с передачей и освоением информации, Интернет произвел настоящую революцию. Но кто сказал, что цель и смысл образования — информация? Один из докладов на конференции в Гуманитарном университете назывался «Новейшая информационная технология — основа современного образования». Любая технология безразлична к целям и смыслам деятельности, к ее нравственным последствиям.

В контексте нашего разговора интересны рассуждения Мануэля Кастельса — одного из самых авторитетных идеологов и теоретиков современного информационного общества. Многократно проследивая на страницах своего фундаментального труда сложнейшие взаимодействия между технологией, экономикой, политикой и культурой, он отмечает, что они преобразуют мир, «но не обязательно к лучшему». Использование технологий чрезвычайно зависит от жизненных условий общества. От того, в чем человек нуждается и о чем мечтает. И этот выбор определяется не толь-

ко финансовыми возможностями и рыночным потенциалом общества: «...решающими в использовании на благо каждого пользователя будут культурные и образовательные различия»¹.

Надпись на фронтоне школы в Матвеевом переулке гласит: «Non Scholae, sed vitae discimus» («Учимся не для школы, а для жизни» — лат.). Возможно, никогда прежде этот древний латинский текст не был так актуален, как сегодня. Распадом общественной идеологии, ценностно-нормативной системы общества образовательный кризис обусловлен не меньше, чем дефицитом финансирования или неверными организационными решениями. Образование, возможно, самый точный индикатор кризиса жизни. Мир в целом и любой его отдельный фрагмент представляют сегодня напряженную поляризацию сил. Злу противостоят силы сопротивления. Важные понятия «право» и «свобода» истрепаны до неприличия. В современных условиях невозможно — просто стыдно — говорить о правах и свободах без акцента на обязанностях и ответственности. Время действительно трудное. Но напому: Академия педагогических наук РСФСР была основана в тяжелом военном 1943 году.

А завершить свой доклад хочу словами великого ученого, академика Валерия Алексеевича Легасова — одного из главных расследователей чернобыльской трагедии. За четыре месяца до своего трагического добровольного ухода из жизни он сказал: «Чернобыль взрывается от того, что нынешние „гении техники“ стоят не на плечах Толстого и Достоевского, а на плечах таких же „технарей“, как они сами»².

В. С. Сайганова³

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ

Прежде чем говорить о возможностях и перспективах интеграции образовательных программ России и Беларуси в сфере социально-гуманитарного знания, необходимо отметить те условия и информационные вызовы, с которыми сталкивается современное образование.

¹ Кастельс М. Информационная школа: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 22.

² Московские новости. 1987. 13 дек. С. 7. Некоторое время спустя в ходе дискуссии «Чернобыль и мы» во Франции из уст нашего отечественного «гения техники» я услышал: «Чернобыль, прежде всего, интересная физика».

³ Декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент. Автор более 130 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Академик В. С. Степин и исследовательские традиции Минской философско-методологической школы» (в соавт.), «Философия образования в контексте становления нового типа рациональности», «Историческая эпистемология: истоки и современное состояние», «Университетоведение: опыт и перспективы научных исследований и преподавания», «Методика преподавания философских дисциплин» (в соавт.), «Ценности современной культуры и цивилизационный выбор Беларуси» и др. Отмечена благодарностями Белорусского государственного университета.

В результате трансформации образовательного процесса с учетом потребностей социума в новых знаниях и компетенциях, с ориентацией на персонафикацию и цифровизацию, а также в контексте формирования современной информационно-образовательной среды актуальным остается вопрос о качественных характеристиках направленности образования в современном информационном обществе. С одной стороны, наблюдается рост цифровых компетенций у преподавателей и обучающихся, происходит цифровизация процессов управления в современных учреждениях образования, расширяется представленность образовательных программ в информационном пространстве. С другой стороны, обостряются вопросы информационной безопасности, защиты персональных данных участников образовательного процесса, в то время как проблемам информационных вызовов, рисков и угроз уделяется слабое внимание в системе обучения.

В связи с этим нелишне будет вспомнить, что основными теоретиками концепта «информационное общество» являлись преимущественно представи-

тели социально-гуманитарного знания — социологи, философы, политологи, экономисты. И если термин «информационное общество», появившийся еще в начале 1960-х годов, использовался лишь для обозначения процессов компьютеризации и автоматизации, то по мере его последующего теоретического осмысления (Д. Белл, А. Турен, Е. Масуда, А. Тоффлер, В. С. Степин, Г. Зиммель, М. Кастельс и др.) стало очевидно, что надо говорить уже не столько о развитии информационного общества, сколько о рисках и угрозах, которые ему сопутствуют.

В современных исследованиях среди основных вызовов информационного общества чаще всего отмечаются следующие:

— девальвация смысла информации, выражающаяся в бесконечном росте, тиражировании и потреблении контента (преимущественно развлекательного), и развитие «экономики внимания», в рамках которой ценностью является не сама информация, а внимание аудитории, за которое ведут борьбу производители, экономические корпорации, политические силы;

— трансформация коммуникабельности, а именно появление гиперсоциального общества, с одной стороны, и сетевого индивидуализма — с другой, что приводит к активной демонстрации идентичности в Сети; виртуальная реальность и реальная виртуальность сливаются в одно целое, затрудняя самоидентификацию;

— в результате интеграции социальных и информационных технологий (новые СМИ, социальные сети, социальная аналитика, технологии коллективного интеллекта и др.) возникают гибридные социальные практики и технологии. Как следствие, статистические данные приобретают статус гиперзначимого социального знания, а общество оказывается не более чем совокупностью данных о большой массе пользователей Сети¹;

— интенсивное становление и развитие постписьменного образования с симптоматикой кризиса письменного образования: не книги, а информационные технологии с присущей им анонимностью и обезличенностью призваны обеспечивать хранение, обработку и трансляцию знаний; дистанционное образование меняет социальный статус и значимость фигуры преподавателя и т. п.²;

— упразднение ценности долгосрочного образования, выражающееся в росте спроса на быстрые узконаправленные программы и курсы. Потребительская аксиология информационного общества усиливает прагматизм образования, где формализация и узкая специализация «отменяют» фундаментальность естественно-научной и гуманитарной составляющих образования, что влечет за собой недоверие к научной рациональности.

В связи с описанными вызовами важно отметить: если еще несколько лет назад остро стоял вопрос компьютерной грамотности, то сегодня важно говорить об

информационной грамотности, так как в сфере образования информация производится, транслируется и закрепляется в виде знаний.

Можно предположить, что в этих условиях именно в сфере социально-гуманитарного знания предстоит занять лидирующее место в будущем судеб образования России и Беларуси. Социально-гуманитарные дисциплины, такие как история, философия, социология, психология, политология и другие, формируют смыслы и прочные связи с культурой, обществом и государством у будущих поколений, поэтому должны стать «центром высшего педагогического образования, обязательной частью любого высшего образования»³.

Однако в последние десятилетия социально-гуманитарные науки в системе высшего образования России и Беларуси столкнулись с рядом сложностей. В результате Болонского процесса, модульной системы и перехода на четырехлетнее обучение на первой ступени получения высшего образования социально-гуманитарные дисциплины стали изыматься из учебных планов в качестве обязательных, а модульный формат значительно сократил объем учебной нагрузки по социально-гуманитарному блоку.

Так, например, в Республике Беларусь до 2012 года философия для гуманитарных специальностей высших учебных заведений преподавалась в объеме 68 аудиторных часов и включала разделы по истории философии, онтологии, философской антропологии, теории познания и социальной философии. Начиная с 2012 года, согласно Приказу Министерства образования РБ от 22 марта 2012 года № 194, в силу вступила Концепция оптимизации содержания, структуры и объема цикла социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования⁴. Согласно данной концепции, философия в вузах теперь преподается на модульной основе. Интегрированный модуль «Философия» включает три дисциплины: собственно философию, основы психологии и педагогики. Философию стали преподавать в объеме всего 42 аудиторных часов, что существенно сократило ее содержание и трансформировало методику преподавания.

Данная система вызвала широкую критику в образовательных и академических кругах. Многими экспертами такой подход к изучению социально-гуманитарных дисциплин не был признан содержательным, методически обоснованным и приемлемым для использования в учебном процессе. Среди основных претензий, которые высказывались в адрес модульного преподавания философии, — упразднение мировоззренческой составляющей образования; искусственный и эклектический характер интегрированного модуля, дезориентирующий студентов в понимании предмета, задач и проблемного поля учебных дисциплин; уменьшение учебно-дидактических возможностей преподавания

³ Воронцов А. В. Ведущая роль гуманитарных наук в системе образования и воспитания // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 9–10 июня 2022 г. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. С. 497.

⁴ Об утверждении Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования. URL: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-professionalnogo-obrazovaniya/dop-obr/rukovoditelu> (дата обращения: 30.04.2023).

¹ Коровин А. Л. Гибридные социальные технологии // Вестник Пермского университета. 2019. Вып. 4. С. 515–524.

² Кулик С. П., Сайганова В. С. Образование и его судьбы в глобализирующемся мире // Глобализация, регионализация, пограничье : монография / под науч. ред. М. А. Слемнева. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2019. С. 117–129.

разных учебных курсов в рамках одного модуля и др. Критика породила множество дискуссий о судьбах социально-гуманитарных дисциплин, в том числе философии, что привело к необходимости пересмотра модульной концепции.

С 1 сентября 2022 года в Республике Беларусь реализуется новая Концепция оптимизации содержания, структуры и объема цикла социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования. Согласно Концепции обязательными для изучения в объеме 54 аудиторных часов являются три дисциплины: «История белорусской государственности», «Философия» и «Современная политэкономия». К дисциплинам вариативной части относятся «Политология», «Социология», «Социальная психология», «Основы права», «Культурология» и некоторые другие по выбору учреждения образования и согласно предпочтениям студента с учетом его специальности и профессиональных интересов. Реализация Концепции рассчитана на среднесрочный период с 2022 по 2025 год.

Изучение цикла социально-гуманитарных дисциплин в новом объеме и содержании, по мнению разработчиков Концепции, позволит сформировать у обучающихся следующие универсальные компетенции¹:

— способность анализировать процессы государственного строительства в разные исторические периоды, выявлять факторы и механизмы исторических изменений, определять социально-политическое значение исторических событий (личностей, артефактов и символов) для современной белорусской государственности, в совершенстве использовать выявленные закономерности в процессе формирования гражданской идентичности;

— современную культуру мышления, гуманистическое мировоззрение, аналитический и инновационно-критический стиль познавательной, социально-практической и коммуникативной деятельности, умение использовать основы философских знаний в профессиональной деятельности, самостоятельно усваивать философские знания и выстраивать на их основании мировоззренческую позицию;

— способность анализировать экономическую систему общества в ее динамике, законы ее функционирования и развития для понимания факторов и направлений развития современных социально-экономических систем, их способности удовлетворять потребности людей, выявлять причины и механизмы политических и социально-экономических процессов, использовать инструменты экономического анализа для оценки процесса принятия экономических решений и результативности экономической политики.

В одной из новелл Концепции указано, что разработка учебных программ по данным дисциплинам должна осуществляться с учетом современных условий и вызовов информационного общества, глобализации и иных социально-экономических процессов, «факторов обеспечения безопасности личности, общества и государства»².

Это, в свою очередь, означает, что преподаванию социально-гуманитарных дисциплин в системе высшего образования Республики Беларусь на данный момент отведена важная роль не только в формировании универсальных компетенций обучающихся для ориентации в современном изменяющемся социуме, но и в адекватной оценке рисков и угроз современного общества.

В России реформа образования также проходит свое историческое осмысление по критерию соответствия тех или иных изменений в сфере образования вызовам XXI века. Поэтому сегодня так важно восстановить статус социально-гуманитарных дисциплин в системе образования и науки для того, чтобы актуализировать образование как ценностно-нормативную систему знаний, формирующую «образ личности как целостного и органичного субъекта культуры»³. Поэтому интеграция образовательных программ в сфере социально-гуманитарного знания может способствовать формированию единого образовательного пространства Беларуси и России на пути к пониманию их цивилизационного и социокультурного предназначения, а также противостоять угрозам современного мира. Для этого нужны совместные усилия научно-педагогических работников, организаторов образования и парламентариев обеих стран по осознанию проблемы, осмыслению, выработке предложений и выполнению принятых решений.

Среди возможных направлений на пути к такой интеграции можно выделить следующие:

— в учебные программы социально-гуманитарных дисциплин включить вопросы формирования национального самосознания, уяснения цивилизационной идентичности народов Беларуси и России, исторической общности, сохранения традиционных ценностей наших народов, исторической памяти и правды о Великой Отечественной войне;

— разъяснять студентам своеобразие и сущность общих социально-политических и экономических интересов Республики Беларусь и Российской Федерации в современном мире;

— акцентировать проблематику информационной безопасности как одного из приоритетных направлений в программе научных исследований Союзного государства и т. д.

¹ Концепция оптимизации содержания, структуры и объема цикла (модуля) социально-гуманитарных дисциплин в УВО. URL: https://www.brsu.by/sites/default/files/ucheb/kontseptsiya_sotsialno-gumanitarnyh_distiplin_2022.pdf?ysclid=lh4z84b5dp309042179 (дата обращения: 01.05.2023).

² Концепция оптимизации содержания... Гл. 4.

³ *Занесоцкий А. С.* Культурологическая концепция гуманитарного образования // Преподавание истории в школе. 2001. № 10. С. 2.

Т. Б. Сиднева¹

НОВЫЕ РУБЕЖИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

За последние десятилетия «рубежное» сознание охватило все сферы культуры, приведя в движение стабильные представления о жизни и поставив под сомнение казавшиеся хрестоматийными истины. Переходные периоды в историко-культурном процессе случались многократно, открывая «широкий спектр разных форм соприкосновения, взаимодействия, сопряжения в настоящем прошлого и будущего»². Точная оценка «рубежного» состояния дана А. Эткиндом: «Все здание культуры вовлекается в работу по замене шатающегося фундамента»³. Сказаны эти слова по поводу интеллектуальной истории Серебряного века, однако данная метафора применима и к современному культурным реалиям. Действительно, история подтверждает особую значимость ее «рубежных» периодов, когда возникает потребность переосмысления традиционных устоев и привычных истин. Особенность современного «рубежного» состояния заключается не только в пестроте пришедшей в движение культурной карты мира, но и в беспрецедентности «слома» в культуре и тотальной взаимозависимости разных сфер жизни, в открытости и «проходимости» границ — геополитических, исторических, личностных, профессиональных.

Художественное образование во все времена было сферой, чувствительной к общекультурным событиям, и нередко становилось ареной открытых дискуссий академистов и новаторов, охранителей и реформаторов, площадкой противостояния педагогических систем и принципов. В России обсуждение задач и методов подготовки художников никогда не имело герметического характера, оно было прочно внедрено в общегосударственные идеологические, политические процессы. Достаточно упомянуть лишь некоторые факты прошлого: герценовскую оценку литературы как «рупора идеологии», дискуссии сторонников и противников открытия консерватории в Москве, противостоя-

ние Академии художеств и Товарищества передвижников и др.

Российское художественное образование сегодня вновь вовлечено в трудный дискуссионный процесс определения целей, задач и перспектив подготовки специалистов в сфере искусства. Эта вовлеченность неизбежна, поскольку на гребне предельной остроты и драматизма сегодня находятся вопросы взаимодействия академического, традиционалистского и актуального в искусстве, заново осмысляются проблемы творческой свободы и ответственности, обсуждаются эстетические, этические, политические, религиозные границы художественного творчества. Наряду с подлинными художественными открытиями в искусстве нередко доминирует власть коммерсантов, и оно начинает подчиняться условиям шоуизации, оказывается прочно внедренным в структуру информационных войн. Само понятие «художественные ценности» пронизано антиномиями и получает взаимоисключающие толкования. Диалогичность, как «родовое свойство» культуры (определенное М. Бахтиным и получившее дальнейшее обоснование у В. Библера) и ключ к пониманию искусства, теряет аксиоматичность и обнаруживает свою проблемность, требуя духовных усилий для конструктивного взаимодействия и преодоления «закрытости» сознания.

В этих условиях человек, обладающий художественным талантом и желанием идти по пути освоения профессии артиста, музыканта, художника, архитектора и тому подобного, оказывается в труднейшей ситуации выбора.

Многие годы в стране существует огромная сеть продуктивно работающих художественных школ, студий, училищ, творческих вузов. Это уникальное наследие советского прошлого помогло России явить миру уникальных мастеров искусства и занять высокие позиции в музыкальном, театральном образовании, балете, кинематографе и других артистических сферах. Однако в последние десятилетия творческое образование стало зоной экспериментов и реформ на всех уровнях «вертикали»: от детских школ искусств до послевузовских структур. Заново приходится доказывать необходимость государственной поддержки школ искусств, спасения начального обучения от коммерциализации, возвращения фундаментального смысла обучения детей, искоренения из музыкально-образовательной системы принципа «дополнительности». Среднее звено — художественные, хореографические и музыкальные училища утратили некогда высокую престижность на фоне внедрения бакалавриата в профильных и непрофильных вузах. Консерватории, как и другие творческие вузы, также стали средоточием «неудобств» по причине их специфики: доминирование индивидуального обучения, работа в малых группах, невозможность проведения экзаменов по спискам вопросов и по билетам. Творческие вузы с трудом (ценой утраты сложившихся отечественных традиций ху-

¹ Проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 220 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Искусство как метафора бытия», «Диалектика границы в музыке», «Мир Сергея Прокофьева» (в соавт.); учебных пособий «Эстетика постмодернизма», «Эстетика»; статей «Граница как пространство взаимодействия культуры и ее значение для современной культурологии (в диалоге с М. С. Каганом)», «Когнитивный статус пограничья в музыкальном творчестве», «Граница классического и неклассического в мышлении С. Прокофьева», «Современное искусство в ситуации смены парадигм», «Взгляд со стороны: о границах понимания инациональных художественных традиций в современной культуре» и др. Главный редактор журнала «Актуальные проблемы высшего музыкального образования», член редсовета журнала «Ценности и смыслы» (МГУ), консультативного совета журнала «Oreга musicologica» (СПбГК) и др. Член Союза композиторов России, председатель Нижегородского отделения Российского культурологического общества. Лауреат общенациональной премии Президиума Российского профессорского собрания «Проректор года по НИР» 2022 года.

² Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. С. 532.

³ Эткинд А. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М.: ИЦ-Гарант, 1996. С. 6.

дожественной профессиональной подготовки) вписывались в утвержденную в 2007 году трехступенчатую систему «бакалавриат—магистратура—аспирантура»: баллы ЕГЭ практически «стирали» реальную картину отбора талантливых абитуриентов, выпускники творческих специальностей вынуждены представлять на защиту теоретические работы взамен концертным или сценическим программам, вузы искусств не выдерживали общих для университетов критериев наукометрической системы и т. д.

В художественно-образовательном пространстве одной из наиболее острых и проблемных сфер стало музыкальное образование. «Рубежность» процессов, происходящих в музыкальных учебных заведениях (детских музыкальных школах, музучилищах и консерваториях), во многом объясняется особой «недетской» трудоемкостью профессии. Для освоения сложностей музыкального языка и выработки технических навыков с ранних лет — уже на «общеразвивающей» и «предпрофессиональной» стадии — ребенок должен сформировать выдержку и настроенность на многочасовые занятия на инструменте. Сложность вхождения в музыкальную профессию усугубляется и «нашептанием» низкопробной массовой продукции, громко заявляющей о себе в повседневной жизни. Академическая классическая музыка, хранящая спрессованный духовный опыт и вовлекающая человека в глубины самопознания, уступает легкодоступности и «блеску» внешних эффектов популярных жанров.

В то же время «рубежный» период не однозначно негативен. Время подтвердило равную степень односторонности и ограниченности позиции — как «академистов», охраняющих «чистоту» и «ясность» классики, так и «неакадемистов», стремящихся утвердить «зону примитива» в искусстве. И дело здесь не в толерантности (равнодушии и инертности) по отношению к «чужим» ценностным ориентирам, но в необходимости обнаружения позитивных тенденций культуры. Сергей Слонимский, автор 8 опер, 34 симфоний и музыки к фильмам «Республика ШКИД», «Интервенция», ставшим классикой кинематографа, чутко определил позицию композитора: «Если ты не можешь написать песенку, то ты не имеешь права братья за симфонии. И наоборот»¹. О чем это суждение? Об открытости художника миру. О настроенности на диалог с разными людьми. О глубоком понимании миссии художественного таланта в культуре. О простом и естественном разрешении вновь обострившейся проблемы диалектики академического и неакадемического в современном музыкальном образовании России. И о том, как важно сегодня преодолевать крайности творческого образования: будь то герметичность академизма, фанатизм актуальных практик, размывающих понятие «искусство», или эрзац-продукты художественного вымысла.

Творчество — сложнейшая система, она внутренне крепка (как утверждают представители старейшей консерваторской профессуры, «если есть голос — он покоя не даст») и хрупка одновременно, поскольку требует к себе бережного и чуткого отношения.

Одна из ключевых задач художественного вуза — создание условий для раскрытия творческого потенциала молодого человека. Творчество — «это прежде всего действующая страсть, работающая сила...»². Пробудить в одаренном молодом человеке, настроенном на профессию, музыканта, художника, артиста, поэта, раскрыть его внутренние созидательные силы, воспитать волю «разговора с миром» — вот сверхзадача художественного образования, и она простирается далеко за пределы «цехового» ремесла.

«Рубежный» опыт всегда драматичен. Но наряду с болезненными трудностями в это время открываются и позитивные моменты происходящего. В вузах с вековыми академическими традициями открываются новые специальности (арт-журналистика, актер неакадемического театра, музыкальная и театральная звукорежиссура, арт-менеджер). Важность этого поворота заключается и в том, что уходит в прошлое недавняя практика открытия сложнейших художественных специальностей в коммерческих структурах с «гарантиями» за один-два года подготовить востребованного в арт-сфере специалиста.

Сегодня художественные вузы возвращают некогда утраченную репутацию лидеров творческого образования, раскрывая свой высокий потенциал и значимую роль стратегически важных культурных и просветительских центров страны. Исходным и важнейшим основанием этого ренессанса является студент, с ранних лет определивший свой путь в профессию, овладевший азами художественного ремесла и доверившийся педагогу-наставнику в его мастерстве служения искусству. За один-два года такая модель не выстраивается, это процесс длительный, полный взлетов и падений, он основан на интуиции и переживании, на непрерывности линии связи — эпох, поколений, традиций, методов. Уникальность ведущих отечественных творческих вузов — в умении хранить эту тайну художественного созидания. Продолжая одно из поздних размышлений выдающегося мыслителя М. С. Кагана о скрытых продуктивных силах нового переходного периода, отметим, что это «не очередное утопическое конструирование желанного будущего, но научный вывод, опирающийся на понимание закономерностей всей прошлой истории культур»³ и на осмысление актуального опыта подготовки специалистов в сфере искусства.

Переходные эпохи открывают новые рубежи и позволяют остро осознать диалектику жизни. Логика развития отечественного творческого образования — тому подтверждение.

¹ Слонимский: «Не можешь написать „Чижика-Пыжика“, не берись за симфонию» (интервью с Е. Ляшенко) // Российская газета. 2012. 5 июля. URL: <https://rg.ru/2012/07/05/reg-szfo/slonimsky.html?ysclid=lnh14kbz8q87824923> (дата обращения: 20.03.2023).

² Шор Ю. М., Архипова О. В. Мятые страсти демона. Этюды метафизики творчества. СПб.: Изд-во Центра совр. лит. и книги, 2015. С. 115.

³ Каган М. С. Указ. соч. С. 534.

М. В. Созинова¹

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР ЦЕННОСТЕЙ

Система высшего образования не только позволяет молодому человеку получить желаемую профессию и выстроить необходимые профессиональные компетенции, но и способствует становлению его общей культуры. Именно общая культура человека становится социальным лифтом, содействует сохранению и передаче базовых духовных ценностей предыдущих поколений.

Следует отметить, что те изменения, которые произошли в системе высшего образования за последние 50 лет, носили не поступательный, а, скорее, революционный характер, существенно меняющий структуру, специфику подготовки, требования к выпускнику, системе оценки качества образования. В процессе трансформаций система высшего образования потеряла достижения предыдущего советского периода, в частности фундаментальность, воспитательный компонент подготовки специалистов, что сказалось, прежде всего, на готовности выпускников «присваивать» профессиональные ценности. Модернизация высшего образования сопровождалась ростом таких проблем, как обновление педагогических кадров, снижение качества подготовки выпускников и др. Развал СССР, социальная нестабильность, падение уровня жизни населения и другие социальные потрясения также внесли свою лепту в этот процесс. Существенное влияние на изменение ценностных ориентаций студенческой молодежи оказали ослабление роли воспитания в профессиональной подготовке специалистов, деградация культуры и нравственности. Данные процессы привели к размыванию ценностных основ и традиционной морали общества, ослаблению естественного процесса культурной передачи ценностей от старшего поколения — младшему.

В то же время именно ценностные ориентации определяют избирательное отношение человека к тем или иным материальным и духовным ценностям, формируют систему установок, убеждений, отражающуюся в его поведении. Значимость процесса формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей подчеркивается в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об ут-

верждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», определяемых как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»². Также определен перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»³.

Глобальная информатизация всех сфер жизни человека приводит к быстрым социальным изменениям и актуализирует необходимость учитывать при подготовке современной молодежи особенности нового цифрового мира. Исследователи отмечают парадоксальный эффект, создаваемый цифровизацией высшего образования: с одной стороны, расширяются информационная база и применение гибких методик и технологий обучения, с другой — падает интерес к когнитивным (познавательным) ценностям, ослабевают навыки самообучения и самоподготовки, возникает эффект клипового мышления, отмечается недостаточность аналитических навыков и др.⁴ Цифровизация не является стимулом для расширения духовных ценностей, скорее, она создает сложную ситуацию динамики ценностей студенческой молодежи, определяясь свободой ценностного выбора в рамках возможностей использования информационных технологий конкретным студентом. Данные тенденции глобальной цифровизации в современном обществе создают благоприятные условия для культурного трансфера⁵ «демократических за-

¹ И. о. заведующего кафедрой социальной психологии СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Факторы становления содержательного досуга в социокультурном пространстве современного города», «Психолого-педагогическое сопровождение профессионального развития личности студента в вузе» (в соавт.), «Русские традиции творить благо: особенности культурного трансфера» (в соавт.), «Территориально-культурные сообщества как новое направление межпоколенческого культурного трансфера в социальной сфере: российская специфика» (в соавт.), «Формы взаимодействия вуза и учреждений системы социальной защиты в процессе подготовки квалифицированных кадров», «Творческий потенциал руководителя как ресурс развития профессионального коллектива социальной организации», «Особенности педагогического взаимодействия в процессе дистанционного преподавания гуманитарных дисциплин в вузе» и др.

² Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // ГАРАНТ.РУ : [информ.-правовой портал]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/405679061> (дата обращения: 30.04.2023).

³ Там же.

⁴ Иваненко Н. С., Загороднюк Е. В. Динамика ценностей студенческой молодежи в российском обществе в контексте цифровизации высшего образования // Гуманитарий юга России. 2021. Т. 10 (49), № 3. С. 138–147.

⁵ Мельникова А. А., Литницкая О. Г., Созинова М. В. Территориально-культурные сообщества как новое направление трансгенерационного культурного трансфера в социальной сфере: российская специфика // Общество. Среда. Развитие. 2023. № 1. С. 104–109.

падноевропейских ценностей» в систему отечественных ценностей.

Такая форма передачи ценностей негативно сказывается на молодежи и приводит к изменению ее ценностных ориентиров. Так, молодые люди испытывают сложности в принятии таких традиционных российских ценностей, как уважение к труду, активная гражданская позиция, патриотизм, любовь к малой родине и др. При этом для них характерна ориентация на западноевропейские ценности — индивидуализм, собственный успех, приоритет личных достижений, материальные блага и др. Так, мониторинг ценностных ориентаций молодежи в России, проведенный в 2022 году Институтом воспитания РАО¹, показал отсутствие у молодежи ценности труда и снижение ценности получения высшего образования. Профессиональный выбор молодых людей определяется личными интересами и высокой заработной платой, мотив служения людям и обществу в выборе профессии отсутствует. Гражданская позиция сформирована слабо, что проявляется в отсутствии осознания гражданской ответственности, интереса к участию в делах страны. Для молодежи характерно противоречивое понимание патриотизма: большая часть опрошенных считают себя патриотами, при этом часть из них заявляют о желании эмигрировать в будущем. Респонденты имеют размытые представления о духовно-нравственных ценностях. Данные мониторинга показывают, что для молодых людей традиционные ценности не являются жизненной установкой, воспринимаются ими как речевое клише. При этом «демократические западноевропейские ценности» были приняты нашей молодежью, что свидетельствует о нарушении процесса естественной передачи системы традиционных ценностей от старшего поколения к младшему. В условиях глобальной цифровизации традиционный конфликт поколений обострился, что привело к ценностному разрыву между ними, когда естественный путь передачи ценностей невозможен. Молодежь склонна к отрицанию ценностей старшего поколения, что приводит к ухудшению социально-психологической, политической ситуации в обществе.

При этом именно система высшего образования располагает уникальной возможностью оказывать влияние на ценностную ориентацию студенческой молодежи. Студент приходит в высшее учебное заведение со своими ценностными ориентациями, сложившимися на предыдущем образовательном этапе под влиянием семьи, педагогов школы. Период обучения в вузе, с одной стороны, характеризуется отдалением от семьи, сокращением общения с ее членами, переселением в другой район, город, регион страны; с другой — сопровождается активным воздействием на студента глобальных средств массовой коммуникации (социальных сетей, Интернета и др.), что приводит к изменению ценностных ориентаций, замене их другими. Возрастает роль вуза в сопровождении процесса ценностных ориентаций студенческой молодежи, передаче традиционных российских ценностей, противостоянии западным ценностям, проникающим в жизнь современного российского общества посредством глобальной цифровизации.

В этом контексте положительный опыт советской системы высшего образования может стать тем ресурсом, который позволит противостоять культурному трансферу западных ценностей. Опираясь на традиционные для нашей страны духовно-нравственные ценности, возможно преодолеть образовавшийся в обществе кризис поколений, а обращение к актуальным советским культурным практикам (например, коллективного творческого дела) позволит сформировать необходимую образовательно-воспитательную систему для передачи ценностей.

В условиях современного образования возрастает роль преподавателя вуза как носителя и транслятора традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Положительным примером сохранения и трансляции традиционных российских духовно-нравственных ценностей в вузе может стать культуроцентристская концепция образования², реализующаяся на базе Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Важность данного опыта образовательной деятельности в условиях цифровизации высшего образования требует дальнейшего осмысления и распространения.

¹ Новые ценности молодежи: исследование // После уроков : общерос. образовательная газета. URL : <https://после-уроков.рф/новые-cennosti-molodezhi-issledovanie-v-rossii/> (дата обращения: 30.04.2023).

² Занесоцкий А. С. Культурологическое осмысление актуальных проблем современности. Доклады на Международных Лихачевских научных чтениях (1997–2019). СПб. : СПбГУП, 2019.

И. В. Соколова¹**ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ЧАСТЬ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ РОССИЙСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ**

В передовой педагогической мысли прочно утвердилось положение, что только всестороннее развитие, а именно тесная взаимосвязь нравственного, физического и умственного воспитания, обеспечивает формирование наиболее полноценного человека, живущего интересами народа, общества².

Идеи российских мыслителей затрагивали различные стороны нравственного воспитания молодого поколения: молодежь должна приучаться к правильному образу мышления и добрым нравам (М. В. Ломоносов), участвовать в борьбе с общественным злом, несправедливостью, рабством (А. Н. Радищев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов), стремиться к выполнению своего долга перед обществом (К. Д. Ушинский, П. Ф. Лесгафт).

А. И. Герцен считал, что в деле умственного развития молодежи нельзя недооценивать роль физического воспитания, ибо эти две стороны личности взаимосвязаны и равноценны. К. Д. Ушинский в своей работе «Труд в его психическом и воспитательном значении» отмечал, что для гармоничного развития человека большое значение имеет соединение умственного и физического труда, что способствует как физическому, так и духовному развитию человека. П. Ф. Лесгафт писал: «Умственное и физическое воспитание должны идти параллельно, иначе нарушится ход развития в тех органах, которые останутся без упражнений»³. Он считал, что одностороннее физическое развитие плохо влияет на деятельность человека, а одностороннее умственное развитие не позволит успешно овладеть творческим трудом.

К оценке физического воспитания как части общего образования представители русской педагогической общественности подходили по-разному. Так, М. В. Ломоносов видел в физическом воспитании укрепление физических сил и здоровья. По данным В. В. Столбова, он предлагал поставить перед правительством вопрос о государственных мероприятиях по развитию физического воспитания в России. В статье «О сохранении и размножении российского народа» Ломоносов касается вопросов охраны здоровья молодого поколе-

ния, дает научное обоснование мероприятий по борьбе с детской смертностью.

А. Н. Радищев считал, что физическое воспитание необходимо для подготовки физически крепких и закаленных борцов и противопоставлял физическую крепость и здоровье крестьянства изнеженности дворянства, серьезно относился к закалке организма. Радищев считал физическое воспитание неотъемлемой частью формирования «истинного сына Отечества».

В дальнейшем идеи Ломоносова и Радищева оказали значительное влияние на формирование педагогических взглядов Герцена и Белинского, которые отводили важную роль в подготовке передовых людей средствам физического воспитания. В. В. Столбов писал что, «уделяя большое значение семейному воспитанию, Белинский и Герцен основной акцент в воспитании детей дошкольного возраста делают на физическое воспитание, в результате которого ребенок приобретает здоровье, веселость, живость»⁴. В последующие годы жизни физическое воспитание должно решать вопросы развития силы, ловкости, смелости и других физических, а также нравственных качеств. В качестве средств физического воспитания они предлагали использовать народные виды активности (бег, прыжки, борьбу, метание, всевозможные игры).

Революционеры-демократы считали, что совершенствование физической формы человека вносит вклад в его революционно-демократическое воспитание. Высказанные ими мысли о значении физического воспитания в подготовке «сына своего народа» были использованы в теории физического воспитания и получили более широкое развитие в трудах Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

Чернышевский и Добролюбов подчеркивали значение физического воспитания как составной части всестороннего гармонического воспитания для укрепления здоровья и развития нравственных, морально-волевых качеств. При этом Чернышевский говорил о необходимости регулярных занятий физическими упражнениями и использовании других средств развития и закаливания организма для воспитания силы воли и твердости характера⁵.

Чернышевский и Добролюбов значительно обогатили педагогическую науку, внося в нее новое понимание сущности воспитания и образования. Они возвели вопросы физического воспитания в ранг крупной политической проблемы.

Дальнейшее развитие теории физического воспитания в России связано с деятельностью К. Д. Ушинско-

¹ Заведующая кафедрой физического воспитания СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент, мастер спорта по художественной гимнастике, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Фитнес как часть физической культуры» (в соавт.), «Оценка качества дистанционного обучения по дисциплине „Физическая культура и спорт“ в учебном процессе вуза», «К понятию менеджмента в фитнес-индустрии», «Скандинавская ходьба: от теории к практике» (в соавт.), «Оздоровительная физическая культура в философском аспекте», «Физическая культура как часть гуманитарной науки» и др. Награждена знаком «Отличник физической культуры».

² Васильков В. Г. Физическое воспитание как средство целостного развития личности студента вуза : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2003.

³ Лесгафт П. Ф. Руководство по физическому образованию детей школьного возраста // Избранные труды / сост. И. Н. Решетень. М. : ФиС, 1987. С. 76–86.

⁴ История физической культуры и спорта : учебник для студ. ин-тов физ. культуры / под общ. ред. В. В. Столбова. М. : ФиС, 1983.

⁵ Торговкин В. Г. Этнорегиональные условия физического самосовершенствования личности школьников-подростков : дис. ... канд. пед. наук. Якутск, 2007 ; Новолодская Е. Г., Моисеева Л. В. Реализация здоровьесберегающих идей в революционно-демократическом направлении отечественной педагогики XIX века // Педагогическое образование в России. 2015. № 9. С. 6–12.

го и П. Ф. Лесгафта, которые впервые подвели под нее серьезную естественно-научную и психологическую базу. В отличие от Ушинского, Лесгафт считал, что любовь к труду следует прививать посредством физических упражнений. Физическое воспитание для Ушинского и Лесгафта не является самоцелью, а составляет неотъемлемую часть всестороннего развития человека и подготовки его к творческому труду. Чередование умственного и физического напряжения, по мнению Ушинского и Лесгафта, — необходимое условие для правильного воспитания детей. Ушинский считал, что надо ввести в педагогических учебных заведениях курс физического воспитания.

Исходя из своих социальных концепций, отечественные представители передовой мысли определяли в своих системах значение и место физического воспитания и образования как одной из составляющих всестороннего развития человека.

Идеи российских просветителей актуальны и для современного образования. В первую очередь это касается воспитания нравственности, дисциплины, гуман-

ности, честности и трудолюбия, чувства собственного достоинства в сочетании со скромностью.

Основой воспитания, по их мнению, является личный пример педагога, его умения, педагогический такт, поощрения и взыскания. Одна из главных их заслуг заключается в разработке теории всестороннего развития человека, лично ориентированного воспитания и образования, в том числе средствами физической культуры и спорта.

Интеллектуальное наследие А. Н. Радищева, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и других ярких представителей педагогической мысли бесценно для потомков, интересующихся прогрессивными идеями о целях, путях и способах воспитания. Выдающиеся российские педагоги и общественные деятели XIX века пришли к выводу, что образование играет главную фундаментальную роль в системе формирования всесторонне развитого человека и в равной степени включает в себя умственное, нравственное, физическое и эстетическое воспитание.

Г. А. Чередниченко¹

ВЫСШАЯ ШКОЛА В ОТВЕТ НА АКТУАЛЬНЫЙ ЗАПРОС НА ИНЖЕНЕРНЫЕ КАДРЫ

Среди экзистенциальных вызовов, стоящих перед нашей страной, особое значение имеет обеспечение технологического суверенитета, а оно требует во многом по-новому ставить и решать задачи подготовки инженерных кадров. Важной задачей, стоящей перед российским инженерным образованием сегодня, является обучение таких специалистов, которые будут способны не только разработать аналоги тех западных технических средств, которые попали под санкции и не поставляются в Россию, но и обеспечить нашей стране инженерный прорыв, создав уникальную техническую продукцию для различных социальных сфер. Для решения этих задач требуется систематизация потребностей страны в различных типах инженерных кадров.

В связи с этим сегодня необходима организация разных форм подготовки инженерно-технических кадров в соответствии с разнообразием запросов на них и с учетом негативных последствий двадцатилетнего реформирования средней и высшей школы, происшедшего в русле встраивания России в процессы гло-

бализации. Представим, какие уровни инженерно-технических кадров сегодня и завтра необходимы и каким социальным составом студентов могут пополняться эти разные формы устройства требуемой подготовки.

Обеспечение технологического суверенитета предполагает минимум три уровня и соответствующие им формы подготовки инженерно-технических кадров в учреждениях высшего образования.

1. Прорывные технологии и развитие техносферы, предполагающие новый масштаб подготовки кадров, способных «проектировать будущее».

2. Импортное опережение, требующее обеспечения качества подготовки кадров для базовых инженерных процессов, использующих информационные технологии.

3. Импортное замещение, означающее расширение подготовки кадров для работы с «технологическим прошлым».

Решение первой задачи — подготовка специалиста, способного развивать техносферу, — дело топовых и ведущих университетов, опирающихся, в частности, на проект «Передовые инженерные школы» (ПИШ): с середины 2022 года в 15 субъектах России формируются 30 ПИШ, соединяющих университеты и более 40 индустриальных партнеров (см. табл.).

Они ищут формы подготовки инженеров-разработчиков-исследователей, которые обладали бы специальными и системными, междисциплинарными знаниями, а также практическим опытом технической деятельности, что составляет суть инженерии. Уже есть опыт создания мультидисциплинарных команд погружения в обучение и производственный процесс: внедряются массовое проектное обучение (включение не в имита-

¹ Главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, доктор социологических наук. Автор 215 научных публикаций, в т. ч.: «Заочник высшей школы: социальное поведение в сфере образования и на рынке труда», «Российская молодежь: от образования к труду (на материалах социологических исследований образовательных и профессиональных траекторий)», «Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие» (в соавт.), «Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008» (в соавт.), «Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования)» и др. Член Исследовательского комитета «Социология образования» Международной социологической ассоциации и Российского общества социологов. Награждена Почетной грамотой РАН.

ционные, а в настоящие проекты и инженерные программы), гибкое и гибридное образование, когда одновременно развиваются рыночные компетенции по управлению программами («за разумное время и стоимость»), включается гуманитарный элемент в подготовку (систематика сложных систем и этика в работе технарей).

Таблица

Распределение передовых инженерных школ по федеральным округам и направлениям подготовки

Федеральный округ — число университетов	Направления (суммарно)
Приволжский — 9 НГУ, НГТУ, НИНГУ, КФУ, КНИТУ, ПНИПУ, СНИУ, СГМУ, УГАТУ	ИИ и цифровые технологии, атомное машиностроение, авиационная и ракетно-космическая техника, машиностроение, химическая промышленность, двигателестроение, медицинское приборостроение
Центральный — 8 РХТУ, МФТИ (НИУ), МАИ, МГТУ, НИТУ «МИСиС», И МГМУ (Сеченовский ун-т), РНИМУ им. Н. И. Пирогова, ВАУ	Химическое машиностроение и технологии, ИИ и цифровые технологии, авиационная и ракетно-космическая техника, двигателестроение, медицинское приборостроение, биотехнологии в сельском хозяйстве
Северо-Западный — 5 У Иннополис, СПбПУ, НИУ ИТМО, СПбМТУ, ПГУ	Программная инженерия, ИИ и цифровые технологии, передовые производственные технологии, биотехнологии, тяжелое машиностроение
Сибирский — 4 ТГУ систем управления и радиоэлектроники, НИТПУ, НИТГУ, ННИГУ	Электроника, радиотехника и системы связи, ядерная энергетика и технологии, ИИ и цифровые технологии, пищевая промышленность, авиационная и ракетно-космическая техника
Южный — 2 ЮФУ, ДГТУ	ИИ и цифровые технологии, сельскохозяйственное машиностроение
Уральский — 1 УФУ	ИИ и цифровые технологии, передовые производственные технологии
Дальневосточный — 1 ДФУ	Биотехнологии

Источник: В 15 субъектах России будут созданы передовые инженерные школы // Министерство науки и высшего образования РФ: [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/53488/> (дата обращения: 20.03.2023).

Подготовка кадров для обеспечения импортозамещения/импортоопережения идет под лозунгом «Много сложных важных задач, пока не про новые технологии». Речь идет о качественной подготовке в инженерных вузах специалистов по информационным технологиям, поскольку базовые инженерные процессы — моделирование, конструирование, проектирование, промышленный дизайн и тому подобные — сегодня перешли в цифру. Одновременно насущно необходимы в большем количестве, чем вчера, и те, кто должен работать с «технологическим прошлым» — обеспечивать импортозамещение: вытеснение импортной техники за счет отечественных производителей, производство собственных аналогов для замены

зарубежных компонентов и продуктов. Конъюнктурно требуется быстро нарастить инженерно-техническую подготовку таких кадров в регионах и промышленных центрах, где сосредоточены мощности массового индустриального производства. В отраслевом плане основной упор будет сделан на системообразующие отрасли, такие как электроника, станкостроение, мало- и среднетоннажная химия.

В то же время эффективное осуществление планов обновленной подготовки инженерных кадров сталкивается с большими социальными проблемами, порожденными двадцатилетием реформирования средней и высшей школы. Сложившаяся социальная стратификация образовательных организаций и программ обучения привела к проявлению новых форм социального неравенства и территориально-поселенческих ограничений в доступе к высшему образованию, которое различается уровнем качества подготовки и будущей экономической выгоды на рынке труда¹. Переход к ЕГЭ усилил социальное неравенство доступа к очному и заочному обучению в высшем образовании (как одному из обобщенных показателей его качества), что выражается в консолидации двух типов траекторий школьной молодежи. Выпускники средней школы, сдающие ЕГЭ и поступающие на очное обучение, особенно в селективные вузы, это преимущественно выходцы из высших и средних социальных страт. После 9-го класса и промежуточной учебы в учреждениях среднего профессионального образования существенно чаще поступают в вузы (в обход ЕГЭ) на заочное обучение представители семей с пониженными экономическими и социокультурными ресурсами². Эти социальные последствия имеют прямое отношение к тому, кто может в ближайшее время заполнить учебные места ПИШ, а кто стать резервом усиления подготовки по промышленным инженерно-техническим специальностям в вузах регионов.

По данным исследований, доля обучающихся по направлению подготовки «Математические, компьютерные и естественные науки» среди всех студентов-очников составляла 20 %, а среди всех студентов-заочников — 2,9 %, по направлению «Инженерно-технические специальности» — 19 и 25 % соответственно (бакалавриат и специалитет 2019/20 уч. г.)³.

У очников по сравнению с заочниками на порядок выше доля получающих IT и математические специальности и, напротив, ниже доля желающих стать инженерами. В целом студенты-очники по большей части происходят из привилегированных и средних социальных страт: у 54 % матери имеют высшее обра-

¹ Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. М.: НИУ ВШЭ, 2022.

² Чердниченко Г. А. Переход «школа-вуз»: человеческий капитал vs социальное неравенство // Власть. 2022. № 5. С. 133–144.

³ Здесь и далее цитируются источники: Основные стратегии выбора вуза и барьеры, ограничивающие доступ к высшему образованию: информационный бюллетень НИУ ВШЭ. 2021. № 17; Чердниченко Г. А., Вознесенская Е. Д., Кузнецов И. С. Заочник высшей школы: социальное поведение в сфере образования и на рынке труда: монография / отв. ред. Г. А. Чердниченко. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Cherdnichenko_Voznesenskaya_Kuznetsov_Zaochnik_vyssheyshkolny_2020.pdf (дата обращения: 20.03.2023).

зование, в вузах особого статуса (НИУ, ФУ, «Проект 5-100» и др.) — 73 %; относят себя к группам самых хорошо обеспеченных 54 % (и 68,4 % соответственно). В селективные вузы столиц и крупных образовательных центров (именно они в числе ПИШ) существенно чаще поступают выпускники школ из высокодоходных групп семей, так как благодаря репетиторству они лучше сдают ЕГЭ в среднем на 4–5 баллов (из 100), нежели из групп низкообеспеченных¹. Окончание селективного вуза открывает доступ к трудоустройству в ведущие международные технологические корпорации в стране и за рубежом².

Сегодня привлекательность инженерного труда у выпускников средней школы низкая. При приеме в вузы в 2022 году самыми популярными среди абитуриентов Москвы и Санкт-Петербурга были IT-специальности; в регионах — педагогическое образование, лечебное дело; заметный рост отмечен по судовождению, спорту, проектированию автомобилей; в целевом приеме — железнодорожный и водный транспорт. Намеренное увеличение в 2022 году числа бюджетных мест по инженерным специальностям обернулось недобором поступивших. Долгие годы установки большей части школьников и родителей были сориентированы на сервисную экономику. В госстандартах школьных программ время на изучение физики, химии и других естественных наук сокращалось. Сегодня для роста привлекательности инженерного дела и привлечения таких специалистов на рынок труда необходимы повышение заработной платы на региональных предприятиях, усиление школьных программ физики и химии (ныне не стыкуется с ФГОС 3+), чтобы родители и учащиеся согласились инвестировать в два года старшей школы и пять лет вуза.

По-иному выглядит социальный портрет заочника в высшем образовании. Ими становятся те, кто на момент окончания школы принадлежал к средне- и малоресурсным группам населения. У 61,7 % отцы были рабочими (в том числе 35,7 % — квалифицированными), 25,9 % матерей относились к специалистам средней и 21,6 % — высшей квалификации. Оканчивали школу: 27,5 % в крупных городах, 21,2 % — в больших и средних, 25,2 % — в малых городах, поселках, селах; на Москву и Санкт-Петербург приходилось 6,8 %. Учились в наиболее престижных вузах —

занимающих места с 1-го до 50-го в ранге топ-100 (RAEX) — 10,6 % респондентов. Для траектории заочника-технаря характерно стремление к более ранней самостоятельности и переходу на учебу в учреждения среднего профессионального образования после 9-го класса, когда у них еще не сформированы представления о ценности высшего образования. Данная культурно-социальная среда формирует с отрочества ценность технического труда, способствует накоплению практики ремесленничества и опыта работы с «малой» техникой. Осознание преимуществ и необходимости высшего образования происходит по мере взросления — в результате более широких и разнообразных социальных и трудовых контактов, накопления трудового опыта, потребности профессионального развития, перехода из одного жизненного цикла в другой.

Эти социальные группы молодежи станут одним из резервов кадров для импортозамещения / опережения в регионах. Об этом свидетельствует соотношение очной и заочной подготовки инженеров в вузах промышленно развитых областей. Так, в Нижегородской области при приеме в вузы в 2021 году на долю инженерных специальностей приходилось 21,6 % от общего числа поступающих на очное и 39,6 % — на заочное обучение; в Воронежской области — 25 и 38,4 % соответственно. Если пересчитать соотношение численности очников и заочников — будущих инженеров, — то оно в первом случае 58,6 / 41,4 %, во втором — 57,4 / 42,6 %³.

Таким образом, для решения обозначенных в начале доклада задач, стоящих перед инженерным образованием, необходимо изменить ситуацию в средней школе. В ближайшей перспективе, пока не будет преодолено описанное выше социальное неравенство доступа школьников и молодежи к качественному высшему образованию и восстановлен надлежащий объем и уровень обучения физике, химии, другим естественным наукам в школе, на обучение инженерным специальностям будет приходиться весьма разнородный контингент молодежи. Это узкий поток выходцев из привилегированных слоев для высокотехнологичной подготовки, довольно массовый поток социально-демократических слоев на заочное обучение инженерному делу и недостаточно многочисленный и мотивированный поток выпускников средних школ для очного обучения в базовых технических университетах.

¹ Результаты мониторинга школьников с одинаковой успеваемостью в конце 9-го класса см.: *Прахов И. А.* Влияние инвестиций в дополнительную подготовку на результаты ЕГЭ // Вопросы образования. 2014. № 3. С. 74–97.

² Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы: докл. М. : ВШЭ, 2022.

³ Расчеты автора проведены по: Высшее образование // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 20.03.2023).

К. И. Шарафадина¹,
М. Е. Беломестнова²

ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕ И РОССИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ЗОНЫ

Настораживающая статистика последних лет, согласно которой среднегодовой прирост детей-инвалидов составил уже более 9 % (ср.: несколько лет назад было 6 %), заставляет и исследователей, и практиков-организаторов отечественного образования обращаться к выявлению реальных проблем внедрения новой формы организации образовательного процесса — инклюзивного, или включенного, образования (от *fr. inclusif* — включающий в себя, *лат. include* — заключаю, включаю), обозначающего процесс обучения людей с особыми потребностями в различных образовательных учреждениях³.

В основе теоретической концепции инклюзии лежит убеждение, что любой человек, в том числе и ребенок с особенностями развития, должен рассматриваться с позиции самоценности⁴.

История инклюзивного образования показательна в плане серьезного расширения его масштабности: от появления частных школ и образовательных организаций до полноценной государственной системы образования с ориентированными на особенных детей программами и малочисленными ресурсными классами.

Обратимся к европейскому опыту. В Германии до XIX века учащиеся с ограниченными возможностями здоровья или особыми образовательными потребностями не обучались и были исключены из многих сфер общественной жизни. Это считалось нормой, и такие

дети не имели равного доступа к образовательным возможностям.

В 1880 году в Германии была организована первая специальная школа для детей с ограниченными возможностями здоровья, а также начали открываться специальные школы, где отдельно обучались дети с особыми потребностями в образовании⁵. Однако таких школ было немного. Даже после Второй мировой войны специальных школ не хватало, поэтому детей с ограниченными возможностями здоровья часто принимали в общеобразовательные школы и обучали там.

В период с 1960 по 1973 год количество специальных школ удвоилось; дети с ограниченными возможностями здоровья обучались отдельно.

До 1980-х годов в Германии функционировало всего 19 школ, которые предлагали инклюзивные курсы. Разделение здоровых детей и детей с особыми потребностями в обществе было нормой.

В 1994 году в Саламанке прошла конференция ЮНЕСКО «Образование для лиц с особыми потребностями: доступность и качество». Конференция назвала инклюзивность важнейшей целью международной образовательной политики и, таким образом, создала первую международную основу для реализации инклюзивности.

С 2009 года обязательную юридическую силу в Германии получила Конвенция ООН о правах инвалидов (*UN-Behindertenrechtskonvention*) (имеет статус федерального закона). Статья 24 Конвенции декларирует право на инклюзивное образование и призывает людей с ограниченными возможностями здоровья посещать общеобразовательные школы⁶.

С принятием Глобальной программы действий по образованию в интересах устойчивого развития (ОУР) мировое сообщество взяло на себя обязательство обеспечить к 2030 году качественное, инклюзивное и справедливое образование для людей во всем мире и на всю жизнь (в соответствии с глобальной целью 4 в области устойчивого развития)⁷.

В 2017 году Комиссия Германии по делам ЮНЕСКО приняла резолюцию «Об инклюзивном образовании в Германии». Но запланированное объединение специальных и общеобразовательных школ с целью формирования системы инклюзивного образования еще

¹ Профессор кафедры журналистики и кафедры английского языка СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «„Алфавит Флоры“ в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы», «Творчество А. С. Пушкина: два взгляда на пространство смысла» (в соавт.), «Жизнь культуры в универсуме слова» (в соавт.), «„Селам, откройся!“: Флоропозитика в образном языке русской и зарубежной литературы» и др. Член Российско-франко-британского общества по изучению русской культуры (Париж), Международного Тургеневского общества, секции мировой литературы Санкт-Петербургского дома ученых. Член редколлегии научных журналов «Вестник СПГУТД. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки», «Текст. Книга. Книгоиздание». Награждена Благодарностью РАО за многолетний добросовестный, плодотворный труд в системе образования и науки.

² Доцент кафедры туризма и гостиничного дела Российского университета спорта «ГЦОЛИФК», кандидат педагогических наук. Автор около 100 научных публикаций, в т. ч.: «Туристское образование в условиях трансформации отрасли: новые вызовы и возможности» (в соавт.), «Анализ проблемы информационной безопасности детей дошкольного возраста в семье» (в соавт.), «Инновационные направления в системе подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства: отечественный опыт и европейская практика» (в соавт.), «Международный опыт организации безбарьерной среды на туристских объектах: опыт Германии» (в соавт.) и др. Действительный член Русского географического общества, член Национальной академии туризма и др.

³ См.: Костенко О. Е., Митрофанова О. Г. Психолого-педагогические проблемы создания инклюзивной образовательной среды // Гуманитарные науки. Ялта, 2018. № 2 (42). С. 15–20.

⁴ Яковлева Е. Л. Проникая в мир инклюзии. Казань: Познание, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/279536622_Pronikaa_v_miry_inkluzii (дата обращения: 15.03.2023).

⁵ См.: Mensah A. K. Cross-cultural Analysis of Teacher Perspectives and Preparedness for Inclusive Education in Ghana and Germany: Implications for Teacher Education. URL: <https://core.ac.uk/download/33335618.pdf> (дата обращения: 03.05.2023).

⁶ Gesetz zu dem Übereinkommen der Vereinten Nationen vom 13. Dezember 2006 über die Rechte von Menschen mit Behinderungen sowie zu dem Fakultativprotokoll vom 13. Dezember 2006 zum Übereinkommen der Vereinten Nationen über die Rechte von Menschen mit Behinderungen. URL: <https://www.un.org/Depts/german/uebereinkommen/ar61106-dbgbl.pdf> (дата обращения: 03.05.2023).

⁷ Inklusive Bildung // Deutsche UNESCO-Kommission: [официальный сайт]. URL: <https://www.unesco.de/bildung/inklusive-bildung> (дата обращения: 03.05.2023).

не осуществлено. Цель этого слияния должна состоять в том, чтобы сделать их доступными для всех в системе образования, в том числе на уровне дошкольного образования¹.

Из 582 400 учеников, получивших поддержку в виде специального образования в 2020 году, около 56 % посещали школу для детей с особыми потребностями и примерно 44 % — общеобразовательную школу.

Однако доля учащихся, посещающих специальные школы, практически не уменьшилась с момента ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов: в 2020 году она составляла 4,3 %. Более 70 % молодых людей, посещавших специальные школы, бросили учебу, не получив аттестата об окончании средней школы².

В настоящее время около 7 % всех школьников в Германии имеют особые потребности. В это число входят дети с ограниченными физическими возможностями, а также дети с ограниченными возможностями обучения или поведенческими проблемами³.

Коэффициент исключенности, то есть доля детей и молодежи, обучающихся в специальных школах, по отношению к общему числу учащихся не меняется годами.

По прогнозам Конференции министров образования, к 2030/31 году мало что изменится. Правительства многих федеральных земель высказываются за поддержку инклюзивного образования, но на самом деле они придерживаются школьной системы с особыми потребностями для учащихся с ограниченными возможностями здоровья⁴.

Таким образом, в настоящее время в Германии более половины учащихся с особыми образовательными потребностями посещают специальные школы. Кроме того, они, как правило, уходят из этих школ без аттестата — это начало пожизненной цепочки исключения: молодые люди с инвалидностью часто переходят на отдельные формы обучения, сводящиеся к теории.

В так называемых мастерских для людей с инвалидностью они не только зарабатывают меньше минимальной заработной платы, но и впоследствии имеют меньше возможностей на общем рынке труда, что может привести для них к безработице и бедности в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Причины фактического исключения различны. Для некоторых родителей организация инклюзивного обучения часто требует значительных дополнительных усилий. Другим родителям с самого начала внушается, что их ребенку будет лучше в школе для детей с особыми потребностями. Есть также родители, ко-

торые выбирают школу для детей с особыми потребностями только из-за недостатка информации. И очень часто учителя и общеобразовательные школы недвусмысленно предлагают детям с ограниченными возможностями здоровья перейти в школу для детей с особыми потребностями.

В России отношение к инклюзии как педагогов, так и общественности, включая родителей особенных детей, также остается неоднозначным.

Сравним опрос Фонда общественного мнения 2012 года⁵ и опрос ВЦИОМ 2021 года⁶.

Летом 2012 года было опрошено 1500 респондентов из 43 регионов России: 45 % россиян одобряли идею обучения детей-инвалидов в общеобразовательной школе; 35 % были против; 19 % затруднились дать ответ; 52 % опрошенных посчитали, что инклюзивное образование не отразится на качестве образования учеников в худшую сторону⁷.

В августе 2021 года был проведен опрос фонда «Обнаженные сердца» и ассоциации «Аутизм-Регионы» (при поддержке Всероссийского фонда общественного мнения). Его результаты свидетельствуют о все той же низкой информированности об инклюзии: 59 % опрошиваемых впервые услышали о нем во время опроса; только каждый четвертый респондент слышал хотя бы раз (25 %), и всего лишь каждый десятый (11 %) смог дать правильное толкование инклюзии.

Проведенный нами в апреле 2023 года опрос студенческой аудитории наглядно проиллюстрировал и подтвердил эти итоги: наряду с верным пониманием даются и такие «расширительные»: «инклюзия — это когда каждый человек вне зависимости от своего состояния имеет право на получение достойного образования» (Е. К.); «включение людей с ограниченными возможностями здоровья в общественную жизнь, их социализация среди обычных людей, создание условий, позволяющих инвалидам комфортно перемещаться по городу и полноценно участвовать в общественной жизни, создание безбарьерной среды в городском пространстве: наличие пандусов, подъемников, лифтов».

Приведем также откровенные признания студентов, участвовавших в нашем недавнем опросе о сложностях в общении с людьми с особенностями развития: «Лично мне тяжело, когда я вижу или сталкиваюсь вблизи с инвалидом. Меня берет оторопь и хочется отстраниться, спрятать голову в песок, будто ничего не замечаешь»; «Это непросто для меня: хочется оставаться тактичной, не показывать жалости, но и учитывать особенности».

¹ См.: Шаповалова Л. И., Шпортова Я. И., Зыкова С. Н. Инклюзивное образование: основополагающие принципы и факторы, мешающие его успешному осуществлению // Мир университетской науки: культура, образование. 2019. № 8. С. 33–39.

² «Einfach Inklusion» Folge 9: Inklusive Bildung // Baden-Wuerttemberg : [офич. сайт]. URL: <https://www.baden-wuerttemberg.de/de/service/presse/pressemitteilung/pid/einfach-inklusion-folge-9-inklusive-bildung> (дата обращения: 03.05.2023).

³ Inklusive Bildung // Lars Rohwer : [офич. сайт]. URL: <https://www.lars-rohwer.de/wahlkreis-160-dresden-ii-bautzen-ii/meine-ziele-in-der-bundespolitik/inklusive-bildung> (дата обращения: 04.05.2023).

⁴ Inklusive Bildung: Gemeinsam lernen — miteinander leben // Deutsche Institut für Menschenrechte : [офич. сайт]. URL: <https://www.institut-fuer-menschenrechte.de/im-fokus/inklusive-bildung-gemeinsam-lernen-miteinander-leben> (дата обращения: 03.05.2023).

⁵ Фонд общественного мнения: Большинство россиян считают, что инклюзивное обучение не ухудшит качество школьного образования // Ведомости. 2012. 12 авг. URL: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/08/12/opros_fos (дата обращения: 17.01.2023).

⁶ Инклюзивное образование в России: отношение, проблемы, перспективы // ВЦИОМ : [офич. сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inkluzivnoe-obrazovanie-v-rossii-otnoshenie-problemy-perspektivy> (дата обращения: 17.01.2023).

⁷ См.: Брызгалова С. О., Кубасов А. В. Роль СМИ в формировании инклюзивной культуры в социуме (На материале интернет-публикаций) // Педагогическое образование в России. 2015. № 5. С. 141–145.

Вернемся к опросу Фонда. Две трети респондентов (66 %) положительно отнеслись к совместному обучению детей с ОВЗ со здоровыми детьми. Отрицательно отреагировали на предложение 16 % респондентов. Остальные 13 % выбрали нейтральную позицию. Позитивное отношение характерно для молодежи от 18 до 24 лет (81 %).

Преимущества совместного обучения здоровых детей и детей с особенностями респонденты видят в социализации, воспитании толерантности (62 %), равенстве возможностей в получении образования (14 %).

Основными же недостатками считают психологические проблемы развития особенного ребенка (27 %), риск отстать в обучении из-за уровня сложности образовательной программы (7 %). 17 % столкнулись с сопротивлением школ и родителей принять особен-

ных детей. Каждый десятый (12 %) высказал опасение о снижении общего уровня образования.

И все-таки подавляющее большинство россиян поддерживают идею о том, что инклюзивное образование помогает детям лучше понимать и принимать друг друга (80 %). С каждым годом все менее популярно мнение россиян о снижении уровня образования при инклюзивном образовании. Уже две трети респондентов (61 %) не разделяют такую точку зрения, но одна треть (31 %) всецело поддерживает мнение о негативном влиянии новой формы образования на качество учебы.

Общество в своем большинстве готово к изменениям, но по-прежнему нуждается в повышении уровня информированности об инклюзии и ее преимуществах и насущной необходимости для отечественного образования.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Е. А. АЛЕКСАНДРОВА заведующая кафедрой методологии образования Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, доктор педагогических наук, профессор
- Е. В. АНДРИЕНКО заведующая кафедрой педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. А. АХАЯН профессор кафедры педагогики школы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, Почетный работник сферы образования РФ
- М. Н. ВЕТЧИНОВА профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- Н. К. ГАРБОВСКИЙ директор Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова, академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО, доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. С. ГОРШКОВ советник при ректорате, профессор кафедры управления и экономики образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, доктор педагогических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ
- Л. А. ДАРИНСКАЯ профессор кафедры психологии образования и педагогики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор педагогических наук
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- М. А. ЗАХАРИЩЕВА профессор кафедры педагогики и психологии Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко, доктор педагогических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики
- О. И. КОСТИКОВА заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова по научной работе, кандидат филологических наук, доцент
- Е. Б. КОСТЮК доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат педагогических наук
- А. А. МЕЛЬНИКОВА профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Л. М. МОСОЛОВА профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, Заслуженный работник высшей школы РФ
- С. Д. ПОЛЯКОВ профессор кафедры психологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, доктор педагогических наук
- Г. А. ПРАЗДНИКОВ заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств (Санкт-Петербург), кандидат философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Почетный профессор СПбГУП
- В. С. САЙГАНОВА декан факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Минск), кандидат философских наук, доцент
- Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва), доктор социологических наук
- К. И. ШАРАФАДИНА профессор кафедры журналистики и кафедры английского языка СПбГУП, доктор филологических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Как председатель Оргкомитета XXI Международных Лихачевских научных чтений приветствую участников секционного заседания.

Среди моих титулов есть один очень важный для меня — академик Российской академии образования. Возглавляет секцию 5 Лихачевских чтений мой руководитель по Отделению образования и культуры РАО, выдающийся переводчик Н. К. Гарбовский. Другим руководителем нашей секции является выдающийся петербургский культуролог Л. М. Мосолова, которой я восхищаюсь много лет. Рад приветствовать наших друзей из Беларуси, в частности еще одного руководителя секции — декана факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета В. С. Сайганову.

Отрадно, что в зале много знакомых лиц, людей, которых я очень почитаю. Например, присутствуют профессор Г. А. Праздников, один из ведущих петербургских философов и специалистов по эстетике, и А. С. Горшков, на протяжении ряда лет работавший заместителем председателя Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, и многие другие.

Лихачевские чтения имеют давнюю традицию. Первый раз Чтения, идея проведения которых принадлежит Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, состоялись в 1993 году. Когда в 1992 году СПбГУП предложил академику Лихачеву стать Почетным доктором, он посетил Университет и сказал знаменитые слова: «Чувствую себя сегодня в Университете XXI века. Если основная часть европейских университетов гордится своим прошлым, то мы должны гордиться своим будущим». Сегодня то будущее, о котором говорил Д. С. Лихачев, уже наступило.

Первоначально это научное мероприятие называлось «Дни науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов». После ухода Дмитрия Сергеевича из жизни мы с Почетным доктором СПбГУП Д. А. Граниным в 2001 году обратились к Президенту России В. В. Путину с предложением увековечить память Д. С. Лихачева. С того момента, как письмо поступило в Администрацию Президента, в течение трех дней был подготовлен и выпущен Указ от 23 мая 2001 года № 587 «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева», в котором говорилось о ежегодном проведении Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных ко Дню славянской письменности и культуры. 24 мая — это еще и день рождения Университета. Академик Лихачев считал, что лучший способ праздновать что-либо в вузе — это заниматься наукой.

Сегодня Лихачевские чтения — крупнейший в мире ежегодный международный форум ученых-гуманитариев. За все время проведения в Лихачевских чтениях приняли участие представители 59 государств, более 1500 человек и было издано 5 тыс. докладов. Сегодняшние участники добавят новую страницу в историю Чтений.

Все Лихачевские чтения так или иначе посвящены проблеме диалога культур. По части образования в рамках диалога культур в России намечается инте-

ресная тенденция: мы начали отходить от копирования западного образования и образцов. В начале 1990-х годов основная идея реформирования образования в России и ряде постсоветских стран заключалась в копировании западного опыта. Я изначально выступал против этого, о чем неоднократно высказывался публично. Известно, как появилась двухуровневая система образования «бакалавр–магистр». Бакалавриат был придуман советниками президента Дж. Кеннеди, довольно образованными людьми. Когда американцы увидели, что СССР отправил человека в космос, то поняли, что невероятно отстали от нашего государства в сегменте массового образования. В то время США были невежественной страной, почти как Россия, в которую мы сейчас погружаемся. Сегодня необходимо остановиться это погружение и вернуться к тому лучшему, что было в советское время. Президент Кеннеди сформулировал национальную идею США — догнать Советский Союз в области образования. Но практичные американцы, проанализировав всеобщее пятилетнее высшее образование, которое требовало больших вложений, сделали доступными только четыре года. Пять лет всеобщего бесплатного образования богатая Америка не смогла осилить, в отличие от Советского Союза, потому что это дорого. Когда наша страна отказалась от собственной системы высшего образования и был принят ряд ущербных решений, это ознаменовало начало погружения в невежество. Нельзя без ущерба для образования исключить из учебных программ один год обучения, или 20 % материала.

Недавно В. В. Путин в Послании Федеральному собранию сказал, что необходимо, чтобы вузы и школы восстановили то ценное, что было в советском образовании. В Советском Союзе, что бы ни говорили отдельные чиновники, было лучшее в мире образование. Но не нужно отказываться и от того хорошего, что было сделано за последние 30 лет. Следует прекратить бросаться из крайности в крайность. Мы в Университете никогда не отказывались от того хорошего, что было в советском образовании.

Кроме того, В. В. Путин поставил задачу вернуть в сферу образования воспитание, но не такое, какое было в советское время и вызывало у многих отвращение, потому что навязывалась идеология и запрещалось свободомыслие.

Также необходимо вернуть в образование фундаментальность, которая сегодня во многом утрачена, о чем свидетельствует ЕГЭ. Фундаментальность образования предполагает, что человек, окончивший школу, имеет сформированную картину мира и знает основные факты в их взаимосвязи. Например, в СПбГУП экзамены сочетают устную часть с письменной, и чтобы получить пятерку, студент должен привести минимум три источника с разными точками зрения. Необходимо знать всю палитру мнений по любому вопросу и уметь обоснованно присоединиться к любому из них.

В том случае, когда формируется клиповое мышление, что нередко происходит сегодня, человек не может составить собственное мнение, и его легко сбить с пути. Самое главное — фундаментальность

советского образования предполагала знание фактов, законов природы и принципов развития в их взаимосвязи. При появлении новых фактов человек может сопоставить их с другими явлениями в рамках своей картины мира и определить им место в своей системе знаний. В отличие от человека с клиповым мышлением, образованный человек может понять, когда его обманывают, манипулируют им, потому что это не укладывается в его систему. В этом направлении Университет работает со студентами уже 30 лет. Буду рад, если наши гости поговорят об этом, а также о том, что их волнует.

Благодарю за участие и желаю успехов!

Н. К. ГАРБОВСКИЙ: — Уважаемые коллеги, начинаю работу нашей секции, посвященной вопросам современного российского образования. По сложившейся традиции Лихачевских чтений попытаемся заглянуть в будущее. У Черчиллю приписывают фразу, которая, на мой взгляд, может метафорически охарактеризовать наши рассуждения об образовании: «Генералы всегда готовятся к прошлой войне». Говоря об образовании, мы — те, кто занимается образованием и должен образовывать, — часто забываем о том, что сегодня, опираясь на опыт вчерашнего дня, мы готовим для завтрашнего дня тех, кто вступит в профессиональную жизнь через 4–6 лет. Каким будет это будущее, можно только предполагать. Но для того, чтобы наши предположения были более или менее точными, необходимо сконцентрироваться на предшествующем опыте.

Сегодня образование в очередной раз (уже не первый) в нашей истории переживает реформирование, точнее сказать, находится на пороге разлома. Реформы, о которых идет речь, предполагают не плавный переход от одной системы к другой, а довольно резкое изменение образовательной стратегии и всего образовательного контекста в рамках социальной деятельности нашей страны. На первый взгляд кажется, что это чисто технический вопрос: перейти от двухуровневой системы к системе подготовки специалистов. У нас имеется довольно большой опыт подготовки специалистов, мы знаем все плюсы и минусы этой и двухуровневой системы образования. И кажется, что все должно произойти так, как задумано. Но в данном случае следует говорить не только о техническом переходе.

Прежде всего речь идет о содержании образования. Чем должно быть наполнено современное образование? Сейчас в сфере гуманитарного образования этот вопрос встал особенно остро. Каждый день из средств массовой информации мы слышим о наступлении искусственного интеллекта. Высшая аттестационная комиссия сегодня обеспокоена тем, что для искусственного интеллекта уже не составляет труда подготовить автореферат кандидатской или докторской диссертации. И отличить, написан этот автореферат соискателем или искусственным интеллектом, довольно сложно. Я уже не говорю об аттестационных, квалификационных работах более низкого уровня — магистерских диссертациях, дипломах специалистов, выпускных квалификационных работах бакалавров и т. д.

Текст, созданный искусственным интеллектом, дает только отсылку к прошлому, к тому, что было. Необходимо позаботиться о том, чтобы подрастающее поколение, которое мы должны сформировать для будущего общества России, не удовлетворялось этим довольно простым ходом, изменяющим весь ход мыслей, а главное — трансформирующим ценностный подход. Поэтому сегодня ценности и содержание образования станут одними из важных тем обсуждения.

Я желаю всем присутствующим успехов и хороших впечатлений от обмена мнениями. Уверен, каждому выступающему, основываясь на богатом педагогическом опыте, есть что сказать: педагогический опыт порождает размышления и новые идеи. Предлагаю высказывать свои соображения по разным аспектам обшей темы — образования, обсудить его проблемы и будущее, чтобы мы могли получить новый багаж знаний и представлений.

Слово предоставляется профессору Любви Михайловне Мосоловой.

Л. М. МОСОЛОВА: — Рада приветствовать всех заинтересованных в развитии образования. Я понимаю образование как способ воспроизводства, трансляции, развития культуры нации и каждого человека с позиции культурологии. Культура охватывает все, что создал человек: и материально-технические системы, и социокультурную среду, и самого человека, и идейно-нравственные ценности, и в целом ментальность. Культурология — наука, которая рассматривает культуру в целом, а не отдельные ее стороны, поэтому ее метод познания — генерализирующий, когда за деревьями, если говорить метафорически, виден лес. Каждое явление рассматривается в контексте этого леса, то есть всей культуры.

Сегодня многое делается для образования и воспитания. Например, С. Кириенко реализует множество проектов, проводит большое количество фестивалей и мероприятий, способствующих освоению разнообразного мира культуры и выработке различных способов деятельности. Это хорошо, но все-таки главное — это систематическое, целенаправленное школьное и профессиональное вузовское образование.

Российское образование сегодня находится в центре всеобщего внимания — от родителей до СМИ и депутатов Государственной Думы. Много внимания образованию уделяется в политических ток-шоу, например в передаче «Большая игра», где ведущий В. Никонов рассуждает о путях реформирования системы образования.

Тема нашей секции предполагает обсуждение того, что необходимо сегодня для образования, а что вызывает критику. Критикуется спонтанное реформирование нашего образования. Образование неоллиберального (с позиции идеологии) постмодерна нанесло вред, отменив классическую науку, культуру, искусство, так же как и Болонский процесс с компетентностным подходом. Как сказал один из патриархов отечественной культурологии Э. С. Маркарян, Болонская система была направлена на ментальное разоружение, потому что компетентностный подход — набор компе-

тенций, который придумал Запад, — ориентирован на формирование специфического социального актора, действовавшего в интересах Евро-Атлантики. Мы доверчиво отнеслись к Болонскому процессу и ЕГЭ, которые формируют адаптивно-аналоговую систему мышления. Эта система не порождает смыслообразования, не предполагает понимания целей, задач и содержания образования. С этой точки зрения сегодня весьма критикуется как сам Болонский процесс, так и реформирование российского образования. Оно характеризовалось то как неолиберальное, то как консервативное, эклектическое. И такое смешение ничего хорошего в итоге не дало.

Прежде всего критикуется отказ от классического наследия, высоких нравственных идеалов, которые присутствуют в образовании. Болонский процесс формировал социальных акторов, поэтому так много внимания уделялось практикоориентированности. Меня удивляли стандарты, спускаемые из Министерства культуры, где на подготовку по истории культуры или художественной культуре отводилось 10 лекционных часов (всего пять лекций) и 40 часов практических занятий в семестр. Вряд ли студенты за один семестр освоят то, что лектор смог освоить за всю свою жизнь и представить студентам в концентрированном виде.

Мне кажется, что ошибка кроется в реализации, в том, что учебные планы и стандарты формируются спонтанно. Меня поражают циркуляры, в которых заранее устанавливаются, какие компоненты должны быть модульными, а какие — немодульными. Считаю правильным решение отказаться от бакалавриата и магистратуры. Бакалавриат не дает возможности получить полноценное образование, магистратура часто оказывается профанацией (например, когда студент с факультета физического воспитания хочет за два года освоить искусствоведение).

Также хотела бы рассказать о том, как изучается культура России. Когда я начинаю читать курс, посвященный культуре в контексте Евразии и культуре народов России, то задаю студентам вопрос: какие народы России им известны (место их проживания, культурное наследие и пр.)? Последние три года ребята демонстрируют полное незнание по этому вопросу, а тем более по вопросу о евразийских корнях России. На вопрос: «Кто живет в Сибири?» отвечают: «Азербайджанцы» и пр. Поэтому я отправляю их в этнографический музей, чтобы они хотя бы имели представление об этом. Печально само небрежение к народам, проживающим в России.

В. В. Путин сказал о том, что российская цивилизация — самобытная, она составляет ядро Евразии. Нужно изучать не просто Россию, а в контексте евразийской цивилизации и под этим углом зрения менять образовательные программы в школе и вузе. Я посмотрела в учебнике «История России с древнейших времен до наших дней» под редакцией академика А. Н. Сахарова на предмет, присутствуют ли там народы России как субъекты общего исторического прошлого. В самом начале на двух страницах говорится о том, что славяне в древности взаимодействовали с готами, соседствовали с киммерийцами и прочими древними наро-

дами. И на этом всё. Оказывается, у нас вообще нет древней истории, а древней объявлена средневековая история. Но это абсурдно. Другие народы в историческом процессе России появляются в эпоху Средневековья, в XII веке, когда татаро-монголы напали на Русь. Что до этого происходило на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке, какие народы там жили, чем занимались, какое культурное наследие оставили — об этом ничего не сказано.

Сегмент программы национальной, региональной истории разрабатывают республики. Но эти программы созданы на уровне описательного этнографизма, в них отсутствует серьезный анализ историко-культурных процессов, которые дают возможность объединять народы, видеть их развитие в общем историческом русле, а не как нечто дополнительное.

Что нужно делать? Мне кажется, необходимо начать изучение подлинной целостной истории и культуры России. В советское время, когда я училась в школе в 1960-е годы, мы изучали народы и их культуру. Я, например, знала, что в Средней Азии жили великие философы Ибн Рушд и Авиценна, замечательные писатели Фирдоуси, Омар Хайям, Руми и т. д.

Сегодня нужно уделить пристальное внимание евразийским корням и евразийской истории, показать, какие коллективные субъекты развивали нашу цивилизацию (первые индоевропейцы, продвигавшиеся с запада на восток, принесли туда рудознательство, опыт кочевого хозяйствования и пр.). Необходимо изучать и скифский период нашей истории, какую роль сыграли скифы (кроме известной триады: скифский звериный стиль, вооружение, конская упряжь) в становлении Евразии в эпоху Средневековья. Мне представляется необходимым восстановление целостной истории России.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — В выступлениях уважаемых руководителей нашей секции и Александра Сергеевича Запесоцкого были намечены основные темы — это образование и российская культура, которая состоит из разных национальных культур, смыслы и ценности образования и направления его реформирования.

Предлагаю выступить профессору Георгию Александровичу Праздникову.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ: — В названии своего доклада «Вернуть образованию человекообразующий смысл» мне хочется поставить в конце восклицательный знак. Действительно, предстоит сделать много нового, но в значительной степени это новое должно быть возвращением и осмыслением того, что уже было сформулировано.

Во второй половине XX века сформировалась новая для педагогики и философии наука — философия образования, в рамках которой образование впервые было глубоко осмыслено не как профессиональная, отраслевая, семейная деятельность, а как важнейший базовый процесс истории и культуры. Постепенно этот смысл стал утрачиваться.

Александр Сергеевич сказал об исчезновении воспитания из сферы образования. В первой редакции российского закона «Об образовании» образование опре-

делялось как единство обучения и воспитания, а во второй редакции эти слова поменяли местами — образование как единство воспитания и обучения. Во всех последующих государственных документах сохранился такой порядок слов. Слово «образование» происходит от старославянского слова «образить» — сформировать лик. Это не калька с английского Education и немецкого Bildung. Образовательный процесс в нашей стране ориентирован на развитие человеческого в человеке, в нашем Отечестве изначально было осмысление образования.

Хотел бы сделать комплимент книге А. С. Запесоцкого «Методологические и технологические основы образовательной деятельности», которая вышла в свет много лет назад. Достаточно посмотреть оглавление, в котором есть параграф «Образование как проблемно-экзистенциальная модель человеческого бытия», и понять, что это одна из серьезных обобщающих работ об образовании. К такому осмыслению образования, как мне кажется, надо возвращаться.

Что касается Болонской системы, то во многом она навредила российскому образованию. Все документы по Болонскому процессу (а это именно процесс, потому что каждый год появлялись новые документы) не направляли наше образование. Я помню, как учебно-методические объединения медицинских институтов требовали заменить курс всеобщей истории историей медицины, экономисты — историей денег. Ректор Московского юридического института был возмущен фактом обилия на юридическом факультете ненужных дисциплин: они вынуждены преподавать философию вместо юридического образования. Исключены, а не просто выпали из учебных планов художественно-творческих вузов этика и эстетика. Известный культуролог, в то время директор Нового института культурологии К. Э. Разлогов писал, что это справедливо, так как эти дисциплины имеют дело с нормами, а нормы для современной культуры нехарактерны.

Хочу воспользоваться трибуной, чтобы озвучить следующее положение. В последние годы советской власти на уровне Политбюро ЦК возникла блестящая идея — создать единую комплексную программу эстетического воспитания населения Советского Союза. Я входил в состав редколлегии этой программы. Над ее созданием работала вся страна: Прибалтика, Закавказье, московские Институт философии и Академия педагогических наук. Программа предполагала системный воспитательный процесс — от ясельного до взрослого возраста — и практически была создана, но произошло крушение Советского Союза и о ней забыли.

Очень многие явления сегодня, например Интернет, нуждаются в осмыслении. В 2007 году в Общественной палате РФ обсуждался вопрос о российской культуре. Я написал параграф для доклада, который представлял народный артист А. А. Калягин, где рассказал об этой программе и о том, что она готова и ее можно использовать. А через день в газете «Культура» появилась статья, в которой была такая фраза: «До чего мы дошли? Нам предлагают вернуться к советскому опыту». Мне кажется, необходимо вернуться к тому, что стало фундаментальным. Сегодня Александр Серге-

вич говорил о фундаментализации образования, которая предполагает реализацию его человекообразующего потенциала.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Доклад следующего участника позволяет перейти от проблематизации к наметившимся направлениям развития. Слово предоставляется профессору Александру Сергеевичу Горшкову.

А. С. ГОРШКОВ: — Я представляю Санкт-Петербургскую академию постдипломного педагогического образования, которая работает с учителями и руководителями образовательных организаций нашего города. В сферу моих профессиональных научных интересов входят вопросы теории управления и функционирования системы образования.

Тема моего доклада — «Формирование суверенной системы образования России». Понятие суверенной системы образования ввел министр просвещения Российской Федерации С. С. Кравцов. Чтобы наша страна развивалась, несмотря на ограничения и санкции, нам нужна суверенная система образования. Каковы векторы ее развития и в чем заключается ее значение? Единое образовательное пространство — это прежде всего программы, которые утверждаются на федеральном уровне и по которым работают учителя в школах; проверенные и методически выверенные учебники, которые разрабатываются на федеральном уровне; единое воспитательное пространство (программа воспитания, традиционные ценности и пр.).

Создание условий для формирования суверенной системы образования должно начинаться с укрепления единства образовательного пространства. В связи с этим с 1 сентября 2023 года на уровне общего образования вводятся федеральные основные общеобразовательные программы. При реализации федеральных основных общеобразовательных программ предполагается, что по ряду предметов должны быть подготовлены безальтернативные учебники и преподавание по этим предметам тоже будет безальтернативным. На уровне начального общего образования это такие предметы, как «Русский язык», «Литературное чтение» и «Окружающий мир». Отклонение от содержания федеральных основных общеобразовательных программ недопустимо, при разработке собственных образовательных программ каждое образовательное учреждение должно строго следовать содержанию федеральных основных общеобразовательных программ. На уровне основного и среднего общего образования должны применяться федеральные рабочие программы по таким учебным предметам, как «Русский язык», «Литература», «История», «Обществознание», «География» и «Основы безопасности жизнедеятельности». Некоторые отступления и вариации возможны в преподавании других предметов, но по вышеперечисленным предметам никакие отклонения от рабочих программ, утвержденных на федеральном уровне, недопустимы.

Укрепление единства образовательного пространства — это простая и понятная задача. Условием формирования суверенной образовательной системы яв-

ляется обеспечение экономической независимости системы образования. Все, о чем я сейчас буду говорить, наверное, нехарактерно для вашего Университета, но в целом для системы образования Российской Федерации — безусловно. Экономическая независимость системы образования может быть достигнута за счет роста бюджетного финансирования, позволяющего поддерживать высокий социальный статус педагогов, учителей, воспитателей, преподавателей высшей школы, учебно-методическую базу, информационное обеспечение, передовую материально-техническую базу образования.

Сегодня можно констатировать, что у нас не обеспечен достойный социальный статус педагога. Еще в 2012 году Президент РФ поручил правительству и регионам обеспечить повышение заработной платы учителей. Все регионы рапортовали об успешной реализации поручения президента к 2018 году. Но на самом деле эта цель не достигнута, особенно сильное расхождение в соотношении средней заработной платы учителей и остальных трудящихся наблюдается в Центральном федеральном округе. Даже неуместно говорить о том, чтобы всех учителей и преподавателей приравнять к среднестатистическому работнику. Педагог — не среднестатистический человек. Безусловно, нужно повышать социальный статус педагога, главным образом за счет повышения заработной платы.

Следствием бюджетного недофинансирования стало возникновение в системе образования возрастного и гендерного дисбаланса. В школе работают 88 % женщин и 12 % мужчин-педагогов. К сожалению, аналогичная тенденция наблюдается и в системе высшего образования. Преподавателей вузов в Российской Федерации — 218 тыс., из них в 2022 году женщины составляли 58 %. В 1990 году отмечалась другая пропорция: 70 % преподавателей-мужчин, 30 % — женщин, что было обусловлено удовлетворением научных интересов. А сегодня профессия преподавателя высшей школы становится непрестижной, молодежь не идет в науку и образование.

Хотел бы также отметить сложную ситуацию, возникшую в сфере науки. По словам председателя Сибирского отделения РАН В. Н. Пармона, за пять лет мы потеряли 50 тыс. ученых. Чтобы восполнить утраченные ресурсы, требуется, по его мнению, трехкратное увеличение бюджетного финансирования. Очевидно, что аналогичная ситуация сложилась и в системе высшего образования, где тоже наблюдается дефицит бюджетного финансирования и необходимо его увеличение.

Несколько слов о предполагаемой реформе высшего образования. Указом Президента РФ инициирован пилотный проект совершенствования системы высшего образования. Шести ведущим университетам Российской Федерации (среди них — Горный университет) в предстоящих учебных годах (2023/24 и 2024/25) нужно апробировать новую — двухуровневую — систему высшего образования. В настоящее время по закону высшее образование в России имеет трехуровневую структуру. Двухуровневая система предполагает базовое (от 4 до 6 лет) и специализированное высшее

образование. Базовое образование — как было в Советском Союзе, специализированное — программа магистратуры, бакалавриат отсутствует. Мы изначально были не согласны с бакалавриатом, потому что квалификация «бакалавр» не отражает сферу практической деятельности. То есть бакалавр из новой системы убирается, магистратура сохраняется, аспирантура переводится из высшего образования на уровень профессионального образования.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Андрею Андреевичу Ахаяну.

А. А. АХАЯН: — Наша Лаборатория педагогических проблем применения интернет-технологий в образовании, являющаяся структурным подразделением Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, занимается проблемами виртуального пространства и образованием в этом пространстве, а также проблемами сетевой педагогики. Но я хотел бы поговорить о модернизации и трансформации отечественного образования, что представляется мне особенно важным.

На мой взгляд, педагогика как наука отвечает не на все вопросы, которые ей хотелось бы задать. Вопрос о том, кого и как учить и воспитывать, разбивается на два вопроса: что должно получиться в результате и как это сделать? Педагогика отвечает на вопрос: как учить? А вот что должно получиться — это вопрос не к педагогике, а к тем, кто занимается целеполаганием конечного процесса.

Сегодня мы являемся свидетелями обострившейся борьбы двух идей, каждая из которых пытается претендовать на то, чтобы стать доминирующей. Что победит — культ потребления или культ созидания? В зависимости от ответа на этот вопрос выстраивается система обучения и воспитания. Одно дело, когда мы рассматриваем образование как услугу, а целью образования является подготовка квалифицированного потребителя, целью специального образования — подготовка конкурентоспособного профессионала на рынке услуг. А если мы собираемся готовить гражданина и специалиста, для которого счастье состоит в том, чтобы созидать, приносить пользу и только потом потреблять, — это вопрос уже не к педагогам.

Итак, культ потребления или культ созидания, образование — это услуга или миссия? Ответ на этот вопрос важен, потому что доминирующая система взглядов в обществе диктует цели системы образования, а система образования — конечный результат, то есть систему взглядов тех, кто учится в школе и вузах.

Но прежде, чем говорить об образовании, надо понимать, что происходит с личностью. Сегодня используется понятие «сетевая личность», которое имеет разные трактовки. Без определения этого понятия невозможно сделать выводы о том, что с ней делать, как ее образовывать, воспитывать и пр. Нам представляется оптимальной следующая трактовка. У каждого человека есть потребности, среди которых выделяются две врожденные, важные для нашего разговора, — потребность взаимодействовать с себе подобными и потреб-

ность узнавать новое, то есть коммуникативная и гносеологическая потребности.

Когда возникает конкретная потребность, познавательная или гносеологическая (мы хотим с кем-то поговорить или узнать, сколько стоит билет до Владивостока), в определенный момент она достигает максимума, а потом угасает (не могу же я всю жизнь думать о том, сколько стоит билет до Владивостока). Затем возникает другая потребность, третья и т. д.

Вид кривой универсален, можно спорить лишь о полуширине пика интересов, когда потребность является актуальной (T1). Это не годы, не месяцы и даже не дни, а секунды или минуты. Еще один порог — это время (T2), в течение которого эту потребность можно удовлетворить. Для людей, которые родились в XX веке, порог T2 всегда значительно больше, чем порог T1, если под T1 понимать полуширину пика, в течение которого потребность коммуницировать или узнать что-либо является актуальной. А для человека, который родился после миллениума, за счет гаджета в кармане и Google T2 становится меньше, чем порог T1. Он воспринимает это неравенство как естественный закон жизни. И если вы нарушаете этот закон, то он считает это ограничением его прав, то есть у него развивается новая — дополнительная — ценность, которой не было у предыдущего поколения. Эта ценность заключается в праве и возможности удовлетворять свои гносеологическую и коммуникативную потребности в пределах того времени, которое мы называем пиком интересов. Это означает увеличение количества ценностей, а если к системе ценностей добавить одну дополнительную ценность, то возникает другая личность. Мы называем ее сетевой потому, что ее происхождение порождено наличием Глобальной сети.

Для такой личности нужно искать новые образовательные пространства, прежде всего виртуальные. Эти выдуманные пространства бывают одно-, двух- и трехмерными. Одномерное пространство — это червяк или метро. Когда вы едете в метро, у вас не возникает желания, чтобы поезд свернул с пути. В одномерном пространстве нет вариативности и многовекторности. В двумерном пространстве — лист бумаги, экран компьютера — появляются такие понятия и ряд других. В последнее время появились трехмерные пространства, которые напоминают нашу действительность.

Создание образовательной среды в трехмерном пространстве — то, чем занимается лаборатория, которую я представляю. И поскольку мы пытаемся создать пространство, которое было бы узнаваемо и продолжало реальное пространство, чтобы обозначить это обстоятельство, мы называем его параллельным. Главная задача состоит в том, чтобы создать в таком параллельном пространстве образовательную среду. Расстановка приоритетов в параллельном пространстве состоит в следующем. Мы не пытаемся создать или расширить субъектную базу, нас не интересуют боты, аватары и т. д. Мы хотим расширить пространство для реальных субъектов. Именно это, судя по опыту, который у нас имеется, ценится реальными людьми.

Е. Б. КОСТЮК: — Андрей Андреевич, Вы поляризовали культ потребления и культ созидания. А как можно представить их сочетание? Мы идеализируем советскую систему, которая строила светлое будущее, идеал, мечту без расчета на вознаграждение, но не следует забывать о том, что она обусловила кризис 1990-х годов. С началом новой эпохи возобладал культ потребления, и все начали материально обустроить свою жизнь. Как в системе образования можно взрастить человека, который может, с одной стороны, зарабатывать, а с другой — мечтать.

А. А. АХАЯН: — Я озвучу крамольную мысль: такое сочетание реализовано, с моей точки зрения, в системе образования Соединенных Штатов Америки. В США 5 % населения получают хорошее образование, а остальные 95 % — образование, которое в России последние 30 лет получали 100 %. В США понимают, что в любом случае нужно готовить 5 % населения к тому, чтобы они работали без расчета на вознаграждение, но таких людей не должно быть слишком много. То есть общество потребления — для тех 95 %, чтобы они не задумывались над той работой, которую можно делать, не рассчитывая на вознаграждение.

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО: — Многие из тех, кто говорит о советском строе, имеют иллюзорное представление о том, что это такое. Если вернуться к системе образования, то можно вспомнить о том, что в советское время школьный учитель, не имея материальной поддержки, ездил со своими учениками в турпоездки, например в Прибалтику. Это нужно было для формирования коллектива. Мы жили в палатках, и за месяц объехали всю Прибалтику. Другой учитель, также не имея материального обеспечения, свозил нас в весенние каникулы в Новгород и Псков.

Вы сказали, что созидание — это идеал. Нет, созидание — это деятельность, то, ради чего человек пришел в этот мир. Созидать и творить — это не мечта, а предназначение человека. О том, что мир дуален, говорят все религии. Невозможно соединить несоединимое.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Слово предоставляется декану Белорусского государственного университета Веронике Святославовне Сайгановой.

В. С. САЙГАНОВА: — Факультет философии и социальных наук Белорусского государственного университета, который я представляю, — единственное в Беларуси учреждение, которое готовит профессиональных философов. Поэтому я сегодня хотела бы поговорить о том, что мне близко и понятно, — о социально-гуманитарном образовании. Тема моего доклада касается возможностей интеграции социально-гуманитарного образования Беларуси и России.

Выступающие на секционном заседании уже озвучили проблемы и кризисные явления, с которыми столкнулось современное образование, в том числе социально-гуманитарное. Уже несколько десятилетий в этой области постулируется кризис, вызванный раз-

личными факторами. По сути, образование сталкивается с информационными, глобализационными и цивилизационными вызовами.

К информационным можно отнести девальвацию не только смыслов, но и информации, девальвацию самого образования. Сейчас нередко вместо слова «образование» употребляется словосочетание «образовательный контент», которое девальвирует смысл такого уникального феномена культуры, как образование.

Можно говорить и о трансформации коммуникации как информационном вызове. Философия, культура и педагогика долгие столетия проходили путь от субъектно-объектной дихотомии к субъект-субъектным отношениям. Сегодня, в эпоху постписьменного образования, мы говорим о субъектно-объектных отношениях в сфере образования. Только здесь объект будет опосредовать коммуникацию между субъектами. Постписьменное образование девальвировало не только информацию, но и саму личность преподавателя.

Еще один вызов — искусственный интеллект, о котором здесь также говорилось. Сегодня он пишет диссертации, уже продаются книги, написанные с помощью искусственного интеллекта.

Глобализационные процессы привели к кризису образования. Болонская система предложила модульную систему и систему менеджмента качества. В Беларуси после того, как наша страна присоединилась к Болонскому процессу, помимо вузов и факультетов, стали появляться специализированные институты, занимающиеся менеджментом качества образования. Качество образования в белорусских вузах проверяет внешний аудит, состоящий из не сотрудников учреждения образования. Усовершенствуется система контроля качества, но при этом само качество образования падает. С этим парадоксом сталкиваются вузы не только в Беларуси.

В результате Болонского процесса, модульной системы и перехода на четырехлетнее обучение социально-гуманитарные дисциплины стали исключаться из учебных планов, а модульный формат значительно сократил объем учебной нагрузки в социально-гуманитарном блоке. В результате процесса коммерциализации мы превратили образование в услугу. Раз и навсегда покончило с социально-гуманитарным блоком сокращение срока образования с пятилетнего до четырехлетнего, которое произошло за счет того, что социально-гуманитарное образование было принесено в жертву.

Но одновременно в условиях социально-политической турбулентности вузы и вообще система высшего образования возлагают особые надежды на социально-гуманитарное образование. С одной стороны, мы им пожертвовали, а с другой — возложили на него определенные ожидания. Мы должны сформировать личность и гражданина, опираясь в том числе на то, какие дисциплины и в каком объеме преподаются в вузах.

Хотела бы поделиться опытом развития белорусской системы высшего образования и рассказать о том, какие реформы мы проводили и какие меры принимали. Как освободить социально-гуманитарное образование из прокрустового ложа, в котором оно ока-

залось в последние годы? Озвучу некоторые цифры. Общеобразовательная дисциплина «Философия» читается в вузах на первом или втором курсе как обязательная наряду с «Историей России». Раньше «Философия» преподавалась в вузах в объеме 72 академических часов. Наравне с ней преподавались такие дисциплины, как «Этика и эстетика», «Культурология», «Логика», «Всемирная история», «История Беларуси», «Социология» и пр. После присоединения к Болонскому процессу белорусские вузы перешли на модульную систему. В один модуль вошли «Философия», «Психология» и «Педагогика», где на каждую дисциплину было выделено 22 часа (11 лекций). Всего 11 лекций на «Философию», история которой начитывается более 2,5 тыс. лет, «Педагогику» и «Психологию», студент сдавал один экзамен по трем дисциплинам. То же самое произошло и с «Социологией», которая оказалась в одном модуле с «Экономикой», историю тоже сократили.

После введения модульной системы наступил 2020 год, когда наши вузы в частности и система образования в целом столкнулись с новыми вызовами. Профессор Кирмель, выступая на одном из совещаний по вопросу социально-гуманитарного образования, заявил, что в 2020 году с молодежи была снята защитная каска в виде социально-гуманитарных дисциплин и она оказалась раненной в голову, ранили ее мы — тем, что обезоружили.

Республика Беларусь ищет выход из создавшегося положения. С 1 сентября 2022 года на государственном уровне реализуется Концепция оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования. Согласно этой концепции в учебных планах всех высших учебных заведений страны на первом курсе обязательными считаются три дисциплины (в объеме 54 аудиторных часов): «Философия», «История белорусской государственности» (вместо «Истории Беларуси» и «Всемирной истории») и «Современная политэкономика». Это необходимо для того, чтобы сформировать мировоззренческую, гражданскую и социально-экономическую позиции выпускников. Остался вариативный компонент, который определяется по выбору учреждения высшего образования и студентов, — дополнительно можно выбрать три дисциплины (на выбор предложены «Социология», «Основы права», «Политология», «История Великой Отечественной войны» в качестве усиления идеологического и исторического блоков и «Социальная психология»). В итоге студенты всех специальностей изучают шесть дисциплин гуманитарного профиля.

Если вы сочтете возможным, то можете воспользоваться опытом реформирования белорусской системы высшего образования, который далеко не безоблачен и неидеален, но взаимообогащает. В силу того что после 2022 года дружеские отношения между Россией и Беларусью уже ни у кого не вызывают сомнений (не только содружеские, но и сопричастные друг другу исторические, экономические, социально-политические и культурные связи), можно воспользоваться нашим опытом. А мы рассмотрим российский опыт,

чтобы в системе социально-гуманитарного образования продвигать идеи национального самосознания России и Беларуси, общего исторического пути и традиционных ценностей, единых социально-политических и экономических интересов. Общее между нашими странами касается и исторической правды, в том числе о победе в Великой Отечественной войне. То есть в социально-гуманитарном образовании должны присутствовать гражданско-патриотический блок, отражающий связь между культурой и государством, и усиленный мировоззренческий компонент.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Слово предоставляется заместителю директора Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова Ольге Игоревне Костиковой. Возвращаемся к вопросу ценностей, потому что он является фундаментальным для понимания, куда нам двигаться. Чему мы отдаем приоритет — ценностям потребления или ценностям творчества? От этого зависит, каких граждан мы воспитаем и в каком направлении будет развиваться наша страна.

О. И. КОСТИКОВА: — Напомню слова Любови Михайловны о том, что задачи образования — приобщение индивида к достижениям человеческой цивилизации, ретрансляция и сохранение ее культурного достояния. В этом важном деле на протяжении всей истории человечества важную роль играл перевод, потому что переводчики всегда выполняли культуротворческую функцию. Они развивали языки, распространяли знания, переносили достижения из одной цивилизации в другую, знакомили нас с чужим, делая это чужое своим.

Культуротворческая задача перевода направлена вовне, на культуру. Но поскольку мы сегодня говорим об образовании, интересно задуматься о том, что перевод может дать самому индивиду. И выясняется, что роль переводческой деятельности, обучения переводу как инструмента саморазвития личности сложно переоценить.

Преподавателям Высшей школы перевода с самого начала внедрения двухуровневой Болонской системы стало понятно, что она совершенно не годится для того, чтобы воспитывать переводчика как творческую личность. За четыре года невозможно научить человека вдумчиво переводить, выявляя все тонкости текста любого жанра, поэтому у нас программа переводчика рассчитана на шесть лет. Мы воспитываем личность с открытым кругозором, которая думает и чувствует, умеет творить и созидать. Человека, который не скажет, выйдя после университета: я научился всему. Нет, он будет продолжать учиться, всю жизнь заниматься самообразованием. Именно на это нацелено обучение в нашем вузе. Наши студенты понимают, что приобретение знаний и развитие навыков не может остановиться в какой-то определенной точке — этот процесс бесконечен.

Говоря о системе образования в целом, следует подумать, каким должно быть обучение иностранным языкам. Сегодня это обязательная часть программ школьного и вузовского образования, но в нашем со-

знании прочно укоренилось стереотипное представление, что если ты знаешь язык, то умеешь и переводить. Правда, наши студенты понимают, что, освоив иностранный язык, они еще далеко не сформировались как переводчики. Казалось бы, парадоксальное требование: переводчик должен знать не только иностранный язык, но и родной. Но одна из реальных проблем перевода заключается в том, что правильно и красиво сформулировать мысль на родном языке умеет далеко не каждый. Не все переводчики, известные как лучшие в своей профессии, знали языки, с которых они переводили. Они часто пользовались подстрочными вариантами (которые сегодня нам вполне может предложить машина), но, прекрасно владея родным языком, они могли передать идею, которая была заложена в иностранном тексте, передав настроение, глубинный смысл, самый дух оригинального творения. Поэтому обучать иностранным языкам необходимо (здесь я полностью согласна с Николаем Константиновичем) не только по распространенной сегодня коммуникативной методике. Освоение языка должно происходить через преодоление, через текст и перевод этого текста, как это было всегда. Так обучали не только в советский период, а испокон веков, начиная с Античности. Язык учили. Вспомните, ведь древние могли знать пять-десять языков, переводить и передавать знания, выбирая из них то, что в данный момент нужно их обществу, их культуре.

Известно, что содержание и цели образования зависят от традиций, целей и приоритетов общества. От этих же факторов зависит, чего общество ждет от перевода и как оно будет его воспринимать. Если нам будет достаточно простой передачи информации, то с этим отлично справится искусственный интеллект, а профессия переводчика исчезнет. Но мы должны понимать, что хороший перевод создает добавленную ценность, а на это способен только человек — с его глубокими знаниями, опытом, высоким уровнем духовного развития.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Изучая иностранный язык, вы не только получаете способ общаться с людьми из других стран, но и проникаете в другую культуру. А задача переводчика, по сути, вписать свою культуру в другой мир.

Сейчас перед нами выступит профессор Елена Васильевна Андриенко.

Е. В. АНДРИЕНКО: — Если почитать работы наших коллег из других стран — преподавателей зарубежных университетов, то мы увидим, что проблемы высшего образования у нас с ними во многом схожие. Все мы вынуждены реагировать на мировые тенденции, которые вступили в конфликт, — глобализации и деглобализации. Мы живем в едином информационном пространстве, пользуемся Интернетом и социальными сетями, значит, глобализация продолжается. В то же время в условиях наступившего социокультурного кризиса происходит локализация экономических, социальных, политических и образовательных интересов.

Вместе с тем проблемы именно российской высшей школы во многом связаны с государственной образовательной политикой. Первая проблема — нормативно-правовое регулирование. Мы живем в централизованном государстве, поэтому все нормативно-правовые документы являются обязательными для учебных заведений (том числе частных) во всех регионах. Но регламентация нашей работы, на мой взгляд, излишне детальная, что создает большие затруднения как для вузовских, так и для школьных преподавателей. Документооборот становится очень объемным и формализованным, но каждый год добавляются новые распоряжения, которые мы должны выполнять, и справки, которые мы должны предоставлять.

Когда мы переходили на Болонскую систему, многие преподаватели системы высшего образования возражали, просили оставить специалитет и прежние стандарты, которые хорошо работали много лет. Но их вынудили перейти на новую систему. Теперь мы собираемся двигаться в обратном направлении. Возможно, это верное решение, но нас ожидает разработка новых образовательных программ и кипы новых документов. Эта работа отнимает огромное количество времени. Все же нормативно-правовая регламентация российского высшего образования представляется чрезмерной и нерациональной.

Вторая проблема, которая является следствием первой, — неизбежная формализация. Когда выпускник бакалавриата или магистратуры защищает квалификационную работу, мы пишем рецензию и оцениваем его компетенции, сформированные за годы обучения. Перечень компетенций огромен, и проверить все их должным образом просто невозможно. Конечно, мы знаем своих студентов и можем выставить адекватные оценки. Но для чего этот список компетенций? Мы вынуждены подходить формально к данному требованию, но это опять же требует немалых затрат времени.

Третья проблема — основные образовательные программы, которые на сегодняшний день абсолютизированы. Мы всегда практиковали личностно-деятельностный подход, обращая внимание на личность и преподавателя, и обучающегося. Сегодня принято считать, что качество высшего образования зависит от основной образовательной программы, при этом не имеет значения, кто будет по ней преподавать. Мы бесконечно пишем и переписываем эти программы. Абсолютизация основных образовательных программ и тезиса, что их качество на сто процентов определяет качество полученного образования, — это неправильно. Безусловно, такие программы нужны, и они должны быть проработаны должным образом и вовремя обновляться. Но личность преподавателя, научная школа в конце концов — эти факторы во все времена имели очень большое значение. Мы все помним преподавателей, которые в свое время читали нам лекции, и понимаем, как много зависит от них.

Четвертая проблема — недооценка гуманитарного образования. Инженеры очень нужны экономике, особенно в эпоху научно-технического прогресса, но нельзя забывать и о гуманитарных профессиях, которые,

например, в Сибири получить просто негде. Гуманитарный факультет у нас большая редкость.

Мы все помним, что российское богатство будет прирастать Сибирью. И знаем, что в трудные времена именно Сибирь выручала Россию. Во время Великой Отечественной войны многие предприятия были с европейской территории эвакуированы в Сибирь, где продолжали работать, обеспечивая жизнедеятельность страны. Вообще в XX веке Сибирь развивалась опережающими темпами, наращивая свою экономику во много раз быстрее, чем европейская часть России. И это притом, что численность населения там намного меньше.

Что сегодня нужно России? Ответ несложный. Во-первых, современные технологии и инновации. Во-вторых, сохранение традиционных ценностей. Мой любимый тезис относительно будущего такой: без инноваций мы отстанем, без традиций погибнем.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Новосибирск всегда отличался мощной научной школой. Тот, кто имел возможность посетить Новосибирский университет, видел на его стенах портреты ученых, которые там работали, эти люди двигали российскую науку вперед.

Приглашаю к микрофону доктора социологических наук Галину Анатольевну Чередниченко.

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО: — Социология образования — это область социологии, изучающая образование как социальный институт. Мы пытаемся найти ответы на вопрос, что в конечном счете дает образование обществу. А вопрос очень важный. Как напомнил Александр Сергеевич, советская образовательная система была такой, что в 1957 году СССР запустил первый искусственный спутник, а в 1961-м — пилотируемый космический корабль.

С точки зрения социолога, система образования выполняет две основные системные функции. Первая — трансляция знаний и профессиональных навыков, подготовка специалиста-профессионала. Вторая, которую система образования выполняет не напрямую, — распределение людей по социальным и экономическим позициям и тем самым размещение их на различных ступенях властной иерархии. Это происходит с помощью дипломов, сертификатов, ученых степеней и т. п. Таким образом, система образования неизбежно воспроизводит социальное неравенство. Известно, что представители привилегированных групп населения стараются обеспечить своим детям как можно более престижные и востребованные на рынке дипломы. В конечном счете система образования страны выполняет свою главную универсальную роль, которая помогает отвечать на современные социальные и экономические вызовы.

В начале 2000-х годов Всемирный банк выделил очень крупную сумму на реформу образования в России, чтобы молодые специалисты, получившие дипломы наших вузов, могли легче встраиваться в процессы глобализации. Но проблема в том, что два десятилетия после этого сама Россия была встроена в мировую экономику только как поставщик дешевых энергоре-

сурсов. Поэтому вся система образования с точки зрения социологии была направлена на то, чтобы решать эту задачу как можно успешнее. Например, введение ЕГЭ — это институциональный механизм, который изменил доступ школьной молодежи в вузы.

К тому же за эти 20 лет происходило все большее усиление социальной стратификации и высшего образования, и среднего. В начале 2010-х годов была поставлена цель — сделать нашу систему высшего образования конкурентоспособной на международном рынке образовательных услуг, чтобы, с одной стороны, дипломы российских вузов признавались на международном рынке труда, с другой — наши выпускники могли продолжать образование в зарубежных вузах. Но получилось так, что признавались дипломы лишь селективных вузов, то есть некоторого числа ведущих федеральных университетов (в 2020 г. в них обучалось лишь 18 % студентов) и так называемых опорных институтов — крупных региональных образовательных центров (10 % студентов в 2020 г.).

Когда вводили ЕГЭ, декларировалось, что он должен сделать более справедливым доступ в высшую школу для молодежи из разных регионов и социальных слоев. Но исследования, проведенные в 2006 году, показали, что социальное неравенство воспроизводилось уже на этом уровне, потому что более высокие баллы на ЕГЭ получали те, чьи родители могли позволить себе оплачивать услуги репетиторов. И среди девятиклассников, чьи успехи в течение года были примерно одинаковыми, более высокие баллы на экзаменах получают дети из семей с большим достатком.

В результате дети из малообеспеченных семей, осознавая свои небольшие шансы получить конкурентоспособную оценку на ЕГЭ, стали после 9-го класса уходить из школ в учреждения системы профессионального образования (СПО) и только после этого поступать в вузы, но уже на заочные отделения. Если в 2020 году 68 % девятиклассников переходили в 10-й класс, то сегодня таковых уже меньше половины. Напомню, что ЕГЭ вводился не сразу во всей стране, а по регионам. И было выявлено, что после того как регион начинает проводить ЕГЭ, через пару лет значительно снижается процент детей, которые идут в 10-й класс. В итоге на протяжении этих двух десятилетий среди поступающих в высшую школу на дневное отделение 87–89 % составляют вчерашние школьники, а среди заочников преобладают студенты из малоимущих семей.

Таким образом, получение качественного образования — и среднего, и высшего — во многом обусловлено социально-экономическими и культурными различиям семей. Из-за этого отбор в интеллектуальную элиту общества становится неэффективным, многие достойные ребята отсеиваются по не зависящим от них причинам. Элита общества самовоспроизводится и замыкается в себе, а ее представители недостаточно понимают проблемы, возникающие в других социальных стратах. В то же время дети из малоимущих семей, не имея доступа к качественному образованию, а значит, к высокооплачиваемым рабочим местам, постепенно теряют мотивацию, ценность культуры и об-

разования для них снижается. Так называемый массовый работник деградирует, интеллектуальное развитие не входит в его задачи, и он легко становится объектом манипуляций.

Что касается советского прошлого, то сегодня приходится слышать о нем много мифов — и одобрительных, и осуждающих. Но факт остается фактом: освоение космоса действительно стало возможным благодаря нашей системе образования, которая стремилась развивать способности каждого ребенка. Во всех слоях населения есть люди с очень высоким интеллектом и всевозможными талантами, но этот интеллектуальный потенциал нации во многом остается нереализованным. Поэтому преодоление социальных различий должно стать нашей стратегической целью. Мы должны изучать опыт советской школы и планомерно внедрять в образовательную систему то лучшее, что в ней было, но на современной технологической основе и с использованием новых возможностей.

Л. М. МОСОЛОВА: — Действительно, в советское время не было ЕГЭ, образование было доступно всем слоям населения. Школьники приезжали из сел в большие города и поступали в лучшие университеты, потому что во всех школах страны уровень подготовки был примерно одинаковым. Важно еще и то, что те, кто приезжал из регионов, как правило, возвращались туда работать — в отличие от нынешних элит.

Г. А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО: — Совершенно верно. Когда в начале 1970-х я была студенткой, больше половины нашего курса составляли ребята из других регионов. Поступить в МГУ было очень сложно, они проходили очень серьезный конкурс. Почему это было возможно? Потому что те школьники, чьи родители не были достаточно образованными людьми и не могли в достаточной степени приобщить их к культуре, воспитывались и развивались школой. Среднее образование не было «услугой», а формировало гармонично развитую личность.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Небольшое замечание об особенностях ЕГЭ. Психологи используют такую методику определения социального интеллекта, как тесты Гилфорда. Так вот, автор этой методики Джой Гилфорд выделил два типа мышления — конвергентное и дивергентное. Первое нацелено на поиск единственного варианта ответа на вопрос, как в математике (хотя и там не всегда). Обладатели второго типа мышления стараются найти несколько вариантов решения проблем. Задача образования — развитие дивергентного мышления, потому что перед исследователями всегда стоят творческие задачи, на которые редко имеется только один ответ. Творчество — это выстраивание оптимального. Однако ЕГЭ работает на формирование конвергентного мышления: ты должен дать тот ответ, которого от тебя ожидают. И это самый тяжелый камень, который заброшен в нашу систему и тянет нас ко дну. Поэтому мы должны «перевернуть» эту ситуацию и вернуть цель развития дивергентного типа мышления. Как это было когда-то на приемных экзаменах:

мы оценивали не столько «правильность» рассуждений, сколько умение мыслить, развивать идеи.

А сейчас слушаем профессора Екатерину Александровну Александрову.

Е. А. АЛЕКСАНДРОВА: — Мне хотелось бы продолжить затронутую Александром Сергеевичем тему воспитания в учебных заведениях. В настоящее время задачи воспитания выходят на первое место, коренным образом меняя всю систему профессионального образования. «Воспитание! Оно везде, куда ни пойдешь», — утверждал еще Виссарион Григорьевич Белинский. Очень современная мысль! Но собственно воспитательная работа в школах свелась к классным часам (которые уже превращаются в дополнительные уроки по предметам), в то время как в школе должна быть выстроена система, в которой каждую минуту формируется нравственная личность ученика. В основу ее должна быть положена эмоция, мотивация к деятельности — что-то познать, попытаться сделать своими руками и т. д. Традиции воспитания, которые были в советской школе, за три десятилетия фактически утрачены.

Кроме того, мы совершенно забыли такой действенный способ воспитания, как собственный пример. Можно читать множество разных источников, но рядом с учеником должен быть значимый другой, которому хочется подражать. Или, наоборот, хочется действовать противоположным образом. Воспитание средой — этот фактор тоже исчез из нашей культуры образования.

Во всех программах воспитательной работы — и в школах, и в вузах — указываются направления такой работы. Так вот, все они неизбежно включают эстетическое воспитание. Эстафеты «Веселые старты» проводятся в рамках, казалось бы, исключительно физкультурно-оздоровительного направления. Но если мы выведем ребят на природу, это позволит заняться еще и экологическим воспитанием (смотри не задави букашечку), и эстетическим. Можно обратить внимание детей на красоту природы, на чью-то красивую спортивную форму, выбрать хорошее музыкальное сопровождение. Направления воспитательной работы в программах — один из кризисных моментов. Академик РАО Наталия Леонидовна Селиванова, один из разработчиков теории воспитательных систем, предложила различные модули. Если это будет внедрено, проблема будет решена.

Настоящую беду я вижу в инфантилизации студентов. Если раньше школа шла в детский сад — раннее обучение, парты и прочее, то сейчас от этого отказались. Но теперь школа пришла в вузы! Торжественные линейки первого сентября, вероятно, имеют смысл — вовлечение ребят в жизнь вуза как организации и коллектива. Но родительские собрания, вызов в деканат родителей студента IV курса, который не сдал вовремя зачет, — этого я понять никак не могу. Правда, в моей практике был случай, когда я предложила вызывать мужа одной студентки, поскольку он в какой-то мере несет ответственность за ее поведение. Но экспансия средней школы в высшую в таком виде мешает взрос-

лению молодежи. Наше стремление создать в школе комфортную среду тоже внесло вклад в эту тенденцию. Мы забыли о том, что необходимо создавать ситуации преодоления для того, чтобы человек стал специалистом.

Еще одно важное наблюдение. Если раньше мы выбирали профессию, то, согласно совсем недавним исследованиям, сегодняшняя молодежь ориентируется даже не на сферу деятельности, а на образ жизни, а профессия в итоге выбирается такая, которая сможет обеспечить желаемые стандарты. Поэтому в вузы приходят студенты, для которых важнее не овладение специальностью, а те эмоции, ценности и смыслы, которые они могут получить в образовательной среде. Наша задача — настроить их так, чтобы они стремились стать профессионалами в выбранной области, а не ушли после первого семестра (хотя это тоже позитивный результат). Чем раньше состоится самоопределение, тем лучше будет результат.

В связи с этим пересматривается компетентностный подход. Возможно, мы должны сразу говорить студенту: посмотри, какие компетенции мы можем у тебя сформировать, нужны ли они тебе? Размасштабируй их, подумай, что тебе дает каждое занятие для каждой компетенции? Но это будет опять-таки означать дополнительную работу для педагога. Между тем сейчас на первый план выходит ситуативный подход, когда мы, исходя из той профессиональной или личностной проблемы, с которой сталкиваются наши студенты, начинаем выстраивать содержание образования по каждой дисциплине. В педагогической науке это называется «резонансный подход», и он подходит для сетевой личности. Когда я начинаю вести занятия, вижу образовательный запрос студента «здесь и сейчас» и начинаю из всего разнообразия содержания, независимо от логики учебной программы, «вытаскивать» нужный материал. Таким образом, моя задача как преподавателя — так построить общение со студентами в рамках отведенного времени на мой учебный курс, чтобы протянуть ниточку индивидуального и микрогруппового маршрута через весь курс. Как бы то ни было, мы приходим к выводу, что нашему образованию сейчас нужно сочетание традиций, фундаментализации нашего образования с возрождением воспитывающей функции образовательной среды. И для меня триада «среда, личность и профессионализм» неразделима.

В. С. САЙГАНОВА: — Екатерина Александровна, спасибо за то, что сказали об экспансии школы в университет. Действительно, у нас на факультете есть журнал учета, в котором фиксируются телефонные звонки родителям студентов с I по IV курс. Это делается на тот случай, если родитель напишет жалобу, что студента не обучают должным образом. Таким образом мы защищаем себя: демонстрируем, что работаем не только со студентами, но и с их родителями. Но почему так происходит? Возможно, дело в психологическом тренде последних лет, когда ребенок признается гиперценностью и в связи с этим возникают другие «гипер»: гиперзабота, гиперопека и т. п. Доходит до того, что и по-

сле получения диплома родители контролируют, как их сын или дочь справляется на работе. Как это изменить? И что тут может сделать система образования?

Е. А. АЛЕКСАНДРОВА: — Думаю, все это происходит потому, что возраст молодости сдвигается все дальше: люди во все более старшем возрасте вступают в брак, позже становятся родителями и т. д. В нашей культуре это дает основания воспринимать уже взрослых людей как детей. В то же время ребенок превращается в подростка в более раннем возрасте, то есть юность человека значительно продлевается. Мы живем в интересную эпоху смещения границ психологического возраста. Думаю, что наши педагогические проблемы во многом обусловлены этим смещением.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Образование столкнулось с еще одной тенденцией — дистанционным обучением. Особенно ярко она проявилась во время пандемии коронавируса. При этом российская культура имеет некоторые особенности, которые могут способствовать или препятствовать применению онлайн-технологий в образовании. Например, наша культура высококонтекстная, то есть для нас важен невербальный контакт, поэтому при переходе в онлайн качество общения снижается. В то же время для культуры низкоконтекстной, например американской, такая потеря не происходит. Там культура общения основана на слове гораздо в большей степени, чем у нас — для нас всегда важнее человек.

О невербальной коммуникации в условиях онлайн-обучения расскажет профессор Лариса Александровна Даринская.

Л. А. ДАРИНСКАЯ: — Я спущусь на землю с философских и методологических высот и расскажу о практических проблемах дистанционного обучения. Сменяются исторические эпохи и технологии, но преподаватель и студент остаются. И когда во время пандемии нам пришлось осваивать онлайн-методы, это было сопряжено с рядом вызовов. Сетевая личность приобретает новые компетенции и жизненные смыслы, и преподаватель вынужден приспосабливаться, адаптироваться, меняться.

Во время пандемии мы столкнулись с тем, что китайским студентам приходилось прослушивать наши лекции повторно, иногда несколько раз. Почему? Они понимали смысл слов, но не меньшее значение для них имеет интонация. Скорее всего, это обусловлено спецификой их родного языка. В связи с этим возникает проблема риторической культуры преподавателя вуза, важной частью которой является невербальная коммуникация. Что это такое? Представьте, что мы слушаем лекцию на незнакомом иностранном языке. Мы не понимаем слов, но считываем жесты лектора, мимику, положение в пространстве, фонетические особенности. Соответственно так или иначе воспринимаем и его образ, и содержание лекции. Вообще, по наблюдениям психологов, в воспринимаемой нами информации лишь от 7 до 20 % составляет вербальная часть, остальное — «невербалика».

Мы провели небольшое исследование, опросив более 100 студентов из разных вузов, в основном петербургских. Ребятам задавали вопросы: осознают ли они факт невербальной коммуникации, придают ли ей значение, надо ли нам обращать внимание на это? Оказалось, что среди невербальных средств коммуникации больше всего внимания они обращают на мимику, жесты, голос, интонацию. 85 % опрошенных отметили, что невербальная коммуникация для них важна. Во время дистанционных занятий затруднения возникали лишь в тех случаях, когда преподаватель не включал камеру, не мог загрузить презентацию и т. п.

Среди преподавателей, принявших участие в исследовании, 80 % при подготовке к занятиям уделяют внимание невербальным аспектам — организации пространства, фона, своему внешнему виду. Когда мы читаем лекцию онлайн, то, как правило, воспроизводим свое поведение в аудитории. Мне, например, приходится контролировать себя, чтобы не сильно жестикулировать перед камерой. Только 10 % преподавателей ответили, что не задумываются об этом. При этом преподаватели чаще отмечали, что сталкиваются с проблемами. Сложно читать лекцию, не видя слушателей, когда отсутствует обратная связь — реакция аудитории, зрительный контакт. Когда пытаешься предложить какой-то интерактив, даже самый простой, — задаешь вопрос студентам, то в ответ либо увидишь несколько сообщений в чате, либо прорвется чей-то одинокий голос. Понятно, что невозможно вывести на экран изображения или звуки с нескольких десятков камер. Другие проблемы — недостаток живого общения, вынужденная статичность позы преподавателя.

Вывод нашего исследования: главные компоненты невербального общения — мимика, жесты, голос, а для китайских студентов еще и интонация (причем на первом месте наряду с голосом). Чтобы вовлечение в образовательный процесс было максимальным и продуктивным, надо подумать об этих аспектах дистанционного обучения. У нас на факультете психологии разрабатываются тренинги; магистранты и аспиранты занимаются этими вопросами. Осознанное использование методов невербального воздействия способствует повышению речевой и риторической культуры преподавателя, а значит, и его общей и профессиональной культуры.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Приглашаю к микрофону профессора Клару Ивановну Шарафадину.

К. И. ШАРАФАДИНА: — Начну со статистики последних лет. Количество детей с ограниченными возможностями развития (ОВР) быстро растет. Если три года назад таких детей было около 7 %, то в 2022-м уже 10 %. В Петербурге таких детей стало больше на несколько тысяч, и это притом, что рождаемость сократилась.

Понятно, что система образования должна каким-то образом реагировать на такое положение дел. В связи с этим в свое время была предложена инклюзивная форма, когда дети с ОВР и нормотипичные (то есть те, чье развитие протекает в пределах норм,

определенных психологами) обучаются вместе, в одном классе.

Мы провели исследование совместно с московской коллегой, которая несколько лет жила в Германии и имела возможность изучать там проблемы инклюзивного образования. Опросы десятилетней давности показали, что большая часть населения узнавала об инклюзивном образовании от интервьюера ВЦИОМа. Проведенные в прошлом году повторные опросы продемонстрировали, что осведомленность людей увеличилась, но ненамного. Из опрошенных мною студентов-гуманитариев примерно треть ответили, что инклюзивное образование — это образование для всех, то есть доступное каждому гражданину. Возможно, за год, прошедший после этого опроса, их стало чуть больше.

Тем не менее в этой сфере ведется большая работа. Для детей с особыми потребностями открываются ресурсные классы, то есть классы со специально организованным образовательным пространством, которые создаются в обычной школе. Число учеников в них — пять-семь, не больше. К настоящему моменту открыто 25 таких классов, причем Ленинградская область в поддержке этой формы образования заметно опережает Петербург.

Я неслучайно занимаюсь этой проблемой. В моем окружении есть ребенок с ОВР, и многие студенты сказали, что им знакомы семьи с такими детьми. Тем не менее об инклюзивном образовании все еще знают немногие. Более того, как ни странно, родители детей с ОВР нередко выступают против совместного обучения. Это выявили новосибирские социальные психологи. Они разработали систему мер педагогических технологий включения родителей в партнерские отношения со школой. Потому что в идее инклюзивного образования очень важно участие родительского общества — от эмоционального включения до изучения и практического применения соответствующих методик.

В Петербурге есть фонд поддержки людей с аутизмом «Антон тут рядом», где для родителей и педагогов бесплатно проводятся вебинары по изучению эффективных европейских методик. Одна из таких методик — АВА-терапия (applied behavior analysis), направленная на формирование социальных навыков. Эта методика, как следует из ее названия, основана на всестороннем анализе поведения, и даже в моей педагогической деятельности ее инструменты оказываются полезны, хотя я работаю с нормотипичными студентами.

На кафедре журналистики СПбГУП уже не первый год большая часть работ, выполняемых студентами, имеет социальную направленность. Например, интересный интернет-проект был посвящен проблеме стигматизации людей с ментальными особенностями, и с помощью специалистов-психологов был создан сайт для их поддержки. В ближайшие дни на нашей кафедре будет защищаться (предзащита прошла успешно) проект «Все включены»; его автор — студентка, которая знакома с проблемой не понаслышке. Проект адресован родителям детей с особенностями развития и призван оказывать им информационную поддержку,

там есть и карта инклюзивных пространств в Петербурге. Это важно, потому что далеко не все знают о таких местах, даже их родственники. В качестве эксперта студентка пригласила родителей детей с ОВР, которые готовы стать активистами в деле объединения и помощи тем, кто в этом нуждается. Уже появились первые отклики от пользователей сайта: для них важна такая поддержка, когда они понимают, что не одиноки и есть люди, готовые помочь им справиться.

Н. Б. МОРОЗОВА, доцент кафедры социальной психологии СПбГУП: — Вы совершенно обоснованно затронули проблему отношения родителей к инклюзивному образованию. Но дело не только в родителях. Я мама особого ребенка, и моя дочь участвует в танцевально-спортивном инклюзивном проекте, но мне все время приходится сталкиваться с сопротивлением администрации образовательного учреждения.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Слово предоставляется Любови Михайловне Мосоловой.

Л. М. МОСОЛОВА: — Уважаемые коллеги, огромное спасибо всем участникам, но особенно тем, кто приехал на нашу конференцию из регионов. Знание, которым вы поделились, и высказанные идеи станут для всех нас капиталом, бесценным для разработки новых образовательных программ.

Скажу о проблеме, которая сегодня не была затронута: в последние 30 лет происходит грандиозная дифференциация знания. Например, собственно педагогических дисциплин раньше было две («История педагогики» и «Педагогика»), а сейчас уже больше десятка. Это не потому, что их раньше не было, — просто зачастую глава из учебника становится отдельной дисциплиной. Противоположная тенденция — генерализация знаний — при этом не отмечается. В свое время французский историк и культуролог Фернан Бродель говорил о том, что география спорит с историей, история — с социологией, и все говорят о границах, а не о том, что мы вместе должны сделать крупным планом. Мне кажется, сегодня требуется именно генерализация мышления.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Дистанционно выступит профессор Сергей Данилович Поляков (Ульяновск).

С. Д. ПОЛЯКОВ: — У меня две реплики. Первая. В 1980-х годах на кафедры возлагалась ответственность за экспертизу образовательных программ. Думаю, если вернуться к этой практике, многие из сегодняшних проблем нивелируются. Вторая реплика. То, о чем говорила Галина Анатольевна, для меня еще один миф о советской школе. Я ученик 1960-х годов, учитель 1970–1980-х и исследователь советской школы в 1990–2000-е годы, и у меня совершенно другие представления. В 1970–1980-е годы была очень острой проблема мотивации старшеклассников, так как многие из них проявляли стойкое нежелание учиться. Мне довелось тогда преподавать в разных школах — сельской, поселковой, столичной, ульяновской. Так вот, ни-

какой ориентации на дивергентное мышление в *массовой* школе не было, и даже ориентация на конвергентное мышление была очень слабая. Поэтому, когда мы говорим о советской школе, обобщения неправомерны. Школа в СССР была очень сложным явлением, во многом противоречивым.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Выступает профессор Марина Алексеевна Захарищева.

М. А. ЗАХАРИЩЕВА: — В разные исторические периоды в научный обиход вводятся те или иные понятия, а через некоторое время отдельные категории исчезают вместе с заключенными в них смыслами. С одной стороны, это можно признать закономерным и объективным процессом, с другой — интересно выяснить, от чего зависит появление и исчезновение аксиологического контекста педагогических понятий. Даже основные категории педагогики в одно и то же время могут наполняться несколько разным ценностным содержанием.

В первые десятилетия после революции 1917 года в советской педагогике самым распространенным понятием была ликвидация неграмотности, которое само оказалось ликвидированным в научном контексте вместе и одновременно с ликвидацией самой неграмотности.

Политика оказывала серьезное влияние на образование в целом, и на педагогическую терминологию в частности. Так, следуя завету создателей коммунистической теории «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», советское учительство достаточно удачно вело интернациональное воспитание пионеров. В стране действовали международные пионерские лагеря, а клубы интернациональной дружбы (КИДы) — в каждой школе. Такой подход воспитывал приоритет классовых ценностей над национальными.

Понятийный аппарат отечественной педагогики в 1990-х годах и первом десятилетии XXI века пережил стихийное, нерегулируемое вторжение иноязычных терминов, смысл которых был не всегда верно понят. После присоединения России к Болонской декларации особенно усилилась проблема англоязычных заимствований в терминологии отечественного образования. Насыщение академической речи иностранными словами стало ценностью само по себе, обнажив формальное отношение педагогов к научно-методической работе. Не всегда понятными по сей день остаются «коучи», «коворкинги», «тьюторы», «спикеры», «модераторы» — можно бесконечно продолжать этот список нелепостей, пробравшихся и в образовательную, и в научно-педагогическую жизнь.

Однако не следует думать, что система педагогических смыслов, как корабль без руля и ветрил, поддается всем стихиям без сопротивления. Это не так. Выкристаллизовались и утвердились в основных категориях педагогической науки так называемые вечные темы и ценности — нравственное, трудовое воспитание, забота о «рождении гражданина» и др.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Пожалуйста, профессор Марина Николаевна Ветчинова, Вам слово.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — Выступающие сегодня коллеги обращают внимание на многие проблемы образования. Остановлюсь на трех:

- гуманитаризация образования как основа формирования ценностных ориентаций и культуры, то есть формирование человеческого в человеке;

- развитие информационных технологий;

- усиление естественно-научного образования, которое «отвечает» за технологии будущего.

Начну с информационных технологий. Уверена, что участники нашей секции согласятся со мной, что в настоящее время нашу жизнь можно охарактеризовать как жизнь онлайн, или онлайн-жизнь. Онлайн-общение через WhatsApp, Viber, Skype, социальные сети и тому подобное, покупки через онлайн-магазины и онлайн-аптеки, организация и проведение онлайн-конференций и мероприятий, онлайн-работа, онлайн-консультации с врачами и пр. Слово «онлайн» столь прочно вошло в жизнь благодаря стремительному развитию технологий, то есть прогрессу человеческой мысли.

Дистанционные технологии стремительно ворвались и в сферу образования. Во время пандемии COVID-19 они буквально спасли учебный процесс. Преподаватели и обучающиеся были вынуждены быстро осваивать работу на различных платформах, от которой мы не очень охотно отказывались, когда появилась возможность вернуться в аудиторию.

Дальнейшее развитие технологий невозможно без усиления естественно-научного образования, развитию которого в нашей стране уделяется огромное внимание: вузам выделяется все большее количество бюджетных мест, укрепляется их материально-техническая база. Порой естественно-научное образование начинается в средней школе, но поскольку для школы это слишком объемная задача, привлекаются промышленные предприятия, организации, университеты. В связи с этим стоит отметить работу профильных классов. Однако мы, на мой взгляд, незаслуженно забыли интересный опыт учебно-производственных комбинатов (УПК), которые успешно функционировали во времена СССР. Ученики 9-х и 10-х классов раз в неделю обучались профессиям, например пионервожатого, водителя автомобиля и т. д. Сегодня это могут быть другие профессии, востребованные на рынке труда.

Необходимо усилить формирование ценностных ориентаций молодого поколения, взяв за основу культуру. Изучению культуры посвятил свою жизнь Дмитрий Сергеевич Лихачев, понимавший, что настоящее и будущее страны зависят от уровня культуры каждого человека и всего общества. В идеях великого Лихачева содержатся ответы на многие вопросы, касающиеся формирования культуры и ценностных ориентаций человека. В его работах можно найти гениальные решения многих проблем, о которых говорят сегодня, но которые так и не нашли в достаточной мере реализации на практике. Лихачев отводил культуре первое место в становлении нравственности и духовности, расширении и обогащении «пространства совести». Сегодня, кстати, согласно некоторым исследованиям, слова «честь» и «совесть» исчезают из отечественного лексикона, что не может не вызывать тревогу.

Для воспитания культуры личности Дмитрий Сергеевич призывал изучать родную культуру и обязательно — культуру других наций, что важно для понимания людей с иным мировоззрением, иной точкой зрения. Но, согласно Лихачеву, понимание чужих убеждений не есть их принятие. Для него одним из самых удивительных и значительных свойств человеческого сознания является способность понять другую сущность, оставаясь вместе с тем отграниченным от нее. Поэтому первостепенной задачей академик считал воспитание у граждан интереса, любви и уважения к культурному наследию своего народа, к культуре других народов мира. И поэтому он был уверен, что должна быть создана культурная среда, в основу которой положены национальные культурные ценности, а также ценности, принадлежащие всему человечеству.

Наряду с формированием культуры и ценностных ориентаций подрастающего поколения необходимо усиление естественно-научного образования. Рациональное использование новых образовательных технологий должно стать приоритетом в развитии российского образования. Без комплексного подхода невозможно с оптимизмом смотреть в будущее.

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Заключительное слово предоставляется Николаю Константиновичу Гарбовскому.

Н. К. ГАРБОВСКИЙ: — Уважаемые коллеги, мы затронули много интересных тем и важных вопросов. Недавно появившееся понятие «сетевая личность» позволяет описывать самые разные явления и действия в области сетевого образования, сетевого развития человека и т. д. То, о чем мы сегодня начали говорить, меняет наш взгляд на решение когнитивных задач.

Прозвучавшие упреки в адрес ЕГЭ во многом справедливы, мы много говорим об этом на разных площадках. Однако введение этого способа аттестации было призвано снизить коррупционность системы образования. ЕГЭ вызывает много вопросов с когнитивной точки зрения, но он был противопоставлен прежней

системе как средство искоренения коррупции на этапе перехода молодого человека от среднего образования к высшему.

Соглашусь с мнением, что в советской системе образования было много хорошего. Я сам и среднюю школу окончил, и высшее образование получил в советский период, и в целом являюсь продуктом советского образования. Но все ли было так уж хорошо? Давайте не забывать, как мы конспектировали работы Ленина, изучали документы съездов и пленумов КПСС и т. п. Сколько это отнимало времени у студентов! А в чем суть такой обязательной дисциплины, как «Научный коммунизм»? А «Политэкономию социализма»? На эти курсы отводилось огромное количество часов.

А запрет на науки? В 1950–1960-е годы были запрещены генетика, социология, структурная лингвистика, которой сейчас занимаются многие ученые. Мы часто идеализируем то, что идеализировать не нужно. В той системе было много хорошего, искреннего, но было и много того, что не стоит восстанавливать. Если мы хотим двигаться вперед, то не должны только оглядываться назад. Таким путем вряд ли можно будет куда-то прийти.

Хорошо, что участниками секции была затронута тема инклюзивного образования. Но инклюзия, на мой взгляд, это не только обучение детей с ограниченными возможностями развития — в России сейчас чрезвычайно важно говорить о культурной и лингвистической инклюзии. Учебные заведения в крупных городах ощущают эту проблему очень остро — и дошкольные учреждения, школы и вузы. В группе детского сада или школьном классе могут быть ученики, которые плохо говорят по-русски, а их мамы вообще ни слова не понимают. И мы должны найти приемлемый баланс, чтобы обеспечить всем равный доступ к образованию. Необходимо изучать эту проблему и искать способы ее решения.

Благодарю всех участников секции. Вопросы, которые мы обсудили, заставляют задуматься о том, что и как нам предстоит сделать на этапе перелома в судьбе нашего образования.

тивировали их борьбу за свои права. Нельзя не признать, что появление на мировой арене Советского государства стимулировало расширение прав и свобод рабочего класса на Западе¹.

Вместе с положительными моментами внедрения новых информационных технологий в сферы общественной жизни наблюдаются и негативные тенденции. Особенно инструментализация и формальное онаучивание политики и права ведут к разрыву от их нравственных оснований, отчуждению человека и влекут за собой колоссальную угрозу неограниченной власти технократической бюрократии над ходом социального развития, находящей свое выражение и в динамике системы прав человека. Эти наблюдаемые в общественно-политической жизни тенденции онаучивания политико-правовой сферы пока еще не стали свершившимся фактом, но обладают потенциалом своего превращения в *сущее*.

Наряду с выполнением множества социальных ролей человек в современных условиях выступает и субъектом в новой коммуникативной среде. Негативные последствия использования коммуникационных сетей в виртуальном пространстве, охватывающем все сферы общества, порождают парадокс «индивидуализации и деиндивидуализации», когда новые технологии дают такие формы индивидуализации человека, имеющие, на наш взгляд, чисто техническую сторону в соотношении «машина–человек», в которых неявно, но тотально содержатся тенденции деиндивидуализации².

В теоретико-познавательный и практической деятельности человека важную роль играет *образное мышление*. Такой способ мышления, содержание которого есть создание мысленного образа действий, имманентно присущ человеку³. Жизненная значимость этого процесса обуславливается тем, что человек сам является субъектом этих действий, формирование образов в виртуальном пространстве и преподнесение человеку готовых решений нейтрализуют мышление человека и превращают его в пассивного наблюдателя.

Интернет и другие телекоммуникационные сети играют все возрастающую роль в формировании внепространственной и вневременной формы идентификации личности, перемещая ядро системы социализации человека в виртуальную среду. Эти явления служат предпосылкой зарождения нарциссизма и мифологизации социальной жизни и распада целостной системы идентичности личности. В противопоставление этим негативным тенденциям следует указать, что подлинная идентичность личности может быть сформирована только в условиях реального совместного труда в кон-

кретно предметной среде в живом человеческом общении и пространственно-временных промежутках.

Глобализация коммуникационных процессов основана на цифровых технологиях, меняет жизненные ориентиры, интересы и ценности, а также психику личности вследствие разрушения традиционных механизмов передачи моральных ценностей в локальных элементах общества. Пространственно-временная передача общественно значимой нравственной информации, ценностных ориентиров, народных традиций и обычаев от поколения к поколению заменяется вневременными и внепространственными формами посредством интернет-технологий, что создает угрозы появления автономной индивидуализированной личности и негативной космополитической самоидентификации человека.

Следует иметь в виду многомерность сущности личности, характеризующую ее как активного носителя общественных отношений и обладающего целостной и устойчивой системой самобытных качеств общесоциальной значимости. Человек как личность погружен в систему многогранных и многоуровневых социальных отношений, и поэтому идентичность личности выступает сравнительной характеристикой людей в целостности качественно определенной социальной среды. Тогда нужно признать, что промышленная революция, разрушая традиционные устои общества, меняет и духовные качества человека.

Задача противостояния негативным тенденциям, возникающим в новой цифровой реальности, требует активизации работы по укреплению правового сознания и правовой культуры в целом.

Рассмотрение таинственного феномена «сознание» с точки зрения естественных наук, прежде всего физики, на основе экспериментальных нейрофизиологических данных, имеющих прямое отношение к расшифровке нейронных связей мозга, приводит к научным открытиям, состоящим в том, что человеческие мысли связаны с возникновением связей между некоторыми нейронами, находящимися в определенных участках мозга. «Интерес к открытиям и перспективы нейробиологии настолько громадны, что привлекают уже внимание политиков... В настоящее время открываются небывалые возможности для научных исследований, способных изменить судьбу человечества»⁴.

В связи с этим обостряется необходимость выработки в юридической науке новых подходов к изучению правового сознания и правовой психологии. Вместе с тем существующая нормативно-правовая база не отвечает открывающимся перспективам изучения мозга. Коренного обновления потребуют и подходы к правовой политике, правовому сознанию, правотворчеству, реализации права и т. д.⁵ Принципиальный вопрос здесь заключается в том, в какой мере личность сохранит свободу своей воли и интеллектуальные машины будут оказывать влияние на сознание человека и управлять людьми.

Наряду с гуманистическим содержанием, к примеру, в лечении психических недугов людей, повышении

¹ См.: Aznagulova G., Pashentsev D., Kashevarova Yu. The Idea of Human Rights: From the Ancient World to the Digital Age // WISDOM. 2021. Spec. iss. 1 (1). Philosophy of Law. P. 18–29.

² Журавлев И. В., Журавлева Ю. В. Кризис идентичности в эпоху современных технологий // Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–15 ноября 2018 г.) / под ред. И. В. Анненковой, М. А. Пильгун. М. : ИД Юриспруденция, 2019. С. 184.

³ Галимов Э. М. Феномен жизни: между равновесием и нелинейностью. Происхождение и принцип эволюции. 4-е изд., стер. М. : Кн. дом «Либроком», 2013. С. 10.

⁴ Каку Митио. Будущее разума : пер. с англ. М. : Альпина нонфикшн, 2015. С. 16–17.

⁵ Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

интеллектуальных способностей человека и тому подобном цифровые технологии дадут возможность для *копирования разума*, что остро поставит вопросы философско-этического и правового порядка, ибо здесь затрагиваются основополагающие права человека, его достоинства как природного и социального существа. Тем более что сегодня уже понятно, что перспективы сканирования мозга реальны и не исключена возможность создания цифровых устройств для перехвата электромагнитного излучения мозга.

Серьезные юридические и этические вопросы возникнут при нелегальном использовании на практике скрытых устройств, регистрирующих и записывающих мысли человека в определенных целях без ведома самого человека. Вопрос состоит не в том, можно ли будет в недалеком будущем тайно записывать мысли человека, а в том, что именно можно будет противопоставить на эту возможность с позиций философии и права. Поэтому с учетом тенденций проводимых научных работ по изучению нейронной сети мозга назревает необходимость в теоретических разработках в праве, охватывающих возможные варианты развития событий. В перспективе возникает необходимость перехода на новый уровень осуществления прогностической функции права.

Таким образом, в практической реализации отношений в триаде «человек–общество–государство» особую значимость приобретает не формальная приверженность идее свободы, развитие и превращение ее в конкретных исторических условиях материального производства и духовного состояния общества в жизнеутверждающую силу правовых воззрений, нравственных убеждений, а единство нравственности и права — в основополагающий и высший принцип общественной и личной жизни людей. Именно в этом направлении может быть реализован кантовский тезис о том, что права человека — это «самое святое, что есть у Бога на земле»¹, приобретающий особый смысл и значение ввиду неоднозначного характера влияния цифровых реалий на нравственно-правовое состояние личности.

Разрешение возникающих противоречий между социальным жизненным миром и глобальными последствиями внедрения новых технологий и осуществление правового регулирования естественно возникающих новых отношений выдвигают на повестку дня выработку и реализацию долгосрочной научно-исследовательской программы развития правовой политики и правовой идеологии, нацеленной на модернизацию нормативно-правовой базы регулирования экономической, политической и социальной сфер в современном мире.

П. А. Астафичев²

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ³

Охарактеризуем конституционную формулировку «кадры судебных и правоохранительных органов»⁴.

¹ Цит. по: *Алексеев С. С.* Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. 2-е изд., доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015.

² Профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. учебного пособия «Муниципальное право России», статей «Конституционные поправки 2020 года в правовой системе современной России: опыт правового регулирования и юридические последствия», «Принцип единства системы публичной власти в конституционном праве современной России», «Проблемы реализации конституционного принципа единства системы публичной власти в федеральном законодательстве», «Обеспечение конституционности законодательства об уголовной ответственности в деятельности органов народного представительства и конституционного правосудия», «Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании», «Судебная форма защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина: приоритеты и проблемы совершенствования» и др. Член Ассоциации юристов России, Межрегиональной ассоциации конституционалистов России. Награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

³ Доклад подготовлен на основе статьи: *Астафичев П. А.* Кадры судебных и правоохранительных органов как предмет совместного ведения Федерации и ее субъектов // *Ex Jure*. 2023. № 1. С. 21–37.

⁴ См.: *Москаленко М. И.* Обеспечение деятельности и подготовка кадров судебных и правоохранительных органов в городах федерального значения // *Гражданин и право*. 2010. № 5. С. 59–63; *Байдельдинов Д. Л.* Научно-методологические вопросы подготовки высококвалифицированных юридических кадров для судебных

Слово «кадры», по всей вероятности, предполагает гарантированную законом возможность определения процедуры и непосредственного осуществления полномочия на назначение соответствующих лиц на должность и их освобождения от занимаемых должностей. Формулировка «судебные органы» подразумевает, видимо, все без исключения суды — Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, суды общей юрисдикции и арбитражные суды. Использование в Конституции РФ формулы «судебные и правоохранительные органы», по крайней мере, исходя из ее буквального истолкования, означает исключение судов из числа правоохранительных органов (иначе конституционный законодатель высказался бы о кадрах судебных и *иных* правоохранительных органов).

Вопрос о том, какие именно органы должны считаться «правоохранительными», относится к числу дискуссионных в юридической науке. Не включаясь непосредственно в указанную дискуссию, выскажем предположение, что речь в п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ идет главным образом о полиции⁵, след- и правоохранительных органов // *Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан*. 2017. № 1. С. 30.

⁵ См.: *Субботин А. М.* К вопросу о соотношении правоохранительной и контрольно-надзорной деятельности органов внутренних дел (полиции) // *Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства*. Н. Новгород, 2016. С. 331.

ствии¹ и прокуратуре². Данные органы текущая государственная политика интуитивно позиционирует как «федеральные» и «централизованные». Однако конституционный законодатель, несмотря на масштабное реформирование 2020 года, предпочел сохранить конструкцию совместного ведения Федерации и ее субъектов в вопросе о государственной кадровой политике в судебных и правоохранительных органах. Каким же образом это влияет или должно влиять на эмпирическое разграничение предметов ведения и полномочий между органами Федерации и ее субъектов?

Полагаем, что предмет совместного ведения — это область конкурирующей компетенции, где разграничение полномочий и функций либо осуществляется текущим законодательством, либо отсутствует вовсе в силу «общности» компетенции и необходимости лишь согласованных (но не разграниченных) действий федеральных и региональных властей. Если взять за основу крайнюю и во многом политически нерациональную формулу, при которой все без исключения вопросы осуществления государственной кадровой политики в судебных и правоохранительных органах разрешались единолично Президентом РФ, это входило бы в противоречие с нормативным предписанием п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ.

Глава государства, вне сомнения, должен быть наделен *существенной* кадровой прерогативой в вопросах о назначении и досрочном прекращении полномочий кадров судебной и правоохранительной систем. Но эта прерогатива не может быть *полной и исключительной*. Во-первых, федеральный парламент вправе *регулировать процедуру* назначения на должности и освобождения от должностей (в части, не урегулированной Конституцией РФ); во-вторых, парламент должен быть уполномочен на *непосредственное решение* определенных кадровых вопросов или на *участие* в них; в-третьих, осуществление кадровой политики в судах и правоохранительных органах конституционно не может обуславливаться исключительно волей федеральных органов законодательной или исполнительной власти: определенные регулирующие и правореализационные правомочия должны принадлежать законодательным и исполнительным органам субъектов РФ. Правомочие Президента РФ и Правительства РФ «обеспечивать осуществление полномочий федеральной государственной власти на всей территории Российской Федерации» (ч. 4 ст. 78 Конституции РФ) не блокирует конституционный институт совместного ведения Федерации и ее субъектов.

Приведенные теоретико-методологические подходы к правовому регулированию и реализации государственной кадровой политики в сфере судебной и правоохранительной деятельности в целом разделяются

¹ См.: *Бастрыкин А. И.* Следственный комитет Российской Федерации как правоохранительный орган, находящийся в авангарде защиты экономической безопасности государства // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* 2019. № 3. С. 9.

² См.: *Хомич В. М., Русецкий О. В.* Правоохранительная составляющая в функциях органов прокуратуры Республики Беларусь (к 100-летию образования системы органов прокуратуры) // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации.* 2022. № 2. С. 145.

действующим законодательством и правоприменительной практикой. Так, кадровая прерогатива Президента РФ является существенной, но не полной и не исключительной. В частности, судьи Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ назначаются Советом Федерации (Президент РФ их только «номинарует» на должности). В сфере кадровой политики в органах прокуратуры компетенция Президента РФ была расширена конституционными поправками от 2020 года, однако была введена и балансирующая обязанность главы государства проводить с Советом Федерации *соответствующие консультации*. Глава государства единолично не вправе прекратить полномочия судей и должностных лиц судов: в случае совершения ими проступка, порочащего честь и достоинство судьи Президент РФ лишь вносит в Совет Федерации соответствующее *представление*. Эти и ряд других примеров показывают, что на федеральном уровне компетенция главы государства и парламента в области осуществления государственной кадровой политики в судебных и правоохранительных органах сбалансирована, хотя полномочия парламента и выглядят довольно ограниченными.

Вопрос о прерогативах законодательных и исполнительных органов субъектов РФ в сфере государственной кадровой политики в судебных и правоохранительных органах представляется более сложным, поскольку последние изменения в конституционном законодательстве и общие тенденции с очевидностью свидетельствуют о стремлении федеральных публичных властей к централизации этой сферы государственно-правового строительства³. Полагаем, что здесь ключевое значение имеет вопрос не столько о *кадрах* судебных и правоохранительных органов, сколько о *самих* судебных и правоохранительных органах.

Если государственно-правовая система позиционирует суды (за исключением мировых судей) в качестве федеральных, то на каком основании субъекты Федерации вообще должны участвовать в назначении соответствующих судей на должности? Аналогичные суждения можно было бы применить к организации и деятельности полиции, следствия и прокуратуры. Децентрализованная *кадровая политика* была бы логичной при децентрализации *организации* судов и правоохранительных органов. Но в условиях централизованной системы, напротив, децентрализация решения кадровых вопросов выглядит не вполне уместной. Не означает ли это, что в современной России созрели условия для исключения из конституционного текста нормы п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ с одновременным отнесением данной прерогативы к предметам ведения Российской Федерации (ст. 71 Конституции РФ)?

Поставленная выше проблема с неизбежностью актуализирует вопрос соотношения задач конституционно-правовой науки с эмпирической политикой консти-

³ См.: *Заманова Л. Б.* Российский федерализм: дисбаланс процессов децентрализации и централизации // *Федерализм в современной России: диалектика взаимоотношений между государством и субъектами.* Уфа, 2015. С. 50–53; *Бекбосынов М. Б.* Институт федерализма: проблемы централизации и децентрализации // *Этносоциум и межнациональная культура.* 2011. № 7. С. 53.

туционного законодателя¹. Опираясь на исследование конституционно-правовой мысли, опыта конституционного регулирования общественных отношений в государственно-правовой истории России и зарубежных стран, конституционная наука могла бы предложить ряд разнообразных подходов и решений². Однако нуждается ли в этом конституционный законодатель? Будет ли он учитывать достижения конституционной науки или предпочтет действовать по своему политико-дискреционному усмотрению?

Конституционная наука нравственно и ценностно обязана вскрывать внутренние противоречия, особенно сейчас, в условиях современных глобальных трансформаций, в конституционном законодательстве, разрабатывать предложения по совершенствованию правового регулирования конституционных отношений. Многие конституционные решения непрочны и недолговечны. Утилитарные цели с течением времени теряют актуальность, в то время как непреходящие конституционные ценности сохраняют решающее значение для государственно-правового строительства России. При анализе конституционно-правовой проблематики, на наш взгляд, важно понимать, что конституционное право — это гарантия лишь *минимальной* свободы в обществе. Ограничение государства обществом через конституционные гарантии очерчивает только сравнительно небольшой *предел власти*, который обеспечивается главным образом посредством инструментария *разделения властей и прав человека*. Полное же обеспечение свободы в обществе для конституционного права — совершенно непосильная и явно недостижимая задача. Она в целом разрешается только «всем социумом» при наличии требуемого «общественного консенсуса».

При этом конституционная наука могла бы предложить конституционному законодателю ряд обновленных моделей правового регулирования организации деятельности судебных и правоохранительных органов, которые в большей мере соответствовали бы конституционным принципам федерализма, чем это наблюдается, в частности, в современной России. Обосно-

вываться это может вовсе не склонностью соответствующих авторов к какому-нибудь «либеральному космополитизму»³, но, напротив, весьма прагматичной оценкой и патриотически ориентированным анализом российской эмпирической действительности. Так, федеративное устройство, в котором судебные и правоохранительные органы строго централизованы и имеют исключительный федеральный статус, — это модель, полагаем, весьма непрочная и недолговечная. Она внутренне противоречива и по названной причине с течением времени неизбежно подвергнется государственно-правовой модернизации.

С точки зрения основополагающих принципов конституционализма мы с неизбежностью наблюдаем весьма противоречивую модель, потому что *конституционализм*, к сожалению или к счастью, *методологически питает это противоречие*. Институт прав человека унифицирован и стремится к централизации судебной и правоохранительной деятельности. Принцип разделения властей, напротив, дифференцирован и вследствие этого стимулирует общество к децентрализации структуры судебных и правоохранительных органов. В целях обеспечения верховенства прав и свобод человека и гражданина федеральный статус судебных и правоохранительных органов в России выглядит привлекательным и потенциально эффективным. Но это вступает в противоречие с другим фундаментальным принципом конституционного права — разделением властей. Конституционализм не может «жертвовать» разделением властей ради обеспечения верховенства прав человека в той же мере, в какой недопустимо низвержение прав человека в целях эффективного разграничения предметов ведения, полномочий, функций, компетенций, прав и обязанностей государственных органов. Здесь требуется, по нашему мнению, особенно сегодня, в условиях современных глобальных трансформаций, устойчивый, твердый и гарантированный законом конституционный правопорядок, который избегал бы увлеченности достижением одних целей в ущерб другим.

¹ См.: Витрук Н. В. Развитие отечественной науки конституционного права // Российское правосудие. 2010. № 6. С. 4.

² См.: Муравьев И. А. Конституционализм и просвещение // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11. С. 96.

³ См.: Кастиллио М. Политика космополитизма: от универсализма к плюрализму // Кантовский сборник. 2013. № 2. С. 19.

А. А. Аубакирова¹**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

В настоящее время идентификационные исследования получили по мере своего развития солидную теоретическую базу (теория криминалистической идентификации, технология идентификации, оценка полученных результатов и их роль в доказывании и т. д.). При идентификации по мысленному образу как особой категории мыслительного процесса мы рассмотрим классические методы и перспективы современной идентификации.

Закладывая основы криминалистической идентификации, С. М. Потапов отмечал: «Можно следующим образом выявить его сущность относительно всякого ранее виденного или воспринятого из других ощущений предмета, человек при последующем соотношении (общении) с ним заключает, что это — тот же самый предмет, или же, если встречается похожий предмет, заключает о принадлежности его к тому же самому роду, виду, сорту, материалу, механизму или иному сложному целому, к которому относятся и другие одинаковые предметы, обозначаемые одним и тем же названием»². До сих пор никто не оспорил генезиса предъявления для опознания как развития одной из форм отождествления. Принимая данное положение, мы признаем необходимость соблюдения при опознании всех методов и приемов отождествления: эмпирических — наблюдение, узнавание, сравнение; теоретических — анализ, синтез, идеализация, экстраполяция; логических — исключенное третье и т. д.³

Предъявлению для опознания уделено достаточное внимание в криминалистической, процессуальной и судебно-медицинской литературе. Предъявление для опознания находит отражение в литературе 1920–1930-х годов, но особо широко — во второй половине XX века. Это монография Г. И. Кочарова «Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии» и его диссертация. Работа П. П. Цветкова «Опознание в стадии предварительного следствия» в совокупности с работами Г. И. Кочарова и Р. С. Белкина⁴, несомненно, способствовали включению предъявления для опознания в число следственных действий по Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан 1997 и 2014 годов (в УПК КазССР 1959 г. такого следственного действия

не было). Большое внимание данному следственному действию уделили А. Я. Гинзбург в работах «Тактика предъявления для опознания», «Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике», П. Н. Гапонович в «Опознании в судопроизводстве (процессуальные и психологические проблемы)», Н. В. Терзиев в «Криминалистическом отождествлении личности по признакам внешности», З. Г. Самошина в «Вопросах теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии», А. Е. Михайлов в «Предъявлении для опознания: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты». Работы по тактике предъявления для опознания продолжают выходить и в настоящее время.

В основе данного процессуального действия (ст. 193 УПК РФ и ст. 229–230 УПК РК) лежит психологический процесс узнавания. Узнавание сопровождает человека постоянно и повсеместно. В каждый момент нашего зрительного восприятия мы либо узнаем ранее виденное, либо используем ранее виденное в качестве опорных точек для понимания наблюдаемого впервые. Таким образом, узнавая, мы заключаем, что это тот же самый предмет, а если встречается похожий предмет, то мы относим его к определенной группе, ряду, виду⁵.

С внедрением цифровых технологий примерно со второй половины XX века до настоящего времени появились новые разработки, касающиеся идентификации человека с помощью информационных систем. Данная технология позволила осуществлять фиксацию изображения человека, преимущественно в динамичных формах. Статическое изображение возможно также получать путем выбора отдельного кадра динамики, создаваемой различными способами, посредством цифровизации. Это направление разрабатывается системой МВД и в настоящее время существуют правовые и методические вопросы, широко обсуждаемые в литературе.

Биометрическая идентификация использует персональные данные, индивидуальные для каждого человека. Отпечатки пальцев, геномная информация, данные радужной оболочки глаза — вот самый простой перечень инструментов, используемых в настоящее время в банковских, государственных системах для распознавания людей.

Но для того, чтобы сравнивать определенные параметры, они должны в первую очередь заноситься в базу данных. Еще в 2016 году в Казахстане был принят Закон РК «О дактилоскопической и геномной регистрации», но до настоящего времени он не вступил в силу. Ответственный за исполнение данного закона — Министерство внутренних дел Республики Казахстан. Безусловно, в данном ведомстве испокон веков ведется дактилоскопический учет и с недавнего времени есть некоторая база данных о геномной информации

¹ Директор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук, доцент. Автор 180 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч. книг: «Криминалистика: Криминалистическая техника», «Следственные ошибки при формировании внутреннего убеждения», «Интеллектуальные ошибки эксперта при формировании внутреннего убеждения», «Уголовный процесс Республики Казахстан» (в соавт.), «Судебная экспертиза: вопросы теории и практики» (в соавт.), «Принципы уголовного процесса» (в соавт.) и др. Член Международной ассоциации содействия правосудию.

² Потапов С. М. Введение в криминалистику. М., 1946. С. 10.

³ См.: Аубакирова А. А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2010.

⁴ Белкин Р. С. Криминалистика: учебник. М., 1959. С. 419–434.

⁵ См.: Аубакирова А. А. Указ. соч.

определенной категории людей. Это лица, подозреваемые и привлекаемые к уголовной ответственности. Однако речь в Законе идет о биометрической информации каждого гражданина Республики Казахстан, иностранцев и лиц без гражданства, которые находятся на территории Казахстана.

Объяснимо, что в первую очередь данный Закон был принят для решения вопросов безопасности, поиска людей без вести пропавших, неопознанных трупов, для решения вопросов миграции и т. д.

Однако в правовом плане уже видны определенные пробелы с точки зрения информационного обеспечения и защиты информации. Биометрическая идентификация, применяемая не только в расследовании уголовных дел, но и при получении государственных услуг, требует детального регламентирования. Существует много косвенных признаков, подпадающих под биометрическую идентификацию личности, поскольку автоматизация поиска не дает полной гарантии. Этот вопрос можно решить принятием отдельного Закона Республики Казахстан «О биометрической идентификации».

Использование биометрических технологий в распознавании формирует новую форму отождествления, основанную на «машинной» идентификации — оперативном распознавании, которое по своей сути является идентификационным процессом комплексного исследования внешности человека при помощи современных технологий программного обеспечения, включающих применение нейронной сети.

Необходимо констатировать, что человек в окружающей действительности — наиболее сложный объект. Но следует также понимать, что любые системы, воспринимая человека, одновременно запечатлевают и окружающую среду. При этом если речь идет о преступном событии и злоумышленник предполагает возможность фиксации его при помощи видеосистем, то высока вероятность принятия мер для маскировки.

Так, наиболее востребованные системы биометрической идентификации на данном этапе включают:

— квантовые компьютеры, которые не имеют серийного производства, изготавливаются для конкретных целей, в основном научного характера, обладают при этом широким потенциалом и следующими преимуществами: возможность проводить сложные симуляции различных, в том числе общественных, процессов, безопасные вычисления, машинное обучение, криптография, задачи на оптимизацию и т. д.;

— нейросети и нейрокомпьютеры, которые уже находят свое место в ряде прикладных направлений, например в 3D-моделировании при помощи нейросетей на основании доступных источников по имеющимся предметам, таким как череп, можно воссоздать облик любых лиц; проведение МРТ трупов, которых невозможно эксгумировать; получение измерительных данных костных останков черепа, образцов ДНК; создание посмертных масок, а также различных портретных изображений по произведениям художников, написанным в разные исторические периоды и в различной манере;

— искусственный интеллект, использующий достижения ряда наук, таких как информатика, биология, социология, математика, квантовая физика, философия и тому подобные, целью которого принято подразумевать создание системы, способной выполнять творческие функции, присущие только человеку¹.

Современные возможности использования биометрической идентификации позволяют оперировать значительными объемами видеoinформации без потери качества, хранить эти объемы длительное время, пересылать по требованию в места назначения. Способность к обучению позволяет гибко менять параметры, в интересах пользователя дополняя, изменяя, поправляя как базы данных, так и методологию поиска.

При всех положительных качествах не нужно забывать, что указанные выше возможности требуют определенной подготовки самой системы для ее пополнения, комплектации, стандартизации, что определяется методами, используемыми для распознавания лиц.

Д. И. Балибалова²

ГЕНОЦИД СОВЕТСКОГО НАРОДА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

22 марта 2023 года депутаты Государственной Думы единогласно приняли заявление «О геноциде народов Советского Союза Германией и ее пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». В нем говорится о необходимости дать судебно-правовую оценку военных преступлений, совершенных властями Германии и ее союзниками — Италией, Венгрией, Румынией, Словакией, Финляндией, а также их пособниками — вооруженными формированиями, созданными на территории Бельгии, Испании, Нидерландов, Норвегии, добровольцами из Австрии, Дании,

Латвии, Польши, Франции, Чехии, Эстонии³. Также депутаты заявили, что немецкие власти отказываются увековечить память миллионов мирных советских

¹ Современные возможности методов распознавания человека по анатомическим и функциональным признакам внешности с использованием информационных систем: материалы Международного дистанционного круглого стола / под общ. ред. А. Д. Дарменова. Караганда: Карагандинская акад. МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, 2021.

² Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат экономических наук. Автор 106 научных публикаций и учебных изданий, в т. ч. учебных пособий «Налоговое право. Краткий курс лекций», «Финансовое право: краткий курс лекций», «Социально-правовая защита прав и интересов женщин в России»; статей и научных докладов: «К вопросу о должной осмотрительности налогоплательщика» (в соавт.), «Новации финансово-правового статуса бюджетного учреждения социально-культурной сферы РФ», «Особенности проявления правового нигилизма в финансовом праве», «Налоговая культура и налоговая политика: проблемы взаимодействия», «Коллизии в российском законодательстве как проблема правовой культуры» (в соавт.) и др.

³ Заявление Государственной Думы «О геноциде народов Советского Союза Германией и ее пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» // Государственная Дума Федерального собрания РФ: [сайт]. URL: <http://duma.gov.ru/news/56676/> (дата обращения: 30.06.2023).

граждан, ставших жертвами фашистов, и отказываются от выплат компенсаций жителям блокадного Ленинграда¹.

Сегодня это заявление весьма актуально, ибо поднимают голову неонацисты и реваншисты европейских стран. Они озвучивают идею об одинаковой ответственности Германии и Советского Союза, пытаются изменить статус нашей страны как государства — победителя фашизма на роль агрессора. Это обвинение распространяется на Российскую Федерацию как правопреемницу СССР. В 2019 году Европарламент принял Резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», в которой подчеркивалось, что Вторая мировая война была начата в результате договора о ненападении между Советским Союзом и Германией. И теперь некоторые организации (особенно в странах Прибалтики) стали требовать материальную компенсацию за так называемую советскую оккупацию.

В качестве контраргумента наша страна решила напомнить Германии о геноциде советского народа и потребовать материальную компенсацию за ущерб, нанесенный нашему государству в годы Великой Отечественной войны.

Как известно, Международный военный трибунал в Нюрнберге (1947) определил преступления нацистской Германии против советского населения как геноцид, как действия, направленные на уничтожение советского народа. Определение геноцида дано ООН в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, в которой признается, что геноцид является международным преступлением без срока давности².

Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их союзников и причиненного ими ущерба гражданам... предприятиям и учреждениям СССР в годы Великой Отечественной войны подготовила для Нюрнбергского процесса материалы, где были приведены такие данные: разрушено 1710 городов, более 70 тыс. сел и деревень, лишены крова 25 млн человек, уничтожено 32 тыс. промышленных предприятий, 82 тыс. школ, 1520 техникумов, 334 вуза, 6 тыс. больниц, 43 тыс. библиотек, 427 музеев, 167 театров и т. д. Были оккупированы 25 областей Советского Союза. Материальный ущерб составил около 30 % национального богатства страны³. Но сюда не включены такие потери, как стоимость конфискованных германскими оккупационными войсками предметов производства и снабжения, сельскохозяйственной продукции. Фашисты вырубали и вывозили в Германию ценные породы деревьев и даже землю из черноземных регионов страны⁴.

¹ Геноцид советского народа: история и факты // Рамблер/новости : [сайт]. URL: <https://news.rambler.ru/community/50576732-genotsid-sovetskogo-naroda-istoriya-i-fakty/> (дата обращения: 30.06.2023).

² См.: Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него» // Ведомости ВС СССР. 1954. № 12.

³ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. : Госполитиздат, 1948. С. 57.

⁴ См.: Экономическая цена победы СССР в Великой Отечественной войне // Око планеты : [информ.-аналит. портал]. URL:

Совокупные бюджетные расходы союзников по антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритания, Франция) на военные цели составили 767 млрд долларов, доля Советского Союза в этих расходах — 46,5 %⁵.

В 2021 году вышла монография бывшего Генерального прокурора РФ, профессора А. Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира», которая получила высокую оценку юристов. Так, академик А. Г. Лисицын-Светланов в своей рецензии подчеркивает проявление научной новизны в этом исследовании, в частности ретроактивность норм, придание новым нормам обратной силы в связи с вновь выявленными обстоятельствами⁶. Ретроактивность закона — это обратная сила закона. Возможность существования ее в конкретном государстве определяется его Конституцией и прочими кодифицированными актами.

18 января 2023 года Президент России, выступая по случаю 80-летия прорыва блокады Ленинграда, отметил, что вопросы о признании геноцида в отношении гражданского населения Советского Союза чрезвычайно важны. «Конечно, этот вопрос рассматривался в свое время в Нюрнберге, и в общем и целом оценки были даны. Но значительное количество — это именно в общем и целом, потому что в ходе Нюрнбергского процесса невозможно было представить, даже рассмотреть и представить все факты, свидетельствующие об этом геноциде... Мы никогда раньше в силу определенной толерантности и для того, чтобы не портить отношения, не портить какой-то фон наших отношений со многими странами об этом не говорили. Но это же было не только в Ленинграде, на Ленинградском фронте и во время блокады, это было везде», — так пояснил В. В. Путин причины того, что геноцид советского народа не получил юридического оформления в ходе Международного военного трибунала⁷.

В 2019–2022 годах Следственный комитет РФ возбудил несколько уголовных дел по ст. 357 Уголовного кодекса РФ, связанных с массовыми убийствами советских мирных граждан и военнопленных в годы Великой Отечественной войны на территории современной России. Суды прошли в Новгородской, Псковской, Брянской, Ленинградской, Орловской, Смоленской, Ростовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, Республике Крым, в Донбассе, городе-герое Ленинграде (ныне — Санкт-Петербурге).

Первый суд состоялся в городе Сольцы Новгородской области, где районный суд признал геноцидом массовые убийства нацистами 2600 советских граждан в годы Великой Отечественной войны в районе деревни Жестяная Горка Новгородской области⁸. Тем са-

<http://oko-planet.su/history/historynew/279971-ekonomicheskaya-cena-pobedy-sssr-v-velikoy-otechestvennoy-voynе.html> (дата обращения: 30.06.2023).

⁵ История мировой экономики / под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. М. : ЮНИТИ, 2002. С. 307–308.

⁶ Лисицын-Светланов А. Г. Теоретические основы международно-правового уголовного правосудия // Государство и право. 2022. № 7. С. 44–45.

⁷ Геноцид народов СССР // Наука. Общество. Оборона. URL: <https://www.noo-journal.ru/genotsid-sovetskogo-naroda/> (дата обращения: 30.06.2023).

⁸ См.: Великая Отечественная война: без срока давности : учеб. материалы / Н. А. Ильина [и др.]. Псков, 2021.

мым был создан прецедент в отечественной судебной практике. Он сразу получил продолжение в тех регионах России, которые были оккупированы фашистскими захватчиками.

20 октября 2022 года городской суд Санкт-Петербурга признал блокаду Ленинграда оккупационными властями, войсками Германии и их пособниками — вооруженными подразделениями, сформированными на территории Бельгии, Италии, Испании, Нидерландов, Норвегии и Финляндии, а также отдельными добровольцами из числа австрийцев, латышей, поляков, французов и чехов, в период с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года военным преступлением, преступлением против человечности и геноцидом национальных и этнических групп, представлявших собой население СССР, народов Советского Союза. Общее число жертв блокады, по данным прокуратуры, составило не менее 1 093 842 человек, а сумма ущерба, нанесенного городу и его жителям, превысила 35 трлн рублей в пересчете на современный курс рубля. Также было установлено негативное влияние условий блокады не только на здоровье тогдашних жителей Ленинграда, но и на их потомков.

В Орловской области суд установил, что за период оккупации немецко-фашистские захватчики и их пособники истребили не менее 421 750 человек, а более 56 400 угнали в Германию на каторжные работы.

В Брянске областной суд признал геноцидом массовые убийства мирных жителей в 1941–1943 годах. Суд заслушал свидетельские показания бывших малолетних узниц концлагеря «Дулаг-142», в котором в годы войны содержалось до 80 тыс. человек, примерно половина из них погибли. Одна из свидетельниц попала в концлагерь в 1942 году в возрасте четырех лет. В силу малолетнего возраста она не работала, но фашисты регулярно брали у нее кровь. Следствие установило, что с 1941 по 1943 год нацисты и их пособники расстреляли, замучили и угнали в Германию на каторжные работы более 278 тыс. жителей области¹.

Ленинградский областной суд 10 октября 2022 года признал вновь выявленные преступления, совершенные на территории Ленинградской области в отношении 435 тыс. советских граждан, являвшихся представителями мирного населения и военнопленными, проходившими военную службу в рядах Красной армии, военными преступлениями и преступлениями против человечности, геноцидом национальных, этнических и расовых групп путем их изгнания и истребления, для того чтобы колонизировать, освободить территории. Правительство Ленинградской области постановило: установить в г. Гатчина, где погибло 60 тыс. человек, мемориал мирным жителям, погибшим от нацистского террора².

Президент РФ В. В. Путин, выступая на заседании оргкомитета «Победа» 15 ноября 2022 года, заявил, что судебные процессы, прошедшие в регионах, где в пе-

риод Великой Отечественной войны зверствовали нацисты, неоспоримо доказали, что война против Советского Союза велась не только с целью захвата территорий и ресурсов, но это был преднамеренный геноцид советского народа, всех его национальных, этнических и расовых групп³.

Во время войны на оккупированных территориях оказалось 84,8 млн человек мирных жителей (44 % населения Советского Союза). Из них 13,7 млн человек были уничтожены, 5,2 млн человек были угнаны на принудительные работы (в основном в Германию), из них 2,1 млн человек погибли в изгнании⁴.

После войны произошло сокращение численности населения в традиционно русских областях: в Смоленской на 1,1 млн человек, в Курской — на 1,5 млн, в Орловской — на 1,1 млн, в Воронежской — на 1 млн, в Ленинградской — на 1,3 млн, в Псковской — на 0,5 млн, в Новгородской — на 0,4 млн, в Тверской — на 0,5 млн человек. Довоенная численность населения в этих регионах так и не была восстановлена.

В настоящее время Польша предъявила Германии счет, требуя выплатить за 3 млн польских граждан, погибших во Второй мировой войне, 1,3 трлн долларов. Германия ежегодно с конца 1940-х годов выплачивала Израилю денежные компенсации за геноцид. В настоящее время США продолжают оказывать финансовую помощь Израилю за холокост.

Общественные организации бывших несовершеннолетних узников фашизма обратились к Президенту РФ В. В. Путину с просьбой учредить на законодательном уровне День геноцида советского народа. В обращении они документально доказывают, что основной целью гитлеровской Германии было уничтожение не просто Союза Советских Социалистических Республик, но физическое уничтожение подавляющего большинства советских людей, оставив в живых лишь то их количество, которое будет необходимо для обслуживания рейха (в 1990-х гг. англосаксы почти полностью повторили этот тезис в своих документах).

В России с 2019 года осуществляется федеральный проект «Без срока давности», который включает: 1) проведение научно-исследовательской работы, в том числе в архивах; 2) деятельность поисковых отрядов, включая захоронения останков погибших в годы Великой Отечественной войны; 3) проведение различных экспертиз. Полученные данные используются в правоприменительной практике, решениях судов по проблемам геноцида советского народа.

Депутат Государственной Думы О. А. Нилов, выступая в поддержку принятия вышеуказанного заявления, 22 марта 2023 года заявил: «Необходимо дать наконец должную судебную, правовую оценку этому геноциду со всеми вытекающими финансовыми последствиями (по выплате в полном объеме компенсаций) для стран гитлеровской коалиции».

¹ Убийства нацистами жителей Брянской области во время Великой Отечественной признаны геноцидом // Взгляд. 2022. 28 июля. URL: <https://vz.ru/news/2022/7/28/1169813.html> (дата обращения: 30.06.2023).

² Константинова М. В России признали геноцид советского народа в годы ВОВ: что это дает и почему именно сейчас? // iVBG. Новости Ленобласти. 2022. 9 дек. URL: <https://ivbg.ru/8293261-v-rossii-priznali-genocid-sovetskogo-naroda-v-gody-vov-chto-eto-daet-i-pochemu-imenno-sejchas.html> (дата обращения: 30.06.2023).

³ Заседание оргкомитета «Победа» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/69836> (дата обращения: 30.06.2023).

⁴ См.: Политика нацистской Германии в отношении гражданского населения на оккупированных территориях СССР // Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политика_нацистской_Германии_в_отношении_гражданского_населения_на_оккупированных_территориях_СССР (дата обращения: 30.06.2023).

Е. А. Брылева¹**НОВЫЕ ИЛИ «ХОРОШО ЗАБЫТЫЕ СТАРЫЕ» ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

События наших дней, в том числе переход к многополярной модели мироустройства и специальная военная операция России на Украине, не могли не сказаться на необходимости поиска своего пути развития, «духовной безопасности», при этом «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» относится к одному из стратегических национальных приоритетов². В 2022 году Указом Президента РФ № 809 были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей³. В документе под традиционными ценностями понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства. К ним отнесены жизнь, права и свободы человека, гуманизм, милосердие, коллективизм, взаимоуважение, взаимопомощь, достоинство, справедливость, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, патриотизм, гражданственность, высокие нравственные идеалы, созидательный труд, крепкая семья, историческая память, преемственность поколений, единство народов России, приоритет духовного над материальным. В Основах отмечено, что особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию. В Государственную Думу РФ был внесен проект изменений в Семейный кодекс РФ, в котором также предлагается закрепить положения о сохранении и укреплении традиционных ценностей, в частности вносятся нормы, закрепляющие принцип защиты брачного союза мужчины и женщины⁴.

¹ Начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Пенитенциарная система в механизме Российского государства: историко-теоретический аспект» (в соавт.), «Благотворительность как проявление солидарности гражданского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции», «Социальная солидарность как отражение политики государства» (в соавт.), «Корпоративная социальная ответственность в России: необходимость формирования концепции», «Legal regulation of charitable activities carried out with the use of digital technologies» (в соавт.), «The Problems of Legal Regulation of AI: a Rather-Legal Research Artificial Intelligence: Anthropogenic Nature vs. Social Origin» (в соавт.), «Urgent problems in the investigation of computer crimes at the modern stage» (в соавт.), «Post-prison resocialization — myth or reality?» (в соавт.) и др. Член Ассоциации международного права. Награждена медалями ФСИН России «За отличие в службе» трех степеней, медалью ФСИН России за усердие в службе II степени. Юрист года–2021 Пермского края.

² Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

³ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1584202> (дата обращения: 03.03.2023).

⁴ Законопроект № 233622-8 «О внесении изменений в статью 1 Семейного кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/233622-8> (дата обращения: 03.03.2023).

Очевидно, что закрепление в ряде программных документов ценностных ориентиров является знаковым событием для нашего государства, однако думается, что для того, чтобы данные ценности стали нормой для граждан страны, особенно для подрастающего поколения, должна проводиться целенаправленная системная работа государства и гражданского общества.

Так, в России остается неизменным количество детей-сирот, причем это в основном сироты при живых родителях. Так, по официальным данным, в 2022 году в России было свыше 400 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из них 38 тыс. жили в домах-интернатах. При этом, несмотря на активную политику государства по снижению социального сиротства, количество усыновлений с 2010 года снизилось в два раза. В 2021 году из всех семей, которые намеревались взять ребенка (состояли на учете), только 34 % действительно сделали это. Одна из главных причин заключается в том, что большая часть сирот — дети с тяжелыми патологиями, сиблинги (дети, у которых есть братья или сестры, так что требуется заботить всех) и подростки. В федеральном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, 59 % детей — сиблинги, 66 % — 12 лет и старше, 60 % имеют третью, четвертую или пятую группу здоровья, то есть страдают хроническими заболеваниями разной степени тяжести. Еще одна серьезная проблема — возврат детей. Если в 2014 году на 100 решений приходилось пять отмен, то в 2021-м уже семь⁵. Снизилось и количество усыновлений иностранными гражданами, которые брали в свои семьи преимущественно тяжелобольных детей и сиблингов.

В России за последние три года на 19,5 % выросло число несовершеннолетних, признанных потерпевшими в результате преступлений. В 2020 году их было 94,8 тыс., в 2021-м — 112,3 тыс., а в 2022-м — 113,3 тыс., причем 15 % преступлений составляют преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних. Как обратили внимание в аппарате уполномоченного по правам ребенка, это число остается «стабильно высоким»: в 2019 году — 14,7 тыс. преступлений, в 2020-м — 15,8 тыс.⁶

В 2021 году по сравнению с 2020 годом на 30 % выросло число преступлений в отношении несовершеннолетних, связанных с изготовлением и оборотом порнографических материалов (1051 и 809 соответственно). По данным СК России, за девять месяцев 2022 года свыше 900 преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних было совер-

⁵ Российское сиротство в цифрах исследования. URL: <https://irsu.info/stat> (дата обращения: 06.07.2023).

⁶ Штурма Я. Опасность и возраст: в России увеличилось число преступлений против детей // Известия. 2023. 2 февр. URL: <https://iz.ru/1463589/iana-shturma/опасност-i-vozrast-v-rossii-uvlechilos-chislo-prestuplenii-protiv-detei> (дата обращения: 06.07.2023).

шено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий¹.

В современной России сложилась уникальная ситуация: реально существующая с начала рыночных реформ государственная идеология (идеология материальной выгоды) является неформальной. И здесь, безусловно, сказывается влияние средств массовой информации на сознание людей. Федеральные телеканалы превратились в ключевой, системообразующий элемент не только информационного поля, но и всего духовно-нравственного пространства страны. Формирование картины мира и системы ценностей человека, багажа знаний, отношения к жизни и ее отдельным явлениям, структуры интересов, мотивации к той или иной деятельности, культуры речи и бытового поведения и тому подобного — всего того, чем раньше занимались родители, педагоги, профессора, деятели культуры и искусства, выдающиеся писатели, берет на себя телевидение, зачастую транслируя аморальные модели поведения². Человек оценивается по его материальному статусу, как в Средние века. Но многие выбрали другие жизненные цели — работу и творчество на благо Родины, а не приобретение богатства. Это деятели культуры, науки, профессорско-преподавательский корпус и т. д. В отношении данной категории лиц должны быть установлены социальные стандарты, включающие уровень жизни, в том числе соотношение размера доходов различных профессиональных категорий населения; развитие социально-бытовой инфраструктуры; социальные нормативы по условиям труда; нормативы по воспитательно-правовым вопросам, нормативы по окружающей среде³.

Провозглашая ответственность за судьбу страны и возвращение к патриотизму, государство озабочилось данным вопросом, взяв на себя определенные обязательства. В связи с этим были внесены поправки в Конституцию России и изменения в ряд других нормативно-правовых актов. Разработан проект Федерального закона о внесении изменений в ст. 2 Федерального закона «О знамени Победы».

В то же время анализ международных нормативно-правовых актов, в первую очередь европейских, показывает, что в них отсутствует понятие патриотизма.

Вероятно, потому, что вся концепция прав человека основана на западноевропейской традиции, которая патриотизм ценностью не считает. Полагаем, что в основе современной концепции западных ценностей лежат следующие основные составляющие: экономизм, техногенность, эгоизм, эгоцентризм, сложившиеся под влиянием западноевропейских идей Просвещения (Г. Гроций, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, И. Бентам, И. Кант). Таким образом, обе ценностные системы апеллируют к религиозным, политическим и гражданским правам и также носят универсальный характер. Всеобщая декларация прав человека (1948) создана под влиянием опыта применения и интерпретации американского Билля о правах. Еще Никколо Макиавелли указывал, что «назначение человека на земле, его первейший долг — это патриотизм, забота о славе, величии, свободе родины»⁴.

Между тем, как отмечает, например, С. А. Старостин, снижение духовных, нравственных, моральных, патриотических качеств и культурного уровня населения, в том числе и правового, способствует распространению терроризма⁵.

Безусловно, воспитание патриотизма — задача важная и отвечающая требованиям времени. Вместе с тем в условиях глобализации и цифровизации государство, думается, должно, помимо воспитания патриотизма, обеспечить базовые принципы социальной справедливости, солидарности, единства, социальной ответственности, благополучия (благополучия), достойного уровня жизни, ликвидации социального неравенства и целого ряда других, неоднократно формулируемых и применяемых Конституционным Судом РФ в качестве конституционных принципов социального государства. Аналогичный подход характерен и для решений Верховного Суда РФ⁶.

Полагаем, что в государстве, принципы деятельности которого основаны на социальной справедливости, солидарности, благотворительности, патриотизме, не будет такого массового оттока населения, какой наблюдается в наши дни: по самым скромным подсчетам, за 2022 год страну покинуло 500 тыс. человек, в основном высококвалифицированных специалистов и, к сожалению, молодежи.

¹ Штурма Я. Указ. соч.

² См.: Запесоцкий А. С. Почему Россия проигрывает в конкуренции национальных культур. Культурологическое осмысление актуальных проблем современности // Доклады на Международных Лихачевских научных чтениях (1997–2019). СПб.: СПбГУП, 2019. С. 165.

³ Коробов М. Л. Социальная политика государства и ее реализация на уровне региона — субъекта Российской Федерации: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 33.

⁴ Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2001.

⁵ Старостин С. А. Криминологическая характеристика современного терроризма // Преступность и общество. М., 2004. С. 9.

⁶ Умнова-Конохова И. А. Конституционные основы российского социального права: состояние и перспективы формирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10.

О. В. Вербовая¹**ОТРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В НОРМАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

В современном мире наблюдается тенденция к провозглашению права превалирующим регулятором общественных отношений, который может заменить и вытеснить действие других социальных регуляторов. В условиях нестабильности при возникновении сложных общественных проблем это приводит к необходимости принятия нового закона, тогда как при нормальном функционировании общества возникшая ситуация, возможно, не потребовала бы законодательного вмешательства². В результате происходит перегруженность права и законодательства, что напрямую влияет на их эффективность. Связующую функцию для существования правовой системы и самого общества выполняют нравственные нормы. Они наряду с правом выступают социальными регуляторами общественных отношений. Все это вызывает необходимость укрепления нравственных устоев общества.

Проблема нравственных ценностей и их роли в формировании норм права давно привлекает внимание исследователей, считающих, что именно с помощью нравственных норм и моральных представлений можно судить о том, насколько справедливы принимаемые правовые нормы с точки зрения задач социального прогресса. Эти вопросы приобретают особую актуальность в условиях фактически кризисного состояния общественной нравственности в современном обществе³.

Право и нравственность являются двумя важнейшими пластами человеческой культуры, социальными регуляторами, включенными в систему общественных отношений, целенаправленно воздействующими на государственную власть⁴.

Право регулирует большой круг общественных отношений, и это оправданно. Но в условиях сегодняш-

него дня следует говорить о правовых нормах с нравственным содержанием и в целом о нравственном характере права. Без опоры на нравственное содержание права невозможно надлежащим образом осуществлять регулирование общественных отношений, определяя границы возможного и должного поведения, и обеспечить эффективность в целом правовой системы государства.

Анализ имеющихся в литературе подходов к понятию нравственности показывает, что нравственность представляет собой систему норм, установок, принципов, оценок, которые определяют действия людей с точки зрения добра и зла, справедливости и несправедливости, честности и лжи, поощрения и порицания и других моральных критериев. Такие критерии выполняют функцию регулятора отношений между членами общества, определяют системы ценностей каждой личности.

Таким образом, если с помощью нравственных норм происходит регулирование жизни отдельной личности и всего общества, то норма уголовного права представляет собой общеобязательное для всех правило, сформулированное государством и предоставляющее участникам общественных отношений юридические права и возлагающее на них юридические обязанности⁵.

В. С. Нерсисянц рассматривал в качестве специфических правовых ценностей триединство свободы, справедливости, равенства⁶.

Не вызывает сомнения, что для теории права весьма важно определиться с пониманием содержания указанных правовых ценностей в качестве нравственных ценностей. Такой подход позволяет определить, насколько возможна эффективная правовая система в обществе, утратившем нравственно-ценностные ориентиры.

В литературе встречается точка зрения, согласно которой в современных условиях спасительным и перспективным является неуклонное движение от классической концепции В. С. Соловьева («право есть минимум нравственности») к последовательной, дифференцированно взвешенной максимизации нравственности в праве⁷. Мы разделяем такой подход.

Идея правового государства, в котором право играет определяющую роль в системе социальных институтов, нашла закрепление в ст. 1 Конституции Республики Казахстан, провозгласившей Казахстан демократическим, светским, правовым и социальным го-

¹ Профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Актуальные проблемы правовой защиты прав и свобод человека и гражданина: состояние, тенденции, перспективы» (в соавт.), «Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан», «Ответственность за вред, причиненный устройствами с искусственным интеллектом», «Национальные интересы как признак государственной измены», «„Национальные интересы“ и „национальная безопасность“: соотношение понятий», «Классификация преступных деяний по уголовному законодательству России и зарубежных стран», «Актуальные проблемы уголовно-правовой защиты прав и законных интересов семьи и несовершеннолетних», «Развитие уголовного права в современных реалиях», «Некоторые вопросы квалификации деяний, предусмотренных ст. 257 УК РК» и др. Награждена медалями «За вклад в обеспечение национальной безопасности», «Ветеран органов национальной безопасности», «20 лет Независимости Республики Казахстан», «За безупречную службу» I, II и III степеней, отмечена грамотой министра образования Республики Казахстан.

² См.: Трифонова Д. Нравственность как философско-этическое и правовое понятие // Право и управление. XXI век. 2015. № 2 (35). С. 151–155.

³ Тасаков С. В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Екатеринбург, 2010.

⁴ Нерсисянц В. С. Философия права. М. : Норма, 2005. С. 258.

⁵ См.: Козюлина В. И. Юридическая ответственность как ценность в современном обществе: нравственный аспект // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре : сб. материалов Междунар. науч.-теор. конф. в рамках VIII Междунар. молодеж. форума. Белгород, 2020. С. 138–141.

⁶ Нерсисянц В. С. Ценность права как триединство свободы, равенства и справедливости // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 4–11.

⁷ Артемов В. М. Нравственность и право : учеб. пособие. М. : Проспект, 2021.

сударством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы.

Анализ соотношения нравственности и права как социальных регуляторов показывает, что нравственность пронизывает любую отрасль права. Рассмотрим отражение норм морали и нравственности в уголовном праве на примере казахстанского уголовного законодательства.

Прежде всего в Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее — УК РК), как и в ином уголовном законодательстве, в качестве уголовных правонарушений признаются деяния, которые воспринимаются обществом как противоречащие морали и нравственности и одновременно отражают нравственные воззрения самих законодателей.

Нравственные нормы нашли отражение и в принципах (основных началах) уголовного законодательства. Так, с применением такого нравственного понятия, как справедливость, определяются цели и общие начала назначения наказания. В ст. 39 УК РК в качестве одной из целей наказания обозначено восстановление социальной справедливости. В нормах ст. 52 УК РК, регламентирующих общие начала назначения наказания, говорится о назначении справедливого наказания лицу, признанному виновным в совершении уголовного правонарушения.

Необходимо отметить, что четкого определения понятия справедливости как нравственной категории в казахстанском праве и законодательстве нет. Восстановление социальной справедливости в качестве цели наказания фактически рассматривается через соотношение степени общественной опасности уголовного правонарушения и наказания за его совершение. Тогда как при назначении уголовного наказания его справедливость определяется соответствием пределов, установленных соответствующими статьями Особенной части и положениями Общей части УК РК, характером и степенью общественной опасности уголовного правонарушения, обстоятельствами его совершения и личностью виновного. Также проявлением справедливости является указание в ст. 4 УК РК, что никто не может быть повторно подвергнут уголовной ответственности за одно и то же уголовное правонарушение.

Таким образом, идея справедливости воплощается в нормах как нравственности, так и уголовного законодательства¹. При этом объектом воздействия нравственности является нравственное сознание, а уголовного права — правовое сознание.

Отражением нравственности в уголовном законодательстве также является принцип гуманизма, суть которого определена в ст. 39 УК РК в виде положений о том, что наказание не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Справедливость и гуманизм, являясь одними из важных нравственных принципов, эффективно проявляются в уголовном законодательстве. Следует заметить, что принципы уголовного законодательства не закреплены в УК РК в виде отдельных норм.

Еще одним уровнем отражения моральных и нравственных норм в казахстанском уголовном законодательстве является включение в нормы УК РК положений о снисхождении к отдельным лицам в силу их слабой защищенности или в иной особой ситуации. В качестве примера приведем нормы ст. 74 УК РК, предусматривающие отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, а также мужчинам, в одиночку воспитывающим малолетних детей, а также нормы ст. 75 УК РК, устанавливающие основания освобождения от наказания в связи с болезнью. В указанных нормах закреплены морально-нравственные положения, которые основываются на принципах гуманизма. Имеет нравственное обоснование также система наказаний в УК РК, включающая наказания, не связанные с лишением или ограничением свободы.

Таким образом, справедливость и гуманизм как принципы уголовного права ценностно ориентированы. Одновременно являясь важными нравственными принципами, они эффективно проявляются в уголовном законодательстве.

Нормы нравственности нашли отражение также в ст. 307–316 гл. 11 Особенной части УК РК «Уголовные правонарушения против здоровья населения и нравственности», объектом уголовно-правовой охраны в которых выступает общественная нравственность. Это такие составы, как вовлечение в занятие проституцией (ст. 308); организация или содержание притонов для занятия проституцией и сводничество (ст. 309); незаконное распространение порнографических материалов или предметов (ст. 311); изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних либо их привлечение для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера (ст. 312); надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 324) и др.

Таким образом, нормы уголовного права охраняют общественные отношения, которые обладают повышенной социальной ценностью, поэтому оно в большей степени, чем другие отрасли права, нуждается в опоре на нормы общественной нравственности. Нравственные нормы находят отражение в уголовно-правовых нормах, выступая критерием ценности уголовного права. В правовом государстве нормы уголовного права не должны противоречить нормам нравственности. Особенно это актуально в условиях современных глобальных трансформаций.

¹ См.: Подройкина И. А. Уголовное наказание, его цели и практика применения в свете философских концепций наказания // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитар. исслед. РАН. 2014. Т. 7, № 4. С. 234–239.

О. Н. Громова¹

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СИСТЕМНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Еще недавно все социально значимые процессы происходили в условиях глобализации. Отдельные государства старались скорректировать свои экономические, политические и образовательные структуры с учетом интересов глобального мира. Этот факт озвучил В. В. Путин 7 сентября 2022 года на пленарной сессии Восточного экономического форума «На пути к многополярному миру», подчеркнув, что прежде Россия в той или иной степени все же считалась с западным порядком. Однако сегодня провозглашенный «либеральный правопорядок» россияне называют глобалистским проектом англосаксов².

В понятие глобализации вкладываются консолидация единого мирового рынка, активное развитие межгосударственных финансовых, торговых и производственных связей, расширение денежных, товарных и людских потоков, ускоренная адаптация социальных структур к динамичным экономическим процессам, культурная универсализация, становление всеобщего информационного пространства на базе новейших компьютерных технологий³.

Современный мир переживает глобальные трансформации и обусловленные ими многочисленные вызовы и угрозы, которые оказывают активное влияние на экономические и другие глобальные процессы как отдельных государств, так и всей экономической и политической системы в целом. Что самое опасное, происходит культурное и социальное воздействие на население, что приводит к разрушению самой основы жизнедеятельности человечества — исторических традиций, национальных привычек, гендерной принадлежности, образовательных предпочтений.

Помимо этого, современный период характеризуется смещением приоритетов, когда большая часть деловой и личной жизни проходит в виртуальном мире, который занимает значительное место в обществе, в том числе путем увеличения электронной торговли в рамках цифровизации международного рынка. Рост и раз-

витие коммуникационных технологий, глобализация Интернета вызывают все новые вызовы и угрозы, порождающие определенные риски для общества.

Категория «трансформация» обозначает «превращение», «преобразование». Именно из-за того, что сегодня происходит с глобализацией мирового общества, включая разрыв социальных и экономических связей, меняются типы и формы дальнейшего развития.

Восприятие современного мира как сложноструктурированной конструкции приводит к осознанию того, что этот мир развивается под влиянием фактора. Происходящие изменения, оказывающие влияние на сознание и поведение индивидуальных и коллективных субъектов общественных отношений, в современной научной литературе получили название «вызовы». В рамках предлагаемой работы под термином «вызов» понимается совокупность определенных обстоятельств, вызывающих изменения в окружающей среде, дестабилизирующих жизнеустройство человечества и порождающих негативные факторы, существенно повышающие индивидуальные и массовые угрозы. Человеку приходится принимать сложившийся миропорядок и действовать в рамках предложенных, а фактически навязанных условий.

Таким образом, сама по себе глобализация вызывает довольно противоречивые процессы, начиная от конституциональных, то есть положительных, основанных на выработке общих для мирового правопорядка, универсальных стандартов бытия современной цивилизации, и заканчивая негативными, выраженными определенными глобальными вызовами и угрозами, порождающими, в свою очередь, риски с тяжелыми последствиями.

По мнению Энтони Гидденса, «риск представляет собой оборотную сторону современности (modernity), и он (или сопоставимые с ним факторы риска) никуда не денется, пока существует современность с ее стремительными социальными и технологическими переменами, вызывающими совершенно непредвиденные последствия»⁴.

Опыт проведенных исследований позволяет утверждать, что вызовы и угрозы, присущие инновационным и новационным коммуникациям (социальным средам), также являются объективными, а это значит, что не имеет смысла рассуждать об их недопущении либо устранении, как в текущем времени, так и в обозримой перспективе. Отсюда следует, что риски так же независимы, как и порождающие их факторы.

В этих условиях самым эффективным способом противодействия рискам является системная безопасность как полиструктурная многофункциональная конструкция, в которой сама по себе безопасность явля-

¹ Заведующая кафедрой отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент. Автор 86 научных публикаций, в т. ч. 15 монографий: «Модели профсоюзного движения: история и современность (зарубежный опыт)» (в соавт.), «История социально-трудовых отношений в России» (в соавт.), «Управление социально-трудовыми отношениями за рубежом: история и современность» (в соавт.), «Исторический опыт преодоления социально-трудовых конфликтов в России» (в соавт.), «Тенденции в сфере занятости (на примере современной России)» (в соавт.); статей «Ценностные ориентиры как основа духовной составляющей профессиональной деятельности специалиста в условиях трансформации современного социума» (в соавт.), «Виктимологическая деятельность как основа профессиональной виктимологической компетентности будущего специалиста для экономической сферы» и др.

² Пленарное заседание Восточного экономического форума «На пути к многополярному миру», 7 сентября 2022 г. // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69299> (дата обращения: 24.04.2023).

³ Галкин А. А. Глобализация // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/2364517?ysclid=ljedla29bj861235718> (дата обращения: 21.04.2023).

⁴ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. URL: https://igiti.hse.ru/data/417/313/1234/5_2_1Gidd.pdf (дата обращения: 24.04.2023).

ется производной от опасности (вызов–угроза–риск–вредоносное последствие) и в своем динамическом состоянии представлена двумя направлениями — профилактическим (предотвращение потенциальной опасности) и оперативным (адекватной реакцией со стороны компетентных государственных органов, общества и индивидов на фактическую опасность). Системная безопасность как целенаправленный поведенческий процесс основывается на презумпции подверженности опасностям любого субъекта в любой жизненной ситуации.

В условиях глобальной трансформации такой подход представляется нам наиболее важным, поскольку сегодня борьба идет, прежде всего, за такую ценностную составляющую, как человек. Диагностирование и прогнозирование рисков, равно как и квалификация угроз, способны минимизировать их негативные последствия, но лишь при условии формирования адекватной позиции, включая психолого-поведенческие факторы, влияющие как на безопасность отдельных субъектов, так и на систему коллективной безопасности в целом.

Основной системной безопасностью в любом ее проявлении является система ценностей в ее традиционном и инновационном понимании. Понятия ценности, предложенные исследователями, достаточно разнообразны и отражают самые разные аспекты. Мы же исходим из того, что ценности следует воспринимать как нечто значимое, важное для человека, как направление его жизнедеятельности. В условиях глобализации обнажилось несоответствие ценностей отдельных национальных культур общечеловеческим ценностям. Более того, отдельные государства пытаются навязать свои национальные ценности всему человечеству. Но такая глобальная культура воспринимается далеко не всеми народами, поскольку ее негативное влияние оче-

видно. Большинство государств все же стараются сохранить традиционные культурные ценности. Вместе с тем именно сейчас человек получил возможность познать себя, свои идеалы, предпочтения, потребности.

А. С. Запесоцкий образ культуры видит как целостность, духовный базис общенационального бытия, условие нравственной дисциплины и ответственности человека, основу развития всего спектра социальных институтов¹. Формированию этого образа способствует повышение образовательного уровня, когда ценности профессионального образования становятся личностными ценностями будущих специалистов. В условиях трансформации как глобализации, так, в частности, и российского образования, должно быть осуществлено теоретико-методическое обоснование нравственного воспитания студентов и с этой целью должна быть разработана модель развития их профессиональной подготовки с учетом нравственных аспектов.

Современный мир представляет динамичную, перманентно изменяющуюся социально-политическую «среду обитания», порождающую вызовы и угрозы, направленные на участников общественных отношений. При этом в качестве «агрессивной» среды, генерирующей вызовы–угрозы–риски, следует рассматривать практически все сферы социальной жизнедеятельности, включение в которые связано с опасностью получения вредоносных последствий и, как следствие, обуславливает определенные психологические и поведенческие реакции со стороны участвующих субъектов. И поэтому системная безопасность обязательно должна включать в свой процесс человека с его мотивационными, психолого-поведенческими основами, обусловленными личностными ценностями, способного к адекватному восприятию возникающих рисков и их учету в процессе определения вариативности социального поведения.

А. А. Дорская²

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ³

Историческая память — явление сложное и многогранное. Одни эпохи отличаются повышенным переживанием событий прошлого (начало XIX в., когда

¹ См.: *Запесоцкий А. С.* Культура: взгляд из России. СПб. : СПбГУП ; М. : Наука, 2015.

² Заместитель директора Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия по научной работе, доктор юридических наук, профессор. Автор 514 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Эффективность правового регулирования как теоретико-правовая и историко-правовая категория», «Смена технологических укладов и правовое развитие России» (в соавт.), «Кризисные явления в праве и пути их преодоления: теоретический и историко-правовой анализ», «Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы» (в соавт.), «Развитие российского законодательства в 1930-е годы» (в соавт.), «Дискурс легитимации: язык и политика в эпоху глобальных вызовов» (в соавт.) и др. Заместитель председателя президиума Ассоциации историков права, член Российской ассоциации международного права, Российского историко-правового общества. Награждена медалью Европейской академии.

в Европе шло переосмысление событий Великой французской революции и наполеоновских войн), другие — забвением предыдущих этапов развития, которые считаются заведомо хуже настоящего (первые годы советской власти), третьи — столкновением официальной политики и народной памяти (оценка событий Второй мировой войны в ряде стран Восточной Европы).

Вместе с тем во внутригосударственных правовых системах по крайней мере с XVII века, когда стала развиваться и реализовываться идея государственного суверенитета, историческая память приобрела характер ценности, поддержание которой находит отражение в государственных праздниках, памятных датах, госу-

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта 22-28-01346 «Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение».

дарственных наградах, так называемом мемориальном законодательстве и т. д.

Каждое государство с помощью истории конструирует собственное социокультурное пространство, расставляя приоритеты развития, объясняя причины неудач и побед. Такие понятия, как политика памяти, историческая политика, мемориальная политика, сегодня присущи всем странам¹, которые, однако, по-разному подходят к данной проблеме с правовых позиций.

Первая группа стран (США, Швеция) считает, что отношение к прошлому не может регулироваться нормативно-правовым путем, хотя по этому вопросу ведется дискуссия.

Вторую группу составляют государства, имеющие, как правило, многовековую историю (Россия, Франция, Австрия, Бельгия и т. д.). Они пытаются сохранять незыблемость оценки важнейших исторических событий, считающихся системообразующими с точки зрения построения основ государственности и народной памяти, посредством криминализации отрицания официальной позиции по вопросам оценки конкретных исторических событий, как правило, касающихся Второй мировой войны².

Третью группу стран конструирует свою национальную историческую память на базе травмирующих событий прошлого. Официальная политика памяти строится на признании того, что государство в прошлом стало жертвой преступлений со стороны других стран (Чехия, Словакия, Литва и др.), либо жертвой коммунистического режима (например, в Грузии распространяется концепт «советская оккупация»³).

Еще одну группу составляют страны, которые признают совершенные ими в прошлом преступления в отношении других народов. В качестве примера можно привести Германию, несущую на протяжении десятилетий ответственность за нацистский период своей истории. В качестве инструментов преодоления травматического прошлого используются запрещение символики определенного этапа собственной истории, законодательное закрепление обязательности изучения трагических исторических событий своего народа. К данной группе можно отнести также страны, которые признают свою ответственность за определенные действия в отношении народов колоний. Примером могут служить выплаты Австралии Науру за исчерпание залежей фосфатов на острове и ухудшение экологической обстановки.

В пятую группу входят государства, которые либо никогда не имели собственной государственности, либо имели ее очень давно (Молдавия, Узбекистан). В этом случае издаются законы, подчеркивающие важность обращения к определенному периоду расцвета в истории своей страны.

¹ Ярычев Н. У. Стратегии актуализации прошлого: от культуры памяти к мемориальной культуре // Челябинский гуманитарий. 2022. № 2 (59). С. 63.

² Дорский А. Ю., Черногор Н. Н. Вторая мировая война как социальная травма: сравнительный анализ российского и французского законодательства // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Право. 2019. Т. 10, № 2. С. 311–331.

³ Кирчанов М. В. Концепт «советская оккупация» в современной грузинской «политике памяти» // Российский журнал исследований национализма. 2022. № 1–2. С. 32–47.

Шестая группа может быть представлена Великобританией. В данной стране нет мемориальных законов, но есть практика отмены тех решений, которые были приняты в прошлом и приобрели нормативно-правовую основу, а в дальнейшем были признаны не только ошибочными, но даже преступными. В качестве примера можно привести Мюнхенские соглашения 1938 года, на основе которых стало возможным начало гитлеровской агрессии.

Наконец, седьмая группа государств пытается использовать негативный исторический опыт для примирения общества на современном этапе. Ярким примером является Испания, где через два года после смерти диктатора Франсиско Франко был принят Закон об амнистии, призванный создать нормативно-правовую почву для гражданского мира в стране. Однако начиная с 2010-х годов акценты примирения общества были перенесены на восстановление исторической справедливости и преодоление франкистского прошлого. Например, в период подготовки властями Каталонии референдума о независимости (он состоялся 1 октября 2017 г.) правительство издало, а парламент утвердил декрет о перезахоронении Ф. Франко. Монументальный комплекс Долина павших, в базилике которого был похоронен каудильо, должен быть стать местом примирения и памяти о Гражданской войне 1936–1939 годов. 15 сентября 2020 года был принят Закон демократической памяти, запрещающий любые попытки восхваления или оправдания франкистской диктатуры 1936–1975 годов и ее деятелей, а в октябре 2022 года Сенат Испании одобрил призванный покончить с наследием Франко законопроект «О демократической памяти»: деятельность государственных органов этого периода, включая суды, была признана неlegitimной, провозглашена программа поиска 114 тыс. пропавших без вести в период режима Франко, предусмотрена компенсация жертвам репрессий и т. д.

Однако о том, насколько по-разному данные правительственные шаги оцениваются обществом, свидетельствует даже голосование по данному законопроекту в парламенте: в нижней палате за него выступили 173 депутата, против — 159, воздержались — 14, а в верхней палате инициативу поддержали 128 сенаторов, выступили против 113 и воздержались 18⁴.

На международном уровне историческая память стала восприниматься как ценность только после Второй мировой войны. Огромные человеческие жертвы, немислимые страдания людей побудили мировое сообщество уже в преамбуле Устава ООН определить события 1939–1945 годов как то, что никогда не должно повториться.

В рамках ООН историческая память закрепляется в следующих основных формах: ежегодное принятие резолюций о борьбе с героизацией нацизма (с 2005 г.); провозглашение путем принятия Генеральной Ассамблеи ООН соответствующих резолюций дней памяти (например, 9 декабря было провозглашено Международным днем памяти жертв преступления геноцида, чествования их достоинства и предупреждения этого

⁴ Тарасенко П. Парламент Испании объявил диктатуру Франко незаконной // Коммерсантъ : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5595478> (дата обращения: 09.05.2023).

преступления); разработка на основании резолюций Генеральной Ассамблеи ООН просветительских программ о событиях прошлого (например, Программа просветительской деятельности «Холокост и Организация Объединенных Наций»).

Однако консолидированной позиции по вопросам исторической памяти у мирового сообщества сейчас нет. Например, 4 ноября 2022 года на заседании Третьего комитета 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята очередная резолюция «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», предложенная Россией. В ней в очередной раз было осуждено прославление и обеление нацистского движения, выражение озабоченность одобрением рядом государств открытия новых мемориалов тем, кто воевал на стороне нацистов или сотрудничал с ними, и «войной» с памятниками борцам с фашизмом. За документ проголосовали 105 стран, против — 52, 15 воздержались.

Вопросы сохранения исторической памяти широко обсуждаются в рамках евразийского пространства¹. Так, в 2020 году были изданы Московская декларация Совета глав государств — членов ШОС и Совместное

коммюнике участников заседания министров обороны государств — членов ШОС, государств — участников СНГ и государств — членов ОДКБ, а в 2021-м — Совместное заявление государств — членов ОДКБ «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости».

Таким образом, с одной стороны, современный период характеризуется актуализацией истории, исторической памяти, что отражается в принятии как международно-правовых документов и программ универсального и регионального уровней, так и национальных законов или подзаконных актов. Историческая память воспринимается как ценность, базис, основа и огромный ресурс, который может быть использован и в процессе построения новой государственности, и для солидаризации членов общества, и при определении позиции государства на международной арене. С другой стороны, несмотря на усилия международного сообщества, пока не только отсутствует единый подход ко многим знаковым событиям всемирной истории, но и наблюдаются «войны памяти», прежде всего, в отношении оценки периода Второй мировой войны.

С. А. Дробышевский²

О ЦЕННОСТЯХ, ИНТЕРЕСАХ И ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА В ГОСУДАРСТВЕННО-ОРГАНИЗОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

Чтобы добиться реализации прав человека, тем, кто призван это делать, скорее всего, следует исходить из идеи, некогда сформулированной Ф. Аквинским. Он написал следующее. «В любом человеке можно обнаружить что-то такое, что позволяет считать его лучшим себя, согласно сказанному [в Писании]: „По смирению почитайте один другого высшим себя“ (Филип. 2:3), и в этом смысле мы должны предупреждать друг друга в почительности»³.

Лишь в таком случае осознанное пренебрежение правами человека потеряет под собой почву. Вот почему в ходе образования будущих правоведов эта идея не должна быть забыта.

Система прав человека должна воплощать его ценности и интересы в должной иерархии. Однако по поводу последней сформулированы разные теоретиче-

ские позиции. Естественно, что такие взгляды следует оценить, чтобы верно понимать систему прав человека.

Что касается установления иерархии человеческих ценностей и вытекающего из нее соподчинения интересов для закрепления всего этого в праве по степени приоритетности для суверенной власти, то обращают на себя внимание следующие слова Т. Р. Ореховой. «В законодательстве и юридической практике преобладает идея о том, что такие блага, как жизнь и здоровье и другие права человека, находятся на вершине иерархии ценностей, защищаемых государством и правом»⁴. Едва ли с этим заявлением, если оно рассматривается как констатация того, что является должным в обществе, можно согласиться. Вряд ли следует принять в качестве верной и вытекающую из только что приведенного суждения иерархию закрепляемых в праве интересов людей.

Разумеется, жизнь человека для человеческого законодательства не может не выступать значимой. Однако живы и многие другие природные существа, над которыми человек, как известно, в немалой степени господствует.

Вместе с тем человек приобрел свое нынешнее положение среди них отнюдь не по причине большего, по

¹ Матевосова Е. К. Правокультурное измерение официальной политики памяти в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2022. № 4 (59). С. 98.

² Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, профессор. Автор 97 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Введение в теорию и историю политически организованного общества и права», «Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции», «Формальные источники права», «Способы восполнения пробелов в праве», «Представления о человеческом достоинстве в политико-юридических доктринах и праве» и др.

³ Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. VIII. Киев : Эльга : Ника-Центр : Элькор-МК : Экслибрис, 2002. Вопр. 103. Разд. 2. С. 603.

⁴ Выступление Т. Р. Ореховой на научной конференции 20 декабря 2017 г. цит. по: Кроткова Н. В. Право и интерес (Р. Иеринг) (научная конференция) // Государство и право. 2018. № 6. С. 97.

сравнению с отмеченными существами, здоровья. Он господствует в силу своей разумности.

Вот почему при закреплении в праве именно интерес в развитии человеческого разума должен быть приоритетным относительно других интересов. Ведь и интерес человека в сохранении своей жизни может быть реализован наилучшим образом именно разумными мерами. Так что сохранение человеческой жизни есть результат проявления не чего-либо другого, а разума человека.

Отсюда ясно, что суверенной власти любого государства следует прислушаться не к позиции иерархии закрепляемых в праве ценностей, предполагающей соответствующее соподчинение вытекающих из них интересов, которая вызвала конституированное Т. Р. Ореховой существующее положение в законодательстве и юридической практике, а к иным суждениям. Их, в частности, изложили Платон и Аристотель.

Так, «законы правильны, отмечал Платон, если „делают счастливыми тех, кто ими пользуется, предоставляя им все блага. Есть два рода благ: одни — человеческие, другие — божественные... Меньшие блага — это те, во главе которых стоит здоровье, затем идет красота, на третьем месте — сила в беге и в остальных телесных движениях, на четвертом — богатство, но не слепое, а зоркое, спутник разумности. Первое же и главенствующее из божественных благ — это разумение. Второе — соответствующее разуму здоровое состояние души. Из их смешения с мужеством возникает третье благо — справедливость. Четвертое благо — мужество. Все эти блага по своей природе стоят впереди тех, и законодателю следует ставить их в таком же порядке. Затем ему надлежит убедить сограждан, что все остальные предписания имеют в виду именно это, т. е. земные блага обращены на божественные, а все божественные блага направлены к руководящему разуму“. Поэтому „установите... законы, которые... направят ваши мысли не на наживу и богатство... а так как существуют три вещи — душа, тело и деньги, то в ваших законах вы должны выше всего ставить совершенство души, на втором месте — совершенство тела, так как оно стоит ниже души, а на третьем, и последнем, — почтение к богатству, так как оно — слуга и тела. Постановление, которое бы это учредило, могло бы считаться... правильно изданным законом, в конце концов делающим истинно счастливыми тех, кто им управляется. Положение же, гласящее, что только богатые счастливы, само по себе неудачно. Это — глупое мнение“. Иными словами, законодательство в первую очередь должно сделать народ разумным, во вторую — здоровым и сильным, в третью очередь — богатым. Другая иерархия целей законодательства неверна»¹.

Такова же теоретическая позиция и Аристотеля. Как он писал, «счастливая жизнь гражданина государства „слагается из трех видов благосостояния: внешнего, физического и нравственного“. Но она — „полагать ли ее в наслаждении или в добродетели, или, на-

конец, в том и другом — гораздо более доступна тому, у кого сердце и ум достаточно образованны и кто в то же время умерен в приобретении внешних благ, нежели тому, кто о внешних благах старается более, чем сколько нужно, а в нравственном отношении остается на низком уровне“»².

Относительно приоритетности закрепления в праве интересов либо личности, либо общества едва ли верно, что интересы личности следует ставить в праве выше интересов общества, ибо в выступающем в качестве идеала при правовом регулировании «правовом государстве приоритет получают интересы личности — их соблюдение, охрана и защита»³. Вряд ли обоснованно исходить из того, что только что приведенная теоретическая позиция без каких-либо оговорок закреплена в действующей Конституции РФ.

А. А. Кондрашев и В. В. Терешкова заявляют следующее. «Конституция России, определяя права и свободы человека в качестве высшей ценности (ст. 2), возводит частные интересы в ранг исключительно значимых, требуя их безусловной защиты со стороны государства... В Конституции РФ определены принципы или границы существования публичного интереса посредством закрепления приоритета частного интереса (ст. 18, 21, 49–51)»⁴.

Это заявление едва ли верно по двум причинам. Во-первых, в ст. 7 Конституции РФ записано, что Российская Федерация является социальным государством. Оно осуществляет правовое регулирование исходя из интересов общества и для общества. Не случайно в ст. 17 Конституции РФ отмечено, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц»⁵.

Во-вторых, согласно отражающему интересы общества действующему отечественному праву, включая Конституцию РФ, не все частные интересы правомерны: «Среди частных интересов могут возникать не только обоснованные, законные, легитимные интересы, но также интересы корыстные и даже незаконные, с точки зрения права»⁶. Естественно, что приоритет незаконных частных интересов в действующей российской Конституции не предполагается. И в ней, и в конкретизирующем ее законодательстве «приоритетная направленность... — это обеспечение общих интересов при максимальном учете законных частных интересов, решительное противодействие своекорыстным интересам, подавление интересов незаконных, противоречащих праву. Свое наиболее общее выражение она находит в утверждении принципа демократической суверенности Российского федеративного

² Дробышевский С. А. Указ. соч. С. 51.

³ Бидова Б. Б. Правовое обеспечение национальных интересов: общетеоретическое исследование концептуальных основ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Грозный, 2021. С. 15.

⁴ Кондрашев А. А., Терешкова В. В. Баланс частных и публичных интересов в контексте международных стандартов и конституционного законодательства РФ // Государство и право. 2018. № 9. С. 53.

⁵ Конституция Российской Федерации. Новая редакция с поправками и основными федеральными законами. М. : Проспект, 2022.

⁶ Хабриева Т. Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 20.

¹ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи. М. : Норма, 2018. С. 47–48.

государства внутри страны, на международной арене и принципа социальной справедливости в российском обществе»¹.

Что касается упомянутого приоритета личных интересов перед общественными в правовом регулировании вообще, то ясно следующее: «Интересы личности, общества и государства не существуют порознь»². Отдельный человек является частью общества. Поэтому правовое регулирование в интересах отдельного чело-

века и правовое регулирование в интересах общества не есть разные вещи.

Имеются личные интересы, которые при реализации причиняют вред их носителям. Скажем, таково желание человека курить. Разумеется, об их приоритете при правовом регулировании не может быть и речи. Остальные же ближайшие и непосредственные интересы отдельных людей при правовом регулировании нужно согласовывать.

Г. П. Ермолович³

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

Проведение Россией специальной военной операции и утверждение в 2023 году указом Президента РФ новой Концепции внешней политики России⁴ заставляют по-новому рассмотреть вопрос о национальных интересах нашей страны в изменившихся политических, экономических и социальных условиях и определить ту роль, которая отводится Российской Федерации в середине первой четверти XXI века, несмотря на то, что частично у автора это уже было предметом научного освещения⁵.

Тектонические трансформации в мировой системе, происходящие на наших глазах, затрагивают все страны и континенты. Начало этому процессу было положено распадом Советского Союза и теми геополитическими изменениями, которые произошли в Европе и мире в целом в конце XX века.

В нашем государстве искренне полагали, что новая Россия интегрируется в мировую систему и мирохозяйственные связи, став равноправным партнером со странами дальнего зарубежья, но это оказалось заблуждением, что со всей очевидностью стало понятно после длительного и в конечном счете сорванных Минских переговоров с Украиной. В совокупности с политизи-

рованной санкционной политикой по отношению к нашей стране в Российской Федерации особенно остро почувствовали и осознали объективную политическую потребность в изменении внешнеполитического курса, что и нашло свое отражение в новой Концепции внешней политики России.

Логика международного развития в последние годы вынудила Россию изменить вектор экономических связей и переориентировать производственные мощности с Запада на Восток. Конечно, потребовалось определенное время на то, чтобы найти другие рынки сбыта, установить деловые контакты и подписать новые долгосрочные договоры на принципах сотрудничества и взаимной выгоды, предоставив равные возможности для развития нашим партнерам в дружественных странах. Прежде всего, это государства Юго-Восточной Азии, куда постепенно перемещается эпицентр мирового экономического развития.

Исходя из новых подходов к концепции многополярного мира, Россия, опираясь на давние традиции и хорошие отношения со странами Африканского континента и преодолевая сопротивление западных «партнеров», стала уделять первостепенное внимание государствам именно этого региона, заменяя неокOLONIALную политику стран Запада новыми прагматичными отношениями, отвечающими запросам как Российской Федерации, так и африканских государств.

В Концепции отмечается, что, несмотря на жесткую санкционную политику против нашей страны, Россия тем не менее выступает за равноправные прозрачные отношения в сфере безопасности на основе принципа взаимности и отказа от укрепления собственной безопасности за счет снижения безопасности других государств. Такой подход в полной мере соответствует национальным интересам России, что находит понимание и поддержку в дружественных нам государствах.

Особое внимание и обоснованную настороженность у России вызывает активная работа западных биологических лабораторий, прежде всего американских, в сопредельных с нашей страной государствах. Примером может служить Республика Казахстан, где во время событий января 2022 года подразделения войск государств

¹ Хабриева Т. Я. Указ. соч.

² Бидова Б. Б. Указ. соч. С. 30.

³ Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Экологизация экономической деятельности как способ обеспечения экологической безопасности в контексте перехода к устойчивому развитию» (в соавт.), «Справедливость и другие этические нормы в международных отношениях: реальность или оксюморон в контексте перемен?», «Роль России как субъекта международного права в изменяющихся международных отношениях», «Предупреждение преступности и судебная власть: международно-правовые аспекты», «Международные нормы и организация правосудия в отношении несовершеннолетних», «Отраслевое деление международного права: традиционные и новые подходы» (в соавт.), «Победы и поражения международной юстиции», «Влияние России на мировой правопорядок и международное право в середине первой четверти XXI века» и др.

⁴ Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811> (дата обращения: 05.04.2023).

⁵ См.: Ермолович Г. П. Влияние России на мировой правопорядок и международное право в середине первой четверти XXI века // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 2. С. 11–18.

Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) не были допущены на территорию лаборатории США. В связи с создавшейся ситуацией секретарь Совета безопасности РФ Н. П. Патрушев на встрече с секретарями советов безопасности государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в апреле 2023 года обратил внимание, что американцы проводят тайные опыты по созданию биологического оружия. С этой же темой он выступал на экспертно-консультативном совете при Парламентской Ассамблее ОДКБ в Санкт-Петербурге, приведя в качестве примера те доказательства, которые были обнаружены в аналогичных лабораториях на территории Украины, что лишний раз подчеркивает противоправной характер деятельности американцев¹.

Приоритетное внимание Российской Федерация намерена уделять вопросам поддержания международного права как важнейшего регулятора международных отношений. Новый миропорядок, с точки зрения России, должен опираться на Устав ООН. По мнению Российской Федерации, обеспечение доминирования «права над силой» служит залогом устойчивого и поступательного развития международных связей на принципах сотрудничества, равноправия и учета взаимных интересов. Такой подход лежит в основе укрепления миропорядка, сохранения стабильности и предсказуемости развития международных связей и контактов.

Добросовестно выполняя свои международные обязательства, наша страна отвергает все надуманные обвинения в свой адрес, нацеленные на искажение истинных причин ухудшения международных отношений и подрыва международной безопасности. Примером подобных действий служат решения США по выходу из Договора по открытому небу².

Известно, что инициатором заключения данного соглашения был еще президент США Дуайт Эйзенхауэр в 1950-е годы. На разработку этой конвенции потребовалось время. Десять лет ушло на ее ратификацию, и только с 2002 года она начала действовать. Несмотря на определенные «шероховатости» этого международно-правового документа, его использовали в своей работе около 30 государств. Однако, хотя и была очевидная польза для участников соглашения, США начали проводить деструктивную политику и подрывать устойчивый миропорядок в области обороны и безопасности. В 2019 году США, не предъявив никаких доказательств и обвинив Россию в срыве договоренностей, в одностороннем порядке вышли из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, а в 2020 году практически с той же мотивировкой «сами знаете, что нарушаете» — из Договора по открытому небу. При этом союзники США наивно пытались уговорить нашу страну остаться с ними в договорных отношениях и просили сохранить участие в соглашении, но Россия на такой беспринципный подход по снижению нашей безопасности, подрыву националь-

ных интересов и разрушению системы контроля над вооружением, конечно, не могла пойти.

Россия на международной арене позиционирует себя как великая держава и не позволяет другим странам ограничивать ее в законных возможностях, поэтому те решения, которые выносятся межгосударственными органами в отношении Российской Федерации и не соответствуют отечественному законодательству, не подлежат исполнению на территории России. Данная позиция с поправками нашла отражение в ст. 79 обновленной Конституции РФ: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»³.

Известно, что наша страна стояла у истоков образования крупнейшей международной структуры — Организации Объединенных Наций (ООН) и полностью разделяет те принципы, которые были заложены при ее создании. Понимая всю ответственность, которая лежит на Российской Федерации как на «продолжателе» СССР, наша страна не только четко фиксирует все попытки США и их союзников отойти от фундаментальных принципов в работе Организации и отменить сотрудничество, транспарентность, равноправие, свободное волеизъявление государств — членов ООН, но и обращает на это внимание других государств. Так, при инициировании постоянным представителем России предложения провести на Генеральной Ассамблее ООН тайное голосование по вопросу о референдумах в Донбассе, Запорожской и Херсонской областях наша страна увидела неприкрытое давление на председателя этой организации, который в нарушение процедуры поставил первым предложение другого государства о проведении открытого голосования, что не позволило другим странам реализовать свое суверенное право на выражение своего мнения по данному вопросу. Как заметил Василий Небензя, представитель России в Организации Объединенных Наций: «в истории ООН не было такого размаха цинизма, конфронтации и крайне опасной поляризации»⁴.

Наверное, наибольшее возмущение не только у Российской Федерации, но и у ряда других государств вызывает «концепция миропорядка, основанного на правилах». Эта «концепция» не имеет какого-либо международно-правового обоснования и закрепления в международно-правовых актах. Она основана только на желании США поддерживать свою «исключительность» и диктовать странам ту линию поведения, которая устраивает их. В противовес такой политике

¹ Аргументы и факты. 2023. 5–11 апр. № 14.

² США решили выйти из Договора по открытому небу. Главное // РБК : [сайт]. 2022. 22 мая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/05/2020/5ec6b3129a7947db8a28e17f> (дата обращения: 11.04.2023).

³ См.: Бурданова А. С. Подробный иллюстративный комментарий к Конституции РФ. М. : Проспект, 2021. С. 94.

⁴ России отказали в тайном голосовании по референдумам на Генассамблее ООН // РБК : [сайт]. 2022. 10 окт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/10/2022/634472209a79475cc73a32c9> (дата обращения: 11.04.2023).

наша страна поддерживает самое широкое участие государств в разработке международных договоров, что является главным инструментом в процессе международного нормотворчества и категорически не устраивает в настоящее время страны Запада.

Россия выступает за однозначную поддержку Устава ООН от 24 октября 1970 года, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, с целью недопущения извращения данных документов путем их произвольного толкования и искажения основных принципиальных подходов, изложенных в этих фундаментальных международных нормативно-правовых актах.

На площадках ОДКБ, БРИКС, ШОС, СНГ и ЕАЭС Россия проводит открытую взвешенную политику, основанную на консолидации усилий государств, разделяющих подходы нашей страны и проявляющих уважение к международному праву и его основным институтам. Россия решительно выступает против односторонних незаконных санкций, принятых в нарушение Устава ООН, и призывает все страны проявить с ней солидарность по данному вопросу.

Идя по пути постепенного построения многополярного мира, Россия видит своей основной задачей укрепление роли Совета Безопасности ООН, но не путем исключения из этого органа каких-либо государств, а с помощью расширения его численности за счет новых участников, которые не боятся продемонстрировать свой суверенитет и проводят независимую от США международную политику.

Обеспечивая доминирование права в международных отношениях, Россия стремится развивать свои связи и контакты на основе равноправия, дружбы и сотрудничества не только с соседними государствами на постсоветском пространстве, но и с другими странами, разделяющими базовые принципы сотрудничества и не планиующими обеспечить собственную безопасность за счет безопасности других государств.

Таким образом, новая Концепция внешней политики Российской Федерации переосмысливает международные процессы, происходившие в мире за последние 10 лет в условиях крайней неопределенности, и дает четкий ориентир для движения нашего государства по пути укрепления национальной безопасности и с учетом российских приоритетов.

З. Н. Каландаришвили¹

ЦЕННОСТНО-НРАВСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В современном мире в условиях глобальных трансформаций повышается значение ценностно-нравственной составляющей конституционной культуры.

По авторскому видению, под конституционной культурой следует понимать сложившуюся в результате социально-правового развития в его культурном контексте в конституционной реальности когнитивно-аксиологическую систему, способствующую установлению и реализации конституционно-правовых знаний, ценностей, норм и правил поведения личности.

Конституционная культура — емкое и широкое социальное явление. Она включает как ценностно-нравственные характеристики, так и «материальные приатки» конституционного права: государственные учреждения, их организацию и отношения, роль в обществе конституционного права, стиль, технику, юридическую работу конституционной судебной си-

стемы, избирательных комиссий, аппарата уполномоченного по правам человека на федеральном и региональных уровнях, соблюдение и защиту конституционных прав и интересов граждан, практическое освоение конституционных норм, соотношение конституционной культуры с другими системами культуры — правовой, политической, экономической, научной, духовной и т. д.

Существующая сегодня в Российской Федерации конституционная культура переходного типа есть, по существу, культура, сочетающая в себе черты цивилистического и этакического типов.

Представляется, что в основе конституционной культуры любого государства лежат традиционные аксиологические (духовные) и национальные ментальные ценностно-нравственные ценности населения, приобретенные в результате длительного исторического и государственно-правового процесса.

В конституционной культуре отражены представления субъектов об основах конституционного строя, о сущности, принципах, гарантиях и механизмах реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, о взаимодействии государства и общества, о значении конституции в урегулировании современных общественных отношений, в том числе в условиях глобальных трансформаций.

Конституционная культура — это система нравственно-правовых ценностей, созданных людьми

¹ Заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий «Правогenez» (в соавт.), «Истоки и источники права» (в соавт.), «Правовая культура и мировые цивилизации», статей «Ценностные основы зарождения конституционной культуры в христианской религии», «Влияние религиозных и духовных элементов на особенности формирования российской правовой культуры», «Ментальная основа правовой культуры России», «К вопросу о соотношении права и культуры», «Специфика и особенности национального права и правовой культуры восточной цивилизации», «К вопросу о правовых традициях западной цивилизации» и др.

в конституционной сфере, которая характеризует социальные, экономические, политические и правовые отношения, способствующая становлению такого общественного строя, при котором соблюдаются права и свободы человека и гражданина, а государство и его органы действуют строго в соответствии с конституцией. Конституционная культура направляет и координирует поведение людей в конституционном поле и должна оказывать позитивное воздействие на формирование конституционного правосознания человека; это своеобразная форма гармоничного развития людей, через которую достигается социальный прогресс.

Одна из важных миссий конституционной культуры — выступать сдерживающим фактором, ограничивающим и предотвращающим социально неприемлемые проявления. Конституционная культура является «хранилищем» выработанных человечеством конституционных духовно-нравственных ценностей, знаний и практик.

Элементы системы конституционной культуры — конституционные ценности, принципы, правила поведения в конституционной реальности, нормы, способы разрешения социальных конфликтов, опыт конституционной деятельности, которые нуждаются в охране и защите не менее, чем традиционные культурные ценности.

Разрушение ценностно-нравственного «культурного слоя» конституционной культуры (под «культурным слоем» подразумевается своеобразный защитный барьер, призванный разделить биологическое и социальное с целью предотвращения разрушительного соприкосновения двух элементов человеческой природы) чревато невосполними потерями в государственно-политическом самосознании нации и способно породить антагонизмы в общественных нравственных и ценностных отношениях, так как конституционная культура представляет собой один из аспектов общечеловеческой культуры, воплотившейся в конституционной практике, где творцами, носителями и воплощателями конституционной культуры всегда являются люди как субъекты — носители нравственных ценностей¹.

Важными задачами, решаемыми по мере развития конституционной культуры в условиях современных глобальных трансформаций, являются:

— вычленение четкой и теоретически обоснованной трактовки особенностей национальной конституционной культуры на основе сравнительно-правового анализа конституционной культуры России и других стран;

— определение реальных перспектив развития национальной конституционной культуры и вытекающих из нее задач государственной политики в сфере права;

— отслеживание и оценка происходящих в российской конституционной культуре процессов, а также выработка соответствующей политики, направленной на обеспечение постепенной модернизации конституционной культуры общества².

Всегда важно учитывать, что конституционная культура находит свое предметное проявление, прежде всего, в аксиологическом (ценностно-нравственном) фундаменте Основного закона, конституционном правосознании граждан, в принятых законах и иных нормативных правовых актах, в правоприменительной деятельности, в культуре правовых текстов, реальной гарантированности соблюдения прав и свобод граждан и основных принципов международного права, в политической системе государства, деятельности политических институтов и органов власти, их взаимоотношениях, в общественном статусе личности, национально-правовой традиции³.

Применительно к Российской Федерации необходимо учитывать, что реализация конституционных норм, правил, ценностей, идей и принципов должна соответствовать специфике конституционной культуры и конституционного правосознания российского многонационального народа. Поэтому сегодня, в столь непростое и тревожное время, в условиях современных глобальных трансформаций важным условием для определения конституционной идентичности и позитивного развития конституционной культуры Российского государства должна служить ее богатая ценностно-нравственная составляющая.

¹ См.: Жигулин А. А. Правовая культура личности как форма правосознания // Территория науки. 2012. № 3. С. 98–106.

² См.: Габиева С. М. К вопросу о формировании новой конституционной культуры в России // Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 28, № 4. С. 67–69.

³ См.: Харитоновна Н. Н. Конституционно-правовая культура как составная часть общей культуры и правовой культуры // Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет». Сер. «Гуманитарные науки». 2018. № 12. С. 113–119.

В. А. Ковалев¹

ПОСТМОДЕРНИЗМ И «ЖИВАЯ КОНСТИТУЦИЯ»: ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ЛОГИКИ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

Существует огромное количество определений постмодернизма, включая чисто описательные, феноменологические, парадоксальные, но, как справедливо отмечал крупнейший специалист по постмодернизму, неомарксист Фредерик Джеймисон, все эти представления базируются на неявном признании наличия некоего разрыва, исторически пролегающего на рубеже 1950–1960-х годов и проявляющегося во всех аспектах социальной и культурной жизни общества. Основу постмодерна исследователь видел в переходе эстетического производства в товарное в контексте бесконечного циркулирования товаров и рассматривал это культурное явление как надстроечное по отношению к американскому доминированию в политическом и военном аспектах².

Если обращаться к истории идей как к интеллектуальному контексту, порождающему в том числе правовые принципы и ценности эпохи, то рождение первых конституционных документов в Новое время, безусловно, было связано с идеями рационализма и Просвещения. Идея, согласно которой мир управляется на основе разумных, рациональных и умопостижимых законов, высказанная в текстах Рене Декарта и Исаака Ньютона, нашла свое отражение и в «Орудиях управления» — протоконституциях XVII века, принятых в Швеции в 1634 году (Regeringsform³) и в Англии в эпоху протектората в 1653-м (Instrument of Government⁴). Показательно, что это документы небольшого объема (65 статей в шведском и 42 — в английском документе) и касаются сугубо вопросов структуры управления государством прав и обязанностей различных государственных органов. Такие конституционные документы практически не обращались к теме правовых ценностей, прав, морали и прочих аспектов, лежавших за пределом стремления авторов описать правильно (с их точки зрения) работающее правительство. Логичное развитие этой традиции, основанной на концепции

разумного устройства государства, управляемого на основе небольшого количества объективных законов, возможности его рационального описания и обособления этого описания от морально-этической проблематики, отразилось в тексте Конституции США.

Тем не менее принципы, подходившие для описания физического мира, оказались не столь удобными для управления обществом, поскольку социальные отношения меняются, и довольно быстро. Кроме того, и в сфере идей произошли значительные изменения: физические модели Эйнштейна, Бора, Гейзенберга уже не соответствовали представлениям о просто и рационально устроенном мире.

Неудивительно, что именно в этот период и именно на фоне существования конституционного документа, основанного на перечисленных выше принципах, появляется концепция «живой конституции». Знаменитый американский судья и теоретик права Оливер Уэнделл Холмс в 1920 году в решении по делу «Штат Миссури против Холланда» сформулировал принцип «живой конституции»: «мы должны выносить решение, основываясь на всем нашем опыте, а не просто на том, что было сказано сто лет назад»⁵, а термин «живая конституция» был введен Говардом МакБейном⁶. Согласно классическому определению, основная идея «живой конституции» заключается в том, что в динамически меняющемся обществе конституция «должна меняться, или рискует утратить само свое значение. Конституционные положения могут поддерживать свое единство, только двигаясь в том же направлении, что и общество. В случае конституции постоянство требует изменений»⁷.

Таким образом, можно утверждать, что концепция «живой конституции» характеризовалась подчеркнутым историзмом, социальным детерминизмом, модернистским пониманием истины. В конституционной практике это выражалось в принятии различных юридических актов, нацеленных на приспособление конституционной нормы к социальным реалиям, — таких как поправки, решения судов и другие — тех документов, которые мы можем условно назвать «параконституционными», то есть окружающими собственно конституционный текст. Подобная практика стала популярной в США, Швеции, Соединенном Королевстве и других странах с давней конституционной традицией. Тем не менее практика «революционных конституций» предложила другой вариант закрепления политических и социальных изменений — путем издания нового конституционного документа⁸, что было

¹ Доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор 84 научных публикаций, в т. ч.: «Абсолютизм, Клятва верности и аргументация в „Псевдомученике“ Джона Донна», «К истокам понятия „конституция“: археология термина в Античности» (в соавт.), «Обычай, прецедент, статут — истоки классического общего права Англии в контексте Common Law Mind», «Концептуальные основания понимания средневекового государства» (в соавт.), «„Испытанный временем разум“ — генезис общего права Англии и рождение common law mind», «Понимание государства в политических учениях Древнего мира: от культуры храма к культуре полиса» (в соавт.), «Идея детерминированности верховной государственной власти избирательными технологиями в европейской средневековой государственно-правовой традиции» (в соавт.), «Дом, разделившийся в себе. Историческая память, национальная идентичность и общее право в США эпохи Гражданской войны» (в соавт.) и др.

² Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. С. 22.

³ Regeringsform 1634 // Wikisource : [сайт]. URL: https://sv.wikisource.org/wiki/Regeringsform_1634 (дата обращения: 20.03.2023).

⁴ Modern History Sourcebook: Commonwealth Instrument of Government, 1653. URL: <https://www.staff.ncl.ac.uk/j.p.boulton/his211instrument1653.htm> (дата обращения: 20.03.2023).

⁵ Winkler A. A Revolution Too Soon: Woman Suffragists and The «Living Constitution» // New York University Law Review. 2001. Iss. 76, № 5. P. 1456–1526.

⁶ McBain H. L. The Living Constitution: A Consideration of the Realities and Legends of Our Fundamental Law. N. Y.: Workers education bureau Press, 1927.

⁷ Reich C. A. Mr. Justice Black and the Living Constitution // Harvard Law Review. 1963. Iss. 76, № 4. P. 735.

⁸ Ackerman B. Revolutionary Constitutions: Charismatic Leadership and the Rule of Law. N. Y.: Harvard Univ. Press, 2019.

характерно для постколониальных стран и для стран, переживших радикальные перемены, таких как СССР и страны социалистического лагеря.

Тем не менее перемены, произошедшие в сфере идей в 1960–1970-х годах и условно обозначаемые как «постмодерн», ставили под сомнение подобное восприятие конституционных документов. Такие специфические черты постмодерна, как отрицание истинности и факта, замены фактических утверждений интерпретационными, восприятие мира как потока нарративов, идея симулякра, антиисторизм и атниерархичность, концепция «смерти автора», инструментализм и другие, изменили отношение к конституционным документам не только в широкой общественной, но и в профессиональной, прежде всего политической, среде. Одновременно бурный технический прогресс, открытие новых форм коммуникаций, размытие казавшихся незыблемыми концепций не могли не сказаться на самой форме конституции и конституционализме как системе убеждений.

Место конституции в постмодернистском мире охарактеризовал французский философ и социолог Бруно Латур: «Постмодернизм — симптом, а не свежее решение. Он живет при нововременной Конституции, но не верит больше в те гарантии, которые она предоставляет. Он чувствует, что что-то разладилось в механизме критики, но не способен ни на что другое, кроме как продолжать критику, не веря, однако, в ее основания»¹. Один из наиболее ярких представителей постмодернистской мысли, французский философ Жак Деррида, говорил об усталости человека от права, его норм, знаков и символов морали².

В этом смысле отношения между постмодернистской культурой и конституционализмом можно охарактеризовать как конфликтные. Действительно, сведение конституции к одному из нарративов, не имеющих никакого приоритета перед другими, отрицание нормы вообще (или, по крайней мере, сведение нормы к инструменту реализации иных целей), утверждение равнозначности интерпретаций (и соответственно отрицание профессионализма в юриспруденции) вряд ли создают хоть сколько-нибудь прочное основание для взаимодействия.

В качестве ответа на вызовы постмодерна один из ведущих конституционалистов России, судья Конституционного Суда В. Д. Зорькин предложил концепцию «метамодерна», то есть подхода, позволяющего, по его мнению, преодолеть релятивизм и антиисторизм постмодерна без возврата к характерной для эпохи модерна жесткости и ригидности правовых норм, их интерпретации и применения. С позиций метамодерна конституция призвана не столько закреплять конкретные нормы, сколько поддерживать национальную конституционную идентичность через придание более высокого статуса принятым в данном обществе культурным ценностям. В отношении нашей страны В. Д. Зорькин видит подобные базовые для конституционной иден-

тичности ценности в справедливости и солидаризме³. Практическим итогом метамодерна становится принятие конституционных поправок, отличающихся по форме от традиционной правовой нормы, регулирующей конкретные отношения в сторону закрепления понятий и принципов, не являющихся в классическом смысле слова правовыми.

Такой подход, безусловно, являющийся перспективным с точки зрения преодоления противоречий права и постмодерна, тем не менее не гарантирует успеха в преодолении антинормативизма постмодерна. Так, например, упоминание Бога в поправках, внесенных в Конституцию РФ в 2020 году, обозначающее с точки зрения метамодернистского подхода закрепление важных для конституционной идентичности россиян религиозных ценностей, с позиций постмодернизма может получить ироничный комментарий, согласно которому упоминание Бога, то есть носителя абсолютной власти, создает парадокс в рамках конституционного нарратива, исторически направленного на ограничение верховной власти.

Весьма интересный подход к проблематике соотношения постмодернизма и конституционализма в контексте правовых и культурных ценностей предлагает профессор Е. А. Попов. Он отмечает, что «постмодерн подчеркивает преломление острых противоречий в жизни человека и социума, которые право „схватывает“ и запечатлевает в многочисленных нормах и институтах. И если в иные времена, времена „до постмодерна“ право решало преимущественно задачи сохранения и приумножения богатства, собственности, то в условиях постмодернистского влияния оно не может игнорировать проблемы культуроцентричного характера, связанные с моралью, религиозностью, ментальностью, патриотичностью и другие»⁴. Подобный процесс должен привести к новому пониманию концепции «живой конституции», в которой центральным элементом конституционализма становится не столько выработка конкретных императивных норм, сколько правовое оформление ценностных нарративов и идентичности.

Таким образом, конституционное право позволяет решить те проблемы, которые с трудом поддаются решению в рамках постмодернистского подхода, то есть ответить на вопросы культурологического и аксиологического характера, отсутствие ответа на которые и порождает отмечаемую Джеймисоном «усталость от постмодерна». При этом, не отрицая тезиса Джеймисона о происхождении постмодерна из американской политической и экономической реальности, следует помнить, что характерный антиисторизм и партикуляризм позволяют приспособить постмодернистскую систему к любым формам идентичности. Представляется, что правовая реальность, порожденная постмодернистской культурой, вовсе не исчерпала своего потенциала и может свободно вобрать в себя и культурно-правовые ценности, и конституционную идентичность в рамках нового понимания «живой конституции».

¹ Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 114.

² Попов Е. А. Влияние постмодернизма на социоюридическую интерпретацию феномена современного гражданского общества // Юридические исследования. 2013. № 1. С. 190–222.

³ Зорькин В. Д. Недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями // Российская газета. 2018. 9 окт. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochecnyimi-izmeneniami.html> (дата обращения: 20.03.2023).

⁴ Попов Е. А. Указ. соч.

В. И. Крусс¹

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ЦЕННОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАУКИ ПРАВА

Ход и легитимные цели специальной военной операции (далее — СВО)² «диктуют» задачу ценностного самоопределения для отечественной науки права в той мере, в какой она готова утвердиться в призвании служить будущему России как непрерываемой конституционной ценности.

В научно-юридическом контексте освобожденные от формально-позитивистских маркеров конституционные ценности и интересы получают значение ключевых, диалектически взаимосвязанных феноменов и явлений: первичных элементов системы права, индикаторов правопорядка, ориентиров целеполагания и катализаторов назревших конституционных перемен. При этом российское правоведение далеко не всегда говорит о сущностной и правогенерирующей *нормативности* базовых — конституционных — ценностей³, с добавляющим тому вниманием.

Не стоит упрекать юридический позитивизм (даже в статусе «конституционного») в редуцировании познавательных ресурсов аксиологии. Но и науке, сторонящейся ценностных «пристрастий» и апологетики конституционных ценностей, не резон сетовать на «вспомогательную» роль: «предлагать концептуальное обоснование уже де-юре свершившимся правоустановлениям». Умение «беспристрастных» ученых «быстро реагировать на возникающие реалии» и «отсутствие доктринальных исследований новых институтов, появившихся в конституционном пространстве»⁴ — две стороны одной медали.

¹ Заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ. Автор 217 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Теория конституционного правопользования», «Право на предпринимательскую деятельность — конституционное полномочие личности», «Конституционализация права: основы теории», «Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации» и др.; учебное пособие «Злоупотребление правом»; статей: «Конституционный правопорядок и право на протест: „мыльная драма“ процессуальной оппозиции», «Политико-правовая (демократическая) система Российской Федерации: актуальность и направления конституционной модернизации», «Медицинское право, конституционное правопользование и соматические притязания» и др. Член Экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по правовым и судебным вопросам. Член редколлегий журналов «Российское право: образование, практика, наука», «Юридический вестник Дагестанского государственного университета», «Проблемы права», «Юридическая орбита» и др. Почетный профессор Тверского государственного университета. Награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

² Начатой во исполнение международно-договорных обязательств Российской Федерации. См., в частности, федеральные законы РФ от 22 февраля 2022 г. № 15-ФЗ и 16-ФЗ.

³ Подробнее см.: Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7–14; *Он же*. Нормативность конституционных ценностей // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации: материалы Междунар. науч.-теор. конф., 4–6 декабря 2008 г.: в 2 т. / под ред. Н. В. Витрука, Л. А. Нудненко; Рос. акад. правосудия. М., 2009. Т. 1. С. 31–41.

⁴ См.: Виноградова Е. В. Публичная власть в России: конструкт — концепт // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 11. С. 49–50, 56.

Конституционно состоятельные доктринальные концепты позволяют «опережать» («предвидеть») социальную реальность, если разрабатываются на основе конституционного правопонимания и верности Конституции⁵. Конституционное правопонимание не нуждается в обоснованиях «единства ценностного мира, его генезиса, структуры, способа существования и конечного назначения»⁶, — аналогичная установка является аксиологической предпосылкой, имманентным и содержательно определенным признаком этого концепта. Его преэминентность по отношению к классической познавательной парадигме также не препятствует признанию того, что конституционный дискурс и коммуникации строятся и обретают смысл исключительно на сущностно-ценностной основе, всегда подразумевают отсылку и (или) возможность отсылки к ценностям номинально конституционным либо легитимно признанным и конституционно значимым (субъект признания — Конституционный Суд РФ).

Наряду с этим конституционное правопонимание исключает отношение к ценностям как к феноменам и благам «внешнего» порядка, «требующим» согласия с оценкой, данной им «другим». Субъект конституционного правопользования есть одновременно и актор обоснования правомерности происходящего: «другого» для него просто не существует. И в этом нет и намека на позиционирование радикально-либерального или анархистского толка. Равным образом неправильно уподоблять такое восприятие не критичной идеализации отношений фактических. Для реально конституционализма актуальны особые отношения, в которых неотчуждаемые права и свободы человека мыслятся как непосредственно действующие. Нельзя рассчитывать на конституционное правопользование, уповать на верховенство Конституции и одновременно прикреплять маску «другого» на субъекты политического властвования или администрирования. Поскольку с позиций конституционной аксиологии и правообладатель, и лицо, необходимо опосредующее правопользование, обоюдно стремятся к общему благу и «общей правоте» конституционного, а следовательно, равно чужды интенции «подчинения» сознания «другого». Тем более что политическое измерение реального конституционализма обуславливает равный доступ к прерогативам публичного властвования при всеобщей обратимости состояний и статусов политического и гражданского.

Конституционная аксиология «преодолевает» трансцендентальную этику Канта и социально-феноменологические концепты эпохи постмодерна, пытающиеся решить проблему «другого» через апелляцию к тому, что есть общего у всех людей. Стратегия последующего перехода от идеала свободы к ценности

⁵ См., например: Витрук Н. В. Верность Конституции: моногр. М.: Изд-во РАП, 2008. С. 113–117 и др.

⁶ См.: Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемеровой. М.: Минск: ПАНПРИНТ, 1998. С. 1002–1003.

«братства» (Д. Хьюм, А. Бадью)¹ в теории конституционного правопользования более юридически внятным образом намечает идея солидарной природы прав человека, «заклающих» в себе блага (ценности), недоступные и бесполезные в композициях и техниках сугубо индивидуального толка². Для того чтобы исключить «разрыв» правовой коммуникации, каждое соотношенное с конституционной ценностью «индивидуальное благо» необходимо мыслить как компонент блага общего.

Конституционные ценности сущностно однородны (равнозначны) по определению и системно связаны. Об иерархии здесь можно говорить условно, в том смысле, что эти ценности проявляют себя в различных «диапазонах» значений в зависимости от социально-политических факторов. В «нормальной» ситуации это позволяет определять их актуальное соотношение (ценностное «взвешивание») и находить необходимый для целей конституционализации и конституционной модернизации нормативных моделей правопользования ценностный баланс. Широкий диапазон таких конструкций выражает свойство инвариантности изоморфной конституционно-правовой материи, допускающей правотворческую дискрецию. В экстраординарных конституционно-правовых состояниях, каким для России, несмотря на отсутствие законодательных конкретизаций, и является СВО, актуальное значение определенных ценностей может меняться значительно. В правотворческом плане это предполагает актуальное ранжирование, временную корректировку соотношения конституционных ценностей, без какой-либо их «девальвации» или «обесценивания» (по аналогиям конституционных понятий умаления и отрицания).

Большинство нормативных актов, консолидированно образующих «законодательство СВО», очевидным либо неявным образом связано с обозначенной — вынужденно-инновационной — технологией. Источниками (формами) этого законодательства являются нормативные правовые акты экономико-гарантирующего, финансово-стабилизирующего и социально-компенсаторного характера. Так, под знаком актуального возрастания рисков для обороноспособности страны и государственной безопасности стоит Указ Президента РФ, устанавливающий изъятия из конституционно значимой обязанности декларирования доходов, имущества и обязательств имущественного характера для граждан, наделенных публично-властными полномочиями, принимающих участие в СВО³. Очевидно, что принятием названного акта ценность конституционной законности в целеполагании необходимого противодействия коррупции отчасти — ситуационно — пере-

осмыслена в сравнении с ценностью конструктивно-патриотического настроения и «действенной лояльности» элит. Также не подлежит сомнению временный характер произведенного ценностного ранжирования, а равно и его значение для корректировки конституционной политики государства после завершения СВО.

Показательно, что указанная новация и законотворческая практика периода СВО в целом не обнаруживают связи с научно-юридическими обоснованиями. Признать такое положение дел для российской науки права нормальным нельзя. Мир стоит на грани судьбоносных перемен, которые чреват трагическим финалом для человечества и для права, если не будет найдена идея, адекватная масштабу кризиса. Ведущие конституционалисты говорят об этом публично, хотя не вполне последовательно. Показательна, в частности, позиция В. Д. Зорькина, который, с одной стороны, полагает, что в контексте *общечеловеческих* угроз и вызовов именно Конституция РФ позволяет России предложить и реализовать новые концептуальные основы построения успешного правового государства, «не впадая в иллюзию всемирного братства народов»⁴. С другой стороны, ученый и философ уповает на «опыт исторических универсалий», которые, по сути, и санкционировали нигилистическую переоценку ценностей⁵, способную обрушить «цивилизацию права» в ретушированную хаосом пустоту. Не добавляет определенности и признание того, что «нам предстоит одолеть трудный путь *воссоздания* в России массовой здоровой моральной нормативности», поскольку «никакая, даже самая хорошая Конституция и основанная на ней... формально совершенная правовая система не будет полноценно действовать, если она лишена фундамента в виде индивидуальной и общественной морали»⁶.

Отечественной науке права важно определиться с ценностным позиционированием: открыто признать, что именно видит она основанием «здоровой нормативности» в ее соотношении с качеством и требованием конституционности. По нашему убеждению, речь здесь может идти только о конституционном приоритете духовных ценностей, иерархически «высшей» из которых стоит легитимная вера в Бога (ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ). В силу чего актуальным становится дискурсивное «исключение» из материи национального права антиценностей как, в конечном счете, всегда антирелигиозных. В юридико-практическом плане деактуализация конституционного осмысления понятия антиценности в нарративе должного нацеливает на «вытеснение» соотносимых с этим понятием явлений, притязаний и факторов за внутренний контур российского конституционализма и адаптацию правоохранительных ресурсов к защите «периметра» правовой системы России от «остаточного» присутствия и «инклюзивного» проникновения таких симулякров извне.

¹ См.: *Борисенко Н. Н.* Концепт «другого» в историко-философской ретроспективе // KANT. 2022. № 2 (43). С. 89–93.

² См.: *Крусс В. И.* Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. С. 101–115.

³ См.: Указ Президента РФ от 29 декабря 2022 г. № 968 «Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212290095?ysclid=ljh821oxlb170823288> (дата обращения: 20.03.2023).

⁴ См.: *Зорькин В. Д.* Право против хаоса: моногр. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2023. С. 11–12, 255, 530–531.

⁵ В метафизике Ницше «основная черта сущего как воля к власти» аксиологически «стерильна», хотя и провозглашается установлением ценностей. Такой задаче, как и «механической экономике» Запада, соразмерен уже сверхчеловек, «не подвластный» никаким традиционным ценностям (см.: *Хайдеггер М.* Ницше и пустота. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. С. 209–210, 274–275 и др.).

⁶ *Зорькин В. Д.* Указ. соч. С. 256.

В историко-политическом преломлении завершение СВО будет равнозначно военной победе России, предопределяющей мирное конституционное преобразование страны. В этом контексте окажется уместным и вопрос о принятии новой национальной конституции. Для конституционного правопонимания такое решение не станет «доктринальным поражением». Как методологически трансцендентное, оно базируется на уверенности в том, что для каждого

суверенного народа существует и *его* (предпосланная ему) *идея* конституции. Для российского народа и государства — «полиэтнического, поликультурного, поликонфессионального» (В. Д. Зорькин) — идея конституции «отстраняется» от платоновского (философского) значения и приближается к *промыслу Божьему*. Позволяя оставаться в версии (нарративе) научно-философского восприятия, насколько это возможно.

А. В. Кузьмин¹

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ ПРАВА КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Современное геополитическое мироустройство характеризуется тем, что, формируя устойчивое межгосударственное экономическое пространство с едиными принципами функционирования, политические акторы неизбежно сталкиваются с рядом противоречий экономического, политического и идеологического характера. Противоречия экономического характера состоят главным образом в неясности принципов распределения экономических выгод между государствами-участниками; политического — в необходимости учитывать разновекторное развитие как отдельных государств-участников, так и системообразующих организаций — например, ЕС, НАТО, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и др.; идеологического — в принципиальном несовпадении нравственно-ценностных и культурных ориентаций. Процессы формирования полицентричного миропорядка вполне естественно предопределяют стремление государств, выступающих сторонниками однополярного мира, подчинить своему политическому, экономическому, социально-культурному влиянию как можно больше стран современного мира и тем самым устранить угрозу гегемонии коллективного Запада во главе с США. Одним из элементов такого стремления выступает требование подчинить национальное право наднациональным правилам и стандартам.

В связи с этим ключевым фактором, определяющим сущность геополитической децентрализации современного общества, выступает определение объема суверенитета ключевых (taxi-суверенов) государств-участников, а также обязательств (и соответствующих зависимостей) этих taxi-суверенов перед опять же ключевыми (super-суверенами) внешнеорганизационными партнерами и покровителями (для ЕС — США и НАТО). Например, центр силы ЕС находится

за пределами этой организации — в США как super-суверене, имеющем финансово-экономические и военно-политические возможности регулировать реализацию квазисуверенных полномочий taxi-суверенами. А, например, все центры силы ЕАЭС находятся, в отличие от ЕС, внутри самой организации.

В настоящее время существует широкий спектр научных точек зрения на теорию государственного суверенитета и тем более практику его реализации: от допустимости существования государства вообще без суверенитета до признания за суверенитетом качества Абсолюта. При этом идея ограниченного суверенитета делает претензии государства на уникальность национального законодательства бессмысленными, а концепция абсолютного суверенитета противоречит основам международного права.

В связи с этим наиболее продуктивной представляется концепция эластичного суверенитета, происходящая из понимания того, что суверенитет всегда ограничен какими-то факторами — внутренними или внешними. Суть ее в том, что суверенное в своей основе государство может передавать свой суверенитет, в том числе и в части конституирования базовых ценностей, устанавливая при этом усложненную процедуру согласия на изъятие собственного суверенитета и упрощенную — на его восстановление. Концепция эластичного суверенитета позволяет органично встроить суверенитет в систему признаков государства. При этом определяющим является наличие в структуре суверенитета возможности возврата (восстановления) переданных полномочий.

Необходимо отметить, что чаще всего полная утрата государственного суверенитета легализуется через следование воле международной организации или иностранного государства, формально представляющее законным и самостоятельным, а фактически являющееся проявлением ортодоксального упорства и слабо объяснимое логически. При этом фактическая утрата суверенитета формально представляется его укреплением, наиболее характерным примером чего является продление «без обсуждения» санкций, введенных Евросоюзом в отношении граждан и юридических лиц РФ.

Необходимо понимать, что государственный суверенитет означает не только фактическую способность государства независимо и самостоятельно осу-

¹ Заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Теоретико-правовые и отраслевые основы механизма правосознания», «Юридическая деятельность: проблемы единства позитивистского и естественно-правового начал», «Формирование права: нематериальные факторы»; статей «Форм-факторы международного права как основание следования национальным интересам», «Государства de facto: внутреннее законодательство о международном праве и внешних сношениях», «Приватизация права правоприменения: по мотивам дискуссионной секции VII Петербургского международного юридического форума» и др.

ществлять свои функции, действовать в собственных интересах, но и наличие легального и легитимного обоснования реальной суверенности в государственной деятельности. Важным фактором здесь выступает правовой суверенитет, формируемый в результате соответствующего процесса — суверенизации права. Такой процесс представляет собой две единоподсистемные, но имеющие обособленное содержание и условия реализации процедурные подсистемы обеспечения приоритета государственного интереса. Первая подсистема обеспечивает верховенство государственного интереса над интересом внешнего актора (чаще всего — международной организации или иностранного государства). Вторая подсистема обеспечивает приоритет государственного интереса над интересом частных (негосударственных) субъектов, аффилированных с этим государством. Наивысший уровень приоритета государственного интереса фактически и означает достижение целей суверенизации права.

В контексте данного доклада интерес представляет первая подсистема, характеризующаяся юридическим и организационным обеспечением приоритета норм национального законодательства над различного рода нормами наднациональных регуляторов. Одним из примеров выражения общего правового регулирования процесса суверенизации права может служить внесение в 2020 году изменений и дополнений в Конституцию Российской Федерации, окончательно сформировавших концепцию приоритета национального права над международным. Примером нормативного противодействия внешним угрозам могут служить указы Президента РФ, изданные с 24 февраля 2022 года: они формируют контрсанкционный правовой режим договорных отношений с контрагентами, являющимися резидентами недружественных стран. Эти указы выступают следствием введенных в отношении России экономических санкций.

Суверенизация права, итогом которой является суверенность права или юридический суверенитет, способна обеспечить полную юридическую ничтожность норм, обладающих формальной легальностью для ряда субъектов права. Например, акторы международных отношений осуществляют юридическую интервенцию на правовую систему РФ посредством принятия формально не обязывающих, но допускающих легитимизацию (для отдельных международных организаций или иностранных государств) антироссийских экономических механизмов. Например, Резолюция «Содействие осуществлению правовой защиты и обеспечению возмещения ущерба в связи с агрессией против Украины»,

принятая 7 ноября 2022 года Генеральной Ассамблеей ООН, не является юридически обязывающим (легальным) документом, но порождает эффект легитимации для последующих решений в сфере национального права недружественных государств, ограничивающих права и законные интересы РФ.

Можно привести в качестве примера и акты международных организаций, членом которых Россия не является (в частности, НАТО, Совета Европы, Европейского союза). Акты этих организаций не способны породить формально-юридические последствия для РФ, но выступают легальным основанием для государств-членов таких организаций ввести очередные антироссийские меры.

Еще одним примером правовой интервенции, купирующей суверенизацию права, выступает экстерриториальность иностранного права, декларируемая и формализуемая, но не носящая общеобязательного характера. Например, 13 марта 2022 года власти США опубликовали список товаров, которые будут запрещены к ввозу в Россию из США, что деформировало систему сложившихся договорных отношений и повлекло прекращение множества уже заключенных коммерческих контрактов.

Ценность суверенизации права заключается и в возможности противодействия выводу национального регулирования из сферы правовой определенности, когда общественные отношения, существующие в государстве, ставятся в зависимость от решений, принимаемых вне территории государства, хотя бы и с предварительного превентивного согласия этого государства на такое применение. Причем обострить ситуацию может наличие у органа международной организации возможности принять решение без участия государства, которое вынуждено будет использовать данные правила вопреки собственной воле, а также своим политическим и экономическим интересам. Отметим, что диффузия наднационального и национального законодательства вносит определенный диссонанс в теоретическую модель системы источников права современных государств, хотя с практической точки зрения не является чем-то исключительным.

Таким образом, основной эффект состояния суверенности права состоит в способности органов государственной власти суверенного государства, ориентируясь на национальные ценности, легально и легитимно противодействовать юридической интервенции, осуществляемой с использованием юридических и псевдоюридических средств акторами межгосударственных отношений и иностранными государствами.

Л. А. Лазутин¹МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ²

Право международной безопасности на современном этапе является наиболее актуальной отраслью международного публичного права. Это объясняется сложившейся за последнее десятилетие международной обстановкой, которая характеризуется резким обострением межгосударственных отношений. Об этом свидетельствуют политические и экономические санкции против России; участие государств — членов НАТО в вооруженном конфликте посредством поставок вооружения Украине; обострение отношений США и их союзников с Китаем и всевозможная поддержка, включая военную, Тайваню; навязывание своей политики другим государствам и др.

Учитывая данные обстоятельства, некоторые исследователи говорят о необходимости переосмысления права международной безопасности как отрасли международного права. Основным доводом является отсутствие за последние десятилетия каких-либо особо значимых международных договоров (двусторонних, локальных, универсальных), которые составили бы юридическую основу данной отрасли права. Во всех учебниках ссылаются на договоры конца 1960-х — 1970-х годов (Неприменение ядерного оружия 1968 г., Договоры о противоракетной обороне 1972 г. и протоколы к нему 1974 г. и др.). Бесспорно, эти международно-правовые акты имели и еще какое-то время будут иметь большое значение. Но геополитическая ситуация изменилась, как и взгляды на всеобъемлющую и коллективную (региональную) системы международной безопасности.

В год 70-летия ООН на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи лидеры ведущих государств давали оценку деятельности ООН в целом. Красной нитью проходила мысль, что альтернативы ООН в сегодняшней ситуации не существует, а значит, все государства должны неукоснительно следовать принципам Устава ООН и общепризнанным нормам международного права.

¹ Заведующий кафедрой международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Международная безопасность в современном мире», «Размышление о праве международной безопасности», «Новые угрозы и вызовы международной безопасности: международно-правовой анализ», «Современные тенденции в международном нормотворчестве», «Международно-правовые вопросы взаимодействия материальных и процессуальных норм в правовой системе Российской Федерации» и др. Награжден медалью «Трудовая доблесть». Действительный член Академии военных наук, член-корреспондент Академии российской словесности, полковник в отставке. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Почетный работник прокуратуры РФ.

² Доклад подготовлен на основе предыдущих публикаций автора: Лазутин Л. А. Международная безопасность и ответственность // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 14 июня 2017 г.). Улан-Удэ, 2018. С. 28–34; *Он же*. Право международной безопасности как отрасль современного международного права: дискуссионные вопросы // Право международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы международного сотрудничества: межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 2011. С. 4–11.

Однако существует проблема, как поднять ООН на более высокий уровень эффективности, не подрывая ее Устава. Мы поддерживаем взгляды некоторых политологов, что надо принять новый документ в рамках ООН, не затрагивая содержания Устава, но конкретизируя новые основополагающие принципы, на которые будут ориентироваться государства.

Актуальной проблемой является внедрение в международный оборот концепции гуманитарной интервенции или ограниченного суверенитета. Де-факто концепция гуманитарного вмешательства реализуется уже много лет. Необходимо четко определить суть этого явления и дать ему научное обоснование. Уместно напомнить, что еще в 1999 году разгорелась полемика между Генеральным секретарем ООН и рядом государств-членов, включая Россию, по этому поводу. Генсек ООН заявил тогда, что массовые и систематические нарушения прав человека вынуждают международное сообщество реагировать и подчас вмешиваться в ситуацию внутри той или иной страны. Россия выступала против этого. Сегодня взгляды России по этому вопросу несколько изменились. Это связано с проведением специальной военной операции на Украине, а до этого (с участием наших ВКС по просьбе правительства Сирии) — с борьбой с ИГИЛ³ на территории Сирии. Сегодня необходимо юридическое обоснование и экспертные заключения по этому важному вопросу.

Что касается региональной системы коллективной безопасности, то она также требует научного переосмысления. Международные организации военно-политической направленности (НАТО, ОБСЕ, ОДКБ и др.) имеют разные статусы, уровни международной легитимности и состав участников. Они призваны обеспечить региональный мир и правопорядок, однако до настоящего времени не объединены общей компетенцией и замыслом, у них различные политические перспективы. Более того, некоторые из них находятся в состоянии конфронтации между собой.

Анализ компетенций международных рейтингов возможен в контексте двух основных тенденций политологического изучения международных отношений: неореализма и неолиберализма. Если сторонники первой ссылаются на классические теории баланса сил, полагают международное право и международные институты вспомогательной функцией взаимодействия государств — членов международной системы, то приверженцы неолиберализма более оптимистично воспринимают перспективы нового международного порядка, основанного не только на балансе сил, но и на балансе интересов.

Региональная безопасность рассматривается как составная часть всеобщей безопасности, которая относится к тому или иному региону и строится на основе взаимодействия и взаимовлияния национальных интересов при учете системообразующей роли международного права и международных институтов приме-

³ Организация запрещена в России.

нительно к отдельному региону (субрегиону) и конкретной сфере международных отношений. В рамках данного понимания предметом нижеследующего анализа является концептуализация региональных рейтингов безопасности с точки зрения национальных интересов России¹.

Достижение международной безопасности возможно лишь на основе сочетания взаимодополняющих факторов, так как безопасность отдельного государства зависит от обеспечения безопасности всех государств, безопасность всех предполагает безопасность каждого государства. Необходимость активных действий в процессе обеспечения международной безопасности обусловливается своеобразием метода регулирования, воздействием на определенно выраженную позицию субъектов международных правоотношений. Речь в данном случае идет о концепциях обеспечения многосторонней безопасности. Современные политологи выделяют здесь три позиции: коллективная безопасность, общая безопасность и безопасность на основе сотрудничества. Каждая из них при наличии общих черт с другими обладает отчетливо выраженной спецификой.

Концепция коллективной безопасности является наиболее разработанной в теоретическом и практическом плане. Ее особенность — беспрецедентная универсальность, в том числе требование необходимых действий от каждого члена системы, автоматизм применения санкций в случае необходимости, отсутствие разногласий в понимании агрессии и необходимости реагировать на нее. Наглядное подтверждение функционирования концепции коллективной безопасности — деятельность НАТО.

Концепция общей безопасности утвердилась как альтернативная традиционным представлениям о роли вооруженных сил в решении международных проблем, а также в преодолении сложившихся стереотипов международного урегулирования, основанного на базовых параметрах государств и коалиций. При этом в концепцию был внесен элемент всеобщего договора, осознанного баланса стремлений и самоограничений, обусловленных всеобщей заинтересованностью в стабильности и совершенствовании системы. Концепция общей безопасности с середины 1970-х годов является неотъемлемой частью общеевропейского процесса, философской основой Хельсинкского акта 1975 года и других документов СБСЕ/ОБСЕ.

Концепция безопасности на основе сотрудничества во многом схожа с концепцией общей безопасности. Если в рамках системы коллективной безопасности государства объединяются против общего возможного (или действительного) агрессора, то концепция безопасности на основе сотрудничества исходит из принципа общего участия, при котором наличие формальных институтов является необязательным, а поддержание неформального диалога представляется более уместным и эффективным².

Одна из важнейших проблем современного международного права — выработка нового содержания предмета регулирования права международной безопасно-

сти и определение его методов и принципов. Вопросы международной безопасности носят универсальный характер, государствам приходится сталкиваться с ними практически во всех сферах международных отношений, поэтому представляется возможным предмет права международной безопасности рассматривать с учетом его собирательного характера и специфической направленности. Предметом правового регулирования права международной безопасности являются отношения, сопряженные с обеспечением международной безопасности, в том числе меры по предотвращению ядерной и любой иной войны, укреплению доверия и ослаблению военного противостояния.

В целом, оценивая причины обострения международной напряженности, можно сделать вывод, что из всего комплекса политических, экономических, идеологических и других факторов на первый план выступают юридические проблемы, которые с новой остротой заявили о себе и заставляют вновь и вновь обращаться к едва ли не вечной теме о соотношении международного и национального (внутригосударственного) права. При этом не имеется в виду применение норм международного права как регулятора внутригосударственных отношений. Речь идет о необходимости новых подходов к соотношению международной и внутригосударственной правовых систем в условиях многополярного мира.

События, происходящие в мире и в отдельных государствах, по своей сути разные и имеют неодинаковые последствия для тенденции развития сообществ государств или отдельных стран, а в конечном счете и судеб мира, но все они в своей основе так или иначе указывают на наличие множества граней у названного явления: это выведение на первый план суверенитета государства (в широком смысле слова), даже если оно вступило в международное объединение и связано международно-правовыми обязательствами, которые должны выполняться.

В настоящее время нередко в научных публикациях и в практике межгосударственного сотрудничества можно встретить тезисы о верховенстве права. Эти утверждения совершенно справедливы, когда речь идет о верховенстве права, скажем, в международных отношениях. В этом ключе постановка вопроса о верховенстве международного права в осуществлении международной политики, международных связей вполне оправдана. Однако вряд ли заслуживает одобрения провозглашение примата (приоритета) международного права как такового вообще. Вместе с тем известно, что современное устройство глобальной юридической системы предполагает наличие двух систем права: международного и внутригосударственного, ни одно из которых не доминирует над другим. Соответственно нигде в актах ООН не утверждается верховенство международного права, равно как не пропагандируется верховенство внутригосударственного права. Обе системы имеют одинаковую ценность и не подчинены друг другу. При этом грань между международным и внутренним правом не стирается, поскольку это привело бы к нарушению их нормального функционирования. У каждой из этих правовых систем своя природа и сфера действия, свой объект регулирования

¹ См.: Лазутин Л. А. Право международной безопасности как отрасль современного международного права: дискуссионные вопросы.

² Там же.

и механизм действия. Имеет место углубление взаимодействия двух правовых систем, а не стирание границ между ними. Мы это отмечаем потому, что в ряде государств, например в США, отчетливо просматривается превосходство национального права и подчинение международного права своим национальным интересам.

Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права однозначно решен в «писаном» международном праве. Так, нормы права договоров *expressis verbis* устанавливают, что участник международного договора не может ссылаться на положения своего внутреннего права для оправдания невыполнения им договора (ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.). Это правило относится к категории норм общего международного права императивного характера, «которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер» (ст. 53 Венской конвенции 1969 г.). Исключением из действия предписаний вышеуказанной ст. 27 Венской конвенции выступают правила ст. 46, устанавливающей возможность для государства ссылаться на положения внутреннего права как на основание недействительности его согласия на обязательность для него договора в случаях, когда положения внутреннего права касаются компетенции заключать договоры, если данное нарушение было явным и относилось к нормам внутреннего права особо важного значения. В качестве примера хотел бы обратиться к поправкам в Конституционный закон РФ от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ¹. Данный нормативный правовой акт закрепил полномочие Конституционного Суда РФ по рассмотрению вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. Таким образом, Конституционный Суд по запросу федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против России, принимает одно из следующих постановлений:

— о возможности исполнения в целом или в части, в соответствии с Конституцией РФ, решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, принятого на основании положений межгосударственного договора РФ в их истолковании межгосударственным органом по защите прав и свобод человека, в связи с которым был подан запрос в Конституционный Суд Российской Федерации;

— о невозможности исполнения в целом или в части, в соответствии с Конституцией РФ, решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

При анализе поправок в Конституционный закон РФ следует согласиться с позицией профессора Л. П. Ануфриевой, которая считает, что данные изме-

нения федерального конституционного закона Российской Федерации в связи с попытками теоретического и нормативного обоснования неисполнения некоторых решений межгосударственных органов по защите прав человека, и прежде всего ЕСПЧ, в их содержании, как это отчетливо демонстрируется текстом, «слились воедино „гордость и предубеждение“ — гипертрофированная „конституционная самоидентичность“ и недооценка положения любого государства в современном мире, где самоизоляция если и возможна, то непрактична, а международные приоритеты — правопорядок, взаимодействие государств по всем направлениям — очевидны и осознаются всеми»². В этом плане многие авторы совершенно верно подчеркивают важность для каждой страны осознания нахождения в международной среде. «Поскольку внутренняя политика во все возрастающих масштабах оказывается несостоятельной в том, что касается возможностей в одиночку справиться с управлением важными областями общественной жизни, международное право своей главной функцией имеет применение в качестве механизма, с помощью которого национальная политика разных государств может быть соединена в целях создания юридического механизма функционирования международной политики. Во внутренней политике данная связь позволяет осуществить формирование внутриполитических коалиций, которые не могут быть образованы в условиях автаркии. Международное право, таким образом, представляет собой механизм, благодаря которому издержки или выгоды одного государства могут быть использованы при принятии внутриполитических решений другими участниками международного сообщества»³. Нельзя не согласиться с Л. П. Ануфриевой, что «любое противопоставление Конституции и международного договора (международного права в целом), тем более искусственное, не способно принести желаемый позитив, и здесь еще раз нелишне подчеркнуть экономическую, фактическую, политическую, а в ряде ситуаций и юридическую обязательность для каждой страны всестороннего учета нахождения в международной системе координат»⁴. Объявление верховенства как международного, так и внутреннего права само по себе контрпродуктивно, а подход к исполнению решений международного органа по защите прав человека и соблюдению Основного закона государства — его конституции — должен пролегать по линии проведения согласования и нахождения компромисса. Более того, объявление примата внутригосударственного права по отношению к международному праву способно привести к обострению международной напряженности. Что должно быть дальше — «право сильного», разрешение споров путем войны и принуждения с помощью оружия, то есть возврат на несколько веков назад? Думается, абсурдность такой постановки вопроса и диктуемой ею логики очевидна!

² См.: Ануфриева Л. П. «Гордость и предубеждение»: Российская Конституция на службе неисполнения решений ЕСПЧ? // Альманах кафедры международного права. Вып. 7 / отв. ред. К. А. Бекяшев. М.: Проспект, 2017. С. 14.

³ Trachman J. P. *Future of the International Law: World Government*. Cambridge, 2013. P. 3.

⁴ Ibid. P. 15.

¹ Российская газета. 2015. № 284.

Г. М. Лановая¹

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ОБЩИХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Общие принципы права всегда оказываются важными регуляторами там, где возникает потребность в принятии правозначимых решений в условиях неполноты писаного права. Такая ситуация является типичной для сферы межгосударственных отношений, и в этой связи можно говорить об особой значимости для нее общих принципов права.

Выступая наиболее устойчивым элементом в системе международного права, общие принципы оказываются способными обеспечивать согласованное функционирование компонентов названной системы, а также ее устойчивость, ограничивая диапазон происходящих в ней содержательных изменений. За счет способности на протяжении длительного в исторической перспективе времени оставаться неизменными, общие принципы своим действием обеспечивают непрерывное устойчивое функционирование системы международного права, в том числе и тогда, когда возникают деструктивно влияющие на международный правопорядок факторы.

Вместе с тем в условиях глобальных трансформаций, которые сегодня претерпевает мир, все чаще происходят события, заставляющие задаваться вопросом о реальной роли общих принципов права в регулировании международных отношений.

Для того чтобы обозначенный вопрос решить, прежде всего необходимо уточнить некоторые моменты, относящиеся к характеристике общих принципов права и механизма их действия.

Общие принципы права представляют собой идеи, признание чрезвычайной важности которых для формирования, развития и функционирования права придает им значение общеобязательных нормативных руководящих начал в правотворческой и правореализационной деятельности. Ведутся споры о том, представлены ли общие принципы права исключительно юридически зафиксированными положениями или любыми основополагающими правовыми идеями вне зависимости от того, получают они закрепление в форме юридических предписаний или нет. Но в действительности принципами права могут быть и первые, и вторые, поскольку свойства общеобязательности и нормативности правозначимые идеи могут приобретать как в силу их формального (юридического) закрепления, так и в силу их общего признания. Первое типично для юридического права, формируемого государствен-

но-властным порядком, второе — для неюридического (например, обычного) права.

Несмотря на то, что в первом случае признание идеи общими принципами права неразрывно связано с их легализацией, а во втором — с легитимацией, неизменно одно: речь идет о положениях, которые на протяжении длительного времени одинаково интерпретируются всеми субъектами. Поскольку принципы — это положения обобщенного характера, постольку условием их одинаковой интерпретации всеми субъектами, в свою очередь, выступает погруженность названных субъектов в общий для них контекст. Такой контекст составляет культура, и сфера международных отношений не является в этом плане исключением: для того чтобы в международном праве общие принципы действительно выполняли те функции, которые им присущи, важно наличие общего культурного контекста, в котором они будут предсказуемо интерпретироваться всеми одинаково.

Изначально международное право является «продуктом христианской цивилизации»² и предстает как феномен западной культуры. В этой связи закономерным образом именно западная культура становится тем общим для его субъектов контекстом, наличие которого выступает условием эффективного действия в нем общих принципов права.

Со временем круг субъектов международного права расширяется, как и сфера его действия. Международное право перестает быть правом народов, принадлежащих христианской цивилизации, и становится мультикультурным правом.

Субъекты нового мультикультурного международного права изначально не объединены общим культурным контекстом. Однако вне общего для субъектов контекста общие принципы не могут действовать; и в то же время субъекты международного права оказываются не в состоянии сконструировать принципиально новый контекст (так как контекст является сложной, органически складывающейся системой ценностей и смыслов, его в принципе невозможно создать специально, в него можно только погрузиться).

В описываемой сложной ситуации для субъектов логичным оказывается «договориться» исходя из того культурного контекста, с которым международное право связано генетически. Именно поэтому контекстом действия международного права остается западная культура.

Важно подчеркнуть, что принятие ценностей и смыслов западной культуры в качестве контекста действия международного права как мультикультурного права является консенсуальным, оно не связано с тем, что названная культура в действительности становится глобальной и универсальной.

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Формы существования базовых типов современного права», «Государственно-правовое принуждение и его место в системе форм правоприменения»; статей: «Роль права и его применения в разрешении конфликтов: теория и практика», «Сущность современного права: проблемы осмысления», «Корпоративное (внутрифирменное) право эпохи постиндустриализма: особенности и тенденции изменения», «Различия права и морали: ценностный аспект», «Базовые ценности современного права» и др.

² *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. I : Мир. Полутом 1. М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1948. С. 27.

Субъекты международного права, выступающие носителями западной культуры, ожидают, что «вхождение» в пространство международного права других народов станет тем, чем для индивида является процесс социализации, а именно процессом «перенимания-от-другого» того мира, в котором другие уже живут»¹. Однако в действительности такого «перенимания» не происходит, так как культура — основа самоидентификации народа и «стирание культурных различий», с которым ассоциируются ее глобализация и универсализация, — в реальности представляет собой утрату идентичности.

Воспринимаясь в контексте ценностей и смыслов западной культуры и получая интерпретацию именно в нем, общие принципы права до недавнего времени сохраняли роль значимых регуляторов международных отношений — уже в силу того, что возможности юридической формализации в международном праве объективно ограничены. Тем не менее сегодня мы видим, что ситуация принципиальным образом меняется. Это связано с тем, что, с одной стороны, возможность для общих принципов права быть эффективными в регулировании международных отношений в эпоху мультикультурного международного права связана с соблюдением ряда условий, а с другой — в ситуации современных глобальных трансформаций такие условия перестают соблюдаться.

Первым условием является реальная, а не декларируемая общность принципов, предполагающая принципиальный отказ от деления народов на «цивилизованные», способные быть активными субъектами международного права, и «нецивилизованные», таковыми субъектами не признаваемые или, по крайней мере, рассматриваемые в качестве субъектов международного права «второго сорта». Иными словами, в условиях мультикультурализма общие принципы права сохраняют способность действовать до тех пор, пока указание в ст. 38 Статута Международного Суда ООН на «цивилизованные нации», которыми должны быть признаны принципы, для того чтобы считаться общими, признается имеющим метафорическое значение и пока под «цивилизованными нациями» понимаются все народы, включенные в сферу международных отношений.

Отказ от деления народов на «цивилизованные» и «нецивилизованные» естествен и имеет под собой объективные основания. Характеристика культуры общества не может быть уровневой, она всегда является качественной, и культуры различных обществ объективно не могут сравниваться между собой по критериям «цивилизованности» и «прогрессивности» так же, как по этим критериям не могут сравниваться между собой, например, цвета радуги. Поэтому любые «решения» относительно того, какие цивилизации и правовые системы следует считать «наиболее совершенными», «развитыми», изначально являются произвольными, ангажированными. Они выступают выражением не международного права, а воли субъектов международной политики, принимаются и проводятся в жизнь

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 212.

исключительно силовыми, а не правовыми средствами и методами.

Сегодня, когда формула «признанные цивилизованными нациями» перестает считаться метафорой и начинает восприниматься буквально, возникает мысль о том, что «общие принципы права присутствуют в наиболее совершенных, развитых правовых системах и соответствуют прогрессивному коллективному правосознанию человечества»². В описываемых условиях отдельные участники международных отношений начинают настаивать на ангажированной интерпретации общих принципов права и пытаются навязывать такую интерпретацию другим субъектам. Постулируемые в качестве общих принципов права положения в действительности перестают быть общими и, как следствие, утрачивают способность эффективно функционировать в качестве принципов права.

Второе условие заключается в том, что общие принципы должны применяться предсказуемо. Предсказуемость достигается интерпретацией именно в том контексте, выбор которого является результатом консенсуса, достигнутого субъектами международного права, и который образует западная культура с ее архетипами и ценностями. Сегодня указанный контекст подменяется его интерпретациями, при этом зачастую то, что было нормой, маркируется в качестве аномалии, и наоборот. На смену предсказуемой единообразной интерпретации общих принципов приходит манипулирование теми смыслами, которые можно в них обнаружить, подменив изначальный контекст его новым прочтением.

«Общими принципами права» в международных отношениях оказываются не легитимизируемые их участниками идеи, а политические требования отдельных субъектов. Последние, в отличие от правовых принципов, случайны и непредсказуемы и потому не могут играть значимую роль в правовом регулировании. Как только принципы права подменяются тем, что диктует воля политически сильных игроков, международное право перестает быть правом, становится частью международной политики, что фиксируют в своих наблюдениях представители Нью-Хейвенской школы Йельского университета³.

Третье условие заключается в том, что все общие принципы права должны соблюдаться в действительности, и прежде всего — сильными в политическом плане субъектами международных отношений.

В современной ситуации все чаще общие принципы права начинают применяться отдельными субъектами международных отношений избирательно. В частности, наблюдается освобождение США от «гуманистических пут» международного права и «присваивание» ими норм международного права в качестве средств решения собственных политических задач (по меткому замечанию Дж. Сороса, дифференциация суверените-

² Толочко О. Н. Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, как достижение правовой культуры человечества // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. Могилев: Могилевский ин-т МВД Республики Беларусь, 2020. С. 207.

³ См.: Малиновский А., Трикоз Е. Международное договорное нормотворчество как политический процесс // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 2 (61). С. 15–16.

та США как имеющего приоритет перед международными договорами и обязательствами и суверенитета всех прочих государств создает ситуацию, описанную в «Скотном дворе» Дж. Оруэлла: все животные равны, но некоторых из них равнее других¹).

В условиях несоблюдения сильными в политическом плане участниками международных отношений общих принципов международного права (в том числе таких, которые, подобно принципу *pacta sunt servanda*, выросли на основе идей римского права и являются неотъемлемой частью западной культуры), следование таким принципам оказывается бессмысленным и для других субъектов.

Итак, в современных условиях общие принципы права утрачивают свою значимость в регулировании международных отношений. Поскольку не наблюдается тенденций, которые бы свидетельствовали о том, что ситуация принципиальным образом может измениться, имеются все основания утверждать, что на место международному праву постепенно приходит международная политика. Что касается межгосударственных отношений, упорядочение которых требует именно правовых, а не политических инструментов, то, возможно, в их регулировании начинается принципиально новая эпоха — эпоха регионального права.

А. А. Ливеровский²

«ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ» ОЛИГАРХИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Стало расхожей доктринальной тенденцией, ссылаясь на негативные практики кризисного развития в современных западных конституционных государствах, констатировать кризис либеральной демократии, основанной на доктрине верховенства права. Что касается теоретических рассуждений, то начиная с работы О. Шпенглера («Закат Европы», 1918) до статьи Ф. Фукуямы («Конец истории?», 1989) пессимистические прогнозы развития западной цивилизации сотрясали научный мир права и политики.

Еще в начале XX века немецкий социолог Р. Михельс³ выявил специфическую особенность государственных режимов капиталистических стран, выразившуюся в появлении олигархических тенденций, присущих ранним этапам («детская болезнь») развития либеральной демократии. Используя личный опыт членства в германской социал-демократической и итальянской социалистической партиях, ученый приходит

к выводу, что партийное строительство как создание социальных образований, целью которых является достижение государственной власти в условиях следования демократическим процедурам ее приобретения, приводит к возникновению иерархической структуры управления партией и формированию управляющего меньшинства — корпорации, оторванной от рядовых членов партии.

Характер демократического представительства (выборов) приводит к государственной власти лидеров партий, обладающих преобладающими финансовыми ресурсами для прохождения электоральных процедур и формирования политической позиции у населения. Выдвижение политических лидеров в руководство государственным структурами невозможно без привлечения кадров профессиональных управленцев — *партийных* функционеров, — осуществляющих свои функции в рамках единоначалия партийного лидера. Победа на выборах позволяет занять командные позиции в схемах организационных систем государственного управления доверенным лицам электоральной команды лидера.

Эффективность деятельности государственного управления требует квалифицированной обработки значительного объема информации и привлечения к работе в органах государственной власти большого числа высокообразованных профессионалов, которые должны работать в условиях различной функциональной специализации. Но стиль работы органов государственной власти, система властного управления, кадровая политика, распределение финансовых ресурсов будут определяться партийным лидером, занявшим должность в государственной службе. Необходимость принятия политически обоснованных решений неизбежно ведет к централизации управления, поскольку руководство органов государственной власти наделяется правом не только принимать профессионально-системные решения, но и нести корпоративную ответственность за их эффективность, свя-

¹ Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. С. 25–26.

² Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса. Автор более 215 научных публикаций, в т. ч.: «Конституционно-правовой статус Санкт-Петербурга», «Правовой статус и экономическое развитие субъекта Российской Федерации» (в соавт.), «Конституционное понимание истоков экономического кризиса», «Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд» (науч. ред.), «Экономические свойства конституционализма», «Конституционное регулирование экономических процессов», «Юриспруденция и математика (общность познавательных структур)» (в соавт.) и др. Судья Уставного суда Санкт-Петербурга в отставке. Член Экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству. Награжден Почетным знаком «За заслуги перед Санкт-Петербургом», медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», золотой медалью Конституционного Суда Республики Армения, орденом Почета Международного аналитического центра «Конституционная культура», медалью «100 лет Санкт-Петербургскому университету ГПС МЧС России».

³ Михельс Р. Социология политической партии в условиях современной демократии / пер. с нем. И. Ивакиной. М.: Дело, 2022.

занную с априорным финансированием избирательной кампании.

Р. Михельс, формулируя свои представления об авторитарных системах управления, возникающих в политических партиях и получающих финансирование в условиях конкуренции капиталов, утверждает неизбежность переноса этих систем на управленческую организацию демократически выбранной государственной власти и называет тенденции сращения больших капиталов с государственной властью «железным законом олигархической демократии». При этом ученый делает главный вывод: для стабильности системы олигархического государственного устройства, порожденного представительной демократией, то есть для «обуздания» олигархов, необходим персоналистский режим, созданный лидером, которому народная масса должна довериться, так как сама не может осуществлять контроль над олигархами.

Что же беспокоило Р. Михельса? Он справедливо считал, что возможность использования олигархами государственно-властных полномочий в целях приумножения финансовых ресурсов для сохранения своего монопольного положения приводит к стагнации государственного режима. Олигархическая власть не заинтересована в развитии мелкого и среднего бизнеса, для олигархов — это лишь «пища» для государственных монополистов. Более того, корпорация власти олигархического толка, стараясь сохранить свое государственно-властное положение, препятствует формированию среднего класса — носителя конституциональной идеи конкурентности, реализация которой необходима для прогрессивного развития государственности.

Данный вывод получен в условиях первоначального развития капиталистических отношений в индустриальном обществе. Развитие эффективности демократических институтов и гражданского общества в XX веке скорректировало «детскую болезнь» олигархической государственности в большинстве европейских стран, но постиндустриальная эпоха принесла новые конституциональные деформации.

Наблюдения Р. Михельса представляют определенный интерес в контексте постсоветского развития России, потому что в них обозначены конституционные проблемы становления демократического устройства государственной власти, характерного для первоначального этапа возникновения рыночных отношений. Наиболее точное и основательное описание симптомов и осложнений «олигархической болезни» применительно к развитию современного Российского государства, причем с подробным историко-правовым ее «анамнезом», представил С. А. Авакьян в главе «Конституционное право России как фундамент борьбы с коррупцией»¹.

Образование корпорации публичной власти («элиты», по Р. Михельсу) олигархического типа С. А. Авакьян связывает прежде всего с порядком финансирования выборов в представительные органы государственной власти. В механизм избрания депутатов был

заложен принцип негосударственного, то есть частного, финансирования — кандидаты на замещение государственных должностей и политические партии организуют самофинансирование избирательных кампаний. Из федерального бюджета покрываются расходы, связанные с подготовкой и проведением выборов, в остальном финансовые средства собирают в форме избирательных фондов желающие получить мандаты представительного органа государственной власти. В соответствии с законом предельные суммы всех расходов из средств избирательных фондов политических партий и кандидатов ограничены и их расходование контролируется государством, но фактически затраты на проведение избирательных кампаний неизмеримо выше и проходят вне государственного контроля по так называемому небелому финансированию. В любом случае во власть проходят либо очень состоятельные люди, либо политические функционеры, договорившиеся со спонсорами о серьезных пожертвованиях. Так формируется корпорация власти, состоящая из выбранных депутатов и *причастных к власти* богатых людей, имеющих возможность привлечения огромных материальных средств для организации вхождения во власть.

Игра с властью стара как мир. Еще Аристотель утверждал: покупающий власть за деньги надеется извлекать из нее прибыль². Разумеется, *круг причастных к власти* состоит в основном из предпринимателей — привычка к получению прибыли требует отдачи от инвестиций. С. А. Авакьян фиксирует очевидный вывод, касающийся вложений в избрание депутатов: «Затраченные деньги депутатами надо отрабатывать, а это значит: поддерживать и проталкивать законопроекты, в которых заинтересованы спонсоры, направления расходов, заложенных в государственном бюджете, целевые транши и т. д.». Следует заметить, что в соответствии с демократическим законодательством руководящую роль в решении вопросов государственного финансирования играют высшие чиновники исполнительной власти. Поэтому выполнение «заказов» спонсоров требует корпоративных договоренностей между представителями законодательной и исполнительной ветвей государственной власти, которые имеют коррупционную природу. С. А. Авакьян делает вывод: «В частном финансировании выборов конституционно-правовым путем заложена коррумпированность избранных депутатов, добившихся успеха на выборах»³.

Следует отметить, что в начале 1990-х годов реализация демократических процедур «оказалась в руках людей с прежним политическим сознанием (не случайно главные новые руководители ранее занимали ответственные посты в КПСС и Советском государстве)»⁴.

Специфической ментальностью обладали не только политические лидеры, но и основательный массив партийных функционеров среднего уровня и государственных служащих, профессионально работавших в советских органах власти. Суть этого правосозна-

¹ Авакьян С. А. Конституционное право России как фундамент борьбы с коррупцией (Гл. 1) // Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы : кол. моногр. М. : Юстициформ, 2016. С. 12–75.

² Аристотель. Аналитики первая и вторая : пер. с греч. М. : Госполитиздат, 1952.

³ Авакьян С. А. Указ. соч. С. 40.

⁴ Там же. С. 25.

ния состояла в советском номенклатурном мышлении с его корпоративной замкнутостью, карьерной зависимостью от единоначалия и понятийным правосознанием — законом являлось волеизъявление начальника, а не официальное регулирование государственно-властных отношений. Да еще привычка к доступным номенклатурным привилегиям приобрела монетарный характер.

Что касается спонсоров, то в основном это были тоже «выходцы из советского времени» — предприниматели, ведущие свой бизнес на полулегальной или криминальной основе. Законного использования частной собственности в СССР не могло быть. В этом случае для определения деформации государственно-властных отношений весьма подходит одно из специфических определений коррупции: «Коррупция — *сращение* в сфере экономики государственных структур со структурами *преступного мира*...»¹ Опасность преступного взаимодействия указанных участников коррупционных действий состоит не только в непосредственном проникновении во властные структуры лиц, связанных с криминалом, но и в снижении эффективности экономической деятельности государственной власти. Государственное управление в этом случае предоставляет преференции лицам, причастным к коррупции власти, а не наиболее конкурентоспособным акторам экономической сферы.

Процесс обогащения высших государственных должностных лиц и предпринимателей, причастных к власти, — олигархизация власти — неимоверно активизировался тогда, когда в соответствии с политическими установками 1990-х в нашей стране огромную часть государственной собственности решено было приватизировать, то есть перевести в частное владение, причем в правовых условиях только зарождающегося и несовершенно частного права. На начальных этапах приватизации многое решалось по усмотрению исполнительной власти — и круг приватизируемых объектов, и их стоимость. В результате многие государственные предприятия за бесценок ушли в частное владение предпринимателям, близким к власти².

Известный армянский конституционалист Г. Г. Арутюнян считает, что олигархизация власти — слияние и несоразмерное обогащение по отношению к народным массам должностных лиц органов государственной власти с приближенными к ним акторами из политической и экономической сфер — характерна для всех

новых демократий, то есть стран, переживших недавно конституционную реформу. Олигархизация власти происходит в условиях слабой дееспособности государственных, демократически образованных институтов и деформированности фундаментальных конституционных принципов³.

В этом плане, несмотря на изначально авторитарный характер политического режима, установленного первым Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным, ему не удалось политико-правовым путем справиться с тенденциями криминального сепаратизма в отдельных субъектах Федерации и властными претензиями олигархов. Второй Президент Российской Федерации В. В. Путин пошел по пути последовательной централизации государственно-властных полномочий, выстроив президентскую вертикаль как в рамках федеративных отношений, так и в правовой реальности отношений с ветвями государственной власти. Создание федеральных округов, назначение вместо всенародных выборов высших должностных лиц исполнительной и муниципальной власти, проведение административной реформы позволили В. В. Путину почти полностью преодолеть «бандитское участие» во власти — очистить государственную власть от ставленников криминальных кругов. Прежде всего это касалось удаленных от Москвы и богатых природными ресурсами субъектов Российской Федерации.

Современное представление о конституционализме как идеологии конституционного регулирования общественных отношений было признано нашим обществом в рамках всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации 1993 года. В основе этой естественной, человекоцентристской идеологии лежат идеи либерализма и демократии, отраженные в ее тексте в качестве направлений конституционного развития нашего государства. Эти идеи в их классическом содержании выработаны цивилизационным развитием человечества — свобода и достоинство человека всегда были и будут высшими конституционными ценностями. Надо внимательно отслеживать этапы конституционного развития. Архисложная задача перехода от сложившихся советских государственно-правовых отношений к рыночной правовой реальности требует одновременного, точнее, взаимосвязанного осуществления как реализации либеральных идей, так и эффективности демократических институтов.

¹ Юридический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М., 2007. С. 313.

² Экономисты и политологи до сих пор с горечью вспоминают так называемые залоговые аукционы 1995 года — яркий пример криминального «распила» государственного имущества.

³ New millennium constitutionalism: paradigms of reality and challenges / publ. on the initiative a. with a forew. of G. G. Harutyunyan. Yerevan : NJHAR, 2013. С. 67.

А. И. Овчинников¹

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА КАТЕГОРИИ «ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК»²

1. Осознавая назревающий мировоззренческий кризис, Российское государство в лице Президента РФ инициировало постепенный процесс законодательного закрепления традиционных духовно-нравственных ценностей (пока на уровне доктринального документа), что невозможно не приветствовать в условиях почти тотальной девальвации нематериальных духовных устремлений среди молодежи: массовая культура российских исполнителей незаметно превратилась в агрессивное навязывание сексуальной распушченности, прагматизма и гедонизма. В результате возник целый спектр негативных тенденций, «бросающих» вызов национальной безопасности, прежде всего в области демографии и обороноспособности государства. Программа атомизации и деморализации россиян, осуществляемая при активной финансовой поддержке правозащитных организаций, избравших секулярный гуманизм сначала в качестве «отмычки» глубинных ментальных оснований российского общества, а затем используя его и в качестве «мины», разрушающей ментальный строй, оказалась успешной. Ни для кого не секрет, что ментальное оружие используется для осуществления «цветных революций» и ослабления суверенитета тех государств, которые противостоят однополярной глобализации. Так что вопрос о правовой защите традиционных ценностей требует обсуждения и решения.

Принятие Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» является важным этапом развития российской государственности и правовой системы с учетом ее социокультурной, цивилизационной самобытности. Думается, его принятие может считаться началом формирования новой правовой идеологии, в основе которой будет лежать не только верховенство прав и свобод человека и гражданина, но и иные ценности. Несмотря на то что Конституция РФ однозначно запрещает установление государственной или обязательной идеологии, преград для наличия в государстве общественной идеологии нет. Более того, существование такой идеологии вполне укладывается в концепцию «обще-

ственного договора», так как каждый договор предполагает согласие относительно базовых ценностей, тем более что общественный договор не может не основываться на них. В юридической литературе присутствует важный для обозначения базовых ценностей термин — «публичный порядок», который используется для решения вопроса о применимости норм иностранного права на территории Российской Федерации. Предлагается включить в объем этого понятия и перечисленные в вышеуказанном Указе, а также в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации традиционные духовно-нравственные ценности.

2. Исторические корни оговорки о публичном порядке связаны, очевидно, с древнеримским представлением о праве как об искусстве добра и справедливости. Запрет на злоупотребление правом, требование доброй совести и добрых нравов составляют важнейшую часть принципиальных положений гражданского права. Практически во всех современных государствах гражданское право опирается на принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления правом. В Новое время эти принципы были закреплены и в знаменитом Кодексе Наполеона 1804 года.

Поэтому исторически оговорка о публичном порядке представляет собой применение запрета на причинение зла обществу правом в случае правоотношений с иностранным элементом, когда возникает потребность применить нормы иностранного права. Нет особой разницы в запрете злоупотреблять правом при заключении сделки, исходя из автономии и свободы при формулировании взаимных прав и обязанностей, и ограничении действительной юридической силы тех норм иностранного права, применение которых повлечет нарушение публичного порядка. Иными словами, реализация норм иностранного права не должна причинять вред государству, обществу и конкретному человеку. При этом вред может иметь нематериальное измерение: например, духовно-нравственное, которое транслируется через добрые нравы.

3. Возникает вопрос, как в таком случае определить содержание публичного порядка? Если бы это была чисто правовая категория, смысл которой устанавливался исходя из действующих принципов права, то речь бы шла о нарушении национального внутригосударственного права, а не добрых нравов или общественного блага. Поэтому нельзя признать удовлетворительным подход, данный в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 2 июня 1999 года: «под публичным порядком следует понимать основные принципы, закрепленные в Конституции и законах РФ»³. В таком случае сделка, совершаемая с целью, заведомо противоречащей нравственности, признаваемая ничтожной, нарушает что-то иное, но не публичный порядок, который, согласно Президиуму Верховного Суда РФ, состо-

¹ Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор. Автор более 290 научных публикаций, в т. ч.: «Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд» (в соавт.), «Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект», «Институциональный анализ права: герменевтико-феноменологический аспект», «Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А. П. Лопухина (1852–1904)» (отв. ред.), «Правовая теология в контексте современного правового понимания» и др.

² Доклад подготовлен на основе статьи: Овчинников А. И. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа категории «публичный порядок» в современном правовом регулировании // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 4. С. 45–55. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228.

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 2 июня 1999 г. № 19-ПВ99ПР // Гарант : [информ.-правовой портал]. URL: <https://base.garant.ru/5656661> (дата обращения: 20.03.2023).

ит из норм национального права. В такой интерпретации нарушение публичного порядка представляет собой нарушение норм права, а не нравственности.

4. Полагаем возможным говорить об оговорке о публичном порядке, начиная с Конституции РФ, которая закрепила невозможность реализации субъективных прав в тех ситуациях, когда их осуществление влечет нарушение важнейших для общества и государства интересов. Можно сказать, что в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ также имеется оговорка о публичном порядке для внутреннего пользования. Прямо публичный порядок не называется, но вряд ли найдутся аргументы против отнесения к элементам публичного порядка основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обороноспособности и безопасности государства. Перечисленные ценности представляют собой определяемые Конституционным Судом РФ «публичные интересы (конституционно значимые ценности)». Для защиты указанных интересов/ценностей, в соответствии с этой статьей Конституции, федеральным законом могут ограничиваться права и свободы человека и гражданина. Указанные интересы/ценности ограничивают применение любых имеющих экстерриториальное значение норм иностранного права. Особо стоит обратить внимание на нарушение нравственности.

В законодательстве оговорка о публичном порядке используется, прежде всего, для правового регулирования правоотношений с иностранным элементом в Гражданском кодексе РФ, Семейном кодексе РФ, Гражданском процессуальном кодексе РФ и др. В тех случаях, когда последствия применения норм иностранного права явно противоречат публичному порядку Российской Федерации, суд не должен ее применять¹. Это положение относится и к исполнению решений, принятых иностранными судами.

В ст. 412 Гражданского процессуального кодекса РФ отказ в принудительном исполнении решения иностранного суда допускается, если исполнение решения может нанести ущерб суверенитету Российской Федерации или угрожает ее безопасности либо противоречит публичному порядку страны². Из данной нормы наглядно видно, что публичный порядок для законодателя — это не суверенитет и не безопасность, а нечто иное.

5. Можно ли говорить, что понимание публичного порядка должно опираться лишь на нормы российского права, на основы конституционного строя, принципы права? Думается, нет. Сама Конституция РФ оговаривает верховенство нравственности по отношению к определенным субъективным правам: как уже говорилось выше, согласно п. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо для

защиты нравственности, здоровья, обороноспособности, безопасности, основ конституционного строя и т. п. Представляется, что в данной статье перечислены некоторые составляющие публичного порядка.

Во-первых, исторически оговорка о публичном порядке строилась на признании важности защиты общественных интересов и добрых нравов, то есть духовно-нравственных ценностей. Не стоит забывать, что исторически термин «публичный порядок» («вырос» именно на понятии «добрые нравы»). Публичный порядок не был известен римскому праву, но было известно понятие «добрые нравы» (*boni mores*). Именно они и легли в основу ст. 6 Гражданского кодекса Франции.

Во-вторых, можно подумать, что принцип «осторожного применения» является международно-правовым и обязательным для всех. Опыт США и Великобритании свидетельствует об однозначно духовно-нравственной, моральной стороне толкования категории публичного порядка как довлеющей. Указание оппонентов на то, что это страны общего права и потому представления судов о морали и справедливости не могут рассматриваться в качестве основы публичного порядка в странах континентальной правовой семьи, не вполне состоятельно, так как и в России судьи обязаны руководствоваться своими представлениями о морали, совестью и правосознанием. Этот подход, воспринимающий судью в качестве безропотного алгоритма, является наследием юридического позитивизма XX века, и его следует признать устаревающим и ошибочным.

В-третьих, если в законе дается подробное определение публичного порядка, так называемая позитивная оговорка о публичном порядке, то возникает проблема разграничения сверхимперативных норм и оговорки о публичном порядке. Представляется, что именно сочетание правовых и неправовых оснований общественного или публичного порядка отделяет оговорку о публичном порядке от сверхимперативных норм. Наличие императивных и сверхимперативных норм признается и в международных документах: ст. 1.4 «Обязательные императивные положения» Принципов международных коммерческих договоров (Принципов УНИДРУА) гласит: «Никакие нормы настоящих Принципов не ограничивают применение обязательных (императивных) положений национального, международного или наднационального происхождения, которые подлежат применению в силу соответствующих норм международного частного права»³.

Представляется, что для правового регулирования оговорки о публичном порядке, а также в целях обеспечения национальной безопасности государства, в которой важнейшим элементом является в том числе и духовно-нравственная безопасность, крайне важно при использовании оговорки закрепить ссылку на традиционные духовно-нравственные ценности как элемент публичного порядка. Это важно еще и потому, что по-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/28079/?ysclid=lj066tb1v7892806982> (дата обращения: 20.03.2023).

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24 июня 2023 г.) // КонсультантПлюс : [справ.-правовая система]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/?ysclid=lj06e82y1r785285758 (дата обращения: 20.03.2023).

³ Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994) / пер. А. С. Комарова // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/printsiyu-mezhdunarodnykh-kommercheskikh-dogovorov-printsiyu-unidrua-1994/?ysclid=lj06uw4r4e924480196> (дата обращения: 20.03.2023).

нятие «общественная нравственность», используемая в юридических документах, давно нуждается в относительной конкретизации. Статья 1193 «Оговорка о публичном порядке» Гражданского кодекса РФ может быть изложена в следующей редакции: «Норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с правилами настоящего раздела, в исключитель-

ных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы публичному порядку Российской Федерации, его традиционным духовно-нравственным ценностям с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. В этом случае при необходимости применяется соответствующая норма российского права».

С. М. Оганесян¹

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА НА СОВРЕМЕННУЮ РОССИЙСКУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Глобализация — это процесс интеграции разных сфер жизни всего мира: политической, экономической, социальной, религиозной. В настоящее время процессы глобализации протекают очень активно, но выявление проблем началось только в 1970-х годах. Глобализация — это процесс бесконечного обмена информацией, товарами и культурой. Он развивает все сферы общественной жизни. Но также глобализация очень сильно влияет на государство, в частности на его суверенитет, потому что одни государства выясняют слабые места других, изучают менталитет народа, происходит утечка информации, что является угрозой экономической безопасности страны. В ходе политических разбирательств многие государства начали вводить санкции против нашей страны. Это отразилось на экономике России, ведь предприниматели утратили возможность использовать технологии и оборудование, которые поставлялись из других стран.

Серьезным препятствием к становлению правового государства и соответственно гражданского общества в современной России является распространение как среди государственных чиновников, так и среди обычных граждан правового нигилизма. Решение этой социально-правовой проблемы требует глубокого научного анализа природы правового нигилизма, его видов, форм, проявлений и определения методов борьбы с ним².

Для понимания сущности правового нигилизма необходимо разобраться, что вообще представляет собой нигилизм.

Категория «нигилизм» в философии права выражает субъективное отрицание и является специфически

негативным типом правосознания и мировоззрения по отношению к праву.

Например, советский лингвист, доктор филологических наук и профессор С. И. Ожегов в своем толковом словаре дал следующее определение: «Нигилизм — полное отрицание всего, полный скептицизм»³.

Само слово «нигилизм» латинского происхождения. В переводе оно означает «ничто» и в науке используется для обозначения такого явления, как отрицание существующих в обществе культурных ценностей, норм, правил, в пределе — отрицание всей культуры. Соответственно правовой нигилизм — это отрицание правовой культуры, права как способа регуляции поведения людей, несоблюдение законов и вообще противоправное поведение⁴.

Правовой нигилизм может быть сознательным убеждением и даже мировоззренческой (идеологической) позицией, а может быть и бессознательным проявлением усвоенных в процессе социализации противоправных форм мышления и поведения. Для нигилизма характерно интенсивное, категоричное и бескомпромиссное отрицание с преобладанием субъективного, обычно индивидуального начала. Таким образом выражается откровенно преувеличенное сомнение в известных принципах и ценностях. При этом обычно избираются такие способы действия, которые граничат с антиобщественным поведением, нарушением норм морали и права.

У выдающегося русского историка В. О. Ключевского читаем: «Не я виноват, что в русской истории мало обращают внимания на право: меня принудила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права. Своиственные европейским народам идеи права, свободы, справедливости в России всегда были роскошью ума, доступной немногим головам, как дорогой французский кафтан или парик был доступен немногим карманам»⁵.

Нередко право, закон воспринимаются не просто как исходящие от государственной власти, но и как выражающие исключительно ее интересы, которые противопоставляются интересам всего общества. Хотя та-

¹ Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий (Гатчина), доктор юридических наук. Автор ряда научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Пенитенциарная система в механизме Российского государства: историко-теоретический аспект» (в соавт.), «Вещное право» (в соавт.), «Правосознание и его отличие от правовой культуры», «Ситуативная законность» и законность теоретическая: грани соотношения» (в соавт.), «Теоретическая и практическая значимость органической теории происхождения и сущности государства и права для современной цивилизации» (в соавт.), «Сравнительно-правовой анализ активного избирательного права осужденных к лишению свободы» (в соавт.), «Становление националистического движения в Эстонии и ликвидация уголовного бандитизма на ее территории в послевоенный период с 1945 по 1956 год» (в соавт.) и др.

² Бондарев А. С. Правовой нигилизм — форма антикультуры личности // Вестник Пермского университета. 2001. № 2. С. 21–43.

³ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов, терминов и выражений / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование, 2015. С. 437.

⁴ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 412.

⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории: полное издание в одном томе. М.: Альфа книга, 2009. С. 1004.

кое миропонимание как минимум является спорным, нельзя отрицать и того, что в реальной жизни существуют примеры подобного отношения государственной власти к общественным интересам. Здесь просто возникает ситуация с неполной индукцией, когда частные случаи начинают считать общей нормой и выражением сущности явления¹.

Случается даже, что закон становится орудием преступной власти, как это происходило, например, в нацистской Германии, когда целые категории населения оказывались лишены прав на совершенно абсурдных основаниях. При таком развитии событий трудно сохранять уважение к праву. Если подобного рода ситуации существуют долгое время, то негативное отношение к праву делается привычным, становится отличительной чертой менталитета².

В истории нашей страны также есть примеры, когда действовал не закон, а «телефонное право» или его более ранние аналоги. В такой ситуации у населения нашей страны не могло возникнуть уважительное отношение к праву. Напротив, формировалось представление о бессилии закона, что является одним из основных источников появления правового нигилизма.

Важно не только существование хорошего законодательства, но и его неукоснительное соблюдение. В тех западных странах, где правовой нигилизм развит намного меньше, чем у нас, люди точно такие же, многие из них с удовольствием нарушили бы закон, но стремление к его всемерному соблюдению делает такое поведение невыгодным. У нас же нередко ситуация прямо противоположная: соблюдение закона ставит человека или организацию в невыгодное положение.

Само по себе право не является средством от всех бед, оно может служить как для охраны личности, так и для попрания всех ее прав, примером чего является тоталитарное государство³.

Однако правовой нигилизм получает мощный стимул к существованию не только во времена всеобщего (тотального) контроля, но и в периоды хаоса. Примером может служить наша страна, которая в конце XX века пережила крушение прежней социально-политической системы и болезненное формирование новой. В эти «лихие» (а для кого-то и «святые») 1990-е закон очень часто не соблюдался, хотя уже и по другим причинам. Это приводило к тому, что даже законопослушные граждане переставали верить в право и становились носителями сознания правового нигилизма. Яркий пример такой ситуации этого периода дан в известном фильме «Ворошиловский стрелок».

Конституция неоднократно нарушалась. В подтверждение сказанного можно привести слова С. А. Филатова, российского государственного, политического деятеля, который являлся руководителем администрации Б. Н. Ельцина: он говорил, что «президент часто обходил законы, которые его по тем или иным причинам не устраивали. Первый человек государства должен, прежде всего, соблюдать Конститу-

цию, это его главная обязанность. Но он не только этого не делал, но нередко игнорировал или нарушал ее»⁴.

Причины такой ситуации многообразны — от низкой исходной правовой культуры населения до «злой» воли отдельных людей, которые отвечают за соблюдение закона в стране. «Трудно сказать, была ли такая ситуация неизбежной для нас, но в любом случае нормальной ее назвать нельзя, и такое положение вещей нужно было в корне менять»⁵.

Еще одна причина правового нигилизма — сепаратистские тенденции. Отдельные национальные республики противостояли федеральному центру. Они издавали законы, которые противоречили федеральному законодательству. У простых людей это вызывало стресс и не способствовало формированию позитивного отношения к праву как средству регулирования жизни⁶.

В целом можно увидеть связь между кризисным состоянием общества и правовым нигилизмом, и она вовсе не случайна. Право не является естественным феноменом, юридические законы не действуют самостоятельно, как законы физики. Право действительно только в тех случаях, когда люди следуют ему, уважают его. Без усилий людей право погибает, остается пустой фикцией. А в кризисные периоды развития общества именно это и происходит. Парадокс этого в том, что кризисная ситуация в обществе способствует разрастанию правового нигилизма, а тот, в свою очередь, мешает обществу выйти из кризиса⁷.

К сожалению, в нашей стране в постсоветский период сложились такие условия, которые не благоприятствуют развитию правовой культуры. Хотя формально наша страна идет по западному пути развития, строит правовое государство, отечественная действительность зачастую похожа на реалии дикого Запада, характерные для Америки позапрошлого века.

Борьба с правовым нигилизмом является насущной задачей любого общества, особенно нашего. Причина этого проста: в современном государстве именно право является основой существования людей, поэтому и современное государство имеет название правового, что подчеркивает этот момент. Соответственно, если в обществе доминирует правовой нигилизм (или даже просто значительно распространен), то и государство не может быть в полной мере современным, полноценным⁸.

Поскольку причины и проявления правового нигилизма разнообразны, то и борьба с ним также должна быть разносторонней, направленной на все его формы. При этом нельзя ожидать, что она сразу же увенчается полной и окончательной победой, но даже частичные успехи в этой борьбе следует считать важным достижением. Только долгая, постепенная и последовательная

⁴ Филатов С. Плоды правового нигилизма // Независимая газета : [сайт]. 1998. 28 авг. URL: <http://www.ng.ru/archive> (дата обращения: 09.04.2020).

⁵ Гозин А. А., Литинский Д. А., Малько А. В. Теория государства и права. М. : Проспект, 2020. С. 226.

⁶ Там же.

⁷ Певцова Е. А. Правовое воспитание как средство формирования правовой культуры // Современное право. 2016. № 8. С. 48.

⁸ Лимонов В. А. Особенности развития политической культуры и правового сознания российского общества в XX веке. М. : Наука, 2016. С. 58.

¹ Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург : Уральский ученый, 1996. С. 46.

² Клаустин Б. Г., Клямкин Ч. М. Либеральные ценности в сознании россиян. М. : Инфра-М, 2016. С. 67.

³ Там же.

борьба с правовым нигилизмом может привести к его исчезновению¹.

Среди первоочередных действий, способствующих устранению правового нигилизма в нашем обществе, можно отметить следующие:

— согласование законов всех уровней, устранение существующих между ними противоречий, снижающих уважение к закону и позволяющих совершать противоправные действия;

— обеспечение торжества законности и отсутствие перегибов в деятельности правоохранительных органов;

— борьба с волонтаристским стилем управления: все решения должны приниматься только на основе закона;

— постоянное совершенствование механизмов реализации правовых норм с опорой прежде всего на правовые процедуры;

— активное наступление на противоправные поведенческие установки в СМИ, против нарушений и за всеобщее послушание закону (начиная с верхних эшелонов власти)².

В борьбе с правовым нигилизмом не следует ограничиваться только лишь государственными действия-

ми. Необходимо активно подключать к этой борьбе гражданское общество в лице различных общественных объединений, церкви, семьи и т. д.

В 2008 году Президент России Д. А. Медведев в своем первом Послании Федеральному собранию РФ подчеркнул справедливость таких рассуждений: «В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем — как помеха для укрепления государственного могущества»³.

В современном мире демократия, права человека — это главные, определяющие ценности социального бытия. Государство призвано всеми имеющимися в его распоряжении силами способствовать тому, чтобы эти ценности находили максимальное воплощение в жизни как общества в целом, так и отдельного человека. Каждый человек должен ощущать свою ценность, его основные (базовые) права должны быть полноценно защищены и обеспечены⁴.

П. А. Оль⁵

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВ ПРАВА

Любая глобальная трансформация является глобальной как по своей масштабности, так и по глубине своей необратимости. Кроме того, на динамику социальных изменений существенным образом влияет научно-технический прогресс. Иногда нам кажется, что все глобальные изменения в основе своей связаны с глобальной информатизацией, цифровизацией, развитием технических средств коммуникации, вооружений и т. д. Но истоки происходящих глобальных изменений следует усматривать, прежде всего, в социальной природе самого человека, которая проявляется как воля к общению и согласию, как расположение к сотрудничеству и кооперации.

Однако при этом всегда существуют и возникают противоречия интересов. В какой-то момент с очевидностью проявляется конфликт между индивидуальны-

ми и коллективными жизненно-важными потребностями. В этих ситуациях снятие противоречия происходит почти на чувственном уровне, когда человек оценивает саму возможность своего существования вне коллективных отношений и норм. Принцип коллективизма, таким образом, является одной из фундаментальных витальных ценностей для всего человеческого сообщества. На этом принципе основывается само понятие социальной нормы, которую невозможно представить без коллектива. На этом принципе строятся и международные отношения, в которых он выступает, например, как принцип коллективной безопасности.

В глобальном масштабе конфликт индивидуального и коллективного начал проявляется в чрезмерном преувеличении одного из них в международных отношениях. При этом обостряется вопрос о том, каким именно образом глобальные институты должны выражать коллективные и индивидуальные интересы субъектов международных отношений. Актуализируется также необходимость понимания того, на основе императивного подчинения или на основе принципа автономии воли будет выстраиваться вся глобальная система отношений.

На настоящий момент очевидно продолжающееся разрушение колониальных основ в международных отношениях. Международная система долго и медленно переходит от «императивного» к «диспозитивному» способу образования не только норм, но и самих институтов глобального нормообразования. При этом высшей формой такой коллективной организации сегодня является Организация Объединенных Наций,

¹ Лимонов В. А. Указ. соч.

² Арановский К. В., Князев С. Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. М.: Проспект, 2017. С. 83.

³ Послание Президента РФ Федеральному собранию от 5 ноября 2008 г. // Парламентская газета. 2008. 6 нояб.

⁴ Хачатуров Р. И. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества в России. Казань: Мир, 2015. С. 56.

⁵ Профессор кафедры теории государства и права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Государство, общество, личность: проблемы совместимости» (в соавт.), «Правопонимание: от плюрализма к двуединству», «Плюрализм и типология правопонимания в российской юридической доктрине», «Генезис и смысловая эволюция содержания термина „нация“ (историко-правовой аспект)», «Правовая реальность как социальный феномен и научная категория» и др.

а высшей правовой нормой — Устав этой организации. Такая политико-правовая форма стала в определенный момент истории средством снятия противоречий в международных отношениях. Посредством такой формы отношений нивелировалось возможное устремление каждого субъекта международного права к крайнему проявлению индивидуализма в глобальном мире, глобального эгоцентризма и безумного устремления к мировому или региональному доминированию. Таким образом, обеспечивалась определенная стабильность международных отношений после мировой войны через баланс интересов. Собственно в этом и проявляется основная ценность всей международной правовой формы как способа коллективного сосуществования.

Очевидно, что сегодня эта международная правовая форма отношений целенаправленно разрушается посредством волевых, политически мотивированных решений, принимаемых недобросовестными исполнителями условий «глобального договора». Это, безусловно, открывает путь к глобальному доминированию, о котором сегодня все так много говорят. Там, где происходит злоупотребление правом, и тем более там, где оно нарушается, отношения между субъектами политической воли выходят за рамки правового регулирования, а политика продолжается другими, уже не правовыми средствами. При этом в интересах глобальных финансово-экономических и промышленных групп используются национальные государственные институты и правовые системы, попавшие под их контроль. Конгломерат этих групп и механизм управления ими политологи определяют еще как «глубинное государство».

Вместе с тем существующая сегодня международная правовая система, основанная на понятном принципе коллективизма, все еще препятствует навязыванию подменяющего правопорядок «порядка, основанного на правилах». Но являясь объективным препятствием на пути к глобальному доминированию, международная правовая система в современном своем состоянии явно неудовлетворительно выполняет основную свою функцию по снятию противоречий в международных отношениях. Конфликт интересов обостряется и проявляется не только на уровне национальных правовых систем и семей. Налицо врожденный конфликт правовых концепций и национальных правовых доктрин. Именно на этом уровне речь идет об основополагающих началах и идеях человеческого сосуществования и соответствующего восприятия права.

Достигшая своего расцвета глобальная финансово-экономическая и промышленная олигархия, ломая международную правовую форму отношений, еще агрессивнее начинает встраивать корпоративные интересы в национальные правовые системы. Прежде всего меняются основы конституционного строя государств, которые являются мировоззренческими по своей сути. Далее «по писку» изменяются основы каждого отраслевого законодательства. В рамках национальной правовой системы и по отношению к национальным интересам это является своего рода злоупотреблением международным и национальным правом в интересах третьих лиц. При этом, учитывая силу политического

воздействия и масштабы проникновения, вполне можно говорить не об использовании, а о самом настоящем применении международного и национального права в интересах недружественных стран.

Но также очевидно и то, что все эти противоправные устремления со стороны одного или нескольких участников отношений встречают неприятие со стороны других субъектов международного общения. На уровне общественного сознания вполне адекватно воспринимается то, что «общечеловеческие ценности» сначала оказались не общими, потом эти ценности стали носить антирелигиозный характер, а теперь они вступили в конфликт с тем, что принято называть нравственными устоями общества. По сути, возникла смысловая коллизия норм, называемых правовыми с традиционной религиозной нравственностью, со здравым смыслом и научным знанием. В конкретных частных интересах формулируется социально-деструктивное правило, которое легитимируется принадлежностью к «общечеловеческим ценностям» или посредством государственного авторитета. Но, по сути, речь идет о подмене воли простого большинства и является фактически нелегитимным принуждением. Злоупотребление правом стало настолько очевидным, что существенным образом подрывается авторитет самого права как социального регулятора, чего категорически сейчас нельзя допустить хотя бы в масштабах национальных правовых систем.

Вместе с тем очевидно, что происходит целенаправленное изменение общественного правосознания в сторону его атомизации, а правосознание личности, соответственно, изменяется в направлении индивидуализации. Для этого хорошо подходят, например, положения либеральной доктрины, которые закладываются в основу национальной правовой идеологии и национальной доктрины права. В правосознании общества и личности целенаправленно создается перекокс в пользу превалирования ценностей индивидуализма над коллективными ценностями. Такое «правопонимание» при отсутствии практических ограничений естественным образом ведет к разрушению основ коллективного сосуществования. При этом создаются все условия для построения таких нормативных механизмов воздействия на общественное сознание, которые противодействуют коллективным интересам.

В свою очередь коллективизм, как основа нравственности, должен пронизывать человеческое правосознание уже на чувственном, психоэмоциональном уровне. Именно на восприятии коллективных интересов основывается и само человеческое понимание справедливости. Вытравить вообще из правосознания такой компонент, как чувство коллективизма, — это значит убить в правосознании не только само право, но еще и сознание. Поэтому здесь речь явно должна идти о каком-то социально-справедливом балансе индивидуального и коллективного начал.

Представляется, что культ индивидуализма должен смениться культурой коллективизма не только в идеологическом плане, но и в практике правотворчества. На всех уровнях правосознания коллективизм должен восприниматься как общий принцип правового регу-

лирования. Коллективные интересы, соответственно, должны восприниматься как высшая нравственная ценность при разрешении конфликта между коллективными и индивидуальными интересами правовым путем. Ценность права велика тогда, когда оно осознается обществом как государственная нравственность, а го-

сударство воспринимается как нравственное, то есть справедливое или правовое. Но если правовое регулирование как выражение публичной политической воли не согласуется с ключевыми положениями нравственности коллективизма, то возникает реальная угроза национальной безопасности.

В. П. Очердько¹

РОССИЙСКОЕ ПРАВОСУДИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Современный мир вступил в эпоху глобальных трансформаций. Этот процесс охватил практически все сферы жизнедеятельности: экономику, культуру, политику, право. Широкомасштабные глобальные трансформации в области права затрагивают практически все сферы правовой действительности. Многие устоявшиеся правовые институты эволюционируют — в том числе, на наш взгляд, российское правосудие, оказавшееся в условиях глобальных трансформаций в сфере права перед серьезными вызовами.

Становление современной модели российского правосудия осуществлялось в конце XX века в контексте развития глобализационных процессов и в рамках общей трансформационной волны под названием «вхождение в цивилизованную семью европейских народов». Осуществлялась активная работа по инкорпорации российского правосудия в общеевропейское правовое пространство. Была определена задача формирования общего пространства правосудия России–ЕС в составе пространства свободы, безопасности и правосудия². Усилия по решению этой задачи определили элементы российского правосудия: конфигурацию судов, процессуальные механизмы, статус судьи.

Европеизация российского правосудия является, на наш взгляд, наиболее успешной по сравнению со становлением других социально-правовых институтов в стране. В результате российское правосудие не только соответствует признанным в мире институтам правосудия, но во многих элементах их превосходит³.

Созданными по европейским образцам институтами российское правосудие олицетворяло исторический

европейский выбор. Судебная практика была призвана обеспечивать экономическое развитие страны на заявленных принципах.

Правовой реальностью на протяжении последних десятилетий стало широкое использование бизнесом западной юридической инфраструктуры, прежде всего англосаксонской. Ярким примером ущербности сложившейся системы явилась реальная ограниченность юрисдикции отечественных судов в отношении российских юридических лиц. Еще в начале 2010-х годов отмечалось, что крупные российские компании заключают по российскому праву не более 10 % значимых для их деятельности сделок. Вполне естественно, что высказывались опасения по поводу угроз правовому суверенитету России⁴.

Эти процессы со всей наглядностью показывают ограничения, заложенные в существующей модели глобализации. Глобализация связана с преодолением многих противоречий. Вместе с тем она порождает свои проблемы, не способствует преодолению существующего в мире неравенства, более того, ведет к его росту⁵. Это порождает разочарования и снижает доверие, является фактором потенциального углубления конфликтов в мире. Наиболее предметное воплощение этих конфликтов — конфронтация России и Запада.

Начиная с середины 2010-х годов произошло резкое обострение уже давно назревавшего разрыва во взаимоотношениях России с Западом практически во всех областях. В сфере права разрыв проявляется в разрушении общего правового пространства, его фрагментирования. Разрушение общего правового пространства является наглядным примером фрагментации действий сообщества в условиях интегрирования глобальных проблем современного мира и характеризует глубокую трансформацию права.

Можно назвать несколько конкретных проявлений эрозии общего правового пространства. Прежде всего это приняты западными странами широкомасштабных ограничительных мер в отношении России, которым

¹ Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Безопасность хозяйствующего субъекта: опыт экономико-правового анализа» (в соавт.), «Институционально-правовые проблемы экономического развития России», «Развитие судебных органов интеграционных объединений на постсоветском пространстве», «Характерные черты и проблемы высшего юридического образования в России», «Отделение судебной власти от исполнительной власти: исторические перипетии российской модели. Часть III. Место суда в политико-правовой системе Советской России», «Правовое государство и судебная власть: расхождения в контексте обновленной Конституции РФ» и др. Лауреат премии им. М. В. Ломоносова в области науки, образования, культуры и искусства.

² Очердько В. П. Общее пространство правосудия Россия–ЕС: определение перспектив или констатация неопределенности // Вестн. С.-Петерб. юрид. акад. 2012. № 3 (16). С. 11–15.

³ Российская газета. Федер. вып. 2020. № 250 (8304).

⁴ Конкуренция юрисдикций: Суверенитет на 10 % // Ведомости : [сайт]. URL: <https://epam.ru/ru/media/view/gazeta-vedomosti-publikuet-statu-dmitriya-afanaseva-o-nedoverii-rossiiskih-kompanii> (дата обращения: 05.06.2022).

⁵ António Guterres: Read the UN Secretary-General's Davos address in full // World Economic Forum : [сайт]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/01/these-are-the-global-priorities-and-risks-for-the-future-according-to-antonio-guterres> (дата обращения: 05.05.2023).

придается правовой характер и свойства экстерриториальности. В целом под санкциями к апрелю 2023 года оказались более 12 тыс. юридических лиц¹. Осуществлено масштабное ограничение российского бизнеса в доступе к юридическим услугам ЕС. Это создает серьезные помехи не только бизнесу, но и российскому правосудию, прежде всего его организации.

Разрушается механизм взаимного признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений и оказания правовой помощи между государствами. В недружественных странах он подчиняется санкционным ограничениям, действующим в месте исполнения акта.

Важное значение имеет разрушение общеевропейского гуманитарно-правового пространства. Основой его является, как известно, Европейская декларация прав человека и основных свобод, а главным органом, его создающим, — Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), постановления которого становились частью российской правоприменительной практики. ЕСПЧ — прецедентный институт, и российские суды должны были учитывать также правовые позиции ЕСПЧ, принятые в отношении других государств — участников Конвенции. Исключение России из Совета Европы и выход нашей страны из-под юрисдикции ЕСПЧ с 1 сентября 2022 года разрушил этот механизм.

Российское правосудие находится в поисках ответов на эрозию правового пространства. Принципиально важно отметить, что этот поиск осуществляется в контексте общей государственной политики «разворота России на Восток», формирования новой модели хозяйственного развития.

Можно выделить несколько намечающихся ответов российского правосудия на возникшие вызовы. На фоне усиления санкционного давления развивается суверенизация российского правосудия. Подчеркнем, что невозможно, более того, контрпродуктивно говорить о преодолении его европейского содержания, которое имеет глубокие основания в виде общей правовой традиции и принадлежности к континентальной мировой модели судебных систем.

В первую очередь необходимо отметить создание конституционных оснований суверенизации российского правосудия. Таковые даны в конституционном нововведении, которое определяет Конституционный Суд РФ в качестве последней инстанции в решении спорных вопросов исполнения решений межгосударственных органов, иностранных или международных судов (арбитража). Это создает конституционно приемлемый способ исполнения таких решений Россией при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции РФ в российской правовой системе.

В связи с прекращением членства России в Совете Европы и выходом из-под юрисдикции ЕСПЧ национальному правосудию необходимо еще более активно использовать как внутригосударственные, так и межгосударственные механизмы защиты основных прав

и свобод человека. Обсуждаются различные идеи по формированию Евразийского суда по правам человека как альтернативы ЕСПЧ.

Происходит суверенизация юридического сопровождения судебной защиты прав и законных интересов российского бизнеса, который существенно ограничен в доступе к «западным» юридическим услугам. Завершился уход с российского рынка международных юридических фирм, изменился англосаксонский облик российского юридического бизнеса в высших звеньях. При этом необходимо, чтобы суверенизация этого рынка не привела к ухудшению стандарта оказания правовых услуг как важного фактора высокого уровня судебной защиты прав хозяйствующих субъектов.

Формируются новые инструменты судебной защиты прав и интересов российского бизнеса. Западные санкции и российские меры противодействия им повлекли за собой введение многих нестандартных правовых норм, развитие судебной практики по защите интересов отечественного бизнеса.

Основополагающее значение имеет юридическая квалификация ограничительных мер со стороны западных стран и ответных ограничительных мер России, и в этом важную роль играют высшие судебные органы РФ. Конституционный Суд Российской Федерации определил ограничительные меры, введенные иностранными государствами в отношении России и российских лиц, как незаконные, их соблюдение российскими и иностранными лицами может рассматриваться как недобросовестное, нарушающее публичный порядок РФ, а в определенных сферах и противоправное поведение. Верховный Суд РФ, в свою очередь, указал, что ответные ограничительные меры России не считаются нарушением международных обязательств, равно как и положений российского права.

На основании сформулированных правовых оценок вырабатывается судебная практика по защите российского бизнеса.

В российском правосудном пространстве появляются новые правовые сущности — «недружественные» страны. Это понятие активно используется в качестве нового аргумента в судебных спорах. Исковые требования компании из недружественной страны предлагается рассматривать как злоупотребление правом. Уже есть судебные решения, признающие аргумент (дело «Свинки Пеппы»). Обозначился другой подход — аргумент неприменим, страна регистрации не отнимает права субъекта на судебную защиту. Перспективы использования нового понятия определяются формированием правовых позиций Верховного Суда РФ.

Определенным ответом на санкции против российских юридических лиц стало введение национальных защитных норм, распространяющих исключительную компетенцию российских государственных судов на определенные виды споров и стороны, затронутые ОЭМ. Создана идеологическая и нормативная основа формирования судебной практики переноса рассмотрения дел в российскую юрисдикцию. Такие судебные решения уже принимаются.

В заключение можно сформулировать несколько положений. Нарастающая конфронтация между Рос-

¹ Санкции набирают ход // Коммерсантъ : [сайт]. 2023. 10 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5925887> (дата обращения: 05.05.2023).

сией и Западом, сопровождающаяся разрушением экономических связей и эрозией общего правового пространства, является серьезным вызовом для российского правосудия. Направления и масштабы этого воздействия еще не до конца определены.

Российское правосудие находится в поиске ответов на эти вызовы. Судебная практика в условиях существенной дискреции судов формируется весьма противоречиво. Алгоритмы по разрешению споров в новых нестандартных условиях разрабатываются в зна-

чительной мере ситуативно и основываются на таких оценочных категориях, как справедливость, соразмерность, добросовестность участников хозяйственного оборота.

Развитие российского правосудия осуществляется в контексте общей государственной политики «разврата России на Восток», формирования новой модели хозяйственного развития. Выработка адекватной судебной практики выступает элементом глобальной трансформации права.

Н. А. Петрова¹

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ ОТРАСЛИ НА САМОИДЕНТИФИКАЦИЮ НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В СТРАНАХ-УЧАСТНИЦАХ ЕАЭС²

Институты семьи и брака появились в обществе еще до возникновения государства. Исходя из разницы в менталитете, национальных традиций и обычаев, шло формирование и отрасли семейного права в каждом конкретном случае. И вместе с историческим развитием отрасли, с пониманием того, как функционируют на каждом историческом этапе институты семьи, брака, материнства, отцовства и детства, менялось и представление личности о том, какое место она занимает в рамках регулирования данного вида отношений.

Наиболее наглядно влияние исторического развития отрасли семейного права заметно на примерах различных государств, которые, тем не менее, имели в какой-то период и общее прошлое. Так, например, для этой цели подойдут страны-участницы Евразийского экономического союза. На примерах Беларуси, Армении, Казахстана, Кыргызстана и России очевидна разница менталитетов в части брачно-семейных отношений.

В Беларуси дореволюционное семейное право находилось под влиянием близлежащего Литовского княжества. Именно оттуда было заимствовано большое количество нормативных правовых актов, а некоторые из них действовали и в то время, когда Беларусь уже вошла в состав Российской империи³.

¹ Юрисконсульт, преподаватель кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Роль судебных органов при разрешении практических проблем применения советского законодательства об алиментных обязательствах», «Особенности развития института алиментных обязательств в советском праве», «Векторы развития семейного права государств постсоветского пространства: традиции и инновации», «Сравнительный анализ семейных кодексов бывших республик Советского Союза и перспективы развития семейного права в Евразийском регионе», «История алиментных обязательств в советский период в работах иностранных исследователей», «Понятие, характеристика и структура алиментных обязательств: сравнительный анализ советского и современного понимания» и др.

² Доклад подготовлен при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта 22-28-01346.

³ Рутман Е. Я. Права и интересы ребенка в гражданском и семейном законодательстве Республики Беларусь: страницы истории // Юридические науки. 2007. № 6. С. 56.

Армения, Кыргызстан и Казахстан шли по собственному пути развития отрасли, ориентируясь на национальные традиции и обычаи. Долгое время в Армении действовало церковное право и местные обычные нормы⁴, в Кыргызстане до сих пор, несмотря на наличие семейного законодательства, сильно влияние обычаев и традиций (конечно, они применяются не повсеместно, но обряд похищения невесты и придание слову родителей силы закона для данного государства — довольно распространенные явления)⁵, в Казахстане семейное право и вовсе в дореволюционное время не выделялось в отдельный пласт отношений: семейные отношения были частью обычного права. Семейное право в России также изначально подвержено влиянию церковных источников и традиционному укладу жизни, однако с появлением Сената и Синода роль церкви в регулировании семейно-правовых отношений ослабевает.

Именно из-за столь тесной связи отрасли на первых этапах ее развития с традициями и обычаями народов мы можем говорить о сильнейшем воздействии самой отрасли и ее изучения на мировоззрение и сознание личности. Приведенные примеры показывают, что в государствах мусульманской правовой системы роль супруги практически сводилась к тому, что она являлась имуществом мужа, и в национальной традиции это было абсолютно нормальным явлением. В Армении в силу раннего принятия христианства (считается в 301 г.) неоспоримо было влияние церкви на сознание народа. В России до принятия христианства в «Повести временных лет» уже упоминаются некоторые принципы семейного права, которые являются основополагающими для отрасли (например, сожителство родственников как обстоятельство, препятствующее заключению брака).

⁴ Кирилленко В. П., Андреева Е. С. От традиции — к праву: становление семейного права Армении // Управленческое консультирование. 2014. № 7 (67). С. 127.

⁵ Шаршембиева Н. Т. История и развитие правового регулирования личных неимущественных семейных отношений в Кыргызской Республике // Вестник экономики, управления и права. 2018. № 3 (44).

С распадом СССР вновь образованные государства начали формировать свое национальное законодательство. И это законодательство учитывало те национальные особенности, которые были приняты еще в дореволюционный период. Россия, являясь правопреемницей СССР, приняла и перенесла многие нормы советского семейного законодательства в новый семейный кодекс, в то время как другие бывшие республики старались сформировать новую пра-

вовую основу семейных отношений на территории своих государств, которую можно было почерпнуть только из норм дореволюционных. Именно поэтому, несмотря на многие совпадения в части регулирования брачно-семейных отношений на территории бывших республик СССР, существуют и различия, которые опять же тесно связаны с разницей в менталитетах, вероисповедании, национальных традициях и обычаях.

В. Г. Петухов¹

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ, ЦЕННОСТЯХ И НРАВСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Право, ценности, нравственность и духовность являются основными критериями оценки здорового общества. Эти принципы базируются на вековых обычаях и традициях общества и развития государства. Развитие общественных отношений всегда было основой развития права с сохранением при этом обычаев и традиций. Формирование правоотношений строилось и должно строиться на изучении причин и условий, способствующих изменениям в обществе и государстве. Одно должно быть неизменно — законодательство создается в интересах народа, ради его защиты, благосостояния и развития.

Проведение специальной военной операции на Украине заставило нас очень серьезно задуматься о том, как формируются отношения в нашем обществе, в каком нравственном и духовном состоянии находится наше государство. Реальная угроза нацизма, нависшая над нами, по сути заставила нас снова защищать независимость нашей Родины и ее целостность. Восхваляя западные ценности, за многие годы мы разрушили исторически сложившиеся духовные и нравственные устои, созданные нашими предками. Во многом была принижена роль образования, науки, культуры, величия русского народа. Были попытки нивелировать наше чувство патриотизма, принизить роль нашего народа в Великой Отечественной войне.

¹ Начальник Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области (1999–2003). Федеральный инспектор Аппарата полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе (2003–2004). Судья Уставного суда Санкт-Петербурга (2005–2011). Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ, Почетный сотрудник МВД, действительный государственный советник Санкт-Петербурга 2-го класса, генерал-лейтенант милиции в запасе. Автор более 110 научных публикаций, в т. ч.: «Правовая культура как элемент национальной безопасности», «Перерожденное правосознание — самая опасная форма деформации правосознания личности», «Социальный контроль как важное звено системы права», «К вопросу о противодействии организованной преступности в современных условиях» и др. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отличную службу по охране общественного порядка», «За безупречную службу», «Ветеран труда», нагрудными знаками «За отличную службу в МВД», «За отличие в службе», орденом Республики Афганистан «За храбрость» и медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

Многие годы эти процессы происходили на идеологическом фронте, разваливая образование, создавая новые образовательные программы, оглупляющие нашу молодежь. Отсутствие романтики в образовательном процессе из-за возможности поступать сразу в пять высших учебных заведений, лишь бы получить высшее образование. Уничтожение профессионально-технических училищ, в результате чего на производствах не хватает станочников и других рабочих профессий. Образовательный процесс превратили в оказание образовательных услуг. Принизили роль учителя.

Теперь пришло осмысление. В образовательную систему снова вошло понятие образования как процесса воспитания и обучения. Хотя сами преподаватели еще не перестроились на новые образовательные стандарты с ключевым понятием «воспитание».

Сегодня мы снова все более активно говорим об идеологии, потому что события в стране очень ярко показали наши проблемы в нравственном состоянии общества. Некоторые личности, кого мы считали кумирами, покинули страну и поливают ее грязью. Но не все так плохо, потому что народ проявил готовность защищать свое Отечество и доблестно воюет с нацистами. Это потомки тех, кто защищал Родину в годы Великой Отечественной войны и отдал свою жизнь, чтобы новые поколения русского народа жили счастливо. Защита Отечества генетически заложена в нашем народе. Чтобы не было разночтений, под русским народом надо понимать великий, многонациональный и многоконфессиональный народ, пропитанный духом Родины.

Сегодня Президент Российской Федерации В. В. Путин сумел объединить все народности и национальности нашей страны в едином понимании Родины. Вернул в нас чувство уважения к себе как к представителям великого государства с великой историей, культурой и любовью к своей Родине. Мы перестали ориентироваться на Запад, который исторически никогда не желал нам добра, всегда видел в нас врагов и поэтому делал все, чтобы нас уничтожить. Не получилось идеологически, так он вновь обрушился на нас с войной.

Мы видим, как результаты тех лет падения сказались на правосознании определенных групп населения, на законодательстве и, естественно, на решении задач, которые стоят перед теми, кто должен исполнять и соблюдать законы.

Как учит нас теория государства и права — надо оценивать соотношение норм морали и права (мораль первична, а право вторично). Право является регулятором общественных отношений: политических, экономических, социальных и пр. Поэтому сегодня иногда возникает необходимость корректировки некоторых норм для успешного решения политических, экономических и социальных проблем.

Президент Российской Федерации В. В. Путин говорит о роли общественных объединений, таких как «Народный фронт», общественных палат регионов и других организаций, которые должны, увидев проблемы, предлагать их решение соответствующим органам государственной власти и управления.

Однако нельзя не отметить, что инициатива снизу не всегда находит поддержку сверху. И не потому, что она неправильная, а потому, что косность чиновников, а иногда отсутствие государственного подхода к решению поставленных задач оставляют хорошие предложения без внимания.

Практика показывает, чтобы была положительная реакция на конструктивные предложения, необходимо оценивать их исполнение как государственную необходимость и изучать причины и условия возникновения проблем. Кроме того, надо привлекать 19 действующих у нас контролирующих служб с полномочиями давать правовую, экономическую, экологическую и социальную оценку.

При решении задач отсутствует скоординированность в работе ведомств. Существует много нерешенных проблем в вопросах обеспечения безопасности, борьбы с коррупцией. Сегодня все чаще в средствах массовой информации мы видим сообщения о привлечении чиновников разных уровней и ведомств за хищения и взятки на очень крупные суммы, которые можно расценивать как подрыв экономической безопасности страны. Это правильно, но возникает вопрос, а где были наши службы, когда эти чиновники только запустили руку в государственный карман? Ситуация подталкивает к четырем путям решения этой проблемы:

- 1) подбор кадров с государственным отношением к работе;
- 2) усиление правоохранительной системы;
- 3) недопущение сращивания криминала с государственными органами, в том числе с правоохранительными;
- 4) включение в Уголовный кодекс отдельной статьи, предусматривающей ответственность за хищение государственного и общественного имущества, с ужесточением наказания за это правонарушение.

Особое внимание необходимо обратить на молодежные проблемы. Молодежь — это лакмусовая бумажка, которая впитывает все социальные проблемы

в стране. Возникают молодежные группы криминальной направленности, на которые мы часто не обращаем внимания, пока они не совершат тяжкие преступления. Это преступления в образовательных учреждениях, а также преступления, совершаемые школьниками и в отношении школьников. Примером тому служит большое количество сообщений о преступлениях, зафиксированных в средствах массовой информации и статистике. Учитывая, что преступность несовершеннолетних является латентной, мы и удельный вес рассчитываем из количества раскрытых преступлений, оставляя под вопросом нераскрытые.

Сегодня, даже не говоря о самих преступлениях несовершеннолетних, необходимо обратить внимание на участников правонарушений. Подсчет количества преступников среди учащихся образовательных учреждений в одном из регионов России за 2022 год показал 73 % от общего числа несовершеннолетних правонарушителей, а к этому еще надо добавить количество участников преступлений, которые совершили противоправные деяния до достижения возраста уголовной ответственности. Анализ показывает тенденцию омоложения преступности несовершеннолетних в образовательных учреждениях. Причина этого во многом заложена в отсутствии занятости определенного круга школьников в свободное от обучения время, в том числе в период летних каникул.

С точки зрения организации досуга в школах, безусловно, делается очень многое, но в основном это касается организованной части учащихся. Сегодня на фоне новых образовательных стандартов необходимо отдать приоритет воспитанию, усилить контроль за детьми из неблагополучных семей и с девиантным поведением. Включать в этот процесс службу МВД по делам несовершеннолетних и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, комитеты по делам молодежи, безопасности и правопорядку. В процессе работы с подростками формировать понятие героизма, кумира из образов людей, посвятивших свою жизнь служению Отечеству, науке, культуре и труду. Чтобы в ответ на вопрос: «Какой подвиг совершил Александр Матросов?» не прозвучал вопрос: «А кто такой Александр Матросов?» На вопрос: «Как вы оцениваете поступки генералов Карбышева и Власова?» не звучал ответ: «А мы этого не проходили».

В завершение хочу сказать, что право, ценности, нравственность и духовность в современных условиях, так же как и всегда, важны для формирования здорового общества, где не возникает вопрос любви к Отечеству, а это является смыслом жизни каждого гражданина нашей Великой Родины.

Настало время вернуться к старой стройной системе профессионального образования (школа, колледж — среднее специальное учебное заведение, высшее учебное заведение) для подготовки специалистов для промышленности, сельского хозяйства и других сфер экономики.

Е. В. Раевич¹

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУРЫ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В конце 1980-х годов произошло изменение тренда мирового развития. «Вашингтонский консенсус», в рамках которого была обоснована либерально-экономическая модель, через процессы информатизации и цифровизации привел к глобализации мирового общества. Экономические, политические и социокультурные изменения в большинстве стран мира наглядно демонстрируют наличие единого вектора развития современной цивилизации. В то же время в процессе так называемой гомогенизации мирового пространства происходит нарастание кризиса и нестабильности во всех сферах общественного бытия. Прежде всего это проявляется в экологических и демографических проблемах, экономическом кризисе, эскалации военных конфликтов в арабо-мусульманском регионе и в восточной части Украины. Особенно эти трансформации затронули глобализацию культуры — наиболее противоречивый и сложный аспект современной социодинамики².

В современном мире культура постоянно меняется под влиянием таких глобальных трансформаций, как технологические инновации, экономические и политические изменения, социальные сдвиги и экологические вызовы. Особого внимания заслуживают те аспекты изменения культуры, которые происходят в условиях этих трансформаций.

Технологические инновации. Технологический прогресс играет ключевую роль в изменении культуры и глобализации. Интернет и социальные сети позволяют людям из разных стран и культур обмениваться информацией, идеями и опытом. Это способствует распространению идеи глобального сообщества и созданию новых культурных форм. Один из наиболее актуальных трендов современного этапа развития ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) — создание нейросетей как особых моделей искусственного интеллекта, моделирующих работу аналитических механизмов головного мозга человека.

С появлением Интернета и смартфонов коммуникация стала быстрой и доступной для всех, но в то же время качественные показатели коммуникации значительно снижаются. Это проявляется в недостаточном межличностном общении между людьми, которые пе-

реносят большую часть коммуникации в пространство Интернета, зачастую деперсонифицируя и анонимизируя ее.

Образование также претерпело значительные изменения благодаря онлайн-курсам, дистанционному обучению и использованию искусственного интеллекта, что ставит под сомнение необходимость существования личности преподавателя, которые все больше превращаются из авторитетного источника знаний в простого куратора в поиске необходимой информации.

Технологии виртуальной и дополненной реальности создают новые формы искусства, развлечений и общения, приводя к появлению киберкультуры. Появляются целые направления в искусстве, созданные с использованием современных ИКТ, — цифровое и интерактивное искусство, МТ-искусство, которое продается в форме уникальных цифровых активов, используя технологию блокчейн. Каждый NFT является уникальным и неизменным цифровым активом, который может быть куплен и продан как любое другое искусство или коллекционная вещь. Появляются музыкальные произведения, созданные при помощи электронных инструментов, и многое другое. Однако такие новые формы цифрового искусства вызывают сегодня множество дискуссий, ставящих под сомнение их художественную ценность в связи с отсутствием авторства и аналогов в реальном мире, и поэтому не являются истинной формой творчества.

Современная культура сталкивается с новыми экологическими вызовами. Осознание экологических проблем и изменения климата приводит к росту экологической культуры, заботы об окружающей среде и устойчивому развитию.

Миграция и культурное разнообразие. Массовая миграция людей из разных стран и культур приводит к обогащению культурного разнообразия в глобальном масштабе и способствует созданию многообразия культурных форм и традиций.

Происходят существенные социальные изменения, появляются такие общественные движения, как феминизм и антирасистский активизм (движение BLM). Глобальное распространение информационно-коммуникационных технологий приводит к изменению социальной структуры общества. Помимо новых форм сетевой и виртуальной идентичности происходит расслоение общества по информационному признаку, то есть по уровню владения знаниями и информацией. Появляются понятия «информационная бедность», «информационное неравенство». Социальная стратификация приобретает новые очертания — деление общества происходит не по классовому признаку, а по уровню знаний и профессионализма. Бурный скачок ИКТ приводит к отставанию социального прогресса отдельных слоев населения от прогресса технологий. Эти слои по объективным причинам не могут полноценно участвовать в информационном обмене. Сюда относятся пожи-

¹ Старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета, кандидат философских наук. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Глобализация культуры — гомогенизация или становление разнообразия», «Глобализация и вызовы современной цивилизации», «Глобализация культуры: конвергенция или дивергенция», «Ценности и культурное многообразие в эпоху глобализации», «Проблема информационной безопасности в эпоху глобализации», «Дивергенция современных обществ как результат интегрального взаимодействия информационно-коммуникационных технологий и процессов глобализации», «Глобальное информационное пространство современности: естественное vs. виртуальное» и др.

² Раевич Е. В. Трансформация дискурса глобализации в современном социально-гуманитарном знании // Журнал Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 29–34.

лые люди, а также представители тех регионов, которые пока не достигли достаточного технологического развития, способствующего вступлению в новую эру информационной цивилизации.

Все вышеперечисленные характеристики глобализации культуры наглядно демонстрируют сложность и противоречивость данного процесса. На фоне становления глобального экономического, политического и социокультурного пространства наблюдаются обратные тенденции, которые свидетельствуют о том, что сближение мирового сообщества часто носит весьма условный характер. Но если в торгово-финансовом секторе и политической сфере глобализационные процессы способствуют усилению единства и взаимосвязи между людьми, то в сфере культуры это часто приводит к замещению традиционных, устойчивых форм культуротворчества иными, зачастую эпатажными, недолговечными и не содержащими глубинных смыслов аксиологическими и символическими формами духовной культуры. Это ведет к упрощению, архаизации, стагнации или в крайнем варианте — к разрушению и исчезновению отдельных локальных культур¹.

Рассматривая процесс социокультурной динамики в условиях глобализации, можно сделать вывод о том, что последняя становится в современных реалиях не фактором развития мирового сообщества, а скорее фактором раскола, дивергенции мировой цивилизации. Причиной дивергенции являются все параметры системной глобализации — экономический, политико-институциональный, культурный и др. То есть культурный аспект не является единственным фактором дивергенции, однако оказывает существенное, хоть и не прямое, а опосредованное, влияние. В сфере культуры процессы глобализации зависят от ИКТ, то есть речь идет о нелинейном воздействии культурной сферы на процессы глобализации.

Первые теоретические представления о глобализации рассматривали мировую культуру как синтетический феномен, в котором каждая национальная культура находится под влиянием других, формируя особую общечеловеческую культуру со своими специфическими ценностями, идеалами, социокультурными особенностями и стереотипами. Однако те негативные последствия, с которыми столкнулась мировая общественность в последние десятилетия, наглядно продемонстрировали, что идея единой «мировой культу-

ры» — слишком идеализированное допущение, и наличие дивергентных процессов указывает на невозможность создания единой общечеловеческой культуры. Тем не менее на протяжении всей истории человечества происходили синтез и транскультурация, однако наличие собственных традиций, культурных кодов, исторически сложившихся тенденций развития, вероисповедания не дает отдельным национальным культурам подчиниться единой логике развития и образовать глобальную мировую культуру.

Таким образом, изменение культуры и те глобальные трансформации, которые происходят сегодня, тесно связаны друг с другом. Новые технологии, экономические и политические процессы, социальные сдвиги и экологические вызовы оказывают значительное влияние на культуру и межкультурное взаимодействие в современном мире. Профессор В. В. Миронов проводит аналогию инфицирования организма новыми вирусами с процессами глобализации культуры, при которых неизбежно влияние «инородных» культурных тенденций: «Культура получает „инфекционное заражение“ через внедрение в нее культурных стереотипов, которые не вытекают из ее истории и особенностей функционирования. Впитывание порций однотипных «культурных инфекций» способно модифицировать всю человеческую культуру².

Происходит усиление тенденции локализации в условиях становления глобального социокультурного пространства. Это свидетельствует о том, что глобализация на современном этапе социодинамики становится фактором дивергенции мирового сообщества и проявляется в таких негативных явлениях, как сепаратистские и фундаменталистские движения, постоянно усиливающиеся военные конфликты (Сирия и Украина), Брексит Великобритании. Кроме того, дивергентные процессы в мире увеличиваются благодаря тем вызовам, с которыми сталкивается человеческая цивилизация на рубеже столетий: мировой финансово-экономический кризис, эколого-климатические проблемы, обостряющиеся параллельно с интенсивным технологическим развитием человечества, гуманитарный, ресурсно-сырьевой и энергетический кризисы, усиление терроризма. Эти вызовы современной цивилизации обостряются в эпоху глобализации, что позволяет сделать вывод о том, что именно глобализация не только форсирует, но и порождает многие из этих кризисных ситуаций³.

¹ Радевич Е. В. Основные тенденции социодинамики культуры в трансформирующемся дискурсе глобализации // Журнал Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2019. № 3. С. 41–46.

² Миронов В. В. Культурные метаморфозы, или Глобальный театр современной культуры // История и теория культуры : альманах / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2016. Вып. 1. С. 6–26.

³ Радевич Е. В. Социокультурные последствия глобализации как дивергентные факторы социальной динамики // Философия и социальные науки в современном мире : материалы Междунар. науч. конф. к 30-летию фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, Минск, 26–27 сентября 2019 г. / редкол.: В. Ф. Гигин (пред.) [и др.]. Минск, 2019. С. 244–247.

Р. А. Ромашов¹

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ценность — то, что имеет цену, то есть мера стоимости; ценный предмет.

В рациональном контексте ценность — это характеристика отношения к предмету со стороны субъекта, определяющего для себя оценочную стоимость материальной или виртуальной вещи и принимающего решение о готовности эту стоимость заплатить. При этом в том случае, если ценности у субъекта нет, он определяет цену ее приобретения, если же ценность находится во владении, то определяется цена ее удержания («при себе»). В качестве ресурсов, определяющих цену ценности, могут выступать деньги, власть, достоинство, свобода... иногда жизнь.

Понимание как самих ценностей, так и их ценовых эквивалентов зависит от типа общества и особенностей его социального устройства. В традиционном обществе складывается традиционная система ценностей. Для того чтобы традиция сформировалась, необходимо, чтобы представители трех возрастных поколений (деды—отцы—дети) жили в условиях непрерывной (традиционной) истории, относительно одинаково воспринимая систему сложившихся до них и существующих в «их время» ценностей. Следовательно, условием традиционного восприятия окружающего мира является его относительная неизменность в течение 60–80 лет и более.

В условиях глобальных трансформаций общество становится дискретным, традиционные связи разрываются, а новые традиции в условиях перманентных социальных деформаций попросту не успевают сложиться, вновь и вновь подвергаясь деструктивным изменениям. При этом не имеет существенного значения, осуществляются подобного рода изменения под девизом: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног...» или же руководствуются декларируемым «Возрождением исконных традиций», содержание которых раскрывается на уровне государственной пропаганды людьми, провозгласившими себя правопреемниками этих самых традиций.

Ценностная характеристика права предполагает два понятийных контекста:

— понимание и оценка ценности права как социального регулятора;

— понимание права как юридической формы внешнего выражения норм-ценностей, получивших свое законодательное закрепление в качестве общеобязательных и общеобязательных.

Представление о праве как о социальной ценности актуализирует проблемы типологии правопонимания, а также соотношения права и закона. В свою очередь

рассмотрение права как нормативной системы, включающей в том числе специализированные нормы-ценности, предполагает установление связи между законодательно определенными ценностями и национальной культурой, сложившейся в данном государстве, на данном историческом этапе. Причем большое значение имеет то, каким образом осуществляется типология государственной истории.

Для российской истории на всех ее этапах является традиционным отождествление типа государственной правовой системы с персонализированной фигурой российского государя, как задающего сам универсальный формат социально-политической организации — государьство, так и являющегося критерием исторической оценки «государственно-правовой эпохи»: «петровская, екатерининская, николаевская, ленинская, сталинская, брежневская, горбачевская, ельцинская...» При этом именно персонцентричность как основа исторической традиции российской государственности предопределяет ее дискретный (прерывистый) характер. Каждый «новый государь» самоидентифицируется и идентифицируется «ближним кругом» государственной элиты как «эпохальный творец новой истории новой России». При этом на каждом «новом историческом витке» обновляются и ценностное восприятие права как системы, и видение правовых ценностей.

Еще одной традицией, сложившейся практически одновременно с формированием российского централизованного государства, является идея биполярного мирового устройства, «поделенного» между двумя цивилизациями: «правильной» — Россией и «дружественными» ей странами и «неправильной» — коллективным Западом.

Противопоставление государственно-правовых систем России и Запада является традиционным именно в плане самого системного противопоставления. При этом основания «несводимости» названных систем изменяются под воздействием глобальных трансформаций.

Противостояние «Российская империя — Запад» основывается на «великом разрыве» христианства, обусловившем представление о России как о сакральном мировом центре православия («Москва — третий Рим»). Соответственно Запад, движимый идеей католичества, воспринимается в качестве «еретической культуры». В то же время монархическая Россия, выступая в качестве «жандарма Европы», претендовала на роль «гаранта мирового порядка», связывавшегося с монархической формой правления, патримониальным государственным устройством и феодальной экономической системой. В подобном понимании российская монархия ассоциировала себя с хранителем традиционных ценностей, основанных на незыблемости власти царствующей династии, ответственной в своем правлении только перед Богом и совестью находящегося на троне императора — «хозяина Земли Русской». Такой ценностный подход отрицал «новые цен-

¹ Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч.: «Правогенез» (в соавт.), «В поисках теории права» (в соавт.), «Юридическая конфликтология», «Поправки к Конституции России как форма конституционно-правовой инновации», «Политогенез: Храм—Пóλις—Государство—State», «Теория государства и права» и др. Эксперт Международного института мониторинга развития демократии Межпарламентской ассамблеи СНГ.

ности», привносимые революционной буржуазией. Отсюда неприятие на имперском уровне самих понятий «демократия», «права человека», «конституция» и т. п.

Советская Россия, «взяв на вооружение» систему ценностей, сложившихся в условиях государственно-правовой культуры либерально-буржуазного Запада, наполнила их собственным, качественным образом отличным от аутентичного содержанием. Системный конфликт России и Запада, основанный на религиозных несоответствиях, поменяв религиозные догмы на идеологические, не стал менее острым. В принципе то же самое произошло и в области геополитики. Поменяв статус «европейского жандарма» на «интернационального революционера», советская Россия сохранила традиционность в главном: осознании собственно права на осуществление геополитического курса, целью которого являлось формирование уже не европейского, а мирового порядка, основанного на коммунистических ценностных идеалах. При этом то, что советская Россия прямо отрицала монархическую — «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим...», — не меняло традиционного представления о государстве как об иерархической пирамиде, замкнутой на фигуре фактического российского государя. Перестав быть представителем царствующей династии, он просто сменил «политико-правовую технику восшествия на престол», став представителем неофициального, однако от этого ничуть не менее реального коллективного правительствующего органа государственной власти — Политбюро ЦК КПСС.

Так же как в императорской, в советской России позитивное (формально-юридическое) право рассматривалось как инструмент, создаваемый государством и используемый им в рамках государственной целесообразности. Соответственно и ценность права определялась в контексте его инструментальной оценочной стоимости. Что же касается ценностей в праве, то на их восприятие основное влияние оказывало системно-центричное правосознание, базирующееся на приоритете общественного, в первую очередь государственного, блага по отношению к индивидуальным, эгоистическим интересам: «Раньше думай о Родине, а потом о себе...», «Жила бы страна родная и нет других забот...» Ценность как самого человека, так и связанных с ним правовых категорий (свобода, достоинство, собственность и др.) определялась «государственными людьми» исходя из степени социальной полезности/вредности, которую конкретная человеческая личность представляет для Советского государства и советского народа.

Российская Федерация как автономная (суверенная) государственно-правовая система возникает в результате распада союзного государства СССР в 1992 году, поэтому содержание внесенной в 2020 году в Конституцию РФ поправки, в соответствии с которой «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное

единство» (ч. 2 ст. 67.1), следует рассматривать в качестве метафоричной.

Современное Российское государство, провозгласив себя на конституционном уровне правовым (ч. 1 ст. 1), тем самым, по сути, закрепило восприятие права как ценности более значимой, чем упоминаемая ранее «государственная целесообразность». Закрепление высшей юридической ценности и прямого действия основного государственного закона — Конституции, равно как и внедренная юридическая техника включения в правовую систему России международных договоров, принятия и исполнения Российской Федерацией решений международных судов при условии их непротиворечия Конституции (п. б ч. 5.1 ст. 125), позволяет говорить о возросшем на современном этапе ценностном восприятии права в целом и Конституции в частности. Вместе с тем то обстоятельство, что аутентичный текст Конституции можно достаточно легко менять как путем внесения текстуальных поправок, так и за счет смысловой коррекции положений гл. 1, 2, 9 путем их интерпретации Конституционным Судом РФ, снижает такую ценностную характеристику Конституции, как ее неизменность в условиях «вечного», основанного на традиционных, а значит неизменных национальных ценностях Российского государства, являющегося собой «братских народов союз вековой».

Кроме того, для обывателя девальвирующим ценностью Конституции обстоятельством является исключение в 2005 году из числа государственных праздников (выходных дней) 12 декабря — Дня Конституции. Напомню, что в настоящее время достаточно критично воспринимается то обстоятельство, что День Победы — 9 мая, в СССР не являлся выходным днем с 1947 по 1965 год. Также следует обратить внимание на то, что официальный текст Конституции РФ в 2000 году исключен из перечня символов президентской власти¹.

Что же касается правовых ценностей, закрепленных в гл. 1, 2 Конституции РФ и базирующихся на признании человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2), то, не сомневаясь в их безусловной значимости для современной правовой реальности, вместе с тем следует констатировать, что со стороны государства и РПЦ отношение к ним весьма неоднозначно. Слова об «умирании либеральной идеи», произносимые высшими должностными лицами государства и церкви, ставят вопрос о девальвации либеральных, по сути своей эгоистических ценностей, подвергаемых в условиях глобальных трансформаций, переживаемых как современным миром в целом, так и российской государственно-правовой системой в частности, существенному переосмыслению. При этом невозможность простого «переписывания» гл. 1, 2 Конституции

¹ Указом Президента РФ от 5 августа 1996 г. № 1138 «Об официальных символах президентской власти и их использовании при вступлении в должность вновь избранного Президента Российской Федерации» было установлено, что специально изготовленный единственный экземпляр официального текста Конституции России является официальным символом президентской власти. За сутки до своей инаугурации, назначенной на 7 мая 2000 г., исполняющий обязанности Президента РФ В. В. Путин отменил Указ 1996 г. о президентских регалиях. Специальный экземпляр текста Конституции был лишен официального статуса символа президентской власти.

с целью приведения ценностных приоритетов в соответствие с современными представлениями обуславливает использование различных юридических техник смысловой коррекции соответствующих конституционных положений. Это, с одной стороны, свидетельствует о возрастании роли юридических средств в механизме современного российского правотворчества,

а с другой — показывает, что в настоящее время имеет место возврат к традиционному восприятию права как «послушного» инструмента в руках государства, опять-таки традиционно воспринимаемого «простым народом» в качестве бюрократической структуры, отделенной от общества и в определенной степени противопоставленной ему.

К. Е. Сигалов¹

ЛОЖЬ КАК ФЕНОМЕН ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Изучение данного феномена обретается в сфере интереса практически всего гуманитарного знания, но в первую очередь в сфере морали, политологии, истории и, конечно же, права. С ложью мы сталкиваемся постоянно: нам каждый день очень многие лгут, и очень многим лжем мы сами. Понять, что такое ложь именно как феномен современной правовой культуры, — это задача более чем амбициозная, и прежде всего потому, что вырвать эту проблему из контекста общего представления о лжи практически невозможно.

Проблема лжи в правовой культуре многоаспектна, а в некоторых отраслях и даже типах права является неотъемлемым элементом правовой культуры. Ложь всегда сопутствует преступлению, но есть ситуации, когда собственно сама ложь и является преступлением. В то же время далеко не каждая ложь преступна, а в ряде случаев имеет даже вполне положительную «характеристику». Но перед тем как попробовать типологизировать «правовую ложь», следует договориться о терминах.

1. Является ли умолчание, отказ говорить правду (сокрытие информации) ложью (феномен Чука и Гека)?

2. Что есть антоним лжи: правда или истина? Первое имеет вполне определенный историко-правовой и культурный смысл, относящийся к русскому массовому правосознанию («В чем сила, брат?»). У второго — более правовой смысл.

3. Является ли секретность ложью или это право государства на свою безопасность?

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов, кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук. Автор 260 научных публикаций, в т. ч.: монографий «Типология права и правосознания. Концептуальное единство и многообразие», «Методологические проблемы правового знания», статей: «Историческая методология и проблема нарратива», «Прогнозирование в историко-правовых исследованиях» (в соавт.), «Западноевропейское Средневековье — юность гражданского общества», «Гражданское правосознание как феномен и как симулякр», «Гносеологические и ментальные основания правопонимания», «Epistemological foundations of early utilitarianism» (в соавт.) и др. Почетный сотрудник МВД. Награжден двумя правительственными и восемью ведомственными (МВД РФ) медалями.

4. Является ли принцип приватности и сохранения личной информации ложью или это право на личное пространство?

5. Являются ли процессуальные, оперативно-розыскные, следственные и судебные приемы получения информации и доказательства ложью? Строго говоря, да, если исходить из формально моральной составляющей. Но если исходить из принципа получения достоверной информации, защиты прав человека — то это нормальной способ оправления правовой жизни, некий элемент правовой культуры. В праве есть вполне четкие определения, когда лгать нельзя (например, под присягой), а когда можно (я могу не говорить правды, опираясь на ст. 51). Более того, есть ситуации, когда система права предусматривает, что некто, опираясь именно на юридические приемы, может безнаказанно и с пользой для себя лгать («абсолютная привилегия» — в британской правовой системе).

6. Является ли бескорыстный вымысел, заблуждения или безудержная фантазия и вера в нее ложью или это мыслительный способ существования людей в определенном возрасте и на определенном уровне развития?

7. Являются ли скрытые факты и феномен трансфактичного в историко-правовых исследованиях ложью или это некий историко-культурный фон, которым можно пренебречь?

8. Являются ли политико-правовые мистификации ложью или это нормальный способ ведения политического дискурса?

9. Является ли миф (как религиозный, так и нерелигиозный) ложью или это закономерный и естественный способ донесения информации до людей на определенном уровне развития?

10. Собственно говоря, интересуется ли право, так сказать, «ложь в чистом виде» или же право касается совершенно четких определений вреда лжи (неправды, неистинности), могущей нести конкретный вред? Как видим, ответы на эти вопросы не вполне очевидны и имеют амбивалентный характер.

Противоправными, а порой и преступными могут считаться следующие виды лжи:

1) фальсификация (например, выдача копии за подлинник — подделка предметов искусства, документов, а также использование документов, заведомо не являющихся действительными); здесь же фальшивомонетни-

чество и изготовление фальшивых банковско-финансовых документов;

2) симуляция (присвоение признаков болезни с целью получения выгоды, и не имеет значения, какой именно — материальной, моральной и др.);

3) самозванство (присвоение чужих личности, биографии, статусов и заслуг);

4) плагиат (присвоение чужих научных, литературных, музыкальных произведений);

5) лжесвидетельство;

6) клятвопреступление;

7) клевета;

8) самооговор;

9) блеф (в отдельных случаях);

10) введение в заблуждение;

11) подтасовка фактов;

12) преувеличение/преуменьшение сведений;

13) двусмысленная информация.

Право защищает субъекты правоотношений от таких проявлений лжи, разрабатываются соответствующие законы, мораль и общественное мнение также относятся негативно к данным явлениям. Однако не всегда можно точно установить, что именно является ложью, а что просто другой точкой зрения или иной интерпретацией. Скажем, можно ли считать смысловое заимствование плагиатом, ведь возможно, что одни и те же мысли пришли в голову различным авторам независимо друг от друга¹.

Известное выражение «ложь во спасение» тоже имеет под собой основание, так как несвоевременно озвученная правда в некоторых случаях может принести вред.

Многие отрасли и типы права заняты проблемой лжи — причем как ее разоблачением, так и применением в качестве процессуального приема, судебных и адвокатских уловок. И в этом смысле ложь как служебный прием, способ получения достоверной информации не имеет однозначно негативной окраски, ибо в конечном счете служит достижению истины. Можно сказать, что это некий исследовательский прием, совершение действий по принципу «клин клином вышибают».

Отдельные отрасли права (в первую очередь международное, отчасти гражданское, административное и полицейское право) генерализируют (обоснованно или необоснованно) принцип целесообразности, что позволяет выдавать за истину ту информацию, которая выгодна в конкретном случае. В целом и в центре соответствующих типов права находится именно такое правопонимание. Здесь представление о ценностях «ложное–истинное» имеет совершенно иной смысл и никак не коррелируется с обыденным представлением об этих категориях.

Как известно, в правовой науке значительный сегмент занимает история права. Здесь мы сталкиваемся с проблемой истинности факта. Целостная теория, объясняющая происхождение, развитие и бытие правовых феноменов в истории, не может опираться исключительно на имеющиеся в распоряжении исследователя данные.

¹ Часто это бывает в музыкальных и литературных произведениях, иногда и научные открытия совершаются одновременно или почти одновременно и независимо друг от друга.

Любая история, в том числе и история права, пишется людьми, которые склонны быть вводимы в заблуждение, честно ошибаться, намеренно скрывать и фальсифицировать факты в силу политической конъюнктуры, собственного неблагоприятного участия в событиях, религиозных, моральных, эстетических и прочих соображений. История вынуждена обращаться к поиску «скрытых фактов», могущих объяснить реальную правду, подлинный смысл происходивших событий, истинную роль тех или иных персон в этих событиях. Порой так называемая «секретность» обусловлена именно тем, что не все желают, чтобы такие факты были раскрыты. Но можно ли считать комментарии к фактам и их оценки элементами лжи? Ведь в этих оценках и комментариях может растворяться истина. Бенедетто Кроче писал: «Пусть не доверяют тем историкам, которые заявляют о своем желании руководствоваться только фактами, не внося в них ничего своего. Самое большое, это результат их наивности и самообмана»². И история как наука³, и деятельность практикующих юристов всегда связаны с работой с недостоверными, то есть лживыми фактами с целью не только разоблачения лжи и выявления правды, но и уяснения того, почему факты были сфальсифицированы именно таким образом.

Парадокс правовой жизни состоит в том, что при столкновении, например, лжи и истины в суде первая может победить именно в силу того, что сбор доказательств не в пользу истины. Другой парадокс состоит в том, что в правовом смысле высказанная публично истина может быть правовым образом оценена как предосудительная, аморальная, правонарушительная и даже преступная, если речь идет о достоверной информации, раскрытие которой может нанести вред государству, обществу, корпорации, конкретному человеку. Столь же преступным может быть и угроза опубликовать такую информацию или передать ее определенным лицам. Кроме того, даже правовое опровержение лжи полностью не снимает проблемы (феномен «украденной шубы» — то ли у него украли, то ли он украл). Отчасти поэтому долгое время опровержение лжи сопровождалось неправовыми методами (дуэль, кулачный поединок, террористический акт и т. п.).

Правовой способ опровержения лжи (клеветы, оскорбления, распространения порочащих фактов и т. п.) может быть осуществлен принесением извинений, уплатой штрафов и компенсаций пострадавшей стороне. Но сразу возникает вопрос о величине таких штрафов и компенсаций, а также искренности извинения. Собственно, речь идет именно о диффамации. Диффамация (от *лат.* *diffamo* «порочу») — распространение порочащих сведений. В большинстве стран рассматривается как правонарушение, заключающееся в распространении не соответствующих действительности порочащих сведений, умаляющих честь, достоинство и деловую репутацию потерпевшего.

Только недостоверная диффамация в виде клеветы влечет уголовную ответственность. Однако мы пре-

² Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М., 1920. С. 152–153.

³ Школа «Анналов» считает важнейшей задачей историков вскрывать истинные причины такой недостоверности.

красно понимаем, что и правдивые, но порочащие сведения могут принести вред и, по сути дела, преступны.

Сегодня весь мир переживает серьезные потрясения, обусловленные попытками США переложить свои проблемы, реально существующие и долгое время вызревающие, на другие страны, причем не только на оппонентов, но и на союзников. Для этих целей прибегают ко всевозможным видам лжи и их сочетаниям. Одним из направлений такой лжи является фальсификация истории, двойные и даже тройные стандарты интерпретации событий, признание единомышленниками откровенно преступные режимы и их лидеров. Наглый обман в политике, изощренная ложь в информационной войне приносят неоспоримые дивиденды. Насколько можно действовать по сценарию американцев — это большой вопрос, ибо любая ложь в между-

народных отношениях объективно затрагивает и интересы других членов международного сообщества.

Итак, проблема лжи — одна из самых сложных и запутанных в праве и правовой культуре. Нет и не может быть однозначного ответа относительно аксиологической оценки данного явления. Столь же бессмысленно говорить о том, полезна она или нет. Вы скажу кощунственное суждение: «ложь — это естественный элемент правовой жизни, имеющий амбивалентную оценку в правовом и моральном смыслах, не подверженный единообразному восприятию и находящийся за пределами дихотомии «добро—зло». Правовое и моральное осуждение лжи как таковой не избавит мир от нее, равно как и то, что борьба за правду как сублимацию права и воплощение морали не бывает прямой и бескомпромиссной.

Р. И. Ситдикова¹

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ТВОРЕЦ ИЛИ ПОМОШНИК?

Одним из вызовов в условиях современных глобальных трансформаций является широкое внедрение систем искусственного интеллекта практически во все сферы жизни общества. Причем искусственный интеллект внедряется даже в те сферы деятельности, которые традиционно считались присущими только человеку, что порождает массу правовых, социальных и нравственных проблем.

Первоначально создавались автоматические технические устройства, управляемые человеком для выполнения однообразных строго предсказуемых действий. Хотя они и назывались часто роботами или роботизированными системами, они не были автономны, человек легко мог ими управлять. Впоследствии усилия разработчиков были направлены не просто на создание роботизированных систем, а на развитие именно так называемых интеллектуальных систем, имитирующих когнитивные функции человека. В настоящее время государства соревнуются за лидерство в данной области, постоянно увеличивается объем инвестиций в сферу создания технологий искусственного интеллекта.

В Российской Федерации утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до

2024 года². В настоящее время можно выделить ряд основных направлений развития в данной сфере:

— создание систем, которые обучают машины обучению других машин;

— создание «мировой паутины» для роботов, позволяющей системам искусственного интеллекта обмениваться опытом между собой;

— обработка информации путем моделирования искусственными нейронными сетями биологической конструкции человеческого мозга.

Примечательно, что искусственный интеллект все больше используется в творческой деятельности. Он сочиняет музыку, рисует картины, с его помощью пишутся научные статьи, чат-боты ведут с человеком умные беседы, оказывают психологическую помощь. То, что давно было описано в фантастических книгах, становится реальностью. Достигнутые в этом направлении успехи ставят ряд вопросов как правового, так и этического характера, главным среди которых является вопрос о том, можно ли технологию искусственного интеллекта уже приравнять к человеческому разуму, признать его самостоятельным творцом? И кто будет считаться автором созданных произведений и, соответственно, обладать интеллектуальными правами?

В юридической доктрине к этому вопросу, как известно, существует три подхода:

— автором созданных результатов является искусственный интеллект;

— автором является разработчик программного обеспечения;

— автором является пользователь программы.

¹ Профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом», «Охрана программ для ЭВМ. Интеллектуальная собственность в современном мире», «Право интеллектуальной собственности»; статей: «Справедливый баланс частных и общественных интересов как критерий эффективности правового регулирования», «Цифровые права как новый вид имущественных прав» (в соавт.), «Содержание понятия „нарушение исключительных прав“» и др. Член редколлегии журнала «Имущественные отношения». Член Научно-консультативного совета при Верховном суде Республики Татарстан и Суда по интеллектуальным правам РФ. Награждена Почетной грамотой Министерства образования Республики Татарстан.

² Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» // Гарант.ру: [информ.-правовой портал]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/?ysclid=ljmk8mwrrn542477912> (дата обращения: 20.03.2023).

В соответствии со ст. 1226 Гражданского кодекса РФ автором результата интеллектуальной деятельности является физическое лицо, творческим трудом которого создан этот результат, то есть сам искусственный интеллект не может признаваться автором в традиционном смысле. Исключительными правами на созданный искусственным интеллектом результат может обладать разработчик или пользователь программы в зависимости от ситуации.

Актуальным является вопрос о характере деятельности искусственного интеллекта, поскольку, как известно, в соответствии с действующим законодательством и юридической доктриной, объектами интеллектуальной собственности признаются результаты именно творческой деятельности. Можно ли результат, созданный искусственным интеллектом, считать результатом творческой деятельности, причем осознанной и целенаправленной?

Обратимся к самому искусственному интеллекту, в частности к чату GPT. Чат-бот на базе искусственного интеллекта ChatGPT — это новая нейросеть, разработанная американской компанией OpenAI. Он может общаться с пользователями в режиме диалога, находить ответы на сложные вопросы, писать сценарии, школьные эссе и сочинять песни, а также исправлять ошибки в программном коде. Как утверждают разработчики, нейросеть способна отвечать на дополнительные вопросы, признавать свои ошибки и отклонять неуместные запросы¹.

Нейросеть определяет творчество следующим образом: «Творчество — это процесс создания чего-то нового и оригинального, который требует изобретательности и воображения, интуиции, знаний и таланта. Творчество может проявляться в различных формах, таких как литература, музыка, изобразительное искусство, театр, кино, наука и техника... Творчество является важной составляющей культуры и прогресса человечества». Как видим, в целом неплохое определение и действительно отражает основные аспекты творческой деятельности. Хотя прямо и не упоминаются субъекты творческой деятельности, однако в итоге нейросеть связывает творчество с культурой и прогрессом человечества.

Интересно, что на вопрос: «Ты занимаешься творчеством?» чат GPT отвечает следующим образом: «Я как искусственный интеллект не способен заниматься творчеством в традиционном смысле. Однако я могу помочь людям в их творческих проектах, предоставляя информацию и инструменты для их реализации».

В данном случае нейросеть проявляет корректность и не относит себя к субъектам творческой деятельности. На просьбу написать картину нейросеть быстро выдает варианты весьма неплохого качества. Как известно, такие картины востребованы и хорошо продаются.

Попросим нейросеть написать стихотворение, например про интеллектуальную собственность. Вот отрывок из стихотворения, которое написала нейросеть:

Право на знания и творчество,
На открытия и изобретения
Защищает закон нам это.
И это знает каждый из нас в нашем обществе.

Очевидно, что идеи есть, но на поэтическое произведение совсем не похоже. Совершенно отсутствует рифма. Попытки изменить запросы, добавить стиль, поменять тему не привели к желаемому результату. Нейросеть выдавала новые «произведения», однако рифмы не получалось. Можно предположить, что это происходит из-за того, что нейросеть генерирует стихотворение сначала на английском языке, потом переводит на русский. На вопрос, на каком языке думает нейросеть, она пояснила: «Я думаю на нескольких языках, но в основном на английском».

Предположение частично подтвердилось, ведь разработчиками являются в основном англоязычные программисты.

По вопросу об авторстве своих стихов нейросеть также дает четкий ответ: «Я — искусственный интеллект, созданный OpenAI, и мои стихи генерируются алгоритмами машинного обучения».

Спросим нейросеть по-другому: «Тебе интересно писать стихи?» Этот вопрос является важным в творчестве. Для человека творчество является часто потребностью. Кроме того, в праве важно понимать интересы сторон в различного рода отношениях, право направлено на защиту этих интересов. Ответ очень красноречивый: «Я могу помочь тебе создавать прекрасные и оригинальные стихотворения, используя мои алгоритмы и базу данных множества литературных произведений. Просто скажи мне, какую тему ты хочешь осветить в своих стихах, и я начну генерировать строки и рифмы, которые тебе понравятся. Давай вместе создадим незабываемые стихи!»

Таким образом, можно сделать следующий вывод: искусственный интеллект действительно способен по запросу создавать объекты, похожие на результаты творческой интеллектуальной деятельности человека. При этом искусственный интеллект может путем компиляции и обобщения имеющейся у него информации писать подобия литературных произведений, имеющие не очень высокую художественную ценность; также он неплохо формулирует обобщения. Однако при ближайшем рассмотрении его обобщения не всегда достоверны, не обладают новизной и носят поверхностный характер. Лучше всего у искусственного интеллекта получаются произведения изобразительного искусства в абстрактном стиле.

А вот поэтические произведения на русском языке у искусственного интеллекта практически не получаются даже по конкретному запросу. Это можно объяснить тем, что для создания поэтических произведений нужны эмоции, воображение, чувства, которыми искусственный интеллект не обладает. При этом данный искусственный интеллект очевидным образом не считает себя автором, идентифицирует себя исключительно как помощника человека и пока не претендует на роль творца.

¹ Горшкова А. ChatGPT: искусственный интеллект «для поговорить», о котором говорят все // ADPASS : [сайт]. URL: <https://adpass.ru/chatgpt/> (дата обращения: 20.03.2023).

А. В. Скоробогатов¹

МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Начало XXI века ознаменовалось усилением интереса к историческому прошлому, что можно рассматривать в качестве одного из проявлений глобализации. С одной стороны, человек перестал ощущать себя существующим «здесь и сейчас», воспринимая себя как часть глобального человечества не только пространственно, но и темпорально. С другой стороны, уже невозможно достичь сохранения национальной идентичности в пределах пространственно-временного континуума. Обращение к ценностному потенциалу прошлого позволяет не только использовать накопленный социальный опыт, но и сконструировать на его основе современную социальную и правовую реальность. Однако речь идет не об историоризации реальности, а об обращении к социальной памяти, которая, по словам П. Рикёра, является матрицей истории, средством репрезентации прошлого в настоящем². Осознание Российским государством ценностной роли социальной памяти в конструировании социальной реальности актуализировало политику памяти и мемориальное законодательство³, особенно в условиях начатой в 2020 году конституционной реформы⁴.

Под мемориальным законодательством мы понимаем совокупность нормативных правовых актов, регулирующих различные аспекты сохранения, представления и использования социальной (национальной) памяти⁵. Мемориальное законодательство имеет ретроспективный характер. Вектор артикуляции прошлого здесь диктуется настоящим, для которого важнее не точность изложения событий прошлого, характерная для исторической науки, а наличие в прошлом ценностных маркеров, которые могут быть использованы для повышения эффективности функционирования современной социальной и правовой реальности. Это проявляется в трех взаимосвязанных аспектах. Во-первых, чтобы те или иные даты, события и имена были вклю-

чены в текст нормативного правового акта, они должны содержаться в коллективных воспоминаниях. Во-вторых, мемориальное законодательство призвано не только фиксировать прошлое, но и транслировать социальный опыт, апробированный действиями прошлых поколений и нашедший отражение в воспоминаниях. В-третьих, образ прошлого, эксплицированный в законодательстве, является не реконструкцией истории, а ее деконструкцией, интересубъективной интерпретацией. При этом память не только отражает ценностные ориентации общества, но и, говоря словами М. Хальбакса, «концептуализирует социальное»⁶.

Мемориальное законодательство направлено на конструирование непротиворечивого, цельного образа прошлого, которое рассматривается не только как аксиологическая, но и как онтологическая детерминация настоящего. Ключевым элементом последнего выступает закрепление в Конституции РФ правопреемства современной России с предшествующими государственными образованиями, существовавшими на данной территории (ч. 1-2 ст. 67.1)⁷. В мемориальном законодательстве эта идея развита расширением перечня памятных дат на всю «тысячелетнюю историю России»⁸.

Благодаря мемориальному законодательству в общественном сознании может преобладать либо негативный, либо позитивный образ прошлого. В первом случае основной упор делается на те явления прошлого, которые связаны с травмой, жертвой и покаянием, что особенно характерно для мемориального законодательства стран Центральной и Восточной Европы⁹. Во втором случае внимание акцентируется на героических фреймах памяти, через призму которых даже трагические события интерпретируются через героическое преодоление. Примером последнего может служить нормативно закрепленное отношение к Великой Отечественной войне как «память о защитниках Родины, тех, кто отдал свои жизни в борьбе за ее свободу и независимость»¹⁰.

¹ Профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, доктор исторических наук. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 14 монографий: «Правовая политика России в царствование императора Павла I», «Очерки по юридической антропологии» (в соавт.) и др.; статей: «Правовая традиция как социокультурное средство повышения эффективности законодательства», «Ценностная детерминация юридического дискурса», «Правовой миф как средство социальной идентификации», «Социальная память как средство конструирования идентичности личности: философско-правовой анализ» и др.

² Ricoeur P. La Mémoire, l'histoire, l'oubli. P. : Edition Du Seuil, 2000. P. 647.

³ Дорская А. А., Пащенко Д. А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 6. С. 5–15. DOI: 10.12737/jfcl.2021.061.

⁴ Бабурин С. Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 3–6. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-1-3-6.

⁵ Подробнее о понятии мемориального законодательства см.: Korosov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2018. XVI, 321 p.

⁶ Halbwachs M. La topographie légendaire des évangiles en terre sainte. Etude de mémoire collective. P. : Presses Universitaires de France, 2008. P. 234–235.

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 06.10.2022).

⁸ Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства РФ. 1995. 13 марта. № 11. Ст. 943.

⁹ См. например: Dobrescu C. Recognition and Secularisation: Memorialising Mass Exterminations in Western and Eastern Europe // Kulas P., Wańkiewicz A., Krawczyk S. Understanding Recognition: Conceptual and Empirical Studies. N. Y. : Routledge, 2023. P. 163–180.

¹⁰ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1928 (Преамбула).

Мемориальное законодательство выполняет две бинарные роли, одновременно эксплицируя места памяти, сформированные в обществе, и конструируя новые фреймы памяти.

С одной стороны, оно выступает в качестве топоса, определяя официальную номинацию мест памяти. Речь при этом идет не о реконструкции исторического прошлого, а о конструировании мест памяти как специфической интерпретации дат, имен и событий, имеющих ценностное значение для национальной идентификации. Политическая элита как адресант вертикальной коммуникации определяет номинацию и содержание фреймов памяти, поддержание которых необходимо не только для социальной идентификации, но и для обеспечения ценностного аспекта национальной безопасности. Целью мемориального законодательства при этом является формирование того, что А. Маргалит назвал «общей памятью»¹, — коллективного представления о наличии и сохранении в социуме тех ценностных аспектов воспоминаний, которые обеспечивают его единство. Благодаря этому адресант не просто определяет фреймы национальной памяти, но и артикулирует пределы ее бытования в обществе. Особенно значимы в этом отношении мемориальные нормы, посвященные ответственности за деяния, в том числе вербального характера, связанные с оскорблением национальной памяти или пропагандой идей, ей противоречащих. Примером может служить запрет пропаганды нацистской идеологии (ст. 354.1 Уголовного кодекса РФ²), который направлен, во-первых, против действий и высказываний, оскорбляющих героическую память российского народа о Великой Отечественной войне, а, во-вторых, против распространения мировоззрения, которое не соответствует мемориальным ценностям установкам российского общества.

С другой стороны, мемориальное законодательство является метафорой, эксплицирующей места памяти, являющиеся конвенциональным результатом горизонтальной коммуникации. Конструируя коллективную память, политическая элита демократического общества лишь обобщает индивидуальные и групповые виды памяти, функционирующие в социальной среде, и придает им единый, непротиворечивый характер. В этом смысле социальную память можно рассматривать как результат горизонтальной коммуникации, в процессе которой места памяти приобретают не только легитимный, но и легальный характер. Придавая сформированным в социальной среде местам памяти официальный статус, мемориальное законодательство легитимирует потребность общества в ретроспективном взгляде на национальное единство и легализует места памяти не только путем их нормативного закрепления, но и определяя их роль в коммеморативных практиках, в том числе ритуально-церемониального характера.

Благодаря мемориальному законодательству социальная память перестает быть исключительно

темпоральной категорией, приобретая пространственное и социальное выражение, для обозначения которого лучше всего подходит термин «места памяти», введенный П. Нора. Он определяет места памяти как феномены коллективной памяти, которые формируют идентичность определенного сообщества и служат основой для его самоопределения. При этом категорию места он рассматривает не в географическом, а в социальном контексте, включая в него культурные артефакты независимо от формы их выражения, которые являются носителем коллективных представлений о прошлом и исследование которых ориентировано не на реконструкцию прошлого, а на деконструкцию воспоминаний о нем. Места памяти являются символами, которые кристаллизуют национальную идентичность, определяя ее границы пространственно, темпорально и социально³.

Мемориальные законы устанавливают ценностные ориентиры и систему координат национальной памяти, а также сакрализуют героическое и (или) трагическое прошлое, память о котором позволяет обеспечить ценностный аспект национальной идентификации. Символическая наполненность таких законов должна не только обеспечить социальное единство, но и гарантировать государству, артикулирующему сакральные артефакты, социальную поддержку.

Ритуализация мест памяти позволяет придать им сакральный статус и рассматривать в качестве репрезентативного средства поддержания духовной (культурной) безопасности и обеспечения ценностного аспекта национальной идентичности. Конструируемое при этом сакральное пространство может быть использовано для защиты не только мирских (преходящих) ценностей, но и духовных (вечных). Тем самым мемориальные законы выступают не только создателем, носителем и репрезентатором социальной памяти, но и специфичным «средством перехода» от профанного настоящего к сакральному прошлому.

В контексте репрезентации исторической памяти мемориальные законы можно классифицировать на две группы, различающиеся по способу правового регулирования: 1) законы, маркирующие мемориальные даты, события, символы и имена, определяющие фреймы национальной памяти⁴; 2) законы, призванные установить запрет на совершение деяний, направленных на репрезентацию иных интерпретаций прошлого, чем это нормативно определено⁵.

Таким образом, мемориальное законодательство как важнейшая часть политики памяти призвано репрезентировать образ прошлого, сформировавшиеся в общественном сознании места памяти, являющиеся кон-

³ Nora P. *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations*. 1989. № 26 (Spec. Iss.) : Memory and Counter-Memory. P. 7–24.

⁴ См. например: Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) «О днях воинской славы и памятных датах России».

⁵ См. например, ч. 4 и 4.1 ст. 13.15 КоАП РФ, устанавливающие ответственность за распространение информации, противоречащей или порочащей память о воинской славе России (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1).

¹ Margalit A. *The ethics of memory*. Harvard : Harvard Univ. Press, 2002. XII, 228 p.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.

венциональным результатом горизонтальной коммуникации. Однако сконструированный в законодательстве образ прошлого является не реконструкцией исторической реальности, а ее деконструкцией и призван уси-

лить ценностные основания национальной идентичности. Репрезентация этого образа нормативными средствами призвана обеспечить ценностное единство государства и общества.

Р. Ф. Степаненко¹

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЕ ЭПОХИ

Утрата основ духовной и правовой ориентации в существующей реальности со всей неизбежностью приводит к деформации правосознания, инициируя и масштабируя диссонирующие когнитивные состояния, конфликтность. Находясь в пограничных психолого-правовых ситуациях, структура правосознания приобретает хаотичные контуры, рассогласованные с императивами законодательства и собственными психоментальными особенностями личности, не выходя из сложившихся противоречий разнообразного толка.

Процессы раздвоенности, конфликта культур, ценностей, идей и идеалов, усугубляющиеся внутренними переживаниями по поводу возможности разрешения межгосударственного противостояния приемлемым цивилизованным путем, влекут за собой неуверенность в способности права и законов не допустить дальнейшей эскалации и обеспечить тот правопорядок, который сохранял бы безопасность личности, общества и государства.

Непримиримые различия правовых культур России и Запада, заключающиеся в несовпадениях: морально-го (смирненного и терпимого, одухотворенного и нерационально-практического отношения к близким); идеях милости (сервильность, неприспособленчество перед властью с одновременным пренебрежением к законам), а также служения обществу; понимания права как принуждения; идеях справедливости, учитывающих и признающих индивидуальность человека и многое другое, что в отечественной самобытной правовой культуре контрастно культуре западной². Преумножение внутригосударственных проблем: непрерывности трансформаций национального законодательства; не-

определенности вопросов транзита государственной власти; разрыва связи поколений³; избыточности нормативности; заимствования и одобрения прагматично-утилитарных зарубежных ценностей и образа жизни и многого другого, привело к тому, что правовое российское сознание обрело неустойчивый и, по большому счету, уязвимый характер.

Российские правовые ценности, будучи скорее одухотворенными и нравственными, нежели материальными реалиями, всегда базировались на понимании права как правды, справедливости и свободы. На право возлагались надежды в его способности удовлетворения интересов, потребностей, справедливого разрешения конфликтных ситуаций и обретения упорядоченных взаимоотношений с обществом и государством.

Будучи сформированными религиозным общественным сознанием, образы права не претерпевали фундаментальных преобразований на протяжении многих столетий эволюции российской государственности. Видя в праве божественные истоки справедливости, отечественное правосознание полагалось на «жизнеопределяющую» его силу.

Как справедливо утверждал И. А. Ильин, не мнимая, а «настоящая религиозность утверждает в душе человека аксиоматические корни правосознания: чувство собственного духовного достоинства, способность к автономной жизни и искусство признавать духовные начала в других людях... Религиозность несет правосознанию все свои дары: и высшее призвание, и абсолютное мерило ценности, цельность характера, и силу вдохновения, жизненный героизм... для процветания и развития благородного государственности»⁴.

Нарушая ход исторического развития духовно-нравственной, ценностно-мировоззренческой, религиозно освященной парадигмы эволюции отечественного правосознания, идеологически обосновывая необходимость признания и приверженности западным ценностям, властная организация не учла особенностей и тонкостей экзистенциальной максимы «правотворящей» силы российской духовности. Не самозакондательствующий образ индивидуального российского правосознания, а живущий в мире с соотечественниками и Отчизной, с верой в чудесные сверхъестественные силы права и государства — таков идеал правового самоопределения личности. Не покорно и прагматично

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук. Автор более 190 научных и учебно-методических публикаций по проблемам теоретического правоведения, в т. ч.: «Справедливость и законорядок: теоретико-методологический аспект», «Кумулятивный интерес правовой и экономической наук в междисциплинарных исследованиях современных социальных проблем», «Культурологический подход в праве: проблемы междисциплинарных исследований», «Правовое содержание социально-экономической категории „качество жизни“: аналитический дискурс», «Процессуальность права в аксиологическом измерении: общетеоретические и методологические проблемы» и др. Член редакционных советов журналов «Право и государство: теория и практика», «Образование и право», «Вестник Казанского юридического института МВД России», «Вестник экономики, социологии и права» и др.

² Каландаришвили З. Н. Особенности влияния правовой культуры западной цивилизации на современную российскую правовую культуру // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 565–566.

³ Ромашов Р. А. Кризис национального права как предпосылка формирования переходной правовой системы // Там же. С. 586–587.

⁴ Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с биограф. очерком В. А. Томсинова. 2-е изд., доп. М. : Зерцало, 2008. С. 538, 539.

подчиненный воле государства и норме права, а гордый, с чувством собственного достоинства человек — носитель отечественного правового сознания. Со всеми его прегрешениями, противоречиями, допущениями и раскаяниями в случае нарушений божественных и правовых заповедей, выкорчевать которые просто невозможно.

Российское правосознание и правовая культура, природа и сущность которых «неизмеримо больше, чем простая совокупность норм, правоотношений и текстов наспех принятых законов. Наше право должно вернуть утраченные позиции в российской ментальности, перестав поверхностно-политически слоняться по Европам»¹, — почти десятилетие назад отмечал В. Н. Синуков.

Находясь на «пограничье», почти на краю духовного самоопределения, в промежуточном и дезапативном положении в сегодняшней политико-правовой реальности, современное правосознание характеризуется как маргинальное. Об этом неустанно пишут представители маргиналистики — междисциплинарного естественно-гуманитарного учения о сложном социокультурном феномене «пограничности», нахождения в состояниях неопределенности, отчуждения и дисгармонии личности, общества и государства в разные исторические эпохи. Начиная с конца прошлого столетия, в России защищено более 50 диссертационных работ в области философских, исторических, социологических, политических, психологических и юридических научных дисциплин. В теоретическом правоведении нами были обоснованы положения в работе «Общеправовая теория маргинальности» (Казань, 2015), в которой особое внимание уделяется, прежде всего, категориям «маргинальная личность», «маргинальное поведение», «маргинальное правосознание». Последнее, на наш взгляд, представляет собой специфический вид деформированного, неустойчивого и диффузионного правосознания, занимающего промежуточное положение между «нормальным» и деградированным правовым сознанием. Под влиянием различных политико-правовых, социально-экономических и духовно-нравственных условий маргинальное правосознание приобретает

двойственный характер и может продуцировать как негативные (эскапизм, фрустрация, протестные реакции), так и позитивные (сублимация) мотивационные модели правового поведения. Все зависит от устойчивости, восприимчивости и способностей к преобразованиям индивидуальных биопсихологических и социокультурных паттернов личностной структуры и качества осознания действительности в целом.

Нахождение в «двух мирах» субстанционально дистанцирует современное пребывание личности через флуктуации индивидуального правового сознания от идеологически популяризируемых, в том числе через конституционно декларируемые (вера в Бога, уважение к человеку, патриотизм, объединенность общими целями, приоритет семейного воспитания, преемственность и защита исторической правды, государственное единство и др.) ценности, к личностному переосмыслению того, что же ценно: европейские, англосаксонские, азиатские или собственные духовно-нравственные начала как суть и ядро российской идентичности.

Позитивно оценивая инициативы властных организаций в обосновании и акцентировании внимания на аксиологии правовых нормоустановлений, в то же время следует подчеркнуть важность темпоральных и топологических факторов, не позволяющих одноmomentно и разово видоизменить природу правового сознания и правовой культуры. Например, то, что происходит сегодня в пространстве украинской государственности, рассматривается в работе украинского исследователя Н. С. Скок «Субъективное время в контексте исследования маргинализации украинского общества» (Санкт-Петербург, 2012). Там концептуально ставятся проблемы последствий широкомасштабных и неэволюционных трансформаций и их радикальные результаты, приводящие к деградации правового сознания, протестным реакциям общества и неприятию новых ценностей².

Сказанное в условиях геополитического, экономического, социокультурного и правового соперничества и противостояния разных правовых порядков создает экзистенциальную напряженность, в которой маргинальное правосознание должно стать предметом пристального внимания социогуманитаристики.

Е. Н. Тонков³

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Современная теоретическая наука о государстве и праве основана в значительной степени на гносеологических принципах и нормах, сформированных за десятилетия строительства социализма, претерпевших лишь незначительные изменения в постсоветский период. В сфере гуманитарных наук все отчетливее начинают актуализироваться идеи возврата к советскому

прошлому с единственно верным официальным толкованием событий, имеющих юридическое значение. Стоит отметить, что изменение структуры научного

¹ Синуков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2014. 672 с.

² Скок Н. С. Субъективное время в контексте исследования маргинализации украинского общества // Толерантность и интолерантность в современном обществе: осмысление новой реальности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. И. Л. Петровой. СПб.: Лань, 2012. С. 276–281.

³ Доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий филиалом Ленинградской областной коллегии адвокатов «Адвокатская фирма „ТонковЪ и Партнеры“», кандидат юридических наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч. более 20 монографий: «Концепция российского правового реализма и аксиологический скептицизм» (в соавт.), «Правовой реализм» (в соавт.), «Российский правовой реализм», «Право — язык и масштаб свободы» (в соавт.). Награжден медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени, орденом «За верность адвокатскому долгу».

мышления происходит лишь тогда, когда обнаруживается невозможность объяснить новые условия жизнедеятельности средствами старой парадигмы¹. После стремительной трансформации социализма в государственно-монополистический капитализм теоретическая база, на которой строилась советская правовая наука, оказалась способной к адаптации. Однако, настроив свой методологический аппарат на новые политико-правовые условия, классические скрипты продолжили репродукцию юристов, неспособных к противостоянию с имманентными советскому строю авторитарными стереотипами мышления.

В складывающихся условиях возникает необходимость подвергать сомнению способности интерпретаторов представлять нам свои выводы без ссылки на их личную (коллективную, профессиональную, политическую и пр.) заинтересованность. Мы уже научились понимать, что каждый правоприменитель при вынесении решения в первую очередь преследует свои личные и корпоративные интересы, а уже потом удовлетворяет нужды тяжущихся сторон. Высокая пассионарность социума проявляется в научной парадигме, где каждый исследователь стремится распространить влияние своих выводов на максимальное количество реципиентов, «давнее противостояние между идеалом знания, объективность которого устанавливается полным отсутствием какой бы то ни было ссылки на познающего субъекта, и чисто прагматической концепцией знания стало достоянием прошлого»².

В каждом правоприменителе сосуществуют несколько идентичностей, в том числе и по этой причине при принятии решения он может использовать разнообразные модели толкования права — в зависимости от своей цели. Изменчивое поведение субъекта права не позволяет использовать классические правовые методы для успешного прогнозирования развития правовых ситуаций в XXI веке. «В правоотношении и простых формах реализации права происходит конкретизация правового статуса к ситуации места и времени и его персонафикация к этому конкретному человеку — носителю правового статуса, реализующего его своими действиями... Способность к трансцендированию, созданию инноваций в правовой сфере — новых образцов юридически значимого поведения — включает одновременно и формирование правовых статусов субъектов, выступающих адресатами норм права»³.

Недооцененной интерпретационной закономерностью является контингентность права, встроенность конкретной правовой ситуации в локальный дискурс спора, детерминированный местом, временем, корпоративными аффилиациями конфликтующих сторон. Права и обязанности коммуникантов с точки зрения их способности повлиять на характер будущих решений могут оказаться неодинаковыми, универсальный принцип равенства сторон имеет ритуальное значение

при использовании экстралегальных моделей толкования права. Идея множественности источников нормативности, развиваемая сторонниками российского правового реализма⁴, актуализирует необходимость учитывать взаимосвязи проблемного правоотношения, развивающиеся во времени, в пространстве и по кругу лиц. Социальные отношения в обществе характеризуются непрерывными изменениями: новые нормы, юридические факты, правоотношения влекут за собой акты интерпретации этих норм, фактов и отношений. Затем выносятся правоприменительные решения с оценкой указанных фактов и правоотношений на основании выбранных норм, субъективного усмотрения правоприменителей и релевантной юридической практики. Диалектическое взаимодействие обозначенных выше феноменов мультиплицирует легальные и экстралегальные трансакции между коммуникантами.

Если исходить из идеального типа механизма государственного регулирования, то система правового воздействия должна иметь репрезентативную обратную связь, позволяющую уяснять степень признания навязываемых населению норм поведения. В романтическом варианте правового регулирования нормотворческая деятельность публичной власти отражает интересы максимального количества законопослушного населения, соответствует разумному социальному порядку и экономическим возможностям. В практической реальности двусмысленные нормативные акты, предпочтения отдельным стратам и группам населения, идеологически перегруженные законы, гибридные судебные практики формируют у просвещенного населения скептическое отношение к позитивному праву.

Упорядоченная правоприменительная деятельность фундирует социальный порядок, делает жизнь человека более безопасной и предсказуемой, способствует снижению правовой неопределенности. Справедливое рассмотрение административных, гражданских, уголовных дел характеризует уровень взаимодействия субъектов власти с населением, демонстрирует степень признания установленных сувереном правил. Именно на стадии правоприменения максимально проявляется вариативность толкования действующих норм, юридических фактов и возникших на их основе правоотношений. Участие в рассмотрении споров в административных органах и судах оказывает существенное воздействие на правосознание субъектов — в зависимости от особенностей осуществления и результатов процедуры каждый на эмпирическом уровне делает свои выводы.

Психологическое и логическое содержание опыта участия в судопроизводстве может закрепить законопослушание либо породить критическое отношение к возможности найти справедливость в государственных институтах рассмотрения споров. М. Ван Хук, один из авторитетных исследователей в этой сфере, обращает внимание на такие коммуникативные состояния, когда утрачивается реальная обратная связь

¹ См.: Гейзенберг В. Изменение структуры мышления в развитии науки // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 198.

² Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1994. С. 48.

³ Честнов И. Л. Постклассическая диалогическая онтология права // Постклассическая онтология права / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. С. 80.

⁴ См., например: Тонков Е. Н. Российский правовой реализм // Там же. С. 417–508; Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб., 2022. С. 191–362.

между парламентским законодательством и социально-экономической сферой регулирования: в этих случаях коммуникативная функция закона перестает реализовываться, и нормативно-правовой массив начинает не соответствовать действительности¹.

Идея человекообразности может действовать только в том случае, если стратогия принадлежность человека не будет детерминировать объем и качество его прав и обязанностей. Так называемая постановка человека в центр права является важной гуманистической идеей, но необходимо осуществлять научный поиск практических путей ее реализации, в том числе для преодоления нигилистических фильтров в правоприменительных практиках. В этой связи А. В. Поляков делает обоснованный вывод о том, что «должное в праве определяется не волей законодателя, а соответствием этой воли тем основополагающим ценностям, без которых само право превращается в ничего не значащий набор знаков на казенной бумаге»².

Постклассический стиль правового мышления позволяет осознать реальные источники нормативности, создавать условия для прогнозирования развития правовых ситуаций, фиксировать возникновение прав и обязанностей, либо предвидеть их утрату. Параметры этих возможностей зависят от многих характеристик

человека, в том числе от его образования, профессионального статуса, качества коммуникации с себе подобными, должностных компетенций, властного ресурса и т. д. Парадигма постклассических подходов к исследованию права³ позволяет разделять действие различных источников (форм) права, что способствует выявлению и сепарации иерархических, коррупционных, волонтаристских моделей толкования права и оптимизации управления правом порядком.

Сформировавшиеся в революционную эпоху начала XX века реалистические подходы к решению конкретных юридических задач укоренились в социалистическом праве на многие десятилетия и едва ли можно утверждать, что в современном российском праве они перестали использоваться. Дальнейшая разработка феномена «российского правового реализма», основой которого послужили петербургская школа философии права и психологическая теория права Л. И. Петражицкого, для отечественной науки имеет особое значение в рамках развития постклассического правопонимания: широкое понимание источников права, идеи интуитивного права, индивидуальной нормативной системы и другие концепции способствуют реалистическому осмыслению прошлых, настоящих и будущих правом порядков.

В. В. Трофимов⁴

О ПРАВЕ КОНФЛИКТОВ И ПРАВЕ СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ОТРАЖЕНИИ СЛОЖНЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Современное общество, в социальной науке называемое «глобальное общество риска» (У. Бек⁵), отличается многочисленными конфликтами (начиная с микро-социального уровня и до уровня глобальных взаимо-

действий), при этом ситуации сотрудничества имеют относительный дефицит. И здесь существенно возрастает роль именно права как регулирующего средства, в котором необходимо отметить две общезначимые функции: а) предотвращения конфликтов и борьбы с ними в социально-правовой жизни и б) способствования сотрудничеству между социальными субъектами, развитию солидарных начал общественной жизни.

В настоящее время социально-правовая жизнь как на микросоциальном уровне (межличностное правовое взаимодействие, локально-корпоративный уровень), так и на среднем социальном (правовая жизнь бизнес-корпораций, общественных организаций, основной части муниципий) и макросоциальном уровнях (крупные социально-правовые общности, государственные образования и государства), а также на уровне глобального масштаба развивается, как сегодня говорят, находясь в перманентном турбулентном состоянии. Нестабильность и конфликтность в настоящее время характеризуют многие сферы общественной жизни (национальную и глобальную экономику, политику, культуру и пр.); мирных («замиренных») социальных сред не так много, да и они постоянно испытывают воздействие окружающего негатива⁶.

¹ См.: Ван Хук М. Право как коммуникация // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 2 (265). С. 54.

² Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16, № 6. С. 82.

³ См.: Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2023.

⁴ Начальник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук. Автор более 450 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект», «Правообразование и правообразующие факторы в праве» (в соавт.), «Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации» (в соавт.), «Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив» (в соавт.), «Конфликтное право и право сотрудничества как отражение негативных и позитивных аспектов социально-правовой жизни» (в соавт.), «Конкуренция и кооперация интересов в правовой политике и праве» (в соавт.) и др. Член Ассоциации юристов России, Российского профессорского собрания. Победитель конкурса «Золотые имена высшей школы» (2020). Отмечен знаком Луганской Народной Республики «За усердие» II степени и др.

⁵ См.: Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁶ См.: Трофимов В. В. Правовая жизнь: социально-сущностная конфликтно-солидарная синтетическая основа (постановка проблемы) // Государственно-правовые исследования. 2019. № 2. С. 247–253.

Действительно, государственно-правовая реальность противоречива. С одной стороны, государственно-правовая жизнь общества (национального или глобального), ее динамическая область — это конфликтная социальная среда, сфера социально-психологического напряжения (фрустрации и агрессии) и взаимного противостояния политических и социально-правовых субъектов (политические дебаты; юридические споры; правонарушения (вплоть до преступлений), отражающие противостояние потерпевших и обидчиков и своими фактами пролонгирующие их на новом витке до момента разрешения (выхода из конфликтов по обоюдной воле сторон или до стадии применения заслуженного наказания к преступнику); юридические и военно-политические конфликты между государствами и пр.). В настоящее время это конфликтное состояние общества, к сожалению, стало носить доминирующий характер. С другой стороны, государственно-правовая жизнь социума — это сфера сотрудничества и взаимного согласия сторон — участников правовых социальных взаимодействий, так называемая замиренная среда (М. М. Ковалевский¹) права (взаимная помощь, посредничество, совместные проекты, переговоры, соглашения и т. п.). К сожалению, в настоящее время ощущается нехватка этих мирных состояний в социуме.

Данные глубинные стороны внутригосударственной (межгосударственной) социально-правовой жизни (непрерывающегося процесса социально-правового взаимодействия²/коммуникации³) и выступают непосредственным предметом государственно-правового (или сверхгосударственного — если иметь в виду международный уровень общения) воздействия, которое может быть эффективным лишь в том случае, если его механизмы (средства) в полной мере адекватны характеру социальных ситуаций правового (публичного или частного) конфликта и сотрудничества, где первый нужно предупредить, устранить, минимизировать, а второе — поддержать и простимулировать⁴.

Такое двуединство негатива и позитива социально-правовой жизни — явление объективное, но существующее сегодня преобладание первого начала (негативных

проявлений) с особой остротой ставит вопрос об исправлении этой ситуации как на локальном (региональном, национальном) уровне, так и на уровне мира в целом (глобальном). Это, в свою очередь, повышает роль права, которое в человеческой цивилизации является, пожалуй, незаменимым способом решения социальных проблем, по своей природе в содержательном плане наполняемых конфликтами между участниками соответствующих социальных ситуаций либо устремлениями людей к миру и сотрудничеству. При этом, выполняя свою миссию, право, конечно, действует в комплексе с религиозными, морально-нравственными и другими социальными регуляторами.

Являясь основным средством разрешения социальных проблем в современном обществе, право должно использовать функционал, который детерминируется реальной связью с социальным контекстом, и быть в этом смысле не просто «юридическим текстом», а эффективно действующей системой правовых средств и механизмов. Поэтому право изначально ориентировано на оба полюса социального бытия — «отрицательный» (полюс конфликтов) и «положительный» (полюс сотрудничества).

Для существующих в реальной жизни ситуаций конфликтов и сотрудничества, естественно, должны быть свои формы, прежде всего правовые. Эти формы могут быть двух основных типов: 1) форма, нацеленная на охват конфликтных ситуаций; 2) форма, охватывающая ситуации солидарности (сотрудничества). Проведем в этой связи попытку выработки и обоснования (пока в первом приближении) новых теоретико-правовых понятий/категорий в виде таких парных научных концептов, как «право конфликтов» и «право сотрудничества»⁵, обладающих собственным самостоятельным содержанием и своими характеристиками⁶.

Негативно-конфликтный либо положительно-солидарный характер социальных связей объективно детерминирует целевую направленность юридических норм, призванных либо способствовать отношениям сотрудничества в обществе, либо препятствовать конфликтам в нем. Та же логика определяет типологию закрепляемых в правовых нормах юридических инструментов в диапазоне от строгих запретов до активных стимулов. Каждая грань социально-правовой коммуникации отображается в праве и его формах — конфликт предполагает применение к соответствующим отношениям ограничивающих правовых средств, а сотрудничество — вступление в действие позитивного правового инструментария.

Социальная биполярность (амбивалентность) государственно-правовой жизни (конфликт и сотрудничество) влияет на характер (тип) правового регулирования. «Разрешительный» тип правового регулирования, императивный метод есть закономерное следствие конфликтных отношений в социуме. В свою очередь,

⁵ Нечто аналогичное праву войны и праву мира Г. Гроция (см.: Гроций Г. О праве войны и мира. Репринт с изд. 1956 г. М., 1994).

⁶ См. подробнее, например: Трофимов В. В. Конфликтное право и право сотрудничества как выражение базовых социальных стратегий: проблема действительности системно-правовой конструкции // Государственно-правовые исследования. 2022. № 5. С. 39–51.

¹ См.: Бразевич С. С. Концепция социальной замиренности М. М. Ковалевского // Наследие. 2014. № 1 (4). С. 94–103.

² Научное осмысление этого аспекта помогает осуществить применение в качестве методологической основы современных социальных и правовых концепций в виде коммуникативной теории общества (Ю. Хабермас, К.-О. Апель и др.), теории социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман), теории правовой коммуникации (М. ван Хук, А. В. Поляков и др.), социально-интерактивного подхода к изучению правовых явлений (Т. Парсонс, Н. Луман, В. В. Трофимов и др.), теории юридического поля П. Бурдьё и др.

³ Как писал Н. Макиавелли, «афиняне Тезея, персы Кира, евреи Моисея» — вот подлинная «материя» истории [цит. по: Темнов Е. И. Макиавелли. М., 1979. С. 41], подчеркивая тем самым, что все социальные формы и институты (в том числе государство, право и пр.) происходят от людей, от общества, и именно с этого нужно начинать освоение (познание) окружающего мира государственно-правовых явлений.

⁴ См.: Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив (Обзор материалов Всероссийской научной конференции журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь» и научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования») / А. В. Малько, Н. В. Кроткова, В. Ю. Стромов [и др.] // Государство и право. 2020. № 8. С. 115–126.

«общедезволительная направленность» правового воздействия, диспозитивный метод — это правовые формы, объективно выражающие тип отношений социально-правового взаимодействия, солидарности и партнерства¹.

Таким образом, мы можем наблюдать закономерную связь конфликтного и солидарного типов социально-правового взаимодействия и материи права, представленную средствами правового воздействия на общественные отношения (в частности, ограничивающим и стимулирующим правовым инструментарием). Право, ориентируясь на конфликтную и солидарную ипостаси государственно-правовой жизни, оперирует негативными средствами для минимизации конфликтов и позитивными для расширения сферы сотрудничества в социально-правовой жизни. В итоге мы можем констатировать, что есть объективное право конфликтов и такое же право сотрудничества. Предложим определения понятий этих явлений.

Право конфликтов (конфликтное право) — это система обусловленных конфликтными отношениями в социуме юридических норм, содержащих негативные (ограничивающие) правовые средства, направленные на регулирование (упорядочение) конфликтных отношений между индивидами и организациями, а также между ними и правовыми предписаниями, которыми определяется мера дозволенного и правомерного поведения социальных субъектов в обществе.

Право сотрудничества (солидарное право) — право, которое посредством дозволительного (стимулирующего) правового инструментария обеспечивает взаимосогласующиеся интересы участников правового обмена и приобретает свои основные свойства и качества исходя из этой социальной солидарности.

Теоретическая значимость подобных исследовательских попыток заключается в создании научных основ для формирования и обоснования новой социолого-правовой теории конфликтного права и права сотрудничества, выступающих в качестве самостоятель-

ных структурных компонентов действующей системы права, имеющих свой характерный предмет юридического воздействия и специфический метод правового регулирования. Это суть социологически ориентированного осмысления феномена права. Такой взгляд существенно расширяет горизонты изучения правовых проблем, позволяет видеть конфликтные и солидарные проявления государственно-правовой жизни общества и вместе с тем понимать, какие средства правового характера необходимо вырабатывать, чтобы адекватно и своевременно реагировать на данные проявления правовой жизни, обеспечивая условия для реализации субъективных прав и законных интересов личностей, а также правовое благополучие общества в целом².

Установление прямой связи права с данным предельно-конечным уровнем «социального» и объяснение обусловленности тех или иных правовых инструментов (ограничений, дозволений и пр.) конфликтным и солидарным типами социального (социально-правового) взаимодействия, обоснование того, что является правом конфликтным и что такое солидарное право, каково их предназначение, позволит в конечном счете построить эффективный механизм государственно-правового воздействия, способный: а) минимизировать негативные (конфликтные) проявления в государственно-правовой жизни общества и б) расширить сферу позитивного (солидарного) в современной социально-правовой жизни государства.

Формируемая социолого-правовая концепция конфликтного и солидарного права призвана способствовать совершенствованию культуры правового взаимодействия в современном обществе в направлении последовательного расширения сфер положительного (солидарного) взаимодействия («зоны ответственности» права сотрудничества) и минимизации отрицательных (конфликтных) ситуаций социально-правового взаимодействия («области подчинения» права конфликтов).

В. А. Энтин³

ОБЕСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА: УГРОЗА ИЛИ ПЕРСПЕКТИВА?

«Человек есть мера всех вещей» — этот тезис древнегреческого философа Протагора из города Абдеры стал краеугольным камнем антропоцентричного концепта действующего авторского права. Статья 1228 Гражданского кодекса (ГК) РФ называет автором результата интеллектуальной деятельности гражданина, творческим трудом которого создан такой результат. И чтобы развеять возможные сомнения, что речь идет о физическом лице, в ч. 2 п. 1 статьи уточняется, что для признания автором творческий вклад в создание результата должен быть *личным*.

¹ См.: Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов, 2011.

² См.: Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив.

Из данного принципа, закрепленного в Общих положениях разд. VII ГК РФ «Права на результаты ин-

³ Директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университета) МИД России, кандидат юридических наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи)», «Интеллектуальная собственность в праве Европейского Союза», «Адвокатура и адвокатская деятельность» (в соавт.), «Европейское право. Отрасли права Европейского Союза и Евразийского экономического союза» (в соавт.) и др. Соавтор Закона РФ «О средствах массовой информации». Член Совета по внешней и оборонной политике, Научно-консультативного совета Суда по интеллектуальным правам, Комитета Российского союза промышленников и предпринимателей по интеллектуальной собственности и креативным индустриям. Эксперт ЮНЕСКО по законодательству о СМИ и авторскому праву. Член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Франция). Награжден медалью Федеральной палаты адвокатов РФ «За заслуги в защите прав и свобод граждан».

теллектуальной деятельности и средства индивидуализации», следует, что наличие или отсутствие гражданской право- и дееспособности для авторства безразлично. Следовательно, авторами могут быть и дети, и лица, страдающие психическими расстройствами...

Для охраны произведения авторским правом достаточно, чтобы оно было создано человеком в личном качестве. Эстетические и познавательные свойства произведения праву безразличны. Но произведение, попав в сферу действия права, становится многомерным. Оно обладает объективными потребительскими свойствами, находящимися за рамками правовой охраны.

Так, если произведение используется только для удовлетворения личных потребностей (например, похвастаться перед гостями картиной, созданной искусственным интеллектом, или развлечь их музыкой, или видеоклипом, полученным таким же путем), оно окажется в сфере, изъятой из действия авторского права. Право считает это использованием для удовлетворения личных потребностей, не нарушающим авторское право.

Если же у потребителя возникнет желание поделиться подобным произведением, разместив творение искусственного интеллекта (ИИ) в социальных сетях, продать его с аукциона или иным образом ввести в гражданский оборот, то он столкнется с проблемой. Использование ИИ в творческом процессе делает полученный результат юридически токсичным по состоянию на данный момент. Помещение результата, полученного с помощью ИИ, в сложный объект создает юридические риски, которые на сегодняшний день превышают полученную выгоду.

Популярные системы ИИ типа ChatGPT для текстов, Dall-E или Midjourney для создания изображений по текстовому описанию порождают не только нравственные, но и правовые проблемы. Функционирование таких систем основывается на способности к самообучению, то есть машинному или глубокому самообучению с использованием оцифрованных данных, доступных в сети Интернет. Тем самым осуществляется воспроизведение и переработка неопределенного числа объектов, охраняемых авторским правом. В результате неизбежно происходит масштабное нарушение прав собственности и интеллектуальных прав третьих лиц. Произведение, созданное с нарушением авторских прав третьих лиц, считается контрафактным.

Включение произведения, созданного нейросетью, в состав сложного объекта формирует риск предъявления коллективных исков авторами или объединениями авторов, чьи права были незаконно использованы. Иск может быть предъявлен и потребителями конечного продукта или ассоциациями в защиту прав потребителей, возражающими против размещения контрафактного или ненатурально модифицированного продукта в сетях дистрибуции.

Наконец, традиционные создатели развлекательного контента могут обратиться за защитой от недобросовестной конкуренции в антимонопольные органы.

Личные неимущественные права авторов оказываются подвержены эрозии в силу того, что указать конкретных авторов, чьи произведения в той или иной сте-

пени использовались, хотя отдельные фрагменты или авторский почерк может казаться узнаваемым, не представляется возможным.

Попытки добиться регистрации полученного ИИ результата в качестве объекта авторского права, промышленного образца или получить патент на изобретение, где нейросеть указана автором, встретили отказ регистрирующих ведомств.

Если мы обратимся к нормам российского права, регулирующим использование результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта, сконцентрированным в ст. 1240 ГК РФ, то столкнемся с еще одним барьером, препятствующим легализации использования ИИ. Для признания объекта в качестве сложного, дающего лицу, организовавшему его создание, право указывать свое имя либо требовать такого указания, необходимо включение в него *охраняемых* результатов интеллектуальной деятельности. Отсутствие охраняемых результатов, латентное нарушение прав третьих лиц превращают легализацию объектов, созданных ИИ, в головоломку, нарушающую основную ценность права — юридическую определенность.

В то же время, несмотря на сомнения нравственного порядка и юридические барьеры, распространение применения ИИ для неафишируемого создания контента вряд ли можно остановить.

Современное авторское право, основные постулаты которого закреплены в универсальных международных конвенциях, администрируемых Всемирной организацией интеллектуальной собственности, представляет собой причудливое сочетание двух начал: права автора в смысле «droit d'auteur», в центре которого стоит физическое лицо, создающее произведение благодаря личным интеллектуальным усилиям творческого характера, и права продюсера, изготовителя (producer, maker), где объектом охраны становятся инвестиции, вложенные в создание и/или приобретение прав на использование объекта, охраняемого авторским и/или смежным правом.

Повышение эффективности коммерческой эксплуатации потребовало жертв со стороны авторов. В результате появились механизмы редукции исключительного права автора на созданное им произведение, вплоть до отчуждения его в полном объеме. Права автора на распоряжение произведением ограничиваются непосредственно в силу закона, когда право на использование произведения на условиях исключительной лицензии или отчуждения переходит к работодателю в силу наличия трудового договора или к заказчику — при наличии гражданского договора.

Эрозия права автора на защиту своих моральных и материальных интересов, являющихся результатом его научного, литературного или художественного труда, к чему призывает ст. 27 «Всеобщей декларации прав человека», происходит в силу буквального понимания юридической фикции, когда права юридического лица приравниваются к авторским. Так было сделано для советских киностудий. За ними были сохранены авторские права в отношении снятых на них кино- и телевизионных фильмов, предоставленные им

ст. 486 ГК РСФСР, что привело к коллизии с правами авторов произведений, вошедших в фильмы составными частями.

Но принесение прав человека как создателя произведений в жертву повышению эффективности их эксплуатации приобретает собственную автономную логику и динамику. На сегодняшний день использование компьютера для создания литературных текстов, написания музыки, проектирования и других видов творческой деятельности не ставит под сомнение авторства человека, сидящего за компьютером. Такое использование считается обычным применением технического средства. Оно не умаляет личного творческого вклада автора в получение охраняемого авторским правом результата благодаря соединению физических усилий скульптора, отбивающего все лишнее от каменной глыбы, или живописца, расписывающего кистью плафон Опера Гарнье в Париже. А неговорящие орудия соавторами не становятся.

Использование труда подмастерьев, создание мануфактурных производств для изготовления циклов картин, множества серий сериалов, идущих несколько лет от сезона к сезону, потребовало постановки творческого процесса на поток. В рамках массового производства, носящего промышленный характер, роль автора изменилась. Титульный автор становится брендом изделия, созданного многими людьми. Личные неимущественные права прочих соавторов размещаются в титрах, которые прокручиваются с повышенной скоростью, дабы не потерять драгоценное для рекламы время.

Таким образом, происходит постепенное становление традиции пренебрежения авторством людей, обеспечивших результат. Но если в интересах повышения рентабельности так легко отказались от человеческого признания авторства сложных произведений, то где гарантии того, что та же участь не будет уготована правообладателям, приобретшим права у авторов за умеренное вознаграждение. Симптомы такого развития событий наблюдаются в новых законодательных инициативах. Не считается нарушением авторских прав или, в крайнем случае, использованием, требующим выплаты справедливого вознаграждения, воспроизводство произведений, охраняемых авторским правом, в процессе майнинга, осуществляемого в научных и исследовательских целях специализированными организациями.

Такой подход в Директиве 2019/790 ЕС «Об авторском праве на едином цифровом рынке», имплементацию которой в национальном законодательстве государств-членов с последующим внедрением в практику хозяйствующих субъектов планировалось завершить к 7 июня 2022 года, оправдывается тем, что таким образом снижаются административные и финансовые издержки, связанные с выполнением соответствующих

научных и исследовательских работ. Интересно, что почти 20 лет назад Директивой 2001/29 ЕС об авторском праве в цифровом обществе была предпринята попытка подвести черту под перечнем случаев, когда использовать без разрешения авторов и правообладателей и выплаты им вознаграждения. Теперь, по мере расширения возможностей использования произведений с подключением к числу активных пользователей искусственного интеллекта, черту под свободным использованием вновь приходится отодвигать.

Защита человека творческого от рисков, которые несет развитие информационных технологий, вызывающих переуплотнение управления и свертывание человеческого участия в производственной деятельности, меняя оснащение рабочих мест, строится на праве и нравственных предубеждениях. Неприятие развлекательного продукта, полученного с помощью искусственного интеллекта, основывается на инстинктивном отторжении всего искусственного и неестественного, страхом перед разной глубины «фейками».

Киберпространство как среда обитания права, защищающего человека и его творчество, сталкивается с все более многочисленными вызовами. Усиливается конкуренция креативных индустрий и онлайн-платформ, стремящихся дать свое толкование авторскому праву, расширив сферу промышленного производства контента за счет деривативов результатов интеллектуальной деятельности. Мода на NFT привела к тому, что удостоверенное право владения репликой произведения искусства стало восприниматься общественным сознанием как доступный и достойный заменитель оригинала. Ценность эксплуатации NFT, помимо демонстрации сопричастности новым технологиям, состоит в том, что позволяет минимизировать риски, связанные с транспортировкой и страхованием при проведении выставок.

Все большее число произведений малых форм, рождаемых и пребывающих в интернет-пространстве, типа шуток и речевок в Twitter, фото на социальных платформах воспринимаются скорее не как объекты авторского права, а как элементы коммуникации.

Самостоятельное бытие произведений в сети Интернет порождает все чаще встречающуюся ситуацию, когда репутация автора компрометирует результат, созданный трудом многих людей. Это объясняет стремление бизнеса к обезличиванию итогового результата, а здесь искусственный интеллект с избытком компенсирует подобную потребность как в видеоиграх, так и в реальной жизни.

Не исключено, что под давлением императивов экономической целесообразности мы придем к ситуации, когда присутствие результата, полученного с помощью ИИ, перестанет рассматриваться как токсичный элемент, мешающий правовой охране авторским правом.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- А. А. АУБАКИРОВА директор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук, доцент
- О. В. ВЕРБОВАЯ профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук
- Г. П. ЕРМОЛОВИЧ профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный артист РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор
- В. А. КОВАЛЕВ доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук
- В. И. КРУСС заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ
- Г. М. ЛАНОВАЯ профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук
- С. М. ОГАНЕСЯН профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий (Гатчина), доктор юридических наук
- П. А. ОЛЬ профессор кафедры теории государства и права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор юридических наук
- В. П. ОЧЕРЕДЬКО профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ
- Л. А. ПАСЕШНИКОВА первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук, Почетный профессор СПбГУП
- Р. А. РОМАШОВ профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ
- Р. И. СИТДИКОВА профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук
- Р. Ф. СТЕПАНЕНКО профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук
- В. В. ТРОФИМОВ начальник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук
- В. Л. ЭНТИН директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университета) МВД России (Москва), кандидат юридических наук

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Добрый день, уважаемые коллеги! Слово предоставляется бесценному председателю Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений, академику Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — По сложившейся традиции приветствую всех присутствующих и желаю успехов в работе.

Лариса Алексеевна в кратком представлении сумела сказать, что я с 1993 года являюсь председателем Оргкомитета Чтений. В 1993 году Дмитрий Сергеевич Лихачев инициировал проведение Дней науки в СПбГУП (так тогда назывались Чтения), став первым Почетным доктором Университета. После его ухода из жизни Дни науки по указу Президента России В. В. Путина в 2001 году были преобразованы в Международные Лихачевские научные чтения.

Юридический факультет СПбГУП — второй по стажу (после Санкт-Петербургского государственного университета) среди гражданских вузов Санкт-Петербурга. В его создании участвовал Александр Иванович Бастрыкин. То есть наш юридический факультет имеет славную историю.

Возвращаясь к теме секции «Право, ценности и нравственность в условиях современных глобальных трансформаций», хотел бы сказать, что право в России в своем развитии прошло огромный путь, причем это не всегда был прогресс. Сегодня мы наблюдаем, как Государственная Дума не может выполнить поручение Президента России и Госсовета — убрать из закона «Об образовании» утверждение, что образование — это услуга. Тем не менее, как говорит М. В. Шмаков, председатель Совета попечителей СПбГУП, без борьбы нет победы.

На юридической секции Лихачевских чтений обсуждаются важные для юриспруденции проблемы и новые веяния жизни. Выступления юристов можно сравнить с музыкой, их речь прекрасно выстроена и точно выверена. Может быть, это связано с тем, что право влияет на жизнь людей, поэтому необходимо подбирать слова и формулировать терминологию. Тем, кто сегодня получает юридическое образование в нашем Университете, предстоит быть на переднем крае борьбы, которую ведет передовая юридическая наука за совершенствование отечественного права и правоприменения. Россия — особая страна с непростой историей права. Уверен, что у нас впереди светлое будущее. Этому способствуют в том числе и такие конференции, как наша, когда знания передаются от старшего поколения младшему.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, поздравляю всех с приближением лета, которое традиционно связано с Лихачевскими чтениями. Ректор А. С. Запесоцкий сказал, что традиции проведения Лихачевских чтений уже 30 лет. Одновременно 30 лет назад была принята Конституция РФ, так что мы идем в ногу со временем и в направлении, задаваемом нашим государством.

Слово предоставляется первому проректору СПбГУП, куратору юридического факультета Ларисе Алексеевне Пасешниковой.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые участники Лихачевских чтений! Рада приветствовать замечательную юридическую общественность, теоретиков и практиков, педагогов нашего юридического факультета и, конечно, студентов — будущих юристов, которые сегодня осваивают юридическую науку.

Традиционно в рамках второго дня Чтений работает юридическая секция. И те, кто участвует в Чтениях не первый год, видят происходящие динамические изменения, что отражается в том числе в названии Лихачевских чтений. Долгие годы они были посвящены диалогу культур и партнерству цивилизаций. Отчасти составной частью культуры является и право, юриспруденция.

На пленарном заседании и панельной дискуссии был задан вектор обсуждений, и сегодня на секционном заседании мы в рамках заданной направленности продолжим говорить о проблематике, волнующей юристов. Желаю успехов в работе нашей секции и уверена, что нас ожидает результативная дискуссия.

Предоставляю слово для приветствия одному из руководителей секции профессору Владимиру Ивановичу Круссу.

В. И. КРУСС: — Обобщая проблематику нашей секции, мы намерены обсудить основные проблемы, возникшие в тревожную историческую эпоху, с позиций юридической профессиональности. Мы мыслим себя юристами, от которых зависит бытие права на планете, в культуре и цивилизации.

Мне нравится высказывание американского философа и социолога Гарольда Джона Бермана, что право — это то, что ученые-юристы думают и говорят о праве. И поскольку студенты слушают, что говорят ученые-юристы и преподаватели о праве, постольку они становятся причастными к праву и генерируют виртуальную правовую материю, которая сейчас немного вытесняется фейковой цифровой виртуальностью. Но все-таки она остается и будет, условно говоря, аналоговым образом определять перспективы будущего всего человечества и России как хедлайнера человеческой истории, у которого особая миссия. А у юристов особая миссия по отношению к праву.

Огорчает, что дискурс, который сейчас выстраивается, выводит юридический голос за рамки полифонии: он звучит очень слабо — его приглушают то ли искусственно, то ли в силу объективных предпосылок. И сами юристы не стремятся говорить что-то подлинно юридическое, что могло бы дополнить, усилить, углубить, развить нашу общую потребность в коллективном высказывании и коллективном ответе на вопросы, которые стоят перед нами.

Вчера на пленарном заседании Чтений присутствовал Николай Семенович Бондарь, судья Конституционного Суда с 20-летним стажем, крупнейший российский конституционалист. В одной из своих недавних статей он поставил вопрос о философско-библейском измерении современного российского конституционализма, в рамках которого возможно выстроить специфическое понимание основной идеи права и равенства как конституционного равенства, в котором (дескрип-

тивным на сегодняшний день образом) описывается переход от равенства людей по формальным основаниям к подлинному конституционному равенству между собой и в их отношениях с государством, а сейчас и в отношениях России со всем миром. Хотел бы, чтобы мы сегодня поговорили об этом на нашем секционном заседании.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Роману Анатольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Международные Лихачевские научные чтения — уникальный интеллектуальный формат, предполагающий определенную технику. Вчера на пленарном заседании и панельной дискуссии прозвучали яркие выступления, а сегодняшний самостоятельный этап предполагает осмысление, в том числе культурологическое, тематического блока «Право», ценностей и нравственности, поэтому прошу в своих выступлениях проследить соотношение таких понятий, как «ценность», «право», «право как ценность», «нравственное восприятие права как ценности», в том числе как ценности национальной культуры.

Академик Д. С. Лихачев, ставший инициатором проведения Чтений, позднее названных в его честь, является одним из авторов «Декларации прав культуры». Традиционное восприятие прав человека в настоящий момент может быть дополнено национальной культурой как самостоятельным объектом права. Поэтому прошу в своих выступлениях проанализировать в рамках культурологического аспекта понятия, которые вынесены в название нашей секции.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Вчера на пленарном заседании в ходе обсуждения мне было приятно услышать высказывание нашего Почетного доктора, выдающегося философа Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, которое я приведу в развитие Вашей, Роман Анатольевич, мысли: «Пожалуй, главная ценность пленарного заседания и панельной дискуссии не в том, чтобы дать готовые ответы, а в том, чтобы звучали раздумья, даже из уст людей, которые обычно следуют практическому вектору, например от представителей Министерства иностранных дел М. В. Захаровой и А. И. Денисова».

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется доктору юридических наук Владимиру Ивановичу Круссу.

В. И. КРУСС: — На днях произошло важное для российской юридической науки событие — награждение председателя Конституционного Суда РФ Валерия Дмитриевича Зорькина орденом Святого апостола Андрея Первозванного в Кремле. Награждение главы юрисдикционной власти означает признание всей юридической науки.

Несколько дней назад, выступая на конференции в Санкт-Петербурге, я говорил о третьем издании книги В. Д. Зорькина «Право против хаоса», в которой одновременно жестко и патетично-художественно констатируется в том числе то, о чем говорилось вчера,

но с использованием юридического языка. Глобальный кризис современности В. Д. Зорькин увязывает прежде всего с фундаментальным кризисом права, поскольку цивилизация, которая мыслится в контексте цивилизационной парадигмы и существовала на протяжении последних двух тысячелетий, характеризуется как цивилизация права. Очевидно, что кризисность и цивилизация права взаимосвязаны. Можно найти много примеров того, в какой мере цивилизация права отказывается от права ради конкретно-исторических ситуационных стратегических (военно-политических, экономических и др.) интересов, отрекаясь тем самым от права и необходимых, установленных правом ограничений по отношению к самому праву и ко всему, что это право призвано сохранять, обеспечивать, культивировать в мире, в том числе в культуре.

Размышляя о кризисе права, В. Д. Зорькин озвучил тревожные и печальные мысли: он уверен в том, что будущее человечества и России невозможно без устойчивой, эффективной, легитимной в широком смысле, в том числе культурологическом, соционормативной системы, ядром которой должно оставаться право. Но право, с которым мы уже сроднились (удобно думать, что оно будет существовать всегда), сегодня переживает глубочайший кризис. Поэтому необходим поиск чего-то нового.

В. Д. Зорькин говорит о поиске новой цивилизации права и, по сути, нового права. Но подобная перспектива и дальнейшая логика такого дискурса меня смущают, потому для ученого-конституционалиста российское право — только конституционное право в широком смысле. Этот поиск, по словам В. Д. Зорькина, с одной стороны, должен ориентироваться на канонические модели, образцы, которые коренятся в западной традиции права, а с другой стороны, сегодня происходит кризис, в том числе юридический, не только внешний (который запущен триггером СВО), но и глубоко подготовленный и негативно выношенный изнутри, в том числе в новейшей тридцатилетней истории российского конституционализма. Последняя ознаменовалась тем, что сегодня, по словам В. Д. Зорькина, применительно к России мы имеем дело с необходимостью самоопределения, самоохраны и выживания в контексте глобального конфронтационного сюжета.

Он говорит и о том, что внутри мы имеем дело с глубоким и «всеохватным отчуждением, разрывающим на куски все ранее устойчивые социальные общности», в том числе делая отсылки, например, к эпохе Александра II, когда в России зарождался либерально-демократический экстремизм, внутрисоциальная террористическая идеология. Русских народовольцев и террористов вдохновляли не наставники из современных центров террористического программирования и не адепты традиционных фундаментальных религий, а все та же либеральная апологетика человеческого космизма и юридической основательности притязаний человека на самоутверждение, о которой писал гениальный русский писатель Ф. М. Достоевский. Квинтэссенция антропологии начинающегося перерождения человеческой личности представлена в его романе «Бесы». Город Скотопригоньевск из этого произведе-

ния списан Федором Михайловичем с Твери третьей четверти XIX века.

Вчера М. В. Захарова сказала о том, что хотела бы усилить контрастность вынесенного в название панельной дискуссии вопроса «Какую многополярность мы предвидим?», поскольку речь идет не об идеологии и конфликте, потому что и то и другое возможно только в дискурсе однородности, соотнесенности исходных установок и смыслов, а о радикальном противостоянии, в том числе об антикультуре.

Я настаиваю на необходимости введения и научного, юридического, конституционно-правового осмысления категории «антиценности». Конституционные ценности — основание, на котором должен зиждиться фундамент реального конституционализма России. Конституционные ценности чрезвычайно емко и функционально определяют соционормативное упорядочение и задают перспективу конституционного регулирования, они нормативные, информационные, наставнические, оказывают глубокое воздействие на власть имущих и простых людей. Но конституционные ценности оказываются не до конца продуманными, прочувствованными и в этом смысле не до конца эффективными.

Конституционная наука должна определиться с антиценностями для того, чтобы окончательно отредактировать формат конституционных ценностей, на основании и в силу которых будет развиваться проект новой Конституции России, актуализирующийся после окончания СВО.

Прочитав Евангелие от Матфея — источник, который ни у кого не вызовет возражений, — где речь идет об антиконституционных антиценностях, которые существуют и в глубинном измерении современной России. Юридическая наука, воплощенная в формате конституционных установок, может их купировать и обеспечить им противодействие, потому что антиценности есть предпосылка к злоупотреблению правом. Первое искушение Иисуса Христа дьяволом: «И приступил к Нему искушитель, и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». Первый конструкт фундаментальных антиценностей — апологетика хлебов насущных в разнообразном выражении (начиная от минимального продуктового набора и заканчивая гастрономическими прыжками). Второе искушение — апологетика прыжания с крыш или гуляния по крышам, третье — сверхапологетика власти, которая переводит ее в категорию абсолютной антиценности и требует редактирования в контексте осмысления власти как долга и служения долгу.

Р. А. РОМАШОВ: — Владимир Иванович, что нужно сделать с антиценностями? Уничтожать в контексте ценностей?

В. И. КРУСС: — Предлагаю говорить об антиценностях с позиции духовной метафизики конституционного сознания. В. В. Путин первым констатировал

факт: то, что нам сегодня противостоит, называется сатанизмом. Моя десятилетняя дочь спросила: «А дьявол существует?» Страшный вопрос, потому что не знаешь, как на него ответить. Отвечаю кратко: «Существует». Второй вопрос: «А почему он существует?» Начинаю думать, как ответить на этот вопрос, и слышу третий вопрос: «А почему ты думаешь, что он существует?» В многообразии этих вопросов — вся полнота проблематики антиценностей. Я попытался обозначить дискурс подсказок применительно к тому, как мы должны определять антиценности.

Как противодействовать антиценностям? Вчера в Казанском соборе я увидел очередь, выстроившуюся к иконе Казанской Божией Матери. А выйдя на Невский проспект (гоголевский), увидел поток более или менее счастливых людей, совершенно не думающих о том, что есть собор и икона. Можно ли людей правовым образом направить на путь верования в Бога, без которого не может быть противодействия антиценностям и приобщения к ценностям (в связи с этим можно привести огромное количество цитат представителей русской религиозной философской традиции права)?

Право не может запретить антиценности, за исключением того, что будет воплощено в активных контрправовых и антисоциальных действиях и поступках, но может взаимосвязанным с правом образом маркировать их со знаком «минус». Это не значит, что право не знает о существовании антиценностей и о том, что на уровне Конституции не может быть определена стратегия противодействия им.

Стратегия противодействия антиценностям — противодействие злоупотреблению правом. Конституция РФ в современном выражении определяет недопустимость злоупотребления правом и необходимость противодействия этому. В новой Конституции РФ, о которой мы начнем говорить через несколько лет, когда наступит ее время, нужно будет редактировать алгоритмику этого сложного, гибридного явления.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Роману Анатольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Тема нашей секции «Право, ценности и нравственность в условиях современных глобальных трансформаций» предполагает, что в первую очередь нужно определиться с понятием «ценности». По мнению моего товарища Юрия Ветютнева, ценность — понятие конструктивное, это то, что у тебя есть и за что ты согласен платить ресурсами (временем, жизнью и пр.), либо то, чего у тебя нет и за обретение чего ты опять-таки согласен платить. Поэтому разговоры о том, что существуют некие ценности и что-то является бесценным, для юриста в достаточной степени абстрактны. Прежде всего нужно понять, что такое ценности.

Как представляется, такому пониманию способствуют два важных документа — указы Президента РФ от 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который относится к документу стратегического планирования, и от 31 марта 2023 года «Об ут-

верждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

Считаю, что Концепция внешней политики России носит революционный характер, потому что она вводит в качестве ценностных категорий понятия «русский народ» и «русский мир». Напомню, что во всех конституциях Советского Союза (в Российской империи конституции не было, поэтому говорить о конституции как ценности по отношению к этому периоду не имеет смысла) понятие «русский народ» упоминается только один раз — в преамбуле Конституции РСФСР 1978 года. В современной Конституции поправки, внесенные в 2020 году, вводят понятие «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации», однако не конкретизируют название государствообразующего народа. Возникла правовая коллизия.

Преамбула и ст. 3 Конституции РФ оперируют понятием «многонациональный народ Российской Федерации как носитель суверенитета и источник власти». В ст. 68 речь идет о государствообразующем народе, говорящем на русском государственном языке и входящем в многонациональный союз равноправных народов.

Концепция внешней политики РФ определяет, что Российская Федерация является государством-цивилизацией, объединяющим русский и другие народы, образующие в совокупности Русский мир. Важный момент, что в качестве ценностей определены русский народ и Русский мир, в качестве антиценности — коллективный Запад (Соединенные Штаты Америки и их сателлиты, которые ведут гибридную войну против России).

Еще один момент, на мой взгляд, является важным с точки зрения права, ценностей и нравственности. Вплоть до принятия Концепции внешней политики Россия на государственном уровне использовала такие понятия, как «братский народ» и пр. В настоящее время в Концепции закреплена рациональный ценностный подход к внешнему окружению России, который является ребрендингом известной фразы лорда Пальмерстона: «У Англии нет ни постоянных союзников, ни постоянных врагов. У Англии есть только постоянные интересы».

В настоящее время Концепция внешней политики определяет, что Россия воспринимает страны, которые ее окружают, в трех контекстах: конструктивном, нейтральном и недружественном. Здесь авторы Концепции пошли по пути политкорректности, потому что если мы констатируем, что против России ведется гибридная война, то это не недружественный субъект, а враждебный.

В настоящее время, и мне кажется это позитивным моментом, правовые, государственные, национальные ценности определены. Установлено, кто мы в этом мире, кто противостоит нам, и отношение России к тем, кто противостоит ей. В Концепции говорится о том, что Россия не воспринимает Запад враждебно и готова к конструктивному диалогу, когда будет взаимное стремление. Мы диалог не навязываем, но не приемлем насильственного, агрессивного влияния на Рос-

сию. В таком понимании в условиях глобальных трансформаций Россия, каждый из нас выстраивает ценностные ориентиры, которые помогают найти свое место в современном меняющемся мире и главное — отстаивать свое право на счастье, которое есть у каждого из нас и у нашего государства в целом.

В. А. КОВАЛЕВ: — Роман Анатольевич, Вы сказали, что бессмысленно говорить о конституционных ценностях по отношению к периоду Российской империи, поскольку тогда не было конституции. Получается, что ценность существует только в тот момент, когда она сформулирована? Или в сравнении с физическими законами: можно ли говорить о том, что закон всемирного тяготения появился только тогда, когда Ньютон его сформулировал?

Р. А. РОМАШОВ: — Современный мир существует в контексте триады: государство, право, преступление. Не имеет смысла рассматривать право и преступление в отрыве от государства, так же как не имеет смысла рассматривать государство в отрыве от права и преступления. Юридический закон возникает тогда, когда он сформулирован на государственном уровне. Международное право существует тогда, когда конкретное государство признает ту или иную норму, решение. Естественные права в юридическом понимании возникают тогда, когда они провозглашены на конституционном уровне. Поэтому на конституционном уровне Россия как федеративное государство существует с 1918 года, когда на законодательном уровне была провозглашена федерация. Россия как правовое государство существует с 1993 года, когда было закреплено, что Россия — правовое государство. Спекуляция перестала быть составом преступления после того, как ее исключили из Уголовного кодекса. Закон всемирного тяготения существует с того момента, когда Исаак Ньютон его сформулировал и ввел в научный оборот. Поэтому мы говорим о том, что есть предпосылки, условия и правовая реальность. В таком понимании мы рассматриваем формальные юридические категории: закреплено — значит, существует.

В. П. ОЧЕРЕДЬКО: — Вообще физические и юридические законы — это принципиально разные явления. Физические законы существуют вне деятельности человека. Яблоко все равно упало бы, и не важно, сформулировал Ньютон закон всемирного тяготения или нет. А юридические законы реализуются в условиях человеческого сообщества, кроме того, в том случае, когда они сформулированы. Ставить знак равенства между принципиально разными физическими и юридическими законами значит сравнивать несравнимое. Можно ли сравнивать принципиально различные законы человеческого сообщества, которые формулируются Госдумой, и физические законы?

Р. А. РОМАШОВ: — Можно, если мы говорим о специфике русского языка: с его помощью можно сформулировать абсолютно все. Могу ли я написать на доске «рубль»? Могу. Приобретет ли в этом случае

доска качество платежного средства? Нет. Поэтому, когда мы говорим: «Государственная Дума принимает законы», это примерно то же самое, что сказать: «Исаак Ньютон создал закон всемирного тяготения».

Право и закон могут быть воплощены в трех основных образах. Право — это традиция, которая передается от поколения к поколению, старшее поколение определяет закон для младшего. Право — это закон, который формулирует начальник, приказ начальника — закон для подчиненного. И наконец, право либо закон — это то, что одинаково и объективно для всех. В таком понимании закон всемирного тяготения и закон Российской Федерации, закон Соединенных Штатов Америки — это одно и то же, объективная реальность. И люди ее не создают, а открывают, вводят. А дальше мы говорим о том, что закон всемирного тяготения нарушить нельзя. Законы, которые принимают люди, нарушить можно, но сам закон не меняется.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляет профессору Василию Владиславовичу Трофимову.

В. В. ТРОФИМОВ: — Прежде всего хочу выразить слова признательности организаторам Лихачевских чтений за прекрасную работу и приглашение участвовать в столь представительном форуме.

Тематика, вынесенная в заглавие очередных Лихачевских научных чтений, безусловно, сложна, масштабна и междисциплинарна. На пленарном заседании праву было уделено не столь много внимания, как хотелось бы нам, правоведам и юристам. Все спикеры, которые выступали в рамках пленарного заседания и панельной дискуссии, говорили о сложных принципиальных проблемах: о суверенности, многополярности, экономике, культуре и нравственности, но вопросы права практически не рассматривались. Хотя в своем выступлении Е. Г. Драпеко высказалась по поводу нового закона о культуре, который пока не принят, а М. В. Захарова — по поводу права в части антитеррористического законодательства, в том числе международного права. Однако феномену права как средства решения проблем, вынесенных в заглавие нашего форума (диалог, конфликт, цивилизация, культура и т. д.), должного внимания не уделялось. Мы говорим о силе, о том, что нужно повышать ВВП и тому подобном, но почему-то умалчиваем о том, что нужно искать новые формы права и решать проблемы цивилизованным образом посредством правовых средств.

Сегодня право претерпевает кризис, хотя и продолжает оставаться действенным рычагом. В прошлом году судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев дал довольно точную характеристику международному праву, что оно фактически разрушено, разорвано в клочья. Сегодня в международном праве мы не ищем панацею как в способе решения проблем международного характера в условиях, когда мир переживает период сложных трансформаций.

Роман Анатольевич сказал, что современный период расставил точки над «i», в чем и заключается его ценность. Пресловутые красные линии, которые мы чертим и предпринимает соответствующие действия,

фактически сделали мир более открытым и честным. До этого присутствовала фальшь, когда мы называли друг друга партнерами, старались не замечать отдельных моментов в отношениях друг с другом. Мир в этом плане стал более прозрачным, транспарентным и искренним. В этом заключается ценность данного периода, который становится точкой отсчета для нового этапа развития. Но это развитие, как пишет В. Д. Зорькин, не следует осуществлять хаотично.

Хаос, который нас окружает, нужно упорядочивать. Одно из важнейших средств упорядочения — это право. Но если право ранее испытало кризис, то где гарантия, что новое право, которое мы будем воспроизводить в старом виде, не даст сбой. Значит, и на право нужно посмотреть иначе, о чем я пытался сказать в своем докладе «О праве конфликтов и праве сотрудничества как отражении сложных трансформационных процессов в современном мире».

На мой взгляд, на современное право нужно смотреть с социально ориентированных позиций. Право ориентируется на предметные сферы общественных отношений и согласно предмету и методу подразделяется на уголовное, гражданское и т. д. Мы знаем, что право со времен Ульпиана опирается на преобладающий интерес и в этом смысле подразделяется на публичное и частное право.

Но право — это прежде всего социальная жизнь. Почему-то на характер социальных отношений, как микросоциальных, так и глобальных, не обращали должного внимания, хотя еще Гуго Гроций в своей книге «О праве войны и мира» отметил, что мир реализует две стратегии — стратегию мира, сотрудничества и стратегию конфликтов. Я предлагаю расставить все точки над «i», рассмотрев современное право с социально ориентированных позиций.

Право может быть конфликтным, регулировать конфликтные отношения между субъектами. Конфликт — одна из главенствующих стратегий современной жизни, которая вряд ли исчезнет в скором времени. Ресурсов становится все меньше, климатические прогнозы — все неутешительнее, населения — все больше, поэтому борьба за ресурсы и средства выживания будет продолжаться. Следовательно, надо учиться жить в этом мире, дефицитном с точки зрения природных начал.

Право позволит нам сохранить человеческий облик, цивилизованность, но нужно рассчитать предельный уровень социального контекста. Тем более что в истории правовой мысли идеи солидаризма, солидарного права очень сильны, как и идеи конфликтного права. Само понятие «конфликтное право» в свое время было использовано русским правоведом М. И. Бруном, который написал «Очерки истории конфликтного права», где речь идет о правовых коллизиях. Конфликтное право — это средство разрешения данных коллизий. То же касается и солидарного права. Если мы посмотрим на право с этих позиций, то приблизимся к правильному его применению.

В. А. КОВАЛЕВ: — Василий Владиславович, Вы упомянули Гуго Гроция, но за много веков до него греческий историк и политический деятель Фукидид вы-

сказал мысль, что мир — это короткий промежуток времени между двумя войнами. Выделение таких абстракций, как война и мир, на мой взгляд, — явление Нового времени. До этого люди не воспринимали их раздельно, война и мир были частью единого взаимодействия между народами и понимались холистически. Согласны ли Вы с этим утверждением?

В. В. ТРОФИМОВ: — Пожалуй, да. Так же как и конфликт и сотрудничество — неотъемлемые спутники человеческого существования. Все зависит от расстановки акцентов и соблюдения баланса. Если конфликты будут преобладать, мы будем жить в сложных, некомфортных условиях. Значит, нужно учиться минимизировать конфликты и расширять сферы сотрудничества. И у нас должно быть столько опыта, чтобы мы смогли решить эту задачу средствами конфликтного и солидарного права. Два метода — императивный и диспозитивный — есть не что иное, как отражение этих двух стратегий. Императив — это граница, которую нельзя переходить, поскольку конфликт разрушит социальную систему, а диспозитивное начало даст нам возможность усилить эту сферу. Предлагаю использовать эти ресурсы.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Павлу Андреевичу Олю.

П. А. ОЛЬ: — Я, как лицо, аффилированное с государственной структурой, буду говорить в контексте государственных интересов. В развитие тезисов, заявленных в моем докладе «Влияние глобальных изменений на общественное восприятие ценностных основ права», отмечу несколько моментов.

Любая трансформация является глобальной и затрагивает основные сферы жизнедеятельности общества и человека. На динамику социальных изменений влияет в том числе научно-технический прогресс (цифровизация, развитие технических средств и пр.). Кроме того, истоки глобальных изменений кроются и в социальной природе человека, которая проявляется как воля к общению, сотрудничеству и кооперации. Группу лиц, объединенных на основе этого принципа, мы называем коллективом, а сам принцип — коллективизмом.

В коллективе всегда возникают противоречия, конфликты между индивидуальными и коллективными потребностями. Снятие противоречий происходит почти на чувственном уровне, когда человек оценивает возможность своего существования вне коллектива. Коллективное неприятие воспринимается как уничтожение личности, то есть коллективизм является одной из фундаментальных человеческих ценностей. На этом принципе основывается понятие социальной нормы, а также строятся международные отношения, в которых этот принцип выступает как принцип коллективной безопасности.

В настоящее время в международных отношениях продолжается разрушение колониальных основ. Сегодня высшей формой коллективной организации является Организация Объединенных Наций, а высшей правовой нормой — Устав ООН. Эта политико-правовая

форма стала средством снятия противоречий в международных отношениях. Посредством нее нивелировалось стремление субъекта международного права к проявлению индивидуализма, мировому или региональному доминированию. Баланс интересов обеспечивал стабильность международных отношений. Существующая международная правовая система, основанная на принципе коллективизма, препятствует насаждению порядка, основанного на правилах. При этом, препятствуя глобальному доминированию, международная правовая система неудовлетворительно выполняет свою функцию по снятию противоречий между индивидуальным и коллективным.

Сегодня происходит изменение общественного правосознания в сторону его атомизации и индивидуализации. Такое «правопонимание» ведет к разрушению основ коллективного существования. Но именно коллективизм как основа нравственности должен пронизывать человеческое правосознание. С этим связано понимание справедливости, которое невозможно без понятия коллектива. То есть быть социально справедливым — значит позволять обществу существовать.

Необходимо осуществлять правовое воспитание и формирование правовой культуры на основе принципа коллективизма, а не индивидуального потребительства. Воспитание не должно основываться на приоритете индивидуальных потребностей человека, которые обозначаются термином «естественные неотъемлемые права человека». Надо признать, что коллектив может и должен ограничивать волю индивида в своих интересах, а значит, в интересах социальной природы человека.

Иван УЗЛОВ, II курс, юридический факультет: — Павел Андреевич, не является ли такой коллективизм в контексте международного права деструктивной категорией?

П. А. ОЛЬ: — Для этого и существует право, чтобы создавать баланс между коллективным и индивидуальным, между публичными и частными интересами. В целом это движение, то есть равновесие может быть только динамическим. Важны и коллективное, и индивидуальное начала. Чрезмерное стремление к коллективизму может привести к перегибам. Так было, например, в Китае накануне «культурной революции». Для этого существуем мы, юристы, и норма как форма снятия противоречий.

И. УЗЛОВ: — То есть не существует идеальных моделей, а есть предпочтительные?

П. А. ОЛЬ: — Нет, баланс права — это всегда баланс равновесия, оно для того и существует.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Виктору Пантелеевичу Очередыко.

В. П. ОЧЕРЕДЬКО: — Сегодня прозвучали в основном выступления теоретиков права, потому что постановка проблемы «Право и нравственность» ориен-

тирует на такое осмысление. Тема моего выступления — «Российское правосудие в условиях современных глобальных трансформаций» — более конкретная и прикладная.

Право испытывает на себе глобальные трансформации, так же как и экономика, политика, культура. Преступления не существует, пока о нем не сказали юристы. Изменения и трансформации в экономике и политике не существуют, пока они не обрели правовую определенность. И поэтому разговор о трансформациях в праве, на мой взгляд, весьма актуален. Институты права испытывают воздействия, среди них — институт российского правосудия, страны, которая оказалась на гребне трансформации, как сказал А. Гутерриш, разлома Востока и Запада.

Право оказывается перед вызовами глобальной трансформации и лихорадочно ищет ответы на возникающие вопросы. Чтобы лучше понять вызовы и сформулировать ответы, в поисках которых развивается право, нужно поместить российское правосудие в исторический контекст.

Современное российское правосудие развивалось в рамках глобализационных процессов и в русле широкой трансформационной волны, которая в 1990-е годы шла под названием «вхождение российского общества в цивилизованную семью европейских народов». В контексте этой волны предпринимались широкомасштабные усилия по инкорпорации российского правосудия в европейский контекст. Успехи были очевидны. Российское правосудие — наверное, самый удачный проект в формировании европейского облика государственных институтов. По сути, функционирование российского правосудия (его институтов, процессуального порядка, статуса российского судьи и пр.) — это опыт России в стремлении обрести цивилизационное начало.

В 2000-е, 2010-е и 2020-е годы реализовывалось стремление ввести Россию в европейскую цивилизованную семью народов. Но эти усилия сопровождались формированием побочных эффектов. С нулевых годов мы стали замечать, что наша экономическая жизнь основывается на западноевропейском праве.

Развитие правосудия и общества в глобализационном контексте в 2010-е годы привело к возникновению противоречий, обусловило возникновение проблем и взаимного недоверия между Россией и Европой. В результате мы наблюдаем двойные стандарты, что, по сути, означает разрушение международного права. Все это поставило правосудие перед вызовами в виде разрушения общего правового пространства, прежде всего европейского. Это разрушение проявляется, во-первых, в принятии западными странами масштабных ограничительных мер в отношении России; во-вторых, в разрушении механизма взаимного признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений. До этого и в нулевые годы дело с признанием наших решений западными странами и инстанциями обстояло не очень хорошо. В настоящее время все механизмы признания решений иностранных судов, по сути, парализованы. В-третьих, в разрушении общеевропейского гуманитарно-правового пространства. Рос-

сия вышла из Совета Европы, а также из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека.

Я назвал три характерные черты разрушения общего правового пространства. Российское правосудие вынуждено искать ответы на возникающие вызовы. Первый ответ — развивается суверенизация российского правосудия на фоне усиления санкционного давления. Проблемой суверенизации правового пространства занимается, в частности, профессор Г. А. Гаджиев. Суверенизация российского правосудия на фоне усиления санкционного давления проявляется в создании конституционных оснований для этого. В 2020 году конституционные нововведения предоставили Конституционному Суду право быть окончательной инстанцией при признании или непризнании решений международных судебных органов. Второй ответ — происходит суверенизация юридического сопровождения, формирование новых инструментов судебной защиты прав и интересов российского бизнеса. При этом возникли уникальные условия, когда стремление осуществить суверенизацию совпало с внешним давлением. Российский бизнес вывели из-под правовой помощи западного правосудия.

В. В. ТРОФИМОВ: — Виктор Пантелеевич, спасибо за самое интересное выступление о суверенизации судебной российской системы в контексте международного положения. Скажите, пожалуйста, выход России из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (надгосударственной инстанции как критерия для национального правосудия) положительно скажется на правосудии Российской Федерации или у такого решения есть недостатки?

В. П. ОЧЕРЕДЬКО: — Недостатки и опасности очевидны, и странно было бы это отрицать. Но существуют проекты, направленные на компенсацию возникающих опасностей. Так, высказываются предложения о создании собственного института. По большому счету нет необходимости плодить новые сущности без особой надобности. По сути, создание нового института было бы обусловлено перераспределением уже существующих юрисдикций между имеющимися юридическими формами. Если говорить о формировании национального аналога Европейскому суду по правам человека, то такие идеи существуют, и в скором времени мы об этом услышим, в частности о формировании Евразийского суда по правам человека. Кроме того, существуют проекты по созданию Суда по правам человека в странах ШОС, БРИКС и т. д.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Галине Михайловне Лановой.

Г. М. ЛАНОВАЯ: — Мне хотелось бы обратиться непосредственно к теме, которая вынесена в название секции, и поговорить о праве, ценностях и нравственности в условиях современных глобальных трансформаций.

Нас, юристов, прежде всего интересует право и то, что с ним происходит. Ситуация, в которой мы сегодня

пребываем, показывает, что право может быть эффективным, действенным и социально полезным только тогда, когда оно опирается на нравственные ценности и остается феноменом культуры.

Сравнение национального и международного права позволяет подтвердить мой тезис. Международное право опирается на конвенциональные ценности, будучи изначально феноменом западной правовой культуры, христианской цивилизации, но в своем развитии оно пришло к принципиально иному состоянию. Сегодня международное право — это мультикультурный феномен. Однако поскольку право не может функционировать вне культурного контекста, участники международных правовых отношений, опираясь на определенные принципы, конвенционально приходят к тому, что базовыми принципами и ценностями международного права по-прежнему признаются ценности западной культуры.

В ситуации политических конфликтов, непонимания, нежелания отдельных участников субъектов правоотношений придерживаться принятых договоренностей право рассыпается как картонный домик. То есть право, которое основано на конвенциональных ценностях, к сожалению, не может быть устойчивым и эффективным предсказуемо долго.

Когда мы говорим о национальном праве, то исходим из того, что это феномен национальной культуры. И за счет связи с нравственностью, духовностью, ментальностью народа право остается стабильным, функционирующим вне зависимости от того, в каких условиях оно существует и какие глобальные трансформации происходят в социуме и мире. Здесь, на мой взгляд, связь права и нравственности сохраняется и в условиях глобализации остается фактором, обеспечивающим устойчивое эффективное функционирование права.

В связи с этим усилия государства, которые сегодня предпринимаются с целью сохранения культурных, духовных основ, нравственных ценностей, полезны и необходимы в современных условиях, когда право, основанное на конвенциональных ценностях, не работает так эффективно, как право, неразрывно связанное с нравственностью и духовностью общества.

На мой взгляд, правовых ценностей как таковых не существует. Право принимает те ценности, которые существуют в политической и нравственной сферах, и ранжирует их. Если право отказывается от ценностей, существующих в обществе, и предлагает свои, то такое право не сможет долго существовать и эффективно функционировать.

Р. А. РОМАШОВ: — Галина Михайловна, Вы сказали, что право не закрепляет правовых ценностей. Но, возможно, право как явление культуры само по себе представляет правовую ценность?

Г. М. ЛАНОВАЯ: — По-моему, мы не должны рассматривать право как собственно правовую ценность. Это скорее ценность более широкого плана — социальная, нравственная, политическая и даже экономическая, если мы говорим об инструментальной ценности права для регулирования экономических отношений.

В. А. КОВАЛЕВ: — Но почему мы не можем «перевернуть» это утверждение и заявить, что политических ценностей как таковых не существует, так как они принимают вид правовых ценностей? Если мы считаем эти феномены равнозначными, то почему право автоматически является вторичным относительно политики, культуры, религии, нравственности? В Древнем Риме, например, политика воспринималась через право, а не право через политику.

Г. М. ЛАНОВАЯ: — Да, в определенных условиях право воспринималось совсем не так, как сейчас. И действительно, в Древнем Риме вообще все рассматривалось через призму права. Но в современном обществе право — это инструмент, форма. И когда мы говорим о собственно правовых ценностях, то все равно возвращаемся к мысли, что право где-то заимствовало. По-моему, право для современного человека остается той формой, которая востребована до тех пор, пока она сохраняет свою инструментальность. Как только право перестает быть инструментом решения каких-то значимых для общества или индивидуума проблем, оно утрачивает свою ценность. Сегодня мы наглядно видим это на примере международного права.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляет профессору Розе Иосифовне Ситдиковой.

Р. И. СИТДИКОВА: — Одной из важных трансформаций современного общества стало широкое распространение искусственного интеллекта (ИИ) в самых разных областях. Если на первых порах мы воспринимали его как помощника, призванного заменить человека на некоторых тяжелых или рутинных работах, то самообучающийся ИИ — нечто совсем другое. Сегодня он рисует картины, сочиняет стихи, музыку и т. д. На базе «творчества» ИИ уже сформировалась целая субкультура. В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать результаты этой деятельности интеллектуальной собственностью, и если да, то кто является их автором?

К этому вопросу существует несколько подходов. Первый предполагает, что автором является ИИ. Но это противоречит действующему законодательству, в котором прямо указано, что автором может быть только физическое лицо. Сторонники второго подхода утверждают, что ИИ следует считать соавтором. Согласно третьему, самому распространенному подходу автором всего, что создает ИИ, является его разработчик.

Я решила «побеседовать» с ИИ. «Попросила» чат-бот ChatGPT дать определение интеллектуальной собственности в стихотворной форме, он выдал в виде белого стиха. Строки нерифмованные, но в целом совсем неплохо. Потом я спросила, каким законом регулируется охрана интеллектуальной собственности, но он назвал совсем не тот закон! Так что, господа студенты, если вы собираетесь написать курсовую или дипломную работу с помощью ИИ, имейте в виду, что доверять ему все же нельзя. Однако ИИ может быть полезным инструментом, когда требуется сформулировать фразы с неким «общим», неконкретным смыслом. Сле-

дующий вопрос: «Занимаешься ли ты творчеством?»
 Ответ: «Я, как искусственный интеллект, не способен заниматься творчеством в традиционном смысле. Однако я могу помочь».

«На каком языке ты думаешь?» — «На разных, но большей частью на английском».

«Интересно тебе писать стихи?» — «Могу помочь тебе». Насколько я поняла, сам он к поэтическому творчеству интереса не испытывает. Но я попыталась все же заставить его написать несколько строк в рифму. Предлагала разные стили, написание справа налево, но ничего из моих стараний не вышло. Все-таки в рифму он не умеет. Ну и слава богу, что хоть здесь он не может с нами тягаться. Это меня вдохновило, и я написала:

Бывают собственности разные,
 есть и интеллектуальная,
 она дороже всего авторам,
 хотя и нематериальная.
 Пусть не испортит ее роботизация
 и не лишит души сплошная цифровизация.

Тем не менее искусственный интеллект уже выполняет множество функций, при этом черпая информацию из Интернета. В связи с этим возникает важная задача: добиться, чтобы создаваемые им произведения соответствовали нашим с вами ценностям, а не ценностям разработчиков из США и других недружественных стран. В связи с этим вслед за Дмитрием Олеговичем обращаюсь к студентам. Вы будете жить в сложную, но очень интересную эпоху. Вам придется осваивать новые технологии — те, которые уже придуманы и которых еще нет. И в любом случае вы будете учиться управлять искусственным интеллектом, чтобы он служил во благо, а не во вред людям. И не забывайте о нравственных ценностях в традиционном праве.

С. М. ОГАНЕСЯН: — Роза Иосифовна, в связи с Вашим выступлением возникают некоторые вопросы. Можно ли использовать искусственный интеллект как помощника в юриспруденции? Скажем, в деятельности судов, прокуратуры, оперативно-розыскной деятельности? Или это пока чревато ошибками? Ведь если суд или прокуратура примет неверное решение, это может кому-то сломать жизнь.

Р. И. СИТДИКОВА: — Вы задали вопрос и сами на него ответили. Искусственный интеллект может быть очень хорошим помощником, но его все же надо контролировать.

Сергей МУЛЛАНУРОВ, II курс, юридический факультет: — Роза Иосифовна, Вы рассказали о разных подходах к определению собственника продукта, созданного искусственным интеллектом. А почему нельзя рассматривать ИИ в качестве инструментария? Он так или иначе собирает мысли, формулирует, как это делают многие программы сейчас. Например, фотешоп может использовать искусственный интеллект для восстановления изображения.

Р. И. СИТДИКОВА: — Давайте не забывать о таком важном аспекте, как финансовый. Право среди прочего регулирует денежные потоки. Сам ИИ пока не идентифицирует себя как автора, да и закон не позволяет. Но речь идет о том, что кто-то должен быть назван правообладателем, то есть иметь исключительное право на получение вознаграждения за использование ИИ. Законодатель еще не сказал своего веского слова, но я все-таки цивилист и утверждаю, что в какой-то степени эти вопросы можно решать на основании гражданско-правовых договоров.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Сейчас перед нами выступит доцент МГИМО Владимир Львович Энтин.

В. Л. ЭНТИН: — В свое время на кафедре военного перевода нас обучали азам проведения допросов. Один из пунктов гласил: когда к вам приближается незнакомое лицо, вы должны ответить для себя на вопрос: «Friend or foe» (то есть союзник или неприятель) и в дальнейшем исходить из этого. Думаю, что это правило действует и во многих других ситуациях, в том числе в отношениях между странами.

Сегодня не раз высказывалась мысль о том, что право в условиях энтропии служит сдерживающим фактором. Я хотел бы взглянуть на эту проблематику с точки зрения четвертой части Гражданского кодекса РФ, регулирующей права на результаты интеллектуальной деятельности. С помощью гражданских отношений мы регламентируем несколько аспектов. Процесс интеллектуальной деятельности — дело сугубо авторское, но ее результат имеет объективную форму и поддается воспроизведению. Как только появляется объект, в отношении него начинают действовать исключительные имущественные права, и именно эти права согласно Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, и считаются объектом интеллектуальной собственности. Во всех контрактах мы исходим из этого факта, а не из того, что изложено в Гражданском кодексе. Иначе говоря, подтверждается тезис, что наше вхождение в условия глобализации, в интенсивный обмен с другими странами привело к тому, что мы используем не собственный понятийный аппарат, в том числе при заключении сделок, а другой — тот, который нам навязывают, скажем так, наши партнеры.

Современное технологическое развитие порождает новые проблемы, в частности, связанные с использованием искусственного интеллекта. С точки зрения действующего права любой результат деятельности искусственного интеллекта (а не только курсовая работа) является токсичным продуктом, потому что когда мы включаем полученный результат в более сложный объект, допустим видеоряд в фильм, тут же возникает целый ряд проблем. Первая проблема заключается в том, что как только мы берем некий объект, который с точки зрения действующего права является контрафактным, и начинаем его использовать, конечный продукт тоже становится контрафактным. Что здесь происходит? Искусственный интеллект берет весь тот массив данных, который ему предоставил разработчик, и пе-

рерабатывает его, чтобы получить некий результат. Но в Гражданском кодексе указано, что переработка является правомерным действием в том случае, когда мы получаем либо новый результат, либо новый продукт. В случае же искусственного интеллекта мы не имеем принципиально нового продукта, поэтому необходимо получить лицензию, то есть право на использование, от предыдущих правообладателей, каковых несметное множество, так что мы не можем их определить с достаточной степенью достоверности. В итоге у нас получается либо фольклорный объект, то есть такой, который не охраняется, либо контрафактный, что еще хуже, потому что в этом случае не будет охраняться уже последующий результат.

И последний тезис. Технологии развиваются гораздо быстрее, чем мы можем их осмыслить с помощью права. Но сегодня у права появилась дубинка под названием *restrictions* — огромное количество административных актов, которые требуют от разработчиков искусственного интеллекта и тех, кто его применяет, соответствия административным процедурам и правилам раскрытия информации. Вопрос: кто в итоге одержит верх — техника или административная машина правоприменения?

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Приглашаю к микрофону Анну Александровну Аубакирову, директора Алматинского филиала нашего Университета.

А. А. АУБАКИРОВА: — УПК России и Казахстана имеют много общего и в структуре, и в содержании. В Республике Казахстан есть дополнительные институты, но правовые концепции идентичны. В этом контексте я хотела бы обратить внимание на такой фактор, как внутреннее убеждение судьи в качестве нравственно-психологической гарантии правосудия. Внутренние убеждения изначально не являются юридической категорией, тем не менее они стали важной составляющей уголовного процесса. Статьи уголовных кодексов и России, и Казахстана, посвященные свободе оценки доказательств, гласят, что судья, следователь, прокурор, дознаватель, а также присяжный заседатель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью. Когда неюридическую категорию пытаются ввести в какой-либо элемент права, мы должны учитывать очень многие компоненты — правовую оценку, гносеологический аспект, логический, социальный, психологический.

Почему в одном списке перечислены судья, следователь, прокурор, дознаватель, присяжный заседатель? Эксперты, свидетели, другие участники процесса тоже имеют внутренние убеждения, но законодатель выделяет только субъектов доказывания, так как именно они принимают процессуальные решения — и на этапе досудебного производства, и во время судебного разбирательства. Решение, которое принимается от имени государства, должно основываться на оценке доказательств по внутреннему убеждению, которое, в свою очередь, должно быть нравственной гарантией.

В связи с рассматриваемой темой остановлюсь на психологической оценке произошедшего события со стороны судей. Почему? Дело в том, что в Казахстане были проведены интересные исследования: зависят ли решения судей от их гендерной принадлежности? Выяснилось, что судьи-мужчины и судьи-женщины по-разному оценивают доказательства и принимают решения относительно сроков лишения свободы наказания по делам о сексуальном насилии в отношении несовершеннолетних. Женщины всегда выступают за более суровое наказание, чем мужчины. Это еще раз подтверждает: судья должен быть до конца уверен в правильности своих умозаключений. В ходе другого исследования судьям задавали вопрос о том, насколько они уверены в правильности своего решения. Результат поразительный: 54 %. То есть почти половина судей сомневаются в том, что они дали достаточно обоснованную юридическую оценку и верно квалифицировали то или иное деяние. Любые сомнения толкуются в пользу обвиняемого, но судья все же обязан вынести решение о том, чем должно закончиться уголовное судопроизводство (а вариантов всегда немало). Поэтому именно внутреннее убеждение судьи выступает в качестве нравственно-психологической гарантии правосудия. Оно способствует исполнению воспитательной роли уголовного процесса, поскольку обуславливает принятие процессуальных решений и совершение практических действий судьей в согласии со своей совестью, нравственными и этическими императивами. В целом убеждение является продуктом взаимодействия разума, чувства и воли, а внутреннее убеждение — это не просто мысль, а эмоционально окрашенная идея, взгляд и внутренняя сила, которая регулирует и направляет человеческое поведение.

И. Г. СКУРТУ, *доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП:* — Но оно же обуславливает и значительную субъективность судьи. Адвокаты ожидали, что из УПК исключат понятие «внутреннее убеждение», но вместо этого исчезло такое требование, как поиск истины. Как мы можем бороться с таким феноменом, как «мягкий» и «жесткий» судья? И что делать с «калужской» и «казанской» законностью в одном и том же деле?

А. А. АУБАКИРОВА: — Боюсь, что в настоящее время вы ничего сделать не сможете. Судья, принимая решение, реализует свое право основываться на внутреннем убеждении, которое обусловлено его квалификацией, образованием, воспитанием и т. д.

Однако новые технологии дают нам некоторую надежду. Судопроизводство, как и остальные сферы деятельности, идет по пути информатизации. Например, в Республике Казахстан очень многие процессы, особенно те, которые касаются административного права, переданы машине. Сейчас рассматривается вопрос, следует ли в целях объективности внедрять цифровые технологии в уголовное судопроизводство. Если имеется перечень определенных сведений о преступлении и набор алгоритмов, то машина может определить, ви-

новен или невиновен подозреваемый, достаточно ли тех или иных признаков для определенной квалификации и принятия решения.

Очевидно, что в ближайшие 10–20 лет мы не перейдем к такой практике. Поэтому давайте исходить из имеющихся реалий. Никто не отменял такой характеристики судопроизводства, как состязательность. Юрист, выигравший дело (выступающий на стороне защиты или обвинения), испытывает чувство профессиональной удовлетворенности. Но при этом вторая сторона остается недовольной. И невозможно принять такое решение, чтобы, как говорится, никто не ушел обиженным.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — На связи с нами город Красноярск. Слово предоставляется профессору Степану Мхитаровичу Оганесяну.

С. М. ОГАНЕСЯН: — Глобальные трансформации непосредственно связаны с таким феноменом, как глобализация, которая на начальных этапах воспринималась нами исключительно в позитивном ключе. Однако вскоре в этом глобальном взаимодействии обнаруживается «неравноправие»: крупные и сильные государства начинают диктовать свою волю небольшим и более слабым. Поэтому во многих странах возникло движение антиглобализма, отказ от участия в международном сотрудничестве.

В чем связь между правовым нигилизмом и ценностями права и нравственности? В толковом словаре Сергея Ивановича Ожегова приводится определение: «нигилизм — это полное отрицание всего». Это говорит о том, что правовой нигилизм может быть сознательным убеждением или даже мировоззренческим аспектом. А возникает правовой нигилизм нередко от того, что тот или иной закон в сознании людей работает им во вред. В истории известны примеры таких законов. Например, в фашистской Германии в 1930–1940-е годы были приняты законы, ущемлявшие права целых народов, проживающих в стране. Может ли общество уважать такие «правовые нормы»?

После распада СССР наступили для кого-то святые, а для кого-то лихие 1990-е. Небольшая часть российского общества сумела разбогатеть, но большинство было ввергнуто в нищету — и все на законных основаниях. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что многие и сегодня не желают признавать такие законы.

Правовой нигилизм не является чем-то новым — эта проблема существовала в России и сто лет назад, и даже триста. Василий Осипович Ключевский еще в 1882 году после блестящей защиты докторской диссертации «Боярская дума Древней Руси» сказал: «Не я виноват, что в русской истории мало обращают внимание на право: меня принудила к тому русская жизнь». Правовой нигилизм был и в годы правления Екатерины II, и при Иване IV.

Но что делать сейчас, после распада Советского государства, когда, как отмечают многие коллеги, мы все время сталкиваемся с двойными стандартами в отношении России? Как с ними бороться? Простой гражданин видит по телевидению, что творит западный мир, и у него голова идет кругом! Нам придется через право

и его нравственные ценности воспитывать молодежь, чтобы она могла противостоять этим двойным стандартам.

Конфуций, говоря об управлении государством, утверждал, что его главной целью должна быть благополучная жизнь людей. Когда граждане других государств увидят, какую прекрасную жизнь мы построили, они сами захотят к нам присоединиться. Можно ли сформулировать мудрее?

Поэтому задача российского педагогического сообщества заключается в том, чтобы прививать молодежи дух патриотизма, гордость за свое государство, за наше славное прошлое, потому что тысячелетнюю историю не вычеркнешь. В заключение приведу слова известного российского педагога Василия Александровича Сухомлинского: «Нельзя учить, не воспитывая».

Р. А. РОМАШОВ: — Степан Мхитарович, Вы уроженец Армении, но всю сознательную жизнь прожили в России. Считаете ли Вы себя армянином в России или русским человеком армянского происхождения?

С. М. ОГАНЕСЯН: — Действительно, в России я прожил уже в три раза дольше, чем в Армении. В молодые годы, во время службы в армии, я говорил на русском языке, но думал на армянском. А сейчас наоборот: думаю на русском, а если надо высказаться на армянском, то приходится переводить. Так что понятно, кто я теперь.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Спасибо, для аудитории Международных чтений это особенно интересно. Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, который родился в Дагестане, но большую часть жизни прожил в Москве, как-то сказал (тоже на Чтениях), что в Москве он чувствует себя москвичом, а когда приезжает в Дагестан, понимает, что он находится на родине и принадлежит к своей национальности. И это замечательно!

Слово предоставляется профессору Геннадию Павловичу Ермолову.

Г. П. ЕРМОЛОВИЧ: — В 1990-е годы гражданам России представлялось, что наша долгосрочная стратегия должна заключаться в единении с Европой. Мы видели свое будущее общим с европейскими соседями, вступали в международные организации и ратифицировали конвенции. Однако мы забыли о народной мудрости: доверяй, но проверяй. В итоге выяснилось, что европейские лидеры ставили совсем другие цели, и теперь мы понимаем, что наши интересы решительно не совпадают.

Территория России, как известно, занимает существенные площади на двух континентах. Поэтому мы скорректировали свою стратегию и теперь намерены отстаивать наши интересы исходя из понимания того, что сформулировано в концепции внешней политики — с учетом отношения к нам со стороны Запада и введенных против нас санкций.

Напомню, что международное право по своей сути близко к понятиям морали и справедливости. И оно остается таковым до тех пор, пока не приобретает

юридическую сущность благодаря санкционированию судом. Мы настаиваем на том, чтобы международное право соблюдалось и исполнялось. Само его существование основано на том, что субъекты международных отношений добросовестно и добровольно соблюдают те правовые нормы, которые они сами для себя сформулировали. Мы понимаем, что это труднодостижимо, потому что всегда находятся те, кто стремится исказить международное право. Но другого механизма у нас нет. Поэтому мы настаиваем на том, чтобы статус России в Организации Объединенных Наций оставался прежним. В частности, постоянное членство в Совете Безопасности согласно Уставу ООН. Многие считают, что прежний Устав, утвержденный в 1945 году, устарел, и выступают за его реформу.

Мы тоже считаем, что Устав ООН требует пересмотра. Но страны Запада предлагают расширить Совет Безопасности, включив в него Италию, Германию и других союзников США, в то время как Россия напоминает, что в Совете нет Индии, Бразилии, стран Африки. Поэтому наши дипломаты сейчас ведут тяжелые и сложные переговоры, отстаивая нашу точку зрения. Однако вода камень точит. Поэтому мы уверены, что, настойчиво и последовательно идя к поставленной цели, мы добьемся необходимого результата. Сергей Викторович Лавров проводит последовательную внешнеполитическую работу, и мы добьемся, что нормы международного права будут распространяться на все государства, так как юридически все они имеют равные права.

Дмитрий ЛИСИЦЫН, аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП: — Геннадий Павлович, можно ли в контексте Вашего выступления говорить о международном праве как об универсальной ценности? Или современное международное право предполагает национальный контекст, то есть воспринимается каждым государством по-своему?

Г. П. ЕРМОЛОВИЧ: — В одном из выступлений на пленарном заседании прозвучали слова Чехова о том, что национального права быть не может. Я стою на той же позиции. Международное право не может быть российским или американским. Оно не имеет национальной специфики, потому что это тот регулятор, который создается и разрабатывается на добровольной основе всеми субъектами — участниками международных отношений.

В. П. ОЧЕРЕДЬКО: — А не претендует ли на эту роль американское право?

Г. П. ЕРМОЛОВИЧ: — Виктор Пантелеевич, США претендуют не только на это — они на многие сферы замахиваются. Утверждение, что Россия нарушает мировой порядок, основанный на правилах, придумали именно американцы. А западный мир настолько оболванен пропагандой, что даже не задумывается: кто и где сформулировал эти правила? Где можно с ними ознакомиться? А нигде. Так что претензии у них могут быть, но их реализация невозможна. Мно-

гие страны уже понимают, что нужно отказываться от движения в кильватере США.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Профессор Равия Фаритовна Степаненко выступит дистанционно.

Р. Ф. СТЕПАНЕНКО: — С точки зрения догматической юриспруденции правосознание — это форма общественного сознания, включающая совокупность идей и представлений о праве. Эти идеи и порождаемые ими взгляды, чувства, эмоции ориентированы на мотивацию правоверного поведения во имя установления правопорядка.

Но есть и другие определения правосознания. Очень трепетно о российском правосознании писал Иван Александрович Ильин, обосновывая его богочеловеческие истоки. Такие взгляды отличаются от европейских, где еще Блаженный Августин различал град Божий и град Земной: в первом живут эгоистическими и плотскими интересами, во втором — любовью к Богу, то есть по законам духа. В основе же российского правосознания, как объясняли представители золотого века русской юриспруденции, лежит настоящая, а не мнимая религиозность, как утверждал Иван Александрович Ильин. Тем не менее восприимчивое российское правосознание, как представляется, чаще всего находится в пограничном состоянии. Мы употребляем термины «маргинальное правосознание», «балансирующее правосознание».

С точки зрения догматической юриспруденции это связано с довольно частым изменением законодательства или излишней нормативностью, а также геополитическими событиями, особенно последними событиями, которые приводят российское правосознание в турбулентное состояние, как говорит Валерий Дмитриевич Зорькин. Это хаотичное, маргинальное, пограничное, отчужденное, отдаленное от некоего символического центра правосознание отличается вариативностью своей динамики. Оно может двигаться в положительную сторону, когда речь идет об адаптации к сложившейся ситуации, которая корректирует мотивационную поведенческую сферу субъектов правоотношений. Однако намного чаще его двойственный характер продуцирует такие деструктивные явления, как эскапизм, фрустрация, протестные реакции, агрессия и даже аутоагрессия. Эти негативные явления имеют многовековую историю. Петр Великий боролся со старообрядчеством запретами, а люди в ответ на это устраивали самосожжения, не соглашаясь с новым нормоустановлением, протестуя против него. Это свойство именно российского правосознания — уход, бегство от проблем. Об этом говорили все, кто изучал историю российской государственности — и Ключевский, и Карамзин, и Гумилев, и многие другие.

Маргинальность правосознания непременно следует изучать наряду с такими парными понятиями, противоположностями, которые сегодня упоминали, как ценности и антиценности, правовая культура и правовая антикультура, право и не-право. Еще Аристотель говорил о том, что в каждом предмете всегда заложена противоположность. Деформация правосознания, по-

граничные состояния — явления явно не позитивного характера, и они подлежат изучению. Как сказал основатель теории маргинальности Роберт Эзра Парк, изучая этот феномен, можно познать историю человеческой цивилизации.

Р. А. РОМАШОВ: — Равия Фаритовна, насколько современное российское общественное правосознание может рассматриваться с точки зрения традиционности либо маргинальности? Есть ли здесь какие-то противопоставления, на Ваш взгляд?

Р. Ф. СТЕПАНЕНКО: — По-моему, сегодня правосознание в России можно охарактеризовать в целом как пограничное, потому что ситуация сама по себе пограничная. Выход будет, причём в положительную сторону (мы же оптимисты).

В. А. КОВАЛЕВ: — Замечательный англо-американский антрополог Виктор Тернер выделял два вида пограничного состояния: маргинальность, то есть нахождение на периферии, и лиминарность, то есть застревание между двумя уровнями или группами. Что из этого, на Ваш взгляд, ближе к российскому состоянию?

Р. Ф. СТЕПАНЕНКО: — Все зависит от того, насколько пиковая ситуация складывается, то есть от точки бифуркации, к которой мы сегодня подходим. Вот говорить о лиминарности вряд ли правомерно, потому что, отказавшись от либеральных европейских ценностей и двигаясь в направлении азиатских, мы опять приходим в состояние пограничности. Но, надеюсь, все же движемся, не застреваем.

Р. А. РОМАШОВ: — Слово предоставляется профессору Зурабу Нодаровичу Каландаришвили.

З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ: — Я хотел бы затронуть тему такого социально-правового феномена, как конституционная культура. Этот вопрос вызывает довольно острые дискуссии, потому что большинство теоретиков в области конституционного права считают, что конституционная культура является частью более широкой сферы — правовой культуры. Я же, как и Алексей Алексеевич Ливеровский, придерживаюсь точки зрения, что конституционная культура — самостоятельное и очень емкое явление. При этом, естественно, и конституционная и правовая культуры являются частью общей культуры.

Но как мы понимаем эти феномены? В зависимости от принадлежности к той или иной школе правопонимания мы трактуем по-разному.

Я считаю, что конституционную культуру следует рассматривать как когнитивно-аксиологическую систему, сложившуюся в результате социально-правового развития в его *культурном контексте* и способствующую становлению и реализации конституционно-правовых знаний, ценностей, норм и правил поведения.

Дело в том, что конституционная культура начала зарождаться гораздо раньше, чем правовая, которая является порождением государства. Насколько нам из-

вестно, первые города-государства появились в IV–III тыс. до н. э. в Месопотамии, то есть на территории современных Сирии и Ирака. Конституционная же культура стала формироваться еще на стадии первобытнообщинного строя. Почему так произошло? Потому что конституционная культура включает в себя не только правовые нормы, но и социальные, религиозные, нормы морали, нравственности и т. д. Известный петербургский ученый-правовед Игорь Юрьевич Козлихин пишет, что признаки конституционной культуры обнаруживаются и в авраамических религиях — иудаизме, христианстве, исламе.

Конституционная культура в России, как верно отметил Роман Анатольевич, начала формироваться с принятием первых конституций, то есть начиная с 1918 года. Однако зачатки конституционной культуры мы можем видеть уже в эпоху Московского царства, когда власть монарха в определенной степени ограничивалась представительным органом — земским собором. В эпоху царствования Михаила Романова (1613–1645) значение земских соборов было особенно велико — фактически именно они управляли государством. Есть версия, что, вступая на престол, Михаил Федорович подписал документ, в котором соглашался на ограничение собственной власти. В XIX веке, особенно в эпоху Александра II (1855–1881), который провел прекрасные либеральные реформы (правда, как потом показала история, половинчатые), конституционная культура, безусловно, получила определенное развитие. Некоторые из реформ Александра II были взяты на вооружение современной Россией в начале 1990-х годов, например судебная реформа 1864 года. Давайте не забывать и о Булыгинском манифесте 1905 года.

Таким образом, весь ход исторического развития подготовил почву для современного конституционализма. Недаром год назад президент и правительство призвали россиян к повторному открытию богатого духовно-нравственного, в том числе и конституционно-культурного, потенциала нашей страны. И прав профессор Малахов, который в своих трудах говорит о том, что определенное своеобразие правовой культуры, правосознания, конституционной культуры коренится в национально-правовой ментальности русского народа, предполагающей коллективизм, соборность, терпение, патриотизм, гражданственность. Об этом же говорят и президент, и правительство России.

Российская конституционная культура очень богата. Когда я говорил о когнитивно-аксиологической составляющей, то имел в виду конституционно-правовые знания и ценностные ориентиры. Мне запомнились слова, сказанные около 10 лет назад на Спиридоновских чтениях Романом Анатольевичем Ромашовым. Он задал вопрос о том, всегда ли хорошо, когда правовая культура, конституционная культура и правосознание в когнитивном плане на высоком уровне. А если это профессиональный преступник, вооруженный правовыми знаниями, которые помогут ему уйти от ответственности? Поэтому определяющими все же являются аксиологические факторы — нравственность, духовное развитие, правовая психология.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово для дистанционного выступления представляется профессору Ольге Викторовне Вербовой.

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Одна из тенденций, которая отмечается в современном мире, — рассмотрение права как основного регулятора общественных отношений, который можно использовать вместо других регуляторов социальной жизни. Но это может привести к тому, что при возникновении сложных общественных проблем потребуется принятие новых законов, в которых в обычное время нет никакой необходимости. В итоге перегруженность законодательства неизбежно отразится на эффективности его применения.

Все коллеги знают, что правовая система в стране работает должным образом лишь при условии, что государство и общество придерживаются нравственных норм, а для этого требуется всемерное укрепление моральных устоев.

Приведу реальный пример. В июле прошлого года в законодательство Российской Федерации, в частности в Уголовный кодекс, в связи с проведением специальной военной операции на Украине был внесен ряд изменений. Они касались преступлений, подрывающих основы конституционного строя и безопасность государства, таких как госизмена, шпионаж. Была принята новая норма, предусматривающая ответственность за соучастие на конфиденциальной основе с иностранным государством. Также в кодекс был включен новый состав преступления (ст. 283.2) — нарушение требований по защите государственной тайны. Статья предусматривает ответственность тех субъектов, которые имеют либо имели допуск к государственной тайне и покидали пределы территории Российской Федерации. Наверное, в других обстоятельствах было бы достаточно правового регулирования теми нормами, которые уже имелись в Уголовном кодексе. Но наступила нестандартная ситуация, и это привело к необходимости совершенствования законодательства.

В связи с этим, а также на фоне кризиса общественной нравственности необходимо уделять больше внимания именно этим вопросам. Понятно, что право и нравственность — два важнейших пласта культуры и одновременно социальные регуляторы. В сегодняшних условиях мы должны говорить о правовых нормах с нравственным содержанием, и только в таком аспекте оценивать эффективность правовой системы государства.

Уголовное право — самая репрессивная правовая область, поэтому соблюдение в нем нравственных норм — вопрос особенно тонкий. Как он решается? Например, в Уголовном кодексе Республики Казахстан нравственные нормы рассматриваются в самом определении понятия уголовного правонарушения, которое воспринимается обществом не только как причинение вреда, но и как нарушение моральных норм. В то же время они отражают и воззрения законодателей, которые включают в кодекс такие деяния в качестве уголовных правонарушений. То есть происходит имплементация нравственных норм в Уголовный кодекс. Об этом свидетельствуют принципы, по которым формулиру-

ются статьи уголовного законодательства, — справедливость, гуманизм, равенство граждан перед законом. Однако в казахстанском кодексе, в отличие от российского, эти принципы не выделены как самостоятельные нормы.

С применением такого нравственного понятия, как справедливость, у нас формируется вся система наказаний. Нравственные начала мы можем увидеть в ряде норм, устанавливающих уголовную ответственность за посягательство на общественную нравственность, преступления против личности. Таким образом, можно сделать вывод, что и в Общей, и в Особенной части нормы нравственности нашли свое отражение.

Нормы уголовного права, охраняющие общественные отношения, которые обладают повышенной социальной ценностью, даже в большей степени, чем в других отраслях права, должны опираться на нормы общественной нравственности. Об этом говорит и Роман Анатольевич, отмечая, что возросло ценностное восприятие права в целом и конституционного в частности. Хочется верить, что и в будущем, несмотря ни на что, правовые нормы, в том числе в уголовном праве, будут базироваться на нравственных нормах.

Еще одна важная тема, затронутая коллегами, — искусственный интеллект как вызов праву. Кто должен отвечать за вред, который может быть причинен искусственным интеллектом общественным отношениям, охраняемым нормами права? В России этому вопросу уделяется достаточно большое внимание, в отличие от Казахстана, где он нашел отражение только в виде двух положений Концепции правовой политики: о распределении ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, и распространении права интеллектуальной собственности на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта. Однако эти два вопроса лишь обозначены в Концепции. Они только прорабатываются и еще не получили законодательного регулирования, а решаются в рамках традиционных отраслей гражданского и уголовного права.

В связи с этим обращаюсь к студентам. В условиях быстрого технологического развития право не поспевает за реалиями, однако новые нормы следует вводить продуманно и поэтапно. Тем не менее проблема действительно требует решения уже при сегодняшнем уровне развития искусственного интеллекта, а завтра она станет еще острее.

Р. А. РОМАШОВ: — Наш коллега, доцент Виктор Александрович Ковалев подведет предварительные итоги работы нашей секции.

В. А. КОВАЛЕВ: — На мой взгляд, основной идеей, задавшей тон, стала концепция метамодерна, которая была выдвинута председателем Конституционного Суда России Валерием Зорькиным как противостояние постмодернистскому пониманию конституции. Почему возникает потребность в этой идее, в чем причина? На мой взгляд, это с точки зрения экзистенциализма тоска по объективности (или тоска по реальности). Существовала ли эта тоска до того, как Сартр дал свою

формулировку? Наверное, да. Мы все время стремимся доказать, что правовые нормы — это нечто объективное, основанное на чем-то более фундаментальном, чем проявление свободной воли. Примерно как законы физики.

В истории известны попытки регулирования законов физики юридическими способами. В III веке до н. э. китайский император Цинь Шихуанди издал указ о своем бессмертии, но через полтора года сам же злостно его нарушил, чем, безусловно, показал подданным дурной пример несоблюдения норм.

Но в нашем случае возникают вопросы. Например, прозвучало два тезиса: с одной стороны, высшей ценностью является разумность, с другой — коллектив, общество важнее индивида. Как это сочетается? Ведь носителем разума является индивид. Правда, знаменитый физиолог Иван Петрович Павлов запрещал своим аспирантам употреблять слово «разум», так как считал, что это не более чем «рациональное поведение». То есть разум, с его точки зрения, — поведенческое явление. А что такое разум с точки зрения поведения? Это умение наиболее успешно преследовать свой интерес. Но, например, живущие у меня дома морские свинки преследуют свой интерес намного лучше меня. Разумнее ли они меня — вопрос неочевидный. Может, разум — это способность к логическим рассуждениям? Но чат-боты справляются с этим не хуже человека.

Так или иначе, поведение и суждение — это свойства индивида. Вряд ли кому-то придет в голову утверждать, что общество способно вынести суждение или совершить некое действие как субъект. И получается, что «объективность» превращается в риторический прием. Выигравший суд всегда говорит, что этот результат объективен, а проигравший, как правило, списывает свою неудачу на субъективный фактор (такой судья, что поделаешь). Объективность становится не более чем риторикой, а метамодерн — постмодерном, когда любая ценность имеет значение только с точки зрения риторики.

То же самое касается такой важной категории метамодерна, как историзм. Постмодерн подчеркнута антиисторичен, об этом писал Фридрих Джеймсон. Но и обращение к истории тоже превращается в риторику. Историчность термина постоянно игнорируется, хотя он существует и в контексте эпохи, и в контексте языка. Мы ссылаемся на Аристотеля и Платона, забывая о том, что, например, слова «псюхе», «пневма» и даже «тюмос» античные философы употребляли в том смысле, в каком мы используем слово «душа».

В общем, пока мы видим борьбу идей и интеллектуальных традиций. И если мы хотим победы метамодерна, то нам еще много чего нужно сделать. Пока проблем на этом пути больше, чем успехов.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Владимир Иванович Крусс, несколько слов в завершение, прошу Вас.

В. И. КРУСС: — Все же юристы отличаются от всех других людей. Тем, что они вынуждены жить в двух реальностях — собственно юридической и обычной, социальной. Это чревато когнитивным диссонансом, но мы должны как-то с этим справляться и всегда помнить о своем призвании. Юрист, который говорит, что вступившее в силу законное решение суда несправедливо, уже не вполне юрист. Он, конечно, может так говорить, но только если «выйдет» из юридической реальности.

Право существует только потому, что существует исходная базовая матрица, метаобъективность, воплощаемая, как правило, в идее конституции. Высшей нормативностью в праве обладают ценности, среди которых на первом месте ценности конституционные. После голосования в 2020 году вера в Бога была утверждена в качестве конституционной ценности, так что для юриста это безусловная истина. Это не значит, что все должны стать религиозными. Но все юристы должны знать, что это высшая конституционная ценность.

Западный дискурс, который мы сейчас обязаны преодолеть в контексте глобального конфликта, преимущественно контррелигиозный. Конституционные и другие нравственные ценности должны стать платформой, на основе которой Россия может выстроить собственный дискурс, противостоящий этой воинствующей контррелигиозности. Думаю, что мы так или иначе будем двигаться именно в этом направлении.

Р. А. РОМАШОВ: — Продолжу мысль Владимира Ивановича. Государство, право, ценности существуют потому, что мы, юристы, определяем, что государство, право, ценности существуют. Мы юристы, и это здорово.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Дорогие друзья, благодарю всех, кто работал над докладами к Лихачевским чтениям, а сегодня так замечательно представил свои позиции. Ваши наработки, я уверена, дадут импульс дальнейшему развитию юридической мысли. Ну а мы буквально с завтрашнего дня начнем готовиться к следующим Лихачевским чтениям.

ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Международный форум старшеклассников)

13 мая 2023 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Руководитель секции

Н. В. БУРОВ профессор СПбГУП, Народный артист России

Участники:

Л. А. ПАСЕШНИКОВА первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук, Почетный профессор СПбГУП

Е. Л. КОЛПАКОВА начальник Управления довузовской подготовки СПбГУП, старший преподаватель кафедры режиссуры и актерского искусства и кафедры хореографического искусства

Р. БЕЛЯЕВ, Д. ВДОВИНА, В. ГАБДУЛХАКОВА, М. ГРОМОВА, Д. ДЕГТЯРЕВА, М. ИВАНОВ, Н. ЛАЧЕК, П. ЛЕБЕДЕВ, Б. ЛЯЛИН, А. СТУПИНА — победители и призеры конкурса творческих работ старшеклассников

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Добрый день, дорогие друзья! Рада приветствовать вас в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, на Международном Лихачевском форуме старшеклассников. Сегодня в рамках Форума состоится финальный этап Международного конкурса творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность», который ежегодно проводится в рамках Лихачевских научных чтений — самого крупного в Европе гуманитарного форума.

Для приветственного слова к микрофону приглашается первый проректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета, куратор юридического факультета, профессор Лариса Алексеевна Пасешникова.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Добрый день, уважаемые участники форума, гости Университета, старшеклассники, педагоги и члены университетского коллектива!

В Гуманитарном университете профсоюзов бережно сохраняется память о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве. В 1993 году на этой сцене Театрально-концертного зала проходила церемония посвящения Дмитрия Сергеевича в Почетные доктора СПбГУП и вручения докторской мантии. Академик Лихачев стал первым Почетным доктором нашего Университета. На Аллее Славы СПбГУП представлены бюсты наших Почетных докторов — удивительных людей современности, состоявшихся в гуманитарном знании.

С тех пор Гуманитарный университет профсоюзов бережно хранит все, что связано с именем и наследием Дмитрия Сергеевича Лихачева. В Университете работает несколько научных школ, изучающих культурологическое наследие академика, считающегося главным гуманитарием в нашей стране. Мы издаем его книги и труды о самом Дмитрие Сергеевиче, очень многое задумываем и реализуем.

Международный конкурс творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность» проводится в Университете на протяжении 17 лет. Конкурс состоит из нескольких этапов, его проведение охватывает целый год. Участники знакомятся с трудами величайшего ученого, открывают для себя вечные ценности, сформулированные Д. С. Лихачевым, приближающие к открытиям и помогающие состояться в жизни, пытаются размышлять о сложных жизненных проблемах и пр. Очень важно в жизни встретить мудрого человека, который подскажет верное решение, и знать, что большие свершения начинаются с малого.

Сегодня состоится финальный этап конкурса. После защиты финалистами своих проектов будут определены победители и призеры. Уверена, что каждый вынесет из форума что-то полезное, а после мероприятия захочет прочитать «Письма о добром и прекрасном» Д. С. Лихачева, которые помогут нести свет, состояться в жизни и стать замечательными людьми.

Желаю всем успехов! Вы все — победители, потому что сегодня находитесь здесь, участвуете в Лихачевских чтениях в формате Международного форума старшеклассников.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Слово предоставляется председателю Международного Лихачевского форума старшеклассников Народному артисту России Николаю Витальевичу Бурову.

Н. В. БУРОВ: — Здравствуй, племя младое, незнакомое! Дорогие господа, дипломанты и лауреаты, поздравляю вас с весенним праздником ума, воли, чувств, всего того, что оставил нам Дмитрий Сергеевич Лихачев и за что мы ему благодарны. Даже если за всю жизнь мы не создадим чего-то нового, перед нами будет стоять важная задача — сберечь наследие Лихачева.

Прекрасна традиция Гуманитарного университета профсоюзов встречать весну и провожать учебный год Лихачевскими чтениями, составной частью которых является Международный форум старшеклассников.

Дмитрий Сергеевич когда-то определил, в чем заключается сбережение времени, сил и чувств. Нужно следовать его завету: нам от рождения Богом, который поручил нашим родителям выпустить нас в мир, подарено главное достояние — время, которое мы можем так или иначе потратить, чувства, которые можно сберечь от пыли, грязи и оставить чистыми на всю жизнь, и жизнь, которая будет прожита согласно нашей воле и разуму. У нас есть все для того, чтобы использовать этот капитал с максимальной пользой.

Я рад, что сегодня мы в очередной раз познакомимся с работами десяти участников — победителей первого этапа конкурса. Этот конкурс проводится уже 17 лет. Думаю, что ребята, которые победили на самом первом конкурсе, хорошо себя чувствуют, получив необходимое образование и найдя свое место в жизни.

Недавно я побывал в удивительном месте — рабочем кабинете Дмитрия Сергеевича Лихачева в Пушкинском Доме. Там почему-то иначе дышится, пропадают суетность и сор, который мешает жить.

Предлагаю чаще обращаться к наследию великих предшественников, таких как Д. С. Лихачев, и искренне поздравляю всех с праздником. Прошу считать Международный форум старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность» открытым.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — В 2022/23 учебном году в Университет поступило 450 работ из 65 регионов России, в том числе из Луганской и Донецкой Народных Республик, а также из Казахстана и Узбекистана. Компетентное жюри, в состав которого вошли известные ученые, литературоведы, историки, писатели, журналисты, педагоги ведущих школ Санкт-Петербурга, отобрало лучшие из них. На конкурс принимались сочинения или мультимедийные проекты, развивающие идеи академика Д. С. Лихачева.

Сегодня здесь присутствуют финалисты конкурса, которым представилась уникальная возможность поделиться с участниками форума своим видением наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева и основными положениями своих творческих трудов. Ребята создали уникальные работы, которые прошли двойную экспертную оценку и были отмечены жюри.

Для защиты своей работы на трибуну приглашается учащаяся 11-го класса Школы разговорных языков г. Санкт-Петербурга Валерия Алексеевна Габдулхакова, автор творческого сочинения на тему «Читайте художественную литературу и понимайте ее...»

Валерия ГАБДУЛХАКОВА: — Мое творческое сочинение опирается на цитату Д. С. Лихачева: «Читайте художественную литературу и понимайте ее, читайте книги по истории и любите прошлое человечества, читайте литературу путешествий, мемуары, читайте литературу по искусству, посещайте музеи, путешествуйте со смыслом и будьте душевно богаты. Да, будьте и филологами, то есть „любителями слова“, ибо

слово стоит в начале культуры и завершает ее, выражает ее».

Дмитрий Сергеевич однажды сказал: «Двадцать первый век должен быть веком гуманитарной культуры, либо мы все пропадем». В соответствии с целью исследования — доказать актуальность идей, отраженных в цитате, были поставлены задачи: выявить проблемы, с которыми сталкивается современная молодежь, и изучить труды Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Одной из проблем является важность чтения литературы. Д. С. Лихачев считал, что каждый человек должен развиваться интеллектуально и заботиться о своем развитии, используя общедоступный способ самосовершенствования — чтение. Литература дает колоссальный опыт, воспитывает дух, личность, а также формирует моральные ценности, учит рефлексировать. Одним словом, делает нас мудрее. Нужно читать не только всеми признанную классическую литературу, но и современные произведения, которые позволяют познакомиться с актуальными тенденциями развития общества. Литературу (особенно своей страны) необходимо сохранять и ценить, так как она является народным достоянием.

Кроме того, следует отметить неразрывную связь литературы с историей. Не будь литературы, многие судьбоносные события канули бы в небытие. Однако допустить этого мы не имеем права, ведь помнить о прошлом — наш долг перед потомками. Д. С. Лихачев увлекался Средневековьем и характеризовал этот период как «замечательный взлет человеческой культуры». Он считал, что эта эпоха демонстрирует истинные нравственные ценности, как и русская культура в целом.

Обратившись к бессмертному произведению древнерусской литературы «Слову о полку Игореве», я убедилась в том, что необходимо сохранять историю. Прошлое не подлежит забвению. Оно на протяжении всей жизни является нашим наставником и помощником. Исследуя проблему культурной памяти, я пришла к выводу, что молодому поколению нужно сохранять и развивать культурное достояние своей страны.

Д. С. Лихачев отмечал значимость духовного обогащения и интеллектуального развития: «Для внутренне богатого человека весь окружающий мир неисчерпаемо богат». Поэтому важно самосовершенствоваться. Стремление расширить горизонт своих познаний придает человеку смысл жизни и предоставляет широкие возможности.

Рассуждая о значимости филологии в жизни человека, ученый писал: «Искусство слова — самое сложное, требующее от человека наибольшей внутренней культуры, филологических знаний и филологического опыта». Д. С. Лихачев полагал, что каждый образованный и эрудированный человек должен изучать искусство слова. С одной стороны, погружение в эту гуманитарную дисциплину позволяет развивать интеллект, с другой — чрезвычайно важно знать истоки родного языка. Поэтому каждый образованный человек должен изучать искусство слова, ведь великий русский язык — главное богатство нашей страны.

Таким образом, идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева всегда актуальны, так как они затрагивают важные аспекты нашей жизни.

На основании проведенного исследования я пришла к выводу, что людям необходимо ценить опыт предков, сохранять и развивать культуру своей страны, изучать родной язык и филологию, развиваться интеллектуально и обогащать себя духовно. Нельзя постигнуть невозможное, совершенное, духовное, не читая, не путешествуя, не погружаясь в искусство.

В заключение хочу сказать, что основной задачей Д. С. Лихачев считал сохранение духовных ценностей, которыми обладает человечество. Именно духовность и нравственность лежали в основе жизнедеятельности самого Лихачева. Мысли, представленные в его работах, являются наследием. Именно поэтому мы обязаны сохранить его научные труды и передать их следующим поколениям, чтобы способствовать духовно-нравственному воспитанию. Полагаю, в наш техногенный век чрезвычайно важно следовать идеям Д. С. Лихачева, чтобы человек оставался человеком.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Для защиты своей работы в номинации «Лучший мультимедийный проект» приглашается Руслан Вячеславович Беляев, учащийся 11-го класса школы № 6 г. Северодвинска Архангельской области, автор мультимедийного проекта на тему «Почему с произведением искусства надо уметь оставаться один на один».

Руслан БЕЛЯЕВ: — На создание работы и участие в конкурсе меня вдохновили моя любимая учительница по литературе и книга Дмитрия Сергеевича Лихачева «Письма о добром и прекрасном». Я люблю искусство и творчество во всех проявлениях, поэтому выбор темы для меня был очевиден. В мультимедийном проекте я представляю свои мысли, которые накапливались годами, и даю ответ на вопрос, почему с искусством важно оставаться один на один.

Вообще форум старшеклассников — важное мероприятие. Рад, что мне представилась уникальная возможность выступить в СПбГУП — необычном университете как в области выстраивания обучения, так и в архитектурном плане. Хочу пожелать всем удачи и оставаться собой! Верьте — все обязательно получится!

Е. Л. КОЛПАКОВА: — На сцену для защиты своей работы приглашается Диана Дмитриевна Дегтярева, учащаяся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 16 г. Белгорода, автор творческого сочинения на тему «Читайте художественную литературу...»

Диана ДЕГТЯРЕВА: — Моя творческая работа основана на цитате Д. С. Лихачева: «Читайте художественную литературу и понимайте ее, читайте книги по истории и любите прошлое человечества, читайте литературу путешествий, мемуары, читайте литературу по искусству, посещайте музеи, путешествуйте со смыслом и будьте душевно богаты. Да, будьте и филологами, то есть „любителями слова“, ибо слово стоит в начале культуры и завершает ее, выражает ее».

Искусство слова — занятие сложное, требующее от человека высокой внутренней культуры. Для этого нужны филологические знания, а также интеллигент-

ность, которая, по мнению Дмитрия Сергеевича, воспитывается гуманитарными науками. Поэтому и читать нужно разную литературу, а не только современную. История, классика, мемуары и научно-популярная литература дают опыт жизни, делая нас интеллигентными и развивая чувство прекрасного, помогают понять жизнь и ее сложности, раскрывают сердца людей перед нами.

«Чти родителей и прародителей своих и все сотворенное ими сохраняй и почитай» — так звучит одна из заповедей Дмитрия Сергеевича, которая раскрывает актуальность моей работы. В современном мире молодежь с каждым днем утрачивает смысл в чтении литературы, посещении музеев, изучении истории и пр. Некоторые и вовсе считают это пустой тратой времени, с чем я категорически не согласна. Все это происходит от неумения читать осознанно, что и приводит к непониманию культуры не только нашей, но и других народов.

Читая русскую классику, мы узнаем историю. Один из способов познакомиться с историей — путешествия. Но любой город, страна, место, к поездке в которые мы не подготовились, кажутся нам неинтересными. И наоборот, по мнению Дмитрия Сергеевича, если вы знаете историю места, то оно кажется в десять раз интереснее. Путешествия многое нам открывают, заставляют нас думать и мечтать.

Однажды, следуя совету Д. С. Лихачева, я на собственном опыте убедилась, насколько познавательно и интересно путешествовать. Мне нравится Москва: ранние рассветы на Москве-реке, дворы с лавочками, окруженные зеленью, золотые блики солнца на стене, когда пробуждаешься ото сна. А для меня еще и Красная площадь, Исторический музей, Третьяковская галерея, ВДНХ и миллионзвучное эхо улиц. Следуя совету Дмитрия Сергеевича о путешествиях со смыслом, я открыла для себя Москву историческую, Москву литературную, Москву поэтическую, Москву художественную.

Безусловно, чтение литературы и путешествия дают нам мотивацию, но воспитывать себя мы должны сами. Эту мысль хотел донести до нас Дмитрий Сергеевич. Он олицетворял собой интеллект и энциклопедические знания, помноженные на нравственность. Если бы можно было персонифицировать культурную жизнь последних двух десятилетий, то, на мой взгляд, в наибольшей степени этой цели соответствовало бы имя академика Д. С. Лихачева. Он, как никто другой, воплощает черты российской интеллигенции, духовности, доброты, образованности, благородства и подлинно народной мудрости.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — На сцену для защиты своей работы приглашается Дарья Александровна Вдовина, учащаяся 11-го класса специализированной гимназии № 21 г. Актобе Республики Казахстан, автор мультимедийного проекта на тему «Выступление».

Дарья ВДОВИНА: — На создание проекта меня вдохновили слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Чтобы выступление было интересным, выступающе-

му самому должно быть интересно выступать». Эти слова мне близки, потому что даже сейчас, выступая перед вами, я волнуюсь. Защищая свою творческую работу перед огромным залом, я испытываю бурю эмоций, но постараюсь справиться с ними, руководствуясь пожеланием Д. С. Лихачева. Надеюсь, что в ближайшем будущем будет экранизирована вся книга Д. С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном», цитаты из которой будут доступны молодежи и помогут им советами.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — На сцену для защиты своей работы приглашается Михаил Сергеевич Иванов, учащийся 11-го класса Аннинской общеобразовательной школы Ленинградской области, автор творческого сочинения на тему «Счастья достигает тот, кто стремится сделать счастливыми других и способен хоть на время забыть о своих интересах, о себе».

Михаил ИВАНОВ: — Уверен, что каждый человек хочет быть счастливым. Я посчитал эту тему важной не столько для написания эссе, сколько для осмысления.

Кто не задумывался о собственном счастье? Как обрести счастье, создавая его для окружающих? К теме поиска счастья обращались многие великие люди: Аристотель, Конфуций, Лао-цзы. Я хотел бы приоткрыть завесу над пониманием счастливой жизни для себя и своих близких. С этой целью обратился к творчеству Д. С. Лихачева, который в своих «Письмах о добром и прекрасном» делится размышлениями о духовных и культурных принципах жизни.

Хотел бы упомянуть об альтруизме Лихачева. Он занимался окультуриванием общества и реализовывал в нем духовную и развивающую функции, хотел, чтобы оно помнило о прошлом.

Как нужно прожить жизнь? «Путями доброты», — отвечает в последнем письме Дмитрий Сергеевич. Что означает счастье? В науке счастье трактуется как синтез гормонов. С духовной точки зрения счастье трудно объяснимо. Не случайно его пытаются объяснить множество наук: социология, философия, психология. Для большинства людей, не связанных с наукой, счастье состоит из мелочей.

Я встречал в жизни много жизнерадостных людей, которых я называю вознесенными, потому что они смотрят на проблемы и несчастья свысока. Как правило, это очень сильные люди. Но что делать тем, кто не является кузнецом своего счастья? Просто смириться и притворяться счастливым? Нет, нужно искать свое счастье, дарить его окружающим, и позже с вами расплатятся счастливой монетой. Так появилась аксиома «круговорот счастья». Этот закон можно сравнить с законами природы, например круговоротом воды. Вода накапливается в облаках, проливается дождем и наполняет водоемы. Из тех же трех фаз состоит и круговорот счастья. Одному человеку приходит мысль сделать кому-нибудь приятное, и он претворяет задумку в жизнь. Результатом станет реакция получающего.

В чем проявляется счастье? Чаше всего в трех формах: вещь, сюрприз и эмоциональная связь. Вещь отличается от сюрприза тем, что сюрприз — это прежде

всего неожиданность. Говоря об эмоциональной связи, сразу представляются двое или больше людей, которые при взаимодействии испытывают позитивные эмоции. Людей, участвующих в круговороте счастья, можно назвать дарящими и получающими субъектами. Но, помимо дарящего и получающего, существует третья сторона — окружающее общество, которое тоже способно реагировать.

Хотел бы привести литературный пример. В комедии Джона Патрика «Странная миссис Сэвидж» главная героиня после смерти мужа начинает заниматься благотворительностью. Ею движет исключительно бескорыстность, но вот приемные дети считают ее сумасшедшей. К сожалению, в мире много людей, не способных действовать бескорыстно и осуждающих тех, кто на время готов забыть о себе.

Лимитер счастья можно представить в виде пирамиды: первая ступень — это счастье получающего, средняя — дарящего, а верхняя — это счастье как постоянная социальная потребность.

В заключение хочется сказать, что, даря счастье другим, можно постичь его круговорот. В этом и заключается высшая ценность. Думаю, что спустя некоторое время счастье станет не социальной, а биологической потребностью, как еда, вода, сон, воздух. Представьте, что было бы, если бы на Земле появились заводы и фабрики по производству счастья и каждый мог бы его получить. Желаю всем счастья!

Е. Л. КОЛПАКОВА: — На трибуну для защиты своей работы приглашается Милолика Михайловна Громова, учащаяся 11-го класса Домодедовского лицея № 3 им. Героя Советского Союза Ю. П. Максимова (Московская область), автор мультимедийного проекта на тему «Счастье».

Милолика ГРОМОВА: — В основу моей работы легла цитата Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Счастья достигает тот, кто стремится сделать счастливыми других и способен хоть на время забыть о своих интересах, о себе». Это именно то, что я давно хотела рассказать и показать. Люди всегда вдохновляли меня, мне доставляет невероятное удовольствие делиться с ними своим счастьем, ведь в этом и заключается смысл жизни — получать от нее все самое хорошее.

Я хочу поблагодарить всех, кто помог мне в создании проекта, и невероятно рада, что попала в десятку лучших, смогла представить свою работу в СПбГУП — вузе мечты, и озвучить свои мысли на такую большую аудиторию, подарив миру частичку себя.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — На трибуну приглашается Никита Максимович Лачек, учащийся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 291 г. Санкт-Петербурга, автор творческой работы «Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура».

Никита ЛАЧЕК: — Целью моей работы стало развитие одного из положений бесценной книги Дмитрия Сергеевича Лихачева «Письма о добром», которую он

посвятил нам, подрастающему поколению. В письме 44-м, рассуждая об искусстве слова, академик пришел к выводу: знание и творчество воплощаются в слове, а благодаря преодолению косности слова рождается культура. И действительно, именно посредством языка, богатой лексики и умения вдохнуть жизнь в текст мы можем сформулировать поистине великое многообразие смыслов, широту идей и силу мысли. Разум и этика, доброта и совесть, образованность и воспитанность — все это и многое другое, без чего немислим прогресс человечества, прививается с помощью слова. Только приобщаясь к культуре, в том числе культуре языка, воспитывая ее в себе, человек может изменить к лучшему и себя самого, и мир вокруг. Эту идею я попытался обосновать в первой главе моей работы.

Важнейшим инструментом коммуникации, расширения нашего кругозора, выражения мыслей и передачи знаний служит текст, а правильно понимать смысл любого текста учит филология. Так, исследуя творчество Осипа Мандельштама, Дмитрий Сергеевич Лихачев приводит строки из его стихотворения о театре Расина:

Я не услышу обращенный к рампе
двойною рифмой оперенный стих.

И поясняет, что для понимания этих стихов читатель должен увидеть в них парную александрийскую рифмовку и к тому же знать, что актер в этом театре произносил слова своей роли, обращаясь не к партнеру, а к зрителю, к рампе.

Во второй главе своей работы я стремился раскрыть взаимосвязь между чистотой помыслов и словами для их выражения, что составляет основу экологии культуры. «В жизни — с возрастом — начинаешь понимать силу человека, постоянно думающего» — эти слова Василия Шукшина хочется дополнить строками Булата Окуджавы: «О, были бы помыслы чисты. А остальное все приложится».

Чистота слова есть результат добрых мыслей. Слово создает вокруг нас множество миров, дает возможность их познания, приобщает к чувствам других людей. Однако сегодня большой проблемой стала экология языка.

Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил об экологии культуры. Культурное наследие принадлежит всему человечеству. Но известно, что «в начале было Слово», благодаря которому мы строим наш мир, наполняя его духовностью, верой, любовью — или, напротив, злом и нигилизмом. Поэтому необходимо, чтобы слово было изначально экологичным. Кроме того, Слово живет вечно, как подчеркивала Анна Андреевна Ахматова.

Третья глава моей работы посвящена размышлениям Дмитрия Сергеевича Лихачева о культуре и культурном человеке. Академик писал, что необходимо создавать условия, позволяющие формировать у молодого поколения систему нравственных регуляторов поведения с опорой на совесть, честь, долг, достоинство. Дмитрий Сергеевич Лихачев отмечал, что культурный человек прежде всего не агрессивен. Через обращение к истории и культуре своего народа и других мы можем помочь молодежи понять все богатство культуры, нравственных установок прошлого, стать героями собственной жизни.

Научное, культурное, публицистическое наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — великого ученого с мировым именем — поистине неопределимо. Его труды содержат ответы на многие вопросы, волнующие человечество и в наши дни. А обращение к его текстам, адресованным молодежи, безусловно, вносит огромный вклад в воспитание и самовоспитание настоящего культурных людей, их духовное и этическое совершенствование.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — На трибуну для защиты своей работы приглашается Павел Алексеевич Лебедев, автор мультимедийного проекта «Алло, папа». Павел учится в школе № 583 г. Санкт-Петербурга.

Павел ЛЕБЕДЕВ: — Темой моей работы стала роль семьи в жизни человека, взаимопонимание и поддержка близких. В качестве лейтмотива я выбрал высказывание академика Лихачева: «Счастья достигает тот, кто стремится сделать счастливыми других и готов хоть на время забыть о своих интересах, о себе». Участие в конкурсе дало мне новый опыт, знания и эмоции. Я бесконечно благодарен Дмитрию Сергеевичу за его труды, которые вдохновили меня на создание работы, а также своей семье — без их поддержки у меня бы ничего не получилось.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Слово для защиты своей работы предоставляется Богдану Андреевичу Лялину, учащемуся 11-го класса школы № 23 г. Нижневартовска Тюменской области, автору творческого эссе «Философские системы бывают не только верные или неверные, но интересные, богатые и неинтересные, бедные, скучные. То же религии. К ним может быть и эстетический подход».

Богдан ЛЯЛИН: — Заглавием своей работы я сделал цитату из книги Дмитрия Сергеевича Лихачева «Заметки о русском». Научное и творческое наследие академика Лихачева удивительно разнообразно. Дмитрий Сергеевич Лихачев — ученый-филолог, защитник русской культуры, культуролог и искусствовед, который открыл людям древнерусскую литературу, «оживил» ее, чтобы она стала интересна не только ученым-филологам, но и широкому кругу людей, интересующихся историей российской культуры. Мне кажется, что именно сейчас, в период возрождения в нашем обществе духовно-нравственных ценностей, важно обратиться к творчеству Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Рассуждать о философских взглядах академика Лихачева непросто, ведь он не являлся представителем философской академической школы. Вот что он говорил о научном понимании философии, в частности, марксизма: «70 лет нас воспитывали в пессимизме, в философских учениях пессимистического характера. Ведь марксизм — это одно из самых отчаянно пессимистических учений. Материя преобладает над духом, над духовностью — одно это положение говорит уже о том, что материя, то есть низменное начало, первична, и с этой точки зрения разбирались все литературные, художественные произведения». При этом в фило-

софии самого академика лидирует культурологическая составляющая, она генетически связана с русской религиозностью, старообрядческой самобытностью допетровских времен и сформирована в лучших традициях славянофильства.

Накануне Второй мировой войны человечество задало новый вектор развития философии антропологии: рядовой человек стал властителем философских дум. Свое истинное значение приобрела сократовская трактовка: «Человек — мера всех вещей». Это не был антропоцентризм эпохи Возрождения. Человек уже не титан, а маленький человек со своими проблемами и переживаниями, постоянно находящийся в ситуации выбора. Для Лихачева же выбор заключается в ином. Человеку необходимо с детства воспитывать в себе интеллигентность, умеренность, патриотизм, уважительное отношение к старшим, сохранение исторической культуры. Религиозные и философские доктрины, по мнению Дмитрия Сергеевича Лихачева, людям неинтересны. Поэтому стало возможным появление различных еретических учений, например арианства.

Народ часто реагировал на высокомерие духовенства и его не вполне понятные и скучные теории созданием альтернативных, более простых и доступных для понимания. Религия, независимо от богатства или бедности ее идей, может спровоцировать подчас радикальные изменения в обществе или стать основой для нового этапа развития общества. Об этом же говорит Лихачев, анализируя деятельность старообрядчества в России. Сопrotивляясь внешним условиям, замкнувшись в своем мире, старообрядцы берегли древнерусскую культуру во всем ее многообразии и самобытности: материальные памятники, письменность, книги. Лихачев искренне благодарен своим предкам-старообрядцам за то, что они сохранили культурное наследие Древней Руси. Именно эта культурологическая составляющая и определяет направление его исследований на стыке философии, религии, литературы и искусства.

Как утверждал Лихачев, эстетическое восприятие различных проявлений культуры, в частности русской, позволяет нашим современникам проникать в ее феноменологическую сущность, которая разрастается подобно корневой системе дерева и соединяет поколения и века, формируя настоящую и будущую культуру. Он подчеркивал эстетическую направленность своего исследования, называя литературоведение и искусствоведение науками, которые борются со смертью культуры, осуществляют связь времен и народов, укрепляют единство человечества. При этом культура рассматривается не только с позиции времени, но и с точки зрения пространства. Культурная среда формирует особую сферу человеческого бытия, поэтому, потеряв только одну составляющую часть культуры, мы можем потерять культуру в целом.

Лихачев настаивал на эстетическом восприятии философии культуры как процесса накопления духовных и эстетических ценностей. Именно поэтому он уделял большое внимание сохранению историко-культурных ценностей. В книге «Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст» садово-парковое искусство впервые было рассмотрено как общекультурное семиотическое явление, отражающее во всей полно-

те великие культурно-художественные стили и лежащие в их основе мировоззренческие системы. Академик показывает связь между природой и человеком. Природа меняется не только по собственным законам, но и под влиянием и руководством человека. Сады и парки — тоже часть природы, которая сформирована под антропогенным воздействием и демонстрирует мировоззренческие и философские особенности развития каждого этапа культуры с ее эстетическими представлениями.

Философия Лихачева оптимистично провозглашает первичность духа, приоритет духовной составляющей человека. Таким образом, рассмотрев творчество Лихачева, мы нашли аргументы, подтверждающие мысль о том, что свое истинное величие и общественную значимость философские и религиозные системы могут обрести, только опираясь на реализацию эстетического подхода в восприятии и освоении мира.

Е. Л. КОЛПАКОВА: — Приглашаю на трибуну Анастасию Вячеславовну Ступину из школы № 24 г. Братска Иркутской области. Анастасия — автор мультимедийного проекта «С произведением искусства надо уметь оставаться один на один».

Анастасия СТУПИНА: — Я очень рада, что приняла участие в Международном конкурсе творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность». Еще более ценно, что я стала финалистом! Это позволило мне впервые побывать в Санкт-Петербурге, воочию увидеть вуз, в который я мечтаю поступить, и познакомиться с прекрасными людьми. Я обрела замечательных друзей, с которыми мы вместе участвовали в конкурсе. Большое спасибо тем, кто помогал нам на протяжении всего пути! Мое пребывание здесь стало очень теплым и душевным.

Для своей работы я выбрала близкую мне идею Дмитрия Сергеевича Лихачева: «С искусством надо уметь оставаться один на один». Надеюсь, что мне удалось показать, как много мы приобретаем, когда прикасаемся к искусству непосредственно, и на наше восприятие не влияет мнение других людей, даже специалистов.

Н. В. БУРОВ: — От всей души поздравляю нашу великолепную десятку победителей. Вы сделали важный шаг, когда решили направить свои мысли в то русло, которое было объявлено в качестве условия этого замечательного конкурса. Прекрасно, что такой конкурс в рамках Лихачевских чтений проводится из года в год. И в будущем ребята будут участвовать в творческих конкурсах, посвященных гуманистическим идеям, и выходить во взрослую жизнь уже с хорошим интеллектуальным и духовным багажом. Желаю вам дальнейших успехов на вашем жизненном пути и благослови вас Бог!

А нам всем желаю по-прежнему находить опору и поддержку в тех мудрых мыслях, которые оставил нам академик Лихачев. И помнить о том, что он определил как главное богатство: возможность и способность учиться, а для кого-то — еще и учить. И в любых ситуациях помнить о своей сути человека, которому свойственно не только размышлять, но и чувствовать, различать черное и белое, добро и зло. До новых встреч!

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамова Ю. 372
Азнагулова Г. М. 460
Акаев А. А. 26
Александрова Е. А. 386, 455, 456
Алексанков А. М. 275, 328
Андрienко Е. В. 389, 452
Астафичев П. А. 462
Атлагич С. 31
Аубакирова А. А. 465, 535
Ахаян А. А. 391, 449, 450
Бабич Д. О. 34, 182, 183, 198
Багдасарьян Н. Г. 334, 376, 377
Балибалова Д. И. 466
Барбашина Э. В. 392
Беломестнова М. Е. 441
Беляев Р. 543
Бердникова Э. Н. 394
Бирженюк Г. М. 336
Бойцов Г. 378
Бондарь Н. С. 35
Бронзит К. Э. 396
Брылева Е. А. 469
Бузовский И. И. 39, 170, 181, 187, 189–194, 196–203
Буров Н. В. 541, 546
Бурова Н. В. 277
Вдовина Д. 543
Вербова О. В. 471, 539
Ветчинова М. Н. 398, 458
Волкова Е. В. 400
Воронцов А. В. 339
Габдулхакова В. 542
Гаврилюк А. П. 341, 384
Галис Г. 45, 260
Гарбовский Н. К. 49, 171, 446, 459
Гашкова Е. М. 204, 268
Гись А. 321
Годдард Ч. 53
Гончаров Г. А. 279, 331
Горшков А. С. 402, 448
Гранин Ю. Д. 343, 377–379
Громова М. 544
Громова О. Н. 473
Громыко Ал. А. 56, 172, 177, 194
Гусейнов А. А. 58, 169, 258, 260–262, 264–269, 271, 274
Гусман М. С. 167
Даринская Л. А. 404, 456
Дашкова Е. С. 346, 381
Де Вега Х. М. Д. 61
Дегтярева Д. 543
Денисов А. И. 180, 181
Дмитриева А. А. 67
Дорохова Н. В. 282, 323
Дорская А. А. 474
Драпеко Е. Г. 69, 168, 259, 265, 273
Дробышевский С. А. 476
Дунаев В. Ю. 206, 262
Ермолович Г. П. 478, 536, 537
Ерохина Т. И. 209, 266, 267
Жирохова Е. 377, 378, 383
Запесоцкий А. С. 164, 166–175, 177, 178, 180–185, 187, 258, 259, 261, 318, 370, 445, 526
Заря Ю. 381
Захарищева М. А. 406, 458
Захарова М. В. 167, 179, 187, 189, 191, 192, 197, 200, 202
Зеликина Н. С. 408
Иванов М. 544
Ильинская Е. А. 212, 270, 272, 273
Исаев А. К. 71
Каландаришвили З. Н. 480, 538
Карпович О. Г. 75
Кевин Э. 80
Кефели И. Ф. 85
Кёхлер Г. 88
Ковалев В. А. 482, 529, 530, 533, 538, 539
Ковтунов М. 331
Козьякова М. И. 347, 382, 383
Колпакова Е. Л. 541–546
Комиссаренко С. С. 213
Конев В. А. 410
Костикова О. И. 350, 452
Костина А. В. 92
Костюк Е. Б. 413, 450
Костюк Р. В. 202, 354
Котов А. И. 284, 319, 321
Круглова Л. К. 215, 265
Крусс В. И. 484, 526–528, 540
Кузьмин А. В. 486
Курганская В. Д. 206
Лазутин Л. А. 488
Лановая Г. М. 491, 532, 533
Лалинскас А. А. 305
Лачек Н. 544
Лашук И. В. 201, 415
Лебедев П. 545
Ливеровский А. А. 493
Лисицын Д. 537
Лобок Д. В. 371–373, 376, 377, 379, 381–385
Лялин Б. 545
Ляпунова В. Ю. 299
Майоров М. 379
Макаров Е. И. 96
Максимов А. С. 169
Малыгина И. В. 217, 267
Мамонтов В. К. 172, 196, 197
Маркина К. Н. 220
Марков А. П. 222, 261
Матвеева Л. В. 356, 379, 381
Межевич Н. М. 144
Мельникова А. А. 224, 447–450, 452–454, 456–459
Меттан Г. 99, 176, 197
Мишаров А. 325
Мизринь Л. А. 286
Можина В. А. 372
Морозова Н. Б. 457
Мосейко А. Н. 227
Мосолова Л. М. 420, 446, 454, 457
Мосяков Д. В. 103, 201
Мулламуров С. 534
Муслиенко С. Г. 200, 229
Муханова А. 323
Наумова Г. В. 107, 184, 201
Никонова С. Б. 234, 270
Никулин Н. Н. 288, 327, 330–332
Овчинников А. И. 496
Оганесян С. М. 498, 534, 536
Оль П. А. 500, 531
Осколков С. А. 423
Очередько В. П. 502, 529, 531, 532, 537
Павлова В. В. 290, 326, 327
Пасешникова Л. А. 526–528, 530–537, 539–541
Петрова Н. Д. 504
Петухов В. Г. 505
Покровская Н. Н. 292
Поляков С. Д. 425, 457
Праздников Г. А. 428, 447
Прихач А. Ю. 293, 321, 322
Пронин С. С. 236, 272, 273
Протанская Е. С. 239
Пунченко В. Н. 199, 358
Радевич Е. В. 201, 507
Распопова Н. И. 372, 375
Рой М. С. 374
Рокпло О. 112, 170, 177, 184, 198
Ромашов Р. А. 509, 526–529, 533, 536, 538–540
Рудина И. В. 375
Садовая Е. С. 295, 322, 329, 330
Садохин А. П. 363, 383
Сайганова В. С. 430, 450, 455
Санаи М. 123, 171, 182
Сафонов В. А. 365
Семенов В. П. 297
Сигалов К. Е. 511
Сиднева Т. Б. 433
Ситдикова Р. И. 513, 533, 534
Скоробогатов А. В. 515
Скотникова Г. В. 241
Скурту И. Г. 535
Созинова М. В. 435
Соколова И. В. 437
Соколова С. Н. 243
Степаненко Р. Ф. 517, 537, 538
Стоксет Я. 127, 196, 197
Страхова О. А. 299
Ступина А. 546
Сухоруков И. 379
Сухоруков С. А. 129
Таказов В. Д. 245
Тонков Е. Н. 518
Тощенко Ж. Т. 131, 371, 372, 384
Триодин В. Е. 367
Трофимов В. В. 520, 530–532
Узлов И. 531
Успенская А. В. 135
Федченко А. А. 301, 323
Фейгин Г. Ф. 303, 321, 323–325, 332
Хабриева Т. Я. 140
Хайкин М. М. 305, 321, 322, 330, 332
Харитоновна Е. В. 246, 269
Хлутков А. Д. 144, 173, 190, 193
Хольнова Е. Г. 308, 319, 325, 326, 328, 329, 332, 333
Худяков В. 321
Цветкова Н. Н. 310, 324–326
Чередниченко Г. А. 438, 450, 453, 454
Черешнев В. А. 147, 166, 191–193
Чубарова Т. В. 313, 330, 331
Чумаков А. Н. 249, 264
Шамахов В. А. 200
Шарафадина К. И. 441, 456
Шведова Н. Ю. 315
Шемякин Я. Г. 251, 271
Шемякина О. Д. 253
Шершуков А. В. 150, 373–375, 384
Шмаков М. В. 152, 165, 178
Шумилин А. Г. 156, 193
Энтин В. Л. 522, 534
Югай И. И. 396
Юхнина О. Ю. 255
Яковенко А. В. 160

Научное издание

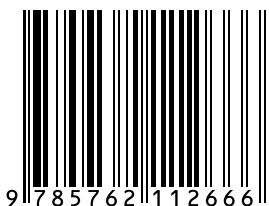
ДИАЛОГИ И КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

XXI МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

25–26 мая 2023 года

Ответственный редактор *А. В. Белевич*
Художественное оформление *А. В. Костюкевич*
Редакторы: *В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*
Технический редактор *Л. В. Климкович*
Корректоры: *Я. Ф. Афанасьева, Т. А. Кошелева*

ISBN 978-5-7621-1266-6

Подписано в печать с оригинала-макета 21.12.2023
Формат 60х90/8. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 68,5. Тираж 500 экз. Заказ № 23587
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15
Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15

В сборнике опубликованы материалы XXI Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 25–26 мая 2023 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина № 587 от 23 мая 2001 года «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». В XXI Чтениях приняли участие представители 11 стран мира.

Среди 164 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены Российской академии наук: А. А. Акаев, Ал. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, Ж. Т. Тощенко, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев и др.; руководители академических институтов и исследовательских центров, преподаватели вузов, известные государственные и общественные деятели, представители СМИ: член Госсовета РФ, председатель ФНПР М. В. Шмаков, первый зам. председателя Комитета Совета Федерации РФ по международным делам А. И. Денисов, первый зам. председателя Комитета Госдумы РФ по культуре Е. Г. Драпеко, зам. руководителя фракции «Единая Россия» в Госдуме РФ А. К. Исаев, ректор Дипломатической академии МИД РФ А. В. Яковенко, директор Департамента информации и печати МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ М. В. Захарова, судья Конституционного Суда РФ (2000–2020) Н. С. Бондарь, директор Высшей школы перевода МГУ, академик Н. К. Гарбовский, первый зам. гендиректора информагентства России «ТАСС» М. С. Гусман, председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга А. С. Максимов и др.

В числе иностранных авторов сборника — зам. министра информации Беларуси И. И. Бузовский, президент Международного института мира GIPRI (Швейцария) Г. Галис, международный эксперт (Филиппины) Х. М. Де Вега, почетный сотрудник Австралийского национального университета Э. Кевин, президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия» Г. Меттан, Чрезвычайный и Полномочный Посол Ирана в РФ (2013–2019) М. Санаи; профессора: С. Атлагич (Сербия), Ч. Годдард (Великобритания), Г. Кёхлер (Австрия), О. Рокпло (Франция), Я. Стоксет (Норвегия) и др.

Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент России Владимир Путин: этот научный форум «отличают насыщенная повестка, заинтересованное участие известных ученых и политиков, общественных деятелей, представителей культуры и искусства. Это позволяет вести продуктивный диалог по важнейшим проблемам современности, предметно обсуждать пути их решения, учитывать весь спектр мнений».